

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Восточн. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

- Равенна и ея древности** О. С.
- Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне** І. Первольфа.
- По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Врину** А. Гареви.
- Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ.** А. Всеволодскаго.
- О древней культурѣ Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка**
- Наша учебная литература**
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты**
- Вопросъ о преподаваніи статистики на Пештскомъ статистическомъ конгрессѣ 1876 года.** С. Матвѣева.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСН.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го февраля 1877 года). *О золотой медали въ память двухкратнаго посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ юбилеевъ Академіи Наукъ въ 1826 и 1876 г.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ Президента Императорской Академіи Наукъ, Высочайше соизволилъ на выбитіе, на счетъ Академіи, особой золотой медали въ память двухкратнаго посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ юбилеевъ Академіи Наукъ въ 1826 и 1876 г.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи министръ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату съ представленіемъ въ копіи удостоеннаго Высочайшаго утвержденія рисунка помянутой медали.

2. (29-го апрѣля 1877 года). *О продолженіи порядка выдачи Евреямъ дозволенныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: существовавшій до 3-го мая 1877 года порядокъ выдачи Евреямъ дозволенныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда продолжить еще на одинъ годъ, по 3-е мая 1878 года.

Объ этомъ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ, объявленномъ министру народнаго просвѣщенія въ выпискѣ изъ журналовъ сего комитета 19-го апрѣля и 3-го мая текущаго года, министръ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату.

3. (2-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

Согласно духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Переславскаго, внесено въ правленіе С.-Петербургскаго университета *тринадцать тысячъ рублей*, заключающіеся въ двадцати билетахъ внутренняго съ выигрышами займа и пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала шести стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: «стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго.

4. (2-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковской Маріинской женской гимназій.*

Статскій совѣтникъ А. Зиберъ представилъ въ попечительный совѣтъ Харьковской Маріинской женской гимназій временное, вполнѣ оплаченное, свидѣтельство за № 5870-мъ на *пятьсотъ руб.* для полученія 5% билета государственнаго банка 4-го выпуска, съ просьбою объ исходатайствованіи принятіи этого капитала, для учрежденія на проценты съ него при упомянутой гимназій, одной стипендіи «имени Татьяны Леонтьевны Зиберъ».

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства о семъ попечителя Харьковского учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

5. (2-го мая 1877 года). *Объ опредѣленіи класса и разряда должностей вице-президента и непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ опредѣленіи класса и разряда должностей вице-президента и непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ и соглашался, въ существѣ, съ заключеніемъ министра народнаго просвѣ-

шенія, *мнѣніемъ положили*: въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 27-го октября 1871 года росписанію должностей Императорской академіи наукъ по классамъ и разрядамъ постановить:

Должности вице-президента и непремѣннаго секретаря академіи полагаются: должность вице-президента—въ IV классѣ, а должность непремѣннаго секретаря въ IV классѣ и IV разрядѣ по шитью на мундирѣ.

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

6. (22-го апрѣля 1877 года). *Объ устройствѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія комисіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ и о расходѣ по выполненію сею комисіею возлагаемыхъ на нее обязанностей.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ устройствѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія комисіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ и о расходѣ по выполненію комисіею возлагаемыхъ на нее обязанностей, *мнѣніемъ положили*:

1) Учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую комисію изъ лицъ отъ разныхъ правительственныхъ учреждений, которыя изъявляютъ согласіе принять участіе въ международномъ обмѣнѣ изданій, на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ упомянутыми учреждениями.

2) Отпустить, въ текущемъ году, сверхсмытнымъ кредитомъ, на расходы означенной комисіи, по выполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей, одну тысячу рублей, съ показаніемъ этихъ денегъ особою 12-ю статьею по § 17 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1877 года.

и 3) Заносить, начиная съ 1-го января 1878 г., въ то же подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія по одной тысячѣ рублей на расходы названной комисіи.

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

7. (6-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи Общества любителей древней письменности.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе Общества любителей древней письменности, съ предоставленіемъ, по бывшимъ примѣрамъ, министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ сего Общества.

О Высочайшемъ повелѣніи этомъ, 'объявленномъ министру народнаго просвѣщенія выпискою изъ журналовъ комитета 26-го апрѣля и 10-го мая сего года, министръ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату.

8. (26-го апрѣля 1877 года). *Объ учрежденіи въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, реальнаго училища.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, реальнаго училища на совмѣстныя средства казны и мѣстныхъ обществъ, *миніемъ полагилъ:*

1) Учредить съ 1-го іюля 1877 г. въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, 6-ти классное реальное училище, съ основными отдѣленіемъ, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанію сего училища, въ теченіе 1877/8 учебнаго года, на средства мѣстныхъ земства и городского общества.

2) Отпускать съ будущаго учебнаго года, то-есть, съ 1-го іюля 1878 г., на содержаніе сего училища, сверхъ жертвуемыхъ мѣстными обществами ежегодно 8,500 руб. и предоставляемаго помѣщенія, еще по *тринадцати тысячъ сто руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства, а всего по *двадцати одной тысячи тѣсти сотъ руб.* въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1878 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина причитающейся на долю казны суммы.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія заносить, на будущее время, всю сумму, которая будетъ отпускаться казною, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемыя мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ деньги показывать пособіемъ государственному казначейству.

4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Велико-Луцкаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городского общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды сего училища.

Государь Императоръ это мѣненіе Высочайше утвердить соизво-
литъ и повелѣтъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

2-го мая 1877 года (№ 4). *Утверждаются на три года:* чинов-
никъ особыхъ порученій министерства финансовъ, V класса, дѣйстви-
тельный статскій совѣтникъ *Фанъ-деръ-Флитъ*—почетнымъ попечите-
лемъ Псковской гимназій, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей Тульского округа *Хомя-
ковъ*—почетнымъ попечителемъ Тульской гимназій.

Потомственный почетный гражданинъ *Крицковъ*—почетнымъ по-
печителемъ Николаевской Царскосельской гимназій.

Членъ попечительства реальнаго училища при евангелическо-лю-
теранской церкви Св. Павла въ Одессѣ, докторъ медицины *Вамеръ*—
почетнымъ попечителемъ сего училища.

Назначается: инспекторъ С.-Петербургской шестой прогимназій,
надворный совѣтникъ *Фокковъ*—окружнымъ инспекторомъ С.-Петер-
бургскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу: экстраординар-
ному профессору Императорскаго университета Св. Владиміра *Ива-
нову*—на годъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлью: доцентъ Импера-
торскаго университета Св. Владиміра, надворный совѣтникъ *Базаровъ*
и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго универси-
тета, докторъ медицины *Глика*—на лѣтнее вакаціонное время 1877 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Москов-
скаго университета, тайный совѣтникъ *Полунинъ*—на лѣтнее вака-
ціонное время 1877 года и двадцать восемь дней.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный
совѣтникъ *Дорнъ*—на три мѣсяца.

Сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго
университета *Любимовъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и
два мѣсяца.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Картевъ*
на одинъ годъ.

Увольняются въ отпускъ, по болѣзни: попечитель Оренбургскаго

учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Лагровскій*, съ 20-го іюня по 1-е августа 1877 года, въ гор. Гапсаль.

Попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Голубцовъ*—на три мѣсяца, съ 1-го іюня 1877 года, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ и во внутрь Имперіи.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (4-го мая 1877 г.). *Правила для стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго капитала въ тринадцать тысячъ рублей учреждается въ С.-Петербургскомъ университетѣ шесть стипендій, по сту рублей въ годъ каждая.

§ 2. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2 мая 1877 года, именуются „стипендіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго“.

§ 3. Означенныя стипендіи назначаются для студентовъ 1-го курса безъ различія факультетовъ.

§ 4. Правленіе университета, на основаніи аттестатовъ объ окончаніи гимназическаго курса, отиѣтокъ, полученныхъ на повѣрочномъ испытаніи, и степени недостаточности просителей, опредѣляетъ кому изъ нихъ можетъ быть назначена стипендія.

§ 5. Опредѣленіе правленія вносится въ совѣтъ университета на утвержденіе.

§ 6. Остающаяся за выдачею сихъ стипендій ежегодная сумма изъ процентовъ можетъ быть выдаваема, на основаніи общихъ постановленій, въ пособія недостаточнымъ студентамъ.

2. (7-го мая 1877 г.). *Правила о стипендіи имени студента Александра Евреинова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Пожертвованный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Евреиновымъ капиталъ въ семь тысячъ пятьсотъ руб. для

содержанія изъ процентовъ съ онаго въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ одного студента, подъ наименованіемъ стипендіата студента Александра Евреиннова, обращается изъ процентовъ въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ, подъ названіемъ „капитала студента Александра Евреиннова“, а билетъ на этотъ капиталъ хранится въ кассѣ правленія С.-Петербургскаго университета.

2) Проценты на весь капиталъ получаютъ къ 1-му января каждаго года.

3) Изъ полученныхъ за круглый годъ процентовъ съ капитала одному изъ своекоштныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, избранному, на основаніи послѣдующихъ пунктовъ, въ стипендіаты студента Александра Евреиннова, выдаются по правиламъ, установленнымъ для подобныхъ выдачъ, ежемѣсячно на содержаніе по двадцати руб. и въ началѣ каждаго полугодія, то-есть, въ январѣ и июлѣ мѣсяцахъ, на эквипировку по тридцати рублей.

4) Выборъ и окончательное назначеніе стипендіата студента Александра Евреиннова предоставляется собранію юридическаго факультета, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С.-Петербургскаго университета. По избраніи такимъ образомъ стипендіата студента Александра Евреиннова, факультетъ доводитъ о семъ до свѣдѣній совѣта университета, для сообщенія правленію о выдачѣ стипендіи.

5) Въ стипендіаты-студента Александра Евреиннова избирается отличнѣйшій по успѣхамъ и поведенію студентъ втораго или третьяго курса юридическаго факультета разряда административныхъ наукъ. Если при таковомъ избраніи будутъ два или болѣе студента, имѣющіе, по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, равныя права на полученіе стипендіи студента Александра Евреиннова, то преимущество должно быть предоставлено: вопервыхъ, православному предъ иновѣрцемъ, и вовторыхъ—болѣе недостаточному изъ конкурентовъ.

6) Если студентъ, избранный согласно этимъ правиламъ въ стипендіаты-студента Александра Евреиннова, въслѣдствіи ослабнетъ въ успѣхахъ образованія (что окажется послѣ годичнаго экзамена при переходѣ стипендіата изъ втораго курса въ третій или изъ третьяго курса въ четвертый), то онъ, по рѣшенію собранія юридическаго факультета, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, можетъ быть лишенъ таковой стипендіи, которая вновь отдается достойнѣйшему изъ студентовъ новаго третьяго курса юридическаго факультета административнаго разряда.

Но если стипендіатъ-студента Александра Евреинова, продолжая успѣшно свои занятія, окончатъ курсъ наукъ со степенью кандидата и пожелаетъ держать экзаменъ на степень магистра политической экономіи и статистики; то для доставленія ему средствъ къ усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію ученой степени магистра и даже доктора по означеннымъ предметамъ, выдача стипендіи студента Александра Евреинова должна продолжаться этому кандидату еще два года, со времени окончанія имъ университетскаго курса, считая всегда срокъ съ 1 числа іюня мѣсяца.

7) Стипендіатъ студента Александра Евреинова, по выбитіи изъ университета какъ по окончаніи курса, такъ и прежде окончанія (если бы онъ по какимъ либо обстоятельствамъ не могъ окончить курса), подчиняется общимъ правиламъ о своекоштныхъ студентахъ, то-есть, не обязывается служить исключительно въ учебномъ вѣдомствѣ, буде добровольно того не пожелаетъ.

3. (19-го мая 1877 года). *Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Аваева при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Тверская городская дума внесла въ мѣстное казначейство *нѣтъ тысячъ руб.* на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала однопой стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, имени потомственнаго почетнаго гражданина Аваева, въ изъясненіе благодарности за пожертвованіе имъ 110.000 руб. на открытіе и содержаніе въ г. Твери бесплатной больницы для бѣдныхъ и другихъ благотворительныхъ заведеній.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го мая 1877 года, именуется „стипендіею потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Аваева“.

3) Выборъ стипендіатовъ при жизни В. П. Аваева долженъ принадлежать ему, а по смерти его—городскому управленію.

4) Стипендіатами могутъ быть только обыватели г. Твери, окончившіе курсъ въ гимназій, или семинаріи, срокъ же выдачи стипендій каждому отдѣльному лицу, во время пребыванія въ университетѣ, долженъ продолжаться въ теченіе семи лѣтъ; при этомъ стипендіатъ лишается права на полученіе стипендіи до истеченія сказаннаго срока въ такомъ только случаѣ, если онъ, пробывъ по два года

на какиѣ бы то ни было двухъ курсахъ, останется на другой годъ вновь на какомъ-либо изъ послѣднихъ курсовъ.

б) Если же стипендіатъ, по окончаніи курса, пожелаетъ для усовершенствованія въ наукахъ остаться въ Москвѣ или отправиться въ заграничный университетъ, то онъ, со времени окончанія курса, пользуется стипендіею въ теченіе двухъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ стипендіантъ долженъ сдать докторскій экзаменъ.

б) Стипендіатъ, по окончаніи курса, въ выборѣ себѣ мѣста служенія, или занятій, остается совершенно свободнымъ, а лишь поставляется въ извѣстность, что для города будетъ весьма желательно, если онъ прослужитъ въ больницѣ В. П. Аваева нѣкоторое время на общихъ основаніяхъ.

4. (18-го мая 1877 года). *Уставъ общества любителей древней письменности.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль и дѣятельность общества.

§ 1. Общество любителей древней письменности имѣетъ цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи, и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библиографическою рѣдкостью, безъ исправленій.

§ 2. Въ кругъ дѣятельности общества не входятъ обнародованіе такихъ письменныхъ памятниковъ, изданіемъ которыхъ занимаются правительственныя учрежденія и ученые общества.

§ 3. Обществу предоставляется однако издавать и эти памятники, но не иначе, какъ въ точныхъ снимкахъ съ воспроизведеніемъ лицевыхъ изображеній и орнаментовъ посредствомъ свѣтонечати, литохроміи, ксилографіи и другими способами.

§ 4. Памятники, изданіе которыхъ входитъ въ кругъ занятій общества, по своему содержанію, образуютъ семь слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Рукописи св. Писанія съ лицевыми изображеніями и безъ оныхъ, но лишь въ точныхъ снимкахъ; отдѣльныя житія святыхъ, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія.

2) Учебники стараго времени, какъ-то: буквари, грамматики, цифрное искусство и проч.; теоретическія статьи по разнымъ наукамъ и искусствамъ; трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.

3) Рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городовъ и монастырей, хожденія и путешествія, древнія карты, планы и рисунки.

4) Историческія сочиненія и переводы, лѣтописи съ лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцевъ и т. д.

5) Рукописи, содержащія произведенія словесности, не исключая и народнои, какъ-то повѣсти, легенды, сборники пѣсенъ и басенъ, драматическія произведенія и т. п.

6) Кромѣ рукописей съ лицевыми изображеніями по предыдущимъ отдѣламъ, вообще рукописи съ лицевыми изображеніями, предназначенныя для точнаго и роскошнаго ихъ воспроизведенія.

7) Отдѣльные листы, воспроизводимые посредствомъ свѣтописи или гравированія, по всѣмъ вышеупомянутымъ отдѣламъ.

§ 5. Общество издастъ отчеты съ приложеніями, въ которыхъ помѣщаются: описаніе рукописей по всѣмъ отдѣламъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, протоколы и годовые отчеты комитета общества, варианты, поясненія, исправленія и указатели къ изданіямъ, напечатаннымъ обществомъ въ теченіе года. Отчетъ и приложенія, составляющія восьмой отдѣлъ, печатаются въ томъ числѣ экземпляровъ, которое будетъ опредѣлено на первомъ собраніи общества.

§ 6. Общество печатаетъ свои изданія въ числѣ двухсотъ экземпляровъ, занумерованныхъ и не поступающихъ въ продажу. Изъ нихъ девяносто экземпляровъ печатается на прочной и высшаго достоинства бумагѣ, и сто десять—на обыкновенной хорошей бумагѣ. Изъ сихъ послѣднихъ, девяносто предоставляется исключительно приобретать библіотекамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но не болѣе какъ по одному экземпляру для каждой библіотеки и съ платою по 30 рублей за годовое изданіе.

§ 7. Общество входитъ въ сношеніе какъ внутри Имперіи, такъ и за границей, съ книгохранилищами, обществами и лицами, отъ которыхъ можетъ ожидать содѣйствія и сообщенія нужныхъ ему свѣдѣній.

Примѣчаніе. Лицамъ этимъ общество можетъ выдавать дипломы на званіе членовъ-корреспондентовъ.

Члены общества, ихъ права и обязанности.

§ 8. Общество состоитъ изъ членовъ-учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

§ 9. Лица, подписавшія проектъ устава, и всѣ лица, которыя впоследствии внесутъ на менѣе четырехъ тысячъ руб. единовременно, считаются членами-учредителями.

§ 10. Дѣйствительными членами считаются тѣ, которые на то изъявятъ желаніе и вносятъ ежегодно по двѣсти рублей или внесутъ единовременно не менѣе четырехъ тысячъ рублей.

§ 11. Число членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ, со включеніемъ подписчиковъ на изданія общества, не превышаетъ семи-десяти.

§ 12. Членами общества могутъ быть также и учрежденія, которыя, въ такомъ случаѣ, имѣютъ право назначать отъ себя представителя. Представитель этотъ пользуется въ собраніяхъ тѣми же правами, какъ и члены общества.

§ 13. Лица, не изъявившія при подпискѣ на изданія общества желанія быть членами общества, а также учрежденія, не назначившія представителя и неприсутствующие почетные члены при счетѣ голосовъ въ собраніяхъ не включаются въ число дѣйствительныхъ членовъ общества.

§ 14. Въ дѣйствительные члены общества могутъ поступать изъявившія на то желаніе лица, не иначе какъ по предложенію трехъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 15. Лица, оказавшія значительныя услуги обществу участіемъ въ издательской его дѣятельности, могутъ быть избираемы въ почетные члены.

§ 16. Число почетныхъ членовъ полагается не свыше десяти, причемъ, въ первые пять лѣтъ существованія общества, избирается не болѣе пяти почетныхъ членовъ. Ранѣе двухъ лѣтъ общество не можетъ приступать къ избранію оныхъ.

§ 17. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ собраніяхъ общества съ правомъ голоса. Они избираютъ и избираются во всѣ должности по обществу.

§ 18. Почетные члены получаютъ на это званіе дипломъ за подписью предсѣдателя и членовъ комитета.

§ 19. Дѣйствительные члены имѣютъ право сообщать комитету о тѣхъ рукописяхъ, изданіе которыхъ было бы имъ желательно, и представлятъ письменно свои предположенія о томъ, что считаютъ полезнымъ для общества. Предложенія, за подписью семи членовъ, по обсужденіи въ комитетѣ, предлагаются на обсужденіе въ одномъ изъ двухъ первыхъ собраній общества.

§ 20. Каждый дѣйствительный членъ принимаетъ на себя обязанность содѣйствовать, зависящими отъ него мѣрами, къ осуществленію цѣли, съ которою учреждено общество.

§ 21. Ежегодно взносы членовъ дѣлаются въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ по наступленіи года. Не внесшій взноса къ 1-му апрѣлю считается сложившимъ съ себя званіе члена, которое предоставляется лицу, изъявившему желаніе вступить въ число членовъ.

§ 22. Дѣйствительные члены получаютъ всѣ изданія общества на лучшей бумагѣ, со времени вступленія ихъ въ число членовъ; на равнаго достоинства экземпляры имѣютъ право и подписчики, платящіе по двѣсти рублей въ годъ.

§ 23. Почетные члены приглашаются въ очередныя и чрезвычайныя собранія и въ послѣднихъ имѣютъ право голоса.

§ 24. Лица, внесшія единовременно 5.000 рублей, могутъ передавать по завѣщанію свои права по обществу; въ случаѣ же отсутствія заявленія со стороны вкладчика, капиталъ остается неприкосновенной собственностью общества.

Управленіе дѣлами общества.

§ 25. Всѣми дѣлами общества, какъ издательскими, такъ и хозяйственными, завѣдуетъ комитетъ на основаніи сего устава.

§ 26. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ обществомъ на три года. Одинъ изъ этихъ трехъ членовъ ежегодно выбываетъ изъ комитета, въ первые два года по жребію, а затѣмъ по очереди. Выбывающій можетъ быть вновь избираемъ.

§ 27. вмѣстѣ съ избраніемъ предсѣдателя и членовъ комитета, избираются четыре кандидата для замѣщенія отсутствующихъ.

§ 28. Предсѣдатель комитета есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель общества; отъ его имени производятся всѣ сношенія по дѣламъ общества съ мѣстами и лицами.

§ 29. Въ случаѣ избранія почетнаго предсѣдателя общества, онъ же предсѣдательствуетъ и въ комитетѣ, если на это изъявитъ свое желаніе.

§ 30. Назначеніе секретаря и казначея общества изъ числа членовъ или постороннихъ для общества лицъ зависитъ отъ предсѣдателя комитета. Секретарь ведетъ протоколы засѣданія, завѣдуетъ перепискою общества и къ годовому собранію prepares отчетъ

о дѣятельности общества за истекшій годъ и программу изданій на слѣдующій. Казначей завѣдуетъ денежными дѣлами и счетами, принимаетъ денежные взносы и пожертвованія какъ отъ членовъ общества, такъ и отъ постороннихъ лицъ.

§ 31. Комитетъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ задачъ общества, и съ этою цѣлью избираетъ на годъ изъ числа членовъ общества по одному, для завѣдыванія каждымъ изъ восьми отдѣловъ. Завѣдываніе двумя отдѣлами можетъ быть предоставлено одному и тому же члену.

§ 32. Завѣдующій отдѣломъ избираетъ изъ числа одобренныхъ къ изданію памятниковъ тотъ, обнародованіе котораго наиболѣе соответствуетъ, по его мнѣнію, цѣли общества и средствамъ, ежегодно назначаемымъ на расходы по отдѣлу.

§ 33. Завѣдующій отдѣломъ можетъ избирать себѣ помощниковъ изъ числа членовъ, желающихъ принять на себя завѣдываніе однимъ изъ подраздѣленій отдѣла.

§ 34. По утвержденіи комитетомъ избраннаго помощника, этотъ послѣдній принимаетъ на себя отвѣтственность по издаваемымъ подъ его наблюденіемъ памятникамъ.

§ 35. На завѣдующихъ отдѣлами лежитъ обязанность привлекать ученыхъ или къ принятію на себя труда приготовить къ изданію какой-либо памятникъ письменности, или къ наблюденію за его печатаніемъ.

§ 36. Предсѣдатель комитета приглашаетъ въ его засѣданія завѣдующихъ отдѣлами, а также и постороннихъ лицъ, во всѣхъ случаяхъ, когда для пользы дѣла то будетъ признано нужнымъ.

Собранія общества.

§ 37. Собранія общества бываютъ очередныя, чрезвычайныя и годовое.

§ 38. Для очередныхъ собраній назначаются особые дни, по опредѣленію комитета. Въ этихъ собраніяхъ представляются работы общества, рукописи и рисунки, читаются пояснительныя записки и свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ и т. п.

§ 39. Въ очередныя и чрезвычайныя собранія, предсѣдателемъ общества могутъ быть приглашаемы, по билетамъ, и постороннія лица.

§ 40. Чрезвычайныя собранія назначаются, смотря по надобности, въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ.

Въ нихъ происходятъ совѣщанія по вопросамъ, или не предусмотрѣннымъ въ настоящемъ уставѣ, или объ управленіи обществомъ; разсмотрѣніе всѣхъ предложеній членовъ общества относительно изданій согласно съ порядкомъ, изложеннымъ въ § 19-мъ; опредѣленіе количества экземпляровъ, въ какомъ слѣдуетъ печатать приложения къ отчету, а также рѣшеніе предложеній объ увеличеніи числа экземпляровъ нѣкоторыхъ изданій общества, наконецъ, разсмотрѣніе заключеній ревизіонной комисіи.

§ 41. Число экземпляровъ изданія, одобреннаго комитетомъ и печатаемаго на счетъ одного изъ членовъ общества, не подлежитъ ограниченію, ни обсужденію въ собраніи.

§ 42. Сметы доходовъ и расходовъ и предположенія о томъ, какіе изъ памятникозъ войдутъ въ изданія общества на слѣдующій годъ, объявляются членамъ за двѣ недѣли до послѣдняго годоваго чрезвычайнаго собранія.

§ 43. Въ день учрежденія общества, происходитъ годовое собраніе, въ которомъ комитетъ представляетъ отчетъ о дѣятельности общества, и происходятъ выборы предсѣдателя и членовъ учредительнаго комитета, а также членовъ ревизіонной комисіи.

§ 44. Во всѣхъ собраніяхъ общества, въ отсутствіе предсѣдателя, мѣсто его занимаетъ кандидатъ на эту должность.

§ 45. Для разсмотрѣнія отчета о дѣйствіяхъ общества за истекшій годъ и правильности произведенныхъ расходовъ, въ годовомъ собраніи, избирается ревизіонная комисія изъ трехъ членовъ, которая свое заключеніе представляетъ въ слѣдующее, за годовымъ, чрезвычайное собраніе.

Средства общества.

§ 46. Денежныя средства общества состоятъ:

- а) изъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, который образуется изъ единовременныхъ взносовъ членовъ;
- б) изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ общества;
- в) изъ денегъ, поступающихъ отъ подписки на изданія общества;
- г) изъ пожертвованій въ пользу общества;
- д) изъ остатковъ предыдущаго года.

§ 47. Капиталы, принадлежащіе обществу, обращаются на имя общества въ государственные фонды или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранятся въ одномъ изъ государственныхъ учрежденій. Взносы подписчиковъ поступаютъ прямо на

текущій счетъ общества въ кредитное учрежденіе. Годовой билетъ на званіе члена выдается казначеимъ общества.

§ 48. Расходы производятся по протоколамъ комитета, и разсматриваются въ порядкѣ, указанномъ въ § 45.

§ 49. Всѣ годовыя денежныя средства дѣлятся на равныя части между восемью отдѣлами, перечисленными въ §§ 4 и 5.

§ 50. Смиты расходоу не подлежатъ ежегодному утвержденію общества, такъ какъ оныя опредѣляются самимъ уставомъ на основаніи предыдущаго §.

§ 51. Сумма, остающаяся неизрасходованною по одному отдѣлу смиты, не можетъ быть перевесена на другой и причисляется къ смитѣ слѣдующаго года. Назначеніе этой суммы опредѣляется въ чрезвычайномъ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ.

Порядокъ измѣненія статей устава.

§ 52. Предложенія объ измѣненіи статей устава, за подписью не менѣе семи членовъ, по докладу комитета, обсуждаются въ одномъ изъ двухъ первыхъ чрезвычайныхъ собраній общества.

§ 53. Предсѣдатель ходатайствуетъ объ измѣненіи статьи или статей устава, если на то послѣдуетъ постановленіе $\frac{2}{3}$ голосовъ чрезвычайнаго собранія, составляющихъ болѣе половины всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества, имѣющихъ постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ, считая голоса на основаніи § 13.

5. (19-го мая 1877 г.). *Правила о стипендіяхъ имени Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ восемнадцать тысячъ рублей, завѣщаннаго вдовою генераль-маіора Екатериною Михайловною Поляковой, учреждаются при Московскомъ университетѣ три стипендіи, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го мая 1877 года, именуются „стипендіями Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой“

2) Стипендіи, въ 300 рублей каждая, пазначаются студентамъ медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія, одобрительнаго поведенія и отличающимся успѣхами въ наукахъ.

3) Право избранія стипендіатовъ предоставляется медицинскому факультету; избранные факультетомъ стипендіаты утверждаются советомъ университета.

часть схс:1, отд. 1.

2

4) Стипендіатъ можетъ пользоваться стипендіею не болѣе года на одномъ и томъ же курсѣ, а потому не перешедшій послѣ годоваго пребыванія на курсѣ на слѣдующій курсъ, или если будетъ замѣченъ въ неодобрительномъ поведеніи, лишается стипендіи.

6. (19-го мая 1877 г.). *Положеніе о преміи Юрія Ѳеодоровича Самарина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Въ память ученой и общественной дѣятельности Юрія Ѳеодоровича Самарина учреждаются денежныя преміи за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи ¹⁾, каковыя преміи, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 мая 1877 г., именуются „преміями Юрія Ѳеодоровича Самарина“.

2. Собранный для выдачи премій капиталъ, заключающійся въ билетахъ Коммисіи погашенія долговъ на *десять тысячъ рублей*, передается на храненіе Императорскому Московскому университету и остается навсегда неприкосновеннымъ, а преміи выдаются изъ % отъ капитала, чрезъ каждыя три года.

3. За сочиненіе вполне удовлетворительное выдается полная премія, т.-е., та сумма, какая составитъ изъ процентовъ, накопившихся, въ теченіе трехъ лѣтъ, на означенный капиталъ.

4. За сочиненія не вполне удовлетворительныя, но въ значительной мѣрѣ соответствующія требованіямъ программы (см. п. 6), могутъ быть выдаваемы преміи въ половинномъ размѣрѣ.

5. Премія, оставшіяся не присужденными или не выданными по какимъ-либо обстоятельствамъ, помѣщаются въ кредитное установленіе, отдѣльно отъ основнаго капитала, для приращенія процентами и могутъ быть присуждены въ продолженіе двухъ послѣдующихъ трехлѣтій, независимо отъ срочныхъ премій. Если же эти невыданныя премія не будутъ присуждены къ выдачѣ въ означенный выше срокъ, то вмѣстѣ съ наросшими процентами приобщаются къ неприкосновенному капиталу, съ дѣлію увеличенія размѣра постоянныхъ премій.

6. Сочиненія, дающія право къ соисканію премій, должны удовлетворять требованіямъ приложенной къ настоящему положенію программы.

¹⁾ Всѣ сочиненія, имѣющія быть отпечатанными, должны подвергнуться общему установленному цензурнымъ правиламъ.

7. Къ соисканію премій допускаются не только сочиненія, представленныя на конкурсъ ихъ авторами, но и вообще всѣ сочиненія, которыя, соотвѣтствуя требованіямъ программы, указанной въ п. 6, вышли въ свѣтъ не ранѣе 6 лѣтъ до наступленія срока присужденія премій.

8. На первыя два трехлѣтія, при равныхъ другихъ достоинствахъ, дается преимущество сочиненіямъ, относящимся до системы податной, передвиженія крестьянскаго населенія и сельскаго кредита.

9. Не допускаются къ соисканію премій сочиненія профессоровъ и вообще должностныхъ лицъ Московскаго университета.

10. Присужденіе премій предоставляется Императорскому Московскому университету. Съ этою цѣлію совѣтъ университета образуетъ за годъ до срока, назначеннаго для присужденія премій, особую комисію изъ семи членовъ, избирая въ оную трехъ членовъ изъ числа профессоровъ университета и двухъ изъ другихъ лицъ, которыя, своими спеціальными занятіями по предмету допускаемыхъ къ соисканію сочиненій, могли бы быть особенно полезны при ихъ разсмотрѣніи. Кромѣ того, совѣтъ приглашаетъ въ комисію поименно одного члена изъ гласныхъ Московскаго губернскаго земства и одного изъ гласныхъ Московской городской думы. Предсѣдатель комисіи избирается изъ среды ея членовъ самою комисіею.

11. Комисія собирается по мѣрѣ надобности, для опредѣленія: какія сочиненія изъ представленныхъ на конкурсъ или хотя и не представленныхъ, но извѣстныхъ комисіи своимъ достоинствомъ, могутъ быть допущены къ соисканію премій. Выбѣсъ съ тѣмъ Комисіа распредѣляетъ допущенныя къ соисканію премій сочиненія, для разсмотрѣнія и обсужденія ихъ достоинства, между ея членами и посторонними лицами, извѣстными комисіи своими спеціальными занятіями по тому или другому предмету, допущенному къ соисканію премій.

12. Разборы сочиненій представляются въ Комисію не позже 1-го октября того года, который предшествуетъ сроку, назначенному для присужденія премій.

13. По выслушаніи всѣхъ представленныхъ разборовъ сочиненій, комисія дѣлаетъ постановленіе о присужденіи премій. Для дѣйствительности такого постановленія требуется большинство не менѣе пяти голосовъ. За рукописное сочиненіе можетъ быть назначена премія лишь въ томъ случаѣ, когда оно по своему достоинству выходитъ

изъ ряда всѣхъ находившихся въ разсмотрѣніи сочиненій и если есть полная гарантія, что оно будетъ напечатано.

14. О присужденныхъ черезъ каждые три года премійхъ объявляется Совѣтомъ Московскаго университета 19-го февраля и за тѣмъ отчетъ Комисіи о преміяхъ печатается въ столичныхъ періодическихкихъ издапіяхъ.

15. Дополненія и измѣненія, которыхъ, съ теченіемъ времени, могли бы потребовать настоящее положеніе и программа, допускаются не ранѣе какъ по истеченіи первыхъ трехъ трехлѣтій со времени изданія оныхъ и безъ всякаго отступленія отъ главнаго содержанія положенія и программы, состоящаго въ томъ, что премія назначаются исключительно за сочиненія по крестьянскому и земскому дѣлу въ Россіи.

7. (19-го мая 1877 г.). *Программа для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Юрія Федоровича Самарина.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Къ соисканію на преміи Юрія Федоровича Самарина допускаются сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи ¹⁾, а именно:

1. Сочиненія, предметъ которыхъ составляетъ исторія освобожденія крестьянъ въ Россіи изъ крѣпостной зависимости, и которыя заключаютъ въ себѣ полное и подробное изложеніе всего хода крестьянской реформы или, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ главныхъ ея періодовъ, а именно: либо, во 1-хъ, исторію всего хода приготовительныхъ и законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу, включая въ то число и всѣ законодательныя мѣры и попытки правительства къ разрѣшенію онаго, относящіяся къ царствованіямъ предшествующимъ, либо, во 2-хъ, подробную исторію приведенія въ исполненіе положенія 19-го февраля 1861 г. и послѣдующихъ связанныхъ съ онымъ положеній, касающихся отдѣльныхъ видовъ крестьянскаго сословія.

Сочиненія втораго рода могутъ относиться и не до цѣлой Россіи, но они должны обнимать, по крайней мѣрѣ, губерніи, на которыя распространяется одно изъ мѣстныхъ положеній; но для губерній, въ коихъ введено великороссійское положеніе, означенныя сочиненія

¹⁾ Всѣ сочиненія, имѣющія быть отпечатанными, должны подвергнуться общему установленнымъ цензурнымъ правиламъ.

могутъ ограничиться болѣе или менѣе значительною группою губерній, но менѣе однакожъ пяти.

2. Сочиненія, представляющія самостоятельныя и полныя изслѣдованія отдѣльныхъ практическихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ развитіемъ и улучшеніемъ хозяйственной, умственной и нравственной жизни сельскаго населенія.

Къ такого рода предметамъ относятся вопросы: а) о системѣ податей и сборовъ, взимаемыхъ съ крестьянъ; б) о передвиженіи крестьянъ, въ видахъ постоянного водворенія въ другихъ мѣстахъ или для пріисканія себѣ заработковъ и о связанныхъ съ таковымъ передвиженіемъ постановленіяхъ и порядкахъ; в) объ общинномъ и личномъ землевладѣніи; г) о краткосрочномъ кредитѣ для земледѣльцевъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и о долгосрочномъ кредитѣ для послѣднихъ; д) объ общественномъ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ судахъ, въ связи съ юридическими народными обычаями; е) объ организаціи сельской школы, о мѣрахъ въ обезпеченію ея правильнаго постояннаго содержанія и порядкѣ наблюденія за нею.

Сочиненія этого рода должны заключать въ себѣ не только возможно полный очеркъ современнаго положенія разсматриваемаго вопроса и подробный разборъ вліянія, оказываемаго настоящимъ положеніемъ его на бытъ земледѣльческихъ классовъ, но еще, въ особенностяхъ, указаніе и подробное развитіе тѣхъ специальныхъ мѣръ, которыя, по отношенію къ каждому изъ разсматриваемыхъ предметовъ, могутъ оказать вліяніе на улучшеніе народнаго быта.

3. Сочиненія, обнимающія обширное и подробное статистическое изслѣдованіе цѣлыхъ отдѣльныхъ сторонъ хозяйственнаго быта сельскаго населенія, если не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе однородныхъ губерніяхъ.

Такого рода изслѣдованія могутъ касаться: а) подробнаго описанія и оцѣнки работъ по найму за деньги или за иное какого-либо рода вознагражденіе, производимыхъ въ чужихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ (шадѣльческихъ и крестьянскихъ же), въ промысловыхъ заведеніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ крестьянами, какъ принадлежащими къ дворянству, шадѣльнымъ землею, такъ и безземельными; б) возможно точнаго опредѣленія годоваго бюджета (дохода и расхода) крестьянскаго хозяйства въ связи съ инвентаремъ крестьянскаго имущества.

Въ сочиненіяхъ этого рода должны быть, между прочимъ, также

подробно указаны тѣ измѣненія, какія крестьянская реформа внесла въ избранный для изслѣдованія предметъ.

4. Сочиненія, заключающія въ себѣ обстоятельное статистическое изслѣдованіе современнаго положенія, т.-е. хозяйственнаго, умственнаго и нравственнаго быта крестьянскаго сословія, въ цѣлыхъ отдѣльных мѣстностяхъ Россіи, и во всякомъ случаѣ не менѣе какъ, по крайней мѣрѣ, въ одной цѣлой губерніи.

Отъ сочиненія этого рода требуется возможно полное собраніе, провѣрка и критическая оцѣнка всѣхъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ всего нагляднѣе выражается бытъ всѣхъ разнаго наименованія крестьянъ въ описываемой мѣстности; а съ другой стороны, такое сочиненіе должно представить подробное изслѣдованіе вліянія, которое оказали на бытъ крестьянъ, какъ сама крестьянская реформа, такъ и другія, одновременно съ нею воздѣйствовавшія на него, причины, какъ-то, вліянія системы прямыхъ податей, паспортныхъ правилъ, преобразование винныхъ акцизовъ и порядки отбыванія воинской повинности, и друг.

5. Сочиненія, представляющія самую подробную всестороннюю, основанную непремѣнно на личномъ наблюденіи, полную земскую статистику и изслѣдованіе болѣе ограниченной мѣстности, состоящей лишь изъ одного или нѣсколькихъ смежныхъ и однородныхъ уѣздовъ или даже изъ нѣсколькихъ волостей, въ общей совокупности представляющихъ однако народонаселеніе не менѣе двадцати тысячъ жителей.

Сочиненіе этого рода должно, при большей надобности, соответствовать условіямъ, указаннымъ для сочиненій, предметъ которыхъ изложенъ въ предшествующемъ параграфѣ; но оно должно, сверхъ сего, обнимать, по возможности, всѣ бытовыя стороны матеріальной и духовной жизни всего мѣстнаго населенія, и притомъ, не довольствуясь однимъ описаніемъ ихъ, оно должно представить объясненіе тѣхъ разнообразныхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ мѣстная жизнь сложилась въ данномъ видѣ, и указать существующія практическія препятствія къ улучшенію народнаго быта и лучшіе способы къ устраненію этихъ препятствій.

Въ представляемомъ сочиненіи должно быть также подробно и отчетливо изложено дѣйствіе на изслѣдуемую мѣстность какъ крестьянской реформы, такъ и другихъ важнѣйшихъ, послѣдовавшихъ за нею законодательныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія.

При этомъ особенное вниманіе имѣетъ быть обращено: на распре-

дѣленіе поземельной собственности между разными классами населенія; на способы владѣнія и пользованія землею и переходы отъ одного способа къ другому; на передѣлы, на семейные раздѣлы въ крестьянскомъ сословіи и на то же явленіе въ средѣ прочихъ сословій; на порядокъ и условія найма владѣльческихъ земель; на приобрѣтеніе поземельныхъ участковъ въ общественную или въ личную, мелкую собственность, и на способы веденія хозяйства на такихъ земляхъ; на сравнительную обработку и степень производительности и удобрения земли въ господскомъ и крестьянскомъ хозяйствѣ, при томъ, какъ въ періодъ предшествующій освобожденію крестьянъ, такъ и въ послѣдующее за тѣмъ время; на количество скота и состояніе рабочаго инвентаря у землевладѣльцевъ и крестьянъ; на положеніе безземельнаго населенія и его способы къ существованію; на хозяйство крестьянъ, лишенныхъ рабочаго скота и хозяйство крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ право на земельный надѣлъ, но на дѣлѣ не пользующихся имъ; на работы по пайму въ чужомъ хозяйствѣ; на передвиженія населенія для присканіи заработковъ; на выселеніе крестьянъ въ другія мѣстности и переселенія крестьянъ изъ другихъ краевъ въ описываемую мѣстность, размѣры, условія и порядокъ такого передвиженія; на домашнюю утварь, одежду и пищу крестьянъ; на сельскія постройки и топливо; на состояніе мѣстныхъ лѣсовъ и дѣны на лѣсной матеріалъ; на страхованіе отъ огня, размѣры и вліяніе пожаровъ и мѣры, противъ нихъ принимаемыя; на мѣры охраненія народнаго здравія; на скотскіе падежи и предохранительныя противъ нихъ мѣры; на состояніе мѣстныхъ путей сообщенія и участіе земства, городовъ, сельскихъ обществъ и частныхъ землевладѣльцевъ въ устройствѣ и содержаніи ихъ; на мѣстные сельскіе и городскіе промыслы, торговлю и базары; на отношеніе населенія къ церкви и состояніе мѣстныхъ училищъ; на отношеніе къ нимъ мѣстнаго населенія и развитіе грамотности; на движеніе народонаселенія, и проч.

8. (20-го мая 1877 г.). *Циркулярное предложеніе и. попочителемъ учебныхъ округовъ о требованіи отъ лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика и помощника, знанія только одного латинскаго языка.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ, по поводу циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ производства испытаній на званіе аптекарскаго ученика и помощника, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія за разъясненіемъ: слѣдуетъ ли испытательному комитету учебнаго округа требовать отъ

лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика и помощника, знанія обоихъ древнихъ языковъ, или же одного латинскаго, какъ это было до сего времени, на основаніи 485 ст. т. 13 Св. Зак. (изд. 1857 г.), а также слѣдуетъ ли подвергать дополнительному экзамену изъ греческаго языка лицъ, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ, и такихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, гдѣ еще не введено преподаваніе греческаго языка.

Вопросы эти предложены были г. министромъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который, имѣя въ виду, что курсъ фармацевтическаго образованія какъ въ аптекахъ для учениковъ, такъ и въ университетахъ для фармацевтовъ, имѣетъ почти исключительно практическій характеръ, и что размѣры этого образованія во всякомъ случаѣ значительно ниже университетскихъ, а также что характеръ служебной дѣятельности фармацевтовъ и провизоровъ не столько научный, сколько техническій и коммерческій, положилъ, что для подготовленія къ фармацевтической профессіи вполне достаточно знанія одного латинскаго языка въ размѣрахъ прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Точно также, по мнѣнію комитета, въ число аптекарскихъ учениковъ могутъ быть допускаемы и воспитанники реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ экзаменомъ изъ одного латинскаго языка, равно и воспитанники, окончившіе курсъ четырехъ классовъ духовныхъ училищъ, съ дополнительнымъ экзаменомъ по тѣмъ предметамъ, преподаваніе которыхъ въ училищѣ стоитъ ниже, чѣмъ въ прогимназіяхъ. Что же касается экзамена на званіе аптекарскаго помощника, то порядокъ и размѣры этого экзамена точно опредѣлены существующими въ законѣ правилами, по которымъ требуется, чтобы экзаменующійся представилъ только свидѣтельство, съ которымъ онъ былъ принятъ въ аптеку, какъ аптекарскій ученикъ, и выказалъ бы достаточныя познанія въ специальныхъ предметахъ. Слѣдовательно, при этомъ экзаменѣ, по мнѣнію комитета, едва ли можетъ быть вопросъ о греческомъ языкѣ.

Такое мнѣніе ученаго комитета сообщено было на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, который, основываясь на рѣшеніи медицинскаго совѣта, согласился вполне съ изложенными въ немъ соображеніями ученаго комитета.

Объ этомъ имѣю честь, по порученію г. министра, увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго руководства по вѣренному вамъ учебному округу.

9 (8-го іюня 1877 г.). *Циркулярное предложеніе Гл. попечителя учебнѣхъ округовъ о порядкѣ введенія пересмотрѣнныхъ учебнѣхъ плановъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія*

Въ циркулярномъ предложеніи моемъ отъ 31-го іюля 1872 г., при которомъ были препровождены, утвержденны мною въ то же время учебныя планы предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, мною было заявлено, между прочимъ, что всѣ соображенія въ пользу отступленія отъ означенныхъ плановъ и въ пользу измѣненія приложенныхъ къ нимъ примѣрныхъ программъ, заявляемыя учебными начальствами округовъ въ ихъ годовыхъ отчетахъ, „будутъ приняты министерствомъ во вниманіе въ видахъ постепеннаго улучшенія предложенныхъ тогда къ исполненію учебныхъ плановъ, такъ, чтобы мало по малу, путемъ указаній опыта и при участіи всего педагогическаго сословія нашихъ гимназій и прогимназій, былъ выработанъ по каждому предмету наиболѣе удовлетворительный нормальный учебный планъ“.

На первыхъ порахъ по введеніи новыхъ учебныхъ плановъ, отступленія отъ нихъ въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были довольно многочисленны и неизбежны, какъ то и было предусмотрено въ вышеозначенномъ моемъ предложеніи, ибо ученики старшихъ классовъ, начиная уже съ III-го, въ предшествовавшіе годы обучались при другомъ числѣ уроковъ по разнымъ предметамъ и вообще всѣ по другимъ учебнымъ планамъ; но этого рода отступленія, вызванныя лишь временными обстоятельствами, имѣли временный и случайный характеръ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе были устранимы и ни въ какомъ случаѣ не могли служить указаніемъ на потребность какихъ-либо существенныхъ улучшеній въ учебныхъ планахъ 1872 года. Указаній же послѣдняго рода за все истекшее пятилѣтіе было вообще весьма немного, учебныя планы вообще (за исключеніемъ только по математикѣ въ IV-мъ классѣ) были выполняемы безъ всякаго затрудненія и безъ малѣйшаго обремененія для учениковъ, и ученіе даже и посредственныхъ учениковъ съ каждымъ годомъ было все болѣе и болѣе успѣшно, принося все лучшіе результаты, изъ чего несомнѣнно вытекаетъ, что вообще учебныя планы 1872 г., за весьма немногими исключеніями, были составлены такъ удовлетворительно, какъ только было возможно при тогдашнихъ условіяхъ, именно при двухгодичномъ курсѣ VII класса, который обусло-

вливалъ выдѣленіе для этого класса по каждому предмету такихъ курсовъ, которые могли бы чередоваться между собою изъ года въ годъ безъ большаго ущерба для правильнаго образованія учащихся.

Если тѣмъ не менѣе я поручилъ пересмотръ означенныхъ учебныхъ плановъ особой комисіи изъ соотвѣтственныхъ членовъ Ученаго Комитета, директоровъ всѣхъ С.-Петербургскихъ гимназій и 6-ти классныхъ прогимназій и инспекторовъ С.-Петербургскихъ 4-хъ классныхъ прогимназій, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Ученаго Комитета, то пересмотръ этотъ вызванъ главнѣйше тѣмъ, что вышеуказанное неблагопріятное условіе нынѣ устранено и VII классъ съ двухгодичнымъ курсомъ нынѣ почти во всѣхъ уже гимназіяхъ замѣненъ самостоятельными классами VII-мъ и VIII-мъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Пересмотръ учебныхъ плановъ 1872 г. сдѣлался необходимымъ уже по этой одной причинѣ; но при этомъ желательно было сдѣлать въ нихъ и другія улучшенія, указанныя педагогической практикой въ истекшее пятилѣтіе, дабы такимъ образомъ пересмотрѣнные и вновь утвержденные нынѣ учебные планы могли имѣть силу на время сколь можно болѣе продолжительное, и чтобы дальнѣйшія въ нихъ улучшенія обусловливались лишь успѣхами самихъ наукъ, а отчасти также нашей учебной литературы и учебной практики, и болѣе высокимъ научнымъ и дидактическимъ уровнемъ самихъ преподавателей.

Изъ сопровождаемыхъ мною при семъ къ исполненію учебныхъ плановъ ваше превосходительство усмотрите, что:

1) Учебные планы по закону Божію, по краткому курсу естествовѣдѣнія и по обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ не подверглись никакому измѣненію.

2) Курсъ физики остался тотъ же, что и въ 1872 г.; но, благодаря раздѣленію VII класса на два класса, учебный матеріалъ этого предмета распределенъ иначе между классами и съ болѣею послѣдовательностью.

3) Точно также и вслѣдствіе той же причины, измѣнено распредѣленіе по классамъ учебнаго матеріала по всеобщей исторіи, такъ что за эпизодическимъ курсомъ III и IV классовъ (оставшимся почти безъ измѣненія) слѣдуетъ въ непрерывной хронологической послѣдовательности систематическій курсъ всеобщей и русской исторіи; но при этомъ, въ видахъ устранинія замѣченной въ истекшее пятилѣтіе нѣкоторой отрывочности и неполноты свѣдѣній учащихся, а) устанавливается, хотя и параллельное для каждаго класса, но отдѣль-

ное преподаваніе всеобщей и русской исторіи до времени Петра Великаго, съ котораго начинается изложеніе русской исторіи въ связи со всеобщей, и б) расширяется нѣсколько курсъ общей исторіи среднихъ вѣковъ, въ особенности внесеніемъ въ оный фактовъ изъ исторіи восточныхъ и западныхъ Славянъ и Византійской имперіи по естественной связи ихъ съ русской исторіей. Такимъ образомъ прежнія примѣрные программы курсовъ эпизодическаго и систематическаго остались почти безъ переменъ (кроме отдѣленія матеріала по русской исторіи отъ матеріала по всеобщей до временъ Петра Великаго), за исключеніемъ программы исторіи среднихъ вѣковъ, которая вновь составляема.

4) Раздѣленіе VII класса на два особые класса дало также возможность полнѣе осуществить то желаніе, которое было высказано въ учебномъ планѣ ¹⁾ 1872 г. по русскому языку и словесности, а именно ввести въ VI, VII и VIII классахъ краткій обзоръ исторіи русской литературы, а въ V краткій систематическій курсъ теоріи словесности, не приурочивая ихъ, какъ было прежде, только къ изученію образцовыхъ произведеній русской литературы, но и не отодвигая этого изученія на задній планъ: теорія и исторія должны идти рука объ руку и параллельно съ этимъ изученіемъ. Выбѣстъ съ тѣмъ, въ учебномъ планѣ по русскому языку и словесности, согласно съ указаніями опыта, а) усиленъ грамматическій учебный матеріалъ приготовительнаго класса, что и вполне достижимо, какъ указалъ опытъ многихъ гимназій и прогимназій, и необходимо для безпрепятственнаго изученія латинской грамматики въ I классѣ, и б) точнѣе разграниченъ по классамъ и точнѣе опредѣленъ грамматическій матеріалъ низшихъ трехъ классовъ; ученіе же о періодахъ, нѣсколько затруднявшее учениковъ IV класса, отнесено къ V классу, къ курсу стилистики (о періодической рѣчи). Введеніе систематическаго курса теоріи словесности въ V классѣ и краткаго обзора исторіи русской литературы въ хронологическомъ порядкѣ въ VI, VII и VIII классахъ не представитъ особыхъ затрудненій ни для преподавателей, ни для учащихся, ибо этимъ путемъ будетъ устранена необходимость весьма пространныхъ теоретическихъ и историко-литературныхъ объясненій, которыя прежде брали очень много времени при разборѣ образцовыхъ произведеній русской словесности. Впрочемъ, и опытъ

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 218 и 219 Сборн. постановл. и распоряж. гимн. и прогимн.

многихъ гимназій, гдѣ уже и въ истекшее пятилѣтіе преподавался такой обзоръ исторіи русской литературы, показали, что дѣло это можетъ быть ведено съ полнымъ успѣхомъ при положенномъ нынѣ числѣ уроковъ по русскому языку и словесности. Наконецъ, во II классѣ устраиваются ознакомленіе учениковъ съ главными церковнославянскими формами, такъ какъ оно имѣло лишь служебную цѣль—облегчить пониманіе молитвъ и текстовъ на урокахъ изъ закона Божія, а эта цѣль можетъ быть вполне достигнута и дѣйствительно достигается и самими законоучителями, а въ V классѣ точно также устраивается сообщеніе нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ логики, такъ какъ свѣдѣнія эти удобнѣе могутъ быть сообщены особо въ курсѣ логики.

5) По древнимъ языкамъ, точно также по указаніямъ опыта, найдено болѣе полезнымъ: а) сколь можно точнѣе опредѣлить учебный матеріалъ по латинской грамматикѣ для трехъ низшихъ классовъ; б) сократить нѣсколько этимологическій матеріалъ I класса, дабы при прохожденіи его не было надобности вдаваться въ болѣе сложныя синтаксическія правила о временахъ и наклоненіяхъ, а вслѣдствіе того иначе разбѣстить весь прежній матеріалъ по тремъ низшимъ классамъ, но такъ, чтобы онъ былъ весь пройденъ въ нихъ; в) въ видахъ облегченія учениковъ IV класса, гдѣ въ концѣ года производится полное письменное и устное испытаніе изъ всего пройденнаго за четыре предшествующіе года, перенести краткое наложеніе просодія и ученіе о гекзаметрѣ въ V-й классъ и въ этомъ же классѣ сосредоточить чтеніе Овидія; г) по греческому языку начинать систематическій курсъ синтаксиса уже въ V классѣ во второе полугодіе, буде окажется, что ученики вполне совладали съ этимологіей; д) въ VI классѣ и во второе полугодіе продолжать чтеніе одного изъ аттическихъ или близкихъ къ аттицизму писателей (Исократъ, Арріана, Лукіана и т. д.), дабы облегчить ученикамъ усвоеніе проходящаго въ этомъ классѣ синтаксиса аттическаго діалекта и дабы они могли еще болѣе утвердиться въ этимологіи этого же діалекта, чтеніе же Геродота (преимущественно послѣднихъ 4-хъ книгъ его о греко-персидскихъ войнахъ) сосредоточить исключительно въ VII классѣ; е) въ VII классѣ одинъ часъ отъ чтенія Иліады перевести на чтеніе Платона (Апологія или Критонъ), дабы такимъ образомъ ученики совмѣстно съ прохожденіемъ логики, отпесенной къ этому же классу, начали читать и одного изъ величайшихъ мировыхъ философовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они въ каждомъ классѣ имѣли дѣло хотя бы

съ однимъ аттическимъ писателемъ, и ж) въ VIII классѣ удѣлить одинъ урокъ отъ чтенія Демосоеена или Фукидида на чтеніе того же Платона, дабы ближе ознакомиться съ нимъ и имѣть возможность примѣнить приобрѣтенныя ими свѣдѣнія по логикѣ къ разбору его діалоговъ (Эвтидемъ, Лахесъ или Hippias major).

6) Учебный планъ логики нынѣ впервые предлагается мною къ исполненію, самое же преподаваніе этого предмета отнесено къ VII, а не къ VIII классу, частію чтобы, какъ выше сказано, ученики старшаго класса воспользовались своими свѣдѣніями по этому предмету при чтеніи и разборѣ философскихъ сочиненій Платона, а частію руководились ими при собственныхъ своихъ сочиненіяхъ на отечественномъ языкѣ, а наконецъ, и въ силу того соображенія, что въ VIII классѣ учебное время нѣсколько короче, чѣмъ въ VII, гдѣ нѣтъ устныхъ испытаній и гдѣ правильное ученіе продолжается до конца учебнаго года, и введеніе новаго предмета въ VIII классѣ могло бы обременить и затруднить учениковъ и повредить успѣхамъ самаго предмета. Свѣдѣнія изъ логики предположено пополнить необходимѣйшими свѣдѣніями изъ психологій, такъ чтобы всѣми учениками былъ пройденъ этотъ краткій препедевтический курсъ философіи.

7) Курсъ географіи, а равно и распредѣленіе его по классамъ, оставлены почти въ прежнемъ видѣ, по при этомъ курсъ этотъ а) несравненно точнѣе опредѣленъ, чрезъ что устранится много лишняго матеріала, который мѣстами былъ прежде сообщаемъ ученикамъ, и б) при повтореніи этого курса въ VII и VIII классахъ вниманіе сосредоточивается преимущественно на отечественной географіи.

Наконецъ, 8) что касается до математики, то и здѣсь раздѣленіе VII класса на два особые класса дало возможность сосредоточить повтореніе всего гимназическаго курса этого предмета въ VIII классѣ и на это повтореніе назначить не менѣе какъ по три урока въ недѣлю, при чемъ можно разчитывать на еще болѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ какіе несомнѣнно достигаются уже нынѣ. Но сверхъ того, согласно съ указаніями опыта, а также и въ видахъ установленія одинаковаго курса по математикѣ въ низшихъ четырехъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и безпрерывнаго перехода изъ первыхъ въ послѣдніе, узаконеннаго статією 25-ю устава реальныхъ училищъ, а) предложено уже мною прежде перенесеніе одного урока изъ I класса въ III утверждается мною и нынѣ на дальнѣйшее время; б) въ тѣхъ же видахъ и въ видахъ облегченія

учениковъ IV класса при прохожденіи положеннаго для этого класса курса математики, въ этотъ классъ переносится одинъ урокъ по этому предмету изъ VII класса, такъ что въ низшихъ четырехъ классахъ гимназій будетъ то же число уроковъ, что и въ реальныхъ училищахъ (то-есть, по 4 урока въ недѣлю), а въ VII классѣ 3 (1 на окончаніе курса алгебры и 2 на тригонометрію); в) въ курсахъ алгебры и геометріи IV и V классовъ сдѣланы незначительныя перемѣщенія, и наконецъ, г) курсъ, установленный нынѣ для низшихъ четырехъ классовъ гимназій, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается мною для тѣхъ же классовъ и реальныхъ училищъ, тѣмъ увеличивается нѣсколько курсъ математики въ V классѣ реальныхъ училищъ; но для прохожденія этого увеличеннаго курса я предлагаю вашему превосходительству распорядиться прибавкою одного урока въ общему числу уроковъ по математикѣ въ V классѣ реальныхъ училищъ, отдѣливъ этотъ урокъ отъ геометрическаго черченія, которое по штатамъ реальныхъ училищъ отнесено къ одной группѣ съ математикою и механикою, съ назначеніемъ на эту группу троихъ преподавателей. Было бы излишне указывать вашему превосходительству, что всѣ эти перепоселенія заключаются въ предѣлахъ, установленныхъ уставами 1871 и 1872 г. гимназій (§ 16) и реальныхъ училищъ (§ 15).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу возбужденнаго начальствомъ одного учебнаго округа вопроса, имѣю честь разъяснить, что въ § 16 устава гимназій, коимъ постановляется, между прочимъ, что общее число уроковъ по каждому предмету, обозначенное въ приложенной къ § 74 таблицѣ, должно оставаться неизмѣннымъ, разумѣется лишь штатное (то-есть, оплачиваемое изъ суммъ, назначенныхъ по штатамъ на содержаніе каждой гимназій или прогимназій) число уроковъ, но что на спеціальныя средства самой гимназій или прогимназій, по ходатайству педагогическаго совѣта оной и съ разрѣшенія попечителя округа, можетъ быть временно, или и постоянно, въ видахъ возвышенія успѣховъ учащихся, увеличиваемо число уроковъ по какому-либо предмету и въ какомъ-либо классѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ того не произошло ни обремененія для учащихся, ни какого-либо существеннаго измѣненія въ правильномъ взаимномъ отношеніи между предметами, какое установлено въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, приложенной къ § 74 устава. Такъ, между прочимъ, еслибы педагогическій совѣтъ какой-либо гимназій или прогимназій нашелъ полезнымъ прибавить одинъ урокъ

по русскому языку въ I классѣ, съ отнесеніемъ сего расхода на спеціальныя средства учебнаго заведенія, то таковое ходатайство подлежало бы удовлетворенію, такъ какъ число уроковъ въ I классѣ вообще весьма незначительно и отъ вышеозначенной прибавки никакого существеннаго измѣненія въ отношеніи между предметами не произойдетъ, а между тѣмъ можно ожидать существенной пользы, особенно же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣстный говоръ не отличается чистотою и правильностью или гдѣ въ числѣ учащихся есть много шпордцевъ. И вообще ходатайства подобнаго рода и по другимъ предметамъ заслуживаютъ полнаго уваженія и удовлетворенія при соблюденіи всѣхъ вышеизложенныхъ условій и съ тѣмъ, чтобы о случаяхъ подобнаго рода было доводимо до моего свѣдѣнія въ годичныхъ отчетахъ по гимназіямъ округа.

Относительно приведенія въ исполненіе всѣхъ вышеуказанныхъ перемѣнъ въ дѣйствующихъ нынѣ учебныхъ планахъ, имѣю честь предложить нижеслѣдующее, руководясь желаніемъ сколь можно болѣе избѣгать неудобствъ, связанныхъ вообще съ измѣненіемъ однажды установленныхъ учебныхъ плановъ:

1) По *древнимъ языкамъ* предлагаемые нынѣ учебныя планы могутъ быть осуществлены уже съ начала 1877—78 учебнаго года, за исключеніемъ лишь того, что въ VII классѣ будетъ въ означенномъ году не 7, а 6 уроковъ, такъ какъ 7-й урокъ, назначенный нынѣ утвержденнымъ мною учебнымъ планомъ на чтеніе діалоговъ Платона, долженъ быть въ этомъ году употребленъ на курсъ логики.

2) По *русскому языку и словесности* учебный планъ можетъ быть въ точности примѣненъ съ начала 1877—78 учебнаго года во всѣхъ классахъ, кромѣ VII и VIII, въ коихъ должно быть продолжаемо изученіе образцовыхъ произведеній русской литературы на прежнихъ основаніяхъ. Требования по русскому языку отъ поступающихъ въ I классъ должны быть соображены съ курсомъ приготовительнаго класса; но требованія эти должны быть предъявляемы вновь поступающимъ въ I классъ лишь съ начала 1878—79 г., то-есть, слишкомъ черезъ годъ по обнародованіи вновь пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ, при чемъ начальники гимназій и прогимназій должны озаботиться своевременнымъ ознакомленіемъ родителей съ этими требованіями путемъ какъ личныхъ сношеній, такъ и еще болѣе путемъ неоднократныхъ о томъ публикацій въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ; министерство же не преминетъ публиковать о томъ въ «Правительствен-

номъ Вѣстникѣ и въ другихъ болѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ.

3) *Логика* въ 1877—78 году должна быть преподаваема и въ VII классѣ, гдѣ она вновь вводится, и въ VIII классѣ, гдѣ она обыкновенно преподавалась до сихъ поръ, при чемъ въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ эти оба старшіе класса не многочисленны, преподаваніе логики могло бы въ означенномъ году идти совмѣстно въ томъ и другомъ классѣ, чѣмъ была бы сбережена плата за одинъ урокъ, которая пошла бы на одинъ прибавочный урокъ, какъ сейчасъ будетъ изъяснено, по математикѣ.

4) Изъ предложенныхъ нынѣ измѣненій по *математикѣ* должны быть допущены лишь два изъятія, а именно: а) въ теченіе 1877—78 учебнаго года курсъ V класса остается безъ измѣненія прежній, и б) дабы ученики, которые въ 1877—78 г. будутъ въ V, VI и VII классахъ, въ теченіе своего учебнаго курса имѣли по математикѣ положенное уставомъ число уроковъ, необходимо въ теченіе трехъ лѣтъ (1877—78, 78—79 и 79—80) сохранить въ VII классѣ нынѣшнее число уроковъ (то-есть, 4 вмѣсто вновь устанавливаемыхъ 3-хъ). А такъ какъ увеличить число уроковъ по математикѣ въ IV классѣ съ трехъ до четырехъ необходимо уже съ начала 1877—78 г., то гимназіи должны будутъ принять плату за этотъ добавочный урокъ, въ продолженіе вышеозначенныхъ трехъ лѣтъ, на спеціальныя свои средства; по прошествіи же трехъ лѣтъ этотъ дополнительный въ IV классѣ урокъ будетъ покрытъ въ гимназіяхъ уменьшеніемъ числа уроковъ въ VII классѣ, въ прогимназіяхъ же, какъ четырехклассныхъ, такъ и 6-тиклассныхъ, этотъ урокъ составитъ постоянное увеличеніе числа штатныхъ уроковъ по математикѣ и по всѣмъ вообще предметамъ, а потому, дабы не обременить спеціальныя средства прогимназій постояннымъ расходомъ, я предполагаю при первой возможности исходатайствовать дополнительный къ штатамъ прогимназій кредитъ изъ государственнаго казначейства, по 60 руб. на каждую прогимназію, что въ общей сложности не превыситъ, по нынѣшнему числу прогимназій, 4,500 р. ежегодно.

5) По *физикѣ* новое распредѣленіе преподаванія можетъ быть тотчасъ же введено въ VI и VII классахъ, но въ VIII преподаваніе это въ теченіе 1877—78 учебнаго года должно быть продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ.

6) Точно также повтореніе *географіи* въ VIII классѣ въ 1877—78 г. должно происходить на прежнихъ основаніяхъ.

7) По исторіи вновь пересмотрѣнный учебный планъ приводится въ исполненіе въ III, IV и V классахъ съ начала 1877—78 г., въ VI же, VII и VIII исторія проходится по прежнему учебному плану; и такимъ образомъ лишь въ началѣ 1880—81 г. курсъ исторіи можетъ вполне осуществиться въ видѣ, какъ предлагается мною нынѣ.

Въ заключеніе имѣю честь просить ваше превосходительство озаботиться сколь можно болѣе своевременною разсылкою прилагаемыхъ при семъ экземпляровъ учебныхъ плановъ по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ вѣреннаго вамъ учебного округа, а также обратить вниманіе начальниковъ сихъ заведеній на вышеизложенные способы выполненія этихъ плановъ, а также и на то, что нижеслѣдующіе пункты изъ циркулярнаго предложенія моего отъ 31-го іюля 1872 года, при которомъ были препровождены утвержденные мною тогда учебные планы, съ нѣкоторыми сдѣланными мною измѣненіями, сохраняютъ полную силу по отношенію и къ нынѣ пересмотрѣннымъ и утвержденнымъ мною планамъ, а именно:

1) Объемъ преподаванія каждого предмета съ распредѣленіемъ оного по классамъ опредѣленъ въ прилагаемыхъ при семъ учебныхъ планахъ по возможности въ точности, и, въ видахъ возможно-большаго объединенія преподаванія въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, желательно, чтобы преподаватели строго держались въ обозначенныхъ предѣлахъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, что въ этихъ учебныхъ планахъ указано наименьшее, что можетъ быть сдѣлано по каждому предмету въ каждомъ классѣ, а съ другой, что расширеніе объема преподаванія какого-либо предмета въ какомъ-либо классѣ, если только оно не допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ учебнымъ планомъ, легко можетъ повлечь за собою или обремененіе для учащихся, или же стѣсненіе для преподаванія другихъ предметовъ. Предлагаемые нынѣ къ выполненію учебные планы составлены вообще такъ, что они нисколько не могутъ стѣснить свободной и благотворной дѣятельности каждого преподавателя, и отъ собственнаго усердія, опытности и искусства каждого изъ нихъ будетъ зависѣть достиженіе возможно-лучшихъ результатовъ, но не въ смыслѣ расширенія объема преподаванія въ каждомъ классѣ, а въ смыслѣ большей его основательности и возможно-большаго углубленія самаго разумнѣя учениковъ, какое можетъ быть достигнуто: напримѣръ, по древнимъ языкамъ болѣе обширнымъ чтеніемъ однихъ и тѣхъ же авторовъ съ надлежащимъ объясненіемъ всего того, что необходимо для ихъ пониманія, и болѣе разнообразными упражне-

3

ніями на преподаванія граматическія правила; по математикѣ и физикѣ—рѣшеніемъ большаго числа задачъ съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ и сложнымъ; по русскому языку и словесности — болѣе частными и разнообразнѣйшими упражненіями въ устномъ и письменномъ употребленіи родной рѣчи и въ разъясненіи всѣхъ особенностей изучаемыхъ произведеній русской словесности; по исторіи и географіи — не сообщеніемъ большаго количества фактовъ, а возможно лучшею переработкою и уясненіемъ ихъ при болѣе частыхъ и разнообразнѣйшихъ повтореніяхъ и т. д. По нѣкоторымъ предметамъ курсъ нѣкоторыхъ классовъ оставленъ въ учебномъ планѣ безъ точнаго опредѣленія. Такъ, по закону Божию только въ объяснительной запискѣ сдѣлано указаніе, что начиная съ VII класса въ одинъ годъ долженъ быть повторенъ катихизисъ, а въ другой годъ повторена церковная исторія. При той основательности, съ какою обыкновенно проходитъ катихизисъ, и при самой краткости какъ этого курса, такъ и курса церковной исторіи, только-что пройденнаго притомъ въ VI классѣ, я вполне увѣренъ, что законоучители воспользуются этими 70-ю или 80-ю уроками по закону Божию, преимущественно для ознакомленія учениковъ съ священнымъ писаніемъ новаго заветъа, по возможности въ самомъ подлинникѣ, и при этомъ прочитаютъ съ учениками тѣ мѣста оного, которыя, или имѣютъ особенно важное догматическое значеніе и истолкованіе коихъ законоучителемъ можетъ быть особенно полезно ученикамъ, или которыя могутъ произвести на учениковъ особенно благотворное дѣйствіе въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Еслибы и затѣмъ оказалось свободное время, было бы желательно ознакомленіе учащихся подробнѣе съ обстоятельствами жизни отцовъ церкви и съ замѣчательнѣйшими изъ ихъ твореній, по возможности, въ подлинникѣ. Такое дополнителное преподаваніе закона Божія въ VII и VIII классахъ гимназій было бы особенно согласно съ самымъ назначеніемъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ первоначальныхъ ученыхъ школъ.

2) Приложенныя къ учебнымъ планамъ объяснительныя записки указываютъ частію основанія, принятія въ руководство при ихъ составленіи, частію учебно-воспитательныя цѣли, какія должны быть достигнуты преподаваніемъ, частію же и самые способы преподаванія. Учебные планы уясняются такимъ образомъ только изъ этихъ объяснительныхъ записокъ, которыя поэтому и должны быть приняты преподавателями не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Наибольшаго въ нихъ вниманія заслуживаютъ указанія на то, въ какомъ

духѣ должно быть ведено преподаваніе каждаго предмета и какъ должно быть согласовано между собою преподаваніе различныхъ предметовъ: этого рода указанія не могутъ не быть обязательны для всѣхъ преподавателей паравитъ съ опредѣленіемъ объема и распределеніемъ учебнаго матеріала по классамъ.

3) Подробныя программы по каждому предмету, согласно § 75 (п. 2), должны быть составляемы самими преподавателями на основаніи указаній учебнаго плана и объяснительныхъ записокъ. При этомъ какъ въ порядкѣ размѣщенія учебнаго матеріала, назначеннаго для класса, такъ и въ опредѣленіи всѣхъ подробностей учебнаго курса, равно какъ и въ выборѣ учебныхъ руководствъ и пособій изъ числа одобренныхъ министерствомъ, преподавателямъ вообще предоставляется свобода слѣдовать собственнымъ ихъ воззрѣніямъ, соображаясь съ общими началами дидактики и съ тѣми указаніями, которыя предложены министерствомъ для руководства. Обо всѣхъ отступленіяхъ отъ нормальнаго учебнаго плана, еслибы таковыя понадобились по какимъ-либо уважительнымъ соображеніямъ, должно быть всякій разъ сообщаемо въ годичныхъ отчетахъ каждой гимназій и прогимназій, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ отступленія, и съ обозначеніемъ, что было пройдено въ истекшій учебный годъ въ дѣйствительности въ каждомъ классѣ и по каждому предмету.

4) Къ учебнымъ планамъ почти всѣхъ предметовъ приложены довольно подробныя примѣрныя программы. Программы эти необязательны для преподавателей и должны лишь служить образцомъ при ихъ соображеніяхъ, каковымъ образомъ могутъ быть выполнены требованія министерства при данномъ числѣ уроковъ; но само собою разумѣется, что онѣ могутъ быть существенно измѣнены или и вовсе устраняемы по какимъ-либо уважительнымъ соображеніямъ, которыя и должны быть изложены въ годичныхъ отчетахъ гимназій и прогимназій.

5) Тѣ изъ постороннихъ лицъ, которыя поступаютъ въ какой-либо классъ гимназій или прогимназій, или же держатъ экзаменъ изъ полнаго гимназическаго курса, должны быть испытываемы на основаніи вышеупомянутыхъ примѣрныхъ программъ.

Настоящее мое предложеніе прошу ваше превосходительство сообщить къ свѣдѣнію и руководству всѣмъ гимназіймъ и прогимназіямъ ввѣреннаго вамъ округа.

10. (8-го іюня 1877 года). *Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

(Пересмотрѣны и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи § 15 устава гимназій и прогимназій).

Программа преподаванія закона Вожія ¹⁾.

(утверждена святѣйшимъ синодомъ).

Приготовительный классъ (4 урока).

Объясненіе выученныхъ наизусть молитвъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.—Господи, Іисусе Христе.—Слава Тебѣ, Боже.—Царю небесный.—Святый Боже.—Слава Отцу и Сыну и Св. Духу.—Пресвятая Троице.—Отче нашъ.—Къ Тебѣ, Владыко человеколюбче, отъ сна возставъ, прибѣгаю.—Достоинъ есть яко вопістину.—Господи, Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ.—Богородице Дѣво, радуйся.—Символь вѣры и десять заповѣдей.

Разказы о важнѣйшихъ событіяхъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета.

Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхопаденіе первыхъ людей, обѣтованіе о Спасителѣ и наказаніе за грѣхъ. Всемирный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу. Столпотвореніе вавилонское и разсѣяніе народовъ. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іосифа. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израильтянъ въ землю обѣтованную. Краткое понятіе о временахъ судей израильтянъ. Избраніе Саула на царство и отверженіе его Богомъ. Побѣда Давида надъ Голиафомъ. Воцареніе Давида; устройство имъ новой скиніи и перенесеніе въ нее ковчега завета. Мудрость Соломона; построеніе имъ храма іерусалимскаго. Раздѣленіе Израильтянъ на два царства и паденіе того и другаго. Понятіе о пророкахъ; событія изъ жизни пророковъ Іліи, Елисея и Даниїла.

Рожденіе Предтечи. Благовѣщеніе Пр. Дѣвѣ. Рождество І. Христа. Поклоненіе волхвовъ. Срѣтеніе Господа Свѣономъ и Анною во храмѣ. Крещеніе І. Христа. Избраніе Апостоловъ. Понятіе о притчахъ.

¹⁾ Остается безъ измѣненія, какъ и въ учебныхъ планахъ, утвержденныхъ 31-го іюня 1872 г.

Притча о милосердіи Самаритянъ. О чудесахъ Христовыхъ. Укрощеніе бури; исцѣленіе ѣснсоватаго въ странѣ Гадаринской. Преображеніе Господне. Воскресеніе Лазаря. Входъ Господень въ Іерусалимъ. Предательство Іуды. Тайная вечера. Страданіе и смерть І. Христа. Погребеніе І. Христа. Воскресеніе и вознесеніе Его на небо. Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ.

Руководствомъ могутъ служить:

Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ ихъ, протоіерея Д. Соколова.

Библейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго заветъ, протоіерея І. Базарова.

Первый и второй классы (по 2 урока въ каждомъ).

Священная исторія Ветхаго Заветъ.

І. Исторія церкви отъ сотворенія міра до потопа.

1) Сотвореніе міра и человѣка. Жизни прародителей въ раю. Грѣхопаденіе прародителей и послѣдствія грѣхопаденія. Судъ Божій надъ грѣшниками и обѣтованіе о Спасителѣ.

Каинъ, Авель и Сифъ. Смѣшеніе племенъ.

ІІ. Исторія церкви отъ потопа до Моисея.

2) Всемирный потопъ. Спасеніе Ноя съ семействомъ и жертвоприношеніе его, по выходѣ изъ ковчега. Дѣти Ноя и его пророчество о судьбѣ ихъ. Столпотвореніе вавилонское, разсѣяніе народовъ и появленіе идолопоклонства.

Патріархи народи еврейскіи.

3) Призваніе Авраама и переселеніе его изъ землю Ханаанскую; разлученіе его съ Лотомъ. Освобожденіе Лота изъ плѣна. Мелхиседекъ. Заветъ Божій съ Авраамомъ. Агарь. Импленіе Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго. Казнь Содомы и Гоморры. Рожденіе Исаака и принесеніе его въ жертву Богу.

4) Супружество Исаака. Исавъ и Іаковъ. Удаленіе Іакова въ Месопотамію, видѣніе пачъ лѣствицы, пребываніе его у Лавана и возвращеніе въ Палестину.

5) Дѣти Іакова. Происшествія съ Іосифомъ въ Египтѣ и переселеніе Іакова съ семействомъ въ Египетъ; пророческое благословеніе Іакова дѣтамъ. Іовъ.

III. Исторія церкви отъ временъ Моисея до Саула.

6) Состояніе Евреевъ въ Египтѣ по смерти Іосифа. Рожденіе и воспитаніе Моисея, удаленіе его изъ Египта, явленіе ему Бога въ купинѣ. Чудеса его предъ Фараономъ и казни, поразившія Египтянъ. Пасха и выходъ Евреевъ изъ Египта. Переходъ ихъ чрезъ Черное море.

7) Чудесныя событія на пути въ Синаю. Синайское законодательство. Устройство скинии, священства и богослуженія.

8) Непокорность Евреевъ и осужденіе ихъ на 40-лѣтнее странствование. Чудесный жезлъ Аароновъ. Мѣдный змѣй. Смерть Аарона и Моисея.

9) Іисусъ Навинъ. Переходъ чрезъ Іорданъ; взятіе Іерихона; побѣда Іисуса Навина надъ союзными хананейскими царями и раздѣленіе земли обѣтованной.

Исторія судей.

10) Понятіе о судьяхъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Гедсонъ, Іефай, Сампсовъ, первосвященникъ Ілїи и Самуилъ. Исторія Руем.

IV. Исторія церкви отъ Саула до плѣненія Вавилонскаго.

11) Избраніе и помазаніе Саула на царство. Непослушаніе Саула и отверженіе его Богомъ. Помазаніе Давида на царство. Побѣда его надъ Голиафомъ; гоненія противъ него Саула и смерть Саула.

12) Воцареніе Давида. Завоеваніе Іерусалима и перенесеніе туда ковчега. Побѣда Давида надъ сосѣдними народами. Преступленіе Давида и раскаяніе. Бѣдствія въ его царствованіе.

13) Соломонъ; его мудрость; построеніе и освященіе храма; слава царствованія Соломона; слабости его и судъ Божій надъ нимъ.

14) Раздѣленіе царства еврейскаго на іудейское и израильское. Краткій обзоръ исторіи царства израильскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей израильскихъ: Іеровоамъ и Ахаавъ. Паденіе царства израильскаго.

15) Краткій обзоръ исторіи царства іудейскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей іудейскихъ: Ровоамъ, Іосафатъ, Ахазъ, Езекиа и Іосія. Паденіе царства іудейскаго.

Пророки.

16) Понятіе о пророкахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Ілїи и Елисей.

17) Исаія, Іеремія, Іона, Іезекиль.

Исторія Товита.

V. Исторія церкви отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до Рождества Христова.

18) Состояніе іудеевъ во время плѣна вавилонскаго. Пророкъ Давидъ и три отрока. Гордость Навуходоносора и наказаніе его. Валтасаръ и паденіе царства вавилонскаго.

19) Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна; построеніе втораго храма въ Іерусалимѣ; подвиги Ездры и Неемїи. Исторія Есѣяри и Мардохея.

20) Александръ Македонскій въ Іерусалимѣ; построеніе храма самарійскаго; переводъ священнаго писанія. Гоненіе Антиоха Епифана. Подвиги Маттаіи и его сыновей.

Начало Римскаго владычества. Царствованіе Ирода. Религіозныя секты.

Руководствами могутъ служить:

Священная исторія Ветхаго Заѣта, протоіерея А. Рудакова.

Священная исторія Ветхаго Заѣта, протоіерея Д. Соколова.

Священная исторія Ветхаго Заѣта, протоіерея Попова.

Священная исторія Новаго Заѣта.

I. Исторія рожденія и первыхъ лѣтъ земной жизни Іисуса Христа до начала открытаго служенія Его спасенію человѣческаго рода.

1) Предсказаніи о рожденіи Іоанна Крестителя. Пресвятая Дѣва Марія и благовѣщеніе ей о рождествѣ Іисуса Христа. Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елисаветы. Рожденіе Іоанна Крестителя.

2) Рождество Іисуса Христа. Поклоненіе ему виледежскихъ пастырей и восточныхъ мудрецовъ. Вѣгство Іосифа съ Богомладенцемъ и Матерію въ Египетъ и возвращеніе его въ землю Израилеву.

3) Срѣтеніе Іисуса Христа. Отрокъ Іисусъ во храмѣ. Проповѣдь Іоанна Крестителя. Крещеніе Іисуса Христа. Испытаніе Его въ пустынѣ. Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ. Первые ученики Іисуса Христа. Первое чудо въ Капѣ Галилейской.

II. Исторія открытаго служенія Господа Іисуса Христа спасенію человѣческаго рода.

Первый годъ служенія Христова.

4) Изгнаніе торгующихъ изъ храма. Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ. Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою.

5) Исцѣленіе сына царедворцева въ Канѣ. Проповѣдь Ісуса Христа въ Назаретѣ. Чудесный ловъ рыбы въ Геннисаретскомъ озерѣ. Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ. Признаніе Левіа.

Второй годъ служенія Христова.

6) Исцѣленіе разслабленнаго при овчей купели. Исцѣленіе сухорукаго и ученіе о субботѣ. Избраніе двѣнадцати Апостоловъ. Нагорная проповѣдь: ученіе о путяхъ блаженства, объясненіе заповѣдей въ совершеннѣйшемъ смыслѣ. О милостынѣ, молитвѣ и постѣ. 7) Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ. Воскрешеніе сына вдовы Наинской. Ісусъ Христосъ въ домѣ Симона Фарисея. Притча о сѣятелѣ. Притча о сѣмени и плевелахъ. Притча о зернѣ горчичномъ. Укрощеніе бури. 8) Изгнаніе легіона бѣсовъ. Исцѣленіе кровоточивой женщины и воскрешеніе дочери Іаира. Отправленіе двѣнадцати Апостоловъ на проповѣдь и вставленіе имъ Ісуса Христа. 9) Смерть Іоанна Крестителя. Чудесное насыщеніе 5,000 человекъ народа пятью хлѣбами. Хожденіе Ісуса Христа по водамъ. Бесѣда Ісуса Христа о таинствѣ причащенія въ Капернаумской синагогѣ.

Третій годъ служенія Христова.

10) Исцѣленіе дочери Хананеянки. Исповѣданіе Петра, предсказаніе Господа о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи и ученіе о крестѣ Его послѣдователей. Преображеніе Господне. Исцѣленіе бѣсноватаго глухонѣмаго отрока. 11) Чудесное полученіе монеты для подаянія на храмъ. Наставленіе о смиреніи и незлобіи. Притча о милосердіи царѣ и безжалостномъ должникѣ. Помилowanіе жены грѣшницы. Исцѣленіе слѣпорожденнаго.

12) Притча о милосердіи Самарянинѣ.

Посѣщеніе Марѣи и Маріи Господомъ.

Притча о любознательномъ богачѣ и рабахъ, ожидающихъ господина.

Притча о званіи на вечерю.

Притча объ овцѣ пропавшей и блудномъ сынѣ.

13) Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Исцѣленіе десяти прокаженныхъ.

Притча о несправедливомъ судіи.

Притча о мытарѣ и фарисеѣ.

Благословеніе дѣтей.

Наставленіе богатому юношѣ.

Притча о равной наградѣ работникамъ въ виноградникѣ.

14) Путешествіе Іисуса Христа въ Іудею.

Предсказаніе Іисуса Христа о своей смерти въ Іерусалимѣ и просьба Саломіи.

Обращеніе Закхея.

Воскрешеніе Лазаря.

Вечеря въ дому Симона Прокажennaго.

III. Исторія послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа.

15) Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

Проклятіе Іисусомъ Христомъ смоковницы.

Притча о непослушномъ сынѣ и раскаявшемся.

Притча о злыхъ виноградаряхъ. Притча о бракѣ царскаго сына.

16) Ученіе Іисуса Христа объ обязанности подданныхъ платить дань, воскресеніи мертвыхъ и главныхъ заповѣдяхъ.

Похвала усердію вдовицы.

Предсказаніе Господа о разрушеніи Іерусалима и второмъ Его пршествіи.

Притчи о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, и о талантахъ.

Изображеніе страшнаго суда.

Предательство Іуды.

17) Тайная вечеря: умовеніе ногъ, совершеніе ветхозавѣтной пасхи и установленіе таинства св. причащенія. Предсказаніе объ отреченіи Петру. Краткое содержаніе прощальной бесѣды Іисуса Христа съ учениками.

Молитва Іисуса Христа въ саду Геесиманскомъ; взятіе его воинами.

18) Судъ надъ Иисусомъ Христомъ у первосвященниковъ іудейскихъ Анны и Каіафы. Отреченіе Петра, его раскаяніе и погибель Іуды.

Иисусъ Христосъ на судѣ Пилата. Бичеваніе.

Осужденіе Иисуса Христа на смерть.

19) Шествіе къ Голгооѣ и распятіе Иисуса Христа.

Крестныя страданія Иисуса Христа.

Погребеніе Иисуса Христа.

IV. Исторія пребыванія Христова на землѣ отъ воскресенія до вознесенія Его на небо.

20) Воскресеніе Господа Нашего Иисуса Христа.

Марія, Петръ и Іоаннъ у гроба Иисуса.

Явленіе воскресшаго Господа Маріи Магдалинѣ.

Явленіе Господа двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ.

Явленіе Господа Апостоламъ въ Іерусалимѣ.

Явленіе Господа въ восьмой день по воскресеніи.

Явленіе Господа при морѣ Тиверіадскомъ.

Явленіе Господа на горѣ Галилейской и его послѣднія повелѣнія Апостоламъ.

Вознесеніе Господне.

Руководствами могутъ служить:

Смѣнная исторія Новаго Завѣта, протоіереи А. Рудакова

Священная исторія Новаго Завѣта, протоіерея Д. Соколова.

Священная исторія Новаго Завѣта, протоіерея Попова.

Третій классъ (2 урока).

Ученіе о богослуженіи христіанской православной церкви.

Предварительныя понятія.

1) Понятіе о богослуженіи.

Происхожденіе богослуженія.

Храмъ, его происхожденіе, внѣшній видъ и внутреннее расположеніе.

2) Священные предметы: св. крестъ, св. иконы, св. одежды, св. сосуды.

3) Обряды, наиболѣе употребительные при богослуженіи: крестное знаменіе, поклоненіе, колѣнопреклоненіе, благословеніе священнодѣйствующаго, кажденіе и возженіе свѣчей.

Богослуженіе православной церкви, богослуженіе воскресное и праздничное.

4) Священные воспоминанія въ дни седмицы.

Понятіе о праздникахъ; раздѣленіе ихъ.

Воспоминанія, соединяемыми съ двенадцатыми праздниками.

Виды суточного богослуженія: вечерня, утрени, часы первый, третій, шестой и девятый. Понятіе о нихъ и общій ихъ смыслъ.

Объясненіе всеобщаго бдѣнія.

5) Начало всеобщаго бдѣнія и предначертательный псаломъ.

Великая и малая ектенія.

6) Пѣніе стиховъ: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“.

Вечерній входъ.

Паремія.

Ектенія сугубая и просительная.

Литія и благословеніе хлѣбовъ.

7) Понятіе о шестопсалмѣ.

Понятіе о каанізмахъ.

Полтелей.

Величаніе.

8) Чтеніе Евангелія, цѣлованіе онаго или праздничной иконы и показаніе благословеннымъ елеемъ.

Понятіе о канонѣ.

Великое славословіе.

Различіе всенедельной вечерни и утрени отъ вечерни и утрени во всеобщемъ бдѣніи.

Литургія.

9) Понятіе о литургіи.

Установленіе таинства св. причащенія и происхожденіе литургіи.

Литургія св. Іоанна Златоустаго.

Главныя части литургіи.

I. *Проскомидія.* Понятіе о проскомидіи.

Вещество таинства св. причащенія.

Образъ совершенія проскомидіи.

10) II. *Литургія оглашенныхъ.* Понятіе о литургіи оглашенныхъ, начало и составъ ея.

Псалмы изобразительныя и антифоны.

Входъ съ Евангеліемъ.

Пѣніе трисвятаго.

Чтеніе Апостола и Евангелія.

Ектенія и окончаніе литургіи оглашенныхъ.

11) III. *Литургія свръхъ*. Понятіе о литургіи вѣрныхъ и главныхъ дѣйствій, ее составляющихъ.

Херувимская пѣснь. Великій входъ.

Приготовленіе къ освященію даровъ.

Просительная ектенія, внушеніе мира и любви, исповѣданіе символа вѣры; возбужденіе вѣрующихъ къ достойному предстоянію при совершеніи евхаристіи.

12) Возгласы и отвѣты, предшествующіе и сопровождающіе евхаристическую молитву.

Возношеніе даровъ и освященіе ихъ.

Воспоминовеніе членовъ церкви небесной и земной.

13) Приготовленіе къ причащенію.

Причащеніе священнослужителей.

Явленіе св. даровъ для причащенія мирянъ.

Послѣднее явленіе св. даровъ. Благодареніе по причащеніи, заамвонная молитва, раздаяніе антидора и отпущъ.

Краткія свѣдѣнія о литургіи *Василія Великаго*, дни совершенія ея и отличіе ея отъ литургіи св. Іоанна Златоустаго.

14) Богослужебныя особенности праздниковъ: Рождества Христова, Богоявленія, Преображенія Господня, Входа Господня въ Іерусалимъ, Пасхи, Пятидесятницы и Воздвиженія креста Господня.

Богослуженіе великопостное.

15) Понятіе о великомъ постѣ. Приготовительныя къ нему недѣли. Особенности богослуженія великопостнаго, часы, литургія преждеосвященныхъ даровъ—составъ, порядокъ и особенности ея.

16) Понятіе о страстной седмицѣ.

Священныя воспоминовенія, соединяемыя съ великимъ четвергомъ, пяткомъ и субботою, и особенности богослуженія въ каждый изъ сихъ дней.

Руководствомъ можетъ служить:

Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви, протоіерея А. Рудакова.

Четвертый и пятый классы (по 2 урока въ каждомъ).

Предварительныя понятія о катихизисѣ.

О божественномъ откровеніи, о священномъ преданіи и священномъ писаніи.

О священныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Заветъа.

О вѣрѣ.

ЧАСТЬ I.

О символѣ вѣры вообще и о происхожденіи его.

О первомъ членѣ символа вѣры.

О второмъ и третьемъ членахъ символа вѣры.

О четвертомъ членѣ символа вѣры.

О пятомъ и шестомъ членахъ символа вѣры.

О седьмомъ и осьмомъ членахъ символа вѣры.

О девятомъ членѣ символа вѣры.

О десятомъ членѣ символа вѣры; о таинствахъ—крещеніи и миропомазаніи.

О таинствахъ: причащеніи, покаяніи, священствѣ, бракѣ и елеосвященіи.

Объ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ членахъ символа вѣры.

О надеждѣ.

ЧАСТЬ II.

Понятіе о христіанской надеждѣ. О молитвѣ вообще и о молитвѣ Господней. Раздѣленіе ея. Призываніе.

Прошенія молитвы Господней и славословіе.

О любви.

ЧАСТЬ III.

О связи между вѣрою и любовію. О законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ. О раздѣленіи заповѣдей на двѣ скрижали.

О первой заповѣди.

О второй заповѣди.

О третьей и четвертой заповѣдяхъ.

О пятой заповѣди.

О шестой и седьмой заповѣдяхъ.

Объ восьмой, девятой и десятой заповѣдяхъ.

Шестой классъ (1 урокъ).

Исторія христіанской православной церкви.

1) Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ и первые успѣхи Христовой вѣры въ Іерусалимѣ.

Распространеніе церкви между Іудеями въ Іерусалимѣ и Самаріи.

2) Обращеніе Савла.

Распространеніе церкви между язычниками въ Кесаріи и Антиохіи.

Путешествіе св. Апостола Павла и соборъ Апостольскій въ Іерусалимѣ.

3) Благовѣстническіе труды прочихъ Апостоловъ.

Распространеніе христіанства во II и III вѣкѣ.

Гоненіе на христіанъ отъ Іудеевъ. Паденіе Іудеевъ.

4) Важнѣйшія гоненія на христіанъ отъ язычниковъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ.

5) Обращеніе Константина Великаго и дѣйствія его на пользу церкви.

Послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ при Юліанѣ и окончательное торжество христіанства надъ язычествомъ при Феодосіи Великомъ.

6) Краткая исторія вселенскихъ соборовъ.

7) Устройство церковнаго управленія. Отпаденіе Западной церкви отъ Восточной.

Исторія русской церкви.

8) Распространеніе христіанства между славянскими народами Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Начало христіанской вѣры въ Россіи и утвержденіе ея при св. князѣ Владимірѣ и послѣ него.

9) Устройство церкви русской и управленіе ею: митрополитъ, значеніе его въ русской церкви, отношеніе его къ патріарху Константинопольскому, отношенія къ князьямъ и епископамъ. Замѣчательнѣйшіе митрополиты.

Кіевопечерская лавра.

10) Состояніе церкви русской во времена владычества Татаръ:

Отношенія Татаръ-язычниковъ и Татаръ-магометанъ къ церкви.

Св. мученики русской церкви въ Ордѣ. Распространеніе христіанства на сѣверѣ: просвѣщеніе Перми св. Стефаномъ.

11) Перенесеніе кathedры митрополитъ изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву. Раздѣленіе русской митрополитъ. Отношенія митрополитовъ сѣвернаго и южнаго къ патріарху.

12) *Состояніе русской церкви, по сверженіи ша Тимаръ*: Состояніе митрополитъ сѣверной и южной. Противодѣйствіе папизму. Изложеніе Писидора. Св. Іона митрополитъ Московскій. Ересь жидовствующихъ. Заслуги преподобнаго Іосифа для церкви.

13) Чинъ богослуженія и богослужебныя книги; потребность ихъ исправленій. Соборы съ сею цѣлію при Іоаннѣ Грозномъ. Просвѣщеніе христіанствомъ Казани и Астрахани. Св. Филиппъ II.

14) Патріаршество въ Россіи. Права и управленіе патріарха и его отношенія къ епископамъ. Патріархи Іовъ и Ермогенъ. Заслуги Сергіевой лавры во времена самозванцевъ. Патріархъ Филаретъ.

15) Патріархъ Никонъ. Его труды въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Судъ надъ патріархомъ Никономъ.

Открытое появленіе раскола въ церкви русской.

Представители расколоченія и защитники его.

16) Учрежденіе Святѣйшаго Синода.

Состояніе православія на юго-западѣ.

Руководствами могутъ служить:

Исторія христіанской православной церкви, протоіерея А. Рудакова.

Очеркъ исторіи христіанской церкви, протоіерея К. Доброуравина.

Очеркъ исторіи Русской церкви, протоіерея К. Доброуравина.

Обяснительная записка

къ программѣ по закону Божію для гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По новому Высочайше утвержденному уставу гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія число уроковъ по закону Божію уменьшено однимъ сравнительно съ числомъ уроковъ по этому предмету, указаннымъ въ старомъ уставѣ. Въ возмѣщеніе же этого одного урока назначено четыре урока въ открываемыхъ при гимназіяхъ приготовительныхъ классахъ. Такая постановка преподаванія закона Божія имѣетъ очевидное преимущество предъ прежнею. Для правильнаго и успѣшнаго веденія преподаванія необходима равная подготовка вос-

питаниковъ, которая не существовала при прежнемъ приѣмѣ дѣтей въ первый классъ съ разнообразными степенями ихъ свѣдѣній по закону Божію, такъ что значительное время впоследствии терялось на установление пзвѣстнаго уровня въ классѣ. Приготовительный классъ, приводя подготовку къ достаточной полнотѣ и единству, даетъ возможность вести преподаваніе правильно и постепенно.

Для приѣма въ подготовительный классъ уставомъ требуется знаніе первоначальныхъ молитвъ. Подъ таковыми молитвами слѣдуетъ разумѣть: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Царю Небесный, Святый Боже, Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Пресвятая Троице, Отче Нашъ, Богородице Дѣво, радуйся.“ Такъ какъ изъясненіе этихъ молитвъ составляетъ предметъ занятій въ подготовительномъ классѣ, то при приѣмѣ въ этотъ классъ можно ограничиться требованіемъ толковаго ихъ произношенія, обнаруживающаго пониманіе общаго смысла упомянутыхъ молитвъ.

Судя по опредѣленному уставомъ испытанію поступающихъ въ первый классъ гимназій, въ подготовительномъ классѣ должны быть объяснены главнѣйшія утреннія и вечернія молитвы. Сюда относятся и большая часть вышеупомянутыхъ молитвъ, составляющихъ начало утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Къ этимъ же начинательнымъ молитвамъ достаточно присоединить Символъ вѣры, одну молитву утреннюю: «къ Тебѣ, Владыко человеколюбче, отъ сна возставъ, пробѣгаю», и одну вечернюю: «Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ» а равно и прославленіе Божіей Матери «Достойно есть яко воистину». Требованіе знанія наизусть большаго числа утреннихъ и вечернихъ молитвъ было бы обременительно для дѣтей и нецѣлесообразно въ религіозно-педагогическомъ отношеніи.

Предварительно объясненія письменнымъ способамъ, необходимо сообщить воспитанникамъ понятіе о молитвѣ вообще, о различныхъ видахъ и внѣшнихъ выраженіяхъ оной, останавливаясь притомъ не на сторонѣ догматической, которая мало доступна воспитанникамъ подготовительнаго класса, а на сторонѣ нуждъ, стремленій душъ и молитвеннаго расположенія. Самое же объясненіе молитвъ должно состоять прежде всего въ простомъ, удобопонятномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, въ сообщеніи общаго смысла и характера известной молитвы и затѣмъ въ изложеніи частныхъ оной. Сіе послѣднее не должно быть доводимо до схоластическихъ подробностей, затрудняющихъ малолѣтнихъ воспитанниковъ и уничтожающихъ цѣльность содержанія и впечатлѣнія молитвы. Вообще объясненіе молитвъ

и требованіе отчета по сему предмету отъ воспитанниковъ не должно носить характера школьнаго, сухаго обученія, а мудраго отеческаго руководства къ святому дѣлу молитвы. Символь же вѣры, подробное объясненіе котораго отнесено къ высшимъ классамъ, долженъ быть только переведенъ въ приготовительномъ классѣ на русскій языкъ, а равно изученіе заповѣдей и объясненіе общаго смысла каждой должны быть вставлены въ историческій разсказъ о Синайскомъ законодательствѣ.

Послѣдовательное преподаваніе священной исторіи предназначается собственно для первыхъ классовъ гимназическаго курса. Въ приготовительномъ же классѣ имѣютъ быть преподаны главныя событія Ветхаго и Новаго Заветъа. Въ выборѣ этихъ событій имѣлось въ виду, чтобы они, изображеніемъ дѣйствій Божіихъ и отношеніемъ къ нимъ священно-историческихъ лицъ, подготавливали дѣтей къ пониманію истинъ вѣры и правилъ нравственности.

Относительно преподаванія закона Божія во всѣхъ другихъ классахъ гимназій необходимо опредѣлить учебный матеріалъ по сему предмету и распределить оный по классамъ.

Прежнія программы по закону Божію страдали излишнею обширностью, заключая въ себѣ требованіе знаній, не относящихся прямо къ положенію христіанина изъ мірянъ. Къ такому излишеству можно отнести многія второстепенныя событія изъ священной исторіи, каковы: войны царей іудейскихъ и израильскихъ съ мелкими соседними народами; въ объясненіи же богослуженія изложеніе менѣе важныхъ церковныхъ службъ, какъ то: полунощницы, повечерія и тому подобное, а равно и сообщеніе слишкомъ большаго количества фактовъ изъ церковной исторіи. Подобная постановка преподаванія закона Божія въ гимназіяхъ отвлекала вниманіе воспитанниковъ отъ существенныхъ сторонъ этого важнаго предмета и, отягощая ихъ силы, вселяла нерасположеніе къ живому и благотѣльному усвоенію истинъ вѣры и благочестія. По симъ соображеніямъ преподаваніе закона Божія поставлено въ болѣе тѣсныя предѣлы, заключающіе въ себѣ только необходимое для православнаго мірянина, съ предоставленіемъ дальнѣйшаго обогащенія религіозными познаніями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ занятіяхъ и жизни; съ сею цѣлію изъ священной исторіи исключены событія, не имѣющія прямаго отношенія къ устроенію царства Божія на землѣ; изъ богослуженія — изложеніе такихъ церковныхъ послѣдованій, при которыхъ рѣдко присутствуетъ мірянинъ; изъ вѣдѣній — заповѣди блаженствъ, поначастъ схсг.1, отд. 1.

маліе которыхъ затруднительно для воспитанниковъ отроческаго возраста и сущность которыхъ, имѣя прямое отношеніе къ высшему нравственному совершенству, можетъ быть кратко преподаана при объясненіи заповѣдей. Равно и число событій церковной исторіи ограничено только самыми важными.

Въ распредѣленіи преподаванія закона Божія по классамъ гимназій прежняя программа имѣла тотъ недостатокъ, что катехизисъ былъ назначенъ къ преподаванію въ третьемъ классѣ, гдѣ воспитанники, по ихъ возрасту, не довольно способны къ осмысленному усвоенію догматическихъ истинъ. Поэтому преподаваніе катехизиса отнесено теперь къ четвертому классу, а изъясненіе богослуженія перенесено въ третій. Нѣтъ сомнѣнія, что для пониманія смысла богослуженія, а равно и самой священной исторіи, необходимо знаніе истинъ вѣры. Но кромѣ того, что первоначальный запасъ оныхъ приобрѣтается простымъ знаніемъ символа вѣры, историческія событія знакомятъ съ ученіемъ о Богѣ и о человѣкѣ и объ ихъ отношеніяхъ; богослуженіе, съ своей стороны, заключаетъ въ себѣ и ученіе вѣры, и правила жизни. Но истины, сообщаемыя при повѣствованіи историческомъ и изложеніи обрядовъ, усваиваются дѣтьми легче и дѣйствуютъ живѣе на ихъ умъ и сердце, чѣмъ въ отвлеченномъ ихъ изложеніи. При такой педагогической постепенности, преподаваніе катехизиса потерпитъ значительную часть трудности и сухости, которыя испытывались при прежнемъ распредѣленіи преподаванія закона Божія.

Въ первомъ и второмъ классахъ гимназій должна быть пройдена, по указанію программы, священная исторія Ветхаго и Новаго Завета. Само собою разумѣется, что здѣсь всего важнѣе ясный, живой и осмысленный разсказъ. И эта осмысленность должна проникать не только отдѣльное событіе, но простираться до разумнаго связи событій, чтобы священная исторія удовлетворяла не одной любознательности, но имѣла образовательное и религіозно-воспитательное дѣйствіе. Для сей цѣли полезно при преподаваніи священной исторіи прочитывать иногда самый священный текстъ событій и ученія Спасителя, чтобы такимъ образомъ ознакомить дѣтей непосредственно съ Евангеліемъ и внушить имъ любовь къ чтенію Слова Божія. Правда, для повѣрки познаній воспитанниковъ законоучителю необходимо прибѣгать къ вопросамъ, но онъ никогда не долженъ выпускать изъ виду цѣльности разсказа и впечатлѣнія. Такъ какъ преподаваніе исторіи вообще немислимо безъ географіи и хронологіи, то должно быть обязательно для законоучителя показывать по картѣ мѣстности, на которыхъ прои-

зошля священно-историческія событія, а равно и опредѣлять время, въ которое они совершились. Сіе послѣднее требованіе имѣеть въ виду преимущественно важнѣйшія эпохи священной исторіи, чтобы имѣть возможность въ послѣдствіи поставить ихъ въ связь съ современными имъ событіями гражданской исторіи.

Объясненіе богослуженія назначается для третьяго класса гимназій. При веденіи этого дѣла, для всесторонней полноты оного, необходимо не только изложить обрядовую сторону и изяснить смыслъ богослуженія, но ввести воспитанниковъ въ самый духъ его и дать имъ основу и расположеніе къ разумному и благочестивому исполненію молитвенныхъ дѣйствій. Для достиженія сей послѣдней цѣли, сверхъ нравственнаго вліянія законоучителя на воспитанниковъ, полезно знакомить ихъ съ нѣкоторыми молитвами и пѣснопѣніями, особенно отличающимися возвышенностію мыслей и силою чувствъ.

Пространный православный катихизисъ имѣеть быть преподавать въ четвертомъ и пятомъ классахъ гимназій, въ первомъ до десятаго члена включительно, а во второмъ остальная часть. При преподаваніи катихизиса и требованіи отчета отъ воспитанниковъ, законоучитель не долженъ ограничиваться вопросною и отвѣтною формами, которыя при ихъ легкости способны выражать знанія отрывочныя, хотя бы, какъ требуетъ того дидактика, при отвѣтѣ повторялось въ положительной формѣ и предложеніе, заключающееся въ вопросѣ. Для основательнаго уясненія истинъ христіанскихъ необходимо какъ преподавателю, такъ и воспитанникамъ, излагать оное въ связной рѣчи, заключающей въ себѣ какъ положеніе, такъ и доказательства. Въ самомъ же изложеніи содержанія катихизиса законоучитель можетъ опускать вопросы, не относящіеся прямо къ уясненію догмата, и содержащіе въ себѣ какую-либо богословскую подробность. Изъ приводимыхъ же въ доказательство мѣстъ изъ Священнаго Писанія обременительно было бы требовать изученія навзусь всѣхъ текстовъ; часто достаточно одного текста, болѣе яснаго и опредѣленнаго, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы воспитанники вполне понимали оный, для чего полезно при объясненіи и отвѣтахъ переводить текстъ на русскій языкъ, а иногда показать связь его съ контекстомъ.

Въ шестомъ классѣ гимназій должны быть преподаваны по прилагаемой программѣ важнѣйшія событія всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви. И здѣсь, какъ въ священной исторіи, отъ преподавателя требуется, чтобы онъ указывалъ на связь и значеніе событій, прилагая, гдѣ слѣдуетъ, географическія и хронологическія

данныя. А такъ какъ по объему историческаго содержанія и по тѣснымъ рамкамъ программы оказываются значительные промежутки между указанными событіями, то необходимо дѣлать краткій обзоръ теченія церковной жизни, происшедшей въ этихъ промежуткахъ. Вообще же надлежитъ дать такое направленіе преподаванію церковной исторіи, чтобы воспитанникамъ были ясны судьбы Божія въ церкви для сохраненія истины и спасительнаго дѣйствія ея на родъ человеческій.

Въ два года слѣдующіе затѣмъ должны быть повторены: въ одинъ — катихизисъ съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ, а въ другой годъ — исторія церкви, преимущественно русской, съ приличнымъ дополненіемъ, по усмотрѣнію законоучителя.

Вообще же преподаваніе закона Божія не должно быть только учебнымъ предметомъ, а — развитіемъ основъ христіанской жизни и дѣятельности въ воспитанникахъ.

Учебный планъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности.

Приготовительный классъ (6 уроковъ).

Шесть уроковъ русскаго языка въ этомъ классѣ употребляются на чтеніе по русски и по церковно-славянски, пересказъ прочитаннаго, граматическія упражненія въ связи съ прочитаннымъ, заучиванье басенъ и небольшихъ стихотвореній и на письменныя упражненія.

1. *Чтеніе.* Съ чтеніемъ соединяются почти всѣ занятія какъ устные, такъ и письменныя въ этомъ классѣ. Съ цѣлію приучить дѣтей читать сознательно, вслѣдъ за прочтеніемъ каждаго предложенія предлагаются преподавателемъ вопросы, при помощи которыхъ распознаются части предложенія, прежде безъ сообщенія названій этихъ частей, а впослѣдствіи и съ ихъ названіями. За вопросами, уясняющими взаимную связь между словами въ отдѣльныхъ предложеніяхъ, задаются вопросы, истеривающіе содержаніе прочитанной статейки.

Къ чтенію по церковно-славянски приступаютъ лишь тогда, когда ученики приучатся къ сознательному и бѣглому чтенію по русски.

2. *Пересказъ прочитаннаго* производится не иначе, какъ при помощи вопросовъ учителя, истеривающихъ содержаніе прочитанной статейки, безъ пмѣненія порядка сообщаемаго въ ней матеріала.

Связнаго разсказа статьи можно требовать только послѣ неоднократнаго ея пересказа по вопросамъ.

Пересказъ прочитаннаго, такъ же, какъ и слѣдующее упражненіе, можетъ быть прекраснымъ средствомъ къ приученію дѣтей говорить громко, плавно и правильно и къ искорененію часто встрѣчающейся у нихъ торопливости въ рѣчи и скороговорки.

3. *Разучиванье наизусть стихотвореній*, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ классахъ, не только представляетъ матеріалъ для упражненій съ цѣлю приобрѣтенія навыка говорить плавно и выразительно и писать правильно, не только обогащаетъ дѣтей запасомъ словъ и оборотовъ родной рѣчи, но оно должно положить основаніе ознакомленію учениковъ съ образцовыми писателями.

4. *Грамматическія занятія*, находясь въ непосредственной связи съ чтеніемъ избранной книги для чтенія, подготовляются съ одной стороны тѣмъ же вопросомъ о частяхъ предложенія, которые служатъ къ достиженію сознательнаго чтенія и которыми достигается знакомство съ частями предложенія и частями рѣчи, какъ выраженіемъ частей предложенія; съ другой стороны они полготовляются упражненіями въ разложеніи отдѣльныхъ словъ на составные ихъ элементы, тѣмъ достигается знакомство съ звуками, буквами, слогами. Изъ *грамматики* должно быть сообщено ученикамъ приготовительнаго класса слѣдующее:

Раздѣленіе звуковъ и буквъ на гласные, согласные и полугласные.

Употребленіе гласныхъ послѣ ж, ч, ш и щ. Употребленіе і и ѣ. *Дѣленіе словъ на слоги. Удареніе.*

Части простаго предложенія: подлежащее, сказуемое (простое и составное), опредѣленіе, обстоятельство и дополненіе.

Части рѣчи: умѣнье отличать всѣ части рѣчи. Имя существительное собственное и нарицательное, означающее предметъ одушевленный и неодушевленный; мужескій, женскій и средній родъ; число; падежи и падежные вопросы; склоненіе существит. мужескаго рода на *ъ*, *ь* и *й*; средняго рода на *о* и *е*; женскаго на *а*, *я* и *ь*.

Имя прилагательное; два окончанія прилагательныхъ на *ъ* (*у*), *а* (*я*), *о* (*е*) и на *ий* (*ой*, *ій*), *ая* (*ля*), *ое* (*ее*); склоненіе прилагательныхъ послѣдняго окончанія (исключая прилагат. на *ій* съ род. п. на *ьмо*). Окончанія сравнительной степени на *ѣйшій*, *айшій*, *нѣ* и *е*. Числительное имя: склоненіе числительныхъ на *ъ* и *ий* (*ой*).

Мѣстоименіе: склоненіе личныхъ мѣстоименій. **Глаголъ:** глаголы дѣйствительнаго и страдательнаго залога; спряженіе: лица, числа, времена—настоящее, прошедшее и будущее; наклоненія: изъявительное, повелительное и неопредѣленное.

Преподаваніе грамматики въ этомъ классѣ должно быть основано преимущественно на разборѣ, т. е., по возможности всѣ грамматическія свѣдѣнія выволятся изъ текста читаемой статьи и постоянно укрѣпляются въ сознаніи и памяти учениковъ какъ примѣрами при дальнѣйшемъ чтеніи, такъ и письменными упражненіями. Знакомство съ частями простаго предложенія, имѣя цѣлю помогать лучшему пониманію читаемаго, должно быть ограничено только умѣньемъ учениковъ указать и назвать составныя части въ самомъ легкомъ простомъ предложеніи, въ которомъ всѣ онѣ выражены вполне ясно; притомъ достаточно, если ученики изъ всѣхъ родовъ обстоятельственныхъ словъ будутъ различать только обстоятельства времени, мѣста и образа дѣйствія. Названія частей предложенія сообщаются ученикамъ лишь тогда, когда дѣти приобрѣтутъ уже навыкъ узнавать по вопросамъ взаимное отношеніе словъ въ предложеніи.

Какъ средство, укрѣпляющее въ памяти и сознаніи учениковъ грамматическія правила, предлагается и письменнo упражнять учениковъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Относительно неизмѣняемыхъ частей рѣчи слѣдуетъ довольствоваться, если ученикъ будетъ въ состояніи указать, къ каковой части рѣчи относится встрѣченное имъ при чтеніи слово, и будетъ правильно употреблять на письмѣ предлоги въ случаяхъ, не представляющихъ затрудненій для знающаго самыя основныя правила грамматики.

Примѣчаніе. Для достиженія большей грамотности нѣкоторые опытные преподаватели совѣтуютъ даже заставлять учениковъ выучивать простые предлоги наизусть, что не можетъ быть затруднительно для дѣтей этого возраста.

5. *Письменные упражненія* состоятъ въ списываніи съ книги, дома, а въ случаѣ нужды въ первое время и въ классѣ, писаніи наизусть стихотвореній, въ упражненіи въ склоненіи и спряженіи, въ составленіи отвѣтовъ на вопросы изъ прочитанной статьи, и въ письмѣ подъ диктовку, которая въ этомъ классѣ можетъ быть только объяснительная съ предупрежденіемъ ошибокъ и начинается уже послѣ приобрѣтенія учениками нѣкотораго навыка въ механическомъ писаніи; диктовка повторная допускается только въ самомъ концѣ года.

Вниманіе преподавателя при письменныхъ упражненіяхъ должно быть обращено не только на внутреннія достоинства работы учениковъ, но и на внѣшнія: торопливость, небрежность и неряшливость въ письмѣ должны быть устраняемы всѣми мѣрами.

Примѣчаніе. Вышеуказанная свѣдѣнія изъ грамматики обязательны и для всѣхъ дѣтей, поступающихъ въ 1-ый классъ, начиная съ 1878—79 учебнаго года.

Первый классъ (4 урока).

1. Этимологія до ученія о словообразованіи.

Повтореніе ученія о буквахъ и звукахъ.

Имя существительное; его дѣленіе (собственное и нарицательное, увеличительное и уменьшительное, уничижительное и ласкательное); родъ именъ существительныхъ, употребляющихся въ одномъ множественномъ числѣ; склоненіе существительныхъ на *ъ, ѣ, ѡ, с, а, я*, и *женск. р. и на мя*. Отступленія въ склоненіяхъ; орѳографія окончаній.

Имя прилагательное; его дѣленіе (качественное и относительное). Степени сравненія. Прилагательныя увеличительныя и уменьшительныя. Окончанія опредѣленное и неопредѣленное; склоненіе прилагательныхъ качественныхъ и относительныхъ на *ый (ой), ам, ое, ій, яя, ее*; склоненіе прилагательныхъ относительныхъ на *ій, ѣя, ѡе, ѡ, а, о*; орѳографія окончаній.

Имя числительное; его дѣленіе (количественное и порядковое; дробное и собирательное). Склоненіе числительныхъ и правописаніе.

Мѣстоименіе; его дѣленіе (личное, возвратное, притяжательное, указательное, вопросительное, относительное, опредѣлительное, неопредѣленное). Склоненіе мѣстоименій. Правописаніе.

Глаголъ; залогъ (дѣйствительный, средний, страдательный, возвратный, взаимный, общій). Наклоненія (изъявительное, сослагательное, повелительное, неопредѣленное); виды (несовершенный, совершенный, многократный). Дѣленіе на 2 спряженія. Спряженіе глаголовъ всѣхъ залоговъ. Образованіе причастій и дѣепричастій. Склоненіе причастій. Орѳографія окончаній глагола.

Нарѣчіе; его дѣленіе (качественное, количественное, обстоятельствоное). Степени сравненія. Правописаніе нарѣчій.

Предлогъ; его правописаніе.

Союзъ; его правописаніе.

Междометіе.

2. Практическія занятія.

- I. а) Грамматическій разборъ (устно и письменно).
 б) Подборъ примѣровъ на части рѣчи и упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.
 II. а) Объяснительное чтеніе.
 б) Устная передача прочитаннаго или рассказаннаго.
 в) Ученіе наизусть стихотвореній, съ упражненіемъ въ чтеніи выразительномъ.
 III. а) Диктовка:
 аа) писаніе наизусть выученнаго;
 бб) диктовка съ предварительнымъ объясненіемъ;
 вв) диктовка провѣрочная.
 б) Письменная передача прочитаннаго или рассказаннаго.

Второй классъ (4 урока).

1. Окончаніе этимологій и синтаксисъ простаго и слитнаго предложеній, главнаго и придаточнаго.

Повтореніе этимологій.

Словообразованіе; понятіе о корнѣ, приставкѣ, суффиксѣ и флексіи; употребительнѣйшіе суффиксы и ихъ правописаніе. Слова, имѣющія въ корнѣ ъ. Слова простыя и сложныя. Измѣненія гласныхъ и согласныхъ корня.

Синтаксисъ простаго предложенія; части простаго предложенія; отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложенія.

Подлежащее и сказуемое (простое и составное).

Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ; особенности употребленія глагольнаго сказуемаго.

Предложенія безличныя; ихъ виды.

Обращеніе; знаки препинанія, его отдѣляющіе.

Дополненіе прямое и косвенное; родительный падежъ въ прямомъ дополненіи.

Опредѣленіе; согласованіе опредѣленія съ словомъ опредѣляемымъ. Приложение; знаки препинанія, его отдѣляющіе.

Обстоятельства: времени, мѣста, образа дѣйствія, причины и цѣли.

Предложеніе слитное; знаки препинанія въ немъ; запятія при однородныхъ дополненіяхъ, опредѣленіяхъ и обстоятельствахъ. Слова и предложенія вводныя и вносныя; знаки при нихъ; употребленіе двоеточія въ срединѣ простаго предложенія.

Предложеніе главное и придаточное; виды предложеній придаточныхъ полныхъ и сокращенныхъ.

2. Практическія упражненія.

- I. а) Грамматическій разборъ (устно и письменно).
б) Составленіе примѣровъ на простыя и сложныя предложенія.
- II. а) Объяснительное чтеніе.
б) Устная передача прочитаннаго и рассказаннаго: пересказъ небольшихъ статей повѣствовательнаго содержанія.
в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ произношеніе.
- III. а) Диктовка:
аа) писаніе выученнаго наизусть;
бб) диктовка съ предварительнымъ объясненіемъ;
вв) диктовка провѣрочная.
- б) Письменная передача прочитаннаго или рассказаннаго:
аа) пересказъ или простое воспроизведеніе;
бб) рассказъ въ сокращеніи и съ измѣненіемъ формы.

Третій классъ (4 урока).

1. Синтаксисъ сложнаго предложенія и сводъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія.

Повтореніе курсовъ 1-го и 2-го классовъ.

Предложеніе сложное; предложенія подчиняющія и подчиненныя, соподчиненныя и сочиненныя.

Опредѣлительныя предложенія; способы ихъ подчиненія главнымъ. Знаки препинанія.

Дополнительныя предложенія; способы ихъ подчиненія главнымъ; предложенія, замѣняющія подлежащее. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства времени; способы ихъ подчиненія; дѣпричастія независимыя. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства мѣста; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства образа дѣйствія полныя и сокращенныя. Предложенія сравнительныя. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства причины; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства цѣли; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія условныя; способы ихъ сочиненія. Знаки препинанія.

Предложенія уступительныя; способы ихъ сочиненія. Знаки препинанія.

Знаки, отдѣляющіе главные предложенія другъ отъ друга; употребленіе точки съ запятой, двоеточія, точки, знака вопросительнаго и восклицательнаго, многоточія, черты.

Сводъ всѣхъ правилъ объ употребленіи знаковъ препинанія.

2. Практическія упражненія.

I. а) Грамматическій разборъ (устно и письменно).

б) Составленіе примѣровъ на сложныя предложенія, полныя и сокращенныя.

II. а) Объяснительное чтеніе, съ цѣлію показать строеніе повѣствованій.

б) Устное изложеніе прочитаннаго, какъ подробное, такъ и краткое.

в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ чтеніе.

III. а) Диктовка провѣрочная.

б) Подробное и краткое письменное изложеніе про читаннаго:

аа) сокращенное изложеніе прочитаннаго;

бб) расположеніе (планъ прочитанныхъ разсказовъ).

в) Составленіе повѣствованій по плану.

Четвертый классъ (3 урока).

1. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка.

Звуки и буквы древняго церковно-славянскаго языка; гласныя твердыя и мягкія, глухія, носовыя. Придыханія. Раздѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія и по степени звучности. Смягченіе согласныхъ и ихъ переходъ въ другіе, вставка и выпаденіе.

Общее понятіе объ образованіи словъ. Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ краткихъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій. Склоненіе прилагательныхъ полного окончанія. Уподобленіе звуковъ. Образованіе степеней сравненія. Склоненіе именъ числительныхъ.

Глаголъ; двѣ темы, наклоненія, времена простыя и сложныя, вспомогательные глаголы, раздѣленіе на спряженія, архаическое спряженіе; причастія и ихъ склоненія; страдательный залогъ.

Главнѣйшія особенности славянскаго синтаксиса; сказуемое составное, сказуемое во множественномъ числѣ при собирательныхъ, употребленіе причастія вмѣсто глагольной формы, употребленіе достигательнаго наклоненія, дательный самостоятельный, употребленіе среднего рода множественнаго числа прилагательныхъ, мѣстоименій и причастій, употребленіе мѣстнаго падежа и родительнаго.

2. Разборъ описаній и повѣствованій.

3. Практическія упражненія.

I. Грамматическій разборъ церковно-славянскаго текста.

II. а) Объяснительное чтеніе описаній и повѣствованій, съ цѣлію показывать ихъ строеніе.

б) Устное изложеніе прочитаннаго, какъ подробное, такъ и краткое.

в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ произношеніе.

III. а) Диктовка.

б) Составленіе описаній и повѣствованій по плану.

в) Подробное и краткое письменное изложеніе прочитаннаго на урокахъ латинскаго языка.

Пятый классъ (3 урока).

1. Теорія словесности.

Словесность, какъ искусство. Теорія словесности; ея раздѣленіе.

1) *Стилистика*.

Слогъ и его роды (прозаическій и поэтический).

Чистота слога. Архаизмы, провинціализмы, варваризмы, псологизмы. Точность слога. Плеопазмы, тавтологія и параллелизмы. Синонимы. Изобразительность слога. Фигуры и тропы: эпитетъ, сравненіе, метонимія, метафора и аллегорія.

Слогъ со стороны благозвучія. Рѣчь періодическая; виды періодовъ.

Стихословеніе. Виды русскаго стихословенія. Стопы: ямбъ, хорей, дактиль, амфибрахій, анапестъ. Цезура; строфа.

2) *Теорія прозы*.

Роды прозаическихъ сочиненій. Повѣствованіе; его части; виды повѣствованія: лѣтопись, записки, біографія, исторія.

Описаніе; его части; виды описанія: описаніе ученое и художественное. Путешествіе.

Разсужденіе; его части; способы расположенія его: синтетическій и аналитическій.

Ораторская рѣчь. Виды ораторской рѣчи. Части ея.

3) *Теорія поэзіи.*

Поэзія народная и искусственная. Роды поэтическихъ произведеній: эпосъ, лирика и драма.

Главные виды народного эпоса: пѣсня, сказка, пословица, загадка.

Главные виды эпоса искусственного: поэма, романъ и повѣсть. Баллада; идиллія; басня.

Лирика народная; виды пѣсень. Виды искусственной лирики: ода, пѣсня, сатира, элегія.

Драматическая поэзія; ея происхождение; составныя части драматическаго произведенія. Виды его: трагедія, комедія, драма.

Примѣчаніе. Теорію драмы, какъ такую часть теоріи словесности, которая требуетъ большей умственной зрѣлости и внимательнаго изученія большихъ по объему образцовъ, преподаватель можетъ перенести на 1-е полугодіе VI класса; при этомъ условіи онъ можетъ разобратъ въ видѣ образца одну изъ трагедій Софокла или Шиллера.

2. Практическія упражненія.

а) Чтеніе и разборъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній и ихъ отрывковъ для извлеченія положеній и провѣрки теоретическаго курса.

б) Составленіе періодовъ (письменно).

в) Разборъ плановъ въ повѣствованіяхъ, описаніяхъ и разсужденіяхъ и изложеніе (письменно и устно) разобранныхъ образцовъ.

г) Письменное изложеніе переведеннаго въ классахъ древнихъ языковъ.

д) Составленіе (письменно и устно) повѣствованій, описаній и разсужденій по данному учителемъ или выработанному подъ его руководствомъ плану.

Классы шестой (2 урока), седьмой (2 урока) и восьмой (2 урока).

1. Исторія русской литературы.

(Курсъ VI класса).

Народная словесность: пѣсни, сказки, былины, историческія пѣсни, пословицы, духовные стихи.

А.

Древній періодъ русской словесности.

Кирилль и Меодій. Памятники XI—XII вѣка: Остромирово Евангеліе, Сборникъ Святослава, митроп. Иларіонъ, Θεодосій Печерскій, препод. Несторъ, Поученіе Владиміра Мономаха, Кирилль Туровскій, Паломникъ игумена Данила, Даниль Заточникъ, Патерикъ, Слово о полку Игоревѣ.

Серапіонъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти. Задонщина, историческія сказанія, путешествіе Аванасія Никитина.

(Курсъ VII класса).

Вѣкъ Іоанна Грознаго: Стоглавъ, Домострой, переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, исторія Курбскаго, посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Котошихинъ. — Югозападная литература: полемическая литература, проповѣдное слово, искусственная поэзія, мистеріи. — Симеонъ Полоцкій.

Б.

Новый періодъ русской словесности.

Вѣкъ Петра Великаго.—Θеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Посошковъ, Татищевъ.

Князь Антиохъ Кантеміръ.—В. К. Тредьяковскій.

Ломоносовскій періодъ русской словесности.—Ломоносовъ.—Ложно-классицизмъ.—Лирика Ломоносова, похвальные слова, ученые сочиненія, относящіяся къ словесности.

Сумароковъ.—Его трагедіи, комедіи и сатиры.

Вѣкъ Императрицы Екатерины II. — Литературная дѣятельность Государыни.—Сатирическіе журналы.—Державинъ.—Фонъ-Визинъ.—Херасковъ.—Богдановичъ.—Хемпицерь.—Театръ при Екатеринѣ II: Княжнинъ, Аблесимовъ, Капнинъ.

(Курсъ VIII класса).

Карамзинскій періодъ русской словесности. — Карамзинъ.—Преобразование литературнаго языка: Письма русскаго путешественника.—Сентиментализмъ въ литературѣ: повѣсти и тѣ же Письма русскаго путешественника.—Исторія Государства Россійскаго.

Писатели Карамзинскаго періода: Дмитріевъ, Озеровъ.

И. А. Крыловъ.—Его дѣятельность какъ сатирика и баснописца.—
Гнѣдичъ: Переводъ Иліады.

В. А. Жуковский.—Романтизмъ.—Элегія.—Баллады.—Жуковский
какъ переводчикъ.

Батюшковъ.

Грибоѣдовъ.—Горе отъ ума.

Пушкинскій періодъ.—Пушкинъ.—Художественная школа.—Байро-
низмъ.—Отношеніе Пушкина къ народной поэзіи.—Лирическія про-
изведенія.—Эпическія и драматическія произведенія.—Проза Пуш-
кина.

Современные Пушкину лирики: баронъ Дельвигъ, Языковъ, Бар-
атынскій.

Кольцовъ.

Лермонтовъ.

Н. В. Гоголь.—Вечера на хуторѣ.—Повѣсти.—Ревизоръ.—Мертвыя
Души.

2. Практическія упражненія.

Практическія упражненія дѣлятся на устные и письменныя.

а) Устные:

аа) разборъ образцовъ;

бб) упражненія въ устномъ изложеніи прочитанныхъ разсужденій;

вв) упражненія въ свободномъ устномъ изложеніи мыслей на дан-
ную или разъясненную тему (послѣ домашняго къ тому пригото-
вленія).

б) Письменныя:

аа) изложеніе содержанія произведенія, прочтеннаго дома или въ
классахъ русской словесности и древнихъ языковъ;

бб) составленіе характеристики лица или эпохи на основаніи
прочтенныхъ образцовъ или извѣстныхъ ученикамъ историческихъ
фактовъ;

вв) сличеніе двухъ или нѣсколькихъ сочиненій однородныхъ, или
сочиненій разнородныхъ, но имѣющихъ сходное содержаніе;

гг) собственныя сочиненія: а) по плану, извлеченному изъ дру-
гаго сочиненія, б) по плану, выработанному въ классѣ подъ руко-
водствомъ учителя, в) по плану, составленному каждымъ ученикомъ
особо и одобренному преподавателемъ, б) по собственному плану
ученика, безъ участія учителя.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КЪ УЧЕБНОМУ ПЛАНУ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

1. Указанія относительно теоретическаго и историко-литературнаго курсовъ.

Низшіе три класса.

Русскій языкъ въ младшихъ классахъ гимназій есть единственный предметъ, въ которомъ значительная часть матеріала уже существуетъ въ головѣ учащихся, такъ что преподаватель имѣеть полную возможность обращаться къ ихъ самодѣтельности. Въ виду этого, признается особенно полезнымъ вести преподаваніе такимъ образомъ, чтобы сумма грамматическихъ свѣдѣній не давалась ученику, какъ что-то чуждое, но по возможности постепенно слагалась изъ готоваго уже матеріала подъ руководствомъ учителя (такъ, напр., если преподаватель дошелъ съ учениками I класса до дѣленія числительныхъ и ихъ склоненія, прежде чѣмъ задать ученикамъ этотъ § въ учебникѣ, онъ можетъ дать ученикамъ нѣсколько числительныхъ разныхъ категорій, и ученики, при его помощи, подѣлать ихъ по этимъ категоріямъ; просклонявъ нѣсколько числительныхъ по извѣстнымъ имъ вопросамъ падежей, ученики могутъ сравнить ихъ окончанія съ окончаніями существительныхъ и прилагательныхъ и вывести отсюда общее правило. Такимъ образомъ выведенныя правила несравненно легче уложатся въ головѣ учащагося, и самое добываніе ихъ принесетъ пользу его умственному развитію). По особо уважительнымъ причинамъ, въ интересѣ преподаванія своего или другихъ предметовъ, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта, утвержденнаго попечителемъ учебнаго округа, преподаватель можетъ измѣнять порядокъ программы.¹

Повтореніе курса предыдущихъ классовъ производится только по мѣрѣ надобности, т. е., повторяется не весь систематическій курсъ, а тѣ его части, которыя не могли быть усвоены учениками сразу.

При прохожденіи этимологій и синтаксиса преподаватель долженъ обращать особое вниманіе на тѣ флексіи, случаи управленія и пр., въ которыхъ народный языкъ мѣстности отступаетъ отъ языка литературнаго.

Четвертый классъ.

Въ IV классѣ назначено: 1) преподаваніе грамматики древняго церковно-славянскаго языка, и 2) разборъ описаній и повѣствованій.

Для руководства преподавателей въ этомъ классѣ предлагаются слѣдующія замѣчанія:

Свойства языка Остромирова текста изучаются не какъ предметъ самостоятельный, а на столько, на сколько они объясняютъ общій строй языка русскаго и сохранившіеся до нашихъ временъ остатки старыхъ формъ; поэтому старославянскій языкъ долженъ проходить въ постоянной связи съ грамматикою русскаго языка. Преподаваніе этого предмета должно вестись хотя и практическимъ путемъ, на разборѣ отрывковъ изъ Остромирова Евангелія, но тѣмъ не менѣе въ строгой системѣ. Это дастъ лучшее средство не только для повторенія и большаго уясненія пройденнаго изъ русской грамматики въ предыдущихъ классахъ, но и къ приобрѣтенію новыхъ грамматическихъ свѣдѣній.

Хотя четвертымъ классомъ заканчивается систематическое прохожденіе грамматики языковъ русскаго и церковно-славянскаго, однако это не значитъ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ заканчивались грамматическія занятія; напротивъ, они должны постоянно продолжаться и въ остальные четыре года, какъ для сообщенія, при случаѣ, новыхъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и для укрѣпленія практическаго знанія. При чтеніи литературныхъ образцовъ анализа грамматическій по прежнему сохранять за собою видное мѣсто. Любой памятникъ древней или новой литературы нашей представляетъ достаточный къ тому матеріалъ: всегда найдутся такія этимологическія и синтаксическія формы, которыя дадутъ преподавателю поводъ, съ одной стороны, повторить или поглубже разяснить пройденное, а съ другой—дополнить новыми фактами тѣ или другіе отдѣлы, тѣ или другія статьи грамматическаго курса.

Пятый классъ.

Въ V классѣ вводится отдѣльное преподаваніе теоріи словесности: стилистики, теоріи прозы и поэзіи.

Краткій курсъ теоріи словесности, проходимый въ этомъ классѣ, долженъ имѣть цѣлю, съ одной стороны, свести въ систему и уяснить тѣ неопредѣленные представленія о прозѣ, поэзіи, стихѣ, баснѣ и пр., которыя слагаются у ученика, начиная съ низшихъ классовъ; съ другой стороны—подготовить учениковъ къ курсу трехъ старшихъ классовъ. Систематическое изложеніе признано болѣе удобнымъ, такъ какъ сгруппированные и приведенные въ систему факты легче даются разуму и легче удерживаются памятью учащагося.

При этомъ преподавателямъ поставляется на видъ слѣдующее:

1) Вышепоменованныя свѣдѣнія никомъ образомъ не должны сообщаться учебникомъ или учителемъ какъ сумма фактовъ, которую ученикъ долженъ усвоить памятью. За исключеніемъ математики и логики, нѣтъ предмета въ гимназическомъ курсѣ, гдѣ такой способъ преподаванія принесъ бы менѣе пользы и болѣе вреда: ученикъ, заучивши не добытое и не провѣренное имъ многословное и мудреое опредѣленіе поэзіи, драмы, исторіи и т. д., не только не приобрѣтетъ ничего новаго, но и получить до извѣстной степени навыкъ говорить фразы, смыслъ которыхъ непонятенъ ему самому. Поэтому а) вездѣ, гдѣ только это возможно, свѣдѣнія по теоріи словесности должны добываться ученикомъ, подъ руководствомъ учителя, изъ самыхъ произведеній или ихъ отрывковъ, какъ читаемыхъ въ этомъ классѣ, такъ и усвоенныхъ въ классахъ предыдущихъ, и должны провѣряться при разборѣ литературныхъ произведеній, какъ въ этомъ классѣ, такъ и въ классахъ послѣдующихъ; б) опредѣленія, встрѣчающіеся въ значительномъ количествѣ въ этомъ отдѣлѣ, должны быть кратки и вполне доступны ученикамъ.

2) Предлагаемая программа представляетъ minimumъ тѣхъ свѣдѣній, которыя къ концу курса должны оказаться въ головѣ ученика послѣ разбора образцовъ; при этомъ само собою разумѣется, что всякое вновь разбираемое въ этомъ или послѣдующихъ классахъ произведение можетъ подать поводъ къ указанію теоретическихъ положеній, въ программу не включенныхъ.

3) Для добыванія нужныхъ положеній, учитель долженъ обращаться не только къ произведеніямъ словесности, разобраннымъ и усвоеннымъ въ классахъ русскаго языка и словесности, но и къ прочтеннымъ раньше или читаемымъ въ этомъ классѣ произведеніямъ словесности классической.

4) Преподавателямъ древнихъ языковъ рекомендуется обращать вниманіе учениковъ при чтеніи классиковъ на тѣ теоретическія положенія, которыя могутъ быть въ данномъ случаѣ провѣрены на примѣрѣ.

5) Свѣдѣнія изъ стилистики и нѣкоторыхъ отдѣловъ теоріи прозы должны быть поставлены въ тѣсную связь съ письменными упражненіями учениковъ.

Шестой, седьмой и восьмой классы.

Въ VI, VII и VIII классахъ вводится особое преподаваніе исторіи русской литературы: ибо какъ ни полезно изученіе литературныхъ частей схсп, отд. 1.

образцовъ, но все же это — отдѣльные факты, между которыми лежать большіе пробѣлы. Въ видахъ научнаго образованія признано полезнымъ связать ихъ, указавъ отношенія главныхъ произведеній отечественной словесности къ другимъ посредствующимъ и такимъ образомъ представить нѣчто цѣлое, систематическое.

При прохожденіи этого курса, преподаватель долженъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Какъ въ теоріи словесности, такъ по возможности и здѣсь, положенія, факты не даются ученику непосредственно и голословно, но выводятся изъ разбираемыхъ произведеній, или подтверждаются ими (такъ, напр., характеристическія черты школъ ложноклассической, сентиментальной, романтической должны быть выведены учениками изъ чтенія произведеній, подъ руководствомъ учителя; сообщая краткую характеристику, напр., Кирилла Туровскаго, Данила Паломника или Задонщины, учитель долженъ привести, или, если возможно, прочесть съ учениками небольшіе, но характерные отрывки; говоря объ отреченныхъ книгахъ или повѣстяхъ, онъ долженъ сообщить содержаніе хоть одного апокрифа или повѣсти и т. д.).

2) Предлагаемая программа, какъ и всѣ другія, представляетъ minimum свѣдѣній; этотъ minimum можетъ распространяться качественно, но не количественно, т. е., преподаватель можетъ внимательно заняться извѣстнымъ отдѣломъ или писателемъ, но не долженъ вводить много новыхъ фактовъ, въ программѣ не указанныхъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, при ограниченномъ количествѣ времени, обзоръ исторіи литературы обратится въ номенклатуру, легко забываемую и бесполезную для развитія учащихся.

2. Указанія относительно практическихъ упражненій по русскому языку и словесности.

Для низшихъ четырехъ классовъ.

Изученіе русскаго языка и словесности въ теченіе всего гимназическаго курса сопровождается постоянною практикой, которая, въ соединеніи съ теоріей, и образуетъ полное знаніе предмета. Одни изъ практическихъ занятій суть общія для всѣхъ или нѣсколькихъ сряду классовъ; другія же свойственны только одному какому-нибудь классу. Первая цѣль ихъ — прочно укрѣпить въ сознаніи ученика свѣдѣнія, объясненныя преподавателемъ; кромѣ того, посредствомъ ихъ постепенно достигаются и другія весьма важныя цѣли, а именпо: выработка

правильнаго, чистаго и точнаго литературнаго языка, навыкъ при-
нимать законы и правила въ частныхъ случаяхъ, умѣнье развивать
и располагать мысли въ логической послѣдовательности. Въ числу
общихъ для всѣхъ классовъ, въ томъ числѣ и для приготовительнаго,
практическихъ занятій, между прочими, принадлежитъ ученіе наизусть
стихотвореній. Оно имѣетъ цѣлю: 1, научить выразительному чтенію;
2, развить эстетическое чувство учащихся; 3, объяснить языкъ образ-
ный; 4, практически познакомить съ русскимъ стихосложеніемъ и 5,
послужить матеріаломъ для теоретическихъ выводовъ при прохожденіи
теоріи и исторіи словесности въ V и слѣдующихъ классахъ. Поэтому,
для болѣе успѣшнаго и основательнаго усвоенія теоретическихъ свѣ-
дѣній о родахъ и главнѣйшихъ видахъ словесности и особенно поэзіи,
ученики V класса должны вынести изъ предыдущихъ классовъ до-
статочный для означенной цѣли запасъ выученныхъ наизусть образцовъ
поэтическихъ произведеній. Чтобы опредѣлить общее количество
изучаемыхъ въ гимназіи стихотвореній и чтобы поставить въ тѣсную
связь самое ученіе ихъ наизусть съ теоріею поэзіи, предлагается
примѣрный списокъ ихъ, который, по усмотрѣнію педагогическихъ
совѣтовъ, при составленіи ежегодной программы русскаго языка и
словесности, можетъ быть замѣненъ другимъ, съ тѣмъ однако же
условіемъ, чтобы ученики во время пребыванія въ четырехъ низшихъ
классахъ имѣли возможность познакомиться съ образцами по каждому
изъ указанныхъ программю главнѣйшихъ видовъ поэзіи ¹⁾.

Что касается собственно до письменныхъ работъ, то все ихъ
многообразіе обыкновенно сводится къ тремъ видамъ, смотря по
тому, что въ задачѣ составляетъ данное и что искомое. Въ первомъ
видѣ данное содержаніе, или матеріалъ, излагается въ иной формѣ;
въ другомъ видѣ, наоборотъ, въ данную форму влагается новый
матеріалъ; въ третьемъ, и содержаніе и форма на заданную тему
прискиваются самимъ учащимся. Производится письменныя упраж-
ненія какъ въ классѣ, такъ и па дому, и потомъ исправляются учн-
телями, согласно требованію, выраженному въ объяснительной запискѣ
къ Высочайше утвержденному 30-го іюля 1871 г. уставу гимназій и
прогимназій. ²⁾

Согласно тремъ предметамъ изученія русскаго языка въ четырехъ
младшихъ классахъ, каковы: грамматика, чтеніе и письмо, практическія

¹⁾ Списокъ этотъ помѣщается ниже, подъ лит. А.

²⁾ Ст. стр. 88 и 113 Сборн. постановл. и распоряж. по гимн. и прогимн.

занятія раздѣлены въ каждомъ классѣ на три отдѣла: I. грамматическій разборъ, II. устные упражненія и III. письменныя упражненія. Грамматическому разбору, какъ самому прочному средству укрѣпить въ сознаніи учениковъ законы отечественнаго языка, должно быть отведено самое видное мѣсто въ ряду практическихъ занятій; на него должно быть употреблено и болѣе учебнаго времени, чѣмъ на каждое изъ другихъ упражненій. Грамматическій разборъ производится и устно, и письменно. Ко второму виду разбора преподаватель долженъ обращаться по возможности рѣдко, преимущественно въ концѣ курса, только для повторенія пройденнаго, и притомъ во время урока.—Устные упражненія, имѣющія задачею выработать умѣнье говорить правильнымъ, чистымъ и точнымъ языкомъ, состоятъ сначала (въ I и II классахъ) въ простомъ пересказѣ прочитаннаго; а въ III и IV классахъ требуется передать рассказъ съ измѣненіемъ формы: подробное изложеніе замѣняется краткимъ, драматическая форма—повѣствовательною; показывается расположеніе (планъ) рассказа или описанія и т. п.—Письменныя упражненія, согласно съ предыдущимъ, въ двухъ младшихъ классахъ суть не что иное, какъ повтореніе рассказаннаго; только съ третьяго класса начинаются собственно такъ называемыя сочиненія: *повѣствованія* и *описанія*. Къ нимъ непременно долженъ быть приложенъ и *планъ* сочиненія, который въ III классѣ составляется преподавателемъ, а въ IV, подъ его руководствомъ, самими учениками.

Примѣчаніе. Къ числу важныхъ и весьма полезныхъ, въ стилстическомъ отношеніи, письменныхъ упражненій должны быть отнесены переводы съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ древнихъ, которые, по мнѣнію подготовки учениковъ, могутъ быть начаты въ третьемъ и продолжаемы въ остальныхъ высшихъ классахъ.

При этомъ считается полезнымъ сдѣлать слѣдующія указанія:

1) Преподавателю поставляется на видъ, что количество устныхъ упражненій обуславливается низшимъ уровнемъ класса, а количество письменныхъ—высшимъ, т. е., устные упражненія особенно полезны въ томъ случаѣ, если ученики, по условіямъ мѣстности или по случайному составу класса, плохо выражаются по-русски; а письменныя повѣствованія и описанія—возможны только въ томъ случаѣ, если большая часть учениковъ не дѣлаетъ ошибокъ въ корняхъ и флексіяхъ.

2) Устные упражненія не должны переходить въ продолжительныя бесѣды о предметахъ, къ преподаванію прямо не относящихся. Занимаясь объяснительнымъ чтеніемъ, преподаватель никоимъ обра-

зомъ не долженъ удаляться отъ читаемой статьи и по поводу ея бесѣдовать о томъ, что не необходимо для ея уразумѣнія, или пускаться въ мелкія подробности для объясненія ея смысла.

3) Преподавателю обязательно рекомендуется обращать особенное вниманіе на диктовку въ примѣненіи къ пройденному изъ грамматики, такъ какъ въ этомъ именно возрастѣ, сейчасъ же послѣ прохожденія правила, всего удобнѣе и легче приучить ученика писать правильно, нежели впоследствии отучать его отъ ошибокъ.

4) Въ виду той же цѣли—усвоенія орфографіи, преподаватели другихъ предметовъ должны оказывать дѣятельную помощь преподавателямъ русскаго языка, исправляя ошибки въ тѣхъ тетрадяхъ учениковъ, которыя попадаютъ имъ въ руки: иначе труды преподавателей русскаго языка приведутъ только къ тому, что ученики будутъ знать *какъ* и *почему* слѣдуетъ писать, а *умѣть* писать не будутъ.

Для V класса.

Для чтенія и разбора поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій преподавателю рекомендуется выбирать только произведенія, признанныя классическими, и изъ нихъ отдавать преимущество тѣмъ произведеніямъ русскою литературы, которыя поименованы въ числѣ образцовъ, предназначенныхъ для чтенія и разбора въ гимназій. ¹⁾ Впрочемъ это замѣчаніе не исключаетъ переводныхъ произведеній, представляющихъ какія-либо выгоды предъ оригинальными (такъ, напр., Ломоносовскому разсужденію о пользѣ книгъ церковныхъ, въ виду его трудности, преподаватель можетъ предпочесть разсужденіе Шиллера о патетическомъ, о трагическомъ искусствѣ, „Основаніе удовольствія, ощущаемаго отъ трагическаго представленія“, изъ Лаокоона Лессинга: о границахъ живописи и поэзіи и т. п.).

Составленію періодовъ должно предшествовать изученіе теорій періода и разборъ періодовъ, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей. Изъ разобранныхъ періодовъ извлекается схема, по которой ученикъ возстановляетъ прочтенный періодъ или составляетъ собственный. Составленіе періодовъ должно предшествовать составленію разсужденій.

Ученіе о періодахъ должно быть дополнено въ классахъ латинскаго языка при чтеніи Цицерона, гдѣ преподаватель объясняетъ историческое значеніе искусственнаго періода, слагаемаго по требова-

¹⁾ Списокъ означенныхъ образцовъ помѣщенъ ниже подъ литер. В.

ніямъ ритма, съ соблюденіемъ равновѣсія между частями, какъ главными, такъ и второстепенными.

Съ цѣлію приучить учащихся къ обобщенію темы, въ этомъ классѣ рекомендуется давать ученикамъ дѣлать изъ прочитаннаго выборъ фактовъ для опредѣленія особенностей какого-либо предмета, напримеръ, дѣйствующаго лица. Это упражненіе будетъ первою ступенью, ведущею къ составленію собственныхъ разсужденій и состоящею въ близкой связи съ упражненіемъ другого рода—извлеченіями. При темахъ такого рода слѣдуетъ особенно обращать вниманіе на то, что было читано на урокахъ латинскаго или греческаго языка: напр., Коментаріи Цезаря могутъ дать матеріалъ для слѣдующихъ задачъ: свойства Галловъ; свойства главныхъ дѣйствующихъ лицъ и т. д.

Для VI, VII и VIII классовъ.

Устные классныя изложенія прочитаннаго, скомпилированнаго или самостоятельно составленнаго разсужденія должны научить учениковъ выражать послѣдовательно и связно свои мысли не только письменно, но и устно. Въ виду того, что такое устное сочиненіе даже двухъ учениковъ можетъ занять цѣлый часъ класснаго времени, учитель не имѣетъ возможности обращаться къ этому упражненію часто (если только начальство гимназій не найдетъ удобнымъ назначить для такихъ упражненій особое внѣклассное время); однакожь желательна, чтобы каждый ученикъ, оканчивающій курсъ гимназій, имѣлъ возможность въ послѣдніе три года хоть два раза сказать свое сочиненіе. Это упражненіе не будетъ затруднительно для большинства учениковъ только въ томъ случаѣ, если преподаватель будетъ наблюдать строгую постепенность и если преподаватели другихъ предметовъ, особенно исторіи, окажутъ ему дѣятельную поддержку, постоянно требуя отъ учениковъ правильнаго, яснаго и по возможности литературнаго изложенія устныхъ отвѣтовъ.

При правильномъ веденіи письменныхъ упражненій, въ результатъ должно получиться то, чего требуется достигнуть на урокахъ русскаго языка и словесности въ концѣ гимназическаго курса. Отъ сочиненія, написаннаго воспитанникомъ средняго учебнаго заведенія, не слѣдуетъ ожидать ни новизны или оригинальности мыслей, ни полноты содержанія, которая требуетъ многостороннихъ знаній и болѣе зрѣлой обдуманности, ни изящнаго языка, для приобрѣтенія котораго нужно не только ученіе, но и особенное дарованіе; но это сочиненіе должно быть написано языкомъ правильнымъ, чистымъ и

точнымъ, изложеніе его должно удовлетворять условіямъ логической связи и послѣдовательности, а содержаніе отличаться естественностью и дѣльностью мыслей, прямо относящихся къ темѣ. Этими качествами и обозначится та степень умственного развитія, которую должно засвидѣтельствовать русское сочиненіе гимназиста на выпускномъ экзаменѣ.

Къ учебному плану русскаго языка и словесности, какъ сказано, прилагаются ниже: а) примѣрный списокъ стихотвореній, для заучиванія учениками приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ, и б) списокъ образцовъ, которые обязательно должны быть разобраны въ четырехъ высшихъ классахъ гимназій. По отношенію къ послѣднему составляется на видъ нижеслѣдующее:

Одни изъ выбранныхъ произведеній читаются въ классѣ; другія, большаго объема,—на дому, для предварительнаго ознакомленія съ ихъ содержаніемъ. Эта домашняя подготовка, значительно сберегающая время на классную работу, состоитъ также подъ контролемъ преподавателя, который всегда можетъ сдѣлать ей повѣрку, заставивъ того или другаго ученика устно пересказать содержаніе какой либо части прочитаннаго. Разбираются же произведенія въ классѣ, ибо цѣль разбора состоитъ не въ томъ, чтобы научить гимназистовъ критикѣ, а въ томъ, чтобы помощію основательнаго сужденія о литературномъ образцѣ разъяснить его достоинство. Конечно, для внимательнаго и даровитаго ученика не пропадутъ тутъ ни основанія, на которыхъ утверждается сужденіе о литературномъ образцѣ, ни приемы, употребляемые въ этомъ дѣлѣ преподавателемъ; но отъ того, что преподаватель сообщитъ въ классѣ, еще очень далеко до собственныхъ критическихъ опытовъ ученика: послѣднему они вовсе не по силамъ и способны внушить ему лишь смѣшное и вредное самоопианіе. Цѣль чтенія образцовъ состоитъ въ томъ, чтобы во 1-хъ, научить гимназиста умѣнью „читать“ въ высшемъ смыслѣ послѣдняго слова, т. е., умѣнью сознательно относиться къ читаемому произведенію, и во 2-хъ, вывести или подтвердить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ долженъ имѣть къ концу курса изъ теорій словесности и исторій отечественной литературы. Согласно съ этою цѣлію, разборъ долженъ заключать въ себѣ слѣдующіе пункты:

1. Судить о литературномъ произведеніи нельзя, не зная, что въ немъ заключается; поэтому первымъ актомъ разбора будетъ знакомство съ его содержаніемъ, которое ученикъ долженъ имѣть излагать устно и письменно.

2. Потомъ слѣдуетъ указать построеніе (планъ) сочиненія, ибо сохраненіе онаго, а равно и основная мысль, въ немъ развитая, тогда только становится вполне понятны, когда приведены въ полную извѣстность его части, какъ главныя, такъ и второстепенныя, и объяснено взаимное между ними отношеніе.

3. Затѣмъ разбираются языкъ и слогъ сочиненія. При разборѣ языка, не только, въ случаѣ надобности, повторяется пройденное изъ грамматики, но и разъясняются новые факты этимологии, синтаксиса и правописанія. При разборѣ слога, обращается вниманіе на характеристическія особенности въ способѣ выраженія того народа, времени и автора, которому принадлежитъ разбираемый образецъ.

4. Далѣе выясняется, къ какому роду и виду словесныхъ произведеній образецъ относится.

5. Пятый и послѣдній пунктъ разбора составляетъ комментарий историческій, т. е., историческія объясненія, необходимыя для яснаго и точнаго уразумѣнія образца.

Для поясненія послѣднихъ двухъ пунктовъ разбора не безполезно привести нѣсколько примѣровъ. Послѣ статей изъ Несторовой лѣтописи полезно читать соотвѣтствующія имъ мѣста изъ исторій Карамзина и на сравненіи ихъ указывать различіе между лѣтописнымъ разсказомъ и историческимъ изложеніемъ. Сочиненіе Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ руссійскомъ языкѣ“ представляетъ возможность опредѣлить сущность разсужденій. Историческій комментарий къ этому сочиненію будетъ заключаться въ указаніи отношенія его, съ одной стороны, къ литературной практикѣ самого автора, а съ другой—къ литературному языку двухъ эпохъ: предшествовавшей ему и слѣдовавшей за нимъ. Первое отношеніе опредѣлится тѣмъ, что означенное разсужденіе есть плодъ собственной опытности Ломоносова, предложенный имъ въ подражаніе тѣмъ соотечественникамъ, которые пожелали бы заняться словесностью; что онъ самъ, согласно съ своей теоріей, по различію предметовъ, выражался различными степенями или родами слога. Въ примѣръ высокаго слога, по его опредѣленію, преподаватель можетъ прочесть приступъ похвального слова Императрицѣ Елизаветѣ; въ примѣръ средняго — отрывокъ изъ „Посланія о пользѣ стекла“ или изъ статьи „О размноженіи и сохраненіи русскаго народа“; въ примѣръ низкаго — одно изъ писемъ къ Шумалову. Отношеніе къ предшествовавшему литературному языку покажется на чтеніи одного или двухъ мѣстъ изъ южно-русской литературы XVII вѣка или литературы первыхъ сорока годовъ XVIII-го.

Эти отрывки обнаружатъ тѣ варваризмы, или, какъ выразился Ломоносовъ, „дикія слова негѣности“, которыми пестрилась рѣчь духовныхъ и свѣтскихъ писателей, и которыя собственно и заставили Ломоносова, какъ ученаго и литератора, возвысить голосъ и дать совѣтъ въ пользу чистоты роднаго слова. Наконецъ, отношеніе разсужденія къ послѣдовавшему слогу раскроется на знакомствѣ съ уклоненіями отъ разумнаго совѣта, односторонне понятаго и злоупотребленнаго, то-есть, съ крайностями славящины, явившимися у литераторовъ Ломоносовскаго періода, напр. у фонъ-Визина (въ переводѣ Томасова похвальнаго слова Марку Аврелію), или у Елагина (изъ Опытъ повѣствованія о Россіи), и обусловившими Карамзинскую реформу. Такимъ образомъ, дѣло Карамзина, будучи связано съ дѣломъ Ломоносова, не представитъ никакихъ трудностей для уразумѣнія его законности.

Примѣчаніе. Второй примѣръ долженъ быть принятъ не за указаніе, что именно въ такой мѣрѣ нужно комментировать всякій образецъ, а лишь за указаніе пути, которому можетъ слѣдовать историческое объясненіе.

Само собою разумѣется, что въ видахъ сохраненія времени и избѣжанія повтореній въ трехъ высшихъ классахъ классный разборъ и домашнее чтеніе образцовъ по возможности идетъ параллельно съ обзоромъ исторіи литературы. Проняведенія, усвоенныя учениками еще въ низшихъ классахъ, могутъ остаться совсѣмъ безъ разбора, если только онъ не представляетъ какихъ нибудь особенныхъ пунктовъ, которые были недоступны пониманію учащихся въ младшихъ классахъ.

Наконецъ, надлежитъ принять въ соображеніе, что съ введеніемъ отдѣльнаго преподаванія теоріи словесности и исторіи русской литературы преподаватели освободятся отъ неизбѣжныхъ, часто бесполезныхъ повтореній при разборѣ образцовъ, на чтѣ слышались нѣкоторыя сѣтованія въ послѣднее время.

А.

Примѣрный списокъ стихотвореній, предлагаемыхъ для заучиванія ученикамъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ.

І. БАСНИ.

- 1) Зеркало и Обезьяна. Крылова. 2) Тришкинъ Кафтанъ. Его же.
- 3) Любопытный. Его же. 4) Гуси. Его же. 5) Котъ и Поваръ. Его же.
- 6) Слоны и Москва. Его же. 7) Лебедь, Щука и Ракъ. Его же. 8) Оселъ и Соловей. Его же. 9) Демьянова уха. Его же. 10) Щука и Котъ. Его

же. 11) Ларчикъ. Его же. 12) Мартышка и Очки. Его же. 13) Квартетъ. Его же. 14) Пустынникъ и Медвѣдь. Его же. 15) Вельможа. Его же.

II. ПѢСНИ.

а) Народныя.

16) „Не шуми, мати зеленая дубравушка.“ 17) „Ахъ, кабы на пѣвѣхъ.“ 18) „Слава Богу на небѣхъ.“ 19) „А мы просо сѣяли.“ 20) „Катилось зерно по бархату.“ 21) „Идетъ кузнецъ изъ кузницы.“

б) Искусственные.

22) Пѣснь Русскому Царю. Жуковского. 23) „Ахъ ты, ночь ли ноченька.“ Дельвига. 24) Черкесская пѣсня. Пушкина. 25) Казачья колыбельная пѣсня. Лермонтова. 26) „Сяду я за столъ.“ Кольцова. 27) „Что ты спишь, мужичекъ.“ Его же. 28) Пѣсня пахаря. Его же.

III. ОДЫ.

29) Размышленіе по случаю грома. Дмитриева. 30) Надежда. Ватюшкова. 31) Подражаніе псалму 14. Языкова. 32) Клеветникамъ Россіи. Пушкина. 33) Поэтъ. Его же. 34) Пророкъ. Его же. 35) Пророкъ. Лермонтова. 36) Споръ. Его же. 37) Молитва. Его же. 38) Вѣтка Палестины. Его же.

IV. ЭЛЕГІЯ.

39) „Брожу ли я вдоль улицъ“. Пушкина. 40) Уединеніе. Его же. 41) Осень (первыя двѣ строфы). Его же. 42) Парусъ. Лермонтова. 43) „Когда волнуется желтѣющая нива“. Его же.

V. БАЛЛАДЫ.

44) Лѣсной царь. Жуковского. 45) Ночной смотръ. Его же. 46) Пѣснь о вѣицѣмъ Олегѣ. Пушкина. 47) Воздушный корабль. Лермонтова.

VI. ИДИЛЛИ.

48) Утренняя звѣзда. Жуковского. 49) Лѣтній вечеръ. Его же.

VII. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

а) Описанія.

50) Осень и зима. Пушкина. 51) Наступленіе зимы (изъ „Евгенія Онегина“: „Вотъ сѣверъ тучи нагоняя“—„блеснулъ морозъ“). Его же. 52) Зима. Его же. 53) Зимній вечеръ (первыя двѣ строфы). Его же.

54) Наступленіе весны. Его же. 55) Кочевой таборъ. Его же. 56) Переходъ на другое кочевье. Его же. 57) Горцы. Его же. 58) Петербургъ (Изъ „Мѣднаго всадника“). Его же.

б) Повѣствованія.

59) Полтавскій бой. Пушкина. 60) Кочубей въ темницѣ. Его же. 61) Разсказъ старика объ Овидіи (изъ поэмы „Цыгане“). Его же. 62) Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ (Отрывокъ). Его же.

VIII. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

а) Трагедія.

63) „Еще одно, послѣднее сказанье“ (изъ драмы: „Ворисъ Годуновъ“). Пушкина. 64) Монологъ Годунова: „Достигъ я высшей власти“. Его же. 65) Монологъ Іоанны д'Аркъ: „Молчать гроза военной непогоды“. Жуковского.

б) Комедія.

66) Монологъ Чацкаго: „Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь“. Грибоедова.

Примѣчаніе 1. Кромѣ стихотвореній, назначаемыхъ для младшихъ классовъ, ученики четырехъ старшихъ классовъ учатъ наизусть указаннныя примѣрною программой образцы при разборѣ отечественныхъ писателей или отрывки изъ этихъ образцовъ.

Примѣчаніе 2. Стихотворенія распредѣляются по классамъ по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, сообразно со степенью развитія учениковъ, и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они здѣсь перечислены.

Б.

Списокъ образцовъ, которые обязательно должны быть разобраны въ четырехъ высшихъ классахъ гимназій.

Одна былина, одна сказка, нѣсколько лирическихъ народныхъ пѣсень. Нѣсколько отрывковъ изъ Несторовой лѣтописи.

Слово о полку Игоревѣ.

Одна сатира Кантимира.

Ломоносовъ: о пользѣ книгъ церковныхъ; одна ода (требуется знать наизусть нѣсколько строфъ изъ нея); приступъ, предложеніе и раздѣленіе похвального слова Петру Великому; 1 отрывокъ изъ его доказательной части.

Державинъ: одна ода (нѣсколько строфъ изъ нея наизустъ).

Фонъ-Визинъ: Недоросль.

Карамзинъ: нѣсколько писемъ русскаго путешественника, предисловіе къ исторіи государства русскаго, одна глава изъ исторіи.

Крыловъ: нѣсколько басенъ.

Жуковский: одна элегія, одна баллада.

Батюшковъ: Тѣнь друга, Умиравшій Тассъ.

Пушкинъ: нѣсколько лирическихъ стихотвореній; Борисъ Годуновъ, Евгенийъ Онегинъ, Скучной рыцарь, Капитанская дочка.

Грибоѣдовъ: Горе отъ ума.

Гоголь: Тарасъ Бульба, Ревизоръ, Мертвыя души.

Лермонтовъ: нѣсколько лирическихъ стихотвореній, Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ.

Учебный планъ древнихъ языковъ.

А. Латинскій языкъ.

Первый классъ (8 уроковъ)

Латинскія буквы, ихъ начертаніе, названіе и произношеніе.— Произношеніе согласныхъ: *c, s* между двумя гласными; *c, p, t* въ соединеніи съ *h, sch; gn* и *si*; слога *ti* передъ согласной (исключенія: а) *t, s, x* передъ *ti*; б) въ греческихъ словахъ; в) *totius*).—Буквы *longae* (двугласныя); *sonantes*: плавныя, придыхательныя, нѣмыя, простыя и сложныя.—Гласныя *longae* и *breves* (знаки количества). Долгота по положенію (исключеніе—*muta cum liquida*).—Правило объ удареніяхъ. Упражненіе въ чтеніи избраннаго латинскаго отрывка съ надписаніемъ количества на предпоследнемъ слогѣ каждого слова.

Перечисленіе частей *rerum* съ латинскими названіями; измѣняющіяся и неизмѣняющіяся части рѣчи, склоненіе и спряженіе;

Infinitivus и *indicativus praesentis activi et passivi*; *imperativus praesentis activi* правильныхъ 4-хъ спряженій; глаголъ *sint* въ *indicativus* и *infinitivus praesentis*. Упражненія въ усвоеніи этихъ формъ съ значеніемъ ихъ по русски.

Nomina substantiva: предметныя и отвлеченныя; нарицательныя и собственныя; вещественныя; собирательныя.

Три рода именъ существительныхъ. Родъ по значенію.—Числа и падежи (на какіе вопросы каждый падежъ ставится)?

Родъ именъ и окончанія падежей 1-ю склоненія. Парадигмы.—Синтаксическое правило: части предложенія; связь посредствомъ глагола *sint* сказуемаго существительнаго и прилагательнаго съ подлежащимъ

(отличіе русскаго языка—пропускъ глагола *быть* въ настоящемъ времени).—*Дополненіе* (objectum). Дѣйствующій предметъ одушевленный при страд. залогѣ въ *творит.* съ *a* (ab).

Родъ именъ и окончанія падежей 2-ю склоненія. Парадигмы.—Имена на *er*, удерживающія *e* въ косвенныхъ падежахъ.—Имена прилагательныхъ 3-хъ окончаній на *us* и *er*, *a*, *um*. Парадигмы; упражненія въ согласованіи и склоненіи прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными (прилагательное удобнѣе ставитъ *послѣ* существительнаго).—*Синт. прав.*: въ русскомъ сказуемое прилагательное берется въ сокращенной формѣ; слѣд. при переводѣ на лат. русское сокращенное прилагательное передается съ глаголомъ *sint*.

Родъ именъ и окончанія падежей 3-ю склоненія (прибавить къ окончаніямъ именит. падежа ж. р. *do, go* и отвлеченныя на *io*).—По одному существительному на всѣ окончанія именительнаго п. съ присоединеніемъ *родительнаго*.—*Творит.* единств. въ существительныхъ на *e* (кромѣ средн. р. на *e, al, ar*, которыя имѣютъ *i*), въ прилагательныхъ положительной степени на *i* (въ сравнительной на *e*).—*Именит., винит. и зват.* множ. средн. существительныя имѣютъ *a* (только на *e, al, ar* имѣютъ *ia*), прилагательныя въ положит. степени на *ia*, въ сравнит. на *a*.—*Родительный* п. множ. на *um* имѣютъ имена, оканчивающіяся въ именит. множ. на *a*; *a* на *ium* имѣющія въ именит. множ. *ia*, равносложныя на *es* и *is* и односложныя на *s* и *x* съ предыдущею согласною.

Прилагательныя въ 3-мъ склоненіи на *is*, *e* двухъ окончаній; всѣ остальные одного окончанія, кромѣ 13-и, которыя имѣютъ 3 окончанія.

Родъ и окончанія падежей 4-ю склоненія (м. р. большею частью отлагольныя на *tus* или *sus*).

Родъ и окончанія падежей 5-ю склоненія.—Только *res* и *dies* (м. р.) имѣютъ полное множ. ч.—Количество слога *ei*.—*Синтакс. прав.*: *Nentra* множ. ч. прилагательныхъ въ именит. и винит. безъ существительнаго переводятся по русски среднимъ род. единств.; въ косвенныхъ падежахъ прибавляется *res*.

Степени сравненія прилагательныхъ. Въ сравнит. степени всегда къ основѣ прибавляется *ior, ius* (р. п. *ioris*): въ провосходной—*issimus*, *a, um* (исключая окончанія *errimus* прилагательныхъ на *er*, и *illimus* 6-ти прилагат. на *ilis*). *Синтакс. прав.*: 2-й членъ сравненія выражается или *a*) черезъ *quam* какъ и въ русскомъ, или *b*) *творит.* падежемъ вм. русскаго родительнаго.

Неправильныя степени сравненія: 1) *bonus, malus, magnus, parvus*,

multus; 2) *exterus, superus, inferus, posterus*; 3) *interior, prior, propior, ulterior*; 4) сравненіе прибавленіемъ къ положит. степени *magis* и *maxime*.

Образованіе нарѣчій и ихъ степени сравненія. — Неправильныя степени сравненія: *bene, male, multum, magis, maxime, plus, plurimum*.

Значеніе и склоненія мѣстоименій:

1) Личныхъ *ego, tu* и возвратнаго *sui*; 3-е лицо онъ б. ч. *is* и *ille*. — Творит. падежи *tecum, tecum, secum* и т. д. — Себя въ русск. для всѣхъ 3-хъ лицъ; себя въ лат. для 1-го и 2-го лицъ — косвенные падежи отъ *ego* и *tu*.

2) Притяжательныхъ. — *Meus* зват. ед. м. р. *mi*. — Свой въ русск. для всѣхъ 3-хъ лицъ; свой въ лат. для 1-го лица *meus, poster*, для 2-го *tuus, vester*. — Притяжательное невозвратное для 3-го лица *eius, eorum, earum*. — Синт. прав.: личные мѣстоименія въ именит. падежѣ и притяжательныя всѣхъ падежей ставятся б. ч. только при противоположеніи.

3) Указательныхъ: *hic, is (idem), iste, ille, ipse* (*hic* по отношенію къ 1-му лицу, *iste* къ 2-му; *is* и *ille* къ 3-му).

4) Относительнаго *qui* (творит. *quosum, quosum* и т. д.)

5) Вопросительнаго *quis* (какъ прилагат. какой? *qui?*)

6) Неопредѣленныхъ *quis* и *aliquis, quisquam, quidam, quisque*.

Значеніе и склоненіе *unus, ullus, nullus; solus, totus, alius, uter, alter, neuter*.

7) Перечень мѣстоименій *соотносительныхъ*.

Числительныя, количественныя и порядковыя. — Ознакомленіе съ употребленіемъ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *in, ab* и т. п. — На каждое проходимое правило постоянныя устные и письменныя упражненія съ заучиваніемъ словъ.

Грамматика съ устными упражненіями

6 ур.

Письменныя упражненія.

2 „

Второй классъ (7 уроковъ).

1. Полное спряженіе правильныхъ глаголовъ и глагола *sint* съ сложными *possint* и *prosit*. — Особенности глаголовъ 3-го спряженія на *io*. — Глаголы отложительные и полуотложительные. — Производство временъ. — Числительныя раздѣлительныя и числительныя нарѣчія. — Предлоги.

При прохожденіи глагольных формъ слѣдуетъ присоединить тамъ,

гдѣ умісти́те, слѣдующія синтаксическія правила: для упражненія въ усвоеніи формъ *conjunctivi* ввести основныя правила о послѣдовательности времени; значеніе и употребленіе союзовъ: *ut* (finale), *ne* (neve), *quo*, *quominus*, *quoniam* (при non dubito), *cum* когда (imperf. и plusquamperf. *conjunctivi* при perf. hist. въ главномъ предложеніи), *si* и *nisi* (объяснить и употребленіе условнаго imperf. conj. согласно съ русскимъ языкомъ); косвенный вопросъ (перечислить главнѣйшія вопросыительныя мѣстоименія и нарѣчія). При *infinitivus* изложить правила объ асс. и пом. *cum* inf. При *причастіяхъ* — о *participium futuri activi* съ глаголомъ *sunt* въ *indicat.* и *conjunctiv.*; *gerundium* и *gerundivum*; *ablativus absolutus*. — Объ употребленіи мѣстоименія *sui* въ значеніи русскаго *онъ* и *suus* въ значеніи русскаго родит. притяжательнаго *ею*, *ея*, *ихъ*. — Употребленіе обоихъ *supra* и какими другими оборотами можетъ быть замѣненъ *supra* на *ut*.

2. Глаголы неправильные (v. anomala) и недостаточные (v. defectiva).

3. Наиболѣе употребительные изъ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи perf. и *supra*.

Письменныя и устные упражненія съ заучиваніемъ словъ. Во 2-мъ полугодіи чтеніе избранныхъ басенъ Федра или латинской христоматіи.

Въ 1-мъ полугодіи: Грамматика съ устными упражненіями 5 ур.

Письменныя упражненія 2 „

Во 2-мъ полугодіи: Грамматика съ устными упражненіями 2 „

Чтеніе басенъ или христоматіи 3 „

Письменныя упражненія . 2 „

Третій классъ (5 уроковъ).

Повтореніе, съ дополненіями, глаголовъ неправильныхъ. — Глаголы, отступающіе отъ правилъ въ образованіи *perf.* и *supra*. (за исключеніемъ рѣдко встрѣчающихся). — Образованіе частей рѣчи. — Перечень (съ точнымъ переводомъ по русски) союзовъ и нарѣчій. — Повтореніе пройденнаго въ первыхъ двухъ классахъ, особенно содержащихся въ курсѣ 2-го класса синтаксическихъ правилъ, съ присоединеніемъ существеннаго изъ синтаксиса объ отличіяхъ отъ русскаго въ управленіи падежами. Устные и письменныя упражненія съ заучиваніемъ словъ.

Исключенія. Родъ именъ по значенію. — *Substantiva generis communis*. — *Substantiva mobilia*, *epicoena*. — Особенности падежныхъ окончаній во всѣхъ 5-и склоненіяхъ. — Склоненія именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка. — Отклоненія отъ правилъ о родѣ именъ суще-

[И]

ствительныхъ всѣхъ 5-и склоненій.—Nomina indeclinabilia, defectiva (casibus et numero), abundantia. (heteroclitica, heterogena, heteroclitica и heterogena).—Особенности въ прилагательныхъ (подробно въ 13 на-
чальнаго Латинскаго Мѣста въ образованіи типовъ сравненій)

Въ 1-е полугодіе латинскіе басни Фабра или Биографіи Юлія Цезаря; во 2-е полугодіе Корнелій Непотъ съ подробнымъ систематическимъ разборомъ.

Въ 1-е полугодіе:

Грамматика съ устными упражненіями	2
Чтеніе Фабра или Корнелія Непота	2
Письменные упражненія	1

Во 2-е полугодіе:

Грамматика съ устными и письменными упражненіями
Корнелій Непотъ

Четвертый классъ (6 уроковъ).

Повтореніе этимологій — Систематическое изложеніе считается; должны быть пройдены статьи: о согласованіи словъ объ употребленіи сослагательнаго наклоненія въ независимыхъ грамматическихъ предложенияхъ; объ употребленіи повелительнаго и неопредѣленнаго наклоненій; объ употребленіи падежей; объ особенностяхъ въ употребленіи мѣстоименій именъ числительныхъ и степеней сравненія; о супинѣ и герундіи и герундіивъ Устные и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій.

Чтеніе Юлія Цезаря Comm. de bello Gallico

Въ 1-е полугодіе: Грамматика съ упражненіями	3 ур.
Юлій Цезарь	2 „
Во 2-е полугодіе: Грамматика съ упражненіями	2 „
Юлій Цезарь	3 „

Примеч. Юлій Цезарь слѣдуетъ прочитывать въ 1-е полугодіе, если не мѣнѣе 70 страницъ.

Пятый классъ (6 уроковъ)

Повтореніе и окончаніе этимологій — Систематическое въ главнѣйшихъ правилахъ просодіи и гекзаметромъ. — Устные и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій. — Чтеніе Юлія Цезаря или Саллюстія и Цителія Метаморфозы (слова 800 строкъ).

Грамматика съ устными упражненіями

Клѣй Цезарь или Селлустій 2

Метаморфозы Овидія 2

Примѣч. Чтеніе Клѣй Цезаря назначается въ V-мъ классѣ только въ томъ случаѣ, если учащіеся не успѣютъ достаточно освоиться съ этимъ авторомъ въ IV-мъ классѣ.

Шестой классъ (6 уроковъ).

Повтореніе синтаксиса съ дополненіями (напр. объ особенностяхъ языка поэтического).—Устные упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій; письменныя упражненія, задаваемыя на домъ и extemporalia.—Рѣчи Цицерона и Энеида.

Грамматика съ упражненіями 2 ур.

Цицеронъ 2

Энеида (около 50 стиховъ)

Седьмой и восьмой классы (по 6-ти уроковъ).

Устные переводы съ русскаго на латинскій; письменныя упражненія, задаваемыя на домъ и extemporalia—съ указаніемъ главнѣйшихъ правилъ латинской стилистики 2 ур.

Въ 7-мъ классѣ Титъ Ливій 2

Энеида (около 1200 ст.). 2

Въ 8-мъ классѣ Цицерона философскія или риторическія сочиненія, напр. Tusculanae disputationes, De officiis, Laelius, Cato Major или же Brutus, Orator и т. п. 2

Горация избранныя оды, сатиры, посланія 2

Б. Греческій языкъ.

Третій классъ (6 уроковъ).

Будущ. ихъ произношеніе и раздѣленіе; упражненіе въ чтеніи по образцу; склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ; правильныя степени сравненія прилагательныхъ; образованіе нарѣчій и ихъ степеней сравненія; мѣстоименія; спряженіе глагола εἶμι и правильное спряженіе глаголовъ чистыхъ (неслитныхъ и слитныхъ).

Четвертый классъ (6 уроковъ).

Спряженіе глаголовъ иѣмыхъ, плавныхъ и глаголовъ на ρε; именъ числительныхъ. Устная и письменная упражненія въ переводахъ, приимкающихъ къ изученію грамматики, съ заучиваніемъ словъ.

Часть словъ, отд. 1.

6

Переводъ греческихъ текстовъ по христоматіи; во второмъ полугодіи христоматія можетъ быть замѣнена Ксенофонтомъ.

Грамматика съ устными упражненіями	3 ур.
Чтеніе греческой христоматіи или Ксенофонта	2 —
Письменные упражненія.	1 —

Пятый классъ (6 уроковъ).

Повтореніе этимологія съ дополненіями. Ученіе о словообразованіи и словосложеніи; а во второе полугодіе, въ томъ случаѣ, если будетъ исполнѣн окончена этимологія,—начало систематическаго изложенія синтаксиса. Устные и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Анабазисъ Ксенофонта. Ознакомленіе съ іоническимъ діалектомъ и чтеніе Одиссеи (одна рапсодія).

Въ первое полугодіе:

Грамматика съ упражненіями	2 ур.
Ксенофонтъ .	4 —

Во второе полугодіе:

Грамматика съ упражненіями	1 ур.
Ксенофонтъ .	2 —
Гомеръ	3 —

Шестой классъ (6 уроковъ).

Греческій синтаксисъ съ устными и письменными упражненіями въ переводахъ на греческій языкъ

Одиссея (не менѣе 2-хъ рапсодій)	2 ур.
	2 —

Въ первое полугодіе: *Memorabilia* Ксенофонта, а во второе полугодіе: или Исократъ, или Арріанъ, или Лукіанъ (разговоры въ царствѣ мертвыхъ, разговоры боговъ), или біографіи Плутарха (если окажется возможнымъ по успѣхамъ учащихся)

2 —

Классы седьмой (6 уроковъ) и восьмой (7 уроковъ).

Устные и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій, съ изъясненіемъ труднѣйшихъ частей синтаксиса въ теченіе 2-хъ лѣтъ

1 ур.

Сверхъ того, въ VII классѣ:	Геродотъ (преимущественно послѣднія 4 книги) .	2 —
	Платонъ (Апология или Критонъ)	1 —
	и Иліада (не менѣе 1,200 стиховъ)	2 —
Въ VIII классѣ:	Демосѣенъ (Олинвскія рѣчи или Филиппики) или избранныя мѣста изъ Фукидида	3 —
	Платонъ ¹⁾ (Евтидемъ, или Лахесъ, или Hippias major).	1 —
	и Еврипидъ или Софокль ²⁾ .	2 —

Хотя предлагаемый учебный планъ опредѣляетъ объемъ преподаванія въ каждомъ классѣ, тѣмъ не менѣе преподавателямъ предоставляется извѣстный просторъ, и отъ нихъ ожидается, что при благоприятныхъ условіяхъ они не преминутъ возвышать уровень познаній своихъ учениковъ въ каждомъ классѣ, а при условіяхъ неблагоприятныхъ не упустятъ изъ виду, что преподаваніе древнихъ языковъ должно идти правильнымъ методическимъ ходомъ, безъ торопливости и скачковъ. Съ этою цѣлю устанавливается слѣдующее:

1) При преподаваніи латинскаго языка въ первыхъ 3-хъ классахъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при начальномъ обученіи языку необходима не столько система, сколько *метода*. Общепринятая метода на этой степеніи ученія требуетъ, чтобы начинающій тотчасъ же былъ въ состояніи пользоваться сообщаемымъ ему матеріаломъ для выраженія мыслей, хотя бы въ элементарной ихъ формѣ, т. е. въ формѣ сужденія, или, говоря грамматически, могъ составлять предложенія. Для этой цѣли ему должно быть сообщено все необходимое для указанной цѣли изъ всѣхъ отдѣловъ грамматики, напр., нѣкоторые союзъ, предлоги и под., а также и главнѣйшія понятія синтаксическія. Ко-

¹⁾ При чтеніи и разборѣ одного изъ означенныхъ діалоговъ Платона, преподаватель постарается воспользоваться тѣми свѣдѣніями изъ логики, которыми были усвоены учениками въ VI классѣ.

²⁾ При чтеніи хоровъ въ трагедіяхъ, дѣлаются необходимыя объясненія относительно дорическаго діалекта.

личество этого матеріала и постепенность, въ какой онъ можетъ быть сообщаемъ, должны быть опредѣлены съ возможною точностью, дабы какъ можно менѣе было мѣста колебаніямъ, всегда вредно отзывающимся на успѣхахъ учащихся. Систематическій курсъ грамматики старшихъ классовъ, относительно порядка изложенія и даже количества матеріала, регулируется самымъ свойствомъ предмета, опредѣленными требованіями гимназическаго курса, и болѣе или менѣе твердо установленъ въ каждомъ принятомъ руководствѣ; поэтому содержаніе курсовъ латинской грамматики для IV-го и послѣдующихъ классовъ достаточно указать въ общихъ чертахъ. Грамматическій матеріалъ первыхъ трехъ классовъ долженъ ограничиваться самымъ существеннымъ, самыми главными правилами; поэтому изъ программы этихъ классовъ тщательно выдѣлено все имѣющее характеръ отступленія отъ правилъ, или такъ - называемыя *исключенія*, кромѣ лишь самыхъ необходимыхъ. Признано это необходимымъ съ одной стороны для того, чтобы дать учащемуся возможность какъ можно скорѣе приступить къ чтенію латинскихъ авторовъ, съ другой стороны—и это главное—потому что введеніе массы исключеній на первой ступени обученія разнѣкаетъ умственный силы учащагося, не дозволяя ему сосредоточиться на основныхъ законахъ языка и заслоняя собой только-что изученныя правила, такъ какъ правила по самой природѣ своей короче и менѣе сложны, чѣмъ исключенія.

На основаніи этихъ соображеній, исключенія поставлены тамъ, гдѣ оканчивается совсѣмъ правильная этимологія, то-есть, въ концѣ курса III класса, и поставлены всѣ выѣсты, тогда какъ обыкновенно они ставятся въ грамматикахъ по частямъ, напр., склоненія словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка обыкновенно помѣщаются въ 3-хъ мѣстахъ (послѣ 1-го склоненія, послѣ 2-го и послѣ 3-го склоненія). Сопоставленіе исключеній въ одномъ мѣстѣ удобно уже и въ томъ отношеніи, что представляетъ возможность обозрѣть ихъ связнѣе и изложить научнѣе. Имѣется въ виду, чтобы изъ содержащихся въ этомъ отдѣлѣ отступленій преподаватель избиралъ отдѣльныя статьи и проходилъ тогда, когда найдетъ это необходимымъ, какъ, напр., особенности въ склоненіи словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, умѣстно пройти во 2-мъ полугодіи III класса, когда уже пройдены будутъ изъ греческой грамматики всѣ три склоненія. Но такъ какъ и въ этомъ отдѣлѣ должно быть собрано только имѣющее важность для познанія языка въ той мѣрѣ, какъ требуется гимназическимъ курсомъ, то всѣ эти отступленія ученикамъ старшихъ классовъ должны

быть вполне извѣстны и нѣсколько разъ ими повторены въ системѣ.

Затѣмъ, при постепенномъ движеніи впередъ въ упражненіяхъ для усвоенія правилъ, особенно же въ примѣрахъ для уясненія глагольных формъ и при чтеніи автора или христоматіи будутъ встрѣчаться и отступленія отъ правилъ или исключенія, напр., изъ правилъ о родахъ именъ существительныхъ, формы глаголовъ, отступающихъ въ образованіи *perf.* и *sup.*;—но обставленное массою правильныхъ формъ, особенно когда эти послѣднія усвоены твердо, слово, представляющее собою исключеніе, уже не затенитъ правилъ, а только рѣзче выступитъ и запечатлѣется въ памяти учащагося. Преподаватели знаютъ по опыту, какъ легко при чтеніи авторовъ учащіеся запоминаютъ главныя времена отступающихъ глаголовъ, и усваиваютъ ихъ тѣмъ тверже, что глаголы эти ежеминутно повторяются. Во 2-мъ полугодіи III класса, когда правильная этимологія пройдена вся и усвоена твердо, повторить отступающіе глаголы въ видѣ общаго обзора и въ связи, какъ излагаются они въ грамматикахъ, будетъ и своевременно, и нисколько не обременительно. Послѣ сказаннаго нѣтъ надобности распространяться о томъ, что упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій и обратно, какія обыкновенно занимаютъ много страницъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ (до 50 страницъ у Кюнера), для усвоенія, напр., исключеній изъ правилъ о родахъ, особенностей глаголовъ неправильныхъ, недостаточныхъ и отступающихъ въ *perf.* и *sup.*, совершенно излишни и бесполезно отнимаютъ время отъ чтенія авторовъ.

2) Если по соображенію съ успѣхами учениковъ I класса окажется возможнымъ, предоставляется преподавателю дать для изученія, сверхъ указанныхъ въ программѣ формъ правильныхъ глаголовъ и глагола *sum*, также *perf. indicativi* и *fut. I. act.* и *passivi* и *perf. ind.* и *fut. I* отъ глагола *sum*;—усвоеніе этихъ основныхъ формъ и необходимо равнѣ другихъ, и къ тому же это дастъ возможность болѣе разнообразить упражненія: при повтореніяхъ пройденнаго форма *praesentis indicat.*, съ которой въ учебникахъ составлены фразы для упражненія, можетъ быть учениками замѣняема формами *perfecti* и *futuri*.

3) Въ III, IV и V классахъ, весь латинскій синтаксисъ долженъ быть не только пройденъ, но и повторенъ.

4) Во всѣхъ классахъ, гдѣ полагается чтеніе авторовъ, все выгадываемое искусствомъ преподавателей время можетъ съ пользою употребляться на усиленіе чтенія авторовъ.

5) Распредѣленіемъ уроковъ каждаго класса между грамматикой,

упражненіями и чтеніемъ авторовъ указывается лишь пропорція времени, которое должно быть употребляемо на тѣ или другія занятія. Въ особенности при чтеніи авторовъ нѣтъ надобности держаться этого распредѣленія буквально: напротивъ, гораздо полезнѣе читать разомъ не болѣе двухъ писателей, одного греческаго, другаго латинскаго, и никакъ не болѣе трехъ. Сверхъ того слѣдуетъ наблюдать, чтобы чтеніе въ концѣ каждаго полугодія, а особенно въ концѣ каждаго учебнаго года, не было обрываемо на срединѣ какого-нибудь отдѣла; такъ, напримѣръ, если начата рѣчь Цицерона или фабула Овидія, то надобно ее кончить; съ этою цѣлю можно обращать на чтеніе прозаика часы, назначенные на поэта, и наоборотъ, по усмотрѣнію преподавателя, который при этомъ соображается съ обстоятельствами и принимаетъ во вниманіе потребности класса. Въ VIII классѣ, когда читается Еврипидъ или Софокль, избранная трагедія должна быть непремѣнно дочитана до конца, и съ этою цѣлю, буде потребуется, можетъ быть ограничено чтеніе прозаика.

6) Хотя на чтеніе авторовъ въ теченіе гимназическаго курса назначено по учебному плану довольно значительное число уроковъ, тѣмъ не менѣе для того, чтобы учащіеся въ гимназіяхъ приобрѣтали достаточную начитанность и вполне одолѣвали хотя нѣкоторыхъ болѣе легкихъ изъ древнихъ авторовъ, требуется, чтобы преподаватели располагали ученикомъ къ домашнимъ чтеніямъ, для которыхъ по латинскому языку можно рекомендовать: Корнелія Непота, Курція, Саллюстія, Овидія и Т. Ливія, а по греческому языку: Ксенофонта, Геродота и Гомера.

Объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ.

При обученіи въ гимназіяхъ греческому и латинскому языкамъ должно имѣть въ виду, чтобы учащіеся

1) твердо усвоили элементарную грамматику обоихъ языковъ и приобрѣли умѣнье самостоятельно примѣнять ея правила какъ при передачѣ на русскій языкъ и объясненіи писателей, такъ и при переводахъ съ русскаго языка на греческій и въ особенности на латинскій;

2) знакомились съ важнѣйшими литературными произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ бытомъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и

3) приобрѣтали способность понимать какъ красоту древняго стила, такъ и изящество рѣчи вообще.

Такъ какъ основательное знаніе грамматики имѣть существенное значеніе, и съ другой стороны представляетъ много трудностей для учащихся, то въ предлагаемомъ учебномъ планѣ изученіе грамматики проводится черезъ всѣ классы, т. е., отъ начала изученія того и другаго древняго языка до конца гимназическаго курса; но имѣстъ съ тѣмъ оно расположено такъ, что сначала проходитъ изъ грамматики только самое необходимое для того, чтобы учащіеся какъ можно скорѣе могли приступить къ чтенію текстовъ, а затѣмъ, въ слѣдующихъ классахъ, все пройденное повторяется съ необходимыми дополненіями и болѣе широкимъ развитіемъ тѣхъ частей, полное изложеніе которыхъ въ низшихъ классахъ было бы не по силамъ учащимся.

Такимъ образомъ въ первыхъ двухъ классахъ проходитъ вся правильная латинская этимологія.

Главнѣйшія синтаксическія правила будутъ преподааны уже во второмъ классѣ; затѣмъ въ третьемъ классѣ сообщаются учащимся и другія синтаксическія данныя, съ которыми имъ необходимо ознакомиться прежде, нежели они приступятъ къ чтенію латинскихъ авторовъ, напр. объ употребленіи падежей. Если эти статьи проходятся въ объемѣ синтаксиса Кюнера въ переводѣ Носова, то курсъ II-го и III-го классовъ можетъ ими и ограничиться. Вообще во II-мъ и III-мъ классахъ можно довольствоваться преподаваніемъ синтаксиса достаточнымъ лишь для того, чтобы приступить къ чтенію латинскихъ авторовъ, а въ IV и V классахъ полагается пройти болѣе подробный синтаксисъ въ болѣе строгой системѣ.

Въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ изучается латинскій синтаксисъ, по греческому языку проходитъ этимологія, и по окончаніи подробнаго латинскаго синтаксиса, въ VI классѣ (а буде ученики уже тверды въ этимологію, то и во 2-е полугодіе V класса) назначается греческій синтаксисъ, при изученіи котораго слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся на особенности синтаксическаго строя въ греческомъ языкѣ, сравнительно съ языкомъ латинскимъ.

Само собою разумѣется, что такое расположеніе грамматическаго курса не должно препятствовать преподавателямъ, въ случаяхъ надобности при толкованіи авторовъ, сообщать ученикамъ такія правила, до которыхъ они еще не дошли въ курсѣ синтаксиса.

Лучшимъ средствомъ для утвержденія въ памяти учащихся этимологическихъ формъ, равно какъ и для усненія и полнаго усвоенія синтаксическихъ правилъ, служатъ разнообразныя упражненія въ

употребленія различныхъ формъ и оборотовъ; поэтому весь грамматическій курсъ должно вести такъ, чтобы за изложеніемъ правилъ непремѣнно слѣдовали устные и письменныя упражненія въ переводахъ. При этомъ латинскія и греческія фразы, служація для объясненія правилъ, переводятся устно и отчасти заучиваются наизусть; устные и письменныя упражненія состоятъ преимущественно въ переводахъ съ русскаго языка на изучаемый.

Какъ при изученіи грамматики, такъ и при занятіяхъ устными и письменными переводами, необходимо, особенно въ низшихъ и среднихъ классахъ, обращать вниманіе на то, чтобы учащіеся непремѣнно твердо запоминали значеніе встрѣчающихся имъ латинскихъ и греческихъ словъ, а для сего записывали ихъ въ особыя тетради и отъ времени до времени повторяли. Такимъ образомъ они незамѣтно могутъ приобрести значительный запасъ словъ, при помощи котораго въ высшихъ классахъ въ состояніи будутъ съ большею легкостію читать назначенныхъ тамъ авторовъ.

Что касается до чтенія авторовъ, то требуется, чтобы изъ каждаго назначеннаго автора прочитывалось какъ можно болѣе, и чтобы ученія, окончивъ чтеніе извѣстнаго автора на урокахъ, въ состояніи были справиться съ нимъ и безъ помощи учителя. Опредѣлять съ точностію, сколько для этой цѣли слѣдуетъ прочитывать изъ каждаго автора, неудобно, но сдѣланныя въ учебномъ планѣ примѣрные указанія при нѣкоторыхъ авторахъ могутъ служить основаніемъ для приблизительнаго расчета и относительно остальныхъ, при чемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе, что чѣмъ болѣе учащіеся вчитываются въ извѣстнаго автора, тѣмъ болѣе можетъ быть прочитываемо въ теченіе урока.

При существованіи вводимаго нынѣ учебнаго плана, преподавателямъ древнихъ языковъ совѣтуется принять въ руководство нижеслѣдующія общія указанія:

А. Относительно преподаванія грамматики.

1) Въ двухъ низшихъ классахъ не задается на домъ никакихъ работъ безъ предварительнаго, на сколько каждый разъ потребуется, разысненія, а на первыхъ порахъ и разуучиванія въ классѣ.

Количество задаваемыхъ для заучиванія словъ должно быть такое, чтобы ученики могли выучивать ихъ очень твердо.

Непосредственно за усвоеніемъ произношенія латинскихъ буквъ, какъ при обученіи чтенію, такъ и въ продолженіе всего курса, постоянно слѣдуетъ строго наблюдать, чтобы ученики дѣлали ударенія на словахъ правильно, сообразуясь съ количествомъ предпослѣдняго слога, и только въ такомъ правильномъ относительно ударенія видѣ слова заучивали. Для этого преподаватель каждый отдѣлъ задаваемыхъ для заучиванія словъ долженъ предварительно самъ прочитавъ въ классѣ и потомъ заставлять то же прочитывать нѣсколько разъ учениковъ. Преподаватели знаютъ изъ опыта, какъ трудно бываетъ ученику разъ съ невѣрнымъ удареніемъ заученное слово переучивать потомъ въ его правильномъ видѣ. Точно то же соблюдается строжайше и относительно удареній въ греческомъ языкѣ. Для правильного произношенія словъ латинскихъ съ самаго начала вполне достаточно ознакомить учениковъ только съ количествомъ слоговъ по положенію; все же остальное, касающееся количества, должно быть изложено въ просодіи и усвоено впоследствии въ связи съ ознакомленіемъ учениковъ съ латинскимъ стихосложеніемъ. Само собою разумѣется, слѣдуетъ требовать, чтобы ученики, въ извѣстной постепенности изучая этимологию какъ латинскую, такъ и греческую, внимательно замѣчали и твердо запоминали количество слоговъ въ окончаніяхъ склоненій и спряженій.

2) При изученіи спряженій преподаватель постепенно знакомитъ учащихся съ различными временами латинскаго и греческаго глагола, давая на каждое изъ нихъ устный и письменный упражненія, и лишь вслѣдъ за симъ проходить полныя парадигмы. При прохожденіи спряженія преподаватель долженъ каждую глагольную форму латинскую или греческую точно перевести соответствующую въ русскомъ глаголѣ, или, если таковой въ русскомъ глаголѣ нѣтъ, то разъяснить ее описательно. Особенно необходимо, чтобы ученики не смѣшивали, какъ это большею частію дѣлается, подъ однимъ названіемъ *времени*, и время въ собственномъ смыслѣ, и видъ дѣйствія, чтобы не называли формы глагольныя временами, но чтобы въ каждой формѣ *verbi finiti* различали и *время* (паст., прошедш. и будущ.), и *видъ*, а въ формахъ *verbi infiniti* не искали обозначенія времени, котораго онѣ въ себѣ не заключаютъ, а обращали вниманіе на значеніе *вида* и на отношеніе *verbi infiniti* къ *verbum finitum*.

Формы глагольныя, по предварительномъ объясненіи, удобно называть принятыми латинскими названіями, такъ какъ они и короче, и вѣрнѣе.

Такъ какъ цѣлю упражненій въ усвоеніи глагольныхъ формъ должно быть не только укрѣпленіе въ памяти окончаній, но также и разъясненіе смысла и значенія каждой глагольной формы, то особенно необходимо избѣгать употребленія фразъ, въ которыхъ бы, какъ это встрѣчается и въ нѣкоторыхъ учебникахъ, *tempora relativa* (*imperf.*, *plusquamperf.* и *futurum exactum*) стояли отдѣльно и самостоятельно. Названныя *относительныя* формы въ примѣрахъ для упражненій непременно должны быть поставлены въ связи съ глаголомъ главнаго (абсолютно или относительно) предложенія. Только изъ такого сопоставленія выяснится относительное значеніе этихъ формъ и ученики не будутъ ихъ смѣшивать.

При систематическомъ изложеніи латинскаго синтаксиса въ IV и V классахъ требуется, чтобы на каждое изложенное правило былъ достаточный изъ лучшихъ авторовъ выборъ примѣровъ, на которыхъ, посредствомъ точнаго перевода на русскій языкъ, должно быть вполне разъяснено отлічіе латинскаго оборота отъ русскаго, и по крайней мѣрѣ по два примѣра на правило должны быть выучены наизусть. Упражненія въ переводахъ на правила съ русскаго на латинскій, столь необходимыя при прохожденіи методическаго курса первыхъ трехъ классовъ, въ IV и V классахъ могутъ быть допущены лишь въ самомъ ограниченномъ объемѣ, насколько они нужны для разъясненія самого правила, дабы они безплодно не отнимали времени отъ чтенія латинскихъ авторомъ. Въмѣсто такихъ упражненій въ переводѣ краткихъ отрывочныхъ фразъ съ русскаго на латинскій, для усвоенія синтаксическихъ правилъ въ IV и даже въ III классѣ слѣдуетъ уже давать ученикамъ для перевода съ русскаго на латинскій небольшія, но цѣльныя статьи, преимущественно повѣствовательнаго содержанія.

4) При изученіи греческихъ склоненій и спряженій въ III и IV классахъ опускаются подробности съ тѣмъ, чтобы вводить ихъ въ курсъ при повтореніи этимологій въ V классѣ. Выигрываемое такимъ образомъ время употребляется на практическія упражненія, имѣющія цѣлю закрѣпить пройденное въ памяти и сознаніи учениковъ.

5) Правила объ измѣненіи буквъ въ греческомъ языкѣ указываются при склоненіяхъ и спряженіяхъ по мѣрѣ надобности и уже въ концѣ этимологическаго курса въ IV классѣ проходятся въ системѣ.

6) Въ пятomъ классѣ греческая этимологія пополняется опущенными прежде подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученики знакомятся съ главными особенностями гомерическаго діалекта.

В. Относительно письменныхъ упражненій.

1) Письменные упражненія главнымъ образомъ состоятъ въ переводѣ съ отечественнаго языка на изучаемый и должны быть въ связи съ тѣмъ, что проходится изъ грамматики, а по возможности и съ читаемыми въ каждомъ классѣ авторами.

2) Преподаватели наблюдаютъ, чтобы эти упражненія писались тщательно и чисто; просматриваютъ ихъ, отмѣчаютъ ошибки и за тѣмъ, по надлежащемъ разъясненіи ошибокъ, требуютъ исправленія ихъ учениками.

3) Назначеніе письменныхъ упражненій въ различныхъ классахъ дѣлается по слѣдующему распредѣленію:

а) По латинскому языку.

Въ низшихъ трехъ классахъ письменныя упражненія дѣлаются только въ классахъ. При этомъ должно имѣть въ виду, уже съ низшихъ классовъ, готовить учениковъ такъ, чтобы въ высшихъ классахъ они могли писать подъ диктовку прямо латинскій переводъ, не записывая русскаго подлинника.

Въ низшихъ двухъ классахъ на письменныя упражненія и разъясненіе усмотрѣнныхъ въ нихъ преподавателемъ, при исправленіи ихъ у себя на дому, ошибокъ, полагается по 2 урока въ недѣлю.

Въ третьемъ классѣ ученики пишутъ по крайней мѣрѣ по одному классному упражненію въ недѣлю, но могутъ быть задаваемы и домашнія письменныя работы.

Въ четвертомъ и пятомъ классахъ въ одну недѣлю дѣлается письменное упражненіе въ классѣ, а въ другую задается на домъ.

Въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ классахъ домашнія письменныя упражненія назначаются въ двѣ недѣли разъ; но, сверхъ того, на урокахъ, по назначенію преподавателя, дѣлаются *extemporalia*, которыя слѣдуетъ вести такъ, чтобы ученики диктуемый учителемъ русскій текстъ прямо со словъ учителя переводили письменно на латинскій языкъ.

Въ восьмомъ классѣ домашнія письменныя упражненія состоятъ изъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій или же изъ сочиненій на темы историческаго содержанія.

б) По греческому языку.

Въ третьемъ и четвертомъ классахъ письменныя упражненія дѣлаются только въ классѣ.

Въ *третьемъ* классѣ (со втораго полугодія, а если можно, то и прежде)—такъ же, какъ по латинскому языку во второмъ.

Въ *четвертомъ* классѣ — такъ же, какъ по латинскому языку въ третьемъ.

Начиная съ *пятого* класса, могутъ быть даваемы письменныя упражненія и на домъ, но во всякомъ случаѣ требуется, чтобы ученики еженедѣльно дѣлали письменный переводъ либо въ классѣ, либо дома. *Extemporalia* должны состоять преимущественно въ диктовкѣ русскихъ фразъ, заимствованныхъ изъ греческихъ авторовъ, прочтенныхъ въ продолженіе послѣдней педѣли, съ тѣмъ, чтобы ученики сейчасъ же письменно переводили эти фразы на греческій, не записывая ихъ по русски. Такія *extemporalia* обязательны въ *седьмомъ* и *восьмомъ* классахъ, по желательному, чтобы они давались уже и въ *шестомъ* классѣ.

В. Относительно чтенія авторовъ.

1) Чтенію каждого автора предпосылается краткая его біографія и самыя необходимыя свѣдѣнія о томъ родѣ произведеній, къ которому относится избранное для чтенія сочиненіе.

2) При чтеніи авторовъ должно требовать твердаго знанія словъ и при спрашиваніи ихъ обращать вниманіе на точное ихъ значеніе, указывая, по мѣрѣ возможности, и на ихъ происхожденіе; затѣмъ слѣдуетъ тщательно разяслять синтаксическія соотношенія словъ и дѣлать требуемыя содержаніемъ объясненія изъ исторіи, географіи, словесности, міеологіи и древностей.

3) Всѣ грамматическіе вопросы должны быть направляемы къ тому, чтобы разяснить ученикамъ мысль автора или удостовѣриться, понято ли данное объясненіе; но не слѣдуетъ прерывать объясненіе и переносить читаемаго текста вопросами, служащими лишь къ повторенію склоненій и спряженій: такіе вопросы должны быть предлагаемы, если въ нихъ есть надобность, при спрашиваніи vocabulъ.

4) Пока ученики привыкаютъ къ чтенію новаго автора, то переводъ дѣлается по возможности дословный, и переведенное мѣсто повторяется, дабы передать его языкомъ литературнымъ; впрочемъ переводъ по содержанію долженъ постоянно быть близокъ къ подлиннику. При чтеніи прозаиковъ рекомендуется упражнять учениковъ въ обратномъ переводѣ, особенно на первыхъ порахъ, пока ученики еще не привыкли къ читаемому автору. Повтореніе прочитаннаго со-

вѣтуется не относить исключительно къ концу учебнаго года, предъ экзаменами, а производить по дидактическимъ соображеніямъ.

5) Отъ времени до времени слѣдуетъ требовать, чтобы ученики связно рассказывали содержаніе извѣстнаго прочитаннаго отдѣла: иначе переводимые въ каждый урокъ небольшіе отрывки теряютъ въ памяти учениковъ взаимную связь. Такіе рассказы могутъ дѣлаться не только по русски, но и по латыни.

6) Поэтическія произведенія читаются непремѣнно по размѣрамъ ¹⁾, при чемъ дѣлаются необходимыя объясненія изъ просодіи и метрики.

Необходимо во всѣхъ классахъ заставлять учениковъ заучивать наизусть избранныя мѣста какъ изъ повтовъ, такъ и изъ прозаиковъ; задаваемые для заучиванія наизусть мѣста предварительно читаются, переводятся и объясняются.

Уже съ низшихъ классовъ слѣдуетъ приучать учащихся къ близкому къ подлиннику, по выѣстѣ съ тѣмъ и вполне соответствующему духу русскаго языка переводу какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и оборотовъ въ читаемыхъ древнихъ авторахъ. Для этой цѣли слѣдуетъ, параллельно съ переводами съ русскаго на изучаемые языки, задавать письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Въ этихъ переводахъ должны быть воспроизведены по русски не только вполне вся мысль переводимаго мѣста изъ автора, но и всѣ оттѣнки выраженія чистымъ и литературнымъ русскимъ языкомъ. Такія работы съ большою пользою могутъ быть задаваемы ученикамъ всѣхъ классовъ и на лѣтнія вакаціи. Для усовершенствованія учениковъ въ правильномъ и изыщномъ переводѣ съ древнихъ языковъ на русскій, полезно, спрашивая въ классѣ переводъ заданнаго изъ автора мѣста, требовать, чтобы ученикъ, предварительно прочитавъ по латыни или по гречески отдѣлъ, содержащій въ себѣ законченный смыслъ, переводилъ его по русски уже не повторяя еще разъ того или другаго латинскаго или греческаго слова, передачей котораго онъ затрудняется, дабы смѣшеніемъ и чередованіемъ, какъ это обыкновенно дѣлается при отвѣтахъ учениковъ, русскихъ словъ съ латинскими или греческими, не нарушать связности рѣчи и цѣлости смысла; на неправильности же въ переводѣ того или другаго слова или оборота останавливать, не называя самихъ словъ, и заставлять другихъ учени-

¹⁾ За исключеніемъ сложныхъ лирическихъ размѣровъ въ греческихъ трагедіяхъ.

ковъ отыскивать болѣе вѣрное и подходящее выраженіе. При такомъ приѣмѣ въ сильной степени возбуждается вниманіе всего класса и является болѣе настоятельная необходимость для каждого слѣдить за отвѣтомъ товарища, а равно и основательнѣе готовиться къ урокамъ, ибо отнимается возможность отдѣлываться поверхностнымъ приготовленіемъ и приниматься за разборъ отдѣльных словъ и оборотовъ тогда только, когда уже спрашиваютъ урокъ, и продѣлывать въ классѣ съ помощью преподавателя ту работу, которая должна быть исполнена ученикомъ самимъ и дома.

Сверхъ того обращается вниманіе преподавателей на относящіеся къ нимъ замѣчанія, высказанныя въ учебныхъ планахъ по русскому языку и словесности (стр. 34, п. 4; 37, п. 4 и 38, абзацъ 3-й) и по исторіи (стр. 96 въ концѣ и 94—96).

Учебный планъ логики.

VII классъ (1 урокъ).

Понятіе о логикѣ какъ формальной наукѣ мышленія.

А. Основныя формы мышленія.

1. *Понятія*: признаки, содержаніе и объемъ понятій. Родъ и видъ. Отвлеченіе и ограниченіе понятій.

2. *Сужденія*: раздѣленіе сужденій по количеству и качеству.—Сужденія категорическія, условныя и раздѣлительныя.

3. *Умозаключенія*: непосредственныя умозаключенія.—Посредственныя умозаключенія или силлогизмы. Категорическій силлогизмъ и его четыре фигуры.—Условныя и раздѣлительныя умозаключенія.

Энтимема и эпихерема. Дилемма. Софизмы (*petitio principii* и под.). Сорить. Наведеніе. Аналогія.

Б) Основные законы мышленія.

1. Законъ тождества и противорѣчія.

2. Законъ исключеннаго третьяго.

3. Законъ достаточнаго основанія.

В) Методы или пути мышленія.

1. *Опредѣленіе и раздѣленіе*. Виды опредѣленія (номинальное и реальное, опредѣленіе генетическое). Условія правильности опредѣленія. Правила раздѣленія.

2. *Индуктивныя или эмпирическіе пути мышленія.* Наблюденіе. Опытъ. Индукція *per enumerationem simplicem*.

Методы опытнаго изслѣдованія: методъ согласія, методъ разницъ, методъ сопутствующихъ измѣненій и методъ остатковъ.

Эмпирическіе законы.—Гипотеза.—Экспериментъ.

3. *Умозрительныя пути мышленія.* Анализъ и синтезъ. Методъ аналитическій и методъ синтетическій. Понятіе о наукѣ какъ системѣ.

Какъ учебныя руководства при преподаваніи логики должны быть приняты, впредь до появленія болѣе удовлетворительныхъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ, сочиненія: *Элементарная логика* Струве и *Философская пропедевтика* Румпеля, переводъ Цейдлера.

Объяснительная записка къ учебному плану логики.

Въ объяснительной запискѣ къ уставу гимназій 1871 года (см. стр. 83 и 84 Сборн. постановл. и распор. по гимн. и прогимн.) указано, что преподаваніе логики въ VII-мъ классѣ гимназій признано необходимымъ «какъ въ видахъ формальнаго развитія учениковъ и приученія ихъ къ болѣе отчетливому и самостоятельному мышленію, такъ и въ видахъ подготовки ихъ въ университету сообщеніемъ изъ логики и болѣе доступныхъ частей философіи такихъ свѣдѣній, которыя тотчасъ же пригодятся значительному большинству изъ нихъ при изученіи какъ наукъ юридическихъ, такъ и философскихъ и филологическихъ. Неналичие ознакомленія съ этою областью знаній и для тѣхъ юношей, которымъ впоследствии придется изучать науки физико-математическія и естественныя, а также и медицинскія. При этомъ имѣется въ виду та же цѣль, что и при введеніи преподаванія очерка естественной исторіи, именно ознакомленіе съ главнѣйшими данными науки и возбужденіе къ ней любознательности. Въ этихъ видахъ и въ заграничныхъ гимназіяхъ въ высшемъ ихъ классѣ преподается такъ-называемая философская пропедевтика».

Подъ болѣе доступными частями философіи, о которыхъ говорится въ приведенномъ указаніи, можно разумѣть собственно только психологію. Элементарныя свѣдѣнія изъ этой науки въ соединеніи съ формальною логикой и образуютъ тотъ курсъ философской пропедевтики, который преподается въ старшемъ классѣ нѣмецкихъ гимназій. При соединеніи элементовъ психологіи къ гимназическому курсу логики желательно какъ въ виду общеупотребительности психологическихъ

терминовъ, такъ и потому, что уже самое опредѣленіе логики, какъ науки о формахъ, законахъ и методахъ мышленія, естественно вызываетъ вопросъ о самомъ мышленіи, какъ психическомъ процессѣ, и о его отношеніи къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ.

Но психологія есть наука еще неустановившаяся, и подъ этимъ терминомъ разумѣются многіе весьма между собою различные предметы. Хотя старинное различіе между раціональною психологіей (составлявшей часть метафизики) и психологіей опытной уже не существуетъ въ прежнемъ своемъ значеніи, такъ какъ болѣе пѣть раціональной психологіи какъ общепризнанной науки (какъ это было въ извѣстной степени во времена Вольфа); но, съ одной стороны, на мѣсто ея явилось столько же раціональных психологій, сколько существуетъ системъ умозрительной философіи, а съ другой стороны—независимо отъ этихъ послѣднихъ является попытка установить психологію какъ одну изъ положительныхъ наукъ, которая въ тѣснѣйшей связи съ фізіологіей должна опредѣлить отношеніе психическихъ дѣятельностей къ фізіологическимъ процессамъ въ организмѣ или даже прямо генетически вывести первыя изъ послѣднихъ. Понятно, что эта возникающая психо-фізіологія такъ же мало можетъ быть предметомъ гимназическаго преподаванія, какъ психологическія ученія различныхъ нынѣ существующихъ философскихъ системъ уже по тому одному, что фізіологія столь же неизвѣстна ученикамъ, какъ и тѣ философскія системы. Съ другой стороны нельзя, разумѣется, воскрешать въ гимназіяхъ старинную раціональную психологію, какъ основанную на извѣстныхъ умозрительныхъ началахъ частію невѣрныхъ, частію же и недоступныхъ для учениковъ. Такимъ образомъ элементы психологіи для гимназическаго преподаванія могутъ найдтись только въ той области, которая въ старину опредѣлялась такъ называемою опытною психологіей, т. е., эти элементы могутъ состоять лишь въ простомъ описаніи основныхъ психическихъ дѣятельностей и состояній, какъ фактически данныхъ въ сознаніи, съ указаніемъ ихъ взаимнаго отношенія.

Преподаваніе такой элементарной психологіи можетъ происходить приблизительно по слѣдующему плану:

Основные виды психическаго бытія: воля, представленіе и чувство.

1. (*Область воли*). Стремленія (объ инстинктахъ). Желанія. Собственно воля (о характерѣ).

2. (*Область представленія*). Впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, возбуждающія дѣятельность представленія. Ощущенія, какъ чисто-пси-

хическія состоянія, образующія матеріалъ представленій. Собственно представленія. Память. Рефлексія или отвѣщенное представленіе (мышленіе). Творческое представленіе или воображеніе.

3. (*Область чувства*). Внутреннія чувства или душевныя волненія.

Къ этому могутъ присоединяться *ad libitum* отдѣльныя психологическія наблюденія: о темпераментахъ, снѣ и сновидѣніяхъ и т. п. Очеркъ элементарной психологіи находится въ одобренной ученымъ комитетомъ „Философской пропедевтикѣ“ Румпеля.

Что касается вообще до преподаванія логики и психологіи въ гимназіяхъ, то кромѣ тѣхъ чисто педагогическихъ цѣлей, которыя указаны въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ объяснительной записки къ уставу гимназій, это преподаваніе можетъ и должно достигать еще нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ. Изложеніе логики, какъ науки о чистыхъ формахъ мышленія всеобщихъ и необходимыхъ, должно сообщить ученикамъ понятіе о мышленіи какъ проявленіи безусловной разумности, формально независимой отъ внѣшняго эмпирическаго матеріала, и слѣдовательно, должно предохранить ихъ отъ заблужденій односторонняго эмпиризма. Подобнымъ же образомъ въ психологіи уже простое, но точное описаніе элементарныхъ проявленій души—ощущеній какъ чисто-внутреннихъ или субъективныхъ состояній, несводимыхъ ни къ какому вещественному опредѣленію, а напротивъ предполагаемыхъ всякимъ¹ вещественнымъ опредѣленіемъ, дѣлаетъ логически-невозможнымъ основное заблужденіе ходячаго матеріализма, забывающаго именно, что субъективныя состоянія по самому существу ихъ несводимы къ бытію объективному.—Эти двѣ цѣли достигаются сами собою при основательномъ изложеніи формальной логики и элементарной психологіи, при чемъ было бы не только бесполезно, но и вредно, еслибы преподаватель вдавался въ область высшей умозрительной философіи, еслибы, напримѣръ, говорилъ объ основныхъ душевныхъ дѣятельностяхъ, онъ сталъ толковать о душѣ какъ субстанціи и о ея безсмертіи, по поводу воли сталъ бы рѣшать вопросъ о свободѣ и необходимости и т. п. Ибо хотя, вообще говоря, было бы желательно, чтобы ученики гимназій познакомились съ философскимъ оправданіемъ нѣкоторыхъ высшихъ истинъ, извѣстныхъ имъ изъ другаго источника, каковы истины бытія Бога, безсмертія души, свободы воли; но такъ какъ ни возрастъ учащихся, ни размахъ курса не позволили бы излагать философскія основанія этихъ истинъ съ достаточною полнотою и послѣдовательностью, а отрывочныя и безсвязныя разсужденія на эти темы могли бы только принести вредъ,

часть СХСII, отд. 1.

то лучше преподавателю не впадать въ изслѣдованіе этихъ вопросовъ, ограничиваясь только необходимымъ указаніемъ на нихъ. На тѣхъ же основаніяхъ теорія познанія не должна входить въ гимназическій курсъ логики.

Систематическое преподаваніе логики, какъ само собою разумѣется, постоянно должно сопровождаться соответствующими практическими упражненіями. Наконецъ, отнесеніе логики къ VII классу гимназій вы-
зывается какъ тѣмъ, что курсъ этого класса, по неизмѣнно въ немъ устныхъ испытаній, нѣсколько продолжительнѣе курса VIII класса, такъ и еще болѣе тѣмъ, что приобретенными въ VII классѣ свѣдѣніями изъ логики желательно воспользоваться въ VIII классѣ при разборѣ философскихъ сочиненій Платона и Цицерона и тѣмъ болѣе развить и упрочить тѣ свѣдѣнія.

Учебный планъ математики и математической географіи.

По уставу гимназій, на математику, математическую географію, физику и естествовѣдѣніе назначено 37 уроковъ. Изъ нихъ 6 уроковъ должны быть посвящены на физику и 2 на естествовѣдѣніе. Такъ какъ на физику будетъ употреблено по 2 урока въ VI, VII и VIII классахъ, а на естествовѣдѣніе 2 урока въ VI классѣ, то число уроковъ по математикѣ и математической географіи, во всякомъ случаѣ, будетъ не менѣе 29-и, изъ которыхъ: по четыре урока въ I, II, III, IV и V классахъ, два въ VI, три въ VII и четыре въ VIII классѣ. Эти уроки должны быть распределены слѣдующимъ образомъ:

Въ I классѣ—всѣ четыре урока на ариметику.

Во II классѣ—всѣ четыре урока также на ариметику.

Въ III классѣ—два урока на окончаніе ариметики и 2 урока на алгебру.

Въ IV и V классахъ—по два урока употребить на алгебру и по два же на геометрію.

Въ VI классѣ—одинъ урокъ посвятить на алгебру и одинъ урокъ на геометрію.

Въ VII классѣ—употребить два урока на тригонометрію и одинъ урокъ на окончаніе алгебры.

Въ VIII классѣ посвятить одинъ урокъ на математическую географію и три урока на повтореніе всего пройденнаго по математикѣ и на сообщеніе понятій о приложеніи алгебры къ геометріи.

Въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ не будетъ преподаваться естественныя науки, въ VI классѣ на преподаваніе математики прибавится 2 урока. Эти прибавочные уроки должны быть употреблены на усиленіе упражненій въ рѣшеніи алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ и на прохожденіе части курса VII класса, съ цѣлію выгадать въ послѣднемъ время для повторенія пройденнаго по математикѣ въ предшествующихъ классахъ.

ПРИМѢРНЫЯ ПРОГРАММЫ МАТЕМАТИКИ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Въ поясненіе плана преподаванія математики и математической географіи прилагается примѣрная программа. Этихъ наукъ, которою вполне точно опредѣляется и объемъ ихъ, и система преподаванія.

Арифметика.

I классъ (4 урока).

Нумерація десятичной системы. Повтореніе дѣйствій надъ цѣлыми отвлеченными числами. Таблицы русскихъ мѣръ наглядно и съ объясненіемъ. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Дѣйствія надъ составными именованными числами. Устное и письменное рѣшеніе задачъ. Ознакомленіе съ простѣйшими дробями.

II классъ (4 урока).

Признаки дѣлимости чиселъ на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10. Разложеніе чиселъ на простые множители. Дѣйствія надъ обыкновенными и десятичными дробями какъ отвлеченными, такъ и именованными. Периодическія дроби. Ознакомленіе учащихся съ метрическою системою мѣръ. Объ отношеніяхъ и пропорціяхъ. Устное и письменное рѣшеніе задачъ, относящихся ко всему пройденному.

III классъ (2 урока).

Приложеніе арифметическихъ дѣйствій къ рѣшенію разнаго рода задачъ такъ называемыхъ: правила тройнаго простаго и сложнаго, правила процентовъ, учета векселей, правила цѣпнаго, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія.

Примѣчаніе. Въ VIII классѣ арифметика повторяется вывезъ съ алгеброю.

Алгебра.

III классъ (2 урока).

Упражнения, служащія для перехода отъ арифметики къ алгебрѣ; алгебраическое знакоположеніе. Нахожденіе численныхъ величинъ алгебраическихъ выраженій. Соединеніе подобныхъ алгебраическихъ количествъ. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе одночленовъ и многочленовъ. Дѣленіе одночленовъ. Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій 1-й степени съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

IV классъ (2 урока).

Дѣленіе многочленовъ. Разложеніе алгебраическихъ выраженій на множителей и нахожденіе общаго наименьшаго кратнаго нѣсколькихъ данныхъ количествъ.

Дѣйствія надъ алгебраическими дробями.

Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій I степени съ одною и многими неизвѣстными и составленіе уравненій изъ условій данной задачи.

Возвышеніе одночленовъ въ степени и извлеченіе корней изъ одночленовъ. Возвышеніе многочленовъ въ квадратъ. Извлеченіе квадратныхъ корней изъ чиселъ и алгебраическихъ количествъ.

Пропорціи и примѣненіе ихъ къ рѣшенію задачъ.

V классъ (2 урока).

Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій II степени съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

Исслѣдованіе уравненій I степени и рѣшеніе квадратныхъ уравненій съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

Общее исслѣдованіе квадратнаго уравненія и свойства корней этого уравненія. Свойство трехчлена II степени. Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій II степени съ двумя неизвѣстными.

Дѣйствія надъ радикалами.

Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій I степени и задачъ, сюда относящихся.

VI классъ (1 урокъ).

Прогрессія и приложеніе ихъ къ рѣшенію задачъ.

Логарифмы; примѣненіе ихъ къ вычисленіямъ и къ рѣшенію задачъ

VII классъ (1 урокъ)

Общій наибольшій дѣлитель.

Извлеченіе кубическихъ корней.

Непрерывныя дроби и ихъ простѣйшія примѣненія.

Теорія сочетаній. Вѣдомъ Ньютона.

Геометрія.

IV классъ (2 урока).

Прямая и круговая линіи; мѣра прямой линіи.

Прямолинейныя углы и понятіе о мѣрѣ ихъ.

Свойства перпендикулярныхъ и наклонныхъ линій.

Равенство треугольниковъ и свойства ихъ.

Свойства параллельныхъ линій. О четырехугольникахъ и многоугольникахъ вообще.

О кругѣ. Свойства хордъ, сѣкущихъ, касательныхъ и мѣра угловъ, составленныхъ этими линіями.

Объ относительныхъ положеніяхъ двухъ круговъ.

О треугольникѣ и правильныхъ многоугольникахъ, вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него.

V классъ (2 урока).

Пропорціональность прямыхъ линій и подобіе треугольниковъ и многоугольниковъ.

Главнѣйшія соотношенія между сторонами треугольника и четырехугольника и другими линіями, проведенными въ нихъ.

Пропорціональныя линіи въ кругѣ. О вычисленіи сторонъ правильныхъ многоугольниковъ, вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него.

О предѣлахъ; объ отношеніи окружностей.

Понятіе о вычисленіи отношенія окружности круга къ діаметру.

Несложныя задачи на построеніе и численныя примѣры, относящіяся къ каждому изъ пройденныхъ отдѣловъ.

Измѣреніе и отношеніе площадей прямолинейныхъ фигуръ, круга и его частей.

О взаимномъ положеніи прямыхъ линій и плоскостей въ пространствѣ.

Главныя свойства двугранныхъ и многогранныхъ угловъ.

Главныя свойства и условія равенства пирамидъ и призмъ и о правильныхъ многогранникахъ.

Измѣреніе поверхностей призмъ и пирамидъ.

VI классъ (1 урокъ).

Измѣреніе объемовъ призмъ и пирамидъ.

О подобныхъ многогранникахъ.

О происхожденіи конуса, цилиндра и шара и о ихъ сѣченіяхъ.

Измѣреніе поверхностей и объемовъ конуса, цилиндра, шара и его частей.

Отношеніе поверхностей и объемовъ подобныхъ цилиндровъ и конусовъ, а также поверхностей и объемовъ шаровъ.

Прямолинейная тригонометрія.

VII классъ (2 урока.)

Предметъ тригонометріи. Тригонометрическія величины. Соотношенія тригонометрическихъ величинъ одного и того же угла.

Измѣненіе тригонометрическихъ величинъ съ измѣненіемъ угла отъ 0° до 360° .

Выраженіе синуса, косинуса и тангенса суммы и разности двухъ угловъ.

Выраженіе синуса, косинуса и тангенса двойнаго угла и половины угла. Отношеніе суммы синусовъ двухъ угловъ къ ихъ разности.

Понятіе о вычисленіи натуральныхъ тригонометрическихъ чиселъ. Употребленіе тригонометрическихъ таблицъ.

Соотношенія между сторонами и углами прямоугольнаго треугольника. Рѣшеніе прямоугольныхъ треугольниковъ.

Соотношенія между сторонами и углами косоугольныхъ треугольниковъ.

Рѣшеніе косоугольныхъ треугольниковъ. Вычисленіе площадей.

Измѣреніе линий и угловъ на земной поверхности. Простѣйшіе углоизмѣрные инструменты. Приложение прямолинейной тригонометріи къ производству различныхъ измѣреній на мѣстности.

VIII классъ (3 урока).

Повтореніе всего пройденнаго по математикѣ, при чемъ ариметика повторяется въ связѣ съ алгеброй и при повтореніи курса алгебры

рѣшается возможно большее число задачъ въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были рѣшены въ предыдущихъ классахъ. Кромѣ того сообщает-ся понятіе о приложеніи алгебры къ геометріи.

Математическая географія.

УІІІ классъ (1 урокъ).

Видимый горизонтъ. Страны горизонта. Суточное движеніе небеснаго свода. Ось и полюсы міра. Высота звѣздъ и азимутъ. Экваторъ и меридіанъ. Опредѣленіе высоты полюса. Склоненіе и прямое восхожденіе.¹

Шаровидность земли. Широта и долгота мѣста на земной поверхности. Истинный видъ земли.

Вращеніе земли около оси. Объясненіе кажущагося суточного движенія небеснаго свода. Звѣздныя сутки. Истинныя и среднія солнечныя сутки. Видимое годовое движеніе солнца. Объясненіе этого движенія солнца движеніемъ земли. О календаряхъ.

Движеніе луны и ея фазы. Солнечныя и лунныя затмѣнія.

Понятіе о движеніи планетъ. Законы Кеплера.

О кометахъ и падающихъ звѣздахъ.

Учебный планъ физики.

Кромѣ предметовъ, входившихъ у насъ до 1872 г. въ гимназическій курсъ физики, необходимо было ввести въ этотъ курсъ преподаваніе нѣкоторыхъ другихъ физическихъ предметовъ, оказавшихся въ послѣднее время весьма важными, именно: спектральный анализъ и тройное дѣйствіе луча—свѣтовое, теплородное и химическое, а также объясненія давленія на точку плавленія, какъ основаніе для объясненія ледниковъ. Къ физикѣ слѣдуетъ также отнести ученіе о метеорахъ, которое прежде входило въ составъ космографіи.

Хотя число уроковъ физики, по новому уставу гимназій, осталось то же самое, то-есть, 6 уроковъ, но такъ какъ въ курсъ физики вводятся вышеозначенные предметы, то нѣкоторыя части ея необходимо вовсе выпустить, а другія сократить. И именно къ первымъ относятся: дѣйствіе гальваническихъ токовъ на токи, термоэлектричество и удары шаровъ. Сокращенію подлежатъ преимущественно передъ другими: теплородъ, свѣтъ, индукція и лучистая теплота. Равновѣсіе простыхъ машинъ разсматривается только въ случаѣ параллельныхъ силъ. Отраженіе свѣта отъ вогнутаго сферическаго зеркала

должно быть разобрано при помощи математическихъ формулъ; но отраженіе свѣта отъ выпуклаго сферическаго зеркала и преломленіе въ трехгранной призмѣ и сферическихъ стекахъ слѣдуетъ разсматрѣть только съ качественной, а не съ количественной стороны.

Относительно означенныхъ сокращеній слѣдуетъ замѣтить, что вообще желательно, чтобы познанія учащихся были прочны и основательны: лучше ограничиться небольшимъ числомъ фактовъ по каждому отдѣлу явленій и изучить ихъ вполнѣ, чѣмъ имѣть огромное количество поверхностныхъ свѣдѣній.

Такъ какъ для яснаго пониманія многихъ физическихъ явленій нужны свѣдѣнія изъ химіи, которая въ свою очередь основывается на законахъ физики, то необходимо сообщить ученикамъ понятія о главнѣйшихъ химическихъ явленіяхъ; но должно смотрѣть на нихъ какъ на прибавленіе, а не какъ на составную часть курса физики.

На основаніи сказаннаго, преподаваніе физики раздѣляется на три части, по одной на каждый годъ. 1-я часть проходится въ VI классѣ и содержитъ: предварительныя общія понятія; ученіе о тѣлахъ твердыхъ, жидкостяхъ и газахъ и краткій очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій. 2-я часть преподается въ VII классѣ и заключаетъ въ себѣ: теплоту; магнетизмъ; электричество статическое, электричество динамическое и свѣтъ. 3-я часть назначается для VIII класса и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: движеніе, звукъ и атмосферныя явленія. Сверхъ того въ концѣ учебнаго года въ этомъ классѣ повторяется весь курсъ физики въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Къ сему прилагается подробная программа физики, составленная на основаніи предыдущихъ соображеній.

ПРИМѢРНАЯ ПРОГРАММА ФИЗИКИ.

Шестой классъ (2 урока).

Предварительныя понятія. Три состоянія тѣлъ: твердое, жидкое и газообразное. Вѣсъ; плотность.

Общія свойства тѣлъ. Нониусъ и верниеръ.

Расширеніе при нагрѣваніи; устройство и употребленіе термометра.

Изслѣдованіе явленій. Наблюденія, опытъ и гипотеза.

О силахъ. Законъ дѣйствія и противодѣйствія. Сложеніе и разложеніе силъ.

О тяжести и вѣсѣ по гипотезѣ Ньютона. Центръ тяжести. Равновѣсіе вѣсомыхъ тѣлъ.

Рычагъ. Вѣсы: обыкновенныя (съ равноплечимъ коромысломъ) и Роберваля. Блокъ, воротъ, зубчатія колеса. Наклонная плоскость. Клинь и винтъ.

О центробѣжной силѣ.

Нахожденіе удѣльнаго вѣса твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.

О жидкостяхъ. Законъ передачи гидростатическаго давленія. Форма равновѣсія невѣсомой жидкости, подъ вліяніемъ силы взаимнаго притяженія частицъ. Равновѣсіе вѣсомой жидкости. Давленіе вѣсомой жидкости на дно и стѣнки сосудовъ. Сегнерово колесо. Сообщающіеся сосуды. Равновѣсіе вѣсомыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Тѣла плавающія. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ чрезъ гидростатическое взвѣшиваніе. Понятіе объ ареометрахъ съ постояннымъ вѣсомъ; спиртомѣръ.

Законы смачиванія и волосности. Смѣшиваніе и просачиваніе жидкостей.

О газахъ. Вѣсъ и давленіе атмосфернаго воздуха. Потеря вѣса тѣлъ въ воздухѣ. Аэростаты. Простѣйшіе баромеры: съ чашечкой и сифонный. Барометръ Бурдона. Приложенія барометра. Пневматическая машина. Понятіе о сгустительномъ насосѣ. Манометры для опредѣленія упругости сжатого газа: ртутный и Бурдона, Героновъ шаръ.

Всасывающій и нагнетательный водяные насосы. Понятіе о гидравлическомъ прессѣ. Сифонъ. Ливеръ. Мариотовъ сосудъ. Диффузія газовъ.

Приложеніе 1. *Краткій очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій.* Описаніе химическихъ и физическихъ свойствъ и важнѣйшихъ химическихъ соединений кислорода, водорода, хлора, сѣры, азота, фосфора и углерода. Законы химическихъ явленій. Металлы. Понятіе о кислотѣ и соли.

Седьмой классъ (2 урока).

Теплородъ. Нагрѣваніе жидкостей и газовъ. Понятіе о лучистой теплотѣ. Теплопроводность. Понятіе о количествѣ и единицѣ теплорода. Опредѣленіе средней температуры смѣшенія. Теплоемкость; калориметръ Фавра и Зильбермана. Переходъ тѣлъ изъ одного состоянія въ другое. О скрытомъ теплородѣ. Понятіе о нахожденіи коэффициентовъ расширенія твердыхъ тѣлъ, жидкостей и газовъ. Топленіе. Качества нормальнаго термометра. Наполненіе термометриче-

скаго прибора жидкостью; опредѣленіе на термометрѣ постоянныхъ точекъ. О парахъ. Понятіе объ опредѣленіи упругости паровъ. Испареніе жидкостей въ газахъ. Законъ Дальтона. О влажности; гигрометръ Ренью; гигроскопъ Соссюра. Приложенія упругости подпругаго пара: котель Панина и машина Уата. Источники тепла и холода. Теплота небесныхъ тѣлъ. Температура внутреннихъ слоевъ земли. Трѣніе, сжатіе, ударъ. Химическія явленія. Органическая жизнь.

Магнетизмъ. Магниты естественные и искусственные. Намагничиваніе желѣза и стали. Гипотеза магнитныхъ жидкостей. Магнетизмъ земнаго шара.

Электричество отъ трѣній. Проводники и непроводники электричества. Взаимное дѣйствіе наэлектризованныхъ тѣлъ. Два рода электричества. Электроскопъ. Гипотеза электрическихъ жидкостей. Распространеніе электричества въ тѣлахъ. Электричество чрезъ вліяніе. Электрофоръ. Электрическая машина. Конденсаторъ и приложеніе его къ лейденской банкѣ и электроскопу.

Гальванизмъ. Освобожденіе электричества при химическихъ явленіяхъ. Терминъ гальваническаго тока. Гальваническіе элементы. Дѣйствіе гальваническаго тока на магнитную стрѣлку. Понятіе о гальванометрахъ. Формула Ома и ея слѣдствія. Законы электровозбудительныхъ силъ и сопротивленій. О гальваническихъ батареяхъ. Дѣйствіе гальваническаго тока на организмъ. Нагрѣваніе проводниковъ. Химическое дѣйствіе тока. Сравненіе количествъ электричества: статическаго и динамическаго. Гальванопластика. Электромагнетизмъ. Электромагнитный телеграфъ. Понятіе объ электромагнитныхъ двигательныхъ машинахъ.

Индукція чрезъ замыканіе и размыканіе гидрoэлектрической цѣпи и чрезъ намагничиваніе и размагничиваніе желѣза гальваническимъ токомъ или магнитами. Спираль Румкорфа.

О свѣтѣ. Прямолинейное распространеніе и скорость свѣта (по Рёмеру). Законы силы свѣта. Фотометръ Румфорда. Законы отраженія свѣта. Отраженіе отъ одного и двухъ плоскихъ зеркалъ. Свѣтъ разсѣянный и параллельно отраженный. Отраженіе въ сферическихъ зеркалахъ. Законы преломленія свѣта. Полное внутреннее отраженіе. Камера-люцида. Преломленіе въ срединкахъ, ограниченныхъ плоскостями: параллельными и наклонными другъ къ другу подъ угломъ. Преломленіе свѣта въ сферическихъ стеклахъ. Камера-обскура. Волшебный фонарь. Солнечный микроскопъ. Хроматизмъ. Объясненіе естественныхъ красокъ. Окрашенныя срединки. Фрауенгоферовы линіи. Понятіе

о спектральномъ анализѣ. Законы свѣторазсѣянія. Возможность устройства ахроматическаго и апланатическаго стекла. О глазѣ и зрѣніи. Очки. Простой и сложный микроскопы. Трубы: Кеплера, подзорная и Галилея. Понятіе о катоптрическихъ телескопахъ. О лучахъ теплородныхъ и химическихъ. Понятіе о фотографіи.

Восьмой классъ (2 урока).

О движеніи вообще. Разные роды движенія. Скорость и ускореніе. Сопротивленіи движенію. Свободное паденіе. Машина Атвуда. Движеніе брошенныхъ тѣлъ. Маятникъ. Вытеканіе жидкостей чрезъ малыя отверстія. Волнообразное движеніе воды. О звукѣ. Высота, скорость, сила, отраженіе и интерференція звука. Діатоническая гамма. Законы дрожанія струнъ и воздуха въ духовыхъ инструментахъ. Резонаторы. Камертонъ Дека. Оттѣнки звука.

Приложеніе II. *Приложеніе физики къ объясненію атмосферныхъ явленій*: 1) Измѣненіе температуры въ продолженіе сутокъ и года. Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ климатъ мѣста. Водяные метеоры. О вѣтрахъ. Источники. Рѣки. Озера. Атмосферное электричество. Полярныя сіянія. 2) Оптическіе метеоры. Вліяніе атмосферы на нагреваніе земной поверхности.

Учебный планъ естествовѣдѣнія ¹⁾.

На естествовѣдѣніе въ гимназіяхъ полагается по уставу два урока въ одномъ изъ высшихъ классовъ. Уроки эти слѣдуетъ помѣстить въ курсѣ VI класса, на томъ основаніи, что ученики этого класса, сравнительно съ учениками V и двухъ старшихъ классовъ, меньше имѣютъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно развиты для того, чтобы усвоить свѣдѣнія изъ естествовѣдѣнія.

Задача этого краткаго курса должна состоять въ ознакомленіи учениковъ съ важнѣйшими изъ тѣлъ природы и ихъ взаимными соотношеніями.

¹⁾ Чтобы распределить эти уроки по возможности рационально, необходимо принять во вниманіе, что здѣсь должно заботиться не только о простомъ сообщеніи свѣдѣній, но также о формальномъ развитіи учениковъ, при чемъ эти послѣдніе, уже достаточно развитые

¹⁾ Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утверждёнъ въ 1872 г

предыдущимъ классическимъ курсомъ, легко могутъ познакомиться и съ методомъ естественно-историческимъ.

Наиболѣе удобно распредѣлить эти уроки по нижеслѣдующему плану:

- 1) Общій очеркъ строенія земнаго шара.
- 2) Измѣненія въ строеніи земной коры, вызываемыя вліяніемъ вулканическихъ явленій, атмосферы, воды и органической природы.
- 3) Краткое обзорѣніе важнѣйшихъ горныхъ породъ, минераловъ, ихъ составляющихъ и въ нихъ вкрапленныхъ.
- 4) Краткое понятіе о строеніи и жизни растений.
- 5) Очеркъ классификаціи растений, съ краткою характеристикой важнѣйшихъ формъ.
- 6) Общая характеристика класса млекопитающихъ животныхъ, содержащая въ себѣ понятія о строеніи ихъ тѣла и отправленіи различныхъ органовъ.
- 7) Общее сравнительное обзорѣніе другихъ позвоночныхъ животныхъ.
- 8) Понятіе о главнѣйшихъ представителяхъ другихъ типовъ царства животныхъ.
- 9) Очеркъ системы царства животныхъ.

Примѣрная программа естествовѣдѣнія.

А. Сынѣнія изъ естественной исторіи земной коры.

1. Форма земнаго шара и его главные составныя части: атмосфера, вода и земная кора; ихъ качественныя и количественныя отношенія.

2. Видъ земной коры горизонтальный: равнины и горы; долины и плоскія возвышенности; отдѣльныя горы и группы горъ и горныхъ цѣпей. Вертикальный разрывъ земной коры и схематическое объясненіе расположенія въ ней важнѣйшихъ группъ горныхъ породъ. Понятіе о формаціяхъ осадочныхъ, изверженныхъ и первичныхъ.

3. Понятіе о вулканизмѣ. Дѣйствующие и потухшіе вулканы. Образованіе вулкановъ: конусъ поднятія и конусъ изверженія, кратеръ поднятія и кратеръ изверженія. Описаніе Везувія, въ его настоящемъ и прежнемъ видѣ, какъ примѣръ вулкановъ и ихъ вліянія на измѣненіе земной коры. Подводные вулканы. Понятіе о землетрясеніяхъ. Растрескиваніе и пониженіе земной поверхности.

4. Вліянія на измѣненія въ строеніи земной коры: атмосферы, воды и органической природы:

а) Вывѣтриваніе горныхъ породъ, подъ вліяніемъ влажной атмосферы, и разрушающее дѣйствіе воды, механическое и химическое.

б) Ледники, условія ихъ образованія и строенія.

с) Растительныя образованія: кремнистая накипь и торфъ. Животныя образованія. Коралловые острова и раковинныя мели.

5. Краткое обзорѣніе важнѣйшихъ горныхъ породъ, минераловъ, ихъ составляющихъ и въ нихъ вкрапленныхъ:

а) Гранитъ и его видоизмѣненія: плотный гранитъ, гнейсъ, сіз-нитъ; минералы, составляющіе эти горныя породы, и ихъ свойства.

б) Зеленые камни. Трахитъ, базальтъ, лавы.

с) Сланцы, мраморъ, известняки, глины и песчаники, каменные угли, графитъ и алмазь. Сѣра, горныя масла.

д) Важнѣйшія желѣзныя, мѣдныя, свинцовыя, оловячныя и серебряныя руды.

е) Понятіе объ обработкѣ рудъ. Золото, платина и ртуть.

Примѣчаніе. Главу 5-ю полезнѣе проходить, по изложениі горизонтальнаго обзорѣнія земной коры.

В. Свѣдѣнія изъ естественной исторіи растеній (ботаника).

1. Сѣмя растеній, его части и проростаніе.

2. Краткое морфологическое обзорѣніе важнѣйшихъ органовъ растеній: корень, стебель, листь, цвѣтокъ и плодъ.

3. Элементарное строеніе растеній; клѣточки и сосуды; растительныя ткани; понятіе о питаніи и размноженіи растеній.

4. Краткая характеристика растеній: крестоцвѣтныхъ, зонтичныхъ, мотыльковыхъ, сложноцвѣтныхъ, сережчатыхъ, хвойныхъ, злаковъ и пальмъ. Понятіе о споровыхъ растеніяхъ.

5. Понятіе о классификаціи растеній. Системы искусственныя и естественныя. Системы Линнея и де-Кандоля.

В. Свѣдѣнія изъ естественной исторіи животныхъ (зоологія).

1. Общая характеристика млекопитающихъ.

Органы движенія: скелетъ и мускулы.

Органы пищевапріемные и пищеваренія.

Органы дыханія и кровообращенія.

Нервная система и органы чувствъ.

Понятіе о важнѣйшихъ отправленияхъ различныхъ системъ орга-

новъ. (Въ этой характеристикѣ подразумѣваются и аналогическое строеніе и отравленія органовъ у чловѣка).

2. Краткая сравнительная характеристика другихъ позвоночныхъ животныхъ съ млекопитающими.

3. Основанія классификаціи царства животныхъ. Типы царства животныхъ (по Бюккарту), раздѣленіе типовъ на классы и примѣры формъ для типовъ безпозвоночныхъ животныхъ.

Учебный планъ исторіи.

Для изученія исторіи полагается два курса: а) курсъ краткій, эпизодическій, въ III и IV-мъ классахъ, и б) курсъ систематическій, въ V, VI, VII и VIII-мъ классахъ. На основаніи вышесказаннаго, преподаваніе исторіи распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ III-мъ классѣ сообщаются свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и личностяхъ изъ исторіи древняго Востока, Греціи и Рима и о главныхъ событіяхъ и личностяхъ, относящихся къ утвержденію христіанства въ Европѣ.

Въ IV-мъ классѣ сообщаются свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и личностяхъ изъ отечественной и всеобщей средней и новой исторіи.

Въ V-мъ классѣ излагается систематическій курсъ древней греческой и римской исторіи.

Въ VI-мъ классѣ излагаются: въ первое полугодіе исторія среднихъ вѣковъ, а во второе полугодіе отечественная исторія до Іоанна III включительно.

Въ VII-мъ классѣ излагаются: сначала новая исторія до войны за испанское престолонаслѣдіе; затѣмъ русская исторія отъ Василя III Іоанновича до Петра Великаго отдѣльно отъ всеобщей и, наконецъ, русская исторія съ Петра Великаго до кончины Императрицы Екатерины II въ связи со всеобщей исторіею.

Въ VIII-мъ классѣ проходится русская исторія въ связи со всеобщей отъ временъ Императора Павла I до нашихъ дней и повторяется весь систематическій курсъ исторіи съ дополненіями преимущественно по древней греческой и римской исторіи.

Объяснительная записка къ учебному плану исторіи.

I.

Для курса исторіи вводится по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) дабы сколь возможно болѣе примѣнить учебный матеріалъ къ ум-

ственнымъ и нравственнымъ потребностямъ учащихся разныхъ возрастовъ; 2) дабы сильнѣе развитъ въ курсѣ исторіи тѣ воспитательные элементы, которые свойственны исторіи, какъ учебному предмету; 3) дабы возможно было самые крупныя факты всей исторіи пройти два раза съ учениками разныхъ возрастовъ и чрезъ то прочтѣе утвердить ихъ въ памяти учениковъ, и 4) дабы изученіе древней исторіи: греческой и римской поставить въ большую связь съ изученіемъ древнихъ языковъ.

II.

Въ обоихъ курсахъ отечественная исторія излагается параллельно со всеобщей, но въ прямой связи между собою лишь съ того времени, когда связь между ними становится вполне очевидною, то-есть, со времени Петра Великаго, ибо только при такомъ изложеніи: 1) Россія не выдѣляется изъ своей связи съ другими европейскими государствами, и историческое значеніе ея можетъ быть представлено въ болѣе яркомъ свѣтѣ; 2) многія событія какъ всеобщей, такъ и отечественной исторіи, чрезъ сопоставленіе между собою, лучше уясняются, и 3) представляется болѣе возможности, не смотря на чрезвычайную обширность предмета, сосредоточить вниманіе учащихся на отечественной исторіи, безъ ущерба однако же для изученія средней и новой всеобщей исторіи въ главнѣйшихъ событіяхъ.

III.

Каждый изъ двухъ вышеупомянутыхъ курсовъ исторіи преслѣдуетъ свои особыя дидактическія и педагогическія задачи.

Курсъ элементарный долженъ: 1) ознакомить учащихся съ наиболѣе доступными имъ чертами изъ жизни и характера великихъ историческихъ дѣятелей, равно какъ и съ самыми важными событіями; 2) онъ долженъ дать матеріалъ, при помощи котораго можно было бы приучить учащихся къ связному и послѣдовательному разсказу; 3) онъ долженъ утвердить въ памяти учащихся хронологическія данныя, касающіяся событій, упомянутыхъ въ семъ курсѣ; 4) упражняя память, этотъ курсъ долженъ въ то же время содержаніемъ своимъ дѣйствовать на воображеніе, на облагораженіе нравственнаго чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству.

Систематическій курсъ имѣетъ задачей: 1) сообщить ученикамъ въ болѣе связномъ видѣ событія, имѣющія всемірно-историческое значеніе, изъ средней и новой исторіи, и систематически изложить древнюю и отечественную исторію; 2) кромѣ памяти, этотъ курсъ главнымъ образомъ долженъ упражнять мышленіе и въ особенности развить въ ученикахъ способность и восприимчивость къ пониманію исторіи при дальнѣйшемъ изученіи ея въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно: къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и послѣдствій, побужденій, поводовъ и цѣлей, и такъ далѣе; 3) нравственное чувство учениковъ при прохожденіи этого курса должно быть укрѣплено убѣжденіемъ, что судьба человѣчества постоянно улучшается, хотя и медленно, и что добрыя начинанія отдѣльныхъ лицъ, не смотря на всѣ противодѣйствія имъ, никогда не остаются безъ добрыхъ послѣдствій.

IV.

Курсъ эпизодическій начинается съ древней исторіи: 1) потому что этотъ отдѣлъ исторіи даетъ болѣе матеріала, соответствующаго умственнымъ потребностямъ отроческаго возраста, и 2) чтобы учащіеся, ознакомившись съ главными событіями древней исторіи, имѣли возможность сознательнѣе относиться къ фактическому содержанію, извлекаемому изъ чтенія классиковъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ. На этомъ основаніи въ III-мъ классѣ главнымъ образомъ проходитъ исторія Греціи и Рима въ эпизодахъ. Къ эпизодической исторіи Греціи и Рима, сверхъ того, присоединяется изложеніе фактовъ, относящихся къ утвержденію христіанства въ Европѣ, въ видахъ достиженія нравственныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этимъ курсомъ. Въ IV-мъ классѣ ученики знакомятся съ главными событіями и личностями изъ отечественной и всеобщей средней и новой исторіи.

При выполненіи программы эпизодическаго курса, должно имѣть въ виду слѣдующія соображенія: 1) Исторія Евреевъ, извѣстная уже ученикамъ изъ курса священной исторіи, служитъ средоточіемъ для всей древней исторіи Востока. Это слѣвало, между прочимъ, и съ тою цѣлію, чтобы дать возможность учителю рѣзче представить тѣ духовныя преимущества, которыми отличался народъ еврейскій въ средѣ другихъ народовъ древняго міра. 2) Въ отдѣлъ исторіи Греціи и Рима должно войти связанное обозрѣніе всѣхъ главныхъ вѣншихъ событій. 3) Изъ историческихъ личностей преимущественно нужно останавли-

ваться только на такихъ, которыя возвышаются надъ другими или своимъ необыкновеннымъ умомъ, или своею нравственною чистотою, или необыкновенною твердостію воли, или всѣми этими свойствами въстѣ. 4) Біографіи не должны быть слишкомъ подробны и сложны; мелочныя свѣдѣнія, не характеризующія дѣятелей, должны быть опускаемы. 5) Всѣ историческія лица должны быть представлены такъ, чтобы не казалось, что они дѣйствуютъ подъ влияніемъ только нѣшнихъ обстоятельствъ. 6) При изложеніи событій не слѣдуетъ входить въ разъясненіе сложныхъ политическихъ комбинацій, а при описаніи сраженій—въ мелочныя подробности. 7) Въ обоихъ курсахъ, преимущественно же въ эпизодическомъ, должно быть опускаемо все, что не только нарушаетъ приличіе, оскорбляетъ нравственное чувство, но и то, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ. 8) Относительно подробностей, которыя могутъ быть допускаемы въ курсѣ, необходимо руководиться слѣдующимъ: а) біографіи лицъ, высоко-нравственныхъ и принесшихъ большую пользу, рассказываются уже въ эпизодическомъ курсѣ на столько подробно, чтобы въ систематическомъ курсѣ можно было ограничиться только повтореніемъ пройденнаго прежде, чѣмъ значительно облегчится прохожденіе такого обширнаго предмета, какъ исторія, и б) рассказы о событіяхъ и лицахъ изъ древней и отечественной исторіи занимаютъ болѣе мѣста въ сравненіи съ рассказами о лицахъ и событіяхъ всеобщей средней и новой исторіи.

V.

Что касается систематическаго курса средней и новой исторіи, то двоекратное прохожденіе исторіи даетъ возможность, при его изученіи, опираться въ извѣстной степени на познанія и свѣдѣнія, усвоенныя учениками изъ курса эпизодическаго, а съ другой стороны сдѣланное въ его пользу передвиженіе вверхъ, т. е., въ высшіе классы, даетъ право рассчитывать на сравнительно большую зрѣлость возраста и пониманія учениковъ, для которыхъ онъ предназначенъ. Поэтому считается возможнымъ въ шестомъ, а отчасти и въ седьмомъ классѣ—проходить отдѣльно всеобщую и русскую исторію, и дать первой большую противъ прежняго полноту и цѣлостность, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы отчетливое знаніе отечественной исторіи составляло первостепенную цѣль преподаванія и чтобы внутренняя связь между обѣими частями не только не была разрываемая, но, напротивъ, выясняется часть схпн, отд. 1.

съ возможною настоятельностью и многосторонностью. Всеобщая исторія, проходящая въ теченіе первыхъ полугодій VI-го и VII-го класса, должна заранее выяснитъ обстановку, среди которой русскій народъ явился на сцену исторической дѣятельности, и впередъ указывать тѣ условія его развитія, которыя находились внѣ его и были даваемы общимъ ходомъ міровой исторіи. Желательно, чтобы при такомъ преподающемъ положеніи систематическаго курса всеобщей исторіи въ отношеніи къ русской, отечественная исторія все-таки никогда не была опускаема изъ виду, т. е., чтобы при прохожденіи всеобщей исторіи ученикамъ все-таки были припоминаемы уже извѣстные имъ факты изъ русской исторіи, въ которыхъ обнаруживаются ея связи съ общеевропейскою исторіею; а съ другой стороны совершенно необходимо, чтобы при объясненіи русской исторіи снова было возвращаемо вниманіе къ теченію соответствующихъ событій всемірной исторіи. Указаннымъ способомъ преподаваніе можетъ быть ведено до той эпохи, когда Русская Имперія начинаетъ принимать очевидное и постоянное участіе въ общеевропейской исторіи, уже дѣлающее излишнимъ и неудобнымъ дальнѣйшее раздѣленіе относящихся сюда отдѣловъ.

Нижеслѣдующія замѣчанія должны служить къ объясненію ниже предлагаемой примѣрной программы и указаніемъ пунктовъ, на которые должно быть обращено наибольшее вниманіе.

При прохожденіи общей исторіи среднихъ вѣковъ, преимущественно имѣются въ виду слѣдующія ея стороны:

1) Идеи и стремленія, перешедшія къ новому міру по наслѣдству отъ древняго (представленіе объ единой имперіи, вліяніе римскаго права, возрожденіе наукъ).

2) Борьба европейскаго христіанскаго міра съ азіатскими кочевниками и мусульманствомъ, начало которой находится еще въ древней исторіи.

3) Ближайшія соотношенія русской исторіи съ византійскою и обще-славянскою.

4) Взаимныя отношенія двухъ великихъ племенъ, вновь явившихся на поприщѣ историческомъ, т. е., германскаго и славянскаго.

5) Процессъ образованія новыхъ національностей изъ различныхъ племенныхъ элементовъ (особенно въ Англіи и Франціи), при чемъ полезно указывать также на исторію образованія новѣйшихъ языковъ.

6) Общія характеристическія явленія средневѣковаго быта: имперія и папство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, феодализмъ и рыцарство, города и третье сословіе.

7) Главнѣйшія и основныя черты государственнаго быта (возвышеніе или упадокъ королевской власти, образованіе парламента).

1) Вопросу о водвореніи Германцевъ на земляхъ Западной Римской имперіи слѣдуетъ предпослать общій и краткій взглядъ на состояніе Римской имперіи во второй половинѣ IV вѣка, при чемъ 1, слѣдуетъ остановить вниманіе на противоположности между западными провинціями имперіи, гдѣ господствовала римская образованность вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, и восточными областями, гдѣ преобладающее значеніе имѣла греческая образованность и языкъ, служившій ея органомъ. Здѣсь объясняется, что правительственное раздѣленіе имперіи на двѣ половины (при Валентиніанѣ I и Валентѣ) въ сущности соотвѣтствовало этому внутреннему раздѣленію. 2, слѣдуетъ указать на обстоятельства, облегчившія Германцамъ завоеваніе римскихъ земель: а) на политическое разстройство и нравственный упадокъ имперіи и б) на предшествовавшую мирную, но по своимъ размѣрамъ весьма обширную колонизацію германскаго племени въ предѣлахъ имперіи.

2) При изложеніи событій великаго переселенія народовъ слѣдуетъ отмѣчать факты, въ которыхъ представители церкви являютъ защитниками и руководителями мѣстнаго покореннаго населенія, и вообще имѣть въ виду значеніе церкви, какъ хранительницы римскихъ преданій и древняго образованія, своею нравственною силою сдерживавшей разрушительныя стремленія варваровъ.

3) Вопросъ о повyshenіи папства разсматривается въ связи съ исторіею Римской имперіи (Византіи) при иконоборческихъ императорахъ, при чемъ указывается на обстоятельства, вызвавшія разрывъ стараго Рима съ Византіею и сближеніе римскаго епископа съ франкскими маіордомами, а за тѣмъ объясняется, какъ союзъ Каролингскаго дома съ папскимъ престоломъ, скрѣпленный дѣятельностію Бонифація, повелъ, съ одной стороны, къ возвышенію Каролинговъ на степень королей, потомъ императоровъ, а съ другой — къ основанію духовнаго преобладанія папъ на Западѣ и свѣтской ихъ власти въ Италіи.

4) При разсказѣ о Карлѣ Великомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что войны, имъ веденныя, имѣли не только политическій характеръ, но и религіозный, распространяли не только границы Франкской монархіи, но и область духовнаго господства римской церкви (продолженіе дѣла Бонифація), а также на то, что, благодаря завоеваніямъ Карла, достигнуто было объединеніе германскихъ и роман-

скихъ народовъ, грозное и опасное для разъединеннаго греко-славянскаго міра (первыя столкновенія съ западными Славянами). Коронованіе Карла императоромъ разсматривается:

а) по отношенію къ западному романо-германскому міру, какъ выраженіе его единства, и

б) по отношенію къ Византіи, какъ похищеніе чужихъ правъ, вызвавшееся въ стремленіи лишить новый Римъ его законнаго наследства.

5) При изложеніи отдѣловъ византійской исторіи слѣдуетъ, между прочимъ, указывать на то, что она была: а) хранительницею церковныхъ преданій и древней образованности, б) оплотомъ Европы противъ нападенія азіатскихъ народовъ и с) просвѣтительницею славянскихъ племенъ.

6) Исторія Славянъ не должна быть помѣщаемъ на заднемъ планѣ и внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи; напротивъ, слѣдуетъ постоянно обращать вниманіе на отношенія Славянъ: а) къ германскому племени, давленіе котораго они испытывали съ самаго начала своей исторической жизни, и б) къ Восточной имперіи, съ которою они находились въ религіозной и политической связи, другими словами: исторія западныхъ Славянъ излагается рядомъ съ исторіею Западною Римско-Германской имперіи, съ которою они находились въ постоянной борьбѣ, а исторія восточныхъ Славянъ къ связи съ исторіею Восточной или Византійской имперіи.

7) На историческое происхожденіе феодализма кратко указывается при распаденіи монархіи Карла Великаго; а объясненіе феодальнаго строя относится къ эпохѣ его полнаго развитія и соединяется съ общою характеристикою основныхъ явленій средневѣковой жизни. Въ отдѣлѣ, посвященномъ этой характеристикѣ, излагается средневѣковая теорія о двухъ мечяхъ, т. е., объ отношеніи папской власти къ императорской, и затѣмъ папство разсматривается какъ политическая сила, опирающаяся на единство власти и на большія моральныя и матеріальныя средства. — Феодальный строй разсматривается 1) со стороны его іерархической лѣстницы: а) король, б) герцоги, графы и маркизы (прежнія государственныя власти, сдѣлавшіяся наследственными) и с) бароны и ленники; 2) со стороны взаимныхъ отношеній между сюзереномъ и вассаломъ или ленникомъ, и 3) со стороны отношеній къ низшимъ, т. е., земледѣльческимъ классамъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на соединеніе владѣльческихъ правъ на землю съ государственнымъ правомъ суда.

8) Слѣдуетъ указывать на различіе въ характерѣ феодализма во Франціи и Англіи и на послѣдствія такого различія для положенія королевской власти въ той и другой странѣ, а также на союзъ папства и феодализма, направленный противъ власти императорской въ Германіи и объясняющій ея упадокъ.

9) Въ отдѣлѣ „упадокъ имперіи и папства“ 1, подъ рубрикою „столѣтняя англо-французская война“ а) слѣдуетъ указать на то, что причины торжества Англіи надъ Франціей заключались въ томъ, что въ Англіи всѣ сословія уже сложились въ одну націю и что выставляемые ею военныя силы были не сословнымъ, а всенароднымъ войскомъ, тогда какъ во Франціи сословія находились еще въ полномъ разъединеніи и вся военная сила заключалась почти въ одномъ рыцарствѣ. б) Указывается на значеніе войны для усиленія парламента въ Англіи и королевской власти во Франціи. 2, Въ вопросѣ о Чехіи слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что а) Чехія въ XIV и XV вѣкахъ была одною изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы и б) что въ Чехіи еще сохранились въ то время слѣды проповѣди св. Кирилла и Мефодія. 3, Въ вопросѣ о Византіи а) объясняется причина равнодушія вообще всей западной Европы къ судьбѣ Византіи во время нападенія на ея владѣнія Турокъ и указывается на своекорыстную политику Генуэзцевъ; б) послѣ разсказа о паденіи Византіи указывается, что Россія частію успѣдовала отъ Византіи историческое призваніе ея относительно Восточной Европы и что Славяне являются первымъ изъ европейскихъ народовъ въ борьбѣ съ Турками.

10) Въ отдѣлѣ объ эпохѣ Возрожденія слѣдуетъ обратить вниманіе а) на вліяніе древней греческой образованности на Европу сначала чрезъ Арабовъ, а потомъ чрезъ Византійцевъ и б) на выходъ европейской науки подъ вліяніемъ знакомства съ Греками изъ состоянія косности. Ученикамъ дается понятіе, что возрожденіе наукъ есть главное событіе, отдѣляющее новую исторію отъ среднихъ вѣковъ.

Въ главѣ „О реформаціи“ слѣдуетъ обратить вниманіе: 1) на значеніе личной дѣятельности Лютера въ томъ отношеніи, что онъ въ своей реформѣ не сходилъ съ религіозной почвы; 2) на различіе ученій Лютера и Кальвина; 3) на существеннѣйшія отличія этихъ ученій отъ ученія православной церкви, и 4) на устройство церковей протестантскихъ.

Въ главѣ „Обзоръ главныхъ событій XVII-го вѣка въ Западной Европѣ“, въ вопросѣ: 1) о Тридцатилѣтней войнѣ обращается вни-

маніе: а) на движеніе въ Чехіи, б) на шведскій періодъ войны, в) къ этому же приурочивается указаніе на причины вѣшателства Франціи въ войну: соперничество, возникшее въ XVI вѣкѣ между Франціей и Австріей. 2) Въ вопросѣ объ Англіи указывается, что Стюарты потеряли расположеніе націи не только за ограниченіе свободы религіозной и гражданской, но и вслѣдствіе ненаціональнаго направленія виѣшней своей политики. 3) Въ вопросѣ о Людовикѣ XIV слѣдуетъ обратить вниманіе: а) на мѣры къ усиленію промышленности и средствъ виѣшней обороны; б) на мѣры къ усиленію монархій въ связи съ мѣрами, принятыми еще при Ришелье; в) указывается на особенный характеръ французскаго абсолютизма, способнаго столько же пренебрегать интересами собственной страны, какъ и правами иностранныхъ государствъ; г) уничтоженіе Нантскаго эдикта разсматривается какъ актъ столь же противный человѣколюбію, какъ и здоровой политикѣ.

Въ главѣ „О возвышеніи Пруссіи“ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это государство возвысилось и окрѣпло: 1) вслѣдствіе усилѣховъ своего оружія, 2) вслѣдствіе бережливости нѣкоторыхъ королей и національнаго направленія виѣшней политики всѣхъ ихъ, и 3) указывается на участіе Россіи въ дѣлѣ усиленія Пруссіи въ XVIII столѣтіи.

При изложеніи средней и новой исторіи не всѣ вопросы разсматриваются съ одинаковою подробностію. Бѣльшія, относительно, подробности требуются при изложеніи слѣдующихъ вопросовъ: 1) Византія при Юстиніанѣ Великомъ; 2) Славяне при Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ; 3) Оттонъ Великій; 4) споръ за инвеституру; 5) Иннокентій III-й; 6) Чехія при Гуссѣ; 7) возрожденіе наукъ; 8) реформа Лютера; 9) Тридцатилѣтняя война; 10) блестящій періодъ царствованія Людовика XIV ¹⁾.

При изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1. Въ курсѣ вводятся факты изъ исторіи Польши тамъ, гдѣ это необходимо.

2. Въ преподаваніе, какъ и при всеобщей исторіи, входятъ глав-

¹⁾ При изложеніи всеобщей исторіи вносятся въ соответствующихъ мѣстахъ имена знаменитыхъ писателей и ученыхъ безъ характеристики ихъ сочиненій.

нымъ образомъ факты изъ внѣшней исторіи; изъ бытовой исторіи выводятся только самыя крупныя явленія.

3. Явленія и событія свѣтлыя излагаются болѣе подробно.

4. Указывается вездѣ, гдѣ необходимо: а) на то, что русскому народу, въ пору историческаго его развитія, приходилось, вслѣдствіе условій внѣшней природы страны, преодолевать величайшія трудности, неизвѣстныя другимъ европейскимъ народамъ; б) на то, что Россіи постоянно приходилось выдерживать борьбу разомъ съ нѣсколькими внѣшними врагами, и в) на значеніе Россіи, какъ оплота для Европы противъ азіатскихъ варваровъ.

5. Въ XVIII вѣкѣ, при изложеніи событій въ связи со всеобщей исторіей, указывается на постепенное усиленіе вліянія Россіи на дѣла Европы.

6. Указывается, гдѣ необходимо, съ большею обстоятельностью на отношенія къ Россіи разныхъ европейскихъ государствъ.

Болѣе подробно излагаются событія изъ отечественной исторіи въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины II-й и Александра I-го, а изъ событій означенныхъ царствованій: „Великая сѣверная война“, „войны Турецкія“ и „Отечественная война 1812 года“.

Въ систематическомъ курсѣ древней исторіи, при прохожденіи его въ V классѣ, должно быть обращено особенное вниманіе на связное и болѣе подробное изложеніе внѣшнихъ событій (особенно такихъ, какъ греко-персидскія и пуническія войны), и на главнѣйшія лишь политическія учрежденія; при повтореніи же этого курса въ VIII классѣ: 1) слѣдуетъ разсмотрѣть съ большею обстоятельностью государственныя учрежденія Спарты и Афинъ, а изложеніе греко-персидскихъ войнъ въ этомъ классѣ должно между прочимъ: а) показывать учащимся, что нравственныя силы народа имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ силы физическія, и б) дать понять имъ, что процвѣтанію искусствъ и литературы въ Греціи сильно содѣйствовало то религиозное и національное воодушевленіе, которое было возбуждено войнами противъ Персовъ.

2. Для объясненія художественнаго направленія въ жизни Грековъ: а) при повтореніи мѣстовъ въ VIII классѣ обращается особенное вниманіе на объясненіе значенія ихъ для поэтовъ и художниковъ эпохи исторической; б) при повтореніи историческаго періода указывается на фактахъ, что искусство и литература у Грековъ имѣли самую тѣсную связь съ религиозною и гражданскою ихъ жизнью; в) знаменитые писатели рассматриваются какъ предъставители умствен-

наго настроенія современнаго имъ общества, и г) указывается на колоссальныя заслуги греческаго народа по всѣмъ частямъ умственной дѣятельности и художественнаго творчества.

3. При изложеніи исторіи Рима въ V классѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на періодъ наибольшаго внѣшняго могущества и внутренней крѣпости римскаго государства.

4. При изложеніи борьбы патриціевъ съ плебеями: а) съ большею обстоятельностью указывается учащимся, что тѣ и другіе обнаруживали во время ея умѣренность и самообладаніе, а при столкновеніи съ внѣшними врагами — мужество и самоотверженіе, и б) что съ уравниеніемъ въ правахъ начинается время наибольшаго успѣха римскаго оружія и время проявленія ихъ политической мудрости въ дѣлѣ распространенія и сохраненія владычества надъ другими странами, а во внутреннемъ государственномъ быту указывается на теоретическое и практическое развитіе началъ права.

5. Слѣдуетъ указать, что упадокъ Рима зависѣлъ отъ утраты вышеуказанныхъ добродѣтелей и отъ несоотвѣтствія государственныхъ учрежденій новымъ условіямъ быта.

6. Пуническія войны, какъ сказано, излагаются болѣе подробно, потому что эти войны были вершиною могущества Римлянъ и началомъ упадка его.

7. Время Цицерона, при повтореніи курса исторіи въ VIII классѣ, излагается подробно на основаніи извѣстныхъ ученикамъ произведеній какъ самаго Цицерона, такъ и Цезаря и Саллюстія.

8. Въ періодъ имперіи, между прочимъ, указывается на разложеніе язычества, закончившееся утвержденіемъ христіанства.

Чтобы снискать тѣснѣе изученіе древней греческой и римской исторіи съ изученіемъ древнихъ языковъ, желательпо, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагаемы были отрывки изъ писателей преимущественно историческихъ, для домашняго чтенія и устнаго пересказа на урокъ, и для письменныхъ переводовъ. Для этой цѣли могутъ служить слѣдующія статьи: ¹⁾

1. Изъ исторіи Греціи.

Ликургъ (Plut. Лус. 3—5, 16—20, 24). Солонъ (Plut. Сол. 2, 3, 8, 11, 14, 23, 24). Пизистратъ (Herod. I, 59—65). Клизмеевъ (Herod.

¹⁾ Большая часть указанныхъ статей находится въ сборникѣ: „Historisches Quellenbuch zur alten Geschichte für obere Gymnasialklassen“, составленномъ Гербстомъ и Баумейстеромъ (Греція) и Вейднеромъ (Римъ).

У, 66, 69, 70, 72—78). Возстаніе іонійскихъ Грековъ (Herod. V, 23, 24, 35—38). Сраженіе при Марафонѣ (Herod. VI, 39—120). Сраженіе въ Ѳермопилахъ (Herod. VII, 201—228, 233). Аристидъ (Plut. Ar. I, 2, 3, 4, 5, 7, 25). Афиняне и Дельфійскій оракулъ (Herod. VII, 139—143). Сраженіе при Саламинѣ (Herod. VIII, 74—76, 78—96). Сраженіе при Платеѣ (Herod. IX, 28—30, 44—47, 58—74). Сраженіе при Микалѣ (Herod. IX, 96—106). Построеніе аонискихъ стѣнъ (Thuc. I, 89—97). Позднѣйшая судьба Павсаниа и Ѳемистокла (Thuc. I, 128—138). Периклъ (Plut. Per. 7, 8, 12, 17, 24, 38). Силы Афинянъ предъ пелопонезскою войною (Thuc. II, 13—17). Рѣчь Перикла (Thuc. II, 34—44). Чума въ Аѳинахъ (Thuc. II, 50—53). Кровопролитіе въ Корцирѣ (Thuc. III, 81—84). Пикій (Plut. Nic. 3, 4, 5, 6). Алкивиадъ (Plut. Alc. I, 2, 7, 9—11, 16, 23). Походъ Афинянъ противъ Сициліи (Plut. Alc. 17; Nic. 12; Thuc. VI, 30, 32). Гибель афинской арміи въ Сициліи (Thuc. VII, 78—85). Лизандръ (Plut. Lys. 2, 7, 8, 16 — 17). Господство 30-ти и смерть Ѳерамена (Xen. Hell. II, 3, 11—4, 2). Освобожденіе Оливъ Пелопидомъ (Xen. Hell. V, 4, 1—12). Сраженіе при Левктрахъ (Xen. Hell. VI, 4, 4—16). Сраженіе при Мантиней (Xen. Hell. VII, 5, 4). Демосфенъ (Plut. Dem. 7, 12, 16, 28, 29, 30). Сраженіе при Хероней (Dem. Cor. §§ 169—179, 188—195, 199 — 221). Александръ Великій (Plut. Alex. 3, 4, 5, 14, 23). Сраженіе при Грашикѣ (Arrian. Anab. I, 13—16). Осада Тира (Arrian. Anab. II, 16—24). Смерть Клита (Plut. Alex. 50—52).

Изъ исторіи Рима.

Сказаніе объ основаніи Рима (Liv. I, 3—7). Похищеніе Сабинянокъ (Liv. I, 9—13). Смерть Ромула (Liv. I, 16). Избраніе Нумы (Liv. I, 18). Религіозныя учрежденія Нумы (Liv. I, 20). Разрушеніе Альби-Лонги (Liv. I, 21—26, 29, 30). Форма договора при единоборствѣ Гораціевъ и Куриціевъ (Liv. I, 24). Тарквиній Гордый (Liv. I, 49). Основаніе республики (Liv. II, 1—2). Заговоръ противъ республики (Liv. II, 3—5). Война съ Порсеною (Liv. II, 9—13). Война съ Латинцами (Liv. II, 19—21). Отшествіе плебеевъ на священную гору (Liv. II, 22 — 24, 27 — 33). Lex agraria Спура. Кассія (Liv. II, 41). Аппій и возмущеніе войска (Liv. II, 58—59). Децемвиры (Liv. III, 33—37, 44—49, 50—55). Камиллъ убѣждаетъ Римлянъ не оставлять Рима (Liv. V, 50—52). Образецъ суевѣрія римскаго (Liv. VIII, 18). Завоеваніе Рима Галлами (Liv. V, 33—49). Уравненію въ пра-

вахъ плебеевъ съ патриціями (Liv. VI, 34, 35, 39—42). Первая Самнитская война (Liv. VII, 29—33). Вторая Самнитская война (Liv. VIII, 30—35). Кавдинскія ущелія (Liv. IX, 1—12). Третья Самнитская война (Liv. X, 18, 19, 27—30). Война съ Тарситами (Plut. Pyrrhos. 13—21, 28). Первая пуническая война (Polyb. I, 11, 12, 16—19, 20, 21, 23, 25—31, 40—41, 56, 58—63). Сраженіе при Каннахъ (Polyb. III, 107—118). Осада и завоеваніе Сиракузъ (Liv. XXIV, 33, 34; XXV, 23—31). Судьба Капуи (Liv. XXVI, 14—16). Сраженіе при Замѣ (Liv. XXX, 29—35, 37—43). Македонская война (Liv. XXXI, 5—8, 29—32, 44; XXXII, 19—23; XXXIII, 5—12, 30—33; XXXIX, 23—29; XL, 22—24; XLII, 11—13; XLII, 47; XLIV, 20—22, 36—42; XLV, 35—41). Изъ Сирійской войны: сраженіе при Магнезій (Liv. XXXVIII, 37—44). Миръ съ Антиохомъ (Liv. XXXVIII, 38; Polyb. XXII, 26). Разрушеніе Карфагена (Polyb. X, 15—16). Слѣдствія разрушенія Карфагена (Sall. Hist. I, 11—12). Слѣдствія азиатскихъ войнъ (Liv. XXXIX, 6). Упадокъ государственной религіи (Liv. XXXIX, 8—19; XL, 29). Цензорство Катона (Liv. XXXIX, 40—44). Тиберій Гракхъ (Plut. Tib. 8—14, 16—19). К. Гракхъ (Plut. C. Gr. 1—5, 8—11, 13—17). Мнѣніе Саллюстія о Гракхахъ (De bello Jug. c. 42). Характеръ правленія оптиматовъ (Sall. bell. Jug. c. 3, 31, 85). Кимбры и Тевтоны (Plut. Mar. 11—27). Ливій Друзъ, союзническая война. Сулліицій Руфъ, Корнелій Цинна, жестокость Марія (Vell. Pat. 11, 13—22). Диктатура Суллы (Plut. Sulla. 33). Заговоръ Катилины (Dio Cass. 37, 10, 29—36). Консульство Юлія Цезаря (Dio Cass. 38, 1—11). Изгнаніе Цицерона (Dio Cass. 38, 12—17, 30, 39, 6—11). Политическое положеніе Цицерона по возвращеніи въ Римъ (Cic. ad. Fam. I, 9). Смерть Порція Катона (Dio Cass. 43, 10—11). Единовластіе и смерть Юлія Цезаря (Dio Cass. 44, 22—35, 50—51, 53). Смерть Цицерона (Liv. CXX. Plut. Cic. 49).

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ необходимо указаніе на значеніе тѣхъ или другихъ историческихъ странъ, событій, сословій, лицъ и т. п.,—указанія эти дѣлаются посредствомъ фактовъ, а не однихъ отвлеченныхъ сужденій.

VI.

Разъясненіе каждого урока при прохожденіи эпизодическаго курса должно преслѣдовать слѣдующія цѣли: а) ученики должны научиться правильно произносить и писать всѣ собственныя имена; б) должны

умѣть вкратцѣ перечислить въ послѣдовательномъ порядкѣ главныя факты; в) должны научиться отыскивать на географической картѣ или въ атласѣ всѣ встрѣтившіяся географическія данныя; г) должны правильно понять всѣ трудныя мѣста учебника. Этихъ цѣлей легче можно достигнуть чтеніемъ въ классѣ учебника (удобнѣе самими учениками) и объясненіемъ содержанія его. Такой приемъ представляетъ слѣдующія важныя удобства: а) ученики вынуждены къ большей самодѣтельности, такъ какъ каждый урокъ будетъ состоять въ бесѣдѣ учителя съ учениками, и б) всѣ дополненія, которыя могутъ быть сдѣлапы учителемъ на урокѣ, легче удержатся въ памяти учениковъ, ибо эти дополненія будутъ приурочены къ извѣстному ученикамъ мѣсту въ учебникѣ. Но при этомъ приемѣ устные рассказы учителя не устраниются; они допускаются въ томъ случаѣ, когда рассказъ въ учебникѣ не можетъ произвести на учащихся такого впечатлѣнія, какое желательно въ виду важности содержанія учебнаго матеріала.

При прохожденіи систематическаго курса разъясненіе каждаго урока должно состоять: а) въ краткомъ послѣдовательномъ обзорѣ всего содержанія будущаго урока; б) въ уясненіи тѣхъ мѣстъ учебника, которыми или представляютъ какіи нибудь трудности для пониманія, или могутъ быть поняты превратно, и в) въ болѣе подробномъ рассказѣ о тѣхъ событіяхъ, которыя въ учебникѣ разъяснены недостаточно.

Повтореніе каждаго урока состоитъ: а) изъ ряда вопросовъ, обращааемыхъ учителемъ къ цѣлому классу въ видахъ повторенія всего содержанія урока, при чемъ сначала выспрашиваются самыя существенныя факты и хронологическія данныя, потомъ второстепенныя, и б) изъ слѣдующаго уже затѣмъ связнаго устнаго рассказа учениками той или другой части урока. При высшемъ курсѣ, сверхъ того, нужно требовать, чтобы ученики дѣлали сами устно суммаріи урока.

При спрашиваніи пройденнаго, по мѣрѣ накопленія матеріала, вопросы должны быть располагаемы по группамъ такъ:

1. Рядъ вопросовъ, касающихся географіи, религіозныхъ вѣрованій, политическихъ учрежденій, войнъ игнѣнныхъ, междоусобій, характера историческихъ лицъ, аналогическихъ событій и т. п.

2. Сюды всѣхъ событій, соединенныхъ съ извѣстною мѣстностію: для этого ученики должны разсматривать карту или атласъ въ извѣстномъ направленіи и объяснять, какое событіе соединяется съ тѣмъ или другимъ городомъ, тою или другою мѣстностію.

3. Рядъ вопросовъ въ отношеніи хронологіи, при чемъ указываются всѣ синхронистическія событія, равно какъ событія совершившіяся въ разныхъ государствахъ въ извѣстныхъ предѣлахъ времени. Составленіе учениками синхронистическихъ таблицъ для всей исторіи и таблицъ въ календарномъ видѣ для отечественной заслуживаетъ вниманія.

Независимо отъ вышеуказаннаго ряда вопросовъ, при систематическомъ курсѣ исторіи должны быть даваемы такіе вопросы, которые упражняли бы въ учащихся слѣдующія способности: умѣніе отличать въ событіяхъ существенное отъ маловажнаго; умѣніе указать, въ какихъ фактахъ зародилась извѣстная идея, въ какихъ она развилась и окупилась; умѣніе различать причины и слѣдствія, причины и поводы, побужденія и цѣли и т. д.

ПРИМѢРНАЯ ПРОГРАММА КУРСА ИСТОРИИ.

Примѣчаніе. Предлагаемая программы имѣютъ въ виду точнѣе обозначить количество фактовъ, усвоеніе коихъ считается необходимымъ, и никакъ не могутъ быть считаемы обязательными относительно своей системы и порядка расположенія въ нихъ учебнаго матеріала.

Энциклопедическій курсъ.

Курсъ III класса (2 урока).

1. Евреи и другіе народы древняго Востока.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ ¹⁾.

1325 (1495 ²⁾) Выходъ Евреевъ изъ Египта.
1010. Построеніе храма Иерусалимскаго.
721. Паденіе царства Израильскаго.
606. Разрушеніе Ниневіи.
587 (589). Навуходоносоръ разрушаетъ Иерусалимъ.
559. Основаніе Персидскаго царства.
538 (537). Освобожденіе Евреевъ изъ плѣна.

Происхожденіе Еврейскаго народа. Пребываніе Евреевъ въ Египтѣ. Особенности природы Египта. Общественное устройство. Замѣчательные памятники Египта, и замѣчательнѣйшіе изъ египетскихъ царей. Исходъ Евреевъ изъ Египта и водвореніе ихъ въ Палестинѣ. Сосѣди ихъ Финикіяне. Страна. Общественное устройство. Торговля и колоніи Финикинцевъ. Хирамъ и Соломонъ. Евреи

¹⁾ Знаніе приводимыхъ здѣсь хронологическихъ данныхъ признается для учениковъ необходимымъ.

²⁾ Цифры въ скобкахъ показываютъ годы, принятые въ учебникахъ священной исторіи.

и Ассиріяне. Обширность Ассирійскаго государства. Ниневія. Покореніе Царства Израильскаго Ассиріянами. Паденіе Ниневіи и возвышеніе Вавилонскаго царства. Вавилонъ. Навуходоносоръ. Покореніе имъ Финикіи и Іудейскаго царства. Плѣненіе Вавилонское. Мидія. Астѣгъ и Киръ. Основаніе Персидскаго царства. Покореніе Персами Лидіи и Вавилона и освобожденіе Евреевъ изъ плѣна.

2. Греки.

1193 — 1184. Троянская война.
888. Ликургъ.
594. Законы Солона.
490. Сраженіе при Марафонѣ.
480. Подвигъ Леониды и сраженіе при Саламинѣ.
413. Походъ Афинянъ въ Сицилію.
399. Смерть Сократа.
336—323. Александръ Македонскій.

Краткая географія Греціи. Главныя божества Грековъ. Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія празднества. Герои Грековъ: Гераклъ и Тезей. Троянская война. Ахиллъ; смерть и погребеніе Патрокла; смерть Гектора. Пріамъ въ станѣ Ахилла. Выгнѣ Трои. Одиссей у Фивовъ. Доріане. Ликургъ. Указаніе на образъ правленія въ Спартѣ. Воспитаніе Спартацевъ. Общій столъ. Аонины. Солоны. Завоеваніе имъ Саламина. Указаніе на государственныя учрежденія, введенныя имъ въ Аѳинахъ. Сраженіе при Марафонѣ. Подвигъ Леониды при Фермопилахъ. Фемистоклъ и Аристидъ. Алякиадъ: неудачный походъ Афинянъ въ Сицилію. Сократъ. Демосфенъ. Александръ Македонскій. Понятіе о древней Индіи, ея устройствѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ.

3. Римляне.

753—510. Періодъ царей.
390. Сожженіе Рима Галлами.
264—241. 1-я Пуническая война.
218—202. 2-я Пуническая война.

Краткая географія Италіи. Основаніе Рима. Гораций Коклещъ и Муціи Сцевола. Цинциннаты. Нашествіе Галловъ. Фабрицій и Пирръ. Регулъ. Аннибалъ. Переходъ Аннибала чрезъ Альпы. Фабій Кунктаторъ. Сраженіе при

216. Сраженіе при Каннахъ.
146. Разрушеніе Кароагена.
60. Первый триумвиратъ.
48. Сраженіе при Фарсалахъ.
30 до 14 по Р. Х. Октавіанъ Августъ.
70. Разрушеніе Іерусалима.
313. Торжество христіанства.
325. Первый монастырь.
395. Раздѣленіе имперіи.

Каннахъ. Корн. Сципіонъ въ Испаніи и Африкѣ. Сраженіе при Замѣ. Разрушеніе Кароагена. Кн. Помпей и Юлій Цезарь. Начало единовластія въ Римѣ. Начало распространенія христіанства. Паденіе Іерусалима. Гоненія на христіанъ. Торжество христіанства при Константинѣ Великомъ. Начало монашества. Амвросій и Іоаннъ Златоустъ.

А. Событія изъ Русской исторіи въ связи со всеобщейю.

451. Каталаунская битва.
476. Паденіе западной Римской имперіи.

Новые народы. Германцы: Аларихъ въ Римѣ. Гунны: Атилъ и Каталаунская битва. Перечисленіе государствъ, основанныхъ Германцами.

Время совершенія поминанныхъ событій опредѣляется столѣтіями.

Христіанство между Германцами. Крещеніе Франковъ. Григорій 1-й и Августинъ. Самоотверженіе и мученическая смерть Бонифація.

- 527—565. Юстиніанъ В.

Византійская имперія. Славяне. Юстиніанъ В. и Велизарій. Персы. Борьба Геракла съ Хозроемъ II (Возвращеніе Честнаго Креста Господня).

622. Магометанская эра.
637. Омаръ овладѣваетъ Іерусалимомъ.

Арабы. Магометъ и его ученіе. Взятіе Іерусалима Омаромъ.

726. Начало преслѣдованія иконопочитателей.
768—814. Карлъ В.
800. Коронаваніе Карла В.
1054. Раздѣленіе церквей.

Усиленіе Германцевъ и ослабленіе Византіи. Папа Григорій II. Основаніе папской области (754). Принятіе Карломъ В. титула императора. Сношенія Карла съ Византійскою имперіей.

861. Крещеніе Болгаріи.

Христіанство между Славянами. Св. Кириллъ и Меѳодій. Крещеніе Болгаринъ. Свв. Кириллъ и Меѳодій въ Моравіи и въ Римѣ. Паденіе славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ.

862. Основаніе Русскаго государства.
957. Крещеніе Ольги.
957—972. Святославъ.
988. Крещеніе Руси.

Русскіе Славяне. Призваніе Варяговъ и основаніе Русскаго государства. Аскольдъ и Диръ. Олегъ. Походъ Олега въ Царьградъ. Взятіе Искоростеня Ольгою. Крещеніе Ольги. Святославъ. Характеръ его. Нападсніе ял

Кіевъ Печенѣговъ. Іоаннъ Цимискій. Пораженіе и гибель Святослана. Владиміръ. Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Испытаніе вѣръ. Крещеніе и бракъ Владиміра.

Курсъ IV-го класса (2 урока).

Утвержденіе христіанства въ Россіи. Св. Борися и Глѣбъ. Ярославъ Мудрый. Начало монашества въ Россіи. Антоній и преп. Θεодосій.

1055—1238. Удалый періодъ.

1111. Пораженіе Половцевъ у р. Сальницы.

1174. Смерть Андрея Боголюбскаго.

1096 — 1279. Время Крестовыхъ походовъ.

1238 — 1480. Монгольское иго.

1224. Битва при Калкѣ.

1238. Сраженіе при Сити.

1240. Невская побѣда.

1242. Ледовое побоище.

Удѣлы. Половцы. Владиміръ Мономахъ. Ростовско-Суздальская земля. Св. Леонтій. Андрей Боголюбскій.

Григорій VII и Генрихъ IV. Первый крестовый походъ. Рыцарскіе ордена.

Мономы и Чингисханъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Батя.

Св. Александръ Невскій. Борьба его со Шведами и Ливонскимъ орденомъ. Отношеніе его къ ордѣ.

Литовское княжество. Завоеваніе Литовскими князьями русскихъ областей. Крещеніе Литвы.

1386. Обращеніе Литвы въ католичество.

1328 — 1340. Іоаннъ Калита.

1380 г. 8 сент. Мамаево побоище.

1389. Сраженіе при Косовѣ.

1453. Паденіе Константинополя.

1480. Сверженіе ига.

Московское княжество. Іоаннъ Калита и Св. митрополитъ Петръ. Св. Алексій. Св. Сергій. Мамаево побоище.

Турки-Османъ. Сраженіе при Коссовѣ. Завоеваніе Константинополя Турками.

Іоаннъ III. Прекращеніе удѣловъ въ Россіи. Сверженіе монгольскаго ига.

Царствованіе Іоанна IV. Воспитаніе его и вѣнчаніе на царство. Сильвестръ и Адашевъ. Покореніе Казани. Оборона Пскова. Опричнина. Св. митрополитъ Филиппъ. Ермакъ и покореніе Сибири.

1547. Принятіе Іоанномъ IV царскаго титула.

1552. Взятіе Казани.

1582. Покореніе Сибири.

Іоаннъ Гуттенбергъ. Христофоръ Колумбъ.

1440. Изобретеніе книгопечатанія.

1492. Открытіе Америки.
1415. Смерть Гуса.
1517. Начало реформаціи.
1572. Вароолом. ночь.

- 1611 — 1613. Междоусобица.
1613. Избраніе Михаила Феодоровича на царство.
1648. Восстаніе Богдана Хмельницкаго.
1653. Присоединеніе Малороссіи.

- 1618 — 1648. 30-лѣтняя война.
1620. Бѣлогорская битва.
1689 — 1725. Петръ Великій.
1701 — 1721. Великая Сѣверная война.
1703. Основаніе Петербурга.
1709. Полтавская битва.
1711—1765. Ломоносовъ.
1756 — 1763. Семилѣтняя война.
1758. Сраженіе при Цорндорфѣ.
1759. Сраженіе при Кунерсдорфѣ.
1770. Побѣды при Ларгѣ, Кагулѣ и Чесмѣ.
1789. Битва Рыминская.
1795. Паденіе Польши.
1799. Итальянскій походъ Суворова.

- 1801—1825. Александръ I.
1812. Отечественная война.
1814. Взятіе Париза.

Іоаннъ Гусъ. Слѣды дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи въ XIV и XV вѣкахъ. Ученіе Гуса. Мученическая смерть Гуса. *Лютеръ* и основаніе протестантской церкви. *Іезуиты* и Варооломеевская ночь.

Іезуиты въ Литвѣ. Появленіе Самозванцевъ. Причина смутъ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Поляки въ Москвѣ. Патріархъ Гермогенъ и Проконій Ляпуновъ. Мининъ. Пожарскій. Избраніе Михаила Феодоровича на царство. Сусанинъ. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бѣлогорская битва. Участіе Густава Адольфа въ 30-лѣтней войнѣ.

Петръ Великій. Воспитаніе его. Первое путешествіе Петра за границу. Борьба со Шведами: Карлъ XII-й; основаніе Петрозаводскаго флота; Полтавская битва; окончаніе войны со Шведами. Кончина Петра.

Императрица Елизавета Петровна. Ломоносовъ. Война съ Фридрихомъ II: сраженія при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ.

Вашингтонъ и Франклинъ. (Сѣверо-американская война 1774—1783 г.).

Императрица Екатерина II. Побѣды Румянцева надъ Турками. Чесменскій бой. Взятіе Крыма. Потемкинъ и Суворовъ. Паденіе Польши. Походъ Суворова въ Италію и Швейцарію.

Императоръ Александръ I-й. Отечественная война и освобожденіе Европы Александромъ I-мъ. Войны съ Персіей и Турціей при императорѣ Николаѣ I. Освобожденіе Греціи. Крымская кампанія. Перечень главнѣйшихъ событій въ царствованіе императора Александра II.

Систематическій курсъ ¹⁾).

Курсъ V класса (2 урока).

Исторія Греціи и Рима.

Греція.

Географическій обзоръ Греціи.

I. Древнѣйшій или героическій періодъ.

1500—1100 до Р. Х.

Пеласги.—Эллины.—Представленія Грековъ о богахъ и герояхъ.— *Значеніе греческихъ мифовъ для поэзіи и искусства ²⁾.—Главныя черты государственнаго и общественнаго быта древней Греціи по Гомеру.

II. Періодъ отъ переселенія Дорянъ въ Пелопонесъ до начала греко-персидскихъ войнъ.

1100—500 до Р. Х.

1060—1040. Колонія въ Азіи.
776. Первый Олимпіада.

Передвиженія племенъ. — Вновь образовавшіяся государства. — Амфиктионійскій союзъ.—Дельфійскій оракулъ.—Общественныя игры.—Измѣненія въ формахъ правленія.—Греческія колоніи: восточныя колоніи, преимущественно по берегамъ Понта Евксинскаго, западныя колоніи; Сиракузы; Массилія.

Исторія Спарты. — Спарта до Ликурга.—Ликургъ.—Государственное и общественное устройство: власть царей; герусія; народное собраніе; эфоры; раздѣлъ земель; воспи-

¹⁾ Въ программу систематическаго курса не внесены хронологическія данныя, уже помѣщенные въ курсъ эпизодическомъ; но знаніе этихъ данныхъ обязательно для учениковъ старшихъ классовъ.

²⁾ Статьи отнѣченныя * должны быть опускаемы при изложеніи исторіи Греціи и Рима въ V классъ и должны быть вновь пройдены при повтореніи оной въ VIII классъ.

621. Законы Дракона.
560—510. Пизистратъ и
его дѣти.

таніе Спартиатовъ; сисситинъ.—Распространеніе предѣловъ Спартанской республики и установленіе ея ижемоніи въ Пелопонесѣ.

Исторія Аѳинъ.—Отмѣна царскаго достоинства въ Аѳинахъ.—Аѳины подъ управленіемъ Евпатридовъ.—Драконъ и Килонъ. Законодательство Солона: сисахтейя; раздѣленіе на классы; архонты; буле; эклесія; суды геліастовъ; аѳинское воспитаніе.—Пизистратъ и Пизистратиды.—Клисеенъ.

III. Періодъ съ начала греко-персидскихъ войнъ до ижемоніи Македоніи.

500—338 до Р. Х.

479. Сраженіе при Платеѣ
и Микале.

476. Переходъ ижемоніи
отъ Спарты къ Аѳинамъ.

469. Двойная победа Ки-
мона надъ Персами.

Возстаніе Малоазійскихъ Грековъ.—Первые два похода Персовъ на Грецію.—Аѳины между вторымъ и третьимъ походомъ Персовъ на Грецію. Приготовленія Ксеркса къ покоренію Греціи.—Битвы при Артемизии, Фермопилахъ и Саламинѣ.—Изгнаніе Персовъ изъ Греціи.—Возвышеніе Аѳинъ.—Переходъ ижемоніи отъ Спарты къ Аѳинамъ.—Кимонъ. Конечъ греко-персидскихъ войнъ.—*Геродотъ и Эсхилъ.

421. Никиевъ миръ.

404. Взятіе Аѳинъ Спар-
тотцами.

Аѳины при Периклѣ.—Полное развитіе демократіи въ Аѳинахъ.—Политическое могущество Аѳинъ.—*Софоклъ, Оукидидъ, Фидій.

Пелопонесская война: состояніе Греціи передъ войною; поводъ къ войнѣ; событія до Никиева мира; походъ Аѳинянъ въ Сицилію; возобновленіе борьбы со Спартою и ходъ ея до 404 года до Р. Х.; правленіе тридцати и возстановленіе демократіи въ Аѳинахъ.—*Эврипидъ, Аристофанъ. *Сократъ.—Возстаніе Кира Младшаго и отступленіе 10,000 Грековъ.—Война Спарты съ Персами и возстаніе Грековъ противъ спартанской ижемоніи.—Анталкидовъ миръ.—Оппанско-спартанская война.—Правственныи и поли-

387. Анталкидовъ миръ.

371. Сраженіе при Левк-
трахъ.

362. Сраженіе при Ман-
тиней.

тический упадокъ Греціи.—*Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

IV. Македонскій періодъ до разрушенія Коринѳа.

338—146 до Р. Х.

338. Сраженіе при Херонее.

148. Покореніе Македоніи Римлянами.

146. Обращеніе Греціи въ римскую провинцію.

187. Антиохъ III.

64. Паденіе Сиріи.

30. Паденіе Египта.

Возвышеніе Македоніи въ царствованіе Филиппа.—Священныя войны. Демосеевъ.—Битва при Херонее.—Александръ Великій.—Дѣйствія его въ Греціи.—Разрушеніе имъ Персидскаго государства и распространеніе греческой образованности на Востокъ.—Распаденіе монархіи Александра Великаго.

Судьба Македоніи и Греціи послѣ Александра Македонскаго до завоеванія ихъ Римлянами: политика Македонскихъ царей; союзъ Этольскій и Ахейскій; Спарта при царяхъ Агисѣ III и Клеоменѣ III; обращеніе Македоніи и Греціи въ римскія провинціи.—Очеркъ исторіи Египта и Сиріи при Птолемахъ и Селевкидахъ.

Р и м ъ.

Географическій обзоръ древней Италіи.—Этруски, Сабинны и Латины.

I. Періодъ царей.

753—510 до Р. Х.

Основаніе Рима.—Государственное и общественное устройство Рима въ періодъ царей. Законодательство Сервія Туллія.—Тарквиній Гордый.

II. Періодъ республики.

510—30 до Р. Х.

494. Трибуны.

486. Законъ Кассія.

451—449. Децемвиры.

366. Законы Лицинія и Секстія.

Государственное устройство Рима въ началѣ республики и его аристократическій характеръ; борьба патриціевъ съ плебеями до уравненія ихъ правъ: учрежденіе долж-

ности плебейскихъ трибуновъ; законъ Кассія о раздѣлѣ полей; децемвиры; законы Валерія и Горация, законъ Канулея, борьба за государственныя должности; законы Лицинія и Секстія: приобрѣтеніе плебеями полного равенства правъ съ патриціями.

343—266. Римляне овладѣваютъ среднею и южною Италією.

Войны Римлянъ въ Италіи: утверженіе господства Римлянъ въ Лаціумѣ; нашествіе Галловъ на Римъ; распространеніе владычества Рима въ средней и южной Италіи.

212. Завоеваніе Сиракузъ.
149—146. Третья Пуническая война.

Время Пуническихъ войнъ; состояніе Карфагена передъ началомъ борьбы его съ Римомъ; столкновеніе Римлянъ съ Карфагенянами; 1-я Пуническая война; дѣйствія Римлянъ и Карфагенянъ между 1-ю и 2-ю Пуническими войнами.—Вторая Пуническая война: опасное положеніе Римлянъ въ началѣ второй Пунической войны; перемѣна въ ходѣ военныхъ дѣйствій съ 215 года; битва при Замѣ. Распространеніе римскаго владычества въ предѣлахъ міра греческаго: завоеваніе Македоніи и Греціи; разрушеніе Карфагена и Коринѳа; завоеваніе Сирійскаго царства.

133. Т. Гракхъ.

121. К. Гракхъ.

112 — 106. Югуртинская война.

43. Второй триумvirъ.

Время смутъ римской республики. Предѣлы римскаго государства.—Политика Римлянъ въ отношеніи къ покореннымъ ими народамъ и городамъ (*municipia*, *coloniae*, *jus latinum*, *provinciae*).—Вліяніе римскихъ завоеваній на внутреннее состояніе римскаго государства: исчезновеніе средняго сословія; оптиматы и пролетаріи; вліяніе греческой образованности на высшіе классы римскаго общества;* начало искусственной литературы въ Римѣ; Сципіонъ и Катонъ; нравы и обычаи; увеличеніе рабства.—Гракхи.—Югуртинская война.—Кимвры и Тевтоны. Марій и Сулла.—Война съ гладіаторами.—Возвышеніе Помпея.—Цицеронъ и Катилина.—Ю. Цезарь.—Первый триумvirъ.—Завоеваніе Гал-

лія Ю. Цезаремъ.—Борьба его съ Помпеемъ и его партією.—Диктаторство Ю. Цезаря.—Смерть его.—Второй триумvirатъ и утверженіе единовластія въ Римѣ.

III. *Періодъ имперіи.*

30 до Р. Х.—476 послѣ Р. Х.

64. Первое гоненіе на христіанъ.

Октавіанъ Августъ и его преемники. Правительственныя учрежденія Августа.—Начало борьбы съ Германцами. * Золотой вѣкъ римской литературы: Вергилій, Гораций, Овидій, Титъ Ливій.

Рожество Иисуса Христа и начало христіанской церкви.—Общая характеристика первыхъ преемниковъ Августа.—Неронъ: пожаръ Рима; первое гоненіе на христіанъ; смуты послѣ смерти Нерона.

117. Траянъ.

138. Адрианъ.

180 — 270. Время господства военной силы.

Лучшіе императоры.—Веспасіанъ: возстаніе Іудеевъ и разрушеніе Іерусалима; Агрикола въ Британіи; Колизей.—Титъ.—Домиціанъ.—Траянъ.—Адрианъ.—Маркъ Аврелій.—*Серебряный вѣкъ римской литературы.—Указаніе на время господства военной силы въ Римской имперіи.

305. Діоклетіанъ.

306—337. Константинъ Великій.

325. Никейскій соборъ.

Время административныхъ реформъ. Діоклетіанъ и его преобразованія.—Состояніе языческаго общества въ началѣ IV-го вѣка.—Состояніе христіанскаго общества въ томъ же вѣкѣ.—Константинъ Великій, его характеръ.—Миланскій эдиктъ.—Никейскій соборъ.—Административное раздѣленіе Римской имперіи.—Новая столица.—Послѣдняя попытка къ возстановленію язычества.

Θеодосій Великій и паденіе Западной римской имперіи.—Начало переселенія народовъ.—Готы въ предѣлахъ римской имперіи.—Θеодосій Великій: закрытіе языческихъ храмовъ.—Раздѣленіе имперіи на За-

падную и Восточную. Последніе Западные римскіе императоры и постепенное занятіе Германцами провинцій западной римской имперіи.

Курсъ VI-го класса (2 урока).

1-е полугодіе: *Исторія среднихъ вѣковъ.*

I. Паденіе Западной Римской имперіи и водвореніе Германцевъ на ея земляхъ.

1) Состояніе римской имперіи во второй половинѣ IV вѣка, при императорахъ Валентиніанѣ I и Валентѣ: а) Западная половина имперіи, ея области, господство латинскаго языка и римской образованности; романизация Кельтовъ и Иберовъ; б) Восточная половина имперіи; романизация въ придунайскихъ областяхъ и Фракіи (происхожденіе румынскаго языка), преобладающее значеніе греческой народности и языка на Востокѣ; значеніе новаго Рима.

2) Германцы, ихъ бытъ; враждебныя и мирныя отношенія къ Имперіи; борьба на Рейнѣ и Дунаѣ; служба въ войскахъ Имперіи; германская колонизация въ предѣлахъ Имперіи. Начало христіанства среди варваровъ.

486. Основаніе Франкской монархіи.

3) Великое переселеніе народовъ. Гунны и движеніе Вестготовъ. Царствованіе Θεодосія и его сыновей. Взятіе Рима Аларихомъ. Основаніе Вестготскаго королевства въ Испаніи и южной Галліи. Нашествіе Аттілы. Последніе императоры на Западѣ; (номинальное) возсоединеніе обѣихъ половинокъ Имперіи подъ властію одного императора въ Константинополѣ. Правленіе Одоакра въ Италіи. Остготское королевство; Теодерихъ. Поселенія Вургундовъ и Франковъ; правленіе, крещеніе и завоеваніе Хлодовика. Вандальское

449. Англо-Саксы въ Британіи.

королевство въ Африкѣ. Подчиненіе Германцевъ, поселившихся въ предѣлахъ Имперіи, романскому вліянію въ бытѣ и языкѣ. Англосаксонское завоеваніе и его особенный характеръ.

4) Славяне, ихъ бытъ, ихъ разселеніе: земли, занимаемыя ими послѣ германскаго великаго переселенія (на Дунаѣ, Вислѣ, Лабѣ и т. д.)

II. Продолженіе Римской имперіи въ Константинополь.

1) Царствованіе Юстиніана, его законодательство и постройки, паденіи цирка, возвращеніе Италіи и Африки. Славянскія и болгарскія вторженія. Потеря сѣверной Италіи. Ломбардское нашествіе и завоеваніе. Экзархаты и отношеніе римскаго епископа къ Имперіи.

2) Императоръ Ираклій, основатель новой династіи. Борьба съ Персами и Аварями. Поселеніе Сербовъ и Хорватовъ въ Далмаціи.

711. Завоеваніе Испаніи Арабами.

Магометанство: Арабы и ученіе Магомета, объединеніе арабскихъ племенъ; первые калифы, ихъ войны съ Персами и Имперією; завоеваніе Сиріи, Персіи, Египта, Африки и Испаніи.

Поселеніе Славянъ въ Македоніи, Фессаліи и Целоневѣ. Основаніе Болгарскаго царства.

753. Сраженіе между Турами и Путиемъ.

3) Исаурійская династія: отраженіе арабскаго нашествія; иконоборство. Паденіе императорской власти въ Италіи и возвышеніе римскаго епископа. Стремленіе Ломбардовъ къ объединенію Италіи и союзъ папъ съ палатными мѣрами. Карлъ Мартелль, побѣдитель Арабовъ и герой западнаго христіанства; дѣятельность Бонифація на пользу папства подѣ покровительствомъ Карла и Пя-

пина Короткаго; низложеніе Меровингскаго дома, походъ Пипина въ Италію, начало свѣтской власти папъ. Карлъ Великій, его борьба съ Саксами, присоединеніе Ломбардскаго королевства къ монархіи Франковъ.—Западные Славяне, Авары, держава Само; отношенія къ Славянамъ при Карлѣ Великомъ, разрушеніе Аварскаго каганата.—Раздѣленіе мусульманскаго міра, испанскій калифатъ и походъ Карла въ Испанію.

III. *Начало распаденія въ христіанскомъ мірѣ (дѣя имперіи, образованіе новыхъ національностей, дѣя церкви).*

1) Коронованіе Карла въ Римѣ. Его государственная дѣятельность и заботы объ образованіи и просвѣщеніи. Распаденіе монархіи Карла Великаго и образованіе новыхъ народностей западной Европы. Вердескій договоръ. Керсійскій капитулярій Карла Лысаго о наслѣдственности (графскихъ) должностей, 877 г. Низложеніе Карла Толстаго. Послѣдніе Каролинги въ Германіи и борьба этой династіи во Франціи съ герцогскимъ домомъ французскимъ. Норманны, ихъ набѣги, основаніе герцогства Нормандіи.

843. Вердескій договоръ.

871—900. Альфредъ Великій.

2) Основаніе королевства Англійскаго; объединеніе англо-саксонскихъ королевствъ при Егбертѣ. Норманны въ Англіи. Король Альфредъ Великій.

842. Возстановленіе иконопочитанія.

3) Начало раздѣленія церквей. Возстановленіе иконопочитанія на Востока. Папа Николай I. Лже-Исидоровы декреты. Дѣло патріарха Фотія. Крещеніе Болгарскаго царя Бориса.

4) Велико-Моравская держава. Ростиславъ Моравскій. Проповѣдь Кирилла и Меодія. Святополкъ Моравскій и объединеніе западныхъ Славянъ; борьба съ королемъ Арнуль-

~

фомъ. Угры въ Панноніи. Разложеніе Моравской державы; угорскій погромъ.

IV. *Западная имперія при Саксонской династіи и Восточная при Македонской.*

936—973. Оттонъ Великій.

1) Королевство Германское при Конрадѣ I и Генрихѣ саксонскомъ. Борьба съ Уграми и отношеніе къ Славянамъ. Оттошъ Великій и восстановление имперіи на Западѣ. Мѣры Оттона для усиленія королевской власти и для противодѣйствія свѣтскимъ феодаламъ. Преемники Оттона I-го. Итальянскіе походы.—Первые Капетинги во Франціи.

987. Начало Капетингской династіи.

965. Крещеніе Польковъ.

2) Западные Славяне. Династія Премысловичей въ Чехіи. Католичество и Войтъхъ Пражскій. Династія Пястовъ въ Польшѣ: держава Болеслава Храбраго.—Венгрія при Стефанѣ Святомъ.

888 — 927. Симеонъ царь болгарскій.

3) Восточная имперія при Македонской династіи и восточные Славяне. Войны Византіи съ Болгарами и Русскими. Болгарское царство Симеона. Подвиги Никифора Фоки и Цимисхія. Василій II и Болгарскій царь Самуилъ. Крещеніе и христіанское просвѣщеніе Руси.

V. *Западный міръ подъ главенствомъ папы въ борьбѣ съ исламизмомъ и съ Византіею.*

1056—1106. Генрихъ IV.
1122. Вормскій конкордатъ.

1066. Сраженіе при Гастингсѣ.

1) Императоры Франконскаго дома. Генрихъ IV и папа Григорій VII. Борьба за инвеституру.

2) Завоеваніе Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ, слѣдствія этого событія для Англіи (болѣе тѣсная связь съ другими государствами западной Европы, употребленіе французскаго языка) и для Франціи (права французскаго короля въ отношеніи къ Нормандіи).

3) Борьба христіанъ съ магометанами въ Испаніи и южной Италіи. Провѣтваніе Испаніи при Оммайдадахъ, паденіе западнаго калифата, возвышеніе Аррагонскаго королевства.—Греки и Сарацины въ Сициліи и южной Италіи. Завоеваніе Норманновъ, Робертъ Гвискардъ и герцогъ Рожеръ.

4) Восточная имперія въ борьбѣ съ турецкими и мусульманскими народами и ея упадокъ: Константинъ Мономахъ и окончательное раздѣленіе церквей. Турки Сельджуки и отношенія ихъ къ калифату Багдадскому. Борьба съ ними Византійскихъ императоровъ. Печенѣги и Половцы, ихъ движеніе и набѣги. Плѣнъ Романа Діогена. Династія Комненовъ и возстановленіе значенія имперіи. Борьба съ Норманнами и походъ Роберта Гвискарда на Византію.

5) Причины крестовыхъ походовъ. Исторія перваго крестоваго похода.

VI. Характеристика основныхъ началъ средневѣковой исторіи.

Царство и имперія. Церковь и ея заслуги: Бенедиктинскіе монастыри. Феодализмъ; основныя черты его историческаго образованія; взаимныя отношенія сюзерена и вассаловъ. Рыцарство и жизнь въ рыцарскихъ замкахъ. Упадокъ городской жизни послѣ германскихъ завоеваній; начало новаго движенія въ городахъ. Положеніе земледѣльческаго класса.—Средневѣковая наука и первый періодъ схоластики; Абеляръ. Византійская образованность, просвѣщеніе и школы, литературная дѣятельность, искусства и въ частности архитектура и мозаика. — Арабская образованность.—Римское право въ Италіи.

VII. Время Гогенштауфеновъ.

1198—1216. Иннокентій III.

1) Швабскій домъ въ Германіи (Гогенштауфены). Гвельфы и Габеллины; правленіе Фридриха Барбаруссы, его борьба съ ломбардскими городами и папствомъ. — Судьба Славянъ въ Мекленбургѣ, Помераніи и Голштиніи. Гейнрихъ VI, присоединеніе Сицилійскаго королевства и планы относительно Востока. Фридрихъ II, борьба съ папствомъ. Величіе папства при Иннокентіяхъ III и IV. Нищенствующіе ордена.

1214. Битва при Бовинъ.
1215. Великая хартія.
1264. Начало парламента.
1226—1270. Людовикъ IX
Святой.

2) Франція и Англія. Гейнрихъ II Плантагенетъ. Филиппъ II Августъ и Ричардъ I. Іоаннъ Безземельный; потери Нормандіи, великая хартія и начало представительнаго правленія. Возвышеніе королевской власти во Франціи въ союзъ съ городскими общинами, или третьимъ сословіемъ, и легистами; Людовикъ IX Св.

3) Крестовые походы: 1) противъ мусульманъ; 2) противъ еретиковъ (альбигойскія войны); 3) противъ язычниковъ въ славянскихъ земляхъ и въ Пруссіи (Тевтонскій орденъ); 4) противъ Византіи: четвертый крестовый походъ.

4) Восточная имперія при Комненахъ и Ангелахъ. Венеціанскія и генуэзскія поселенія. Династія Нѣманичей въ Сербіи и Болгарское царство Асеней. Основаніе Латинской имперіи въ Константинополѣ; восточныя владѣнія Венеціи. Императоры Никейскіе и Трапезунтскіе. Михаилъ Палеологъ и возвращеніе Константинополя. — Монголы, Чингизъ-ханъ, низверженіе калифата и Сельджуковскихъ государствъ.

VIII. Упадокъ имперіи и папства.

1273. Избраніе Рудольфа Габсбургскаго.
1308. Начало Швейцарскаго союза.
1292. Сицилійская вечерня.

1308. Перенесеніе папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ.

1356. Золотая булла.

1414 — 1418. Констанцскій соборъ.

1410. Танненбергск. битва.

1439. Флорентійскій соборъ.

1328. Начало династїи Валуа.

1346. Битва при Креси.

1431. Казнь Жанны д'Аркъ.

1461—1483. Людовикъ XI.

1485. Начало династїи Тюдоровъ.

1492. Взятіе Гренады.

1) Междоусобице въ Германіи и кулачное право. Союзы городовъ: Рейнскій и Ганзейскій. Рудольфъ Габсбургскій и его борьба съ Оттокаръ Чешскимъ (внѣшнее блестящее положеніе Чехіи и германизация внутри). Начало Швейцарскаго союза.

2) Филиппъ IV Красивый и Бонифаций VIII. Вавилонское плѣненіе церкви.

3) Чехія при Карлѣ IV. Ляъ Густъ и гуситы. Соборы Констанцскій и Базельскій.

4) Польша при Казиміръ Великомъ и его преемникахъ. Соединеніе Литвы съ Польшею. Танненбергская битва.

5) Восточная имперія. Борьба съ Славянами. Утвержденіе Османскихъ Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Покореніе южныхъ Славянъ. Коссовская битва. Тамерланъ и Баязеть. Попытки спасти Византію. Флорентійская унія. Владиславъ Варненскій. Взятіе Константинополя Турками.

6) Столѣтняя англо-французская война. Людовикъ XI. Гейнрихъ VII Тюдоръ. Фердинандъ Католикъ въ Испаніи.

7) Скандинавскія государства до и послѣ Кальмарской уніи.

IX. Эпоха возрожденія.

1) Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Миланъ, Флоренція и фамилія Медичи. Венеція. Борьба за Италію: походы Карла VIII и Франциска I.

2) Состояніе образованія въ темный періодъ схоластики. Университеты и значеніе ихъ. Пробужденіе умственнаго движенія; знакомство съ классическою литературою. Гуманизмъ во Франціи и Германіи.

Общее паденіе средневѣковыхъ началъ: папства, феодализма, рыцарства. Городская жизнь и цехи.

2-е полугодіе: Отечественная исторія.

I. Образованіе Русскаго Государства.

911. Договоръ Олега съ Гречами.

Главные племена русскихъ Славянъ; бытъ и религія ихъ. Сосѣди Славянъ: Литовцы, племена финскія, тюркскія и Норманны. Призваніе Рюрика. Первые русскіе князья; ихъ походы и завоеванія. Борьба съ Хозарами и Печенѣгами.

II. Утвержденіе христіанства на Руси.

980—1015. Владиміръ Святый.

Приплатіе христіанской вѣры Владиміромъ. Крещеніе Руси. Борьба христіанства съ язычествомъ. Распространеніе монашества на Руси и основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. Распри дѣтей Владиміра. Ярославъ Мудрый. Русская правда: сословія и судопроизводство; значеніе князя и дружины.

1019—1054. Ярославъ Мудрый.

III. Удѣльно-вѣчевая Русь.

1097. Сѣздъ князей въ Любечъ.

1113—1125. Владиміръ Мономахъ, В. К. Кіевскій.

Родовыя княжескія отношенія и значеніе вѣча. Споры князей за великокняжескій столъ при внукахъ Ярослава. Борьба съ Половцами. Владиміръ Мономахъ. Мономаховичи и Ольговичи. Борьба Юрія Долгорукова съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ.

IV. Раздробленіе Руси на княжества.

1169. Взятіе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

1216. Липецкая битва.

а) Суздальская земля; колонизація краѣ. Андрей Боголюбскій; Всеволодъ III. б) Черниговская и Сѣверская; в) Муромская и Рязанская; г) Полоцкая; д) Смоленская; е) Галицко-Волинская земля, замѣчательные князья,

1202. Основаніе Ливонскаго ордена.

боярство; ж) Новгородская община; земля Новгородская (городъ, пятинны и волости); вѣче и князь; управление; судъ; сословія; торговля; церковь; колонизація сѣверо-восточнаго края. Столкновенія съ Владиміро-Суздальскими князьями. Ливонскій орденъ.

. Внутреннее состояніе Руси въ до-монгольскомъ періодъ.

Церковь, искусство, просвѣщеніе и торговля.

VI. Покореніе Руси Монголами.

Завоеванія Чингисхана въ Средней Азіи и покореніе тюркскихъ племенъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Батя. Монгольское иго.

VII. Русь въ первое время Монгольской ии.

1236. Смерть Александра Невского.

Раздѣленіе Руси на сѣверо-восточную и юго-западную. Враги ея на западѣ: Литва и Нѣмцы. Св. Александръ Невскій. Побѣды его; отношенія къ Татарамъ. Даниилъ Ромаповичъ, король Галицкій.

VIII. Объединеніе юго-западной Руси подъ владичествомъ Литвы

1315—1340. Гедиминъ.

Образованіе великаго княжества Литовскаго и подчинненіе юго-западныхъ русскихъ областей. Гедиминъ и Ольгердъ. Преобладаніе русскаго элемента въ Литвѣ. Ягайло. Соединеніе Литвы съ Польшею. Витовтъ. Противодѣйствіе польско-католическому вліянію.

IX. Возвышеніе Москвы.

1363—1389. Дмитрій Донской.

Начало Москвы. Борьба съ Тверью. Іоаннъ Калита, его преемники. Дмитрій Донской, Куликовская битва, ея значеніе. Борьба Москвы съ Литвой. Василій I. Борьба съ

1450. Битва подъ стѣнами Галича.

Литвою и отношеніе къ Татарамъ. Василій II Темный. Послѣдняя борьба на Руси за великокняжескій престолъ. Распаденіе Золотой орды. Причины возвышенія Москвы.

Х. Сверженіе Монольскаго иа и конецъ удѣловъ.

1462—1505. Іоаннъ III.
1478. Паденіе Новгорода.

Іоаннъ III. Паденіе Новгорода. Присоединеніе Твери и другихъ удѣловъ. Бракъ съ Софією Палеологъ и сношенія съ западной Европой. Сверженіе татарскаго ига. Судебникъ. Василій III. Паденіе Пскова. Конецъ удѣламъ. Возвращеніе Смоленска. Ересь жидовствующихъ.

1505—1533. Василій III.
1510. Паденіе Пскова.
1514. Возвращеніе Смоленска.

Курсъ VII класса (2 урока).

А. Всеобщая исторія новаго времени.

І. Възъ реформациіи.

1520—1556. Карлъ V.
1555. Аугсбургскій религиозный миръ.
1509—1547. Генрихъ VIII.
1558—1603. Елисавета.

а) Реформація въ Германіи. Лютеръ. Распространеніе его ученія. Кальвинизмъ. Аугсбургскій религиозный миръ. Карлъ V. б) Реформація въ Англіи: Генрихъ VIII. Епископальная церковь. Утвержденіе ея при Елисаветѣ. в) Реформація въ Швеціи и Даніи. Стокгольмская кровавая баня. Густавъ Ваза. г) Католическая реакція. Орденъ Іезуитовъ и Тридентинскій соборъ. Время Филиппа II и Елисаветы Англійской. Возстаніе Нидерландовъ. Образованіе Голландской республики. Елисавета и Марія Стюартъ. Непобѣдимая армада. Гизы и Гугеноты во Франціи. Варолюмеевская ночь. Генрихъ IV. Нантскій эдиктъ.

1588. Непобѣдимая армада.
1540. Основаніе Іезуитскаго ордена.
1555—1598. Филиппъ II.
1593—1610. Генрихъ IV.
1598. Нантскій эдиктъ.

II. Обзоръ главныхъ событій XVII вѣка въ западной Европѣ.

1632. Битва при Люценѣ.
1648. Вестфальскій миръ.

а) Тридцатилѣтняя война: Возстаніе Чеховъ. Бѣлогорская битва. Паденіе Чехіи.

1649. Смерть Карла I.
 1650—1658. Оливеръ Кром-
 велъ.
 1688. Паденіе Стюартовъ.
 1624—1643. Ришельё.
 1643 — 1715. Людовикъ
 XIV.
 1678. Нимвегенскій миръ.
 1685. Отмѣна Нантскаго
 эдикта.
 1701—1714. Война за на-
 слѣдство Испанскаго пре-
 столоа.

Тилли. Валленштейнъ. Густавъ Адольфъ.
 Вестфальскій миръ.

б) Революція въ Англіи: Стюарты. Борьба
 ихъ съ парламентомъ. Оливеръ Кромвель.
 Реставрація и паденіе Стюартовъ.

в) Вѣкъ Людовика XIV: Кардиналъ Ри-
 шелье. Мазарини. Фронда. Блестящій періодъ
 царствованія Людовика. Кольберъ. Лувуа.
 Вышнія приобрѣтенія. Вліяніе Франціи на
 Европу. Упадокъ Франціи во вторую поло-
 вину царствованія Людовика. Отмѣна Нант-
 скаго эдикта. Война за наслѣдство Испа-
 нскаго престола.

В. Русская исторія со временъ Іоанна IV до Петра Великаго.

I. Торжество монархіи на Руси и завоеванія на Востокъ.

1533—1584. Іоаннъ IV.
 1538 — 1547. Правленіе
 бояръ.
 1561. Паденіе Ливонскаго
 ордена.

Іоаннъ IV. Воспитаніе его. Реформы. Су-
 дебникъ. Покореніе Казани. Присоединеніе
 Астрахани. Отношенія къ крымскимъ Тата-
 рамъ. Завоеваніе Сибири. Паденіе Ливонскаго
 ордена. Казни.

II. Состояніе Литвы и юго-западной Руси подъ владѣтельствомъ Польши.

1569. Люблинская унія.
 1596. Церковная унія.

Люблинская унія. Дѣятельность Іезуитовъ
 въ Польшѣ и юго-западной Руси. Церковная
 унія. Преслѣдованіе православія. Братства.
 Киевская духовная академія. Угнетеніе крестъ-
 янъ. Возстанія казаковъ.

III. Смутное время на Руси.

1589. Учрежденіе патриар-
 шества.
 1590. Привращеніе крестъ-
 янъ къ землѣ.
 1598. Прекращеніе дина-
 стіи Рюрика.
 1605—1606. Лжедмитрій I.

Царствованіе Θεодора Іоанновича. Прекра-
 щеніе династіи Рюрика. Борисъ Годуновъ.
 Самозванцы. Московское разореніе. Освобожд-
 еніе Москвы отъ Поляковъ. Избраніе на
 царство Михаила Θεодоровича.

IV. *Первые царя изъ дома Романовыхъ.*

1613—1645. Михаилъ Тео-
доровичъ.
1617. Столбовскій дого-
воръ.
1645—1676. Алексѣй Ми-
хайловичъ.
1649. Соборное уложеніе.
1654. Исправленіе богослу-
жебныхъ книгъ.
1667. Андрусовскій дого-
воръ.
1682. Уничтоженіе иѣстни-
чества.

Михаилъ Θεοδοροβιτς: забюты объ успо-
коеніи государства. Борьба со Шведами и
Поляками. Патріархъ Филаретъ. Алексѣй Ми-
хайловичъ. Соборное уложеніе. Патріархъ Ни-
ковъ. Начало раскола. Подданство Малорос-
сін. Богданъ Хмѣльницкій. Θεοδορъ Алек-
сѣевичъ. Уничтоженіе иѣстничества.

V. *Простыиіе на Руси въ древнее время.*

Древніи училища. Византійское энциіи
Вліяніе Монгольскаго ига на образованіе.
Ересь. Заботы объ образованіи по сверже-
ніи ига монгольскаго. Западное вліяніе. Пе-
режины въ русскомъ обществѣ передъ появ-
леніемъ Петра Великаго. Бояринуъ Матвѣевъ.
Начало театра. Положеніе женщины. Ординъ-
Нащокинуъ. Славяно - греко - латинская ака-
демія.

B. *Русская исторія въ связи со всеобщою съ царствованія
Петра Великаго до кончины императрицы Екатерины II.*I. *Царствованіе Петра Великаго.*

1711. Прутскій походъ.
1700. Отказа патріарше-
ства.

Избраніе въ цари Петра Алексѣевича.
Стрѣлецкій бунтъ. Правленіе Царевны Софіи.
Могущество Османскихъ Турокъ въ XVI и
въ началѣ XVII ст. Союзъ императора Гер-
манскаго Леопольда съ королемъ Польскимъ
Яномъ Собѣскимъ для борьбы съ Турками.
Вѣчный миръ Россіи съ Польшей. Вступле-
ніе Россіи въ союзъ противъ Турокъ. Похо-
ды князя Голицина на Крымъ. Низверженіе
Софіи. Молодые годы Петра Великаго и его
воспитаніе. Францъ Лефорть. Походы на
Азовъ. Сооруженіе флота. Поѣздка Петра за

границу, уничтоженіе стрѣлцаго войска. Великая сѣверная война. Могущество Швеціи при короляхъ: Карлъ X и Карлъ XI. Союзъ Даніи, Польши и Россіи противъ Швеціи и стремленія каждой изъ союзныхъ державъ. Карлъ XII. Нападеніе его на Данію. Нарвская битва. Война Карла XII въ Польшѣ и въ Саксоніи. Успѣхи Русскихъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Основаніе Петербурга. Булавинскій бунтъ. Измѣна Мазепы. Полтавская битва. Новыя завоеванія Петра. Турецкая война. Продолженіе великой сѣверной войны. Ништадтскій миръ. Персидская война. Реформы Петра. Перекѣна въ церковномъ управленіи. Преобразование сословій. Перекѣна въ центральномъ и областномъ управленіи. Преобразование войска. Флотъ. Мѣры къ развитію торговли и промышленности. Мѣры для народнаго просвѣщенія. Перекѣна въ правахъ и обычаяхъ. Престолонаслѣдіе. Смерть Петра.

II. *Первые предшественники Петра Великаго.*

1725—1727. Екатерина I.
1727—1730. Петръ II.
1730 — 1740. Анна Иоанновна.
1739. Вѣлградскій миръ.
1741 — 1761. Елисавета Петровна.
1755. Основаніе Московскаго университета.

Екатерина I-я и Петръ II-й. Меньшиковъ и Долгорукіе. Царствованіе Анны Иоанновны: Замислы верховнаго совѣта; Бироуъ. Вѣнскія дѣла. Іоаннъ VI-й; регентство Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Елисавета Петровна. Шведская война; главные дѣятели въ царствованіе императрицы Елисаветы; внутреннія дѣла.

III. *Возникновеніе Пруссіи.*

1640—1688. Великій Курфюрстъ.
1701. Принятіе королевскаго титула.
1746. Ахенскій миръ.

Начало Пруссіи. Великій Курфюрстъ. Фридрихъ—первый король Пруссійскій. Устройство войска при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Фридрихъ II. Прагматическая санкція и разрѣшеніе вопроса объ Австрійскомъ наслѣдствѣ. Семилѣтняя война.

IV. *Петръ III и царствованіе императрицы Екатерины II.*

1762—1796. Екатерина II.
1774. Кучукъ-Кайнарджій-
скій миръ.

1791. Взятіе Имамлы.
1783. Присоединен. Крыма.
1772. Первый разд. Польши.

Внутреннія распоряженія Петра III. Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II. Отношенія ея къ Подлышъ, возведеніе на польскій престолъ Станислава Понятовскаго; диссидентскій вопросъ; Барская конфедерація. Первая Турецкая война. 1-й раздѣлъ Польши и миръ съ Турками въ Кучукъ-Кайнарджи. Чума и Пугачевъ. Союзъ съ Австріей. Присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Вторая Турецкая и шведская войны. Миръ въ Верельской долинѣ и миръ въ Яссахъ. Паденіе Польши: конституція 3-го мая, 2-й и 3-й раздѣлы.

V. *Эпоха правительственныхъ реформъ въ Европѣ.*

1773. Уничтоженіе іезуитскаго ордена.
1767. Комиссія депутатовъ.
1775. Учрежденіе о губерніяхъ.

Умственное движеніе въ XVII в. Реформы Фридриха II, Іосифа II и Густава II. Уничтоженіе ордена Іезуитовъ. Реформы Екатерины II. Комиссія депутатовъ. Учрежденіе о губерніяхъ. Жалованная грамота дворянству. Городовое положеніе. Крестьяне. Финансы. Мѣры для народнаго образованія и воспитанія.

VI. *Образованіе республики Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.*

1780. Вооруженный нейтралитетъ.
1783. Версальскій миръ.

Могущество Англіи въ XVIII в. и Сѣверо-Американская война. Вооруженный нейтралитетъ. Устройство Сѣверо-Американской республики.

VII. *Французская революція.*

1789. Начало французской революціи.

Положеніе Франціи при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Національное собраніе и его реформы; законодательное со-

браніе и конвентъ. Провозглашеніе республики. Терроръ. Директорія. Возвышеніе Наполеона Бонапарта; его походы въ Италію и въ Египетъ.

Курсъ VIII класса (2 урока).

Окончаніе русской исторіи въ связи со всеобщемъ и повтореніе всего систематическаго курса съ дополненіями по исторіи древнихъ Грековъ и Римлянъ.

I. Борьба Россіи и Европы съ Франціей.

1796—1801. Павелъ I.
1807. Тильзитскій миръ.
1809 Фридрихсгамскій миръ.
1815. Битва при Ватерлоо.

Императоръ Павелъ I. Внутреннія распоряженія. Походъ Суворова въ Италію. Бонапартъ—первый консулъ. Битва при Маренго. Бонапартъ—императоръ Французовъ.—Александръ I-й; его главные сотрудники. Третья коалиція противъ Франціи. Борьба Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ. Тильзитскій миръ. Война Россіи со Швеціей. Моущество Наполеона. Отечественная война 1812 г. Поводы къ ней. Нашествіе Наполеона. Оборона Смоленска. Бородино. Оставленіе Москвы. Народная война. Отступленіе Французовъ. Низверженіе Наполеона: война съ Наполеономъ въ 1813 и 1814 гг. Взятіе Парижа. Отреченіе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ. Сто дней.

II. Вліяніе Россіи на дѣла Европы. Эпоха конгрессовъ.

1815. Вѣнскій конгрессъ.
1825—1855. Николай I.
1828. Туриманчайскій миръ.
1829. Адрианопольскій миръ.

Вѣнскій конгрессъ. Священный союзъ. Конгрессы въ Троппау, Лайбахъ и Веронѣ. Внутреннія дѣла въ царствованіе Александра I-го. Административныя преобразованія. Мѣры относительно народнаго образованія. Смерть Александра I-го. Николай I. Война съ Персією. Закавказье до Николая I. Туриманчайскій миръ. Образованіе Греческаго ко-

ролевства. Положеніе христіанъ въ Турціи и возстаніе Грековъ. Борьба за независимость. Наваринскій бой. Турецкая война. Адрианопольскій миръ. Освобожденіе придунайскихъ христіанъ. Сербія. Положеніе Сербовъ подъ игомъ Турокъ. Возстаніе Сербовъ. Кара-Георгій; Милошъ Обреновичъ. Содѣйствіе Россіи къ возникновенію Сербскаго княжества. Пробужденіе національных стремленій у западныхъ и южныхъ Славянъ.

III. Главныя событія въ Европѣ съ 1830 по 1852 годъ.

1830. Возстаніе въ Польшѣ.

1849. Венгерскій походъ.

1832. Билль о реформахъ.

1852. Наполеонъ III—императоръ Французовъ.

Паденіе Карла X во Франціи. Образованіе Бельгійскаго королевства. Возстаніе въ Польшѣ. Паденіе Людовика Филиппа во Франціи. Людовикъ-Наполеонъ—президентъ республики и императоръ Французовъ. Возстаніе Венгровъ и отношеніе къ нему Австрійскихъ Славянъ. Венгерскій походъ. Парламентская борьба въ Англіи. Ирландско-католическій вопросъ. Билль о реформахъ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Внутреннія дѣла въ царствованіе императора Николая I.

IV. Событія послѣдняго времени.

1853 — 1856. Восточная война.

1856. Парижскій миръ.

1855. Восшествіе на престолъ Императора Александра II.

1862 — 1864. Покореніе Кавказа.

19 февраля 1861. Отмѣна крепостнаго права.

1864. Земскія учрежденія.

1864. Новые суды.

12 апреля 1877 г. Объявленіе войны Турціи.

Восточная война. Причина и поводъ къ ней. Осада Севастополя. Императоръ Александръ II. Продолженіе Восточной войны. Занятіе Севастополя и взятіе Карса. Парижскій миръ. Покореніе Кавказа. Занятіе Туркестанской области. Приамурскій край. Миттежъ въ Польшѣ. Обзоръ событій въ западной Европѣ. Итальянская война. Объединеніе Италіи. Австро-прусская война. Французско-пфемцкая война. Возстановленіе Германской Имперіи. Отмѣна важнѣйшихъ постановленій Парижскаго мира. Реформы императора Александра II: отмѣна крѣпостна-

го права; земскія учрежденія; новые суды;
учебная реформа.

Учебный планъ географіи.

Преподаваніе географіи распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ *I-мъ классѣ* сообщаются краткія предварительныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи и дѣлается краткое обозрѣніе земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ.

Во *II-мъ классѣ* изучаются Азія, Африка, Америка и Австралія.

Въ *III-мъ классѣ* изучается Европа.

Въ *IV-мъ классѣ* изучается Россія.

Всѣ части свѣта и Россія изучаются со стороны физической, политической и этнографической.

Въ *VII-мъ* и *VIII-мъ классахъ* уроки по географіи назначаются для повторенія.

Объяснительная записка къ учебному плану географіи.

I.

А. Въ *I классѣ* главное вниманіе обращается: 1) на топическое обозрѣніе земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ и 2) на ближайшее ознакомленіе учащихся съ картой Россіи. При прохожденіи перваго изъ указанныхъ отдѣловъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее: а) географическія данныя, относящіяся къ территоріи Россіи, вносятся сравнительно въ большемъ числѣ, чѣмъ данныя изъ другихъ странъ; б) данныя, относящіяся къ территоріи западной Европы и вѣвропейскихъ частей свѣта, сообщаются только тѣ, которыя имѣютъ большее значеніе; такъ, напримѣръ, поименовываются только такія рѣки, которыя составляютъ естественные пути сообщенія для людей и направленіемъ которыхъ опредѣлялась культура; изъ горъ поименовываются тѣ, которыя имѣютъ большее значеніе или въ гидрографическомъ отношеніи, или въ климатическомъ, или въ промышленномъ; и в) при обозрѣніи земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ, учащимъ постепенно разъясняются всѣ географическіе термины въ области физической географіи, и при этомъ указываются на глобусъ или на картѣ соотвѣтственные географическіе знаки.

Б. При болѣ обстоятельномъ ознакомленіи учениковъ съ картою Россіи перечисляются всѣ губерніи въ предѣлахъ главнѣйшаго историческаго поприща русскаго народа съ поименованіемъ губернскихъ городовъ и нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ, имѣвшихъ большее историческое значеніе.

В. Изъ математической географіи сообщаются только важнѣйшія данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго курса географіи. Съ болѣею же ясностію должно быть сообщено понятіе о широтѣ и долготѣ земнаго шара, и поэтому ученики какъ можно болѣе должны быть упражняемы въ отыскиваніи на глобусѣ или плоскошарѣ широты и долготы данныхъ мѣстностей.

Г. О морскихъ теченіяхъ, вѣтрахъ, климатѣ сообщаются тоже кратко самыя необходимыя свѣдѣнія.

Независимо отъ усвоенія означеннаго въ программѣ учебнаго матеріала, ученики I класса, чрезъ внимательное разсматриваніе глобуса или карты, должны составить себѣ ясное представленіе о формѣ земной поверхности, о вѣншемъ очертаніи главныхъ частей ея—материковъ, океановъ, морей, острововъ, равно какъ о направленіи рѣкъ и горъ и о взаимномъ положеніи всѣхъ этихъ данныхъ.

II.

При частномъ обзорѣ частей свѣта и государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, во II, III и IV классахъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) На данныя изъ физической и политической географіи обращается главное вниманіе; даннымъ изъ этнографіи сравнительно дается менѣе мѣста.

2) При физическомъ описаніи частей свѣта обращается вниманіе преимущественно на то, что составляетъ господствующее въ нихъ явленіе и наиболѣе характеристическія ихъ особенности.

3) Зависимость климата и органическихъ произведеній страны отъ устройства ея поверхности и очертанія отмѣчается только слегка, безъ усиленныхъ доказательствъ.

4) Изъ флоры и фауны каждой страны берутся только самыя характерныя произведенія и такія, которыя имѣютъ значеніе во всемирной торговлѣ. Произведенія, извѣстныя только по рѣдкости, но не составляющія существенной черты въ общей картинѣ извѣстной мѣстности, совершенно опускаются.

5) При описаніи странъ въ политическомъ отношеніи, въ отдѣлѣ о религіи дѣлается только указаніе на ту или другую религію, безъ подробнаго объясненія особенностей религіознаго ученія. Въ отдѣлѣ о формѣ правленія допускается указаніе, съ самыми краткими объясненіями, только на слѣдующія формы: деспотическая, монархическая неограниченная, монархическая ограниченная, республиканская. Изложеніе историческихъ событій, которыя приурочиваются къ тому или другому государству или мѣстности, совершенно не допускается.

6) На промыслы обращается большее вниманіе только при обзорѣ Россіи, Европейскихъ государствъ, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и странъ, непосредственно находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей.

7) При изложеніи промышленности въ Россіи: а) обращается вниманіе не на то только, что производится въ настоящее время, но по возможности и на то, что могло бы быть производимо по мѣстнымъ условіямъ страны, и б) указываются предметы промышленности, связывающіе Россію съ тою или другою страной.

8) Степень подробности при изученіи той или другой страны обусловливается: а) современнымъ политическимъ положеніемъ ея; б) торговыми отношеніями ея къ Россіи, и в) племеннымъ родствомъ или единородіемъ въ отношеніи къ Россіи. Поэтому изъ вѣсвронскіихъ странъ слѣдуетъ болѣе остановиться на описаніи Азіатской Турціи, Персіи и Туркменіи, Китая, Сосдиненныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; изъ европейскихъ—на описаніи Германіи, Англіи и странъ славянскихъ.

9) Обзорѣніе Европы въ III классѣ начинается съ Балканскаго полуострова, въ видахъ подготовленія учениковъ къ слушанію курса древней исторіи; этому обзорѣнію предпосылается повтореніе усвоенныхъ учениками въ I классѣ данныхъ, касающихся Россіи.

III.

Въ VII классѣ преподаватель, пользуясь историческими свѣдѣніями учениковъ, сначала приводитъ къ ихъ сознанію тѣ естественныя условія, въ силу которыхъ Европа сдѣлалась средоточіемъ высшей цивилизаціи. Затѣмъ вниманіе учащихся сосредоточивается на Россіи и главныхъ государствахъ Европы, равно какъ и на сосѣднихъ съ Россіей странахъ въ Азіи, при чемъ разсматриваются сравнительно естественныя и историческія условія ихъ современнаго политическаго значенія и ихъ взаимныхъ отношеній, какъ то: харак-

теръ ихъ сухопутныхъ и морскихъ границъ, расположеніе ихъ территорій, пути сообщенія и направленія оныхъ, климатическія условія, количество, плотность и составъ населенія въ племенномъ и въ роисповѣдномъ отношеніяхъ, состояніе образованности, промышленности и военныхъ силъ.

IV.

А. Въ отношеніи къ способу преподаванія географіи необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Ученики должны быть доводимы до того, чтобы при каждомъ географическомъ имени имъ ясно представлялось положеніе данной мѣстности на картѣ; поэтому какъ объясненія учителя, такъ и отвѣты учениковъ должны постоянно сопровождаться указаніями на глобусъ или на картѣ; но сверхъ того, ученики съ перваго же класса, по мѣрѣ усвоенія ими географическаго матеріала и ознакомленія съ глобусомъ и картою, должны быть приучаемы къ мысленному опредѣленію порядка и относительнаго положенія всѣхъ изученныхъ ими точекъ на земной поверхности. Для этой цѣли ученикамъ по временамъ должны быть предлагаемы упражненія такого рода, какъ, напримѣръ, мысленное путешествіе ученика отъ одной точки части свѣта до другой по сушѣ и водѣ, съ указаніемъ всѣхъ извѣстныхъ ему географическихъ данныхъ на этомъ пути.

2) Преподаватель, для сообщенія своему изложенію болѣе наглядности, долженъ прибѣгать какъ къ собственнымъ чертежамъ, такъ и къ рисункамъ.

3) Всѣ главные данныя, относящіяся къ слѣдующему уроку, должны быть усвоены учениками въ классѣ, при чемъ преподаватель долженъ по возможности прибѣгать ко всѣмъ приемамъ для закрѣпленія въ памяти тѣхъ или другихъ дапныхъ, какъ то: къ переносу въ которыхъ иностранныхъ географическихъ именъ на русскій языкъ, уподобленію частей свѣта и странъ геометрическимъ фигурамъ, сравненію высотъ и величинъ съ извѣстными уже ученикамъ высотами и величинами. Въ первомъ классѣ объясненіе географическихъ терминовъ, равно какъ и уясненіе понятія о планѣ, масштабѣ и графическомъ изображеніи странъ, должны быть сколь можно болѣе наглядны.

4) Послѣ изученія учениками нѣсколькихъ частей свѣта или государствъ преподаватель своими вопросами заставляетъ учениковъ всѣ однородныя данныя сводить въ одну группу, напримѣръ, перечислять всѣ извѣстные острова по ихъ величинѣ, горные хребты по

нихъ направленіямъ, мѣстности съ густымъ населеніемъ, торговые города и т. п.

б) Но особенно вѣнняется преподавателямъ въ обязанность упражнять учениковъ въ черченіи географическихъ картъ.

Б. Относительно черченія картъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Каждую карту преподаватель рисуетъ самъ на классной доскѣ, объясняя значеніе каждой части своего чертежа, при чемъ ученики въ то же время срисовываютъ чертимую имъ карту въ свои тетради.

2) Всѣ чертежи готовятся по градуснымъ сѣткамъ, но при этомъ память учениковъ не должна быть обременяема большимъ числомъ меридіановъ и параллелей и численныхъ ихъ обозначеній. Вообще преподаватель долженъ быть знакомъ со всѣми приемами упрощеннаго черченія и по мѣрѣ нужды обращаться къ нимъ.

3) Чертежи, сообразно важности изображаемой страны, должны быть разныхъ масштабовъ.

4) На каждомъ чертежѣ должно помѣщаться только то, что необходимо знать ученику.

5) Ученики должны дома упражняться въ черченіи картъ на столько, чтобы могли начертить каждую изъ нихъ на память на классной доскѣ съ указанными ея подробностями и надлежащими объясненіями.

6) Отвѣты учениковъ въ классѣ не ограничиваются объясненіемъ только своего чертежа, но они должны указывать требуемыя мѣста и на классныхъ картахъ.

7) Сниманіе копій съ печатныхъ картъ запрещается; равнымъ образомъ тщательная отдѣлка и раскрашиваніе чертежей не должны быть ни требуемы, ни принимаемы въ расчетъ при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ въ географіи, но могутъ быть отличаемы похвалой.

Дабы точнѣе опредѣлить, въ какомъ объемѣ должны быть сообщаемы ученикамъ свѣдѣнія изъ географіи, ниже помѣщается примѣрная программа этого предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается преподавателямъ нижеслѣдующее: Преподаватель географіи долженъ постоянно имѣть въ виду, съ одной стороны, не требовать отъ учениковъ того, что не совмѣстно съ ихъ умственными силами, съ другой — не обременять памяти учащихся излишними подробностями, а останавливать ихъ вниманіе главнымъ образомъ на существенномъ. Такимъ образомъ, при упоминаніи, напримѣръ, *о странахъ свѣта*, совершенно достаточно, если ученикъ укажетъ ихъ на классной картѣ и въ классной ком-

натѣ. Далѣе, нѣтъ нужды перечислять всѣ доказательства шарообразной фигуры земли, а достаточно будетъ изъ нихъ упомянуть только о двухъ (кругосвѣтное плаваніе и приближеніе къ предметамъ). При объясненіи двоякаго движенія земли, достаточно требовать отъ ученика, чтобы онъ, съ глобусомъ въ рукахъ, показалъ различіе между суточнымъ движеніемъ и годовымъ и усвоилъ бы себѣ явленіе переменъ дня и ночи и время года на данномъ мѣстѣ земнаго глобуса. Въ статьѣ объ изображеніи земли можно удовольствоваться, если ученикъ сумѣетъ показать, какъ на глобусѣ, такъ и на плоскошаріи, линіи параллельныя и меридіаны, экваторъ, первый меридіанъ, тропики, полярные круги, полюсы, полушарія—сѣверное и южное, восточное и западное, и полюсы; сумѣетъ опредѣлить ширину и долготу даннаго мѣста, при чемъ для устойчивости понятія о долготѣ можно принимать за первый меридіанъ только Феррскій и считать долготу только восточную.

При усвоеніи учениками опредѣленій различныхъ частей суши и воды, какъ и при усвоеніи всѣхъ опредѣленій вообще, желательно, чтобы ученики въ классѣ сами выводили эти опредѣленія изъ данныхъ, встрѣчаемыхъ на картахъ, а не заучивали этихъ опредѣленій изъ книги на память. Нѣтъ необходимости требовать при этомъ отъ ученика строгой отчетливости; со временемъ, при дальнѣйшемъ развитіи умственныхъ силъ учащихъся, эта точность придетъ сама собою.

При разъясненіи понятія о днѣ морскомъ, достаточно сказать, что оно, какъ часть земной коры, вообще сходно съ устройствомъ поверхности суши; для понятія о мѣстахъ глубокихъ и мѣстахъ высокихъ дна морскаго, достаточно сообщить ученикамъ по одному примѣру. Что касается до морскихъ теченій, то преподаватель долженъ довольствоваться, если ученикъ укажетъ по картѣ замѣчательнѣйшія морскія теченія, обозначивъ при этомъ, какія изъ нихъ теплыя и какія холодныя.

Говоря о вѣтрахъ, преподаватель ограничивается только указаніемъ по картѣ направленія главныхъ вѣтровъ въ полсахъ жаркомъ (пассаты) и въ умеренныхъ.

При сообщеніи свѣдѣній о распространеніи по поверхности земнаго шара растительности, преподаватель ограничивается указаніемъ на картѣ полярныхъ границъ важнѣйшихъ растений, вовсе притомъ не требуя отъ учениковъ запоминанія градусовъ, по которымъ проходятъ эти границы; весьма достаточно, если ученикъ укажетъ на знакомыя ему уже географическія данныя на картѣ, какъ, напримѣръ, на направленіе

горныхъ цѣпей, рѣкъ и т. п., съ которыми та или иная граница совпадаетъ. О распространеніи растительности вверхъ по горамъ, отъ подопыт. къ вершинамъ, достаточно дать только общее понятіе.

Краткое обозрѣніе географіи Россіи въ I-мъ классѣ состоитъ въ повтореніи тѣхъ данныхъ отечественной географіи, которыя уже усвоены учениками при общемъ обозрѣніи земнаго глобуса съ присовокупленіемъ перечисленія губерній въ предѣлахъ главнѣйшаго историческаго поприща русскаго народа, при чемъ упоминаются города губернскіе и нѣкоторые изъ уѣздныхъ, имѣвшихъ болѣе историческое значеніе.

Во II-мъ классѣ, гдѣ, по учебному плану, слѣдуетъ пройти обозрѣніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ, преподаватель долженъ распорядиться учебнымъ матеріаломъ слѣдующимъ образомъ: физическіе очерки частей свѣта онъ долженъ изложить на столько подробно, чтобы ученикамъ достаточно могли выясниться характеристическія особенности каждой части свѣта, въ отношеніяхъ географическаго положенія, развитости береговой линіи, свойствъ границъ, устройства поверхности, орошенія, климата и царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго; при обозрѣніи затѣмъ отдѣльныхъ странъ и государствъ, описаніе ихъ въ физическомъ отношеніи слѣдуетъ опустить, воспроизводя только въ видѣ повторенія тѣ данныя изъ общаго очерка части свѣта, которыя относятся къ описываемой странѣ. Специальное обозрѣніе каждаго государства въ отдѣльности въ физическомъ отношеніи допускается только въ III-мъ классѣ, гдѣ изучается географія европейскихъ государствъ. Что касается данныхъ изъ политической географіи, то преподаватель долженъ ограничиваться самыми существенными: такъ, напримѣръ, нѣтъ необходимости перечислять земель, принадлежащихъ Англичанамъ въ Индо-Китаѣ, или упоминать мелкія группы острововъ, принадлежащихъ имъ же въ Индѣйскомъ океанѣ; перечислять не имѣющихъ большаго значенія колоній вообще Европейцевъ; перебирать всѣ штаты Сѣверной Америки; республики же Центральной Америки можно и вовсе опустить. Изъ городовъ, какъ въ курсѣ II-го класса, такъ и въ курсѣ III-го класса (въ Европѣ), должны быть упоминаемы только важнѣйшіе, замѣчательные въ торговомъ или промышленномъ отношеніяхъ.

Въ VII и VIII классахъ уроки по географіи назначаются для повторенія, съ такимъ, впрочемъ, распредѣленіемъ повторяемаго матеріала, что въ VII классѣ и въ I-мъ полугодіи VIII класса повторяется ис-

ключительно географія Россійской Имперіи, по возможности сравнительно съ первоклассными европейскими государствами въ отношеніи пространства, народонаселенія и народной дѣятельности, а во 2-мъ полугодіи VIII класса—географія прочихъ Европейскихъ государствъ.

Что касается до *черченія*, то оно требуется только во II, III и IV классахъ и притомъ на память, по градусной сѣткѣ, съ прямыми параллелями.

Во *второмъ* классѣ требуется черченіе общихъ картъ Азій, Африки, Америки, отдѣльно Сѣверной Америки, и материка Австраліи съ обозначеніемъ контура, направленія главныхъ хребтовъ, рѣкъ, озеръ и положенія важнѣйшихъ городовъ.

Въ *третьемъ* классѣ—общую карту Европы слѣдуетъ чертить въ томъ же объемѣ, какъ и карты прочихъ частей свѣта; сверхъ того отдѣльно: 1) карту Балканскаго полуострова; 2) карту Австрійской Имперіи; 3) карту Германіи.

Въ *четвертомъ* классѣ —1) общую карту Европейской Россіи съ Закавказьемъ, съ обозначеніемъ на ней морей, границъ, главныхъ хребтовъ, рѣкъ и главныхъ озеръ; 2) специальную карту бассейновъ Бѣлаго и Балтійскаго морей; 3) карту бассейна Каспійскаго моря, и 4) карту бассейна Чернаго моря.

При черченіи картъ, нанесеніе границъ губерній не требуется.

Примѣрная программа географіи.

Курсъ 1-го класса (2 урока.)

Видъ земли. Кажущійся видъ земли. Горизонтъ. Страны свѣта. Дѣйствительный видъ земли.

Движеніе земли около оси и вокругъ солнца и явленіи, происходящія отъ этихъ движеній на поверхности земли: перемена дня и ночи и времѣнъ года. Земная ось и полюсы.

Понятіе о глобусѣ и плоскошаріи. Линіи, проводимыя на глобусѣ и плоскошаріи: параллельные круги вообще и изъ нихъ экваторъ, тропики и полярные круги; меридіаны; первый меридіанъ. Полюсы. Полушарія. Поясы. Понятіе о широтѣ и долготѣ мѣста.

Распредѣленіе земной поверхности между сушею и водою.

Понятіе о материкѣ и островѣ. Названія материковъ и ихъ относительная величина; раздѣленіе суши на части свѣта и относительная

величина послѣднихъ; полуостровъ, мысъ и перешеекъ. Примѣчательнѣйшія изъ этихъ формъ у береговъ каждой части свѣта.

Названія *океановъ* и ихъ относительная величина; море, заливъ, проливъ. Примѣчательнѣйшія изъ этихъ формъ у береговъ каждой части свѣта.

Рисины: равнины низменныя (низменности) и возвышенныя (плоскогорія). *Горы*: части горы; горныя цѣпи; вулканы (жерло или кратеръ). Примѣчательнѣйшія низменности, плоскогорія, горныя цѣпи, горныя вершины и вулканы во всѣхъ частяхъ свѣта.

Общее понятіе о формѣ дна морскаго; самое глубокое мѣсто и мѣста возвышенныя (мели, рифы).

Морскія теченія: теченіе въ жаркомъ поясѣ; теченія теплыя, теченія холодныя.

Воздухъ. Движеніе воздуха—вѣтры. Главное направленіе вѣтровъ въ жаркомъ поясѣ; главное направленіе вѣтровъ въ умѣренныхъ поясахъ. Значеніе вѣтровъ въ совокупности съ морскими теченіями для суши.

Воды суши. Снѣга и льды (снѣговая область, снѣговая линія, ледники или глетчеры). Рѣки: верховье, устье, рукавъ, правый и лѣвый берегъ, притокъ и главная рѣка. Озера; моря. Замѣчательнѣйшія рѣки и озера всѣхъ частей свѣта.

Климатъ, растенія и животныя. Зависимость климата даннаго мѣста отъ широты его, высоты надъ уровнемъ океана, отъ морскихъ теченій и господствующихъ вѣтровъ. Климатъ жаркій, умѣренный, холодный; морской и континентальный. Сравненіе климата западныхъ и восточныхъ береговъ на западномъ и восточномъ материкахъ. Общее понятіе о распространеніи растительности по направленію отъ экватора къ полюсамъ и по поверхности горъ, отъ подошвъ къ вершинамъ.

Человѣкъ. Раздѣленіе рода человѣческаго по расамъ.

Обозрѣніе Россійской Имперіи. Положеніе Россійской Имперіи въ Европѣ и Азіи. Границы. Моря, прилежающія къ Р. И., съ ихъ заливами. Полуострова и острова, принадлежащія Россіи. Пространство и народонаселеніе; количество и главныя составныя части послѣдняго. Обозрѣніе устройства поверхности. Рѣки и озера. Столицы, важнѣйшіе порты и главнѣйшіе историческіе города.

Курсъ 2-го класса (2 урока).

Азія.

Общій очеркъ. Положеніе, границы (морская и континентальная)

и пространство. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; главные рѣки и озера. Климатъ. Наиболѣе важныя произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству и плотности; составъ народонаселенія по происхожденію и религій.

Китайская Имперія. Границы; пространство и количество народонаселенія. Составныя части Китайской Имперіи. Промышленность и важнѣйшіе города собственнаго Китая. Замѣчательные города въ другихъ составныхъ частяхъ Китайской Имперіи.

Японская Имперія. Главныя острова, входящіе въ составъ Имперіи. Пространство и количество народонаселенія. Промышленность и замѣчательные города.

Остъ-Индіа. Составъ и количество народонаселенія. Владѣнія Европейцевъ. Промышленность въ англійскихъ и голландскихъ владѣніяхъ и замѣчательные города въ нихъ. Главныя земли туземцевъ въ Остъ-Индіи.

Иранъ и Туранъ. Народонаселеніе ихъ. Государства и замѣчательные города.

Аравія. Природа и народонаселеніе полуострова. Замѣчательнѣйшіе города.

Азіатская Турція. Народонаселеніе. Части (Малая Азія, Сирія и пр.) и замѣчательные города.

Африка.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности. Орошеніе: важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ и важнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе: количество, плотность и племена, паселяющія Африку.

Главныя народы и государства Негрскаго племени.

Народы и государства Кавказскаго племени.

Египетъ: природа и народонаселеніе; промышленность и замѣчательные города.

Колоніи Европейцевъ.

Америка.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; важнѣйшія

рѣки и озера. Климатъ. Важнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству, плотности и племенному составу.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Народонаселеніе по количеству, плотности и составу. Промышленность. Государственное устройство. Замѣчательнѣйшіе штаты и города по промышленности, торговлѣ и образованію.

Англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ.

Государства и главные города въ Средней Америкѣ.

Государства южной Америки. Промышленность, народонаселеніе и важнѣйшіе города въ нихъ.

Австралія.

Общій очеркъ. Составъ, положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности материка. Орошеніе; важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ. Главнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству, плотности и составу.

Владѣнія Англичанъ. Острова Сандвичевы и острова Таяти.

Курсъ 3-го класса (2 урока).

Европа.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство; развитіе береговой линіи. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; рѣки и озера. Климатъ: климатъ югозападной Европы и климатъ сѣверовосточной Европы. Произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго, особенно важныя въ промышленномъ отношеніи. Народонаселеніе по количеству, плотности, составу и религіи.

Частное описаніе Европейскихъ государствъ.

Въ составъ описанія каждаго государства должно входить: положеніе и границы, устройство поверхности, орошеніе и климатъ, народонаселеніе по количеству, плотности, составу и религіи; промышленность и образованность народонаселенія, государственное устройство и города, наиболѣе замѣчательныя.

Курсъ 4-го класса (2 урока).

Россійская Имперія.

Положеніе, границы и пространство. Значеніе сухопутныхъ и морскихъ границъ. Описаніе морей, омывающихъ Россію.

Устройство поверхности *Европейской Россіи*. Описаніе равнинъ и возвышенностей внутри Европейской Россіи. Описаніе горъ, расположенныхъ по краямъ Европейской Россіи.

Орошеніе. Рѣки, ихъ направленіе и озера. Искусственные водныя сообщенія.

Климатъ Европейской Россіи. Разнообразіе климата и вліяніе его на здоровье жителей. Сравненіе западной Россіи съ восточною по климату и растительности. Раздѣленіе Европейской Россіи на растительныя полосы.

Административное дѣленіе Россіи. Поименованіе губерній и областей (по бассейнамъ рѣкъ или по пространствамъ).

Народонаселеніе. Число жителей Россійской Имперіи. Плотность народонаселенія; мѣста наибольшей и наименьшей плотности. Составъ народонаселенія по племенамъ съ указаніемъ мѣста жительства каждаго. Составъ народонаселенія по вѣроисповѣданію.

Описаніе губерній Европейской Россіи (по бассейнамъ или по пространствамъ).

Примѣчаніе. При частномъ описаніи губерній Европейской Россіи обращается главное вниманіе на промыслы. Изъ городовъ упоминаются только тѣ, которые имѣютъ промышленное, или торговое, или историческое значеніе.

Описаніе *Кавказскаго края* по природѣ и промышленности. Города.

Сибирь. Устройство поверхности: описаніе низменностей и горъ. Орошеніе; важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ: причина его суровости. Промышленность. Важнѣйшіе города.

Владнія Россіи въ Средней Азіи.

Составъ. Природа. Народонаселеніе. Промышленная дѣятельность народонаселенія и важнѣйшіе города.

Курсъ 7-го и 8-го классовъ (по 1-му уроку).

Повтореніе всеобщей и русской географіи.

часть оснн, отд. 1.

11

Учебный планъ нѣмецкаго языка ¹⁾.

Классъ II (3 урока).

1. Главныя правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній, упражненія въ чтеніи и письмѣ.

2. Грамматическія свѣдѣнія.

А. Изъ этимологій:

а) Понятіе о членѣ и склоненіи членовъ.

б) Имена существительныя: главнѣйшіе признаки, по коимъ отличается родъ существительныхъ, и правильныя склоненія съ членами и безъ члена.

в) Имена прилагательныя, какъ сказуемыя и какъ опредѣленія.

г) Имена числительныя: количественныя и порядковыя.

д) Мѣстоименія: личныя, притяжательныя и указательныя.

е) Сприженіе глаголовъ вспомогаельныхъ и простыхъ правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ, съ неизмѣняющеюся и измѣняющеюся гласною, въ оборотѣ утвердительномъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Части предложеній—главныя и второстепенныя.

б) Раздѣленіе предложеній по ихъ составу—на простыя, распространенныя и сложныя.

3. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій фразъ, примѣнительно къ указанному грамматическому матеріалу.

б) Устный и письменный переводъ такихъ же фразъ съ русскаго языка на нѣмецкій и съ тѣми же примѣненіями.

4) Заучиваніе встрѣчающихся при переводахъ словъ.

5) Упраженія въ правописаніи.

Классъ III (3 урока).

1) Продолженіе грамматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологій:

а) Отступленія и исключенія въ склоненіяхъ именъ существительныхъ.

^{*)} Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утвержденъ въ 1872 г.

б) Степени сравненія въ именахъ прилагательныхъ—правильныя и неправильныя.

в) Нарѣчія съ ихъ степенями сравненія—правильными и неправильными.

г) Мѣстоименія: относительныя, вопросительныя и неопредѣленныя.

д) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и простыхъ правильныхъ, среднего и дѣйствительнаго залоговъ—въ оборотахъ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ, а также глаголовъ страдательныхъ во всѣхъ оборотахъ.

е) Спряженіе употребительнѣйшихъ неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по ихъ значенію—на предложенія главные, придаточныя и вводныя.

б) Нѣкоторыя основныя и болѣе легкія синтаксическія правила.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно фразъ болѣе разнообразныхъ, примѣнительно къ сообщенному грамматическому матеріалу, съ постояннымъ анализомъ и парафразами (преимущественно—съ обращеніемъ утвердительнаго оборота въ отрицательный, вопросительный и отрицательно-вопросительный, и дѣйствительной рѣчи въ страдательную и обратно), а также съ присовокупленіемъ упражненій въ пониманіи устной нѣмецкой рѣчи и переводѣ ея на русскій языкъ со слуха.

б) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій связныхъ, по небольшимъ и легкимъ по содержанію и изложенію прозаическихъ статей, изъ хрестоматій, съ непрерывными соответственными объясненіями.

3. Заучиваніе, кромѣ встрѣчающихся словъ, еще краткихъ изреченій, басенъ и другаго рода легкихъ стихотвореній, предварительно объясненныхъ.

4. Упражненія въ правописаніи.

Классъ IV (3 урока).

*1. Продолженіе грамматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологій:

а) Спряженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ, а также глаголовъ сложныхъ, всѣхъ залоговъ, съ отдѣляемыми частицами, во всѣхъ оборотахъ рѣчи.

б) Таблица производства временъ и наклоненій.

в) Полное спряженіе неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по способу постановки и выраженія въ нихъ членовъ—на прямыя и обращенныя или косвенныя, полныя и сокращенныя.

б) Употребленіе членовъ, употребленіе падежей и управленіе предлоговъ падежами, согласованіе словъ и размѣщеніе словъ.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно фразъ наиболѣе развитыхъ и искусственныхъ, соотвѣтственно сообщенному грамматическому матеріалу и съ болѣе разнообразными парафразами (какъ то: обращеніемъ главнаго предложенія въ придаточное и вводное, прямого въ косвенное, полнаго въ сокращенное и обратно).

б) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ христоматій, цѣльныхъ прозаическихъ статей, но большаго объема и болѣе трудныхъ противъ предыдущаго класса, съ постояннымъ анализомъ и расширеніемъ круга соотвѣтственныхъ объясненій.

3. Заучиваніе образцовыхъ отрывковъ, предварительно объясненныхъ.

Классъ V (3 урока).

1. Продолженіе синтаксиса: употребленіе временъ и наклоненій, свойства причастій, управленіе глаголовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ христоматій, статей повѣствовательнаго содержанія, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ, съ постояннымъ продолженіемъ вышеуказанныхъ упражненій и присовокупленіемъ объясненія встрѣчающихся въ текстахъ синонимовъ и германизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій цѣльныхъ, но небольшихъ и нетрудныхъ по содержанію и изложенію статей, при чемъ, впрочемъ, отъ учащихся требуется не полная безукоризненность нѣмецкой рѣчи, но преимущественно умѣнье правильно сочетать слова и предложенія, на основаніи общихъ законовъ грамматики и тѣхъ особенностей нѣмецкаго языка, которыя уже сообщены учащимся.

Классъ VI (3 урока).

1. Окончаніе синтаксиса: управленіе союзомъ; порядокъ словъ въ разныхъ видахъ предложеній; строеніе нѣмецкихъ періодовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ хрестоматій, статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, согласно указаніямъ, даннымъ въ предыдущемъ классѣ, и съ усиленіемъ объясненія синонимовъ и идиотизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій повѣствовательной прозы, съ постепеннымъ переходомъ къ статьямъ болѣе труднымъ.

Классъ VII и VIII (по 2 урока въ каждомъ).

1. Систематическое повтореніе этимологій и синтаксиса.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій болѣе трудныхъ статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, изъ хрестоматій или изъ отдѣльных изданій авторовъ, съ постоянными соотвѣственными объясненіями и присоединеніемъ историко-литературныхъ объясненій.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій статей болѣе серьезныхъ какъ историческаго, такъ и описательнаго содержанія.

Учебный планъ французскаго языка¹⁾.

Классъ II (3 урока).

1. Главныя правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній; упражненія въ чтеніи и письмѣ.

2. Грамматическія свѣдѣнія.

А. Изъ этимологій:

а) Понятіе о членѣ; измѣненіе членовъ по родамъ и числамъ; заимѣна падежей предлоговъ; слитіе члена опредѣленнаго съ предлогами *de* и *à* (contraction) и опущеніе гласныхъ буквъ (élision).

б) Имена существительныя: правильное образованіе множественнаго числа.

1) Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утвержденъ въ 1872 г.

в) Имена прилагательныя: правильное образованіе женскаго рода и множественнаго числа.

г) Имена числительныя: количественныя и порядковыя.

д) Мѣстоименія: личныя, притяжательныя и указательныя.

е) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ, въ оборотѣ утвердительномъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Части предложеній—главныя и второстепенныя.

б) Раздѣленіе предложеній по ихъ составу на простыя, распространенныя и сложныя.

3. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій фразъ примѣнительно къ указанному грамматическому матеріалу.

б) Устный и письменный переводъ такихъ же фразъ съ русскаго языка на французскій и съ тѣми же примѣненіями.

4. Заучиваніе встрѣчающихся при переводахъ словъ.

5. Упражненія въ правописаніи.

Классъ III (3 урока).

1. Продолженіе грамматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологій:

а) Членъ раздѣлительный.

б) Отступленія отъ правильнаго образованія множественнаго числа въ именахъ существительныхъ.

в) Отступленія отъ правильнаго образованія женскаго рода и множественнаго числа въ именахъ прилагательныхъ; степени сравненія правильныя и неправильныя.

г) Нарѣчія съ ихъ степенями сравненія правильными и неправильными.

д) Мѣстоименія: относительныя, вопросительныя и неопредѣленныя.

е) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ среднихъ и дѣйствительныхъ, въ оборотахъ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ, а также глаголовъ страдательныхъ во всѣхъ оборотахъ.

ж) Спряженіе употребительнѣйшихъ неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по ихъ значенію—на предложенія главныя, придаточныя и вводныя.

б) Нѣкоторыя основныя и болѣе легкія синтаксическія правила.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ французскаго языка на русскій и обратно фразъ болѣе разнообразныхъ противъ предыдущаго класса, примѣнительно къ сообщенному грамматическому матеріалу, съ постояннымъ анализомъ и парафразами (преимущественно обращеніемъ утвердительнаго оборота въ отрицательный, вопросительный и отрицательно-вопросительный, дѣйствительной рѣчи въ страдательную и обратно), а также съ присовокупленіемъ упражненій въ пониманіи устной французской рѣчи и переводѣ ея на русскій языкъ со слуха.

б) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій связанныхъ, но небольшихъ и легкихъ по содержанію и изложенію прозаическихъ статей, изъ хрестоматій, съ непрерывными соответственными объясненіями.

3. Заучиваніе, кромѣ встрѣчающихся словъ, еще краткихъ изреченій, басенъ и другаго рода легкихъ стихотвореній, предварительно объясненныхъ.

4. Упражненія въ правописаніи.

Классъ IV (3 урока).

1. Продолженіе грамматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологій:

а) Спряженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ—во всѣхъ оборотахъ рѣчи.

б) Таблица производства временъ и наклоненій.

в) Полное спряженіе неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по способу постановки и выраженія въ нихъ членовъ—на прямые и обращенныя или косвенныя, полныя и сокращенныя.

б) Употребленіе членовъ, передача падежей посредствомъ предлоговъ, согласованіе словъ и размѣщеніе словъ.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ французскаго языка на русскій и обратно фразъ наиболѣе развитыхъ и искусственныхъ, соответственно сообщенному грамматическому матеріалу и съ болѣе разнообразными парафразами, какъ то: обращеніемъ главнаго предложенія въ придаточное и вводное, прямого въ косвенное, полнаго въ сокращенное и обратно.

б) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ христоматіи, цѣльныхъ прозаическихъ статей, но большаго объема и болѣе трудныхъ противъ предыдущаго класса, съ постояннымъ анализомъ и расширеніемъ круга соответственныхъ объясненій.

3. Заучиваніе образцовыхъ отрывковъ, предварительно объясненныхъ.

Классъ V (3 урока).

1. Продолженіе синтаксиса: употребленіе временъ и наклоненій; употребленіе причастій и преимущественно согласованіе причастія прошедшаго въ разныхъ залогахъ; управленіе глаголовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ христоматіи, статей повѣствовательнаго содержанія какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ, съ постояннымъ продолженіемъ вышеуказанныхъ упражненій и присовокупленіемъ объясненія приставокъ и окончаній при словообразованіяхъ, а также объясненій относительно встрѣчающихся въ текстахъ гомонимовъ, синонимовъ и галлицизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на французскій цѣльныхъ, но небольшихъ и нетрудныхъ по содержанію и изложенію статей, при чемъ, впрочемъ, отъ учащихся требуется не полная безукоризненность французской рѣчи, а преимущественно умѣніе правильно согласовать слова и предложенія, на основаніи общихъ законовъ грамматики и тѣхъ особенностей французскаго языка, которые уже сообщены учащимся.

Классъ VI (3 урока).

1. Окончаніе синтаксиса: управленіе союзовъ, особенности частицы *ne* при глаголахъ; усиленіе членовъ предложенія; строеніе французскихъ періодовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ христоматіи, статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, согласно указаніямъ, даннымъ въ предыдущемъ классѣ, и съ усиленіемъ объясненія синонимовъ и идиотизмовъ.

б) Устный и письменный переводы съ русскаго языка на французскій повѣствовательной прозы, съ постепеннымъ переходомъ къ статьямъ болѣе труднымъ.

Классъ VII и VIII (по 2 урока въ каждомъ).

1. Систематическое повтореніе этимологій и синтаксиса.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій болѣе трудныхъ статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, изъ хрестоматіи или и изъ отдѣльных изданій авторовъ, съ постоянными соотвѣстственными объясненіями и присоединеніемъ историко-литературныхъ объясненій.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на французскій статей болѣе серьезныхъ, какъ историческаго, такъ и описательнаго содержанія.

Объяснительная записка къ учебнымъ планамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.

1. Новые языки: французскій и нѣмецкій, въ общемъ составѣ гимназическаго курса, имѣютъ значеніе второстепенное. Содѣйствуя, безъ сомнѣнія, на ряду съ другими учебными предметами, умственному развитію учащихся, они, однакожъ, главнѣйшимъ образомъ должны служить средствомъ къ приобрѣтенію учениками такихъ познаній, которыя составляютъ принадлежность общаго образованія, вмѣстѣ съ тѣмъ открывающъ возможность пользоваться учеными и литературными произведеніями Запада. При такой болѣе ограниченной задачѣ, и объемъ преподаванія новыхъ языковъ въ гимназіяхъ назначается болѣе тѣсный, нежели тотъ, какой назначенъ для другихъ языковъ: русскаго, латинскаго и греческаго. 19 уроковъ, положенныхъ въ настоящее время на каждый изъ новыхъ языковъ, признается достаточнымъ, если, при обученіи имъ,—согласно объяснительной запискѣ министерства народнаго просвѣщенія къ Высочайше утвержденнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ уставъ гимназій (См. Сборн. постанов. и расп. по гимн. и прогим. стр. 89),—имѣть въ виду только строго опредѣленнаго цѣли и при томъ достижимаго для гимназій съ приходящими учениками. Отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ,—какъ объясняется далѣе въ той же запискѣ,—слѣдуетъ преимущественно требовать полнаго пониманія историческихъ сочиненій и умѣнья переводить, безъ грубыхъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ, съ русскаго на французскій или нѣмецкій, легкія статьи историческаго и вообще повѣствовательнаго содержанія; но при этомъ совершенно отказаться отъ мысли научить учениковъ говорить и писать

по французски или по нѣмецки, что совершенно неисполнимо въ гимназіяхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отказаться отъ обстоятельнаго ознакомленія учениковъ съ исторіей той или другой литературы, такъ какъ, по недостатку времени, ученики не въ остояніи познакомиться сами съ сочиненіями писателей, о которыхъ говорится въ курсахъ исторіи литературы. Такимъ образомъ, преподаваніе новыхъ языковъ въ гимназіяхъ должно въ частности обнимать два рода занятій: изученіе грамматики и переводы съ изучаемыхъ языковъ на русскій и обратно; слѣдовательно, способъ преподаванія ихъ долженъ быть теоретическій и практический. При этомъ, на основаніи опыта, для вѣрнѣйшаго обезпеченія успѣховъ, теорія должна постоянно идти рука объ-руку съ практикой: каждое теоретическое правило должно сопровождаться практическими занятіями; каждое практическое занятіе—теоретическими выводами. Въ этомъ-то смыслѣ и составлены оба учебные плана новыхъ языковъ. Въ нихъ, по порядку классовъ, показанъ какъ теоретическій матеріалъ, который долженъ быть усвоенъ учениками, такъ и соотвѣтствующія ему практическія занятія.

2. И теоретическій матеріалъ и практическія занятія расположены по отдѣламъ и статьямъ. Но этимъ отдѣламъ и статьямъ не слѣдуетъ придавать характера строгой преемственности. Установленные и предназначенные для того или другаго класса равные виды занятій должны сливаться между собою въ самомъ модѣ преподаванія, служа другъ другу объясненіемъ и восполненіемъ. Такимъ же образомъ, виды занятій, показанные въ одномъ классѣ, никакъ не должны окончательно прекращаться въ томъ классѣ. Напротивъ, они постоянно, при удобныхъ случаяхъ, должны быть повторяемы, расширяемы и примѣняемы къ занятіямъ слѣдующихъ классовъ.

3. Грамматическій матеріалъ въ учебныхъ планахъ обоихъ языковъ проведенъ чрезъ всѣ классы. Этимологія начинается во II-мъ классѣ и заканчивается въ IV-мъ; простѣйшія синтаксическія указанія также начинаются уже со II-го класса, а въ подробности синтаксисъ оканчивается въ VI-мъ. При этомъ, этимологію и синтаксисъ положено проходить не сплошь по учебнику, въ общепринятомъ систематическомъ порядкѣ, то-есть, одну часть за другою исполнѣть, а выбирая изъ каждой части для каждаго класса то, что, по относительной легкости или трудности, отвѣчаетъ возрасту и степени развитія учащихся. Такъ, изъ этимологіи назначены сначала формы правильныя и наиболѣе простыя, потомъ формы неправильныя и болѣе сложныя; изъ синтаксиса—сначала правила легкія, потомъ постепенно труд-

нѣйшія. Это сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы, удовлетворяя общему основанію, постановленному относительно новыхъ языковъ, то-есть, веденію преподаванія одновременно и теоретически и практически, можно было уже во II-мъ классѣ начать практическія занятія, для которыхъ непремѣнно нуженъ соотвѣтственный учебный матеріалъ какъ изъ этимологій, такъ и изъ синтаксиса. Затѣмъ, въ дальнѣйшихъ классахъ теоретическій матеріалъ постепенно пополняется, параллельно съ расширеніемъ занятій практическихъ, а въ послѣднихъ двухъ классахъ назначается систематическое повтореніе и этимологій и синтаксиса и довершаются практическія занятія—до уровня, опредѣленнаго въ объяснительной запискѣ министерства къ новой реформѣ гимназическаго устава. Вслѣдствіе такого распредѣленія, ученикъ, при окончаніи курса, несомнѣнно долженъ вынести какъ полное знаніе этимологій и синтаксиса, такъ и отчетливое пониманіе довольно трудныхъ авторовъ и умѣнье довольно правильно переводить съ русскаго языка на изучаемый.

4. Оба учебные плана, какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго языка, составлены по одной нормѣ. Различіе между ними заключается лишь въ томъ, что, мѣстами, по тому или другому языку, сдѣланы нѣкоторыя дополненія или опущенія, вызываемыя общими характеромъ или особенными свойствами этихъ языковъ. Къ концу же курса преподаваніе обоихъ языковъ сводится къ одинаковому результату.

5. Что касается до частныхъ при исполненіи учебныхъ плановъ, то преподавателямъ рекомендуется принять во вниманіе слѣдующее:

а) При передачѣ ученикамъ теоретическихъ свѣдѣній, въ видахъ сбереженія времени, никакъ не слѣдуетъ вдаваться въ разныя грамматическія опредѣленія и раздѣленія, которыя должны быть извѣстны ученикамъ изъ преподаванія русскаго и латинскаго языковъ, предупреждающаго преподаваніе новыхъ. Но если, для выраженія однихъ и тѣхъ же отношеній, по укоренившемуся обычаю, въ томъ или другомъ языкѣ существуютъ различныя терминны, то необходимо ихъ объяснить и по возможности согласить съ извѣстными уже ученикамъ грамматическими терминами изъ другихъ языковъ, въ избѣженіе сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ.

б) Вездѣ, гдѣ въ новыхъ языкахъ, особенно во французскомъ, какое-либо слово или этимологическая форма заимствованы изъ латинскаго, слѣдуетъ указывать на такое заимствованіе, съ объясненіемъ, по возможности, происшедшихъ при томъ измѣненій.

в) Разнымъ образомъ важно останавливать вниманіе учащихся

на тѣхъ особыхъ синтаксическихъ правилахъ и оборотахъ новыхъ языковъ, которые совпадаютъ съ правилами и оборотами латинскаго языка; также желательно, чтобы, по мѣрѣ возможности, были объясняемы и тѣ случаи, когда извѣстныя правила и обороты новыхъ языковъ отличаются отъ соотвѣствующихъ имъ правилъ и оборотовъ латинскихъ.

г) При объясненіи синонимовъ и переводѣ галлицизмовъ и германизмовъ, нужно стараться каждый разъ подыскивать наиболѣе подходящія къ нимъ выраженія на русскомъ языкѣ.

д) При переводахъ съ изучаемаго новаго языка на русскій и съ русскаго на изучаемый, слѣдуетъ держаться двухъ приемовъ: сначала передать текстъ только съ соблюденіемъ наибольшей точности и близости къ подлиннику, а потомъ уже придать переводу надлежащую правильность и чистоту, согласно съ законами и свойствами языка, на который дѣлается переводъ. Переводы, по ближайшимъ педагогическимъ соображеніямъ, должны быть — или (и притомъ преимущественно) изготовляемы учащимися во время самихъ уроковъ, или задаваемы имъ на домъ (безъ излишняго впрочемъ обремененія учащихся), или наконецъ дѣлаемы въ классѣ à livre ouvert.

6. Въ обоихъ учебныхъ планахъ опредѣлена нормальная степень познаній, какихъ слѣдуетъ требовать отъ учениковъ при окончаніи ими полнаго гимназическаго курса. Но еслибы въ тѣ или другіе годы, въ той или другой гимназіи, при особенно счастливомъ составѣ учениковъ, представилась возможность довести ихъ до болѣешихъ успѣховъ, какъ-то до чтенія избранныхъ эпизодовъ изъ труднѣйшихъ, поэтическихъ произведеній (напримѣръ, по французскому языку — изъ Монтескьё, Корнеля и Расина, по нѣмецкому — изъ Лессинга Гёте и Шиллера), а также до опытовъ въ легкихъ сочиненіяхъ, — то такое возвышеніе уровня знаній учениковъ не только не воспрещается, но и желательно.

7. Равнымъ образомъ, въ случаѣ, еслибы въ какомъ нибудь классѣ какая нибудь группа учениковъ, вслѣдствіе предварительнаго домашняго приготовленія, оказалась имѣющею болѣешія свѣдѣнія чѣмъ тѣ, какія по учебному плану положено сообщать въ томъ классѣ, то искусству и педагогической опытности преподавателя рекомендуется отдѣлять такихъ учениковъ отъ прочихъ, и не заставляя ихъ тратить понапрасну время на прохожденіе уже извѣстнаго, вести ихъ далѣе по пути усвоенія ими изучаемаго языка.

8. Составленіе подробнѣйшихъ программъ преподаванія новыхъ

языковъ, равно какъ и всѣхъ другихъ предметовъ, въ гимназіяхъ, на основаніи настоящихъ учебныхъ плановъ, возлагается на преподавателей сихъ предметовъ по принадлежности; по разсмотрѣніи же и одобреніи этихъ программъ педагогическими совѣтами, онѣ представляются на утвержденіе попечителей учебныхъ округовъ.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го апрѣля 1877 года (№ 4). *Утверждаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковского университета *Дриновъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ славянской филологіи, съ 20-го декабря 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Шкляревскій* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ медицинской физики, съ 4-го марта 1877 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Вейраухъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ физической географіи и метеорологіи.

Инспекторъ Императорской Казанской первой гимназіи, надворный совѣтникъ *Керемскій* — директоромъ Вятской гимназіи.

Старшій учитель Рижской губернской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Лисенъ* — директоромъ Перновской гимназіи.

Старшій учитель Митавской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Зеземанъ* — директоромъ Лифляндской общественной гимназіи.

Коллежскій совѣтникъ *Резъ*, докторъ медицины *Бонвечъ*, магистръ фармаціи *Мейеръ* и исправляющій должность старшаго нотаріуса Саратовскаго окружнаго суда *Гильденштубе* — членами попечительства Саратовскаго реальнаго училища, на три года.

Титулярный совѣтникъ *Грековъ* и отставной войсковой старшина *Сидчиковъ* — почетными попечителями прогимназій: первый — Каменской и послѣдній — Нижнечирской, на трехлѣтіе съ мая 1876 года по май 1879 года.

Войсковой старшина *Симоновъ* и отставные: подполковникъ *Кирсановъ* и корнетъ *Золотаревъ* — почетными смотрителями окружныхъ училищъ: первый — Хоперскаго, второй — перваго Донскаго и послѣд-

ній—Новочеркаскаго, на трехлѣтіе съ мая 1876 года по май 1879 года.

Назначаются: псковскій губернский предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Заринъ*, псковскій уѣздный предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яхонтовъ*, председатель Псковской уѣздной земской управы *Вагановъ*, членъ Псковской губернской управы *Черемновъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *франс-дери-Флитъ* и 1-й гильдіи купецъ *Хмелинскій* — вновь членами попечительства Псковскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ *Соловьевъ*, съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 4-го марта 1877 года.

Оставаются на службѣ на пять лѣтъ: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекція сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Воынской, коллежскій совѣтникъ *Гребенниковъ*, съ 15-го января 1877 года.

Инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Озерскій, съ 16-го марта 1877 года.

Командируются: ординарные профессора Императорскаго университета св. Владиміра: *Павловъ*, *Иконниковъ*, *Владимірскій-Будановъ* и *Романовичъ-Словатинскій* и доцентъ сего университета *Антоновичъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1877 года, на имѣющій быть въ Кавани 4-й археологическій сѣздъ.

Увольняются въ отпускъ: въ Имперіи: на четырнадцать дней: исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ* — въ Кіевъ.

На двадцать дней: инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Аноповъ* — въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ Преславской учительской семинаріи, коллежскій ассесоръ *Нижовскій* — въ С.-Петербургъ и Варшаву.

Съ 20-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1877 года: директоръ Калужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бибиковъ* — въ разныя губерніи по болѣзни.

За границу: на двадцать дней: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ *Рейеръ*.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1877 года: директоръ Гродненской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Титлинь*, по болѣзни.

На два мѣсяца: директоръ collegiи Павла Галагана, коллежскій совѣтникъ *Шульженко* и учитель Рижскаго русскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Малыжъ*, оба по болѣзни.

Съ 7-го іюня по 13-е августа 1877 года: учитель Рижельевской гимназіи *Мамцогъ*.

На мѣнее ваканціонное время 1877 года: ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Эттингенъ* и *Фюель*, статскіе совѣтники: *Митюфъ* и *Петерсенъ* и доктора: *Гобманъ* и *Бемъ*, Московскаго *Троицкій* и Новороссійскаго *Циновичъ* и *Мечниковъ*, экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Помяловскій* и Дерптскаго, *Гершельманъ*, лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шапеллонъ*, директоръ С.-Петербургской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ *Максимовъ*, исправляющій должность директора Смоленской гимназіи *Губза*, заведывающій гимназіею при историко-филологическомъ институтѣ князи Безбородко въ Нѣжинѣ *Златоустовскій*, инспекторъ Московской четвертой гимназіи *Гринчакъ*, исправляющій должность инспектора Варшавской 1-й мужской гимназіи *Веделяникъ*, учителя гимназій: С.-Петербургской шестой, коллежскій ассесоръ *Фарникъ*, Московскихъ: первой, *Млинаручъ*, третьей, *Марцъ* и шестой, *Кимахъ*, Тульской, *Ясинскій*, Херсонской: *Расточиль* и *Бавалинка*, Аванъевской, *Полакъ*, Орловской: коллежскій совѣтникъ *Дени*, надворный совѣтникъ *Помянь* и коллежскій ассесоръ *Должель*, Тверской: *Голейшовскій* и *Крупаръ*, Кіевской первой: *Бондаренко*, *Юргенсенъ* и *Урбанъ*, Александровской Сумской, *Заблочкій*, Кишиневской, надворный совѣтникъ *Лашковъ*, Пензенской, *Ключекъ*, Владимірской, *Анстатъ*, Дерптской, надворный совѣтникъ *Реймерсъ*, Рижельевской, *Коппе*, Варшавской 1-й мужской, статскій совѣтникъ *Родс*, Калишской мужской статскій совѣтникъ *Вильдъ* и Сѣдлецкой мужской, губерискій секретарь *Шулкиевичъ*, учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Вейеръ*, врачъ Тверской гимназіи *Исцолдъ*, учительница Маріинской Воронежской женской гимназіи *Степанова*, надзирательница Херсонской Маріинской женской гимназіи *Пиленко*, классная дама Плоцкой женской гимназіи *Мау*, учителя реальныхъ училищъ: Сызранскаго, статскій совѣтникъ *Бейзертъ*, Варшавскаго, коллежскій совѣтникъ *Малыжъ*, Вятскаго, *Маръ*, Динабургскаго, *Пежо* и Николаевскаго Александровскаго *Гемель*, учителя прогимназій: Шуйской, *Янушка*, Каменской, *Кабеле* и Осадосійской, *Якубовичъ*, инспекторъ Дерптской учитель-

ской семинаріи, коллежскій ассесоръ *Маасъ*, учителя Нижегородскаго Александровскаго института: коллежскій ассесоръ *Ситарскій* и состоящій въ VIII классѣ *Еше*, членъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ *Умрихсъ*, учителя сего училища: *Бонжуръ*, *Миттерлазеръ*, *Фишеръ*, *Ахсертманъ*, *Земанъ* и *Шлезингъ*, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляхницкій*, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Картовъ* и учитель однокласснаго Обмалскаго сельскаго начальнаго общаго училища, Бѣлгорайскаго уѣзда: *Черлюнчакевичъ*; изъ нихъ по болѣзни: *Помяловскій*, *Максимовъ*, *Веденяпинъ*, *Заблоцкій*, *Роде*, *Шулякевичъ*, *Степанова*, *Мау*, *Бейзертъ*, *Мальмъ* и *Ляхницкій*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и четырнадцать дней: директоръ Варшавской 1-й мужской гимназій, статскій совѣтникъ *Крижановскій*, по болѣзни.

Съ 16-го мая по 15-е августа 1877 года: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Хомяковъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, коллежскій совѣтникъ *Ермолаевъ* и Дерптскаго, статскій совѣтникъ *Мюлау*, исправляющій должность ординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эминъ*, учителя гимназій: Пензенской, статскій совѣтникъ *Короваевъ*, Новочеркасскаго, коллежскій совѣтникъ *Норовъ* и Варшавской 1-й мужской, коллежскій ассесоръ *Яницевичъ*; изъ нихъ *Эминъ*, *Короваевъ*, *Норовъ* и *Яницевичъ* по болѣзни.

Съ 25-го мая по 7-е августа 1877 года: директоръ Рижской Александровской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гамбургъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Мазинъ*, по болѣзни.

Съ 14-го мая по 15-е августа 1877 года: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Мсликовъ*.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Циммеръ*, за выслугу срока, съ 18-го марта 1877 года, съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Кочетовъ*, согласно прошенію, съ 24 марта 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Дерптскаго университета: статскому совѣтнику *Валу* и дѣйствительному статскому совѣтнику *Этельмарду*, бургомистру *Купферу*, дѣйствительному статскому совѣтнику *Руктишелю* и консуленту *Вульфису*: первому — за безмездное предоставленіе имъ въ распоряженіе означеннаго университета, для расширенія терапевтической клиники, дома съ садомъ, и усердіе въ пользу науки, а остальнымъ — за труды ихъ и содѣйствіе къ устройству и содержанію этого помѣщенія клиники.

Исключаются изъ списковъ умершіе: деканъ историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Селимъ* и директоръ Вятской гимназій, статскій совѣтникъ *Фишеръ*.

16-го мая 1877 года (№ 5). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ *Матвѣевъ* — вновь ректоромъ сего университета на четыре года, со 2-го мая 1877 года. Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Головинскій* — ректоромъ сего университета на четыре года, съ 19-го мая 1877 года. Коллежскій совѣтникъ, въ званіи камергера, графъ *Толстой* — вновь почетнымъ попечителемъ Рижельевской гимназій, на три года. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марали* — вновь почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища, на три года. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* доценту Императорскаго университета св. Владимира, магистру *Миценку* — по 15-е августа 1877 года. Бывшему учителю Кіевской прогимназій *Жданову* — по 1-е мая 1878 года. *Командируются за границу съ ученою цѣлію:* сверхштатный лаборантъ земледѣльческой лабораторіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Москалевскій* — на два мѣсяца, съ 1-го іюля 1877 года. Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ *Струве* — на три мѣсяца. Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ *Петріевъ* — съ сентября 1877 года, на одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ. *Продолжается срокъ отпуска за границу:* ординатору офтальмологической клиники Императорскаго Варшавскаго университета *Крашinsky* — по 20-е августа 1877 года, часть ссxn, отд. 1.

по болѣзни. *Увольняются въ отпускъ, по болѣзни:* попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сергіевскій*—на шесть недѣль, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ *Антоновичъ*—на три мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи и за границу. *Увольняется, согласно прошенію:* ректоръ Императорскаго Московскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, тайный совѣтникъ *Соловьевъ* — отъ службы въ семъ университетѣ. *Дозволяется:* бывшему окружному инспектору Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Сахарову* носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „*Учебное руководство по предмету священнаго писанія для I и II классовъ духовныхъ семинарій*“—допустить для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Составилъ на основаніи учебныхъ плановъ и программъ, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ, К. Ѳ. Прошевскій. Съ 134 политипажами. Москва, 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к.*“—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „*Природа, популярный естественно-историческій сборникъ. Годъ четвертый. Москва. 1876 г. Книга 1-я. Съ 2-мя хромолитографіями, 5-ю литографіями, портретомъ и 113-ю политипажами въ текстѣ. Кн. 2-я. Съ 2-мя хромолитографіями, 4-мя литографіями и 125-ю политипажами въ текстѣ. Кн. 3-я. Съ хромолитографіей, 3-мя литографіями, фотолитографіей, 2-мя портретами и 72-мя политипажами въ текстѣ. Кн. 4-я. Съ хромолитографіей, 3-мя литографіями, фотографіей, 2-мя ксилографіями и 72-мя политипажами въ текстѣ*“,—одобрить для основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Систематическій курсъ ботаники*, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Псковскаго реального училища *И. Раевскимъ*. Второе, исправленное изданіе, съ 108-ю рисунками. СПб. 1877 г. Цѣна 1 руб. 24 коп.,”—признать чрезвычайно удобнымъ и полезнымъ руководствомъ при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу „*Краткій учебникъ географіи*: Курсъ III (Европа), для учениковъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Сост. *И. Янчинъ*, преподаватель Московскаго реального училища. Москва. 1876 г. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ видѣ руководства для гимназій.

— Книгу: „*Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ* для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Составилъ *А. Малининъ* и *К. Буренинъ*. Изд. 4-е, дополненное. Москва. 1875 г. Цѣна 1 р.“,—одобрить, въ видѣ руководства, для мужскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и для реальныхъ училищъ, а также допустить, въ видѣ учебнаго пособия, для женскихъ гимназій.

— Книгу: „*Латинская грамматика*—доктора *Фердинанда Шульца*, обработанная для русскихъ гимназій *Юріемъ Ходобаевъ*, преподавателемъ 3-й Московской гимназій и Лицея Цесаревича Николая. Курсъ младшаго возраста. Изд. 3-е, исправленное. Москва. 1877 г. Цѣна 80 к.“—одобрить какъ учебное руководство по латинскому языку для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „*Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности*“ (отъ Петра I до нашего времени). Сост. *А. Галаховъ*. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Т. I и II. СПб. 1877 г.“—рекомендовать, какъ учебное пособіе для гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „Публичныя педагогическія лекціи о преподаваніи въ школахъ для солдатъ“, читанныя въ Казанскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ священникомъ *Платономъ Заринскимъ*. Казань. 1870 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.“

Солдатская школа. Подробное практическое руководство къ устройству школъ грамотности въ войскахъ и къ обученію нижнихъ чиновъ въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. Составилъ священникъ *Платонъ Заринскій*. Въ двухъ частяхъ, съ прибавленіями, азбукою и арифметическими задачами. СПб. 1876 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—допустить въ библіотеки начальныхъ и городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Брошюры подъ заглавіемъ: „Разсказъ изъ естественной исторіи. Обезьяны. Изданіе Московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. 2 выпуска. Москва. 1864—1865 гг. Ц. каждаго выпуска по 15 к.“—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день текущаго мая, Высочайше соизволяѣ: предоставленное учительскимъ семинаріямъ министерства народнаго просвѣщенія право подвергать испытанію на званіе учителя начальнаго народнаго училища, наравнѣ съ другими учебными заведеніями, поименованными въ Высочайше утвержденномъ 22-го апрѣля 1868 года мнѣніи государственнаго совѣта о порядкѣ пріобрѣтенія учительскихъ званій, распространить на учительскія семинаріи Варшавскаго учебнаго округа, съ тѣмъ, чтобъ означенныя испытанія въ семинаріяхъ производились въ началѣ учебнаго года, одновременно съ приемными экзаменами, и чтобы дозволено было выдержавшимъ въ семинаріяхъ удовлетворительно испытаніе на званіе начальнаго учителя, посѣщать практическое при семинаріи училище въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, для ознакомленія съ методами обученія, и давать въ немъ пробныя уроки.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Петровскаго-Ростовскаго

реальнаго училища портретовъ: его сіятельства графа Дмитрія Андреевича Толстаго и тайнаго совѣтника Голубцова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 17-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Петровскаго-Ростовскаго реальнаго училища портрета почётнаго попечителя сего училища, статскаго совѣтника Ановича.

— Вслѣдствіе ходатайства президента состоящаго при Московскомъ университетѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи г. министр народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на дозволеніе помянутому обществу устроить въ Москвѣ, въ теченіе лѣта 1879 г., антропологическую выставку. При чемъ представлено было на Высочайшее воззрѣніе заявленіе генералъ-адъютанта Исакова, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ соблаговолилъ изъявить согласіе принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя предстоящей выставки, если на то послѣдуетъ Высочайшее утвержденіе.

На докладѣ по означенному предмету послѣдовала въ 20-й день минувшаго мая, въ Царскомъ-Селѣ, Высочайшая Его Императорскаго Величества резолюція: „Сомасет“.

Всеподданнѣйшій адресъ Дерптскаго университета.

Ваше Императорское Величество, Государь всемилостивѣйшій! Вокругъ высокаго престола Вашего Величества въ настоящія години великихъ историческихъ расчетовъ, ото всѣхъ предѣловъ необъятной державы Вашей собираются всѣ Ваши вѣрноподанные въ живое свидѣтельство своей безпредѣльной готовности па всякія жертвы, дабы споспѣшествовать великодушнымъ предначертаніямъ Вашего Величества къ улучшенію жребія христіанъ, цѣлыя вѣка гнетомыхъ тяжкимъ турецкимъ владычествомъ.

Служители науки въ Дерптскомъ университетѣ глубоко ощущаютъ въ сердцахъ своихъ эту радостную, всеобщую готовность на жертвы, ощущаютъ потребность высказать эту готовность у престола Вашего Величества предъ лицомъ всего великаго государства Вашего.

Сознавая и нынѣ — какъ и во всѣ великія историческія години Россіи — ту неразрывную связь, которая соединяетъ Императора

Всероссійскаго со всѣми вѣрными Его подданными, во всѣхъ слояхъ и народностяхъ великой Его державы, во единую волю, мысль и сердце, мы въ непоколебимомъ упованіи на милость Господню, столь видимо почивающую на предначертаніяхъ Вашего Императорскаго Величества, остаемся неизмѣнно Ваши, Государь Всемилостивѣйшій, вѣрноподданные ректоръ и профессора Дерптскаго университета. Подписать: отъ имени Дерптскаго университета ректоръ Мейковъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ приказать: рекомендовать учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія слѣдующую книгу: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ, изд. 2-ое, въ 4-хъ томахъ. Цѣна за экземпляръ 7 руб. 50 коп. съ пересылкою 8 руб. 50 коп.“— При этомъ, согласно заявленію книжнаго магазина О. И. Бакста, сообщается, что учебнымъ заведеніямъ уступается 1 рубль, а при покупкѣ не менѣе 10 экземпляровъ разомъ, дѣляется уступка по 1 руб. 50 коп. съ экз. Желающіе воспользоваться означенною уступкой благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ книжный магазинъ О. И. Бакста, С.-Петербургъ, Большая Итальянская, № 2.

— Вслѣдствіе представленія Г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, и согласно § 30 устава гимназій и прогимназій, Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ, опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Вольской прогимназіи, съ начала будущаго 1877—1878 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Кишиневскомъ реальномъ училищѣ, начиная съ будущаго учебнаго года, по *сорока рублей* въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 16-го минувшаго марта открыта русско-башкирская школа въ дер. Аскаровой 1-ой, Орскаго уѣзда, Оренбургской губ., и 24-го минувшаго марта открытъ русскій классъ при медресе дер. Арслановой, Уфимскаго уѣзда. При открытіи сего класса желающихъ учиться русскому языку оказалось 13 шакирдовъ отъ 15-ти до 27-ми лѣтнаго возраста.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, 13-го минувшаго мая Бодичанское народное училище преобразовано въ однокласное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 50 учащихся, и того же числа вновь открыто однокласное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Попештахъ-Низшихъ, при 30 учащихся.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объявляется, что впредь учебныя пособія и руководства не будутъ одобрены для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не смотря на всѣ внутреннія достоинства, если не будутъ печатаны четкимъ, и по возможности, крупнымъ шрифтомъ, равно и на бумагѣ достаточно плотной и не просвѣчивающей.

РАВЕННА И ЕЯ ДРЕВНОСТИ ¹⁾.

IV.

Самымъ древнимъ зданіемъ въ Равеннѣ слѣдуетъ считать ея соборную церковь, хотя дѣйствительно древняго въ ней сохранилось очень немного. Она была построена около 400 года епископомъ Урсомъ, отъ имени котораго и донныѣ сохраняетъ названіе *Basilica Orsiana*. До тѣхъ поръ въ Равеннѣ не было достойнаго храма Божія, и въ немъ не могла не чувствоваться надобность, особенно со времени перенесенія туда столицы. Одни думаютъ, что епископъ Урсъ, происходившій будто бы изъ богатаго сицилійскаго рода, посвятилъ церкви свое состояніе, другіе—что императоръ Гонорій пожертвовалъ сицилійскіе доходы въ пользу равеннскаго собора. Какъ бы то ни было, воздвигся обширный и богато украшенный храмъ. О постройкѣ его разказываетъ аббатъ Агпеллъ. „Весь народъ“, говоритъ онъ,—„какъ одинъ человѣкъ радовался построенію новаго храма, и всѣ съ веселіемъ принимали участіе въ работахъ“. Стѣны храма были покрыты дорогимъ мраморомъ, на крышѣ разноцвѣтная черепица (*tesselli*) расположена различными узорами. Въ части храма, предназначавшейся для мужчинъ, стѣны были украшены рельефными аллегорическими изображеніями людей и животныхъ. Въ женскомъ отдѣленіи, кажется, не было подобныхъ украшеній, а были только мраморныя плиты и колонны. Церковь получила названіе *Anastasis* или *Agia Anastasis* (воскресеніе), то-есть, была посвящена празднику Воскресенія Христова. Равеннцы дорожили своимъ соборомъ и старались всячески украшать и поддерживать его. Съ теченіемъ времени онъ потребовалъ большихъ поправокъ; въ нихъ, конечно, высказался по-

¹⁾ Окончаніе. См. июньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

вый вкусъ и сталъ все больше и больше закрывать собою древность. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, стараніемъ трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ епископовъ, онъ совершенно перестроился въ стилѣ того времени. Теперь отъ древности осталась только высокая круглая, отдѣльно стоящая башня, немного покосившаяся на бокъ, которая служить колокольною. Другой остатокъ древности—недавно открытый склепъ подъ алтаремъ, недоступный потому, что даже и лѣтомъ залитъ водою. Доктору Рану удалось видѣть рисунки этого склепа, сдѣланные кавалеромъ Ланчіани, занимающимся раскопками въ Равеннѣ. По его словамъ, это полукруглое помѣщеніе, поддерживаемое шестью колоннами то съ коринфскими, то съ іоническими капителями, образующими разнообразныя своды ¹⁾.

Внутренность собора украшена образами работы лучшихъ живописцевъ Рима, между прочимъ Гвидо Рени, уроженца Болоньи. Въ ризницѣ и отчасти въ самомъ храмѣ хранятся нѣсколько остатковъ древней церкви. Въ стѣпѣ прохода за алтаремъ вѣлапы мраморныя доски, покрытыя изображеніями рыбъ, голубей, агнятъ, павлиновъ и другихъ символическихъ животныхъ,—вѣроятно, остатокъ древняго украшенія, о которомъ говоритъ Агнеллъ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, возлѣ входа въ ризницу, вѣлана мраморная доска съ пасхальною таблицей отъ 532 до 622 года. Къ этому же времени относится серебряный крестъ, называемый крестомъ св. Агнелла, который, вѣроятно, прежде былъ престольнымъ. Величина его около двухъ аршинъ, и онъ весь составленъ изъ круглыхъ образовъ. Всѣхъ образовъ двадцать-одинъ. Въ самой серединѣ съ одной стороны изображено Воскресеніе Христово, съ другой—молящая Богородица съ приподнятыми руками. Остальные двадцать расположены крестообразно, правильнымъ равноконечнымъ крестомъ, по пяти въ каждую сторону. Крестъ этотъ былъ устроенъ епископомъ Агнелломъ, жившимъ во время Юстиніана (списк. 558—566 гг.). По ревностной заботливости объ украшеніи храмовъ, этотъ епископъ сходилъ съ самимъ императоромъ. Не безъ его стараній совершилась въ то время перадача православнымъ всѣхъ аріанскихъ храмовъ, изъ которыхъ многіе отличались великолѣпіемъ. При немъ же были построены и другіе

¹⁾ R. Rahn, Ein Besuch in Ravenna въ *Jahrbücher für Kunstwissenschaft* von A. Zahn. 1868, Bd. I, S. 166.

²⁾ Думаютъ также, что они служили украшеніемъ ливона.

храмы ¹⁾). Кроме нѣкоторыхъ менѣ замѣчательныхъ вещей, которыхъ древность не такъ опредѣлена, въ ризницѣ хранится еще древнее епископское кресло, приписываемое Максиміану (еписк. 546—553 гг.). Это кресло изъ слововой кости, покрытое разными изображеніями ²⁾). На нижней части его спереди изображено пять рельефныхъ фигуръ; четыре боковыя—фигуры евангелистовъ, средняя, держащая въ рукѣ агнца, принимается одними за Христа, другими за Іоанна Крестителя, такъ какъ агнецъ есть принадлежность изображенія добраго пастыря, символа Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ часто присоединяется къ образу Іоанна. Впрочемъ, сама фигура и одежда ея скорѣе предполагаютъ Іоанна, чѣмъ Христа. Надъ этими изображеніями находится монограмма, въ которой читается имя *Maximianus episcopus*, почему и кресло приписывается Максиміану. На боковыхъ стѣнкахъ представлена исторія Іосифа въ десяти изображеніяхъ. Высокая, погнутая и закругленная сверху спинка раздѣлена на небольшіе четырехугольные куски, въ которыхъ недостаетъ четырнадцати. На оставшихся находятся изображенія изъ жизни Іисуса Христа. Въ недавнее время найдена одна табличка, вѣроятно, изъ числа пропавшихъ. Она вырѣзана съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны представлено претвореніе воды въ вино; съ другой — сонъ Іосифа, которому является ангелъ, и бѣгство въ Египетъ ³⁾).

Возлѣ собора стоитъ почти одновременное съ нимъ зданіе, баптистерій, *San Giovanni in Fonte*. На западѣ до довольно поздняго времени существовалъ обычай совершать крещеніе въ городахъ только въ соборной церкви. Для этого при соборахъ строились отдѣльными зданіями круглой формы съ купелью, то-есть, съ подоемомъ по срединѣ. Купель бывала довольно большая, такъ какъ крещеніе до XIV вѣка совершалось черезъ погруженіе. Эта купель, а отъ нея и

¹⁾ *Agnelli*, *Lib. Pont.*, via S. Agnelli, cap. II, III; *Ughelli*, *Italia Sacra*, t. II, p. 337. По описанію Агнелла латинскаго, въ срединѣ креста былъ изображенъ епископъ на молитвѣ; но это, кажется, ошибка, потому что женская фигура видна совершенно ясно; Агнеллъ же говоритъ, что крестъ этотъ былъ поставленъ за епископскими вѣстоми.

²⁾ Рисунковъ этого кресла помѣщенъ у *Муратори* въ т. II, стр. 215 на пяти таблицахъ. У *Раме* въ *Ein Besuch in Ravenna* есть также снимокъ съ изображенія одного изъ евангелистовъ.

³⁾ *Agnelli*, *Lib. Pont.*, vita S. Ursi, p. 51; *Ughelli*, *Italia Sacra*, t. II, p. 331, 362. Предполагаютъ также, что это послѣднее изображеніе есть переселеніе въ Вавилонъ (*Rossi* въ *Buletino di archeologia christiana*, III, 28, 29).

самое зданіе, получило названіе баптистерія, то-есть, крестильни (Βαπτιστήριον, baptisterium, также φωτιστήριον, illuminatorium, иногда aula baptisnalis). Подобныя баптистерія видимъ мы при соборахъ во Флоренціи, Пізѣ, Болонѣ, Пармѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они теперь стоятъ безъ всякаго употребленія¹⁾. По словамъ Агнелла, равенскій баптистерій былъ возобновленъ епископомъ Неономъ, то есть, между 426 и 430 годами; слѣдовательно, основаніе его должно относиться къ еще болѣе отдаленному времени. Онъ сохранился до сихъ поръ почти безъ всякихъ передѣлокъ и по справедливости можетъ назваться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ христіанскаго водчества. Теперь это зданіе восьмиугольной формы, съ двумя низкими полукруглыми абсидами у двухъ сторонъ. По всей вѣроятности, оно стояло прежде на площади; теперь же съ двухъ сторонъ къ нему прислонились частныя постройки, и даже войти въ него можно только черезъ сѣни сосѣдняго дома. По общему виду оно кажется нѣсколько низкимъ, приземистымъ въ сравненіи съ шириною. Но таково было оно вначалѣ. Почва, постепенно нарастая въ продолженіе четырнадцати вѣковъ, поднялась около него аршина на два. Недавно кавалеръ Ланчѣани произвелъ раскопки вокругъ баптистерія и открылъ остатки его древняго фундамента. По этимъ остаткамъ видно, что храмъ въ основаніи своемъ былъ не восьмиугольный, а четырехсторонній съ закругленными углами. Два изъ этихъ закругленныхъ угловъ и теперь образуются сохранившимися полукруглыми абсидами, высотой своею доходящими только до втораго яруса. По всей вѣроятности, имъ соотвѣтствовали еще два, и такимъ образомъ, баптистерій, четырехугольный въ основаніи, превращался въ восьмиугольный во второмъ ярусѣ. Раскопки открыли также и входную дверь въ храмъ, которая почти вся была занесена землею. Обѣ двери и вновь открытыя, и та, которая служитъ теперь, расположены симметрично на двухъ сторонахъ противоположно алтарю. Надъ кровлями абсидовъ видны два ряда оконъ; въ первомъ ряду на каждой изъ восьми сторонъ одно большое окно, теперь прямоугольное, прежде же бывшее закругленнымъ вверху, какъ показиваетъ кладка кирпича; во второмъ ряду длинныя формы двухсводныхъ оконъ, образуемая нѣсколько углубленною кладкою, по двѣ на каждой сторонѣ²⁾.

¹⁾ *Ducange*, Gloss. med. et inf. latin.; *Augusti*, Die heiligen Handlungen der Christen, Bd. IV, Cap. VII.

²⁾ *Rossi* въ *Bullettino di Archeol. christ.*, IV, 73.

Внутри баптистерій представляет также восьмиугольникъ съ углубленіями въ двухъ абсидахъ. Въ верху онъ округляется помощію парусовъ и оканчивается плоскимъ куполомъ. На сколько внѣшность его проста и незатѣйлива, на столько богата отдѣлкой внутренность. Великолѣпная мозаика сплошь покрываетъ куполъ, колонны и накладки изъ мрамора и порфира украшаютъ стѣны. Первый ярусъ украшеній на стѣнѣ состоитъ изъ восьми арокъ, опирающихся на колонны, поставленные въ восьми углахъ храма. Колонны всѣ изъ различнаго мрамора, разныхъ діаметровъ и съ разными капителями, большею частью римскаго ордепа. Стѣны въ аркахъ прежде были покрыты мраморными накладками; теперь сохранилось только нѣсколько плитъ въ немногихъ мѣстахъ. Самые арки обрисованы на стѣнѣ мозаичною работою, а углы, образовавшіеся въ верху между ними, заполнены мозаичными же разводами; посреди каждаго, въ овальномъ вѣнкѣ изъ листьевъ, на золотомъ фонѣ стоитъ фигура, изображающая, какъ думаютъ, одного изъ пророковъ. Во второмъ ярусѣ надъ каждою аркой обозначены по три меньшія арки; средняя гораздо больше, чѣмъ двѣ боковыя, и въ ней приходится окно. Каждая три арки вмѣстѣ соединены одною общою аркой. Изъ боковыхъ лѣпныхъ украшеній позднѣйшаго времени: мужская фигура, стоящая подъ навѣсомъ, опирающимся на двѣ колонки; крыша навѣса то круглая, то острая, и на ней пара символическихъ животныхъ—овецъ, козловъ, львовъ, морскихъ лошадей, оленей, павлиновъ, орловъ, пѣтуховъ; они обращены къ стоящему между ними сосуду. Пространство между тремя меньшими и обнимающее ихъ общою аркой тоже заполнено лѣпными разводами изъ листьевъ; но отъ нихъ сохранились только остатки. Этими украшеніемъ кончаются стѣны, и выше начинается куполъ. Середину его занимаетъ изображеніе Спасителя, принимающаго крещеніе. Спаситель стоитъ до половины въ водѣ; Іоаннъ Креститель, обращенный профилемъ, одною ногою опирается на камень; въ одной рукѣ онъ держитъ посохъ съ крестомъ, въ другой чашу; нижняя часть его тѣла покрыта одеждой. Вмѣсто ангеловъ, обыкновенно изображаемыхъ при крещеніи, плать держитъ Іорданъ въ видѣ старика, напоминающій рѣчнаго бога ¹⁾. Вокругъ

¹⁾ Такое смѣшеніе христіанскаго и языческаго характера нередко встрѣчается на древнихъ христіанскихъ образахъ. Такъ, напримеръ, въ одной изъ римскихъ катакомбъ есть изображеніе Спасителя подъ видомъ Орфея, своею лирою привлекающаго къ себѣ животныхъ (см. *Seroux d'Agincourt, Denkmäler der Malerei, tab. VIII*).

этого образа на широкой полосѣ представлены двѣнадцать фигуръ апостоловъ. Они идутъ—шесть въ одну сторону и шесть въ другую; впереди Петръ и Павелъ, которые такимъ образомъ встрѣчаются. Въ рукахъ, окутанныхъ тогою, каждый несетъ вѣнецъ, богато украшенный драгоценными камнями. Рисунокъ фигуръ выказываетъ быстрое движеніе. Лица разнообразны, головы въ разныхъ поворотахъ. Тоги и туники попеременно бѣлыя и желтыя. Земля зеленая, а за фигурами видно голубое небо. Фигуры отдѣляются одна отъ другой золотыми стеблями съ листьями, а верхъ изображенія занимаетъ красная съ бѣлымъ полосатая драпировка, приподнятая надъ головою каждой фигуры. Вокругъ полосы съ апостолами идетъ другая, также довольно широкая, соединяющая мозаику купола съ украшеніями стѣнъ. Она состоитъ изъ разнообразныхъ пестрыхъ рисунковъ, раздѣляющихъ ее въ длину на тридцать-двѣ части. Въ каждой части архитектурныя украшенія образуютъ раму, въ которой помѣщенъ или аналогій съ раскрытымъ евангеліемъ, или престолъ, или епископское сѣдалище, или рѣшетка съ видною изъ-за нея зеленью.

По среднѣй храма устроена восьмиугольная же купель, выложенная мраморомъ и порфиромъ и окруженная мраморною же стѣнкой. Съ одной стороны ея — амвонъ, небольшой выступъ, предназначенный для священнодѣйствующаго. На стѣнѣ амвона приделана мѣхотопилица въ формѣ лежащаго агнца. Съ двухъ сторонъ входа находятся двѣ капеллы, устроенныя недавно на мѣстѣ прежнихъ, пришедшихъ въ упадокъ. Въ одной изъ нихъ въ престолъ вставлена древняя каменная плита съ рельефными изображеніями; въ другой стоитъ мраморная урна, также со скульптурными украшеніями, которая, какъ говорить, находилась прежде въ храмѣ Юпитера въ Цезарѣ¹⁾.

Небольшая площадка съ одной стороны храма, вѣроятно, служила въ старину кладбищемъ, потому что на ней стоитъ нѣсколько мраморныхъ гробницъ-памятниковъ, относящихся къ гораздо позднѣйшему времени, чѣмъ само зданіе.

Подобной судьбѣ, какъ и соборъ, подверглась *базилика, посвященная св. Петру* и построенная въ одно время съ нимъ. Отъ ея древняго зданія осталась только алтарная часть—абсидъ, состоящій изъ половины десятиугольника съ пятью большими сводчатыми окнами.

¹⁾ *Agnelli*, Lib. Pont. vita, S. Neonis, cap. I, p. 58; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 333.

На маленькомъ остаткѣ стѣны видѣть очеркъ прежнихъ оконъ, и можно догадаться о ея вѣшной отдѣлкѣ. Даже и имя храма перемѣнилось: теперь онъ называется *San Francesco* ¹⁾. Рядомъ съ нимъ возвышается стройная и красивая четырехугольная башня — колокольня, которую нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ тому же древнему времени.

Съ одной стороны церкви была, какъ полагаютъ, древняя паперть или аркада, какъ онѣ назывались въ Равеннѣ. Здѣсь стоитъ теперь капелла, извѣстная подъ именемъ *Braccio forte*, постройка не древняя, но сохранившая свое имя отъ очень древняго времени. Агнеллъ, упоминая, что на паперти храма св. Петра былъ похороненъ епископъ Неонъ, разказываетъ преданіе о происхожденіи этого названія, „потому что“, говоритъ онъ, — „уже немногіе старики помнятъ это“. Собственно *Braccio forte*, *Brachium forte* назывался образъ, находившійся на стѣнѣ при входѣ на паперть церкви Петра Апостола. Этотъ образъ представлялъ Спасителя съ протянутою рукою; но стороны ея были изображены апостолы Петръ и Павелъ. Однажды, говоритъ Агнеллъ, — два человѣка заключили между собою союзъ дружбы. Какъ-то одному изъ нихъ понадобились деньги, и онъ обратился къ другому, прося его ссудить ихъ ему тайно, такъ чтобы никто не зналъ. Они сошлись у церкви Петра Апостола, и какъ изъ-за тайны нельзя было ни пригласить свидѣтеля, ни заключить договора, то они призвали въ свидѣтели между собою Спасителя, изображеннаго при входѣ, и заимодавецъ сказалъ: „Господи Боже Всемогушій, черезъ твою святую десницу даю я ему эти деньги, и если онъ ихъ мнѣ не возвратитъ, то возврати ихъ мнѣ Ты Самъ“. Должникъ, получивъ деньги, отправился въ Константинополь. Тамъ дѣла его пошли такъ удачно, что деньги, взятые имъ въ займы, скоро учетверились, и онъ, увлеченный успѣхомъ, забылъ о своемъ долгѣ. Срокъ платежа давно прошелъ, и заимодавецъ, нуждаясь въ деньгахъ, сталъ молиться, чтобы Спаситель, владѣющій небомъ и землею, подыгнулъ одного человѣка и принудилъ его исполнить свою обязанность. Тотчасъ послѣ этой молитвы Спаситель явился во снѣ должнику и повелѣлъ, чтобы онъ возвратился въ Равенну и отдалъ свой долгъ. Три раза повторялся сонъ; наконецъ, должникъ увидѣлъ свой грѣхъ, позналъ волю Божью, и возвратившись въ Равенну, вполне заплатилъ

¹⁾ Кажется, что базилика св. Петра была отдана впоследствии францисканскому монастырю, отчего, вѣроятно, и перемѣнила имя.

долгъ своему другу. Съ тѣхъ поръ образъ Спасителя получилъ названіе *Brachium forte* или *Brachium Fortis* (рука сильная или рука Сильнаго)¹⁾.

Во время императрицы Галлы Платидіи и ея наслѣдника Валентиніана III въ Равеннѣ воздвиглось нѣсколько храмовъ. Изъ нихъ важнѣйшимъ былъ храмъ *св. Креста*, которому была дана крестообразная форма. Онъ находился недалеко отъ императорскаго дворца. По словамъ Агнелла, это была одна изъ великолѣпнѣйшихъ построекъ той эпохи. Въ числѣ картинъ и изваяній, украшавшихъ ее, была замѣчательная картина, представлявшая четыре райскія рѣки. Въ этой церкви Галла Платидіа часто проводила ночи въ молитвѣ. На восковыхъ свѣчахъ, которыя при этомъ зажигались, съ помощью придѣланныхъ къ подсвѣчнику рукоятокъ, можно было измѣрять, сколько свѣчи сгорѣли. По словамъ Агнелла, императрица молилась на колѣнахъ, пока свѣчи горѣли до опредѣленной мѣтки²⁾.

Другой храмъ, *базилика Іоанна Евангелиста*, былъ построенъ Галлой Платидіей по обѣту въ память спасенія отъ бури, постигшей ее на пути изъ Константинополя въ Равенну, когда она ѣхала принять правленіе Западною имперіей послѣ смерти Гонорія. Съ нею былъ ея малолѣтній сынъ Валентиніанъ, вновь избранный императоръ, и дочь ея Гонорія. Бури была такъ сильна, говоритъ преданіе, — что всѣ спутники императрицы были въ полной увѣренности, что погибнуть, и предали себя во власть Божію. Вдругъ, когда, казалось, уже настала послѣдняя минута, у руля появился старецъ съ сѣдою бородой, и корабль, направленный его рукой, прошелъ черезъ бурный волны и благополучно прибылъ въ гавань. Всѣ признали въ этомъ старцѣ Іоанна Евангелиста. Императрица тутъ же дала обѣщаніе выстроить въ честь его богатый храмъ и почти тотчасъ по приѣздѣ въ Равенну начала приводить въ исполненіе свои обѣты.

Подробныя описанія этого храма остались отъ того времени, когда онъ былъ еще во всей своей красотѣ, и существовали образа и надписи, обозначающія когда и кѣмъ онъ былъ построенъ³⁾. У

¹⁾ *Agnelli, Lib. Pont. vita, S. Neonis, p. 59, cap. II; Rossi, въ Bullettino di arch. christ., IV, 73.*

²⁾ *Agnelli, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. V, p. 68.*

³⁾ *Muratori, t. I, pars II, p. 267 и слѣд. Последнее изъ этихъ описаній принадлежитъ архіепископу Рейнальду, жившему въ началѣ XIV в.; Agnelli, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. VI, p. 68.*

подножія огромнаго мозаичнаго образа Спасителя въ абсидѣ была надписи:

Sancto ac beatissimo Johanni Evangelistae
Galla Placidia Augusta
cum filio suo Placido Valentiniano Augusto
et filia sua Justa Grata Honoria Augusta
liberationis periculum maris votum solventes.

Двѣнадцать закрытыхъ книгъ по сторонамъ обозначали апостоловъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ украшеній была большая мозаичная картина надъ входомъ въ алтарь, изображавшая то самое происшествіе, которое было причиною построенія храма. Она представляла бурное море съ двумя кораблями посреди волнъ. На одномъ изъ кораблей на мѣстѣ кормаго былъ изображенъ Іоаннъ Евангелистъ; лица путешествующихъ казались исполненными страха. Кругомъ картина была окружена каймой изъ листьевъ и цвѣтовъ. Въ числѣ другихъ мозаикъ, украшавшихъ стѣны, были портреты родственницъ императрицы. Вѣроятно, они были помѣщены на внутреннемъ вѣнцѣ большой арки. За горнимъ мѣстомъ былъ также портретъ епископа, освѣщавшаго церковь (Петра Хрисолога). Такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ возможно, были упоминанія о томъ, по какому случаю былъ построенъ храмъ. Даже мозаичный полъ представлялъ бурное море. Теперь въ одной изъ капеллъ хранятся обломки мозаики, какъ думаютъ, составлявшей этотъ полъ. Это небольшіе четырехугольные кусочки, большею частью одной величины и формы; на нѣкоторыхъ изображены люди, на другихъ звѣри. Есть два изображенія кораблей. Рисунки звѣрей обведены каямкой, слѣдовательно, составляютъ отдѣльное цѣлое; на другихъ этого не замѣтно, такъ что они могли быть частью большой картины. Между этими обломками отличается одинъ, по видимому, отрѣзокъ круга. На немъ видно изображеніе одежды, позволяющее предполагать, что это былъ поисной образъ, можетъ быть, Іоанна Евангелиста, можетъ быть, Спасителя.

Двѣ колонны, поддерживавшія арку при входѣ въ алтарь, были покрыты серебромъ. Точно также были выложены серебромъ колонны, на которыхъ покоилась мраморная стѣна надъ престоломъ. Самыя престола былъ богато украшенъ золотомъ и драгоценными камнями. Надъ нимъ висѣло множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, между которыми одна была сдѣлана въ видѣ летающаго голубя.

Отъ всѣхъ этихъ богатствъ теперь не осталось и слѣда. Но за то самая церковь, за исключеніемъ алтарной части, которая попорчена

позднѣйшими поправками, не была передѣлана и представляет древнѣйшій образецъ базилики въ Равеннѣ. Это длинное зданіе, раздѣленное на три продольныя части, такъ называемые корабли, двумя рядами колоннъ (двадцатью-двумя) сѣраго мрамора съ черными жилами. Капитали коринфскаго ордена не непосредственно поддерживаютъ арки: на нихъ лежатъ вторыя капитали, такъ называемыя „нипосты“, почти кубической, формы безъ всякой отдѣлки, только съ крестою, вырѣзаннымъ на передней сторонѣ. Эти нипосты есть особенная принадлежность равеннскаго зодчества.

Возлѣ церкви стоитъ высокая четырехугольная башня съ круглою острою крышею, которая покрыта бѣлою и ярко-зеленою черепицею.

Изъ построекъ Галлы Плаццидін лучше всего сохранилась и по-этому для насъ всего замѣчательнѣе капелла, назначенная ею для погребенія членовъ ея семейства, посвященная св. Назарію и Кельсію и извѣстная подъ названіемъ *San Nazaro e Celso*. Она была поставлена возлѣ той церкви св. Креста, которую императрица особенно почитала, и какъ показали открытія кавалера Ланччани, примыкала своею папертью къ южной сторонѣ обширной паперти этой церкви. Теперь, такъ какъ нынѣшняя церковь св. Креста гораздо меньше древней, а отъ папертей сохранились только остатки фундамента въ землѣ, оба храма находятся уже на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго ¹⁾.

Планъ капеллы, также какъ и первобытный планъ церкви св. Креста, есть такъ называемый латинскій крестъ небольшого размѣра, всего только около шести сажень въ одну сторону и пяти въ другую. Высота также незначительная, и только самая середина поднимается надъ остальнымъ пизенькомъ квадратною башенкою. На стѣнахъ кладку кирпича обозначены арки — обыкновенное украшеніе древнихъ равеннскихъ храмовъ, — во три на концахъ креста и по двѣ на боковыхъ сторонахъ. Плоская черепичная крыша покрываетъ все зданіе. Такова внѣшность императорской усыпальницы, ничѣмъ не поражающая, выдѣляющаяся посреди другихъ зданій только своею менѣе общиною формою. За то внутренность производитъ дѣйствительно глубокое впечатлѣніе, вполне соответствующее назначенію храма.

¹⁾ Rossi, въ *Bullettino di arch. christ.*, IV, 74. Ланччани замѣчаетъ, что подобно этому, гробница Константина Великаго была расположена на паперти храма Апостоловъ.

Надъ серединой возвышается полушарный куполъ; отъ него въ четыре конца расходятся полукруглые своды. Небольшія окна подъ основаніемъ купола и въ концахъ креста даютъ не яркое, но и не слабое, мягкое освѣщеніе. Куполъ, своды и верхняя часть стѣнъ сплошь покрыты превосходною и богатѣйшею мозаикой, темно-синяго общаго колорита. Куполъ представляетъ небо, усыянное золотыми звѣздами, посреди которыхъ блеститъ золотой крестъ ¹⁾. Подъ нимъ, надъ четырьмя углами средипной части—символы четырехъ евангелистовъ. Еще ниже, на стѣнахъ, поддерживающихъ куполъ, по сторонамъ каждого окна стоятъ по двѣ мужскія фигуры въ бѣлой одеждѣ, вѣроятно, изображающія пророковъ. Между ними, подъ оконкомъ, два голубя, сидящіе на краю сосуда съ водою. Голубое небо, составляющее фонъ всей картины, въ верху заканчивается раковиною сѣраго цвѣта. Своды покрыты золотымъ орнаментомъ на синемъ фонѣ. На концахъ креста оканчивающіеся своды образуютъ полукруги. Въ двухъ изъ нихъ, надъ входомъ и противъ него, находятся мозаичные образа. Противъ входа изображенъ Спаситель, сжигающій книгу, аллегорическое представленіе суда надъ еретическими ученіями. На противоположномъ концѣ, посреди гористой мѣстности изображенъ Христосъ въ видѣ добраго пастыря. Въ двухъ другихъ полукругахъ въ поперечныхъ концахъ храма сдѣланъ золотой орнаментъ на синемъ фонѣ, и посреди него два оленя пьютъ изъ источника. Всѣ образа и края арокъ и стѣнъ обведены мозаичною каймой чрезвычайно красивыхъ и разнообразныхъ рисунковъ. Въ разрывѣ оконъ сдѣланы также особенныя мозаичныя рисунки. Нижняя часть стѣнъ была прежде выложена мраморными плитами, но теперь онѣ уже больше не существуютъ. Исчезъ точно также и древній мозаичный полъ, о которомъ мы знаемъ изъ описаній, и замѣненъ другимъ, теперь уже старымъ и довольно истертымъ. За исключеніемъ этихъ двухъ потерь, вся мозаика сохранилась замѣчательно хорошо, и какъ по исполненію, такъ и по рисунку, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній древняго христіанскаго искусства. Особенно поражаетъ въ ней стройное сочетаніе цвѣтовъ. На

¹⁾ Квистъ въ своемъ описаніи Равенны замѣчаетъ, что крестъ этотъ также какъ планъ церкви, съ однимъ удлиненнымъ концомъ, но направленіе длиннаго конца идетъ не къ сѣверу, какъ направленіе церкви, а въ востокъ. Онъ предполагаетъ, что въ положеніи его есть, можетъ быть, кака-нибудь связь съ положеніемъ главной церкви св. Креста (v. *Quast*, *Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna*, Berlin, 1842, S. 12).

двухъ большихъ образахъ, на каймахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посреди золотыхъ разводовъ, встрѣчаются и красная, и зеленая краска, разныхъ оттѣнковъ, и бѣлая, но онѣ не производятъ пестроты, а напротивъ того, только придаютъ общему спокойному синему колориту характеръ какой-то ясной торжественности.

Посреди храма на небольшомъ возвышеніи стоитъ престолъ, также принадлежащій глубокой древности. Это мраморный столъ, спереди и съ боковъ опирающійся на глухія мраморныя же стѣнки, съ колоннами по угламъ, сзади же открытый. На передней стѣнѣ изваянъ крестъ, а по сторонамъ его два агнца и два павлина. За престоломъ — гробъ строительницы, Галлы Пладиин. Онъ огромной величины (2½ метра длины, около двухъ метровъ высоты и болѣе метра ширины), высѣченъ изъ мрамора, но безъ всякихъ украшеній; думаютъ не былъ ли онъ прежде обложенъ серебромъ или какимъ-нибудь другимъ цѣннымъ веществомъ. Его высокая крышка, съ акротеріями на четырехъ углахъ, поднимается по срединѣ какъ кровля дома, со скатами во всѣ четыре стороны. Въ задней части гроба было маленькое отверстіе, сквозь которое можно было видѣть останки императрицы, погребенной въ подномъ императорскомъ облаченіи и сидящей на креслѣ изъ кедроваго дерева. Говорятъ, что въ 1577 году, при показываніи тѣла посѣтителямъ, внутрь вдвинули зажженную свѣчу. Отсюда загорѣлась, и трупъ обратился въ пепелъ. Съ тѣхъ поръ отверстіе закрыто. Можно предполагать, что вначалѣ гробъ былъ отгороженъ рѣшеткой, какъ это дѣлалось часто на могилахъ почитаемыхъ святыхъ. На это указываетъ Агнеллъ. Онъ говоритъ, что императрица похоронена въ храмѣ св. Назарія ¹⁾ за рѣшеткой, которая прежде была мѣдною, теперь же каменная ²⁾.

Въ одномъ изъ боковыхъ концовъ крестообразной церкви стоитъ также мраморный гробъ нѣсколько меньшей величины. Въ немъ, по преданію, лежитъ тѣло императора Валентиніана. Въ противоположномъ концѣ въ такомъ же гробѣ, какъ говорятъ, погребенъ мужъ Галлы Пладиин, Констанцій. Есть еще два небольшихъ гроба, вѣдлаемые въ стѣну близко отъ входа. Всѣ эти гробы покрыты изваянными

¹⁾ Такіе отдаленные храмы-усыпальницы или церковныя притворы, въ которыхъ погребались епископы или знатные люди, онъ называетъ *Monasteria*.

²⁾ *Infra cancellos qui fuerunt aerei et qui nunc lapidei esse videntur (Agnelli, Liber Pontificalis, vita S. Johannis, cap. VI, p. 68).* Можетъ быть, эта мѣдная рѣшетка, превратившаяся въ каменную, подверглась той же участи, какъ и самый гробъ Галлы Пладиин?

символическими фигурами. Чаще всего между изваяніими встрѣчается изображеніе Христа въ видѣ агнца, стоящаго на верху холма, съ котораго текутъ четыре райскія рѣки, смоковница, плодами которой питаются овцы, два голубя, сидящіе на краяхъ сосуда съ водою, крестъ и монограмма имени Спасителя. Въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ гробовъ погребена, говорятъ, дочь Галлы Пладиин, Гонорія, въ другомъ—неизвѣстно кто.

Послѣ гробницы Галлы Пладиин одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ древности есть *капелла во деорин архіепископа*, устроенная въ половинѣ V вѣка, какъ думаютъ, епископомъ Петромъ Хрисологомъ. Она небольшая, крестообразная, или лучше сказать, четырехъугольная, потому что концы креста такъ коротки, что могутъ скорѣе назваться нишами, на которыя опирается куполь. Ниша для алтаря нѣсколько глубже другихъ. Полъ и стѣны выложены мраморомъ; куполь и своды ниши покрыты мозаикой. Входя въ эту маленькую церковь, поражаешься яркостью и богатствомъ ея мозаикъ, хотя по совершенству рисунка онѣ стоятъ ниже образовъ гробницы Галлы Пладиин. Въ куполѣ четыре ангела въ бѣломъ одѣянніи съ фіолетовыми мантиями и крыльями, расположенные крестообразно, поддерживаютъ на поднятыхъ къ верху рукахъ монограмму Христа, которая такимъ образомъ приходится въ самомъ центрѣ купола. Ниже, въ промежуткахъ между ними, символы четырехъ евангелистовъ. На среднѣй алтарной ниши образъ Богородицы въ ростъ, съ распростертыми руками ¹⁾. Этого рода изображеніе Богородицы вообще встрѣчается довольно рѣдко. Одно подобное находится въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ носятъ названіе Нерушимой стѣны; другое, не живописное, а барельефное—въ Венеціанскомъ соборѣ св. Марка. Въ Равеннѣ такое же изображеніе находится на крестѣ св. Агнелла, описанномъ выше. Сводъ за алтаремъ покрытъ красивымъ мозаичнымъ орнаментомъ на золотомъ фонѣ. На аркахъ при входѣ въ ниши находится по семи круглыхъ поясныхъ образовъ: на восточной и западной Христосъ посреди шести апостоловъ; на сѣверной Его монограмма посреди шести мучениковъ, а на южной монограмма же посреди шести мученицъ. Замѣчательно, что Петръ и Павелъ изображены точно также, какъ въ баптистеріи: первый круглолицымъ съ

¹⁾ Ранъ думаетъ, что образъ Богородицы и двухъ святыхъ по сторонамъ его принадлежатъ болѣе позднему времени, чѣмъ все другое (Ein Versuch in Ravenna, S. 181, 182).

короткою сѣдою бородой, второй съ длиннымъ лицомъ и темною острою бородой. Кромѣ этихъ образовъ есть еще одинъ въ алтарной нишѣ, не такъ хорошо сохранившійся: въ немъ повреждена нижняя часть; онъ изображаетъ Спасителя съ крестомъ и открытою книгой въ рукахъ.

Сѣверная и южная ниши украшены теперь живописными образами новаго времени. И сами по себѣ они не отличаются особенно хорошою работой, и кромѣ того, надо признаться, что, видя почти повсюду превосходную древнюю мозаику, какъ-то такъ настраиваешься, что живопись новаго времени кажется чѣмъ-то неважнымъ, и на нес обращаешь, можетъ быть, даже меньше вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. Даже работы Гвидо Рени въ соборѣ какъ будто удаляются на задній планъ, уступая мѣсто болѣе почтенной старинѣ.

Во время Θεодорика, бывшаго, какъ и всѣ почти Готы, послѣдователемъ ученія Арія, секта аріанъ получила въ Равеннѣ преимущество надъ православною церковью. Новыя церковныя потребности вызвали построение новыхъ храмовъ, въ которыхъ высказалась и роскошь того времени, и заботы Θεодорика объ украшеніи подвластныхъ ему городовъ. По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ православныхъ храмовъ были также отданы аріанамъ. По указанію Агнелла, Θεодорикъ въ послѣдніе годы жизни „приказывалъ закрывать храмы Божіи“. Есть основаніе думать, что даже и главная аріанская церковь (*ecclesia matrix*) существовала за долго до готскаго панствія. Она построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явленіемъ Святаго Духа въ видѣ голубя было указано избраніе св. Севера въ епископа ¹⁾. Впослѣдствіи, по изгнаніи аріанъ, храмы ихъ были всѣ возвращены православнымъ. Теперь бывшая *ecclesia matrix* называется *Chiesa dello Spirito Santo, церковь Святаго Духа*, а также *базилика св. Θεодора*. Которое названіе древнѣе—трудно опредѣлить. Если она была построена послѣ избранія св. Севера, то вѣроятно, была посвящена Святому Духу; если же, какъ предполагаетъ Росси, она основана еще въ III в., то названіе церкви св. Θεодора могло быть ей дано сначала. Какъ главная церковь, она должна была заключать въ себѣ большія богатства,

¹⁾ Св. Северъ былъ епископомъ въ половинѣ IV в. и участвовалъ въ Сардинійскомъ соборѣ въ 347 г. (*Agnelli, lib. Pont., vita S. Sever., p. 43; Ughelli, Italia Sacra, t. II, p. 329, 330; Hardouin Consiliorum collectio maxima, t. I, p. 653*). Первые двѣнадцать епископовъ равеннскихъ были, по преданію, всѣ избраны по указанію чудеснаго явленія Святаго Духа. Св. Северъ былъ послѣдній изъ нихъ.

но послѣдующія передѣлки лишили ее большей части изъ нихъ. Въ своей общей формѣ она, какъ кажется, не пострадала; это базилика, довольно широкая противъ своей длины, раздѣленная на три корабля. Изъ украшеній ея существуютъ теперь только четырнадцать колоннъ драгоцѣннаго мрамора, раздѣляющія ее на три части своими двумя продольными рядами, и мраморная отдѣлка алтаря. Колонны, судя по капителямъ, относятся къ разнымъ эпохамъ. Одна изъ нихъ отличается отъ другихъ рѣдкимъ мраморомъ: она зеленая съ бѣлыми жилками и красными пятнами, тогда какъ всѣ прочія сдѣланы изъ такъ называемаго *bigio antico* (зеленоватаго мрамора). Наружный портикъ ея также украшенъ восемью небольшими колоннами съ вѣнчанными то вкось, то вѣнтообразно рядами крестовъ.

Вблизи этой базилики, также какъ и подлѣ православнаго собора, стоитъ баптистерій, *Battisterio degli Ariani*. Епископъ Агнеллъ, обращая его въ православный храмъ, увеличилъ пристройкою съ западной стороны, и далъ названіе *Santa Maria in Cosmedin*, подъ которымъ онъ и нынче извѣстенъ ¹⁾. Этотъ баптистерій, очевидно, построенъ по тому же образцу, какъ и православный: въ немъ повторены даже и всѣ украшенія и образа, только съ нѣкоторыми измѣненіями, отчасти, можетъ быть, требовавшимися иными церковными правилами и понятіями. Посреди купола, также какъ и тамъ, мозаичный образъ Крещенія; только здѣсь Іоаннъ, одѣтый звѣриною шкурой, а не тканью, держитъ въ рукѣхъ не длинный крестъ, а посохъ съ загнутымъ верхнимъ концомъ. У него нѣтъ также и чаши; правую руку онъ положилъ на голову Спасителя, какъ бы для благословенія. Іорданъ, изображенный также въ видѣ старика, держащаго урну, изъ которой льется вода, не участвуетъ въ совершеніи Крещенія, какъ на образѣ въ православномъ баптистеріи: онъ поднялъ лѣвую руку въ знакъ почитанія. Весь этотъ образъ на золотомъ фонѣ. Св. Петръ и Павелъ, изображенные вмѣстѣ съ другими апостолами вокругъ этого срединнаго образа, отличаются тѣмъ, что держатъ въ рукахъ одинъ ключи, а другой свитокъ, тогда какъ остальные несутъ вѣлки. Они направляются къ престолу, на которомъ стоитъ крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Также, какъ и въ *San Giovanni in fonte*, лица апостоловъ представляютъ разнообразіе и характерность въ чертахъ. Этимъ образомъ заканчивается украшеніе купола: широкой по-

¹⁾ Слово *Cosmedin* или *Cosmedim* уже во время Агнелла подверглось различнымъ объясненіямъ (*Agnelli, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113*).

лосы съ мелкими изображеніями, которая окружаетъ образъ въ православномъ баптистеріи, здѣсь нѣтъ. Вообще весь храмъ меньшихъ размѣровъ и проще, чѣмъ S. Giovanni in fonte. При передѣлкѣ баптистерія въ обыкновенную церковь, и купель, находившаяся посреди него, была уничтожена, и теперь мѣсто ея указываетъ только большая круглая гранитная плита на каменномъ полу.

Великолѣпнѣйшимъ и величайшимъ изъ аріанскихъ храмовъ была базилика, называемая S. *Apollinare nuovo*. Во время Агнелла еще существовала надпись, указывавшая, что она была построена Оеодорикомъ ¹⁾. Посвященная св. Мартину, за богатую отдѣлку свою она называлась S. Martinus in coelo augeo; говорятъ, что даже потолокъ ея былъ весь покрытъ золотомъ. Нынѣшнее названіе присвоено ей съ IX в., когда, боясь хищничества Сарацинъ, епископъ Іоаннъ перенесъ въ нее мощи св. Аполлинарія, находившіяся въ менѣ защищенномъ Классисѣ, въ храмъ, построенномъ въ честь этого святаго. По смерти Оеодорика, при передачѣ аріанскихъ храмовъ православнымъ, и эта церковь была исправлена и нѣсколько передѣлана. Алтарная часть ея и боковые корабли подвергались и послѣ поправкамъ и передѣлкамъ, средній же корабль сохранился извнѣ и внутри почти совершенно, и никакая другая базилика въ Равеннѣ не представляетъ въ такой цѣльности отдѣлку внутреннихъ стѣнъ. Снаружи на боковыхъ стѣнахъ средняго корабля обозначенъ рядъ большихъ, округлыхъ вверху, нѣсколько углубленныхъ оконъ, окруженныхъ арками. Нѣкоторые изъ нихъ теперь заложены, но формы ихъ видны совершенно отчетливо. Окна расположены довольно часто: разстояніе между ними меньше ширины самыхъ оконъ. Огромный храмъ этотъ внутри занимаетъ 28 сажень въ длину и раздѣляется двадцатью-четырьмя колоннами изъ проконнискскаго мрамора на три продольныя части. Въ боковыхъ частяхъ этимъ колоннамъ соотвѣтствуютъ пилястры. На аркахъ, соединяющихъ колонны, видны остатки лѣпныхъ украшеній, по которымъ можно судить о ихъ тонкой работѣ. Полъ, стѣны и своды абсидовъ покрыты плитами изъ разноцвѣтнаго мрамора и порфіра, а сводъ за главнымъ алтаремъ былъ прежде отдѣланъ мозаикой, но ее разрушило землетрясеніе 751 года. Вдоль храма въ боковыхъ частяхъ, по обыкновенію, устроены капеллы, изъ которыхъ, впрочемъ, очень многія совершенно подновлены.

¹⁾ «Theodoricus rex hanc ecclesiam a fundamentis in nomine Domini nostri Jesu Christi fecit» (*Agnelli, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113*).

Обѣ стѣны средней части храма, возвышающіяся надъ колоннами, покрыты мозаичными образами, устроенными во время передѣлки при епископѣ Агнеллѣ. Они расположены тремя рядами. Образа нижняго ряда интересны между прочимъ тѣмъ, что на нихъ представлены города Равенна и Классисъ. Поверхъ неширокой фризы, лежащей на аркахъ, соединяющихъ колоны, идетъ на каждой сторонѣ рядъ святыхъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ: съ правой стороны—мужей, съ лѣвой—дѣвъ. Всѣ направляются отъ запада къ востоку. Святые мужи (25 фигуръ) идутъ изъ Равенны, святые жены изъ Классиса. Имена обоихъ городовъ обозначены надписями. На переднемъ плацѣ Равенны изображенъ обширный дворецъ съ надписью „palatium“; между колоннами, украшающими его портики, висятъ подобранныя богатые завѣсы. Въ дали, за дворцомъ виднѣются храмы, и между ними можно отличить круглую крышу св. Виталія, которая и теперь еще точно такая же, какъ на этой картинѣ. Классисъ, какъ гавань, изображенъ на берегу моря, на которомъ видны корабли. Святые мужи держатъ въ рукахъ вѣнки и направляются къ престолу, на которомъ возсѣдаетъ Спаситель, окруженный четырьмя ангелами. Правая рука Христа поднята для благословенія; въ лѣвой онъ держитъ какой-то предметъ, въ родѣ невысокаго подсвѣчника. Святые дѣвы направляются къ Богородицѣ съ Младенцемъ, также сидящей на престолѣ; онѣ несутъ въ рукахъ вѣнцы, украшенные драгоцѣнными камнями, впереди ихъ идутъ вохвы, припавшіе на поклоненіе. Въ этихъ образахъ замѣтно разнообразіе исполненія, которое показываетъ, что они подвергались поправкамъ въ разное время. Фигуры Спасителя и Богоматери и по византійскому одѣянію, и по большому совершенству рисунка, еще не совсѣмъ удалившагося отъ древнихъ образцовъ, относятся къ болѣе раннему времени; фигуры святыхъ по рисунку ниже ихъ; на вохвахъ же даже обтянутая одежда среднихъ вѣковъ. Фигуры отдѣлены одна отъ другой пальмовыми деревьями. Выше, надъ этими изображеніями, идетъ рядъ оконъ, окруженныхъ чрезвычайно красивыми орнаментами; въ простѣнкахъ между окнами поставлены отдѣльныя фигуры святыхъ. Еще выше, въ небольшихъ четырехугольникахъ съ каждой стороны по тринадцать образовъ представляющихъ новозавѣтныя происшествія: съ одной стороны — притчи и чудеса, съ другой—страсти Христовы.

Кромѣ всѣхъ этихъ мозаикъ, обращаетъ на себя вниманіе мозаичный грудной портретъ императора Юстиніана, въ царствовавіе котораго храмъ былъ возобновленъ. Прежде этотъ портретъ находился часть сѣно, отд. 2.

на западной стѣнѣ, гдѣ ему соотвѣтствовалъ портретъ епископа Ангелла, не сохранившійся; теперь же онъ перенесенъ въ одну изъ капеллъ. Императоръ изображенъ въ темной одеждѣ, украшенной золотомъ, въ мантии, застегнутой на правомъ плечѣ, и въ коронѣ. По византийскому обычаю, сіяніе (nimbus) окружаетъ голову. Наверху большими буквами стоитъ надпись *Justinian*. Въ этой же капеллѣ замѣчательна сѣнь надъ престоломъ, поддерживаемая двумя древними порфировыми колоннами; также древняя мраморная рѣшетка, отдѣляющая ее отъ церкви.

Передъ храмомъ находится широкій дворъ, или лучше сказать, площадка, потому что она ничѣмъ не отдѣлена отъ улицы. Посреди площадки стоитъ небольшая, очень старая колонна, съ мѣднымъ поломаннымъ крестомъ на верху. Рядомъ возвышается круглая колокольня, которую относятъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ самый храмъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ St. Apollinara снова стоятъ такъ называемыя *развалины дворца Теодорика*. Это собственно только одна высокая кирпичная стѣна съ немногими остатками украшеній. Она раздѣлена на два этажа, но это дѣленіе не обозначено ни карнизомъ, ни какою вышшею отдѣлкой: стѣны ровныя и гладкія. Середина нѣсколько выдается впередъ, какъ бы оставляя за собою двѣ боковыя части, но на углахъ стѣна снова выдается пилострообразными выступами вровень съ нею и ограничиваетъ углубленные боковыя части. Въ верхнемъ ярусѣ этихъ боковыхъ частей стоятъ три небольшія колонны на общемъ основаніи, лежащемъ на вдѣланныхъ въ стѣну консоляхъ. Онѣ поддерживаютъ съ каждой стороны четыре арки, которыми почти подъ самою крышею зданія служатъ соединеніемъ между серединой и крайними выступами. Въ средней части сдѣлано сводчатое углубленіе въ родѣ вдавагося балкона съ двумя закругленными окнами внутри. Передъ нимъ, вѣроятно, была прежде рѣшетка, или можетъ быть, самый балконъ еще выдавался наружу: это заставляютъ предполагать двѣ большія дыры въ стѣнѣ, какъ будто для укрѣпленія консолей. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ балкономъ, находится широкая входная арка, теперь заложенная досками. По сторонамъ ея, на вдавшихся стѣнахъ фасада, были тоже подобныя арки, что видно по первоначальной кладкѣ кирпичей; но онѣ заложены вровень со стѣпой и заштукатурены; только въ верхней ихъ части оставлены круглыя отверстія вмѣсто оконъ. Въ правой аркѣ вдѣланъ порфировый сосудъ, формой своею напоминающій саркофагъ.

Прежде его принимали за гробъ, въ которомъ былъ похороненъ Теодорикъ, и который будто бы былъ перенесенъ изъ его гробницы, когда она была обращена въ православную церковь; но впоследствии доказано, что это даже и не гробъ, а скорѣе выѣстилице для воды, можетъ быть, принадлежавшее къ банямъ.

Съ одной стороны за крайнимъ выступомъ начинается другая стѣна такой же вышины, образующая съ описаннымъ фасадомъ прямой уголъ, но отъ нея сохранились только небольшой кусокъ и то только въ верхнемъ ярусѣ; внизу же построена новая, выдающаяся противъ нея и образующая тоже уголъ, такъ какъ здѣсь въ большую улицу Corso Garibaldi, на которой стоятъ развалины дворца, входитъ другая улица. Въ верхнемъ ярусѣ этого небольшого остатка сохранилось красивое двусводное окно, единственное по всей развалинѣ, кромѣ двухъ окошекъ во вдавшемся балконѣ. Сзади къ стѣнѣ примыкаетъ какая-то постройка, принадлежащая, кажется, монастырю, устроенному при St. Apollinare nuovo; и она воспользовалась окнами дворца, выходящими на улицу: въ одно изъ нихъ вѣлана грубая рама со стеклами, совсѣмъ не гармонирующая съ величавою развалиною, другое завѣшано какою-то худенькою занавѣсью.

Въ этой одинокой стѣнѣ нѣтъ никакого сходства съ изображеніемъ дворца на мозаичномъ видѣ Равенны въ храмѣ St. Apollinare nuovo, гдѣ представленъ портикъ изъ четырехъ коринѣскихъ колоннъ съ фронтономъ на верху и съ рядами колоннъ, примыкающихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, въ церкви, лежащей рядомъ съ нимъ, всего естественнѣе было быть изображенію именно этого дворца, а не какого-нибудь другаго. Притомъ же онъ былъ самымъ великолѣпнымъ изъ дворцовъ Равенны и даже гораздо позже возбуждалъ удивленіе видѣвшихъ его. Выше было упомянуто, что и Карлъ Великій прельстился его украшеніями и приказалъ ихъ снять и перевезти въ Ахенъ для убранства его палаго дворца. Кромѣ того, на фронтонѣ дворца, изображеннаго въ S. Apollinare nuovo, стоитъ надпись „Palatium“; а извѣстно, что въ позднѣйшихъ источникахъ дворецъ Теодорика часто называется просто palatium. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, а также на коротенькомъ описаніи дворца Теодорика въ лѣтописи Агнелла и на томъ понятіи о жилищѣ римско-византійскихъ императоровъ, какое можно себѣ составить по другимъ описаніямъ и другимъ памятникамъ, Квастъ полагаетъ, что стѣна, извѣстная подъ названіемъ развалинъ дворца Теодорика, есть остатокъ того же зданія, которое изобра-

жено на мозаичной картинѣ въ S. Apollinare nuovo, но только другой части его. Собственно царское жилище, говоритъ Квастъ,—должно было находиться въ центрѣ многихъ другихъ построекъ, заключавшихъ въ себѣ помѣщенія для стражи, для разныхъ придворныхъ чиновниковъ и т. п. По его мнѣнію, изображеніе въ S. Apollinare nuovo есть именно видъ фасада этого центрального зданія, можетъ быть, той важнѣйшей части его, гдѣ императоръ производилъ приемы и держалъ судъ. Тогда уместны и богатыя занавѣси, повѣшанныя между колоннами на изображеніи, и которыми совершенно нестати было бы быть на вѣшнемъ фасадѣ. Сохранившійся же остатокъ стѣны принадлежалъ одному изъ зданій, окружавшихъ самый дворецъ, составлялъ, можетъ быть, часть вѣшняго фасада, и вѣроятно, даже три большія арки его нижняго этажа служили главнымъ входомъ, черезъ который можно было проникать въ этотъ своего рода городокъ ¹⁾).

Рядъ памятниковъ аріанскаго зодчества въ Равеннѣ заканчивается величественнымъ *мавзолеемъ*, воздвигнутымъ *надъ могилою Θεодорика*. По преданію, его поставила дочь Θεодорика, Амаласунта; по существующимъ же источникамъ видно, что онъ былъ начатъ еще самимъ Θεодорикомъ, который даже посылалъ одного равеннского художника, Алоизія, въ Римъ, съ цѣлью изучить лучшіе надгробные памятники ²⁾. Онъ и дѣйствительно напоминаетъ своимъ общимъ видомъ многія римскія гробницы.

Мавзолей стоитъ внѣ города, на сѣверо-восточной его сторонѣ. Не вдалекѣ отъ воротъ, носящихъ названіе Porta Serrata, посреди зелени кустовъ и деревьевъ, виднѣется маленькій домикъ. Здѣсь живетъ custode, сторожъ памятника, у котораго хранятся ключъ отъ входа въ него. Узенькая дорожка ведетъ отъ домика промежду кустовъ. Черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ она спускается и подходить къ каменной стѣнѣ около сажени вышиною. Невзрачный тѣсный проходъ продѣланъ въ стѣнѣ противъ дорожки; стѣна такъ толста, что проходъ этотъ похожъ больше на корридоръ, чѣмъ на

¹⁾ v. Quast, Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna, S. 21 u. 22; Agnelli, Lib. Pontific., vita Petri Senioris, cap. II, p. 123. Рисунокъ дворца, изображенного на мозаичной картинѣ въ храмѣ S. Apollinare nuovo, есть у Раа въ Ein Besuch in Ravenna.

²⁾ Agnelli, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. III, p. 67; Spicilegium historiae Ravennatis Muratori, t. I, p. 577.

калитку. За стѣной открывается широкое ровное пространство, поросшее зеленью; посреди него стоитъ La Rotonda: такъ называетъ народъ памятникъ Θεодорика. Входъ, теперь единственный, прежде продѣланъ былъ, вѣроятно, только для лицъ, смотрѣвшихъ за порядкомъ около мавзолея; это, такъ сказать, черный ходъ, незамѣтный и ведущій къ задней его стѣнѣ. Съ противоположной стороны въ каменной оградѣ продѣланы желѣзные ворота, и къ нимъ ведетъ широкая аллея изъ пирамидальныхъ тополей. Аллея эта совсѣмъ заросла травой: по ней никто не ходитъ, но отъ нечто именно и открывается лучшій видъ на Ротонду. Тамъ ея простой и строгій образъ, хотя и искаженный нѣсколько разрушительнымъ вліяніемъ времени, не скрывается близостью разстоянія и видѣнь по всей своей цѣльности.

Ротонда—круглое, или вѣрнѣе, десятигранное двухэтажное зданіе, построенное изъ крупныхъ плитъ желтовато-сѣраго известняка, похожаго на мраморъ. Теперешній видъ ея далеко не тотъ, какой она имѣла первоначально. Вслѣдствіе наносовъ ближайшихъ потоковъ почва сильно поднялась вокругъ нея и скрыла большую часть нижняго этажа. Общій видъ зданія поэтому измѣнился, изъ стройнаго и высокаго оно сдѣлалось тяжелымъ и придавленнымъ. Наружнія украшенія, которыхъ, вѣроятно, было не мало, исчезли, частью уничтоженными временемъ, а частью, можетъ быть, расхищенными непочтительными руками. Послѣ изгнанія Аріана, гробница императора аріанина должна была потерять свою важность и чуть не была повергнута въ забвеніе. Тѣло Θεодорика было вынуто изъ гроба, самый гробъ сначала былъ поставленъ у входа къ памятнику, а потомъ и совсѣмъ исчезъ; мавзолей же былъ обращенъ въ православный храмъ. Рибуффи въ своемъ путеводителѣ по Равеннѣ ¹⁾ разказываетъ, что къ нему была придѣлана церковь, впоследствии разрушившаяся, и что онъ служилъ для нея алтарною частью (сого). Но едва ли можно считать это предположеніе вѣрнымъ: мавзолей, довольно темный внутри, съ одною только входною дверью, не могъ удобно составлять столь важную часть храма, которая обыкновенно бываетъ открыта и нераздѣльна отъ всего остальнаго. Вѣрнѣе, что онъ былъ обращенъ въ отдѣльную церковь ²⁾. Къ тому же и по разказу Агнелла не видно, чтобы къ нему было что-нибудь пристроено. Посвя-

¹⁾ *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 124. Ravenna 1869.

²⁾ *R. Kuhn*, Ein Besuch in Ravenna, p. 296.

щенный Пресвятой Дѣвъ, онъ получилъ наименованіе *Santa Maria Rotonda* или *della Rotonda*, которое отъ употребленія сократилось въ нынѣшнее простонародное названіе *la Rotonda*. Теперь церковь уже давно упразднена.

Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія вокругъ Ротонды стали производить раскопки и открыли нѣкоторые остатки украшеній, которые дали возможность догадываться о ея прежнемъ видѣ. Этихъ остатковъ, впрочемъ, очень мало. Найдено нѣсколько капителей и базъ, нѣсколько обломковъ колоннъ и чрезвычайно красивый консоль съ роскошнымъ рисункомъ. Все это хранится теперь внутри Ротонды. Самый памятникъ поддерживается отъ дальнѣйшаго упадка, и хотя въ расщелинахъ камней во многихъ мѣстахъ уже выросла трава, однако необыкновенная крѣпость и прочность его постройки навѣрно переживетъ еще многіе вѣка на удивленіе потомству.

Нижній этажъ, около шести сажень въ діаметрѣ, построенъ въ стилѣ простомъ и суровомъ. Все его украшеніе состоитъ изъ довольно глубокихъ нишъ въ видѣ арокъ, по одной на каждой изъ десяти сторонъ. Камни сложены чрезвычайно плотно и правильно; плиты, обрисовывающія арки, даже запущены одна въ другую прямоугольными зубцами, и такимъ образомъ, взаимно поддерживаются ¹⁾. Входная дверь въ этотъ нижній этажъ, вслѣдствіе поднятія почвы, почти вся скрывается подъ землею, и чтобы войти въ нее, нужно спуститься въ глубокую яму. Внутренность образуетъ крестообразный склепъ, теперь почти постоянно залитый водою. Онъ освѣщается маленькими отверстіями, продѣланными на оконечностяхъ креста.

Второй этажъ построенъ въ стилѣ менѣе простомъ, на столько отличающемся отъ стила перваго, что есть основаніе относить постройку его къ болѣе позднему времени. Діаметръ еще меньше діаметра нижняго, такъ что вокругъ образуется обходъ около аршина ширины. Форма его также десятигранная; только на сторонѣ противоположной входу сдѣлана маленькая четырехугольная пристройка, какъ бы нѣчто въ родѣ абсида. Ко входу ведутъ двѣ паружныя лѣстницы, сначала расходящіяся въ двѣ стороны отъ нижней двери, а потомъ снова соединяющіяся у дверей втораго этажа. Онѣ были по-

¹⁾ Примѣры подобной кладки арокъ довольно рѣдки. Знаетъ въ примѣчаніи къ тексту *Seroux d'Agincourt* отличаетъ только одинъ на древней аркѣ *Pusterla Ludovica* въ Миланѣ (*Seroux d'Agincourt, Denkmäler der Architectur, Sculptur und Malerei, текстъ къ т. XVIII*).

строены въ концѣ прошлаго вѣка, но по всей вѣроятности, на тѣхъ же мѣстахъ и точно также, какъ прежнія ¹⁾). На верху десятигранная форма переходитъ въ круглую и оканчивается плоскимъ куполомъ, составляющимъ одно изъ чудесъ древняго зодчества. Этотъ куполъ, 10 метровъ 37 сантиметровъ въ діаметрѣ и около 27.000 пудовъ по вѣсу, вырубленъ изъ одного цѣльнаго куска камня. О толщинѣ его можно судить по тому, что наружный его діаметръ равенъ 10,94 метра, а внутренний 9,15 ²⁾). Въ верхней своей части онъ толще: отверстіе, продѣланное въ самомъ центрѣ, глубиною только 97 сантиметровъ. По окрایی купола находятся двѣнадцать выступовъ, вырубленныхъ изъ той же массы камня, формою нѣсколько напоминающихъ слуховыя окна или окна въ куполѣ св. Софіи Константинопольской. Отверстія, продѣланныя въ нихъ насквозь съ боку, показываютъ, что они служили для подъема купола, подобно такъ называемымъ ушамъ на нашихъ колоколахъ.

Наружная отдѣлка втораго этажа теперь состоитъ въ слѣдующемъ: на каждой изъ десяти сторонъ можно замѣтить два слегка выдающіяся прямоугольныя углубленія или ниши въ видѣ двери, окруженныя изваяннымъ карнизомъ. Между ними и по сторонамъ ихъ на углахъ десятиграннаго зданія стоятъ, также очень мало выдающіяся, пилястры, поддерживающіе аркообразныя украшенія надъ каждою нишею. Теперь этимъ и ограничивается отдѣлка втораго этажа; но не такъ было первоначально.

Въ числѣ обломковъ, открытыхъ при раскопкахъ, найдено нѣсколько кусковъ маленькихъ колоннъ, нѣсколько особеннаго рода капителей, соединенныхъ по двѣ вѣсти въ верхней части, нѣсколько базъ, одинъ копсоль и еще, какъ говорятъ, остатки мраморной рѣшетки. Всѣ эти обломки дали возможность возстановить въ воображеніи первоначальную отдѣлку памятника. Неширокая терраса, образующаяся вокругъ втораго этажа, была галлереей: она ограничивалась съ внѣшней стороны рядомъ маленькихъ колоннъ, около метра высоты, стоявшихъ попарно, съ тѣми соединенными капителями, которые были найдены. Основанія должны были быть очень высоки, въ родѣ подставокъ; вѣсти съ колоннами онѣ должны были рав-

¹⁾ *R. Rühl*, Ein Besuch in Ravenna, p. 293.

²⁾ *v. Quast*, *Seroux d'Agincourt* Denkmäler der Architectur etc., текстъ къ табл. XVIII.

³⁾ *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 125, 127.

няться одной сажени. Разстоянія между этими подставками были заполнены мраморною рѣшеткой. Въ нишахъ на стѣнахъ были вѣдѣланы консоли (углубленія въ нишахъ показывають мѣста консолей), и на нихъ, вѣроятно, была укрѣплена кровля галлерей, опиравшейся другою своею стороною на колоннаду. Кровля, очень можетъ быть, состояла изъ какого-нибудь дорогаго матеріала, напримеръ, изъ мѣди, и въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, очень рано была похищена изъ Ротонды.

Внутри второй этажъ десятигранный, также какъ и снаружи. Онъ освѣщенъ рядомъ окошекъ, помѣщенныхъ подъ самымъ куполомъ. Небольшой престолъ стоитъ въ нишѣ противъ входа. Кругомъ лежать добытыя раскопками вещи. Полъ былъ когда-то настланъ мраморомъ, отъ котораго теперь только кое-гдѣ видны остатки.

По словамъ Рибуффи, раскопки, произведенныя около мавзолея, открыли, что все зданіе было поставлено на кирпичномъ фундаментѣ, возвышавшемся на нѣсколько ступеней. Еще прежде, чѣмъ это было узнано, нашли пилластръ высотой въ 2,27 метра, съ двухъ сторонъ покрытый прекрасными барельефами; на другихъ двухъ сторонахъ его было изваяно по небольшому кресту, и въ серединѣ креста сдѣлано квадратное углубленіе, какъ будто для того, чтобы вставить брусокъ. Изъ этого заключили, что вокругъ всего памятника была рѣшетка, или лучше сказать, стояли по десяти угламъ пилластры, соединенные желѣзными переками. Такъ какъ на вершинѣ этого пилластра видѣнъ былъ остатокъ пьедестала, то сдѣланъ былъ выводъ, что на пилластрахъ стояли статуи, по всей вѣроятности, апостоловъ. Но такъ какъ угловъ было только десять, то можетъ быть, еще два пилластра со статуями апостоловъ стояли впереди у входа. Къ несчастію, по непонятной небрежности, найденный пилластръ былъ попорченъ и потому исчезъ, такъ что догадки остались не подтвержденными ¹⁾.

Лишившись такъ многого изъ своей вѣншей отдѣлки, Ротонда, конечно потеряла, часть своей красоты; но и теперь еще она смотритъ величественнымъ, именно царскимъ памятникомъ. Уединенность, тишина и растущіе кругомъ высокіе темные тополи придаютъ ей кромѣ того какую-то таинственность; и когда издали съ аллеи не видишь растреснувшихся камней и травы, выросшей въ щеляхъ, то забываешь, какъ много вѣковъ и перемѣнъ пронеслось надъ древнею гробницею.

¹⁾ *Ribuffi, Guida di Ravenna*, p. 127, 128.

Изъ числа памятниковъ, относящихся къ послѣднему времени богатства Равенны, къ царствованію Юстиніана, замѣчательны: базилика S. Apollinare in Classe, храмъ св. Виталія и еще остатки церкви св. Михаила, San Michele in Africisco. Всѣ три были построены Юліаномъ Аргентаріемъ ¹⁾. Церковь св. Михаила упразднена и служить теперь складомъ плодовъ. Она состоитъ изъ абсида полукруглаго и внутри, и извнѣ (единственный примѣръ въ Равеннѣ, гдѣ всѣ абсиды представляютъ многоугольники) и изъ остатка прилежащихъ къ нему стѣнъ, къ которымъ придѣланы новыя. Въ двухъ мѣстахъ въ стѣнахъ видны двѣ капители: одна изъ нихъ византійскаго вкуса, въ видѣ четырехугольной корзинки, покрыта очень красивыми и тонкими рисунками. Внутри абсидъ и стѣна надъ нимъ была покрыта мозаикой; но не такъ давно городское управленіе продало эту мозаику въ Берлинскій музей. Передъ отправкой, съ нея были сняты рисунки и фотографическіе снимки. Только по этимъ снимкамъ могли описать ее Ранъ и Гото ²⁾. Судя по ихъ описаніямъ, она состояла изъ двухъ образовъ: одинъ былъ въ сводѣ абсиды, другой—на стѣнѣ надъ входомъ въ абсидъ. Въ сводѣ на золотистомъ фонѣ былъ изображенъ Спаситель въ юношескомъ возрастѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ золотой крестъ съ драгоценными камнями, въ лѣвой открытое Евангеліе, гдѣ читались слова: „Qui vidit me vidit et Patrem. Ego et Pater unum sumus“. По сторонамъ стояли архангелы Михаилъ и Гавріилъ. Еще дальше, на боковыхъ стѣнахъ—св. Козма и Демьянъ;

¹⁾ Кто былъ этотъ Юліанъ — неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Аргентаріи (argentarii, трапезиты) назывались въ Римской имперіи люди, занимавшіеся проитомъ денегъ, дававшіе и бравшіе деньги на проценты, служившіе посредниками въ дѣлахъ купли и продажи, нѣчто въ родѣ нашихъ банкировъ и нотариусовъ. Занятіе это не было государственною службою, но число аргентаріевъ было опредѣленное, они составляли корпорацію и имѣли нѣкоторыя привилегіи. Многіе приобрѣтали значительныя богатства. Извѣстно, что Юстиніанъ очень покровительствовалъ этому сословію и умножилъ его привилегіи (Pauly. Real. Encyclopedie der classisch. Alterthumswissenschaft, Bd. II). Если принять слово аргентарій въ этомъ значеніи, то можно предположить, что Юліанъ былъ богатый банкиръ, отдававшій часть своего имѣнія на украшеніе родного города и на построеніе церквей. Но Муратори считаетъ названіе аргентарій равносильнымъ сакелларію, и по его мнѣнію, Юліанъ былъ просто казначей Равеннской церкви, принимавшій участіе въ постройкѣ храмовъ только какъ должностное лицо. (Muratori, Rerum Italic. Scriptores, t. II, p. 97, 98).

²⁾ Hotho, Geschichte der christlichen Malerei. Stuttgart, 1867. Erste Lief., p. 36; Rahn, Ein Besuch in Ravenna, p. 298.

отъ этого послѣдняго образа на стѣнѣ еще существуютъ остатки. Выше, надъ входомъ въ абсидъ, былъ представленъ Спаситель на престолѣ съ благословляющею правою рукою и съ Евангеліемъ въ лѣвой. По сторонамъ его девять ангеловъ, пять съ одной и четыре съ другой; два ближайшіе съ золотыми посохами въ рукахъ, остальные трубили въ трубы. Всѣ ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и стояли на облакахъ, которыя частью прикрывали ихъ ноги.

Гораздо важнѣе, чѣмъ в. Michele in Africisco, двѣ другія постройки Юліана Аргентарія, St. Apollinare in Classe и San Vitale, и та и другая—прекрасно сохранившіеся образцы двухъ совершенно разныхъ формъ христіанскаго храма.

San Vitale есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ христіанской древности. „Другой такой церкви нѣтъ во всей Италіи“, говоритъ Агнеллѣ.—„Ни одна не сравнится съ нею ни по постройкѣ, ни по архитектурной отдѣлкѣ“¹⁾. Она принадлежитъ къ сравнительно небольшому числу круглыхъ или многоугольныхъ храмовъ, которыхъ древнѣйшій и простѣйшій образецъ представляетъ знаменитый римскій Пантеонъ. Она считается важнымъ памятникомъ для исторіи зодчества, важнымъ именно по высокой степени развитія купольной системы и по усовершенствованіямъ ея съ технической стороны. Наружный видъ *San Vitale* до того искаженъ разными пристройками, что безъ помощи воображенія и не представишь себѣ, каковъ онъ былъ. Нѣсколько совершенно постороннихъ зданій примыкаютъ къ нему и скрываютъ его отъ взоровъ. Какъ куполъ св. Софіи Константинопольской, такъ и верхъ св. Виталія поднимается посреди цѣлой кучи разныхъ крышъ. Форма храма—восьмиугольная. Онъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: одна—срединная, образующая внутри куполъ и покрытая плоскою восьмискатною крышею; другая поясообразно окружаетъ ее и покрыта отдѣльною кровлею. Въ ней два сѣкта; средняя же еще на одинъ рядъ оконъ возвышается надъ нею. Съ восточной стороны выдается абсидъ, представляющій половину шестиугольника, и по бокамъ двѣ круглыя капеллы съ четырехугольными абсидами. Въ маленькихъ пристройкахъ между абсидомъ и капеллами находятся лѣстницы на хоры. Абсидъ высотой равняется только первому этажу храма. Со стороны противоположной къ нему была пристроена, какъ показываютъ остатки стѣнъ, длинная паперть. По

¹⁾ «In aedificiis et in mechanicis operibus» (*Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Ecclesii, cap. I, p. 95).

странной случайности или прихоти архитектора, она была не параллельна сторонѣ противоположной алтарю, а приставлена къ одному изъ угловъ и длиною своею равнялась двумъ сторонамъ восьмигранника. Главный входъ въ церковь такимъ образомъ не могъ быть поставленъ правильно. Гдѣ онъ былъ — даже и неизвѣстно навѣрное, такъ какъ въ послѣдствіи были продѣланы новыя двери, а старыя заложены. Если главный входъ былъ поставленъ правильно въ храмѣ, то онъ приходился ближе къ одному концу паперти; если, какъ думаетъ Гюбшъ, былъ еще другой входъ, восстановившій симметричность на паперти, то онъ былъ неправиленъ въ отношеніи къ церкви. Теперь этихъ ходовъ нѣтъ, и къ этой самой сторонѣ церкви примыкаетъ какое-то большое зданіе, кажется казарма, почти слившаяся со стѣною паперти. Въ промежуткахъ, образовавшихся между храмомъ и папертью, стояли двѣ круглыя башни. Изъ нихъ одна уцѣлѣла до сихъ поръ, до половины своей прежней высоты; другая не существуетъ, и на мѣстѣ ея позже выстроена колокольня. Самыя края паперти, на сколько можно судить, были тоже округлыя.

Пробравшись мимо построекъ, нагроможденныхъ вокругъ San Vitale, входящій въ него небольшою дверью, точно заднимъ ходомъ, съ сѣверо-восточной стороны, близко отъ алтаря. Послѣ длинныхъ прямоугольныхъ базиликъ и вѣншній видъ San Vitale представляется чѣмъ-то необыкновеннымъ, смѣлымъ. Но даже и эта вѣншность, въ которой все-таки господствуетъ прямая линія, не приготовляетъ къ тому, что мы видимъ внутри. Здѣсь такое разнообразіе и богатство арокъ, углубленій, всевозможныхъ сводовъ, что невольно останавливаешься въ изумленіи.

Осьмиугольная середина церкви ярко освѣщена сверху восемью большими окнами, по одному на каждой сторонѣ. Въ верху она переходитъ въ кругъ помощью маленькихъ арокъ, вдѣланныхъ въ стѣны, и увѣнчана легкимъ и красивымъ куполомъ. Каждая изъ восьми сторонъ церкви состоитъ изъ высокой арки, которая соединяетъ середину храма съ окружающимъ его притворомъ, такъ что верхъ и куполъ покоятся на восьми большихъ устояхъ. Окружающій притворъ раздѣленъ на два яруса. Въ обоихъ ярусахъ большая арка вдается въ притворъ полукруглымъ углубленіемъ, ограниченнымъ двумя колоннами, образующими въ свою очередь три меньшія арки. Потолокъ притвора состоитъ изъ разнообразно скрещивающихся сводовъ, которые опираются на колонны и пиластры, поставленные у крайней стѣны. Все это вмѣстѣ составляетъ такое сочетаніе арокъ и

сводовъ, какого нигдѣ больше нельзя встрѣтить. Съ алтарной стороны въ аркѣ нѣтъ углубленій и подраздѣленій на меньшія арки; она свободна въ оба яруса и широко открываетъ доступъ къ алтарю. Алтарь занимаетъ одну изъ восьми частей окружающаго притвора, но не раздѣленный на ярусы, обильно освѣщенный огромнымъ окномъ надъ абсидомъ, онъ получаетъ особый торжественный характеръ.

Храмъ св. Виталія подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ украшеніяхъ. Срединна его и окружающій притворъ сохранили кое-гдѣ мраморную обкладку стѣнъ, но вообще испещрены новою отдѣлкой. Даже великолѣпный мраморный полъ принадлежитъ позднѣйшему времени. Поднятіе почвы заставило поднять и полъ въ храмѣ, и теперь сквозь люкъ, оставленный около одной колонны, можно видѣть, что старый полъ лежитъ около 1½ аршина ниже нынѣшняго. За то вся алтарная часть вполне сохранила свое великолѣпное мозаичное украшеніе и не только возбуждаетъ восхищеніе въ археологъ, но и простаго зрителя удивляетъ роскошью и яркостью красокъ.

Въ числѣ мозаичныхъ изображеній, украшающихъ абсидъ, особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ два, находящіяся одно противъ другаго на боковыхъ стѣнахъ абсиды. По содержанію своему они относятся къ исторіи храма и представляютъ, одно: императора Юстиніана, другое—императрицу Теодору, входящихъ въ храмъ. На лѣвомъ изображеніи видѣнъ императоръ въ торжественномъ одѣяніи, съ вѣнцомъ (nimbus) вокругъ головы. Онъ держитъ въ рукахъ какой-то большой, круглый, низкій сосудъ. Передъ нимъ идетъ, неся крестъ, епископъ Максиміанъ (освящавшій храмъ); впереди нихъ два духовныя лица, одно съ кадильницей, другое съ книгой въ рукахъ. Между императоромъ и епископомъ видна голова одного изъ свиты, стоящаго сзади. За императоромъ слѣдуютъ двое придворныхъ, а за ними воины. Положеніе фигуръ довольно однообразно, какъ и можно ожидать отъ изображенія церемоніальнаго шествія; за то чрезвычайно разнообразны и характерны лица; особенно выдѣляется лицо епископа Максиміана, по всей вѣроятности, портретъ. Это худое морщинистое лицо съ высокимъ лысымъ лбомъ, отъ котораго оно кажется длиннымъ, и рѣдкими волосами на вискахъ, съ выраженіемъ спокойнымъ и равнодушнымъ. Въ фигурѣ его больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ видно движеніе. Императоръ изображенъ въ зрѣломъ возрастѣ, съ кругловатымъ, строгимъ и важнымъ лицомъ, безъ бороды, съ небольшими усами. Ближайшій изъ придворныхъ, тотъ,

который видѣнъ между епископомъ и императоромъ, человекъ пожилой; второй, довольно молодой, съ небольшою бородкой и усами; третій совсѣмъ юноша. У духовныхъ худыя, озабоченныя лица. У всѣхъ волосы падаютъ низко на лобъ; у духовныхъ замѣтна тонзура. Фигуры своимъ ростомъ занимаютъ почти всю высоту картины, такъ что фона видно очень мало. На противоположной картинѣ фигуры меньше и на фонѣ за ними можно видѣть что-то въ родѣ пиши и украшенія на стѣнѣ. Въ лѣвомъ углу картины дверь, занавѣсъ которой приподнимается и держитъ придворный. Передъ дверью на низенькой коринтской колонкѣ стоитъ ваза съ фонтанчикомъ, такъ называемый *santharus*. Очевидно, мѣсто представляетъ паперть храма, въ который идетъ Θεодора, неся въ рукахъ золотую вазу, украшенную драгоценными камнями. Передъ нею идетъ придворный, за нимъ нѣсколько дамъ. Императрица изображена въ богатомъ одѣяніи, въ пурпурной мантии, шитой золотомъ и жемчугомъ. На широкой каймѣ ея мантии вышита картица, изображающая поклоненіе волхвовъ. Роскошныя и разнообразныя женскія одежды даютъ всей картинѣ ярко-пестрый колоритъ, котораго нѣтъ въ первой; но можетъ быть, эти самыя тяжелыя одежды, скрывая положеніе тѣла, дѣлаютъ фигуры болѣе неподвижными и однообразными. Онѣ всѣ обращены передомъ къ зрителю, и только руки Θεодоры, держащія проносимый ею даръ и протянутыя по направленію къ двери, показываютъ ея движеніе. Черты лица сдѣланы тонко, цвѣта употреблены нѣжные, но вообще въ нихъ нѣтъ той характерности, какая замѣтна на первой картинѣ. Въ первой, кажется, болѣе обращено вниманія на изображаемыя лица, а во второй на обстановку и отдѣлку.

Образъ на полукуполѣ абсида имѣетъ также отношеніе къ основанію храма. На немъ изображенъ Господь, воссѣдающій на земномъ шарѣ, по сторонамъ его два ангела и два святые мужа: съ одной стороны св. Виталій, съ другой св. Екклесій, основатель храма. Ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ длиннымъ тонкимъ жезломъ въ одной рукѣ, какъ будто подводятъ святыхъ къ Господу: каждый положилъ руку на плечо подводимаго имъ святаго; лицо одного изъ нихъ слегка обращено къ св. Виталію, а фигура показываетъ движеніе къ Спасителю. Другой глазами обращенъ къ Спасителю, но за то и другая рука указываетъ на Екклесію. Господь изображенъ въ юношескомъ возрастѣ, съ выраженіемъ спокойнаго величія на лицѣ. Онъ въ темной фіолетовой одеждѣ. Лѣвою рукой онъ держитъ книгу, которую опираетъ на лѣвое колено, правою подаетъ св. Виталію вѣнецъ. Отъ

этого движенія правая сторона всей фигуры и лицо получаютъ едва замѣтное обращеніе въ правую сторону. Св: Виталій, въ богатой византійской одеждѣ, принимаетъ вѣнецъ обѣими руками на свой цѣпной плащъ. Епископъ Евклезій, въ темной мантии сверхъ длинной одежды съ широкою вышитою каймой внизу, подноситъ Господу изображеніе построенной имъ церкви. По его добродушному лицу замѣтно, что это долженъ быть портретъ. Фонъ изображаетъ вверху небо, усыпанное облачками, внизу поле, по которому разбросаны цвѣты.

Собственно алтарная часть храма, то-есть, самый алтарь въ нашемъ смыслѣ, какъ уже сказано выше, составляетъ часть окружающаго двухэтажнаго притвора и равняется высотой обомъ этажамъ. И нижняя часть притвора, и хоры выходятъ на него тремя арками, поддерживаемыми двумя колоннами. Хоры оканчиваются балюстрадой въ видѣ балкона, и тамъ находится помѣщеніе для пѣвчихъ; нижній притворъ отдѣленъ желѣзною рѣшеткой. Надъ тремя арками нижняго яруса обозначена на стѣнѣ одна общая большая арка, обнимающая ихъ. Мозаика, покрывающая стѣны и крестообразный сводъ алтаря, по исполненію своему уступаетъ мозаикѣ абсида: рисунокъ менѣе тонокъ, оттѣнки красокъ грубѣе, фигуры менѣе осмыслены. По содержанію они большею частью относятся къ ветхому завету и расположены симметрично на обѣихъ сторонахъ. Главные образа находятся надъ нижними колоннами внутри обозначенной на стѣнахъ большой арки. Съ лѣвой стороны здѣсь изображены въ одной картинѣ два случая изъ исторіи Авраама; посѣщеніе его Господомъ съ двумя ангелами и жертвоприношеніе Исаака. Въ параллельной ей правой картинѣ представлено точно также въ одной картинѣ жертвоприношеніе Авеля, который, стоя у жертвенника, держитъ агнца на рукахъ, и жертвоприношеніе Мельхиседека, стоящаго съ другой стороны у того же самого жертвенника. Эта картина больше другихъ приближается къ мозаикамъ абсида по изяществу рисунка и по краскамъ. Остальныя части стѣнъ заняты изображеніями евангелистовъ, пророковъ Моисея, Іереміи и Іиліи (Моисей повторяется три раза), ангеловъ, держащихъ крестъ. Въ углахъ, подъ окнами алтаря надъ абсидомъ изображены Іерусалимъ и Вавилонъ. Сводъ и всѣ остальныя части стѣнъ покрыты разными разводами и изображеніями аллегорическихъ животныхъ. На внутреннемъ вырѣзѣ арки, соединяющей алтарь съ церковью, расположены пятнадцать круглыхъ

образовъ. Въ серединѣ Христосъ, по сторонамъ двѣнадцать апостоловъ и св. Гервасій и Протасій, сыновья св. Виталия.

Очень красивы капители на колоннахъ этого храма. Онѣ четырехъ родовъ. На хорахъ — коринѳскія, наименѣе замѣчательныя по оригинальности, но граціозной формы. Въ нижнемъ этажѣ арки, соединяющія середину храма съ притворомъ, лежатъ на колоннахъ византийскаго стиля. Капители ихъ довольно низки и поднимаются вверхъ прямыми наклонными линіями. Отдѣлка ихъ состоитъ изъ рѣзбы, представляющей плетенье. Подобнаго же рода капители въ алтарѣ, только тамъ ихъ стороны нѣсколько выгнуты, и рѣзба тоньше и замысловатѣе. Въ верхнемъ балконѣ для пѣвчихъ капители еще оригинальнѣе. Онѣ также покрыты тонкою рѣзбой, и кромѣ того, изогнуты такъ, что образуютъ продольныя складки. Надъ всѣми ними, какъ и вездѣ въ Равеннѣ, вторыя капители, такъ называемыя импосты, на которыхъ собственно и лежатъ арки.

St. Apollinare in Classe, построенный въ тридцатыхъ годахъ VI столѣтія при епископѣ Урсиніи¹⁾, и во время блеска Равенны былъ однимъ изъ ея лучшихъ храмовъ¹⁾. Единственный остатокъ древняго пригорода, онъ стоитъ посреди болотистой равнины; вблизи него есть только одно или два небольшія строенія, вѣроятно, жилища сторожей или принадлежащихъ къ церкви. Ни одного дерева нѣтъ вокругъ: все голая равнина; только вдаль виднѣется знаменитый лѣсъ la Pineta. Огромная базилика темно-красноватаго цвѣта стараго кирпича занимаетъ почти тридцать сажень въ длину. Съ восточной стороны храма выступаетъ большой абсидъ, въ формѣ половины десятиугольника и по бокамъ его, пристроенные къ боковымъ притворамъ, два четырехугольные абсиды, въ свою очередь оканчивающіеся маленькими полукруглыми, высотой своею доходящими только до оконъ большаго средняго. Узкая паперть длиною своею много выступаетъ противъ ширины храма, такъ что выступающіе концы, покрытые отдѣльною крышей, образуютъ какъ бы особыя пристройки. На боковыхъ стѣнахъ храма вполне сохранилось древнее украшеніе: выступающіе ряды кирпичей и разнообразная кладка ихъ обрисовываютъ въ обонихъ этажахъ высокія арки, по числу соответствующіи числу внутреннихъ арокъ, соединяющихъ боковыя корабли со среднимъ. Въ каждой изъ этихъ арокъ въ прежнія времена было большое закругленное окно. Такимъ образомъ, освѣщенная

¹⁾ *Agnelli, Vita St. Ursicini*, cap. I.

больше чѣмъ пятьдесятю окнами, церковь должна была быть полна свѣта. И теперь еще она гораздо свѣтлѣе большинства вновь строящихся храмовъ, хотя только нѣкоторые окна остались открыты; остальные же заложены—или для того, чтобы придать большую крѣпость стѣнамъ, или чтобы угодить вкусу новаго времени, любящему въ храмахъ таинственный полумракъ. Въ абсидѣ же всѣ четыре большія окна остались не заложеными.

Самая некрасивая часть храма — это паперть, и какъ кажется, именно потому, что ей пришлось быть очень передѣланною. Теперь фасадъ ея представляетъ длинную глухую стѣну съ одною входною аркой по срединѣ и съ рядомъ маленькихъ окошекъ подъ самою крышей. Изъ-за этой крыши почти только на половину видно большое красивое окно на передней стѣпѣ средняго корабля храма. Въ началѣ же, какъ полагаютъ ¹⁾, она была открыта напереди и вмѣсто глухой стѣны шель рядъ колоннъ, соединенныхъ арками. Высота ея была меньше нынѣшней на весь рядъ упомянутыхъ маленькихъ окошекъ, и тогда большое окно фасада было видно вполне. Тѣ же части паперти, которыя выступаютъ противъ ширины храма, были съ глухими стѣнами, украшенными, также какъ и стѣны храма, аркообразными углублениями. Эти части нартекса должны были быть той же высоты, какъ и теперь.

Входныхъ дверей въ храмъ было девять: три черезъ паперть и по три съ боковыхъ сторонъ. Теперь остается только одна средняя дверь черезъ паперть; всѣ остальные заложены, но еще можно видѣть мѣста, гдѣ онѣ паходились.

Внутренность базилики св. Аполлипаріи—около 28 сажень въ длину и 15 сажень въ ширину. Боковые притворы отдѣлены двѣнадцатью колоннами съ каждой стороны, поставленными на четырехугольных низенькихъ основаніяхъ. Чрезвычайно красивы и оригинальны ихъ бѣлыя капители съ крупными акантовыми листьями. Кромѣ еще одной развалины въ Равеннѣ, подобныя капители встрѣчаются только посреди наружныхъ украшеній собора св. Марка въ Венеціи. Посреди храма стоитъ небольшой какъ-бы престолъ. Подъ нимъ находится гробъ св. Аполлинарія, прежде стоявшій въ паперти и перенесенный оттуда епископомъ Мавромъ Схизматикомъ. Къ алтарю ведетъ лѣстница въ одиннадцать ступеней, шириною во всю среднюю часть храма. Престолъ стоитъ на разстояніи отъ стѣны, и четыре колонны дра-

¹⁾ *Hübner*, Die altchristlichen Kirchen. Karlsruhe, 1862, S. 60.

гоцѣннаго мрамора поддерживаютъ надъ нимъ стѣны. Абсидѣ представляется внутри полукругъ съ четырьмя большими окнами, подъ которыми устроено мраморное сидѣнье. Весь куполъ абсиды, стѣны надъ аркой, ведущею къ нему, и простѣнки между окнами покрыты прекрасно сохранившеюся мозаикой, которая принадлежитъ къ вѣскольکو болѣе позднему времени, чѣмъ мозаика въ San Vitale.

Въ вершинѣ полукупола представлено Преображеніе Господне въ слѣдующемъ аллегорическомъ видѣ: вверху рука Господни выходитъ изъ облаковъ и указываетъ на огромный крестъ, изображенный въ голубомъ кругѣ, устланномъ звѣздами. По сторонамъ круга изъ облаковъ выходятъ поименныя фигуры Иліи и Моисея. Ниже три агнца—съ одной стороны два, съ другой одинъ—изображаютъ апостоловъ, видѣвшихъ Преображеніе. Въ нижней части купола по срединѣ изображена фигура св. Аполлинарія въ епископской одеждѣ, съ руками, поднятыми на молитву. По сторонамъ, на фонѣ камней и цвѣтовъ стоятъ по шести агнцевъ, изображающихъ или паству св. Аполлинарія, или двѣнадцать апостоловъ. Стѣна надъ аркой раздѣлена двумя горизонтальными чертами на три полосы. Въ верхвей полосѣ посрединѣ — грудной образъ Христа въ кругѣ. Правою рукою онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ Евангеліе. По сторонамъ четыре евангелиста. Во второмъ ярусѣ по сторонамъ арки изображены Іерусалимъ и Вифлеемъ, и по шести агнцевъ, поставленныхъ по наклонной линіи изъ угловъ къ срединѣ. Третій ярусъ состоитъ изъ двухъ треугольниковъ, образовавшихся по бокамъ арки. Въ нихъ изображены пальмы. Ниже, на устояхъ, поддерживающихъ арку, фигуры архангеловъ Гавріила и Михаила со знаменемъ въ рукѣ. Еще ниже, парящіе съ основаніемъ оконъ, грудными изображеніями евангелистовъ Маттея и Луки. Въ простѣнкахъ между окнами изображенія четырехъ епископовъ, равеннскихъ святыхъ: Екклезіи, Севера, Урса и Урсина. Всѣ четверо представлены съ благословляющею правою рукою и съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.

На стѣнахъ, по бокамъ входа въ алтарь находится еще двѣ мозаичныя картины. Направо въ одной картинѣ представлены три ветхозавѣтныя жертвоприношенія: Авеля, Авраама и Мелхиседека. На лѣвой сторонѣ большая картина изображаетъ епископа Репарата и императоровъ Константина, Гераклія и Тиберія. Репаратъ былъ преемникъ епископа Мавра Схизматика и по завѣщанію своего предшественника былъ избранъ тремя своими товарищами, также какъ избирался папа, и получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ не отъ

часть схсц, отд. 2. 3

папы, а отъ императора. За этимъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и получилъ тамъ также подтвержденіе привилегій Равеннской церкви. Это послѣднее и должно представлять картина въ храмѣ св. Аполлинарія. По срединѣ ея изображены императоръ Константинъ и епископъ Репаратъ, чтò поясняютъ надписи надъ ними. Репаратъ держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью *Privilegia*. Рука императора указываетъ на этотъ свитокъ. Рядомъ съ епископомъ стоятъ четыре духовныя лица, рядомъ съ императоромъ три фигуры, двѣ изъ которыхъ должны представлять двухъ другихъ императоровъ. Къ сожалѣнію, мозаика, вѣроятно попорченная отъ времени, въ разныхъ мѣстахъ покрыта позднѣйшею живописью, не позволяющею видѣть многого. Вслѣдствіе того, нѣкоторые даже объясняютъ иначе содержаніе картины.

Съ лѣвой стороны базилики, ближе къ восточному краю ея, стоитъ круглая, гладкая башня, соединенная съ нею маленькою пристройкой. На ней слегка обозначены три яруса; въ нижнемъ только кое-гдѣ продѣланы длинныя и узкія отверстія, окруженныя аркообразнымъ рядомъ кирпичей; во второмъ три ряда оконъ: въ двухъ нижнихъ большія и рѣдкія закругленныя окна, правильно расположенныя одно надъ другимъ; въ третьемъ ряду каждому большому соотвѣтствуютъ два парныхъ узкихъ окна. Въ верхнемъ ярусѣ точно также три ряда оконъ; изъ нихъ нѣкоторые парныя, другія тройныя, соединенныя въ одно съ помощью колоннъ. Изъ всѣхъ ихъ многія совсѣмъ заложены и обозначаются только своимъ древнимъ контуромъ, другія заложены не до верху, и только немногія остались открыты. Черепичная крыша башни широко выступаетъ вокругъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ памятниковъ, въ Равеннѣ есть и еще не мало развалинъ и остатковъ зданій, принадлежавшихъ не только тому времени, когда она была столицей, но и другимъ эпохамъ. Таковы развалины, стоящія около главной площади и извѣстныя подъ именемъ базилики Геркулеса, можетъ быть, относящіяся къ до-христіанскому періоду. Такова покосившаяся башня *Torre del Publico*, соперница Болонскихъ башенъ Гаризенды и Азинелли. Но эти памятники или одинокіе остатки, не связанные ни съ какими воспоминаніями, или на столько пострадали отъ времени, что могутъ привлекать вниманіе только знатока.

Въ заключеніе припомню еще объ одномъ памятникѣ, замѣчательномъ не древностью и не красотой, а именемъ, о которомъ онъ напоминаетъ. Это *робиниза Данта*. Она построена недавно, только въ

прошломъ вѣкѣ. Гвидо Полентани, другъ Данте, пріотившій его въ своемъ семействѣ, когда онъ изгнанникомъ пріѣхалъ въ Равенну, не успѣлъ достойно отмѣтить его могилу. Послѣ него память Данте долгое время оставалась въ пренебреженіи. Въ 1482 г. Бервардо Бембо, правитель Равенны, отъ имени Венеціанской республики, заказалъ мавзолей извѣстному скульптору и архитектору Ломбарди. Впослѣдствіи, уже въ XVIII вѣкѣ, онъ былъ перестроенъ архитекторомъ Камилломъ Мориджіа. Это небольшая квадратная часовня, покрытая полушарнымъ куполомъ простаго и строгаго рисунка. Внутри на стѣнѣ, противоположной входу, высѣчено барельефное изображеніе поэта, а передъ нимъ стоитъ урна. И урна, и стѣны вокругъ покрыты вѣнками и латинскими надписями, относящимися къ разнымъ временамъ передѣлокъ памятника. Самая старая изъ этихъ надписей, на урнѣ, была высѣчена скоро послѣ смерти поэта ¹⁾.

Замѣчательно, что останки Данта только въ самое недавнее время получили послѣднее успокоеніе на мѣстѣ, имъ предназначеномъ. Вотъ чтò объ этомъ разказывается:

Въ 1865 году во время приготовленій къ торжественному празднованію шестисотлѣтняго юбілея Данта, задумали исправить памятникъ и привести въ порядокъ мѣсто вокругъ него. Вблизи около капеллы Braccio forte находились остатки и обломки стѣнъ, не имѣвшіе никакого значенія. Рѣшено было ихъ срыть. Когда разломали старыя стѣны и принялись за фундаментъ, то наткнулись на простой деревянный ящикъ. Его вынули, но онъ тутъ же рассыпался, и изъ него выпали кости. На стѣнахъ ящика оказались надписи и на внутренней и на внѣшней сторонѣ. На внутренней прочли: „Dantis ossa denuper revisa die 3 Junii 1677“; на внѣшней: „Dantis ossa a me fra Antonio Santi hic posita anno 1677 die 10 Octobris“. Это неожиданное открытіе возбудило множество толковъ и догадокъ о томъ, какимъ образомъ Дантовы кости оказались не въ могилѣ. Самая вѣроятная догадка—та, что онѣ были перемѣщены съ цѣлью скрыть отъ тѣхъ, которые старались ихъ похитить, и монахъ Санти, одинъ изъ францисканцевъ-смотрителей памятника, получившій порученіе исполнить это дѣло, сдѣлалъ замѣтки на ящикѣ, чтобы впослѣдствіи ихъ

¹⁾ Она записана въ *Chronica Civitatis Ravennae* (ed. *Muratori*, t. I, pars II, p. 579), подъ 1321 г. при упоминаніи о смерти Данте Алягьери, который, по словамъ хроникъ «послѣ смерти прославился многими своими сочиненіями, именно объ Адѣ, Чистилищѣ и Раѣ и о Монархѣ».

можно было узнать. Съ величайшимъ благоговѣніемъ собраны были драгоцѣнные останки, поставлены въ церкви на все время юбилейныхъ празднествъ, и затѣмъ торжественно погребены въ склепѣ подъ памятникомъ.

Мавзолей Данта стоитъ въ концѣ улицы, носящей его имя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее входитъ подъ прямымъ угломъ другая улица. Нанесось отъ него, на противоположномъ углу, надпись на домѣ указываетъ, что этотъ домъ принадлежалъ Гвидо да-Полента, и что въ немъ жилъ и умеръ Данте. Эта надпись, кажется, единственное напоминаніе о значеніи дома. Онъ принадлежитъ частному лицу, и очень можетъ быть, что при превратностяхъ судьбы, которымъ подвергалась память великаго поэта въ теченіе шести вѣковъ, въ немъ ничто не осталось, какъ было при Гвидо да-Полента.

О. С

ВАРЯГИ-РУСЬ И БАЛТИЙСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе *С. Гедесона*. Два тома. С.-Пб. 1876.
Исторія русской жизни. Соч. *Ив. Забѣлина*, Т. 1. М. 1876.

Древнѣйшій періодъ исторіи всѣхъ народовъ исполненъ разныхъ басней; недостатокъ достовѣрныхъ событій замѣняютъ болѣе или менѣе запутанныя преданія или просто выдумки, какъ самого народа, такъ и писателей-лѣтописцевъ.

Возьмемъ хоть древнѣйшую исторію *Славянъ*. Какое разнообразіе преданій! Мнѣнскіе праотцы Чехъ, Лѣхъ, Русъ, Хорватъ, Кракъ и его дочери Ваяда, Любуша, Казя, Тета, Попель и мыши; старинныя преданія о поселеніи Словѣнъ въ дунайскихъ странахъ, откуда они вслѣдствіе нападеній Волоховъ распространились на сѣверъ за Карпаты, и проч. и проч.—вотъ чѣмъ наполнено начало исторіи западныхъ, южныхъ и восточныхъ Славянъ. Этими-то преданіями и воспользовались первые славянскіе лѣтописцы, когда почувствовалась потребность записать кое-что изъ прошлаго. Но эти лѣтописцы, книжники-монахи, не всегда довольствовались простыми разказами своихъ стариковъ, и стали—по крайней мѣрѣ иногда—украшать преддверіе своихъ лѣтописей разноцвѣтными лоскутками вѣщныхъ премудростей, почерпнутыхъ то изъ еврейской, то изъ римской и греческой исторіи. Такимъ образомъ Славяне очутились на Сенарской равнинѣ, откуда они перешли въ дунайскія страны; такимъ образомъ Александръ Македонскій, Юлій Цесарь, Крассъ, Римляне и Галлы являются у Лиховъ—подлѣ національныхъ героев Лестьковъ, Крака и Попела, а у южныхъ Славянъ Сенуладъ, Остроилъ и Готы—подлѣ разныхъ Доброславовъ, Павлиміровъ, Хвалиміровъ и проч. Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; каждый новый лѣтописецъ старается перешеголить своихъ предшественниковъ, а къ Александру и Юлію Цесарю присоединяются сыновья Іафета, Мосохъ, Асармовъ и проч. Знакомство съ пи-

сателями греческими и римскими выводитъ на сцену славянской исторіи Скивоу, Сарматовъ, Гетовъ, Трибалловъ, Иллировъ, Маркомановъ, Квадовъ, Вандамовъ и проч. Надо замѣтить, что славянскіе лѣтописцы считаютъ свои народы автохтонами, или по крайней мѣрѣ, первыми обитателями занятыхъ ими земель; такъ думаютъ чешскіе лѣтописцы—Косма, Далимилъ, Пулкава, польскіе—Галлъ, Кадлубекъ, Длугошъ, и русскій лѣтописецъ (Несторъ). Знакомство съ Геродотомъ, Страбонемъ, Тацитомъ, Птолемеемъ и др. навело славянскихъ, или писавшихъ о Славянахъ, историковъ на другую мысль. Такъ, напримѣръ, съ XV—XVI вв. въ исторической наукѣ начало преобладать мнѣніе, что западные Славяне, именно Чехи и полабско-балтійскіе Славяне, не автохтоны занимаемыхъ ими земель, а позднѣйшіе пришельцы, преемники германскихъ, свевскихъ Маркомановъ (а эти — преемники галльскихъ Боіевъ), Квадовъ, Вандамовъ, Сеноновъ, Руговъ, и другихъ племенъ. Это мнѣніе сдѣлалось, такъ сказать, историческою аксіомой не только въ нѣмецкой исторіографіи, но и у самихъ славянскихъ ученыхъ, напримѣръ, у Шафарика, Палацкаго, Воцела и проч. Всякое отклоненіе отъ этихъ гипотезъ считалось, да и считается историческою ересью. Но не смотря на вѣскіе голоса авторитетовъ въ родѣ Шафарика, отцепившихъ отъ общепринятыхъ мнѣній является все больше и больше — какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Славянъ. Главный представитель этой исторической ереси никто иной, какъ почтенный чешскій ученый А. Шембера. Онъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Западные Славяне въ правѣхъ“ (Вѣна, 1868), рѣшительно возстае противъ общепринятаго мнѣнія, будто Ляхи, полабскіе и балтійскіе Славяне, Чехи, Моравяне, Словаки и Словенцы, прибыли въ свои земли только въ V—VI вв., и будто до нихъ жили въ земляхъ побалтійскихъ, полабскихъ, поодрянскихъ, повислянскихъ и альпійскихъ народы не славянскіе, Германцы-Севны и Галлы или Кельты. Шембера справедливо спрашиваетъ, гдѣ замѣтны слѣды тѣхъ германскихъ народовъ? Географическая номенклатура въ тѣхъ земляхъ до XII—XIII вв., то-есть, до громадной нѣмецкой колонизаціи, — чисто славянская; языки Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ, Луицкихъ Сербовъ, польскихъ и балтійскихъ Ляховъ носятъ характеръ чисто славянской, а нѣмецкая примѣсь (лексикальная) здѣсь позднѣйшаго происхожденія. Страбонъ, Тацитъ, Птолемей и другіе знаютъ въ тѣхъ земляхъ, уже въ началѣ нашей эры, между прочимъ, племена Вариновъ, Мугилоновъ, Луговъ, Корконтонъ, Баниновъ, Ракатовъ (два племени: на рѣкѣ „Двѣ“ и „въ поляхъ“), а черезъ нѣсколько вѣковъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ

являются племена Вариовъ, Могиланъ, Лужанъ или Лужичанъ, Ракоусовъ (опять два племени: у рѣки Дни и Ракоусовъ-Полянъ); названіе Корконтовъ сохранилось въ названіи горъ Корконошскихъ, а Баниами продолжаютъ чужеземцы называть Чеховъ (Boemi, Boemani, Böhmen). О славянскомъ характерѣ словъ варны (враны, вороны), могила, дуги, рако-усы (срав. толсто-усы, черно-усы), корко-ноши, (то-есть, шее-ноши), не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія.

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми частностями мнѣній Шемберы, но самая мысль его и его научные приемы заслуживаютъ полнаго вниманія. Вліяніе Шемберы замѣтно уже на книгѣ польскаго ученаго Войцѣховскаго (Chrobaczu, 1873). Во всякомъ случаѣ мысли почтеннаго чешскаго ученаго больше приближаются къ исторической истинѣ, чѣмъ, напримѣръ, мнѣнія польскихъ историковъ Шайнохи и Бѣлевскаго о происхожденіи Ляховъ-Лехитовъ; первый дѣлаетъ ихъ Скандинавами, а второй—выходцами ихъ южныхъ странъ, изъ Иллиріи; первый связываетъ начало польской и чешской исторіи съ норманскими „Ляхами“-дружинниками, а другой называетъ свои фантазіи „критическимъ введеніемъ въ исторію Польши“.

А что сказать о древнѣйшей исторіи Руси? Варяги и Русь, Варяго-Руси или Русо-Варяги — вотъ красуемый камень всей древней исторіи восточной Славянщины. Русь, Варяги, или лучше сказать, Варяго-Руси—скандинавскіе Норманы,—это сдѣлалось такою же историческою аксіомою, какъ вышеупомянутыя гипотезы о кельтскихъ Воиахъ и о германско-свевскихъ народахъ въ полабскихъ и поодранскихъ земляхъ. Всякій, кто не вѣрилъ въ норманскую гипотезу, въ скандинавское происхожденіе Варяговъ и Руси, прослылъ за еретика. Русь, Русская Правда, бояринъ или бояринъ, вервь, градъ, радъ, полкъ, весь, навь, смердъ, вѣно и проч., все это оказывается поклонниками Одина и Тора, да и этотъ послѣдній житель Валгалы едва-ли не переселился на берега Днѣпра, перемѣнивъ только фамилію въ Перуна. Все дѣлали на Руси скандинавскіе Норманы: они воевали, грабили, издавали законы, а тѣ несчастные Словѣне, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Поляне, Древляне только и дѣлали, что платили дань, умыкали себѣ женъ, играли на гусляхъ, плясали и съ иѣиємъ ходили за плугомъ, если не жили совсѣмъ по скотски.

Такъ это было въ блаженныя времена Шлѣцера, Карамзина, Круга, Погодина; да и самъ осторожный Шафарикъ прозвалъ противниковъ норманской теоріи предубѣжденными невѣждами. Но въ послѣднія времена поборники норманской теоріи значительно усми-

рились; храбрѣйшій изъ нихъ ушелъ въ Валгалу, съ ужасомъ смотря на размножившіяся историческія ереси. Благодаря изслѣдованіямъ этихъ противниковъ норманской теоріи, въ исторической наукѣ все больше и больше упрочивается мнѣніе, что *Варяги* и *Русь*—племена совершенно различныя. *Русь*—по всей вѣроятности племя славянское, южно-русское, производившееся еще въ X вѣкѣ отъ мифическаго князя Руса. Эти *Русичи*—вѣроятно, Кіевскіе Поляне, носившіе еще позже, въ XII вѣкѣ, названіе „Руси“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: „Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“,—какъ выражается лѣтописецъ. Что касается *Варяговъ*, то они не туземцы, а пришельцы съ запада, изъ скандинавскихъ странъ, съ Варяжскаго моря, по которому „сѣдять Варяги, Лахове, Пруси и Чюль“. Мы нисколько не намѣрены пуститься въ этотъ варяжскій лабиринтъ, не смотря на нитку Аріадны, свитую акад. Куникомъ (примѣчанія къ соч. акад. *Дорна*: Каспій, 1875), и остановимся только на одной сторонѣ этого вопроса.

Въ числѣ разныхъ мнѣній о Варягахъ и Руси появилось и такое, что Варяги и даже Русь—*выходимъ изъ Балтійскихъ Славянъ*. Это мнѣніе высказывалось нѣсколько разъ еще съ прошлаго вѣка (Тредіаковскій, Ломоносовъ, Каченовскій, Вепелинъ, Моршкінъ) и нашло себѣ защитниковъ въ новыхъ сочиненіяхъ С. А. Гедеонова и И. Е. Забѣлина. Объ этой-то *балтійскославянской теоріи* происхожденія Варяговъ и Руси мы намѣрены здѣсь поговорить.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ обоихъ почтенныхъ ученыхъ, мы, разумѣется, отдаемъ полную справедливость достоинствамъ ихъ нитересныхъ трудовъ. *Отрицая* гипотезу о балтійско-славянскомъ происхожденіи Варяговъ и Руси, мы будемъ придерживаться по большей части *негативнаго* способа изложенія, то-есть, укажемъ на *несостоятельность* мнѣній обоихъ ученыхъ, и постараемся ихъ опровергнуть.

Балтійскими Славянами называются Славяне, поселившіеся по Балтійскому морю, на востокъ отъ Лабы (Лябы, Эльбы) далеко за нижнюю Одру. Главныя ихъ отрасли были *Ободриты* (*Бодричи*), *Велеты* или *Лютиты* и *Поморяне*; всѣ они распадались на много мелкихъ племенъ¹⁾. Эти племена составляли часть того національнаго

¹⁾ Балтійскимъ Славянамъ повезло въ русской литературѣ. Ихъ исторія и ихъ бытъ описаны *Гильфердингомъ* (Исторія Балтійскихъ Славянъ, ч. I), *Павицкимъ* (Полабскіе Славяне), *Лебедевымъ* (Послѣдняя борьба Балтійскихъ Славянъ), *Котляревскимъ* (Древности права Балтійскихъ Славянъ, т. I), и авторомъ этой

цѣлаго, которое простиралось отъ Балтійскаго моря на югъ чрезъ земли полабскія, поодряпскія и повислиискія до Карпатовъ, и которое — по примѣру русскаго лѣтописца — можно называть народомъ *лѣшско-славянскимъ*: „Словѣни пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне“. Это національное единство всѣхъ Ляховъ помнили въ Польшѣ еще долго, до XV вѣка, и позже ¹⁾. Оно проявляется въ разныхъ областяхъ ихъ быта; отличнымъ знакомъ ихъ языка служитъ полное господство носовыхъ звуковъ (ж — а, л — е), чего въ языкѣ южныхъ и восточныхъ сосѣдей Ляховъ, отрасли полабско-сербской, чешско-словенской и русской, или совсѣмъ нѣтъ, или же эта особенность составляетъ тамъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Ляховъ раздѣлила исторія на двѣ половины. Восточная ихъ половина, племена, жившія на верхней Одрѣ и по Вислѣ, Слѣзаване, Хорваты, Поляне, Мазовшане и восточные Поморяне, сгруппировались около князей племени *Полянъ* и составили, въ теченіе времени, одно политическое и національное цѣлое, *Польшу, народъ польскій*. Между тѣмъ западные Ляхи такого политическаго и національнаго единства не достигли; у нихъ упрочилось племенное раздробленіе, а политическаго и національнаго единства не составилось. Это-то раздробленіе и было главною причиною паденія независимости западныхъ Ляховъ. Послѣ вѣковой борьбы съ Нѣмцами, Балтійскіе Славяне наконецъ падаютъ, дѣлаются подданными своихъ заклятыхъ враговъ и съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезаютъ.

Гг. Гедеоновъ и Забѣлинъ, принимая разказъ русскаго лѣтописца по Лаврентьевскому списку буквально, вѣрятъ въ призваніе *Варяжскихъ* князей сѣверо-восточными Славянами, подъ *Варягами* же они разумѣютъ не скандинавскихъ Нормановъ, а *Балтійскихъ* Славянъ. Оставляя въ сторонѣ разныя мнѣнія о Варягахъ (срв. у Гедеонова гл. V.), остановимся, во первыхъ, на предлагаемомъ г. Гедеоновымъ объясненіи этого слова. Г. Гедеоновъ сомнѣвается, чтобы всѣ славянскія слова, заканчивающіяся суффиксомъ — *ang*, были заимствованы изъ германскихъ нарѣчій. Не всѣ, но почти всѣ. Слова, оканчивающіяся на — *агъ* — *агъ* (русс. — *ягъ*, — *ягъ*) перешли въ славянскій языкъ изъ германскаго, отчасти съ сохраненіемъ кореннаго

статья (Германизация Балтійскихъ Славянъ). Срв. то же Слав. древности *Шафарика*, §§ 43, 44.

¹⁾ См. наше соч. Славянская взаимность, 202.

г, отчасти съ переменной его въ з; такъ, напрімѣръ, изъ герм. Kuning—слав. кѣнѣгъ (срв. кѣнѣгѣини), или кѣнѣзь (польск. Książdz, у другихъ Славянъ князь, кнѣзь), Vithing—вѣтѣзь, penning—пѣнѣзи (польск. pieniądz) skilings—щѣлѣгъ, (польск. szeląg), auhsahrings—усерѣгъ, усерѣзь. и пр.; такъ и изъ германск. Varing, Vaering—слав. Варѣгъ, русск. Варягъ ¹⁾. Славянскихъ словъ съ такимъ окончаніемъ найдется не много, напрімѣръ, польскія названія мѣстъ Raciąz, Kołodziejz, Grudziądz, Goniądz (русск. Гонязь); pstrąg (др.—слов. пѣстрѣгъ, оттуда и малярск. pisztrąg), работѣгъ.

Слово Варягъ г. Гедеоновъ производитъ изъ балтійско-славянскаго языка, куда оно попало изъ нѣмецкаго. Около 1700 г. проживали на нижней Эльбѣ, въ люнебургскомъ Вендландѣ, послѣдніе остатки полабско-балтійской Славянщины, говоря на страшно испорченномъ славянскимъ нарѣчій (срв. наше соч. Германизация балтійскихъ Славянъ, 39). Въ числѣ записанныхъ тогда природными Нѣмцами люнебургско-славянскихъ словъ находится тоже: *wago*, *warang*—Schwert, Degen (мечъ, шпага), изъ нѣмца. Wehr (Gewehr). Напрасно г. Гедеоновъ (стр. 168) старается строго отдѣлить эти два слова. Форма *warang* можетъ быть винит. пад. отъ *wago*; срв. *wogno* (варна, ворона)—*wornung* (ворня), *teisko* (стукъ)—*teiskong*, *dewa* (дѣва)—*dewong*, *korwo* (корова)—*korwung*, *dumpro* (крещеніе)—*dumprung*, *simia* (земля)—*simang*, *nidelja* (недѣля)—*nidelang*, *daussa* (душа)—*dausang*, и пр. Но *warang* можетъ быть и уменьшительное отъ *wago*, какъ напрімѣръ, *büg* (богъ)—*büsang* (божѣ), *med* (медъ)—*madang*, *witzer* (вечеръ)—*witzegang*, *wogno*—*wornang* (ворня), и пр. Г. Гедеоновъ сомнѣвается въ объясненіяхъ Шлейхера, единственнаго филолога, разработавшаго это испорченное славянское нарѣчіе научнымъ образомъ (*Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache*), и считаетъ напрімѣръ, форму *witzegang*—какъ уменьшительное отъ слова вечеръ—невозможною ни по значенію, ни по грамматической формѣ, ни по законамъ славянской лингвистики. Но въ этомъ испорченномъ славянскомъ нарѣчій, такихъ „невозможныхъ“ формъ найдется довольно, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ нарѣчійхъ славянскихъ; напрімѣръ, *jäng*—есть, *tung*—тъ, тотъ, *sung*—съ, сей.

Но считаемъ ли мы слово написанное «*warang*»—винит. падежемъ,

¹⁾ Гедеоновъ (стр. 188) называетъ поморскій монастырь *Collaz*, *Collas*—«коляжскимъ», намекая, вѣроятно, на русск. *Колбиза*; но въ такомъ случаѣ Балтійскіе Славяне произносили бы *Collenz*, *Collens*, а эта форма не встрѣчается.

или уменьшительнымъ отъ *waŋo*,—это для нашей цѣли все равно; буквами—*ang* передается здѣсь только носовой звукъ *ŋ* или *h* (польск. *cz, sz*), а вовсе не окончаніе — *aiŋ*,—*ahŋ*; срн., кромѣ вышеприведенныхъ, *tjenangs* (кѣнѣзъ), *sojangs* (зоиѣцъ), *jeimang* (ѣймѣ), *mangsi* (мѣси), *jungsik* (жынкъ) и пр. Слово *rojanŋk*, то-есть, поѣжъ, науѣ, польск. *rajaŋk*) сюда не идетъ, такъ какъ въ немъ—*janŋk* коренное—жъ. Наконецъ, *warang* означало просто „мечъ“ (*Schwert, Degen*), и уже поэтому нельзя формѣ „*warang*“ приписывать значеніе „мечника“. Если такое слово и существовало въ этомъ языкѣ, то оно явилось бы въ формѣ *warnik*; срн. *grwnik* (сапожникъ отъ *grw*, черевикъ), *klübenŋik* (*klübenk*, клобукъ, шлепа), *zimnik* (подземный духъ, отъ *zimja*, земля), *waknik* (*waknū*, окно), *raibinik* (*raibo*, рыба), *malnik* (мельникъ), и пр. Въ числѣ фамилій онѣмеченныхъ люнебургскихъ славянъ встрѣчается и *Warneik*, и этотъ суффиксъ—*икъ* видѣнъ и въ названіяхъ мѣстъ Копиники, Пециники, Рудиники, Душники, взятыхъ отъ занятій и характера зрителей (срн. Германизацию Балтійскихъ Славянъ, 27, 65). Съ именемъ словомъ *warang*—*warag* надо разстаться, и слово *Варягъ* имъ нисколько не объясняется.

Русскіе же слово *Варягъ* никогда и не произносили съ носовымъ звукомъ, котораго въ русскомъ языкѣ—на сколько онъ намъ извѣстенъ въ историческое время по письменнымъ памятникамъ—не было, кромѣ, пожалуй историческихъ формъ въ родѣ *времи*, *времени* (*Колосовъ*, Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 29). Слово *Варягъ* Русскіе произносили безъ носоваго звука, какъ напримѣръ, сентябрь, ноябрь, Корлягъ, мятль, шьягъ (шелягъ), стягъ и др. изъ чужихъ *septembrius*, *noembrius* (черезъ др.-слов.), *Karoling*, *mantile*, *schilling*, *stange*, и пр. Если, напримѣръ, Византийцы Константинъ Порфирогенитъ и Левъ называютъ русскаго Святослава—Свѣтославъ (*Σφειδοσλαβος*), то носовой звукъ надо объяснить болгарско-славянскимъ вліяніемъ, какъ и другія подобныя формы *Σφειδοσλοχος*—моравскій Сватошлукъ, *Тѣсѣтина*—хорватско-сербская Цетина и пр. Ляхи (балтійскіе и повислинскіе) произносили *Варягъ*—по законамъ своего нарѣчія—съ носовымъ звукомъ, какъ видно изъ названія села *Wareusin* у лютическихъ Чрезпѣннѣхъ съ XII в.), то-есть, *Варѣжинъ* (если такъ читать по формамъ *Warnizhine*, *Warentin*, *Warensin*, *Warensin*), и польскихъ мѣстъ *Wareŋ*—*Варѣжъ*, и *Wareŋzyn*—*Варѣжинъ*. Но этихъ названій нельзя считать остаткомъ или колоніей *Вараговъ*; въ такомъ случаѣ мѣста назывались бы *Варяги*; срн. у Балтійскихъ Сла-

вянъ села Карваты, Морачане, Суслы, Дравяне, и пр. — отъ Хорватовъ, Морачанъ, Сусловъ, Дравяпъ-Древнянъ. Варяжанъ и. Варяжъ — это прилагательныи отъ имени лица Варягъ, какъ и Сербино, Чехово, Краковъ, Варгатино, Славатино, Доморазъ, Быдгощъ, Собѣдражъ, Русовъ, Русиновъ, Русиновичи, отъ именъ лицъ Сердъ, Чехъ, Кракъ, Варгата, Славата, Доморадъ, Быдгость, Собѣдрагъ, Русъ, Русинъ. Варягомъ же могъ назваться выходецъ изъ Варягъ, поселившійся между Балтійскими Славянами, равнымъ образомъ какъ находимъ у всѣхъ Славянъ имена лицъ: Варяжко (мужъ Лрополка), Ляпко (убійца Бориса), Чепко (сокольникъ Ивана Калиты), Сербъ, Хорватъ, Чехъ, Поликъ, Русъ, Русинъ, Угринъ, Влахъ, Торчинъ, Чудинъ, Куманъ, Печенѣгъ, и пр.

„Варяговъ“ считаетъ Балтійскими Славянами и г. Забѣлинъ (стр. 134). Русскій лѣтописецъ называетъ Балтійскихъ Славянъ прямо, и какъ мы видѣли, вполне основательно (а не ошибочно, какъ кажется г. Геденову), вообще *Ляхами* ¹⁾. „Лихове же Пруси и Чюдь, при-сѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ вѣстоку“. По послѣднимъ названо Балтійское море — Варяжскимъ, какъ оно или его восточная часть нѣсколько столѣтій до русскаго лѣтописца называлось „Венедскимъ“, хотя по его берегамъ не сидѣли одни только Венеды, а также Литва и Чудь. Изъ приморскихъ Ляховъ русскій лѣтописецъ приводитъ только два главныхъ племени, Лютичей и Поморянъ, равнымъ образомъ какъ изъ ляхскихъ племенъ по Вислѣ приводитъ только Полянъ и Мазовшанъ. Ободритовъ или Бодричей и Столоряпъ лѣтописецъ не приводитъ, какъ не приводитъ и Слязанъ съ Хорватами; еще меньше можно ожидать, чтобы лѣтописецъ зналъ такіа мелкія племена, какъ, напримѣръ, Вагры, Рана или Руяна. Всѣ эти мелкія племена балтійскаго поморья, начиная съ устья Свѣтыни и кончая устьемъ Вислы, русскій лѣтописецъ подразумѣваетъ подъ именемъ Ляховъ; западная половина — Лютичи, восточная — Поморяне. Не удивительно, что русскій лѣтописецъ не знаетъ, напримѣръ, Бодричей по имени, причисляя ихъ къ Лютичамъ: вѣдь еще около половины XI вѣка считаетъ же одинъ нѣмецкій лѣтописецъ городъ Люнебургъ лежащимъ на рубежѣ Саксовъ и Лютичей — *in confinio Saxonum et Luticiorum* (Lambert. Hersfeld.

¹⁾ На невѣрное толкованіе г. Геденовымъ словъ лѣтописи: «мы (князья) есмы ни Угре, ни Лихове» (стр. 456) указывалъ уже г. Костомаровъ (*Русская ист.,* 1877 г., I, 180).

пр. *Ierts*, Monum., Script., V, 200); а между тѣмъ Лювебургъ отдѣлялся отъ Лютичей племена Бодричскія. Поэтому нечего искать Варяговъ между Ляхами, Лютичами и Поморьянами русскаго лѣтописца.

Балтійская Славянизна — благодаря ея безконечнымъ войнамъ съ Шимцами и Скандинавами — намъ очень хорошо извѣстна; всѣ ея племена, знаменитыя и мелкія, ихъ жилища, города и пр. извѣстны до мельчайшихъ подробностей. А о „Варягахъ“ въ тѣхъ странахъ намъ ничего неизвѣстно; вышеупомянутаго селенія Wagensin нельзя считать даже ихъ слѣдомъ.

Г. Забѣлинъ поднялъ высказанную еще Герберштейномъ (а послѣ него и другими) мысль, что имя Варяговъ сохранилось въ названіи *Вагровъ*, племени бодричскаго, занимавшаго сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Гольштиніи, между моремъ и рѣками Свѣтлей и Травной. (срв. Германизация Балт. Славянъ, 119—128). Но это имя пишется всегда Wagri, Wnigri, Wagri, Wargia и пр., и никогда не пишется Wargi, Warigi и пр. (русское Варягъ произносили бы Бодричи Wargen, Warang). Уже Гильфердингъ хорошо объяснилъ это племенное названіе, санскр. *вагара*, нѣм. *wacker*, слав. *ваг* (въ от-*вага*, обл. русск. *уаръ*, *уаръ* — отчаянный парень, буянь), что соответствуетъ восхваляемой лѣтописцемъ Гельмольдомъ храбрости этого племени. Судя по племеннымъ названіямъ и словамъ Мазуръ, Ратаръ, граничаръ, дугаръ, копаничаръ, единств. число отъ *Wagri* было, вѣроятно, *Вагаръ* (*Ваиаръ*) или *Вагринъ*. Вагры, Лютичи, Велеты, Ратары, всѣ эти и подобныя имъ имена указываютъ на храбрый и воинственный характеръ Балтійскихъ Славянъ. Но Вагры были *Вагры*, а не *Вары*, и не *Варми*, и всего меньше *Варяги*. Скандинавы могли называть Вагровъ Варгами, то-есть, волками (*wargr*), разбойниками, хищниками и проч., но они ихъ такъ не называли; Датчане — по свидѣтельству Саксона — называли Вагровъ *Brammesii* (?), а главный ихъ городъ *Старпурдъ* (по нѣмец. Aldenburg) — *Brandenburg*. Слово *варъ* (соотвѣтствуетъ слову *врагъ* другихъ Славянъ, какъ, напримѣръ, *варнъ* = *врагъ*, *бергъ* = *брегъ*, *гардъ* = *градъ* *даргъ* = *драгъ*) было извѣстно и балтійскимъ Славянамъ, какъ видно изъ именъ Wargina, Wargus, Wargenta; но слова *варъ* и происходящихъ отъ него названій оныя-таки нельзя смѣшивать (какъ это дѣлаетъ г. Забѣлинъ) съ словами *вархъ* (верхъ, древлянск. *вархъ*, *вархни*, *варсакъ* = *вершокъ*), или *вергъ*. *врагъ* (срв. Werchemile, Wirhen), *варшъ* (Warsin, Warsowe). Что же касается имени *Варны*, то это было совсѣмъ другое племя, сидѣвшее по рѣкѣ Варнавѣ (нынѣшней Wagnow); балтійско-слав. *варнъ* =

польск. *воронъ* = чешск. *воранъ* (русс. *воронъ*), какъ и гавранъ = гавранъ. Если не считать свевскихъ Вариновъ, то имя этого бодричскаго племени является въ XI—XII вв. подъ чисто славянскою формою *Wagnavi*, *Wagnabi* = Варнови, Варнове, Варны (какъ *Weletabi* = Велетови, Велетове, Велеты). А Варнами (Воронами) могло называться племя Бодричей, какъ и Рароги (соколы), Суслы, Вепрево, Туры, Турно (названія бодричскихъ земель), Волки, Волчки (Лютичи — лютые) и др.

И такъ, видимъ, что *Вагровъ*, *Варювъ*, *Варновъ* и *Варювъ* смѣшивать нельзя. А отъ этихъ Вагровъ, Варговъ, Варновъ Балтійское море не могло прозываться *Варяжскимъ*. Что такъ думали во времена Герберштейна (XVI в.), что еще чешскій профессоръ Іоаннъ Судетскій (1614—1616 гг.) производилъ „Варецкое“ море отъ Вагровъ, это понятно; но думать такъ во времена Востокова, Шафарика, Срезневскаго и Миклошича не позволятельно. Едва ли согласится почтенный авторъ, напримѣръ, съ тожествомъ именъ Забѣлинъ, Залабакъ (чешская фамилія, то-есть, житель Залабъя) и Завулоновъ.

Г. Забѣлинъ съ „Варягами“ связываетъ еще два названія, — *Видиваріевъ* и *Ворановъ* или *Борановъ*. Видиваріевъ помѣщаетъ Іорнадъ (552 г.) при устьяхъ Вислы, называя ихъ сбродомъ разныхъ народовъ (*Vidivarii ex diversis nationibus aggregati*). Кто были эти Видиваріи — трудно сказать. Шафарикъ (Слав. Древн., § 18, № 8, § 19, № 6) считаетъ Видиваріевъ германскими *Витимиами*, производя изъ ихъ имени славянское *витѣль*. Какъ бы то ни было, въ Видиваріяхъ можно видѣть союзъ племенъ, соединившихся для военныхъ цѣлей, или скорѣе, разбоевъ; подобная община скандинавскихъ викинговъ поселилась въ X вѣкѣ при устьѣ Одры, въ балтійскомъ Волинѣ или Іомсбургѣ, и скоро приманила къ себѣ и Славянъ. Что касается *Ворановъ* или *Борановъ*, то они упоминаются въ III вѣкѣ вѣстѣ съ Готами, Карпами, Уругундами, нападающими изъ дунайскихъ и черноморскихъ странъ на Византийскую имперію. Можетъ быть, Бораны и Уругунды и Карпы (Хорваты) и были славянскими племенами. Г. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами) считаетъ Боранъ Поляками, а Уругундовъ — тоже племенемъ славянскимъ, которое лонгобардскія преданія помѣщаютъ гдѣ-то между Венетами и Антами (*Anthaib*, *Banthaib*, *Wurgonthaib*, у Павла діакона).

Всѣ эти племена — Вариповъ Тацита, Воранъ Зосимы, Видиваріевъ

Юрjana—г. Забѣлинъ считаетъ однимъ и тѣмъ же самымъ народомъ, и изъ имена (Варины, Вируны, Варны, Верины, Верапы, Вораны) только олатинненною и огреченною формою того же самаго имени, которое у Славянъ произносилось *Варягъ*. Такимъ образомъ—заключаетъ авторъ—странствование Варяговъ по нашей землѣ заявлено исторіей уже въ половинѣ III вѣка по Р. Х.

Такая древность „нашихъ славянскихъ Варяговъ“ не понравится, впрочемъ, не только изслѣдователямъ-норманистамъ, но и многимъ другимъ, которымъ вообще всѣ старанія отыскать Варяговъ между Ляхами, покажутся тщетными. Г. Забѣлинъ думаетъ, что русская лѣтопись указываетъ „несомнительно“, что Варяги-Русь обитали на балтійскомъ славянскомъ поморьѣ, въ углу по сосѣдству съ Датчанами и Англами, и что оттуда призваны князья. Кромѣ того, полагаетъ онъ, что Балтійское Славянство господствовало въ нашей странѣ подъ другими именами. Но мы опять думаемъ, что въ этомъ отождествленіи „Варяговъ“ и балтійскихъ Ляховъ, равнымъ образомъ какъ и въ отождествленіи „Руси“ и Руги, Руины (см. ниже), есть очень и очень много сомнительнаго и даже невѣроятнаго.

О старинныхъ связяхъ между западными и восточными Славянами, особенно же между Балтійскими и Новгородскими Славянами, можно много размышлять; но всѣ эти размышленія, не основываясь на положительныхъ историческихъ извѣстіяхъ, должны уступить очень не многимъ исторически достовернымъ фактамъ. Такъ, напримѣръ, г. Забѣлинъ пишетъ: „Славянскіе Варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до IX вѣка сидѣли по городамъ у Чуди, Веси, Мери, Муромы, и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ Варягамъ-Славянамъ, которые по славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что Новгородцы происходили отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне“. Все это могло быть, но могло и не быть; во всякомъ случаѣ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Если лѣтописецъ (Лаврент. лѣтоп.) пишетъ: „Ты суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни“, то это явное противорѣчіе. Лѣтописецъ выводитъ Новгородскихъ Словѣнъ прямо отъ дунайскихъ Словѣнъ, которые сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ. Эти Словѣне были рода словѣнскаго, и позже назвались по своему городу—Новгородцы, какъ и Поляне по Кіеву — Кіяне, Кривичи по Смоленску —

Смольняне и проч.; поэтому они не могли быть рода Варяжскаго. Этими словамъ нельзя даже придавать такого смысла, будто Ильменскіе Слоныне назывались Новгородцами со времени предполагаемаго прибытія Варяговъ въ ихъ городъ; въ X, XI и даже въ XII вѣкахъ Новгородцы не забыли еще стариннаго племеннаго „своего имени“ — Слоныне. Они вообще не очень-то и долюбливали своихъ мнимыхъ „дѣдовъ и отцовъ“, какъ показываетъ рѣзня Варяговъ въ Новгородѣ 1015 года.

Г. Забѣлившъ свою теорію о „Варягахъ“ проводитъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ, между тѣмъ какъ г. Геденовъ старается подкрѣпить свое мнѣніе болѣе подробными указаніями. Поэтому мы обратимъ здѣсь главное вниманіе на сочиненіе этого послѣдняго автора.

Что между Балтійскими и восточными (позже Русскими) Славянами искои были извѣстныя сношенія, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На торговля связи балтійскихъ странъ съ восточными указываютъ восточныя монеты, находимыя въ балтійскихъ земляхъ. Въ важномъ торговомъ городѣ поморскомъ *Волинъ* находились еще въ XI вѣкѣ купцы „греческіе“, то-есть, русскіе, и отъ Волины до Кіева („въ Греціи“) считалось 43 дня ѣзды — *ad Ostragard Rusziae, cujus metropolis civitas est Chiue, clarissimum decus Graeciae* (Adam. Brem., II, с. 12, 13).

Отголоски этихъ старинныхъ сношеній восточныхъ Славянъ съ Балтійскими слышны, кажется, и въ русскихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается „славный, богатый Волинъ городъ“; напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ (*Рыбниковъ*, I, № 48):

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, князевецкій сынъ,
Изъ славнаго, богатаго *Волины*-города,
Изъ той Индѣюшки богатая,
Снаряжался во столько-Кіель градъ.

Дюкъ похваляетъ свой городъ, и князь Владиміръ посылаетъ въ эту Индѣюшку и въ городъ Волинъ своихъ оцѣнщиковъ — Дюково имѣніе описывать и оцѣнивать; богатства нашлось множество чрезмѣрное. Богатая „Индѣюшка“ не должна пастъ смущать; это вообще какая-то баснословная страна, да уже въ 58 г. до Р. Х. къ Римлянамъ въ Галлію прибыли купцы изъ „Индіи“ (ex India, ex Indicis aequoribus), то-есть, купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, изъ Виндіи, земли Виндовъ, Венедовъ, Венетовъ, отъ Венедскаго залива (срв. *Шафарикъ*, Слав. Древн., § 8, № 3). Были ли

между Балтійскими и восточными Славянами религіозныя связи, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 133), нельзя ни утверждать, ни отрицать; положительныхъ извѣстій о томъ не нѣтъ, и потому мнѣніе г. Гедеонова о „преимуществахъ вендскихъ князей передъ русскими“ не можетъ быть доказано. Гельмольдъ, нѣмецкій житель Вагорской земли (XII в.), сохранилъ намъ преданіе, будто въ давнія времена—до IX вѣка—вагорскіе князья распространили свое господство и на Бодричей и Лютичей, и на другія болѣе отдаленныя племена (*et eorum qui longe remotiores sunt*); если послѣдніе слова не риторическое украшеніе, то можно отнести ихъ, пожалуй, и къ поморскимъ Ляхамъ, но отнюдь не къ восточнымъ Славянамъ, отдѣленнымъ отъ Балтійскихъ Ляхами повислинскими и Литвой. О существованіи Славянъ-Ляховъ въ балтійскихъ странахъ при морѣ Варяжскомъ знали Русскіе изъ своей первой лѣтописи: Ляхове Поляне, Мазовшане, Поморяне, Лютичи. Если въ русской лѣтописи (около 1300 г.) приводится польская княгиня Лукерія „рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія Варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ“ (П. С. Р. Л., II, 227), то это позднѣйшая приписка XVI вѣка, перенятая изъ польскихъ источниковъ. Длугошъ, Мѣховскій и Кромеръ называютъ эту княгиню *neptis ducis Slavorum seu Vinidagum apud Stetin, filia ducis Cassubitarum*, а Вѣльскій и Блажовскій передаютъ это извѣстіе по польски: *z książąt serbskich, Kaszubka*. Связывать извѣстное новгородское преданіе о Гостомыслѣ съ „народнымъ преданіемъ русскимъ о западно-славянскомъ происхожденіи варяжской династіи“—очень смѣлая догадка; имена Гостомыслъ и Буриной или Боривой—не исключительная принадлежность западно-славянскаго міра; они, равнымъ образомъ какъ и Любомыслъ, Радивой, Владивой, Вратиславъ, Ратиборъ, Твердиславъ и др., имена общеславянскія. Если Морозовы, Воронцовы, Колычевы, Шереметевы производили себя—какъ пишетъ Курбскій—отъ Нѣмцевъ, отъ роду князятъ решскихъ, еще со временъ Рюрика, то не чему удивляться: такіа генеалогическія производства были тогда въ большомъ ходу, и подобострастные генеалоги XVI вѣка выводили богатыхъ вельможъ, пожалуй, изъ ковчега Ноева, а по меньшей мѣрѣ отъ Чеха и Лѣха. Вѣдь самъ царь Иванъ Васильевичъ производилъ себя отъ Августа Кесаря! Примѣры такихъ „родословій“ можно найти въ сочиненіяхъ извѣстнаго польско-чешскаго историка XVI вѣка Папроцкаго, который, напримѣръ, производилъ чешскихъ пановъ Жеротиновъ отъ русскаго Олега Святославича. Поэтому нечего толковать о недоказанномъ

происхожденія нѣкоторыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ отъ „решскихъ вняжатъ“ поморскихъ (стр. 144). Были ли въ Поморьѣ Мрозичи „древне-вендскій родъ“, не знаемъ; но если и были, то нельзя еще производить отъ нихъ русскихъ Морозовыхъ, какъ и чешскихъ Черторейскихъ нельзя смѣшивать съ русско-польскими Чарторыйскими, поморскихъ Борковъ—съ новгородскими Борецкими, польскихъ Яблоновскихъ—съ сербскими Яблановичами.

Цѣлую половину I-го тома своего сочиненія г. Гедеоновъ посвятилъ разбору древне-русскихъ именъ и словъ и старается отмѣтить въ нихъ сходство, даже вліяніе западо-славянское, преимущественно балтійско-славянское. Что касается именъ лишь (то-есть, славянскихъ, а не нѣхъ христіанскаго календаря перенятыхъ), то они у всѣхъ славянскихъ народовъ поразительно сходны; одинаковыя имена сложныя и простыя, ихъ сокращенныя формы, прибавленіе отчества и пр. встрѣчаются у всѣхъ народовъ славянскихъ. Имена Будигость, Хотимиръ, Владимиръ, Ярославъ, Святославъ, Мстишъ (Мстиславъ), Богущъ (Богуславъ), Ярошъ (Ярославъ), Кленъ, Влудъ, Боянъ и др. встрѣчаются у всѣхъ Славянъ; и нельзя, напримѣръ, сказать, что Боровой и Вячеславъ—имена чешскія, Болеславъ и Казимиръ—польскія, Яромиръ и Богуславъ—балтійско-славянскія, Владимиръ и Мстиславъ—русскія, Кресимиръ и Чаславъ—юго-славянскія; нѣтъ, всѣ эти имена общеславянскія; русскія Мстишъ, Лють, Володиславъ, Станиславъ, Предславъ, не указываютъ на поморскихъ или вообще западныхъ Славянъ, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 238, 258, 292). Къ славянскимъ именамъ подходятъ тоже многія имена германскія: Reginhart, Valgerdr, Lindigant, Heriman, Walemer, Chunirat, Alfred, Catuvald, Folkvidr, Liudewit, Vithimir, Folkdag, и пр., и славянскія: Радгордъ, Всегордъ, Людигость, Вукманъ, Велимиръ, Люторадь, Начерать, Всемадь, Маловидъ, Гостинидъ, Витомиръ, Ярополкъ и пр. Славяне и Нѣмцы находились, какъ сосѣди, съ незапамятныхъ временъ въ постоянныхъ связяхъ и столкновеніяхъ, и не мудрено, что иногда Славянинъ принималъ имя германское, а Нѣмецъ—славянское, и не Нѣмцы виноваты, что у Славянъ—при извѣстномъ ихъ „чужебѣси“—встрѣчаются нѣмецкія имена чаще, чѣмъ славянскія у Нѣмцевъ. Такъ напримѣръ, уже въ IX—X вв. у западныхъ Славянъ встрѣчаются имена Heriman, Ulrich, Billug, Otto, а позже ихъ и больше. Въ княжескихъ и шляхетскихъ родахъ чешскихъ, польскихъ и полабско-балтійскихъ пѣмекія имена входятъ все больше и больше въ употребленіе: Генрихъ, Германъ, Конрадъ, Отто, Удо, Готескалькъ и др. встрѣчаются подлѣ Болеслава, Вратислава, Мстислава

слава, Прибигиѣва, Прибислава и др. Съ другой стороны, снѣтъ нѣмецкаго короля Арлульфа названъ Святополкомъ, снѣтъ датскаго короля Канута — Владиміромъ (Вальдемаромъ), датскій княжичъ — Бориславомъ, норвежская княжна — Войславой, и пр.

Всего этого не слѣдуетъ забывать и относительно древне-русскихъ именъ. Въ числѣ ихъ есть и скандинавскіе. Если нѣкоторые имена не носятъ такъ явно славянскаго характера (договоры Олега и Игоря несомнѣнно переводы съ греческаго), какъ напримѣръ, Влади-миръ, Святославъ, Ярополкъ, то не нужно еще провозглашать ихъ съ-часъ скандинавскими, а лучше прямо сказать, что они пока не об-яснимы. Такъ, напримѣръ, имена Володиславъ, Малупа, Прѣтитъ, Рог-волохъ, Рогнѣдъ, Туръ, Лютъ, Блудъ, конечно, не скандинавскіе, а сла-вянскіе; Пристенъ, Ясмудъ, Борисъ, Глѣбъ, Улѣбъ, Велимудъ, Груды, Тріанъ, Стемиръ, также могутъ быть славянскіе. Г. Гедеоновъ сравни-ваетъ, напримѣръ, имя Рюрикъ съ славянскимъ Рарогъ или (?) Рерикъ (Рароги, племя Бодричей), будто бы прозвищемъ бодрическаго князя Драк-ка, Труворъ съ славян. Труберъ, Олегъ и Ольга съ чешск. Оломутомъ, Олеємъ, Олокомъ, Игорьъ или Ингоръ съ чешск. „Гняхной“ (чудовищ-ная небылица у Гайка), „Ингмаръ“ (не слав.) и пр. Но объясненія г. Гедеонова страдаютъ такимъ же недостаткомъ, въ какомъ онъ упре-каетъ норманистовъ, то-есть, они патлуютъ и даже перѣдко ошибочны. Такъ напримѣръ, его западно-славянскіе „Рюрики“ — Rerich, Rerig, Ри-рикъ, требуютъ болѣе подробнаго разисканія. Чешскій родъ „Rerich“ — если Редель (срв. *Журн. чешск. муз.* 1867 г., 92) передаетъ это имя вѣрно — совсѣмъ неизвѣстенъ, имя звучитъ не по чешски, а по нѣ-мецки; чешская форма могла бы быть лишь Рериха (собств. Ржер-жиха=жеруха), фамиліи, существующая въ Чехіи и до сихъ поръ. Пи-сарь Згорѣлецкій Peter Rerig былъ несомнѣнно Нѣмецъ, какъ тогда (XV в.) всѣ жители этого лужицкаго города. Что касается „Рерика воеводы литваго“, то падо еще изслѣдовать, передалъ ли исконскій лѣтописецъ это имя (Полика или Чеха?) вѣрно; Русскіе перѣдко пе-редѣливали чужія имена на свой ладъ; такъ напримѣръ, чешскаго вое-воду Іоанна Чернаго Русскіе называли Черникъ, Чернякъ, чешскаго пана Пернштейна — Перстень и пр. Чешское *Ворнѣ* сокращено изъ Борнславъ, и не можетъ быть=русск. *Ворнѣ*. Чешск. *Гридъ*, *Гридонъ*, *Гридата* (пишется въ латинск. грам. Grid etc.)=русск. Гордъ (гордый) и не имѣетъ ничего общаго съ словомъ *гридъ*; такъ и *Влискоу* вовсе не чешское *Вльчекъ* (Wlizek, Волчокъ). Названіе балт.-слав. города *Волнѣцъ*, *Велинѣцъ* (а не „Ольгоцъ“) есть прилагательное отъ имени

Волигошь, какъ и Радигошь, Быдгошь, Малагошь отъ Радигость и пр., и не имѣеть ничего общаго съ именами *Олеъ*, *Ольа*; прилагательное отъ Олеъ было бѣ *Олесъ*, какъ отъ Радонѣъ — Радонѣъ. Можно ли съ именемъ Олеъ сблизить имя моравскаго поселянина *Олеъ* (1145 г.)—трудно рѣшить; а имя *Олей* (Oley, 1088 г.)—не Олеъ. *Лидъ* не подходитъ къ чешск. Лидославъ, Лида, такъ какъ послѣднія уже новочешскія формы, Лидъ=др.-чешск. Людъ. *Тудоръ* нельзя сравнивать съ балтійско-славянскимъ именемъ *Сторореъ* или *Сторорко* (лютичскій шляхтичъ XII в., назвавшійся, вѣроятно, по происхожденію изъ Сторорской земли, какъ и вышеупомянутые Ляшко, Чешко, Варяжко). *Ульбъ* и балт.-слав. Godelaib (срв. чешск.-польск. Годиславъ) трудно сравнивать; перешедшія къ западнымъ Славянамъ нѣмецкія имена Dethleb, Hartleb сюда не принадлежатъ. *Бернъ* подходитъ къ чешск.-польск. Брѣнишъ, но не къ балт.-слав. Барпута (балт.-слав. Барнъ=чешск. Брапъ, польск. Бронъ и русск. Боронъ) и еще менѣе къ Берпачъ, славяненпой формѣ пѣм. Bernhard, Bernard. Такъ и чешск. Жибридъ (Sebrith)=германск. Sigefrid, а Ира (др. Юра) вовсе не Ярославъ, а просто Юрій, Георгій. Можно было бы привести еще больше такихъ примѣровъ, но и по вышеприведенному можно видѣть, какъ осторожно надо поступать въ объясненіи такихъ древнерусскихъ, отчасти испорченныхъ именъ, встрѣчающихся кромѣ того съ разными вариантами, напримѣръ: Груды—Гуды, Вельмудъ—Веремундъ, Вуеасть—Ибусхатъ, Вузлѣвъ и Кузелѣвъ, и пр. А то, пожалуй, будутъ еще правы тѣ господа, которые объясняютъ троицу: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ—по нѣмецки: Rurik und sine getruwen ¹⁾!

Въ примѣчаніи 107-мъ г. Геденовъ говоритъ: „Въ пользу варяжскаго (поморскаго) происхожденія Ольги можно бы привести чисто-вепдскую форму имени села сѣ *Ольжичи*; въ другихъ спискахъ лѣтописи вѣсто вепдскаго Ольжичи поставлено русское Ольгино“. Но этимъ словамъ можно, кажется, подумать, что авторъ считаетъ названія мѣстъ съ патронимическимъ окончаніемъ—ичи принадлежностью однихъ только Балтійскихъ Славянъ. Но это мнѣніе невѣрно. Во *всѣхъ* славянскихъ земляхъ находится множество названій мѣстъ

¹⁾ Такихъ же недостаткомъ страдаетъ этимологизированіе г. Иловайскаго (Разысканія о началѣ Руси, 210, 302). Замѣтимъ только, что имена *Оттокаръ* и *Ольдрихъ* (Ulrich, Udalricus) не чешскія, а нѣмецкія; *Рюрика* нельзя сравнивать съ Рарогъ, какъ и *Иниваръ* съ Унгваръ (мадярск. названіе Ужгорода: мадярск.-югослав. *варъ*, *виронъ*—изъ греч. *βάρης*—значитъ городъ), и пр.

съ патронимическимъ окончаніемъ—ичи (у западныхъ Славянъ—ичи, иче, и тоже часто и у Новгородцевъ). Имя Бояновичи (Bojanovici, — vice) означаетъ потомковъ, родъ Бояна, и потомъ—послѣ замѣны рода болѣе обширною общиною—усадьбу Бояновичей, селеніе Бояновичи, Bojanovici, какъ это хорошо обозначено въ древнепольской грамотѣ homines Belejeuici, то-есть, жители села Бѣлеевицъ. Такія родовыя названія находимъ и на Руси; приведемъ нѣсколько изъ древнихъ памятниковъ: Бужковичи, Бѣжичи (-ци), Витославичи (-ци), Дѣдичи, Дѣдогостици, Мирятичи, Погоновичи, Стояничи, Увѣтичи, Хвалимичи и пр.; все это родъ Бужка, Витослава, Мириты, Хвалима и др. и его усадьба. Такія названія встрѣчаются, конечно, и у Балтійскихъ Славянъ (срв. наше сочиненіе: Германизация Балт. Славянъ, 26, 203), равнымъ образомъ какъ и у другихъ. Поэтому названіе Ольжичи нельзя считать „чисто-вендскимъ“; оно столько же русское, сколько и Ольгино, какъ и Краковици, Краковъ, Сезимово, Варгатицъ, Сербино — названія балтійско-славянскія.

Глава IX-я сочиненія г. Геденова носитъ названіе: „Слѣды варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси“—заглавіе очень смѣлое. Прежде чѣмъ говорить объ этой главѣ, надо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Раздѣленіе первоначальнаго языка славянскаго на нѣсколько языковъ совершилось уже давно, еще—если такъ можно выразиться—въ доисторическое время. Не смотря на то, что славянскіе языки чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ ближе другъ другу, они все-таки въ историческое время—то-есть, по письменнымъ памятникамъ—представляютъ уже вполне развитыя и строго опредѣленныя органическія единицы, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга. Если сравнимъ, напримѣръ, чешское евангеліе св. Іоанна, словенскіе Фрейзингскіе отрывки древне-болг. Остромирово евангеліе, русскую дѣтонисъ, сербскія житія, названія мѣстъ и лицъ у Ляховъ (балтійскихъ и вислицскихъ), то увидимъ въ нихъ установившіеся языки чешскій, словенскій, древне-болгарскій (словѣнскій), русскій, сербскій, ляхскій; увидимъ, что уже въ древнѣйшій періодъ Чехи говорили градъ, Глубочанъ, Ляхи—гардъ, гордъ, гродъ, Глѣбока (Glaboka), и всѣ западные Славяне—радло, мезу (мези) или медзу, земя, выгонъ, Ратиборовици. Между тѣмъ Русскіе говорили: городъ, горожанинъ, межу, рало, земля, глубокъ, князь, Мирятичи, а южные Словѣне (Болгаре)—градъ и гражданинъ (Сербъ: градинъ), межу (сербск. медю), рало, земля, глѣбокъ (сербск. дубокъ), князь (сербск. князь), Богданици (-ишти), и

пр. Но не смотря на эти характеристическія черты славянскихъ языковъ, въ нихъ является удивительное сходство, формальное и материальное, лексикальное.

При помощи лексикальнаго богатства равныхъ языковъ славянскихъ можно нарисовать довольно полную картину древнѣйшаго быта Славянъ, когда ихъ племена стояли ближе другъ къ другу и не развились еще въ строго опредѣленные организмы, въ народы. Такъ, на примѣръ, если во всѣхъ славянскихъ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ находимъ слова *пшеница*, *рожь*, *овесъ*, *ячмень*, *яблонь*, *железо*, *плугъ* или *радо*, *полотно*, *городъ*, *село*, *весь*, *гусли*, *правда*, *вѣче* и пр., то эти слова можно считать важными свидѣтельствами о бытѣ и степени образованности Славянъ въ древній періодъ ихъ исторіи. Ибо о какомъ-нибудь *заимствованіи* тѣхъ или другихъ словъ (понятій, вещей) нечего и думать; нельзя сказать, что восточные Славяне переняли отъ западныхъ, на примѣръ, слово *весь*, или западные отъ южныхъ — слово *жуланъ*, или южные отъ восточныхъ — слово *смердъ*. Итъ, все это слова обще-славянскія; нѣкоторые изъ нихъ употреблялись больше и дольше у западныхъ, другія у восточныхъ и южныхъ Славянъ; такъ, на примѣръ, слово *тыче* знаютъ южные Славяне до сихъ поръ, а у западныхъ оно вышло уже изъ употребленія. Если Славяне, въ древнѣйшій періодъ своей исторіи, заимствовали отъ чужихъ народовъ тѣ или другія слова (предметы, учрежденія и пр.), то и въ такихъ словахъ является еще сходство. Такъ, на примѣръ, германскія *kuning*, *renning*, *vithing*, *Karl*, *chiricha*, *fasta*, римскія *calendae*, *rosalia*, *caesar* перешли ко всѣмъ или почти ко всѣмъ Славянамъ въ одинаковой формѣ: *кѣнягъ* (*кѣнязь*), *пѣнягъ*, *вѣнягъ*, *краль*, *црькы*, *постъ*, *воладъ*, *русалин*, *цѣсарь* (*царь*). Между тѣмъ, если Славяне позже, то-есть, когда они уже разошлись и сформировались въ строго опредѣленные народныя единицы, заимствовали нѣкоторые слова отъ чужеземцевъ, то выходитъ ужъ иначе. Такія, на примѣръ, заимствованные слова: *бунага* (русск.), *хартія* (южн.-сл.), *папиръ* (зап.-сл.); *булатъ*, *сталь*, *надо*; *желтая мѣдь*, *ниринагъ*, *мосязь*; *пушка*, *дѣло*, *топъ*, и пр.

Если сравнимъ государственныя и юридическія учрежденія отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, то и въ нихъ находимъ поразительное сходство. Нѣкоторые такія учрежденія сохранились у восточныхъ и южныхъ Славянъ дольше, чѣмъ у западныхъ, а у южныхъ нѣкоторые существуютъ и до сихъ поръ. Такъ на примѣръ, у Чеховъ въ XIII в. извѣстные судебные сыщики назывались *соки*; такіе же *соки* встрѣчаются въ западной Руси еще въ XV—XVI вв., а

у Сербовъ они извѣстны до сихъ поръ. Извѣстный способъ судопроизводства назывался у Чеховъ въ XIII в. *сводъ*; такой же *сводъ* встрѣчается и въ Правдѣ Русской, и въ сербскомъ законѣ Стефана Душана. Такихъ одинаковыхъ учрежденій съ одинаковыми названіями встрѣчается у славянскихъ народовъ очень много: лицо—поличное, вѣданіе—выдача, глава—головщина, слѣдъ, круговая порука и пр. Все это—общеславянскія учрежденія, выработанныя еще въ давнія времена національнаго единства, до окончательнаго раздѣленія Славянъ на нѣсколько народовъ. Невозможно и здѣсь говорить о какомъ-нибудь заимствованіи Чехами у Русскихъ или Сербовъ, напримѣръ, соковъ или свода. Нельзя же предполагать, чтобы депутаты или юристы отдѣльныхъ народовъ славянскихъ сходились на международныхъ конгрессахъ и постановляли здѣсь разныя учрежденія, обязательныя для всѣхъ Славянъ, и одинаковую юридическую терминологию.

Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такого стариннаго единства Славянъ въ бытѣ, учрежденіяхъ и пр.

Кметъ. Слово темное, встрѣчающееся у всѣхъ Славянъ. Нѣкоторые сближаютъ его съ латинск. *comes*, другіе указываютъ на литовск. *кэмьс* и греч. *κμήτης*—*ragus, vicus*. Первоначально слово *кметъ* означало хозяина, господаря и вообще поселенца; такъ, у Чеховъ и у Поляковъ крестьяне до XVI вѣка назывались *кмети*, а у южныхъ Славянъ, Словенцевъ, Хорватовъ и Босняковъ, крестьяне называются *кмѣтами* и до сихъ поръ; у Волгарь и у Сербовъ *кмети*—знатные крестьяне, а у Черногорцевъ—судебные посредники. *Кмети*—господари высшихъ сословій, шляхты, составляли думу, совѣтъ князя-государя (=русск. бояре, думцы). У Чеховъ высшіе сановники земскіе (*beneficarii fide digni qui kmetye dicuntur, kmetones seu seniores terrae*) назывались *кмѣтами* до XV вѣка, а въ Моравѣ они позже приняли названіе пановъ господарей. То же самое случилось и у южныхъ Славянъ; въ хорватскихъ и сербо-босанскихъ памятникахъ XV в. *кмети* угорскіе=*barones regni Hungariae*. *Кмѣтами* назывались, вѣроятно, и польскіе сановники земскіе, которые составляли княжескую или королевскую думу, вѣче; поэтому въ древне-польской пѣснѣ Адамъ называется божіимъ *кмѣтежъ*, который сидитъ у Бога въ вѣчѣ. У русскіхъ Славянъ *кметъ*—отличный воинъ (Курипе свѣдоми *кѣмети*, молодые *кмети*, *кѣметство*).

Смердъ. Слово темное (смердъ? перс. *мердъ*, армянск. *мардъ*—мужъ?). Оно извѣстно преимущественно на Руси, гдѣ означало вообще плебей, въ особенности сельскаго жителя, хлѣбопашца, крестьянина; въ

лѣтописяхъ и Правдѣ часто говорится о смердахъ и ихъ роляхъ. У дунайскихъ Словѣнъ (Болгаръ) смръдъ означало тоже плебея (противоположное сановнику, царю). У Ляховъ, балтійскихъ и вислянскихъ, родъ крестьянъ, вѣроятно, крѣпостныхъ, назывался *смарды* (*smardi, smardones*, въ польск. грам. еще XII в., а у балт.-полабск. Славянъ и позже); у люнебургскихъ Славянъ еще около 1700 года *смарды*=крестьяне.

Боляринъ, боляринъ, слово извѣстное только Славянамъ восточнымъ (у нихъ тоже бояринъ) и южнымъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это слово происходитъ отъ *болій*, а боляринъ = вельмуажъ, вельможа. О русскихъ болярахъ или боярахъ не станемъ говорить здѣсь; болгарская шляхта тоже всегда называлась боляре, болѣре; у Сербовъ боляре только въ XIV в. стали называться властелями. Были боляре великіе и малые. Отъ Славянъ (вѣроятно, дунайскихъ) переняли это слово Румыны. Западные Славяне не знаютъ слова боляринъ; у нихъ высшія сословія назывались князья, жупаны, шляхта, вейманы, владыки. Шляхта раздѣлялась тоже на два разряда, высшая и низшая; балтійскіе Ляхи называли первый разрядъ — князья, второй — княжичи, какъ и Сербы — властелипъ и властеличичъ, Русскіе — бояринъ и сынъ боярскій.

Себръ, у южныхъ Славянъ, Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, означало, а отчасти означаетъ и до сихъ поръ плебея, крестьянина, противоположнаго властелину, болярину. Это слово встрѣчается, напримеръ, въ болгарскомъ переводѣ Матеѣй Властара, въ законѣ Душана, въ хорватскихъ грамотахъ и проч. На Руси *сябры* встрѣчаются въ псковскихъ, новгородскихъ и литовско-русскихъ памятникахъ, означая соучастниковъ, владѣвшихъ сообща землей. У Бѣлоруссовъ *сябръ*, *сябрукъ*=родственникъ, сотоварищъ, у Великоруссовъ *сябръ*, *себръ*=товарищъ, хозяинъ съ правомъ голоса на громадѣ (то-есть, сходкѣ), а въ законникѣ Душана такой „соборъ себровъ“ строго запрещается. Литовскій *себраць*=соучастникъ. Срв. санскр. *saḥā* — собраніе, мѣсто собранія (югослав. *соба*=комната). *Сябръ*, *себръ*=участникъ такого собранія, хозяинъ, господарь.

Вѣче, снемъ, соборъ. Такъ называли всѣ Славяне свои всенародныя сходки, которыя такъ хорошо описалъ уже Византіецъ Прокопій въ VI вѣкѣ: „Словѣне (дунайскіе) и Анты (днѣпровскіе) не повинуются одному мужу, но живутъ издавна въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются. Равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ за-

конамъ управляются". Вотъ любопытное описаніе старинныхъ славянскихъ сходокъ, на которыхъ пародъ снимался или собирався, совѣщался. А о вѣчахъ восточныхъ Славянъ (Антоя Прокопія) говоритъ то же самое домашній лѣтописецъ XII вѣка: „Измачала Поугородци и Смолянне и Кіанне и Полочане и вся власти, якоже на думѣ на *тъча* сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть". Звономъ вѣчевыхъ колоколовъ созывался на вѣче народъ, бояре и чернь—совѣщаться о публичныхъ дѣлахъ, говорить о нихъ съ трибуны, выѣстъ съ княземъ, дружинниками, сановниками (посадникомъ, воеводой-тысячникомъ). Но съ конца XV и съ начала XVI в. вѣчевое устройство исчезаетъ, общинное начало уступаетъ государственному, а слово вѣчникъ означаетъ уже крамольника. Въ соединенной сѣверо-восточной Руси собираются государственные *соборы*, и только на окраинахъ русскаго міра созываются еще казаки на *рады* и *крупы*, преемники старинныхъ вѣчъ, да въ западной Руси, польско-литовской, въ XVI в. сельскіи общины собирались на *каты*, *тъча*, *сборы*. Вѣчевое устройство *дунайскіе Словяне* перенесли и на югъ, и ихъ *тъща* или *тъча* были такіе же бурные, какъ и русскіи, такъ что и у нихъ вѣчникъ стало означать крамольника. Кромѣ государственныхъ *сборовъ* болгарскихъ, сербскихъ и хорватскихъ, сохранились, особенно у адриатическихъ Югославянъ, *тъча* общинъ, пользовавшихся здѣсь обширнымъ самоуправленіемъ. Въ нѣкоторыхъ далматскихъ городскихъ общинахъ славянское вѣчевое устройство смѣшалось съ бывшими тамъ римскими муниципальными порядками, хотя и въ нихъ чернь домогалась участія въ вѣчевомъ устройствѣ. Вѣча и соборы видимъ, напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Керкской, Винодолской, Сеньской, Полицкой, въ далматскихъ городскихъ общинахъ Задрѣ, Сплѣтѣ, Трогирѣ, Дубровникѣ и др. Вѣча собирались или „скупились на купъ", созвонились подъ открытымъ небомъ, потомъ въ особой вѣчницѣ; на нихъ присутствуютъ князь и другіе сановники, знатные люди, племенитые (дворяне) и общинскіе, *въчмичи*, и иногда также простой народъ (соборъ, universitas). Такъ, напримѣръ, въ Керкѣ въ 1267 г. „будучи судца и вичници и имети предъпрѣву учинише мею собу, да када буде граду ка потреба, виче имети мею собу, да буде званъ васъ пльхъ (народъ), веля и мали, и да има то виче бити в недилю с маше (литургіи), и ча (что) би виче учинило, да неморе (не можетъ) ниеданъ рѣчи проту тому". Въ Дубровникѣ въ 1253 г. звономъ звонивше на съборе, ѣко е по закону дѣбровъчскому, собирали вѣче, на которомъ присутствовали кнезь, банъ

(vice-comes) и другіе сановники общины, и около 100 вѣчниковъ, все властеле (боляре), имена которыхъ приводятся съ отчествомъ (напримѣръ, Русинъ Петровичъ, Русинъ Белчичъ, Павелъ Болеславичъ, Филиппъ Пичинежичъ, Власій Русиновичъ, и проч.). На великомъ вѣчѣ или сборѣ хорватско-далматской общины Полицкой присутствовали всѣ главари, то-есть, князь, воевода, судьи и друг., властеле (боляре), дидичи (дѣдичи, знатные помѣщики) и всѣ Поличане, вся община, весь пукъ (полкъ, пародъ). Государственные *соброры* хорватскіе, сербскіе и болгарскіе сдѣлались сходкой однихъ только племищъ, властелей, боляръ. Сходки сельскихъ общинъ назывались у Хорватовъ *самамъ*, а у Сербовъ и Болгаръ *соброръ*. У западныхъ Славянъ вѣчевое устройство было разнообразно. У Чеховъ и Поляковъ, у которыхъ государственная идея очень рано восторжествовала надъ древне-славянскою разрозненностью, являются государственные *сметы, съемы, сеймы*, то-есть, собранія одной только шляхты, земанъ; о всенародныхъ вѣчахъ въ государствахъ Чешскомъ и Польскомъ нѣтъ и помину; вѣчами же (вѣце) Поляки называли преимущественно судебныя сходки, судъ княжескій (вѣце великое, посполитое), на которомъ засѣдали князь и высшіе сановники (кметы? жупаны?) и судъ сельскій. У Балтійскихъ Славянъ, у которыхъ государственная идея развилась не такъ сильно, какъ у Чеховъ и Поляковъ, сохранилось общинное начало, древне-славянское вѣчевое устройство гораздо сильнѣе. То, что разказываетъ Проконій о дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянахъ, повторяетъ почти буквально Титмаръ о Лютичахъ: „У всѣхъ племенъ лютичскихъ нѣтъ никакого особеннаго властителя; общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкахъ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ“. Такія сходки являются и у поморскихъ Ляховъ; въ Щетинѣ посреди площади стояла трибуна, съ которой говорили къ народу; народъ собирался тоже въ особыхъ общественныхъ зданіяхъ, такъ называемыхъ континяхъ ¹⁾.

Сокъ, судебный сыщикъ (ибедникъ). Сопоставимъ здѣсь нѣсколько статей разныхъ славянскихъ уложеній, основанныхъ на обычномъ правѣ. Чешское право князя Конрада (1189 г.): „Nullus sok aliquem accuset, nisi certo sub testimonio vicinorum constet de dampno“. Запоро-русскій статутъ Казимира (1468 г.): „А пакъ ли сокъ усочитъ

¹⁾ Съ вѣчевымъ устройствомъ у балтійскихъ и адриатическихъ Славянъ можно ближе познакомиться по соч. *Гильбердинна* (Ист. балт. Славянъ) и *Леопольвича* (Хорватско-далматское законодательство — въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* 1867 г.).

на кого, а лица не будетъ". Литовско-русскій статутъ (1529 года): „Естли хто черезъ *соковъ* (древне-польскій переводъ: *przez soki*) до-вѣдавшися лица" Черногорскій законникъ князя Данила (1855 г.): „*Сок*, који *шгочи* судца — митника (взяточника)".

Если уже славянскіе народы перенимали другъ отъ друга извѣстныя учрежденія, то это сейчасъ замѣтно. Извѣстно, что такихъ „заимствованій" встрѣчается больше всего въ поднѣпропской Руси, которая, находясь нѣсколько вѣковъ подъ владычествомъ Ляховъ, Поляковъ, испытала польское вліяніе въ значительной степени. Такъ напримѣръ, вмѣсто *боляръ* (бояръ) является *шляхта*, корпорация съ особыми правами, гербами и проч.; а „боире"—это уже люди свободные, не шляхтичи. Вмѣсто древнерусскихъ княжествъ и земель являются польскія *воєводства* и *повѣты* и польскіе сановники *воєвода*, *кастелянъ*, *канцлеръ*, *маршалокъ*, *староста* и друг., древне-русскій воєвода сталъ называться *етманомъ*. Вмѣсто боярь-думцевъ являются *панове рада*, *сенаторы*, вмѣсто общенародныхъ вѣчъ — *соймы*, *сеймы* и *сеймики*, сходки одной только шляхты; названіе вѣча осталось лишь за сельскими сходками. Древне-русское общинное начало въ городахъ сначала ограничивалось, а впослѣдствіи совсѣмъ уступило устройству нѣмецкихъ „мѣстъ" по магдебургскому праву. Такъ напримѣръ, старинный городъ Полоцкъ, „мужи Полочане", еще до конца XV вѣка (то-есть, до пожалованья ему магдебургіи) пользовался разными древне-русскими учрежденіями. *Паны*, бояре, *мѣщане*, дворяне и все *посполство* Полоцкаго *мѣста* „справляли посполу городскія дѣла, и сымались вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сымывались здавна; а безъ боярь мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черки *соймовъ* не надобѣ чинить". Полоцкихъ и витебскихъ *воєводъ* не назначалъ король, а ихъ выбирали сами Полочане и Витебляне (шляхта), „по старому, по ихъ воли", а воєводы должны были „пѣловати крестъ къ Полочаномъ и къ Витеблянномъ".

Приведенныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ сходны разныя явленія быта Славянъ и въ довольно позднія времена. Все это наслѣдство первоначальнаго національнаго единства Славянъ, все это—та старая правда, тѣ „старе и искушене законе", въ которыхъ „всигда жилили деди, отци и вси прѣви (предки)", какъ выражаются винодолскіе Хорваты въ 1288 году. Если Славяне заимствовали кое-что другъ у друга, то это оставалось всегда замѣтнымъ.

Г. Гедеповъ, говоря „о слѣдахъ варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси", старается подкрѣпить это

мнѣніе такими доказательствами, которыя насъ не убѣждаютъ въ мнѣніи о вліяніи Балтійскихъ Славянъ на восточныхъ ни относительно языка, ни *язычества*, ни *права*.

Славянскіе языки раздѣляются на три группы, западную, восточную и южную. Южная группа—вообще говоря—ближе къ восточной, чѣмъ къ западной, или чѣмъ западная къ восточной, хотя между двумя послѣдними группами есть нарѣчія (малорусское, бѣлорусское), которыя ближе къ западнымъ, чѣмъ къ южнымъ ¹⁾. Къ западной группѣ принадлежатъ Чехи съ Моравянами и Словаками, Полабскіе (теперь только Лужицкіе) Сербы и Ляхи въ обширномъ смыслѣ, балтійскіе (Бодричи, Лютячи, Поморане) и вислянскіе (Поляки). Главною отличительною чертой нарѣчій ляхскихъ служатъ носовые звуки, которые въ ляхскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ чешско-словенско-сербскихъ ихъ нѣтъ и въ историческое время не было ²⁾. Совершенно невѣрны слова г. Геденова (стр. 309), будто поморскіе Славяне стояли между Чехами и Ляхами; сербо-лужицкое нарѣчіе съ ляхскимъ связывать нельзя. Ляхскія нарѣчія, то-есть, на-

¹⁾ Чехи и Малорусы понимаютъ другъ друга гораздо лучше, чѣмъ, напримеръ, Чехи и южные Славяне. Въ этомъ я не разъ имѣлъ случай убедиться; Русскихъ, говорящихъ на литературномъ языкѣ рускомъ, Чехи понимаютъ съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ говорящихъ по малорусски понимаютъ гораздо легче. Въ 1848—1849 гг. известный чешскій публицистъ и депутатъ австрійскаго парламента, К. Гавличекъ, пользовался большимъ авторитетомъ у галицко-русскихъ крестьянъ-депутатовъ, съ которыми онъ общался по чешски, и еще недавно говорилъ мнѣ одинъ чешскій депутатъ австрійскаго парламента, что онъ понимаетъ лучше всего славянское нарѣчіе, на которомъ говорилъ А. И. Добрянскій, то-есть, угорско-русское. Южнорусскія и новгородскія лѣтописи и др. памятники югозападной Руси (статуты, сеймовые акты, грамоты) поражаютъ Чеховъ своею удобопонятностію, такъ что иногда кажется, будто читаешь на какомъ-то чешскомъ нарѣчьи, и чешскій переводъ выходитъ только простой транскрипціей; срв., напримеръ, чешскій переводъ Нестора (Эрбена) и выдержки изъ разныхъ русскихъ лѣтописей на чешскомъ языкѣ въ нашей статьѣ о русскихъ языкахъ (въ *Журн. Чешск. Муз.* 1868 г.), также чешскій переводъ грамоты Святигайла въ нашей книгѣ: *Славянская взаимность*, 251. Это поразительное сходство, конечно, не результатъ какого-нибудь заимствованія; это — сходство племенное, которое заставило одного южнаго Русскаго XV вѣка сказать: «Чехи мало отличаются отъ Русскихъ, и Русь своею рѣчью близка языку чешскому».

²⁾ Некоторые слабые слѣды изъ чешскомъ нарѣчьи ничего не значатъ; напримеръ, Wenceslaus — нѣмъ Вацлавъ, Zuentislaus, Rambous подлѣ Kladruby, Augel (рѣка) — Углава, и проч.

рѣчія балтійскихъ Водричей, Лютичей, Поморянъ, полабскихъ Стодорянъ, повислянскихъ и поодрянскихъ Мазовшанъ, Куявянъ, Полянъ, Сязанъ и карпатскихъ Хорватовъ, представляютъ одно лингвистическое цѣлое, которое отличается отъ остальныхъ нарѣчій западно-славянскихъ и еще больше отъ восточно-славянскихъ (русскихъ). Во всѣхъ этихъ ляхскихъ нарѣчіяхъ господствовали и господствуютъ тѣ отличительныя черты, которыя отдѣляютъ западно-славянскія нарѣчія отъ восточныхъ, то-есть, говоря коротко, Ляхи говорили и говорятъ: земля, Древляне, рало, ночь, мезу-меду, Лютичи, гардъ — гордъ — гродъ, свать, дѣбъ (święt, dąb), между тѣмъ какъ Русскіе Славяне говорили и говорятъ: земля, Древляне, рало, ночь, мезу, Лютичи, городъ, свать, дубъ. Эти отличительныя черты, преимущественно же носовые звуки (которыхъ нѣтъ въ русскихъ нарѣчіяхъ) и полногласіе (котораго нѣтъ въ ляхскихъ нарѣчіяхъ), раздѣляютъ Ляховъ и Русскихъ, сосѣдей съ незапамятныхъ временъ. Такъ, напримѣръ, балтійскіе Ляхи говорили — по древнѣйшимъ памятникамъ — Колобаргъ, Варпи, Древляне, Мезерѣчь, Лячинъ, Седличане; а русскіе Славяне — Бѣлобережье, Вороница, Деревляне, межу, Лучане, село.

„Изъ чешскаго и польскаго языковъ, преимущественно изъ мѣсте (?) измѣнившася чешскаго, объясняются почти всѣ слова *не русскаго* склада и происхожденія, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей исторіи. Какимъ путемъ перешли къ намъ эти слова, и можетъ ли ихъ присутствіе на Руси быть объяснено иначе, какъ изъ варяжскаго источника — вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ“, говоритъ г. Геденовъ (стр. 309), и потому старается указать на непреложныя, по его мнѣнію, слѣды „вендскаго“ (слѣдовало бы сказать скорѣе: западно-славянскаго вообще) начала въ древнерусской исторіи. Послѣ того приведено нѣсколько словъ этого „вендскаго“ происхожденія изъ русскихъ лѣтописей, Церковнаго устава Владиміра, Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ, и др. Предоставляю специалистамъ-филологамъ подробно разсмотрѣть эти мимо „вендскія“ слова въ древне-русскихъ памятникахъ. Но и каждому не-специалисту покажется очень страннымъ, какъ можно считать *не русскими* слова: укладъ, рало, лоньщина, чинъ, кметъ, хотъ, болонь, кобъ, снемъ, прилбиза, милостьпикъ, въздолѣ, съсуги, и др. Какъ же считать не русскимъ, напримѣръ, слово *укладъ* (дѣлать уклады на русскіе города), если въ областномъ нарѣчій слово *укладъ* значить условіе, договоръ, сдѣлка? *Рало* будто бы Вятичи-

Ляхи принесли на востокъ на Оку; но обл. рало—лемехъ, сошникъ; а древне-русское *poradnie* дѣйствительно соответствуетъ ляхскому *poradnie*, какъ и другія общеславянскія слова и учрежденія, какъ напримѣръ, русскія *кмѣть*, *снемъ*—ляхскимъ *kmieć*, *sjem*—*sejny*, и другія слова (воевода, истецъ, дружина, добытокъ и др.), которыя самъ авторъ считаетъ всеславянскими. Древне-русское (и обще-славянское) слово *снемъ* (чешск. *sněmъ*, польск. *śnieмъ*—сеймъ, др.-хорв. *sanmъ*, *saimъ*, *sanamъ*, др.-сербск. *сънмъ*, словенск. *сенъемъ*, *семенъ*, *смейпъ*, др.-слов.-болг. *сънмъ*, отсюда и русск. *сонмъ*) г. Геденовъ (стр. 337) называетъ „однимъ изъ многозначныхъ для нашего предмета наряжскихъ словъ“. Русскіе князья часто „сняшася на снемъ“ то въ Любчѣ, то въ Витичевѣ и др.; польскій лѣтописецъ Хвальчевскій тоже знаетъ такіе „снемъ“ (*sjeinu*) русскихъ князей. А въ 1253 г. назначенъ войскамъ русско-польскимъ „снемъ“ у города Опавы. Чешскіе кмѣти, лѣхи и владыки „снѣху се“ на снѣмъ въ Вышеградѣ, а чешскіе „владыки се снѣху“ въ лѣсѣ, приготовляя военныя дѣйствія противъ Поляковъ. Въ древне-польской псалтыри читаемъ: *сняманье альбо себранье* (*we snuapanu albo w sebranu*). Въ др.-хорват. Истрийскомъ разводѣ часто говорится о „санмѣ“ общины (комуп има свои сапан дръжати); сербск. Домевіанъ и Данилъ тоже употребляютъ слово *сънмъ* (др.-слов. *сънмъ*) въ смыслѣ сходки. Западныя Славяне называютъ парламентъ до сихъ поръ *снемъ* (снѣмъ) или сеймъ. Стало быть, слово „снемъ“ вовсе не „варяжское“, а общеславянское, какъ и вѣче, соборъ. Другое „любонитное наряго-русское слово“ видитъ г. Геденовъ (стр. 340) въ словѣ, записанномъ у Льва Діакона: *κομάντος* (дума бояръ, называемая по русски *комепотъ* *βουλὴ τῶν ἀρίστων, ἧν καὶ κομάντων τῇ σφετέρῃ διαλέκτῃ φάσιν*, ed. Вонп., 150). Если слово *κομάντος* и считать *комоньство*мъ, то оно все-таки отнюдь не „варяжское“, а какъ показываетъ древне-русское *комонъ*, столько же русское, сколько и чешское; русское *комоньство* могло означать не только качество *комоня*, но и дружину князя на *комопахъ*, какъ и чешское *комопство*. Впрочемъ, срв. др.-русск. *кмѣтьство* (къметьство), то-есть, совокупность *кмѣтей*, отборныхъ воиновъ.

Носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ пѣть и въ историческое время не было. Если Византіицы передаютъ очень немногія русскія слова съ носовымъ звукомъ, то здѣсь надо предполагать вліяніе ближайшихъ имъ Славянъ болгарскихъ, у которыхъ ринезмъ господствовалъ также, какъ и у Лиховъ. Такъ, напримѣръ, Византіицы пишутъ Ἰγῳρ, Ὑφνδωσλαβῳς, Λενῳαννοι, ἔομπρος — вм. русск. Игорь,

Святославъ, Лучане, зубръ; они пишутъ также прахъ (прагъ — порогъ), Владимѣросъ (Владиміръ—Володимѣрь), Нѣмѣгарда, Новѣгородѣнъ (Новгородъ). Такія формы надо приписывать несомнѣнно болгарско-словѣнскому, а отнюдь не „поморскому вліянію на русскій языкъ“, тѣмъ скорѣе, что болгарско-словѣнскій языкъ съ X вѣка сдѣлался общепонятнымъ и на Руси, не только въ церкви, но и въ литературѣ свѣтской; такъ, напримѣръ, въ русской лѣтописи можно встрѣтить на одной и той же самой страницѣ формы градъ и городъ, Владиміръ и Володимѣрь. Да, очень можетъ быть, что извѣстныя двойныя названія Днѣпровскихъ пороговъ (по русски и по славянски—*rwzrosti* *hai* *oklawimsti*) слѣдуетъ понимать такъ, что одно названіе знали Русь, а другое — дунайскіе Словѣне. Первый порогъ назывался по-русски и по-славянски одинаково: „не сии“ или лучше „не сѣпи“ (если читать *vesoonpŭ*). А уже первый русскій лѣтописецъ говоритъ: „Словѣнскъ языкъ и рускый одинъ. Форма *прагъ* (*прахъ*) встрѣчается въ названіяхъ двухъ пороговъ, и если читать *Напрежѣ* = *напрежіе*, *напражіе* — и въ этомъ третьемъ. Константинъ писалъ *прагъ* подъ вліяніемъ болгарско-словѣнскимъ, такъ, какъ раньше его неизвѣстный географъ — подъ вліяніемъ ляхско-польскимъ — приводитъ у восточныхъ Славянъ племя *Запорози* (русс. Запороги, Запорожье). Но пусть Славянинъ, доставившій Константину названія Днѣпровскихъ пороговъ, я былъ новгородскій или дунайскій Словѣнинъ; а въ самыхъ названіяхъ все-таки вовсе не видно „западное нарѣчіе, получившее право гражданства въ Новгородѣ, вслѣдствіе его колонизаціи отъ Балтійскихъ Славянъ“, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 534). Форма *прахъ* вовсе не „вендская“. Балтійскіе Славяне говорили, а отчасти говорятъ до сихъ поръ (Кашубы), *паръ* или *поръ* (польск. *прогъ*), какъ, напримѣръ, *гардъ*—*гordъ* (польск. *гродъ*, русск. *городъ*), *бергъ* (польск. *брегъ*, русск. *берегъ*), *Варшы* (польск. *Вроны*, русск. *Вороны*), *Вартиславъ* (польск. *Вроциславъ*, русск. *Воротиславъ*) и пр.; звукъ *z* произносили чисто какъ *z*, какъ и Поляки, восточные Русскіе и южные Славяне, а не какъ Малоруссы и Бѣлоруссы, Чехи и верхне-дунайскіе Сербы (=лат. *h*). Поэтому и форму *прагъ* слѣдуетъ толковать не изъ „вендскаго“ (то-есть, собственно чешскаго), а просто изъ болгарско-словѣнскаго. Вышеприведенныя греч. формы Новогардъ (*Нѣмѣгардъ*) и Новогордъ (*Новѣгородѣнъ*) дѣйствительно приближаются къ ляхскому выговору слова *городъ*; но къ такимъ формамъ, записаннымъ иноплемениками, нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Г. Гедеоновъ (стр. 358) произвольно измѣняетъ имя *Ладина* въ *Лигоди* и при-

бавляетъ: „Перестановка согласныхъ въ формахъ Ладога—Laboda явленіе обыкновенное, какъ у вендскихъ Славянъ (срв. вендскія Belgard, Stargard, Derwan, worna — вмѣсто Belhrad, Starhrad, Drewan, wraha), такъ и у насъ“. Но такое произвольное измѣненіе Ладоги въ Лагуду странно, и кромѣ того, никоимъ образомъ не идетъ къ формамъ Вѣлгардъ—Вѣлградъ, по русски всегда Вѣлгородъ. Формы *Волыъ, Волюа* вм. Олегъ и Ольга нельзя считать „варяжскими“, и для ихъ объясненія не нужно обращаться къ балтійско-полабскимъ Славянамъ; вся поднѣпровская Русь знаетъ формы: вікно—окно, вівица—овца, вузкій—узкій и пр.

Всѣ вопросы г. Гедеонова на стр. 343—въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: почему одно слово въ русскомъ языкѣ выходитъ изъ употребленія, а въ западно-славянскихъ языкахъ оно сохраняется дольше, — всѣ эти вопросы совершенно напрасны и лишніе. Почему, напримѣръ, *соки* исчезаютъ у Чеховъ въ XIII, у западныхъ Русскихъ въ XVI в., а Сербы знаютъ ихъ и до сихъ поръ? Почему у люнебургскихъ Славянъ крестьяне назывались *смарды* (*смерды*) еще около 1700 г., а на Руси только до XIV вѣка? Почему риневитъ — явленіе вовсе не столь „abscheulich“, какъ думалъ Добровскій, — сохранился въ полной силѣ у всѣхъ Ляховъ, а у Русскихъ исчезъ совершенно, кромѣ, пожалуй, такихъ формъ, какъ: время—временъ? Съ мнѣніемъ автора, что для объясненія древне-русскихъ памятниковъ необходимо знаніе западно-славянскихъ языковъ, мы вполне согласны, но мы прибавляемъ — вопреки мнѣнію автора — и то, что знаніе русскаго и вообще всѣхъ славянскихъ языковъ тоже необходимо для объясненія древне-чешскихъ памятниковъ.

Если уже говорить о *вліянніи* западно-славянскихъ языковъ на русскій, о *заимствованіи* имъ западно-славянскихъ словъ, то такое вліяніе на русскій языкъ обнаружилъ языкъ не балтійско-полабскихъ, а славянскихъ Лихонъ, языкъ польскій; даже вліяніе отдаленнаго чешскаго языка на русскій замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ (то-есть, западно-русскихъ) памятникахъ ¹⁾. Это вліяніе замѣтно на первый взглядъ, не смотря на то, что юго-западное нарѣчіе русское близко подходитъ къ польскому (Бѣлоруссы даже дзекають) и чешскому. Такъ, напримѣръ, съ XV вѣка въ памятникахъ юго-западной Руси встрѣчаются польскія слова: вгродъ (ж = польск. i), вгвалтъ, пицование, праца, вшнстки, осваченный, опатрность, паклибы, справити гуфы, гетманъ, ротмистръ, шихъ, кордъ, повеза, дѣло, ручница, и пр. Та-

¹⁾ Срв. нашу книгу: Славянскія взаимности, 207, 249.

ими польскими словами и полонизмами испещрены всѣ письменные памятники юго-западной Руси съ XVI до XVIII вѣка. Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Юрію Крижаничу, „бѣлорусское нарѣчіе“ показалось не особымъ нарѣчіемъ, а, скорѣе, измѣненіемъ или просто искаженіемъ польскаго нарѣчія. Вліяніе чешскаго языка на западно-русскій замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ памятникахъ начала XVI вѣка, напримѣръ, въ русской библии д-ра Скорины и въ Пѣснѣ пѣсней. Такъ, напримѣръ, въ нихъ находимъ чисто чешскія слова: крупобитіе, настрон гудебныи, пріетелька, дцера, вечеридло, утирадло и пр. Въ этихъ русскихъ (западно-русскихъ) памятникахъ сильно замѣтно вліяніе западно-славянскихъ языковъ; русскіе писатели или переводчики даже не чувствовали такихъ, духу русскаго языка совершенно противныхъ формъ, какъ, напримѣръ, вгородъ (городъ), дцера (дочь), утирадло (по русски было бѣ: утирало), и пр. Даже географическая номенклатура юго-западной Руси подвержена польскому вліянію: др.-русск. Городна переимѣнилась въ Гродно, Новгородокъ въ Новогрудекъ, Теревовль въ Трёмбовлю, Холмъ въ Хелмъ и пр. И эта ляхская номенклатура употребляется отчасти до сихъ поръ. Только въ такихъ случаяхъ можно говорить о вліяніи западно-славянскихъ языковъ на русскій, и о заимствованіи послѣднимъ множества словъ и оборотовъ изъ языка польскаго и чешскаго. Но ничего подобнаго нельзя утверждать о вліяніи „варяжскаго“, то-есть, балтійско-славянскаго языка на древне-русскій.

По мнѣнію г. Геденова (стр. 345) земля *Новгородская*, земля древнихъ *Словѣнъ* особенно испытала на себѣ „варяжское“ вліяніе. Въ ней, вѣроятно, существовало варяжское населеніе еще за долго до Рюрика“, и „вся домашняя новгородская жизнь проникнута западно-славянскимъ началомъ“. На западно-славянское вліяніе указываютъ будто бы форма *Годлядь*, бискупъ (бискупля улица), фраза „чинити городъ“, названіе мѣсяца *изокъ* (іюнь), Ильмень, и употребленіе *и* вмѣсто ч. Форма *Годлядь*—если она не ошибка—встрѣчается такъ рѣдко (подлѣ обыкновеннаго *Голядь*: побѣды Изяславъ Голяди 1058 г., люди Голядь 1146 г.), что на эту особнякомъ стоящую форму нельзя обращать большаго вниманія. Что касается Бискуплей улицы, то надо замѣтить, что, напримѣръ, въ 989 и 1049 гг. эта улица называется *Пискупля*; а форма *пискупъ* сокращенная греческая, а не германская. Но и форма *бискупъ* (др.-нѣм. *biskof*, отсюда западно-слав. бискупъ, прусск. *biskops*, лит. *viškuraz*) могла быть извѣстна въ Новгородѣ, гдѣ, какъ вообще часть схем, отд. 2.

на Руси, могла означать западнаго католическаго епископа, какихъ въ сосѣдствѣ Новгородѣ было не мало, и нѣмецкихъ, и скандинавскихъ. Новгородцы могли *городъ чинити*, какъ на Руси городъ рубили, твердили, дѣлали, будопали, робили, строили. Замѣтна ч звукомъ ч (вездѣ, а не только въ концѣ словъ; напримѣръ, Церниговъ, черевъ, луце) и наоборотъ — встрѣчается въ разныхъ земляхъ русскихъ, въ губерніяхъ Костромской, Нижегородской, Владимірской, Архангельской и др.; въ Новгородской говорятъ улича, черква и целовѣкъ, цестъ, въ Нижегородской чарь (царь) и рѣць (рѣчь), и пр. Это явленіе замѣтно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскихъ (*Колосовъ*, Очеркъ, 64, 80, 106); шведъ Слова о полку Игоревѣ называетъ Русскихъ — Русичи и Русини. Оно встрѣчается у всѣхъ Славянъ; такъ напримѣръ, любебургскіе Славяне говорили: цлавак, деуса, зена (чловѣкъ, душа, жена), а Мазуры говорятъ такъ до сихъ поръ: цапка, цасъ, зона; чешское *чо* (что) Словаки произносятъ *чо*; приморскіе Хорваты говорятъ *ча* и *ца*, Сербы *црни* и *чрни* (черный), Болгаре *црън* и *чрън*, *църква* и *черкова*, и пр. Что касается др.-слов. (а не новгородскаго) названія юня—*изокъ*, то его происхожденіе не совсѣмъ ясно; одни считаютъ это слово славянскимъ (язокъ=кузнечикъ) а другіе греч. *βροαχος*, *βροαχ*—*genitalia feminea* (Аванасьева, Поэт. возрѣвн. Слав., III, 666; Эрбенъ въ *Журн. Чешск. Муз.* 1849, 143). Если слово *изокъ* въ *Mater Verborum* и считать подлиннымъ, а не позднее припиской, то это доказываетъ только часто упомянутое нами единство Славянъ, которое видно и въ одинаковыхъ или сходныхъ названіяхъ мѣсяцевъ.

Мнѣніе г. Гедеонова о „варяжскомъ влияніи“, заявившемся будто въ тождествѣ (?) названій озера *Ильмень* (древняя форма *Ильмерь*) и рѣки „Пшпа“ въ „Вендской землѣ“ приводитъ насъ къ важному вопросу о *географическихъ названіяхъ* въ славянскихъ земляхъ. Славянское единство заявило себя въ разныхъ областяхъ общественной жизни, въ томъ числѣ и въ удивительно сходной, даже тождественной географической номенклатурѣ. Такъ, напримѣръ, рѣки Лабс, Лабъ, Лабница, Морана, Упа, Пшпа, Брезница-Верезина, Рыбница, Камелица, Ситница, Выстрица, и проч. находимъ въ разныхъ странахъ славянскихъ: Упу — въ Чехіи и на Руси, Мораву — въ Моравѣ и въ Сербіи, Брезвицу, Брезовицу и Березину—у Ляховъ, Сербовъ и на Руси, Санъ и Сану—у Ляховъ и у южныхъ Славянъ, Пшпу—у Ляховъ и на Руси (Шипа), Дунай и Дунаецъ—у южныхъ и западныхъ Славянъ и пр. Что касается названій *мѣстностей*, то они у Сла-

влянь очень разнообразны; они — или родовыя (— ичи, — ици), напримѣръ, Ративоровичи, Попеловичи, Гостирадичи, или взятые отъ лицъ (Ярославъ—Ярославль, Хотунъ, Краковъ), отъ мѣстоположенія, почвы или другихъ случайностей (Островъ, Холмъ, Бродъ, Заозерье, Вышеградъ—Вышегородъ, Старградъ, Новградъ, Вѣлградъ), отъ занятій жителей (Ратае, Рыбаки, Бобровники), отъ прозвищъ (Вѣлоусы, Туроголовы, Конетопы), пришлецовъ изъ другихъ странъ (Хорваты, Сербы, Чехи, Древяне) и пр. ¹⁾. Кіевъ, Кіево, Кіевецъ находимъ на Руси, у Чеховъ, у Моравянъ и у Сербовъ, Врѣхлабѣ—у Чеховъ и у Сербовъ, Плесковъ—на Руси и у Болгаръ, Плоцкъ и Полоцкъ—у Ляховъ и у Руси, Переяславль, Прѣславль, Приславль—на Руси, въ Болгаріи и у Лютичей, Мельникъ—у Чеховъ, Русскихъ и Болгаръ, Кладорубы—Колодорубы—у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ, Старграды, Новграды, Вѣлграды, Вышеграды—въ разныхъ земляхъ славянскихъ и пр. О какомъ-нибудь *влияніи* или *заимствованіи* такихъ названій Славянами другъ у друга нечего и говорить. Если, напримѣръ, на Руси, въ Чехіи и на Моравѣ, у Балтійскихъ и южныхъ Славянъ встрѣчаются мѣста Кіевъ, Кіевецъ, Кіево, Кіичи, Кіевичи, то нельзя сказать, что Чехи переняли это названіе отъ Русскихъ, и пр.; Кіевъ, Кіево, Кіевичи,—это городъ или село, основанное Кіемъ, а имя Кій встрѣчается не только у Русскихъ; мюнхенскій князь Полянъ Кій не единственный Славянинъ того имени, „дѣдичъ Кій“ (heres Kiu nomine) встрѣчается тоже у мазовскихъ Ляховъ (1256 г.) ²⁾. Разные Старые, Новые, Вѣлые, Высокіе и другіе города—гарды—гроды—грады Славяне строили вездѣ, а рѣки, вытекающія изъ лѣсовъ березовыхъ, дубовыхъ, ильмовыхъ, всюду назвали Березиной, Брезовицей, Брезницей, Дубравой, Ильменавой, Илемницей. Географическая по-

¹⁾ Срв. о чешскихъ названіяхъ *Палацкаго* (*Журн. Чешск. Муз.* 1834 г., 404), *Г. Иречка* (Слав. право, I, 63), *Г. Иречка* (Чеш. грам., 53), о польскихъ *Бодуэна* (Древне-польск. языкъ 87), о балтійско-славянскихъ нашу книгу: *Германизация Балт. Славянъ*, 24, о юго-славянскихъ *К. Иречка* (Ист. Болг., 84).

²⁾ Г. Геденовъ (стр. 355) считаетъ выраженіе лѣтописца о Кіевѣ «се буди мѣти градоу русскѣи» — не русскими, а занесеннымъ на Русь наражскими князьями, которые будто бы называли такъ Кіевъ по примѣру поморскаго Щетина «mater civitatum Romaniarum». Это уже слишкомъ мудрено. Русскій лѣтописецъ (но, конечно, не самъ Олегъ) говорить здѣсь о Кіевѣ, какъ о примѣрѣ, Акимъ Временскій: «hinc Rusciae metropolis civitas. Прозвище Кіева *Сабѣтас* не можетъ быть угорское (493), такъ какъ Мадыры свой *szombat* (суббота) переняли отъ дунайскихъ Словянъ (сѣбота). Собота, Соботица, Суботица (мадырск. Сомбатъ)—названія многихъ мѣстъ въ Угріи.

менклатура могла переноситься вмѣстѣ съ колонизаціей другихъ странъ выходцами-колонистами, какъ это видитъ, напримѣръ, на Руси: выходцы съ юга называли города, рѣки и пр. въ колонизируемой ими сѣверо-восточной Руси по южно-русски; такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ въ южной и сѣверо-восточной Руси Володимиръ, Ярославль, Галичъ, Перемышль, Переяславль, Лыбедь, Трубежь и пр. Объ этой русской колонизаціи имѣются *положительныя извѣстія*, такъ что здѣсь можно до извѣстной степени говорить о заимствованіи. Несомнѣнно, что и въ болѣе отдаленныя времена, о которыхъ положительныхъ извѣстій не имѣется, происходили такіа *переселенія племенъ или только родовъ* изъ одной страны въ другую. Русскій лѣтописецъ сохранилъ намъ преданія о выселеніи многихъ племенъ русскихъ изъ дунайскихъ странъ, и о переселеніи Радимичей и Вятичей изъ западныхъ предѣловъ, изъ Ляховъ; подобныя же преданія сохранились у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ и Сербовъ. На сколько эти преданія достовѣрны — трудно рѣшить. На переселеніе указываютъ тоже одинаковыя названія *племенъ* въ разныхъ странахъ славянскихъ, встрѣчающіяся позже въ историческое время, когда племена слагались уже въ народы. Такъ, напримѣръ, Дулѣбы встрѣчаются на Руси, въ Чехіи и въ Паноніи (Дудлебы), Хорваты — въ Карпатахъ, Кръконошахъ и на югѣ, Сербы — на Лабѣ и на югѣ, Сѣверяне — на Руси и въ Болгаріи, Мильчане — у полабскихъ Сербовъ и въ Пелопонесѣ, Волиняне — на Руси, у Балтійскихъ Славянъ и у Чеховъ и пр. Но иногда племена могли называться одинаково и по поводу занимаемой ими почвы, какъ напримѣръ, восточные и западные Поляне, Древляне могли назвать себя такъ „зане сѣдоша въ поляхъ и деревьяхъ“. На выселеніе отдѣльныхъ выходцевъ изъ одного племени въ другія мѣста указываютъ названія селеній; такъ напримѣръ, села Хорваты встрѣчаемъ у полабскихъ и Балтійскихъ Славянъ, Чехи — у Поляковъ и пр. (Селенія въ родѣ Сербичи или Чехово нельзя считать слѣдомъ выходцевъ: они происходятъ ужь отъ основателей, носившихъ имя Серба или Чеха).

Все здѣсь вообще о всѣхъ Славянахъ сказанное касается, конечно, и отдѣльныхъ ихъ частей. Мы уже выше говорили вкратцѣ о лингвистическихъ особенностяхъ и отличіяхъ *наръчій ляхскихъ* (въ обширномъ смыслѣ) и *русскихъ*; эти особенности существуютъ уже съ древнѣйшихъ временъ, то-есть, на сколько намъ нарѣчія ляхскія и русскія извѣстны по письменнымъ памятникамъ. Очень можетъ быть, что въ древнія времена Ляхи выселялись на (позднѣйшую)

Русь, а восточно-славянскія (русскія) племена или по крайней мѣрѣ выходцы изъ этихъ племенъ—на западъ, въ земли Ляховъ. О такихъ переселеніяхъ сохранились даже темныя преданія до XII—XIII вѣковъ. Такъ, напримѣръ, еще первый русскій лѣтописецъ выводитъ отъ Дуная Ляховъ-Полянъ, Лютичей, Мазовшанъ, Поморянъ, паравнъ съ Кіевскими Полянами, Деревлянами, Дреговичами, Полочанами, Сѣверянами и Новгородскими Словѣнами. Всѣ эти славянскія племена выселились -- по этимъ преданіямъ -- изъ дунайскихъ странъ вслѣдствіе нашествія Волоховъ—Римлянъ. Отголоски этихъ преданій слышны и въ польской и чешской лѣтописи XIII—XIV вѣковъ. Польская лѣтопись выводитъ Славянъ изъ дунайскихъ странъ—Паннопіи (*Rapponia mater et origo omnium slavonicarum nationum*) и считаетъ мнимыхъ праотцевъ Чеховъ, Ляховъ и Руси—Чеха, Лѣха и Руса, сыновьями князя панопскаго, то-есть, славяно-дунайскаго. Чешская лѣтопись тоже выводитъ западныхъ и сѣверныхъ Славянъ изъ южныхъ, дунайскихъ странъ. По русской лѣтописи Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка. Такія переселенія возможны и вѣроятны. Они могли быть добровольныя или вынужденныя; князь завоевательнаго племени покорилъ и занялъ земли другихъ племенъ (срв., напримѣръ, преданія о прибытіи Хорватовъ и Сербовъ на югъ), или князь-побѣдитель перевелъ жителей покоренныхъ странъ въ свои земли; такъ, напримѣръ, въ XI вѣкѣ Болеславъ Храбрый перевелъ много полабскихъ Сербовъ въ Польшу; чешскій Брчиславъ перевелъ жителей польскаго города Гедча въ Чехію, гдѣ они жили еще въ XII вѣкѣ; русскій Ярославъ поселилъ плѣнныхъ Ляховъ на южной Руси „по Рси (Рси), и суть до сего дне“. Эти Сербищане, Гедчане и Поръсяне (Поршане) однако скоро исчезли въ массѣ своихъ соплеменниковъ.

У Ляховъ встрѣчаемъ, съ древнѣйшихъ временъ, напримѣръ, племена Сусловъ (въ Вагріи), Древлянъ и Лучанъ (за Лабой), Смоленъ, Волинянъ (на островѣ Волинь), Полянъ (на Вартѣ), Сѣверянъ, селенія Кривичи, Хорваты и пр. О нихъ связяхъ съ восточнославянскими (русскими) Суслами, Деревлянами, Лучанами, Смольнянами, Волинянами, Полянами, Сѣверянами, Кривичами, Хорватами (западными или восточными) не знаемъ никакихъ преданій; равнымъ образомъ не знаемъ ничего о связяхъ чешскихъ и панонскихъ Дудлебовъ (*Dudleipa* уже въ XI вѣкѣ, *Dudlebi* въ X вѣкѣ), чешскихъ Волинянъ, Хорватовъ, Лучанъ съ одноименными племенами ляхскими и русскими. О нихъ не сохранились даже такія преданія, какія

имѣются въ русской лѣтописи о Радимичахъ и Вятичахъ. Но если даже предположимъ, что упомянутыя ляхскія племена переселились когда-то изъ восточной Славянщины, то они, поселившись между родственными племенами, скоро лишились своихъ диалектическихъ особенностей, какъ случилось то съ Гедчанами и Порослянами. Такъ, напримѣръ, у западныхъ *Волянъ* названія лицъ и мѣстностей указываютъ на ляхскія нарѣчія: Wanzlow, Damerow, Glambock, то-есть, Ванславъ, Дамбропо, Глѣбокъ. Мы видѣли, что въ Волинь пребывали еще въ XI вѣкѣ русскіе купцы, и изъ Волини происходилъ мининскій богатырь Дюкъ Степановичъ; но изъ этого нельзя, конечно, ничего заключать о какомъ бы то ни было русскомъ вліяніи на Волянъ. Племя западныхъ *Древянъ* или *Дравинъ* называлось такъ, по западно-славянски, уже въ началѣ XI вѣка (Drevani, а. 1004), а не Деревляне; и вся географическая номенклатура и записанные около 1700 г. памятники этого нарѣчія указываютъ на его западно-славянское, ляхское происхожденіе¹⁾. То же самое увидимъ наоборотъ, если принять переселеніе восточно-славянскихъ Полянъ, Волянъ, Деревлянъ и другихъ племенъ изъ западно-славянскихъ странъ. Объ особенностяхъ западно-славянскихъ нарѣчій у нихъ нѣтъ и помину. Радимичей и Вятичей считали на Руси еще въ XII вѣкѣ выходцами изъ Ляховъ. Но о какихъ-нибудь слѣдахъ ляхскаго происхожденія изъ нихъ, конечно, очень скудной номенклатурѣ въ древнѣйшій періодъ ничего не знаемъ; городъ Вятичей Дѣдославль (1147 г.) имѣетъ чисто-русскую форму. Если въ преданіи о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ Ляховъ есть доля правды, то позволимъ себѣ указать на племенное названіе *Вятичей* какъ на обрусѣвшее ляхское. Мнимыхъ праотцевъ Радима и Вятка можно — наравнѣ съ Чехомъ, Лѣхомъ, Русомъ, Хорватомъ — вѣнчать въ славянскій пантеонъ. Названія *Вят-ичи* не нужно считать неслучайно патронимическимъ, какъ будто это потомки Вятка. Такихъ названій съ окончаніемъ *ичи*, но не патронимическимъ, встрѣчается довольно на Руси и у другихъ Славянъ, напримѣръ, Дреговичи (дрегва, дрягва—топь, тря-

¹⁾ Если г. Гедеоновъ (стр. 311) указываетъ на слова *jewegan* (инерены) и *pinka* (неясно, срв. русск. пинька), известныя будто только у Древянъ и у Русскихъ то слѣдовало ему принести мнѣніе Шваррика объ этомъ *онолмъ* (Слав. Древи., § 44, прим. 352). Къ словамъ у Шваррика прибавляемъ: серб. *нина* — мать, общ. польск. *przez=bez* (древлян. *priz*); смерды или смарды были известнымъ племенъ Ляховъ (см. выше); древниск. *klawar*, *klawrik*—*lundgewelle*, Кнабе, не др.-слав. *клеврегъ*, и слово чужое, какъ и польск. *kawaler* (холодистикъ).

сина), Москвичи, Плесковичи, Тверичи, Лютичи, вѣроятно, и Кривичи (срв. Карвоны у Птолемея, и пишѣншее латинское названіе Русскихъ—Крєпы) и проч. Какъ, напримѣръ, *Лютичи*—люди лютые, такъ и *Вятичи*—люди *вѣтис*. Слово *вѣть* сохранилось во всѣхъ славянскихъ языкахъ; др.-русск *вѣтъшій* = бѣдшій, др.-словенск. *вѣщій*, *вѣщшій* (а у венеціанскихъ Словенцевъ *венчи*), др.-польск. *вѣтъшій* (*więtszy*, теперь *większy*), чешск. *вѣтъшій*. Польская форма съ, носовымъ звукомъ *вѣтъшій* (=др.-русск. *вѣтъшій*) напоминаетъ намъ старинное названіе Славянъ, употребляемое у иноплемениковъ, но прежде—на вѣрное—и у самыхъ Славянъ: *Veneti*, *Heneti* (*Eneti*), *Venedi*, *Vinidi*, *Vendi*, *Vindi*, *Vineti*, *Venti*. *Venetici qui et Schavi dicebantur*, пишетъ одинъ Италіанецъ VII вѣка о Словенцахъ. Венеты или Венеды (германская форма) было общее названіе всѣхъ позже такъ называемыхъ славянскихъ племенъ. Преимущественно такъ назывались *Венеты балтійскіе*; ихъ знаютъ Плиній, Тацитъ, Птоломей, который помѣщаетъ ихъ „по всему заливу Венедскому“, то-есть, Балтійскому морю. А *балтійскихъ Славянъ*—этихъ *Ляховъ* русскаго лѣтописца—продолжаютъ называть Винидами, Венедами, Вендами, Виндами, Випетами ихъ германскіе сосѣди, Нѣмцы и Скандинавы, и называютъ ихъ такъ до сихъ поръ: лужицкіе Венды, любебургскіе Венды. Сами же Славяне не называли себя—по крайней мѣрѣ въ историческое время—Вендами, а какъ уже выше сказано, *Словенами*. Названіе Венедовъ Нѣмцы употребляли то въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ всѣ позже-славянскія племена, то опять въ смыслѣ тѣсномъ, то-есть, означая имъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, западныхъ, преимущественно полабско-балтійскихъ Славянъ; если писали на латинскомъ языкѣ, то употребляли тоже форму *Slavi*. Такъ, напримѣръ, готскій лѣтописецъ Иорпандъ (пис. около 550 г.) знаетъ всѣхъ Славянъ подъ стариннымъ названіемъ Винидовъ, помѣщая ихъ на сѣверъ отъ Дакіи и Карпатовъ въ огромныхъ пространствахъ (*per immensa spatia Winidarum natio populosa consedit*). Но кромѣ этого общаго названія, готскій лѣтописецъ знаетъ названіе *Veneti* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; насколько можно понять его по совсѣмъ яснымъ словамъ, онъ подъ Венетами разумѣетъ западныхъ Славянъ, вѣроятно, балтійско-вислянскихъ. Винидовъ раздѣляетъ на двѣ главныя части на *Словѣны* (*Slavini*, *Slavi*), отъ Вислы черезъ Дунайскія страны къ Днѣстру (къ нимъ примыкали и упомянутые Венеты), и *Анты*, отъ Днѣстра до Чернаго моря на сѣверъ въ страны поддѣиловскія (*Antes, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare*

curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum). Этихъ дунайскихъ, висянскихъ и лабскихъ Словѣнъ и дѣйровскихъ Антовъ знаютъ и Византіицы VI вѣка; Прокопій помѣщаетъ Антовъ на сѣверъ отъ Меотійскаго озера (Antarum populi infiniti). Анты, вмѣстѣ съ своими ближайшими соплеменниками и сосѣдями, Словѣнами, часто нападали на Византійскую имперію и переправлялись за Дунай. Но съ начала VII вѣка названіе Антовъ въ черноморскихъ странахъ исчезаетъ; ихъ преемниками дѣлается здѣсь Русь. Но намъ кажется, что названіе Антовъ въ Подиѣпровѣхъ не исчезло совсѣмъ, а сохранилось въ древне-русскихъ *Вятичахъ*, или съ носовымъ звукомъ *Вантичахъ* — *Ватичахъ* (Antes, Eneti подлѣ Heneti, Veneti, Venti). Кромѣ того, въ германскихъ нарѣчіяхъ сохранилось слово *ent* = исполинъ, великанъ, которое очень хорошо объясняется славянскимъ *vent* (др.-словенск. вѣшій, др.-польск. вѣтшій, др.-русск. вѣтшій) = великанъ. „Fortissimi Antes“ могли сами себя величать Вентами — великанами и слыть такъ у Нѣмцевъ, равнымъ образомъ какъ и другіе, балтійскіе Венеты, могли называться лютими велетами — водотами — великапами, *Лютичи*, *Велеты* (a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur). Вятичи часто возставали противъ русскихъ князей, и еще Владиміръ два раза долженъ былъ ихъ усмирять. Если Вятичи, выпедшіе изъ Ляховъ, то-есть, балтійско-висянскихъ Славянъ, — Анты, то становится понятнымъ носовой звукъ въ ихъ древнемъ названіи (Анты, Ванты, Ваптичи), который сохранился въ ляхскомъ (древне-польскомъ) вѣт-шій (wielczy). Но ринезмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ Антами, которые являются потомъ чисто-русскими Ватами (срв. Вятскіе города), Вятичами. Нашей догадкѣ мы не придаемъ никакой особенной важности; но опираясь на распространенное еще въ XII в. на Руси преданіе о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ „Ляховъ“, мы попытались, насколько это вообще возможно, объяснить его. Во всякомъ случаѣ наше предположеніе о связи имени Антовъ и Вятичей болѣе позволительно, чѣмъ, напримѣръ, разныя мудрствованія г. Забѣлина (стр. 185) о томъ, какъ эти ляхскіе поклонники „Рад-Госта“ и „Сибѣ-Вита“ переселялись на востокъ нѣсколько вѣковъ, „не по указамъ правительства, а по своей доброй волѣ, быть можетъ, вслѣдствіе домашнихъ междоусобій или вслѣдствіе простой тѣсноты населенія“.

На Руси еще въ началѣ XII вѣка существовали разныя преданія о происхожденіи восточно-славянскихъ племенъ. Такъ, Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима

и Вятка, равнымъ образомъ какъ Русь — Русичи считали еще въ X вѣкѣ Руса своимъ праотцемъ. Другія племена выводили себя съ юга отъ *дунайскихъ Словѣнь*, откуда они выселились вслѣдствіе нашествія „Волоховъ“, то-есть, Римлянъ, въ Дунайскія страны, Паннонію и Дакію. Это завоеваніе дунайскихъ странъ Римскимъ императоромъ Траяномъ осталось глубоко въ памяти всѣхъ южныхъ и восточныхъ Славянъ; имя Римскаго императора было на Руси извѣстно еще въ XII вѣкѣ, и Траянъ у южныхъ и восточныхъ Славянъ перемѣнился даже въ бога и въ существо злое, боящееся свѣта. Въ восточной Славянщинѣ производили себя изъ дунайскихъ странъ именпо кіевскіе Поляне, Деревляне, Дреговичи, Полочане, Сѣверяне, и наконецъ, „Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвавася *своимъ именемъ*, и сѣдѣша градъ, и нарекоша ѿ Новъгородъ“. Вмѣстѣ съ этими племенами выселились тогда—по преданіямъ русскимъ—изъ дунайскихъ странъ тоже ляхскіе Славяне. „Словѣни ови пришедше сѣдоша по Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи (Лютичи), ипѣ Мазовшане, ипѣ Поморяне“. Такимъ образомъ, на Руси еще въ XII вѣкѣ считали Ляховъ и Русь ближайшими родственниками, и не мудрено, что вскорѣ послѣ Руса являются и его два брата Лѣхъ и Чехъ.

Это важное преданіе, записанное на Руси, вполне подтверждается и другими свидѣтельствами. Слѣды Славянъ въ дунайскихъ и карпатскихъ странахъ являются очень рано. Уже около Р. X. и въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ нашей эры въ тѣхъ странахъ являются географическія названія съ чисто славянскимъ характеромъ; такъ напримѣръ, озеро Пелсо — Плесо (нынѣ Влатенское), Потисье (земли по Тисѣ), Черна, Быстрица, Гронъ, Бръзава, Пешть и др. Эти дунайскіе Славяне примыкали, вѣроятно, къ своимъ соплеменникамъ, адриатическимъ Венетамъ. Въ V вѣкѣ осѣдлые жители дунайскихъ странъ приготавливали наикотѣ *медъ* и отправляли надъ умершимъ *стравы*, а въ VI вѣкѣ Юрианъ и Прокопій знаютъ ихъ подъ названіемъ *Словѣнь*. Эти Словѣне жили въ подкарпатскихъ странахъ на востокъ до Днѣстра, примыкая здѣсь къ ближайшимъ своимъ соплеменникамъ Антамъ, и раздѣлялись на нѣсколько племенъ, называемыхъ разнообразно (*per varias familias et loca*), напримѣръ, Сотаки, Сѣверяне, Бодричи. Эти Словѣне переселились и на югъ, за Дунай, въ Византійскую имперію, и заняли большую ея часть, доходя до самаго Пелопонеса; за Дунаемъ встрѣчаемъ Хорватовъ, Сербовъ, Сѣверянъ, Смоленъ и др. Но всѣ эти племена подунайскія и

задунайскіи назывались общимъ національнымъ именемъ *Словѣне*, *Словене*, ихъ языкъ—*словѣнскимъ*, *словенскимъ*. Это старинное названіе сохранилось въ тѣхъ странахъ до сихъ поръ; подкарпатскіе Славяне называютъ себя *Словаки*, а языкъ—*словенскимъ* (никогда: словацкимъ), и Славяне, поселившіеся на западѣ за Плесомъ, въ древней Паноніи и Норике, *Словенцы*, а языкъ тоже *словенскимъ*. Формы *Словакъ* и *Словенецъ* относится къ формѣ *Словѣнмъ*, *Словеннмъ*, какъ напримѣръ, Полякъ—Поляннмъ—Полянецъ (у Словенцевъ), Русакъ, Русакъ—Русинъ, Моравакъ—Мораванинъ—Моравецъ, Слезакъ—Слезанинъ, Волинецъ—Волинянинъ, Новгородецъ—Полочанинъ и пр. ¹⁾. И такъ, уже въ VI—VIII вѣкахъ почти всѣ земли дунайскія, отъ Карпатъ на югъ до Альповъ и до Адриатическаго моря, и съ другой стороны—до морей Чернаго и Эгейскаго, всѣ эти земли занимали многочисленныя племена словѣнскія; всѣ эти Драговичи, Мораване, Бръзьяки, Сѣверяне, Мильчане, Смолены, Хорваты, Хорутане и др. говорили нарѣчіями „словѣнскими“. Но имя „Словѣне“ употреблялось и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, означая тоже одно племя въ Македоніи или Тессаліи „Словѣнъ“ хат' εὐχῆν; эта Σκλαβῖνια упоминается еще въ IX вѣкѣ какъ „княженіе словѣнское“, гдѣ княжилъ св. Меодій.

Но имя Словѣнъ распространилось и дальше на сѣверо-западъ, въ земли по Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ до Балтійскаго моря. Минута пока не рѣшенный вопросъ, были ли *Suevi* римскихъ и греческихъ писателей Словѣне (*Suevi* = *Slavi* = *Slavi*), мы узнаемъ изъ Прокопія, что въ концѣ V вѣка (495 г.) всѣ земли между среднимъ Дунаемъ и Балтійскимъ моремъ занимали „словѣнскія племена“ (*Slavonogum populi*). Современникъ Прокопія, Иорнадъ (552 г.), называетъ вислянскія племена тоже Словѣнами ²⁾. Всѣ эти многочисленные племена по Моравѣ, Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ назывались тоже общимъ именемъ Словене, Славяне, а языкъ свой называли словенскимъ, словянскимъ; подъ этимъ именемъ они были извѣстны и своимъ южнымъ соплемен-

¹⁾ Замѣтитъ здѣсь, что старинная форма, употреблявшаяся у всѣхъ Славянъ,—Словѣннмъ, Словеннмъ, Словенецъ, Словакъ, а не Славяннмъ, Славенинъ; позднѣйшая форма встрѣчается только съ начала XVII вѣка. Ср. Шафарика Слав. Древн., § 25.

²⁾ Какія именно племена на сѣверѣ подразумеваетъ Иорнадъ подъ именемъ Славянъ—трудно рѣшить. Главные затрудненія представляютъ его слова: *Slavini a civitate Novici nense (var. Nova, Novae) et lacu qui appellatur Musianus (var.: Murianus), usque ad Danastrum, et in boream Vistula tenus, commorantur*. Гильбердингъ (а раньше его чешскій историкъ Вацлибъ) считаетъ это озеро „Мойскнмъ“ (=Ильменскимъ) и городъ „Новгородомъ“. Но сдѣла ли можно здѣсь

никамъ, и своимъ нѣмецкимъ сосѣдямъ, которые ихъ называли тоже Вендами. Такъ, напримѣръ, чешскіе просвѣтители, Войтъхъ и Прокпій, называются „Словениномъ“, „дѣдичемъ словенскимъ“, равнымъ образомъ какъ просвѣтители моравскихъ Словенъ, св. Константинъ и Меѳодій, называются апостолами Словѣнъ, посланіе въ „словѣнскія“ земли князей Ростислава, Святополка и Коцела; св. Меѳодій былъ „княземъ словѣнскимъ“ и такъ называетъ старинный біографъ св. Меѳодія и князи Ростислава; польскій князь Болеславъ величается королемъ словенскимъ (Slavorum) и проч. Это общенародное имя продолжали западные Славяне употреблять и впоследствии, когда у нихъ образовались государства и народы чешскій и польскій. У Балтійскихъ Славянъ это ихъ общее народное названіе господствовало всегда; Бодричи, Лютичи, Помориче, Вагры, Хижане, Ране называли свой языкъ не бодричскимъ или лютичскимъ, а всегда только словенскимъ (lingua slavica). Нѣкоторые князья бодричскіе и поморскіе назывались князьями славянскими (Slavorum, der Wenden). „Словенскимъ“ называли свой языкъ и западные остатки этихъ Славянъ на нижней Лабѣ еще около 1700 г., и другіе восточные остатки этой Славянизмы называютъ себя до сихъ поръ Словинцами, а свой языкъ—словинскимъ, словенскимъ. И между этими Балтійскими Словенами была особая „земля словенская“, то-есть, округъ пшѣшняго города *Словна* (нѣм. Schlawa) въ Помераніи; этотъ городъ и земля Slawna, Slawna, Zlawe, Zlowe часто упоминается въ грамотахъ XII—XIII вѣковъ (срв. нашу книгу: Германизация Балтійскихъ Славянъ, 31—33).

Равнымъ образомъ, какъ западныхъ Славянъ—Мораву, Чеховъ и Ляховъ, такъ выводитъ русскія преданія и многія восточно-славянскія племена отъ дунайскихъ Славянъ. По этимъ преданіямъ, вышли изъ дунайскихъ странъ *Словѣне* и прозваніями именны своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: Поляне (въ поляхъ), Древляне (въ лѣсахъ, деревняхъ), Дреговичи (въ дрегвахъ, топяхъ), Полочане (по рѣкѣ Полотѣ), Сѣверяне (либо старинное племенное названіе, либо жители сѣвера); наконецъ, *Словѣне*, поселившіеся около озера Ильменьскаго и прозваншіеся своимъ именемъ. Вмѣстѣ съ этими пле-

подразумѣвать такіа отдаленныя страны, особенно если принять во вниманіе что Іорнандъ сѣвѣрною гранью Словѣнъ считаетъ Вислу. Поэтому ласка Murgaria скоро можно исать въ болотахъ у г. Мурсы (Murga, нынѣшній Осѣтъ на Дравѣ, въ Славоніи), а г. Nova, Novae въ Верхней Мизіи, на востокъ отъ Визиніакія (Драничева).

нами или только ихъ частями навѣрное переселились и другія племена, но у нихъ подобныя преданія не сохранились. Трудно теперь рѣшить, можно ли записанныя въ русской лѣтописи преданія понимать буквально, то-есть, связывать 'выселеніе многихъ славянскихъ племенъ въ страны днѣпровскія съ завоеваніемъ дунайскихъ странъ Волохами—Римлянами; невѣроятнаго здѣсь нѣтъ ничего, и многія дунайско-славянскія племена могли искать убѣжища у своихъ вислоянскихъ и днѣпровскихъ соплеменниковъ, у тѣхъ воинственныхъ Венетовъ, которые, по словамъ Тацита, жили (*latrocinii pererant*) во всѣхъ земляхъ между Финнами и подднѣстровскими Певкинами, стало быть, въ земляхъ по Вислѣ и по Днѣпру. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что славянская колонизація въ днѣпровскихъ странахъ шла съ юга на сѣверъ и на сѣверо-востокъ; славянскія племена подвигались на сѣверъ и отодвигали племена чудскія, память которыхъ сохранилась въ географической номенклатурѣ тѣхъ ославяненныхъ странъ. Важную роль въ этой колонизаціи играютъ племена, поселившіяся на окраинахъ славянскаго міра — Вятичи, Кривичи и Словѣне. Географъ П вѣка, Итоломей, знаетъ въ „Сарматіи“ разныя племена по именамъ, а въ ихъ числѣ и славянскія; за великимъ народомъ Венедовъ (по Венедскому заливу) помѣщаетъ онъ, между прочимъ, Ставанъ или Суовенъ, Карвоновъ и Саваровъ, которыхъ можно безъ особыхъ натяжекъ считать Словѣнами, Кривичами (Кривянами), Сѣверянами.

И такъ, на самомъ сѣверѣ всего славянскаго міра, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ около Ильменскаго озера поселилось племя славянское, которое долго сохраняло это общее племенное имя (еще въ XII вѣкѣ въ попросахъ Кирлика: Словеняпъ), между тѣмъ какъ другія славянскія племена назывались по мѣстамъ, гдѣ сѣдоша. Эти *Словѣне* построили *Новгородъ*, по которому и позже стали называться. „Разъясненіе географіи новгородскихъ Славянъ“, замѣчаетъ г. Н. Барсовъ (Очерки русской исторической географіи), — „должно имѣть важное значеніе въ русской исторической наукѣ, ибо съ нимъ связаны разъясненія вопросовъ о ходѣ *славяно-русской колонизаціи* на инородческомъ сѣверо-востокѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся вѣтвь Новгородскихъ Славянъ есть ни что иное, какъ древнѣйшіе переселенцы изъ славянскаго Подднѣпровья въ южную часть озерной области, вытѣснившіе первоначальное инородческое населеніе. Гдѣ въ озерной области находились самыя раннія и наиболѣе сплошныя поселенія Славянъ, сложившіяся подъ вліяніемъ Новгорода въ отдѣльную землю

Новгородскихъ Славянъ, какими путями шли изъ нея дальнѣйшія выселенія въ инородческія земли, и какихъ предѣловъ къ концу XI и началу XII вѣка достигли эти расселенія, а съ ними и Новгородская об-л-сть,—вотъ вопросы, которые представляются на первомъ планѣ въ исторической географіи древняго Новгорода, и которые, за недостаткомъ письменныхъ источниковъ, могутъ быть обстоятельно разрѣшены только путемъ филологическаго изученія географической номенклатуры древней Новгородской области и мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій остатковъ древнѣйшихъ поселеній, которые сохранились тамъ до нашего времени". Вполнѣ соглашавшись со словами г. Варсова, мы прибавимъ, что для удовлетворительнаго достиженія этой цѣли необходимо знать не только славянскія, но и чудскія нарѣчія, чтобы съ достовѣрностью отдѣлить славянскій слѣдъ отъ первоначальной чудской основы. Недостатокъ основательныхъ свѣдѣній по финской филологіи и археологіи можетъ очень легко повести въ разнымъ заблужденіямъ и ошибочнымъ заключеніямъ, въ родѣ того, что случилось съ г. Геденовымъ, который, совсѣмъ произвольно называя *Ладогу* въ *Лаоду*, считаетъ это имя славянскимъ (стр. 358). Подробное изслѣдованіе чисто славянской географической номенклатуры, выстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ новгородскихъ говоровъ, покажетъ всю *несостоятельность* вышеупомянутаго, совершенно произвольнаго связыванія Новгородскихъ Словянъ съ Балтійскими Словянами, Новгорода и Славна съ балтійскими Новгородами и Славномъ, новгородскихъ названій въ родѣ Ярославичи, Радгощъ, Витославичи, Словинка, Словинское, Зарѣчье, Зѣринецъ, Перынь (отъ Перуна?) и проч. съ подобными балтійско-славянскими Радгощъ, Словино, Словенкоу, Зарѣчье, Зѣринъ, Перунъ (Перовъ) и проч. Такія названія можно найти у всѣхъ Славянъ: Ярославичи, Витославичи, Радгощъ, Зарѣчье, Зѣринъ.—гдѣ угодно, села Словяны у Сербовъ и у Хорватовъ, Перунъ у Хорватовъ и проч. ¹⁾. Новгородское нарѣчіе намъ хорошо извѣстно; оно уже по древнѣйшимъ памятникамъ носитъ чисто русскій характеръ, безъ всякой примѣси западно-славянскихъ нарѣчій. Измѣтъ новгородскихъ памятниковъ не представляетъ такой смѣси, какая замѣтна въ памятникахъ подлѣпровской Руси со временъ польскаго владычества. Такъ, на-

¹⁾ Вотъ, напримеръ, какія любимыя названія встрѣчаются въ Новгородской землѣ: мѣста Дунайскъ, Дунаевка, Чохово, Ляхово, Ляховичи, Морева, Риска, поле Дунай, поле Кіевъ, поле Волоотово, Ляхова пустошь, Голдана гора, ручей Жуванка и проч.

пригѣръ, новгородскіе Словѣне говорили: Новгородъ, Городецкъ, Торговище, Ярославле дворище, Пискуля улица, Козы Вородки, Къземль, Заволочье (срв. *Барсова*, Матеріалы для ист.-геогр. словаря Россіи, подъ „Новгородъ“); эти названія были бы по „вепдски“ — Новгардъ, Гардецкъ, Тарговиште, Ярославле двориште, Вискомля улица, Козы Вардки (Бордки), Къземь (если это слово происходитъ отъ земля, западно-слав. земля), Завлачье. Ныѣшнее новгородское (то-есть, вообще сѣверно-русское) нарѣчіе не представляетъ тоже никакихъ западно-славянскихъ особенностей (срв. *Дала* Толк. словарь, I, стр. 31 — 37). Если на сѣверѣ кое-гдѣ дзекуютъ (дзереваютъ), какъ напримѣръ, Поляки, то эта особенность встрѣчается и въ русскихъ нарѣчіяхъ древнихъ Кривичей и Дреговичей (Бѣлоруссовъ). Тверской Торжчанинъ, который *ходизитъ въ дзеревино*, или ярославскій Ситкарь (Сницкарь), говорящій *будзѣто, идѣто*, такіе же Русскіе, какъ Москвиты или Владимирецъ, говорящіе *будетъ, идѣтъ*; также и дзекалъ Гродненской губерніи, говорящій *пуойдзе* (пойдетъ), такой же Русскій, какъ и его сосѣдъ дзекалъ, говорящій *пуойде*. Равнымъ образомъ и не всѣ Ляхи дзекуютъ, или скорѣе, дзекали; такъ напримѣръ, слова восточныхъ Ляховъ (Поляковъ) *dziewięć, chodźcie, bądźcie, dziesięć* западные Ляхи (балтійскіе, люнебургскіе) произносили *devet, chūdit, būde, detę*; да и въ древне-польскихъ нарѣчіяхъ не всѣхъ дзекали (*Бодуэнъ*, Древне-польскій языкъ, 43). Въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, неизвѣстныя другимъ великорусскимъ говорамъ, а неизвѣстныя нарѣчіямъ западно-славянскимъ и западно-русскимъ, напримѣръ: черевика, швецъ, досытъ, робить, почекавъ, орать, бажить, ручникъ, притулиться, столованье, бороо, отповѣдь и проч. Но все это, конечно, не даетъ еще права называть Новгородцевъ или Вологодцевъ „Ляхами“ или „Чехами“. Въ 1580 г. польскій ученый Христ. Варшевицкій выводилъ Поляковъ изъ Новгорода, такъ какъ новгородское нарѣчіе больше всего похоже на польское, да и сами Новгородцы типомъ своимъ подходятъ къ казювской шляхтѣ. Это мнѣніе Варшевицкаго, конечно, имѣетъ такую же научную цѣну, какъ и мнѣнія о „ляшскомъ“ происхожденіи сѣверно-русскихъ Словѣнъ, всѣхъ или только ихъ части.

Г. Гедесовъ (стр. 347) считаетъ западными (то-есть, западно-славянскими) новгородскія названія Волоотово, улицы Прусскую, Боркову, Вискуплю (см. выше), Иворову (почему же и не Варяжскую?). Но Волоотъ, Борекъ и Иворъ такіе же новгородско-русскіе имена, какъ и Твердиславъ, Ратиборъ, Поротиславъ, Тюриниръ, Милопѣтъ, Лякомъ,

Радко, Гаврило Кілинновъ, Коснятинъ (Константипъ) Прокопійничъ, Ворецкій, ради которыхъ вовсе не нужно ходить за море къ лютичскимъ Велетамъ или къ старинному шляхетскому роду Борковъ, столь старому, „какъ дьяволъ“, или къ поморскимъ Ратиборамъ, Вартиславамъ, Косенамъ и др. Волотъ или Велеть—имя на Руси очень распространенное, встрѣчающееся въ разныхъ географическихъ названіяхъ (срв. *Шафарика* Слав. древности, § 44, № 3). Прусская улица прямо указываетъ на колонію Прусовъ, вѣроятно, купцовъ, все-равно, литовскихъ ли еще или уже нѣмецкихъ; позже „Прусы“, конечно, были уже такіе же русскіе Новгородцы, какими были и „Славяне“, жители Славна (части города), или жители улицъ Борковой, Люгощей, Яневой, Бояней, Добрыней, Волосовой, названныхъ по Борку, Люгостю, Яну, Бояну, Добрынь, Волосу (богу ли или человѣку) и проч.

„Болѣе положительные слѣды варяжскаго (то-есть, балтійско-славянскаго) населенія въ Новгородѣ представляетъ его историческій бытъ; *западно-славянскимъ началомъ проникнута вся домашняя новгородская жизнь*“, — вотъ очень сѣлое предположеніе г. Гедеонова объ устройствѣ древне-русской общины новгородской. Выше мы уже говорили о вѣчевомъ устройствѣ всѣхъ Славянъ. Мы видѣли, что какъ только Славяне являются на историческомъ поприщѣ, вѣчевое устройство господствуетъ у нихъ въ полной силѣ и сохраняется до позднѣйшихъ временъ. Вѣчевое устройство у дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянъ VI вѣка, столь прекрасно описанное современнымъ имъ Византійцемъ Прокопѣмъ, является у всѣхъ Славянъ—у русскихъ, западныхъ и южныхъ; слова Прокопія поразительно сходны съ словами русскихъ лѣтописей, Титмара, біографовъ Оттона Бамбергскаго, юго-славянскими памятниками и проч. Мы видѣли, что вѣчевое устройство поддерживалось вмѣстѣ съ древне-славянскимъ *общиннымъ началомъ*; гдѣ общины смогли отстоять свою независимость или самоуправленіе отъ постоянно усиливавшихся притязаній монархическаго начала, тамъ процвѣтаетъ и вѣчевое устройство; такъ, въ общинахъ русскихъ и юго-славянскихъ, и при отсутствіи или слабости княжеской власти, у Лютичей и Поморянъ. Но какъ только княжеская власть беретъ верхъ, вѣченое устройство ослабѣваетъ или исчезаетъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ Виподолѣ, Керкѣ, и у Балтійскихъ Славянъ; „господиномъ“ общины дѣлается князь-государь. То, что написалъ псковскій лѣтописецъ еще наканунѣ паденія вѣчеваго устройства своей общины: „Отъ начала убо Русскія

земли сей убо градъ Псковъ ни конемъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе", тѣ же самыя слова могъ сказать любой Славянинъ дунайскій и дѣвировскій, балтійскій и адриатическій. Такимъ образомъ, *отчсвое устройство балтійско-славянскихъ и русскихъ общинъ* вовсе не результатъ заимствованія тѣмъ или другимъ народомъ, а прямое наслѣдство всѣхъ разбросанныхъ дѣтей одной матери Славы. Что касается новгородскихъ *концовъ*, то они отнюдь не щетинскія *континны*, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 347). Новгородскіе концы (ихъ жители „Кончане")—это просто части города, кварталы: Славенскій (Славно, жители „Славляне", а не „Словѣне, Словене"), Людинъ, Неревскій и проч., хотя и органическія цѣлыя со своими вѣчами. А Щетинскія *континны*—это зданія; одна изъ нихъ, особенно разукрашенная, была храмомъ Триглава, другія три были поменьше, и въ нихъ собирався народъ. *Continae quatuor in civitate Stetinesi: una ex his principalis* (то-есть, храмъ); *tres aliae continae... sedilia intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant; nam sive potare, sive ludere, sive seria sua tractare vellent, in eadem aedes certis diebus conveniebant et horis* (Monum. Germ. hist., Script. XII, 793). Эти щетинскія континны можно сравнивать скорѣе съ дубровницкою *отчицей* (срв. тоже древне-польск. *отница* = ратуша), и до извѣстной степени, съ новгородскою башней, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, и въ которой находилась вѣчевая изба. Такія общинныя *избы* (*язбы*) были тоже у люнебургскихъ Славянъ. Слово *континна* нельзя сравнивать съ словомъ *конецъ* (по древлянски *кѣмацъ*, то-есть, конецъ, кѣпъ—конь, кѣпа—копа) или *кончина*; слово *континна* происходитъ отъ *кѣта* или *кѣта* (др.-слав. *кѣта*, сербск. *кута*), какъ *хижа*—*хижина*, храмъ—*храмина*; въ Люнебургѣ еще въ XVIII вѣкѣ одна большая компата, гдѣ собиравлось начальство, называлась *кунѣс*. Если уже сравнивать какое-нибудь новгородско-псковское слово съ балтійско-славянскимъ, то напримѣръ, люнебургскій *grim*—предмѣстье (крѣмъ) съ псковскимъ *кромъ* (срв. нашу книгу: Германизация Балтійскихъ Славянъ, 43, 51). Впрочемъ, такихъ общихъ чертъ можно найти очень много.

И такъ, мы нидѣ не видимъ предполагаемаго вліянія западныхъ Славянъ на бытъ Новгородскихъ Словѣнъ. А западные Славяне, *Чехи* и *Ляхи*, въ Новгородской области попали въ совсѣмъ другую сферу быта, въ народную философію, въ *пословицы*. Въ Опытѣ областного великорусскаго словаря (стр. 112) и въ Толковомъ словарѣ

Дали („Чахи“) — находимъ архангельскую поговорку: „*Между Чахи и Ляхи*“, то-есть, такъ и сякъ, ни то ни се, ни дурно ни хорошо, середка на половинѣ, безъ дѣла, безъ работы. Напримѣръ, „Хорошо ли ткеть сестра твоя?“ „Такъ, между чахи и ляхи“. „Много ли накосилъ сегодня ты?“ „Ничего не дѣлалъ, почитай; весь день между чахи и ляхи прошелъ у меня“. „День ушелъ между чахи и ляхи, не знаю куда“. Откуда взялась въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ такая странная поговорка, перешла ли въ народъ изъ книгъ, изъ устъ какого-нибудь книжника — пока не знаемъ. Но какъ странно! Подобную поговорку нашли мы въ одномъ собраніи лужицко-сербскихъ пословицъ конца XVIII вѣка (*Журн. Серб. Митицы* 1856—1857, стр. 103): „То су мое Чехи а Лехи — das ist mein ganzer Ein- und Ausgang“, то-есть, если мы хорошо понимаемъ — всѣ мои доходы и расходы. Сѣверно-русское „между чахи и ляхи“ навѣрное перешло изъ русской лѣтописи, изъ разказа о кончинѣ братоубійцы князя Свѣтополка Владиміровича, который, гонимый Божиимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „между Ляхи и Чехи“, и здѣсь испроверже злѣе животь свой. Вѣсть о злой кончинѣ князя-братоубійцы могла глубоко вкорениться въ памяти Русскаго народа, на югѣ и на сѣверѣ; а народъ, поселившійся на окраинахъ русскаго міра, въ Заволочѣ и Двинской землѣ, могъ этотъ разказъ помнить долго, какъ онъ здѣсь на сѣверѣ сохранялъ и свои былины, — когда давно уже забылъ настоящее значеніе словъ „между Чахи и Ляхи“. Напрасное бѣгство Свѣтополка въ лѣса между Чехами и Лягами, гдѣ его все-таки постигъ Божій гнѣвъ, могло породить и поговорку „между чахи и ляхи“. Историческія воспоминанія нерѣдко даютъ поводъ къ разнымъ прозвищамъ, поговоркамъ; такъ, напримѣръ, Муромцевъ называютъ „святогонами“, такъ какъ они когда-то прогнали епископа, Вятчанъ — „слѣпородами“, такъ какъ они когда-то ночью бились съ своими союзниками, считая ихъ Татарами. Сербъ и Болгаре говорятъ, напримѣръ, „дойдетъ день Вита, увидимъ“ (Видов-данъ, 15-го іюня, день несчастной Косовской битвы), то-есть, узнаемъ вѣрнаго и невѣрнаго (какъ говорилъ князь Лазарь наканунѣ битвы); „прошао (несчастливо покончилъ) као Янко на Косову“ (гдѣ Янъ Гуняди потерялъ поражение), и подобныя чешскія поговорки: покончилъ какъ (генералъ) Гецъ и Янкова, и (взбунтовавшіеся) крестьяне у Хлумца, и проч. Какъ бы то ни было, я, какъ Чехъ, очень радуюсь, что мнѣ пришлось защитить древне-русскую исторію противъ Русскихъ, которые безъ всякой нужды толкаютъ ее „между Чахи и Ляхи“.

Само собою разумѣется, что въ такомъ важномъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, были разноплеменные колоніи, разные „заморскіе купцы“, разные „Ruzaгіи“, какъ назывались, напримѣръ, баварскіе купцы, посѣщавшіе Русь. Такіе иностранные купцы были въ Новгородѣ съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ ¹⁾. Въ числѣ такихъ „заморскихъ купцовъ“ были, несомнѣнно, и купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, пожалуй и Щетинцы, поклонники ли Триглава, или „нѣмецкаго“, или „русскаго“ бога, равнымъ образомъ какъ и въ поморскомъ Волинѣ жили заморскіе купцы, поклонники саксонскаго и греческаго бога, то-есть, католики и православные.

Славянская міеологія—наука очень интересная, но довольно трудная. При разнообразной обстановкѣ, которая окружала раскинутые славянскіе народы, вѣрованія развивались у нихъ не одинаково; у однихъ Славянъ дальнѣйшему развитію старинныхъ вѣрованій уже рано помѣшало христіанство, съ начала только формальное; оно прикрыло, напримѣръ, солнце и божество солнца самимъ богомъ или св. Юріемъ, громъ и огонь — св. Ильей-громовникомъ и Маріей Огненною, и проч. Старинныя славянскія вѣрованія сложились въ извѣстную систему только у тѣхъ Славянъ, которые упорно защищали старину до второй половины XII вѣка, у *Славянъ Балтійскихъ*. У нихъ находимъ множество разныхъ боговъ и богинь, высшихъ и низшихъ, храмы, идолы, жрецовъ и проч., вообще полный міеологическій аппаратъ. Но эта міеологія Балтійскихъ Славянъ — это ихъ спеціальная міеологія, а не *общеславянская*, и разныхъ Свантовитовъ, Радигостей, Живъ, радигощскихъ и арконскихъ храмовъ, капищъ, болвановъ, жрецовъ и проч. нельзя еще перетаскивать въ міеологію польскую, чешскую, русскую и проч. Если говорить о *славянской міеологіи*, то надо поступать съ крайнею осторожностью; надо отыскивать въ древнихъ памятникахъ и въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ старинныхъ вѣрованій (суевѣріяхъ Славянъ) *общія черты*, и только такія общія черты могутъ составить славянскую міеологію. Все здѣсь сказанное покажемъ на пѣкоторыхъ примѣрахъ, именно, на божествахъ *Сварогъ-Сварожичъ, Дажьдѣбогъ, Перунъ*, и на словѣ *навь*.

Славянское слово *сварогъ* объясняется санскр. *варуна* (греч. *οὐρανός*) и *сварга, сваръ*, что означаетъ небо, небеса, aether, водіакъ.

¹⁾ Областные русскія слова *варяжъ*—заморецъ, заморье, *варягъ*—молочный назвѣній купецъ, разносчикъ, указываютъ на такихъ купцовъ. Племенное названіе Варягъ сдѣлалось нарицательнымъ, подобно названіямъ: *влахъ, обринъ, волоть, мазурикъ* и др.

Славянское Сварогъ, уже въ смыслѣ божества, встрѣчается, въ древне-словѣнскомъ (болгарскомъ) переводѣ греческой хроники Іоанна Малалы, переведенной въ X вѣкѣ болгарскимъ попомъ Григоріемъ. Переводчикъ передаетъ названія греческихъ божествъ Гефестъ и Геліосъ по славянски *Сварогъ* и *Солнце царь*, *Дажьбогъ*—*Дажьдбогъ*, *сынъ Сварога*. Переводчикъ передаетъ здѣсь Гефеста=огонь, славянскимъ Сварогъ, собственно небо; но дунайскіе Словѣне уже въ VI вѣкѣ небесный огонь (молнію) приписывали наивысшему богу, повелителю всего міра (unus deus, fulguris effector, dominus hujus universitatis), Сварогу, хотя, какъ увидимъ, не забыли еще пастолщаго бога молніи и грома, а только приписывали отцу качество сына. Сынъ Сварога, *Сварожичъ*,—это *Солнце*, называемое *Дажьбогъ* или *Дажьдбогъ*; послѣднее названіе объясняютъ или жгучимъ богомъ (санскр. *da* = жечь), или „дающимъ благо“ (богъ = благо, богатство, какъ и *deus-dives*). Чисто древне-слов. (болгарск.) форма *Дажьдбогъ* (дай богатство) соответствуетъ, напримѣръ, славянскимъ Рости-славъ, Хвали-богъ, Моли-богъ, Хвати-рубъ и проч. и древне-польскому имени лица: *Дадзибогъ* (*Dadibog, Dadzibog, Dadzibog*, въ грамотахъ польско-мазовскихъ 1254, 1350, 1395, 1476 гг.), которое только позже приурочено къ христіанскому Theodat (напримѣръ, въ XVII вѣкѣ: *Alexandr Theodat czyli Dadzibog Sapieha*). Названія старинныхъ божествъ сохранились перѣдко въ именахъ лицъ; такъ, напримѣръ, въ древне-сербской грамотѣ 1348 г. встрѣчается имя *Хръсъ* (то-есть, *Хръсъ, Хорсъ*), а это имя употребляется до сихъ поръ у Чеховъ какъ фамилія (*Chrs*); *Перунъ*, *Свойбогъ*, *Свѣтбогъ*, *Молибогъ* (*Молидбогъ*), *Хвалибогъ*—тоже славянскія имена лицъ. Вышеприведенное мѣсто изъ славянскаго перевода Іоанна Малалы перешло и въ русскую лѣтопись (*Ипатьевскую*), но не какъ безсмысленное заимствованіе; и русскіе Славяне знали Сварога и Сварожичей, и Дажьбога. Огонь они прямо и называли *Сваржичемъ*, а Дажьбога считали даже своимъ праотцемъ: Русичи, Русская земля величалась „внукомъ Дажьбожимъ (Дажьдбожимъ)“. О какомъ бы то ни было переселеніи югославянскихъ Сварога и Сварожичей съ Дуная на Днѣпръ, или наоборотъ—нечего и говорить. Уже Византія VI вѣка (Проконій и Маврикій) считаютъ дунайскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ (=поздн. Русь), такъ сказать, однимъ народомъ по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ и проч. (*Slavorum gentes et Antum una vivendi ratione moribusque similibus utuntur, et rerum fere omnium ratio ab utrisque barbaris servatur eadem*). Достоинство

этихъ словъ вполне подтверждаетъ и нынѣшній поразительно сходный бытъ Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Равнымъ образомъ, какъ они еще въ VI вѣкѣ поклонялись богу-громовержцу, такъ въ XIX вѣкѣ они крестятся передъ Ильей-Громовникомъ; въ IX—X вв. они поклонялись Сварожичу Солнцу, а въ XIX в. разказываютъ чудесныя вещи о царѣ Солнцѣ, и еще въ 1876 году профессоръ Дриновъ записалъ — изъ устъ простой Болгарки во Фракіи — замѣчательную пѣснь о женитьбѣ Солнца: Солнце влюбляется въ прекрасную Марію, Господь Богъ уноситъ ее „въ слѣнчовите дворове“, гдѣ живетъ Солнце, его „огняпъ“ братъ, и сестра Дена Деница, слѣдовательно, старинныя Сварогъ и оба Сварожича, Солнце и Огонь! Но не только у Славянъ южныхъ и восточныхъ извѣстенъ былъ Сварогъ и его свѣтлыя сыновья; ихъ знали также западные Славяне, именно балтійскіе Ляхи. Самъ Сварогъ, правда, мало заботился о семъ мірѣ и о живущихъ въ немъ людяхъ, обращая вниманіе только на небесныя дѣла (*deus deorum coelestia tantum curat*); но за то его сынъ *Сварожичъ* (*Ziuagasić*) требовалъ обширнаго богослужебнаго аппарата въ своемъ прекрасномъ храмѣ въ Радигощѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ „страшный“ его идолъ въ латахъ и съ своимъ знаменемъ; въ началѣ XI вѣка онъ провожалъ своихъ вѣрныхъ Ляховъ-Лютичей, воюющихъ противъ другихъ Ляховъ-Полянъ, которые ему ужъ измѣнили; да онъ не пренебрегъ и помощью патрона закланныхъ враговъ своихъ, Саксонъ, и — въ ужасу нѣмецкаго попа — св. Маврикій и „дьяволъ Сварожичъ“ пошли вмѣстѣ, рука объ руку, противъ польскаго князя Болеслава Храбраго. Этотъ „Сварожичъ“ Балтійскихъ Славянъ принималъ — по мѣстамъ — и другія прозвища: Бѣлбогъ (бѣлый, свѣтлый богъ), *Свѣтлицъ* (то-есть, святой свѣтъ), *Яровичъ* (ярый свѣтъ), или какъ трехглавый повелитель трехъ царствъ міра: неба, земли и подземелья, *Триглавъ*, и вѣроятно, — какъ главное божество лютическаго племени Ратарей-Радигощанъ, — также *Радигость*. Всѣхъ этихъ мѣстныхъ названій Русскіе не знали. Названія селеній Радогощъ происходятъ отъ именъ лицъ, какъ вѣроятно, и названіе ратарскаго Радигоща. Въ Галичской Руси одно селеніе называется Бѣлбожница, а въ Чехіи — Бѣдбожице; но и эти названія могли быть взяты отъ лицъ, которыя — подобно Хорсу, Дадибогу, Перуну, Свѣтбогу, Свойбогу — могли называться и Бѣлбогами.

Перунъ, богъ грома и молніи, богъ, который *претъ* (перу — прать, пороть), ударяетъ; по польски *пѣрунь* (*piękun*) = молвія. Его знали всѣ Славяне. Мы видѣли, что дупайскіе и днѣпровскіе Сла-

вяне уже въ VI вѣкѣ приписывали небесный огонь молнію, наивысшему богу (Сварогу); такъ и въ X вѣкѣ греческій Гефестъ (огонь) передается Сварогъ. Но тогда знали южные и восточные Славяне также и Перуна: одинъ словѣнно-болгарскій переводчикъ греческое Зевсъ передаетъ Перунъ, а Русь клянется Перуномъ (христіанская Русь преемникомъ Перуна, св. Ильей), и поклоняется его идолу. У южныхъ Славянъ память этого бога сохранилась въ названіяхъ лицъ—Перунъ, растений—Перуница, Перуника, Перуновъ цвѣтъ, и въ одномъ названіи мѣста въ далматской Хорваціи (locus Perun, грам. 1080—1189 гг.). Но самъ Перунъ продолжаетъ свое существованіе въ болгарско-сербскомъ Ильѣ-Громовникѣ. У западныхъ Славянъ, именно у балтійскихъ Ляховъ, Перуну поклонялись особенно Вагры, и вообще Бодричи, которые называли четвергъ днемъ Перуна. Его память сохранили здѣсь и географическое названіе Перунтъ, а у Чеховъ—имя лица Перупъ. Изъ этого видно, что Перуна знали всѣ Славяне. Но несчастному Перуну какъ-то не везетъ у Славянъ; Кіеве и Новгородцы съ глумленіемъ бросили его въ воду. Славянскимъ же ученымъ, хотя Владиміръ ему сдѣлалъ главу сребрену, а усь златъ, Перунъ все-таки не правится; чешскіе міеологи Иречекъ и Эрбенъ толкаютъ его, какъ обрусѣвшаго Тора, въ скандинавскую Вальгалу. А между тѣмъ Перунъ вѣдь такой же чистый Славянинъ, какъ и разныя скакуны, пласуны, болтуны; какъ тѣ скачутъ, плещутъ и болтаютъ, такъ онъ „претъ“ молніей.

Навъ. Дунайскіе (болгарск.) и русскіе Славяне называли такъ мертвеца; напимѣръ, навъ изъ гроба исходящій, изъ навѣй въскресе (Іоаннъ экз. болг.), навѣе быють Полочаны (русс. дѣтоп.); у Болгаръ наваякъ — душа ребенка, умершаго не крещеннымъ; русск. навѣскій день — день покойниковъ. У древнихъ Чеховъ *navъ* — жилище усопшихъ (Крокъ иде до навѣ); *unaviti* — погубить, убить (древне-чешск.), утомить (новочешск.), причин. глаг. отъ *unaviti*, какъ слыть—славить, убить—убавить, отыть—отавить, и проч. Другошъ называетъ провожатаго усопшихъ *навъ* (Niia), вѣроятно, по народнымъ преданіямъ. О заимствованіи слав. навъ изъ германскихъ нарѣчій печего и толковать.

Уже по этимъ немногимъ примѣрамъ видно, насколько позволительно говорить о переходѣ славянскихъ божествъ изъ одной славянской страны въ другую. Такъ напимѣръ, Сварожича знали почти всѣ Славяне, южные, восточные и западные, въ одно и то же самое время, а другія божества знаютъ одни Славяне больше, а другіе меньше; у однихъ существовали они какъ божества, а у другихъ

память ихъ сохранилась только въ немногихъ названіяхъ. О *заимствованіи* можно было бы въ томъ случаѣ только говорить, еслибы, на примѣръ, Русскіе вмѣсто Дажьбогъ или Дажьбогъ говорили по латшски *Дадлибогъ*. Форма (древне-слов.) *даждь* вовсе не западно-славянская; еще залабскіе Древяне говорили *dods*.

Другой взглядъ на славянскую міеологію имѣеть г. Гедеоновъ (стр. 349). Онъ думаетъ, что „варяжскіе князья на Руси поклонялись Святовиту въ Сварогѣ-Перунѣ, какъ въ Римѣ аѳинскій Грекъ поклонялся Аѳинѣ въ Минервѣ“, и что только изъ осторожности не замѣнили „своими вендскими племенными названіями русскихъ народныхъ названій боговъ“. Все это могло быть, какъ и многое другое; такъ, на примѣръ, предполагаемая родственная связь между варяго-русскою династіею и вендскими княжескими родами и вообще съ языческимъ поморьемъ, связь, которая будто бы порвалась съ крещеніемъ Руси; предполагаемая поѣздка Владиміра къ Балтійскимъ Славянамъ и проч. Все это могло быть, но мы объ этомъ ровно ничего не знаемъ, и потому мы въ правѣ сказать, что этого не было. Сварожичъ-Дажьбогъ такой же коренной богъ Славянъ восточныхъ, какъ и западныхъ, а отнюдь не являетъ „положительныхъ слѣдовъ вендскаго происхожденія“, и не былъ „занесенъ Владиміромъ изъ Оботритской земли въ Русскую“, равнымъ образомъ какъ ничего не извѣстно о томъ, дѣлали ли кievскаго Перуна съ усомъ золотымъ „вендскіе художники“. Также и *Велесъ* не исключительно западно-славянскій богъ (знали его Чехи, и вѣроятно, и южные Славяне), а тоже русскій; обѣ формы *Велесъ* и *Волосъ* русскія, какъ и велетень (южно-русс.) и волоть (=великанъ), Велетово подлѣ Волотово, и проч. Многоголовныя божества на Руси не встрѣчаются (Збручскій идолъ слишкомъ мало объясненъ), а приведенная у г. Гедеонова (стр. 354) картинка съ разными чудовищами въ родѣ Гога и Магога, вѣроятно, результатъ дикой фантазіи какого-нибудь византійскаго монаха-ревнителя, а вовсе не отголоски „варяжскихъ“ божествъ Поренута и Чернобога ¹⁾ Темное слово „дыни“ въ житіи св. Константина Муромскаго (ни тризница, ни дмни не дѣяху, ни битвы и проч.) объясняетъ г. Котлиревскій (Погреб. обычаи, 119, 129) словомъ бѣдынъ (пи бѣдина дѣяти, въ прологѣ), надстройка надъ могилой; а о „дыни“—будто обрядовой пляскѣ надъ могилой у западныхъ Славянъ, ничего не знаемъ. Г. Гедеоновъ (стр. 332) считаетъ „Карну“ и „Жлю“ Слова о полку Игоревѣ злыми духами

¹⁾ Срв. такіе же картины въ Очеркахъ *Буслаева*.

древне-славянской (конечно, западно-славянской) мнѳологіи. Но здѣсь простое олицетвореніе кары (ссоры) и жли (злости): „за нимъ кликну кара, и жля поскочи по Руской земли“, равнымъ образомъ какъ въ той же самой поэмѣ олицетворяется *обида*: „въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, въступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы и проч.“. Приводитъ еще *нимъ* божество въ родѣ „Zelu“, „Gela“ и злополучный истуканъ бамбергскій не совѣтуемъ; а то надо приводить и разныя чудовища изъ Прильвицъ и *Mater Verborum*, „божества“ Климбу, Кросиану, Кигалу, Чорое, Турицу, Погоду и др.

По мнѣнію г. Гедеонова (стр. 314) въ Русской Правдѣ встрѣчается „западная юридическая терминологія, польскія (вендскія) слова и узаконенія“; напримѣръ, синь надъраженъ, утнеть мечемъ, лопыщина, сводъ, ролейный, войскій, страда и пр. Но какъ же говорить о „вендской“ терминологіи въ юридическихъ памятникахъ русскихъ, когда наши свѣдѣніи о такой терминологіи Балтійскихъ Славянъ ограничиваются десяткомъ словъ. Мы знаемъ, напримѣръ, слова князь, княжить, жушанъ, воевода, приставъ, смардъ, гардъ, порадыное, осепъ, нарѣтъ, преводъ, гоститва, подача, своръ, воеводница, бископовница, и др. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны всѣмъ Славянамъ, нѣкоторыя только западнымъ и южнымъ (напримѣръ, жушанъ), другія только западнымъ или только Балтійскимъ Славянамъ (напримѣръ, княжить въ смыслѣ шляхтича, подача, своръ). Нѣкоторыя древне-русскія учрежденія, вошедшія въ Русскую Правду, встрѣчаются и въ правахъ чешской, польской, сербской; такъ напримѣръ, круговая порука (др. русск. вервь, польск. ополе, сербск. околина, а слово вервь встрѣчается и у полицскихъ Хорватовъ), сводъ, лице; другія—только русскія. Но о „вендскихъ“ или вообще западно-славянскихъ словахъ и терминахъ въ древне-русскихъ памятникахъ нечего и говорить; специфически „вендскія“ или „варяжскія“ слова, термины и учрежденія станемъ искать въ древней Руси напрасно. Напрасно думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 321), что „съ XII — XIII вв. вліяніе западнаго (варяжскаго) начала на Руси уже прекратилось“, и что съ тѣхъ поръ „терминологія русскаго права, а съ нею и самое право, отбросили все иноземное, виѣшнее, насильственно или искусственно привитое“. Не могло „прекратиться“ то, чего никогда на Руси не бывало, и изъ стариннаго права русскаго вовсе не нужно было выбрасывать иноземныя наросты. Мнимыя „Варяга“, — Балтійскіе Славяне, ничего не могли привить къ быту своихъ восточныхъ соплеменниковъ, такъ какъ о нихъ на Руси нѣтъ

и помину; нѣсколько же сотенъ наемныхъ скандинавскихъ солдатъ, этихъ настоящихъ „варяговъ“, помогали Руси лишь въ грабежахъ и кровопролитіи, а вовсе не при составленіи Русской Правды. Эта Правда — такой же памятникъ *славянскаго права*, какъ и чешское право Копрада, хорватскій Винодолскій законникъ, сербскій законникъ царя Душана и польскій короля Казимира. И кievскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ навѣрное стали бы славить чешскаго лѣха (пана) Ратибора, когда тотъ на земскомъ снѣмѣ въ „отпѣ сѣдлѣ, свѣтѣ Вышеградѣ“, въ присутствіи княгини, сидящей на „отпѣ златѣ столѣ“, кметей, лѣховъ и владыкъ, Святослава, Лютобора, Радована, Ярожира, Стрезибора, Саморода, Хрудоша, Стяглава, и другихъ князей племенъ Лучанъ, Дѣчанъ, Пшованъ, Хорватовъ, Зличанъ, Дудлебовъ и др., произносъ достопамятныя слова:

Нехвалю намъ въ Нѣмцѣхъ пскать правду!

У насъ правду по закону свату,

Юже принесеху отцы наши

Въ съезе жирне власти прѣсъ три рѣки!

И кievскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ пожали бы руку чешско-хорватскому лѣху Ратибору отъ горъ Кръконошскихъ, идѣже Трутъ погуби санъ люту, и сказали бы своему западному соплеменнику: И у насъ правда, обязывающая Русина — Полянина, Словенина, Кривича и Сѣверянина, Хорвата и Волянина, Древлянина и Дреговича. И у насъ на Руси князей сажаютъ на „столъ отенъ и дѣденъ“, да въ карпатской Руси и на „златокованный“ столъ отенъ. И наши князья созываютъ всенародныя сходки, лѣча, являются на нихъ съ своими боярами, Володиславомъ, Лютомъ, Блудомъ, Добрыней, который тоже погубилъ лютаго змѣя, и пр. Если мы, Русь, посылаемъ за море къ Варягамъ, то нанимаемъ ихъ за наши гривны и купы для того, чтобъ они намъ служили въ нашихъ безконечныхъ войнахъ, а вовсе не для того, чтобъ они совали ность въ нашу Русскую Правду. У насъ, у всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ, есть обычай свой и законъ отецъ нашихъ и преданья, уставъ и законъ русскій, словомъ — наша Русская Правда. А эту правду принесли тоже отцы наши еще съ береговъ тихаго Дуная, когда они, уступая передъ волошскимъ царемъ Тралномъ, поселились по Днѣпру и основали здѣсь Кіевъ, мать городовъ русскихъ, и Великій Новгородъ. Да мы помнимъ, что тогда же отъ Словѣнъ дунайскихъ вышли и Ляхи, и другія племена.

И всѣ князья и вельможи, болире, жупаны, лѣхи, кметы, чепискіе

и ляхскіе, русскіе и задунайскіе, порѣшили бы на своихъ вѣчахъ, соборахъ, снѣмахъ: у насъ правда по закону свату, юже принесеху отци наши съ Дуная на Лабу и Вислу, на Днѣпръ и Волховъ, и на югъ за Дунай. Ибо бѣ единъ языкъ словѣнскъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаевѣ, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне яже нынѣ зовомая Русь.

Мы не можемъ согласиться—какъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ—съ словами г. Котляревскаго: „Имя Новгорода становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старградѣ (даже не одномъ, а двухъ), находившемся на балтійскомъ поморѣ; имя Славно кажется противнемъ такого же балтійскаго Славна; характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ же, что и поморской; характеръ вѣча, вѣчеваго устройства и вѣчевой степени сходенъ до подробностей; одинаково и устройство княжяго двора“ Мы не можемъ согласиться съ словами г. Гедеонова (стр. 359), что „въ занесенныхъ къ намъ съ балтійскаго поморья вендскихъ словахъ, учрежденіяхъ, формахъ язычества и т. д. находимъ доказательства западно-славянскому происхожденію варяжскихъ князей“.

Повторяемъ: все это—общеславянскія черты или сходство, происходящее изъ одинаковой обстановки жизни.

Въ X-й главѣ своего сочиненія г. Гедеоновъ приподитъ „общеславянскія особенности варяжскихъ (вендскихъ) князей и дружинниковъ“, но говоритъ здѣсь multa, non multum, о бритѣ головы и бороды, верховой ѣздѣ, оружіи, мореходствѣ, воеводствѣ, характерѣ,—вотъ и все. А можно было бы поговорить объ этомъ любопытномъ предметѣ совсѣмъ иначе; можно было бы поговорить о княжескихъ родахъ славянскихъ, о ихъ родовыхъ отношеніяхъ, о воспитаніи княжичей, о сажаніи на столъ отенъ и дѣденъ, о дружинѣ, о разныхъ увеселеніяхъ, военныхъ играхъ, придворныхъ пѣвцахъ, о могилахъ князей и пр. Сходныхъ и одинаковыхъ чертъ этихъ „общеславянскихъ особенностей“ нашлось бы очень много. А то эта глава вышла — такъ себѣ, опять таки „между Чахи и Ляхи“

Во второмъ томѣ своего изслѣдованія г. Гедеоновъ обширно говоритъ о Руси. Мы вполне согласны съ почтеннымъ авторомъ, что Варяги и Русь не одно и то же, и что Русь особое славянское племя. Авторъ, не увлекаясь предвзятою идеей, разобралъ предметъ оспотворительно и толково, хотя было бѣ опять-таки желательнѣе поменьше прибѣгать къ разнымъ филологическимъ патяжкамъ, и наиримѣръ, не слишкомъ стараться объяснить пока еще не объяснимое названіе

Русь. Въѣсто того, чтобъ отыскивать разныя рѣки по имени Руса, Русь, Рось и пр., мы остановились бы только на одной рѣкѣ того имени, то-есть, на притоцѣ Днѣпра съ правой стороны—*Рось*, *Рѣсь*. У Славянъ часто рѣка и племя (или вообще жители), поселившееся по ней, посятъ одно и то же названіе; напримѣръ, *Морава*, *Босна*, *Цетина*, *Лабъ*, *Лугомира*, *Вѣлипа*, *Укра*, *Росина* (въ южной Сербіи, гдѣ и городъ *Расъ*, *Раса*) и пр. Что касается племенныхъ названій *Рось* и *Порось*, *Поросьяне*, то срв. *Морава*, *Моравяне*, *Поморавіе*, *Лабъ*, *Полабье*, *Полабьяне*. Судя по формѣ *Рѣсь* подлѣ *Росъ*, коренной звукъ въ этомъ имени еще не установился. *Росью* или *Русью* могло назваться одно изъ тѣхъ словѣнскихъ племенъ, чтѣ поселились „въ поляхъ“ по рѣкѣ *Роси*, *Рѣси*. Это племя, возвысившись надъ остальными „полянami“, могло со временемъ навязать свое имя всѣмъ днѣпровскимъ Полянамъ („Поляне яже нынѣ зовомая Русь“), наконецъ, и всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, какъ это случилось и съ названіями *Чеховъ*, *Поляковъ*, *Сербовъ*. Русь — вѣроятно, одно изъ многочисленныхъ черноморско-днѣпровскихъ Славянъ, тѣхъ „безчисленныхъ племенъ *Антовъ*“ (*Antarum populi infiniti*), которые сдѣлались страшными и Германцамъ, и византійскимъ Грекамъ. Тамъ, гдѣ въ VII вѣкѣ исчезаютъ „храбрѣйшіе *Анты*“, то-есть, вообще восточная подднѣпровская Славянщина, тамъ вскорѣ является могущественная *Русь*, передъ которою дрожить Константинополь и страны поволжскія и кавказскія. Понятно, что по поводу грабежей и морскихъ разбоевъ этихъ дѣтей *Руса* Греки прозвали (*congruo rei nomine*) *дромитами*—*хорсарами*, или, какъ сказали бы далматскіе Сербы, *гусарами од мора* (отъ моря); Царьградъ и вообще черноморскія страны всегда манили Русь на *гусарину* (пиратство), какъ, напримѣръ, богатая Италія приманивала другихъ славянскихъ морскихъ *гусаровъ*, сербскихъ *Неречанъ*. Такое объясненіе греческаго *дромиты*—*cursarii* (*δρόμος* — *cursus*) вѣрно; но сближеніе морскихъ *дромитовъ* — *гусаровъ* съ славянскимъ *ходить* совершенно ошибочно. Средне-латинское *cursa*, *cursus* (пиратство) и *cursarius* (пиратъ) перешло и въ языки греческій (*χορραυ*, *χορραειν*), древне-славянскій и сербско-хорватскій, въ формахъ *хуса*, *уса*, *хусъ*, и *хурсаръ*, *гурсаръ*, *хусаръ*, *гусаръ*, *хусникъ*, и *хусини*, *хусовати*. Въ древне-сербскихъ памятникахъ пишется *хурьсаръ*, *гурьсаръ*, *гусаръ* и пр. (срв. словари *Миклошича* и *Даничича*). Такіе *гусары* или *хусары* (*x* = лат. *h*) часто упоминаются въ сербскомъ законникѣ *Стефана Душана*; такъ напримѣръ, §§ 144, 146, 151 по изд. *Зигеля* трактуютъ о *гусарѣ* и о *гусарствѣ*; *Доментіанъ* разказы-

васть, что св. Саву въ Бриндизи подкарауливали „безбожьніи *иусаріе*“, а монахи Хиландарскаго монастыря жаловали сербскому королю Стефану Урошу (1302 г.) „бѣды свое на мори, случающееся имъ отъ безбожьныхъ *хурсаръ*“. Въ одной хорватско-далматинской грамотѣ 1358 г., говорится: *pop agnabitur in cursum, neque exercebitur piratica... nec receptabuntur in eorum portubus cursarii, et malefici*“. Въ хорватскомъ Статутѣ Полицкомъ встрѣчаются тоже *иусары*. Въ вышнѣшнемъ языкѣ хорватско-сербскомъ значить *иуса* и *иусар*—разбойникъ (гусар од мора—морскій разбойникъ), *иусарина*—пиратство (отишао у гусарину), *иусарити*—разбойничать на морѣ. Впослѣдствіи гусарами называли известное войско, какъ и хайдуки, казаки ¹⁾. Связывать славянское *ходъ* (походъ) и *ходить* съ чужимъ сербизованнымъ *хуса*, *хусити*—совершенно ошибочно. А ново-чешское *хузе* (*chůze*) сюда никакъ не идетъ; слова *хузе*, др.-чеш. *хоза*, происходятъ отъ *ходить*, какъ *гразе*—*граза* отъ *градить*, *музе* (*houze*)—*муза* отъ *нудить*; чешское же *хузе*—*хоза* было бы по русски *хожа* (хождение), какъ и есть по сербск. *ходя*; срв. *меза*—*межа*, *нуза*—*нужа*, *нужда* и пр. Поэтому, слова г. Костомарова (*Русская Старина* 1877 г., I, 184): „мы считаемъ это объясненіе почтеннаго ученаго дѣйствительнымъ вкладомъ въ нашу историческую науку“—можно отнести лишь только къ объясненію греческихъ дромитовъ—корсарами; а сближеніе сербизованнаго слова *хурсаръ*, *хусаръ* съ славянскимъ *ходить*, и даже съ ново-чешск. *хузе*—крупное заблужденіе.

Г. Забѣлинъ считалъ, какъ уже выше сказано, „Варяговъ“ тоже Балтійскими Славянами, старается отыскать между ними и „Русь“, и по примѣру другихъ его предшественниковъ, паходить ее на островѣ *Руанъ*, *Ранъ*, *Руленъ* (стр. 165). Но уважаемый авторъ слишкомъ увлекся своею предвзятою мыслію и позволилъ уже черезъ чуръ разыгаться своей фантазіи. Послѣ того, что мы сказали о сходной или тождественной географической номенклатурѣ у разныхъ народовъ славянскихъ, нечего и искать „Варяговъ“ и „Русь“ тамъ, гдѣ, напримѣръ, встрѣчаются названія Радигощъ, Славно, Звѣринъ, Витова,

¹⁾ Г. Иловайскій (Разысканія, стр. 75 и 175) производитъ «гусаръ» отъ «хазаръ». Примѣровъ такой этимологіи можно въ этихъ Разысканіяхъ найти очень много: Бояре это Бойовары (племя), Полянинъ — исполнинъ, себръ — Сербъ, смердъ—Меря, Мордва, рака Нураніс—Жупанъ, Стырь—Стрибогъ, Готы—Велоготы и пр. Этотъ способъ этимологизирования вредитъ прекраснымъ историческимъ работамъ г. Иловайскаго не менѣе, чѣмъ вредили русскіе корсары Византіи.

Розтоки, Бабинъ, Щетинъ и др. Г. Забѣлинъ взялся за мучительную работу списать съ древней карты Помераніи XVII вѣка всѣ названія мѣстностей, трудъ—для его цѣли—собственно лишній, какъ и излишне было приводить выдержки изъ древне-русской космографіи, переведенной съ пѣмецкихъ источниковъ. Еслибъ авторъ составилъ полную географическую номенклатуру земель чешскихъ, польскихъ, русскихъ, сербскихъ и др., то и въ нихъ нашелъ бы множество подобныхъ названій въ родѣ Бабинъ, Гостинъ, Любечичи, Премыславъ, и пр.; нашелъ бы и „Хоружекъ“—Хоружки (въ Чехіи), и Хорлѣтиъ (въ Польшѣ). Не понимаемъ, зачѣмъ выписано тоже множество нѣмецкихъ названій, начинающихся въ Поморьѣ только съ конца XII и особенно съ XIII вѣка, напримѣръ, Poggenpole, Reinewater, Hagenwalde, Schäferci (то-есть, овчарня), разные hagen, dorf, berg и пр. Кромѣ того, на нынѣшнія часто до нельзя исковерканныя названія нельзя никакимъ образомъ положиться и еще меньше по нимъ позволять себѣ разныя заключенія. Необходимо по грамотамъ и другимъ памятникамъ составить, такъ сказать, исторію каждого названія, осторожно сравнить его съ другими славянскими, особенно западно-славянскими названіями, и только тогда попытаться возстановить его настоящую славянскую форму—задача очень трудная, да иногда и просто невозможная. Кто же догадается, напримѣръ, по нынѣшнимъ названіямъ рюгенскихъ селеній Gagern, Patzig, Buschwitz, Bergen, что это славянскія Гамарны (Вороны), Пясекъ или Писки (Пески), Босконичи, Гора, названія, которыя пишутся въ XIII вѣкѣ еще Gawagne, Puask, Boskowiz, Gora? Кто отгадаетъ значеніе названій Jasunund, Wollung, Ghynst? Отъ начала XIV вѣка сохранился подробный перечень всѣмъ селеніямъ острова Рюгена, и въ этихъ спискахъ названія сохранились гораздо чище, чѣмъ, напримѣръ, на картахъ XVII вѣка (срв. нашу книгу: Германизация Балт. Славянъ, 203 и срв. 33).

Не станемъ говорить здѣсь о томъ, какими судьбами въ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ конца XIV вѣка появилась Русь между Варягами, обитателями Варяжскаго моря; въ другихъ, болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, какими пользовался, напримѣръ, Длугошъ, Русь является старожилami восточно-славянскихъ странъ и наравнѣ съ другими племенами участвуетъ въ „призваніи“ Варяговъ; то же самое является и въ пѣкоторыхъ рукописяхъ русской лѣтописи, и въ одной древней припискѣ въ ркн. XIII—XIV в.: придоша Русь, Чудь, Словеле, Кривичи къ Варягамъ, рѣша... (Опис. рук. синод. библ., II,

2, стр. 72, *Бусмисва* Ист. христом. 390). Положимъ однако, что „Русь“ была тоже на Варяжскомъ морѣ, хоть бы и между балтійскою Славянщиною. По это г. Забѣлину и другимъ „вендофиламъ“ не даетъ еще права смѣшивать *Руяну*, *Рану*, *Руню* съ *Русью*. Все здѣсь основано на томъ несчастномъ созвучіи, которое больше запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ вопросъ.

Что касается пынѣшняго острова, называемаго въ литературномъ языкѣ *Rügen*, *Roien*, *Röjzen* и простонароды, то это названіе является въ балтійскихъ странахъ между устьемъ Одры и Вислы уже съ I столѣтія Р. Х., у Тацита (*Rugii*), Птолемея (*Ruticli*, *Rugium*), и можетъ быть, у Иорнанда (*Ulnrugii*=*Rugi*?). Насколько можно этихъ балтійскихъ Руговъ связывать съ Ругами въ Иліріи, Норикѣ и Италіи, были ли они Германцы или Венеды (Славяне)—нельзя сказать. Позже, съ Х в., славянскіе жители этого острова называются *Rugiani*, *Ruiani*, *Rani*, *Rugia*, *Ruia* и пр. Форма *Rana*, которую Вибальдъ приписываетъ Славянамъ (*regio quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rana dicitur*), вѣроятно, только сокращенное *Rujana*, какъ стоять—стать, боять—бать, а отсюда не измѣненіе имени Варны, Вераны, Врапы, какъ кажется г. Забѣлину. Сами славянскіе Раны, ихъ клязья, назывались *Rujani*, *Roiani*, *Ruya*, *Ruyo*, *Roia*, изрѣдка *Rugiani*, *Rugia*¹⁾. Созвучіе словъ *Rugia*, *Ruia*, *Rugi*, *Rujani* съ *Russia*, *Ruteni* ввело гѣмекскихъ лѣтописцевъ уже въ X вѣкѣ въ заблужденіе. Такъ напримѣръ, у продолжателя лѣтописи Регинона читаемъ (ad a. 959, 962): *Helena, regina Rugorum*, *Adalbertus Rugis ordinatus episcopus*, а другіе лѣтописцы, рассказывая тѣ же самыя событія, пишутъ, *gens Russiae*, *Adalbertus Ruscis directus*, и пр.²⁾ Съ другой стороны, биографъ Оттона Бамбергскаго называетъ Руяну и Русь *Rutheni*, *Ruthenia*. Но изъ этого, на однозвучіи обоихъ именъ основаннаго, смѣшенія Руси и Руяны нельзя выводить никакихъ заключеній о Руси при устьѣ Одры или о Ругіи по Двѣпру; эти лѣтописцы, по совершенно справедливому замѣчанію г. Забѣлина, вводили въ заблужденіе послѣдующихъ хронистовъ и изыскателей, которые иныя свидѣтельства, принадлежащія рюгенской Руси, относили къ восточной Руси. Смѣ-

¹⁾ Срв. грамоты и печати въ дипломатіи: *Фабрициуса*: *Urkunden zur Geschichte von Rügen, Stralsund und Berlin*. 1843—1869).

²⁾ *Sclavi qui de Rugis vel de Ruemania mercandi: causa exeunt*, въ грамота баварско-австрійской 906 г. (*Erben*, *Regesta* I № 58) могутъ быть Русь, но тоже и «Русь» (Ракосы, Ракусы=Австрія).

шиваніе названій племенъ и странъ у средневѣковыхъ писателей довольно обыкновенно; они смѣшивали просто по ошибкѣ или чтобы щегольнуть классическими воспоминаніями: Dacia это Dania, Nigrosim—Norwegia, Triballi—Сербы (Сръбали), Rannonia—Угрія, и пр. Такъ и Rugi—Русь, Rutheni—Руяне.

Въ половинѣ XIII вѣка одинъ польскій лѣтописецъ, отличавшійся разными этимологическими замашками, производитъ имя *Rana* изъ славянскаго „рани“ (vulnere!), какъ, напримѣръ, *Памонія* отъ *памъ*, *Кинубия* отъ „*casz huba id est plica rugasi*“, и проч. Отъ такого „этимологизированія“ не отячается ничѣмъ методъ г. Забѣлина. Вмѣсто того, чтобы сказать, напримѣръ, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что названіе Руги, Руяна, Рана — пока несобъяснимо, онъ перерылъ разноплеменную географическую номенклатуру славянскую (западную и восточную), литовскую, чудскую, германскую, и вездѣ видитъ „Русь“, ея слѣды и остатки. Такъ, *Руи* и *Руія*, это — *Роизъ*, по польск. *góg* (ругъ), назвали Балтійскіе Славяне „Рогомъ“ „уголъ“ своей земли, какъ Русскіе свой Никитинъ Рогъ, Сипій Рогъ и проч.; а вѣдь и „рюгенскій истуканъ Святовида“ держалъ въ рукѣ рогъ, а храмъ въ Ретрѣ воздвигнутъ на рогахъ разныхъ звѣрей. Изъ этихъ „Роговъ“ сдѣлали латинскіе и нѣмецкіе писатели „свое“ Руяна, и проч., возникли и Рузи—Рози (Варлгъ—Варяжи), и болѣе умягченное Руси, Русь, латинск. *Ruthi*, *Rutheni* etc. И вотъ на картѣ Помераніи XVII вѣка находится очень много слѣдовъ этихъ „Роговъ“ или „Русовъ“, напримѣръ, *Russevase*, *Ruskevitz*, *Rochenberg*, *Rugarten*, *Rugehoff*, *Ralow*, *Rochow*, *Risnow*, даже *Rosenfeld*, *Rosenhagen*, *Rustorholtz*, *Reinekendorp*, *Roggenbuke* и проч. А руянское *Russevase* это сибирскій Рущъ-вапъ, чтó значить русскій городокъ, а *Russevase* — русская вѣсь. „Такимъ образомъ“, заключаетъ г. Забѣляпъ, — „въ отношеніи имени *Рус* и *Рос*, мы находимъ, что оно господствуетъ (!) въ Померанской странѣ и составляетъ ея родное земское имя. Встрѣчается *Ру* и *Рун*, но несравненно рѣже. Пусть Нѣмцы и западные люди писали и произносили это имя Руяна и Рана, но на востокѣ, у насъ на Руси, оно могло быть извѣстнымъ только въ формѣ Руси. Можно полагать, что Руги въ сущности была военная и необходимо морская сила всего Поморья, подобно нашимъ Запорожцамъ относительно всего русскаго юга. По этой причинѣ и наша лѣтопись знаетъ въ числѣ своихъ Варяговъ особое племя Русь, откуда, по ея словамъ, и были призваны наши первые князья“.

И вотъ г. Забѣлинъ слѣдитъ за этою „Русью“ или за этими „Рогамъ“, на ихъ походѣ отъ Рюгена, на берега Волхова и Днѣпра, „останавливаясь только на ея коренныхъ звукахъ Руг, Рог, Рус, Рос, и на именахъ ея родичей Велетовъ — Волотовъ — Лютичей съ ихъ священными словами Витъ, Радъ и различными другими именами балтійскаго Славянства“. И такъ, мы видимъ, какъ эта варяжско-пендская Русь останавливалась въ земляхъ прусскихъ и литовскихъ, между устьемъ Вислы и Нѣмана, напримѣръ, въ Розенбергѣ, Росситенѣ, Рагнитѣ, Россіенахъ, Виндавѣ, Ротгофѣ, дальше уже посреди Чуди въ Рунге, Руно, Веиденѣ, Ругодивѣ (пунѣ Нарвѣ). Накопецъ, Русь прибываетъ въ славянскіе края около Ильмени и поселится въ Новгородѣ, въ Славѣ, въ Рогатицѣ, Щетиницѣ, и улицѣ Варяжской, Росткиной (по мекленбургскому Ростоку!), около урочищъ Звѣриппа (по мекленб. Звѣрину), Ракома (=Аркона), Витославичей и др. Русь направляется на югъ и останавливается въ Велегощѣ, Радгощѣ, на Ругійскомъ Мху, у Волотова. Дальше дорога изъ Ильменя къ Днѣпру именуется Лопотью, что переименовано тоже изъ слова Волоть (sic), около Волковского лѣса, Витебска (напоминаетъ рюгенскаго Вита) Ръши (Орши) и рѣки Прови (напоминаетъ Проне—Перуна), къ Рогачеву и Мысльему Рогу. Русь прибываетъ въ Кіевъ, и здѣсь ближе рѣки Роси (Ръси) воздвигается Витичевъ холмъ, несомнѣнно праправнукъ Вита. Но и этотъ праправнукъ Вита не останавливаетъ безпокойной Руси; она шагаетъ на востокъ черезъ Рославль и Радогощъ къ рѣкамъ Рѣсѣ и Не-Русѣ, и къ Расторогу на верховьяхъ Оки, къ Рязани, Рязску, и опять Проней въ Правову (указываетъ несомнѣнно велетское имя Перуна). Удалые русскіе молодцы проникли и дальше на сѣверъ, въ земли рыжей Чуди до самаго Бѣлаго моря, и вотъ здѣсь ихъ память возглашаютъ рѣки, озера, болота, мѣста Рускола, Росо-Мохъ, Ругозерская губа и пр. до самаго Волитова городища на западной сторонѣ Ледовитаго поморья.

Порядочное путешествіе! Можно порядкомъ устать, провожая Русь черезъ эти моря глубокія, рѣки широкія, лѣса дремучіе, горы толкучія. Но можно было бы провести ее и еще дальше, на западъ, въ землю Арппизъ въ Rochdale, Wiltshire и Wight, въ земли Пѣмцевъ и Корляговъ въ Rothenburg, Wittenberg, Rouen, Rütli, въ землю Волошскую къ Roselle и Reggio, въ Илирикъ къ Rausium (Ragusa), въ Рисно и Расъ, и такъ далѣе на востокъ до предѣла Симова.

Но шутки въ сторону. Неужели г. Забѣлинъ серьезно думаетъ,

что можно *такимъ образомъ* „отыскивать“ Русь? Неужели онъ считаетъ приведенныя имъ географическія названія „слѣдами очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей, поклонявшихся Виту, Радегосту, Перупу подъ именемъ Прона или Прана, посившихъ имя Волотовъ, Вендовъ, Руговъ—Роговъ, Русовъ—Росовъ?“ Правда, авторъ не настаиваетъ, что всѣ приведенныя имена непремѣнно обозначаютъ слѣды именно этихъ Волотовъ—Вендовъ и пр., и соглашается, что ниня изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ. Но не смотря на эту оговорку, авторъ все-таки очень дорожитъ приведеннымъ имъ аппаратомъ. Между тѣмъ, было бы болѣе полезно для самого автора, еслибъ онъ не отыскивалъ ни Руси въ Розенбергѣ (1) или Ругодивѣ, ни Перуна въ Пронѣ и Правонѣ, ни „Радегаста“ и „Свѣто-Вита“ въ разныхъ Радогощахъ и Витичевахъ. Тѣмъ болѣе выиграла бы интересная его книга. Мы согласны съ почтеннымъ авторомъ, что эту сѣдую древность настоятельно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, но избранный имъ для этого путь не ведетъ—въ *наше* время—ни къ какому положительному результату, не ведетъ къ открытію „Руси“ на берегахъ Варяжскаго моря“, а лишь еще больше запутываетъ и безъ того темный вопросъ.

Много храбрыхъ Русичей полегло на поляхъ брани, въ странахъ черноморскихъ и балтійскихъ, днѣпровскихъ, волжскихъ и дунайскихъ; ихъ слава доходила до Грековъ и Угровъ, Ляховъ и Чеховъ и Моравы; ихъ души составляютъ въ славянскомъ раю, въ славянской навѣ большинство. Еслибъ они оттуда прилетѣли на землю Святоторусскую, то навѣрное испугались бы громаднаго ученаго аппарата, свезеннаго ввѣками Дажбога и ввѣками Одина съ Лабы, Одры, Вислы и Дупал, изъ Даніи и Скапдинавіи, для объясненія ихъ старинныхъ преданій и учреждений. Испугались бы они этого „варяжскаго вопроса“, заревѣли бы ярими турами, закукали бы зегзицами, услышавъ, какъ клику кара, и жля поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламя розѣ, увидавъ, какъ мудреный этотъ вопросъ рѣшаютъ между Чахи и Ляхи. Поклялись бы они Перуномъ и Волосомъ—не вернуться уже на землю Русскую, гдѣ начинала про малое: „Се великое!“ мѣлвити, и сами на себе крамолу ковати. Попросили бъ они Стрибожихъ ввѣковъ занести ихъ обратно въ рай, гдѣ ихъ славу поютъ Боянъ и Митуся, Люміръ и Добрыта, гуслиры отъ моря Варяжскаго и отъ Андриятинской пучины, и гдѣ Русь, Ляхъ и Чехъ,

Хорватъ, Кракъ, Кій и Гостомыслъ, съ своихъ золотныхъ отнихъ и дѣднихъ столовъ, удивляются своимъ ученымъ внукамъ. Попросили бы Русичи своего князя-освободителя, Руса, изъавить и своихъ най-младшихъ внуковъ отъ навязываемаго имъ чужеземнаго начала; попросили бы они этого любимца боговъ ходатайствовать у Сварожича-Дажбога и у его брата Сварожича-Свѣтовита, чтобъ они своимъ святымъ свѣтомъ озарили книгохранилища и скорѣе открыли ветхіе подлинники договоровъ Олега и Игоря и древній сводъ русскихъ лѣтописей, которымъ пользовался ученый Лихъ Длугошъ, и чтобъ они такимъ образомъ помогли своимъ внукамъ порядъ положить о Русьстѣй земли. А то при мерданіи свѣтилъ Лаврентьевскаго и Ипатіевскаго, жизнь Дажьбожа внука погибаетъ въ морѣ Варяжскомъ.

И. Первольфъ.

ПО ВОПРОСУ О ИУДЕЙСКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ, НАЙДЕННЫХЪ ФИРКОВИЧЕМЪ ВЪ КРЫМУ ¹⁾.

Полуостровъ Таврическій принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей нашего отечества, о которыхъ имѣется самое большее количество историческихъ извѣстій, и судьбы этого полуострова вообще могутъ считаться хорошо извѣстными въ ученомъ мірѣ. Основаніе и процвѣтаніе древне-эллинскихъ колоній, постоянныя сношенія Херсониса съ Византіей и Малою Азіей, италіанскія колоніи въ *Gasaria* по очереди связывали Тавриду съ цивилизованными народами и странами. Кромѣ свидѣтельствъ писателей, до насъ дошло громадное количество памятниковъ, надписей и монетъ отъ древнихъ жителей Тавриды и Босфорскаго царства. При такомъ положеніи дѣла каждый долженъ согласиться, что въ высшей степени невѣроятно допустить возможность открытія такихъ новыхъ фактовъ и документовъ, которые совсѣмъ опровергли бы почти всѣ наши историческія и этнографическія понятія о Крымскомъ полуостровѣ въ древнія времена.

¹⁾ Нѣсколько времени тому назадъ въ разныхъ газетахъ была напечатана анонимная замѣтка о томъ, что дѣло о поддѣлкѣ Фирковичемъ памятниковъ, найденныхъ въ Крыму, казавшееся — какъ говоритъ авторъ замѣтки — разрѣшеннымъ послѣ появленія обстоятельнаго труда г. Гаргави, оказывается далеко еще не конченнымъ. Профессоръ Д. А. Хвольсонъ, защищающій подлинность означенныхъ памятниковъ, отправляется нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ, для производства обстоятельныхъ изслѣдованій въ мѣстахъ собранія памятниковъ. «Громадный авторитетъ профессора», говорится далѣе въ замѣткѣ, — «заставляетъ ученыхъ ожидать отъ этой поездки весьма многого». Въ ожиданіи результатовъ ученой командировки г. Хвольсона, которая, такимъ образомъ, должна во всякомъ случаѣ окончательно рѣшить ученый споръ, длившійся слишкомъ 37 лѣтъ (съ 1839 года), да позволено мнѣ будетъ представить краткій очеркъ нынѣшняго состоянія вопроса и мой взглядъ на него. Если изысканія ученаго профессора

Тѣмъ поразительнѣе для ученаго міра было открытіе въ Крыму, караяномъ Авраамомъ Фирковичемъ, въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1862 года, цѣлаго ряда древне-еврейскихъ памятниковъ, долженствовавшихъ произвести коренной переворотъ въ нашихъ понятіяхъ о древнемъ состояніи этого полуострова. Для наглядности представимъ здѣсь важнѣйшіе результаты открытій Фирковича:

а) Древніе Мидіиды были одипаковаго происхожденія съ нынѣшними Крымскими Татарами, и мидійскій языкъ ничѣмъ не отли-

кажутся прочными и притомъ не согласными съ тѣми результатами, къ которымъ я пришелъ въ моемъ изслѣдованіи, то русскому ученому міру легко будетъ опредѣлить, на сколько ошибочны мои воззрѣнія по нижеизложеннымъ пунктамъ, имѣющимъ немаловажное значеніе и для исторіи и древностей южной Россіи вообще. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что настоящій очеркъ вопроса объ открытыхъ Фирковичемъ въ Крыму иудейскихъ надписяхъ, изложенный съ точки зрѣнія обще-исторической и археологической науки, не будетъ сочтенъ совершенно бесполезнымъ.

Считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь главнѣйшія сочиненія и статьи о предметѣ, настоящей статьи, слѣдуя хронологическому порядку появленія ихъ въ свѣтъ: статья *Ранопорта* и *Реджіо* въ еврейскихъ журналахъ появились въ 1840—1841 году; статья подъ заглавіемъ «О Евреяхъ-Караямахъ» въ *Журналѣ Мин. Внут. Дѣлъ*, ч. I, 1843, стр. 263—284, откуда взято небольшое извлеченіе въ *Жур. Мин. Народ. Просв.* 1843, т. XXIX, отд. VI, стр. 110—113; *В. Штерна* «О вновь открытыхъ древне-еврейскихъ кодексахъ и другихъ древностяхъ» въ первомъ томѣ *Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.* 1844 г., стр. 640—649; *Pinner*, Prospectus der Odessaer Gesellsch. für Gesch. und Alterth. gehörenden ältesten Mss. Odessa, 1845; статьи *А. Фирковича* и *Фина* въ еврейскомъ журналѣ *Гакармелъ*, Вильна 1861—1862 гг.; извлеченія изъ отзывовъ *Д. А. Хвольсона* и комисіи изъ академиковъ *Броссе*, *Вельяминова-Зернова*, *Куника* и *Шиффера*, напечатанныя въ газетахъ въ 1862 году (въ полномъ видѣ отзывъ академической комисіи помѣщенъ въ XV томѣ *Записокъ Акад. Наукъ*, 1869 г., стр. 252—264); статья *А. А. Куника*: Können Hebraer in der Krim schon im 3-ten Jahrhundert den tatarischen Fürstennamen Tochtamysch geführt haben? въ *Бюллетенѣ Акад. Наукъ* за 1864 г. (ср. *Mélanges Asiatiques*, V, p. 147—174); *Neubauer* въ *Journal Asiatique*, juin 1865, p. 534—558; его же Aus der Petersburger Bibliothek, 1866; *Chwolson*, Achtzehn hebräische Grabschriften aus der Krim въ *Mémoires de l'Acad. des Sciences de St.-Pét.*, VII Série, T. IX, № 7, 1865 (ср. русскій переводъ: «Восемнадцать евр. надгроб. надписей изъ Крыма» въ *Сборникѣ статей по евр. исторіи и литературѣ*, 1866). *Harkavy und Strack*, Catalog der hebräischen Bibelhandschriften in der Kais. Oeff. Bibliothek 1875 (гдѣ все, касающееся крымскихъ древностей, принадлежитъ мнѣ); ст. *А. А. Куника*, Тохтамышъ и Фирковичъ, 1876; *Harkavy*, Altjüdische Denkmäler aus der Krim, въ *Mémoires de l'Acad. d. Sc.*, VII Série, t. XXIV, № 1, 1876. Болѣе полныя библиографическія указанія можно найти въ двухъ послѣднихъ изъ вышеименованныхъ трудовъ.

чался отъ турецко-татарскаго діалекта, нынѣ употребляемаго въ Крыму.

б) Мидійцы эти поселились въ Тавридѣ во время Персидскаго царя Камбиза, вслѣдствіе войны этого царя со Скинами и завоеванія имъ этой страны у послѣднихъ.

в) Самы же Скины были, также какъ и Мидійцы, татарскаго происхожденія.

г) Вмѣстѣ съ Мидійцами, и въ качествѣ ихъ союзниковъ, прибыли въ Крымъ и Израилѣяне изъ десяти коленъ, которые въ продолженіе 1800 лѣтъ употребляли въ документахъ лѣтосчисленіе отъ Самарянскаго плѣненія, каковое лѣтосчисленіе, равно какъ и другая эра (отъ сотворенія міра, но на 151 годъ продолжительнѣе обыкновенной еврейской міровой эры), нигдѣ, кромѣ документовъ Фирковича, не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ еврейской и караимской литературѣ.

д) Эти Израилѣяне построили себѣ, во время своего поселенія въ Тавридѣ, города *Солхатъ*, *Онхатъ* и *Села иа-Іеудимъ* (скала Іудеевъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале),—названія, которыя однако до XIII (послѣднее даже до XVII) вѣка по Р. Х. нигдѣ не встрѣчаются.

е) Крымскіе Евреи жили въ такомъ изолированномъ положеніи, что въ продолженіе почти 2000 лѣтъ къ европейскимъ и азіатскимъ ихъ единовѣрцамъ не проникло никакихъ извѣстій и слуховъ о нихъ.

ж) Не смотря на свое долговременное изолированное положеніе, Крымскіе Евреи эти, при первомъ появленіи своемъ на литературномъ поприщѣ, оказываются обыкновенными восточными, раввинскими и караимскими Евреями, безъ всякихъ признаковъ самобытнаго развитія, какіе мы видимъ, напримѣръ, у китайскихъ, индійскихъ и египетскихъ Евреевъ.

з) Еще болѣе странно то явленіе, что всѣ позднѣйшія литературныя выраженія и письменныя сокращенія средневѣковыхъ Евреевъ, встрѣчаются уже въ крымскихъ памятникахъ, приписываемыхъ Фирковичемъ и г. Хвольсономъ самой глубокой древности.

Эти и многія подобныя соображенія не позволяли мнѣ вѣрить въ подлинность пово-открытыхъ древностей, и защиту ихъ г. Хвольсономъ я долженъ былъ считать вполне неудавшеюся, какъ имѣлъ случай сообщить устно нѣкоторымъ здѣшнимъ ученымъ тотчасъ по появленіи труда г. Хвольсона, и печатно въ 1870 году (въ сочиненіи „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, стр. 291). Но отчасти по причинѣ недоступности мнѣ нѣко-

торыхъ необходимыхъ матеріаловъ, которыми безпрепятственно могла пользоваться защита, отчасти же по причинѣ другихъ занятій, я не могъ приступить къ разрушенію искусственно сооруженнаго зданія крымско-иудейскихъ древностей. Лишь въ послѣднее время, преимущественно благодаря средствамъ доставленнымъ мнѣ администраціей Императорской Публичной Библиотеки, я могъ устранить всѣ препятствія и напечатать трудъ, гдѣ обстоятельно разбирается вся Фирковичо-Хвольсоновская система, и доказывается ея всесторонняя несостоятельность. Трудъ этотъ, издаанный въ XXIV томѣ VII-й серии *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg* озаглавленъ „Altjüdische Denkmäler aus der Krim“ и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой разбираются древнѣйшія приписки (эпиграфы) въ библейскимъ рукописямъ ¹⁾, а во второй подвергаются изслѣдованію надгробныя надписи, датированныя съ I по XIII вѣкъ по Р. Х. При тщательномъ анализѣ этихъ двоякаго рода памятниковъ какъ по ихъ формѣ (какъ напримѣръ, по письменамъ, по языку, по разнымъ письменнымъ сокращеніямъ и формуламъ), такъ и по содержанію (по историческимъ и географическимъ даннымъ, въ нихъ заключающимся), памятники эти оказываются фабрикаціей новѣйшаго времени для прославленія крымскихъ каравановъ. Оставляя въ сторонѣ спеціальные доводы, почерпнутые мною изъ исторіи и литературы еврейской, раввинской и караванской, приведу здѣсь нѣкоторыя общенаучныя соображенія, которыя не будутъ, быть можетъ, безынтересны и для русскихъ историковъ и ученыхъ.

А. Географическія и этнографическія названія.

Разборъ многихъ географическихъ названій въ документахъ Фирковича изобличаетъ поддѣлку послѣднихъ; представлю нѣкоторые примѣры:

а. Въ одномъ документѣ, относящемся будто бы къ концу VI или началу VII вѣка по Р. Х., Скионъ названъ *Шити* и Скионія названа *земля Шитийцевъ*. Такъ какъ авторъ приписки жилъ будто бы въ Шемахѣ и былъ персидскимъ подданнымъ Сасанидскаго царя Хозроя II (Шарвиза), а отецъ его будто бы жилъ въ Матархѣ (нынѣшней Тамани), то онъ долженъ былъ употреблять либо персидскую, либо греческую географическую номенклатуру. Но мы знаемъ изъ Геро-

¹⁾ Впрочемъ, относительно эпиграфовъ я высказалъ свое мнѣніе въ первомъ томѣ каталога еврейскихъ рукописей, издавномъ уже въ 1875 году.

дота, изъ древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей и изъ Талмуда, что персидское названіе Скивовъ было *Саки* и ихъ страны — *Сакистанъ* ¹⁾, откуда и Армяне заимствовали названіе *Сакастанъ* ²⁾. Греческія же названія Σκύθαι, Σκυθία могли превратиться въ *Шити* только при посредствѣ романскихъ языковъ преимущественно италіанскаго, гдѣ имя Скивовъ произносится *Шити* (Sciti). Дѣйствительно, первымъ еврейскимъ авторомъ, называющимъ Скивовъ *Шитійцами*, былъ Іосифъ бенъ Горіонъ, родомъ изъ Италіи (IX или X столѣтія) ³⁾. Этимологія же названія Азовскаго моря въ означенномъ документѣ, а именно, что оно названо *Шитійскимъ моремъ* по той причинѣ, „что они (Скивы) его переплываютъ и заставляютъ свой скотъ переплывать“ ⁴⁾ въ греческій городъ Матарха, есть, по моему мнѣнію ничто иное, какъ подражаніе этимологіи греческаго названія Боспора, о которой читаемъ у Сестренцевича: „Что ни повѣствуютъ нѣкоторые писатели, но мы не приедемъ самаго словопроизведенія, но коему казалось бы, что волны переходили сіи проливы (то-есть, Киммерійскій и Фракійскій Босфоръ), какъ показывается слово, составленное изъ *Босъ*, волъ, и *Поросъ*, проходъ“ ⁵⁾.

β. Ореографію имени персидскаго города *Гератъ* также нельзя допустить въ документѣ, написанномъ до бѣгства Мухаммедова изъ Мекки (622 г. по Р. Х.). Древне-иранское названіе области, именуемой Греками Ἄρεα, Ἀρία, читается въ персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ *Гарайва* (Hagaiva), въ древне-бактрійскомъ *Гарава* (Hagaéva), въ пеглевійскомъ *Гаревъ* или *Геревъ*, въ армянскомъ *Гроумъ* (=Гроувъ) или *Гревъ*, въ Шахнаме поэта Фирдауси *Гара* или *Гарé* ⁶⁾. Звукъ *т* въ концѣ имени появился лишь впоследствии, по обращеніи Персіянъ въ исламъ и по принятіи ими арабскихъ письменъ, гдѣ конечный звукъ *а* выражается обыкновенно посредствомъ буквы *ha* *femininum*, буквы, превращенной Персіянцами въ *т*. Исто-

¹⁾ Геродотъ III, 93, VI, 113, VII, 9; *Spiegel*, *Altpersische Keilinschriften* Leipzig 1862, p. 218; *Kossowicz*, *Inscriptiones Palaeo-Persicae*, Petropoli 1872, Glossarium, p. 46; *Vullers*, *Lexicon Persico-Latinum*, II, 310; Талмудъ, *Йома* л. 9-й б.

²⁾ *Труды Восточ. Отд. Имп. Археол. Общ.*, ч. XIV, стр. 88.

³⁾ См. *Труды Восточ. Отд. Арх. Общ.* ч. XVII, стр. 293.

⁴⁾ Корень *Шит*, *шит* по еврейски означаютъ *плыть*, *переплывать*.

⁵⁾ *Сестренцевича*, *Исторія царства Херсонеса Таврическаго*, С.-Пб. 1806, I, стр. 365; ср. *Герца*, *Топографія Таманскаго полуострова*, Москва, 1870, стр. 16.

⁶⁾ *Spiegel*, *Altpers. Keilinschr.* p. 222; *Vullers*, *Lexicon Pers.* Lat., II, 1446; *Kossowicz*, *Inscriptiones Palaeo-Persicae*, Gloss. p. 50.

рическая послѣдовательность въ измѣненіи названій означеннаго города слѣдующая: Гарайва (въ клинообразныхъ надписяхъ) — Гараэва (въ древнебактрійскомъ, по гречески *Ἀρεα*, *Ἀρία*) — Гаревъ или Геревъ (въ пеглевійскомъ, по армянски *Гроумъ* = *Гроувъ* или *Гревъ*) — Гара или Гарѣ (Шахнаме) — Гараг (по арабски, съ *la femininum*), откуда Гератъ (въ ново-персидскомъ и татарскомъ).

γ. Чуфутъ-Кале, какъ мы сказали выше, упоминается въ документахъ Фирковича подъ названіемъ *Села иа-Исудимъ* ¹⁾, какъ крѣпость, построенная изгнанниками изъ Самаріи уже во время царя Камбиза и обитаемая съ тѣхъ поръ будто бы исключительно примыми потомками ея строителей, нынѣшними Караннами. Между тѣмъ названіе Чуфутъ-Кале присвоено означенной крѣпости не раньше XVII вѣка и встрѣчается, сколько до сихъ поръ извѣстно, впервые въ татарскомъ официальном документѣ 1650—1651 года ²⁾, а въ искаженномъ видѣ, въ формѣ *Siaput-Cabassi*, у извѣстнаго голландскаго путешественника Николая Витсена ³⁾. Прежде же перенесенія столицы Крымской орды въ Бахчисарай, нынѣшній Чуфутъ-Кале служилъ резиденціей особаго хана и носилъ названіе *Киркеръ* или *Керкери*, откуда произошли разныя искаженія, какъ, напримѣръ, *Кыркоръ*, *Киркиель*, *Херхель* и т. д. ⁴⁾. Не впускаясь здѣсь въ догадки, когда и кѣмъ построена эта крѣпость ⁵⁾, замѣтимъ, что достоверныя извѣстія о ней находятся впервые у арабскаго географа Абульфеда (писалъ въ 1321 году по Р. Х.), который разказываетъ, что въ неприступной крѣпости *Киркри* живетъ племя, называемое *Ассъ* ⁶⁾, по всей вѣроятности *Ясы* русской лѣтописи, которыхъ обыкновенно отождествляютъ съ древними Аланами и нынѣшними Осетинцами. Позднѣе извѣстный путешественникъ Шилътбергеръ нашелъ также эту крѣпость, называемую имъ *Кажери*

¹⁾ *Чуфутъ-Кале* означать по-татарски *Иудейскую* (Жидовскую) крѣпость, а *Села иа-Исудимъ* имѣть также по еврейски значеніе *Иудейской скалы*.

²⁾ См. *Вельяминова-Зернова*, Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, док. № 141, въ 9-й строкѣ на 454-й страницѣ: *Исуду-Кале*.

³⁾ *Witsen*, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1692, p. 577; *Кеппенъ*, Крымскій сборникъ, стр. 316.

⁴⁾ См. у *Кеппена*, въ указанномъ мѣстѣ, стр. 310—316, гдѣ, между прочимъ, указаны русскіе и польскіе источники объ этомъ городѣ.

⁵⁾ Какъ извѣстно, Тунмалъ отождествлялъ ее съ древними Фулами, а г. (труновъ) (Древ. памят. Хрисг. въ Тавридѣ, М. 1876, стр. 6—7) съ *Маркіанополитомъ*. О томъ, что она, быть можетъ, была построена Аланами, см. нашу замѣтку въ *Извѣстіяхъ Им. Географ. Общ.*, т. XII. 1876, отд. II, стр. 55—58.

⁶⁾ *Reinaud*, Géographie d'Aboulféda, Paris, 1848, II, p. 319.

(Karckeri), въ области *Суди* или *Сути* (Sudi, Suti), населенною греческими (то-есть, православными) христіанами ¹⁾. Подъ именемъ *Киркеръ* она извѣстна также въ караимской литературѣ и въ подлинныхъ караимскихъ документахъ, начиная съ конца XV столѣтія. Лишь со второй половины XVII вѣка попадаетъ также въ караимскихъ документахъ наименованіе *Кале*, сокращеніе отъ Чуфуть-Кале, потому что *Чуфуть* есть бранное и презрительное татарское названіе для Еврея, подобно *жидъ* и *juif*. Что же касается наименованія *Села Исудимъ*, то оно ни болѣе, ни менѣе какъ переводъ, сдѣланный Фирковичемъ съ татарскаго въ концѣ 30-хъ годовъ нашего вѣка, ибо до сихъ поръ нельзя указать ни на одно мѣсто какаго бы то ни было памятника, гдѣ это имя было бы названо другимъ лицомъ и раньше означеннаго времени.

б. Городъ Керчь носить въ разбираемыхъ нами документахъ названіе *Сефарадъ*. Это заимствовано изъ блаженнаго Іеронима и Вульгаты, гдѣ мѣстность *Сефарадъ*, куда, по пророку Обадіа (Авдію, ст. 20), удалились іерусалимскіе изгнанники, толкуется словомъ *Bosporus*—на основаніи словъ еврейскаго учителя блаженнаго Іеронима ²⁾. Имя *Сефарадъ* толковалось и толкуется понынѣ различными образомъ; такъ напримѣръ, халдейскій и сирійскій переводы означеннаго мѣста передаютъ его словомъ *Истанія*, вѣроятно, по причинѣ сходства имени *Сефарадъ* съ греко-латинскимъ *‘Есперія*, *Hesperia*, при чемъ род. пад. отъ *‘Есперіс* (*‘Есперіѣ-ос*) и *ai* *‘Есперіѣс* довершаютъ сходство ³⁾; нѣкоторые ученые отождествляютъ его съ городомъ *Спарда*, упоминаемымъ въ

¹⁾ Путешествіе Шмалъбергера въ переводѣ Ф. К. Бруна, Одесса. 1866, стр. 58. Г. Брунъ отождествляетъ *Sudi* и *Suti* съ *Kuti* (Готтани); нельзя ли видѣть въ этомъ названіи Шмалъбергера сокращеніе имени *Oseti* (Осетинцевъ)?

²⁾ Означенный стихъ у пр. Авдіа гласитъ въ переводѣ Іеронима и въ Вульгатѣ: Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri, и бл. Іеронимъ оправдываетъ этотъ переводъ слѣдующей замѣткой: Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet *Sepharad*, quod nescio cur LXX *Ephrata* transferre voluerint, cum et Aquila et Symmachus et Theodotus cum hebraica veritate concordent. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudit, didicimus, *Bosphorum* sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit. Opera Hieronymi, ap. Gensch, t. VI, p. 96. Переводъ LXX толковниковъ, какъ свидѣтельствуешь бл. Іеронимъ, и за нимъ и переводъ славянскій, передаютъ это названіе словомъ *‘Ефрада*, что, по всей вѣроятности, есть ошибка вмѣсто *‘Ефадъ* или *‘Ефараѣа*.

³⁾ *Buxtorf*, Lexicon Talmudicum-Rabbinicum, и *Vincent*, Biblisches Realwörterbuch, s. v. *Sepharad*.

персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ, въ которыхъ признають столу древней Лидіи, *Сарды* ¹⁾; другіе признають въ немъ *Систирова* Геродота (I, 104, III, 94, VII, 79) и грузинскій *Сперъ* ²⁾; опять другіе находятъ въ немъ *Сефирамъ* (недалеко отъ Сентъ-Жанъ-д'Акра), либо *Сенуръ* = *Сенурдъ* (близъ Эрзерума), либо же древне-вавилонскій городъ *Синпара* (Геліополісъ) и т. д. ³⁾.

Но какая бы мѣстность ни подразумѣвалась подъ загадочнымъ названіемъ древне-іудейскаго пророка, намъ положительно извѣстно, что всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе ⁴⁾, всегда подразумѣвали подъ этимъ названіемъ Испанію, и что ни въ одномъ подлинномъ документѣ городъ Керчь не называется *Сефирадомъ* ⁵⁾.

г. По еще яснѣе изобличаютъ новѣйшаго поддѣльщика географическихъ имена, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ опечаткамъ въ источникахъ, коими онъ пользовался, или ошибочнымъ комбинаціямъ нѣкоторыхъ авторовъ. Такъ напримѣръ, древнее названіе Θεοδοσίη, по свидѣтельству анонимаго перипла (Anonymi Periplus Ponti Euxini), въ языкѣ Алабовъ или Тавровъ гласило 'Αρδαῖδα (по изданіямъ Geographi Graeci Minores Голъ и Мюллера) или 'Αρδαῖδα (по изданію Гудсона), что будто значило *городъ семи боговъ* ⁶⁾. Поэтому мы читаемъ у Сестренцевича: „Cette ville (Théodosie) se nommait anciennement *Ardauda*, ou la ville de sept dieux, *Tusba*, *Teudosie*, et ensuite

¹⁾ Burnouf, Mémoire sur deux inscriptions cunéiformes, Paris, 1836, p. 147; Beer въ Allgem. Hall. Literaturzeitung 1838, I, 38; Lassen въ Zeitschr. f. die Kunde des Morgenl. VI, 50; Spiegel, Altpersische Keilschriften, Leipzig, 1862, p. 219; Хамикова, Землеустройство Риттера, Иранъ, С.-Пб. 1874, стр. 166.

²⁾ Vivien St. Martin, Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase, Paris, 1847, p. 44; Brosset, Deux historiens Arméniens, St. Pétersbourg, 1870, p. 222; Mélanges Asiatiques, vol. V, p. 754—755.

³⁾ Ewald, Propheten des Alten Bundes, въ объясненіи 20-го стиха пр. Авдіи; P. de Lagarde, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866, p. 265, 292, 297 — 298; Schrader, Keilschriften und das Alte Testament, Giessen, 1872, p. 284—285.

⁴⁾ Изъ караимскихъ писателей назовемъ здѣсь Іеѳета ибнъ-Али (X вѣка), Али ибнъ-Сулеймана (XI в.), Іуду Гадиси и Якова бенъ-Рубени (XII в.).

⁵⁾ Г. Врунъ неосновательно включилъ *Сефирады* въ число названій Керчи, примѣшивая къ тому еще фантастическія гипотезы Касселя; см. О разнѣхъ названіяхъ Керчи и т. д., соч. Ф. Вруна, Одессы, 1877, стр. 11—12.

⁶⁾ См. объ этомъ Pallas, Bemerkungen auf einer Reise etc., I, 416; Путешествіе въ Тавриду, соч. Муравьева-Апостола, стр. 216; Вруна, Scythie d'Hérodote, p. LIV и слѣд.

*Caffa*¹⁾; въ русскомъ же переводѣ означеннаго сочиненія это мѣсто читается: „Сей городъ назывался нѣкогда *Ариауда* или городомъ семи боговъ, Тусба, Теудози, а потомъ Кафа“²⁾, гдѣ очевидно *Ариауда* ошибочно напечатано вмѣсто *Ардауда*, и эта опечатка подала Фирковичу поводъ къ татарской (значить, Аланы и Тавры тоже были Татары!) этимологiи имени (*арка* значить по татарски: позади, сзади, а *ада*—островъ, такъ что *Арка-ада* будто значить: задній островъ, или: задъ острова) и къ составленію приписки³⁾, седьмая строка которой гласитъ: „здѣсь въ Кафѣ, нѣкогда (названной) *Арка-ада*“. Ясно, что опечатка въ русскомъ переводѣ книги Сестренцевича служила источникомъ для объясненія древне-аланскаго названія изъ татарскаго языка и для изобрѣтенія документа, гдѣ означенная типографская ошибка 1806 года фигурируетъ въ своей татарской одеждѣ уже въ 1309 или даже (по г. Хвольсону) въ 309 году по Р. Х.!

5. Другой опечаткѣ во французскомъ текстѣ сочиненія Сестренцевича или же опискѣ самого автора обязано своимъ происхожденіемъ второе названіе Θεοδοσίη, вышеприведенное *Tusba* (*Тусба* въ русскомъ переводѣ). Такъ какъ подобнаго географическаго названія, насколько мнѣ извѣстно, не только въ Крыму, но и вообще мы будемъ напрасно искать, то нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ ошибочнымъ чтеніемъ вмѣсто *Tusla* (*Тузла*)⁴⁾, названія одной опустѣвшей и разрушенной татарской деревни, откуда, по словамъ двухъ географовъ XVII столѣтія (Мелетія и Сансона), Генуэзцы брали камень для построенія крѣпости Кафы⁵⁾. Что имя *Тузла* турецко-татарскаго происхожденія (*тузъ* значить соль) хорошо зналъ уже Кепленъ⁶⁾. Однако же ошибочная форма имени—*Тусба*, находится въ одной припискѣ (№ 72), относимой Фирковичемъ и г. Хвольсономъ къ 995 году по Р. Х.!

¹⁾ *Siestrencensis de Bohusz, Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique*, Brunswick, 1800, vol. I p. 19; éd. St. Pétersb., 1824, p. 33.

²⁾ *Сестренцевича Исторія о Тавріи*, С.-Пб. 1806, ч. I, стр. 29.

³⁾ Означенная приписка (№ 113 въ рукописномъ собраніи эпиграфовъ) относится по Фирковичу къ 1309 году по Р. Х., по г. Хвольсону къ 309 году по Р. Х.

⁴⁾ Французскія буквы *l* и *b* легко перемѣшать и въ письмѣ, и въ печати.

⁵⁾ *Кепленъ*, Крымскій сборникъ, стр. 106.

⁶⁾ «*Тузла*, такъ въ Крыму и въ Востніи называются мѣста, гдѣ изъ озера добывается соль», Крымскій сборникъ, стр. 107, прим. 153. См. *Mostrael, Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman*, St.-Pét. 1878, p. 123. Это имя находится также на Таманскомъ полуостровѣ и на западномъ побережьи Чернаго моря.

7. Въ одной изъ древнѣйшихъ приписокъ коллекціи Фирковича (№ 2, 489-го года по Р. Х.) говорится, что городъ *Тамимарха* въ древности назывался *Тамирака*, а въ надгробной надписи № 5 здѣшняго Азіатскаго музея (при Академіи Наукъ), датированной отъ 625-го г. по Р. Х., упоминается еврейское гѣтосчисленіе по счету *Матархійцевъ*. Между тѣмъ тожество *Таматархи* или *Матархи* съ *Тамиракою*, предполагаемое Н. Н. Мурзакевичемъ гѣтъ тридцать тому назадъ ¹⁾, уже давно опровергнуто, а самое названіе *Таматарха*, *Матарха* (русская *Тимуроканъ*) для нынѣшней Тамани, какъ компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ, произошло отъ искаженія Тюрками древняго имени *Корокондама* (Корсхондартъ Страбона и аполонипаго Перипла) ²⁾.

8. Черноморскіе Готы (Тетракситы) названы въ одномъ историческомъ документѣ собранія Фирковича (эпиграфъ № 10, 805 года по Р. Х.) *Алауфъ Гатамъ* ³⁾, и тамъ разказывается, что народъ этотъ воевалъ съ народомъ *Каларъ* (Хазарами), имѣвшимъ будто бы во

¹⁾ Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Одесса, 1837, стр. 10. Фирковичъ въ своихъ рукописныхъ запискахъ ссылается на Мурзакевича для оправданія ошибки.

²⁾ См. записку А. А. Куниса въ *Mélanges Asiatiques*, vol. V, p. 161; Ф. К. Бруна въ *Scythie d'Herodote*, p. LII — LIII; К. К. Герца, *Топографія Таманскаго полуострова*, Москва, 1870, стр. 28.

³⁾ Въ русской литературѣ нѣсколько разъ было указано на этотъ документъ (см. Хеллсона, Восемнадцать надгробныхъ надписей, С.-Пб. 1866, стр. 96; *Труды перс. русск. археол. съезда*, Москва, 1871, стр. ОХС; *Бурчкова*, О истощеніи древ. Кариннитоса, Одесса, 1874, стр. VI; *Бруна*, О разныхъ названіяхъ Керчи, Одесса, 1877, стр. 12 — 13). Между тѣмъ полнаго дословнаго русскаго перевода его не существуетъ; пользуюсь случаемъ, чтобы представить здѣсь таковой и этимъ облегчить сужденіе о немъ:

Тогда говорилъ Іешуау (Исусъ): Благословенъ Господь, спасающій Доверяющихъ Его силъ Отъ преслѣдователей!	Нашъ съ того дня, какъ мы подвергались
3 Да будетъ записано и это Спасеніе въ книгу Ученія Вошіа на память Послѣднику поколѣнію, что Воздвигъ Господь во дни наши па- мятниковъ	Изнанію нѣтъ уже 1500 Лѣтъ? Попадались мы въ руки 15 Идолюпоклонниковъ, попадались Въ руки идолюпоклонниковъ, Которые ограбляли насъ, похищали насъ, Пролитыми нашу кровь, похищали Наши священныя книги 30 И ругались надъ нами. Настоящій же послѣдній супостать
10 Чудесаамъ Своимъ! Его въ состояніи похвастоваться о всемъ, постигшемъ	

главъ своей книги по имени *Миссамъ*. Уже покойному ориенталисту Мунку показалось подозрительнымъ то обстоятельство, что имена *Миссамъ* и *Алауфъ Гатамъ* явно заимствованы изъ кн. Бытія (XXV, 13, XXXVI, 16¹⁾). Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что *Миссамъ* приплетенъ къ *Кедаръ* потому, что, по словамъ книги Бытія, оба они были братьями; что *Кедару* употребляется какъ названіе Хазарскаго народа исключительно въ апокрифическихъ документахъ Фирковича, гдѣ иногда слово это пишется съ точкою надъ буквою *d* въ знакъ того, что оно должно произноситься *Кедзаръ* или *Кадзаръ*²⁾; что поводъ къ употребленію названія *Гатамъ* для Готоовъ подава транскрипція персвода LXX толковниковъ (l'odim), перешедшая также въ славянской переводъ въ формѣ *Говомъ*.

В. Собственными именами лицъ.

Подобно географическимъ названіямъ, собственные имена лицъ набрасываютъ весьма густую тѣнь на разбираемые нами документы, какъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Отягчалъ еще наше извѣстіе — (а
именно)
Князь *Гатамъ*
Выгастъ со своею ратью, народомъ
25 Немногочисленнымъ, называемымъ
Тетрасами,
Сказавшими въ безчестіи ономъ:
«Дайте, уничтожить ихъ (Иудеевъ)
ихъ числа народовъ!».
Кемъ же Господи, который былъ
съ нами
И послалъ намъ спасителей,
30 Вратевъ изъ сыновъ Кедаръ,
Обращенныхъ въ Иудейство, съ Мав-
самомъ,

Климентъ ихъ, въ ихъ главѣ,
Которые спасли насъ и
Священную книгу эту
35 Изъ ихъ (вражьи) рукъ и завое-
вали
Брѣвность ихъ *Дори*,
Въ настоящемъ году нашенъ,
1501-мъ по нашенъ изгнанію (изъ
Самарію),
4565-мъ по сотвореніи міра,
40 Году спасенія. Благословенъ
Господи! Да послышитъ Онъ также
прислать намъ
Имя, пророка нашего,
Скоро, во дни наши! Аминь!

¹⁾ См. его притчапія на отчетъ *Heibauera* въ *Journal Asiatique*, Juin 1865, p. 547.

²⁾ См. *Geiger* въ *Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben*, В. III, 1864, p. 288 — 289. Тридцать лѣтъ тому назадъ Д. Гертенштейнъ высказалъ довольно странное предположеніе, что названіе *Коларъ*, *Холаръ* произошло отъ еврейскаго глагола *каларъ* (быть свирѣлымъ); см. *Труды Московскаго Общества исторіи и древ., зазд.* 25-го января 1817, № 6, и что же! никакъ одинъ берлинскій ученый, г. Павелъ Кассель, собственнымъ умомъ дошелъ до этой прокударой этимологіи! См. *Der chazarische Königsbrief aus dem 10 Jahrhundert von Paulus Cassel*, Berlin, 1876 p., 47.

а. Скиаская царица, воевавшая, по сказанію Геродота, съ основателемъ Персидской монархіи Киромъ, носить у греческаго историка названіе *Томирисъ* (Томірис, I, 205 и слѣд.); въ напечатанномъ же текстѣ псевдо-Іосифа или Іосиппона (автора IX или X вѣка) имя этой царицы гласитъ *Талмира* ¹⁾. Что чтеніе это составляетъ либо опечатку, либо описку писца той рукописи, по которой текстъ Іосиппона былъ напечатанъ, можно нынѣ доказать помощью одной древней рукописи этого автора, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ ²⁾. Одины изъ важнѣйшихъ же документовъ крымскаго происхожденія какъ разъ имѣютъ ошибочную форму напечатаннаго текста—*Талмира*!

б. Въ документѣ, написанномъ будто въ 594 или 604 году по Р. Х. персидскимъ Евреемъ въ городѣ Шемахѣ, Сассанидскій царь Хозру (Хосроѣ) II называѣтъ *Коздори*, что также подастъ намъ поводъ къ заподозрѣнію подлинности означеннаго документа. Первоначальная форма вышеозначеннаго имени Персидскаго царя есть, по мнѣнію всѣхъ иранологовъ, *Huçrauo* (отъ *huçrauvah* или *huçravâgh*), то-есть, bonas auras habens, sive bene audiens, sive obediens, откуда произошли формы *Chuçrau*, *Chosrau*, *Chosrev* въ новоперсидскомъ и армянскомъ, *Киcра* или *Кесра* въ арабскомъ, *Хозрѣс*, *Козрѣс*, *'Осрѣс* въ греческомъ ³⁾. Иногда же Греки имѣютъ, какъ извѣстно, обыкновеніе вставлять въ чужестранныя слова звукъ *д* между *с* и *р*, какъ напримѣръ, библейское имя *Эзра* произносилось ими *'Еозбас*, *Ізрезалъ* — *'Еодра́гла* и *'Еаргáлw*, кареагенское имя *Азрубалъ* — *'Асдроубалъ* или *Hasdrubal*. То же самое повторилось и съ персидскимъ именемъ Хозроя, которое византійскіе Греки писали иногда также *Хоодрѣс* ⁴⁾, откуда взята и форма *Хоздрой* ⁵⁾ русскихъ лѣтопи-

¹⁾ Josephus Gorionides, ed. *Breithaupt*, Gothaе 1707, ст. р. 69 и слѣд.

²⁾ Въ означенной рукописи названія славянскихъ племенъ читаются, болшею частью, правильнѣе чѣмъ въ напечатанномъ изданіи; такъ, напримѣръ, въ рукописи легко узнать названія *Морава*, *Хрвати*, *Серби*, *Лучани*, и т. д. Рукопись эта найдена мною во второй коллекціи Фирковича осенью 1874 года, и я указалъ на нее въ *Журналѣ Минист. Народ. Просв.*, ч. CLXXVIII, отд. 4, стр. 39.

³⁾ См. *Wirtzsch*, *Commentaire sur le Jaçna*, p. 429; *Vuillers*, *Lexicon Persico Latinum* I, 692. II, 834; *Justi*, *Handbuch der Zendsprache* v. v.; *Dorn*, въ *Mélanges Asiatiques* III, 620.

⁴⁾ См. Менаандра, *Excerpta de legationis* ed. Bonn.; p. 329, 553; Малазу, *Chronographia*, ed. Bonn., p. 471.

⁵⁾ А. О. Бычковъ обмѣлительно доставилъ мнѣ слѣдующія указанія на древнерусскіе источники: а) Лѣтопись по Лаврент. списку, Сиб. 1872, стр. 11, б) Лѣ-

сей ¹⁾. Та же самая византийская форма персидскаго имени, посредствомъ романскихъ источниковъ, перешла и къ еврейскимъ писателямъ, начиная съ XVI столѣтія, а оттуда, безъ всякаго сомнѣнія, она попала и къ автору документа, снабженнаго, однако, датою 594 года!

с. Имя Камбиза гласитъ въ томъ же документѣ *Камбизъ*, какъ въ еврейскихъ источникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, зависящихъ отъ греческихъ писателей. Но персидскій Еврей VI вѣка едва ли произнесъ бы такъ имя древне-персидскаго государя, которое на туземномъ діалектѣ гласило *Камбуджіа*.

d. Монгольско-татарское имя *Тохтамышъ*, какъ доказалъ А. А. Куникъ ²⁾, позднѣйшаго происхожденія; въ крымско-іудейскихъ надгробныхъ надписяхъ оно является уже въ III вѣкѣ по Р. Х.

е. Татарское имя *Буки* находитсѣ уже въ крымской надгробной надписи *шестіаю* года по Р. Х. или даже *двадцатіаю* года до Р. Х.

f. Татарское имя *Парлакъ*, отъ глагола *парлакъ* (блистать, сіять), употребляемаго еще нынѣ крымскими Каранями ³⁾, является уже въ надгробной надписи 180 года по Р. Х.

g. Женское имя *Гуланъ* или *Гуленъ* читается уже въ крымской надгробной надписи, относимой къ 197 году по Р. Х.; между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что означенное имя есть искаженное новоперсидское *Гулабъ*, розовая вода (отъ персидскаго *Дулабъ*, роза, и *абъ*, вода). То же самое слово вошло въ средніе вѣка, посредствомъ арабской формы его (*джулабъ*), почти во всѣ европейскіе языки, въ смыслѣ прохладительнаго напитка, ср. французское *julep* (*potion adoucissante*), употребляемое и Нѣмцами, испанское и португальское *julepe*, италянское *giulebbe* ⁴⁾.

топись по Ипатскому св., Сиб. 1872, стр. 6, в) Сое. Харат. Номоканонъ (въ I т. Поли. Собр. Рус. Литоп.), стр. 251, г) Сое. перв. Литописъ (тамъ же т. V), стр. 85, д) Сое. втор. Литописъ (тамъ же, т. VI), стр. 126, е) Воскрес. Литописъ (тамъ же, т. VII) стр. 264.

¹⁾ Что эта вставка не самостоятельная русская, но заимствована у Византицевъ, можно заключить изъ того обстоятельства, что славянскіе языки въ подобныхъ случаяхъ вставляютъ не *о*, но *я*, какъ, напримѣръ, *сру*—*струя*, *спрсти*—(в) *стрѣтити*, *спрам*—*сприми* (простонар.), *среда*—чеш. *siteda* и т. п.

²⁾ *Mélanges Asiatiques*, vol. V, ст. р. 151 и сл.; Тохтамышъ и Фирковичъ, С.-Пб. 1876, стр. 40 и слѣд.

³⁾ См. Н. *Kasaca*, Учебникъ еврейскаго языка для каранскихъ школъ, ч. II (Христоматія и словарь), Одесса, 1869, стр. 31.

⁴⁾ *Freitag*, Lexicon arabico-latinum, и *Vullers*, Lex. persico-latinum s. v.; *S. de Sacy*, Relation d'Abdallatif, p. 317; *Kaempfer*, Amoenitates Exoticae, p. 373;

Для не предубѣжденных ученыхъ, какъ намъ кажется, этихъ примѣровъ уже достаточно для составленія правильной оцѣнки новооткрытыхъ памятниковъ и для осужденія ихъ. Но гораздо большее количество признаковъ подлога открывается знатому по части древней и средневѣковой еврейской письменности, раввинской и караимской: письмена, языкъ, слогъ, евлогія (благопожеланія живущимъ и благословенія усопшимъ), историко-литературныя и чисто историческія подробности—все это соединяется для произнесенія неумолимо строгаго приговора надъ тѣми открытіями Фирковича, которыя касаются древнѣйшей эпохи Крымскаго полуострова. Укажемъ здѣсь также на нѣкоторые историческія данныя крымско-иудейскихъ памятниковъ, навлекающія на себя сильное подозрѣніе.

В. Историческія данныя.

а) Сказаніе о томъ, что часть Хазарскаго народа имѣлъ съ своимъ хаганомъ приняла іудейство вслѣдствіе преній, происходившихъ при хазарскомъ дворѣ между представителями трехъ религій, іудейской, христіанской и мохаммеданской, приводится въ отвѣтномъ письмѣ Хазарскаго царя Іосифа ¹⁾, въ книгѣ *Козари* ²⁾, и у арабскаго писателя XI столѣтія *Абу-Убайдаллаха Аль-Бекри* ³⁾. Въ еврейскихъ источникахъ представитель іудаизма носитъ имя *Исаака Синари*. По всей вѣроятности, Еврей *Замбрій* или *Замерій*, который въ Житіяхъ св. Кирилла (Константина Философа) и въ такъ называемыхъ Службахъ св. Константину, равно какъ и въ Житіи св. Меодія, является противникомъ славянскихъ апостоловъ въ Хазаріи ⁴⁾, также

Chardin въ *Voyage en Perse*, Paris 1723, vol. IV, p. 197; *Defremery* въ *Journal Asiatique* 1848, I, 100; *Dory et Engelmann*, *Glossaire des mots espagnols et portug dérivés de l'arabe*, Leyde, 1869, p. 293. Слово *ула* для названія розы употребляется нѣкоторыми Крымскими Каримами; см. упомянутый учебникъ *Казаса*, II, 141.

¹⁾ См. вѣнецкій переводъ полного текста письма (по рукописи Имп. публич. бібліотеки) въ журналѣ *Russische Revue*, т. VI, стр. 69—97.

²⁾ Книга эта составлена въ первой половинѣ XII вѣка испанскимъ Евреемъ *Исидоромъ Галеемъ* на арабскомъ языкѣ и извѣстна въ Европѣ по латинскому переводу *Буксторфа*, *Libri Corsi*, Basiliae, 1660, 4°; см. Ист. Госуд. Росс. *Карамзина*, I, пр. 90.

³⁾ См. *Journal Asiatique*, juin 1848, p. 462 и нашу замѣтку въ сочиненіи Кирилла и Меодія В. А. *Вильбасова*, II, 376 и слѣд.

⁴⁾ Такъ въ Проложніи Житія Кирилла, изд. *Погодинымъ*, читается: «Паки отыдо (Евр.) на Саверскую страну въ Казары, и учаше вѣровать во Христа.

заимствованъ изъ сказаній о событіи, случившемся столѣтіемъ раньше съ Евреемъ *Санари*. Впрочемъ, могло также быть, что одинъ изъ потомковъ этого *Санари* жилъ при дворѣ внука или правнука того хакана (по имени *Буланъ*), который былъ обращенъ въ іудейство, и этому потомку пришлось вступить въ преніе по дѣламъ вѣры съ Константиномъ Философомъ. Но какъ бы то ни было, а во всѣхъ преданіяхъ еврейскихъ, какъ раввинскихъ, такъ и караимскихъ, означенный Сангари (котораго Каранимъ впрочемъ часто смѣшивали съ авторомъ книги *Козари*), представляется ревностнымъ защитникомъ раввинскаго еврейства. Начиная съ XII столѣтія, имѣется цѣлый рядъ караимскихъ авторовъ, которые упрекаютъ основателя іудейства въ Хазарѣ въ томъ, что изъ пристрастія къ своему раввинскому толку, онъ представилъ Хазарскому царю караимское ученіе въ ложномъ свѣтѣ. Еще въ 1838 году, значить, только за одинъ годъ до мнимаго открытія надгробнаго камня Сангари, самъ Фирковичъ полемизировалъ противъ раввинскихъ взглядовъ сего послѣдняго и противъ невыгоднаго его отзыва о караимствѣ ¹⁾. Между тѣмъ въ обстоятельномъ отчетѣ напечатанномъ А. Фирковичемъ о своихъ открытіяхъ въ 1872 г. ²⁾,

И сотвори советъ Жидове, хотѣша убити ѱ, но не да его Игемонъ: донде же упрати его, рече, не имати власти погубити его и т. д. и многи научи въровати Христови и *Замбрій* [варианты: *Замбѣ*, *Замеріа*] еретика молитвою умори (Кириллъ и Меѳодій *Добровскаго*, перев. *Полюдина*, стр. 104); въ Проложномъ же Житіи Меѳодія сказано: «Нѣкогда же посла царь брата его Кирилла въ Казары, да препрять жида, и ижденеть я отъ земли ихъ: бяхуть бо уже Казары приѣли Жидовскую вѣру и т. д. *Замбрій* же, родомъ Козаринъ, а въроу еретикъ, начатъ противитися Меѳодію, хули вѣру Христову» (тамъ же, стр. 106), а въ *Службѣ св. Константину Философу*, изданной *И. И. Срезневскимъ* по спискамъ древнимъ спискамъ (име изъ нихъ принадлежать XII вѣку), говорится между прочимъ: «Копіѣмъ словесъ твоихъ, яко *Замбрию* [варианты: *Заамбрию*, *Замбриа*, *Зѣбриѣ*] проповѣдъъ кси и т. д. Не оустрашися оучителю воиньскимъ ксиѣнъ вѣнати въ плъкъ Жидовьскимъ» и т. д. (*Записки Имп. Акад. Наукъ*, т. IX, кн. II, прилож. № 6, 1866, стр. 72, 75—76). Ср. еще *Бодлискаго*, О времени происхожденія славянскихъ писемъ, М. 1855, стр. 72 и прим. 69, и вышеупомянутую записку у *Билбасова*, стр. 380—383.

¹⁾ См. соч. *Фирковича* подъ заглавіемъ *Маса умерива*, Евпаторія 1838, л. 136, на первой страницѣ.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь кстати, что рукописный отчетъ, написанный рукою Фирковича въ началѣ 60-хъ годовъ и находящейся нынѣ въ Имп. Публич. библіотекѣ, противорѣчитъ печатному отчету 1872 года на каждомъ шагѣ, что еще разъ доказываетъ, что между хорошая память необходима, иначе онъ часто попадаетъ въ просакъ.

прямо говорится, что въ 1839 году крымскіе Караймы дали ему порученіе разыскивать караймскія древности, при чемъ одною изъ главныхъ дѣлей означенной миссіи было предполагаемое открытіе гробницы Сангари, ибо древне-караймскія преданія будто бы гласятъ, что означенная гробница находится въ Херсонисѣ ¹⁾. Вообще же въ высшей степени невѣроятно, чтобы тотъ Еврей, который склонилъ Хазарскаго царя съ его вельможами къ принятію іудейства и павѣрное имѣлъ не мало дѣла при ознакомленіи новообращенныхъ съ еврейскими законами и обрядами, чтобы этотъ Еврей, говоримъ, оставилъ дворъ Хакапа въ Итилѣ и скочался бы далеко отъ хазарской столицы, въ крымскомъ захолустьи. Къ тому же, похороненіе Сангари на Чуфутъ-Кальскомъ кладбищѣ и сооруженіе ему памятника съ еврейскою надписью предполагаетъ существованіе въ древности означеннаго города съ іудейскимъ населеніемъ, и вся исторія съ надгробіемъ Сангари находится въ очевидной связи съ басней о переселеніи древнихъ Израилѣтянъ въ Тавриду во время Камбиза вслѣдствіе побѣды надъ Склеами ²⁾. Притомъ еще различные разказы Фирковича объ открытіи означеннаго памятника противорѣчатъ другъ другу и бросаютъ тѣнь на самый памятникъ и на всѣ новооткрытыя іудейскія древности въ Крыму.

б) Въ Несторовой лѣтописи, какъ извѣстно, разказывается, что вслѣдъ за Волгарами и Нѣмцами въ 986 году прибыли въ Кіевъ и „Жидове Козарскіи“, чтобы предложить св. Владимиру свою религію ³⁾, а подъ 987 годомъ лѣтопись отмѣчаетъ фактъ, что изъ Кіева были отправлены „мужи добры и смыслены, числомъ 10“ къ Волгарамъ, Нѣмцамъ и Грекамъ, чтобы испытать на мѣстѣ, „кто како служитъ Богу“ ⁴⁾; о посольствѣ же къ Евреямъ ничего не го-

¹⁾ См. соч. Фирковича подъ заглавіемъ: *Абне Зинкаронъ*, Вильна 1872, ч. I, стр. 6, 9, 27, §§ 15, 24, 52.

²⁾ Вслѣдствіи Фирковичемъ были еще сострипаны нѣкоторые эпиграфы къ библейскимъ рукописямъ, гдѣ мнимый сынъ Исаака Сангари, Давидъ, фигурируетъ какъ свидѣтель при продажѣ кодексовъ въ караймскихъ общинахъ въ Солхатѣ, Касѣ и Чуфутъ-Кале. Кромѣ небылаго Сангари-сына и несуществующихъ въ VIII вѣкѣ городовъ Солхата и Чуфутъ-Кале и караймской общины, означенные эпиграфы заключаютъ въ себѣ множество другихъ признаковъ лжанаго подлога. То же самое слѣдуетъ сказать и о надгробіи жены Сангари, открытомъ будто бы въ 1842 году.

³⁾ Лѣтопись по Лаврент. списку, изд. подъ ред. А. Θ. Бычкова, С.-Пб. 1872, стр. 83.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 104—105.

часть схот., отд. 2.

ворятся. Тому могли быть разныя причины. Впервыхъ, аргументъ противъ еврейской религіи, влагаемый лѣтописью въ уста Русскаго князя („Онъ же рече: то како вы нѣхъ учите, [а] сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чужимъ землямъ“), слишкомъ вѣсокъ и бросается въ глаза, чтобъ еще понадобилось дальнѣйшее испытаніе іудейской вѣры. Вовторыхъ, по всей вѣроятности, въ Кіевѣ и въ южной Руси жили уже тогда Евреи ¹⁾, такъ что къ отправленію миссіи для ознакомленія съ іудействомъ не предстояло никакой надобности. Какъ бы то ни было, а въ еврейской литературѣ, на сколько до послѣдняго времени было извѣстно, не сохранилось никакихъ воспоминаній по этому предмету. Документы же Фирковича обязательно восполняютъ этотъ пробѣлъ, и приписка на поляхъ одного пергаментнаго свитка Пятяклижія, который г. Хвольсонъ имѣлъ еще въ рукахъ въ 1865 году (послѣ свитокъ этотъ загадочнымъ образомъ исчезъ), начинается слѣдующими словами: „Я, одинъ изъ

¹⁾ Хотя прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, относящихся къ X в., не имѣется, однако значеніе Кіева въ торговомъ отношеніи, подчиненіе его въ продолженіе долгаго времени іудейскимъ (по династіи) Хазарамъ и положительныя извѣстія объ Евреяхъ въ Кіевѣ въ XI и XII столѣтіяхъ даютъ намъ право заключить и о X вѣкѣ. Такъ, о митрополитѣ Иларіонѣ (въ половинѣ XI в.) извѣстно, что онъ имѣлъ личныя сношенія съ іудейскими учителями, какъ можно заключить изъ его соч. „Ученіе о ветхомъ и новомъ законѣ“ (см. Обзоръ рус. духов. литературы Филарета въ Учед. Зап. II-ю Отд. Акад. Наукъ, III, 8); о св. Ѳеодосіи Печерскомъ (во второй половинѣ XI в.) разсказывается, что онъ имѣлъ обыкновеніе уходить тайно отъ всѣхъ братій изъ монастыря къ Жидамъ, чтобы препираться съ ними о Христѣ, раздражая ихъ и называя ихъ отступниками, „жадалъ бо (какъ говорить его біографъ) еже о Христовѣ исповѣданіи убіенъ быти“ (Житіе св. Ѳеодосія Печерскаго), значитъ, Евреи пользовались тогда въ Кіевѣ извѣстными вліяніемъ и силою; далѣе, въ посланіи митрополита Іоанна II (въ 80-хъ годахъ XI вѣка) говорится о продажѣ рабовъ Жидамъ и еретикамъ (*Русск. Достопамятности*, I, 89); о князѣ Святославѣ Михаилѣ разсказывается, что онъ благоволялъ къ кіевскимъ Евреямъ (*Карамзина Ист. Госуд. Росс.*, ч. II, гл. VI); при воцареніи Владиміра Мономаха (1113 г.) грабили Жидовъ въ Кіевѣ (тамъ же, гл. VII, ср. прим. 208 и 214); подъ 1124 годомъ лѣтописи отнѣчаютъ большой пожаръ въ Кіевѣ, при чемъ „и Жидовъ погорѣло“ и т. д. Татищевъ посему пишетъ, когда записываетъ: „Что же написано [у Нестора] пришло, то не можно за то почитать, что они [Жиды] нарочно для того изъ Козаронъ пришли, но разумеются тѣхъ, которые Святославоу пленены въ Кіевъ на разѣ Роси и другіихъ городѣхъ поселены, которыхъ много было“ (*Исторія Татищева*, кн. II, прим. 176). Еслибъ это послѣднее извѣстіе подтвердилось какимъ-либо древнимъ источникомъ, то мы имѣли бы вѣрное свидѣтельство и о X вѣкѣ; но мы по крайней мѣрѣ не имѣемъ источника для означеннаго свидѣтельства Татищева.

мирныхъ и вѣрныхъ Израиля, Авраамъ, сынъ господина Симхи, изъ города Сефарада (то-есть, изъ Керчи), въ царствѣ нашихъ братьевъ, благочестивыхъ прозелитовъ, Хазаръ, въ 1682 году послѣ нашего изгнанія (изъ Самаріи),—то-есть, въ 4746 году по сотвореніи міра (соотвѣтствуетъ 986 году по Р. Х.) по лѣтосчисленію, употребляемому братьями нашими, Іудеями города Матархи (то-есть, Тамани),—когда прибыли послы князя Росъ-Мосоха (то-есть, Руси) изъ юрода Чіова (Кіева) къ государю нашему Давиду, хазарскому князю, для изслѣдованія дѣла вѣры, (тогда) я былъ имъ (княземъ Давидомъ) отправленъ въ Персію и Мидію, чтобы пріобрѣсти древнія книги Тора (Пятикнижія), пророковъ и агіографовъ для хазарскихъ общинъ⁴ и т. д. ¹⁾.

Еслибы документъ этотъ былъ подлиннымъ, какъ стараются доказать защитники древностей Фирковича, то мы имѣли бы прямое свидѣтельство о томъ, что въ 986 году, значить, еще годомъ ранѣе отправленія посольствъ къ Волгарамъ, Грекамъ и Нѣмцамъ, такое же посольство было отправлено въ столицу Хазарскаго князя Давида для испытанія іудейской вѣры, и намъ, такимъ образомъ, оставалось бы только радоваться такому „обогащенію матеріаловъ для древне-русской исторіи“. Но у насъ имѣется слишкомъ много доказательствъ подложности означеннаго документа. Ибо кромѣ того, что въ немъ приводится конія съ болѣе древняго будто бы документа, гдѣ рѣчь идетъ о завоеваніи Тавриды татарскими Мидійцами и израильтянскими выходцами изъ Самаріи, гдѣ Скины называются *Шити*, древній городъ Гарайва — *Гератомъ*, алаво-татарскій Киркеръ — *Села Гаисудимъ*, то-есть, *Чуфутъ-Кале*, Керчь — *Сефарадомъ*, при чемъ самъ копіистъ, будучи родомъ изъ Керчи, называетъ себя *Сефарди* и т. п. вещи, невозможность коихъ выше доказана,—въ прибавкахъ мнимаго Керченца находится достаточно признаковъ подложности.

Такъ напримѣръ, извѣстіе о томъ, что въ 80-хъ годахъ X столѣтія одинъ Хазарскій князь командировалъ ученаго въ Персію для пріобрѣтенія древнихъ библейскихъ кодексовъ, весьма подозритель-

¹⁾ См. *Хвольсона*, Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей. С.-Пб. 1866, стр. 70 и слѣд. Эта же приписка заключаетъ въ себя копію съ болѣе древней будто бы приписки (594 или 604 года по Р. Х.) Іуды Шемахинскаго, гдѣ находится между прочимъ и разказъ о заносеніи Татарами и Бараннами Таврическаго полуострова у Скиновъ во время Персидскаго царя Камбиза; см. нашъ обстоятельный разборъ этого документа въ VIII томѣ *Извѣстій Имп. Русск. Археол. Общества*.

но, ибо такое отношеніе къ древнимъ рукописямъ совсѣмъ незнакомо было въ старину, такъ какъ оно составляетъ совсѣмъ новое понятіе, выработанное ново-европейскою наукою. Въ древности книги писались не для сохраненія въ библіотекахъ и музеяхъ, а исключительно для употребленія. Въ особенности же Евреи вплоть до повѣйшаго времени нисколько не заботились о сохраненіи своихъ древнихъ кодексовъ. Лишь только свитокъ Пятикнижія или какой либо другой кодексъ начиналъ портиться отъ долгаго употребленія, онъ становился *пасуа*, то-есть, негоднымъ и запрещеннымъ, потому что не дозволялось читать по немъ, и такія рукописи предавались гніенію въ подвалахъ и чердакахъ синагогъ или безцеремонно зарывались въ землю. Скажутъ, можетъ быть, что хазарскіе Евреи составляли въ этомъ отношеніи исключеніе и выгодно отличались отъ своихъ азіатскихъ и европейскихъ единовѣрцевъ высшею степенью культуры, такъ что „собственнымъ умомъ“ дошли до высокаго уваженія древнихъ рукописей, къ чему европейская ученость дошла гораздо позже. Но современные источники не допускаютъ такой возможности. Такъ, на вопросъ испанско-арабскаго министра Хасдан Ибнъ-Шапрута у Хазарскаго хакана Юсифа (около 960 года): „Живетъ ли государю мой въ постоянной столицѣ, или же объѣзжаетъ области своего государства?“¹⁾ (что въ переводѣ съ дипломатическаго на обыкновенный языкъ означаетъ вопросъ: ведетъ ли Хазарскій хаканъ осѣдлую или кочевую жизнь?), послѣдній откровенно отвѣчаетъ: „Знай, что я съ Божіею помощію живу по рѣкѣ (Итиль, Волгѣ), по которой у меня три города и т. д. Въ мѣсяцѣ *нисанъ* (апрѣль—май) мы выходимъ изъ города, и каждый отправляется въ свой виноградникъ, въ свое поле на работу и т. д. Я же съ моими вельможами и слугами отправляюсь на разстояніе 20-ти фарсанговъ, пока мы не достигаемъ рѣки *Варшанъ* (или *Вадшанъ*—Кума?), откуда мы поворачиваемъ къ границѣ страны моей, безъ всякой боязни (предъ врагами), такъ что къ концу мѣсяца *Кислевъ* (октябрь—ноябрь), къ празднику *Ханука*, мы возвращаемся въ (столичный) городъ“²⁾. Это подтверждается извѣстіемъ арабскаго писателя начала X вѣка, которое гласитъ: „Зимою (Хазарское) населеніе живетъ въ помянутыхъ двухъ городахъ; съ наступленіемъ же весны выходятъ изъ нихъ въ степь, гдѣ и остается до приближенія зимы“³⁾. Между

¹⁾ См. *Труды Восточн. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.*, ч. XVII, стр. 373.

²⁾ См. *Rivista delle Scienze* за янв. 1875 г., стр. 77, 89.

³⁾ Извѣстія Ибнъ-Дусте (Ибнъ-Даста), изд. Хвольсона, стр. 17, § 4.

такимъ образомъ жизни и таковымъ, при которомъ возможно было бы возникновеніе уваженія и любви къ древнимъ рукописямъ,—громкая разница, а изъ словъ мнимаго Авраама Керченскаго явствуетъ, что ученая командировка его не была лишь личною прихотью князя Давида, ибо въ документѣ прямо говорится, что древнія рукописи эти назначались для *хазарскихъ общинъ*, значитъ, древнія рукописи составляли тогда какъ бы потребность означенныхъ общинъ. Арабскіе писатели, правда, хвалятъ культурное состояніе тогдашней Хазаріи, но конечно, только относительно, въ сравненіи съ соседними Печенѣгами, Половцами, Мордвой и т. д., и едва ли мыслимо, чтобы среди народа, проводившаго большую часть года въ перекочевкахъ по прикаспійскимъ и черноморскимъ степямъ, возможно было учрежденіе (подвижныхъ?) библиотекъ и музеевъ, гдѣ общины сохранили бы древнія рукописи. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что отъ времени написанія письма Іосифа (ок. 960 года) до предполагаемой послылки Авраама Керченскаго не прошло и тридцати лѣтъ, и въ этотъ промежутокъ времени Святославъ нанесъ Хазарамъ два рѣшительные удара: въ первый разъ—въ 965 году, по свидѣтельству Несторовой лѣтописи, Русскій великій князь овладѣлъ единственною хазарскою крѣпостью Вѣлю-Вежью, то-есть, Саркеломъ ¹⁾, а во второй разъ,—въ 969 году, поражение Хазаръ, по арабскимъ писателямъ, было гораздо значительнѣе. Извѣстный путешественникъ Ибнъ-Хаукаль разсказываетъ какъ очевидецъ, что Русскіе разрушили тогда всѣ хазарскіе города, что Хазаре разбѣжались во всѣ стороны, и что часть ихъ скрывалась предъ Русскими на островахъ Каспійскаго моря и боялась вернутся въ отечество ²⁾. Отъ этихъ рѣшительныхъ поражений Хазаре уже не могли никогда оправиться, и въ остаткахъ Хазарскаго княжества, прозябавшаго еще нѣсколько десятковъ лѣтъ на Крымскомъ полуостровѣ, врядъ ли могло осуществиться значительное подніיתіе культуры, и едва ли произошелъ тамъ такой подъемъ національно-еврейскаго духа. Подозрительно также извѣстіе, что городъ Матарха (Та Матарха), русская Тмутаракань и нынѣшняя Тамань, принадлежалъ

¹⁾ «Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и ступишася битися, и быши брани, одоля Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Вѣлу Вежу взя; см. Лаврент. списокъ, над. подъ ред. А. О. Бичкова, стр. 63—64.

²⁾ Сказаніи мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 220, 223—226.

въ 80-хъ годахъ X вѣка Хазарамъ. Поводомъ къ причисленію Матархи къ Хазаріи 986 года составителю разбираемаго документа, по видимому, послужило извѣстіе Несторовой лѣтописи, что св. Владиміръ посадилъ въ 988 году Мстислава княземъ въ Тмутаракани ¹⁾; по тамъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о тогдашнемъ завоеваніи Русскими этого города, ибо онъ принадлежалъ имъ уже со временъ побѣды Святослава ²⁾. Отожествленіе библейскаго названія *Мосохъ* съ Русью также указываетъ на позднее происхожденіе документа, ибо примѣненіе означеннаго названія къ Русскимъ не встрѣчается въ еврейской литературѣ раньше XVI вѣка, по сходству съ именемъ Москвы и въ подражаніе византійскимъ и западно-европейскимъ писателямъ, употреблявшимъ наименованіе *Moschi* для Москвы, или же подъ влияніемъ мусульманскихъ авторовъ, называющихъ Москву *Машка* или *Мешка* ³⁾. Примѣненіе библейскаго имени *Росъ* (Рось) къ Руси является въ средневѣковой еврейской литературѣ впервые у византійскаго караима Іакова бенъ-Рувиамъ (жилъ въ XII или XIII столѣтіи) ⁴⁾, по всей вѣроятности, также подъ влияніемъ своихъ христіанскихъ соотечественниковъ, такъ какъ уже въ X вѣкѣ Левъ Діаконъ отождествлялъ библейскій Росъ (Рѡс) съ Тавроскиоами, какъ онъ называетъ Русскихъ ⁵⁾. Прямое, непосредственное заимствованіе у LXX толковниковъ относительно имени Рѡс и самостоятельное примѣненіе его еврейскими писателями къ Русскимъ невѣроятно потому, что не нѣтъ никакихъ указаній на знакомство средневѣковыхъ Евреевъ,

¹⁾ Лаврент. списокъ, изд. подъ ред. А. О. Быхова, стр. 118.

²⁾ Раньше городъ этотъ, кажется, действительно принадлежалъ Хазарамъ, и по всей вѣроятности, онъ-то и подразумевается въ письмѣ царя Іосифа и въ извѣстіи арабскаго писателя (Шаранъ?) первой половиною X вѣка подъ загадочнымъ названіемъ *Самгария*, *Семкерия*.

³⁾ См. *Géographie d'Aboulféda*, éd. *Reinaud*, texte arabe, p. 220, trad. franç. II, 314; *Charmoy*, *Rélation de Mazoudy*, p. 344, 364; *Kazwini*, *Athar al-Bilad*, ed. *Wüstenfeld*, p. 415; *Дорнъ*, *Каспій*, стр. 168, 484.

⁴⁾ Въ отрывкѣ изъ комментарія на книгу пророка Езекииля, найденномъ мною между рукописями Имп. Публич. Библиотеки, во 2-му стиху XXXVIII главы сказано: «Князь Росъ», то-есть, князь Русовъ, которые на священномъ языкѣ (то-есть, по еврейски) именуются *Росъ*. Въ текстѣ этого комментарія, изданномъ Фирковичемъ (Евпатрія 1834, л. 10 а), вмѣсто слова *Русовъ* напечатано *лэмкинговъ* (!), но можетъ быть, что это цензурная поправка. Означенный Іаковъ толкуетъ названіе *Мосохъ* именемъ Хорсанцевъ.

⁵⁾ *Leo Diaconus*, ed. *Bonn.*, p. 150.

какъ раввинскихъ, такъ и караимскихъ, съ переводомъ LXX толковниковъ.

Форма имени Кіева въ разбираемомъ документѣ, *Ціоеъ* или *Ціоеъ*, оставалась загадкой, пока я не узналъ въ 1874 году, во время посѣщенія мною Крыма, что такъ читается имя Кіева въ евпаторійской копіи съ рукописи Карайма Эфендополо (писалъ въ концѣ XV вѣка). Замѣна звука *к* звукомъ *ч*, весьма обыкновенная въ славянскихъ нарѣчіяхъ, замѣчена также покойнымъ В. И. Григоровичемъ въ одномъ крымско-греческомъ нарѣчій ¹⁾.

Вотъ нѣкоторые изъ признаковъ подложности памятниковъ древности, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. Если прибавимъ еще, что въ отношеніи исторіи и литературы еврейской, раввинской и караимской, разбираемые памятники обнаруживаютъ подобныя же промахи, несообразности и противорѣчія съ дѣйствительными фактами; что чрезъ всѣ эти документы красною нитью тянется плохо скрываемое, частью даже совсѣмъ открытое желаніе и стремленіе представлять нынѣшнихъ крымскихъ Караймовъ не средневѣковыми пришлецами, поселившимися на Таврическомъ полуостровѣ, начиная съ XIII вѣка, со времени завоеванія Крыма Татарами, а потомками славныхъ побѣдителей Скифовъ, завоевавшихъ будто бы, вмѣстѣ съ Мидійцами-Татарами ²⁾, за нѣсколько столѣтій до Р. Х., эту область южной Россіи, и фактически владѣвшими нѣкоторыми пунктами этой мѣстности вплоть до новѣйшаго времени; что составитель (или составители) означенныхъ документовъ обнаруживаетъ ревностное стараніе представить воображаемыхъ древнихъ выселенцевъ изъ Самаріи, минимыхъ предковъ нынѣшнихъ крымскихъ Караймовъ, высокообразованными въ сферѣ ихъ національной культуры, а главное—вполнѣ самостоятельными и независимыми отъ раввинскихъ соплеменниковъ въ умственномъ развитіи, чему однако противорѣчатъ несомнѣнные историческіе факты,—если принять все это во вниманіе, то никто, кажется, не можетъ обвинять меня въ пристрастіи или въ опрометчивомъ сужденіи, что еще прежде чѣмъ я нѣлъ случай и возможность обстоятельно изслѣдовать всѣ памятники Фирковича, я уже *a priori* не могъ усвоить себѣ оптими-

¹⁾ Записка Антипавра, Одессы, 1874, стр. 6—8.

²⁾ Ради татарскаго языка, употребляемаго крымскими Караймами, пришлось по неволѣ и Татаръ прокивести въ старшій чинъ, отоиеставля ихъ съ Мидійцами.

ческаго взгляда на нихъ г. Хвольсона, 'что и было мною заявлено нѣкоторымъ здѣшнимъ ученымъ сначала устно, при появленіи обширнаго труда г. Хвольсона въ *Mémoires de l'Acad. des sciences*, а затѣмъ и печатно ¹⁾. Къ категоріи документовъ подозрительнаго свойства я тогда относилъ слѣдующіе: 1) тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о городахъ *Кирымъ, Солхатъ, Онхатъ, Кафа* ²⁾, *Манумъ* и *Сефарадъ* (въ смыслѣ *Керчь*) въ памятникахъ, относящихся къ до-татарскому періоду Таприды; 2) тѣ, гдѣ упоминается Чуфуть-Каде подъ названіемъ *Села-и-Исудимъ* (Иудейская скала); 3) тѣ, гдѣ встрѣчается названіе Авраама Керченскаго; 4) тѣ, гдѣ говорится о равнинскихъ миссіонерахъ въ Крыму; 5) тѣ, гдѣ называется Исаакъ Сангари, его жена или его сынъ; 6) тѣ, гдѣ Хазары приводятся въ связь съ крымскими Караями; 7) тѣ, гдѣ годы обозначаются по лѣтосчисленіямъ, не бывшимъ никому доселѣ извѣстными, и наконецъ 8) тѣ, гдѣ, вообще караянство выступаетъ тенденціозно въ такое время, когда или еще совсѣмъ не существовало, или же только что возникало въ Вавилоніи и Палестинѣ.

Тщательное изслѣдованіе эпиграфовъ и надгробныхъ надписей въ палеографическомъ, стилистическомъ и другихъ отношеніяхъ вполне подтвердило мой взглядъ на крымско-иудейскія древности. Матеріальное состояніе памятниковъ, ихъ палеографія, выраженія и обороты рѣчи изъ нихъ, наконецъ, собственноручныя замѣтки самого Фиркопича, который мнѣ удалось спасти для Императорской Публичной Библіотеки, равно какъ и свидѣтельства очевидцевъ, по коимъ можно прослѣдить всю исторію этого громаднаго по своимъ размѣрамъ и значенію подлога ³⁾, все это, по моему мнѣнію, такъ ясно и неопровержимо изобличаетъ обманъ, что для безпристрастныхъ ученыхъ тутъ

¹⁾ См. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. С.-Пб. 1870, стр. 281.

²⁾ Хотя имя *Кафа* существовало раньше, но еврейская община могла образоваться въ этомъ городѣ лишь по возобновленіи его Генуэзцами, когда онъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ.

³⁾ Всѣ эти доводы частью были мною изложены въ каталогъ еврейско-библейскихъ рукописей, изданный мною при сотрудничествѣ г. Страка въ 1875 году, и гдѣ весь комментарий къ эпиграфамъ представленъ мною на основаніи обстоятельныхъ изслѣдованій, изложенныхъ въ моемъ сочиненіи: *Altjüdische Denkmäler aus der Krim*, изданный въ 1876 году въ *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*.

никакое сомнѣніе не возможно. И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ г. Хвольсона, всѣ компетентные ученые въ Европѣ, имѣвшіе въ послѣднее время случай высказать свое мнѣніе по этому предмету, даже тѣ, которые прежде, до появленія моихъ розысканій, склонны были вѣрить въ подлинность крымскихъ памятниковъ или же колебались въ этомъ, вполне одобрили результаты, къ которымъ я пришелъ относительно эпитафій и надгробій крымскаго происхожденія. Посмотримъ, какъ г. профессоръ Хвольсонъ успѣетъ опровергнуть или пошатнуть это убѣжденіе всѣхъ европейскихъ ученыхъ.

А. Гаркави.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ПОВѢСТИ И ВАРЛААМЪ И ЮАСАФЪ.

Греческіе романы въ новой литературѣ.—Повѣсть о Варлаамѣ и Юасафѣ.
А. Кирпичникова. Харьковъ. 1876.

Книга г. Кирпичникова распадается на двѣ части, или лучше сказать, на два отдѣльныя изслѣдованія, связанныя чисто внѣшнимъ образомъ и подлежащія отдѣльному разсмотрѣнію. Въ настоящемъ случаѣ я займусь только второю половиною книги, главнымъ образомъ повѣстью о Варлаамѣ и Юасафѣ. Первая говоритъ о греческихъ романахъ, и я уже имѣлъ случай о ней высказаться ¹⁾. Она предлагаетъ не всегда полный и точный сводъ того, что мы знали о греческомъ романѣ до появленія капитальной книги Роде ²⁾, поднимаетъ вопросъ о вліяніи этого жанра, возникшаго на греческой почвѣ, на литературы новой Европы и рѣшаетъ его нѣсколько односторонне, потому что авторъ произвольно ограничилъ почву, на которую должно было распространиться его изслѣдованіе. Вліяніе греческаго романа вовсе не началось такъ поздно, какъ можно бы заключить, познакомившись съ первою частью книги г. Кирпичникова;

¹⁾ О первой части изслѣдованія г. Кирпичникова см. мой отзывъ въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1876 г. (Беллетристика у древнихъ Грековъ). Предлагаемая мнѣ записка, касающаяся второй части той же книги, написана была за одно съ первою еще въ мѣз 1876 года. Я считаю необходимымъ эту оговорку, чтобъ обезпечить себя извиненіе—на случай, еслибъ нѣмъ изъ высказанныхъ мною положеній оказались запоздалыми или опереженными; ограничиваясь воспроизведеніемъ рецензій въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была написана годъ тому назадъ, я позволилъ себѣ лишь нѣкоторые формальныя измѣненія (такъ, притча объ инорогѣ приводится не въ пересказѣ, а въ церковно-славянскомъ подлинникѣ). Къ вопросу о русскихъ редакціяхъ Варлаама и Юасафа я думаю вернуться при другомъ случаѣ.

²⁾ См. о послѣдней статью мою въ *Ж. М. Н. Пр.* за декабрь 1876 года.

автору необходимо было глубже заглянуть въ Византію. Онъ дѣлаетъ это какъ бы мимоходомъ и не на столько основательно, чтобы прійти къ какимъ-нибудь положительнымъ выводамъ, чтобы отыскать хотя вышнюю черту единенія между первою частью своего изслѣдованія (греческіе романы) и второю, посвященною разбору Варлаама и Іоасафа.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что идея такого единенія зарождалась въ головѣ автора. На стр. 40 онъ обѣщаетъ указать, что въ византійскихъ стихотворныхъ романахъ X—XII вѣковъ „выступаетъ народная сказка, что между ними и эротическими романами—цѣлая пропасть“. Точка зрѣнія довольно важная — еслибъ автору удалось защитить ее: проникновеніе въ литературу народныхъ элементовъ, объяснимое пониженіемъ общественнаго образовательнаго уровня, могло бы объяснить въ свою очередь, почему такъ скоро забыта была прежняя „забавная“ (?) литература романовъ, требовавшая болѣе свѣдущихъ и образованныхъ читателей. Но точно ли эти древніе романы такъ скоро были забыты, а византійскіе стихотворные романы принялись разрабатывать сказочные типы? Авторъ отвѣчаетъ на это въ концѣ сюеи первой главы (стр. 95—103). Онъ начинается свой литературный перечень съ романа Θεοδωρα Προδρομου: Любовь Роданты и Дозикла, о которомъ говоритъ со словъ Фабриція и др., такъ какъ не имѣлъ подъ руками единственнаго изданія этого романа Гольмина 1625 г. Но будто это изданіе единственное? Романъ Προδρομου напечатанъ во второмъ томѣ Греческихъ эротическихъ романовъ, изданныхъ Герхеромъ (Hercher) въ 1858—1859 годахъ, въ двухъ томахъ, въ общедоступной коллекціи Тейбнера. Кажется страннымъ, что ученый, выбравшій греческіе романы темой спеціальнаго изслѣдованія, не справился съ самымъ ходячимъ и исправнымъ ихъ текстомъ, которого ни разу не цитируетъ во всей своей книгѣ. Переходя затѣмъ къ Никитѣ Эвгеніану, г. Кирпичниковъ указываетъ на его знакомство съ древними греческими романами (стр. 96), которые этотъ авторъ обкрадываетъ (стр. 97): Никита—жалкій подражатель древнихъ (стр. 99). Зачѣмъ же было отдѣлять его, напримѣръ, отъ Евстація? Потому что у него есть народно-сказочныя темы: „Вѣсто атамановъ-разбойниковъ и скромныхъ горожанъ здѣсь дѣйствуютъ цари Паренійскій и Арабскій. Это не случайное явленіе; здѣсь проявляется историческій законъ, по которому обезсилившая, одичавшая повѣствовательная поэзія литераторовъ-грамотниковъ невольно впадаетъ въ тонъ народныхъ сказокъ“. Царей Евгеніана отдѣляетъ одинъ шагъ „отъ царей тридеся-

таго царства, а съ Аравитскимъ царемъ Амвромъ и др. они стоятъ на одной ступени" (стр. 99—100). Какъ видно, сказочнаго элемента не много. Его несравненно болѣе въ прозаической повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ приводитъ въ доказательство того, что поэмы „въ родѣ Любви Либистра и Родамны, если случай заволазилъ ихъ на западъ и востокъ, могли пустить тамъ глубокіе корни" (стр. 101). Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ—стихотворный романъ, который, по словамъ г. Кирпичникова, „существовалъ еще въ XVI вѣкѣ, но затерялся, можетъ быть, не безповоротно" (стр. 100). Опъ до такой степени не затерялся, что существуетъ въ рукописи Парижской бібліотеки № 2910 и извѣстенъ въ подробномъ разборѣ Жиделя. Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ цитируется г. Кирпичниковымъ, какъ разработавшая сказочныя темы; я уважу ему такой же стихотворный романъ о любви Бельтандра и Хризанцы, изданный Эллисеномъ, совершенно въ томъ же стилѣ. Если г. Кирпичниковъ говоритъ вообще о „вліяніи народныхъ мотивовъ" (стр. 100), то это также обще, какъ вышеприведенная фраза, что поэмы въ родѣ Либистра и Родамны могли переноситься на востокъ и на западъ. Нѣсколько лишніе указанія не помѣшали бы ясности: имена дѣйствующихъ лицъ въ двухъ поэмахъ названныхъ выше, довольно краснорѣчивы: Бельтандръ (Bertrand), Родофилъ (Rodolphe), Philargos (Willerm), Вердерихъ (Frédéric); названіе Латинскаго царя, данное Либистру и вызывающее недоумѣніе г. Кирпичникова (стр. 100), является примѣмъ указаніемъ, съ какаго рода литературными вліяніями мы имѣемъ дѣло. Подобный же вопросъ могъ бы быть поставленъ и относительно происхожденія сказочнаго матеріала въ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ помѣчаетъ: „раньше IX вѣка", тогда какъ она упоминается уже подъ 747 годомъ въ каталогѣ одной монастырской бібліотеки.

Между группою эротическихъ романовъ и цикломъ повѣстей сказочнаго свойства я выдѣлялъ бы группу посредствующую—группу подражательныхъ произведеній, продолжавшихъ въ позднее время преданіе старыхъ эротиковъ. Къ нимъ я отнесъ бы Евстаѳіа, Никиту Евгеніана, почему-то отнесеннаго г. Кирпичниковымъ къ отдѣлу романистовъ съ сказочнымъ матеріаломъ, Продрома, которому подражалъ Евгеніанъ, Константина Манассію—и далѣе тѣ отзвуки греческаго романа, какіе сохранились въ средневѣковыхъ пересказахъ и передѣлкахъ. Я имѣю въ виду не только романы о Floire et Blanceflor, Florimont, но напримѣръ, Тезеиду Боккаччо, оригиналомъ которой, по мнѣнію Эберти, могъ быть византійскій прозаическій романъ.

Седьмая повелла втораго дѣла Декамерона: о приключеніяхъ византійской принцессы Алатіа — представляется подражаніемъ такихъ же приключеній Антіи въ романѣ Ксенофонта Эфесскаго. Стало быть, вліяніе греческаго романа началось задолго до появленія переводовъ и изданій! Въ греческомъ типѣ Floire и Blanceflor никто не сомнѣвается: такъ рѣзко выдѣляется этотъ романъ отъ окружающихъ его chansons de geste феодальнаго стиля, такъ живо сохранились въ немъ всѣ тѣ черты быта и тѣ внѣшніе мотивы, которые самъ г. Кирпичниковъ принялъ бы за греческіе: та же вѣрная среди опасностей любовь, продажа дѣвушки въ рабство, испытаніе невиновности, какъ у Ахилла Тація, долгая воздержность любовниковъ, какъ у Харитона, идеи о самоубійствѣ и о всемогущемъ значеніи любви. Тамъ и здѣсь то же развитіе описательнаго элемента и любви къ миоологическимъ воспоминаніямъ, съ цѣлью украсить стиль. Вліяніе византійской литературы на сиронейскія было гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагають, и можетъ объяснить въ романахъ Круглаго Стола явные дублиеты къ эпическимъ разказамъ греческой древности ¹⁾. Жаль, что г. Кирпичниковъ всего этого не принялъ въ расчетъ: упустивъ изъ виду цѣлый отдѣлъ памятниковъ, продолжавшихъ направленіе греческихъ романовъ, и занявшись статистикой ихъ переводовъ и изданій, онъ не уяснилъ себѣ многого въ исторіи вліянія греческаго романическаго стиля.

Перейдемъ къ исторіи сказочныхъ сюжетовъ въ позднѣйшемъ романѣ византійской эпохи. Для нея уже теперь собрано больше матеріаловъ, чѣмъ сколько можно судить по замѣчаніямъ г. Кирпичникова. Это было одно изъ проявленій новаго литературнаго періода: въ то время какъ забывалась старая культурная повѣсть, выдвигались впередъ сказочные народные сюжеты, и рядомъ съ ними, удовлетворяя новому религиозному міросозерцанію, эпическія темы религиозно-аскетическаго характера. Матеріалъ той и другой литературы былъ разнообразный: историческая сага, позднѣе — западный романъ, ранѣе — сказанія востока, изъ которыхъ одинаково черпали и сиѣтская, и духовная повѣсть. Уже разказы апокрифическихъ евангелій могли за-

¹⁾ Источникомъ Filosofo Боккаччо былъ французскій романъ о Floire et Blanceflor; но старо-италіанская повѣсть о царицѣ Розаннѣ представляетъ тотъ же (византійскій) сюжетъ изъ вліянія французскаго пересказа. И въ этомъ случаѣ можетъ быть допущена византійская гипотеза.

ниствовать многое изъ буддійскихъ легендъ ¹⁾; идеальныя брахманы сказаній объ Александрѣ Великомъ и Филостратовъ житіи Аполлонія Тианскаго проникли въ духовную литературу: въ романъ, ходящій съ именемъ епископа Эленопольскаго Палладія, латинскій переводъ котораго приписывается св. Амвросію, и въ отреченное хожденіе Зосимы къ рахманамъ. Въ послѣднемъ они являются блаженными людьми, идеаломъ пустынножителей, отречшихся отъ суетнаго міра, общающихся съ ангелами, которыхъ небесное пѣніе они слышатъ. Отправляясь къ нимъ, Зосима молитъ Господа сподобить его — увидѣть „божественныхъ челоѣкъ“. Въ параллель къ этой христіанско-византійской передѣлкѣ преданій о брахманахъ является легендарное житіе Варлаама и Іоасафа, источникъ котораго находятъ въ житіи Будды.

Вопросу объ этомъ житіи г. Кириичниковъ посвятилъ 3-ю и 4-ю главы своего изслѣдованія. Сюжетъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ: исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которую г. Петровъ ²⁾ не безъ основанія называетъ индійскимъ патерикомъ, обошла всю западную и восточную Европы въ переводахъ, вытекшихъ либо прямо изъ византійскаго оригинала, либо изъ пошедшаго отъ него перевода латинскаго; она дала сюжеты драмъ и народной духовной пѣснѣ и заняла видное мѣсто въ литературѣ, преслѣдовавшей идеалы аскетизма. Знакомство съ различными пересказами этой исторіи можетъ служить введеніемъ къ изслѣдованію самаго памятника со стороны его содержанія и источниковъ. Г. Кириичниковъ знакомитъ насъ съ его разнообразными редакціями, начиная со славянскихъ (гл. III, стр. 169 и слѣд.): „До весьма желательнаго изданія варіантовъ къ греческому тексту (изданному Буассонадомъ), полное обзорѣніе славянскихъ рукописей Варлаама, сохранившихся въ русскихъ книгохранилищахъ, есть единственное средство получить достовѣрные факты для исторіи греческаго текста“ (стр. 169). Съ этою цѣлью г. Кириичниковъ пересмотрѣлъ нѣсколько рукописей московскихъ и петербургскихъ библиотекъ; нѣкоторые изъ нихъ были указаны уже г. Пыпинымъ ³⁾, но г. Кириичникову принадлежитъ опытъ почина: разобратъ ихъ по группамъ и намѣтить въ нихъ отличія редакцій. Сколько

¹⁾ Beale, The romantic legend of Sākya Buddha, Introd., p. IX, прим. 1.

²⁾ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Иноземные источники. Кіевъ, 1875 г., стр. 170.

³⁾ Пыпинъ, Очеркъ литературы исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 128—129.

я могу судить, это одинъ изъ немногихъ эпизодовъ разбираемой мною книги, отличающійся характеромъ самостоятельности. Обсудить этотъ вопросъ и предложенное на него рѣшеніе долженъ, главнымъ образомъ, специалистъ по исторіи древне-русской словесности. Я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, касающимися метода работы.

Г. Кириличиковъ находитъ двѣ главныя группы рукописей Варлаама и Іоасафа, отличающихся другъ отъ друга заключительными подробностями разказа. Въ одной группѣ (о ней стр. 170—173) тѣло Іоасафа хоронить одинъ пустынный, показавшій ему путь къ Варлааму; потомъ, по повелѣнію „нѣкоего лица страшна“, этотъ пустынный отправляется къ царю Варахін и сообщаетъ ему о кончинѣ царевича; царь приходитъ съ народомъ, находитъ мощи преподобныхъ нетлѣнными и съ торжествомъ переноситъ ихъ въ свою столицу (стр. 169). То же заключеніе и въ греческомъ текстѣ Буассонада, и въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ, а слѣдовательно, и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ славянскихъ текстовъ, гдѣ житіе Іоасафа кончается соотвѣтствующимъ простотѣ его обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельниковъ (стр. 182). На мой взглядъ, это пока внѣшній признакъ отличія; онъ можетъ только навести на предположеніе двухъ группъ, которое надлежало бы подтвердить ближайшимъ сличеніемъ текстовъ. Дѣлается это такимъ образомъ, что въ каждомъ отдѣлѣ текстовъ, предполагаемыхъ почему бы то ни было родственными между собою, производится внимательное сличеніе ихъ чтеній, если не для всей повѣсти, то для какого-нибудь ея значительнаго отрывка. Такимъ путемъ можетъ получиться опредѣленное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ одного отдѣла между собою, установится между ними генеалогическая связь, если бы, напримѣръ, иные изъ нихъ оказались списанными съ другихъ и т. д.; если бы такая связь оказалась дѣйствительно существующею, тогда, извлекая изъ чтеній этихъ рукописей общія имъ всѣмъ черты, мы выѣнили бы ихъ тому подлиннику или первичному тексту, изъ котораго всѣ онѣ развѣтвились въ разныхъ направленіяхъ. Ту же самую работу подобаетъ сдѣлать и для другаго отдѣла рукописей. Предположимъ, что и въ этомъ случаѣ мы дошли указаннымъ выше путемъ до восстановленія оригинала или первичнаго текста. Въ такомъ случаѣ дальнѣйшая критическая работа состояла бы въ сличеніи этихъ первичныхъ текстовъ между собою, и въ результатѣ явилась бы двоякая возможность: либо отдѣлы текстовъ, намѣченные нами чисто эмпирически по какому-

нибудь внѣшнему признаку (въ нашемъ случаѣ: торжественное или скромное погребеніе), оказались не столь существенно разными, чтобъ ихъ слѣдовало возвести къ разнымъ прототипамъ, и мы дали бы имъ значеніе двухъ группъ разночтеній,—либо признаки отличія представились на столько характерными, что для каждой группы пришлось бы предположить особый оригиналъ. Въ послѣднемъ только случаѣ двѣ группы рукописей явились бы намъ представителями двухъ редакцій сказанія.

Что сдѣлалъ для этого вопроса г. Киричниковъ? Начну съ того, что онъ не воспользовался для своего дѣла древнѣйшею изъ извѣстныхъ рукописей Варлаама и Іоасафа: ркп. № 578 Софійской бібліотеки, XIV—XV вѣка (стр. 170, прим.). Правда, рукопись эта въ Петербургѣ, а г. Киричниковъ печаталъ свою книгу въ Харьковѣ; но справившись съ Очеркомъ г. Пыпина (стр. 128), онъ при началѣ работы могъ бы сообразить, на сколько благоразумно было съ его стороны пускаться въ путь, не запасшись на дорогу. Но я ограничусь этимъ замѣчаніемъ, которому, впрочемъ, не желалъ бы дать значенія исключительно бібліографическаго. Г. Киричниковъ пересчитываетъ до 18 текстовъ Варлаама и Іоасафа, съ которыми познакомился болѣе или менѣе близко; но у него и слѣда нѣтъ той критической работы, которой надо бы ожидать отъ всякаго изслѣдователя древнихъ памятниковъ. Кажется иногда, будто онъ до того пораженъ былъ своимъ открытіемъ о томъ, что двоякій разказъ о погребеніи Іоасафа можетъ служить критеріемъ для установленія двухъ редакцій славянскаго житія,—что къ доказательствамъ относился небрежно: небольшое количество вариантовъ, приводимыхъ имъ какъ-то случайно и безъ выбора, не приготавливаютъ читателя къ торжественному заявленію на стр. 182: „Итакъ, двѣ вышеуказанныя группы рукописей указываютъ не только на два различныя перевода, но и на двѣ различныя редакціи греческаго текста“. Послѣ этихъ словъ авторъ самъ заявляетъ сомнѣніе: нельзя ли происхожденіе редакцій, завершающихся скромнымъ погребеніемъ Іоасафа, объяснить простымъ механическимъ сокращеніемъ болѣе подробнаго разказа? Онъ даже не прочь допустить это для нѣкоторыхъ рукописей; но рукопись Удольскаго № 241 (XVI вѣка) укрѣпляетъ его въ прежнемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ: съ какой стати было писцу сокращать оригиналъ? „Извѣстно, что торжественное погребеніе, перепесеніе мощей, чудеса, при немъ происходившія, не только не откидывались отъ тѣхъ греческихъ житій, гдѣ они были, но напротивъ, прибавлялись къ тѣмъ,

гдѣ ихъ не было" (стр. 182). Успокоившись на этомъ историко-литературномъ соображеніи, авторъ говоритъ далѣе (ibid.) уже съ полною увѣренностью: „Не можетъ быть спора о томъ, которая изъ двухъ редакцій древнѣе: несомнѣнно, что немногія рукописи, сохранившіяся въ Россіи (то-есть, предлагающія разказъ о скромномъ погребеніи Іоасафа) представляютъ такую редакцію текста, которая несравненно лучше подходила къ основной идеѣ романа: Іоасафъ порвалъ всякія связи съ міромъ—земная слава ему была не нужна". Последнее несомнѣнно, но такого рода эстетическія соображенія едва ли освѣщаютъ дѣло: были и другіе подвижники, отрекшіеся отъ міра, монхи которыхъ переносились торжественно, стало быть, въ противорѣчій съ основною идеей ихъ дѣятельности. Неужели это можетъ дать почву для критики? И какъ согласить это отсутствіе самодѣятельности въ русскихъ спискахъ, не позволяющихъ себѣ измѣненій въ текстѣ, съ тѣмъ, что говорится (стр. 183) о писцѣ Толстовской рукописи № 255: „онъ стремился внести смыслъ особенно въ мало-понятное предисловіе разказа и потому измѣнялъ его"?

Всѣ дѣло, въ томъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ понятіе „редакцій". Еслибы, напримѣръ, рядомъ съ греческимъ текстомъ житія, изданнымъ Буассонадомъ (съ торжественнымъ погребеніемъ), объявился другой (съ погребеніемъ скромнымъ), я не далъ бы имъ названія двухъ различныхъ редакцій, не сличивъ текстовъ между собою и не поискавъ въ нихъ болѣе существенной разницы изложенія. Г. Кирпичниковъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, предпринять такую именно работу надъ славянскими текстами, которые являлись ему представителями греческихъ, прежде чѣмъ на основаніи одного признака позволить себѣ говорить о „редакціяхъ". Но онъ удовлетворяется немногимъ: онъ говоритъ (стр. 182), что древнѣйшій текстъ въ началѣ и срединѣ былъ оченъ близокъ, но большей части дословно сходенъ съ позднѣйшимъ. Стало быть, опять тотъ же признакъ: разказъ о погребеніи! Я, напримѣръ, обратилъ вниманіе на другой признакъ: на заглавіе или надписаніе житія, колеблющееся между рукописями двухъ намѣченныхъ г. Кирпичниковымъ группъ или редакцій (напримѣръ, Толст. ркп. in 4° № 89 у *Пытина*, Очеркъ, стр. 128, 1-й группы, и редакція Макарьевскихъ Миней, 2-й группы). Предположить ли здѣсь смѣшаніе? Но для смѣшанныхъ или сводныхъ текстовъ авторъ выдѣлялъ особую, третью группу (стр. 176—177; сл. стр. 183) и еще отличаетъ сокращенныя редакціи (стр. 177—178). Я сказалъ бы: краткія, либо помѣтилъ, какой часть ссеп, отд. 2.

типъ текста, 1-й или 2-й, либо сводной группой, лежалъ въ основѣ сокращенія.

Но отрицая возможности существованія двухъ редакцій греческаго житія, я позволяю себѣ думать, что г. Кирпичниковъ не доказалъ факта ихъ существованія.

Переходя отъ рукописей къ русскимъ старопечатнымъ изданіямъ житія, авторъ предполагаетъ, что издатели Кутеинскаго текста (1637 г.) нѣли передъ собою латинскій переводъ (которымъ, впрочемъ, самъ авторъ не пользовался для сличенія, см. стр. 183 и 179, прим. 4); что московское изданіе (1681 г.) произошло, съ одной стороны, изъ первой группы рукописей, съ другой—изъ кутеинскаго изданія (а можетъ быть, изъ латинскаго перевода), при чемъ редакторъ справлялся съ греческимъ оригиналомъ, нѣсколько отличающимся отъ напечатаннаго Буассонадомъ (стр. 183). На чемъ доржится все это нѣсколько сложное построеніе, каковы отличія предполагаемаго греческаго подлинника отъ напечатаннаго,—все это остается тайной для читателя, съ которымъ авторъ не пожелалъ подѣлиться своими доказательствами. Каковы, напримѣръ, отношенія московскаго изданія къ кутеинскому? О первомъ мы знаемъ, что оно напечатано было въ такъ называемой „верхней типографіи“ (*Пыпинъ*, I. с., 128), устроенной Симеономъ Полоцкимъ въ концѣ 1670-хъ годовъ въ Московскомъ дворцѣ: „Исторія или повѣсть о житіи преподобнаго Варлаама и о Іосафѣ, царевичѣ Индѣйскомъ“ вышла въ 1681 году, уже по смерти Симеона; въ томъ же году изданъ его „Обѣдъ душевный“ и въ 1683 „Вечеря душевная“. „Можно догадываться“, говоритъ г. Майковъ ¹⁾,—„что эти объемистыя изданія были начаты еще при жизни Симеона по его указанію и желанію; это видно изъ того, что онъ присоединилъ стихи своего сочиненія не только къ сборникамъ своихъ проповѣдей и во Псалтыри, но и къ чужимъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ верхней типографіи“. Этимъ объясняется появленіе въ московскомъ изданіи Варлаама и Іосафа виршей Симеона Полоцкаго, вошедшихъ въ составъ его Риемологіона. Выборъ изданій, предпринятыхъ Симеономъ Полоцкимъ въ верхней типографіи, указываетъ на связи съ ученостью западно-русскою (*Майковъ*, *ibid.*); въ этомъ отношеніи было бы желательно точное сличеніе кутеинскаго текста Варлаама и Іосафа съ московскимъ, напечатаннымъ подъ наблюденіемъ Си-

¹⁾ *Л. Майковъ*, Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ, въ ней и *Новой Россіи*, 1875 г. № 12, стр. 374.

меона. Исслѣдованіе г. Кирпичникова сообщаетъ намъ результаты его наблюденій, не опирая ихъ на доказательства и возбуждая рядъ сомнѣній. Такъ, напримѣръ, въ концѣ кутенинскаго текста помѣщена „Пѣснь св. Іоасафа кгда вышелъ на пустыню“ (Прійми мя, пустыни, и т. д., стр. 178); чистый церковно-славянской языкъ этой пѣсни доказываетъ, что она зашла съ сѣвера; съ ней стоитъ въ связи одна рукописная редакція той же пѣсни, Ѳеодоровская; она — распространеніе кутенинской; отъ этой редакціи произошла редакція московскаго изданія, съ прибавками въ концѣ и въ началѣ (стр. 184). Такимъ образомъ мы получили рядъ переходныхъ формъ, въ началѣ и концѣ котораго стоятъ тексты пѣсни Іоасафа: кутенинскій и московскій, послѣдній — въ генеалогической зависимости отъ перваго. Вообще отдѣлъ, посвященный г. Кирпичниковымъ вопросу о стихахъ, „воспѣвавшихъ царевича Іоасафа“ (стр. 183—187), представляется крайне неяснымъ, и отношенія литературнаго стиха къ каличьимъ остаются не опредѣленными. Объ одномъ стихѣ говорится, напримѣръ, что онъ произошелъ изъ редакціи Ѳеодоровской, не безъ вліянія каличьаго стиха (стр. 184 прим. 1); о другихъ пародныхъ (каличьихъ) стихахъ сказано, что они произошли главнымъ образомъ отъ той редакціи, которая стояла близко къ Ѳеодоровской рукописи (стр. 185—186); въ третьемъ мѣстѣ (стр. 265) заявляется, что сюжетъ Варлаама и Іоасафа проникъ въ духовные стихи черезъ вирши юго-западныхъ ученыхъ, между тѣмъ какъ заключительная пѣснь кутенинскаго изданія обличаетъ сѣверно-русское происхожденіе. Матеріалъ, собранный издателями нашихъ духовныхъ стиховъ, казалось, обѣщаль болѣе прочные выводы и вызывалъ къ болѣе тонкому анализу.

Авторъ посвятилъ лишь нѣсколько строкъ (стр. 181—182) притчамъ, которые вставлены въ житія Варлаама и Іоасафа, и извлеченныя оттуда, рано начинаютъ встрѣчаться въ славянскихъ рукописяхъ. Въ вопросѣ объ источникахъ самаго житія онѣ играютъ лишь второстепенную роль, но не безынтересны въ отношеніи къ различнымъ редакціямъ славянскаго перевода (и греческаго текста?), предполагаемымъ г. Кирпичниковымъ. Разумѣется, славянскія притчи могли вноситься въ сборники не исключительно изъ переводовъ цѣльнаго житія, а переводиться и отдѣльно; во всякомъ случаѣ ихъ разногласіе съ притчами печатнаго греческаго текста не всегда можетъ быть истолковано въ смыслѣ позднѣйшаго искаженія или осложненія, но иногда даетъ поводъ къ вопросамъ болѣе важнымъ. Я приведу два примѣра.

Къ любимымъ притчамъ житія принадлежалъ разказъ объ инорогѣ. Содержаніе его (по ркп. Софійской бібліотеки № 578, л. 53 об. — 54 об.) слѣдующее: „Подобни быти мию мужевѣ бѣгающе шѣ лица инорога, иже не терпѣ гласа его и страшнаго его прериканія, но крѣпко бѣгаше да не будетъ ему въ снѣдъ. Внегда же течааше быстро, и великую нѣкую впаде пропасть. Внегда же впасти сѣ ему в ню, и за древо нѣкое похитивсѣ, крѣпко держашесѣ и на россосѣ нѣкошѣ позѣ оутвердишѣ, мѣшаше прочее в мирѣ быти и въ твердыни. Възрѣвъ оубо и видѣ дѣи мыши, бѣлоуо бо едицу, другую же черну, погрызающа-же непреставно древа еже шѣ бѣше похитилсѣ, и елико же оуже в малѣ приближающемсѣ има сие искоренити; посмотриже во дно пропасти и видѣ змѣя страшна видѣнъ, и шгнемъ дышуща и яро извѣр(г)ующасѣ, оустаже страшно разиноваше пожрети его грѣдуща. Възрѣвже пакы на степень шнѣ, на немже бѣаше нозѣ свои оутвердишѣ, видѣ дѣ. главы аспидовы шѣ стѣны изникъша, на нейже стояше; и възрѣвъ шчима видѣ шѣ вѣтви древа шного мало меда каплюща. Шставивъ оубо пещисѣ ш одержавшихъ его бѣдахъ, како виѣоуду оубо инорогъ лютѣ нестовасѣ, ишетъ снѣсти его, долу же горкий змѣй зѣлетъ пожрети его, древо же за неже бѣ сѣ оухитилъ елико же в малѣ искоренитисѣ хотѣше, нозѣ же на полѣсцѣ и невѣрнѣ степени оутвердишѣ бѣаше: и толикихъ и таковыхъ золѣ забивъ оустремисѣ къ сласти малаго меду шнаго.—Се есть подобное прелести мира сего прелѣщающихся, егоже сказанье вынѣ реку ти. Инорогъ оубо шбразъ есть смерти гонѣща оубо постигнути грѣдущи адамескый родъ. Пропасть же — миръ исполнѣ сый вслческихъ золѣ и смертоносныхъ сѣтѣй. Древо же егоже шѣ двою мѣшю непреставно подгрызаемое, егоже оухитивше держитсѣ, время есть коегождо жизни, съкрацаваемо и скончаваемо днемъ и ночью, и къ посѣченью по малѣ приближается; дѣ же аспиды, иже шѣ четыре прелестныхъ стѣйхъ сставъ, сставленье челоувѣческаго телесе назнаменуеъ, иже бесчѣнно носимонъ п мѣтущимсѣ телесное разрушасѣ сставленье. И к симже шгнеобразный шнѣ и нестовый змѣй страшную прошбразяетъ адову оутробу, жадающую прияти мира сего красная паче будущихъ благъ извольшии. Медовная же капля сладость явлѣетъ мира сего сладкихъ, ими же то прелѣща своя други не шставлѣетъ ихъ ш своемъ пещисѣ спасеньи“.—Въ одной рукописи XV вѣка (Толст., № 214) притча эта пересказана такъ: Челоувѣкъ ходитъ нѣ чистомъ полѣ, спасаетсѣ отъ льва и верблюда; видитъ колодезь, изъ стѣнъ

(„отъ боку“) котораго выросли два дерева: одно съ серебряными, другое съ золотыми листьями. Спасаясь отъ звѣрей, онъ падаетъ на серебряное дерево и схватился за его вѣтви; къ нему пристала горлица, приносила ему смоквы и другія сладости, которыя онъ ѣлъ; затѣмъ прилетѣлъ воронъ и бросалъ на него *юряція уголья*, ищерицы и жабы. Сверху ему грозятъ левъ и верблюды; бѣлая и черная мышь подгрызаютъ корни дерева, на которомъ онъ сидитъ; подъ нимъ поднимается со дна золотое дерево; внизу — страшный змѣй, пышущій огнемъ, аспиды и злыя ехидны. Видитъ человѣкъ, что нѣтъ ему исхода изъ этого кладези, и выѣстѣ, съ тѣмъ, забывъ страхъ, начинаетъ обрывать серебряныя листья и класть себѣ за пазуху, и тужить, и скорбить, что не попалъ онъ на золотое дерево. Начавъ такъ мыслить въ сердцѣ своемъ, онъ пустился внизъ, но вмѣсто того чтобы упасть на золотое дерево, полетѣлъ на дно къ змѣямъ и скорпіонамъ, и погибаетъ злою смертью ¹⁾.

Я не останавливаюсь на слѣдующемъ затѣмъ нравоучительномъ истолкованіи притчи. Его можно назвать неудачнымъ осложненіемъ Варлаамова аполога (стр. 181), но ничто не мѣшаетъ предположить его сравнительно древнимъ. Голубь и воронъ, истолкованные ангеломъ и дьяволомъ, можетъ быть, — библейскіе образы; но воронъ, бросающій горячіе угли, напоминаетъ рамку третьей книги Панчатантры и разказъ буддійской аваданы ²⁾, въ которой человѣкъ, преслѣдуемый слонами, спасается въ высохшій колодезь, и слѣдуютъ тѣ же подробности, что и въ апологѣ Варлаама: дерево, подгрызаемое мышами, драконъ, пчелы, источающія въ уста бѣглеца пять капель меду. Но дерево заколыхалось, остатокъ меда упалъ на землю, пчелы принялись жалить человѣка, и внезапно появившійся огонь истребилъ дерево. Огонь толкуется какъ старость и немощь.

Вѣролѣе представляются восточное вліяніе на другой древнерусскій пересказъ одной притчи изъ Варлаама и Іоасафа, не обратившій на себя вниманія г. Кириичникова. И имѣю въ виду слѣдующій апологъ житія: Одинъ царь, кроткій и милостивый, имѣлъ только тотъ недостатокъ, что обѣять былъ ложью идолослуженія. Добродѣтельный и мудрый совѣтникъ ищетъ удобнаго случая — обратить его ко благу. Однажды царь сказалъ ему: „Пойдемъ бро-

¹⁾ Г. Кириичниковъ предложилъ слишкомъ краткое извлеченіе изъ разказанной нами притчи, которое я пополняю по рукописи.

²⁾ Les Avadānas, contes et apologues indiens, trad. par St. Julien, I, № XXXII.

дять по городу, не увидимъ ли чего полезнаго¹⁾. Ходя по городу, они увидѣли мерцаніе свѣта, выходившее изъ какого-то подземнаго жилища, а въ немъ бѣдняка, покрытаго рубищемъ: передъ нимъ стояла его жена, наливая вино; когда же мужъ взялъ въ руки чашу, она запѣла звонкую пѣсню и стала улаждать мужа пляской и пріятными рѣчами. Царь удивляется, какъ можетъ радовать этихъ безумныхъ ихъ жалкое житіе, самое отвратительное и омерзительное изъ всего, что онъ видѣлъ. „Знай же“, царь, говоритъ мудрецъ,— „что такую или еще худшею кажется наша жизнь посвященнымъ въ тайны вѣчной славы, тѣмъ, кто предпочелъ вѣчное временному“.—Эту притчу пересказалъ, съ любопытными отиѣсами, Кириллъ Туровскій въ повѣсти къ Василію игумену о бѣлоризцѣ¹⁾: Въ нѣкоторомъ градѣ былъ царь, кроткій и милостивый, пекшійся о дѣлахъ своихъ. Лишь въ одномъ онъ былъ неразуменъ: не боялся бѣгства и оружія въ рукахъ не держалъ, не думалъ, чтобы кто-нибудь возсталъ на него. Мудрый совѣтникъ ищетъ случая сказать царю, чтобы онъ готовился на рать. Однажды ночью внезапно пошла по городу великая молва, и царь говоритъ своимъ совѣтникамъ: „Пойдемъ, походимъ по городу, не найдемъ ли творящаго въ нашемъ градѣ мтежъ, потому что я нынѣ въ великомъ страхѣ“. Всюду они ходили, но ничего не обрѣли, только—движеніе въ городѣ. Всѣ другіе совѣтники въ уныніи; но тотъ благоразумный совѣтникъ ведетъ царя съ его дочерью къ великой горѣ, въ которой находилось много различнаго оружія; огонекъ свѣтился изъ оконца пещеры: заглянувъ туда, они увидѣли бѣдняка, облеченнаго худымъ вретисчемъ; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, напѣвая пѣснь болѣе сладкую, чѣмъ брашна; передъ нимъ стоялъ кто-то, прекрасный и высокій, „на тверде камня“, питая его и черпая ему вино; и когда мужъ принималъ чашу, оба вѣнчали его похвалами и многою радостью. Подозвалъ къ себѣ царь друзей своихъ и сказалъ: „Вотъ чудо! Это худое и потаенное житіе честиѣ нашей державы веселится, и свѣтлѣе вѣншихъ внутренняя сіяютъ!“ Измѣненіе притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти подъ влияніемъ какого-либо разказа восточнаго происхожденія, замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, открывая этотъ вопросъ: гдѣ и съ какою цѣлью сдѣлано было это измѣненіе? Едва ли принадлежитъ оно какой-нибудь неизвѣстной намъ редакціи Варлаама и Іоасафа.

Я возвращаюсь къ вопросу о редакціяхъ въ связи съ тѣмъ, что

¹⁾ См. М. Сухомлиновъ, О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. 1858, стр. 50—53.

г. Кирпичниковъ сообщаетъ далѣе (стр. 187—210) о западныхъ и восточныхъ переводахъ и передѣлахъ житія. Г. Кирпичниковъ—специалистъ по исторіи западныхъ литературъ, нерѣдко получающихъ совершенно новое освѣщеніе при помощи памятниковъ, сохранныхъ лишь славянскими текстами; въ вопросѣ г. Кирпичникова помощь могла ожидаться и обратная. И въ самомъ дѣлѣ: основываясь на отличіяхъ славянскихъ текстовъ Варлаама и Іоасафа, авторъ заключилъ о существованіи двухъ греческихъ редакцій житія; между тѣмъ латинскій переводъ сдѣланъ съ греческаго текста и обличаетъ одну редакцію; всѣ остальные европейскіе пересказы основаны, въ свою очередь, на латинскомъ переводѣ, не обнаруживая никакой двойственности редакцій; но крайней мѣрѣ, авторъ на это не указываетъ. Матеріалъ сравненія, представляемый западными пересказами, долженъ былъ бы заставить его усумниться въ положеніи, что греческій текстъ Варлаама и Іоасафа существовалъ въ двухъ видахъ. Какимъ образомъ западныя литературы не сохранили никакихъ слѣдовъ этой разновидности?

Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и италіанскихъ текстахъ житія собраны были въ извѣстномъ изданіи гг. Мейера и Цотенберга ¹⁾. Работа г. Кирпичникова ограничилась тѣмъ, что онъ ближе познакомился съ текстами, напечатанными французскими издателями (поэма Гюн, міраклъ о Варлаамѣ), и передалъ намъ результаты своихъ наблюденій. То, что онъ говоритъ о характерѣ передѣлки, которой подверглось содержаніе древняго житія подъ рукою его французскихъ и пѣмекскихъ пересказчиковъ (я имѣю въ виду разборъ поэмы Рудольфа Эмсскаго, стр. 204—208), такъ мало касается спеціальной темы автора, что слѣдуетъ характеристикою общихъ приѣмовъ средневѣковаго литературнаго ремесла. Остановлюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ, касающихся французской поэмы: авторъ говоритъ о Гюн, что въ изложеніи вѣроученія онъ „опровергаетъ отъ лица Варлаама тѣхъ, кто слишкомъ послѣдовательно проводитъ ученіе о предопредѣленіи, и доказываетъ, что Адамъ не виноватъ въ грѣхопаденіи: Богъ создалъ его такимъ“ (стр. 197). Въ текстѣ Гюн (стр. 42, стихъ 27 и слѣд.): Нѣкоторые доказываютъ, что онъ (Адамъ) согрѣшилъ по волѣ своего Создателя. Они говорятъ: „Еслибы Господь создалъ его ко благу, онъ никогда бы не согрѣшилъ; но онъ сотворилъ его злымъ, и потому не диво, что

¹⁾ Barlaam und Josaphat, französisches Gedicht des XIII Jhrh. von Gui de Cambrai. Stuttg., 1864, стр. 315 и слѣд.

онъ (Адамъ) подпалъ грѣху. Оттого они ставятъ Господу въ вину, что онъ привелъ человѣка къ смерти. Но ихъ слова не вѣрны и т. д.— Я объясняю себѣ разногласіе г. Кирпичникова неясностью его изложенія. Наоборотъ (стр. 196, прим. 1), отрицая, противъ французскихъ издателей, возможность съ точностью опредѣлить время появленія такъ называемыхъ *vers équivoqués*, онъ обнаруживаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 202: неудобно переводимые *vers équivoqués*), что не составилъ себѣ яснаго представленія объ этомъ терминѣ, какъ легко убѣдиться изъ сравненія съ соотвѣтствующимъ французскимъ текстомъ.

Переходя вмѣстѣ съ авторомъ къ нѣмецкимъ переводамъ Варлаама и Иосафа (сл. стр. 195), замѣчу, что извлечения изъ (сохранившагося) перевода, приписаннаго какому-то епископу Оттону, напечатаны были не разъ. Отрывокъ, изданный впервые Бенеке, напечатанъ былъ Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (II, 361—2); другіе отрывки сообщены были Дифенбахомъ¹⁾ и Пфейфферомъ²⁾. Точно также наши свѣдѣнія о третьемъ переводѣ Варлаама (сохранившемся лишь въ отрывкахъ) полнѣе, чѣмъ думаетъ авторъ: къ отрывку цюрихскаго текста, напечатанному Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (I, 127—135), слѣдуетъ присоединить и другой, имъ же изданный³⁾. Вообще знакомство съ литературой послѣднихъ лѣтъ довольно слабо у автора, пренебрегшаго сообщеніемъ даже такихъ бібліографическихъ подробностей, которыя собраны были уже г. Ципиннымъ (Очеркъ, стр. 125—126). Я счелъ бы не лишнимъ упомянуть изданія сѣверной *Barlaams-saga* Унгеромъ и Кайзеромъ. Старо-англійскій переводъ, недавно напечатанный Горстманномъ⁴⁾, могъ не дойти до г. Кирпичникова, по тѣмъ большее любопытство должны были возбудить въ немъ отрывки французскаго перевода Варлаама, сдѣланные въ началѣ XIII вѣка прямо съ греческаго подлинника⁵⁾.

¹⁾ Mittheilungen über eine noch ungedruckte mittelhochdeutsche Bearbeitung des Barlaam und Josaphat, aus einer Handschrift auf der gräflichen Bibliothek zu Solms-Laubach, von Dr. L. Diefenbach. Giessen, 1836.

²⁾ Forschung und Kritik auf dem Gebiete des deutschen Alterthums, I, стр. 37—44.

³⁾ Forschung und Kritik. 34—36.

⁴⁾ Horstmann, Altenglische Legenden. 1875, стр. 113—148.

⁵⁾ Paul Meyer, Fragments d'une traduction française de Barlaam et Josaphat, faite sur le texte grec au commencement du treizième siècle, въ *Bibliothèque de l'école des chartes*, XXVII-e année, t. II, 6-e série, p. 313 и слѣд., и въ отдѣльномъ оттискѣ (1866 г.).

Переводъ помѣщается на поляхъ рукописи XI вѣка, заключающей въ себѣ греческое житіе Варлаама и Іоасафа и принадлежащей Иверскому монастырю на Аѳонѣ. Работа Мейера сдѣлана была по небольшому количеству фотографическихъ снимковъ, приготовленныхъ съ исключительно археологическою цѣлью П. И. Севастьяновымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ и при плачевномъ состояніи рукописи, нельзя и ожидать большихъ результатовъ при возстановленіи старо-французскаго перевода. Тѣмъ не менѣе, онъ интересенъ самъ по себѣ, какъ фактъ, указывающій на возможность непосредственнаго знакомства западныхъ людей съ произведеніями византійской литературы въ первые годы XIII вѣка. Вопросъ о редакціяхъ греческаго житія, поднятый г. Кирпичниковымъ, обратилъ мое вниманіе на замѣчаніе г. Мейера (стр. 5 отд. оттиска), что отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ изданнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ. Замѣчу наконецъ, что знакомство съ итальянскими мистеріями, изданными д'Анковой, указало бы г. Кирпичникову, въ параллель къ старо-французскому міраблю, имъ разобранному, на *Rappresentazione di Barlaam e Jozaphat* Бернардо Пульчи, и исправило бы его библіографическую замѣтку на стр. 195: не *Аттилизъ* сложилъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ поэму въ пяти пѣсняхъ, а *Attilio Oprezzinghi* (Palermo, Catania. 1584). Интересно замѣтить, что въ Тосканѣ легенда о Варлаамѣ и Іоасафѣ до сихъ поръ служитъ сюжетомъ полународной драмы, изъ цикла тѣхъ, которые разыгрываются въ маѣ и посвяты потому названію: *Maggi*. Такъ и у насъ житіе перешло въ полународные духовные стихи. Живучесть и крѣпость вліянія, народный интересъ, окружившій легенду со времени среднихъ вѣковъ, невольно выдвигаютъ вопросъ: откуда пошла эта легенда ¹⁾?

Познакомимся въ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ. Индійскій царь Абеннеръ, идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну и находившее послѣдователей. Когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ, приближенный къ царю, пошелъ въ отшельники, ненависть Абеннера къ христіанству усилилась еще болѣе. Въ это время у него, дотошъ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ

¹⁾ См. въ книгѣ г. Кирпичникова гл. IV: Іоасафъ и Будда. Исторія параболъ. Мѣсто, время и авторъ Варлаама.

пророчать ему будущее богатство и могущество; одинъ только, искуснѣйшій изъ всѣхъ, говоритъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ, лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобы избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить снѣгу отдѣльную палату, съ богатыми покоемъ, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и слѣжителями и строго запрети́лъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуетъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что бы то ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни, и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.

Въ своемъ искусственномъ заключеніи, Іовасафъ совершенствовался и тѣломъ, и душой, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держать въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того одного изъ своихъ воспитателей, а затѣмъ и самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ: „Знай“, говоритъ ему царевичъ, — „что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ“: онъ не иначе освободится отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалить съ дороги царевича все могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узнаетъ, изъ разспросовъ, что такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя онъ увидѣлъ старика съ сморщеннымъ лицомъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ — и узнаетъ, что такое старость и неизбежная для всякаго человѣка смерть. „Горестна эта жизнь“, подумалъ царевичъ: — „и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбежной смерти? И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что будетъ потомъ со мною? Обращусь ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь?“ Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить; онъ обращался къ своему педагогу, но тотъ объяснилъ ему, что мудрые пустынножители перебиты или изгнаны, а больше обратиться не къ кому.

Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустыжникъ, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Вар-

лаамъ. Узнавъ по откровенію о душевномъ глѣдѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца приобрѣлъ въ землю Индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іоасафа, онъ говоритъ, что при везѣ драгоцѣнный камень, который готовъ продать царевичу; такой драгоцѣнности еще не видано: сердца слѣпныхъ онъ освѣщаетъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глухихъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ; обладатель его пользуется всѣми благами. Педагогъ царевича, какъ человѣкъ, запятанный грѣхомъ, не можетъ видѣть чуднаго камня: онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чистое, здоровое зрѣніе и цѣломудренное, безпорочное тѣло. Воспитатель ведетъ пришельца къ Іоасафу, который тотчасъ же проситъ показать ему камень. „Прежде, нежели исполнить твое желаніе“, отвѣчаетъ Варлаамъ, — „я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоёмъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ-за тебя совершилъ я этотъ долгій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видалъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде“.

Такъ мотивированы въ легендѣ слѣдующія затѣмъ поученія Варлаама, которыя, постепенно раскрывая передъ царевичемъ нравственное и учительное содержаніе христіанства, приготавливаютъ его къ принятію крещенія. Поучая Іоасафа, Варлаамъ пользуется формой аполога, который либо является въ подтвержденіе какого-нибудь поученія, либо, предваряя его, вызываетъ иносказательное толкованіе и также сводится къ поученію. Матеріалъ апологовъ заимствованъ отчасти изъ евангельскихъ притчъ, отчасти, и въ большей мѣрѣ, изъ другихъ разказовъ, иногда лишь внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ выраженію христіанской идеи ¹⁾).

Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іоасафа, также старую и разорванную.

Между тѣмъ начальникъ надъ дворцомъ царевича, Зарданъ, слѣдилъ съ беспокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іоасафомъ и боясь отвѣтственности передъ

¹⁾ Такъ просто объясняется сомнѣніе, высказанное г. Епиричниковымъ по поводу притчи «О славѣ», стр. 241—242.

царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника, Арахеса, человека мудраго и опытнаго звѣдоучета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать въ погоню за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. „Если жъ онъ успѣетъ скрыться“, говорилъ Арахесъ,—„то я укажу вамъ мудраго пустытника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики Нахора; онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить невозможно; мы его уговоримъ въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама я какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ“.

Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ спорѣ защитникомъ христіанства съ цѣлю дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога, и укрѣпленный царевичемъ въ истинѣхъ правой вѣры, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся, какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему демоновъ, обѣщаетъ обратить царевича. По совету Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлю возбудить его страсти; волшебникъ послалъ на него демона пожелѣнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣжалъ искушеній, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту; демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ христіанство.

Видя бесплодность своихъ начинаній, Абениеръ, слѣдуя совѣту Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. „Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекаютъ его въ нашу сторону“, говоритъ Арахесъ;—„если жъ этого и не случится, ты все же не лишишься сына“. Іоасафъ не сопротивлялся волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ сталъ наставлять народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства: къ нему стали собираться христіане, до того скрывавшіеся въ пустынѣ; ежедневно приходили, желая креститься, новыя толпы; когда крестили народъ, то больные исцѣлялись. Видя все это, самъ Абениеръ раскаялся въ своемъ печестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ по дворцу вельможъ и нѣкоторыхъ граж-

данъ, сказалъ: „Не желая нарушить приказаніе отца, я управлялъ царствомъ до сихъ поръ; но теперь пришло время, когда я могу исполнить обѣтъ свой и удалиться въ пустыню. Кого вы хотите, чтобы я поставилъ надъ вами царемъ?“ Огорченные граждане объявили, что они не желаютъ иного царя и не отпустить его отъ себя. Но Іоасафъ, назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахию, ночью скрывается изъ города. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись въ власнищѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сенаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ, одинъ пустынный указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и оказалъ такую способность къ лишеніямъ, бѣднѣю и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самого учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, скоронивъ своего наставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынный, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму, и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ и приказалъ идти въ царство Индійское—возвѣстять о смерти угодниковъ. Варахін, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу.

Таково содержаніе этой легенды, ставшей популярною въ средніе вѣка и своими правоучительными апологами, и своею поэзіей аскетизма. Довольно древнее преданіе (XI вѣка) видѣло ея автора въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднимаетъ снова (стр. 212—3), опирая свое мнѣніе на разборъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ видѣ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Цоттенберга и Мейера, полученное ими другимъ путемъ, потому что, говорятъ они, изъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи, напрасно было бы пытаться опредѣлить время его написанія (l. c., стр. 315).

Я не стану мирить эти противорѣчивыя показанія. Меня занимаетъ другой вопросъ, подробно развитый г. Кирпичниковымъ. Хри-

стіанская окраска легенды достаточно ясна и не требуетъ доказательствъ; но всегда ли была она таковою? Другими словами: какова историческая основа приведеннаго выше сказанія? Существовалъ ли индійскій царевичъ Іоасафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково, какъ извѣстно, предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи, но подробнѣе высказанное Либрехтомъ и остающееся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды зашло путемъ устномъ передачи въ христіанскую среду, записано по гречески какинъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта) и принадлежало къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма: такъ объясняютъ себѣ происхожденіе житія Варлаама и Іоасафа. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны, дѣло идетъ о *создателѣ* новой религіи, а съ другой—о *послѣдователѣ* христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самыми цѣлями передѣлки, поможетъ намъ выдѣлать сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія.

Я пользуюсь для слѣдующаго изложенія китайскимъ переводомъ Abhinishkramana-Sūtra, сдѣланнымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры; самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69—70 по Р. Х., чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 300 г. до Р. Х. и первымъ столѣтіемъ по Р. Х.), представляющія различныя эпизоды житія Будды ¹⁾.

¹⁾ См. The romantic legend of Śākya Buddha from the Chinese, by Samuel Beale (London, Trübner, 1875), Introd. VI—VII. Обращу вниманіе на слѣдующее замѣчаніе Вилла: Надписаніе 17-й главы: «Оставленіе дома для духовной жизни» позволяетъ заключить, что въ началѣ Abhinishkramana была въ сущности разнаюмъ о бѣгствѣ Будды изъ дворца, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться аскетомъ. Лишь впоследствии этотъ титулъ былъ распространенъ на всю легенду. Сличите съ этимъ замѣчаніе г. Киричничкова (стр. 219—20): Наиболѣе существенное отличіе заключается въ общемъ планѣ обоихъ легендъ: въ жизни Будды главная часть—дѣятельность проповѣдника, а исторія его обращенія, до вступленія въ пустыню, есть введеніе, которое обыкновенно является осложненіемъ верна сказанія; въ греческомъ разказѣ (о Варлаамѣ и Іоасафѣ)—обратный случай: центр тяжести въ первой части.

Будда—индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы-снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтлымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ: знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, онъ будетъ всемірнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокоиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобъ онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его отъ мысли сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Ясодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ въ невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горы. Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго крѣпкою стѣною; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству.

Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ пространствѣ ¹⁾, обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося однѣмъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны доволять,

¹⁾ Devaputra по имени Т'ао - Ping (у *Вилл* стр. 103); въ *Далитавистарѣ* (по переводу съ тибетскаго у *Foucaux*, стр. 178) онъ названъ Hiridēva, богъ сгрома; у *Bigonnet*, The life or legend of Gaudama, the Budha of the Burmese, p. 49: Nat (сл. ib., примѣч. на стр. 537—8).

чтобъ его разумъ и чувства затемнились и извращались долѣе", сказалъ онъ;—,пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и выѣхать съ ними своей кровью". Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невидимый голосъ наставлялъ его; по устроенію Девапутры пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самые звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляя сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своему возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать царю о намѣреніи его сына, и Суддгодана велитъ оповѣстить по всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы по случаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицы удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти и вообще всѣ непріятныя впечатлѣнія. Будда ѣдетъ, и по устроенію Девапутры ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ—другія встрѣчи: Будда видитъ больного и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу, что это значить, а тотъ, вдохновенный Девапутрой, говорить ему о неизбежности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращается съ полупути, чтобы предаться размышленію, а царь, обезноженный разказомъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣдней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха-аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, и тотъ, подъ наитіемъ Девапутры, говорить ему, что такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ міръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлью найти себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать жизнь всему сущему, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царевичъ объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, пачинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ тою же цѣлью Удаи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окружавшія царевича, удваиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда остається непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца въ сопровожденіи возницы Чандаки. На слѣдующій день его

хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны. Въ лѣсу онъ собрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ девою, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Разказъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣтуютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтниковъ отправляются еще разъ, чтобъ отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подъ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе царяскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упросить сына.

Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ-аскетовъ, то у пустытника Арады; всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религіозныхъ системахъ, поднимаетъ споры, вырабатывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ ада, царь смерти, властитель міра соблазновъ, опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отвратить его отъ его подвига, собираетъ подвластныя ему силы, искушаетъ Будду, то являясь къ нему въ образѣ гоппа, съ вѣстью, что его родственникъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мары поютъ ему о земной любви; Мара соблазняетъ его образами земнаго величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Изъ всѣхъ искушеній Будда выходитъ побѣдоноснымъ; девы поддержали его силы, демоны побѣждены, и Будда достигаетъ высшаго просвѣщенія.

Слѣдуетъ затѣмъ разказъ о его проповѣднической дѣятельности, на которомъ я не останавливаюсь. У Будды является много послѣдователей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ вести борьбу, и которыхъ побѣждаетъ въ религіозномъ спорѣ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе его отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемірныхъ монаховъ ¹⁾.

Сличеніе пересказаннаго нами житія Будды съ повѣстью о Вар-

¹⁾ *Barthélemy Saynt-Hilaire, Le Bouddha et sa religion, p. 43—46.*

лаамъ и Іоасафъ открываетъ между ними точки соприкосновенія и отличія, которыя необходимо выяснитъ. Сходныя черты разказа бросятся каждому въ глаза; я укажу, въ параллель къ нимъ, на попытки ученыхъ сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и другой легендѣ: такъ Теудасъ, одинъ изъ противниковъ Іоасафа, отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сблизается съ Давадаттой, однимъ изъ противниковъ Будды; имя Іоасафа объяснялось измѣненіемъ имени Бодхисатвы (=Будды; Бодхисатва, Бодсадъ=Іоасафъ); мнѣ кажется вѣроятнѣе сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ісодой одного буддійскаго разказа, о которомъ я говорю далѣе ¹⁾. Другія имена Варлаамовой повѣсти отличаютъ своимъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посредство перескащика-Сирийца.

Отличія обоихъ житій объясняются главнымъ образомъ требованіями новаго приуроченія. Будда самъ доходитъ до состоянія высшего духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль стремленій была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. Здѣсь не достаточно было собственной работы мысли, а явилась необходимость руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа выдающуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣчаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ конемъ, устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Будды. Варлаамъ приготавливаетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся учительная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царевича притчами и апологами. Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вставныхъ разказовъ: разказникомъ является самъ Будда, и какъ повѣствованія Варлаама приурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставленія, такъ въ устахъ Будды народная сказка, анологъ, новелла преобразуются въ разказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Этотъ особый характеръ вставныхъ повѣстей житія объясняетъ, почему онѣ не могли быть удержаны въ христіанской егѣ передѣлкѣ: дѣйствительно, апологи Варлаама не стоятъ съ ними ни въ какой связи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Вар-

¹⁾ Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврастѣ, стр. 160, съ ссылкою на статью Н. Н. Минаева.

лаама о его возрастѣ. „Мнѣ около 45 лѣтъ“, сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видѣ тебѣ болѣе семидесяти!“. „Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣляешь довольно вѣрно“, отвѣчаетъ Варлаамъ;— „по времени, проведенное мною въ живомъ мірѣ, я за жизнь не считаю“. Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаама различаетъ какъ бы два отдѣльные существованія, смѣшанныхъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили Индусы.

Возвратимся къ Варлааму. Появленіе этого лица, не встрѣчающагося ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требованій христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказчика. Относительно этого вопроса я могу высказаться опредѣлениѣ, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіе, есть одна, не обратившая на себя вниманіе Либрехта: это—разказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, Ясадѣ или Ісодѣ ¹⁾. Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь скопомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половины: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше я уже указалъ на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній родится у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; то же разказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ, по передачѣ Биля, вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый челоуѣкъ, по имени Супрм-Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился изъ его жепу (такимъ же разказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), и у Супра-Будды родился красавецъ-сынъ, котораго называли Ясадой по причинѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно.

¹⁾ См. *Beale*, l. c., стр. 258 и слѣд.: *Yasada*; въ сингалеской легендѣ у *Spence Hardy*, *A Manual of Buddhism*, стр. 187—8: *Yasa*, сынъ *Jujatā'm*; въ бирманской у *Bigandet*, l. c., стр. 112 и слѣд.: *Ratha*; см. *Schiefner*: *Eine tibetische Lebensbeschreibung Çakjamunī's*, стр. 247; въ *Mahāvastu*: *Yaçoda*.

Отецъ построилъ ему три великолѣпные дворца — одинъ для зимы, другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удонолстніями и бдительною стражей. Въ это время Будда проповѣдывалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра Раджа (то-есть, Индра, отвѣчающій Девапутрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! Пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ“. Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колеснику и отправляется любоваться красотою окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча — съ пищимъ монахомъ: это былъ Будда; онъ предвидитъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется передъ нимъ и затѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ — новая встрѣча: Сакра принялъ образъ дряхлой женщины, трупъ которой покрытъ былъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ разказахъ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ житія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣку Воралу, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ Ясады хитились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удалился его сынъ, и самъ идетъ искать его. Разказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей.

Выше я замѣтилъ, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, на канунѣ своего бѣгства, встрѣтился Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ мы узнаемъ, что этотъ монахъ — самъ Будда.

Разказъ Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный мнѣ г. Минаевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ, и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Іоасафа. Легенда эта пачинается такимъ же разказомъ о рожденіи и юности Ясоды, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправившемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясоды шлетъ къ нему послапца съ словами: „Прійди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и позвалъ былъ молодой Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и всѣ трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ. Между тѣмъ царь прислалъ послапца за отцомъ Ясоды съ словами: „Есть царскія

дѣла, приходи скорѣе". „Посиди съ юношей, пока я прійду", говоритъ, уходя, отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благоглѣпьемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему не прилична, а прилично быть Пратьека-Буддой или великимъ ППраваккой (ученикомъ Будды). „Юноша", сказалъ онъ ему, — „всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье — болѣзнью, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ милымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Бгагавана (господина, то-есть Будду)?" „Кто онъ такой?" спрашиваетъ юноша, — и купецъ описываетъ его. У Ясоды является желаніе повидать Будду — и затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный намъ разказъ о его бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволила намъ сблизить Варлаама съ нищимъ монахомъ — Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція Mahavastu подсказываетъ другое сближеніе — Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является въ Юасафу въ образѣ купца и представляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ Mahavastu. Драгоценный камень, который Варлаамъ сулитъ царевичу, и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанскомъ пересказѣ, какъ подходящая подробность, шаводившая на аллегорическое толкованіе. Но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я говорю о „трехъ драгоценностяхъ" буддизма (Будда, законъ и санга, то-есть, община духовныхъ).

Либрехтъ сравнивалъ житіе Варлаама и Юасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣняютъ, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ изъ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнитъ точку зрѣнія Либрехта, такъ какъ уже замѣчено было выше, что легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды, съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сопоставленіямъ: Ясода — это Юасафъ; аскетъ — Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ, являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма, — это Варлаамъ. Я уже сказалъ, что имя послѣдняго, пока не объясненное, обличаетъ христіанскаго пересказчика-Семита: *bar* въ началѣ имени, какъ и въ имени Вареоламея (Bartholomaeus) означаетъ въ семитическихъ языкахъ: слыть. Помѣчу здѣсь на всякій случай соображеніе, подсказанное мнѣ академикомъ Шифперомъ: что Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостолъ Вареоламей, о которомъ древнее преданіе (Евсевій, св.

Иеронимъ и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ, по разказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полиинія.

Гипотеза Либрехта несомнѣнно подлежитъ развитію; ближайшее знакомство съ памятниками, отношенія которыхъ она хочетъ освѣтить, сдѣлаетъ ее опредѣленнѣе; но пока еще не предвидится, чтобы она могла быть отмѣнена вовсе. Г. Киричниковъ задался именно этою цѣлю, которую преслѣдуетъ въ своей послѣдней главѣ. Ограничиваясь тѣмъ немногочисленнымъ матеріаломъ, на которомъ Либрехтъ основалъ свое положеніе, онъ позабываетъ, что съ той поры прошло 16 лѣтъ, и за это время въ изученіи буддизма было сдѣлано многое, что помогло бы ему посмотрѣть на спорный вопросъ при свѣтѣ новыхъ данныхъ. Теорія Либрехта заслуживала такой проверки; авторъ добровольно ограничилъ себя самъ и принужденъ выступить противъ Либрехта съ его же собственнымъ оружіемъ; онъ хочетъ побѣдить его логикой.

Либрехтъ сравнилъ рамку житія Варлаама и Іоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ въ нихъ вѣскія черты сходства и пришелъ къ заключенію, что одна изъ нихъ представляетъ сколокъ съ другой. Разбирая далѣе притчи, вставленныя въ житіе Варлаама и Іоасафа, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ попадаютъ и въ буддійскіе пересказы, и это укрѣпило его взглядъ на буддійское происхожденіе всего житія. Всякому понятно, что послѣднее доказательство является, въ сущности, лишь подспорьемъ, „что если бы факты принудили насъ признать всѣ безъ исключенія въ Варлаамѣ притчи буддійскими, черезъ это буддійское происхожденіе рамки не приобрѣло бы большей достовѣрности“ (стр. 225). Въ самомъ дѣлѣ: припомнимъ въ житіи Варлаама и Іоасафа отношеніе рамки разказа къ вставленнымъ въ нее параболамъ: оно внѣшнее, нѣсколько случайное; мы, напримѣръ, легко можемъ представить себѣ, что наставленія Варлаама могли быть еще подробнѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ текстѣ, и такимъ образомъ вызвать потребность въ новыхъ иллюстраціяхъ—въ формѣ новыхъ апологовъ. Все это находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи тѣхъ сказочныхъ сборниковъ, которые, выйдя съ востока подобно разбираемому житію, стали достояніемъ средневѣковой Европы: они состоятъ изъ такой же повѣствовательной рамки и такихъ же, внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ нею апологовъ, число которыхъ свободно варостало или уменьшалось, не измѣняя существенно характера всего памятника. Такъ измѣнялся послѣдовательно, въ средневѣковыхъ передѣлкахъ, старшій восточный

романъ о Семи мудрецахъ. Самъ г. Кириичниковъ (I. с.) принужденъ сознаться, что „парабола, не связанная съ дѣйствительнымъ фактомъ(?),—*res nullius*, которою всякій могъ пользоваться для своихъ цѣлей“. Если таково его мнѣніе, то къ чему было давать такой объемъ разбору притчъ житія со стороны ихъ источниковъ и параллелей (стр. 225—252),—если этотъ разборъ не существуетъ для дѣла и не доказателенъ? Но г. Кириичниковъ самъ себя противорѣчитъ: съ одной стороны, онъ призналъ параболу—*res nullius*, а съ другой, обращаясь къ критикѣ доводовъ Либрехта, онъ распределяетъ ихъ на двѣ группы: одни изъ нихъ касаются рамки легенды, другіе—притчъ, разнообразящихъ ея аскетическое содержаніе (стр. 217). Такимъ образомъ, за обѣими группами признается какъ бы равная степень доказательности. Но Либрехтъ никогда не ставилъ ихъ въ одинъ уровень; указавъ на нѣкоторые буддійскіе параллели къ притчамъ Варлаама, онъ въ заключеніе не даетъ имъ особой цѣны: „Какъ бы то ни было“, говоритъ онъ,—„достаточно ясно, что основа Варлаама и Іоасафа восходитъ къ буддійскимъ источникамъ, что исторія Іоасафа ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды“. Дѣло, стало быть, въ основѣ, то-есть, въ рамкѣ, въ канвѣ житія. И ее г. Кириичниковъ подвергнулъ своей отрицательной критикѣ.

Начну съ нѣсколькихъ общихъ его положеній (стр. 226). „Чтобы доказать литературное сродство другихъ разказовъ“, говоритъ онъ,—„необходимо найти въ нихъ, во первыхъ, единство нѣсколькихъ моментовъ, во вторыхъ, совпаденіе аксессуарныхъ принадлежностей, и третьихъ, связь основной идеи того и другаго разказа“, тенденции. Съ первыми двумя положеніями нельзя не согласиться: они общезвѣстны. Но чтò разумѣется въ третьемъ? Я сопоставляю его съ другою фразой автора, въ которой выразилось его сомнѣніе: могло ли перейти въ христіанскую легенду „жизнеописаніе основателя чуждой религіи, которое было противно христіанину по самому содержанію“ (стр. 225)? Если мое толкованіе вѣрно, то автору придется отрицать возможность всякой литературной перелицовки, которой всякое новое поколѣніе подвергаетъ умственный матеріалъ, заимствованный прошлымъ, вводя въ него свои собственныя идеи и радикально измѣняя міросозерцаніе. Припомнимъ факты. Восточная сказка о кольцахъ или драгоценныхъ камняхъ (символизирующихъ различныя религіи) получаетъ скептическій колоритъ въ эпоху нарождавшагося религіознаго скепсиса, затѣмъ приобретаетъ христіанскую окраску въ редакціи

Римскихъ Дѣяній и снова, отвѣчая идеямъ времени, возвращается къ прежней точкѣ зрѣнія въ Натанѣ Мудромъ Лессинга. Чтò общаго въ міросозерцаніи италянскон рыцарской поэмы и французскихъ *chansons de geste*, давшихъ ей лица и сюжеты, однимъ словомъ, весь эпическій матеріалъ? Никто не станетъ отрицать связи между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фаустѣ и Фаустомъ Гёте, и никому не прійдетъ въ голову отождествлять ихъ со стороны тенденціи, содержанія идей.

Но обратимся къ двумъ первымъ положеніямъ г. Кирпичникова. Онъ не скрываетъ отъ насъ, что сходство житія и буддійской легенды поразило и его, но онъ отрицаетъ, чтобъ основаніемъ тому были историческія связи заимствованія. Онъ ищетъ и находитъ другія причины; вмѣсто многоаго, приведу одинъ его отзывъ (стр. 218—219): Планъ Варлаама отчасти *по сходству основной темы*, отчасти *случайно* сходится въ нѣкоторыхъ моментахъ съ легендарнымъ житіемъ Будды. О случайности авторъ говоритъ не разъ; это такой ненаучный критерій, что я ограничусь лишь „случайнымъ“ его упоминаніемъ. Другое дѣло: сходство основной темы, единство идеи (стр. 224), сходство направленій (стр. 229) и т. п. Идею г. Кирпичникова лучше всего пояснятъ слѣдующіа двѣ выписки: онъ говоритъ, что какъ въ буддійской Индіи, такъ и на христіанскомъ востокѣ аскетизмъ, добровольное отрѣшеніе отъ благъ жизни пользовалось высокимъ уваженіемъ и возбуждало поэтическое творчество грамотниковъ и народа (стр. 217); удивительно ли послѣ того, что буддисты и христіанскій аскетъ сошлись въ осязательномъ изображеніи одной и той же мысли? (стр. 225). Что единство культурныхъ условій, одинаковая степень умственнаго развитія могутъ приводить различныя народныя среды къ одинаковымъ или сходнымъ выраженіямъ мысли въ формѣ міеа, обряда, эпической пѣсни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, и остается только пожелать, чтобы, напримѣръ, наука сравнительной міеологіи болѣе обращала вниманія на это теоретическое положеніе. Но нельзя не замѣтить, что такому объясненію сходства — вслѣдствіе общности культурныхъ условій—подлежать лишь первичные факты: первичные міеа, простѣйшіе эпическіе сюжеты; къ фактамъ сложнымъ, представляющимъ цѣлую послѣдовательность моментовъ, это объясненіе едва ли приложимо. Этого не взявъ въ соображеніе г. Кирпичниковъ, и потому, принимаясь доказывать христіанскую самостоятельность Варлаама и Іоасафа, поступаетъ такимъ образомъ: онъ обращается къ литературѣ легендъ и находитъ въ житіяхъ христіанскихъ подвиж-

никовъ всѣ тѣ черты, которыя въ Варлаамѣ и Іоасафѣ толкуются какъ перенесенныя изъ буддійскаго оригинала. Іоасафъ, напримѣръ, рано начинаетъ помышлять о вопросахъ духовной жизни—то же разказывается и о другихъ святыхъ; Варлаамъ приходитъ къ Іоасафу въ образѣ купца—Оригенъ посылаетъ къ св. Варварѣ своего ученика, который выдаетъ себя за медика. Пренія съ язычниками въ житіи Іоасафа отвѣчаютъ подобныя же въ Клементинахъ. Отецъ искушаетъ Іоасафа женскою красотою: но то же разказывается о св. Витѣ, св. Крестанѣ; въ житіяхъ угодниковъ также сыновья перѣдко обращаютъ своихъ отцовъ и т. д.

Заключеніе г. Кирпичникова читатель предвидитъ, но онъ же противопоставитъ ему его собственное положеніе: что о сродствѣ разказовъ слѣдуетъ говорить лишь тогда, когда тамъ и здѣсь является единство нѣсколькихъ моментовъ. Такихъ и притомъ весьма опредѣленныхъ моментовъ въ житіи Варлаама и Іоасафа является нѣсколько: рожденіе, особое воспитаніе, искусственное заключеніе, знаменательныя встрѣчи, обращеніе, бѣгство и т. п. Г. Кирпичниковъ беретъ одинъ изъ этихъ моментовъ и находитъ ему параллель въ той или другой легендѣ; затѣмъ беретъ другой и подыскиваетъ ему другую аналогію и т. д. Еслибъ я могъ увѣровать въ состоятельность его приема, я готовъ былъ бы принять такой, напримѣръ, вызовъ: пусть дадутъ мнѣ переводъ какого-нибудь французскаго романа, въ которомъ одни лишь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстностей были бы замѣнены русскими, и я берусь доказать, что этотъ переводъ—вещь совершенно самостоятельная, что сходство съ предполагаемымъ подлинникомъ—только культурное, и для каждого эпизода подыщу соответствующую аналогію изъ русскихъ романовъ.

Дѣло въ томъ, что житіе Варлаама и Іоасафа представляетъ нѣсколько эпическихъ моментовъ, расположенныхъ въ известной послѣдовательности. Вотъ для этой послѣдовательности и надо было подыскать подходящую христіанскую параллель. Таковая нашлась въ легендарной біографіи Будды и до сихъ поръ не найдена въ области христіанскихъ легендъ. Мы ожидали такого открытія отъ г. Кирпичникова, основываясь на первыхъ строкахъ его четвертой главы: „Съ 1860 года“, говоритъ онъ, — „то-есть, со времени появленія статьи Либрехта, буддійское происхожденіе повѣсти считается многими несомнѣннымъ; издатели французскаго текста полагаютъ даже, что въ новыхъ доказательствахъ нѣтъ нужды. Надѣмся доказать противное“. Доказательствъ мы не видѣли и тѣмъ подозрительнѣе отно-

сима къ доводамъ г. Кирпичникова, что они исходятъ изъ предвзятости, что-де вліяніе буддійской легенды на христіанскую допустить не возможно. Я не даромъ говорю о предвзятости: авторъ готовъ допустить заимствованіе, лишь бы не въ томъ направленіи, въ которое всѣ вѣрятъ, а въ обратномъ. Схвативъ фразу профессора Васильева, что буддизмъ развивался не столько изъ собственныхъ началъ, сколько подъ постороннимъ вліяніемъ, перенимая у другихъ, вводилъ или передѣлывая ихъ идеи у себя, г. Кирпичниковъ спрашиваетъ: возможно ли предположить, что авторъ буддійской легенды заимствовалъ эпизодъ изъ греческаго житія? (стр. 224). Но житіе въ настоящемъ своемъ видѣ отнесено самимъ г. Кирпичниковымъ къ половинѣ VIII вѣка по Р. Х., а біографія Будды извѣстна была уже въ 70-хъ годахъ нашей эры, стало быть восемь столѣтіями ранѣе. Возможно ли говорить о такомъ обратномъ заимствованіи?

Выбирая изъ книги г. Кирпичникова болѣе живыя стороны, я нахожу ихъ въ тѣхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ изученію русскихъ рукописей Варлаама и Іоасафа. Работа его представляетъ недостатки; но онъ болѣе другихъ подготовленъ къ тому, чтобы, вернувшись къ ней съ новыми силами, добыть болѣе точные результаты. Можетъ быть, ему и удастся упрочить свое положеніе о различіи редакцій житія и такимъ образомъ выполнить хотя часть своихъ нѣсколько щедрыхъ обѣщаній.

Александръ Веселовскій.

О ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРѢ ЗАПАДНЫХЪ ФИННОВЪ ПО ДАННЫМЪ ИХЪ ЯЗЫКА ¹⁾.

Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Von Dr August Ahlqvist (Культурныя слова въ западно-финскихъ языкахъ. Вкладъ въ исторію древней финской культуры. Соч. д-ра Августа Ахквиста). Helsingfors. 1875.

III.

Домашніе промыслы и рукодѣлія у древнихъ Финновъ: кузнечное дѣло, названія металловъ; деревянныя издѣлія, пряженіе и ткачество; окрашиваніе тканей, помятіе о цвѣтахъ, добыча красивыхъ веществъ; выдѣлка мѣховъ и изготовленіе обуви.

Отъ очерка скотоводства и земледѣлія у Западно-Финскихъ племенъ переходя къ ихъ рукодѣліямъ и ремесламъ, г. Ахквистъ прежде всего набрасываетъ общую картину этихъ домашнихъ занятій древнихъ Финновъ. Довольно, говоритъ онъ, — раздѣленія труда еще не существуетъ въ отдаленныхъ частяхъ Финляндіи, и крестьянинъ не только самъ дѣлаетъ для себя земледѣльческія орудія, домашнюю утварь и ткани для одежды, но изготовляетъ и большую часть инструментовъ, необходимыхъ для производства этихъ издѣлій ²⁾. Еще менѣе

¹⁾ *Продолженіе.* См. Журн. Мин. Народн. Просв. за іюнь текущаго года.

²⁾ «Непрерывная принадлежность каждаго двора» (крестьянскаго въ сѣверной Финляндіи), замѣчаетъ г. Гротъ, — «рига, бани, житница, колодезь; часто присоединяются къ нимъ мельница и кузница. Послѣдняя служитъ еще остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ своими руками готовить для домашняго обихода всѣ издѣлія, собственно составляющія предметъ разнообразныхъ ремеселъ». См. Переводы по Финляндіи, стр. 70.

возможно предполагать, что существовало раздѣленіе труда въ ту отдаленную эпоху, когда уединенный житель лѣсовъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ и самъ долженъ былъ припасать все необходимое какъ для себя самого, такъ и для своего семейства. Мужчина заботился о томъ, что нужно для охоты и рыбной ловли, а женщина выдѣлывала шкуры убитыхъ мужемъ пушныхъ звѣрей, сушила рыбу на зиму и обшивала всю семью. Такимъ образомъ, ихъ ограниченныя потребности удовлетворялись собственными средствами. Только нѣкоторые орудія, какъ напримѣръ, топоры и ножи—сперва каменные, а позже желѣзные, въ послѣдствіи еще швейныя иглы—также изъ металла, шерстяныя ткани и грубое полотно, житель лѣсовъ вымѣнивалъ на мѣхъ и сушеную рыбу, посѣщая для этой цѣли одинъ разъ въ годъ отдаленный рынокъ или ярмарку; при этомъ, если позволялъ ему запасъ его собственныхъ товаровъ, онъ закупалъ себѣ и хлѣба. Такъ до сихъ поръ живутъ соплеменные Финнамъ Вогулы, и страна ихъ представляется современному путешественнику именно такою, каковъ долженъ былъ быть весь сѣверо-востокъ Европы прежде, чѣмъ тамъ распространилось земледѣліе; вслѣдствіе того, заключаетъ г. Алевистъ,—и образъ жизни нынѣшнихъ Вогуловъ долженъ быть сходенъ съ бытомъ древнихъ Финновъ.

Итакъ, у Финновъ не могло быть особенно развитыхъ руководствъ и ремеслъ. Раньше другихъ, и кажется, довольно давно развилось у нихъ—какъ признаетъ г. Алевистъ—ремесло *кузнечное*. Это ясно ужъ изъ того, напримѣръ, что кузнечныя издѣлія Финновъ славятся своею добротностью въ позднѣйшее время; и конечно, Финны не достигли бы такого совершенства въ кузнечномъ дѣлѣ, если бы не знали его и не занимались имъ издревле. Финскіе мечи нерѣдко прославляются въ скандинавскихъ сагахъ, и это объясняется существовавшимъ повѣрьемъ въ волшебную силу, которою долженъ обладать всякій хорошій финскій мечъ; на Финновъ смотрѣли какъ на людей искусныхъ въ колдовствѣ и могущихъ сообщить мечу волшебную силу.

Финское названіе кузнеца не имѣло однако первоначально этого значенія. Слово *seppä* до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаетъ болѣе широкій смыслъ, какъ напримѣръ, въ сложномъ *grip-seppä*, искусный, знатокъ въ рунахъ (пѣсняхъ); въ старинныхъ пѣсняхъ попадаются слова: *purjenseppä*, искусный въ кораблестроеніи, *oljenseppä*, изобрѣтательница нила, въ народномъ языкѣ—*ruinseppä*, столяръ. Эти и другія сочетанія со словомъ *seppä* показываютъ, что

коренное значеніе послѣдняго, широко распространеннаго притомъ въ финскихъ языкахъ, было: искусный въ ремеслѣ, мастеръ, то-есть, подходило къ смыслу латинскаго *faber*. Кузнечное дѣло, какъ требующее значительнаго искусства, издревле было въ большомъ уваженіи у Финновъ. До сихъ поръ у финскихъ крестьянъ въ бычѣхъ — приносить кузницу, когда къ нему приходятъ за какимъ дѣломъ, водки или чего-нибудь съѣстнаго; если кузнецъ работаетъ у кого-либо на дому, хозяева особенно ухаживаютъ за нимъ; поэтому и пословица финская говоритъ, что „кузнецу — лучшій кусокъ“. Въ древности уважалось не одно техническое умѣнье кузнеца; опасались его таинственной силы, ибо существовало убѣжденіе, что кузнечное ремесло не могло быть производимо безъ пособія колдовства, и что отъ доброй воли кузнеца зависѣло выковать такое оружіе, которое принесетъ счастье или несчастье своему владѣльцу. У древнихъ Финновъ, по всей вѣроятности, не было однако особыхъ постоянныхъ помѣщеній для кузнечнаго производства: кузнечество было бродячимъ промысломъ, и кузнецы ходили по малонаселенной странѣ, нося съ собою всѣ необходимые инструменты и припасы, и въ томъ числѣ горшковъ съ угольями, имѣвшій назначеніе замѣнять горнъ: оттого и слово *pada*, *raja*, имѣетъ въ финскихъ языкахъ значеніе и горшка, и кузницы. При этомъ должно замѣтить, что какъ названіе болѣе усовершенствованнаго, постоянного горна, такъ и другихъ принадлежностей кузнечнаго производства, заимствованы изъ языковъ сосѣднихъ народовъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о развитіи кузнечнаго промысла, г. Алквистъ предлагаетъ перечень металловъ, которые были знакомы древнимъ Финнамъ ¹⁾. Извѣстно, что первымъ металломъ, употребленіе котораго упало въ челоуѣкъ, была мѣдь, такъ какъ она часто встрѣчается на поверхности земли въ чистомъ видѣ и плавится при гораздо меньшей температурѣ, чѣмъ, напримѣръ, серебро или желѣзо. Финны, вѣроятно, еще на Уралѣ научились добывать этотъ металлъ и готовить изъ него оружіе и другіе предметы; древнѣйшее кузнечное искусство ихъ развилось именно на обработкѣ мѣди. Множество мѣдныхъ издѣлій было найдено какъ на Уралѣ, такъ и на Алтаѣ въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются засыпанныя ямы или штольни, называемыя у насъ чудскими копями; копи эти могутъ принадлежать

¹⁾ Cp. Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker въ J. A. Sjögren's Gesammelte Schriften, I, стр. 625—638.

какъ Тунгусамъ и Монголамъ, слывающимъ у своихъ сосѣдей за кусковыхъ кузнецовъ, такъ и Финнамъ. При раскопѣхъ этихъ амъ находили не только мѣдь въ круглыхъ слиткахъ, но и круглые горшки изъ бѣлой глины, служившіе для плавленія. Когда Русскіе пришли на Уралъ, то не нашли у нынѣшнихъ его обитателей Вогуловъ никакихъ преданій о томъ, кому принадлежали эти копи, сами же Вогулы не обнаружили знакомства съ горнымъ дѣломъ, то-есть, позабыли знакомую имъ предкамъ обработку мѣди, послѣ того, какъ познакомились съ желѣзомъ, изъ коего дѣлались покупаемыя ими вещи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мѣдь была извѣстна Финнамъ и обрабатывалась ими издревле. Указаніе на то мы находимъ въ финскомъ эпосѣ: воспѣваемое въ немъ Сампо, это таинственное, всѣми желанное сокровище, которое сулило своему обладателю всякаго рода благополучіе, замкнуто въ мѣдной горѣ въ странѣ Похьолъ. Маленькій человѣкъ, срубающій большой дубъ (Калевала, пѣсня II-я), одѣтъ въ мѣдь съ ногъ до головы: даже его шляпа, кушакъ и перчатки, а равно и топоръ, которымъ онъ работаетъ, мѣднене. Различныя, упоминаемыя въ рунахъ, вещи, какъ напримѣръ, молоты, весла, лопатки, сдѣланы изъ мѣди. Замѣчательное свидѣтельство о возвращеніи Финновъ на мѣдь представляетъ IX-я пѣсня Калевалы въ связи о происхожденіи желѣза: тутъ открытіе мѣди приписывается одному изъ главныхъ лицъ финскаго эпоса Ильмаринену, вѣчному кузнецу, который выросъ на пустырѣ, покрытомъ углемъ, съ маленькими клещами въ одной рукѣ, съ мѣднымъ молотомъ въ другой. Языкъ, съ своей стороны, также свидѣтельствуетъ о раннемъ знакомствѣ Финновъ съ мѣдью: одно изъ коренныхъ названій ея встрѣчается въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не чуждо языкамъ остяцкому и мадырскому; другое же названіе, тоже коренное, — общее языкамъ вотицкому, зырянскому, черемисскому и вогульскому. Эти обстоятельства доказываютъ, что мѣдь была извѣстна Финнамъ прежде, чѣмъ они распались на свои теперешнія подраздѣленія. На противъ того, сплавъ мѣди съ оловомъ, извѣстный подъ названіемъ бронзы и предпочтительно употреблявшійся въ древности для практическихъ цѣлей, ибо онъ тверже чистой мѣди, не былъ — по всей вѣроятности — извѣстенъ Финнамъ: названіе олова въ финскихъ языкахъ заимствовано изъ германскихъ, слѣдовательно, по прибытіи Финновъ къ Балтійскому побережью и въ то время, когда они уже знали употребленіе желѣза. Весьма, однако, вѣроятно, что и до той поры

Финны употребляли издѣлія изъ бронзы, которыя приходили къ нимъ путемъ торговли.

Вмѣстѣ съ мѣдью Финнамъ, кажется, извѣстно было и серебро, но въ названіи его языки Западныхъ и Восточныхъ Финновъ весьма различествуютъ, вслѣдствіе чего остается не выясненнымъ—знали ли Финны употребленіе этого металла, прежде чѣмъ часть ихъ двинулась на западъ.

Относительно употребленія желѣза дѣло разясняется болѣе определенно: между тѣмъ какъ всѣ Восточно-Финскіе народы называютъ этотъ металлъ самобытнымъ словомъ одного корня, Финны Западные даютъ ему названіе, происходящее изъ языковъ арійскихъ. Поэтому слѣдуетъ заключать, что Финны, когда пришли въ прибалтійскія страны, еще не обладали искусствомъ добывать желѣзо. „Открытие желѣза“, говоритъ Максъ Мюллеръ, — „знаменуетъ цѣлую эпоху въ исторіи культуры; желѣзо нельзя найдти, подобно золоту, серебру и мѣди, въ безпримѣсномъ состояніи; желѣзная руда требуетъ поисковъ, и процессъ выдѣленія изъ нея чистаго металла не легокъ и сложенъ. Въ богатой желѣзомъ Новой Зеландіи употребленіе его не было извѣстно до прибытія туда Европейцевъ“ ¹⁾. Извѣстно, что и Арійское племя до прихода въ Европу едва ли знало обработку желѣза въ эпоху своего единства, и что рѣзкое несходство въ названіяхъ желѣза и желѣзныхъ орудій у разныхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что употребленіе этого металла стало извѣстно Арійцамъ лишь въ то время, когда они раздробились на главнѣйшія народности, которыя уже—каждая самостоятельно—знакомились съ нимъ на новыхъ своихъ европейскіхъ жилищахъ ²⁾. Что касается Финновъ, то въ пользу мнѣнія о позднемъ знакомствѣ ихъ съ добычей желѣза ясно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что они употребляли для сего только болотную руду, которая часто встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ теперь, но никакъ не въ ихъ восточной прародинѣ, и что въ упомянутой выше сказкѣ Калевалы о происхожденіи желѣза ясно говорится, что этотъ металлъ или руда его скрыты въ болотахъ, трясинахъ, ключахъ и озерахъ, и ни единымъ словомъ не намечается на нахожденіе желѣза въ горахъ. Подобная сказка не могла бы

¹⁾ *Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Leipzig, 1865, II, стр. 219.*

²⁾ *А. А. Комнѣревскій, Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ Индоевропейскихъ, въ изданіи: Древности. Труды Моск. археол. общества. Т. I (1865 г.), стр. 65.*

сложиться, если бы Финны узнали употребленіе желѣза еще на Уралѣ, такъ какъ все желѣзо, тамъ добываемое, получается изъ горныхъ залежей. Или, быть можетъ, Финны, во время своего медленнаго движенія на западъ, позабыли это искусство? По крайней мѣрѣ, языки западно-финскіе свидѣтельствуютъ, что сосѣди Финновъ были учителями ихъ въ данномъ случаѣ. Общераспространенное въ названныхъ языкахъ слово, означающее желѣзо, а также и желѣзную руду, есть *rauta*, *road* и т. п.; слово это хотя и весьма употребительно въ финскихъ языкахъ и даже перешло въ мѣстныя названія, но по происхожденію своему принадлежитъ языкамъ арійскимъ, и именно литовскому, германскому и славянскому, то-есть, языкамъ тѣхъ народовъ, которые сосѣдили съ Финнами, пришедшими къ Балтійскому поморью. Арійскій корень этого слова имѣетъ значеніе краснаго цвѣта (ср. русск. *руда* = кровь), а отсюда въ геренскомъ смыслѣ — красная земля, желѣзная руда. Г. Алквистъ не рѣшаетъ окончательно, который именно изъ трехъ названныхъ арійскихъ языковъ оказалъ въ данномъ случаѣ вліяніе на западно-финскіе, но замѣчаетъ, что ближе всего къ финскому слову подходитъ др.-сѣв. *rauda*, желѣзная охра. Во всякомъ случаѣ послѣ этихъ соображеній г. Алквиста представляется невозможнымъ принимать высказанное К. М. Беромъ предположеніе, что Арійскія племена, проникшія въ сѣверную Европу, заимствовали обработку желѣза у Финновъ, прославившихъ искусными ковачами какъ въ своихъ національныхъ, такъ и въ скандинавскихъ преданіяхъ. Такая слава о древнихъ Финнахъ могла бы относиться развѣ къ искусству ихъ обрабатывать мѣдь, но никакъ не къ умѣнью ковать желѣзо.

Названія золота также рѣзко отличаются у Западныхъ и Восточныхъ Финновъ: у первыхъ оно — несомнѣнно германскаго корня, а у вторыхъ, вѣроятно, происходятъ изъ санскрита чрезъ посредство языковъ персидскаго и средне-азіатскихъ. Наконецъ, свинецъ и олово называются у разныхъ Финскихъ племенъ именами, заимствованными то у Скандинавовъ, то у Славянъ или у Литовцевъ.

Въ противоположность металлическимъ производствомъ, къ которымъ Финны издревле проявляли склонность, въ *деревянныхъ постройкахъ и подъякахъ* они никогда не обнаруживали большого умѣнья. Народная пословица: „что заработаешь топоромъ, того стаетъ только чтобъ облизаться“ указываетъ, что Финны не питаютъ большого уваженія къ плотничеству, а съ малымъ развитіемъ ремесла связывается и скудость относящихся до него словъ, которыхъ

притомъ не всѣ самостоятельнаго финскаго корня. Поэтому мы можемъ безъ ущерба миновать относящіяся до этого предмета подробности изслѣдованій г. Алевиста; и прямо перейдемъ къ свѣдѣніямъ о производствѣ у древнихъ Финновъ пряжи и тканей.

Какъ и у другихъ народовъ, *пряденье и ткачество* было у Финновъ преимущественно женскимъ занятіемъ и считалось однимъ изъ главныхъ достоинствъ хорошей хозяйки; въ одной изъ пѣсень Калевалы приводится цѣлый рядъ наставленій молодой дѣвушкѣ-невѣстѣ касательно этихъ рукодѣлій. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области мы встрѣчаемъ далеко не одни самобытныя финскія выраженія, но и достаточное количество словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ.

Названія двухъ главныхъ прядильныхъ растений, конопли и льна, въ языкахъ западно-финскихъ заимствованы у Индо-Европейцевъ; напротивъ того, во всѣхъ почти языкахъ восточно-финскихъ конопля, а въ нѣкоторыхъ и ленъ, называются словами чисто финскаго корня, которыя означаютъ собственно кропиву. Палласъ разказываетъ про Башкиръ, что они, не зная еще земледѣлія, умѣли готовить волокна для пряжи изъ дико-растущей кропивы (*urtica dioica*?) ¹⁾. То же сообщаютъ объ Остякахъ не только Кастрень и г. Поляковъ, но и первый описыватель ихъ быта Шведъ І. В. Мюллеръ изъ началъ XVIII вѣка. „Такъ какъ“, говоритъ послѣдній, — „въ странѣ Остяковъ ленъ не родится, и женщины не могутъ его прастъ, то они выдѣлываютъ по особому способу кропиву; изъ нея они готовятъ нѣчто въ родѣ ткани, служащей имъ у постели пологомъ, который и защищаетъ ихъ отъ мошекъ, сильно беспокоящихся ихъ дѣломъ въ лѣсахъ. Хотя эта ткань очень жестка, онѣ дѣлаютъ изъ нея и рубахи, и платки и окрашиваютъ края послѣднихъ разными пѣвтами“ ²⁾. Поэтому не удивительно, что въ восточно-финскихъ язы-

¹⁾ *Pallas*, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs (St.-Pbg., 1801), I, стр. 448; ср. *Генз*, Культурныя растения и домашнія животныя, стр. 354—355.

²⁾ Магазинъ земледѣлія и путешествій. VI. Путешествіи М. А. Кастрена, стр. 231; *И. С. Поляковъ*, Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби (С.-Пб. 1877), стр. 71.—Мюллеръ принадлежалъ къ числу шведскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Великую Саверную войну и сосланныхъ въ Сибирь; онъ описалъ бытъ Остяковъ въ небольшомъ сочиненіи: *Leben und Gewohnheiten der Ostjaken* (Berlin, 1720); оно приложено къ одному изъ французскихъ переводовъ известной книги Вебера: *Des Veränderte Russland*, вышедшему подъ заглавіемъ: *Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie* (Paris, MDCCXV), т. II; приведенное нами мѣсто см. на стр. 183. О рускомъ частъ схшн, отд. 2.

какъ названіе кропивы усвоено и конопль, о которой Восточные Финны узнали отъ Русскихъ. Безъ сомнѣнія, и тѣ Финскія племена, которыя проникли на западъ прежде, чѣмъ освоились съ правильнымъ земледѣіемъ и научились готовить шерстяную пряжу, умѣли прастъ волокна кропивы въ нитки, которыя необходимы въ быту охотниковъ и рыболововъ не менѣе, чѣмъ цивилизованному челоѣку. Это предположеніе подтверждается и нѣкоторыми данными языка: въ то время, какъ названія всѣхъ предметовъ, относящихся до пряденія шерсти, имѣютъ въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ иноязычное происхожденіе, приготовленіе пряхи изъ волокнистыхъ растений обозначается словами самобытнаго корня; въ особенности это относится къ первоначальнымъ моментамъ обработки прядильныхъ растений; такъ, есть чисто финскія слова, означающія трепало, ялицу, кистрицу, кудель но гребень для чесанія льна называется уже словомъ *suga*, *suka*, происшедшимъ отъ латышскаго *sukka*, и вѣроятно, Финны научились чесать ленъ только отъ своихъ индо-европейскихъ сосѣдей въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю.

Наиболѣе простое орудіе для пряденія, веретено, нынѣ весьма рѣдко встрѣчается въ самой Финляндіи, но въ Россіи, и между прочимъ у живущихъ тамъ Финскихъ племенъ, оно еще довольно употребительно. Существованіе чисто финскихъ названій для него даетъ поводъ думать, что Финны знали его надревле; но у Вепсовъ и Води находимъ слово *värtin*, *värttänä*, несомнѣнно происходящее изъ русскаго. Самопрялку Западные Финны усвоили себѣ отъ Шведовъ и Нѣмцевъ, изъ языка которыхъ взято ими и самое названіе этого орудія. Говорятъ, что въ Эстляндіи самопрялка появилась не болѣе, какъ лѣтъ сто тому назадъ ¹⁾.

Обыкновенное названіе пряхи *lahna* прежде употреблялось только въ смыслѣ растительныхъ волоконъ, но со временемъ перенесено было и на шерстяную пряжу. Сбивать шерсть въ одну плотную массу, иначе валять войлокъ, умѣютъ многіе степные народы, и благодаря простотѣ этого производства, они достигли въ немъ даже нѣкотораго искусства. Кажется, что шерстобитное производство не было чуждо и

источникъ книги Мюллера см. въ *Извѣст. Импер. Русск. Геогр. Общ.* 1875 г., стр. 1. статью: «О сочиненіи Григорія Новицкаго: Краткое извѣстіе о народѣ Остятскомъ, писанномъ около 1715 года».

¹⁾ *Blumenbach*, Quellen und Realien des Kalevipoeg, въ *Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat*, ч. V, тетр. 4, стр. 70.

древнимъ Финнамъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ есть самобытныя, хотя и не одинаковыя названія для войлока. Собственно процессъ тканья называется по финскъ *kutoa*, и слово это съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями, но по большей части сохраняя то же значеніе, повторяется во всѣхъ финскихъ языкахъ; въ зырянскомъ, однако, слово того же корня значитъ плести, да и въ финскомъ *kutoa* (*verkkou*) употребляется также въ значеніи плести сѣти; поэтому можно думать, что первоначально словомъ *kutoa* означалось именно не тканье, а плетенье или вязанье. Во всякомъ случаѣ приспособленія для тканья у древнихъ Финновъ были гораздо проще употребляемыхъ нынѣ. Это можно видѣть, съ одной стороны—изъ того, что въ сѣверной и средней Россіи еще не введенъ станокъ весьма простого устройства, на которомъ приготавливается холстъ лишь весьма узкій и грубый, и съ другой—изъ того, что названія составныхъ частей усовершенствованнаго ткацкаго станка въ финскомъ языкѣ заимствованныя (преимущественно изъ русскаго языка ¹⁾). По всей вѣроятности, замѣчаетъ г. Алевистъ, — первоначальное ткачество было только нѣкоторымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ плетенья или вязанья, посредствомъ котораго финскіе крестьяне донинѣ приготавливаютъ тесьму. Для такого производства не требовалось всѣхъ приспособленій позднѣйшаго усовершенствованнаго станка, а достаточно было имѣть основу, утокъ и нѣчто въ родѣ шпульки, чтобы пропускать утокъ между нитями основы; а именно эти-то предметы и имѣютъ въ финскомъ языкѣ самобытныя названія. Съ такими замѣчаніями о первобытныхъ приемахъ ткачества у Финновъ любопытно сопоставить слѣдующія замѣтки г. Гена, относящіяся къ народамъ арійскаго корня: „Относительно тканья существуютъ, кажется, древнія свидѣтельства языковъ, указывающія на занятія этимъ искусствомъ до раздѣленія народовъ и до переселеній,... еслибъ мы только знали навѣрное, что въ первобытныя времена слова эти от-

¹⁾ Для сравненія приведемъ описаніе ткацкаго станка у Вотьяковъ Казанской губерніи, тѣмъ болѣе любопытное, что Вотьяки большія мастерицы ткать, и притомъ узорчатыми матеріями: «Ткацкій станокъ у Вотьяковъ очень простого устройства и удобенъ въ томъ отношеніи, что мало занимаетъ мѣста: къ полу прикрѣпляется палка съ крючкомъ внизу, за который зацѣпляется нитка; мастерица сидитъ въ нѣкоторомъ разстояніи на нарахъ, и около нея подъ ногами находятся нитянки. Такихъ станковъ въ одной избу мы случайно видѣли до четырехъ и болѣе». См. Вотьяки Казанской губерніи, Д. Островскаго (Каз., 1873), стр. 25.

посились не къ искусному вязанью, плетенью или шитью, а къ пряденыю нитки на перетягъ и къ настоящему тканью на ткацкомъ станкѣ. При плетеніи цыпопокъ изъ липоваго лыка продолжными и попережными полосками и посредствомъ костяной трубочки, склозы которую проходила полоска и т. д., могли явиться выраженія, легко примѣнимыя къ позднѣйшей оспотѣ, утку и т. д.¹⁾ Такимъ образомъ, и арійскіе, и финскіе языки одинаково свидѣтельствовали бы о происхожденіи тканья изъ плетенья и вязанья.

Пропускаемъ анализъ финскихъ названій различныхъ тканей, тѣмъ болѣе что эти названія почти всѣ заимствованы Финнами у ихъ арійскихъ сосѣдей, и обращаемся прямо къ другому, связанному впрочемъ съ ткачествомъ производству, именно — къ красильному искусству. Оно издревле было извѣстно Финнамъ и до сихъ поръ принадлежитъ къ числу обычныхъ въ народѣ отраслей труда. Но скудно должно было развиться понятіе о цвѣтахъ у народа, водворившагося на мрачномъ, безцвѣтномъ сѣверѣ. По видимому, Финны сознали различіе цвѣтовъ изъ наблюденій надъ шкурами различныхъ лѣсныхъ звѣрей; г. Алквистъ допускаетъ такое предположеніе, во первыхъ, на томъ основаніи, что цвѣтъ по фински называется *karva*, что значитъ также волосъ²⁾, и вторыхъ, на томъ — что цвѣта, не встрѣчающіяся на звѣриныхъ шкурахъ, какъ-то, синій, зеленый, желтый, не имѣютъ по фински самобытныхъ наименованій. Изслѣдованіе названій цвѣтовъ въ финскихъ языкахъ показываетъ, что нарѣчія Балтійскихъ Финновъ въ этомъ отношеніи очень согласны, а языки восточно-финскіе, напротивъ того, представляютъ большое разнообразіе; это обстоятельство — по мнѣнію г. Алквиста — ведетъ къ заключенію, что названія эти образовались болѣею частью поздно, а стало быть, поздно начались и наблюденія Финновъ надъ различіемъ цвѣтовъ. Красильныя вещества, употреблявшіяся въ древности, были просты и добывались изъ окружающей природы, преимущественно изъ растительнаго царства, изъ коры деревьевъ, корней и самыхъ растений. Такъ, напримѣръ, въ XLVII-й пѣснѣ Калевалы говорится, что Вейнемейненъ, вмѣстѣ съ Ильмаринепомъ, связали мочальную сѣть можжевелникомъ, покрасили ее ивовымъ сокомъ и приправили ивовой корой. Этими веществами

¹⁾ Культурныя растенія, стр. 333.

²⁾ По замѣчанію академика Шюбнера, въ латышскомъ языкѣ цвѣтъ называется *karba*, и быть можетъ, финское *karva* заимствовано отсюда.

красили въ сѣрый или темный цвѣтъ; для окрашиванія въ желтый цвѣтъ употреблялся березовый листъ, также *lucorodium complanatum* и особенно *anthemis tinctoria*, въ темножелтый — *betula pampa*; въ красный цвѣтъ красили ольховою корой, или чаще, корнемъ *galium boreale*, въ бурый — ольховою корой и нѣкоторыми мхами, въ черный — опять-таки ольховою корой, въ позднѣйшее время съ примѣсъ купороса или охры; синія краска получалась изъ соединенія *lucorodium complanatum* съ бразилиномъ. Всѣ почти эти красильныя вещества, еще недавно бывшія въ употребленіи у Финновъ, нынѣ употребляются у Лопарей. Окрашиваніе тканей, какъ и самое изготовленіе ихъ, производилось исключительно женщинами; особыя женскія божества считались, по вѣрованіямъ Финновъ, покровительницами этихъ занятій. Собираніе красильныхъ веществъ составляло обязанность дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ народныя пѣсни. Во время такихъ странствованій могли происходить печальныя встрѣчи и условенныя свиданія дѣвушекъ съ ихъ возлюбленными; такъ, по крайней мѣрѣ, въ свадебныхъ пѣсняхъ, при перечисленіи сельскихъ занятій, во время которыхъ женихъ можетъ видѣть свою невѣсту, упоминается собираніе красильныхъ растений и крашеніе травъ.

Что касается шитья, то несомнѣнно, оно было примѣнено первоначально къ изготовленію не холщевой, а мѣховой одежды, предназначенной охранять тѣло отъ холода. Сшиваніе мѣховъ производилось при помощи костяной или деревянной иглой, для которой въ финскихъ языкахъ есть названіе своего корня. Напротивъ того, металлическая игла называется иноязычнымъ словомъ, близкимъ къ русскому. Выдѣлка мѣховъ пушныхъ звѣрей и даже подкрашиваніе ихъ было издавна извѣстно сѣвернымъ народамъ, и языки ихъ изобилуютъ различными терминами, относящимися до этого предмета. Но такъ какъ нынѣ звѣроловство въ Финляндіи, сравнительно съ прежними временами, значительно уменьшилось, и какъ большая часть породъ пушнаго звѣря, напримѣръ, боберъ, исчезла совершенно, то позабылось самое искусство выдѣлки мѣховъ, и оскудѣла его терминологія. Шитье обуви изъ мѣха и кожи, какъ ремесло, появилось у Финновъ поздно, такъ какъ въ старину всякій самъ готовилъ себѣ эту обувь; а потому и техническія слова, относящіеся до сапожнаго ремесла, оказываются въ финскихъ нарѣчіяхъ по большей части заимствованными изъ другихъ языковъ.

IV.

Жилища древнихъ Финновъ: шалаши, землянки, деревянные постройки. — Способы передвиженія: повозки, упряжь. — Внутренняя обстановка дома и домашняя утварь. — Одежда.

Извѣстно, что Тацитъ въ послѣдней главѣ своей „Германиѣ“ упоминаетъ о Финнахъ (Fenni), какъ восточныхъ сосѣдяхъ Германцевъ, и говоритъ о ихъ поразительной дикости и гнусной бѣдности, ихъ звѣроловномъ бытѣ, жизни въ шалахахъ, одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ и т. д. Кастренъ намекаетъ на это драгоцѣнное для финской исторіи свидѣтельство въ слѣдующихъ словахъ, приведенныхъ г. Алквистомъ въ видѣ эпиграфа къ той главѣ своей книги, которая посвящена описанію жилищъ, домашней утвари и одежды древнихъ Финновъ: „Въ Тацитовомъ описаніи Финновъ я не нахожу ничего, что не соответствовало бы тому представленію, которое составилъ я себѣ о прошлой жизни Финновъ. Что они были бѣдны, пытались охотой, жили въ шатрахъ, одѣвались шкурами и т. д., все это особенности, которыя, по всему вѣроятію, были свойственны нашимъ предкамъ во времена Тацита“. И дѣйствительно, тѣ стороны быта Финновъ, о которыхъ ведетъ рѣчь г. Алквистъ въ настоящемъ случаѣ, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ сохранили въ себѣ архаическія черты, не смотря на всѣ позднѣйшіе успѣхи культуры. Поэтому понятно, что г. Алквистъ останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи—такъ финскій ученый начинаетъ свой очеркъ древне-финскихъ жилищъ,—тотъ не могъ, конечно, не замѣтить, среди прочихъ построекъ, одно небольшое строеніе, непременно встрѣчающееся какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе, всегда стоящее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ и подлѣ бани, имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ или сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной, въ нижнемъ концѣ, отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы кольевъ сходятся къ верху и тѣмъ-нибудѣ скрѣпляются, но такъ, что образуютъ наверху отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ, стало быть—по срединѣ конической постройки, находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня; на него кладутся дрова, между тѣмъ какъ надъ огнемъ на крюкѣ, прирѣбленномъ нѣсколько выше

къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Съ боку находится входъ съ легкой, изъ тонкихъ досокъ сколоченною дверью. Такое строеніе финляндскіе Шведы называютъ *kölna*, а Финны—*kota*, и служить оно теперь только кухней или прачешной, особенно въ теплое время года, или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня на домашнемъ очагѣ. Между тѣмъ это—древнѣйшій видъ жилища, въ коемъ Финны искали убѣжища отъ холода и непогоды, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая финская поговорка: „древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой—горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота“.

Не мудрено было придумать такое незатѣливое жилище: вѣроятно, первоначально прислонили колья къ стволу какого-нибудь дерева, какъ намекаеть на то въ Калевалѣ (п. III) Юкагайненъ слѣдующими словами: „Сырой холмъ былъ древнѣйшею землею, какъ ива—первымъ деревомъ, а древесныя вѣтви—первымъ покровомъ“. Тотъ же смыслъ и въ народной финской поговоркѣ: „Прислушайся къ шуму лѣса, подъ которымъ ты живешь“. Лишь съ теченіемъ времени должны были начать строить отдѣльно стоящія жилища. Разумѣется, такое жилье не могло бы быть обитаемо зимой, еслибы стѣны его не были покрыты снаружи шкурами или войлокомъ, и еслибы не окружала его снизу высокая снѣжная насыпь. Деревяннаго пола въ такомъ жильѣ не было, но земля внутри его была устлана сѣномъ, которое, равно какъ находившіяся около стѣнъ лавки, служившія въ одно и то же время и сидѣньемъ, и столомъ, обильно покрывались оленьими и медвѣжьими шкурами и представляли такимъ образомъ мягкое и теплое ложе около очага. Лѣтомъ жители покидали эту коту и переселялись въ другую болѣе обширную, прохладную, съ болѣе свѣжимъ воздухомъ, сложенную изъ тонкихъ жердей и покрытую берестой¹⁾; здѣсь жители менѣе подвергались нападенію гадовъ, чѣмъ въ зимней котѣ, и имѣли болѣе мѣста для храненія запасовъ копченой рыбы (солили ее мало, такъ какъ соль была за рѣдкость). Между тѣмъ какъ зимой звѣринный промыселъ побуждалъ жителей избирать мѣсто обитанія въ лѣсу, лѣтомъ рыбная ловля привлекала ихъ на берега рѣкъ и озеръ, гдѣ и сооружались берестовыя коты. Рыбные ловы, вслѣдствіе обилія рыбы, производились сообща нѣсколькими семьями, кото-

¹⁾ Въ настоящее время въ Финляндіи не умѣютъ приготовить, то-есть, размягчать бересту; но это искусство общезвѣстно лѣснымъ обитателямъ сѣверной Сибири, которые употребляютъ бересту для покрытія своихъ лѣтнихъ юртъ.

ря жили въ одномъ мѣстѣ; напротивъ того, зимнія коты стояли уединенно въ лѣсу, такъ какъ каждой семьѣ необходимо было для охоты довольно большое пространство лѣса. Непосредственно за котой начинался дремучій лѣсъ. Входъ въ коту для большаго тепла и для защиты отъ сѣвернаго вѣтра былъ всегда обращенъ къ югу. Предъ входомъ было открытое мѣсто, заросшее кривовой, изъ волоконъ которой приготовлялась пряжа. По сторонамъ находились кладовыя, по фински *aitta*, устроенныя на высокихъ столбахъ для того, чтобы сохранить тамъ вяленое мясо, сушеную рыбу и мѣха отъ большихъ и малыхъ хищныхъ звѣрей.

Что таковъ именно былъ общій типъ жилищъ у Финновъ до водворенія между ними земледѣлія, это г. Алквистъ выводитъ между прочимъ изъ того обстоятельства, что коты, въ описанномъ видѣ, встрѣчаются какъ на крайнемъ западѣ у Лопарей, такъ и на крайнемъ востокѣ у Остяковъ, и что остатки этого рода построекъ существуютъ понышѣ у самаго просвѣщеннаго изъ Финскихъ племенъ, у Финновъ собственно, какъ памятники древняго ихъ быта. Въ подтвержденіе этихъ своихъ соображеній г. Алквистъ приводитъ весьма обстоятельное описаніе жилищъ Энарскихъ Лопарей, сѣбянское Шегрспомъ ¹⁾. Въ путевыхъ замѣткахъ Кастрена также есть сходное съ предыдущимъ описаніе лопарскихъ котъ ²⁾. Что же касается Остяковъ, то о ихъ жилищахъ, соответствующихъ котамъ, извѣстія встрѣчаются какъ у новыхъ странствователей — того же Кастрена и г. Полякова ³⁾, такъ и у упомянутого уже нами Шведа І. Б. Мюллера, издавшаго свою книгу въ 1720 году. „Остяки живутъ“, разказываетъ онъ, — „въ маленькихъ четырехугольныхъ шалашахъ, сложенныхъ изъ вѣтвей. Они покрываютъ ихъ берестой въ защиту отъ дождя и снѣга. Вдоль стѣнъ есть особо устроенныя помѣщенія, гдѣ они спятъ. Посреди въ устроенъ очагъ, на которомъ жгутъ хворостъ... Они переносятъ свои дрянные шалаши съ мѣста на мѣсто столь часто, какъ имъ вздумается“ ⁴⁾. Если это описаніе, составленное болѣе полутора вѣка тому назадъ, почти буквально

¹⁾ Aufzeichnungen über die Gemeinden in Kemi-Lappmarken, въ *J. A. Sjögren's* Gesammelte Schriften, I, стр. 218.

²⁾ Магазинъ земледѣлія и путешествій. VI, стр. 27 и 80.

³⁾ Тамъ же, стр. 195; Н. С. Поляковъ, Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 70.

⁴⁾ См. *Les Mœurs et usages des Ostiacks*, par J. B. Müller, въ *Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie*. T. II, стр. 179—180.

сходно съ извѣстіями путешественниковъ нашего времени, то тѣмъ легче допустить, что и въ древнія времена финскія жилища сохраняли тотъ же типъ. Наконецъ, въ пользу общности этого типа у всѣхъ Финскихъ народовъ свидѣлствуютъ то, что слово *kota* съ небольшими измѣненіями повторяется почти во всѣхъ какъ западныхъ, такъ и восточныхъ финскихъ нарѣчіяхъ.

Въ дополненіе ко всему изложенному нельзя не привести еще одной параллели, тѣмъ болѣе любопытной, что она отчасти и объясняетъ сказанное выше. Слѣды древнихъ Финскихъ жилищъ въ родѣ котъ сохранились и у тѣхъ изъ Финскихъ племенъ восточной Россіи, которыя подъ русскимъ вліяніемъ окончательно перешли къ осѣдлому земледѣльческому быту и живутъ нынѣ въ избахъ. Такъ, напримѣръ, у Вотяковъ Казанской губерніи изба строится въ одинъ ярусъ посреди двора, дворъ же окруженъ, большею частью, жилыми и хозяйственными строеніями, и въ числѣ этихъ жилыхъ строеній бывасть обыкновенно одна или нѣсколько кѣтей—*кемасы* по вотски, и шалашъ—вотск. *куала*, непременно одинъ. „Куала“, говоритъ одинъ изъ описывателей быта Вотяковъ, г. Д. Островскій—„въ лѣтнее и осеннее время имѣетъ назначеніе кухни; въ ней почти цѣлый день горитъ огонь; но куала вмѣстѣ съ тѣмъ считается мѣстомъ священнымъ, потому что въ немъ совершается домашнее моленіе, и иногда приносятся жертвы ¹⁾“. Куала содержится очень чисто, и Вотяки, изъ боязни оскверненія этого святаго, по ихъ понятіямъ, мѣста, неохотно терпятъ пребываніе въ немъ Русскихъ. Вотякъ крѣпко убѣжденъ, что оскверненіе куалы влечетъ за собою мщеніе боговъ. Въ подтвержденіе мнѣ разказывали даже случаи, что какая-то попадья пострадала будто бы за пренебреженіе къ святости куалы; Кереметь послалъ на нее болѣзнь, и попадья каждый годъ, для умиловленія разгнѣваннаго бога, присылала ему въ жертву курицу или утку. По внѣшнему виду куала—въ полномъ смыслѣ шалашъ, безъ потолка, съ землянымъ поломъ; свѣтъ проходитъ въ него черезъ дверь и отверстіе въ крышѣ, которое служить вмѣстѣ съ тѣмъ и для выхода дыма; кругомъ лавки, а по угламъ нарч; въ срединѣ виситъ котелъ, въ которомъ варится пища ²⁾. Важное замѣчаніе г. Островскаго о священномъ значеніи куалы у Вотяковъ самымъ убѣдительнымъ образомъ подтверждаетъ мнѣніе г. Алквиста, что ша-

¹⁾ Хотя Вотяки и крещены, но вполне сохранили свои языческія вѣрованія

²⁾ Вотяки Казанской губерніи, Д. Островскаго, стр. 22—23.

лашъ или палатка была древнѣйшимъ жилищемъ Финскихъ племенъ.

Въ запискахъ Кастрена о странствованіяхъ его въ Лапландію упоминается и о тѣхъ своеобразныхъ кладовыхъ, которыя описываетъ г. Алквистъ ¹⁾. Для сравненія съ этими описаніями умѣстно будетъ привести извѣстіе о существованіи подобныхъ же чулановъ или амбаровъ у Зырянъ. Зырянскіе звѣропромышленники строятъ ихъ въ лѣсахъ при своихъ охотничьихъ избушкахъ. По описанію очевидца, эта постройка имѣетъ „видъ голубятни, утвержденной иногда на четырехъ столбахъ, но чаще на одномъ, подтесанномъ конусомъ. Такой амбаръ называется *шамья*. Отворяется онъ снизу посредствомъ выдвижной доски; въ него промышленники складываютъ свою провизію и добычу изъ предосторожности, чтобъ ихъ не расхитили звѣри, потому что за частую случалось—охотничьи припасы и дичь,... закопанная гдѣ-нибудь подъ деревомъ, бывали украдены росомахой, большою искусницей на подобные хищническіе подвиги. Потому-то и столбъ у шамьи подтесывается сверху внизъ конусомъ, чтобы росомаха не могла по немъ взлѣсть“ ²⁾. Прибавимъ, что кладовыя на столбахъ существуютъ также и у Ловвинскихъ Вогуловъ ³⁾. Такимъ образомъ и онѣ принадлежатъ къ числу общихъ типическихъ построекъ Финскихъ племенъ.

Кромѣ котъ, древніе Финны, какъ указываетъ г. Алквистъ, — жили еще въ зимнее время въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, надъ которыми на поверхности земли возвышалась только крыша съ отверстіемъ въ родѣ волоковаго окна. Такія жилища, прибавляетъ финскій учепый, — еще понинѣ встрѣчаются у Угорскихъ Филповъ; въ нихъ живутъ бѣдняки, у которыхъ нѣтъ ни оленьихъ шкуръ, ни войлока, чтобы покрыть ими коту на зиму ⁴⁾. Безъ сомнѣнія, въ древности такой родъ жилья былъ еще болѣе обычнымъ. Въ старинномъ описаніи І. Б. Миллера прямо говорится, что у Остяковъ есть обычай „вырывать себѣ въ лѣсу ямы въ мерзлой землѣ, чтобы скры-

¹⁾ Магазины земледѣлія и путешествій, VI, стр. 27 и 79.

²⁾ Ф. А. Арсеньевъ, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы (М., 1873), стр. 26—27.

³⁾ Н. Сорokinъ, Путешествіе къ Вогуламъ, стр. 57. Подобныя же кладовыя на столбахъ видѣлъ у Вогуловъ и самъ г. Алквистъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

⁴⁾ Ср. слова Кастрена въ Магазины земледѣлія и путешествій. VI, стр. 195.

ваться въ нихъ отъ стужи¹⁾. Лепехинъ въ Дневныхъ запискахъ своего путешествія (1769 г.) упоминаетъ, что въ Мезенской округѣ находятся много запустѣлыхъ жилищъ, сдѣланныхъ въ горахъ и холмахъ, на подобіе пещеръ съ отверстиями, подобными дверямъ, съ остатками домашнихъ вещей и даже костей человѣка. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Кастрентъ, объѣзжая русскую Карелію, имѣлъ случай самъ осмотрѣть подобныя же остатки древнихъ жилищъ, которые мѣстными преданіями приписываются Лопарямъ, древнимъ обитателямъ этого края, нынѣ его покинувшимъ. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь обстоятельное описаніе Кастрепана: „Въ Аюппахъ“, говоритъ онъ, — указывали мнѣ на памятники древностей Лопарей. Еще прежде въ Финляндіи и русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть различныя памятники, по мнѣнію тамошнихъ жителей, принадлежавшія нѣкогда Лопарямъ; но мнѣ казалось сомнительнымъ ихъ лопарское происхожденіе. Весьма двухсмысленными кажутся мнѣ также такъ-называемыя *лопарскіе курганы* (*lappin gauniot*). Подъ этимъ именемъ собственно разумѣютъ древнія огнища Лопарей; обыкновенно же оно дается грудамъ камня всякаго рода, произведенны ли онѣ природою, или рукою человѣка. Названіе же это собственно идетъ къ тѣмъ, часто встрѣчаемымъ въ Финляндіи, каменнымъ громадамъ, которыя, по большей части по крайней мѣрѣ, должны быть скандинавскаго происхожденія. Впрочемъ, этимъ именемъ могли быть названы и старинныя печи и очаги, принадлежавшія нѣкогда рыбацкимъ и охотничьимъ избамъ Финновъ, или жилищамъ ихъ (*piilo pirtit*), наскоро выстроеннымъ въ темныхъ дѣсахъ для укрытельства въ военную пору. Такого рода остатки въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи, какъ я самъ слышалъ, называются курганами лопарскими. Въ окрестностяхъ Кааны и въ русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть другаго рода древности, такъ называемыя лопарскіе курганы, могилы (*lappin haudat*), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію, служили жилищами для Лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, вѣтвистыя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ лмы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя

¹⁾ Moeurs et usages des Ostiacks, стр. 180.

железные вещи и проч., что подтверждаетъ разказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами“¹⁾. Подобныя же ямы встрѣчаются во множествѣ и въ Вологодской губерніи—въ Яренскомъ уѣздѣ, а также близъ городовъ Вельска и Никольска (въ послѣднемъ, около нынѣшняго кладбища); въ нихъ и около нихъ также были находимы разныя древнія вещицы—такъ называемые мѣдные коньки, мѣдныя бусы и пр.; притомъ, съ ямами этими связаны преданія, изъ которыхъ видно, что тутъ „подъ землей“ жилъ какой-то поганый народъ; преданіе, существующее въ Никольскѣ, прямо указываетъ, что тотъ народъ была Чудь бѣлоглазая, и что она пряталась въ свои подземныя жилища при нашествіи Русскихъ, которые обрушивали на поганыхъ крыши ихъ жилищъ, и тѣ душили ихъ. Въ Яренскомъ уѣздѣ эти ямы также называютъ чудскими могилами²⁾.

По мнѣнію г. Алквиста, вышеописанныя земляныя жилища носили названіе *saima* — слово, довольно широко распространенное въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, и быть можетъ, происходящее отъ *saimi*, *saimu*, дымъ. Съ теченіемъ времени значеніе слова *saima* подверглось однако видоизмѣненію, и теперь такъ называютъ уже не землянки, а хижины, на половину врытыя въ землю и служащія жилищемъ для рыболововъ и лѣсопромышленниковъ во время ихъ промысловъ. Въ томъ же значеніи слово *saima* встрѣчается и въ Калевалѣ. Кромѣ того, съ теченіемъ времени слово это приобрѣло и значеніе бани; по мнѣнію г. Алквиста, это могло произойти лишь тогда, когда Финны узнали отъ своихъ сосѣдей о баняхъ, когда они научились строить дома изъ бревенъ, и переселившись въ нихъ, обратили свои прежнія жилища — *saima* — въ бани³⁾.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что постройки въ родѣ *saima*, въ современномъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются не только въ Финляндіи, но и у другихъ Финскихъ племенъ. Вотъ, напримѣръ, что разказывается про лѣсныхъ звѣропромышленниковъ-Зырянъ: „По прибытіи на мѣсто, гдѣ думаютъ промышленники производить свои промысло-

¹⁾ *Этногр. Сборникъ*, кн. IV, стр. 253—254; ср. *Магазинъ Землезнанія и путешествій*, VI, стр. 55—56.

²⁾ *Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи*. Т. XIII. Труды этнографическаго отдѣла. Кн. 3-я. Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Понтоа*, стр. 6.

³⁾ Г. Гротъ видѣлъ и въ нынѣшнее время при крестьянскихъ домахъ въ сѣверной безлѣсной Финляндіи бани, сложенныя изъ дерна въ скудостію лѣса (см. *Перезады по Финляндіи*, стр. 74).

выя занятія, они строятъ себѣ лѣсную баню — *пыванъ*, бревенчатую избушку въ семь-восемь рядовъ, покрывал ее на одинъ скатъ досками и насыпая на крышу земли. Въ такой избушкѣ складывается въ углу печь, или лучше сказать, каменка, подобная тѣмъ, какія бываютъ въ черныхъ деревянныхъ баняхъ. Двери въ *пыванъ* дѣлаются низенькія, и непременно, плотно запирающіяся, чтобы тепло, когда натопится баня, не выходило. По стѣнамъ избушки настилаются широкія нары; на нихъ промышленники спятъ, а иногда и парятся. *Пывзанъ* — выдумка хорошая въ промысловой жизни Зырянъ. Утомленные охотники, иногда иззябшіе и промокшіе до послѣдней нитки, находятъ въ немъ теплый пріютъ, въ которомъ могутъ совершенно обсушиться. Только во время топки *пыванъ* беспокоитъ дымъ; но потомъ, когда дрова прогорятъ, накалятся каменка, и дымъ выйдетъ, то сдѣлается такъ тепло, что можно спать раздѣвшись почти до-нага, какъ иногда и дѣлаютъ Зыряне. Зыряне любятъ строить *пыванъ*. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся какіи-нибудь работы, при которыхъ необходимы почевки, непременно подѣлапы *пыванъ*, и потому встрѣчаемъ ихъ на пожняхъ, на пустошахъ, на подсѣкахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на сплавахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ Зыряне ловятъ рыбу, и накопецъ, въ лѣсныхъ трущобахъ, гдѣ они занимаются своими охотничьими промыслами¹⁾. Такимъ образомъ зырянскій *пыванъ* вполне соединяетъ въ себѣ условія современной финской *сауна*, и въ то же время, своимъ землянымъ покровомъ какъ бы намекаетъ на происхожденіе свое отъ древней финской землянки.

Въ заключеніе этого обзора древнихъ типовъ финскихъ жилищъ приведемъ слѣдующія замѣтки Кастрена о жилищахъ русскихъ Лопарей: „Большая часть живетъ зимою въ (деревянныхъ) лачугахъ, похожихъ на энарскія: такихъ же низкихъ, узкихъ и съ открытымъ очагомъ. Разница только въ крышѣ, здѣсь обыкновенно плоской, а внутри — въ отсутствіи кроватей, замѣняемыхъ широкими скамьями по всѣмъ стѣнамъ. На берегу моря, въ горныхъ и вообще безлѣсныхъ странахъ, русскіе Лопари живутъ еще и зимою въ палаткахъ. Эти палатки, широкія по серединѣ, суживающіяся къ обоимъ концамъ, дѣлаются однакожь изъ досокъ или деревьевъ, врывающихся наклонно. Стѣны ихъ не сходятся, а замыкаются на обоихъ концахъ

¹⁾ Ф. А. Арсеньевъ, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, стр. 24—25; с р Зыряне и Зырянскій край. Соч. К. Л. Попова, стр. 75.

узкою поперечною стѣнкой. Плоская кровля покрыта торфомъ, полая, въ серединѣ обыкновенный очагъ. Третій родъ жилищъ составляютъ курны избы, гораздо меньшія и бѣднѣйшія нашихъ финскихъ. Круглая печь, выведенная на деревянномъ фундаментѣ, похожа на наши банныя, но обыкновенно очень мала и сложена такъ дурно, что пламя всегда пробивается сквозь камни. Отверстіе для дыма затыкается мѣшкомъ или подушкой, которую поднимаютъ вверхъ шестомъ. Встрѣчается еще изрѣдка и четвертый родъ жилья: настояція избы, совершенно сходныя съ избами русскихъ Кареловъ, у которыхъ печи съ трубами. У Лопарей, живущихъ въ такой или даже въ курной избѣ, палатка обращается въ кухню. Для того же строятся палатки и во многихъ мѣстахъ въ Остроботніи — обычай, безъ сомнѣнія, заимствованный у Лопарей¹⁾. Это разнообразіе лопарскихъ жилищъ весьма замѣчательно: мы видимъ тутъ почти всѣ типы жильевъ, извѣстныя Финскому племени, и совмѣстное ихъ существованіе служитъ какъ бы нагляднымъ представленіемъ успѣховъ финской культуры въ отношеніи домостроительства, при чемъ немалая доля прогресса должна быть приписана русскому вліянію.

Много данныхъ въ языкѣ Финновъ свидѣтельствуетъ, что они не умѣли строить бревенчатыя избы, прежде чѣмъ не проникли до Балтійскаго побережья. Понятіе о плотничествѣ хотя и выражается самобытнымъ словомъ *salvaa*, но первоначальное и болѣе употребительное донинѣ значеніе этого слова — рѣзать. Съ другой стороны, слово, которымъ нынѣ выражается понятіе о строеніи — *rakentaa*, первоначально значило — составлять, складывать въ кучу. Такова въ сущности и была постройка котъ. По замѣчанію г. Алквиста, еще болѣе вѣроятнымъ дѣлаетъ это предположеніе, вопервыхъ, то, что стѣна бревенчатого дома называется въ большей части финскихъ языковъ словомъ, заимствованнымъ изъ литовско-латышскаго и славянскаго, и во вторыхъ — и это всего важнѣе, — что самое жилище челоуѣка носитъ у Финскихъ народовъ названіе, усвоенное ими уже по прибытіи на Балтійское побережье, а именно *tupa*, *stopo* — отъ литовскаго *stubda* и славянскаго *истѣба*, *истонка*, или *таја*, объясняемое изъ латышскаго языка. Наконецъ, третье подобное названіе есть *pirtti*, вепсск. *perl*, комната, хижина или дымъ въ смыслѣ обиталища; это же слово встрѣчается въ значеніи бани, изъ чего объясняются слова *pirthe*, родильница, и *pirttwaimo*, повитуха, ибо финскія женщины

¹⁾ Магазины земледѣлія и путешествій. VI, стр. 85—86.

уходить рожать преимущественно въ баню. Въ такомъ смыслѣ финск. *pirtti* заимствовано изъ литовскаго языка, гдѣ есть слово *pirtis* или *pirts*, баня, отъ глагола *perti*, *peri*, парить. Двойственное значеніе слова *pirtti*—баня и комната—объясняется тѣмъ, что въ старину одно и то же строеніе служило не только жилищемъ, но и баней, и сушильной. И теперь еще въ Эстляндіи печи иногда складываются такъ, что удовлетворяютъ тремъ назначеніямъ; въ такомъ случаѣ онѣ состоятъ изъ трехъ отдѣленій: самое нижнее, куда кладутся дрова, служитъ для топки; затѣмъ, среднее, сложенное въ видѣ свода, образуетъ нѣчто въ родѣ бапнаго полка, и наконецъ, верхнее, куда пламя проникаетъ только чрезъ среднее отдѣленіе, составляетъ собственно печь. Для сушки зерна въ комнатѣ подѣланы особыя полки ¹⁾.

Для названія кровли Финскіе языки, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, употребляютъ слово, имѣющее значеніе крышки. Полъ въ западно-финскихъ языкахъ называется двояко: *lattia*, собственно досчатый полъ, въ связи со словомъ *lattea*, плоскій, и *peranto*, эстскій *põr-tand*, отъ кореннаго слова *põrt*, земля, пыль: это собственно полъ земляной или глиняный, какой еще нрѣдко встрѣчается въ финскихъ строеніяхъ. Дверь имѣетъ въ финскихъ нарѣчіяхъ самобытное названіе *ovi*, но створки дверей, какъ вещь, вошедшая въ употребленіе въ новое время, носятъ названіе иноязычное — *sarana*, отъ германскаго *Scharnier* или лит. *sparnas*. Точно также Финны не употребляли въ старину замковъ, да и нынѣ они встрѣчаются очень рѣдко въ пустыняхъ русско-финскаго сѣвера; для запиранія двери въ старину служилъ просто колъ или засовъ, задвигаемый снару. Снаружи такой засовъ отворялся, какъ въ щеколдѣ, сквозь дыру деревяннымъ крючкомъ или палкою, которая называлась *avain* (собственно *avadin*, отъ *avaan*, открывать) или *völi* (отъ *völan*, брать, хватать). Этими словами стали впослѣдствіи называть собственно ключъ; замокъ же называется въ финскихъ языкахъ разными словами, заимствованными изъ скандинавскаго и славянскаго языковъ.

Окна въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ современныхъ зданіяхъ, появились у Финновъ въ сущности недавно. Въ древнихъ ихъ жилищахъ свѣтъ проникалъ, вѣроятно, только чрезъ дымовое отверстіе да открытую дверь. Съ теченіемъ времени, когда начали строить дома изъ бревень, то стали, для впуска свѣта, дѣлать

¹⁾ *Blumenberg*, Quellen und Realien des Kalevala, стр. 69.

въ стѣнахъ отверстія, которыя закрывались ставнями. Такое окно получило названіе *аккина*, *иккина*, очевидно—отъ славянскаго корня.

Изъ многихъ финскихъ названій очага только одно можно однако считать самобытнымъ, именно — *kiukoa* или *kuas*, отъ *kivi*, камень; такимъ образомъ *kiukoa* значитъ то же, что каменка: такіа печи нерѣдко встрѣчаются понынѣ въ финскихъ баняхъ. Словомъ *takka* называютъ каминъ, который устраивается въ углу комнаты въ западной Финляндіи; нерѣдко онъ дѣлается въ связи съ хлѣбною печью. Печное искусство усвоено Финнами отъ Русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоено и самое слово *печь*, встрѣчающееся въ собственно финскомъ, эстскомъ и венескомъ нарѣчіяхъ.

Для освѣщенія своихъ жилищъ Финны употребляли въ старину, да по большей части употребляютъ и теперь—лучину, которая называется по фински *pörs*, а по эстски *peery*, отъ глагола *perkaa*, колоть. Одна свадебная пѣсня въ Калевалѣ (п. XXI) упоминаетъ какъ объ освѣтителномъ матеріалѣ—о берестѣ; у Остяковъ и Вогуловъ до сихъ поръ употребляются факелы изъ бересты, а такъ какъ послѣдняя называется по фински *tuohi*, *tohi*, то происходящее отсюда слово *tuohus*, венеск. *tolus*, означающее теперь у православныхъ финляндскихъ Кареловъ и Чудь церковную восковую свѣчу, можетъ свидѣтельствовать, что и Западные Финны употребляли въ древности берестяные факелы.

Мы видѣли, что одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ финскихъ жилищъ — *sauna*—получилъ съ теченіемъ времени значеніе бани. Дѣло въ томъ, что современныя Финны такіе же охотники до бань, какъ и Русскіе; но, по мнѣнію г. Алквиста, обычай париться въ баняхъ не коренной финскій, а усвоенъ ими отъ другихъ народовъ. Родина теплыхъ бань, говорятъ г. Алквистъ,—во всякомъ случаѣ на востокѣ: но между прародиной Финскаго племени и тѣми извѣженными народами, которые ввели въ употребленіе бани и надревле ими пользуются, простираются степи, коихъ кочевые обитатели не знали никакой заботы о своемъ тѣлѣ, кромѣ развѣ натиранія его пескомъ для уничтоженія насѣкомыхъ, кромѣ скаканія черезъ огонь, какъ дѣлаютъ понынѣ Арабы, и кромѣ умягченія тѣла чрезъ натираніе его жиромъ—обычай, соблюдаемый Мадырами. Употребленіе бань въ раннее время перенесено было съ востока къ Грекамъ и Римлянамъ, изъ Византіи перешло къ Славянамъ, а отъ нихъ — къ Литовцамъ и ихъ германскимъ сосѣдямъ на Балтійскомъ морѣ. Тутъ, вѣроятно, познакомились съ банями и Финны.

Взглядъ свой на иноземное происхожденіе общія мытья въ баняхъ у Финновъ г. Алквистъ подтверждаетъ замѣчаніемъ, что въ финскомъ языкѣ нѣтъ прямого выраженія для понятія о такого рода омовеніи, ибо слово *kylpeä* первоначально значило, да значить и до сихъ поръ—купаться въ ручьѣ или озерѣ, и лишь съ теченіемъ времени получило смыслъ—мыться въ банѣ; равнымъ образомъ, значеніе бани для слова *sainna* также—какъ мы знаемъ—не есть коренное; то же должно сказать о финскомъ названіи вѣтника, и что касается мыла, то оно въ финскихъ нарѣчіяхъ называется словами германскаго или славянскаго корня ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что финскія жилища постройки были въ старину очень пемногосложны; но еще скуднѣе была ихъ внѣшняя обстановка. Мы упоминали уже о кладовой или амбарѣ: въ старину это было единственное хозяйственное строеніе при людскомъ жилищѣ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что оно носитъ въ финскихъ языкахъ самобытное названіе—*aitta*, между тѣмъ какъ всѣ другія хозяйственныя постройки—хлѣвъ, конюшня, сѣноваль и пр., именуются словами иноязычнаго происхожденія; то же должно сказать о садѣ, огородѣ, и наконецъ, о самомъ дворѣ. Напротивъ того, финскіе языки богаты словами для означенія попитія о дорогѣ, тропѣ. Конечно, въ древнее время искусственныхъ дорогъ не существовало; лѣтомъ передвиженія совершались преимущественно водою въ лодкахъ, или же по сухому пути верхомъ, но вообще предпочитались странствованіи зимнія, когда преимущественно ѣздили для торговыхъ надобностей и взноса податей. Обыкновенно оба эти дѣла дѣлались за одинъ разъ. Такъ поступаютъ и доселѣ Вогулы и Остяки, живущіе на нижнемъ теченіи Оби.

Зимомъ ѣздили на оленяхъ, и въ старину олени стада, содержащіеся Финнами, были многочисленнѣе и жили въ болѣе южныхъ предѣлахъ, чѣмъ нынѣ. Другой способъ передвиженія, еще болѣе употребительный у Финновъ, составляли лыжи. Разумѣется, что какъ самыя лыжи, такъ и ихъ составныя части, имѣютъ въ финскихъ языкахъ самобытныя названія. Собственно по фински лыжи называются *suksi*, по эстски *suks*, *suusk*, по мордовски *soks* и т. д. Замѣчательно сродство этого слова съ мордовскимъ же *suks*, что значить червь: подобно тому, въ Калевалѣ (п. XIII), хожденіе на лыжахъ сравни-

¹⁾ См. описаніе финскихъ бань въ «Переѣздахъ по Финляндіи» Н. К. Грота, стр. 60—62.

вается съ познаніемъ змѣн. Такъ какъ лыжа каждой ноги имѣетъ особое назначеніе, то онѣ и отличаются одна отъ другой длиной и устройствомъ своимъ, и притомъ каждая изъ нихъ называется по своему. Во время бѣга на лыжахъ правая нога служитъ для подталкиванія, и потому лыжа правой ноги короче и часто бываетъ изнутри обита шкурою оленя, чтобы менѣе скользила; ее называютъ *rotasma*, отъ глагола *rotkea*, толкать. Лыжа лѣвой ноги должна выдерживать на себѣ всю тяжесть туловища, а потому она дѣлается крѣпче и длиннѣе и снабжена продольнымъ жолобомъ; ее называютъ *lyly*, что въ сущности означаетъ твердую часть березоваго или оловаго ствола, служащаго матеріаломъ для такой лыжи. То мѣсто, куда ставится нога, обивается берестой и называется *päliis*. Посохъ, употребляемый при бѣгѣ на лыжахъ, носитъ названіе по фински *sauva*, а по лопски *soabbe* или *sobbe*; съ этимъ словомъ, безъ сомнѣнія, родственно финское *sompa*, названіе желѣзнаго обруча, который набить на нижнемъ концѣ посоха и предназначенъ задерживать его погруженіе въ рыхлый снѣгъ. На другой конецъ посоха набить желѣзный оконечникъ, называемый *suovero* ¹⁾. Отправляясь на лыжахъ, чело-

¹⁾ Приводимъ для сравненія нижеслѣдующее описаніе лыжъ у Зырянъ: «Зырянскія лыжи вполнѣ прировнены къ легкости и быстротѣ хода по глубокому снѣгу. Онѣ дѣлаются изъ еловыхъ досокъ, длина которыхъ не превышаетъ трехъ аршинъ, ширина вершка въ четыре, толщина по самой серединѣ, гдѣ утвѣждается нога, около четверти дюйма; къ бокамъ же и концамъ тоньше. Концы лыжъ слегка округлены, такъ что представляютъ криволинейные углы, и впереди загнуты къверху, а середина выгнута на ногѣ нѣсколько дугой. Этотъ выгибъ поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжи, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоятъ только ступить и слегка давить лыжу ногой, чтобы она быстро двинулась впередъ. Снизу лыжи обиваются ксави, то-есть, оленью шкурою, содранною съ ногъ, при чемъ принимаютъ въ соображеніе, чтобы движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не противъ шерсти. Эта обивка даетъ скользкость впередъ, тогда какъ, на оборотъ, шерсть препятствуетъ достаточное сопротивленіе тому, чтобы лыжа не подавалась назадъ, что особенно необходимо при подъемахъ на гору. Края шкуры, загнутые крючкомъ на верхней сторонѣ лыжи, никогда не отстаютъ отъ дерева: такъ прочно они къ нему приклеены какою-то особенною мастикой. По серединѣ лыжи дѣлаются ремешкомъ путы, въ которыхъ продѣвается носокъ ноги, обутой въ пимы (оленьи сапоги), и сзади концами ремней затыкивается нога на пяткѣ, чтобы не катилась назадъ. На то мѣсто лыжи, гдѣ становится нога, прибавляется толстое бересто, которое служитъ къ тому, чтобы снѣгъ, падающій подъ ноги, не прилипалъ ни къ пимѣ, ни къ лыжамъ, потому что съ бересты, не принимающей въ себя мокроты, онъ соскальзываетъ, отъ чего не терпится ловкость управленія лыжей,

вѣкъ можетъ взять съ собою поклажу только въ коробъ изъ бересты, помѣщаемый за спину и называемый *koutti*; случается однако, что лыжникъ тинетъ за собою небольшія легкія санки — *juko*, *jukse* — съ грузомъ, на широкихъ и высокихъ осиновыхъ полозьяхъ. Такія же санки для поклажи употребляются и у Зырянъ и Вогуловъ. „Глубокіе снѣги и дремучіе лѣса“, говоритъ Лепехинъ о Вогулахъ, — „преодолѣваютъ они на лыжахъ, а припасъ свой на особенныхъ возятъ санкахъ, *нарта* называемыхъ. Нарты бываютъ узкія сани, длиною сажени въ двѣ, полози широкія и тонкія съ тремя длинными копылами; головашки соединяютъ не прямыми, по въ дугу изогнутымъ вязомъ; дно нарты составляетъ или береста, или тонкія драпиды. Презъ верхъ копыловъ, даже до головашекъ, прививается тонкая жердочка; бока саней переплетаютъ тонкими веревочками, чтобы поклажа не выпадала. Промышленникъ, идучи на лыжахъ, тинетъ за собою нарту за привязанную къ головашкамъ веревочку; но чтобы сани удобнѣе было поворачивать и поправлять, съ лѣвой стороны нарты за первый копылъ прикрѣпляютъ короткую и тонкую оглоблю, которою такъ способно можно править и поддерживать нарту, какъ кормщикъ поворачиваетъ судно *сопцомъ*“ ¹⁾).

Подобны нартамъ должны были быть первоначально и тѣ сани, которыя называются по фински *reki*, а по лопски *geris*, *kerres*; въ нихъ запрягались обыкновенно олени, а иногда и лошади; въ этомъ послѣднемъ случаѣ сани дѣлались побольше и покрѣпче. Такія сани до сихъ поръ употребляются Лопарями, и описаніе ихъ находится въ путевыхъ запискахъ Кастрепы; нужно, разумеется, большое умѣнье

и нога не скользить по ней. Въ рукахъ промышленника, идущаго на лыжахъ, нѣдется посохъ, у котораго на нижнемъ концѣ придѣляется обручъ, прирѣпленный къ посоху посредствомъ ременнаго или веревочнаго переплета, продѣтаго въ дырочку, прожженную въ посохѣ. Обручъ не позволяетъ посоху тонуть глубоко въ снѣгу. Цѣль посоха та, чтобы упираться имъ, отъ чего значительно увеличивается быстрота хода; также—та, чтобы легче можно было вставать промышленнику въ томъ случаѣ, когда онъ упадаетъ, и наконецъ, чтобы сбивать съ лѣса кусты во время хода. На верхній конецъ посоха насаживается желѣзный крючокъ, длиною вершка въ три; онъ служитъ пособіемъ при подъемахъ на горы, при чемъ промышленникъ крючкомъ зацепляется за деревья и кустарники. См. Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, *Ф. А. Арсеньева*, стр. 33 и 34; ср. Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Попова*, стр. 75—76.

¹⁾ Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, т. V, стр. 28—29. О зырянскихъ нартахъ, совершенно сходныхъ съ вогульскими, см. Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, *Ф. А. Арсеньева*, стр. 23—24.

не только, чтобы править запряженнымъ въ керись быстроногимъ и порывистымъ оленемъ, но и чтобы усидѣть въ этой утлой и валкой повозкѣ во время скорой ѣзды: олень бѣжитъ очень быстро, и керись постоянно колеблется со стороны на сторону; чтобы умѣрить его колебанія, пужно сѣсть на керись верхомъ, и прижавъ колѣни къ наружнымъ его бокамъ, отклонять ступнями керись отъ камней и деревьевъ, на которые онъ можетъ наткнуться ¹⁾. Другой конструкціи сани, по также употребляемыя Лопарями, называются *akio* или *pukke*, Устройствомъ своимъ они похожи на лодку, или какъ замѣчаетъ г. Гротъ, „на башмакъ: ноги сѣдока помѣщаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстия; въ рукахъ ѣдущаго одна только возжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія ему направленія“ ²⁾. Усовершенствованіемъ этихъ первобытныхъ саней было то, что къ дву ихъ стали придѣлывать спинку и боковыя стѣнки: такія сани называются *laita-reki* или *laitio*, отъ *laita*, перилца. Наконецъ, Финны употребляютъ сани и настоящей русской конструкціи, которыя и называютъ тѣмъ же русскимъ словомъ. Коробъ такихъ саней къ переду суживается и довольно высокъ, а сзади расширяется и дѣлается ниже; онъ состоитъ изъ легкаго остова, обнутаго рогожей или берестой; если у такого короба бока крѣпки, и сзади придѣлана спинка, то онъ называется по фински *resla*, а по эстски *kresla*. Упряжь лошади, запряженной въ сани, какъ кажется, финскаго изобрѣтенія; по крайней мѣрѣ названія всѣхъ составныхъ частей конской сбруи въ финскихъ языкахъ коренныя. Особенно же замѣчательно въ составѣ упряжи употребленіе дуги. Въ западно-финскихъ языкахъ она имѣетъ два названія: *estmel*, *estbel* и *luokka*, *lookka* и т. п.; но и у финляндскихъ Шведовъ также есть слово *loka* и съ тѣмъ же значеніемъ; между тѣмъ въ самой Швеціи упряжь съ дугой не общераспространена и считается финскою. Г. Алквистъ указываетъ на эти противорѣчивыя данныя и замѣчаетъ, что они затрудняютъ рѣшеніе вопроса о томъ, какой народности принадлежало первоначально слово *luokka*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изобрѣтеніе дуги; впрочемъ, существованіе чисто финскаго слова *estmel* склоняетъ его къ мнѣнію, что эта часть упряжи ископи

¹⁾ Магазины земледѣлія и путешествій. VI. Путешествія *Кастрена*, стр. 66—70.

²⁾ Переводы по Финляндіи, стр. 103.

была въ употребленіи у Финновъ, и что слово *loka*, какъ и самый обычай запрягать съ дугой, заимствованы Шведами отъ Финновъ. Важное подтвержденіе такому взгляду представлено недавно В. В. Стасовымъ, только съ другой стороны—изъ области русской археологій и этнографіи. Онъ не имѣлъ въ виду, что дуга, хотя отчасти, употребляется Шведами; но вообще онъ обращаетъ вниманіе на то, что дуга существуетъ лишь у немногихъ народовъ — у Великоруссовъ, Литовцевъ, Латышей и Финновъ Западныхъ и Восточныхъ. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Стасова, нельзя считать ее коренною принадлежностью Русскаго народа, и главнымъ образомъ, потому, что ея нѣтъ и никогда не существовало не только у прочихъ славянскихъ народностей, но даже у Малоруссовъ; сверхъ того, о ней не упоминается въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, и нѣтъ ея живописныхъ изображеній ранѣе XVI вѣка. Равнымъ образомъ, г. Стасовъ не признаетъ дугу и за древнюю принадлежность быта Литовцевъ и Латышей: во множествѣ ихъ пѣсень упоминаніе о дугѣ встрѣтилось только однажды. Напротивъ того, въ народной поэзіи Западныхъ Финновъ рѣчь о дугѣ идетъ очень часто: „Того мало“, замѣчаетъ г. Стасовъ, — „что въ Калемалѣ сани и упряжь описываются самымъ подробнымъ образомъ, но еще и дуга встрѣчается на каждомъ почти шагу въ этой знаменитой древней поэмі, и часто описывается съ любопытными подробностями. Такъ, напримѣръ, разказывается, какъ Юкагайненъ „сидѣлъ у воротъ своего дома и дѣлалъ узорныя вырѣзки на красивой дугѣ“; какъ Вейнемейненъ до того шибко ѣхалъ со своей богатырской поѣздки домой, что „громко гремѣли сани, и трещала сухая дуга“; какъ слуга Ильмаринена запрягалъ сани и приладилъ дугу, на которой изображены были шесть кукующихъ кукушекъ; какъ шесть щебечущихъ птицъ было представлено на дугѣ, про которую говоритъ ланландская волшебница Саріола; какъ весело покрикивающіе рыбки были изображены на дугѣ Ильмаринена, и т. д. Мудрено было бы найти“, заключаетъ поэтому г. Стасовъ, — „болѣе неоспоримыя доказательства древняго и постояннаго употребленія дуги у Финскаго племени, тогда какъ у Русскаго, Литовскаго и Латышскаго она появилась въ періодъ гораздо болѣе поздній, конечно, уже какъ заимствованіе“¹⁾. Соображенія эти представляются весьма вѣроятными и еще болѣе выигрываютъ въ достоинствѣ

¹⁾ См. статью г. Стасова: Дуга и пряничныя коньки, въ *Русской Старинѣ* 1877 г., № 4, стр. 729—730.

ности при сопоставленіи ихъ съ данными г. Алквиста. Но оборотъ, и относительно этихъ послѣднихъ можно замѣтить, что если послѣ заключеній г. Стасова нельзя считать дугу оригинальною особенностью литовской, латышской и даже великорусской упряжи, которой она составляетъ нынѣ столь обычную принадлежность, то тѣмъ болѣе нельзя предполагать, чтобы Финны заимствовали ее у Шведовъ, такъ какъ и сами Шведы признаютъ упряжь съ дугой за финскую и употребляютъ ее только иногда и не повсемѣстно.

Что касается лѣтнихъ повозокъ, то ихъ — по догадкѣ г. Алквиста — долгое время вовсе не существовало у Финновъ, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ дорогъ; соотвѣтственно тому, и всѣ финскія названія колесныхъ повозокъ заимствованы изъ чужихъ языковъ. Даже ѣзда верхомъ, и та, при отсутствіи путей сообщенія на топкомъ, покрытомъ непроходимыми лѣсами русско-финскомъ сѣверѣ, должна была представлять весьма значительныя затрудненія. Согласно съ тѣмъ, и попятіе о верховой ѣздѣ выражается по фински существующимъ только въ книжной рѣчи словомъ *ratsastua*, которое г. Алквистъ выводитъ изъ литовскаго языка. При такихъ условіяхъ древніе Финны должны были весьма мало нуждаться въ сѣдлахъ; о сѣдлѣ не упоминается даже въ томъ мѣстѣ Калевалы (п. VI), гдѣ весьма обстоятельно повѣствуется, какъ Вейнемейненъ садился на коня, чтобы ѣхать въ Похьолу. Вслѣдствіе сего не удивительно, что въ финскомъ языкѣ нѣтъ самобытнаго слова для обозначенія сѣдла, и весьма вѣроятно, что Западныя Финны не знали верховой ѣзды до тѣхъ поръ, пока не утвердились окончательно въ своихъ лѣсныхъ жилищахъ. Напротивъ того, Восточнымъ Финнамъ, обитавшимъ въ равнинахъ восточной части Европейской Россіи, по видимому, раньше удалось приучить коня къ сѣдлу: по крайпей мѣрѣ ихъ нарѣчія изобилуютъ выраженіями, относящимися до верховой ѣзды, и самое сѣдло называется у нихъ словомъ одного общаго корня и притомъ самобытнаго происхожденія.

При той первобытности, которою отличались древнія финскія жилища, внутренняя ихъ обстановка должна была быть очень немногосложна. Г. Алквистъ сравниваетъ ее съ жизнью современныхъ Вогуловъ и Остяковъ: въ ихъ юртахъ вдоль стѣнъ устроиваются скамьи изъ досокъ, покрытыя оленьими шкурами; эти скамьи, а также небольшія стулья и кресла, и служатъ сидѣльемъ; кромѣ того, сидятъ также на полу, а стулья употребляютъ вмѣсто столовъ. Такова приблизительно должна была быть внутренняя обстановка и финской

коты, по крайней мѣрѣ судя по названіямъ относящихся сюда предметовъ. Подъ названіемъ *raki*, обозначающимъ ширѣ скамью, которая ставится передъ столомъ, прежде, вѣроятно, разумѣли ту скамью, что помѣщалась вдоль стѣны. Она же, только покрытая шкурой оленя или медвѣдя, служила и постелью. Небольшой стулъ или скамейка называется различно: *kammi*—отъ слав. *скамья*, или *jakku, jürky*, что впрочемъ первоначально означало простой толстый обрубокъ дерева: таковъ и понышѣ *джежъ* у Зырянъ ¹⁾. Выѣстъ съ постройкою бревенчатыхъ домовъ вошли въ употребленіе и скамьи, укрѣпленныя къ стѣнамъ и получившія названіе финск. *penkki*, эст. *penk*—отъ герм. *Bank*, или карельск. *lautsa, lavitsa*, венск. *lavats*—отъ слав. *лавка, лавица*. Точно также изъ языковъ сосѣднихъ съ Финнами народовъ объясняются финскія названія стола, и только у Эстовъ этотъ предметъ называется самобытнымъ словомъ *laud*, что, впрочемъ, первоначально означало просто доску.

Народы кочевые или недавно обратившіеся къ осѣдлой жизни любятъ хранить свои вещи, свое мелкое движимое имущество въ разнаго рода сундукахъ и ящикахъ, которые могутъ быть удобно перевозимы съ мѣста на мѣсто. Есть такая склонность и у Финновъ, и соотвѣственно тому языкъ ихъ обиленъ названіями этихъ предметовъ, какъ самобытными, такъ и заимствованными. Въ народной финской иѣснѣ также говорится о множествѣ сундуковъ и ящиковъ въ финской кладовой: „Войди въ амбаръ, что на холмѣ: три амбара на холмѣ, отвори лучшій изъ нихъ, тамъ сундукъ стоитъ на сундукѣ, ящикъ на ящикѣ“.

Подобно внутренней обстановкѣ финскихъ жилищъ, *домашняя утварь*, и преимущественно та, которая служитъ для приготовленія пищи и питья, была у древнихъ Финновъ крайне немногочисленна и незатѣйлива. Жизнь охотника, замѣчаетъ по этому поводу г. Алквистъ,—еще болѣе подвержена случайностямъ, чѣмъ жизнь рыбакова; ни у того, ни у другаго не можетъ образоваться привычки къ извѣстному порядку въ ѣдѣ; время ѣды опредѣляется у него не потребностями желудка, а посторонними обстоятельствами. Этотъ тиранъ цивилизованнаго челоуѣка подчиняется удивительной дисциплинѣ у дикарей; такъ напримѣръ, Вогуль можетъ провести въ лѣсу двое сутокъ совершенно спокойно безъ пищи. Но когда представляется возможность, дикарь ѣстъ уже безъ всякаго воздержанія и обращаетъ

¹⁾ Зыряне и Зырянскій край, Ж. Попова, стр. 64.

болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество пищи. Кулинарное искусство при такихъ условіяхъ немислимо; много-много, что дикарь если можетъ развести огонь, поддержать надъ нимъ на деревянномъ пертелѣ рыбу, птицу или кусокъ мяса; но обыкновенно, и особенно зимой, дичь съѣдается сырою. Только во время пребыванія въ юртѣ дикарь можетъ приготовить себѣ пищу позаботливѣе. Такъ ѣдятъ до сихъ поръ Остяки и Вогулы. Самоѣды и Лопари. Нѣтъ основанія предполагать, чтобъ и у Западныхъ Финновъ въ древности приготовленіе и потребленіе пищи стояло на болѣе высокой степени. „Камни были первыми котлами“, говоритъ Ювагайненъ въ Калевалѣ (п. III). И въ самомъ дѣлѣ весьма вѣроятно, что раскаленный кусокъ камня служилъ въ древности сковородой, а если притомъ въ немъ было сдѣлано углубленіе, то онъ могъ замѣнять и котелокъ. Языкъ, съ своей стороны, также свидѣтельствуетъ о такой первичной простотѣ приготовленія пищи у древнихъ Финновъ: въ немъ есть самобытныя слова только для выраженія понятій варки и жаренья да названіе вертѣла. Всѣ другія кухонныя принадлежности носятъ названія, заимствованныя изъ чужихъ языковъ. При описаніи свадьбы въ Похьолѣ (Калевала, п. XXV) упоминается о блюдахъ и мисахъ, въ которыхъ подавалось кушанье; изъ нихъ каждый бралъ себѣ твердую пищу руками съ помощью ножа, а жидкую каждый хлебалъ по очереди изъ общей посуды при концѣ ѣды: такъ ѣдятъ до сихъ поръ въ сѣверной и средней Азіи даже тѣ народы, которые стоятъ уже на нѣкоторой степени цивилизаціи. Чтобъ очистить ротъ и въ особенности пальцы, употреблялись длинныя и тонкія лучины, наколотыя предъ обѣдомъ изъ снѣжкаго словаго дерева: такъ дѣлаютъ и до сихъ поръ Вогулы и Остяки, предлагающіе своимъ гостямъ цѣлыя пачки такихъ лучинъ предъ угощеніемъ. По описанію очевидца, эти такъ-называемыя въ Сибири *рукотеры* готовятся нынѣ Вогулами слѣдующимъ образомъ: „Зимой, въ большіе морозы, когда молодыя сосны, ели и кедры имѣютъ чрезвычайно твердую древесину, Вогулы нарѣзаютъ иѣтки и еще не успѣвшія оттаять палки стругаютъ острымъ, широкимъ ножомъ; древесина весьма легко разщепляется на очень топкия ленточки, которыя потомъ вывариваются нѣкоторое время и замѣняютъ наши полотенца. Если случается, что грязному Вогулу вздумается умыться, то онъ, плеснувши себѣ на лицо и руки нѣсколько разъ водою, вытирается деревяннымъ рукотеромъ; если необходимо вытереть котелъ, въ которомъ варится болтушка, то и здѣсь употребляется рукотеръ, и вообще го-

вора, эти мягкія стружки въ хозяйственномъ быту описываемыхъ ивородцевъ крайне необходимы“ ¹⁾. У Финновъ собственно съ теченіемъ времени вошли въ употребленіе небольшія дощечки—*lautanen* (уменьш. отъ *lauta*, доска) вмѣсто тарелокъ, и ложки, для которыхъ есть въ разныхъ финскихъ языкахъ названія самобытныя, но различныя, что доказываетъ введеніе ложекъ въ домашній обиходъ уже послѣ раздѣленія Финскихъ племенъ.

Наконецъ, обратимся еще къ одной сторонѣ домашняго быта древнихъ Финновъ—къ ихъ одеждѣ. И въ этомъ отношеніи — полагаетъ г. Алквистъ,—долженъ былъ сказаться первобытный характеръ древняго склада ихъ жизни.

Одежда древнихъ Финновъ дѣлалась исключительно изъ мѣха; причиною тому былъ не только суровый климатъ ихъ страны или то обстоятельство, что жилища не могли охранять ихъ отъ стужи, но и то, что у нихъ не было другихъ матеріаловъ, чтобы шить платье; поэтому даже лѣтомъ они принуждены были носить одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, выдѣланныхъ въ кожу, или иногда изъ войлока. На употребленіе этого послѣдняго матеріала есть указанія въ самомъ языкѣ; такъ, нѣкоторыя слова финскихъ языковъ, служащія для общаго обозначенія платья, какъ напримѣръ эст. *sõba* и *rüde*, стоятъ въ связи съ названіями войлока. Итакъ, бѣлыя у древнихъ Финновъ не было въ употребленіи. Рубаха и до сихъ поръ считается предметомъ роскоши у Лопарей, Самоѣдовъ и народовъ сѣверной Сибири; вмѣсто нея они надѣваютъ прямо на тѣло нижнюю плотную прилегающую къ нему шубу шерстью внутрь. Лѣтомъ такая мѣховая рубаха — *малица*, какъ называютъ ее на сѣверѣ Россіи,—или совѣмъ снимается, или замѣняется рубахой изъ кожи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти полудикіе люди позволяютъ себѣ, какъ роскошь, пріобрѣсти рубаху козлевою, которую, разъ надѣвши, ужъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она не обратится въ рубище. Таковъ былъ, вѣроятно, обычай и древнихъ Финновъ: это можно заключить изъ того, что всѣ названія рубахи въ финскихъ языкахъ не самобытныя. Длинныхъ штановъ древніе Финны также не носили; они употребляли только полуштаны (отъ пояса до бедеръ) или портянки изъ мѣху въ родѣ тѣхъ, что носятъ теперь Лопари, Вогулы и Остяки. Но въ лѣсахъ сѣвера нельзя не одѣвать и нижнюю часть ногъ, какъ то дѣлаютъ многіе южные народы; поэтому Остяки и Вогулы носятъ

¹⁾ Путешествіе въ Вогуламъ, Н. Сорокина, стр. 30.

сапоги съ длинными голенищами, которыя доходятъ до верхней части бедеръ и завязываются длинными ремнями поверхъ портянокъ; на лѣто эти сапоги дѣлаются изъ дубленой кожи, зимою же носятъ двойные сапоги изъ оленьяго мѣха, и притомъ такъ, что внутренній сапогъ, соответствующій чулку, обращенъ шерстью къ тѣлу, а верхній—шерстью наружу. Такіе же сапоги, чрезвычайно легкіе и теплые, употребляются и у Зырянъ, которые называютъ ихъ *пимами* ¹⁾. У Лопарей обувь нѣсколько отличная отъ вышеописанной: длинными голенищамъ нимъ соответствуютъ длинные изъ оленьей шкуры (нмиѣ—изъ байки) набедренники или онучи—лопск. *kalsook*,—которые вверху ноги укрѣпляются ремнями къ портянкамъ, а внизу связываются съ отдѣльно надѣваемыми башмаками. Носковъ не носятъ, но въ башмаки кладутъ мягкое сѣно, и умѣнье хорошо вложить такую подстилку вымѣняется въ особенное достоинство Лопарямъ; такъ, въ одной лопской пѣснѣ, которую Шегренъ записалъ въ Сондавикѣ, и въ которой разказывается, какъ молодой русскій Лопарь сватался къ лопарской дѣвушкѣ изъ Швеціи, мать этого Лопаря даетъ ему между прочимъ совѣтъ обратить вниманіе на то, умѣетъ ли невѣста хорошенько подослать сѣно въ башмакъ ²⁾. Нмиѣ Западные Финны носятъ обувь въ родѣ вогульской или остяцкой, и такіе сапоги съ длинными голенищами называются у нихъ *pickkut* ³⁾; но такъ какъ въ языкѣ ихъ существуетъ много названій для мужской и женской обуви безъ голенищъ, то весьма вѣроятно, что въ древности Финны обувались на лопарскій манеръ. Съ теченіемъ времени длинные штаны вытѣснили употребленіе прежней обуви у мужчинъ; но и до сихъ поръ можно видѣть, что портянки привязываются на ногѣ идущими внизъ шерстяными или пеньковыми тесьмами, между тѣмъ какъ лопти укрѣпляются на ногѣ ремнями, обмотанными на икрахъ. Такова же обувь у Эстовъ, Мордвы и Черемисовъ; но у нихъ онучи составляютъ принадлежность преимущественно женской обуви, и напримѣръ, у Мордвокъ накручиваются такъ усердно, что нога кажется тол-

¹⁾ Зыряне и Зырянскій край, *Ж. Попова*, стр. 34, прим. 162.

²⁾ *A. J. Sjögren's Sammelte Schriften*, I, 221.

³⁾ «Особые крестьянскіе сапоги, приготовляемые изъ коровьей кожи, мягкіе, непромокаемые и чрезвычайно прочные, съ приподнятыми кверху, заостренными концами, составляютъ общую потребность народа во всей сѣверной Финляндіи, но приготовляются лучше всего въ Торнео. Они по фински называются *pieken kengät*.... Подобные сапоги носятъ крестьянскіе и въ Карелии». Сж. Переводы по Финляндіи, *Н. К. Грота*, стр. 119—120.

щиной чуть не въ поларшина. У эстскихъ женщинъ онуча приняла отчасти форму штанины и укрѣпляется подвязкой у колѣна; шьется она изъ холста или байки; названіе ихъ—то же, что лопарскихъ онучей изъ оленьей шкуры—*kalsu*, *kalso*, *kalst* и *kaltsu*. Подобная обувь употребляется женщинами и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи и также называется *kalsu*.

Такимъ образомъ, какъ штаны, такъ и чулки или носки, собственно говоря, не входили въ составъ древней національной финской одежды. Поэтому и въ западно-финскихъ языкахъ они носятъ названія не самобытныя. Напротивъ того, названіе башмаковъ у Финновъ коренное и даже перенято отъ нихъ Шведами и Русскими: это—финск. *kenkä*, эст. *keny* или *king*, вепсск. *keny*, ливск. *kēnga*; тотъ же корень повторяется и въ нѣкоторыхъ восточно-финскихъ нарѣчіяхъ. Точно также къ числу частей одежды, издревле употреблявшихся у Финновъ, принадлежатъ и перчатки или рукавицы; пивѣ наиболѣе употребительны у финскихъ крестьянъ рукавицы кожаныя съ шерстяною подкладкой; онѣ называются кореннымъ словомъ *kinnas*, повторяющимся съ небольшими измѣненіями во всѣхъ западно-финскихъ нарѣчіяхъ. Кромѣ того, употребляются у Финновъ и другія названія для того же предмета, болѣею частью заимствованныя изъ русскаго языка: *rukkanen*, *lapainen*.

Что касается до верхней одежды верхней части туловища, то какъ уже сказано, она дѣлалась у древнихъ Финновъ изъ звѣриныхъ шкуръ: поверхъ малицы, носимой шерстью внутрь, надѣвалось другое мѣховое платье шерстью вверхъ (у Зыринъ — *соонка*); но и этого рода платье, а равно всякіе другіе кафтаны и тому подобныя платья, называются у Финновъ словами, заимствовавшими изъ германскихъ или славянскихъ языковъ.

Головной уборъ у мужчинъ на русско-финскомъ сѣверѣ почти не существовалъ. Обскіе Остѣи и Воголы до сихъ поръ ничего не надѣваютъ на голову лѣтомъ, а зимой носятъ оленьіи колпаки, пришитыи къ верхнему краю шубы и сбрасываемый съ головы, на манеръ капюшона, при входѣ въ домъ или во время хорошей погоды. Быть можетъ, такой колпакъ назывался въ старину по фински *lakki* (отъ *laki*, макушка), какъ теперь называютъ всякую шапку. Прочія названія финскихъ головныхъ уборовъ всѣ заимствованы изъ другихъ языковъ, но между этими названіями есть одно, любопытное по своей исторіи: это—финское слово *kyrärä*, эст. *kübar*, ливск. *kübar*, лопск. *kappir* или *gapper*. По свидѣтельству Шегрена, такъ у Лопарей на-

зывается круглая шапка, сшитая изъ четырехъ кусковъ; нѣсколько десятилѣтій тому назадъ она была въ общемъ употребленіи и въ большей части Финляндіи подъ названіемъ *patalakki*; самое слово *kypäri* встрѣчается и въ Калевалѣ, притомъ съ эпитетомъ *puna*, красная; по мнѣнію г. Алквиста, и тутъ оно означаетъ также шапку. Шегренъ считалъ это слово кореннымъ въ финскомъ и лопскомъ языкахъ ¹⁾, но г. Алквистъ указываетъ, что оно произошло изъ литовскаго, въ которомъ шляпа называется *kepurre* (латышск. *kerurre*). Кстати замѣтить, что съ финск. *kypäri* г. Гротъ сближаетъ русск. *киверъ*, при чемъ финское слово объясняетъ: „шлемъ у древнихъ Финновъ“ ²⁾.

Женская одежда въ древнее время отличалась у Финновъ отъ мужской весьма немногимъ; но съ теченіемъ времени она однако должна была измѣниться. Изъ составныхъ частей ея г. Алквистъ называетъ холщевую рубаху — *riitsi*, *riitsina*, и юбку — *sutsuma*; оба эти слова встрѣчаются въ Калевалѣ и принадлежатъ русско-карельскому нарѣчію. Второе изъ нихъ, по мнѣнію акад. Шифнера, приводимому г. Алквистомъ, объясняется изъ русск. *суконка*; прибавимъ, что и первое, быть можетъ, происходитъ изъ русск. *рядина*. Кромѣ названныхъ частей женской одежды, должно упомянуть еще *vaipra*, родъ плаща, которымъ покрывалась и голова. Но существенную часть женскаго наряда у Финновъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, составляли головной уборъ и прическа. Въ этомъ отношеніи и у Финновъ былъ такой обычай, чтобъ замужняя женщина ходила съ покрытою головой, а дѣвушка — простоволосою, съ заплетенными косами. Косы — финск. *palmika*, карельск. *kassa* — представляются въ финскихъ нѣснихъ символомъ дѣвической воли и веселой жизни въ отцовскомъ домѣ, а покрывало — эст. *kate* — символомъ зависимости, заботы и горя, которыя замужняя женщина испытываетъ какъ хозяйка дома — *miehelüssa* или *anoppelassa* (въ домѣ мужа или тещи). Заплетая косы, дѣвушки выѣстъ съ тѣмъ носили особаго рода повязки — *timpi*, *lenta*, *seppäle* (что также значитъ вѣнокъ) и металлическіе обручи на голоу — финск. *panka*. Надѣваніе покрывала на невѣсту сопровождалось различными обрядами, которые и теперь уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Точно также, въ юго-восточной Финляндіи остается обязательнымъ пошеніе замужними женщинами покрывала, и притомъ самыхъ различныхъ разнѣровъ.

¹⁾ J. A. Sjögren's Gesammelte Schriften, I, 220.

²⁾ Переизданы по Финляндіи, стр. 57.

Въ другихъ мѣстностяхъ покрывало замѣняется простымъ платкомъ — финск. *hivi*, эстск. *uji* (отъ шведск. *huv*).

Еще двѣ особенности отличаютъ женскій нарядъ, какъ Финскихъ, такъ и Тюркскихъ народовъ, обитающихъ въ восточной Россіи: это, во первыхъ — употребленіе серебряныхъ монетъ въ видѣ украшенія, и во вторыхъ — обиліе вышивокъ на платьѣ. Начиная съ полтинника и кончая пятаккомъ, всѣ русскіи серебряныя монеты служатъ для украшенія женщинъ и привѣшиваются за просверленные въ нихъ дырочки къ куску ткани или четырехугольной вырѣзкѣ изъ кожи; такія куски матеріи спускаются съ головы выстъ съ косами, а кожаные служатъ грудными украшеніями; кромѣ того, изъ монетъ дѣлаются сережки. Большія грудныя украшенія, съ пришитыми къ нимъ серебряными монетами, называются у поволжскихъ инородцевъ *säilyme*; они представляютъ иногда значительную цѣнность, и потому о нихъ бываетъ рѣчь даже въ тяжёлыхъ дѣлахъ. Если случается бѣда, монеты срываются съ такого убора и пускаются въ оборотъ: оттого на Волгѣ часто попадаетъ серебряная монета съ просверленною дырочкой. У Балтійскихъ Финновъ такой родъ женскаго украшенія уже вышелъ изъ употребленія, но еще есть слѣды того, что оно существовало въ старину и у нихъ; такъ, у Эстовъ неистѣна надѣвается головную повязку съ пришитыми къ ней монетами—*serpel*.

Что касается вышивокъ, то ими всегда обильно украшаются холщевыя рубахи, составляющія главную составную часть женской одежды у приволжскихъ инородцевъ; вышиваются обыкновенно рукава и грудь красными, синими и иногда желтыми нитками, и вышивка нерѣдко дѣлается съ большимъ искусствомъ, такъ что такой нарядъ, требующій продолжительной работы надъ нимъ, можетъ стоить дорого и переходить отъ матери къ дочери, какъ цѣнное наслѣдство. Въ женскомъ нарядѣ Балтійскихъ Финновъ замѣчается та же любовь къ вышитымъ украшеніямъ, какъ это особенно замѣтно по одеждѣ женщинъ въ южной части Выборгской губерніи, также въ губерніяхъ Петербургской, Эстляндской и пр. Такія вышивки называются по фински *kirja*, эст. *kiri*, вепск. *kirj*, ливск. *kêra*, вотск. *tirja*, допск. *girje*; но коренное значеніе этого слова общѣе, ибо такъ называются и вышитыя, и расписныя, и вырѣзныя украшенія; отъ этого слова происходятъ *kirjava*, пестрый, и *kirjoitan*, пестрить, выводить узоры, писать (ср. *пестрый*); а отсюда и слово *kirja* имѣетъ также значеніе письма, писанія, книги. Въ нѣкоторыхъ восточно-финскихъ маръ-

яхъ тѣ же понятія, также послѣдовательно видоизмѣняясь, выражаются другими корнями.

Въ заключеніе упомянемъ еще нѣкоторые предметы, служившіе издревле для украшенія финской одежды; таковы: стеклянныя бусы—финск. *helmi*, эстск. *hel'm*, ливск. *cl'm*, пряжки — *solki* (отъ шведск. *söljå*), серьги—*korvarengas* (*korva*—ухо, *rengas* отъ герм. *Ring*, кольцо) и кольца на пальцахъ—*sormus*.

IV.

Мореплаваніе и судоходство у древнихъ Финновъ; названія судовъ и ихъ принадлежности. — Торговля; понятіе о городѣ; преобладаніе мѣшовой торговли; пушной товаръ — ея главная статья. — Счетъ, мѣра и вѣсъ.

Нѣкоторая часть Западно-Финскихъ племенъ въ нынѣшнее время не только знакома съ моремъ, но и доставляетъ большой контингентъ искусныхъ мореходовъ на восточномъ Балтійскомъ побережьи. Но не такъ было въ древности: прежде, чѣмъ Западные Финны пришли къ берегамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, они были народомъ вполне континентальнымъ. Такой переворотъ въ жизненныхъ условіяхъ Западныхъ Финновъ не могъ не отразиться и въ развитіи ихъ быта. Поэтому и г. Алквистъ, возстановляя древнюю культуру Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка, не могъ не посвятить нѣсколькихъ страницъ очерку ихъ мореходства, хотя въ то же время можно было заранѣе ожидать, что въ этой сферѣ народной дѣятельности и народной рѣчи самобытные финскіе элементы не займутъ виднаго мѣста. Балтійскіе Финны—говоритъ г. Алквистъ,—до прихода своего къ берегамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, не видали никакихъ большихъ водъ, кромѣ рѣкъ и озеръ; поэтому не удивительно, что у нихъ нѣтъ самобытнаго выраженія для означенія моря, и что оно называется по фински и эстски *meri*, по ливски *mer'*, по лопски *mær* и *mærra*, то-есть, словомъ, взятымъ изъ славянскаго или литовскаго языковъ. Любопытно однако, что у Вотяковъ и Остяковъ нашлось самобытное названіе моря: таково вотяцк. *zariz* и остяцк. *sares*, перешедшее отсюда и въ языкъ пермскій; г. Алквистъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что Остики издревле жили на р. Оби, въ значительной близости отъ Ледовитаго океана. Для названія морскаго берега у Западныхъ Финновъ также не нашлось своего слова: его называютъ *ranta*, *randa* и т. д., отъ германск. *Strand*; напротивъ того, названій берега рѣчнаго у нихъ нѣсколько, и они разнообразны, по по

первоначальному своему смыслу выражаютъ вообще понятіе край, по-
лосы, а не именно берега. Потребность назвать морской берегъ иначе,
чѣмъ рѣчной, могла, по мнѣнію г. Алквиста, возникнуть изъ того
чувства страха, которое внушала могучая и вѣчно шумящая морская
стихія, по которой не пробуждали воды спокойныхъ, по большей ча-
сти, рѣкъ сѣверо-восточной Европы. Для означенія различныхъ очер-
таній суши въ соприкосновеніи ея съ водой, и различныхъ водныхъ
пространствъ, ограничиваемыхъ сушей, западно-финскіе языки имѣютъ
рядъ выраженій самобытныхъ; такъ, небольшой заливъ называется
финск. *lahti*, эстск. *laht* и т. д.; мысъ или носъ — финск. *niemi*, эстск.
neet и *nina* и т. д., проливъ — финск. *rauma*, *salmi* и *veina*, эстск.
väin (первоначально — устье рѣки), островъ — финск. *sauri*, *salo*, *luoto*.
Всѣ эти географическіе термины вошли, между прочимъ, и во мно-
жество мѣстныхъ названій на пространствѣ русско-финскаго сѣвера;
такъ, напримѣръ, словомъ *vain*, *vienu* г. Алквистъ объясняетъ на-
званіе Западной и Сѣверной Двипы, изъ коихъ первая называется
Wäinäjogi у Эстовъ и Ливовъ, а вторая — *Wienanjoki* у Кареловъ
(*joki* значить рѣка). Кромѣ того, многія изъ вышеприведенныхъ на-
званій любопытны и по тѣмъ возрѣпіямъ, которыя положены въ
основу ихъ; такъ финск. *niemi*, мысъ, родствененъ съ финскимъ же
словомъ *neni*, что значить носъ; эстск. *nina* даже прямо имѣетъ то
и другое значеніе, и точно также въ сѣверо-великорусскомъ говорѣ
слово *носъ*, кромѣ части лица, означаетъ острый мысъ; финск. *salo*,
островъ, значить также необитаемое, покрытое лѣсомъ простран-
ство таково же двойственное значеніе слова *островъ* и въ русскомъ
языкѣ.

Финны пока пребывали въ своей азіатской прародинѣ, нуждались
въ судахъ лишь самаго простаго устройства, которыя служили бъ имъ
для плаванія по рѣкамъ и озерамъ: таковы, вѣроятно были тѣ суда,
которыя называются корепными словами *venhe* и *pursi*; первое слово
истрѣчается въ нѣсколькихъ западно-финскихъ языкахъ, а второе,
кромѣ финскаго собственно, повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ,
въ пермскомъ и черемисскомъ; финск. *pursi*, суди по уменьшитель-
ному *purtilo*, значило первоначально выдолбленный стволъ дерева, ко-
лода, а какъ извѣстно, таковы именно были древнѣйшія суда у
всѣхъ народовъ; таковы и до сихъ поръ узкія и чрезвычайно легкія
лодки у Вогуловъ ¹⁾. Впрочемъ, въ вогульскомъ и остяцкомъ язы-

¹⁾ Н. Сорокина, Путешествіе къ Вогуламъ, стр. 30.

какъ лодка называется иначе. именно — *q̄br*, *q̄ar*, и въ связи съ этимъ словомъ является названіе осины — *q̄ēr-giv*, *q̄ar-jiv*, какъ того дерева, изъ котораго выдѣлывались преимущественно лодки (ср. малорусское *дубъ* — какъ названіе дерева, и затѣмъ, казацкой лодки). У Западныхъ Финновъ вообще замѣчается бѣдность въ названіяхъ судовъ, да и тѣ, какія въ ихъ нарѣчіяхъ существуютъ, заимствованы болѣею частью изъ русскаго.

Что суда древнихъ Финновъ были самаго простаго устройства, это равнымъ образомъ засвидѣтельствовано ихъ языкомъ: составныя части судовъ и ихъ принадлежности носятъ въ немъ названія также болѣею частью чуждаго корня. Такъ, напримѣръ, киль называется по фински *kooli*, *kyöli* — отъ шведск. *köl*, и дѣйствительно, общепотребительныя въ Финляндіи лодки, предназначенныя для плаванія по озерамъ, дѣлаются безъ киля, ибо всякое килевое судно требуетъ болѣе глубокой воды, чѣмъ пода узкихъ проливовъ и мелководныхъ заливовъ финскихъ озеръ; для того же, чтобы придать подводной части лодки болѣе прочности. Финны снабжаютъ ее деревянною обшивкой, называемою *tolka*, *tolla*, что первоначально значило подошва. Равнымъ образомъ, наиболѣе употребительныя въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ названія мачты — *masto*, паруса — *seili*, весла (парного) — *airo*, лопаря — *ankkuri*, руля — *tyuru*, взяты изъ скандинавскихъ языковъ, тогда какъ въ языкахъ Восточныхъ Финновъ тѣ же предметы обыкновенно именуются словами русскаго происхожденія. Но есть въ финской терминологіи судоходства еще одно слово, которое рѣзко отдѣляется отъ другихъ своею самобытностью: это — *mela*, обозначающее рулевое весло или кормило, которымъ плывущій на лодкѣ гребетъ, стоя самъ лицомъ къ цѣли движенія; таковъ простѣйшій, первобытный способъ вести судно, и онъ, вѣроятно, и былъ въ употребленіи у древнихъ Финновъ; финскіе крестьяне и до сихъ поръ употребляютъ такого рода весло вмѣсто руля.

Предложенный обзоръ финскихъ словъ, относящихся до судоходства и судостроенія и свидѣтельствующихъ, что и въ этомъ отношеніи Финны находились лишь на первоначальной степеніи развитія, можно дополнить еще однимъ указаніемъ, имѣющимъ значеніе въ культурномъ отношеніи. Для того, чтобы придать деревянному судну прочность и охранить его отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха и воды, употребляется деготь и смола; оба эти предмета называются у разныхъ финскихъ племенъ, западныхъ и восточныхъ, словами арійскаго корня: такъ финск. *terva*, лопск. *tarve* и пр., деготь, род-

ственно съ др.-слав. *tjara*, литовск. и латышск. *darva*, и славянск. *древо*; финск. и ливск. *piki*, эстск. *pigi*, лопск. *bik*, смола, объясняется др.-сѣв. *bik*; кромѣ того, нѣкоторыми Восточно-Финскими племенами усвоены русскія слова *смола* и *варъ*, и почти во всѣхъ финскихъ языкахъ встрѣчается слово *tökötti*, отъ слав. *деготь*. Только зырянскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: деготь по зырянски *sir*—также, какъ жидкая смола, а смола—*suk-sir*, буквально густая смола. Г. Алквистъ однако не объясняетъ, есть ли слово *sir*—коренное финское. Но вѣстѣ съ тѣмъ, онъ говоритъ: что Финскіе народы первоначально не знали искусства выжигать деготь, это ясно видно изъ названія его въ вогульскомъ и сѣверно-остяцкомъ языкахъ; у южныхъ Вогуловъ деготь называется *rus-onqua*, русская смола, такъ какъ они научились выжиганію дегтя отъ Русскихъ; у сѣверныхъ же Вогуловъ и Остяковъ его называютъ „зырянскою смолой“, потому что сюда гонка дегтя перешла отъ Зырянъ. Что касается собственно смолокурения у Западныхъ Финновъ, то г. Алквистъ не распространяется объ этомъ предметѣ; между тѣмъ въ самой Финляндіи, и именно—въ Остроботніи, смоляное производство составляло еще недавно при общемъ пользованіи лѣсомъ,—а можетъ быть, и продолжаетъ составлять понинѣ—одинъ изъ самыхъ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ; здѣшній процессъ добыванія смолы напоминаетъ отчасти выпѣживание древесныхъ соковъ, которое въ обычаѣ у разныхъ народовъ, живущихъ среди лѣсовъ, но особенно сходенъ—по замѣчанію одного путешественника—со способомъ смолокурения, употреблявшимся у древнихъ Грековъ ¹⁾. Эти признаки, можетъ быть, свидѣлствуютъ въ пользу старобитности самаго производства въ Финляндіи.

Имѣя въ виду, что судоходство и мореплаваніе составляютъ одинъ изъ удобнѣйшихъ способовъ международныхъ сношеній, г. Алквистъ счелъ удобнымъ перейти отъ обзора древняго финскаго судоходства къ собранію тѣхъ данныхъ, которыя представляютъ финскіе языки относительно торговли. Но прежде чѣмъ повести рѣчь непосредственно объ этомъ предметѣ, онъ останавливается на разъясненіи того, какъ въ финскихъ языкахъ выражается понятіе о городѣ, этомъ средоточіи торгово-промышленныхъ интересовъ народной жизни.

¹⁾ Сравненіе это принадлежитъ г. Гроту, который въ своихъ «Переказахъ по Финляндіи» (стр. 65—67, 132—134, 149, 154, 121—126) сообщаетъ очень любопытныя подробности о финскомъ смолокурении и торговлѣ смолой въ Финляндіи.

Въ кругу западно-финскихъ языковъ городъ называется *linna*, *linn*, *ladne* и т. п., или *pilsäät*, или наконецъ — *kaupunki*, *gavrik*. Первое слово — коренное финское и значить крѣпость, замокъ; но еще первоначальнѣе употребленіе этого слова въ смыслѣ холма, вершины горы (Калевала, пѣснь XXIV); впрочемъ, въ Калевалѣ же (п. XLIII) встрѣчается слово *linna* въ смыслѣ искусственнаго, даже строеннаго изъ камня укрѣпленія. Прибавимъ къ этому, что о древнихъ финскихъ укрѣпленіяхъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ упоминанія русской лѣтописи о *твердяхъ*, которыя существовали въ XIII вѣкѣ у Мордвы-Мокши, въ глубинѣ ея лѣсовъ, и служили для этого племени убѣжищемъ отъ нападенія Русскихъ; подъ названіемъ *тверди* разумѣлся лѣсной завалъ: „плетнемъ оплетено то мѣсто, и насовано колья“ ¹⁾. Другое названіе города *pilsäät*, по объясненію г. Алевиста, происходитъ изъ латышскаго языка, въ которомъ *pilsa* значить городъ, отъ *pils*, укрѣпленіе. Наконецъ, третье названіе города существуетъ только въ финскомъ собственно и въ лопскомъ языкахъ и происходитъ отъ др.-шв. *kaupungr*, н.-шв. *köping*, корень котораго въ др.-сѣв. *kaup*, купля, торговля; вмѣстѣ съ названіемъ города какъ торговаго центра перешло въ западно-финскіе языки и самое слово *kaup* въ томъ же значеніи, какое оно имѣетъ въ скандинавскомъ языкѣ. Такимъ образомъ Финны разумѣли подъ именемъ города только укрѣпленный пунктъ; въ значеніи же „торга“ названіе города явилось лишь съ теченіемъ времени, преимущественно подъ вліяніемъ скандинавскихъ народовъ.

Тѣмъ не менѣе, свидѣтельства языка, даже независимо отъ показаній историческихъ памятниковъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что древніе Финны рано вошли въ торговыя связи съ другими народами, и во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ стали строить города: это видно изъ того, что для понятій о мѣнѣхъ, куплѣ, продажѣ, цѣнѣ, стоимости, платѣ существуютъ въ финскихъ языкахъ самобытныя слова. Мы не последуемъ за г. Алевистомъ въ подробномъ ихъ разборѣ, но остановимся на одномъ изъ этихъ словъ, объясненіе котораго кажется наиболѣе любопытнымъ. Мѣнять — по фински *vaihtaa*, *vaihdan* и т. п. съ небольшими различіями по разнымъ нарѣчіямъ; корень этого слова — финск. *vaihi*, *vaihe*, промежутокъ; такимъ обра-

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археологической Комиссіи (С.-Пб., 1872), стр. 428: о мордовскихъ твердяхъ, стр. 471: объясненіе слова *твердь*.

зомъ, коренное значеніе глагола *vaitelan*—„класть въ промежутокъ“, и это значеніе буквально подтверждается тѣми свѣдѣніями, которыми имѣются у насъ о торговлѣ Пермьковъ съ Угорскими народами ¹⁾).

Самобытнаго слова для означенія общаго понятія о торговлѣ въ финскихъ языкахъ не имѣется: мы уже видѣли, что собственно финскій языкъ усвоилъ себѣ для того выраженіе изъ языка скандинавскаго (ф. *kauppa* = др.-с. *kaup*). Равнымъ образомъ, нѣтъ въ этой группѣ языковъ самобытнаго слова, которое значило бы—купецъ; въ большей части нарѣчій для того служить сложное *kaupramies*, что значитъ торговый человекъ (ф. *mies* — человекъ). Не приводя другихъ финскихъ словъ, имѣющихъ то же значеніе, упомянемъ только, что у Кареловъ купца называютъ *saksa*—отъ *Sachse*, Саксъ: это—воспоминаніе о тѣхъ нижне-пѣмецкихъ торговыхъ людяхъ, которые въ средніе вѣка вели дѣятельную торговлю на Балтійскомъ побережьи и въ прилежащихъ къ нему странахъ. Товаръ также называется въ финскихъ нарѣчійхъ словами иноязычнаго происхожденія: *tavara* — отъ русск. *товаръ* или лит. *tavara*, и *krüümü, rüümü*—отъ нѣм. *Kram*: то и другое слово, вѣроятно, первоначально означали только иноземныя издѣлія, привозимыя на продажу къ Финнамъ; то же, что отдавалось въ промѣнъ за этотъ товаръ, называлось финск. *kulu*, лонск. *galero*, или позже — *raha*. Не слѣдуетъ однако думать, что предметы, означаемые симъ послѣднимъ словомъ, были тѣ же, что ими означается теперь, то-есть, деньги. Напротивъ того, Финны познакомились съ деньгами въ сравнительно позднее время, и даже тогда на иностранную монету смотрѣли не какъ на общую единицу цѣнности, а какъ на прочное и изящное украшеніе различныхъ головныхъ, шейныхъ и грудныхъ уборовъ. Такой взглядъ на деньги до сихъ поръ существуетъ у Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ; я самъ убѣдился, по-яснить г. Алквистъ, — съ какимъ равнодушіемъ Вогулы и Остяки внутренней части восточнаго склона Урала смотрятъ на серебряную монету, данную имъ за оказанную услугу, и въ какой восторгъ приводить ихъ щепотка русскаго табаку. Это ясно доказываетъ, что деньги для нихъ только товаръ, и притомъ такой, который цѣнится Вогу-

¹⁾ Г. Алквистъ разумѣетъ извѣстный разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1096 г. о Югрѣ, какъ онъ объясненъ Кастреномъ въ его *Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker*, стр. 104. Ср. сходные разсказы арабскихъ писателей XIII в. Казвини и Ибнъ-Батуты; Русская Исторія, *Б. Вестужева-Рюмина*, I, стр. 67. См. также Промышленность древней Руси, *Н. Аристова*, стр. 181 и 209.

ломъ гораздо менѣе, чѣмъ многіе другіе товары, болѣе ему необходимы, какъ напримѣръ, порохъ, соль, русскій войлокъ и холстъ, также табакъ и мука, которые однако еще составляютъ для него скорѣе предметы роскоши, чѣмъ необходимости. На это, быть можетъ, скажутъ, прибавляетъ г. Алквистъ,—что Вогуль, конечно, ужъ успѣлъ понять, что на деньги можно купить всѣ эти хорошія вещи и еще многое другое. Но оказывается, что этого-то и не случилось, ибо Русскіе и Зыряне, поставляющіе Вогуламъ привозные товары, стараются получить отъ нихъ не деньги, а мѣха, и при такой мѣнѣ они имѣютъ гораздо большую выгоду, чѣмъ если бы торговля велась правильнымъ образомъ на деньги.

Этотъ-то пушной товаръ, составляющій добычу сѣверныхъ народовъ, и есть тотъ предметъ, который въ финскомъ языкѣ получилъ первоначально значеніе *raha*; въ лопскомъ это слово и повныѣ имѣетъ значеніе „*pellis ferinae carior*“, и уже затѣмъ, какъ позднѣйшее — „*omne id, quod in pretio est*“. Лучшій изъ финскихъ лексикографовъ Ренвалль опредѣляетъ финское *raha* такъ: „*res quaevis mercium pretio inserviens, e. c. pellis, metalla, inde hodie pecunia, nummus*“. Въ смыслѣ пушного товара употребляется это слово иногда и въ Калевалѣ, и въ ней, какъ и по немногимъ стариннымъ памятникамъ письменнаго финскаго языка, можно прослѣдить переходъ значенія этого слова—сперва какъ цѣнной вещи вообще, и потомъ—какъ названіе денегъ. Въ древности бѣличьи мѣха въ особенноти служили разнѣннымъ товаромъ на сѣверѣ Европы, а на сѣверѣ Азии служать отчасти и теперь. На это указываетъ, между прочимъ, и финскій каменеральный терминъ *oravanta*, означающій участокъ земли, съ котораго подать платилась въ размѣрѣ одной бѣлки, и наконецъ, то обстоятельство, что во многихъ урало-алтайскихъ языкахъ копѣйка называется тѣмъ же словомъ, что бѣлка: по зырянски *иг*=финск. *orava*), по вотяцки *koni*, по вогульски *lin*; по вогульски говорятъ даже „сто бѣлокъ“ въ значеніи рубля.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Финны первоначально не знали денегъ и ихъ употребленія. Вслѣдствіе того становится вполне понятнымъ, что какъ общее названіе денегъ, такъ и названія монеты разнаго достоинства, усвоены финскими языками изъ другихъ (германскаго, скандинавскаго и особенно русскаго).

Во всякой торговлѣ необходимо опредѣленіе количества товара мѣрой, вѣсомъ, или по крайней мѣрѣ, счетомъ. Къ единственному предмету сбыта древнихъ Финновъ, къ пушному товару, могъ быть

примѣненъ только счетъ; чѣмъ больше цѣнныхъ мѣховъ предлага-лось на продажу, тѣмъ, разумѣется, болѣе за нихъ и платилось; но при этомъ приходилось по большей части опредѣлять достоинство каждой шкуры поштучно. Напротивъ того, маленькія шкурки горностаевъ, куницъ, и въ особенности, бѣлокъ продавались связками разнаго размѣра, но безъ опредѣленія добротности каждой шкурки. Для такихъ связокъ преимущественно бѣличьихъ мѣховъ въ десять и сорокъ шкурокъ есть въ финскомъ языкѣ нѣсколько особыхъ названій, но изъ нихъ только одно—для „сороковъ“—*kihtelis* или *kühtelys*,—кореннаго финскаго происхожденія. Вѣроятно, товары, вымѣняемые Финнами у сосѣдей, какъ напримѣръ, топоры, жижи и другія вещи изъ желѣза, считались поштучно, и только тогда, когда стали привозить къ Финнамъ ткани иноземнаго издѣлія, возникла въ ихъ торговлѣ потребность въ линейныхъ мѣрахъ. Еще позже должна была явиться потребность въ опредѣленіи товаровъ по объему и вѣсу.

Для первоначальнаго опредѣленія длины человѣкъ обыкновенно пользуется разными частями своего тѣла, которыя при своихъ болѣе или менѣе постоянныхъ размѣрахъ могутъ служить довольно по опредѣленнымъ единицами линейнаго измѣренія. Такъ было и у Финновъ; притомъ, языкъ ихъ чрезвычайно богатъ названіями единицъ мѣры такого рода. Самая малая изъ нихъ употребляемыхъ линейныхъ мѣръ, дюймъ, имѣетъ названіе иноязычное: финское *tuntta* или *tuntta*—отъ шведск. *tum*; эст. и ливск. *toll* отъ нѣм. *Zoll*. За то слѣдующая по величинѣ линейная мѣра—финск. *vauksa*, эст. *vaks* и т. д.—называется словомъ самобытнымъ, означающимъ разстояніе между разставленными концами большаго и указательнаго пальцевъ, то-есть, пядь. Эта мѣра имѣетъ коренныя названія и въ восточно-финскихъ языкахъ. Точно также самобытны и общи почти всей группѣ финскихъ языковъ названія локтя—финск. *kynärpää* (отъ *kynärii*, локоть руки), эст. *künar* и т. д., и сажени—финск. *syli*, *sylii*, эст. *süld*, лопск. *sal* и т. д. Финская сажень считается въ десять пядей, но сверхъ того, есть еще сажень въ двѣнадцать пядей, называемая *kazosyli*. Не смотря на то, что это слово могло бы напоминать русскую косую сажень, г. Алквистъ замѣчаетъ, что слово *koso*—коренное финское и значить—куча, и что сходство *koso* съ *косой* случайное. Изъ названій для мѣръ большихъ протяженій упомянемъ одно—финск. *reppinkulma*, характерное въ бытовомъ отношеніи. Въ современномъ языкѣ оно означаетъ шведскую милю, но по своему происхожденію или образованію указываетъ на то неопредѣленное протяженіе, на кото-

рое слышеть собачій лай (финск. *рсиі* — собака, *кылта*, вмѣсто *кылста*, слышно). Въ мордовскомъ языкѣ есть подобное же опредѣленіе мѣры разстоянія: тамъ верста называется словомъ, которое первоначально означаетъ такое пространство земли, на которое слышеть крикъ человека.

Что касается кубическихъ мѣръ, а равно единицы для опредѣленія вѣса, то ближайшее разсмотрѣніе относящейся до этихъ предметовъ терминологіи финскихъ языковъ доказываетъ, что она заимствована Финнами изъ языковъ сосѣднихъ народовъ, преимущественно изъ скандинавскаго, откуда Финны переняли и названіе древнѣйшаго рода вѣсовъ—безмѣна. Наконецъ, какъ общія понятія, мѣра и вѣсъ также не имѣютъ въ финскихъ языкахъ никакихъ другихъ названій, кромѣ иноязычныхъ. Это, впрочемъ, явствуетъ само собою изъ всего вышеизложеннаго, такъ какъ культурное развитіе древнихъ Финновъ стояло вообще на той степени, когда въ языкѣ почти не существуетъ общихъ отвлеченныхъ понятій, а господствуютъ лишь наглядныя, конкретныя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ литературныхъ статей для изученія русскаго языка, съ приложеніемъ словаря. Составилъ А. Кочкинъ. Вятка. 1875.

Въ предисловіи составитель излагаетъ цѣли, которыми онъ руководствовался при выборѣ статей, а въ введеніи даетъ правила, выполненіе коихъ необходимо для достиженія указанныхъ цѣлей. Какъ цѣли, такъ и правила разумны, но жаль, что при этомъ не высказывается, для какого возраста или для какихъ классовъ предназначенъ сборникъ. По нѣкоторымъ словамъ составителя, по качеству приложенныхъ образцовъ разбора, а также по качеству известной части образцовъ, можно заключить, что сборникъ назначенъ для младшаго возраста, для начальныхъ школъ или для низшихъ классовъ. Во введеніи даже прямо выражено, что софты относятся къ *дѣтнямъ*. Образцы разбора до такой степени подробны, что даже подсказываютъ учителямъ, какіе слѣдуетъ предлагать вопросы и въ какой формѣ, напримѣръ: „Ученикъ читаетъ: „Въ сильную стужу щегленокъ началъ биться въ окно поселяннина, какъ бы желая влетѣть въ хижину“. В. Что заставило щегленка биться въ окно поселяннина? О. Сильная стужа, или холодъ. В. Зачѣмъ щегленокъ бился въ окно? О. Чтобы спастись отъ холода въ хижинѣ. В. Что же сдѣлалъ поселянинъ?... *Чтобы узнать, что онъ сдѣлалъ, читайте дальше.* В. Отъ чего щегленокъ привился влетать крошки хлѣба? О. Отъ того, что онъ былъ голоденъ. В. Что же мѣшало щегленку насытиться, когда онъ леталъ на свободѣ? О. Отъ холода замерзло все, чѣмъ питается щегленокъ на свободѣ. В. Когда щегленокъ наѣлся, то поселянинъ выпустилъ его опять, или оставилъ въ хижинѣ?... „Молчаніе... Читайте“, и т. д. Письма, помѣщенные въ образцахъ, показываютъ также еще небольшую степень развитія (стр. 99—102).

часть схст, отд. 3.

1

Но съ другой стороны, вторая половина сборника занята статьями для теоретическаго изученія литературы по руководству г. Стоюнина, слѣдовательно, имѣетъ въ виду уже 5-й и 6-й классы гимназій. Въ числѣ этихъ статей находится монологъ барона (изъ Скупаго Рыцаря, Пушкина), напечатанный вполнѣ, безъ изыатія даже первыхъ трехъ стиховъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль съ душой ямъ обманутой... (стр. 137).

что вовсе уже не по дѣтски, и что рѣшительно неумѣстно въ учебной книгѣ, для какого бы возраста она ни назначалась. Напрасно также составитель сообщилъ примѣчанію на стр. 7-й полемическій тонъ. Ничего полемическаго не должно быть въ учебной книгѣ.

Къ сборнику приложенъ русскій словарь. Поводъ къ такому приложенію, по словамъ составителя, подало то обстоятельство, что учащіеся по прочтеніи статьи рѣдко всю ее понимаютъ, и непониманіе ихъ будто бы происходитъ отъ непониманія многихъ словъ и выраженій. Съ этимъ нельзя согласиться. При чтеніи статьи, разумѣется, преподаватель объяснитъ значеніе неизвѣстныхъ ученикамъ словъ, но объяснить только въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ въ статьѣ. Другіе смыслы истолкуются имъ при чтеніи новыхъ статей. Но вдаваться въ разборъ всѣхъ значеній слова—и собственнаго, и переносныхъ, при первомъ случаѣ, когда оно встрѣтится,—больше вредно, чѣмъ полезно, какъ потому, что такіе разборы не могутъ удержаться въ памяти, такъ и потому, что такимъ способомъ, то-есть, словаремъ, не изучается языкъ въ школахъ. Словарь г. Кочкина, занимающій почти половину книги, очень подробенъ, между прочимъ отъ того, что въ немъ есть много совершенно излишнихъ толкованій. Напримеръ, по поводу басни: „Стрекоза и Муравей“, оканчивающейся стихомъ: „Такъ поди же—*попляши*“, вовсе не было надобности истолковывать глаголъ *поплясать*. Какой ученикъ не понимаетъ этого слова? Онъ видалъ, какъ другіе пляшутъ, и самъ *плясалъ*, и *поплясывалъ*. А между тѣмъ, въ объяснительномъ словарѣ, подъ этимъ словомъ читаемъ сначала загадку: „Туда иду, какъ слонъ ступаю; оттуда иду—поплясываю“ (что значить *кабаки*); потомъ слѣдуетъ начало пѣсни: „Сашенька, попляши, у тебя ножки хороши“; наконецъ опредѣляется значеніе словъ *поплясать*, *попляска*: „видъ, образъ, родъ пляски, приемы, особенности тѣлодвиженій, различіе плясокъ, приемъ плясунновъ, выпутка“. Подъ прилагательнымъ *милый*, извѣстнымъ всѣмъ и каждому,

читаемъ: любезный, любой, любимый, любви достойный, дорогой, желанный, пріятельный, заставляющій себя любить, пріятный на видъ, хорошепкій, нѣжный, кроткій, любовный, баженный, моленый, граціозный, обаятельный въ обращеніи, всего семнадцать объяснительныхъ прилагательныхъ. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ:

Задъ—что назади или сзади, задняя часть, сторона, тылъ; у животныхъ: часть тѣла противоположная головѣ, окорока; у чловѣка—спина; у всякаго предмета — сторона или часть, заключающаяся между правымъ и лѣвымъ боками.

Лопать или *лопаться*—ломаться отъ гнету, подламываться, рваться отъ натуги, разрываться отъ распору изнутри, трескаться; трескать, жрать, уплетать, жуשרить, ѣсть много, жадно, по собачьи.

Обогрѣвать, обогрѣть—согрѣть, дать тепла собою ли, дыханьемъ своимъ, одѣвъ тепло, затопивъ, разведя огня, пустивъ въ теплую избу.

При словѣ *звать* прибавлено значеніе, относящееся къ женщинѣ: „вести распутную жизнь“.

Нѣкоторые слова объясняются другими, столько же или болѣе непонятными, которыхъ, однакожь, нѣтъ въ словарѣ, напримѣръ: *Каракормый конь* — „темногнѣдой, почти вороной, съ подпалливами, желтизною на мордѣ и въ пахахъ“. Что жъ означаютъ слова: „пахъ, подпаллина“?

Къ нѣкоторымъ изъ объясняемыхъ словъ прибавляются иногда слова областныя, что ужъ есть рѣшительная роскошь.

Выставляя пользу словаря, г. Кочкинъ говорить, что онъ поможетъ избѣгать многихъ орфографическихъ ошибокъ. Такъ бы, конечно, должно быть, но не такъ выйдетъ при пользованіи словаремъ, приложеннымъ къ сборнику. Онъ, пожалуй, научить ошибкамъ, которыхъ въ немъ не мало, и отвѣтственность за которыя падаетъ частью на типографію, а большею частью — если не ошибаемся — на самого составителя. Онъ безразлично относится къ правописанію прилагательныхъ и причастій страдательныхъ, иногда удваивая въ ихъ окончаніи букву *н*, а иногда, въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, ставя одну; напримѣръ: укрѣпленное (стр. 12), огнемый (стр. 12), изготовленный, излаженный (стр. 12), подготовленное, накатаное (стр. 15), несомнѣнный (стр. 16), рожденный (стр. 22), основанный (стр. 24), отвлечено (стр. 33), фортемъ (стр. 35) подлинникъ (стр. 50). Кроме того, онъ пишетъ: Вальтеръ Скотъ, *както*. Книга г. Кочкина напечатана совершенно неудобнымъ для училищъ шрифтомъ.

Практическій учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Составилъ А. Кочкинъ. Вятка, 1875.

При составленіи учебника авторъ имѣлъ въ виду намѣреніе „дать учащимся такое руководство, которое, прежде всего, было бы доступно имъ по цѣнѣ“; но онъ задался слишкомъ широкими цѣлями, стремясь къ тому, чтобы его руководство „содержало въ себѣ все необходимое изъ грамматическихъ свѣдѣній, ознакомляющихъ съ строеніемъ родной рѣчи и пріучающихъ излагать свои и чужія мысли ясно, толково и правильно какъ по отношенію къ правописанію, такъ и по отношенію къ законамъ логики“ (Предисловіе). Что выписанные слова автора не обмолвка, вслѣдствіе коей несправедливо было бы приписывать г. Кочкину намѣреніе возвести грамматику на степень какой-то энциклопедіи словесности, въ этомъ убѣждаетъ само содержаніе учебника, гдѣ а) производится сближеніе „русской грамматики съ церковно-славянскою“, а притомъ древняго и новаго церковно-славянскаго языка; б) помѣщенъ курсъ приготовительнаго класса, коимъ начинается книга; в) говорится о фигурахъ (стр. 63) единоначатія, единоокончанія, округленія, многосоюзія и безсоюзія; г) трактуется о періодахъ (стр. 79—84), о рѣчи отрывистой (стр. 38) и описаніяхъ, и даже д) есть не мало полемическихъ выходовъ, какъ на стр. 107 примѣчаніе, стр. 127—129, вся статья „О выраженіи подлежащаго“. Изъ одного этого перечисленія видно, что авторъ хотѣлъ составить элементарный учебникъ грамматики, которымъ ученикъ могъ бы пользоваться, начиная съ приготовительнаго класса до четвертаго включительно,—словомъ, хотѣлъ совмѣстить несовмѣстимое.

Странно, что преподавателю русскаго языка, пишущему учебникъ примѣнительно къ изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія „Планамъ“, представляется темнымъ сближеніе церковно-славянской этимологіи съ русскою и самая даже цѣль подобнаго сближенія. Вопервыхъ, г. Кочкинъ начинаетъ „сближеніе“ обоихъ языковъ весьма рано, едва ли не съ перваго класса, если судить по тому, что послѣ изложенія состава русскаго предложенія онъ приступаетъ къ предложенію славянскому на стр. 38. Вовторыхъ, подъ сближеніемъ онъ разумѣетъ механическое сличеніе этимологіи того и другаго языка, которое ограничивается лишь тѣмъ, что церковно-славянскія и русскія формы ставятся рядомъ, а иногда выписываются въ рядъ формы древняго и новаго славянскаго языка и русскаго (стр. 144—154). Цѣль сближенія — уясненіе формъ живаго русскаго

языка и его орфографіи. Достиженіе ея возможно лишь при посредствѣ языка древне-славянскаго, а не ново-славянскаго съ искаженными формами и орфографіей. Правда, для чтенія Священнаго Писанія и пониманія молитвъ нужно знакомство съ ново-славянскими формами; но это знакомство не требуетъ сближенія и можетъ быть ограничено тремя-четырьмя формами. Если же для цѣлей указанныхъ „Планами“ преподаватель будетъ прибѣгать съ языку ново-славянскому рядомъ съ древнимъ, то обученіе древнему церковно-славянскому языку сдѣлается для учениковъ столь же затруднительно, какъ и обученіе языку китайскому. Что касается синтаксиса, то онъ дѣйствительно сличенъ съ русскимъ, и обстоятельно, такъ что эта часть можетъ быть вмѣнена въ заслугу учебнику; но такъ какъ синтаксическія особенности и древняго, и новаго славянскаго объясняются свойствами греческаго синтаксиса, не воспринятыми языкомъ русскимъ, то синтаксическое сближеніе обыкновенно въ преподаваніи опускается и ограничивается самымъ существеннымъ и необходимымъ, ибо оно не имѣетъ такого образовательнаго и научнаго значенія, какъ сближеніе этимологій, основанное на фонетическомъ объясненіи. Въ элементарномъ же учебникѣ слѣдовало бы обойтись безъ сближенія церковно-славянскаго съ русскимъ.

Съ другой стороны, не менѣе странно и то, что авторъ идетъ, хотя и безуспѣшно, противъ всеобщаго педагогическаго убѣжденія, что учебникъ систематическаго курса не можетъ быть методическимъ; что онъ долженъ представлять точное, ясное и понятное изложеніе того, что не подлежитъ спорамъ и колебаніямъ, то-есть, признано и усвоено наукой. Самъ же онъ говоритъ въ предисловіи: „нѣкоторые грамматическія правила выпущены съ цѣлію уменьшенія объема учебника, а слѣдовательно, и цѣны его“,—а между тѣмъ напрасно и даже ко вреду своей книги плодить такіа методическія замѣчанія, какъ „задачи“, коихъ у него болѣе 130. Ни одна изъ нихъ ничему не научаетъ преподавателя и ничѣмъ не помогаетъ ученику, но сравностей въ этихъ задачахъ не мало; напримѣръ, на стр. 7-я задача 11-я: „назовите цвѣтъ *дерева*, 12-я *величину* самовара, ведра, и т. д. всѣ задачи приготовительнаго курса и другихъ частей грамматики; стр. 56, задача 133-я: „выписать изъ выученныхъ статей двадцать предложеній сложныхъ съ подчиненными“. Почему 20, а не меньше? Какая цѣль задачи? Если та, чтобъ укрѣпить сообщенныя въ классѣ свѣдѣнія, то можно бы ограничиться и устными отвѣтами, а письменныя работы приберечь для такихъ занятій и упраж-

неній, которыя требуютъ навыка; назначать же подобныя задачи — значитъ тратить непроизводительный дѣтскій трудъ. Мы думаемъ, что такихъ работъ нельзя дѣлать письменными и домашними: если мальчикъ не понялъ преподавшаго, такая работа будетъ для него мученіемъ или поводомъ къ недобросовѣстности; если же понялъ, то она покажется ему дѣломъ лишнимъ и даже пустячнымъ, а это подрываетъ авторитетъ школы.

Сверхъ того, у автора замѣтно желаніе мѣнять и исправлять установившійся терминологію; такъ, онъ дѣлитъ на стр. 54 предложенія на *сложныя-слитныя*, *сложныя изъ равносильныхъ*, *сложныя-смысловныя* (стр. 56). Есть и положительныя ошибки; предложенія условныя онъ причисляетъ къ сочиненнымъ (стр. 61 и 62); въ предложеніи: „я то люблю, что сердце грѣетъ“ (стр. 71) придаточное предложеніе онъ считаетъ дополнительнымъ, тогда какъ оно опредѣлительное и относится къ *то*; переводчиковъ нашихъ богослужебныхъ книгъ укоряетъ въ „непониманіи духа и свойствъ греческаго языка“ (стр. 77); въ примѣръ періода послѣдовательнаго приводитъ на стр. 81 періодъ соединительный; на стр. 83 предложеніе раздѣлительное принимаетъ за періодъ, забывъ, что періодъ имѣетъ дѣло не съ понятіями, а съ мыслями, что сложный періодъ не можетъ заключать въ себѣ менѣе двухъ мыслей; на стр. 85 вводное предложеніе называетъ главнымъ; на стр. 94 утверждаетъ, что въ словахъ: *номъ, замокъ* буква *о* произносится какъ *уо*; на стр. 104 и 105 учитъ, что *а* въ словѣ „зари“ есть вставной звукъ, равный вставнымъ *о* и *е*; что *э* „измѣняется“ въ *е* и подтверждаетъ это примѣромъ слова „меркнуть“; что *я* „переходитъ“ въ *ь*; къ страннымъ и непонятнымъ заблужденіямъ нужно причислить и всю статью „о выраженіи подлежащаго“, стр. 137, гдѣ подлежащимъ называются и косвенные падежи именъ, и даже нарѣчія.

Способъ изложенія неопредѣленный, часто неуклюжій, иногда съ провинціализмами.

Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, составленная *Владиміромъ Стоюнинымъ*. С.-Пб. 1876.

Книга эта издава въ двухъ видахъ, въ одномъ приложено къ ней „Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній“, въ другомъ этого приложенія нѣтъ.

Руководство излагаетъ соображенія объ элементарномъ преподаваніи отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и опре-

дѣлаетъ, какого рода статьи и въ какомъ порядкѣ должны входить въ классную хрестоматію на основаніи высказанныхъ соображеній.

Имѣя въ виду дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ, составитель прежде всего разсматриваетъ подготовку ихъ до поступленія въ школу. Онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Начальныя занятія въ школѣ должны пополнять уже существующія въ душѣ понятія, а для этого чаще вызывать изъ памяти знакомые образы и впечатлѣнія, сближать съ ними однородные, привязывать къ нимъ новые; пополняя и очищая низшія понятія, готовить такимъ образомъ матеріалъ для естественнаго образованія понятій болѣе высшихъ. Эти умственные работы и нужно соединять съ класснымъ чтеніемъ, для чего и должна быть составлена хрестоматія. Съ нею должны соединяться и практическія упражненія въ языкѣ“.

Чтобы удовлетворить означенной цѣли, г. Стоюнинъ составилъ хрестоматію, раздѣленную на шесть отдѣловъ. Первый отдѣлъ даетъ представленія изъ природы въ связи съ живущимъ среди нея человекомъ; второй содержитъ въ себѣ статьи, представляющія человека съ опредѣленнымъ типомъ, выработавшимся при извѣстныхъ условіяхъ жизни; въ третьемъ помѣщены нѣкоторые изъ народныхъ обычаевъ и повѣрій; четвертый есть выборъ изъ басенъ Крылова; пятый составленъ изъ стихотворныхъ разказовъ Жуковского; шестой заключаетъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій тѣхъ русскихъ писателей, которые, по взгляду составителя, представляютъ достаточно образовательнаго матеріала. Здѣсь помѣщены два-три значительныхъ по объему отрывка, чтобы преподаватель въ концѣ второго года имѣлъ возможность провѣрить, на сколько ясно и полно ученики могутъ принимать впечатлѣнія отъ чтенія статей въ нѣсколько страницъ и какъ живо у нихъ могутъ складываться общія понятія изъ многихъ чертъ, передаваемыхъ въ разказахъ.

Послѣднія страницы руководства заняты вопросомъ о письменныхъ упражненіяхъ по хрестоматіи и образцами вообще практическихъ занятій по оной. Всѣ разсужденія г. Стоюнина, въ означенномъ руководствѣ для преподавателей, убѣждаютъ, что онъ самъ преподаватель мыслящій, говорящій о своемъ предметѣ, какъ основательно его знающій и владѣющій многостороннею практикою. Они несомнѣнно принесутъ пользу тѣмъ, кто руководствуетъ школьными занятіями русскимъ языкомъ.

Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности, изложенные В. Классовскимъ. С.-Пб. 1876.

Предметъ книги—*органическая* сторона сочиненій, постоянно имъ присущая, общая ихъ природа, а именно — изученіе ихъ состава, формъ и разрядовъ. Подъ *составомъ* разумѣются элементы психическіе, лингвистическіе и собственно литературные; *формы* обусловливаются внѣшними и внутренними условіями сочиненія; *разряды* сочиненій означаютъ роды и виды (предисловіе и стр. 454). Этимъ объясняется заглавіе труда г. Классовскаго.

Книга дѣлится на три части, служащія отвѣтомъ на три вопроса: 1) Что можно открыть въ себѣ, читая какое нибудь сочиненіе? Чѣмъ можетъ, на первый разъ, ограничиться впѣшнее, со стороны пауки, содѣйствіе читателю, наблюдающему самого себя? 2) Что находитъ читатель въ сочиненіяхъ со стороны принадлежащихъ имъ общихъ свойствъ? 3) Что находитъ читатель въ сочиненіяхъ со стороны ихъ разнородности, то-есть, со стороны частныхъ, служащихъ основаніемъ дѣленію сочиненій на разряды? Отвѣтомъ на первый вопросъ, иначе содержаніемъ первой части, служатъ три первыя главы: а) элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи, б) элементарныя свѣдѣнія изъ логики, в) языкъ. Рѣшеніе втораго вопроса, или содержаніе второй части, заключается въ трехъ слѣдующихъ главахъ: г) сочиненіе и его составъ, г) слогъ со стороны его выразительности, е) слогъ со стороны его благозвучія. Наконецъ, рѣшенію третьаго вопроса посвящены двѣ остальныя главы: ж) проза и поэзія, в) роды и виды прозы и поэзіи.

Умѣстность первой и второй главъ въ своей книгѣ (элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи и логики, §§ 2—29), авторъ объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ. „Если несомнѣнно, что каждое литературное произведеніе есть *словесно-выраженная дѣятельность психическихъ силъ*, то и знакомство съ ними какъ пельзя болѣе прилично курсу словесности. Даже представить себѣ трудно сколько-нибудь дѣльный разборъ любого сочиненія, который могъ бы обойтись безъ *психологическихъ и логическихъ* терминовъ: они для словесника неизбѣжны, какъ анатомическіе и химическіе терминны неизбѣжны для фізіолога. Именно преподаватель словесности поставленъ въ ближайшую возможность не только *выводить* психологическіе и логическіе факты большею частію изъ читаемыхъ въ классѣ сочиненій, но и обращать, отъ времени до времени, факты эти въ

темы ученических письменных работ". Содержание двух первых глав относится преимущественно къ психологіи и логикѣ.

Въ третьей главѣ (языкъ) разсматривается значеніе языка, какъ средства, даннаго человѣку высказывать себя. По раздѣленіи знаковъ, которыми передается другимъ сознаваемое и ощущаемое нами, на видимые и звуковыя, объяснено преимущество словесной рѣчи, показано разнообразіе языковъ и нарѣчій и дѣленіе ихъ на семейства.

Глава четвертая (сочиненіе и его составъ) излагаетъ общія свойства сочиненій. Сначала опредѣляется сочиненіе, потомъ говорится объ элементахъ сочиненія: предметѣ (темѣ), изложеніи (содержаніи) и выводѣ (главной мысли или идеѣ), наконецъ, о требованіи, чтобы сочиненіе было занимательно. Остановимся на одномъ мѣстѣ въ этой главѣ (§ 46). Показывая, что такое вводныя части сочиненія, или эпизоды, авторъ въ примѣрѣ эпизода ставитъ то, что въ сочиненіи Жуковскаго: „Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 г.“, сказано о монументѣ Петру Великому, такъ какъ сказанное прямо не требуется темою. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. По нашему мнѣнію, безъ этого такъ называемаго эпизода описаніе вышло бы не тѣмъ, что оно есть, а совершенно инымъ. Оно лишилось бы своей живительной идеи, которая заключается именно въ томъ, чтобы въ двухъ памятникѣхъ видѣть знаменіе двухъ Россій разнаго времени. У Жуковскаго все и направлено къ наглядному, эмблематическому изображенію идеи. Въ этомъ состояла его цѣль, которую не было надобности заранѣе объявлять въ темѣ, хотя и можно было бы это сдѣлать, распространивъ заглавіе.

Содержаніе пятой главы—слогъ со стороны его выразительности: сначала опредѣленіе слога, дѣленіе его на обыкновенный и художественный и подраздѣленіе перваго на три вида, зависимость слога частью отъ темы, но болѣе всего отъ самого автора. Потомъ разсмотрѣны общія принадлежности всякаго слога: ясность, точность, правильность; предложено ученіе о періодической, отрывистой и смѣшанной рѣчи; объяснена изобразительность словъ и выраженій, какъ существенная черта художественности въ слогѣ, и показаны средства къ достиженію оной (эпитеты, тропы и фигуры). Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ на эту главу. На вопросъ: должно или нѣтъ считать художественнымъ слогъ, состоящій изъ простой разговорной рѣчи, какъ въ комедіяхъ „Ревизоръ“, „Гроза“, „Свои люди сочтемся“ (стр. 156), авторъ отвѣчаетъ утвердительно, ибо имъ вѣрно, точно, живо воспроизводится разговорный языкъ даннаго возраста,

сословія, отдѣльныхъ личностей (стр. 158). Мы видимъ здѣсь недоразумѣніе. Лица, выподимыя въ комедіяхъ, могутъ, по своей неразвитости, необразованности и даже безграмотности, выражаться и неясно, и неточно, и неправильно, то-есть, рѣчь ихъ можетъ представить именно отсутствіе тѣхъ качествъ, которыя, по ученію разбираемой книги, составляютъ общія, обязательныя для всякаго слога принадлежности. Какъ же языкъ такихъ личностей можетъ заслуживать имени художественнаго? Художественнымъ будетъ не слогъ, а художественное воспроизведеніе совершенно не художественнаго слога.

Далѣе, на стр. 161, читаемъ: „Ясность—дѣло не слога. Для слога достаточно выражать мысли автора въ той степени ясности, какою онѣ обладаютъ сами по себѣ. Да никакой слогъ больше этого и сдѣлать не можетъ“. Едва ли это такъ. Положимъ, что при высказываніи условіи, то-есть, при совершенномъ уясненіи мыслей, авторъ наполнить выраженіе ихъ словами обветшалыми, областными, или варваризмами, познаніе которыхъ возможно для умнаго и даже образованнаго человѣка. Будетъ ли такое сочиненіе ясно? Укажемъ, для примѣра, на переводъ „Фауста“ Овчинниковымъ. Подобный переводъ, можетъ быть, и вѣренъ, но недоступенъ пониманію по нелѣпости языка вообще, по обилію провинціализмовъ въ особенностяхи.

На стр. 191-ой: Иронія, по крайней мѣрѣ въ томъ примѣрѣ, какой приведенъ изъ басни „Котъ и Поваръ“ (*онъ набожныхъ былъ правилъ*) не принадлежитъ къ фигурамъ. Фигура есть оборотъ фразы, то-есть, всякое выраженіе, болѣе или менѣе отступающее отъ строя обыкновенныхъ выраженій (стр. 186), а въ предложеніи: *онъ набожныхъ былъ правилъ*, не видно никакого отступленія отъ обыкновеннаго строя рѣчи.

Предметъ шестой главы—слогъ со стороны его благозвучія. Въ ней, послѣ вступительныхъ объясненій благозвучія вообще и его видовъ, обстоятельно и подробно изложено стихосложеніе.

Глава седьмая трактуетъ о прозѣ и поэзіи, а глава восьмая—о родахъ и видахъ той и другой. Въ первой изъ этихъ главъ, вопросы: имѣетъ ли поэтический вымыселъ какіе-нибудь предѣлы, которые переступить значило бы для него превращать въ нелѣпость? рѣшается такимъ образомъ: „Предѣлы эти называются правдоподобіемъ, формула котораго слѣдующая: *если бы это было возможно, то оно вышло бы такъ-то*. Червал половина этой формулы допускаетъ въ изобрѣтеніи безусловную свободу, но во второй половинѣ непремѣнно мы должны видѣть и нѣчто привычное для насъ, считаемое нами всег-

дашней, не нарушимою реальностью" (стр. 272). Этот отвѣтъ слѣдовало бы дополнить соображеніями о вымыслѣ въ произведеніяхъ безыскусственной, народной фантазіи. Иначе къ послѣдней нельзя приложить сказаннаго на слѣдующей (273) страницѣ: „Производство и употребленіе поэтического вымысла есть своего рода *игра въ сознательную иллюзію*, заведомо себѣ допускаемую и авторомъ, и читателемъ". Въ 8-ой главѣ, напрасно авторъ старается опровергнуть общепринятое опредѣленіе лирики, по которому она есть поэзія чувства (стр. 350). Это, во первыхъ, придастъ нѣсколькимъ страницамъ полемическій характеръ, неудобный въ книгѣ учебной, а во вторыхъ—это противорѣчить и установившемуся на авторитетахъ взгляду. Какъ бы ни разуждали, а все-таки въ лирикѣ главное дѣло не предметъ, а отраженіе его въ душѣ, которую поэтому и уподобляютъ зеркалу міра. Что лирическія піесы выражаютъ нерѣдко мысли, и что нѣкоторыя изъ нихъ относятся даже къ особенному виду „думъ", это нисколько не говоритъ противъ вѣрности общепринятаго опредѣленія, ибо отличіе лирики—выражать мысли, воспринятія чувствомъ и подѣйствовавшія на душу, а не на одинъ умъ, подобно тому, какъ для оратора важно не просто доказательство какой-либо истины, а дѣйствіе этой истины на волю. Пѣмецкіе эстетики дѣлятъ лирику на три вида: лирику непосредственнаго чувства (пѣсни), лирику одушевленія (ода) и лирику рефлексій (элегій). Слово рефлексія указывать, конечно, на элементъ мыслительный, но все же элегія, по выраженію Шиллера, есть выраженіе тоски по утраченномъ идеалѣ, а тоска принадлежитъ къ чувствамъ. Лирическія произведенія самого Шиллера, по особенностямъ ихъ направленія,истики литературы обозначаютъ именемъ дидактической лирики. Что жъ отсюда слѣдуетъ? Конечно, не то, что она есть дидактическая поэзія въ прежнемъ смыслѣ этого слова, то-есть, въ смыслѣ поученія, сообщенія знаній или мыслей. Аптичная ода отличается эпическимъ характеромъ, говоритъ авторъ на стр. 359; въ ней гораздо болѣе образовъ, картинъ описаній и разказовъ, чѣмъ пронашеній мысли и чувствъ поэта. Но чѣмъ же вызваны эти образы и картины? Сильнымъ подъемомъ чувства, возбужденнаго предметомъ, восторгомъ, который выражается не непосредственно, какъ въ пѣспѣ, сложенной по горячимъ слѣдамъ чувства, а посредственно, помощію картинъ и образовъ. Какъ будто поэтъ, описывая осень, не можетъ выразить въ своемъ описаніи осеннее, печальное настроеніе своего духа? Какъ будто другой поэтъ, описывая цвѣтокъ, въ которомъ видитъ образъ

своей возлюбленной, не можетъ выразить въ этомъ описаніи чувства любви? Впрочемъ, самъ г. Классовскій опредѣляетъ оду и гимнъ стихотвореніемъ, внушеннымъ поэту предметомъ, къ которому онъ относится или съ *страстнымъ сочувствіемъ*, или съ объективнымъ уваженіемъ (стр. 359), сатиру—стихотвореніемъ, которое вызывается *несовершеніемъ*, слѣдовательно, чувствомъ (стр. 371), элегію—отголоскомъ всеобщей общечеловѣческой *трусти* (стр. 373).

Книга заключается опредѣленіемъ словесности, выведеннымъ изъ рѣшенія трехъ вопросовъ: что принято обыкновенно разумѣть подъ словесностію? съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ на нее авторъ? удовлетворяетъ ли она требованіямъ науки вообще? Опредѣленіе вышло такое: Словесность есть наука, изучающая органическія и историческія стороны сочиненій, выражающихся на словесномъ языкѣ устно, письменно и печатно.

Но разсмотрѣніи книги, нельзя не убѣдиться въ томъ, что авторъ ея—человѣкъ даровитый, мыслящій, многообразованный и много знающій. Содержаніе ея не вызываетъ никакихъ особенныхъ возраженій: оно вѣрно наукѣ, не отступаетъ отъ нея и не роветъ ея, и притомъ проведено строго-логично и послѣдовательно. Но книга не чужда одного недостатка, который не можетъ быть обойденъ молчаніемъ, потому что онъ бросается въ глаза. Этотъ недостатокъ состоитъ въ формѣ изложенія, своеобразной и оригинальной, отличительную черту которой трудно даже выразить: такъ она отмѣчена печатью личнаго, индивидуальнаго. Авторъ не ограничивается догматическимъ изложеніемъ научныхъ свѣдѣній: онъ какъ бы ведетъ разговоръ съ учениками, собесѣдуетъ съ ними, позволяя себѣ уклоненія въ сторону, вставки, сравненія и примѣры, которые, конечно, имѣютъ видимое отношеніе къ предмету, но изъ которыхъ иные оставиваютъ читателя неожиданностью, а все вмѣстѣ взятое увеличиваетъ объемъ содержимаго и можетъ нѣкоторымъ образомъ затруднить усвоеніе послѣдняго, то-есть, содержанія.

Элементарная грамматика русскаго языка для нижнихъ классовъ и другихъ училищъ. Составилъ *И. Баталинъ*. Москва, 1876.

Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ. Составилъ *И. Баталинъ*. Москва, 1876.

Элементарная грамматика, заключающая въ себѣ этимологію и синтаксисъ, назначена, безъ сомнѣній, только для двухъ первыхъ классовъ гимназій, такъ какъ синтаксисъ, проходимый въ 3-мъ классѣ,

требуетъ большаго объема, согласно съ учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія. Значительное количество примѣровъ, съ вопросами и задачами на правила, введено авторомъ для того, чтобы сообщить книгѣ и практическій характеръ, кромѣ теоретическаго. Въ концѣ приложены статьи изъ Евангелія для славянскаго чтенія, которое, говоритъ составитель,—должно происходить въ классѣ подъ надзоромъ учителя, и этотъ послѣдній, когда уже ученики достаточно навькнутъ въ механическомъ чтеніи, можетъ сопровождать его доступнымъ для учениковъ переводомъ и объясненіемъ словъ, сравненіемъ ихъ съ русскими и т. п.

По содержанію и изложенію грамматика г. Баталина не представляетъ ничего такого, что мѣшало бы ей быть годною для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Она заключаетъ въ себѣ все существенное, излагая его кратко и удобопонятно.

Что касается статей для диктанта, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ (съ указаніемъ на §§ грамматики), то мы находимъ, что изданіе подобныхъ ученыхъ пособій есть не только излишество, но и роскошь. Составленіе этого сборника, по словамъ автора, вызвано желаніемъ облегчить преподавателямъ трудъ въ подыскиваніи примѣровъ для диктанта. Но такая цѣль не можетъ быть объяснена достаточнымъ поводомъ: преподаватели могутъ и сами заяться подобнымъ дѣломъ.

На первомъ мѣстѣ статей, въ общихъ выпускахъ, авторъ ставитъ пословицы. Ихъ такъ много, что въ четырехъ выпускахъ не трудно будетъ помѣстить полное собраніе этихъ народныхъ изреченій. Замѣтимъ, что статьи для диктанта, откуда они ни были бы заимствованы, должны не только давать примѣры на орфографическія правила, но и соответствовать возрасту учащихся своимъ содержаніемъ, удобопонятностью. Конечно, преподаватель можетъ объяснить непонятное; но нерѣдко случается, что объясненіе или преждевременно, или вовсе недоступно учащимся по ихъ малознанію или незрѣлости. Во 2-мъ выпускѣ, на именъ собственныхъ и слова иностранныхъ, набраны такіе примѣры, съ которыми преподаватель не будетъ знать что дѣлать въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, напримѣръ: „въ источникахъ для біографіи Сиды нѣтъ недостатка;“ Арабо-испанская поэзія была классическою, потому что подражала древнимъ образцамъ; „Въ исторіи греко-римскаго папства можно различать двѣ главныя эпохи развитія: непосредственно-религіозную и сознательную, научную;“ „раціонализмъ былъ послѣднимъ словомъ философскихъ школъ столѣтія

по Р. Х.“ (послѣдній примѣръ даже вовсе непонятенъ; въ немъ, вѣроятно, какое-нибудь слово выпущено (стр. 50—55). Опытъ показываетъ, что правильная орфографія именъ собственныхъ и иностранныхъ усвоивается исподволь, при изученіи исторіи и географіи и при знакомствѣ съ иностранными языками; однимъ грамматическимъ правиломъ, въ этомъ случаѣ, не достигнешь цѣли, сколько бы ни диктовали примѣровъ. И между послонницами встрѣчаются нѣкоторыя или не имѣющія значенія пословицъ, или темныя для учащихся по значенію; напримѣръ: „сидѣть на экваторѣ“, „Тимоевскіе морозы“ (стр. 1 и 2), „жепскія думы измѣнчивы“, „риомоплетъ — не поетъ“ (стр. 3), „знаетъ про то игуменъ, который звонокъ бубень“ (стр. 4), „замѣсила густо, да вынула пусто; въ середину подуло, такъ и кверху вздуло“ (стр. 5), „самъ нагъ пойду, а тебя какъ бубна пушу“ (стр. 7), „чай, примѣчай, куда чайники летятъ“ (стр. 8), „знать по цвѣту, что идетъ къ мату“ (стр. 29) и проч. (выпускъ 1-й).

Книжка, назначенная для упражненія въ правописаніи, должна сама держаться одной, опредѣленной орфографической системы. Противъ такого единства и опредѣленности „Статьи для диктанта“ кое-гдѣ грѣшатъ. Составитель букву *е* послѣ ж иногда оставляетъ безъ перемѣны, а иногда замѣняетъ буквою *о*, хотя удареніе и тамъ, и здѣсь приходится надъ тою же буквою (остережешься, стр. 4, и жолтый, стр. 82; тяжолый, стр. 92); иногда надъ *е* ставится двоеточіе, если буква произносится какъ *іо*, а иногда не ставится (сѣлъ и поросянку, стр. 5 и 32; бѣльѣ, стр. 91, струѣй, стр. 91 и 106, и жѣтьѣ, стр. 109; поѣмъ и поимъ, стр. 83). Такая непоследовательность объясняется тѣмъ, что составитель, взявъ нѣсколько статей изъ книгъ Ушинскаго (стр. 82, 91), сохранилъ орфографію своего источника. Есть, наконецъ, кой-какія неловкія выраженія; напримѣръ, во 2-мъ выпускѣ: конь обѣжалъ на крутизну (стр. 84); ни въ какомъ времени года не развивается (стр. 3) такой очаровательный свѣтъ, какъ раннею осенью (стр. 117).

Элементарный курсъ географіи. Составилъ С. Никитинъ. Выпускъ 1-й: Отчизновѣдніе для Москвы. Выпускъ 2-й: Отчизновѣдніе для С.-Петербурга. Выпуски 3-й и 4-й: Отечествовѣдніе и Міровѣдніе. Выпускъ 5-й: Заѣтки для преподавателей. Москва 1875.

Изъ послѣдняго выпуска, объясняющаго взглядъ автора на первоначальное преподаваніе географіи, видно, что г. Никитинъ имѣетъ здравыя и умѣренныя воззрѣнія на отчизновѣдніе. Этотъ курсъ мо-

жетъ имѣть значеніе только пропедевтическое и съ точнѣмъ зрѣнія гимназической программы долженъ относиться къ подготовительному классу, гдѣ преподаваніе его можетъ быть поставлено въ связь либо съ естествовѣдѣніемъ, какъ это устроено въ той школѣ, въ которой состоитъ преподавателемъ составитель курсовъ, или же съ преподаваніемъ русскаго языка и объяснительнымъ чтеніемъ первоначальной школьной хрестоматіи. При этомъ едва ли необходимъ будетъ для учениковъ такого рода учебникъ, какъ Отчизновѣдѣніе г. Никитина, состоящій частію изъ указаній пріемовъ, которыми преподаватель можетъ довести ученика до того или другаго понятія, частію изъ задачъ, и болѣе всего—изъ вопросовъ разъяснительныхъ и повторительныхъ. Все это скорѣе относится къ методу и потому полезно для учителя, а не для ученика. Противъ курса отчизновѣдѣнія въ такомъ смыслѣ и такомъ объемѣ, какія приданы ему г. Никитинымъ, мы ничего не можемъ возразить, хотя правильное и обязательное преподаваніе его въ подготовительномъ классѣ все-таки встрѣчаетъ много препятствій. На одинъ изъ нихъ указываютъ замѣтки составителя курсовъ, гдѣ признается невозможнымъ, по самому духу метода, имѣть курсъ отчизновѣдѣнія, годный для всевозможныхъ мѣстностей. Очевидно, что „*Отчизновѣдѣніе* для Москвы и Петербурга“ можетъ служить руководствомъ или учебникомъ (если нужно такое руководство-учебникъ) только въ школахъ этихъ двухъ городовъ и развѣ только образцомъ для преподавателя во всякой другой школѣ. Мысль самого составителя относительно общеприложимости его двухъ курсовъ отчизновѣдѣнія именно такова, что эти курсы, изъ коихъ одинъ посвященъ континентальной мѣстности, а другой—приморскому городу, могутъ дать достаточно *матеріала* для составленія каждымъ преподавателемъ курса отчизновѣдѣнія любой мѣстности Россіи: выбравъ изъ двухъ первыхъ выпусковъ все приложимое къ данной мѣстности, преподаватель получаетъ массу готовыхъ, нужныхъ ему вопросовъ. Мы же, съ своей стороны, думаемъ, что и въ школахъ Москвы и Петербурга книга г. Никитина не можетъ служить ничѣмъ другимъ, какъ пособіемъ для учителя.

Отмѣтимъ все-таки нѣкоторые промахи и недовѣстки текста въ курсѣ Петербургскомъ. На стр. 22 § 6-й изложенъ не ясно. На стр. 26-й § 1—въ числѣ жителей Петербурга поставлены рядомъ *Чухонцы* и *Финны*,—а о Русскомъ народѣ сказано, что онъ славянскаго происхожденія и говорилъ *прежде* на славянскомъ языкѣ. На стр. 28: „многіе исповѣдуютъ въ нашемъ городѣ *еврейскую* религію“. На той

же страницъ: „Въ Петербургѣ стоитъ большое количество войска, защищающаго отечество“.

Третій и четвертый выпуски, изданные вмѣстѣ, то-есть, въ одной книжкѣ, содержатъ въ себѣ Отечественновѣдѣніе и Міровѣдѣніе. Здѣсь опять большое количество вопросовъ, нужныхъ только для учителя, но нерѣдко способныхъ и его самого привести въ затрудненіе, еслибъ ему пришлось отвѣчать на каждый изъ нихъ. Текстъ представляетъ также нѣкоторые недостатки.

На стр. 4: „Великоруссы говорятъ на томъ языкѣ, на которомъ написаны русскія книги“.—„Землю *нашутъ* сохой или *бороной*“. На стр. 16 § 5: Аламскихъ острововъ (вмѣсто Аландскихъ). На стр. 17 § 6-й изложенъ не совсѣмъ ясно. *Низменностію* называется не просто мѣстность, поднимающаяся на нѣвѣстное число сажень надъ уровнемъ моря, а *равнина*. Тамъ же § 7: „Умѣренный климатъ морскихъ странъ называется морскимъ, а *суровый* (?) климатъ внутреннихъ странъ—континентальнымъ“ Здѣсь спутаны представленія. Стр. 19: *Кореллы* (вмѣсто Карелы). Стр. 27: „Обиліе *пшеницы* и ржи (въ южномъ краѣ) развило здѣсь множество винокуренныхъ заводовъ“. Развѣ изъ пшеницы курятъ водку? Стр. 32 (въ концѣ): перечисленіе жителей нижней Волги сдѣлано такъ, что можетъ подать поводъ причислить къ родственнымъ съ Татарами племенамъ не только Мордву, но и Нѣмцевъ. На стр. 43 остается неяснымъ, чтó разумѣется подъ *отечествомъ*—Европейская Россія, или же вся имперія. Въ обозначеніи границъ сказано, что Россія—наше отечество граничитъ, между прочимъ, съ *Сибирью*, но изъ дальѣйшихъ данныхъ можно догадываться, что и Сибирь причисляется къ Россіи. Сверхъ того: съ какими *славянскою* и *турецкою* землями граничитъ Россія? На стр. 48 *Амстердамъ* неточно помѣщенъ при устьѣ Рейна. На стр. 49: Ирландцы вмѣсто Ирландцы. На стр. 52: странная фраза: „Дно океана рѣдко бываетъ обнажено“. Стр. 73: „*Управляющій* страной конгрессъ (сказано о конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ). Такого рода пеловкостей, неточностей и неясностей можно бы указать въ книгѣ еще болѣе. Но все-таки она не можетъ быть поставлена въ число совсѣмъ негодныхъ и могла бы служить учебникомъ въ первомъ классѣ, если бы болѣе соотвѣтствовала принятой программѣ и не находилась въ такой тѣсной связи съ курсомъ Отчизновѣдѣнія.

Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія Древняя и Средняя — до Карла Великаго. Составилъ инспекторъ Московской духовной семинаріи А. Цѣткова. Москва. 1876.

Быть можетъ, при составленіи этой книги авторъ старался имѣть въ виду задачи и требованія, указанныя въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи въ классическихъ гимназіяхъ, но тѣмъ не менѣе трудно рѣшить, для какого возраста и для какихъ именно классовъ гимназій онъ предназначалъ ее. Древняя исторія, составляющая главную и наибольшую часть книги, проходитъ, какъ извѣстно, два раза: въ третьемъ классѣ гимназій—курсъ эпизодическій, и потомъ въ старшемъ VIII-мъ классѣ. По объему, характеру и тону изложенія, курсъ г. Цѣткова мало пригоденъ для первоначальнаго преподаванія; объемъ книги (240 страницъ мелкой печати, а безъ средней исторіи 197 страницъ) не соответствуетъ нормальному количеству времени, удѣленному для исторіи въ третьемъ классѣ, а характеръ и тонъ изложенія превышаютъ степень развитія учениковъ этого класса. „Вопросы бытія и знанія“, „сущность бытія“, „духъ народа, заключающій въ себѣ источники его развитія“, „истинный методъ человѣческаго познанія“, „принципъ демократическаго равенства всѣхъ гражданъ“, „народныя собранія—органъ народной воли“—подобныя выраженія не должны быть вложены въ уста мальчика и не должны характеризовать тотъ языкъ, которымъ слѣдуетъ говорить съ нимъ; а они встрѣчаются довольно часто (см. стр. 86, 88, 100, 65. 122).

Наоборотъ, учебникъ г. Цѣткова служилъ бы весьма недостаточнымъ пособіемъ для достиженія тѣхъ образовательныхъ и отчасти научныхъ цѣлей, ради которыхъ систематическій курсъ классической исторіи поставленъ въ концѣ всего гимназическаго курса. Отдѣлы, посвященные въ книгѣ г. Цѣткова развитію политическихъ учрежденій въ Греціи и Римѣ и духовной жизни обоихъ классическихъ народовъ (литература, искусство), оказались бы для этого слишкомъ краткими и недостаточными. Да и самъ авторъ, по видимому, не предназначалъ своей книги для VIII-го класса, такъ какъ онъ соединилъ въ ней древнюю исторію и *часть средней*.

Пужно признать, что не только существующая гимназическая программа, но и вообще педагогическія требованія и соображенія не считались авторомъ настолько обязательными, насколько это было бы желательно. Самая виѣшность книги: слишкомъ мелкій шрифтъ, часть схп, отд. 3.

отсутствіе всякаго дѣленія большихъ отдѣловъ на статьи или параграфы—свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Тѣмъ не менѣе, разбираемая книга не лишена большихъ достоинствъ. Она написана очень хорошимъ, живымъ и правильнымъ литературнымъ языкомъ. Она представляетъ довольно стройный и отличающійся соразмѣрностію частей и подробностей общій систематическій курсъ исторіи средняго размѣра, такъ что въ этомъ отношеніи могла бы служить полезнымъ руководствомъ для V-го или VI-го класса, еслибы для нихъ нуженъ былъ учебникъ древней исторіи.

Къ сожалѣнію, и эти достоинства затемняются недостатками. Одинъ изъ нихъ — странная непослѣдовательность, а часто и совершенная неправильность въ правописаніи собственныхъ именъ. Авторъ постоянно пишетъ *Веотія*, очень часто *Фукидидъ*, и только иногда *Фукидидъ*; *сизахтія*, *Гестіей* (стр. 69), *Кмифевъ* (стр. 66). *Рутуамъ* (стр. 122) *Калликритидъ* (стр. 95), *Латуцій Камиллъ* (стр. 144), конечно,—опечатки. *Адуи* (стр. 171) вмѣсто *Эдуи*—то же.

Факты передаются вообще вѣрно, но все-таки съ нѣкоторыми исключеніями: о *Датисѣ* и *Артафернѣ* сказано, что они приплыли къ *Евбеѣ* съ о. *Самоса* (стр. 70), тогда какъ нужно было сказать *Наксоса*; *Мильтіадъ* названъ (стр. 71) знатымъ иностранцемъ по отношенію къ *Аѳинскому* его отечеству; *Бразидъ* (стр. 92) названъ *царемъ* *Спартакскимъ*, *Коріоланъ* (стр. 128)—*Маркомъ*; *Тацитъ путешествовалъ* по *Германіи* (стр. 202). *Вестъ-Готы* жили по лѣвому берегу *Нижняго Дуная* (стр. 203): это, впрочемъ, не столько ошибка, сколько не точность. О законодательности *Юстиніана* (стр. 229) сказано недостаточно и не совсѣмъ правильно. Это — мелочи. Гораздо существеннѣе недостатки, замѣчаемые въ отдѣлахъ о политическихъ учрежденіяхъ *Аѳинъ* и *Рима*. Здѣсь многое неясно, и многое совсѣмъ невѣрно. О *Солоновскомъ* дѣленіи на классы говорится такъ, какъ будто оно было основано на количествѣ *движимаго* имущества; не объяснено даже, какаѣ мѣры есть *медимнъ*. Выраженіе „500 *медимновъ* дохода“ въ связи съ предыдущимъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, то-есть, заставить думать, что *медимнъ* есть монетная единица. Далѣе сказано (стр. 63), что каждый классъ гражданъ избиралъ въ государственный совѣтъ (*βουλή*) по *сту* человекъ, что совершенно невѣрно. Здѣсь классы смѣшаны съ *филами*. О *геліастахъ* (стр. 64) сказано, что они избирались *архонтами*; нужно было сказать „по жребію“; слѣдовательно, соображеніе о причинѣ вліянія на

нихъ духа аристократической партіи также невѣрно, какъ и самый сообщаемый фактъ. То, что далѣе говорится о законодательствѣ Клизеова по отношенію къ гелиастамъ, вѣто неизвѣстно откуда. Въ римской исторіи въ соответствующихъ отдѣлахъ точно также необходимы исправленія. Напрасно авторъ говоритъ о раздѣленіи Сервіемъ Тулліемъ городскихъ и деревенскихъ плебеевъ на 30 трибъ и о дозволеніи избирать имъ себѣ начальниковъ трибуновъ (стр. 121); невѣрно приписывается *соотцательный* голосъ плебейскимъ трибунамъ въ сенатѣ тотчасъ послѣ учрежденія трибуната (стр. 131). Муниципіи (стр. 141) не суть союзническіе города, а общины римскаго права. Вообще отдѣлы о политическихъ учрежденіяхъ должны быть пересмотрѣны. Тогда книга г. Цвѣткова будетъ очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ нашей учебной литературѣ.

Космосъ для юношества. Составленъ по Керберу и другимъ, подъ редакціей К. Краевича. С.-Пб. 1875.

Очень трудно составить себѣ понятіе о планѣ и цѣли этой книги. Подъ именемъ *Космоса* всякій ожидаетъ найти нѣчто подобное тому, что представляетъ „Космосъ“ Гумбольдта, то-есть, очеркъ физическаго міровѣдѣнія. Безъ сомнѣнія, таково и есть содержаніе нѣмецкой книги Кербера, послужившей основаніемъ для книги г. Краевича. Но составитель русской книги извѣщаетъ въ предисловіи, что онъ вмѣстѣ со своими сотрудниками: А. Ѳ. Баталинымъ, Н. С. Валицкимъ, Е. Ѳ. Вегнеромъ, Н. А. Гребницкимъ, Ю. И. Симашко и В. М. Сорокинымъ, „въ значительной степени переработали „Космосъ для юношества“ Кербера; нѣкоторыя статьи переведены съ небольшими измѣненіями, многія выпущены или замѣнены новыми, частію оригинальными, частію заимствованными изъ другихъ источниковъ“. (Предисловіе, стр. IV). Спрашивается: зачѣмъ же эта передѣлка? Составитель говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду „такой сборникъ, въ которомъ каждый читатель нашелъ бы страницы по своимъ наклонностямъ“ (Предисловіе, стр. III). Вотъ все объясненіе цѣли настоящей книги. Такая обширная цѣль едва ли достигается тѣмъ, что въ книжкѣ нѣтъ никакого порядка, ничего цѣльнаго, никакой связи. Книга начинается прямо съ „краткаго обзора развитія образованности отъ первобытнаго состоянія человѣка до настоящаго времени“. Потомъ слѣдуютъ главы въ такомъ порядкѣ: Индѣйцы. Китайцы. Египтяне. Ассирійяне. О древнихъ памятникахъ внутри Америки. Греки и Римляне. Христіанское право. Книгопечатаніе. Химія. Магнетизмъ и электричество.

Наровня машины. Война и войско. Флотъ. О человѣческомъ тѣлѣ. Естественная исторія органической жизни на земномъ шарѣ. Борьба человѣка съ природой. Видъ и величина земли и ея математическое дѣленіе. Земля и ея произведенія. О сушѣ. О воздухѣ и явленіяхъ въ атмосферѣ.

Ужъ изъ этихъ заглавій видна странная отрывочность и неопредѣленность книги; но еще яснѣе отсутствіе плана и порядка въ самихъ статьяхъ. Нѣкоторыя статьи даже вовсе не соотвѣтствуютъ заглавію. Напримѣръ, подъ заглавіемъ „Видъ и величина земли и ея математическое дѣленіе“ излагаются вообще всякаго рода свѣдѣнія изъ астрономіи; подъ заглавіемъ „Земля и ея произведенія“ говорится только о морѣ и о морскихъ явленіяхъ и произведеніяхъ. Непригодно давать ученикамъ книгу, не соблюдающую самыхъ простыхъ условій книги.

Обратимся къ содержанію. Оно преисполнено страшнаго резонерства, имѣетъ притязаніе на популярное изложеніе какихъ-то общихъ идей, но отличается крайнею поверхностію и неточностію. Напримѣръ: „Постепенность улучшенія быта отъ дикаго первобытнаго состоянія къ болѣе совершенному называется *культурой*“ (стр. 2). Неправильная фраза и неправильный смыслъ. Культура больше значить, чѣмъ *улучшеніе быта*.

„Александръ Македонскій своими всемирными (и въ подлинникѣ) побѣдами подчинилъ себѣ *все* народы“ (стр. 6). Опять и языкъ, и смыслъ неправильны.

„Вначалѣ человѣкъ утолялъ свой голодъ плодами; постоянная борьба съ хищными животными *ознакомила его съ питательностію мяса*. Сильный ударъ вѣтви, упавшей съ дерева, навелъ человѣка на мысль обчистить эту вѣтвь и употреблять ее какъ дубину“, и т. д. (стр. 9). Тутъ положительно и обстоятельно разказываются очень нескладныя выдумки, приличныя дѣтскому взгляду на исторію и основанныя на мысли, что человѣкъ случайно и по частямъ приобрулъ свой умъ.

„Ковчегъ Ноя доказываетъ высокое развитіе искусствъ и ремеслъ. Это было громадное судно, не уступающее, по своимъ размѣрамъ, самымъ большимъ кораблямъ настоящаго времени, а сооруженіе большихъ судовъ даже теперь сопряжено съ большими трудностями. Здѣсь необходимы искусные плотники, кузнецы, слесари и другіе мастера; нужны прочныя и сильныя подъемныя машины и разныя сложныя приспособленія, а это въ свою очередь предполагаетъ обширныя свѣ-

дѣнія въ математикѣ и механикѣ" (стр. 10). Къ чему эти разсужденія? Они неправильны уже потому, что придаютъ опредѣленность и законченность библейскому сказанію, содержащему лишь общія и неопредѣленные черты.

Изъ преданій всѣхъ народовъ намъ извѣстно, что въ отдаленной древности люди старались воздвигать искусственныя горы тамъ, гдѣ не было естественныхъ. Св. Писаніе говоритъ намъ о Вавилонской башнѣ, которая была ничто иное, какъ искусственная гора, сложенная изъ кирпича; внутренность ея назначалась для поклоненія Ваалу* (стр. 25). Зачѣмъ пишутся подобныя странности, и какъ они приходятъ въ голову, мы отказываемся понять.

Примѣромъ безсодержательнаго резонерства можетъ служить глава „Война и войско“ (стр. 139—143); идея ея заключается въ томъ, что война есть зло, такъ какъ въ сраженіяхъ погибаютъ люди, и содержать войско дорого стоитъ. О томъ, что поле битвы есть поприще самопожертвованія, и что духовныя силы народовъ особенно возвышаются въ тѣхъ случаяхъ, когда люди препинаются своими лучшими чувствами до готовности жертвовать жизнью, — объ этомъ ничего не говорится, хотя авторъ и берется, какъ онъ выражается, „съ полною откровенностію“ объяснить, почему войнамъ приписывается и полезное вліяніе (стр. 141).

Подобныя неточности, невѣрности, странности безпрестанно встрѣчаются въ книгѣ, и разумѣтся, тѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ разнороднѣе предметы, въ ней трактуемые. Составитель, вѣроятно, самъ чувствовать что-то неладное въ своей книгѣ, потому что въ предисловіи говоритъ: „Не намъ судить, на сколько книга наша удовлетворяетъ своей цѣли (какой?), и вызвана ли она дѣйствительною потребностію (зачѣмъ же она писана? спросимъ мы); въ ней безъ сомнѣнія найдутся погрѣшности и другіе недостатки, неизбежныя при разнообразіи и трудности выполненія принятой нами задачи (какой?). Но если трудъ и желаніе быть полезнымъ заслуживаютъ одобренія, то наша книга, по крайней мѣрѣ, не должна быть намъ поставлена въ порицаніе“ (Предисловіе, стр. IV).

Безсодержательность и многословіе этихъ строкъ всего лучше свидѣтельствуютъ, что составителямъ нечего сказать о своемъ произведеніи. Они ссылаются на трудъ и на желаніе быть полезнымъ; но ихъ можно упрекнуть именно въ томъ, что они слишкомъ мало трудились, а только дали своему дѣлу видъ большаго труда, что они сѣпили вмѣстѣ кос-какіе отрывки и обрывки и выдаютъ это за книгу,

да еще за „Космосъ для юншества“, что эту смѣсь, не имѣющую ни цѣли, ни плана, составленную безъ всякой ясной мысли, они слишкомъ хорошо напечатали и слишкомъ красиво переплели.

Наглядное знакомство съ животными, водившимися въ Европейской Россіи. Зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ изображеніе и описаніе 340 животныхъ, преимущественно вредныхъ и полезныхъ, и слишкомъ 50 рисунковъ анатомическихъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. С.-Пб. 1876.

Подъ именемъ нагляднаго знакомства едва ли можно разумѣть одно знакомство по рисункамъ. Но разумѣется, и рисунки полезны. Изъ самаго заглавія видно, къ сожалѣнію, что составитель атласа не задался строго опредѣленною цѣлью. Это не есть зоологическій атласъ, потому что такой атласъ долженъ обнимать главныхъ животныхъ всего земнаго шара; это не есть и атласъ животныхъ Европейской Россіи, потому что ограничивается преимущественно вредными и полезными животными. Въ предисловіи составитель говоритъ о своей цѣли такъ: „Если этотъ мой трудъ пріохотитъ учащихся къ болѣе обстоятельному ознакомленію съ животными, то онъ въ то же время—я увѣренъ—удержитъ многихъ отъ несправедливаго преслѣдованія немалого числа полезныхъ *дѣятелей* изъ животнаго царства, а равно поколеблетъ довѣріе къ многимъ укоренившимся предрасудкамъ. Очень можетъ быть, что онъ послужитъ также не лишнимъ пособіемъ для самообученія и для повторенія какъ пріготовительнаго, такъ и систематическаго курса зоологіи“.

Первая цѣль—пріохотить учащихся къ зоологіи слишкомъ неопредѣленна; вторая—искоренять посредствомъ атласа предрасудки—едва ли достижима; третья цѣль—служить пособіемъ при повтореніи курса зоологіи—невозможна, потому что атласъ не имѣетъ полноты.

Причина, почему составитель не задался болѣе ясными цѣлями, очень проста. Его атласъ есть не что иное, какъ перепечатка рисунковъ, помѣщенныхъ имъ въ книгѣ: „Сельско-хозяйственная зоологія“.

Атласъ представляетъ неточности и ошибки въ объясненіяхъ, напечатанныхъ подъ рисунками, отличающихся притомъ такою же несообразностью въ частяхъ, безсвязностью и многословіемъ, какъ и та книга г. Иверсена, изъ которой взяты эти рисунки. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

На таблицѣ I, подъ первымъ рисункомъ (скелетъ лошади) въ объясненіи стоятъ: „1—голень; 2—голень“. Такимъ образомъ *предме-*

cie (st) названо голенью, — чѣмъ нарушается соотвѣтствіе съ одноименными частями человѣка. Сверхъ того, голень не есть названіе костей; кости голени называются берцовыми большими и малыми. Подъ вторымъ рисункомъ сказано: „у лошади часто не бываетъ вовсе клыковъ“. Это справедливо только относительно самокъ, а у самцовъ всегда бываютъ клыки. Подъ 7-мъ рисункомъ сказано, что землеройки „издаютъ непріятный запахъ, зависящій отъ особаго выдѣленія *въ хвостѣ*“; но пахучія желѣзы землероекъ находятся не въ хвостѣ, а по бокамъ туловища. На таблицѣ II, подъ рисункомъ 4-мъ сказано, что бѣзъ „покрытъ иглами, происшедшими изъ слившихся волосъ“. Между тѣмъ иглы суть лишь толстые и крѣпкіе волосы; *слияніе волосъ* никогда не бываетъ ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Подъ рисункомъ 6-мъ положительно увѣряется, что домашняя кошка „введена въ Европѣ“ (странное выраженіе) крестоносцами, тогда какъ она извѣстна съ древности.

На таблицѣ IV, подъ рисункомъ 3-мъ сказано, что лѣсная куница отличается зловоніемъ, что совершенно невѣрно. Зловоніемъ отличаются хорекъ, горностаѣ и норка, которые изображены на этой же таблицѣ, и о которыхъ этого не сказано.

На таблицѣ VI, подъ фигурой 6-й сказано, что заяцъ-русакъ вырываетъ глубокія логовища, чего, какъ извѣстно всякому, никогда не бываетъ. Норы вырываетъ кроликъ, который изображенъ на этой же таблицѣ, но о которомъ этого не сказано.

Многія изъ подписей, находящихся подъ рисунками, конечно, не содержатъ ошибокъ, но за то и ничего не содержатъ. Напримѣръ, подъ медвѣдемъ подписано: живетъ въ лѣсахъ и извѣстенъ всѣмъ какъ по вредности, такъ и по забавности въ прирученномъ состояніи и въ молодомъ возрастѣ.

Вообще, при своемъ многословіи, подписи не представляютъ никакой равномѣрности и никакого плана.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1876 году: личный составъ преподавателей; вакантныя катедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; ученые труды преподавателей и служащихъ; удостоеніе учеными степенями и званіями; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно- вспомогаельныхъ учрежденій; институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарныхъ—4, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—4, временныхъ преподавателей—1, лекторовъ—5; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—6, экстраординарныхъ—4, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—4; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—5, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—2; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ—9, экстраординарныхъ—7, доцентовъ—4, временныхъ преподавателей—1, прозекторовъ и исправляющихъ должность прозекторовъ—3. Сверхъ того при университетѣ состояли: старшій астрономъ-наблюдатель—1, исправляющій должность младшаго астронома-наблюдателя—1, лаборантовъ—4, хранителей книгъ—2, механикъ—1. Всего же въ университетѣ, сверхъ сихъ послѣднихъ 9-ти лицъ, состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ—27, экстраординарныхъ—20, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—14, временныхъ преподавателей—2, лекторовъ—5, прозекторовъ и исправляющихъ должность схищ. отд. 4.

ность прозектора — 3, и того—71 лицо. Сверхъ штата состояли: 1 экстраординарный профессоръ по кафедрѣ описательной анатоміи, и въ преподавательскихъ должностяхъ—1 помощникъ прозектора, 1 лаборантъ и 7 ординаторовъ при разныхъ клиникахъ. Приватъ-доцентъ—1, по кафедрѣ математики. Изъ числа положенныхъ по уставу кафедръ оставались вакантными: на историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительнаго языкознанія, на физико-математическомъ—физической географіи и агрономической химіи, на медицинскомъ—описательной анатоміи. Преподаваніе по симъ кафедрамъ было поручено: сравнительнаго языкознанія—доктору Микуцкому, агрономической химіи—доценту Вредену, математической физики—доценту Сонину, описательной анатоміи—доценту Чаусову и прозектору Пржевоскому, изъ которыхъ первый въ концѣ года назначенъ былъ: экстраординарнымъ профессоромъ по названной кафедрѣ.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—15, физико-математическій—15, юридическій—9, медицинскій—21. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями, сверхъ переходныхъ и окончательныхъ испытаній и контрольных необязательныхъ испытаній студентамъ, желающимъ во второмъ полугодіи получить стипендіи или освободиться отъ платы за лекціи, предпріяты были слѣдующія мѣры: по историко-филологическому факультету—практическія занятія профессоръ съ студентами и приготовленіе послѣдними сочиненій на заданныя или одобренныя факультетомъ темы. Студенты представили слѣдующія работы: Гаевскій—„Мнѣніе Фридриха Вольфа о Гомеровскихъ эпопеяхъ“, Здзюховскій—„Объ Аристарховомъ объясненіи различныхъ словъ у Гомера“, Верцинскій—„Переводъ и объясненіе пролога Софокловой трагедіи Антигона“, Петрученко—„Переводъ и объясненіе отрывка изъ Эдипа-царю“, Дембицкій—„Объ ostrakismos по греческимъ источникамъ“, Сендзимиръ—„Переводъ съ объясненіемъ отрывка Антигоны“, Грошковскій—„Содержаніе трагедіи Аякса и переводъ одного отрывка ея съ объясненіями“, Янчакъ—„Дателъный падежъ въ IV книгѣ Анабазиса Ксенофонта“, Стемповскій—„Характеръ Іокасты по Эдипу-царю Софокла“, Новакъ—„Gerundium et gerundivum“, Епатовскій—„Драматическое искусство въ Римѣ съ 240 по 120 годъ до Р. Х.“, Бродовичъ—„Учено-литературная дѣятельность В. Н. Татищева“, Каль—„Характеристика К. Н. Батюшкова по его письмамъ и стихотвореніямъ“, Гонсіоровскій—„Источники и редакція слова Даниила Заточника“, Маркевичъ—„Различныя

сказанія о Куликовской битвѣ" и „Поученія противъ остатковъ измѣстѣва“, Виноградогъ—„О посадникахъ Новгородскихъ“, Невскій—„Положеніе православнаго духовенства въ Литвѣ и западной Руси до XVI ст.“, Качавовскій—„О сербскихъ житіяхъ и лѣтописяхъ“, Гонсіоронскій—„Сравненіе сказаній Кромера и Красицкаго о польской шляхтѣ“, Каль—„Идеалы польскаго шляхтича по Ресю и Красицкому“. По физико-математическому факультету, сверхъ обязательныхъ практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, въ виду необходимости для студентовъ математическаго отдѣленія приобрѣтенія возможно-большаго навыка въ вычисленіяхъ, доцентъ Соинъ занимался со студентами практическими упражненіями по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. По юридическому факультету каждый студентъ на всѣхъ курсахъ обязанъ былъ избрать какой либо предметъ своей спеціальностію и представить по этому предмету письменную работу. Занятія между студентами распределены были слѣдующимъ образомъ: у профессора гражданскаго права Голевинскаго студенты занимались составленіемъ отчетовъ по прочитаннымъ ими сочиненіямъ. Болѣе выдающійся и лучший отчетъ составленъ студентомъ IV курса Фёдоромъ Комарицею, подъ заглавіемъ „О завінціяхъ“. По предмету уголовного судопроизводства и судопроизводства особенно выдавались письменныя работы: студента IV курса Ивана Павловскаго—„Критическій разборъ сочиненія Миклашевскаго: „О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и о пресѣченіи ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, и студента того же курса Адама Гарусевича—„О прокурорахъ въ уголовномъ судопроизводствѣ и судопроизводствѣ“. По гражданскому судопроизводству и судопроизводству большая часть работъ имѣли своимъ предметомъ отчетъ о сочиненіи Малишева „Курсъ гражданскаго судопроизводства и судопроизводства“, и Шинаповскаго—„Wyklad postępowania sądowego cywilnego“. По исторіи славянскихъ законодательствъ нѣкоторые студенты представили заслуживающіе вниманія труды, именно: Осипъ Пухальскій—„О бытѣ польскихъ Евреевъ во времена Пястовъ“, Сямъ Боричевскій—„Сборникъ юридическихъ обычаевъ Вѣжицкой волости, Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи“, Михаилъ Бедлицкій—„Историческое значеніе Нѣславскихъ статутовъ“, Карлъ Станиславскій—„Польское уголовное право въ XIII вѣкѣ съ точки зрѣнія современнаго состоянія науки уголовного права“. По уголовному праву болѣе выдающимися разсужденіемъ были работы студентовъ: Шиллера—„О покушеніи" и Петровскаго—

„О теоріи наказуемости“. По финансовому праву студенты представили по большей части извлечения изъ читаннаго преподавателемъ курса и указанныхъ имъ сочиненій. По государственному праву студенты должны были представлять разсужденіе на самостоятельно-выбранную тему, послѣ внимательнаго прочтенія одного изъ классическихъ писателей въ области государственнаго права, а именно Платона, Аристотеля, Макіавелли и Монтескье, причемъ должны были заниматься изученіемъ только одного избраннаго ими автора, не прибѣгая къ какимъ-либо другимъ пособіямъ. Лучшей изъ работъ оказалась представленная студентомъ Севериномъ Винницкимъ „О семействѣ по Платону“. По римскому праву и исторіи римскаго и византійскаго права болѣе выдающіеся труды представлены студентами: Станиславомъ Либицкимъ — „О владѣніи по римскому праву“, Казиміромъ Волячникомъ — „О владѣніи“ и Иваномъ Стефановичемъ — „*Lex gentium* и его вліяніе на преторское право“. По статистикѣ особенно выдавался трудъ Антона Ненадзевича — „О населенности Западно-Русскаго края, въ зависимости отъ причинъ, обуславливающихъ распредѣленіе населенія“, какъ понятна составить статистическую исторію западнаго края. По исторіи русскаго права студенты-спеціалисты занимались разработкой древняго до-монгольскаго періода, на основаніи источниковъ и сочиненія Сергіевича „Вѣче и князь“. По международному праву профессоръ указывалъ студентамъ нѣсколько сочиненій и учебниковъ по этому предмету, изъ которыхъ предоставлялось студенту выбрать одно, и въ концѣ года представить подробный отчетъ съ объясненіями: а) относительно содержанія цѣли и научнаго метода прочитанныхъ сочиненій, б) относительно обращающихъ на себя вниманіе наиболѣе выдающихся отдѣльныхъ вопросовъ, и в) относительно содержанія сочиненія и метода его въ сравненіи съ курсомъ. Наиболѣе замѣчательными были работы студентовъ: Максиміліана Гонсіоровскаго — разборъ сочиненія Стоянова: „О началѣхъ международнаго права“ и Александра Чицкаго — разборъ сочиненія Влугчле: „Уложеніе международнаго права современныхъ государствъ“. По энциклопедіи права студенты, въ представленныхъ ими работахъ, болѣе всего занимались разработкою вопроса о различіи между правомъ и нравственностію и разъясненіемъ сущности обычнаго права. Болѣе выдающіеся сочиненія были представлены: студентомъ Леополдомъ Лавровымъ — подъ заглавіемъ „Общія свойства права и отношенія его къ морали“ и студентомъ Михайломъ Рудаковымъ — „Образованіе

обычнаго права и закона". По медицинскому факультету, независимо отъ заботъ по приобрѣтенію книгъ и журналовъ для университетской бібліотеки и студентской читальни, а также различныхъ аппаратовъ и снарядовъ для практическихъ занятій, факультетъ съ разрѣшенія совѣта допустилъ слѣдующія нововведенія: а) ввелъ преподаваніе для V курса частной (топографической) хирургіи; б) установилъ для студентовъ IV курса практической экзаменъ, вмѣсто прежняго теоретическаго, по офтальмологіи на амбулаторныхъ больныхъ; в) выработалъ правила для фармацевтовъ, слушающихъ университетскіе курсы, примѣнивъ къ нимъ правила, существующія для студентовъ въ отношеніи подчиненія административному порядку, съ распредѣленіемъ на два курса всѣхъ фармацевтическихъ предметовъ и съ введеніемъ на первомъ курсѣ преподаванія фармацевтической пропедевтики, а также установилъ для фармацевтовъ несуществовавшіе прежде переводные экзамены изъ I во II курсъ, независимо отъ окончательныхъ на степень провизора: г) въ виду усиленія учебной дѣятельности студентовъ, факультетъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при больницѣ Младенца Иисуса офтальмологической клиники, и объ учрежденіи при этой больницѣ клиники дѣтскихъ болѣзней; д) выработалъ проектъ для установленія болѣе прочныхъ отношеній университета къ клиническимъ больницамъ, поставивъ непременнымъ условіемъ приобрѣтеніе для университетскихъ клиникъ одной изъ Варшавскихъ больницъ, именно больницы Младенца Иисуса; е) вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія объ ускореніи окончательныхъ выпусковъ медицинскихъ и фармацевтическихъ студентовъ и о подготовленіи медицинскихъ студентовъ въ полевой хирургіи и въ ученіи о повальныхъ болѣзняхъ, являющихся при большомъ скопленіи войскъ, факультетъ заботился объ открытіи курсовъ по означеннымъ предметамъ и произвелъ экстренные выпускные экзамены V-му курсу на степень лекаря и фармацевтамъ II курса на степенъ провизора въ четырехнедѣльный срокъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе на продолженіе наукъ во 2-мъ полугодіи для тѣхъ студентовъ V курса и фармацевтовъ II курса, которые на ускоренныхъ экзаменахъ получили неудовлетворительныя отиѣтки по двумъ предметамъ. Наконецъ, способами контроля надъ записками студентовъ, кромѣ переводныхъ и повѣрочныхъ экзаменовъ, служили личныя наблюденія всѣхъ преподавателей, практическія испытанія студентовъ въ лабораторіяхъ и клиникахъ, надзоръ за правильнымъ веденіемъ ис-

торія болѣзней, составленіемъ протоколовъ вскрытій въ клиникахъ и анатомическомъ театрѣ.

Для соисканія наградъ медалями за представленныя сочиненія назначены были факультетами слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету—„Критическое сравненіе *Novum organon* Бэкона съ *Discours de la méthode* по ихъ содержанію, способу изложенія и историческому значенію“, „Грунвальдская битва 1410 года“ и „Значеніе Квинта Эннія, преимущественно какъ эпического поэта, въ римской литературѣ“; по физико-математическому—„Объ интерполированіи“ и „О протенинныхъ зернахъ и кристаллоидахъ“; по юридическому—„О государственномъ совѣтѣ въ Россіи и соотвѣстныхъ ему учрежденіяхъ въ другихъ государствахъ Европы“, „Сравнительное изслѣдованіе о правѣ распоряженія имуществомъ посредствомъ даренія по важнѣйшимъ дѣйствующимъ законодательствамъ“ и „Исторія общественныхъ классовъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ сравнительно до половины XIII вѣка“; по медицинскому—„Количественныя отношенія мочевой кислоты въ мочѣ при лихорадочныхъ и безлихорадочныхъ болѣзняхъ“, „Микроскопическое и химическое изслѣдованіе мокроты въ хроническихъ болѣзняхъ легкихъ“, „Топографическое описаніе шейной фасціи (*Fascia colli*)“, „Мочевой пузырь (*Vesica urinaria*). Его положеніе при разной степени наполненія. Мышечныя волокна мочевого пузыря. *Capula pelvis-prostatica*“ и „О дѣйствіи солей и алкалоидовъ на процессы броженія“. За представленныя сочиненія нижеслѣдующіе студенты награждены медалями: золотыми—IV курса историко-филологическаго факультета Владиславъ Дембицкій и IV курса юридическаго факультета Александръ Либбертъ; серебряными—студенты IV курса: историко-филологическаго факультета—Яковъ Бобрукъ, юридическаго—Константинъ Туръ, Евстафій Добецкій и Осипъ Шифаръ.

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства Варшавскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора: Павинскій—напечаталъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Описаніе четырехъ языческихъ кладбищъ, вмѣстѣ съ фотографическими снимками павденныхъ вещей“, Струве — напечаталъ статьи: „*Hamlet. Eine Characterstudie*“, „Письма изъ Лондона объ англійскомъ художествѣ“ въ журналъ *Klosy*, „*Psychologisch-metaphysische Analyse der Grundgesetze des Denkens*“ въ *Philosophische Monatshefte*, „*Systema dwóch światów*“, помѣстивъ разныя критическія статьи въ

журналах Kłosy и Wiek; Мѣржинскій—помѣстилъ въ Трудахъ III археологическаго сѣзда статью „Ласицкій и его сочиненіе De diis Samagitorum“; Коссовичъ—приготовилъ 2-е изданіе Греческаго словаря; Левестамъ—напечаталъ: въ журналах Kłosy и Wiek—литературныя статьи, эстетическія и критическія разсужденія, въ лейпцигскомъ журналѣ Blätter für litterarische Unterhaltung и въ Allgemeine Zeitung—„Обзоръ литературнаго движенія въ Польшѣ“, напечаталъ отдѣльною брошюрою „Alexander Fredro, obraz biograficzno-literacki“ и приготовилъ къ печатанію—„Три публичныя лекціи о драматическомъ искусствѣ“; Колосовъ—выпустилъ въ свѣтъ 2-е изданіе „Старославянской грамматики“ и помѣстилъ въ Запискахъ академіи наукъ „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣвернаго великорусскаго нарѣчія“; Перводольфъ—напечаталъ сочиненіе „Германизация Балтійскихъ Славянъ“; Яковлевъ—напечаталъ и редактировалъ: „Дж. Г. Льюисъ. Актеры и сценическое искусство“, напечаталъ переводъ съ пѣмецкаго: „Иречекъ. Исторія Болгаръ“, и статью „Къ исторіи русскихъ путешествій въ Азію“; Макушевъ—помѣстилъ: въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ“ и въ Славянскомъ Сборникѣ — „Восточный вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, по неизданнымъ итальянскимъ напечатаніямъ“, „Общественныя и государственныя вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка“ и „Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность“; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — напечаталъ: въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ о занятіяхъ во время заграничной командировки“, „Головня морскаго щавеля“ и „Сборникъ работъ, произведенныхъ въ ботанической лабораторіи Варшавскаго университета“¹⁾; Поповъ—напечаталъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Работы химической лабораторіи Варшавскаго университета“; на V сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сдѣлалъ сообщенія: „Объ окисленіи кетонновъ, содержащихъ бензилъ“, „О строеніи бромознатовой и оксизнатовой кислотъ“, „О помѣщеніи хлора въ хлоро-валерамъ“ и „Углеводороды“; Востоковъ—сдѣлалъ на V сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „О разложеніи въ рядѣ

¹⁾ «Ustilago Parlectorei F. de W. m s. p. (Hedwigia), въ Botanische Zeitung—«Der Brand des Secampfers», въ Nuovo giornale botan. Italian.—«Notice sur une nouvelle Ustilaginée»; кромѣ того подготовилъ монографію голоносовыхъ, сдѣлавъ научныя въ Бранденбургскомъ ботаническомъ обществѣ въ Берлинѣ и въ Московскомъ обществѣ испытателей природы, составилъ коллекцію ржаныхъ грибовъ и лишайвъ Московской губерніи.

функции, представляющей обратную величину разстоянія между двумя планетами, въ рядъ по степенямъ эксцентриситетовъ", напечатанное въ Сборникѣ трудовъ съѣзда; Алексѣевъ — сдѣлалъ сообщеніе на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей: о нѣкоторыхъ родахъ, о способѣ черченія стереоскопическихъ фигуръ и о связи лежандровыхъ функций съ аллитическими, и приготовилъ къ печати II и III томы издаваемого имъ интегральнаго исчисленія; Юркевичъ — издалъ: а) переводъ 12-ти публичныхъ лекцій Агассица „О естественныхъ основаніяхъ сродства между животными", съ прибавленіемъ подробнаго жизнеописанія и ученой дѣятельности автора, б) отчеты о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естественныхъ наукъ, въ журналахъ *Bluszcz* и *Kłosy*, и въ журналѣ „Природа и Промышленность" помѣстилъ статью „О внутреннемъ морѣ въ пустынѣ Сахара"; Александровичъ — сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Исслѣдованіе пяти новыхъ видовъ *Empruzae*" и „Проектъ къ изданію таблицъ рисунковъ съѣдобныхъ и ядовитыхъ грибовъ"; Ганинъ — напечаталъ въ Трудахъ V съѣзда естествоиспытателей: „Матеріалы къ познанію постъ-эмбриональнаго развитія насѣкомыхъ" и „Наблюденіе надъ эмбриональнымъ развитіемъ *Pelodeza tereus*"; подъ его руководствомъ кандидатъ Натансонъ издалъ статью „Къ исторіи развитія нематодъ", напечатанную въ Сборникѣ трудовъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей; Андреевскій — сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „Объ одномъ способѣ измѣненія периметровъ въ неопредѣленныхъ интегралахъ, посредствомъ котораго можно изъ извѣстныхъ простѣйшихъ интеграловъ получить значеніе другихъ интеграловъ"; Вржесніевскій — сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ систематикѣ и анатоміи инфузорій" и „Къ систематикѣ и анатоміи амфиподъ" и помѣстилъ въ журналѣ *Przyroda i przemyst* подробные отчеты о сочиненіяхъ Бенедекъ — „*Commensaux et parasites*" и Лейкарта — „*Die menschlichen Parasiten*"; Будзинскій — въ Руководствѣ для гминныхъ судовъ составилъ „Уставъ о наказаніяхъ 1864 г." и помѣстилъ нѣсколько статей въ журналѣ *Gazeta Sądowa*; Кашкица — помѣстилъ въ журналѣ *Wiek* статью подъ заглавіемъ: „*Kilka uwag nad pracą p. t. Wychowanie publiczne na podstawach ekonomii politycznej przez Alexandra Czarnowskiego*"; Окольскій — напечаталъ: „Краткій очеркъ гражданскаго судопроизводства по уставамъ 20-го ноября 1864 г." въ *Gazeta Sądowa*, руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго, именно „Гражданское судопроизводство въ гминныхъ судахъ" и „Го-

родовое положеніе въ Имперіи", въ журналѣ Athenaeum; Самоквасовъ — напечаталъ: „Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки" въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія", 1-й томъ „Сборника обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ", и два реферата, читанные въ секціи антропологии и этнографіи V сѣзда русскихъ естествоиспытателей: „О результатахъ раскопки городищъ и кургановъ въ 1876 году въ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніяхъ" и „О каменныхъ орудіяхъ; Михмешевскій — написалъ: 1) „O dziełach, postugujących do poznania nowych ustaw sądowych" въ Gazeta Sądowa Warszawska", 2) „Rys organizacyi władz sądowych podług ustaw z d. 20 Listopada 1864 r. i postanowienie o wprowadzeniu reformy sądowej w Krolestwie Polskiem z d. Lutego 1875 r.", 3) „Art. 12, 13, 74 ustawy postępowania karnego" въ Gazeta Sądowa, 4) „Art. 105 i 106 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 5) „Art. 19 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 6) „Art. 76 postanowienia z d. 19 Lutego 1875 года" (тамъ же), 7) „Art. 44 i 315 organizacyi władz sądowych" (тамъ же), 8) „Art. 8, 10 i 11 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 9) „Art. 45 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 10) „Art. 58 i 59 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 11) „Art. 80 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 12) „Art. 54 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 13) „Art. 19 przepisów z dnia 1/18 Czerwca 1875 r." (тамъ же), 14) „Notatka statystyczna" (тамъ же), 15) „Przepisy obowiązujące co do skazywania nieletnich przestępców do osad rolnych i przytułków rzemieślniczych Warszawa 1876 r.", 16) „Rocznik Towarzystwa osad rolnych i przytułków rzemieślniczych za 1875 r.", 17) „Руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго" (2 тома на русскомъ и польскомъ языкахъ), 18) „Art. 85 ustawy postępowania karnego" (Gazeta Sądowa), 19) „Przegląd bibliograficzny" (тамъ же), 20) „Sprawa Aleksandrowych" (тамъ же), 21) „Notatki naukowe i literackie. Departamenta kassacyjne Rządzącego Senata" (тамъ же), 22) „Spór jurisdikcyjny" (тамъ же), 23) „Sprawa Druta" (тамъ же), 24) „Z sądu Willanowskiego" (тамъ же), 25) „Z sądu Willanowskiego" (тамъ же), 26) „Z trzeciego posiedzenia Sądu Okręgowego Warszawskiego" (тамъ же), 27) „Sprawa F. Starosza i S. Skalskiego, obwinionych o rabunek" (тамъ же), 28) „Sprawa Walentynowicza i Nowakowskiego, obwinionych o dręczenie zwierzęcia" (тамъ же), 29) „Sprawa Władysława Ostrowskiego, obwinionego o ostzucie strychnina" (тамъ же), 30) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, получившее обязательную силу въ Цар-

ствѣ Польскомъ, въ силу указа правительствующаго сената 26-го сентября 1876 года, съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената по 1-е января 1876 года, на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. 1-й"; Бродовскій — напечаталъ: въ Архивѣ Вирхова — „Mittheilungen Laboratorium der pathologischen Anatomie zu Warschau“, въ Medicinische Jahrbücher v. Stricker — „Berichtigung aus Anlass des Artikels von Herrn Rabl: „Ueber das Granulations-Gewebe und seine Bedeutung für die Scrophulose“, въ трудахъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ — „Къ ученію объ острой желтой атрофіи печени“; Гиршовъ — продолжалъ печатать „Руководство къ общей и частной хирургіи“ и напечаталъ въ Gazecie lekarskiej Warszawskiej статьи: „О полипахъ“, „О вагинальной овариотоміи“ и „Объ операциіи Пирогова“; Гейеръ — напечаталъ: въ Hoffmann und Schwalbe Jahresbericht über die Fortschritte der Anatomie und Physiologie im Jahre 1875 — „Рефераты объ успѣхахъ анатоміи, гистологіи и эмбриологіи по русской и польской литературѣ за 1875 годъ“, въ Athenaeum — „Критическій взглядъ на ученіе Дарвина“, въ Работахъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета — „О непосредственномъ соединеніи между артеріями и венами“, въ Archiv für mikroskopische Anatomie von Waldeger und Lavalette — „Ueber unmittelbare Einmündung kleinster Arterien in Gefasse des venösen Characters“, въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей — „Beiträge zur anatomischen und histologischen Technik“ и „О значеніи практическихъ ученыхъ учреждений“; Тиховскій — напечаталъ въ Запискахъ общества Варшавскихъ врачей — „Опредѣленіе средней половой зрѣлости женщинъ въ Царствѣ Польскомъ“; Андреевъ — напечаталъ въ газетѣ „Современная Медицина и статью, подъ заглавіемъ: Современное состояніе вопроса о колтунѣ“; Лямбль — сдѣлалъ въ засѣданіяхъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей сообщенія: „Нѣсколько новыхъ фактовъ изъ области клинической уроскопіи“, „Наблюденіе надъ церкмонадами“, „О локализацияхъ болѣзней мозга“, „О боковомъ кровообращеніи, такъ называемыхъ Caput Medusae или Cirsoimphale“, и „О гистологическомъ дискроизмѣ по отношенію къ порокамъ сердца и неправильной иннервациіи сердца“, „Объ эпителиѣ слизистой оболочки кишечъ и о значеніи его въ процессъ всасыванія“, „О Венерѣ готтентотѣ (Steatopygia et Spondylolysis)“ Всѣ эти сообщенія помѣщены въ Протоколахъ засѣданій V съѣзда русскихъ естествоиспытателей, а также въ Рефератахъ о съѣздѣ, напечатанныхъ въ St.-Petersburger

Medicin. Wochenschrift; Коталевскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей и врачей помѣщенный въ Рефератахъ съѣзда сообщеніе: „Методъ, посредствомъ котораго спектральный анализъ крови доказываетъ, что гніеніе происходитъ и безъ доступа атмосфернаго воздуха“, „Способъ добывать кристаллы гемина изъ гнилой крови“, „Исслѣдованія, относящіяся къ пробѣ Фанъ-Деена на кровь“, „О методѣ для отличія крови млекопитающихъ отъ крови другихъ животныхъ“, „О спектроскопѣ, какъ лучшемъ средствѣ для отличія мнимой смерти отъ истинной“, „Опыты, касающіеся отличія прижизненныхъ ожогъ отъ посмертныхъ“ и „О формахъ hupenis—мостовидной и щелеобразной“; Левитскій—напечаталъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ и въ Gazeta lekarska—„По поводу новаго діагностическаго признака перфорации кишокъ“, въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ и въ Gazeta lekarska—„Tubercula solitaria cerebelli“, въ Архивѣ Руднева—„Случай „periparacchymeningitidis spinalis“ и „Случай полной лейкеміи“; Лучкевичъ—напечаталъ „Пропедевтику медицинскихъ наукъ“; Ефремовскій—напечаталъ: въ Лѣтописи Московскаго хирургическаго общества—„О переломахъ костей, производимыхъ одною мышечною силою“ и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„Травматическое воспаленіе жевательной мышцы съ послѣдовательною контрактурою и сведеніемъ челюстей. Тенотомія, результатъ операціи“; Траутфеттеръ—напечаталъ въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей „О русской терминологіи кожныхъ болѣзней“; Чаусовъ—напечаталъ: „Топографическую анатомію шеи человѣка“ и „Обзоръ успѣховъ по хирургіи“. Доценты: Барсовъ—рецензію на книгу Н. Горбачевскаго и Словарь древняго актовъ языка западно-русскаго края Царства Польскаго“, въ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ; Трейдосевичъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „О случайномъ богатствѣ окаменѣлостей въ девонскихъ кварцитахъ Царства Польскаго“ и напечаталъ въ журналѣ Przegląd i przemyśl статьи: „Ирусы новѣйшихъ третичныхъ формаций“ и „Геологическіе труды и Станислава Сташица, находящіеся въ библіотекѣ Варшавскаго университета“; Сошинъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ кривыхъ линій“ и приготовилъ къ печати: „О дифференціальныяхъ преобразованіяхъ дифференціальныя уравненія“ и „О рѣшеніи функціональнаго уравненія: $f_a = f\left\{\frac{1}{x}\right\}$ “; Пленковскій—напечаталъ въ Земледѣльческой Энциклопедіи: „Мясо

въ діететическомъ отношеніи" и „Молочные продукты и молоко"; Фудаковскій—напечаталъ: въ Журналѣ Русскаго химическаго общества и въ *Berichte der deutsch. chemischen Gesellschaft* „О галактозѣ" и въ Трудахъ V сѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Дальнѣйшіе результаты изслѣдованія галактозы"; Нейгебауеръ—напечаталъ: въ *Gazeta lekarska*—„Fibromyoma vaginae" и въ Протоколахъ V сѣзда естествоиспытателей—„Срединное частное сшиваніе влагалища (новый способъ леченія выпаденія матки)"; Вольфрингъ—напечаталъ въ Протоколахъ V сѣзда естествоиспытателей статью „Къ ученію о способѣ развитія врожденныхъ сосудовъ въ роговицѣ послѣ дифтерита соединительной оболочки". Приватъ-доцентъ Баранецкій—сдѣлалъ на V сѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „О непрерывныхъ дробяхъ" и „Способъ составленія сопряженной системы, которыя помѣщены въ Сборникѣ сѣзда, напечаталъ двѣ статьи въ Мемуарахъ общества точныхъ наукъ въ Парижѣ и критическія статьи въ *Przeglądzie Krytycznym* и въ *Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik*. Старшій астрономъ-наблюдатель Ковальчикъ—помѣстилъ: въ журналѣ *Astronomische Nachrichten*—„Bahnbestimmung des Cometen II 1840" и въ *Berliner astronomisches Jahrbuch*—„Elemente und Ephemeriden der Planeten Hesperia und Thisbe für 1877". Лаборанты: Дзевульскій—сдѣлалъ на V сѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „О движеніи суспендированныхъ частицъ твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ подѣ влияніемъ электрическаго тока", Фуксъ—напечаталъ брошюру „Цѣхоцпскія лечебныя средства", сдѣлалъ на сѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Объ окисленіи бензиль-изопропилъ кетона" и участвовалъ въ переводѣ Химической технологии Р. Вагнера; Знатовичъ—участвовалъ, совмѣстно съ доцентомъ Вреденомъ, въ составленіи сообщенной на сѣздѣ естествоиспытателей работы „О гидрогенизаціи нафталина и о полученіи изобутилбензина"; Слюсарскій—сдѣлалъ на сѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ фаунѣ моллюсковъ Царства Польскаго" и „Къ анатоміи и систематикѣ *Hydrodectes Columbae*", и напечаталъ въ журналѣ *Przyroda i Przemyśl* переводъ статьи М. Рерти и нѣсколько отчетовъ о книгахъ; Крамштыкъ напечаталъ: въ Журналѣ русскаго химическаго общества—„Объ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ въ виду разъяснить соотношеніе выделяемыхъ организмомъ азота и фосфорной кислоты" и въ Журналѣ *Medycyna*—„Случай остраго общаго воспаленія мышцъ, распознаннаго при жизни"; Майзель—сдѣлалъ на сѣздѣ естествоиспытателей помѣщенныя въ Протоколахъ сѣзда сообщеніе: „Къ

вопросу о дѣленіи ядеръ" и „Замѣтка о громаднѣхъ клѣткахъ въ эпителиѣ роговой оболочки". Ординаторы: Мейерсонъ—сдѣлалъ на сѣздѣ естествоиспытателей, помѣщенное въ Протоколахъ сѣзда сообщеніе: „О примѣненіи салициловой кислоты въ лихорадочныхъ болѣзняхъ"; Гросштерпъ напечаталъ: въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ—переводъ сочиненія Сенатора „Choroby narządu ruchu", и въ *Gazeta lekarska*—„Przyczynek do nowedo djagnostycznedo objawu przedzinrawienia kiszek", „O względnej wartości rosmaituch odczynników na bialko. „O kwasie trójchlorooctowym jako nowym odczynniku, na bialko" и „O Gruzelki odosobnione mózdzku", Сигизм. Крамшттыкъ напечаталъ въ журналѣ *Medycyna* статью: *Dwa przypadki przetok wtosowatych worka tzowedo, wyleczonych za pomocidm electrolizu*". Хранитель Тачановскій—сдѣлалъ на сѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Сравнительный обзоръ орнитологической фауны Восточной Сибири" и напечаталъ въ Орнитологическомъ журналѣ въ Берлинѣ статью: „Verzeichniss der Vögel welche D-r Dybowski im Ussuris-Lande gesammelt hatte". Прозекторъ Пржевоскій—помѣстилъ въ Мемуарахъ общества варшавскихъ врачей „Критическій разборъ диссертациі д-ра Бржечинскаго подъ заглавіемъ: „Раки позвоночнаго столба". Публичныя лекціи читали: профессоръ Макушевъ—на тему „Исторія задунайскихъ Славянъ", профессоръ Алексѣевъ—по предмету теоріи вѣроятностей, и доцентъ Сонинъ—по спектральному анализу.

Совѣтъ Варшавскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 9 засѣданій, изъ коихъ одно было экстренное. Утверждены: въ степени доктора медицины лекари: Нинаъ Пастернацкій, Станиславъ Кондратовичъ и Николай Бруннеръ; въ степени магистра химіи—доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай Лей. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—29, изъ нихъ по историко-филологическому факультету—10, по физико-математическому—7, по юридическому—22; званія дѣйствительнаго студента—32, именно: по историко-филологическому факультету—1, по физико-математическому—5, по юридическому—26. Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лекари—94, уѣзднаго врача—3, провизора—77, аптекарскаго помощника—67, акушерки—26. Сверхъ того, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія при физико-математическомъ факультетѣ производились испытанія на званіе землемѣровъ и совѣтомъ университета утверждены: въ званіи землемѣра 1-го класса—11 и въ званіи землемѣра 2-го класса—7. Для пригото-

нія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ кандидаты: Владиміръ Качановскій—по славянской филологіи, Николай Чижовъ—по философіи права и Николай Андрузскій—по чистой математикѣ; изъ нихъ первые двое—на счетъ специальныхъ суммъ университета, а послѣдній—на сумми министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, кандидатъ историко-филологическаго факультета Ѳедоръ Вержбовскій съ начала года командированъ за-границу, стипендіатомъ изъ частной записи д-ра Бонцевича, для изученія исторіи польской литературы и словесности въ книгохранилищахъ Кракова, Львова, Вѣны, Праги и Фрауэнбурга.

Командированы были съ ученою цѣлю слѣдующіе преподаватели: ординарный профессоръ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — за границу для полного топографическаго изученія такъ-называемыхъ головневыхъ растений и для ознакомленія съ современнымъ устройствомъ заграничныхъ ботаническихъ лабораторій и веденіемъ въ нихъ занятій; вмѣстѣ съ тѣмъ профессору Фишеру-фонъ-Вальдгейму предложено было совѣтомъ принять участіе въ качествѣ депутата отъ университета въ международномъ сѣздѣ ботаниковъ въ Брюсселѣ, бывшемъ въ маѣ мѣсяцѣ; ординарные профессора Мюржинскій и Павинскій—въ г. Буда-Пештѣ для участія въ VIII-мъ международномъ археологическомъ конгрессѣ; экстраординарный профессоръ Колосовъ — въ разныя мѣстности Россіи для изученія русской народной словесности и русскихъ говоровъ.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо—453 въ теченіе года вновь поступило—153, въ томъ числѣ: изъ гимназій—119, изъ духовныхъ семинарій—25, изъ другихъ учебныхъ заведеній—9; въ теченіе года выбыло—200, въ томъ числѣ: до окончанія курса—45, по окончанія курса—155; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—406, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—21 (въ первыхъ двухъ курсахъ не раздѣленныхъ на разряды—7, въ остальныхъ курсахъ: по классическому отдѣленію—11, по славяно-русскому—2, по историческому—1), на физико-математическомъ—57 (по математическому отдѣленію—37, по естественному—20), на юридическомъ—138, на медицинскомъ—190. Постороннихъ слушателей состояло: къ 1-му января 1876 года—175, къ 1-му января 1877 года—140, въ томъ числѣ 101 фармацевтъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: изъ 467 студентовъ, бывшихъ во 2-мъ полугодіи 1875—1876 учебнаго года—47, и изъ бывшихъ въ 1-мъ полугодіи 1876—1877

учебнаго года 440 — 44 студента, что составляет 10⁰/₀ общаго числа студентовъ. Стипендіями пользовались: во 2-мъ полугодіи 1875—1876 учебнаго года—108, въ 1-мъ полугодіи 1876—1877 учебнаго года—96 студентовъ, всего на сумму 23.387 руб., въ томъ числѣ: 10.500 руб. — на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 5.000 руб. — на счетъ специальныхъ средствъ университета и 7.887 руб. — изъ частныхъ записей, состоящихъ въ распоряженіи университета и управленія учебнаго округа.

Финансовыя средства Варшавскаго университета въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатной суммѣ: оставалось отъ 1875 года — 13.355 руб. 77 коп., въ теченіе 1876 года поступило—247.801 руб. 67 коп., въ теченіе года израсходовано—252,082 руб. 51 коп., затѣмъ къ 1 января 1877 года было въ остаткѣ — 8.354 р. 93 коп.; сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1875 года—626 руб. 89 коп., въ приходѣ въ 1876 году—14.182 руб. 50 коп., въ расходѣ—14.420 руб. 77 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1877 году—388 руб. 62 коп. Главнѣйшіе изъ этой послѣдней суммы расходы — слѣдующіе: на жалованье служащимъ въ университетѣ лицамъ, какъ штатнымъ, такъ и по найму—4.187 руб. 20 коп., на стипендіи студентамъ и кандидатамъ — 5.200 руб., на изданіе ученыхъ сочиненій и Университетскихъ Извѣстій—3.986 руб. 49 коп., на вспоможеніе и награды студентамъ—725 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Варшавскаго университета находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ — 158.806 названій въ 292.951 томѣ, періодическихъ изданій—5.788 названій въ 13.447 томахъ, рукописей—1274 тетради и тома, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей, нотъ и проч.—5.786 названій, всего на 178.672 руб. Правомъ брать книги на домъ изъ университетской библіотеки воспользовались 147 лицъ, которымъ было выдано книгъ—3.087 названій въ 4.100 томахъ. Въ публичной читальнѣ, открытой съ 1-го января 1876 года, отъ постороннихъ посѣтителей поступило 1.175 требований и выдано въ чтеніе—1.818 сочиненій. Въ студентской читальнѣ книгъ и другихъ изданій—5.018 названій въ 8.516 томахъ на сумму 6.226 руб. 2 коп. Изъ этой читальни, въ теченіе года, выдано на руки, по требованіямъ слишкомъ 500 студентовъ, болѣе 3.300 сочиненій, въ количествѣ слишкомъ 4,000 томовъ. Ежедневныхъ посѣтителей читальни было отъ 40 до 50 человекъ; въ вечерніе же часы, по два раза въ недѣлю, занимались въ читальнѣ отъ 2 до 8 студен-

товъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ — 10.433 предмета на сумму 4.287 руб. Въ музеѣ древностей — 1.956 предметовъ стоимостью въ 2.797 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторією — 707 номеровъ (940 экземпляровъ) на сумму 22.632 руб. Въ химической лабораторіи съ кабинетомъ — 698 номеровъ на 7.608 руб. Занятія въ лабораторіи заключались: а) въ практическихъ работахъ студентовъ и вольнослушателей по качественному и количественному анализу и въ приготовленіи препаратовъ для коллекцій, б) въ производствѣ судебно-химическихъ и другихъ изслѣдованій, поступающихъ отъ судебныхъ и административныхъ учреждений и лицъ, и в) въ производствѣ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ особомъ отдѣленіи химической лабораторіи для работъ по части физиологической, патологической, и судебно-медицинской химіи — 874 предмета на 1.710 руб. Занятія въ этомъ отдѣленіи заключались въ слѣдующемъ: а) 27 студентовъ II курса и 2 вольнослушателя упражнялись въ аналитической химіи; б) 50 студентовъ III курса упражнялись въ анализѣ мочи; в) завѣдывающій отдѣленіемъ изслѣдовалъ сахара и составляющіе галактозу и напечаталъ результаты въ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft*, въ Журналѣ русскаго химическаго общества и сообщеніе на V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей; г) лаборантъ при кафедрѣ физиологической и патологической химіи Ю. Крамштыкъ занимался изслѣдованіемъ соотношенія выделяемыхъ организмомъ азота и фосфорной кислоты; д) ординаторъ при терапевтической госпитальной клиникѣ Гросштернъ занимался изслѣдованіемъ вопроса „О чувствительности реагентовъ на бѣлковыя вещества“; результаты этого изслѣдованія сообщены на V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей и напечатаны въ Журналѣ русскаго химическаго общества. Въ кабинетѣ съ лабораторією для преподаванія технической химіи: аппаратовъ, снарядовъ, приборовъ, мебели, книгъ, атласовъ и картъ — 515 экземпляровъ на 1,859 руб., химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды на 233 руб. Въ лабораторіи доцентомъ Вреденомъ и лаборантомъ Златовичемъ описаны были опыты надъ гидрогенизаціей монобензольныхъ углеводородовъ. Результаты этихъ работъ сообщены на V-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и напечатаны въ видѣ отдѣльной брошюры на русскомъ языкѣ и въ извлеченіяхъ — въ нѣмецкихъ специальныхъ журналахъ. Студенты III и IV курсовъ естественнаго разряда занимались анализомъ металлическихъ рудъ, воды и различныхъ матеріаловъ, важныхъ въ техническомъ отношеніи. Въ минералогическомъ, геогностическомъ и пале-

онтологическомъ кабинетѣ — 20.546 предметовъ на 14.696 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ — 5.055 предметовъ на 6.842 руб. Подъ руководствомъ профессора Александровича, студенты естественнаго разряда занимались въ кабинетѣ практическими упражненіями по морфологій и систематикѣ споровыхъ растений, по два раза въ недѣлю. Въ ботанической лабораторіи — 751 предметъ на 2.542 руб. Въ первомъ полугодіи студенты III курса естественнаго разряда занимались въ лабораторіи, по одному часу въ недѣлю, подъ руководствомъ профессора, анатомическими изслѣдованіями высшихъ растений; желающіе изъ студентовъ IV курса того же разряда могли заниматься въ лабораторіи ежедневно. Изъ нихъ студентъ Новаковский специально изслѣдовалъ протенипыя зерна и кристаллоиды разныхъ растений. Завѣдывающій лабораторіей, кромѣ подготовленія демонстративныхъ препаратовъ и опытовъ для своихъ лекцій, производилъ изслѣдованія надъ гелиотропизмомъ и дыханіемъ нѣкоторыхъ растений. Въ зоологическомъ кабинетѣ — 105.080 предметовъ на сумму 62.095 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею — 3.372 предмета на 15.312 руб. Въ лабораторіи занимались практически, по 2 часа въ недѣлю студенты III курса — сравнительною анатоміей и студенты IV курса — сравнительною анатоміей и эмбриологіей. Кромѣ этого, одинъ студентъ III курса и два студента IV курса, въ свободное отъ лекцій время, занимались въ лабораторіи въ теченіе цѣлаго года. Наблюденія одного изъ нихъ, Натансона, надъ развитіемъ нѣкоторыхъ паразитическихъ нематодъ, были сообщены на V-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и напечатаны съ четырьмя таблицами рисунковъ въ Трудахъ съѣзда. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей — 325 пумеровъ, 446 предметовъ на сумму 7.579 руб. Изслѣдованія, производимыя въ лабораторіи, помѣщаются въ специальномъ изданіи „Работы, производимыя въ лабораторіяхъ Императорскаго Варшавскаго университета“. Въ 1876 году вышелъ 3-й выпускъ этого изданія. Въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіею — 585 предметовъ на 3.804 руб. Въ 1876 году 52 студента упражнялись въ употребленіи микроскопа и, кромѣ того, 5 врачей и 5 студентовъ занимались самостоятельными наблюденіями. Изъ работъ, произведенныхъ въ лабораторіи, напечатаны были слѣдующія: лабораторта Майзеля — „Къ вопросу о дѣленіи ядеръ“, бывшаго студента Бентковскаго — „Къ гистологій желудка“, бывшаго студента Грота — „Къ гистологій слюнныхъ желѣзъ“, врача Стравинскаго — „О ресорбціи костной ткани и громадныхъ клѣткахъ, какъ непосредственныхъ продуктахъ этой части схиз., отд. 4.

сорбціи". — Въ кабинетѣ и лабораторіи патологической анатоміи — 1.478 предметовъ на сумму 9.802 руб. Въ лабораторіи занимались анатомо-патологическими изслѣдованіями: два кандидата медицины, ординаторъ терапевтической клиники и одинъ докторантъ. Кромѣ этого, лекаръ Эльзенбергъ занимался изслѣдованіемъ катарральныхъ воспаленій слизистыхъ оболочекъ, прозекторъ Пржевоскій — гонгулиціонной ткани и профессоръ Бродовскій — различныхъ воспаленій печени. Анатоми-патологическихъ вскрытій произведено было 340. — Въ кабинетѣ и лабораторіи физиологической анатоміи — 1.595 предметовъ на 5.190 руб. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней — 269 предметовъ на 1.257 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ — 1.487 предметовъ на 4.139 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ — 168 предметовъ на 1.460 руб. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи — 358 предметовъ на 700 руб. Въ этомъ кабинетѣ занимались студенты высшихъ курсовъ и одинъ изъ врачей занимался спеціальнымъ вопросомъ для докторской диссертациіи. Въ фармацевтической лабораторіи съ кабинетомъ — 4.439 предметовъ на 3.759 руб. Въ лабораторіи, подъ руководствомъ заведывающаго ею, нѣкоторые студенты — медики и фармацевты — занимались химическимъ анализомъ животныхъ и растительныхъ веществъ, а также количественнымъ и качественнымъ анализомъ фармацевтико-химическихъ препаратовъ. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ — 196 предметовъ на сумму 1.605 руб. Въ геодезическомъ кабинетѣ — 63 предмета на 5.741 руб. Въ астрономической и метеорологической обсерваторіи — 3.574 предмета на 35.247 руб. Занятія обсерваторіи состояли въ производствѣ и вычисленіи астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Наблюденія перваго рода состояли въ опредѣленіи меридіанныхъ кругомъ положеній звѣздъ до 9-й величины въ зонѣ отъ — $1^{\circ} 5'$ до $7^{\circ} 10'$, въ наблюденіяхъ надъ малыми планетами до 9.5 величины, тѣмъ же инструментомъ, и въ опредѣленіи прямыхъ восхожденій преимущественно фундаментальныхъ звѣздъ съ помощію пассажнаго инструмента. Метеорологическія наблюденія имѣли цѣлю опредѣленіе температуры, влажности и давленія воздуха, облачность, направленія и силы вѣтра и количества дождевой воды по четыре раза въ сутки. Въ отдѣленіи гипсовыхъ фигуръ — 801 предметъ на сумму 5.143 руб. Отдѣленіе открыто для публики зимою по пятницамъ съ 12 до 3 часовъ. Со дня открытія отдѣленія, именно съ 17-го сентября 1876 г., посѣтителей въ немъ было 237 лицъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ — 287 предметовъ на сумму 23.320 руб. Въ ботани-

ческомъ саду: въ общемъ ботаническомъ питомникѣ — 5.110 видовъ на сумму 2.535 руб., въ питомникѣ аптекарскихъ растений—225 видовъ на 127 руб.; оранжерейныхъ и тепличныхъ растений—2.907 видовъ въ 11.230 экземплярахъ на 25.097 руб., сѣмянъ—2.726 видовъ на 272 руб., движимаго имущества — 2.804 предмета на 3.180 руб. Въ помологическомъ саду: въ коллекціи акклиматизируемыхъ растений—853 сорта плодовыхъ деревьевъ на 3.754 руб., плодовыхъ кустарниковъ—226 сортовъ на 289 руб., ягодныхъ травянистыхъ растений—60 сортовъ на 225 руб.; въ питомникѣ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ — 19.003 молодыхъ различного возраста деревьевъ на 3.550 руб., дичковъ плодовыхъ деревьевъ—9.900 штукъ на 110 р.; въ питомникѣ дикихъ деревьевъ и кустарниковъ—11.350 штукъ на 681 руб.; движимаго имущества—454 предмета на сумму 1.515 руб. Въ помологическомъ саду, сверхъ 6-ти постоянныхъ учениковъ, состоящихъ на службѣ, обучались практически плодоводству и огородничеству, подъ руководствомъ старшаго садовника, 10 молодыхъ людей въ качествѣ вольноприходящихъ садовыхъ практикантовъ. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 40 кроватей)— 558 предметовъ на сумму 2.958 руб. Больныхъ въ клиникѣ въ теченіе года было 158; изъ нихъ выздоровѣло — 95, вышло изъ клиники съ улучшеніемъ или перешло въ больничное отдѣленіе—39, умерло 24; патолого-анатомическихъ вскрытій произведено было 24, операций—13. Студенты пользовались клиническими случаями, представляя свои наблюденія въ письменныхъ исторіяхъ болѣзней; среднимъ числомъ на каждого студента пришлось отъ двухъ до трехъ случаевъ за каждое полугодіе. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Иисуса, 54 кровати) — 186 предметовъ на 2.339 руб. Больныхъ пользовано было 205; изъ нихъ выздоровѣло — 140, умерло — 22, осталось въ клиникѣ на 1877 годъ — 43. Студенты V-го курса наблюдали въ клиникѣ среднимъ числомъ 3½ больныхъ каждыи. Во второмъ полугодіи число наблюденій было меньше вслѣдствіе ускореннаго выпуска этихъ студентовъ. Кромѣ того, студенты, по мѣрѣ надобности, занимались въ клиническомъ кабинетѣ анализомъ различныхъ отдѣленій и выдѣленій человеческого организма при патологическомъ его состояніи. Студентъ V-го курса Ковалевскій началъ изслѣдованіе на тему „О колебаніяхъ въ выдѣленіи мочевой кислоты“, но запятія его были приостановлены въ октябрѣ мѣсяцѣ, по случаю начала экзаменовъ. Въ кабинетѣ производились изслѣдованія воды изъ разныхъ мѣстъ

Варшавы, преимущественно же взятой изъ водопроводовъ, съ цѣлю уяснить, если возможно, распространеніе брюшнаго тифа, почти ежегодно, въ видѣ эпидеміи, появляющагося въ Варшавѣ. Въ хирургической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 50 кроватей) больныхъ состояло — 434; изъ нихъ выздоровѣло — 323, было изъ клиники получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ — 39, умерло — 32, осталось на 1877 годъ — 40. Операций сдѣлано было 258, изъ нихъ большихъ — 114, меньшихъ — 144. Въ клиникѣ производимы были опыты надъ дѣйствіемъ *hb. Jabograndi* при острыхъ ревматизмахъ и водянкахъ вообще, надъ впрыскиваніемъ іодовой настойки въ паренхиму желѣзы при леченіи зоба (*Struma*), наблюденія надъ леченіемъ зоба помощью дренажированія, впрыскиванія карболовой кислоты въ полость суставовъ при леченіи хроническихъ воспаленій суставовъ, наблюденія надъ дѣйствіемъ клистировъ изъ *Infusum hb. belladonnae* при ущемленіяхъ грыжахъ, надъ дѣйствіемъ раствора *magnesiae borocitrinae* при почечныхъ камняхъ. Дѣланы были также опыты надъ леченіемъ язвъ и атоническихъ ранъ посредствомъ прививки луковичъ волосъ (*implantatio*) и частичекъ кожи (*transplantatio*). Кромѣ того, производимы были постоянныя спирометрическія, термометрическія, равно какъ микроскопическія и химическія изслѣдованія. Въ хирургической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 55 кроватей) — 643 предмета, на сумму 2.352 руб. Больныхъ пользовалось — 392, изъ нихъ выздоровѣло — 303, было получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ — 23, умерло — 22. Операций произведено — 503, въ томъ числѣ большихъ — 123, меньшихъ — 380; анатомическихъ вскрытій сдѣлано — 22. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса, 28 кроват.) больныхъ находилось — 226, изъ нихъ выздоровѣло — 108, было получивъ облегченіе — 80, умерло — 21. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано — 6. Студенты поочередно занимались подробнымъ изслѣдованіемъ больныхъ и упражнялись въ физикальныхъ методахъ діагностическаго изслѣдованія, какъ-то: перкуссіи, аускультации и др., и одновременно обучались въ химическомъ и микроскопическомъ анализѣ мочи, мокроты, экскрементовъ и т. д. Въ акушерской клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 12 кроват.) къ 1-му января 1876 года оставалось беременныхъ и родильницъ — 15; въ теченіе года поступило беременныхъ, роженицъ и родильницъ — 305, въ теченіе года оставило клинику до разрѣшенія отъ бремени, по постѣ выздоровленія — 10, было постѣ разрѣше-

пія—265, умерло—33, затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось беременных и родильницъ — 12; акушерскихъ операцій произведено—124. Въ клиникѣ сифилитическихъ и важнѣйшихъ болѣзней (въ больницѣ Св. Лазаря, 60 кроват.)—998 предметовъ на сумму 1.381 р. Больныхъ пользовалось — 202, изъ нихъ выздоровѣло — 163, было получено облегченіе или по другимъ причинамъ — 12, умерло — 22; операцій произведено—32, анатомическихъ вскрытій—6. Каждый изъ студентовъ изслѣдовалъ нѣсколькихъ больныхъ въ присутствіи завѣдывающаго клиникомъ и подавалъ исторію болѣзни одного изъ этихъ больныхъ. Кромѣ того, студенты занимались упражненіями въ изслѣдованіи больныхъ ларингоскопомъ. Завѣдывающимъ клиникомъ дѣлаемы были химическіе анализы крови сифилитическихъ больныхъ и произведены были изслѣдованія надъ дѣйствіемъ оленовоокислой ртути, въ видѣ кожныхъ втираній, и синеродистой ртути — въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній у сифилитическихъ больныхъ. Также сдѣланъ былъ рядъ наблюденій надъ дѣйствіемъ марганцевоокислаго серебра и марганцевоокислаго цинка при переломномъ процессѣ. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Іоанна Божія)—164 предмета на сумму 987 руб. 44 коп. Больныхъ пользовалось—101, изъ нихъ совершенно выздоровѣло—16, было получено облегченіе—12, умерло — 26, преимущественно слабоумныхъ и паралитиковъ, затѣмъ къ 1-му января 1877 года больныхъ осталось—47. Вскрытія умершихъ дѣлались всякій разъ въ присутствіи студентовъ, если смерть больныхъ совпадала съ чтеніемъ лекцій, означенныхъ постановленіемъ факультета. Кромѣ студентовъ V-го курса медицинскаго факультета, клинику посѣщали студенты IV-го курса юридическаго факультета. Такимъ образомъ тѣ и другіе могли достаточно ознакомиться со всѣми формами умственныхъ и судорожныхъ болѣзней, и испытывали притворяющихся подсудимыхъ. Въ госпитальномъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса), при практическихъ судебно-медицинскихъ занятіяхъ вскрыто въ теченіе года 64 трупа, изъ коихъ въ 1-мъ полугодіи 26, а во 2-мъ—38. Произведено 20 освидѣтельствваній живыхъ субъектовъ. Кромѣ того были производимы студентами микроскопическія и химико-микроскопическія изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ преступленій и преимущественно слѣдовъ крови. Каждый изъ производившихъ изслѣдованіе студентовъ обязанъ былъ составить протоколъ съ судебно-медицинскимъ заключеніемъ о каждомъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій. Стационарной клиники не существуетъ, а клиническія

занятія ведутся демонстративнымъ путемъ въ другихъ клиникахъ надъ субъектами, представляющими судебно-медицинскій интересъ.

При Варшавскомъ университетѣ состоятъ два учебныя заведенія: институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа. Первое изъ сихъ заведеній состоитъ при акушерской клиникѣ и находится въ завѣдываніи профессора по кафедрѣ акушерства, который преподаетъ ученицамъ какъ теоретическія, такъ и практическія лекціи; для обученія же ученицъ русскому языку при институтѣ состоитъ особый преподаватель. Къ 1-му января 1876 года въ институтѣ состояло 72 ученицы; въ теченіе года принято вновь 28 ученицъ; выбыло: по окончаніи полнаго курса съ званіемъ повивальной бабки — 26, до окончанія курса — 20; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось — 54 ученицы, изъ коихъ на 1-мъ курсѣ — 30, на 2-мъ — 24. Фельдшерская школа, учрежденная для образованія гражданскихъ фельдшеровъ, состоитъ въ завѣдываніи старшаго учителя опой. Кромѣ завѣдывающей школой, въ ней преподають лекціи еще два учителя. Къ 1-му января 1876 года въ школѣ состояло на лицо — 90 учениковъ, въ томъ числѣ на 1-мъ курсѣ — 42, на 2-мъ — 45; въ теченіе года вновь принято на 1-й курсъ — 41, удостоено званія младшаго фельдшера — 24, удостоено перевода изъ 1-го курса во 2-й — 32 и выбыло до окончанія курса — 20; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на лицо — 87, именно: на 1-мъ курсѣ — 44, и на 2-мъ — 43. Предметовъ, составляющихъ казенную собственность, состояло къ 1877 году 137 экземпляровъ на 446 руб.

ВОПРОСЪ О ПРЕПОДАВАНІИ СТАТИСТИКИ НА ПЕШТСКОМЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1876 ГОДА ¹⁾.

Къ началу сентября 1876 года отправился я въ Пештъ для присутствія на засѣданіяхъ имѣвшей тамъ собраться 9-й сессіи международнаго статистическаго конгресса. Вопросы, подлежащіе обсужденію первой его секціи: 1) о статистикѣ, какъ предметѣ преподаванія, 2) о наилучшемъ способѣ составленія таблицъ смертности и о тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя необходимы для того, и 3) о движеніи народонаселенія въ большихъ городахъ, — представляли для меня наибольшій интересъ, и я записался въ число членовъ именно этой секціи. Особенно интересенъ былъ для меня первый изъ вышеозначенныхъ вопросовъ — о преподаваніи статистики. Первоначально былъ онъ возбужденъ, насколько мнѣ извѣстно, на 7-й сессіи конгресса въ Гаагѣ; но не получилъ тогда сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія, а именно высказано было лишь желаніе, чтобы преподаваніе статистики получило въ школахъ по возможности наибольшее распространеніе. Но такое желаніе въ сущности очень неопредѣленно, ибо оно не указываетъ ни какимъ образомъ этого можно было бы достигнуть, ни въ какомъ объемѣ и въ какомъ видѣ могло бы имѣть мѣсто преподаваніе статистики въ школахъ разныхъ категорій. На 8-й сессіи конгресса въ С.-Петербурѣ вопросъ о преподаваніи статистики вовсе не обсуждался и возобновленъ былъ лишь на засѣданіяхъ постоянной комисіи конгресса въ Стокгольмѣ (въ августѣ 1874 года), когда г. Келети, бывшій тамъ представителемъ Венгріи, внесъ по инициативѣ д-ра Энгеля, предложеніе включить

¹⁾ Извлечено изъ отчета командированнаго для приготовленія къ профессорской лекціи магистранта С. П. Матвѣева.

его въ приготовлявшуюся тогда программу статистическаго конгресса въ Пештѣ ¹⁾). Коммисія одобрила предложеніе г. Келети и затѣмъ, когда она собралась въ Парижѣ въ 1875 году, поручила представить по этому предмету мемуары тремъ лицамъ: профессору географіи въ Collège de France и члену института г. Левассеру, профессору статистики въ Пештскомъ университетѣ г. Конэку и профессору статистики въ С.-Петербургскомъ университетѣ Ю. Э. Лисону. Самый же вопросъ получилъ въ программѣ 9-й сессіи конгресса слѣдующую постановку: статистика, какъ предметъ преподаванія въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Если признавать въ статистикѣ науку, имѣющую предметомъ своихъ изслѣдованій общественный организмъ и явленія, въ немъ происходящія, то по видимому, не могло бы быть и рѣчи о томъ, чтобы она какимъ-либо образомъ и въ какой-либо формѣ могла быть введена въ курсъ среднихъ, а тѣмъ болѣе низшихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ именно смыслѣ и высказался одинъ изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, проф. Лисонъ, который въ представленномъ имъ мемуарѣ прямо заявляетъ, что, по его мнѣнію, уже въ виду самаго объема и цѣли элементарнаго образованія, статистика не можетъ пайти въ пемъ мѣста, и что неудобно ввести ее, какъ самостоятельный предметъ преподаванія, даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ²⁾). И въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно излагать ученикамъ среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ, законъ Мальтуса, законъ зависимости возрастанія населенія отъ степени его образованности (уменьшеніе числа рожденій у образованныхъ народовъ), наконецъ, законы движенія народонаселенія, рождаемости, смертности и имъ подобныя, не говоря ужъ о законахъ моральной и уголовной статистики, гдѣ неизбѣжно приходится касаться такихъ вопросовъ, какъ вопросы о свободѣ воли, о причинахъ, вызывающихъ преступленія, объ отношеніяхъ между степенью благосостоянія общества и существующею въ немъ склонностью къ совершенію преступныхъ дѣяній.

Тѣмъ не менѣе, двое остальныхъ ученыхъ, представившихъ статистическому конгрессу мемуары о преподаваніи статистики, гг. Левассеръ и Конэкъ, сочли возможнымъ высказаться за введеніе этой

¹⁾ Commission permanente du Congrès International de Statistique. Compte-rendu des conférences de Stockholm en 1874. (защеданіе 28-го августа).

²⁾ Congrès International de Statistique à Buda-Pest. Neuvième session 1876. Programme. 1 Section: Theorie et population. Стр. 91 и 93.

науки въ курсъ среднихъ и даже низшихъ учебныхъ заведеній. Они опирались на то, что собраніе статистическихъ свѣдѣній и вообще производство статистическихъ операцій, не только не возможно безъ участія населенія, но требуетъ сочувственнаго отношенія его къ этому дѣлу; возбудить же такое сочувствіе, по ихъ словамъ, возможно только путемъ ознакомленія народа съ задачами и методомъ статистики; а лучшимъ средствомъ для этого представляется преподаваніе статистики въ среднихъ и особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Г. Левассеръ считалъ это полезнымъ еще и въ томъ отношеніи, что такимъ путемъ многія весьма важныя свѣдѣнія усиленно распространялись бы въ обществѣ. „Можно ли оставить въ неслѣдствіи“, восклицаетъ онъ въ своемъ мемуарѣ, —, что Европа и Америка нынѣ болѣе населены, чѣмъ прежде, что Россія есть самое обширное по пространству государство въ Европѣ, что торговля Англіи превосходитъ торговлю всѣхъ другихъ странъ; не полезно ли, чтобъ учитель говорилъ объ такихъ вещахъ воспитанникамъ?“¹⁾

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ именно думаютъ гг. Левассеръ и Монакъ осуществить свою мысль, я позволю себѣ остановиться на вышеприведенныхъ ихъ соображеніяхъ.

Что весьма часто статистическія операціи даютъ результаты неудовлетворительныя, именно вслѣдствіе несочувствія къ нимъ населенія, это — фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный. Но причина его коренится вовсе не въ томъ, чтобы большинство населенія не имѣло достаточныхъ понятій о статистикѣ, такъ какъ оно едва ли даже и было бы въ состояніи усвоить себѣ цѣли и задачи этой важной науки, а въ томъ, что статистическими операціями до сихъ поръ слишкомъ часто злоупотребляли, предпринимая ихъ почти исключительно въ виду тѣхъ или другихъ финансовыхъ цѣлей. Извѣстно, какъ строго осуждается наукой такой образъ дѣйствій именно потому, что онъ вызываетъ недоброіе и несочувствіе населенія къ статистикѣ. Нужно также замѣтить, что весьма часто вопросы, съ которыми обращаются къ населенію при производствѣ статистическихъ операцій, ставятся недостаточно для него ясно. Для примѣра можно указать на извѣстный вопросъ въ перепискахъ о томъ, чѣмъ занимается извѣстное лицо? Вопросъ этотъ всегда почти подавалъ поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, такъ что донныя вѣтъ ни одного государства, которое обладало бы сколько-нибудь удовлетворительною статистикою

¹⁾ Ibid, стр. 8-я.

занятій народонаселеніи, и въ которомъ промисловая перепись представляла бы сколько-нибудь сносные результаты. Происходить это, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ оттого, что вопросъ далеко не ясенъ. Вообще говоря, политикъ о профессіи само по себѣ болѣе или менѣе предрѣленно, и подѣ нимъ можно разумѣть всякую вообще дѣятельность, на что она ни была бы направлена, и какой характеръ ни имѣла бы, а между тѣмъ въ промисловой переписи дѣло идетъ собственно только о дѣятельности населенія въ экономическомъ значеніи этого слова; дажѣ, некая не замѣтить, что упомянутый вопросъ въ переписяхъ естественно распадается по крайней мѣрѣ на два самостоятельные вопроса: тѣмъ извѣстное лицо занимается и на какія средства оно живетъ? Чтобы убѣдиться въ сказанномъ мною, стоитъ лишь внимательно прочесть инструкціи касательно производства переписей въ любомъ государствѣ, а тѣмъ болѣе отвѣты на него, — отвѣты, по большей части гласящіе, что данное лицо *занимается тѣмъ, что живетъ на средства своихъ родныхъ* и т. п. Очевидно, что такіе отвѣты не относятся къ вопросу, а между тѣмъ они по необходимости допускаются даже инструкціями ¹⁾. Извѣстное лицо можетъ въ данное время ничѣмъ не заниматься, а жить на средства, полученныя имъ, напримѣръ, въ наслѣдство; но неволѣ оно и пишетъ въ переписной вѣдомости или карточкѣ это самое, такъ какъ отвѣтъ „ничѣмъ“ инструкціями вообще не допускается; или оно можетъ получать средства къ существованію вовсе не отъ своихъ занятій, напримѣръ, можетъ заниматься даровымъ обученіемъ дѣтей и жить на средства своихъ родныхъ; а этотъ случай при производствѣ переписей даже вовсе, по крайней мѣрѣ въ инструкціяхъ, не предвидится. Наконецъ, можно привести даже такой примѣръ, когда извѣстное занятіе не только не доставляетъ средствъ къ жизни, но наоборотъ, требуетъ издержекъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ еще только готовится къ той или другой профессіи: таковы, напримѣръ, студенты университетовъ и иныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, а равно и учащіеся въ разныхъ школахъ, также лица, обучающіеся разнымъ ремесламъ и мастерствамъ

¹⁾ Въ доказательство позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующее изъ инструкціи касательно производства настоящей переписи населенія во Франціи: «Si l'individu n'exerce aucune profession et vit du travail d'un autre, indiquer cette profession en y ajoutant la désignation *famille*» (циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о производствѣ переписей въ 1876 году за № 40-В, стр. 23). Тутъ и не предвидится, что лицо можетъ, не принадлежа никакой семьѣ, ничѣмъ не заниматься.

и т. п. Назвать занятія всѣхъ этихъ лицъ непроеводительными въ экономическомъ смыслѣ было бы очевидно ошибочно; а между тѣмъ извѣстно, что едва ли многія изъ нихъ получаютъ средства къ существованію именно отъ своихъ занятій. Въ переписяхъ всѣ подобные случаи обыкновенно рѣдко предусматрѣны, а между тѣмъ о занятіяхъ, которыя нельзя даже назвать и побочными въ томъ смыслѣ, въ какомъ это было принято въ послѣдней германской переписи 5-го декабря 1875 года, было бы очень важно получить свѣдѣнія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что подобныя указанной мною неясности въ вопросахъ часто служатъ причиной неуспѣшности статистическихъ операцій, и если онѣ будутъ устранены, то и народонаселеніе станетъ гораздо сочувственнѣе относиться къ статистическимъ работамъ. Собственно говоря, для того, чтобъ отвѣтить удовлетворительно на предлагаемые ему вопросы, народонаселеніе вовсе и не нуждается въ какомъ-либо знаніи науки общественныхъ явленій, какъ мнѣ случилось говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾; правильно записывать статистическія свѣдѣнія и факты можетъ всякій грамотный человѣкъ, если онъ только понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ.

Что касается того, будто въ настоящее время существуетъ какая-то особая потребность популяризовать научные результаты статистическихъ изслѣдованій, то упоминаемый г. Левассеромъ въ его мемуарѣ свѣдѣнія о пространствѣ Россіи или торговлѣ Англіи вовсе и не входятъ, собственно говоря, въ область статистики, а скорѣе относятся къ географіи. За это смѣшеніе политической географіи съ наукой о социальнихъ явленіяхъ упрекаетъ его въ своемъ отчетѣ конгрессу и г. Конэжъ. Упрекъ совершенно основателенъ, ужъ и потому, что г. Левассеръ думаетъ ввести преподаваніе статистики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подъ эгидою географіи, на что г. Конэжъ, убѣжденный, что статистику слѣдуетъ преподавать самостоятельно, замѣчаетъ совершенно справедливо, что при осуществленіи идеи г. Левассера очень могло бы произойти смѣшеніе и даже отождествленіе въ умѣ учениковъ обѣихъ наукъ. Вообще, какъ убѣдили меня теперь въ томъ и лекціи г. Левассера „объ источникахъ статистики“, читаемыя имъ въ Collège de France, этотъ ученый не освободился отъ мысли, что статистика и географія зани-

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1876 г., № 5: «О нашей статистикѣ движенія народонаселенія».

маются тѣмъ-то общимъ, родственнымъ, что онѣ служатъ дополненіемъ одна къ другой. А между тѣмъ это положительно ошибочно; еще Шлѣцеръ, въ своей *Theorie der Statistik*, изданной въ 1804 г., рѣзко разграничивалъ обѣ науки, ставя задачей географіи—изученіе территоріи государства, а задачей статистики—изученіе, если можно такъ выразиться, организма государства. Послѣдователями Шлѣцера было твердо установлено, что коренная разница между географіей и статистикой заключается именно въ томъ, что первая имѣетъ своимъ предметомъ неодушевленную землю, а вторая — людей и составляемые ими общества. Тѣмъ страннѣе ошибка французскаго ученаго, что упомянутый нами взглядъ давно ужь утвердился въ наукѣ, и онъ могъ бы встрѣтить его и у своихъ французскихъ собратій, на примѣръ, у Дюфо (*Dufau*) въ его *Traité de Statistique*, изданномъ въ 1840 году. Можетъ быть, смѣшеніе двухъ наукъ и было первоначальною причиною, почему г. Левассеръ высказался въ своемъ мемуарѣ за введеніе статистики въ курсъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, ибо онъ признавалъ это возможнымъ лишь при условіи включенія статистическихъ фактовъ въ область географіи, о самостоятельномъ же преподаваніи означенной науки вовсе не думалъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что о послѣднемъ едва ли кто-нибудь помышлялъ на конгрессѣ, такъ что резолюціи, которыми г. Конзъ заключилъ свой отчетъ, и въ которыхъ онъ рекомендовалъ введеніе въ училищахъ самостоятельнаго преподаванія статистики или по крайней мѣрѣ ознакомленіе воспитанниковъ съ производствомъ статистическихъ операцій, не были приняты. Конгрессъ постановилъ, что развѣ лишь нѣкоторые факты, констатированные статистическимъ путемъ и касающіеся главнымъ образомъ родной страны (*paus natal*), могутъ найдти мѣсто въ курсѣ среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній.

Другое дѣло, когда коснулась рѣчь преподаванія статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Конгрессъ призналъ единогласно, что въ каждомъ университетѣ должна въ настоящее время существовать непременно кафедра статистики, и что эту науку нужно принимать во вниманіе при экзаменахъ какъ на государственную службу, такъ и на степень доктора политическихъ наукъ. Пренія происходили единственно лишь о томъ, нужно ли преподаванію статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ придавать практическій характеръ, или ограничиться теоретическимъ изложеніемъ ея законовъ. Съ тѣхъ поръ,

какъ указанное, впервые, кажется, Энгелемъ, различіе статистическаго метода отъ изучаемой лишь съ помощію его науки статистики, или какъ называетъ ее этотъ ученый, демологіи (по мнѣнію Энгеля, названіе статистики слишкомъ неопредѣленно, имѣетъ мало внутренняго смысла, а потому и подаютъ часто поводъ къ недоразумѣніямъ), сдѣлалось общепринятымъ въ средѣ большинства ученыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ научныя основанія этого метода были подробно и обстоятельно разработаны, особенно Рюмелиномъ (Rümelin),—значеніе его не только вслѣдствіе укрѣпившагося сознанія его несомнѣнной научной важности, но также и вслѣдствіе громадной области его приложенія, стало такъ велико, что онъ обратилъ на себя особое вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность и въ его преподаваніи. Но отдѣлить преподаваніе метода отъ преподаванія самой науки, не смотря на всю разницу между ними, едва ли возможно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что для изученія статистики и вообще для занятій ею, необходимо прежде всего ознакомиться основательно съ статистическимъ методомъ. Поэтому совершенно понятно, что теорія этого метода, не будучи преподаваема отдѣльно, входитъ обыкновенно въ курсъ статистики, такъ что изложеніе ея лежитъ на обязанности преподавателя статистики. Такъ поступаютъ и у насъ, и въ большей части заграничныхъ университетовъ. Понятно, однако, какъ много выиграло бъ изложеніе статистическаго метода, еслибы преподаватели ея получили возможность знакомить своихъ слушателей и практически съ производствомъ статистическихъ работъ. Къ сожалѣнію, эта возможность представляется очень рѣдко, частію вслѣдствіе недостатка времени, частію же вслѣдствіе трудности имѣть подъ рукою необходимыя матеріалы. Особенно важно послѣднее затрудненіе. Поэтому-то, въ видахъ устраненія его, гг. Майръ и Фарръ и предложили конгрессу выразить желаніе, чтобы статистическія бюро, существующія въ университетскихъ городахъ, по возможности вступали въ сношенія съ университетами, съ цѣлью доставлять возможность преподавателямъ статистики пользоваться для занятій съ своими слушателями богатыми матеріалами, которые обыкновенно находятся въ обладаніи этихъ бюро. Конгрессъ присоединился къ желанію вышеназванныхъ ученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы теоретическое изложеніе статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сопровождалось, насколько то возможно, практическими занятіями и конференціями.

Изъ другихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію первой секціи Пештскаго конгресса, вопросъ о таблицахъ смертности и особенно о статистическихъ данныхъ, необходимыхъ для ихъ составленія, возбуждалъ весьма оживленные пренія, въ заключеніе коихъ конгрессу удалось выработать программу свѣдѣній, признанныхъ имъ необходимыми для составленія удовлетворительныхъ таблицъ.

С. Матѣевъ.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАРАТАКСИСА ВЪ ТЕРЕНЦЕВЫХЪ КОМЕДІЯХЪ.

I.

Предложенія соединяются между собою двоякимъ образомъ: или они ставятся независимо другъ отъ друга, или подчиняются одно другому. Первый родъ называется *паратаксисомъ* (координаціей, сочиненіемъ), второй — *ипотаксисомъ* (синтаксисомъ, субординаціею, подчиненіемъ). Координація выражается или посредствомъ союзовъ сочиняющихъ, или безъ нихъ. Это можно назвать паратаксисомъ въ обширномъ смыслѣ; о немъ я совѣтъ не буду говорить. Но кромѣ того, есть еще другого рода паратаксисъ, такъ сказать, паратаксисъ въ тѣсномъ смыслѣ. Онъ бываетъ тогда, когда мысли, логически долженствующія быть подчиняемыми, грамматически выражаются въ независимой формѣ. Всякій родъ предложеній допускаетъ такое соединеніе. Такъ, вмѣсто предложеній съ союзомъ *ut* (*finale* и *consecutivum*), ставится самостоятельное предложеніе въ *conjunctivus*, *indicativus* и *imperativus*; далѣе, при глаголахъ *sentendi* и *declarandi*, вмѣсто *accusativus cum inf.* мысль является независимую; наконецъ, причина и слѣдствіе, условіе и обусловливаемое и т. д. иногда ставятся рядомъ другъ возлѣ друга, безъ всякой связи; а отгадывать ихъ отношеніе между собою предоставляется слушателю или читателю. Такъ какъ такого рода конструкція и въ новѣйшихъ языкахъ чаще всего встрѣчается въ не соблюдающемъ строго синтаксическихъ отношеній народномъ, разговорномъ языкѣ, то мы ее въ древней литературѣ находимъ преимущественно у такихъ писателей и въ такого рода сочиненіяхъ, которые, по своему содержанію, болѣе или менѣе приближаются къ ежедневной рѣчи, а именно въ комедіяхъ, пьесахъ, сатирахъ и у отцовъ церкви. Но и классическіе писатели не

совѣмъ пренебрегали такимъ соединеніемъ мыслей. Въ настоящемъ трудѣ мы изложимъ случаи такого употребленія въ Теренціевыхъ комедіяхъ.

Говоря объ этихъ явленіяхъ, большинство грамматиковъ обнаруживаетъ весьма ненаучный взглядъ на дѣло. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что послѣ глаголовъ хотѣнія, увѣщанія и др. ставится иногда сослагательное наклоненіе безъ *ut*. Цуммъ § 624, Зейффертъ § 258, 2 прим. 2 и 281 прим. 2, и Мадвицъ³ § 372 прим. 4 въ своихъ грамматикахъ, просто констатируя фактъ, не даютъ никакого объясненія. Крюгеръ § 562 прим. говоритъ слѣдующее: „Ohngeachtet diese Sätze ohne Conjunction stehen, sind sie doch als Nebensätze in Beziehung auf den zugefügten Hauptsatz zu betrachten, dessen Object oder Subject sie darstellen. Das Beabsichtigte wird in denselben nur stärker als Wunsch ausgedrückt“. То-есть: „Не смотря на то, что эти предложенія стоятъ безъ союза, они все-таки должны быть разсматриваемы какъ придаточныя въ отношеніи къ прибавленному главному предложенію, для котораго они служатъ дополненіемъ или подлежащимъ. Намѣреніе только сильнѣе выражается въ нихъ какъ желаніе“. Здѣсь Крюгеръ противорѣчитъ самъ себѣ, потому что онъ, съ одной стороны, подобныя предложенія считаетъ придаточными, а съ другой — утверждаетъ, что они сами по себѣ уже выражаютъ желаніе, то-есть, являются самостоятельными. Также сбивчиво изложеніе вопроса Римсгорнъ. Въ грамматикѣ своей, на стр. 613, онъ говоритъ: „Der Redende braucht diesen Modus (то-есть Optativus) bei Wünschen, Betheuerungen, Schwüren; auch bei Bitten, Ermahnungen, Forderungen und mildernd bei Befehlen, statt des Imperativus, in welchem Falle wohl noch velim, oder suadeo, censeo beigefügt wird“. То-есть: „Говорящій употребляетъ optativus при желаніяхъ, увѣреніяхъ, клятвахъ, также при просьбахъ, увѣщаніяхъ, требованіяхъ и въ смягчающемъ видѣ при повелѣніяхъ вмѣсто imperativus; въ этомъ случаѣ *прибавляется* иногда velim, suadeo, или censeo“. Въ другомъ мѣстѣ, стр. 762 Not. 1 Римсгорнъ выражается такъ: „Wird bei den unter 1 angegebenen Verbis [см. p. 758: sich bemühen, nach etwas streben etc. etc.] das Beabsichtigte stärker als Wunsch ausgedrückt, so steht des Coniunctivus als Modus Optativus ohne *ut* dabei“. То-есть: „Если при глаголахъ: стараться, домогаться чего и др. намѣреніе выражается сильнѣе въ видѣ желанія, то ставится conjunctivus какъ modus optativus безъ *ut*“. Въ первомъ мѣстѣ Римсгорнъ говоритъ о *прибавкѣ* глаголовъ velim и т. д., стало быть, счи-

тасть ихъ чѣмъ-то второстепеннымъ, а въ другомъ приписываетъ имъ первенствующую роль, хотя, подобно Крюгеру, прибавляетъ о функции *conjunctivus* въ качествѣ *modus optativus*. Яснѣе выражаются Мадвигъ (только относительно *faxim*), Гаазе и Госсрау. Мнѣніе Мадвига въ *Opusc. Acad.* II, p. 79, таково: „*semper faxim scias dicitur, non ut scias pendeat ab eo, quod est faxim, sed ut ea causa, quae conjunctivum requirat, aeque utrumque verbum contingat*“. Гаазе, въ прим. 484 къ *Reisig, Vorlesung. über lat. Sprachwiss.*, говоритъ: „Dass bei oportet und necesse est auch ut steht, kann man kaum sagen; dies rührt nur aus den älteren Grammatiken her, die den Conjunctiv durch ein ausgelassenes ut erklärten.... Meistentheils ist im Conjunctiv zugleich ein Wunsch, eine Aufforderung mit ausgedrückt“. То-есть: „Что при *oportet* и *necesse est* ставится тоже *ut*, едва ли можно утверждать; это заимствовано изъ старыхъ грамматикъ, которыя объясняли *conjunctivus* посредствомъ пропущеннаго *ut*.... Большую частію (?) конъюнктивомъ выражается *имѣть съ тѣмъ (?)* желаніе и поощреніе“. Къ словамъ *большую частію* и *имѣть съ тѣмъ* (съ чѣмъ же?) я соединилъ вопросительный знакъ, потому что такимъ *conjunctivus* *esse* выражается или желаніе, или побужденіе, или приказаніе. Наконецъ Госсрау, въ своей грамматикѣ § 397, прим. 1, разсуждаетъ такъ: „Bei hortor, rogo, oro, moneo, mando, sino, volo, malo etc., (besonders oft bei velim, vellem, malim, malle), bei licet, oportet, necesse est und cave steht auch der blosse Conjunctiv... gern in ganz kurzen Sätzen: velim cogites, rogo venias....; doch auch in längeren: Te magno opere non hortor solum sed etiam pro amore nostro rogo atque oro, te colligas virumque praebeas C. Fam. 5, 18.... Es ist dies der Hortativ oder Optativ; nur dass noch ausdrücklich ein Verbum hortandi und optandi vorhergeht“. То-есть, Госсрау говоритъ, что одинъ *conjunctivus* при извѣстныхъ глаголахъ ставится въ краткихъ предложеніяхъ, а также и въ болѣе длинныхъ. По его мнѣнію, „это будетъ *hortativus* или *optativus*; только для большей опредѣленности предпосылается еще глаголъ *hortandi* и *optandi*“.

Изъ приведенныхъ мною сужденій грамматиковъ видно, что всѣ они, касаясь этого вопроса, согласны въ томъ, что ни о какомъ пропускѣ союза *ut* не можетъ быть и рѣчи; но заявить о полной независимости *conjunctivus* никто не осмѣливался. По моему мнѣнію, дѣло нужно представить себѣ такъ: *Conjunctivus* при упомянутыхъ глаголахъ поставленъ совершенно самостоятельно, а глаголъ прибавленъ къ нему для большей ясности, то-есть, служить

лишь знаменателемъ того, какъ слѣдуетъ повясть въ данномъ случаѣ сослагательное наклоніе — или какъ *optativus*, или *iussivus*, или *hortativus*. Кромѣ того, какъ я уже упомянулъ, нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ соединяются также съ *imperativus* и *indicativus*. Съ *imperativus* встрѣчаются только *oro*, *obsecro* и *quaeso*, но никогда *volo*, *moneo*, *iubeo* и т. д. Причина будетъ та, что, такъ какъ *imperativus* уже самъ по себѣ выражаетъ строгое повелѣніе, то нѣтъ никакой нужды еще болѣе усиливать его. Поэтому берутся только глаголы, смягчающіе его значеніе. При *faxo*, кромѣ *conjunctivus*, употребляется еще *indicativus futuri*, напримѣръ: *Jam faxo hic aderit*, то-есть, онъ сюда придетъ, я уже это сдѣлаю. — Далѣе, при *obsecro* и *quaeso* ставится прямой вопросъ. Такъ какъ онъ не зависитъ отъ этихъ глаголовъ, то и *Draeger*, *Hist. Synt. d. lat. Sprache* III, p. 212, не правъ, приведя такіе примѣры въ числѣ паратактическихъ соединеній.

Въ своемъ изложеніи я сперва поставлю тѣ примѣры, въ которыхъ у Теренція *conjunctivus* предшествуетъ глаголу, потому что въ такомъ случаѣ яснѣе видно, что онъ ни отъ какого глагола не зависитъ; затѣмъ послѣдуютъ тѣ случаи, гдѣ *conjunctivus* занимаетъ мѣсто послѣ глагола.

Volo.

а) послѣ *conjunctivus*.

Heaut. 1066 (V, 5, 22) *Syro ignoscas volo.*

Andr. 388 (II, 3, 14) *Ducas volo hodie uxorem.*

Andr. 418 (II, 5, 7) *Hodie uxorem ducas, ut dixi, volo.*

Heaut. 162 (I, 1, 110) *Dionysia hic sunt hodie, apud me sis volo.*

Phorm. 819 (V, 3, 36) *Neus, ne filii quidem hoc nostri resciscant volo.*

Ad. 519 (IV, 1, 3)..; *ita se defatigarit velim, Ut etc.*

б) передъ *conjunctivus*:

Hec. 753 (V, 1, 27) *sed scin, quid volo potius sodes facias. Ba. Quid? cedo.*

Sa. *Eas ad mulieres huc intro atque istuc ius iurandum idem*

Polliceari illis. Exple animum eis teque hoc crimine expedi.

Въ этомъ примѣрѣ замѣчательно то, что послѣ троекратнаго со-⁴слагательнаго наклоненія мѣняется конструкція, и слѣдуютъ два повелительныя наклоненія.

Ad. 138 (I, 2, 58) Unum (sc. filium) *vis* curem, curo.

Andr. 708 (IV, 2, 25) Verum *vis* dicam?

Eun. 1054 (V, 8, 24) и } Quid *vis* faciam?
 Heaut. 846 (IV, 8, 5) }

Hec. 436 (III, 4, 22) Quid *vis* dicam? an *conveniam* modo?

Hec. 787 (V, 2, 21) Ob eam rem *vin* ergo intro eam?

Eun. 894 (V, 2, 55) — *Vin* interea, dum venit,
 Domi *opperiamur* potius quam hic ante
 ostium?

Phorm. 102 (I, 2, 52) *Voltisne* eamus visere?

Phorm. 449 (II, 4, 9) Ego quae in rem tuam sint ea *velim* facias.

Ad. 681 (IV, 5, 47) *velim* me promerentem ames, dum vivas, mi
 pater.

Ad. 532 (IV, 1, 16) Vab, quam *vellem* etiam noctu amicis operam
 mos *esset* dari.

Потомъ есть одинъ сомнительный примѣръ. Умфребахъ пишетъ его такъ:

Heaut. 818 (IV, 6, 14) Quid igitur dicam? tibi † *vis* abisti, mihi
 Amicam adduxti etc.

Въ рук. А читается такъ: DICAMTIBIVISABISTIMIKI, въ BCDEFGP; tibi *vis* dicam abisti mihi. Невѣроятно исправленіе стиха Бентли: Quid igitur tibi *vis* dicam? adisti mihi manum; причемъ онъ слова adisti mihi manum, ссылаясь на Pl. Cas V, 2, 54 и Poen. II, 1, 11 объясняетъ=me inludificatus es.—Гораздо вѣроятнѣе конъектура Флейкейзена, которому слѣдуетъ и Вагнеръ: Quid igitur dicam tibi *vis*? abin istinc? mihi Amicam adduxti etc. Къ нимъ и я присоединяюсь, только переставляя по рук. BCDEFGP dicam и *vis*, потому что, какъ изъ выше приведенныхъ примѣровъ видно, форма *vis* всегда предшествуетъ сослагат. наклоненію. Слѣдовательно, стихъ слѣдуетъ читать такъ:

Quid igitur tibi *vis* dicam? abin istinc? mihi
 Amicam adduxti etc.

Для сличенія привожу и другія конструкціи глагола volo: Ut послѣ volo встрѣчается только три раза: Phorm. 322, Andr. 550 (ita volo itaque postulo ut fiat) и Hec. 396 (Maxime volo doque operam, ut etc.); кромѣ того въ 4 случаяхъ volo нужно подразумѣвать изъ предыдущаго, а именно: Andr. 29; Eun. 192; 339 и Heaut. 706; accusativus cum. inf. — 55 разъ (Andr. 50; 180; 195; 198; 510; 898; Eun. 764; 786; 979; 1002; 1069; Heaut. 11; 26; 106; 164; 185; 322; 323; 433;

494; 624; 705; 716; 789, 815; 847, 841; Phorm. 133; 291; 306; 432; 633; 725; 787; 792; 809; 810; 811; 835, Нес. 240, 252, 543; 563; 590; 636; 655; 723; 725; Ad. 172; 186; 187; 372; 391; 913; 909. Изъ этого огромнаго количества мѣстъ явствуетъ, какъ сильно преобладаетъ у Теренція ипотаксисъ надъ паратаксисомъ.

Nolo.

Neaut. 701 (IV, 3, 23) Quin. *nolo praetiaris!*

Andr. 819 (IV, 5, 24) *nolo me in tempore non videat senex*

Eun. 906 (V, 2, 67) *nolo me in via cum hac esse vident*

Malo.

Neaut. 928 (V, 1, 55) Immo abea potius *malo* quavis gentium
Quam hic per flagitium ad inopiam *radigat* patrem.

Ad. 782 (V, 2, 7) An tibi iam *maius* nocetrum *dispergam* his?

Sino.

Andr. 895 (V, 3, 24) Age *dicat*, *sino*

Къ этому мѣсту Шенкель въ своемъ изданіи „Andria“ замѣчаетъ: „sino am Schluss beigefügt, wie Rom. I, 1. 18 auctor sum, sino? Но это совсѣмъ не то, потому что у Плавта аuctor sum и sino поставлены параллельно = auctor sum et sino. Весь стихъ гласитъ такъ: Suspende, vinci, verbera, auctor sum, sino — то-есть, повѣсь меня, связывая, бей; я разрываю и позволяю это. Какъ sino, такъ и auctor sum, одинаково относятся къ предыдущимъ повелительнымъ вклб-неніямъ.

Ad. 996 (V, 9, 39)

Plautat, in istac finem faciat.

Ad. 815 (V, 3, 29) Mea, quae praeter spem evenere, *attentur sine.*

Phorm. 515 (III, 2, 30) Haud longumst id quod orat; *exoret sine.*

Eun. 185 (I, 2, 105) и }

Ad. 836 (V, 8, 13) }

Andr. 901 (V, 3, 30) — *Sine* te hoc *exorem.*

Neaut. 1050 (V, 5, 6) *Sine* te *exorent*

Нес. prol. II, 2 *Sine* exorator *sino.*

Andr. 622 (III, 5, 16) *Sed* iam parvum ad me *rudam.*

Andr. 900 (V, 3, 29) *Sine* me *expurget* atque illum huc *curam adducam.*

Eun. 283 (II, 2, 52) *Sine* biduum hoc *praeternat.*

Нес. 744 (V, 1, 18) *Sine* *dicam.*

Eun. 739 (IV, 6, 1) *sine* *veniat.*

Это послѣднее мѣсто отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что

ше здѣсь не обращено къ какому-нибудь опредѣленному лицу, но съ досадою сказано вообще въ смыслѣ: „пусть онъ только придетъ“. — Въ Phorm. 238 (II, 1, 8) Ego expediam, sine — expediam скорѣе будетъ будущее время, чѣмъ сослагат. наклоненіе, потому что v. 235 тоже предшествуетъ будущему времени pereriam. Что и издатели такъ понимаютъ, видно изъ того, что они послѣ expediam ставятъ двѣ точки. Смыслъ почти такой: „если позволешь, то я устрою (дѣло)*“. — Ut послѣ sinere поставлено 2 раза: Нес. 590 и Andr. 188, не только Heaut. 90; accusativus cum inf. — 21 разъ (Andr. 153; 271; 274; 296; 624; Eun. 124; 151; 963; Heaut. 470; 947; Phorm. 292; 517; Нес. prol. II, 38 и 44; 565; 600; 853; Ad. 97; 104; 108; 377).

Licet.

Phorm. 347 (II, 2, 33) postilla iam, ut lubet, ludas licet.

Adhortor.

Eun. 583 (III, 5, 35) Adhortor properent.

Moneo.

Нес. 766 (V, 1, 40) Verum hoc te moneo unum, qualis sim amicus
aut quid possiem

Potius quam inimicus, periculum facias.

Ut встрѣчается три раза: Andr. prol. 22; 904 и Heaut. 169; не Нес. 64 (moneo et hortor, не etc.).

Jubeo.

Heaut. 737 (IV, 4, 15) Jube maneat.

Eun. 691 (IV, 4, 24) Jube mi denuo respondeat.

Ad. 914 (V, 7, 16) iube nunciam

Dinumeret ille Babylo viginti minas.

Phorm. 295 (II, 1, 65) verum si cognatam maxime,

Non fuit necesse habere; sed id quod lex
iubet,

Potem daretis, quaereret alium virum.

Andr. 412 (II, 5, 1) всѣ рукописи передаютъ такъ:

Erus me reflectis rebus iussit Pamphilum

Hodie observare, ut quid ageret de iuratis

Scribem etc., но Бенгли устранилъ ut, имѣлъ observare, основываясь на томъ, что Andr. 1, 1, 142 говорится Observes illum, quid agat, а не: Observes, ut scias quid agat. Это уже настоящая иерекритика, которой ни одинъ издатель не послѣдовалъ. См. подробное опроверженіе въ изданіи Жюна, въ прил. къ этому чѣсту.

Imploro.

Ad. 489 (III, 4, 43) Illaес fidem nunc vostram *implorat*, Demea,
Quod vos vis cogit, id voluntate *impetret*.

Геппертъ въ изданіи „Adelphi“ въ стихѣ 490 послѣ *id* вставляетъ *ut*, котораго нѣтъ ни въ рукописяхъ, ни въ другихъ изданіяхъ. Въ его примѣчаніяхъ тоже ничего не сказано.

Oro.

Нес. 721 (IV, 4, 99) At te *oro* porro in hac re adiutor sis mihi.

Phorm. 1020 (V, 9, 31) Quam ob rem te *oro*, ut alia facta tua sunt, aequo animo hoc feras.

Послѣ *oro ut* ставится 20 разъ: Andr. 190; 538; 548; 566; 592; 687; 823; Eun. 502; 528; 533; 885; 1084; Heaut. 330; 493; 605; Phorm. prol. 8; Нес. 116; 498; 686; 809.

Ого употребляется и при повелительномъ наклоненіи для смягченія его, а вмѣсто него можетъ стоять и сослагательное наклоненіе.

Andr. 595 (III, 4, 16) Si. Nunc te *oro*, Dave, quoniam solus mi
effecisti has nuptias,

Da. Ego vero solus. Si.—Gnatum mihi cor-
rigere porro *enitere*.

Eun. 912 (V, 3, 3) *Move* te *oro* ocius.

Loch, Gebrauch d. Imperativus b. Plautus, Memel 1871, на стр. 14, говоря о неупотребленіи Плавтомъ *oro* въ видѣ вставки (Einschaltungsformel) при просьбахъ и восклицаніяхъ, отрицаетъ его употребленіе и Теренціемъ, утверждая, что Eun. 912 въ codex Bembinus вмѣсто *oro* читается *vero*, а ого только конъектура Флекейзена. Между тѣмъ именно въ Bembinus сказано *move oro*, а во всѣхъ прочихъ рукописяхъ *move vero*. Кромѣ того, мнѣніе Лоха опровергается еще приведеннымъ мною мѣстомъ Andr. 595, которое ускользнуло отъ его вниманія.

Obsecro.

Ad. 309 (III, 2, 11) Propius *obsecro* accedamus, Sostrata.

Heaut. 1049 (V, 5, 5) Pater, *obsecro* mi ignoscas.

Eun. 905 (V, 2, 66) *obsecro* abeamus intro, Thais.

Heaut. 1015 (V, 3, 13) Au te *obsecro*, istuc inimicis *siet*.

Лохъ въ названной выше монографіи, стр. 13 sq., говоритъ, что *obsecro*, когда удерживаетъ свое полное значеніе и употребляется самостоятельно или какъ управляющій глаголъ, отъ котораго зависитъ предложеніе, всегда имѣетъ при себѣ дополненіе te (vos), когда

же употребляется какъ междометіе, съ смягченнымъ значеніемъ, то не имѣетъ никакого дополненія, исключая рѣдкіе случаи для изобразженія званія. Изъ Теренція Лохъ приводитъ: *Heaut.* 302 *perge, obsecro te, et cave* и *Ad.* 281 sq. *obsecro hercle te—absolvitote*. Вслѣдствіе того Лохъ дѣлаетъ слѣдующій крайне странный выводъ: *Mil.* 540 sq. *Periplescomeue, te obsecro—ignoscas...* und *Most.* 1156 sq. *nunc te obsecro—ignoscas...* werden die Conjunctive als abhängig aufzufassen sein, weil *obsecro* schon wegen des zugefügten Objects hier nicht blosser Ausruf, sondern regierendes Verbum ist. Dagegen *Ter. Heaut.* 1048 sq. *Mi vir te obsecro Ne facias:: Pater, obsecro mihi ignoscas:: Da veniam Chremes dürfte ignoscas als selbstständiger imperativischer Conjunctiv gelten*¹⁾. То же самое онъ утверждаетъ на стр. 15 относительно *quaeso* и еще разъ на стр. 20 относительно обоихъ глаголовъ. Значить, по его мнѣнію, все дѣло зависитъ отъ поставленія или опущенія дополненія при *obsecro* и *quaeso*, слѣдуетъ ли признать *conjunctivus* зависящимъ или самостоятельнымъ! Нелѣпость вывода такъ очевидна, что о немъ нечего распространяться. Но и основаніе, на которомъ построенъ выводъ, по крайней мѣрѣ относительно Теренція, ложно, какъ и стараюсь доказать ниже. Лохъ говоритъ, что при *obsecro* съ зависящимъ предложеніемъ должно непременно быть поставлено дополненіе. Это можно опровергнуть тѣмъ, что изъ четырехъ случаевъ у Теренція, гдѣ послѣ *obsecro* слѣдуетъ предложеніе съ *ne* ¹⁾, въ трехъ опущено дополненіе: *Heaut.* 291 sq. *Syre mi, obsecro, Ne me in laetitiam frustra conicias*; *ibid.* 1028. *Obsecro, mi gnate, ne istuc in animum inducas tuom* и *Phorm.* 944 sq. *Obsecro, ne facias*; только въ одномъ оно встрѣчается: *Heaut.* 1048 sq. *Mi vir, te obsecro, Ne facias*. Затѣмъ изъ одиннадцати примѣровъ съ *ut* въ двухъ недостаетъ дополненія: *Phorm.* 112 sq. *obsecrat, ut sibi eius faciat copiam* и *Ad.* 334 *Ita obsecraturum, ut liceret etc.*, хотя, нужно признать, дополненіе легко можно подразумѣвать изъ предыдущаго. Остальные примѣры съ *ut* слѣдующіе: *Andr.* 402; *Eun.* 261; 562 (*Fleck.* и *Wagner* пишутъ *oro*), *Hec.* 387; *Heaut.* 644; 725; 1025; *Andr.* 326 и 899 (въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ—*ut ne*). Точно также нѣтъ въ двухъ случаяхъ дополненія, гдѣ *obsecro* поставлено самостоятельно, а именно: *Eun.* 669 *Obsecro* и 1054 *Obsecro, Gnatho, in te spes est*. Этого, кажется, будетъ достаточно для опроверженія

¹⁾ Это собственно тоже независимыя предложенія, какъ мы потомъ увидимъ. Здѣсь я говорю только съ точки зрѣнія Лоха.

аргументаціи Лоха. Подобно ого, и *obsecro* соединяется съ повелительнымъ наклоненіемъ — какъ съ дополненіемъ, такъ и безъ него, безъ всякаго видимаго различія.

а) послѣ повелительнаго наклоненія.

Andr. 861 (V, 2, 20) и Phorm. 486 (III, 2, 1) Audi *obsecro*.

Andr. 232 (I, 4, 5) di, date facultatem *obsecro*

Huic pariundi atque illi in aliis potius peccandi
locum.

Eun. 1048 (V, 8, 7) o Juppiter, serva *obsecro* haec bona nobis.

Andr. 473 (III, 1, 15) и } Juno Lucina, fer opem, serva me, *obsecro*.
Ad. 487 (III, 4, 41) }

Andr. 955 (V, 4, 52) Jube solvi *obsecro*.

Eun. 95 (I, 2, 15) Ne crucia te *obsecro*, anime mi, mi Phaedria.

Eun. 421 (III, 1, 31) sed narra *obsecro*.

Eun. 685 (IV, 4, 18) }
Eun. 899 (V, 2, 60) и } Tace *obsecro*.

Hec. 318 (III, 1, 38) }

Eun. 834 (V, 1, 18) Era mea, tace tace, *obsecro*, salvae sumus.

Heaut. 403 (II, 4, 23) retine me, *obsecro*.

Heaut. 432 (III, 1, 23) Eamus; duc me ad eum, *obsecro*.

Hec. 556 (IV, 1, 41) Mitte adulescentem, *obsecro*.

Hec. 600 (IV, 2, 24) Sine me *obsecro* hoc effugere.

Phorm. 473 (III, 1, 9) Loquere *obsecro*.

Phorm. 553 (III, 3, 20) Quaere *obsecro*.

Ad. 325 (III, 2, 27) Eloquere, *obsecro* te, quid sit.

б) передъ повелительнымъ наклоненіемъ.

Ad. 679 (IV, 5, 45) Pater, *obsecro*, auscult.

Ad. 155 (II, 1, 1) *Obsecro*, populares, ferte misero atque innocent
auxilium.

Phorm. 803 (V, 3, 20) Au *obsecro*, vide ne in cognatam pecces.

Ad. 550 (IV, 2, 11) *Obsecro*, vide ne ille huc prorsus se ioruat.

Heaut. 339 (II, 3, 98) Huius modi *obsecro* aliquid reperi.

Eun. 362 (II, 3, 71) *Obsecro* hercle, Parmeno, fac ut potiar.

Andr. 351 (II, 2, 14) *Obsecro* te, quam primum hoc me libera
miserum metu.

Ad. 281 (II, 4, 17) *Obsecro* te hercle, hominem istum inpurissimum,
Quam primum absolvitote.

Heaut. 302 (II, 3, 61) Perge, *obsecro* te, et cave.

Phorm. 197 (I, 4, 19) Cedo quid portas, *obsecro*.

Кромѣ того, *obsecro* часто ставится при вопросахъ, которые не зависятъ отъ него. Поэтому въ *Becker*, *Syntaxis interrogationum obliquarum apud priscos scriptores latinos* такіе примѣры не помѣщены. Приведу пару примѣровъ:

Andr. 721 (IV, 3, 6) *mi homo, quid istuc obsecrost.*

Eun. 428 (III, 1, 38) *Tuomne, obsecro te, hoc dictum erat?*

Quaeso.

Cъ coniunctivus.

Ad. 398 (III, 3, 44) *Sic siet modo ut nunc est, quaeso*

Andr. 305 (II, 1, 15) *Quaeso edepol, Charine, quoniam non potest id fieri quod vis,*

Id velis quod possit.

Ad. 247 (II, 2, 39) *Immo hercle hoc quaeso, Syre,*

Utut haec sunt acta, potius quam lites sequar,

Meum mihi reddatur, saltem quanti emptast

Syre.

Ut семь разъ: Andr. 487; Eun. 466; Неч. 786; Ad. 275; 298; 491; 598; изъ нихъ безъ дополненія: Eun. 466; Неч. 786 и Ad. 598.

Cъ imperativus.

а) послѣ него.

Phorm. 141 (I, 2, 91) *nunc amitte quaeso hunc.*

Andr. 323 (II, 1, 23) *Vereor dicere; huic dic quaeso, Byrria.*

Неч. 803 (V, 3, 5) *adulescens, dic dum quaeso, tun es Myconius?*

Eun. 562 (III, 5, 14) *Narra istuc quaeso quid sit.*

Phorm. 350 (II, 3, 3) *Adeste quaeso.*

б) передъ нимъ.

Heaut. 163 (I, 1, 111) *quaeso tandem aliquantulum tibi parce.*

Heaut. 971 (V, 2, 18) *Prius quaeso disce, quid sit vivere.*

Phorm. 670 (IV, 3, 65) *Quaeso, ego dabo, quiesce.*

Ad. 190 (II, 1, 36) *Illuc quaeso redi, quo coepisti, Aeschine.*

Heaut. 1052 (V, 5, 8) *Age quaeso ne tam offirma te, Clremes.*

Неч. prol. I, 8 *Alias (sc. fabulas) cognostis eius, quaeso hanc noscite.*

Andr. prol. 8 *quaeso animum advortite.*

Ad. 508 (V, 3, 22) *quaeso hoc facito tecum cogites.*

Наконецъ, *quaeso* подобно *obsecro*, соединяется съ вопросомъ, на примѣръ, Phorm. 935 *Quaeso, quid narras?*

Heaut. 537 *Eho quaeso laudas, qui eros fallunt? и т. д.*

Facere (fac, facito, facite и faxo).

Ad. 511 (III, 5, 1) Bono animo *fac sis*, Sostrata, et istam quod
potes

Fac consolere.

Eun. 501 (III, 2, 48) *Fac cures.*

Ad. 880 (III, 3, 26) *salsamenta haec*, Stephanio,

Fac macerentur pulchre.

Ad. 813 (V, 3, 27) Conserva, quaere, parce, *fac* quam plurimum
illis (sc. filiis) relinquant.

Eun. 1042 (V, 8, 12) Tu frater ubiubi est *fac* quam primum
haec audiat.

Eun. 319 (II, 3, 28) hanc tu mihi vel vi vel clam vel precario

Fac tradas.

Eun. 196 (I, 2, 116) Meus *fac sis* postremo animus, quando ego
sum tuos.

Eun. 189 (I, 2, 109) Tu, Parmeno, huc *fac* illi adducantur.

Eun. 207 (II, 1, 1) *Fac*, ita ut iussi, deducantur isti.

Eun. 769 (IV, 6, 31) *Fac* animo haec praesenti dicas.

haec ut praesenti BCEFP, anino ut prenti DG.

Heaut. 925 (V, 1, 52) *Fac* te patrem esse sentiat; *fac* ut audeat
Tibi credere omnia.

Здѣсь послѣ одного *fac*—coni., послѣ другого *ut*, впрочемъ въ
DCE² ut sentiat (въ D ut подчеркнуто). •

Eun. 311 (II, 3, 20)—*fac sis* nunc promissa adpareant.

^s
FAXIS A, S addidit corr. гес.; Бентли и Кюцъ
пишутъ faxis, Umpf. и Fleck. *fac sis*.

Потомъ Andr. 712 у всѣхъ издателей написано: Huc *face* ad me
ut venias, siquid poteris, кромѣ Бентли и Шпенгеля, опускающихъ
ut. И это весьма вѣроятно, такъ какъ въ рук. BCP этого *ut* нѣтъ,
а Benbinius сохранился въ Andr. 787 съ пробѣлами, въ полномъ же
видѣ только съ 888 стиха.

Ad. 500 (III, 4, 55) Sed, Demea, hoc tu *facito* cum animo cogites.

Ad. 508 (V, 3, 22) quaeso hoc *facito* tecum cogites.

Heaut. 550 (III, 2, 39) At heus tu, *facito dum* eadem haec me-
mineris.

Heaut. prol. 20 *Facite* aequi sitis.

• 1. prol. 24—*facite* aequanimitas

Postae ad scribendum augeat industriam.

Бентли и съ нимъ всѣ прочіе издатели полагаютъ, что послѣ 24-го стиха выпалъ одинъ стихъ, такъ какъ отъ *aequanimitas* въ этой конструкціи должно зависѣть слово *Roetas*, между тѣмъ какъ *aequanimitas* относится къ слушателямъ. Замѣчательно, что уже во время Доната это мѣсто существовало въ такомъ же видѣ. Донатъ дѣлаетъ къ *aequanimitas* замѣчаніе: „*Deest vestra*“.

Въ одномъ только примѣрѣ сослагат. наклоненіе предшествуетъ глаголу *facite*:

Eun. 506 (III, 2, 53) *Domi adsitis facite*.

Не приводя всѣхъ случаевъ, гдѣ послѣ *facere* ставится *ut*, отмѣчаю только повелит. накл. съ *ut*: *fac* Andr. 408; 483; Eun. 281; 362; Neaut. 84; 925; Phorm. 671; 674; 784; Нес. 764; *facito* Нес. 769; Ad. 845; *facite* Нес. prolog. II, 39.

Особо слѣдуетъ сказать о *fazo*. При этой формѣ ставится и *coniunctivus*, и *indicativus futuri*, а кромѣ того, *part. perf. pass.* Но дѣло въ томъ, что Мадвинъ, Opusc. acad. II p. 77 sqq., совсѣмъ отвергаетъ употребленіе сослагат. наклоненія у Плавта и Теренція, утверждая, что оно вкралось въ рукописи только благодаря переписчикамъ, ставившимъ по примѣру Виргилія, Овидія и Ливія, сослагат. наклонен. вмѣсто будущаго времени, измѣняя въ формахъ глаголовъ 3-го и 4-го спряженій букву *e* въ *a* (*dicas* вм. *dices* etc.). Но это его мнѣніе опровергается слѣдующимъ соображеніемъ Клоца (см. его прим. къ Andr. 854): Если въ древней латини употреблялся исключительно *indicativus futuri* при *fazo*, а у Виргилія, Овидія и Ливія, въ чемъ сознается самъ Мадвинъ, весьма часто *coniunctivus*, то слѣдовало бы удивляться такой внезапной перемѣнѣ языка, еслибы не было этого явленія, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, уже у древнихъ авторовъ. Итакъ, нельзя въ этомъ отношеніи не довѣрять рукописямъ, по которымъ выходитъ, что у Плавта почти въ третьей части всѣхъ мѣстъ поставленъ *coniunctivus*, а у Теренція почти въ половинѣ (3:7). Ad. 846 (V, 3, 60) *Atque ibi favillae plena, fumi ac pollinis*

Coquendo sit fazo et molendo.

Мадвинъ, Opusc. acad. II p. 77, говоритъ: *sit, sed versus recipit erit*.

Ad. 209 (II, 2, 1)—*cupide accipiat fazo atque etiam*

Bene dicat secum esse actum.

Andr. 854 (V, 2, 13) *Immo vero indignum, Chremes iam facimus fazo ex me audias*.

Только Fr. Ritter (Ter. Andr., Berol 1863) и Klotz (какъ въ своемъ полномъ изданіи, такъ и въ специальномъ изданіи Андріи) пишутъ

audias, всѣ же прочіе издатели: *audies*—но не извѣстно, по какой причинѣ, ибо въ рук. BDP и по поправкѣ въ С. (ex tem *audias dices*), то-есть, въ лучшихъ за *Vembinus* рукописяхъ, читается *audias*.

Далѣе при *faxo* ставится *ind. futuri*, показывающій слѣдствие сдѣланнаго посредствомъ *faxo* заявленія.

Phorm. 308 (II, 1, 78) *Jam faxo hic aderit.*

Phorm. 1055 (V, 9, 65) *Jam hic faxo aderit.*

Eun. 663 (IV, 3, 21) *Jam faxo scies.*

Eun. 285 (II, 2, 54) *Ne tu istas (sc. fores) faxo calcibus saepe insultabis frustra.*

Наконецъ, *faxo* у Теренція два раза соединяется съ *part. perf.* *pass.*, соединеніе, равносильное будущему времени приставленнаго въ видѣ причастія глагола.

Heaut. 341 (II, 3, 100) *Ademptum tibi iam faxo omnem metum (=adimam metum).*

Phorm. 1028 (V, 9, 39) *Faxo tali eum mactatum atque hic est infortunio.*

Cave

соединяется съ *coni. praes.* и *perfecti*. Здѣсь не слѣдуетъ принимать никакого пропуска союза *ne*. Хорошо объяснилъ это явленіе *Линдеманъ* въ *Plant. Capt.* II, 3, 79 (см. *Holtze*, *Synt. prisc. script. lat.* II p. 175): *Cave facias est: cave tibi, facias enim. Hüte dich, du könntest es sonst leicht thun* (то-есть, остерегайся, ибо иначе ты это легко могъ бы сдѣлать); *nisi caveas, facias. Cave ne facias est cave tibi, non facias; thu es nicht, davor hüte dich'* (=не сдѣлай этого, того и остерегайся). Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ будетъ *coni. potentialis*, во второмъ—*prohibitivus*. Итакъ, *Линдеманъ* признаетъ сослагат. склоненіе не зависящимъ отъ *cave*, то-есть, паратактическимъ, хотя и не высказываетъ этого.

Heaut. 1031 (V, 4, 8) *Et cave posthac, si me aines, unquam istuc verbum ex te audiam.*

Heaut. 1032 (V, 4, 9) *mores cave in te istos sentiam.*

Phorm. 993 (V, 9, 4) *Cave isti quicquam credas.*

Andr. 403 (II, 3, 29) *cave te esse tristem sentiat.*

Phorm. 764 (V, 1, 37)— *cave vesciscat quisquam.*

Ad. 458 (III, 4, 12) *Cave dixeris.*

Heaut. 187 (I, 2, 13) *Cave faxis.*

Andr. 760 (IV, 4, 21) *Mane; cave quoquam ex istoc excessis loco.*

Heaut. 826 (IV, 6, 22) *cave quicquam admiratus sis.*

Точно также, какъ положительный *coniunctivus* при разныхъ глаголахъ, указывающихъ наиѣреніе или слѣдствіе, такъ и отрицательный, то-есть, такъ называемый союзъ *ne* съ сослагат. наклоненіемъ, ставится паратактически, независимо отъ какого бы то ни было управляющаго глагола. Такое мнѣніе высказываетъ *Pactoll*, *Beiträge zur histor. Synt. d. lat. Sprache*, Waldenburg i. Schl. 1875. стр. 10 и слѣд., и отчасти *Лохъ* въ приведенной выше монографіи, р. 22: *Zu den unbedingt imperativischen Stellen sind zu rechnen..... die Fälle, wo der negative Conj. praes. mit einem positiven Imperativ verbunden ist.* Между прочимъ, онъ приводитъ такой примѣръ: Pl. Asin. 469 *te aufer domum, abscede hinc, molestus ne sis.*—*Ne* нужно всегда считать простымъ отрицаніемъ, наръчіемъ, а не союзомъ въ принятомъ смислѣ; потому что подчинительными союзами можно назвать только относительныя наръчія и происходившіе отъ нихъ союзы. Поэтому слѣдуетъ серьезно призадуматься и надъ свойствомъ предложеній, начинающихся союзами *dum*, *donec*, *modo*, *dummodo*, *simul*, *simulatque*, даже *si*. Если такъ смотрѣть на дѣло, то глаголы боязни съ *ne* вовсе не нужно принимать употребленными въ прегвантномъ смислѣ (*timeo=cum timore opto*), такъ какъ послѣ нихъ будетъ поставленъ простой *coniunctivus optativus*, напримѣръ, Phorm. 325 *Vereor, ne istaec fortitudo in nervum erumpat denique*—не попалъ-бы ты за свою храбрость въ оковы, но боюсь (исполнится-ли мое желаніе). Такимъ образомъ легко объясняется и встрѣчающееся у Плавта (35 разъ, см. *Pactoll*, *Beiträge etc.*, р. 11) и Теренція соединеніе *ut ne* вмѣсто *ne*. А именно, такъ какъ предложенія съ *ne* и *coniunctivus* чувствовались независимыми, то для выраженія подчиненности стали прибавлять еще *ut*. Это дѣлалось тогда, когда мало по малу вмѣсто паратактическаго соединенія мыслей приступали къ синтаксису, но внослѣдствіи опять въ этомъ отношеніи возвращались къ паратаксису, который и оставался па всегда преобладающею формою. *Цунгтъ* §§ 347 и 535 называетъ это явленіе плеоназмомъ (*Häufung*); *Крюгеръ* § 573 прим. 2 и *Рейзинъ* § 322 не даютъ ему никакого объясненія. *Мадеръ* прим. § 456 говоритъ: *in Absichtssätzen wird statt ne auch oft ut—ne gesagt, wodurch zuerst der Gegenstand oder die Absicht im Allgemeinen, dann die Verneinung bezeichnet wird.* Рациональнѣе выражается *Hand*, *Tursell*. IV р. 32: *Ne igitur non est in his dictionibus coniunctio, sed antiquum adverbium, quod maiori cum vi pro non dicitur.* Онъ ошибается только въ томъ, что по его словамъ *ne* отрицаетъ сильнѣе, чѣмъ *non*. Этого никогда не можетъ

быть, потому что *non* происходитъ отъ *ne—oenum*, *noenum* (см. *Ribbeck, Beiträge zur Lehre v. d. lat. Partikeln*, p. 12).

У Теренція *ut ne* вмѣсто *ne* употребляется 20 разъ; при этомъ только два раза *ne* отдѣляется отъ *ut* однимъ словомъ или цѣлымъ предложениемъ: Andr. 259 *Aliquid facerem, ut hoc ne facerem* и Ad. 354 *Curre, obstetricem accerse, ut quom opus sit ne in mora nobis siet*. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ *ut ne* поставлены рядомъ: Andr. 61; 327; 699; 834; 899; Eun. 439; 942; 945; 956; Heaut. 269; 468; Phorm. 168; 314; 415; 975; Пес. 105; 395; Ad. 626.

Напрасно Бентли и съ нимъ Умфенбахъ и Флекейзенъ, Andr. 182, читаютъ *ut ne* вмѣсто рукописнаго *ne*, чтобы не допустить трохейскаго размѣра между ямбическими. Одинъ Шпенгелъ справедливо удерживаетъ рукописное чтеніе. По аналогіи *ut ne* въ одномъ мѣстѣ читается *qui ne*: Andr. 335 *Ego id agam, mihi qui ne detur*. Вообще пужно сказать, что вмѣсто *ut finale* у Теренція весьма часто является нарѣчіе *qui*.

До сихъ поръ мы рассматривали соединенія мыслей, несправедливо считающіяся подчиненными; теперь перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ паратаксисомъ замѣнены или часть предложенія (*accusativus cum inf.*), или цѣлыя придаточныя предложенія. Вообще нужно замѣтить, что субординація численностью и у Плавта, и у Теренція значительно превышаетъ координацію; поэтому я только изрѣдка, ради статистики, буду помѣщать примѣры ипотаксиса. Своего рода паратаксисъ представляютъ такіа сочетанія, которыми приводятся подлинныя слова, сказанныя раньше или самимъ говорящимъ, или третьимъ лицомъ. Но Теренцій идетъ еще дальше и выражаетъ прямую рѣчью мысли, которыя кто-нибудь могъ имѣть или еще будетъ имѣть. Равнымъ образомъ всякой зависимости выражается предполагаемый отвѣтъ или мнѣніе, которое могло бы быть обнаружено лицомъ, противъ коего что-нибудь предпринимается. При этомъ часто опускается посредствующій глаголъ, и собственныя или чужія слова и мнѣнія вводятся говорящимъ непосредственно, такъ что актеръ долженъ ихъ пояснять ихъ зрителямъ модуляціей. Хотя многіе изъ этихъ примѣровъ могутъ быть поставлены въ *accusativus cum inf.*, я все-таки счелъ нужнымъ говорить о нихъ, какъ о цитатахъ, особо, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, кромѣ того, встрѣчаются восклицанія, вопросы и повелѣнія. Вотъ самыя мѣста Теренція:

Приводятся: А) слова другаго лица:

1) сказанныя имъ:

а) безъ поясняющаго глагола:

Eun. 155 (I, 2, 75) Aut ego nescibam, *quorsum* tu ires? „parvola
Hinc est abrepta; eduxit mater pro sua;
Soror dictast; cupio abducere, ut reddam suis“:
Nempe omnia haec nunc verba huc redeunt
denique:

Ego excludor, ille recipitur.

Здѣсь словомъ *quorsum* указывается на слѣдующее, а подразумѣ-
вать можно *quom diceret* или *dicens*; по русски: „развѣ я не зналъ,
что ты имѣла въ виду, говоря“: и т. д.

Phorm. 124 (I, 2, 74) — *Hoc consilium quod dicam* dedit:

„Lex est ut orbae, qui sint genere proximi,
Eis nubant, et illos ducere eadem haec lex
iubet

и т. д. до 134 стиха. Изъ *dicam* слѣдуетъ подразумѣвать *dixit*.

б) съ глаголомъ:

Чаще всего, понятно, встрѣчается *inquit*, которое всегда состав-
ляетъ вводное предложеніе. Но замѣчательны тѣ примѣры, гдѣ кто-
нибудь передаетъ другому свой разговоръ съ третьимъ лицомъ. Здѣсь
только въ началѣ ставится *inquit*, а потомъ уже рѣчь продолжается
безъ глагола:

Eun. 337 (II, 3, 46) „Heus heus, tibi dico, Chaerea“ *inquit*, restiti.
„Scin quid ego te volebam?“ „dic.“ „cras est
mihi

Judicium“. „Quid tum?“ „ut diligenter nunties
Patri, advocatus mane mi esse ut meminerit“.

Eun. 236 (II, 2, 5) Video sentum squalidum aegrum, pannis an-
nisque obsitum.

„Quid istuc“ *inquam* „ornatist?“ „quoniam mi-
ser quod habui perdididi, em

Quo redactus sum. omnes noti me atque amici
deserunt“.

и такъ продолжается передача чужихъ словъ до 253-го стиха; ср. Нес.
803 sq., гдѣ сначала стоитъ *quiesco*, а дальше рѣчь приводится безъ
глагола.

Затѣмъ другіе глаголы:

Heaut. 457 (III, 1, 48) Nam ut alia omittam, pytissando, modo mihi
Quid vini absumpsit „sic hoc“ *dicens* „as-
perum,
Pater, hoc est; aliud lenius sodes vide“.

Andr. 285 (I, 5, 50) — — — *incipit* (sc. dicere):
„Mi Pamphile, huius formam atque aetatem
vides:
Nec clam te est, quam illi nunc utraeque
inutiles
Et ad pudicitiam et ad rem tutandam sient.
etc. v. 296.

Heaut. 201 (II, 1, 9) Nunc ait „periculum ex aliis facito, tibi quod
ex usu siet“.

Eun. 817 (V, 1, 1) Pergin, scelestas mecum perplexe *loquitur*?
„Scio, nescio, abiit, audivi, ego non adfui“.

Andr. 634 (IV, 1, 10) Ibi tum eorum impudentissima *oratio*:
„Quis tu's? quis mihi's? Quor meam tibi?
Heus proxumus sum egomet mihi“.

Eun. 308 (II, 3, 17) Scis te mihi saepe *pollicitum esse* „Chaerea,
aliquid inveni,
Modo quod ames; in ea re utilitatem ego fa-
ciam ut cognoscas meam.

Ad. 620 (IV, 4, 29) — illa *exclamat* „abi, abi; iam Aeschine,
Satis diu dedisti verba, sat adhuc tua nos fru-
stratast fides.

Ad. 407 (III, 3, 53) — coepit *clamare* „o Aeschine,
Haecine flagitia facere te! haec te admittere
Indigna genere nostro!“

Ad. 60 (I, 1, 36) Venit ad me saepe *clamans* „quid agis, Micio?
Quor perdis adolescentem nobis? Quor amat?
Quor potat? Quor tu his rebus sumptum suggeris?
Vestitu nimio indulges, nimium ineptus es“.

2) предполагаемая слова или мысли другая.

а) безъ глагола:

Въ первомъ явленіи первого дѣйствія „Андріа“ Симонъ жалуется
своему повару на своего сына, влюбившагося въ одну бѣдную дѣ-
вушку, вслѣдствіе чего его сосѣдъ не выдаетъ больше свою дочь за

него. На замѣчаніе повара, чтобъ онъ сдѣлалъ выговоръ сыну, отецъ отвѣчаетъ, что онъ собственно не имѣетъ достаточно данныхъ для этого. На вопросъ повара: „Qui adeo?“ онъ прямо приводитъ оправдательныя слова сына:

Andr. 151 (I, 1, 124) „Tute ipse his rebus finem praescripsti, pater,
Prope adest, quom alieno more vivendumst
mihi.

Sine nunc meo me vivere interea modo“.

Здѣсь подразумѣвается *diceret*, и тѣмъ легче, что оно уже поставлено в. 138.

Въ слѣдующихъ трехъ примѣрахъ нужно подразумѣвать *dicet*:

Ad. 203 (II, 1, 49) Ubi me dixero dare tanti, testes faciet ilico,
Vendidisse me, de argento somnium; „mox, cras
redi“.

Ad. 527 (IV, 1, 11) Rogitabit me, ubi fuerim: „ego hoc te toto
non vidi die“.

Ad. 232 (II, 2, 24) Nunc si hoc omitto ac tum agam ubi illinc re-
diero,

Nil est; refrixerit res: „nunc demum venis?

Quor passu's? ubi cras?“

Затѣмъ, въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ тоже недостаетъ глагола *dicendi*, но указаніе на цитату уже содержится въ словахъ *illuc* и *haec*:

Neaut. 792 (IV, 5, 44) — neque tu scilicet

Illuc confugies: „quid mea? num mihi da-
tumst?

Num iussi? num illa oppignerare filiam

Meam me invito potuit?“

Ad. 165 (II, 1, 11) Novi ego vestra *haec*: „nollem factum.

Jusiurandum dabitur te esse indignum iniuria
hac“.

Наконецъ, два раза въ „Андріи“ ставится фраза въ смыслѣ третьяго лица (Глицеріи) безъ всякаго поясненія, гдѣ нужно въ переводѣ прибавить: „она полагаетъ“.

Andr. 772 (IV, 4, 33) Ne illa illum haud novit, quouis causa haec
incipit.

„Chremes si puerum positum ante aedis vi-
derit,

Suam non dabit gnatam".hercle tanto magis
dabit.

то-есть: „право, она не знаетъ того, для котораго это начинается; ибо она полагаетъ, что Хремесь не дастъ своей дочери, если увидитъ подкинутого передъ домою ребенка; но, клянусь Геркулесомъ, тѣмъ не менѣе дастъ“.

Точно также Andr. 516 (III, 2, 36):

Nos ni fit, puerum ut tu videas, nil moventur nuptiae.

б) Съ глаголомъ:

Heaut. 641 (IV, 1, 28) Credo, id *cogitasti*: „quidvis satis est, dum
vivat modo“.

Andr. 640 (IV, 1, 16) — atque *aliquis dicat* „nil promoveris“.

При такой риторической фигурѣ (occupatio) съ *dices, dicet aliquis, dicet quisquam, dixerit quis* и др. и у Цицерона ставится прямая рѣчь, ср. *Seyffert*, Schol. lat. I, § 61, гдѣ онъ говоритъ, что позднѣйшіе писатели, какъ напримѣръ, Квинтиліанъ и Плиній, предпочитаютъ ослабительное наклоніе *dicat*, а Цицеронъ употребляетъ только *dicet*.

Eun. 1064 (V, 8, 34) — quod *dicas* mihi

„Alium quaerebam, iter hac habui“.

Phorm. 334 (II, 2, 20) — *dices* „ducent damnatum domum“.

Phorm. 235 (II, 1, 5) — An hoc *dicet* mihi:

„Invitus feci; lex coegit“.

Andr. 387 (II, 3, 13) — *dicturum* patrem

„Ducas volo hodie uxorem“.

Eun. 441 (III, 1, 51) — siquando illa *dicet* „Phaedriam

Intro mittamus commissatum“.

Phorm. 704 (IV, 4, 23) — Quam ob rem? aut quid *dicet*? Rogas?

„Quot res postilla monstra evenerunt mihi!
Intro iit in aedis ater alienus canis etc. до

710 ст.

.Andr. 138 (I, 1, 111) — — *diceret*

„Quid feci? quid commerui aut peccavi, pater?

Quae sese in ignem inicere voluit, prohibui,
Servavi“.

Phorm. prol. 12 Nunc si quis est, qui *hoc dicat aut sic cogitet*:

„Vetus si poeta non lacessisset prior,

Nullum invenire prologum posset novos,

Quem diceret, nisi haberet quoi male diceret“.

Andr. 395 (II, 3, 21) Nam quod tu *speres* „propulsabo facile uxorem his moribus,
Dabit nemo“, inveniet inopem potius quam
te corrumpi sinat.

Phorm. 140 (I, 2, 90) — Ad precatorem adeam credo, qui mihi
Sic oret: „nunc amitte quaeso hunc; ceterum
Posthac si quicquam, nil precor“. tantum
modo
Non *addit*: „ubi ego hinc abiero, vel occidito“.

Andr. 637 (IV, 1, 13) At tamen „ubi fides?“ si *roges* etc.

Eun. 511 (III, 3, 5) *Roget* quis „quid rei tibi cum illa“?

В) Говорящій цитируетъ собственные слова или мысли.

а) Безъ глагола:

Andr. 82 (I, 1, 55) Egomet continuo mecum „certe captus est.
Palset“.

Донатъ замѣчаетъ: deest *volebam, cogitabam, versabam*.

Нѣсколько нини представляются два слѣдующія мѣста, въ которыхъ говорящій приводитъ произносимыя имъ въ извѣстномъ слу-
чѣй слова:

Ad. 424 (III, 3, 70) Conservis ad eundem istunc praecipio modum:
„Hoc salsumst, hoc adustumst, hoc lautumst
parum;

Illud recte; iterum sic memento“.

Ad. 415 (III, 3, 61) Inspicere tanquam in speculum in vitas omnium
Jubeo atque ex aliis sumere exemplum sibi.

„Hoc facito“ Recte sane. „Hoc fugito“.

Callide.

„Hoc laudi est“. Istaec res est. :: „Hoc vitio datur“.

б) Съ глаголомъ:

Andr. 110 (I, 1, 83) Sic *cogitabam* „hic parvae consuetudinis
Causa huius mortem fert familiariter.
Quid si ipse amasset? mihi quid hic faciet
patri“?

Eun. 636 (IV, 2, 8) Occepi mecum *cogitare* „hem, biduum hic
Manendumst soli sine illa? quid tuum postea?
Nihil est. quid? nihil? si non tangendi copias,

Eho ne videndi quidem erit? si illud non licet,
Saltem hoc licebit. certe extrema linea
Amare haud nihil est".

Andr. 359 (II, 2, 22) — — *mi incidit suspitio* „em,
Paululum opsoni, ipsus tristis, de inproviso
nuptiae.

Non cohaerent".

Andr. 125 (I, 1, 98) *Percussit ilico animum* „attat hoc illud est,
Hinc illae lacrimae, haec illast misericordia".

Andr. 84 (I, 1, 57), — — *rogitabam* „heus puer,
Dic sodes, quis heri Chrysidem habuit?"

Есть и такіе случаи, гдѣ прямая рѣчь вдругъ переходитъ въ косвенную, или на оборотъ—косвенная въ прямую, которая въ свою очередь можетъ опять продолжаться въ видѣ косвенной. Въ такихъ явленіяхъ не должно видѣть небрежности рѣчи, но напротивъ того; намеренное искусство выражаться. Это признаетъ и Шпенгель ad Andr. 220. Итакъ, у Теренція

1) Прямая рѣчь переходитъ въ косвенную:

Phorm. 865 (V, 6, 25) „*Sophrone modo fratrem huc*" *inquit* „senis
introducitur Chremem"
Eumque nunc *esse* intus cum illis.

2) Косвенная — въ прямую:

Andr. 779 (IV, 4, 40) — — — *iam susurrari audio*
Civem Atticam *esse* hanc. ::Em?: „Coactus
legibus

Eam uxorem *ducat*".

Hec. 144 (I, 2, 69) — Pamphilus me solum seducit foras
Narratque, ut virgo ab se integra etiam tum
siet,
Seque antequam eam uxorem duxisset do-
mum

Sperasse eas tolerare posse nuptias.

„Sed quam decrerim me non posse diutius
Habere, eam ludibrio haberi, Parmeno,
Quin integram itidem reddam, ut accepi a
suis,

Neque honestum mihi neque utile ipsi vir-
ginis".

Ph. Pium ac pudicum ingenium narras Pamphil.

Pa. „Hoc ego proferre incommodum mihi esse
arbitror:

Reddi patri autem, quoi tu nil dicas viti,
Superbumst: sed illam spero, ubi hoc cognoverit

Non posse se mecum esse, abituram denique?

Хотя здѣсь рѣчь на цѣлый стихъ прерывается другимъ лицомъ, она идетъ далѣе все-таки въ томъ же прямомъ видѣ.

3) Косвенная — въ прямую и затѣмъ опять въ косвенную:

Andr. 220 (I, 3, 15) Et fingunt quandam inter se nunc fallaciam,
Civem Atticam esse hanc. „fuit olim quidam
senex

Mercator, navem is fregit apud Andrum insulam.

Is obiit mortem. ibi tum hanc eiectam Chrysidis

Patrem recepisse orbam parvam“.

Сколько мнѣ извѣстно, только еще въ одномъ случаѣ встрѣчается у Теренція такой переходъ отъ зависимой конституціи къ независимой, а именно:

Eun. 501 (III, 2, 48) Fac cures, si Chremes hoc forte advenerit,
Ut ores, primum ut maneant, si id non commodumst,

Ut redeat: si id non poterit, ad me adducito,
гдѣ вмѣсто adducito слѣдовало бы сказать: ut ad me adducatur.

Перехожу къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ при глаголахъ *sepiendi* и *deklarandi* вмѣсто *accus. cum inf.* поставлены самостоятельныя предложения. При этомъ такой глаголъ можетъ стоять или въ началѣ зависимаго по смыслу предложения, или на концѣ, или, какъ вводное предложение, въ срединѣ его. Рамсдорфъ въ своей въ другихъ отношеніяхъ весьма основательной грамматикѣ, на стр. 997, относительно этого явленія высказываетъ довольно ненаучное мнѣніе, причисляя его къ синтаксическимъ фигурамъ. Онъ говоритъ: „In Hinsicht ihrer Form können Modi, Tempora, Numeri und Personae für einander stehen“, то-есть: „Времена, числа и лица, въ отношеніи ихъ формы наклоненія, могутъ быть замѣняемы другъ другомъ“, и затѣмъ какъ примѣръ замѣны наклоненій приводитъ Pl. Truc. II, 2, 62 Ego illum, quamquam violentus est, spero mutari potest (въ прим. „für posse“). Другіе грамматики не касаются этого способа выраже-

нія, какъ свойственнаго преимущественно древней латыни. У *Holtze*, въ *Syntaxis priscorum scriptorum latinorum*, II, p. 227—232, перечислены такіе примѣры, но въ далеко не полномъ видѣ. Наконецъ разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ и *Draeger* въ *Histor. Synt. d. lat. Sprache*, III, p. 209—212, но онъ относительно древней латыни не имѣетъ собственныхъ наблюденій. а всѣ примѣры заимствуетъ изъ названной книги Гольце. Этотъ оборотъ встрѣчается у Теренція при слѣдующихъ глаголахъ:

Credo.

Andr. 313 (II, 1, 13) *Credo* impetrabo.

Heaut. 641 (IV, 1, 28) *Credo*, id cogitasti.

Ad. 150 (I, 2, 7b) — — *credo* iam omnium
Tacebat.

Phorm. 40 (I, 1, 6) — ei *credo* munus hoc conraditur.

Нес. 704 (IV, 4, 82) Nam puerum iniussu *credo* non tollet meo.

Eun. 98 (I, 1, 18) *Credo*, ut fit, misera prae amore exclusi
hunc foras.

Ad. 79 (I, 1, 54) *credo* iam, ut solet,
Iurgabit.

Andr. 673 (IV, 1, 49) — nam satis *credo*, si advigilaveris,
Ex unis geminas mihi conficies nuptias.

Нес. 128 (I, 2, 53) Ibi denum ita aegre tulit, ut ipsam Bacchidem,
Si adesset, *credo* ibi eius commiseresceret.

Phorm. 140 (I, 2, 90) — Ad praetorem adeam *credo*.

Eun. 861 (V, 2, 22) — — — Quid ita vero? debeam
Credo, isti quicquam furcifero, si id fecerim.

Нес. 865 (V, 4, 15): Me exspectat *credo*, adibo.

Затѣмъ Eun. 468 (III, 2, 15) Perpulchra *credo* dona aut nostra similia, поставлено въ эллиптическомъ предложеніи, ибо здѣсь подразумѣвается изъ предыдущаго *dabit*. Потомъ при imperativus отъ *credo* съ *mihi* и безъ него:

Ad. 163 (II, 1, 9) *Crede* hoc, ego meum ius persequar.

Eun. 898 (V, 2, 59) *Crede* hoc meae fidei,
Dabit hic pugnam aliquam denuo.

Phorm. 494 (III, 2, 9) *Crede* mihi, gaudebis facto.

Heaut. 86 (I, 1, 33) — — *Crede* inquam mihi:
Aut consultando aut consilio aut re iuvero.

Ad. 101 (I, 2, 21) *Non est flagitium, mihi crede, adulescentulum Scortari neque potare: non est: neque fores Ecfringere.*

Какъ мы видимъ у Теренція, при *credo* встрѣчается паратаксисъ 17 (или 18) разъ, а *accusat. cum inf.* 35 разъ, то-есть, вдвое больше. Этими я хочу только сказать, что уже у древнихъ писателей синтаксическія соединенія удерживаютъ за собою перевѣсъ,—ибо было бы нелѣпо пользоваться вездѣ статистикой и на такомъ основаніи дѣлать какой-нибудь выводъ. Вотъ мѣста съ *accus. cum. inf.*: Andr. 2; 47; 341; 409; 947; 952; Eun. 118; 520; 679; 703; 710; 739; 827; 852; 858; 1015; Heaut. 560; въ Phorm. ни одного примѣра; Нес. 201; 732; 869; Ad. 58; 70; 221; 359; 518; 545; 594; 607; 617; 665 698; 748; 750; 811; 857.

Arbitror.

Eun. 979 (V, 5, 9) *Ere, primum te arbitrari id quod res est velim.*

Quidquid huius factumst, culpa non factumst mea.

Opinor.

Phorm. 616 (IV, 3, 11) *Inveni, opinor, remedium huic rei.*

Ut opinor читается четыре раза: Andr. 179; Phorm. 555; Нес. 598 (ut ego op.). Замѣчательнъ четвертый примѣръ, гдѣ послѣ *ut opinor* во всѣхъ рукописяхъ поставленъ асс. с. inf., и такимъ образомъ подчиненіе, такъ сказать, избылуетъ. Вотъ онъ:

Ad. 647 (IV, 5, 13) *Habitant hic quaedam mulieres pauperculae:*

Ut opinor has non nosse te: et certo scio.

Въ комментаріи Доната сказано: 1) „Vel adeo obscurae sunt et nullius pretii“; это нужно понять такъ, что Донатъ подразумѣваетъ эти слова передъ *Ut opinor*; и 2) „Potuit recte dicere et hoc: *Ut opinor, has non nosti, sed illud vetustius: Ut opinor has non nosse te. Aut abundat Ut aut deest scilicet*“ Не понятно, отчего Донатъ подчиненіе называетъ болѣе древнею конструкціей, чѣмъ сочиненіе. Бенгли, утверждая, что такое выраженіе не употребляется по латыни, и ссылаясь на первое примѣчаніе Доната, говорить, что послѣ *adeo* слѣдовало бы сказать *ut opiner*, а не *opinor*. Такъ онъ и пишетъ въ своемъ изданіи (то-есть, *Ut opiner*), помогая знаками преемства пониманію мѣста: *Habitant hic quaedam mulieres; pauperculae, ut opiner etc.* Но съ нимъ согласенъ одинъ Гейпертъ, а всѣ прочіе издатели

удерживаютъ рукописное чтеніе, и по моему мнѣнію, весьма справедливо. Въ доказательство я могу привести аналогическій примѣръ изъ Теренція же: Phor. 480 sq. (III, 1, 16) *Ut aibat de eius consilio sese velle facere*. Здѣсь Бентли опять измѣняетъ рукописное преданіе, ставя вмѣсто *Ut* мѣстоименіе *Id* и приводя въ свое оправданіе *Ἀνακόλουθον hoc est et co-loecissat*. Сейчас увидимъ, что такое соединеніе вовсе не солецизмъ, но анаколутъ, встрѣчающійся довольно часто даже у Цицерона. *Reisig*, *Vorlesungen* etc. § 482 говоритъ: „Es hat sich selbst in die Sprache eine anakolutische Construction gleichsam als Sprachgebrauch eingeschlichen, nemlich dass, wenn ein Zwischensatz steht mit einem Verbo, das eine Infinitivconstruction annehmen könnte, darauf eine Infinitivconstruction folgt statt des Verbi finiti, gleichsam als ob jenes Vorbium sich nicht im Zwischensatz befunden hätte, sondern das Hauptverbum wäre“. То-есть: „Въ языкъ вкралась анаколутическая конструкция, такъ сказать, въ видѣ постоянного говора (Sprachgebrauch). А именно: если поставлено вводное предложеніе съ глаголомъ, который могъ бы соединиться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, то и слѣдуетъ неопредѣленное наклоненіе вмѣсто *verbum finitum*, какъ будто этотъ глаголъ не находился въ вводномъ предложеніи, но былъ главнымъ глаголомъ“.

То, что Рейзигъ дальше говорить о заимствованіи отъ Грековъ, не заслуживаетъ никакого вниманія и было опровергнуто Гаазе въ прим. къ этому параграфу. Затѣмъ примѣры, приведенные Рейзигомъ, слѣдующіе: *Cic. de rep. I. c. 37 si, ut Graeci dicunt, omnis aut Graios esse aut barbaros, vereor ne barbarorum rex fuerit Romulus*. Эта фраза составлена даже гораздо смѣлѣе, чѣмъ Теренціевы, потому что авторъ въ своемъ пылѣ совсѣмъ позабылъ, что въ началѣ поставилъ *si*. Далѣе: *Off. I, 7, 22 Quoniam non nobis solum nativum, atque, ut placet Stoicis, quae in terris gignuntur, ad usum hominum omnia creari, homines autem hominum causa esse generatos, — in hoc naturam debemus ducem sequi*. Въ примѣчаніи Гаазе цитируетъ еще нѣсколько мѣстъ, но для нашей цѣли достаточно этихъ. Итакъ, эта конструкция вполне позволительна, хотя и обнаруживаетъ небрежность, даже нелогичность выраженія; такъ, напримѣръ, въ примѣрѣ изъ *Off.* выходитъ, что все рождается въ пользу людей только потому, что стонкамъ это угодно, что они такъ желаютъ.

Censeo.

Heaut. 588 (III, 3, 27) — Recte dicit, censeo.

Phorm. 102 (I, 2, 52) sq. — *censeo*, *eamus*.

Andr. 578 (III, 3, 46) Num *censes* faceret, filium nisi sciret eadem
haec velle?

Дрегеръ, III, р. 211, приведши въ числѣ другихъ примѣровъ изъ Плавта и нашъ послѣдній примѣръ, говоритъ, что такіа сослагат. наклоненія тоже могутъ быть разсматриваемы какъ зависимыя, и что относительно Цицерона и позднѣйшихъ авторовъ всегда пужно держаться такого взгляда. Но я не понимаю логики, по которой одна и та же конструкція у одного писателя будетъ подчиненіемъ, у другого—сочиненіемъ.

Sentio.

Andr. 436 (II, 6, 5) Praeter spem evenit, *sentio*, hoc male habet
virum.

Intellego.

Andr. 729 (IV, 3, 14) — — *Intellego*:

Nova nunc religio in te istaec incessit.

Дрегеръ въ упомянутомъ сочиненіи, р. 211, утверждаетъ, будто при *intellego* самостоятельное предложеніе встрѣчается только однажды, въ Pl. Pers. 802 ludos me facitis *intellego*. Но я могу изъ Плавта привести еще два примѣра:

Bacch. 50 (I, 1, 16) — — Quia enim *intellego*,

Duae [mo] unum expetitis palumbem, и

Rud. 331 (II, 3, 1) *Intellego*: hanc quae proxima [hic] est villa
Veneris fano

Pulsare iussisti atque aquam rogare.

Cogito.

Ad. 206 (II, 1, 52) Verum *cogito* id quod res est: quando eum
quaestum occeperis,
Accipiunda et mussitanda iniuria adolescentiumst.

Eun. 56 (I, 1, 11) Proin tu, dum est tempus, etiam atque etiam
cogita,

Ere: quae res in se neque consilium neque modum
Habet ullum, eam consilio regere non potes.

Ad. 500 (III, 4, 55) Sed, Demea, hoc tu facito cum animo *cogites*:
Quam vos facillume agitis, quam estis maxime
Potentes ditos fortunati nobiles,

Tam maxime vos aequo animo aequa noscere
Oportet, si vos vultis perhiberi probos.

Ad. 808 (V, 3, 22) — quaeso hoc facito tecum cogites:

Tu illos duo olim pro re tollebas tua,
Quod satis putabas tua bona ambobus fore,
Et me tum uxorem credidisti scilicet
Ducturum.

Дреперъ на стр. 211, приведши три примѣра: Cato ap. Gell. 16, 1, 4 cogitate cum animis vestris, si quid vos per laborem recte feceritis, labos ille a vobis cito recedet; Pl. Aul. IV, 7. 19 nunc ego tecum cogito, si mihi dat operam, me illi irasci iniuriumst и Ter. Eun. I, 1, 11 (у него по ошибкѣ только: 11), прибавляетъ: „Sonst nicht nachgewiesen, denn Stellen, in denen sic oder ita auf den folgenden Gedanken hinweisen, gehören nicht hierher“, то-есть: „Больше не отмѣчено, ибо мѣста, въ которыхъ sic или ita указываютъ на слѣдующую мысль, не относятся сюда“. Къ такимъ мѣстамъ причисляетъ онъ между прочимъ, и Ter. Andr. I, 1, 83 (у него написано Ad. 83 fg., но тамъ нѣтъ подобнаго примѣра; по всему вѣроятію, онъ имѣлъ въ виду показанное мною мѣсто). Въ Теренціевомъ мѣстѣ послѣ sic cogitabat слѣдуетъ въ видѣ прямой рѣчи мысль говорящаго, которую онъ имѣлъ въ другое время, то-есть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цитатой, — она у насъ и приведена на своемъ мѣстѣ. Изъ поставленныхъ выше нами примѣровъ дѣйствительно вытекаетъ, что въ разбираемомъ нами употребленіи при cogito частицы sic и ita не встрѣчается, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы воиолнѣ исключались слова, указывающія на слѣдующее. Такой выводъ опровергается двумя послѣдними примѣрами, гдѣ hoc выражаетъ, что что-то еще будетъ.

Meditari.

Phorm. 248 (II, 1, 18) *Meditata mihi sunt omnia mea incommoda,*
erus si redierit:

Molendumst in pistrino, rapulandum, habendae compedes

Opus ruri faciendum.

Такъ читаютъ ст. 249, по восстановленію *Бенгта*, *Флекейсенъ*, *Ваймеръ* и *Дзанко*; *Умшгенбахъ* же: Molendum usque in etc.; AD¹Q Molendum esse; BCF Molendum mihi esse usque; EP Molendum mihi est usque. — *Molendum esse* нельзя оставить, потому что *habendae compedes* передавао не только всѣми рукописями, но и *Присцианомъ* I,

р. 158, и *Лактанціемъ*, Inst., VII, 27, 3; чтенія другихъ рукописей не соотвѣтствуютъ разиѣру; кромѣ того, *usque* есть, кажется, интерполяція, слѣдовательно, нужно читать *Molendumst*. О мнѣніи *Дона-та* ср. изданіе Бентли.

Hariolor.

Ad. 202 (II, 1, 48) sed ego hoc *hariolor*:
Ubi me dixerо dare tanti, testes faciet ilico,
Vendidisse me etc.

Spero и *spes est*.

Andr. 314 (II, 1, 14) Interea fiet aliquid, *spero*.

Heaut. 553 (III, 2, 42) Non usus veniet *spero*.

Ad. 411 (III, 3, 57) — *spero*, est similis maiorum suom.

Ad. 226 (II, 2, 18) — ubi illinc *spero* redieris tamen hoc ages.

Eun. 295 (II, 3, 4) — una haec *spes est*: ubiubi est, diu celari
non potest.

Dico, edico u praedico.

Hec. 722 (IV, 4, 100) Jam dudum *dixi* idemque nunc *dico*, Laches:
Manere adfinitatem hanc inter nos *volo*,
Si ullo modo est, ut possit.

Hec. 744 (V, 1, 18) Sine *dicam*: uxorem hanc prius quam duxit,
vestrum amorem pertuli.

Andr. 554 (III, 3, 22) — Sic hercle ut *dicam* tibi:
Amantium irae amoris integratio*st*.

Ad. 823 (V, 3, 37) — saepe ut possis *dicere*:
Hoc licet inpune facere huic, illi non licet.

Ad. 953 (V, 8, 30) Bene et sapienter *dixi* dudum: vitium com-
mune omnium*st*,

Quod nimium ad rem in senecta attenti sumus.
Heaut. 795 (IV, 5, 47) — verum illud, Chremes,

Dicunt: ius summum saepe suum*st* malitia.
Ad. 28 (I, 1, 3) Profecto hoc vere *dicunt*: si absis uspiam
Aut ibi si cesses, evenire ea satius est,
Quae in te uxor dicit et quae in animo cogitat
Irata, quam illa quae parentes propitii.

Требуетъ, кажется, объясненія то обстоятельство, почему я нѣ-
которыхъ изъ этихъ примѣровъ не привелъ въ числѣ цитатъ, между
тѣмъ какъ въ нихъ излагаются слова другаго или другихъ лицъ.
Дѣло въ томъ, что тамъ подъ цитатами я подразумѣвалъ такіа изъ-

реченія, которыя имѣютъ смыслъ и значеніе только въ данномъ случаѣ; здѣсь же я счелъ нужнымъ помѣстить такія, которыя представляютъ мудрое наставленіе, имѣютъ общее значеніе, будутъ ли они пословицы или слова дѣйствующаго въ комедіи лица. Къ пословицамъ, съ точки зрѣнія Теренціева времени, можно отнести лишь два послѣдніе примѣра, что и показываетъ предшествующее *dicunt*. Остальные же: *Amantium irae amoris integratio*; *Hoc licet in pueris facere huic, illi non licet* и *vitium commune omnium*; *Quod nimium ad rem in senecta attenti sumus*—къ пословицамъ причисляемы быть не могутъ, потому что они впадаютъ въ уста самымъ дѣйствующимъ лицамъ. Далѣе слѣдуетъ примѣръ, гдѣ пропущенъ глаголъ *est*, а поставлены одни именит. падежи:

Heaut. 1032 (V, 4, 9) *At ego, si me metuis, mores cave in te istos sentiam.*

„Quos? Si scire vis, ego *dicam*: gerro, iners, fraus, helluo,

Ganeo, damnosus.

Andr. 667 (IV, 1, 43) *Eho dic mi, si omnes hunc coniectum in nuptias*

Inimici vellent, quod ni hoc consilium darent?

Eun. 1063 (V, 8, 33) — miles, *edico* tibi,

Si te in platea offendero hac post unquam, quod dicas mihi

„*Alium querebam, iter hac habui*“, *periisti.*

Andr. (I, 1, 19) — hoc primum in hac re *praedico* tibi.

Quas credis esse has, non sunt verae nuptiae.

Loquor, ain, narro, non nego.

Ad. 215 (II, 2, 7) — scis quid *loquar*?

Pecuniam in loco negligere maximum interdumst lucrum.

Phorm. 510 (III, 2, 25) — *Ain*, vendidit?

Andr. 875 (V, 3, 4) *Ain tandem*, civis *Glyceriumst*?

Штитель приводитъ подобный примѣръ изъ Цидерона: начало 21-го письма ad fam. IX: *Ain tandem? insanire tibi videris? Seyffert, Schol. lat. § 65, b extr., называетъ выраженія: Itane vero? Ain tu? Ain vero? Ain tandem? „dem Conversationstone entlehnte Wendungen“, то-есть, оборотами, заимствованными изъ разговорнаго языка.*

Andr. 367 (II, 2, 30) — *Opinor, narras?*

Ad. 798 (V, 3, 12) — *Factumst, non nego.*

Fateor.

Heaut. 158 (I, 1, 106) *Ita res est, fateor, peccatum a me maximumst.*

Ad. 188 (II, 1, 34) *Leno sum, fateor, pernicies communis adulescentium,*

Periurus, pestis.

Heaut. 644 (IV, 1, 31) *Mi Chremes, peccavi, fateor, vincor.*

Hec. 838 (V, 3, 40) *Incommode mihi nuptiis evenit factum, fateor.*

Такъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, читать этотъ стихъ, и *Incommode* соединить съ *factum*, такъ что смыслъ будетъ: „Признаюсь, неблагопріятное для меня дѣло вышло изъ его свадьбы“ Всѣ издатели единогласно ставятъ послѣ *evenit* двоеточіе и соединяють *factum* съ *fateor*, что не даетъ хорошаго смысла, ибо это значило бы: „непріятный для меня случай произошелъ изъ его свадьбы; признаюсь, что это такъ случилось“. Это повтореніе мысли уничтожается нашею интерпункціей.

Phorm. 235 (II, 1, 5) — *An hoc dicet mihi:*

„Invitus feci; lex coëgit?“ audio, fateor.

Audio, fateor читается у всѣхъ издателей и въ Vambinus; всѣ прочія рукописи и Донатъ (см. ad Eun. II, 3, 79) читають *audio et fateor*. *Audio* здѣсь будетъ=audiri potest, по нѣмцекки: das lässt sich hören; въ такомъ смыслѣ еще Phorm. II, 3, 79 и поп *audio* III, 2, 1.

Scio.

1) на концѣ предложенія:

Eun. 889 (V, 2, 50) — *ah volel, certo scio.*

Heaut. 254 (II, 3, 13) — *aedes nostrae vix capient, scio.*

Hec. 350 (III, 2, 15) *Omnem rem narrabit, scio, continuo sola soli.*

Ad. 339 (III, 2, 41) *Nunc si hoc palam proferimus, ille infitias
ibit, sat scio.*

Hec. 756 (V, 1, 30) *Faciam, quod pol, si esset alia ex hoc quaestu, haud faceret, scio.*

Ad. 360 (III, 3, 6) — *persuasit ille impurus, sat scio:*

Ad. 526 (IV, 1, 10) *Nunc ubi me illic non videbit, iam huc recurret, sat scio.*

Eun. 628 (IV, 1, 14) *Hoc est signi: ubi primum poterit, se illinc subducet: scio.*

Напрасно *Umpfenbach*, Anal. Тер., р. 8, предлагаетъ читать eo вмѣсто *scio*, потому что дѣвушка послѣ этихъ словъ сходитъ со сцены.

2) въ срединѣ:

Eun. 487 (III. 2, 34) — Nam hercle nemo posset, sat *scio*,
Qui haberet qui pararet alium, hunc perpeti.

Hec. 233 (II, 1, 36) — nam de te quidem
Satis *scio* peccando detrimenti nil fieri potest.

Eun. 567 (III, 5, 19) Primam dices, *scio*, si videris.

Heaut. 230 (II, 2, 1) Si mihi secundae res de meo amore essent,
iam dudum *scio*

Venissent.

Hec. 655 (IV, 4, 33) Pater, si ex me illa liberos vellet sibi
Aut se esse mecum nuptam, satis certo *scio*,
Non me clam haberet quod celasse intellego.

Hec. 67 (I, 1, 10) Nam nemo illorum quisquam, *scito*, ad te venit
Quin ita paret sese etc.

3) въ началѣ:

Andr. 653 (IV, 1, 29) *Scio*: cum patre altercasti dudum, et is
nunc propterea tibi
Suscenset nec te quivit hodie cogere illam
ut duceres.

Andr. 658 (IV, 1, 34) *Scio*: tu coactus tua voluntate es.

Andr. 929 (V, 4, 26) — — — hoc certo *scio*,
Rhamnusium se aiebat esse.

Heaut. 752 (IV, 5, 4) Etsi *scio*, hosce aliquot dies non sentiet.

Phorm. 110 (I, 2, 60) — — — — Jam *scio*,
Amare coepit.

Phorm. 137 (I, 2, 87) — — — — unum hoc *scio*,
Quod fors feret, feremus aequo animo.

Phorm. 636 (IV, 3, 31) — — — — nam sat *scio*,
Si tu aliquam partem aequi bonique dixeris,
Ut est ille bonus vir, tria non commu-
tabitis

Verba hodie inter vos.

Ad. 225 (II, 2, 17) — — — hoc *scio*,
Animus tibi pendet.

Ad. 256 (II, 3, 3) — — — *satis certo scio,*
Numquam quicquam ita magnifice quicquam di-
cam, id virtus quin superet tua.

Andr. 365 (II, 2, 28) — — — *Scio,*
Magnum signum (sc. est).

Сюда можно отнести и тотъ случай, когда придаточное съ глав-
 нымъ предложениемъ соединяется непосредственно, гдѣ слѣдуетъ под-
 разумѣвать посредствующую мысль: *scito, scitote* или *dico, dicam*.
 Такую преимущественно для риторическихъ цѣлей употребляемую
 фигуру *Гольце*, Synt. etc., II, p. 217, называетъ *rhetorica breviloquen-*
tia; *Цумпфъ*, въ грамматикѣ § 772, *Грюзаръ*, *Theorie d. lat. Stils*, 2. изд.,
 p. 304, *Госспрау*, *Latein.. Sprachlehre* § 498, 2 № 13 и *Бергеръ*, *La-*
tein. Stilistik § 98, а—причисляють ее къ эллиптическимъ сочета-
 ніямъ. Это бываетъ въ предложеніяхъ, начинающихся съ *ut, ne,*
quod (=что касается до того, что—), *si, quoniam* и др. У Теренція
 мы нашли примѣры съ *ut, ne* и *quod*, и кромѣ того, въ паратакти-
 ческихъ соединеніяхъ:

1) *ut* и *ne*.

Phorm. 1043 (V, 9, 54) — — — *ut* meam iam scias sententiam,
Neque ego ignosco neque promitto quic-
quam neque respondeo,
Prius quam gnatum videro.

Heaut. 451 (III, 1, 40) — — — *nam ut* tu scias,
Quam ea nunc instructa pulchre ad perni-
ciem siet:
Primum iam ancillas secum adduxit plus
decem.

Andr. 775 (IV, 4, 36) — — — *Nunc adeo, ut* tu sis sciens,
Nisi puerum tollis, iam ego hunc in medi-
am viam

Provolvam teque ibidem pervolvam in luto.
 Heaut. 269 (II, 3, 28) *Hoc primum, ut nequid huius rerum ig-*
nores: anus

Quae est dicta mater esse ei antehac, non fuit.
 Andr. 704 (IV, 2, 21) — — *Illic, non tibi habeo, ne* erres.
 Ad. 375 (III, 3, 21) — *Est hercle inepta (sc. oratio nostra) ne*
dicam dolo, atque

Absurda.

Ad. prol. 22 Dehinc *ne* expectetis argumentum fabulae:
Senes qui primi venient, ei partem aperient,
In agendo partem ostendent.

Нес. 135 (I, 2, 60) *Ut* ad pauca redeam, uxorem deducit domum.
Phorm. 648 (IV, 3, 43) *Ut* ad pauca redeam ac mittam illius
ineptias,

Haec denique eius fuit postrema oratio.

Другаго рода будутъ слѣдующіе два примѣра. Въ первомъ изъ нихъ послѣ подразумеваемаго *disco* долженъ быть поставленъ косвенный вопросъ, а во второмъ посредствующую мысль служить глаголъ *rogo* или другой тому подобный.

Heaut. 457 (III, 1, 48) Nam *ut* alia omittam, pytissando modo mihi
Quid vini absumpsit.

Нес. 420 (III, 4, 6) Nam alias *ut* mittam miserias, unam hanc vide.

2) *quod*.

Andr. 395 (II, 3, 21) Nam *quod* tu speres „propulsabo facile uxorem his moribus,
Dabit nemo“: inveniet inopem potius quam
te corrumpi sinat.

Ad. 162 (II, 1, 18) Tu *quod* te posterius purges, hanc iniuriam
mihi nolle
Factam esse: huius non faciam (щелкаетъ
пальцами).

Eun. 785 (IV, 7, 15) Sane quod tibi nunc vir videatur esse hic:
nebulo magnus est.

Ad. prol. 15 Nam *quod* isti dicunt malivoli, homines nobilis
Eum adiutare adsidueque una scribere:
Quod illi maledictum vemens esse existuant,
Eam laudem hic ducit maxumam, quom illis placet,
Qui vobis universis et populo placent.

3) Паратактическія предложенія.

Phorm. 334 (II, 2, 28) — — dices „ducunt damnatum domum“:
Alere nolunt hominem edacem.

Eum. 511 (III, 3, 5) Roget quis „quid rei tibi cum illa?“ ne no-
ram quidem.

Heaut. 335 (II, 3, 94) — — — Longumst, Clitipho,
Si tibi narrem, quam ob rem id faciam: vera
causa est.

Примѣры изъ Плавта приводятъ Умфгенбахъ, *Analecta Ter.* p. 11, *Шпенель* къ Andr. 395, 508 и 704 и *Бриксъ*, *Pl. Mil. glor.* 162. Всѣ трое неправильно относятъ сюда слѣдующій Теренціевъ примѣръ:

Eum. 1063 (V, 8, 33) — — — miles, *edico* tibi,

Si te in platea offendero hac post umquam,
quod dicas mihi

„*Alium* quaerebam, iter hac habui“, *periisti*; потому что здѣсь связывающій *quod* *dicas* съ *periisti* глаголь (*edico*) поставленъ, хотя и въ паратактической формѣ, точно также, какъ у Цицерона *Verr.* V, 68, 175: *Quod* enim te liberatum iam existimationis metu, defunctum honoribus, designatum consulem cogites, *mihi crede*, ornamenta ista et beneficia populi Romani non minore negotio retinentur quam comparantur. Но есть и такіе примѣры, гдѣ посредствующій глаголь подчиняетъ себѣ слѣдующее предложенье:

Eum. 961 (V, 4, 39) — — At *ne* hoc nesciatis, Pythias,

Dico, edico vobis, nostrum esse illum erilem
filium.

Andr. 508 (III, 2, 28) Id ego tibi, ere, *renuntio* iam nunc futurum,
ut sis sciens,

гдѣ возможно было бы безъ *dico* и *renuntio* поставить: *noster* est ille erilis filius u id — — — iam nunc erit. Умфгенбахъ, *Anal. Ter.* p. 11, цитуетъ подобный примѣръ изъ Цицерона in *Pison.* 27, 66. Nam *quod* vobis iste tantummodo improbus, crudelis... *quod* audax esse videatur, nihil *scitote* esse luxuriosius, nihil libidinosius.

К. Трессъ.

(Продолженіе будетъ).

АРХИТЬ ТАРЕНТСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

Архитъ Тарентскій — одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми тѣсно связана исторія знаменитаго въ древности политико-философскаго общества пифагорейцевъ. Посвященный въ это общество еще въ молодыхъ лѣтахъ ¹⁾, и безъ сомнѣнія, не мало обязанный ему умственной и нравственной высотой своего духа, Архитъ является послѣднимъ представителемъ цвѣтущаго состоянія жизни этого общества, и представителемъ блестящимъ: пифагорейцъ нашелъ въ немъ выраженіе самыхъ лучшихъ своихъ политическихъ и философскихъ стремленій. Архитъ достигаетъ высокаго политическаго значенія, какого до него не достигалъ ни одинъ пифагореецъ. Нравственный его характеръ представляетъ осуществленіе практической морали пифагореизма. Наконецъ, его плодотворныя занятія математикой, а отчасти также чисто математическій или математико-физическій характеръ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ его философскихъ сочиненій, показываютъ, что математическое направленіе, лежавшее въ основѣ пифагорейской философіи и доселѣ смѣшивавшееся съ космогоническими традиціями, постепенно специализировалось, обособлялось, и наконецъ, явилось въ надлежащемъ видѣ въ философіи Архита. По всему этому жизнь и философія Архита, какъ послѣдній результатъ живаго развитія пифагореизма, заслуживаютъ нисколько не менѣе, если еще не болѣе вниманія, чѣмъ жизнь и философія самого основателя этого общества.

I.

Архитъ родился въ Тарентѣ ²⁾ и большую часть своей жизни провелъ въ своемъ отечественномъ городѣ. О времени его рожденія нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Достоверно извѣстно только, что онъ былъ

¹⁾ Valer. Max. VI, 1.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 79.

современникомъ Діонисія Младшаго и Платона, въ первое путешествіе котораго въ Италію и въ третье—въ Сицилію онъ пользовался уже значительнымъ философскимъ и политическимъ вліяніемъ. Путешествія Платона относятся къ 91 и 104 олимпіадамъ, на основаніи чего время рожденія Архита относятъ къ 87 олимпіадѣ, или 430 г. году до Р. Х., а время смерти опредѣляютъ нѣсколькими годами ранѣе смерти Платона, умершаго въ 348 году. Время рожденія и смерти Архита не позволяетъ считать его непосредственнымъ ученикомъ Пифагора (род. около 584 г. до Р. Х.), но напротивъ, даетъ основаніе думать, что онъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ младшихъ пифагорейцевъ. По анонимному извѣстію, сохраненному Фотіемъ ¹⁾, Архитъ стоялъ восьмымъ въ исходящемъ порядкѣ пифагорейцевъ, и стало бытъ, непосредственно слѣдовалъ за Филолаемъ. Правда, Цицеронъ, Діогенъ Лаэртскій и другіе ²⁾ ставятъ Филолая ученикомъ Архита, но это противорѣчитъ, какъ свѣдѣніямъ о времени жизни Филолая, такъ и другимъ обстоятельствамъ. Извѣстно, что Филолай былъ старшимъ современникомъ Сократа и Демокрита ³⁾, что время его жизни, поэтому, нельзя продолжать далѣе 95 олимпіады, и что, слѣдовательно, во время третьяго путешествія Платона въ Сицилію, когда Архитъ находился еще въ цвѣтущей порѣ своей жизни, Филолай въ живыхъ давно уже не было. По общему мнѣнію древности ⁴⁾, Филолай первый изъ пифагорейцевъ оставилъ письменныя сочиненія; такимъ образомъ, называя Филолая ученикомъ и младшимъ Архита, слѣдовало бы или заподозрить извѣстіе о первыхъ письменныхъ сочиненіяхъ Филолая, или отказаться отъ сочиненій Архита, о которыхъ однакъ жъ зналъ Аристотель ⁵⁾. Наконецъ, одно извѣстіе даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что не Филолай былъ ученикомъ Архита, а на оборотъ—Архитъ былъ ученикомъ Филолая. Имвлихъ называетъ Еврита ученикомъ Филолая ⁶⁾, но Архитъ велъ колокую полемику противъ Еврита, нападая на него за то, что онъ для каждой вещи назначалъ особенное число ⁷⁾, — фактъ, объясняемый очень легко,

¹⁾ Anonym. apud Photium, 259.

²⁾ Cic. De Oratore III, 34. Діогенъ ставитъ Архита прежде Филолая VIII, стр. 541 и слѣд. Theop. Smyrn. de musica p. 168.

³⁾ Платонъ, Федонъ, 61.

⁴⁾ Diog. Laërt. VIII, 15. Jamblich. vit. Pyth. 31. Diog. L. lib. III, 9.

⁵⁾ Diog. Laërt. lib. VIII, segm. 25.

⁶⁾ Jambl. vita Pythag. segm. 148.

⁷⁾ Theophr. Met. pag. 312.

если вмѣстѣ съ Евритомъ считать и Архита ученикомъ одного и того же учителя, то-есть, Филолая. Такимъ образомъ и анонимное извѣстіе, и показанныя обстоятельства заставляютъ считать Архита въ порядкѣ младшихъ пифагорейцевъ непосредственно за Филолаемъ. Близкія отношенія, въ которыхъ Архитъ находился къ Платону, подали поводъ двумъ мнѣніямъ, изъ которыхъ по одному Архитъ былъ учителемъ Платона ¹⁾, а по другому—ученикомъ его ²⁾. Первое мнѣніе, принадлежащее Цицерону, отчасти находитъ себѣ опроверженіе въ другомъ извѣстіи того же писателя ³⁾, что Платонъ отправился въ Италію уже послѣ смерти Сократа, а главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что Платонъ порицалъ Архита за примѣненіе имъ механики къ стратегіи, которое унижаетъ геометрію, переводя ее отъ предметовъ умственныхъ къ матеріальнымъ ⁴⁾. Второе мнѣніе не можетъ быть принято уже потому только, что оно выдается не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее за себя ни одного обстоятельства. Дѣйствительно, отношенія Архита къ Платону были очень тѣсны; дружба ихъ вошла въ пословицу, наряду съ дружбой извѣстныхъ пифагорейцевъ Дамона и Фиятія ⁵⁾; но то не была дружба между учителемъ и ученикомъ, и основалась она совершенно на другихъ обстоятельствахъ. По извѣстіямъ Диогена ⁶⁾ и Плутарха ⁷⁾, Архитъ, и прежде знавшій Платона, въ особенности сблизился съ нимъ во время третьяго путешествія его въ Сицилію, когда Діонисій младшій, желая снова пригласить афинскаго философа къ своему двору, упросилъ Архита принять на себя посредство въ переговорахъ съ Платономъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поручительство въ обѣщаніяхъ, какія онъ давалъ послѣднему. И когда прибывшій Платонъ вскорѣ подвергся новому гнѣву тирана и былъ въ опасности даже лишиться жизни, Архитъ немедленно отправилъ къ Діонисію пословъ съ письмомъ, въ которомъ, напомнивъ ему о своемъ поручительствѣ въ его обѣщаніяхъ предъ Платономъ, требовалъ отпустить его. Платонъ былъ освобожденъ, и такимъ образомъ, обязанъ былъ

¹⁾ Cicer. de finibus bonorum et malorum V, 29.

²⁾ Eutoc. in Archimed. de sphaera II, 2.

³⁾ Cicer. Respubl. lib. I, cap. 10.

⁴⁾ Plutarch. vit. Marcelli, cap. 14.

⁵⁾ Jambl. Vita Pythag. pag. 127.

⁶⁾ Diog. Laert. III, 22.

⁷⁾ Plutarch. vit. Dion.

Архиту едва ли не спасеніемъ своей жизни ¹⁾. Правда, въ другихъ письмахъ, сохранныхъ Діогеномъ ²⁾, указывается на взаимный обмѣлъ сочиненіями какихъ-то неизвѣстныхъ авторовъ, существовавшій будто между Платономъ и Архитомъ; но если эти письма и подлинны, въ чемъ, впрочемъ, можно сомнѣваться въ виду предвѣренности, проглядывающей въ искусственныхъ, школьныхъ приемахъ составителя,—и тогда эти отношенія не могли бы, сами по себѣ, служить достаточнымъ основаніемъ для вышеприведенныхъ мнѣній.

Какъ младшій пифагореецъ, Архитъ однакожь избѣжалъ по какимъ-то обстоятельствамъ всеобщаго гоненія, послѣдовавшаго за разрушеніемъ участниками Килонова заговора дома общественнаго собранія пифагорейцевъ въ Кротонѣ и заставившаго многихъ изъ нихъ покинуть Италію. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого событія, мы видимъ Архита во главѣ Тарентинской республики, которою онъ управлялъ семь лѣтъ сряду ³⁾, хотя туземными законами каждому дозволялось управлять только, въ продолженіе года и одинъ разъ въ жизни. Такое исключеніе отъ постановленій закона граждане допустили, вѣроятно, въ виду превосходныхъ способностей Архита, какъ полководца и правителя. Блестящія способности полководца Архитъ доказалъ тѣмъ, что во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ начальствовалъ, Тарентинцы оставались побѣдителями, а когда, уступая завистливымъ претендентамъ, онъ отказывался отъ предводительства, его соотечественники были побѣждаемы непріятелями ⁴⁾. Какъ справедливаго правителя, его можно характеризовать изреченіе, что „судья и жертвенникъ—одно и то же, потому что къ тому и другому обращается обиженный“ ⁵⁾. Этимъ исчерпываются обстоятельства внѣшней жизни Архита. Смерть его на морѣ, около береговъ Италіи, воспѣлъ Гораций въ одной изъ своихъ одъ ⁶⁾.

Нравственный характеръ Архита — одинъ изъ популярнѣйшихъ характеровъ древности. Сохранившіеся разказы рисуютъ его образомъ разумной умѣренности, самообладанія, скромности и при этомъ представляютъ его ласковымъ, общительнымъ и склоннымъ къ дружбѣ,

¹⁾ Ibid. Тамъ-же Diog. L. VIII, 79.

²⁾ Diog. L. VIII, 80 и 81.

³⁾ Diog. Laert. VIII, 82. Aelian. var. hist. lib. VII, 14. Strabo. lib. IV. 280. Pseudodemosth. orat. amator. pag. 602.

⁴⁾ Pseudodemosth. orat. amator. pag. 602.

⁵⁾ Aristot. Rhetor. lib. III, cap. 11.

⁶⁾ Od. I, 28.

Архитъ говорилъ, „что нѣтъ извы болѣе опасной для людей, какъ естественное влеченіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, потому что оно, возникая случайно и невольно и не управляемое разумомъ, составляетъ источникъ величайшихъ золъ, въ особенности упадка общественной нравственности... Стоить“, говоритъ онъ далѣе,—„только вообразить человѣка, воспламененнаго какою-либо сильною страстью, чтобъ убѣдиться, что въ этомъ состояніи онъ не можетъ дѣйствовать не только разумомъ, но и простымъ соображеніемъ, и будь страсти болѣе или продолжительнѣе, онѣ угасили бы всякій свѣтъ души“ ¹⁾. Господство надъ страстями и спокойное самообладаніе Архитъ показывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Разгнѣванный рабами, которые въ его отсутствіи своими нерадѣніемъ разстроили хозяйственную экономію, Архитъ не подвергъ ихъ наказанію, котораго они заслуживали, и стараясь подавить душевное волненіе, сказалъ имъ: „Счастье ваше, что я въ гнѣвѣ!“ ²⁾. Онъ столько былъ стыдливъ и скромнъ, что никогда не произносилъ неприличнаго слова и разъ, имѣя необходимость сказать это слово, написалъ его на стѣнѣ ³⁾. Его благосклонность и ласковость выражалась въ томъ, что, будучи великимъ государственнымъ человѣкомъ и знаменитымъ философомъ, онъ любилъ играть съ дѣтми своихъ рабовъ ⁴⁾. Наконецъ его склонность къ общительности и дружбѣ изображаетъ Цицеронъ, приписывая ему изреченіе: „И на небѣ нѣтъ наслажденія, если не съ кѣмъ подѣлиться полнотою чувствъ“ ⁵⁾.

Но особенно велика была въ древности популярность Архита, какъ ученаго, именно—математика, и писателя вообще. По разносторонности предметовъ, которыхъ касался Архитъ, его почти можно сравнить съ Демокритомъ. Кромѣ собственно философскихъ и математическихъ сочиненій, ему приписываютъ сочиненіе о музыкѣ ⁶⁾, земледѣліи ⁷⁾ и даже о поваренномъ искусствѣ ⁸⁾. Въ области математики Архитъ изобрѣлъ способъ удвоенія куба, и потому, считается основателемъ аналитической геометріи. Это открытіе, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Cicero. De senectute, cap. 12.

²⁾ Jamblichus, Vit. Pyth. pag. 405.

³⁾ Aelian. var. hist. lib. XIV, 19.

⁴⁾ Aelian. var. hist. lib. XII, 15.

⁵⁾ Cicero, De amicitia, cap. XXIII.

⁶⁾ Nicom. lib. I Arithmet. p. 5. Plutarch. de Musica, cap. 44.

⁷⁾ Varro de re rust. I, 1; Colum. I, 1.

⁸⁾ Athenaeus lib. XII, p. 516.

важное и само по себѣ, доставило Архиту въ древности особенную извѣстность вслѣдствіе того обстоятельства, что найденнымъ имъ способомъ удвоенія куба легко разрѣшалось данное Аполлономъ Делосскимъ приказаніе — удвоить ему жертвенникъ, приказаніе, заставившее жителей острова обращаться къ Платону за объясненіемъ, и не смотря на отвѣтъ послѣдняго, все-таки приводившее ихъ въ недоумѣніе и страхъ ¹⁾.

Архиту приписывается очень много сочиненій, которыя дошли до насъ въ отрывкахъ. Всѣхъ отрывковъ около 60, не считая мелкихъ изреченій и категорій изъ Симплиція; они—слѣдующаго содержанія: о счастіи и добродѣтели (12 отрывковъ), о нравственномъ воспитаніи (2), о мудрости (5), о законѣ и правдѣ (6), о математикѣ (2), о духѣ и чувствѣ (1), о началахъ вещей (2), о сущемъ (2) и объ общихъ понятіяхъ или категоріяхъ (26). Сверхъ того, сохранились отрывки изъ не поменованныхъ сочиненій, цитуемые Сиріономъ въ комментаріяхъ на Аристотелеву Метафизику, Симплиціемъ въ комментаріяхъ къ Аристотелевой Физикѣ, Теономъ Смирнскимъ въ его сочиненіи о музыкѣ, Порфіріемъ въ комментаріяхъ къ Птолемеевой Гармоніи. Въ послѣднее время отыскана забытая книга, изданная Доминикомъ Пинцименти въ 1571 году въ Вѣнѣ, въ которой содержится 22 отрывка о категоріяхъ; цитуемые Симплиціемъ въ комментаріяхъ къ Категоріямъ Аристотеля и будто бы извлеченные изъ книги Архита: „объ общемъ“. Изъ одного этого перечня можно судить, что отрывки изъ сочиненій Архита, по многочисленности своей и по разнообразію своего содержанія, составляютъ исключеніе по отношенію къ сохранившимся до насъ отрывкамъ другихъ философовъ, современныхъ Архиту или даже позднѣйшихъ его. И еслибъ эти отрывки дошли изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, исторія философіи имѣла бы полный источникъ для знакомства съ древнею пифагорейскою философіею и вѣрныя данныя для рѣшенія того, чѣмъ и какъ много пифагорейзмъ послужилъ для аттической философіи, въ которой слились отдѣльные токи мѣстной іонійской и италійской философіи. Но фрагменты Архита дошли до насъ не изъ древнихъ источниковъ, а изъ позднѣйшихъ, преимущественно чрезъ ученыхъ (неоплатонической) неопифагорейской школы, отличавшейся суетвѣрною привязанностью къ древней пифагорейской философіи и ея представителямъ, и вслѣдствіе того, стремленіемъ подновлять древне-

¹⁾ Vitruv. lib. IX. cap. 3. Сравни. Plut. de daem. Socr. pag. 575.

пифагорейскую дисциплину въ современной жизни и для этой цѣли составлять новыя сочиненія будто бы въ духѣ пифагорейзма и подъ именемъ какого-либо древняго философа этой школы. Съ другой стороны, фрагменты Архита цитуются еще болѣе поздними писателями, напримѣръ, Стобеємъ, который передаетъ большую и важнѣйшую часть ихъ. Впрочемъ, это обстоятельство еще не могло бы служить поводомъ заподозрѣвать подлинность дошедшихъ до насъ фрагментовъ Архита, если бы самое содержаніе ихъ отстраняло такой поводъ. Но ихъ содержаніе, представляющее различные элементы позднѣйшей философіи, сплоченные между собою слишкомъ искусственно, не только не устраняетъ, а необходимо навязываетъ, если позволительно такъ выразиться, сильное сомнѣніе въ ихъ подлинности. Между историками философіи уже давно существуетъ споръ о подлинности фрагментовъ, приписываемыхъ Архиту; одни изъ нихъ, какъ Риттеръ ¹⁾ и Гартенштейнъ ²⁾, отвергаютъ подлинность большей части фрагментовъ Архита, оставляя ее только за очень немногими; другіе, какъ Бекманъ ³⁾ и Петерсенъ ⁴⁾, стараются, напротивъ, доказать не признаваемую подлинность; наконецъ, послѣднее сочиненіе, принадлежавшее Группе ⁵⁾, старается представить подложными всѣ безъ исключенія фрагменты Архита. Все это дѣлаетъ необходимымъ, прежде изложенія самаго содержанія фрагментовъ, заняться вопросомъ о ихъ подлинности и показать, какихъ результатовъ достигла историко-философская критика въ рѣшеніи этого вопроса: всѣ ли фрагменты, приписываемые Архиту, подлинны, или только нѣкоторые, и какіе именно?

II.

Вопросъ о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, не вѣдшій только вопросъ, не предварительное изслѣдованіе, которое—въ отношеніи къ другимъ сочиненіямъ—могло бъ и не сопровождать знакомство съ ихъ содержаніемъ. Вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ имѣетъ исключительное значеніе, потому что безъ разрѣшенія его оказывается невозможнымъ изложеніе самаго содержанія сочиненій,

¹⁾ Geschichte der Pythagorischen Philosophie, S. 67.

²⁾ De Archytæ Tarentini fragmentis philosophicis, 1833.

³⁾ Beckmann, De Pythagoreorum reliquiis.

⁴⁾ De Archytæ Tarentini fragm. phil. Zeitschrift für Alterthumswissenschaft, 1836 г. стр. 873 и сл. (рецензія на диссертацію Гартенштейна).

⁵⁾ Ueber die Fragmente des Archytas und älterer Pythag. 1840.

главною цѣлью котораго должно быть объясненіе заключающагося въ нихъ философскаго міросозерцанія. Объясненіе ученія, которое можно узнать только изъ неполныхъ отрывковъ, возможно только при сравненіи съ другими сочиненіями, родственными имъ по духу и направленію, то-есть, сочиненіями философовъ одной и той же школы. Архитъ, по единогласному свидѣтельству древности, принадлежалъ къ философамъ пифагорейской школы; слѣдовательно, его ученіе должно быть объясняемо изъ пифагорейской философіи. Таконъ, по крайней мѣрѣ, обыкновенный приемъ исторіи философіи, когда она слѣдитъ за содержаніемъ какихъ-либо философскихъ сочиненій. Но если ученіе Архита въ главномъ оказывается не имѣющимъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ пифагорейскою философіей, если оно находится въ ближайшей связи съ ученіемъ Платона и Аристотеля, и если, наконецъ, нѣтъ никакой возможности поколебать извѣстія древности о принадлежности Архита къ пифагорейской школѣ, то рѣшеніе вопроса о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, является настоятельнымъ и необходимымъ. Въ противномъ случаѣ нужно было бы или разсматривать ученіе Архита безъ всякаго отношенія къ ученію его предшественниковъ, что не могло бы дать о немъ никакого понятія, или утверждать то, что противорѣчитъ узаконеннымъ взглядамъ въ исторіи философіи, именно, что пифагорейская философія въ лицѣ Архита было непосредственною предшественницею Платоновой философіи, и что начало и конецъ ея развитія относятся какъ двѣ противоположности, и переходъ отъ одной къ другой почти невозможенъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, необходимо вытекаетъ изъ самаго ихъ содержанія. Поэтому-то слѣды его можно находить еще въ древности. Такъ, Боэцій, приводя общепринятое мнѣніе, что пифагореецъ Архитъ былъ предшественникомъ Аристотеля въ изобрѣтеніи десятичнаго числа категорій, въ то же время упоминаетъ о нѣкоторыхъ несогласныхъ съ этимъ мнѣніемъ (Arithm. II, 41). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Θεμιστία, который, не соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, будто Архитъ написалъ книгу о десяти категоріяхъ подъ названіемъ — *καθολικὴ λόγος*, говорить, что это сочиненіе написано не пифагорейцемъ Архитомъ, а младшимъ перипатетикомъ, носившимъ также имя Архита (Boeth. Comment. ad Categor. Arist., pag. 114). Само по себѣ это сомнѣніе древности не составляетъ какого-либо важнаго основанія для рѣшенія вопроса о подлинности сочиненій Архита;

притомъ оно имѣетъ за себя всего лишь одного представителя противъ общепринятаго противоположнаго мнѣнія, и кромѣ того, простирается только на одну часть фрагментовъ — логическаго содержанія. Но въ позднѣйшее время сомнѣніе въ подлинности фрагментовъ Архита находило себѣ представителя въ каждомъ, кто разсматривалъ ихъ содержаніе, исключая тѣхъ, которые приступали съ цѣлю защитить ихъ подлинность и доказать противное.

Главнымъ основаніемъ доказательства неподлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, служить, съ одной стороны, несходство ихъ содержанія съ пифагорейскою философіей, отсутствіе типическихъ чертъ ея, и съ другой — непосредственная связь въ понятіяхъ съ философіей Платона и Аристотеля; основаніе, силу и значительность этого довода не признавать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если Архитъ былъ пифагорейцемъ (Πυθαγόρειος), то и его ученіе должно, въ извѣстной мѣрѣ, отражать на себѣ общія типическія черты, свойственныя всему въ совокупности ученію школы. Такое требованіе, которое едва ли было бы справедливо, и во всякомъ случаѣ, могло бы имѣть только ограниченное приложеніе относительно другихъ философскихъ школъ перваго періода, — заочно, когда дѣло идетъ о философій пифагорейской. По своему кастическому устройству, замкнутости и неподвижности, пифагорейское общество представляло наилучшія условія для единства мыслей въ своихъ членахъ и для выработки въ нихъ общаго типа, по которому можно было бы узнать мышленіе пифагорейца. Извѣстно, что здѣсь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, догма и традиціи имѣли обязательную силу; но они едва ли совсѣмъ утратили ее и въ позднѣйшее время. Младшіе пифагорейцы, не смотря на значительный промежутокъ времени, отдѣлявшій ихъ отъ основателя школы, удержали на своемъ мышленіи традиціонный и математическій характеръ, положенный въ основу школы Пифагоромъ ли, или кѣмъ-либо другимъ, но во всякомъ случаѣ господствовавшій въ пей. Такимъ образомъ, отсутствіе въ ученіи Архита сходства съ пифагорейскою философіей и связь съ философіей Платона и Аристотеля уже сами по себѣ представляютъ достаточное основаніе для произнесенія приговора о ихъ неподлинности, хотя, какъ увидимъ, критика этимъ и не довольствуется.

Представители противоположной стороны не видятъ ничего страннаго въ несходствѣ ученія Архита съ пифагорейскою философіей и въ близости его къ позднѣйшей философій, усиливаясь доказать, что Архитъ могъ быть предшественникомъ философій Платона, и что эта послѣдняя вышла непосредственно изъ школы младшихъ пифагорей-

цель, послѣдними представителями которой были Тимей и Архитъ. Но на этомъ пути сторонники подлинности Архитовыхъ сочиненій лишены прочныхъ историческихъ основъ, и принужденные вѣтять въ области возможнаго, ограничиваются одними только предположеніями. Не смотря однако на это, для произнесенія рѣшительнаго приговора о фрагментахъ, которые возбудили споръ о своей подлинности, нужно разсмотрѣть ихъ содержаніе и показать, какъ далеки они отъ пивагорейской философіи, и въ чемъ состоитъ сходство ихъ содержанія съ ученіемъ Платона и Аристотеля. Сюда относятся фрагменты: „о мудрости“, „о началахъ вещей“, „о духѣ и чувствахъ“, „о добродѣтели и счастья“, „о нравственномъ воспитаніи“ и книга о десяти категоріяхъ.

Въ фрагментѣ „о мудрости“ высказывается общій взглядъ на философію. „Мудрость—самое лучшее, чѣмъ только владѣтъ человѣкъ; это то же, что зрѣніе между тѣлесными чувствами, солнце между звѣздами. Какъ солнце съ высоты своей надзираетъ вселенную, согрѣваетъ и питаетъ вещи, а зрѣніе устремляется въ далекія пространства, такъ и разумъ, орудіе мудрости, обладая способностью внутренней дальнзоркости, усматриваетъ въ вещахъ то, что недоступно для другихъ способностей, а также направляетъ и усовершенствуетъ дѣятельность послѣднихъ. Благодаря разуму и мудрости, человѣкъ можетъ созерцать истинное и достигать знанія всего“. Въ чемъ же состоитъ мудрость, какой ея предметъ и цѣль? Мудрость состоитъ не въ познаніи частнаго и единичнаго: она также не ограничивается опредѣленнымъ кругомъ вещей, предметъ ея „начала всѣхъ вещей вообще“, слѣдовательно, то, что свойственно не одному какому-либо порядку, классу ихъ. Цѣль мудрости—найти эти начала и объяснить изъ нихъ все существующее. „Истинный мудрецъ тотъ, кто можетъ вывести изъ одного и того же начала всѣ явленія и потомъ опять—соединить ихъ въ немъ, потому что, достигнувъ этого, онъ нашелъ самую удобную точку зрѣнія для созерцанія порядка въ мірѣ, для связнаго размышленія, которое всегда соединяло бъ основаніе съ заключеніемъ“ (Jambl. Adhort. ad Philos. cap. IV, pag. 39). Въ этой рѣчи трудно узнать пивагорейца, хотя бы онъ былъ и послѣдній изъ младшихъ. Здѣсь является отвѣченный взглядъ на философію, отличающій ее отъ другихъ знаній, что предполагаетъ выдѣленіе ея изъ круга знаній, обособленіе въ науку съ опредѣленными, ея одной свойственными цѣлями. Но извѣстно, что въ первый періодъ своего существованія, греческая философія вмѣшала въ себя элементы всѣхъ знаній, сливалась съ физикой и математикой и не отличалась отъ нихъ.

Извѣстно также, что въ этотъ же періодъ всѣ другія знанія, которыя по самой природѣ своей не могли слиться со всеувлекающимъ потокомъ философскаго мышленія, напримѣръ, медицинскія, и потому могли бы служить нѣкоторымъ объектомъ противоположенія для философіи и въ эту пору, и такія знанія находились только въ зародышѣ. Гдѣ же было найти поводъ для того, чтобы сказать: „мудрость не слѣдуетъ за отдѣльными вещами, а имѣетъ въ виду начала, свойственныя всѣмъ имъ вообще“? Такой отвлеченный взглядъ на философію могъ явиться только тогда, когда философскія изслѣдованія изъ внѣшней, космопической области перенесены были во внутренней міръ человѣка, когда, найдя здѣсь иные начала, онѣ поставили себѣ особенныя задачи, и такимъ образомъ, могли быть отличены отъ знанія внѣшняго. А это случилось уже во второй періодъ греческой философіи. Впрочемъ, если одно существованіе взгляда на философію не можетъ говорить противъ принадлежности его Архиту, то самое содержаніе его представляетъ такія стороны, которыя трудно примирять съ пифагорейскими воззрѣніями. Здѣсь господствуетъ полное довѣріе къ человѣческому разуму и мудрости, даже болѣе—увѣренность въ ихъ неограниченной силѣ: „Человѣкъ рожденъ и назначенъ для созерцанія сущности вещей, природы всего; мудрости доступно одно только истинное, и чрезъ нее человѣкъ познаетъ все наилучшее“. Между тѣмъ пифагорейцы были совершенно чужды излишней самоувѣренности въ человѣческихъ познавательныхъ силахъ; они отличались въ этомъ отношеніи замѣчательною скромностію, не находя даже и мѣста на землѣ для истинной мудрости. „Вѣчная сущность и природа вещей можетъ быть познаваема только Божескимъ умомъ“, говоритъ Филолай,—„а человѣкъ“, продолжаетъ онъ,—„познаетъ ее на столько, на сколько она отражается въ опредѣляющемъ и неопредѣленномъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ явленія“ (Stob. eclog. I, рад. 458). Да и этого условнаго знанія человѣкъ достигаетъ не одними только силами познанія, а при помощи числа, „которое приближаетъ вещи къ душѣ и дѣлаетъ ихъ познаваемыми“ (Stob. eclog. I, pag. 10). За то съ другой стороны въ высказанномъ взглядѣ на мудрость, которая обращена исключительно на „общее, что свойственно всѣмъ вообще вещамъ“, много сроднаго ученію Платона объ истинномъ познаніи, предметомъ котораго можетъ служить только вѣчное и общее, а не чувственное отдѣльное и измѣнчивое (Тим. 46—49), а также и Аристотеля, который философію опредѣлялъ какъ знаніе сущаго и общаго (ἐπιστήμη τοῦ ὄντος ἢ τοῦ καθόλου. Met. X, 3).

Фрагментъ „о началахъ вещей“ (τὰ ἀρχαῖα) сколько характери-

стичесть по содержанію, столько же, съ другой стороны, болѣе, чѣмъ другіе, представляетъ признакомъ своего пифагорейскаго происхожденія, исключая, впрочемъ, начала или введенія къ главнымъ понятіямъ. „Необходимо“, говорится въ этомъ введеніи, — „существовать двумъ началамъ сущаго, изъ которыхъ одно относится къ области устроенной и ограниченной, а другое—къ не устроенной и неопредѣленной. Первое начало опредѣлимо и разумно, а потому оно производить порядокъ и устройство, сообщая вещамъ опредѣленный видъ, мѣру и свойства; другое — неразумно и неопредѣлимо (ἄρρητον), а потому оно разрушаетъ устроенное, уничтожаетъ жизнь въ самомъ ея рожденіи, и непрерывно касаясь вещей, уподобляетъ ихъ самому себѣ. Такимъ образомъ, первое начало благотельно (ἀγαθοποιόν), а другое—зловредно* (καχοποιόν). Въ этихъ двухъ началахъ—опредѣляющемъ и неопредѣленномъ—нельзя не видѣть сходства съ пифагорейскимъ ученіемъ. Опредѣленное и неопредѣленное — это двѣ первоосновы, главные стихіи, изъ которыхъ состоитъ все, по ученію Филолая (Stob. eclog. lib. I, cap. XXII, p. 454). Далѣе пифагорейцы учили, что познаваемо быть можетъ только то, что имѣетъ опредѣленность — начало, средину и конецъ, и такимъ образомъ, изъ вышеприведенномъ отрывкѣ—ἄρρητον въ приложеніи къ стихіи безпредѣльнаго является очень уместнымъ. Наконецъ, также, какъ и здѣсь, Филолай приписываетъ неопредѣленному атрибуты зла, называетъ его „безумнымъ и бессмысленнымъ, вѣстилщемъ лжи и зависти“ (Stob. eclog. I, pag. 10). Но этимъ и оканчивается все сходство Архита съ пифагорейскимъ ученіемъ о началахъ. Начало вещей, по мнѣнію Архита, не одно, ихъ нѣсколько, и прежде всего—форма и субстанція. „Форма есть причина того, чему слѣдуетъ быть, осуществиться, выразиться, субстанція—субстратъ (ὑποκείμενον), мѣсто дѣйствія для формы, матерія. Но такъ какъ матерія сама по себѣ не можетъ принять форму, то нужно третье начало, которое сообщило бы ей движеніе, и такимъ образомъ, соединило бы ее съ формою. Такое начало есть Богъ—художникъ и движитель (τὸν ταχύναν καὶ τὸν κινῶντα). Сверхъ всего этого, нужно принять геометрическія фигуры, числа и пропорціи, чтобы соединить матерію съ формой“. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ ученіе и Аристотеля, и Платона. Форма, субстратъ, или матерія и перводвижитель—это существенныя и главные понятія „первой философіи Аристотеля“. Авторъ не довольствуется этими понятіями и прибавляетъ къ нимъ изъ ученія Платона числа, геометрическія фигуры и пр., какъ соединительный членъ между матеріей и формою. Впрочемъ, между тѣмъ какъ Платонъ хочетъ этимъ обозначить только отно-

шеніе нашего способа познанія къ объектамъ (Respubl. 710 — 711), здѣсь ничто не даетъ разумѣть, что геометрическія фигуры и арифметическія пропорціи существуютъ не въ объектѣ, а въ субъективномъ мышленіи; напротивъ того, судя по тому, что о субъективныхъ началахъ познанія подробно разсуждается въ дальнѣйшемъ отдѣленіи того же фрагмента, авторъ, кажется, думаетъ первое, то-есть, фигуры и числа, ставить въ объектѣ между формой и матеріей. Но такой взглядъ болѣе чѣмъ странно видѣть у какого-либо философа. Другое отдѣленіе фрагмента „о началахъ“ разсуждаетъ о началахъ познанія вещей. Начала познанія соответствуютъ предметамъ познаваемымъ; а эти послѣдніе раздѣляются на два главные класса — наблюдаемые, или явленія (φανόμενα), и не наблюдаемые, не являющіеся извнѣ (μη αὐτόθεν φανόμενα). Явленія, какъ измѣняемая (κίνητα) познаются чувствомъ (αἰσθήατα); бытіе нефепоменальное, какъ постоянное и неизмѣнное (ἀκίνητα), познается умомъ (νοεατά) и отражается, съ одной стороны, въ *знаніи*, которое въ системѣ представляетъ существенную и неизмѣнную его область, а съ другой — въ *мысли*, которое, будучи лишено прочныхъ основъ, не можетъ содержать чего-либо существеннаго и неизмѣнно-истиннаго (Stob. eclog. lib. I, cap. 35, pag. 283).

Впрочемъ, болѣе подробную характеристику способностей познанія можно встрѣтить въ фрагментѣ: „о духѣ и чувствѣ“ (περί τοῦ καὶ αἰσθησεως). Въ этомъ фрагментѣ и характеристика ума и чувства и дѣленіе способностей познанія, также, какъ и въ предыдущемъ, совершенно платоновскія. Вотъ для примѣра нѣкоторыя черты: „Чувство находится въ тѣлѣ, а потому познаніе его ограничивается одною тѣлесною областью. Количество, тяжесть, протяженіе — вотъ стороны, доступныя чувству; оно есть мѣра тѣлъ. Умъ находится въ душѣ, потому предметъ его — духовное, умопостигаемое (νοεατά) бытіе; умъ изслѣдуетъ основное и само по себѣ превосходное, чувство — только второстепенное и полезное. Поэтому умъ есть начало истиннаго знанія (τὰς ἐπιστάμας), а чувство только — мнѣнія“ (δόξας). Природа ума и чувства та же, какую имѣютъ свойственные имъ предметы познанія: „Какъ умопостижимое по своей природѣ неизмѣнно, постоянно и разлагаемо, такъ и умъ всегда созерцаетъ одинаково, ни лучше, ни хуже, ни болѣе, ни менѣе. Чувство же, какъ и оощуемое, находится въ постоянномъ движеніи, измѣненіи, бываетъ въ различномъ состояніи и потому можетъ дѣйствовать лучше или хуже, болѣе или менѣе. Поэтому умъ познаетъ существенный образъ вещей, *идею* ихъ (παράδειγμα), а чувство только паружный видъ, форму ихъ“ (εἰκόνα). Всѣхъ способностей познанія четыре: „разумѣніе, мышленіе, вѣра и

воображеніе" (*νόησις, διάνοις, πίστις, αἰσθήσις*)¹⁾. Остальная часть фрагмента, гдѣ познаваемое раздѣляется на вещи и образы ихъ, дословно сходна съ окончаніемъ шестой книги Платонова Государства, только съ олущеніемъ диалогической формы. Защитники въ этомъ случаѣ могутъ сказать только, что у Платона характеристика способностей познанія гораздо яснѣе, чѣмъ у Архита, что, конечно, совершенно справедливо, но что также не можетъ ничего говорить въ пользу подлинности фрагмента.

Теперь перейдемъ къ фрагментамъ нравственнаго, а затѣмъ физическаго и логическаго содержанія.

Уже одно заглавіе книги: „О добродѣтели и счастьи“ (*περί ἀνδρός ἀγαθῷ καὶ εὐδαιμονίας*) можетъ служить достаточнымъ показаніемъ позднѣйшаго ея происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтель если и служила предметомъ изслѣдованій въ первую пору философіи, то безъ всякаго отношенія къ счастью и блаженству; добродѣтель, какъ высшее благо, это предметъ греческой философіи во второмъ и преимущественно въ третьемъ ея періодѣ. И дѣйствительно, всѣ одиннадцать отрывковъ о „добродѣтели и счастьи“ представляютъ компиляцію Аристотелевой Этики, механическое соединеніе различныхъ мѣстъ ея. Поэтому, здѣсь напрасно было бъ искать какой-нибудь главной, руководящей мысли и удовлетворительнаго отвѣта на вопросы: что такое добродѣтель и счастье, и въ какомъ отношеніи онѣ находятся между собою? При всемъ сходствѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ съ Аристотелемъ, здѣсь нѣтъ главнаго—внутренней связи въ мысляхъ и ихъ послѣдовательности. Оттого, вслѣдствіе чисто механическаго сплоченія мыслей, встрѣчается много противорѣчій. Что такое добродѣтель? „Добродѣтель“, говорится въ одномъ мѣстѣ (отд. III),—„есть спокойное настроеніе духа, устремленнаго къ добру, невозмутимое никакими обстоятельствами, будутъ ли онѣ счастливы, или несчастны“. Въ опредѣленіи блага авторъ буквально слѣдуетъ Аристотелю (*Nicom. I, 5*): „Существуютъ различныя блага“, говорится въ началѣ IV отдѣленія фрагмента.—„Одни изъ нихъ возбуждаютъ стремленіе къ себѣ не ради ихъ самихъ, а ради чего-либо другаго, иныя — и ради ихъ самихъ, и ради чего-либо другаго; наконецъ, есть благо, къ которому стремятся ради его самого, не имѣя въ виду ничего посторонняго. Это благо, или счастье, блаженство (*ἡ εὐδαιμονία, beatitudo*)—одно. Всѣ другія блага суть только средства для достиженія

¹⁾ Stob. eclog. lib. I, cap. 40, pag. 317.

этого высочайшаго блага" (Stob. florileg. pag. 76). „Высочайшее состоитъ въ добродѣтели и вообще въ томъ, что сообразно съ понятіемъ честнаго" (ibid.). Изъ такого взгляда на добродѣтель, которая сама въ себѣ есть высочайшее благо, слѣдовало бы, по видимому, ожидать, что блага внѣшнія если и будутъ имѣть значеніе, то во всякомъ случаѣ, ограниченное. Такъ, кажется, намѣренъ думать и авторъ, говоря, что „добродѣтельный также легко относится къ невзгодамъ слѣпой фортуны, какъ здоровый и крѣпкій человѣкъ — къ зною и холоду и другимъ физическимъ бѣдствіямъ" (отд. VII). Но вслѣдъ за этимъ онъ неожиданно въ понятіе счастья вводитъ всѣ извѣстныя ему внѣшнія блага. Извѣстно, что и Аристотель, полагая идеаломъ высшаго блага разумную дѣятельность души или добродѣтель, не находилъ возможнымъ ограничивать понятіе высшаго блага добродѣтелью самою въ себѣ и для полноты его допускалъ блага внѣшнія. Но этимъ послѣднимъ благамъ онъ не придавалъ значенія безотпосительнаго, самостоятельнаго, подчиняя ихъ благу идеальному, отъ котораго они получали свою цѣну и смыслъ какъ вспомогательныя средства къ его достиженію. Здѣсь же нѣтъ никакого подчиненія благъ низшихъ благу высшему. Не смотря на букввальное заимствованіе у Аристотеля, гдѣ ясно сказывается такое подчиненіе, авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи какъ будто забываетъ это. И блага духа, каковы — благородствіе, мужество, справедливость, и блага тѣла, — красота и здоровье, и собственно внѣшнія, какъ почести, слава, друзья, богатство, — являются у него одинаково важными, существенными признаками въ понятіи счастья (отд. V). Счастье не можетъ быть безъ добродѣтели, но и добродѣтель, сама по себѣ, безъ внѣшнихъ благъ, оказывается, не можетъ составить счастья. „Счастье есть пользованіе добродѣтелью при благополучныхъ обстоятельствахъ; добродѣтельный въ несчастныхъ обстоятельствахъ — злополученъ" (χαχοδαιμων). Аристотель не хотѣлъ и не могъ сказать этого съ своей точки зрѣнія: жизнь, посвященную удовольствіямъ и изысканію внѣшнихъ благъ, онъ не только не считалъ нравственною, но и признавалъ недостойною человѣка. Въ преувеличенномъ понятіи счастья, какое выражается въ отрывкѣ, можно, конечно, видѣть выраженіе поздняго испорченнаго времени, но кажется, еще естественнѣе здѣсь видѣть отсутствіе философскаго смысла компилятора и чисто механическій способъ его излагать чужія понятія. Оставивъ безъ вниманія существенный признакъ понятія блага, онъ не сумѣлъ отличить главнаго отъ второстепеннаго; соединивъ въ одно всѣ мѣста Аристо-

левой Этики, гдѣ говорится о благахъ, онъ не обратилъ вниманія на внутреннее отношеніе ихъ и ограничился только вѣдшею связью.

Ученіе о пространствѣ и времени, приписываемое Архиту, сохранено Симплиціемъ въ комментаріяхъ его къ Категоріямъ и Физикѣ Аристотеля и почти не отличается отъ опредѣленій послѣдняго. „Пространству (τόπος) свойственно все въ себѣ вмѣщать, а самому—ни въ чемъ не находиться; въ противномъ случаѣ оно было бы безгранично. Пространство имѣетъ такое же отношеніе къ тѣламъ, какое границы къ ограниченному (πέρατα πρὸς τὰ περατώμενα), предѣлъ его—границы вселенной“ (Simpl. ad Categ. Arist. f. 135). Въ этомъ опредѣленіи нѣтъ ни одной существенной черты, которая отличала бы его отъ аристотелевскаго (Phys. IV, 5. De coelo IV. 3). Въ опредѣленіи времени, которое есть „число, мѣра движенія, или состояніе (διάστημα) всей природы“ (τὰς τῷ παντὸς φύσεις. Simpl. ad Arist. Phys. f. 186), не достаетъ, правда, одной важной черты аристотелевскаго опредѣленія, именно, что время—„число движенія въ отношеніи къ предыдущему и послѣдующему (ἀριθμὸς κινήσεως κατὰ τὸ πρότερον καὶ ὕστερον. Phys. IV, II); но за то въ слѣдующемъ, довольно длинномъ отрывкѣ черты опредѣленія времени совершенно аристотелевскія. Здѣсь говорится, что время само по себѣ не различаемо, что движеніе его открывается изъ преемственности моментовъ, и что поэтому единственною мѣрой или единицей его можетъ служить *теперь* (νῦν). Время безначально и безконечно, потому что *теперь* предполагаетъ, какъ прошедшее, такъ и будущее время, также какъ происхожденіе и движеніе (Simpl. ad Arist. phys. f. 186). Въ отвѣтъ на вопросъ: существуетъ ли время, какъ объектъ,—Архитъ является однакожъ несогласнымъ съ Аристотелемъ, который былъ далекъ еще отъ совершенно отвлеченнаго понятія о времени, ибо рѣшалъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ: „Время едва ли существуетъ, потому что прошедшее уже не существуетъ болѣе, будущаго еще нѣтъ, а настоящее не различаемо“ (Simpl. ad Arist. Phys., p. 137).

Ученіе о десяти категоріяхъ, дошедшее изъ двухъ экземплярахъ у Симплиція и Стобея, по своему во многихъ мѣстахъ буквальному сходству съ Категоріями Аристотеля, не затрудняясь, можно назвать краткимъ извлеченіемъ изъ послѣднихъ. Категорій десять, и обозначаются онѣ тѣми же типическими выраженіями, какъ и у Аристотеля: субстанція (οὐσία), количество (ποσόν), качество (ποιόν), отношеніе (πρὸς τί), мѣсто (πού), время (πότε), положеніе (καίῳθα), состояніе (ἔχειν), дѣйствіе (ποιεῖν), страданіе (πάσχειν). Чтобы показать сходство, нужно было бы передать все содержаніе этихъ двухъ длинныхъ отрывковъ,—

такъ оно часто встрѣчается. Для примѣра возьмемъ опредѣленіе субстанцій: „Субстанція есть то, что само по себѣ существуетъ и не нуждается въ чемъ-либо другомъ для своего существованія, находясь въ основаніи всего, какъ субстратъ“ (Stob. florileg. XCV, 65, отдѣлъ 1). У Аристотеля: „Первыя субстанціи, именно потому, что онѣ лежатъ въ основаніи, какъ субстраты, и что все остальное имъ приписывается, или есть имъ присуще, называются субстанціями по преимуществу“ (Категоріи Аристотеля, въ переводѣ Касторскаго, гл. 1, § 7, стр. 13). У Симплиція опредѣленіе буквально сходно съ Аристотелевскимъ (ad Categ. Arist. f. 28, изд. Муллаха, т. II, стр. 122). Но такое сходство почти вездѣ. Различіе только въ краткости и въ замѣнѣ нѣкоторыхъ Аристотелевскихъ примѣровъ собственными и еще въ томъ, что у Стобея изложенію категорій предпосылается довольно длинное разсужденіе о томъ, въ какомъ порядкѣ категорій должны слѣдовать одна за другою (отд. I — IV), чего, какъ извѣстно, у Аристотеля нѣтъ. Это какъ бы схема или планъ для слѣдующаго изложенія, и разумѣется, онъ могъ быть болѣе цѣлесообразнымъ у компилятора, приступавшаго къ извлеченію содержанія изъ большаго сочиненія, чѣмъ у самостоятельнаго мыслителя, вниманіе котораго естественнымъ образомъ сосредоточивается не на формѣ изложенія, а на самомъ содержаніи.

Показаннаго сходства было бы, кажется, достаточно, чтобы всѣ разсмотрѣнные фрагменты назвать не подлинными сочиненіями пифагорейца Архита, а позднѣйшимъ подлогомъ. Такъ и сдѣлалъ Риттеръ, принявъ сходство, преимущественно въ выраженіяхъ, за главное основаніе своего приговора (Geschichte der Pythagor. Philos., S. 67 — 68). Но защитники подлинности Архитовыхъ фрагментовъ, не стѣсняясь авторитетомъ корифеевъ греческой философіи, въ этомъ же сходствѣ находили основаніе для противоположнаго заключенія. Вотъ почему, для рѣшительнаго приговора надъ разсмотрѣнными фрагментами, нужно рѣшить вопросъ: могли ли Платонъ и Аристотель заимствовать что-нибудь изъ ученія Архита? Что касается Аристотеля, то ужъ одна невозможность повѣсть его философію безъ философіи Платона ясно показываетъ источникъ, изъ котораго она органически вышла, и дѣлаетъ не нужными дальнѣйшія доказательства для отрицательнаго отвѣта на предложенный вопросъ. Лишь только въ сочиненіяхъ логическаго содержанія, и то немногими, Архитъ считался въ древности, какъ мы уже видѣли, предшественникомъ Аристотеля. Защитники думаютъ видѣть подтвержденіе этого мнѣнія въ томъ обстоятельстве, что Аристотель сохранилъ два выраженія Архита и называлъ ихъ опредѣленіями (ὁροι), чего онъ не могъ будто бы сдѣлать, не имѣя у себя цѣлаго

сочиненія Архита по части логики. Но достаточно взглянуть только на эти опредѣленія, чтобы убѣдиться, что между ними и общими понятіями или категоріями Аристотеля лежитъ непроходимая бездна. Въ нихъ видна только первоначальная попытка къ составленію частныхъ и единичныхъ понятій. „Что такое тишина?—Спокойствіе въ массахъ воздуха. Что такое тишина моря?—Его равность“ (Metaph. VII, pag. 2). И Аристотель тамъ же, гдѣ приводитъ эти опредѣленія, выражается очень ясно, что онѣ къ области логики собственно и не относятся. Аристотель же указываетъ на Сократа, какъ перваго исследователя въ области логики (Met. I, 6. VII, 4), а о всѣхъ предшествующихъ философахъ выражается, что они логикою не занимались (οἱ πρότεροι τῆς διαλεκτικῆς οὐ μετέιχον. Met. I, 6). Что касается заимствованія числа категорій, то оно еслибъ и могло быть заимствовано, то не у Архита, а у пифагорейцевъ вообще. Платонъ имѣлъ, по видимому, иное отношеніе къ философій пифагорейцевъ и къ Архиту въ особенности. Но въ существенномъ и главномъ философій Платона развилась изъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ философіей пифагорейцевъ. Для Платона необходимо нуженъ былъ такой предшественникъ, какъ Сократъ, который, по выраженію Цицерона, „свелъ философій съ неба въ города и жилища“ (Tuscul. Quæst.) и во внутренній міръ человѣка, чтобы найти необходимую опору для своего ученія. И можно сказать рѣшительно, что сущность Платоновой философій—*идеи*—не могла бы явиться безъ этого предварительнаго раскрытія и обследованія внутренней области неизмѣннаго, устойчиваго мышленія, которое въ своихъ понятіяхъ представляетъ твердый оплотъ противъ текучаго и измѣняющагося. Напрасно было бы искать въ пифагорейскомъ ученіи о числѣ тѣ основанія, изъ которыхъ могло развиться понятіе объ идеяхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ образцахъ вещей.

Одна изъ формулъ пифагорейскаго ученія о числѣ, что „вещи существуютъ чрезъ подражаніе числамъ“, имѣетъ только наружное сходство съ положеніемъ: „вещи причастны идеямъ“,—сходство выраженій, а не понятій. Пифагорейскіе философы находились еще въ непосредственномъ кругу представленій, утверждая, что „подобное можетъ быть познано подобнымъ“; ихъ „число“, какъ начало вещей, если отыскать отъ него все символическое и таинственное, есть неотъемлемое качество тѣлъ: выраженіе ихъ мѣры, взаимныхъ отношеній. Въ слѣдующихъ затѣмъ фрагментахъ самъ Архитъ является такимъ же непосредственнымъ мыслителемъ, какъ и другіе пифагорейцы. И въ этомъ случаѣ естественнѣе было бы спросить не о томъ

могъ ли Платонъ заимствовать ученіе объ идеяхъ у Архита, а о томъ, могъ ли бы послѣдній, еслибъ ему было извѣстно ученіе объ идеяхъ, понять его надлежащимъ образомъ.

Для полноты обратимъ вниманіе на другія черты въ разсмотрѣнныхъ фрагментахъ, не совмѣстныя съ философіей мнимаго Архита. Это, съ одной стороны, по мѣстамъ удающееся стремленіе къ диалектическому построению и развитію мыслей, а съ другой — частыя повторенія одного и того же и преобладаніе виѣшней стороны надъ внутреннею, или лучше сказать, чрезмѣрная болтливость, что отличаетъ неискуснаго компилятора, и виѣсть съ тѣмъ, позднѣйшее время философій, усвоившей себѣ этотъ недостатокъ. Наконецъ, всѣ разсмотрѣнные фрагменты, при сходствѣ содержанія, представляютъ тожество выраженій съ философіей Аристотеля и Платона, каковы: *στοιχεῖα, τὸ τότε τι εἶναι* (по Дор. *ἤμαρ*), *ἔλη, δυνάμις; παράδειγμα, δοξαστά, ἐκιστοσύ, νοερά et cet.* Это выраженія типическія, въ которыхъ столько же, сколько и въ содержаніи, отразилась вся оригинальность и сила мышленія двухъ гениевъ, и которыя совершенно несвойственны пифагорейцу; онѣ, конечно, существовали въ языкѣ, но не были извѣстны и не могли имѣть смысла въ философій до-софратовской. Защитники подлинности Архитовыхъ отрывковъ думаютъ все это объяснить предположеніемъ, основаннымъ на извѣстіи Діогена Ласрта, что Аристотель написалъ три книги о философій Тимея и Архита (Diog. lib. V, 25), будто всѣ фрагменты, въ которыхъ встрѣчаются тожественныя съ Аристотелемъ выраженія, взяты не изъ подлинныхъ сочиненій Архита, а изъ извлеченій изъ нихъ, сдѣланныхъ Аристотелемъ и распространенныхъ въ позднѣйшее время. Но Аристотель во всѣхъ другихъ случаяхъ извѣстенъ какъ точный и виѣсть съ тѣмъ критическій историкъ философій. Передавая чье-либо ученіе, онъ является объективнымъ какъ относительно его содержанія, такъ и самаго выраженія его. Зачѣмъ же онъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для одного только Архита, употребляя выраженія свои собственные, а не тѣ, какъ свойственны ученію самого Архита? Да наконецъ, еслибъ и дѣйствительно существовали извлеченія Аристотеля изъ сочиненія Архита, и если бы фрагменты послѣдняго были взяты изъ этихъ извлеченій, то по прямому смыслу извѣстія, въ нихъ должно было бы содержаться ученіе не одного Архита, а виѣсть съ тѣмъ и Тимея, чего, однакожъ, никакимъ образомъ отыскать нельзя.

Если же столько значительныхъ по своему содержанію фрагментовъ не могутъ быть признаны подлинными, что жъ остается содержаніемъ философій Архита, и на чемъ основана слава этого пифагорейца?

Это—тѣ немногія и короткія, почти гномическія выраженія, а также отрывки, каковы: „доказательство существованія пустаго пространства“, „о музыкальныхъ серединахъ“ и „звукъ“, которые представляютъ частныя дополнительные черты къ тѣмъ или другимъ понятіямъ пифагорейской философіи. Переходя къ нимъ, съ перваго же взгляда нельзя не замѣтить слѣдовъ арханческаго и типичности пифагорейскаго мышленія. Философъ вращается здѣсь или въ конкретной области образовъ, или въ специально математическихъ вычисленияхъ. Правда, критика, какъ бы въ силу инерціи, переносится и сюда съ тѣмъ же пытливымъ взглядомъ, который и здѣсь хочетъ отыскивать слѣды неподлинности, но ея приговоры въ этомъ отношеніи не могутъ считаться рѣшительными; впрочемъ, если и принять ихъ, то рѣчь будетъ идти скорѣе не о подлинности этихъ отрывковъ, а о незначительности и маловажности ихъ содержанія, такъ какъ именно этотъ недостатокъ послѣдняго она старается выставить основаніемъ неподлинности. Но это уже другой вопросъ. Для насъ достаточно того, что упомянутые выше отрывки, пусть они и незначительны по содержанію, имѣютъ ближайшую связь съ философіей пифагорейцевъ. Таковы именно:

а) Доказательство существованія пустаго пространства принимается тѣснѣйшимъ образомъ къ ученію пифагорейцевъ о первой единицѣ и о происхожденіи изъ нея всѣхъ вещей, составляя объяснительный и дополнительный пунктъ къ нему. Доказательство это Архитъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Если бы кто-нибудь могъ быть на предѣлахъ міра (послѣдней области), могъ ли бѣ онъ протянуть далѣе руку или жезлъ? Невозможность простереть не мыслима (ибо какое препятствіе тому?), а если это возможно, то значитъ, существуетъ далѣе мѣсто, способное для принятія тѣлъ, или пустота“ (Simpl. in Arist. phys., p. 108). Понятіе пустоты, какъ начала, не опредѣленнаго пифагорейцами, нужно было для объясненія вещей изъ первоначальной единицы. Окруженная пустотой, она вдыхаетъ, какъ говорили они,—эту пустоту, чрезъ что послѣдняя входитъ въ міръ, и присовокупляясь къ началу опредѣленному, образуетъ вещи.

б) Фрагментъ о музыкальныхъ срединахъ представляетъ точнѣйшее измѣреніе пифагорейской гармоніи. Извѣстно, что у пифагорейцевъ понятіе гармоніи было столько же существеннымъ, какъ и понятіе противоположностей; ихъ положеніе: „все состоитъ изъ противоположностей“, высказанное въ другой формѣ то же, что „все состоитъ изъ гармоніи, связывающей эти противоположности“. Но пифагорейцы, не привыкнувъ еще отдѣлять понятія отъ тѣхъ явленій, по поводу которыхъ они

образовались, отождествляли объективный мировой законъ гармоніи съ гармоніей музыкальною, и желая опредѣлить въ численныхъ отношеніяхъ существо гармоніи, численные отношенія гармоніи музыкальной переносили на отношенія гармоніи мировыхъ явленій. Филолай опредѣляетъ ея существо отношеніями музыкальной октавы. Измѣреніе гармоніи у Архита основано уже чисто на математическихъ началахъ: въ формулахъ пропорцій арифметической, геометрической и смѣшанной изъ той и другой (которую онъ называетъ музыкальною) Архитъ открылъ постоянный законъ одинаковаго отношенія среднего члена (это и есть „средяна“) къ предыдущему и слѣдующему ¹⁾. Отношеніе средняго арифметической можно выразить числами: 6, 4, 2, гдѣ первый членъ на столько болѣе втораго, на сколько второй болѣе третьяго. Эта и геометрическая пропорція суть тѣ же, которыя и доселѣ извѣстны въ математикѣ; онѣ были достояніемъ и всѣхъ математиковъ въ древности. Это естественный плодъ пифагорейской философіи числа, какой она могла дать для слѣдующаго времени.

в) Въ ученіи о звукѣ, причиною котораго пифагорейцы считали взаимное столкновеніе тѣлъ, сотрясеніе воздуха, Архитъ является первымъ, объяснившимъ причину различія между высокими и низкими тонами. Звукъ высокій (*δύς, tenuis*) происходитъ отъ быстрого сотрясенія воздуха, причиняемаго сильнымъ ударомъ или столкновеніемъ тѣлъ, звукъ низкій (*βραχύς, gravis*)—отъ медленнаго, вызываемаго слабыми и дряблыми ударами. Въ доказательство этого положенія приводятся многочисленные примѣры, которыми и занята вся остальная часть фрагмента (*Porph. ad Ptol. Harmon., pag. 236*), и которые взяты изъ обыкновенныхъ наблюденій надъ движеніемъ тѣлъ и опытовъ съ музыкальными инструментами, различнымъ произношеніемъ словъ и пѣніемъ человѣческаго голоса и т. п.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что содержаніе этихъ фрагментовъ незначительно и маловажно, и конечно, не на этомъ основывалась въ древности слава Архита, какъ философа. Но остальные подлинные сочиненія не дошли до насъ. И единственными источниками для знакомства съ пифагорейскою философіей остаются Аристотель и Филолай. Но крайней мѣрѣ лучшіе историки древней философіи (Целлеръ, Врандизъ) вовсе не считаютъ пущимъ пользоваться при изложеніи пифагорейской философіи даже этими отрывками изъ сочиненій Архита.

М. Смоленскій.

¹⁾ *Porph. ad Ptolom. Harm. vol. III pag. 267.*

кои, самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній, постановлены, и въ вторыхъ, сообразно съ званіями, къ которымъ учащіеся предназначаются. 6) Языкъ славянскій, то-есть, высокій, и классическая русскійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и поощряемы. 7) Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ ино-вѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ. 8) Не должно терять изъ виду особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину, въ церкви, нигдѣ найти не можно; что Государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, и что въ семъ только смыслъ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ". III. Ученый комитетъ былъ усиленъ назначеніемъ пятымъ членомъ его капитанъ-командера Крузенштерна. Комитету этому прежде всего представлены были разсмотрѣніе, выборъ и способы изданія учебныхъ книгъ.

Труды втораго комитета по составленію инструкціи были представлены министру 19 іюня 1825 г.; по общему мнѣнію Главнаго Правленія училищъ (10 ноября 1826 г.), по совершенной ей неудобности къ примѣненію, они оставлены были безъ движенія.

Между тѣмъ произошло горестное событіе: неожиданная и вѣсели оплакиваемая кончина Александра Благословеннаго въ Таганрогѣ, 20 ноября 1825 г. Наступило новое время. Прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію его, попытаемся ближе проникнуть во внутренній бытъ и дѣятельность училищъ истекшаго періода.

Вполнѣ безпристрастное описаніе Арсеньева, бывшаго воспитанника *С.-Петербургскаго Педагогическаго Института*, даетъ намъ вѣрное понятіе о внутренней жизни этого заведенія. Дѣйствительнымъ директоромъ его были упомянутый уже нами Н. И. Мартыновъ (профессоръ Кукольникъ былъ директоромъ только по названію), любимецъ министровъ, человѣкъ, распорядившійся въ институтѣ десятичестно. Но — нужно сказать — къ пользѣ студентовъ. Это вліяніе Мартынова прекратилось только въ 1812 г., съ назначеніемъ Е. А. Энгельгардта директоромъ. Профессоровъ Арсеньевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Зябловскій, не имѣя отличнаго дара слова въ преподаваніи науки, но существу сухой географин, отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, строгостію во изысканіяхъ, точностію въ исполненіи собственныхъ обязанностей, и своими настоятельными требованіями знанія заданныхъ уроковъ вынуждалъ, такъ сказать, успѣхи. Всѣ студенты по его части знали что-нибудь непремѣнно, и экзамены сходили всегда удовлетворительно. Терпачъ въ первое время увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, но послѣ, одолевъшій

лѣнью, прекратилъ свое изустное преподаваніе и ограничился простымъ чтеніемъ исторіи Милота. Я любилъ страстно исторію, но его чтенія и мнѣ наскучивали. Я сталъ читать Гиббона, Робертсона, Юма, Фергюсона и другихъ, и приобрѣталъ познанія не отъ уроковъ преподавателя скучнаго, но отъ чтенія знаменитыхъ писателей. Германъ былъ не ровень въ своихъ лекціяхъ, иногда говорилъ какъ бы въ дремотѣ, иногда читалъ по своимъ нѣмецкимъ тетрадямъ переводъ ихъ самымъ дурнымъ русскимъ языкомъ; иногда же, впрочемъ рѣдко, онъ какъ будто пробуждался отъ сна и, воспламенившись, говорилъ превосходно; тогда и мы всѣ одушевлялись и поглощали каждое его слово... Къ сожалѣнію, такіа восторженные минуты находили на Германа весьма рѣдко. Дни, въ которые приходилъ къ намъ на уроки профессоръ Балугьянскій, были для всѣхъ насъ свѣтлымъ праздникомъ; его одушевленные и умныя чтенія слушаемы были съ безмолвнымъ вниманіемъ; самыя отвѣченныя умозрѣнія о капиталѣ, о потребленіи, банкахъ, кредитѣ нисколько не утомляли силъ, напротивъ, возбуждали самый высокій интересъ и любознательность. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ, а по отбытіи его изъ класса, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ безумолчно говорили о содержаніи его лекцій, разсуждали, спорили и научались. Прочіе профессора: Кукольникъ, пользовавшійся незаслуженною славой ученаго, человѣкъ поверхностный, но умѣвшій товаръ лицомъ продать; Теряевъ, совершенно ничтожный, раболѣпный и безнравственный; Резановъ, бѣдный математикъ именитъ только; и Лоди, добрый, но ограниченный въ своихъ познаніяхъ. Говоря о занятіяхъ въ институтѣ, Арсеньевъ повѣствуетъ, что послѣдніе мѣсяцы 1806 г. (начавшая съ октября) прошла въ испытаніяхъ профессорскихъ; только съ начала 1807 г. началось ученіе. „Я обратилъ особенное вниманіе на изученіе французскаго языка. Съ апрѣля 1810 г. насъ занимали профессора практически; мы должны были уже преподавать сами, въ ихъ присутствіи изготавлять лекціи на заданныя темы, обрабатывая опыи со всею подробностію и пользуясь всѣми источниками, какіе кому извѣстны. На заданную мнѣ тему изъ эстетики: о нѣжномъ и септиментальномъ, я написалъ разсужденіе и читалъ оное въ классѣ Мартынова, который пришелъ въ такой восторгъ, что тутъ же объявилъ при всѣхъ, что такого основательнаго и пріятнаго чтенія ему никогда не удавалось слышать; особенно нравились ему приведенныя мною кстаті примѣры изъ нашихъ поэтовъ: Державина, Дмитріева, но болѣе всего—переведенныя мною оды изъ Клопштока *an Falnu* и *an Cidly*“. Не имѣвшіе падежды выдержать удовлетворительно послѣднее испытаніе стали поступать на мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ.

Сверхъ того, мы имѣемъ драгоцѣнный разказъ Роммеля ¹⁾ о Харьковскомъ педагогическомъ институтѣ за періодъ времени съ 1811—1815 г., въ коемъ онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Для дидактической и методической подготовки учителей гимназій былъ учрежденъ педагогическій институтъ, управление которымъ съ самаго начала поручено было мнѣ. Такъ какъ я, будучи еще слишкомъ слабъ въ русскомъ языкѣ, имѣлъ мало надежды приобрести практическое вліяніе на кандидатовъ, готовившихся къ учительскому званію, то и ограничивался письменною разработкою курса дидактики и методики, который, будучи переведенъ въ послѣдствіи на русскій языкъ, былъ одобренъ министромъ... Вообще, повсемѣстно высказывалась преобладающая въ Русскихъ наклонность къ предметамъ практическаго примѣненія, въ особенности къ математикѣ, въ которой они изумительно успѣвали; органа же уразумѣнія высшей философіи и филологіи въ нихъ почти совсѣмъ не было. Такъ, напримѣръ, въ послѣдствіи я замѣтилъ, что въ русскомъ переводѣ моего нѣмецкаго введенія въ дидактику, сдѣланномъ подъ моимъ надзоромъ студентамъ-филологамъ, тамъ гдѣ рѣчь шла о психологическихкихъ понятіяхъ разума, разсудка, остроумія, глубокомыслія и другихъ умственныхъ способностей, Русскіе не знали тонкихъ различій органическихкихъ отѣнковъ своего собственнаго языка, восходящаго до глубокой древности, или же мало по малу находили ихъ посредствомъ сравненія съ соотвѣтствующими нѣмецкими коренными словами. Всѣ иностранцы профессора, за исключеніемъ Французовъ, читали лекціи по латыни, и для меня было очень кстати, что каждый студентъ при поступленіи въ институтъ уже долженъ былъ имѣть достаточную подготовку въ этомъ языкѣ. Однако мои лекціи о греческихъ и римскихъ классахъ, привлекавшія сравнительно многочисленныхъ слушателей, съ самаго начала поставили меня въ весьма затруднительное положеніе: не хватало печатныхъ экземпляровъ классиковъ, диктованіе же древнихъ авторовъ представлялось слишкомъ обременительнымъ. Для пополненія этого недостатка и въ виду жалкаго положенія русской книжной торговли, оставалось одно средство — быстрое и безотлагательное изданіе самыхъ необходимыхъ авторовъ;

¹⁾ Роммель былъ назначенъ въ Харьковъ 24 апрѣля 1810 г., прибылъ въ мѣсяцъ 1811 и оставался тамъ профессоромъ до юніа 1814 г. Изъ некоторыхъ сообщеній Роммеля Н. А. Лавровскій (см. *Ж. М. Н. Пр.* CLIX, 224) находитъ сомнительнымъ по тому соображенію, что автобіографія написана въ 1854 г., Роммель же около 1839 г. выразился, что ему харьковский жизнь представляется, какъ сновидѣніе. Очевидно, что это слова Роммеля не оправдываютъ сомнѣній; кромѣ того, оно устраняется подписью подъ харьковскими описаніями: «написано въ 1815 г.». Ясно, что Роммель позднѣе прибавилъ только нѣкоторыя частности, какъ, напримѣръ, свиданіе съ Дегуровымъ.

печатаніе ихъ подѣ моимъ руководствомъ приняла на себя университетская типографія, не смотря на большой недостатокъ въ хорошей бѣлой печатной бумагѣ. Изданныя мною рѣчи и философскія сочиненія Цицерона, а также Саллюстія и Корнелія Непота, съ объяснительными ко всѣмъ этимъ авторамъ примѣчаніями, были назначены также и для гимназій; болѣе же трудныхъ авторовъ все еще приходилось диктовать моимъ слушателямъ отдѣльными отрывками. Мало по малу мнѣ удалось образовать также филологическую семинарію, въ которой преподавались основныя начала высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Смѣю думать, что научное сѣмя классической древности не совсѣмъ упало на каменистую почву, ибо припоминаю многихъ молодыхъ Русскихъ, коимъ филологія продолжала путь къ прочному умственному образованію¹⁾.

Къ казеннымъ воспитанникамъ институтовъ и вообще къ тѣмъ студентамъ университетовъ, которые вели распущенную жизнь, примѣняема была строгая мѣра отсылки ихъ въ военную службу (Высочайшее повелѣніе 21 апрѣля 1811 г.). Министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ по этому предмету ссылался на то, что бывшая коммисія о народныхъ училищахъ (при Екатеринѣ II) „съ воспитанниками учительской семинаріи, министерство же въ разсужденіи студентовъ педагогическаго института, которые всѣ вышли изъ семинарій, поступало такимъ же образомъ. Основаніемъ сему могло быть, во первыхъ, то, что духовное начальство присланныхъ ими въ тѣ заведенія и оказавшихся послѣ нетерпимыми, не принимало обратно; ибо негодные къ другимъ званіямъ тѣмъ болѣе должны быть неспособны къ званію служителей церкви; вопервыхъ, что какъ воспитанники сіи стояли казніи запущенныхъ издержекъ, и вознаградить за оныя службою, къ коей приготавливались, по своему поведенію сдѣлались неспособными, то по крайней мѣрѣ могутъ заплатить оныя службою военною. Исключать же ихъ безъ одобрительныхъ аттестатовъ значило бы, съ одной стороны, дѣйствовать противъ выгоды правительства, иотратившаго на воспитаніе ихъ свое изживленіе, съ другой—оставить ихъ на произволъ судьбы и извергнуть въ общество примѣръ разврата и соблазна другимъ, между тѣмъ какъ подѣ строгою военною дисциплиною могли бы они быть полезны и даже исправиться. А потому казенныхъ воспитанниковъ изъ духовнаго званія и изъ разночинцевъ отсылать въ военную службу по сповненію министерства народнаго просвѣщенія съ министерствомъ военныхъ и сухопутныхъ силъ; о казенныхъ же воспитанникахъ и студентахъ таковыхъ изъ дворянъ представлять Вашему Величеству“¹⁾.

¹⁾ Сборы Поет., I, 702.

Материаломъ для характеристики гимназій можетъ служить, между прочимъ, начертанная М. П. Погодинымъ въ его „Школьныхъ воспоминанiяхъ“ ¹⁾ картина московской губернской гимназiи 1814—1820 гг. Останавливаясь съ особенною любовью на учителѣ латинскаго языка, Погодинъ говоритъ о немъ: „Отличительное и самое полезное въ его методѣ было то, что у всѣхъ учениковъ вниманiе, продолженiе класса, было занято, приковано, что всѣ ученики необходимо должны были слѣдовать за ходомъ дѣла, и укрыться, отлучиться никому не было возможности“. Занятiя у этого учителя начинались выслушиванiемъ заданнаго въ предшествовавшемъ классѣ урока; урокъ состоялъ изъ синтаксическаго правила съ относившимся къ нему латинскимъ примѣромъ; если въ классѣ было, какъ сначала, 50 человекъ, то 7 изъ нихъ съ первой лавки связывали урокъ учителю, а остальные связывали имъ; при большомъ количествѣ учениковъ, аудиторы присоединялись и со второй лавки. За нимъ учитель и аудиторы просматривали переводы, исправленные въ предшествовавшiй урокъ и переписанные на-чисто. И то, и другое занимало съ небольшимъ 10 минутъ. Потомъ слѣдовало исправленiе перевода примѣровъ съ русскаго на латинскiй на правило (примѣровъ на каждое правило было отъ 10-ти до 15-ти): учитель вызывалъ учениковъ къ доскѣ и заставлялъ прочесть примѣръ по-русски, а переводъ, уже слѣданный въ тетради, написать мѣломъ; эта операцiя занимала не болѣе часа (урокъ былъ двухчасовой). Затѣмъ начиналось задаванiе новаго урока; учитель диктовалъ примѣры или темы для перевода ихъ по латини на правило, заученное въ классѣ. Кончивъ диктантъ, онъ заставлялъ какого-нибудь ученика читать по-русски написанные примѣры и спрашивать неизвѣстныхъ слова. Далѣе слѣдовалъ переводъ съ латинскаго на русскiй статейки изъ хрестоматiи. Переводили по три, по четыре строки. Учитель могъ судить при этомъ, хорошо ли выучены слова. Послѣ каждого отдѣла изъ синтаксиса начиналось повторенiе всего пройденнаго. Въ 3-мъ классѣ проходили почти всего Корнелiй Непота; въ 4-мъ занимались переводомъ съ русскаго на латинскiй отдѣльныхъ разказовъ и читали Цицероновы рѣчи. Четвертый классъ вообще организованъ былъ слабѣе. Еслибы, говоритъ Погодинъ, дать этому классу особаго учителя и назначить ему 3 урока по 1½ часа, и если бы для домашнихъ занятiй былъ опредѣленъ свѣдущiй надзиратель, то при такомъ порядкѣ непременно были бы прочтены и Корнелiй Непотъ, и Цезарь, и Овидiй, и кое-что изъ Цицерона, Саллюстiя, Ливiя. Намъ кажется, впрочемъ, что успѣхи въ латинскомъ языкѣ были не особенно блестящи, если судить по слѣдующему, приведенному Погодинымъ примѣру: „На

¹⁾ Въ *Вѣстникѣ Европы* 1868, 8, стр. 605—630.

первомъ публичномъ актѣ въ 1814 г.", говоритъ онъ, „миѣ назначено было произнести рѣчь на латинскомъ языкѣ, *сочиненную учителемъ*, которой начало я теперь еще помню: Patria nostra a (!) hostibus devotata, omnibusque literarum subsidiis incendio absumtis, spes omnino nobis erat erepta, fore, ut aliquando animum literis excolere possemus"—что Погодинъ переводить такъ: „Отечество наше опустошено (!) непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда-нибудь свой умъ познаніями“

Нѣмецкій языкъ, по разказу Погодина, преподавался хорошо, по той же методѣ, какъ и латинскій и тѣмъ же учителемъ. Что касается до математики, то геометрическія и тригонометрическія теоремы порознь были доказываемы отчетливо, по связъ между ними, ихъ примѣненіе и значеніе не были объясняемы. Естественную исторію преподавали если не удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ, порядочно; для каждаго ея отдѣла, существовала особая толстая тетрадь, которую воспитанники выучивали паизустъ и въ классѣ разказывали слово въ слово. Важнѣе было то, что учитель показывалъ въ классѣ образцы по каждому отдѣлу. Наконецъ, преподаваніе технологіи было очень утомительно, но все-таки знакомство съ номенклатурою приносило пользу. Географія и исторія преподаваемы были „гнуснѣйшимъ образомъ“, но ученики этого отнюдь не замѣчали и были исполнены уваженія къ учителю: въ I классѣ заучивали они маленькую тетрадку съ кое-какими свѣдѣніями о Египтѣ, Греціи, Ассиріи; во II-мъ римскую исторію: „Нѣсколько выисокъ изъ Милота безъ малѣйшей связи“, говоритъ Погодинъ, „цари, республика, децемвиры, нашествіе Галловъ, война съ Гареттинцами, пунические войны, соперничество Маріи и Суллы, два тріумвирата—и конченъ балъ“ Изъ русской исторіи выучиваема была также тетрадка, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ книжки для народныхъ училищъ, безъ малѣйшей связи: главную роль играло нашествіе Татаръ и еще кое-что. Въ IV классѣ проходили статистику Россійской имперіи, заучивая ее паизустъ: „Учитель отличался величественною наружностію, предлагалъ простѣйшіе вопросы тономъ трагическимъ, и мы продолженіи всѣхъ курсовъ предъ нимъ благоговѣли. Никому и въ голову не приходило, что онъ былъ просто невѣжда, не имѣвшій понятія о своемъ дѣлѣ“. Объ учителяхъ въ другихъ гимназіяхъ Погодинъ говоритъ, что слышалъ о нихъ мало хорошаго: „Они заставляли несчастныхъ мальчиковъ считать и мѣрять ниневійскіе кирпичи, или бродить по постокъ, а Сципіона, Аристиду, Алкуина не-когда и по имени не слыхали“. Классъ словесности былъ „до такой степени уродливъ, нелѣпый учитель былъ до такой степени лишень всякихъ не только педагогическихъ способно-

стей, но малѣйшаго смысла, что тяжело и вспомнить о немъ. Онъ диктовалъ восемь толстыхъ тетрадей, но не должно думать, чтобъ ученики выучивали ихъ наизусть. Нѣтъ, тетради были раздѣлены на вопросы и отвѣты, слѣдовательно, всякій ученикъ выучивалъ только тотъ отвѣтъ, который ему достанется, а разчѣсть это было не мудрено, ибо учитель начиналъ всегда съ перваго ученика и потомъ, смотря только въ свою тетрадь, восклицалъ: слѣдующій. Всякій ученикъ получалъ по одному вопросу. Въ III классѣ учитель давалъ еще перевести нѣсколько Фонтепелевыхъ писемъ,—вотъ и всѣ упражненія. Если ученики всѣ хорошо знали по-русски и писали правильно, то это потому, что они въ свободное время читали образцовыя русскія сочиненія и украдкой, насколько было возможно, ходили въ театръ. Директоръ въ гимназій ничего не дѣлалъ, и ученики видали его иногда только на экзаменѣ, откуда онъ спѣшилъ увести къ себѣ нѣкоторыхъ изъ преподавателей—отвѣдывать наливокъ. Инспекторъ почти не существовалъ, или существовалъ „отрицательно“.

Конечно, въ самомъ учебномъ планѣ и организаціи учебнаго курса заключались почти непреодолимыя трудности, прежде всего вслѣдствіе многопредметности. Одинъ уѣздный учитель доносить (въ 1812 г.), что въ теченіе годоваго преподаванія учебныхъ предметовъ, онъ внимательно замѣтилъ, что прохожденіе всѣхъ наукъ разомъ для учениковъ затруднительно, ибо 1) нѣкоторые учебныя предметы безъ предварительныхъ познаній другихъ наукъ неудобопонятны; 2) нарочитое число всѣхъ наукъ во II классѣ, по уставу положенныхъ, когда бываетъ въ одно время преподаваемо, отягощаетъ вниманіе и память учениковъ, даже и самыхъ способныхъ ¹⁾. Другой учитель ²⁾ заставлялъ одного изъ учениковъ въ привѣтственной рѣчи сказать: „Потребенъ трудъ въ потѣ отъ утра до вечера, но мы часто изнемогаемъ не въ полудни токмо, но и при самомъ началѣ дня. Ахъ, какая узбаа, излучистая и тернистая дорога ведетъ насъ къ храму наукъ... Понятія наши слабы и еще не развѣрнулись, а память едва можетъ обнять нѣкоторую часть изъ тѣхъ объясненій, которыя даютъ намъ наши наставники“. Разнообразіе учебнаго плана еще болѣе становится очевиднымъ, если обратитъ вниманіе на свѣдѣніи о пройденныхъ предметахъ, помѣщенныхъ у Отто ³⁾. Такъ наприимѣръ, по вѣдомости Новгородской гимназій въ 1822 учебномъ году было пройдено: въ I классѣ, по математикѣ (учебникъ: алгебра Фуса): опредѣленіе и предварительныя понятія; четыре дѣйствія надъ простыми

¹⁾ Воронцовъ, Уч. Зав. въ Сумахъ, стр. 14.

²⁾ Отто, Волг. Дир., стр. 175.

³⁾ Отто, Вол. Дир., стр. 48; Новгор. Дир., стр. 49.

и сложными числами, рациональными и радикальными; алгебраическія дроби, непрерывныя строки или дѣленіе въ бесконечность. Изъ геометріи: до свойствъ параллельныхъ линій. По словесности (грамматика, изданная Академіею): этимологія и синтаксисъ съ примѣчаніями относительно всеобщихъ основаній языка; грамматическій разборъ предложеній и составленіе оныхъ изъ словъ, данныхъ въ начальной формѣ. По философіи (сочиненія Швеля и Лодія): введеніе въ логику; о понятіяхъ и знакахъ мысли. По исторіи (руководство Кайдапова): исторія азіатскихъ народовъ до временъ Кира. По географіи (учебникъ Арсеньева): математическая географія; введеніе во всеобщую политическую географію и общій обзоръ Европы (въ вѣдомости помѣщена оговорка, что географіи пройдена по старому политическому раздѣленію, хотя и существуетъ новое, „поселику ни изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, ни изъ Главнаго Правленія училищъ не прислана географія, *сочиненная* по нынѣшнему политическому раздѣленію“). По латинскому языку: чтеніе и письмо; объ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. По нѣмецкому языку: о произведеніи словъ; чтеніе и письмо. Во II классѣ изъ алгебры (по руководству Фуса): опредѣленное и неопредѣленное уравненія; теорія пропорцій и прогрессій; изъ геометріи: до стереометріи. По естественной исторіи (книги Дюмерилля и Мирбеля): общія понятія о наукѣ и тѣлахъ естественныхъ, о влутреннемъ ихъ строеніи, о ихъ органахъ произрастанія, происхожденія, съ присоединеніемъ физиологическихъ замѣчаній касательно образованія частей; о цвѣтѣнн растеній, о разсѣянн и проростанн сѣмянъ; о мѣсторожденн, долговѣчности и величинѣ растеній. По русской словесности: грамматическій и логическій разборъ предложеній. Изъ риторики (по руководству Толмачева): общія понятія о наукѣ; распространеніе логическихъ предложеній, сложные періоды и т. д. По исторіи и географіи (Кайдановъ, и Арсеньевъ): исторія древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ, до Кира; введеніе во всеобщую политическую географію, общій обзоръ Европы (какъ въ I кл.); Испанія, Португалія и *всѣ государства, находящіяся въ Италіи*. По философіи: то же, что въ I кл. Изъ нѣмецкаго языка: этимологія и о соединенн существительныхъ именъ съ прилагательными. Переводы по грамматикѣ Шумахера. III классъ. Изъ алгебры: уравненія 2-й степени, прогрессіи, логарифмы и приложеніе прогрессій и пропорцій къ вычисленію процентовъ на проценты. Изъ геометріи: сравненіе и измѣреніе поверхностей и толсто-ты тѣлъ; плоская тригонометрія и начала высшей геометріи. Изъ словесности: о хріяхъ и т. д. Изъ ботаники: о важнѣйшихъ системахъ ботаники и примѣчательнѣйшихъ семействахъ растеній отечественныхъ. Изъ географіи физической: о воздухѣ, разныхъ явленіяхъ и климатѣ; — политической: Швеція и Норвегія, Давіи, Великобрита-

нія и Пруссско-Польскія земли. Изъ исторіи: Персія, Греція, Македонская монархія и Римляне. Изъ логики: до силлогизмовъ. Изъ закона Божія: члены символа-вѣры и заповѣди. Изъ латинскаго языка: словосочиненіе и переводы. Изъ нѣмецкаго языка: то же, что и изъ латинскаго. Изъ французскаго: чтеніе и письмо; грамматика до неправильныхъ глаголовъ. IV класса Новгородская гимназія тогда не имѣла; только въ 1813 (съ 1 ученикомъ) и 1814 (съ 3 учениками) въ гимназіи существовало 4 класса, даже рѣдко было 3, чаще же только 2 низшіе ¹⁾).

Въ IV классѣ Вологодской гимназіи въ 1811 г. было пройдено слѣдующее: Изъ технологіи: до обработыванія и крашенія шерсти. Изъ риторики: упражненія въ сочиненіи рѣчей и *отчасти стиховъ*. Изъ политической экономіи: до раздѣленія капитала по грунту земли. Изъ языковъ: упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій; нѣкоторые упражненія учили наизусть. Изъ юриспруденціи: до формы о судѣ. Изъ закона Божія: пространнаго катехизиса II часть; изъ изъясненій Евангелій до 28 недѣли по Пятидесятницѣ. Рисовали цѣлаго человѣка и ландшафты.

Независимо отъ разнообразія предметовъ, учебному дѣлу вредила также трудность нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно философскихъ, которые читались „во всей силѣ“, какъ сказано въ разсказанныхъ въ 1804 г. вызовахъ обучаться въ открывавшейся тогда Черниговской гимназіи. Такъ, въ Новгородсѣверской гимназіи ²⁾ въ 1809 г. было пройдено, въ I классѣ: изъ логики—до разсужденія; изъ философской грамматики до свойствъ голоса; притомъ занимались грамматическимъ разборомъ Ломоносовской оды „Утро“ и приведеніемъ въ полный и явный логическій смыслъ недостаточныхъ предложеній. Во II классѣ: Изъ опытнаго душесловія изъяснено о воображеніи, сновидѣніяхъ и сродствѣ понятій; изъ риторики до украшеній риторическихъ, причемъ ученики занимались декламацией. Въ III классѣ: изъ риторики до составленія періодовъ сложныхъ; изъ эстетики о вкусѣ вообще, о вкусѣ временномъ и вѣстномъ, о чувствительности и т. п. Въ I классѣ Новгородской гимназіи, въ которомъ находились по большей части 10-лѣтніе мальчики, ученики проходили о силлогизмахъ, упражнялись въ составленіи ихъ; писали въ классное время всеобщую грамматику, составленную учителемъ, и учили изъ нея вступленіе и первыя двѣ главы. „Двѣнадцати-лѣтніе мальчики зубрили о хріяхъ, объ идеяхъ отвлеченныхъ, всеобщихъ, частныхъ, единственныхъ, относительныхъ и безотносительныхъ и о томъ, что происходитъ въ нашей душѣ“ ³⁾).

¹⁾ *Отно*, Новг. Дир., стр. 18.

²⁾ *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., стр. 40 и 41.

³⁾ *Отно*, Новг. Дир., стр. 30 и 47.

Что касается латинскаго языка, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ знаніемъ его достигался „идеалъ образованнаго человѣка“, состоявшій, по словамъ *Журнала Департамента* 1822 г. (V, стр. 244) въ слѣдующемъ: „Онъ (образованный человѣкъ) проникаетъ въ бездну времени минувшихъ, разсматриваетъ памятники древности, дабы по слѣдамъ, почти изглаженнымъ, наблюдать духъ и собирать мысли мужей великихъ. Онъ бесѣдуетъ съ ними на ихъ языкѣ, которымъ пользуется для обогащенія природнаго. Онъ пользуется всѣмъ, что можетъ назваться пріятнымъ и похвальнымъ. Для его-то вѣчнаго слуха *Виргилій* наполнилъ такую прелестію стихи свои, и *Тацитъ* освѣтилъ ужаснымъ пламенемъ глубину душъ тирановъ“. Правда, въ одномъ донесеніи о произведенномъ въ С.-Петербургской гимназій въ 1815 г. испытаніи сказано, что воспитанники читали и переводили указанныя почтенными посѣтителями мѣста изъ *Виргилія* и *Лавія*, съ грамматическимъ, синтаксическимъ, мѣологическимъ, историческимъ и географическимъ разборомъ; въ донесеніи о другомъ экзаменѣ мы читаемъ, что учениковъ спрашивали изъ *Юлія Цезаря* *Bellum gallicum* IV, 13—23, изъ *Саллюстія* *Cat.* 1—14, *Jug.* 43—53, изъ *Горація* од. I, 12. III, 3, при чемъ нѣкоторые воспитанники излагали свои мысли на латинскомъ языкѣ (по греческому же языку они переводили частію на латинскій, частію на русскій языки отрывки изъ *Евангелія* отъ св. Луки, кромѣ того, изъ книги *Якобса* описаніе *Азіи*, извлеченное изъ *Страбона*, *Аріана* и *Діодора Сицилійскаго*, 3—15 гл., равно какъ описаніе *Европы*, извлеченное изъ тѣхъ же писателей, и кромѣ того, нѣкоторыя басни *Эзопа*, а именно 1—6)¹⁾ — однако естественно является вопросъ: не было ли все это приготовлено кое-какъ, собственно только для экзамена. Въ 1812 г. въ донесеніи о *Черняговской* гимназій говорилось²⁾, что обученіе латинскому языку идетъ въ ней неизмѣнно дурно. Директоръ сообщаетъ, что успѣхи въ этомъ языкѣ недостаточны по большому множеству предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназій, и по малому числу уроковъ для этого языка; въ защиту же учителя приводитъ то соображеніе, что „способностямъ его трудно ознаменоваться, когда ученики во всѣхъ четырехъ классахъ не доходятъ до того совершенства, при которомъ учителю пришлось бы дѣйствовать великимъ знаніемъ въ языкѣ“. *Отто*³⁾ говоритъ, что вологодскіе гимназисты, поступившіе въ *Московскій университетъ*, оказывались иногда совершенно неспособными къ слушанію профессорскихъ лекцій. Одинъ изъ воспитанниковъ *Нѣжинскаго* лицея, окончившій въ немъ курсъ (въ 1826 г.)

¹⁾ *Пер. Соч.* XLIII, 266; *Ж. Дѣл. Н. Пр.* 1822, V.

²⁾ *Андріагозъ*, стр. 253.

³⁾ *Вологодск. Дир.*, стр. 59.

первымъ, съ золотою медалью, и записанный въ *liber honoris*, отправившійся затѣмъ въ Дерптъ, для приготовленія себя къ профессорскому званію, сознается, что въ Дерптѣ не только юридическому его образованію положена была прочная основа, но что тамъ же изучилъ онъ, кромѣ нѣмецкаго, и древніе классическіе языки (писалъ профессоръ С.-Петербургскаго университета П. Г. Рѣдкинъ). То же самое говорилъ и профессоръ Московскаго университета Д. Л. Крюковъ. По собственному его отзыву, онъ былъ обязанъ знаніемъ древнихъ языковъ профессорамъ Дерптскаго университета Моргенштерну, Франке и Нейе, особенно послѣднему ¹⁾. Для поступленія въ университетъ, особенно въ началѣ описываемаго періода, требованія были очень не велики: это видно изъ увлекательнаго разказа С. Т. Аксакова о занятіяхъ въ Казанской гимназіи въ то время, когда былъ основанъ въ Казани университетъ. „Мы узнали“, говоритъ онъ, „что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступаютъ въ университетъ. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять не стоили этого назначенія, по неимѣнію достаточныхъ знаній и по молодости, не говори уже о томъ, что никто не зналъ по латини и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторые лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.... Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ и большая часть будущихъ студентовъ принялась за латинь. И не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому-то глупому предубѣжденію къ латинскому языку.... Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похуѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но по всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ“ ²⁾. О П. П. Давыдовѣ есть свѣдѣнія, ³⁾ что въ 1804 г. десятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ Тверское дворянское училище. Совершенно новыми для него предметами были иностранные языки — нѣмецкій, англійскій и французскій, которые онъ скоро изучилъ. Попечитель Московскаго университета, М. П. Муравьевъ, остановилъ на немъ свое вниманіе и

¹⁾ Биографическій словарь Имп. Моск. университета, I, 439, II, 382.

²⁾ Семейная хроника, стр. 351.

³⁾ Биографическій Словарь, I, 276.

предложилъ его матери отправить мальчика въ Московскій университетъ, требуя только, чтобъ онъ подготовился изъ латинскаго языка. Уже къ 1808 году онъ оказалъ въ немъ значительные успѣхи, которые считались достаточными, но такъ какъ до начала академическаго года оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, то посѣщалъ классы состоящей въ то время при университетѣ академической гимназiи, преимущественно классы латинскаго и греческаго языковъ (въ 1820 г. онъ издалъ греческую грамматику).

Повторяемъ еще разъ, требованiя были не велики; только этимъ объясняется тотъ достойный фактъ, что многіе ученики даже низшихъ классовъ прямо выдерживали испытаніе для поступленiя въ университетъ ¹⁾. Впрочемъ, для приѣма въ Казанскій университетъ вовсе не требовалось латинскаго языка, такъ какъ въ 1820 г. попечитель доносилъ ²⁾, что „не опасаясь вреда университету отъ недостатка студентовъ, старался онъ очистить его отъ ненадежныхъ и затруднить входъ въ него неспособнымъ, усилениемъ экзаменовъ и непремѣннымъ требованіемъ знанiя латинскаго языка“.

Объ успѣхахъ по латинскому языку въ уѣздныхъ училищахъ будетъ сказано ниже. Весьма естественно, что училища эти встрѣчали въ приисканiи хорошихъ учителей латинскаго языка болѣе препятствiй, чѣмъ гимназiи. Такъ, въ 1807 г. въ Нѣжинскомъ уѣздномъ училищѣ нашелся только одинъ учитель, умѣвшій читать по латыни, и его то назначили преподавателемъ этого предмета ³⁾. Притомъ латинскій языкъ не вездѣ считался отдѣльнымъ предметомъ; по крайней мѣрѣ только объ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа, мы знаемъ, что по числу уроковъ первое мѣсто занимали законъ Божій, русскій и латинскій языки и арифметика. Есть также слѣдствiя, что въ 1813 г. курсъ уѣздныхъ училищъ былъ нѣсколько измѣненъ, — реформа эта коснулась лишь двухъ старшихъ классовъ и была разчитана „на болѣе удовлетворительную подготовку учениковъ въ гимназiю“. Въ Харьковскомъ округѣ начальство обратило особенное вниманіе на преподаваніе латинскаго языка, такъ какъ знаніе его „сколько полезно для образованiя штиля, столько же нужно для желающихъ продолжать свои науки въ университетѣ; оно необходимо и для цвѣтущаго состоянiя (русской) словесности“ ⁴⁾.

Въ своемъ обзорѣ русской литературы въ 1814 г., Гречъ на вопросъ: „почему литература наша не приноситъ еще тѣхъ плодовъ, которыхъ слѣдуетъ въ правѣ ожидать отъ неѣ“, даетъ слѣдующій от-

¹⁾ Тамъ же, II, 232.

²⁾ Журн. Деп. V, стр. 268.

³⁾ Андриашевъ, 253.

⁴⁾ Борозинцевъ, 10, 11, 15.

вѣтъ: „Причины суть — малое стараніе образовъть юношество истинною ученостію и пагубное пристрастіе къ употребленію чужаго, бѣднаго языка. Когда большая часть согражданъ нашихъ увѣрится въ истинѣ этихъ наблюденій, когда почувствуетъ необходимость посвящать лучшіе годы юношества на образованіе его древними языками и примѣрами изыскаго, когда будетъ изгнанъ изъ общества нашего несправедливый вредными дѣйствіями своими языкъ французскій: тогда возникнетъ наша литература“ ¹⁾. Впрочемъ, это было вѣроятно лишь мнѣніе отдѣльнаго лица; отголоскомъ же мнѣнія большинства слѣдуетъ считать высказанную въ 1812 г. однимъ казанскимъ профессоромъ мысль, что въ Россіи „знаніе латинскаго языка только ученому, а не государственному человѣку или правовѣдцу, или вообще гражданскому чиновнику столь необходимо, сколь необходимо оно въ другихъ странахъ“ ²⁾.

Успѣхи учениковъ обозначались отмѣтками. Интересное соотношеніе этихъ отмѣтокъ по Черниговской гимназій мы находимъ за 1815 и 1827 гг. въ двухъ вѣдомостяхъ у Андріашева ³⁾. Изъ 76 учениковъ въ 1815 г. получили отмѣтки по:

Закону Божію	хорош.	52,	средн.	20,	слаб.	—
Математикѣ	„	46	„	10	„	20
Исторіи и геогр.	„	53	„	7	„	6
Естеств. ист. и физ.	„	21	„	1	„	4
Франц. языку.	„	6	„	9	„	51
Латинск. языку.	„	19	„	10	„	47
Нѣмецк. языку.	„	19	„	10	„	47
Словесности.	„	—	„	—	„	—

Изъ 97 учениковъ въ 1827 г. получили по:

Закону Божію	хорош.	36,	средн.	27,	слаб.	34
Математикѣ.	„	34	„	30		53
Исторіи и геогр.	„	23	„	34		40
Естеств. ист. и физ.	„	6	„	8		10
Франц. языку.	„	38	„	32		27
Латинск. языку		21	„	25		51
Нѣмецк. языку.		32	„	21		44
Словесности		39	„	18		40

Отъ естественной исторіи и физики ученики могли быть освобождены; но какъ видно изъ представленной здѣсь вѣдомости, это распространялось и на другіе предметы. Въ уѣздныхъ училищахъ хоро-

¹⁾ Сочиненія Грець, изд. Смирдина, 1855. III, 294.

²⁾ Владиміровъ, II, 48.

³⁾ Андріашевъ, стр. 388.

шихъ учениковъ никогда не было болѣе одной четверти общаго ихъ числа ¹⁾).

Мѣриломъ успѣховъ учениковъ служатъ также переводы ихъ изъ класса въ классъ. Въ 1810, 1812, 1820 и 1825 гг., въ 11 уѣздныхъ училищахъ изъ 2450 учениковъ было переведено 1011, а въ гимназіи изъ 320 — 168. Изъ 43 учениковъ гимназій, находившихся въ 1823 г. въ I классѣ, окончили курсъ только 8, пробывъ въ заведеніи среднимъ числомъ около шести лѣтъ, а именно 2 оставались въ ней 7 лѣтъ, 3 — 6 л. и столько же 5 лѣтъ. Чтобы пройти курсъ уѣзднаго училища, требовалось болѣе времени. Въ 1822 г. въ I классѣ одного изъ этихъ училищъ было 42 ученика; изъ нихъ 27 не перешли во II классъ, изъ остальныхъ же 14 поступили въ него: 1 черезъ 4, 1 черезъ 5, 3 черезъ 6, 2 черезъ 7, 5 черезъ 8 и 2 черезъ 9 лѣтъ ²⁾. Впрочемъ, по Харьковскому учебному округу въ 1815 г. было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: „Какъ въ гимназіи преподаются науки, которыя, открывая путь къ разнороднымъ познаніямъ и учености, полезны и необходимы для всѣхъ, готовящихся къ должностямъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія, то сочтено нужнымъ постановить правиломъ: если какой либо ученикъ, при изрядныхъ успѣхахъ въ преподаваемыхъ въ гимназіи предметахъ вообще, окажется слабымъ въ одномъ какомъ либо родѣ познаній, то такого ученика не удостоивать перевода въ высшій классъ, но и не оставлять въ томъ же классѣ, а отложить рѣшеніе до окончанія вакаціоннаго времени, по истеченіи котораго онъ долженъ подвергнуться вторичному испытанію, и тогда уже, хотя бы и за посредственные успѣхи, удостоить его повышенія“ ³⁾. Этимъ средствомъ полагали заставить учениковъ не прогуливать всего вакаціоннаго времени. Въ неприятныхъ столкновеніяхъ учителей съ начальствомъ относительно перевода учениковъ, также не было недостатка: мы имѣемъ свѣдѣнія о самовольныхъ переводахъ вопреки возраженіямъ учителей (1823), сопровождавшихся скандальными сценами ⁴⁾. Казеннокоштныхъ воспитанниковъ, оставшихся слишкомъ долго въ одномъ классѣ и тѣмъ доказавшихъ свои недостаточныя способности, было предписано въ 1813 году исключать, по поводу того обстоятельства, что одинъ ученикъ гимназіи въ теченіе почти 7 лѣтъ не могъ идти далѣе перваго класса.

Бъ этому присоединялось еще то, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ обычай сажать ученика по разнымъ пред-

¹⁾ Андрияшевъ, 390.

²⁾ Тамъ же, 392 и слѣд.

³⁾ Судомышность, Черниг. уч., стр. 42.

⁴⁾ Андрияшевъ, стр. 392.

метамъ въ разные классы. Такъ, въ Казани было слѣдующее распре-
дѣленіе: для закона Божія, исторіи и географіи существовало только
по 2 класса, для французскаго и нѣмецкаго языковъ по 3, и только
для математики, русскаго и латинскаго языковъ по 4 класса. На-
противъ того, греческій языкъ имѣлъ лишь одинъ классъ ¹⁾. Ученикъ
могъ держать экзаменъ въ университетъ только въ томъ случаѣ, если
онъ по всѣмъ предметамъ былъ одинъ годъ въ старшемъ классѣ.

Успѣхи учениковъ обусловились, конечно, способомъ препода-
ванія. Этотъ способъ преимущественно заключался въ спрашивающіи
механически выученнаго наизусть. Само собою разумѣется, что въ
столичныхъ и университетскихъ гимназіяхъ могли быть употреблены
лучшія методы, но это было лишь исключеніемъ. „По большей части
учитель вызывалъ лучшихъ учениковъ и заставлялъ ихъ спрашивать
урокъ своихъ товарищей, самъ же въ то время читалъ книгу, или
проводилъ время, ничего не дѣлая“ ²⁾. Упоминается о случаяхъ, что
учитель открыто порицалъ учениковъ, если они отвѣчали урокъ не
по книгѣ, а собственными словами ³⁾. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ
въ 1806 г. визитаторами по Харьковскому учебному округу, видно,
что „въ большей части училищъ учителя стараются только о томъ,
чтобъ ученики выучивали наизусть, не заботясь о томъ, понимаютъ-
ли они то, что учатъ, отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые
визитаторами ученикамъ, съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ-ли то,
что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе,
что они точно то не понимаютъ; напримѣръ: на вопросъ ученику,
что разумѣть онъ подъ словомъ церковь, и о деревянной-ли гово-
рится здѣсь церкви, или о каменной, отвѣчаютъ, что здѣсь разу-
мѣется каменная церковь. Или когда отвѣчаютъ, что рай былъ въ
Азіи, на вопросъ: что есть Азія? отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ,
что Азія есть растеніе, а въ другихъ, что Азія есть страна; на во-
просъ же, какая страна — правая или лѣвая, отвѣчаютъ — лѣвая. По-
чему и предписываетъ Комитетъ внушить учителямъ, что знаніе уче-
ника состоитъ не въ знаніи наизусть словъ, но въ понятіи идей,
ими выражаемыхъ, и потому бы они старались, чтобы каждое слово,
о которомъ подумать можно, что ребенокъ не имѣетъ объ немъ ис-
тинной идеи, каждую связь словъ необходимо изъяснили“ ⁴⁾. „Цирку-
ляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 1810 г.“, говоритъ Воро-
новъ ⁵⁾, „долженъ былъ встрѣтить въ исполненіи своемъ неодолимыя
препятствія. Вообще чувствовался недостатокъ въ преподавателяхъ;

¹⁾ Андрияшевъ, стр. 250.

²⁾ Андрияшевъ, стр. 250.

³⁾ Тамъ же, стр. 30.

⁴⁾ Сухомлиновъ, Черниг. уч., стр. 15.

⁵⁾ I, стр. 220 слѣд.

тѣмъ труднѣе было найти способныхъ и любящихъ свое дѣло; отъ того и ученіешло болѣею частію по прежнему; рѣдкія исключенія, вездѣ бывавшія, нисколько не ослабляютъ справедливости сказаннаго. Начальники училищъ также не всегда имѣли способности, нужныя для разумнаго надзора за преподаваніемъ. Чтобы искоренить зло, необходимо было создать классъ учащихся, возвысить его значеніе въ глазахъ общества... Слова эти относятся только къ гимназіямъ и низшимъ училищамъ, а не къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ¹⁾ и т. д. Въ паставленіяхъ со стороны высшаго начальства относительно способностей преподаванія недостатка не было. Такъ, напримѣръ, училищный комитетъ при Харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что ученики повѣтовыхъ училищъ ноступаютъ въ гимназію съ весьма слабыми свѣдѣніями въ русской грамматикѣ, предписывалъ, чтобы вновь изданная (1820 г.) книга о грамматическомъ разборѣ употреблялась въ уѣздныхъ училищахъ по окончаніи изученія грамматики. Тотъ же комитетъ, замѣтивъ, что во многихъ училищахъ воспитанники не только худо пишутъ, но „не умѣютъ даже порядочно сидѣть и держать пера, ни бумага, да и правописаніе не болѣе того разумѣютъ“, рекомендовалъ приобрести начертаніе правилъ правописанія, изданное Харьковскимъ университетомъ въ 1812 году, и руководство къ чистописанію¹⁾. Въ 1811 году предложено было „преимущественно стараться о твердомъ внѣшеніи ученикамъ исторіи и географіи отечественной противъ всеобщей: избѣгать подробнѣйшаго объясненія маловажныхъ обстоятельствъ и мѣстъ, а впечатлѣвать въ память учениковъ, по соображенію съ лѣтами, одни только самыя важныя; въ геометріи не пропускать ни одной теоремы безъ доказательства; въ естественной исторіи заниматься болѣе царствомъ животныхъ, нежели ископаемымъ и прозябаемымъ, но отнюдь не оставлять и послѣднихъ безъ показанія раздѣленія ихъ на роды и виды; преподавать технологию съ выборомъ терминовъ, ближе подходящихъ къ мѣстному занятію жителей и къ состоянію учениковъ; занимать дѣтей болѣе тѣми предметами, кои, по образу жизни и по состоянію родителей ихъ, имъ свойственнѣе и нужнѣе; при обученіи дѣлать имъ вопросы самымъ вѣжливымъ и ласковымъ образомъ; пріобучать ихъ при отвѣтахъ къ обращенію взоровъ на спрашивающаго, и чтобы отвѣты, по всей возможности, были сокращенны и достаточны, но отнюдь не бѣгли и отрывисты“²⁾.

Переводъ перваго изданія учебника Дюмерила „*Traité élémentaire d'histoire naturelle*“ Главнымъ Правленіемъ училищъ не былъ одобренъ, „такъ какъ книга состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, а это

¹⁾ Сухомятиновъ, Черниг. уч., стр. 15.

²⁾ Сухомятиновъ, Яросл. уч., 130.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Совѣтъ одного священника сбавить цѣны на мои сочиненія, съ цѣлю способствовать ихъ распространенію и сдѣлать ихъ общедоступнѣе,—побуждаетъ меня на это рѣшиться весьма охотно.

Для всѣхъ *священно и церковно-служителей*, и также для *всѣхъ учителей и учительницъ народныхъ и сельскихъ училищъ*, и также для всѣхъ учителей и учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній в . Россіи, исключительно и непосредственно обращающихся ко мнѣ (С.-Петербургъ, Надеждинская 39. Кн. В. П. Мещерскій), — я готовъ посылать мои сочиненія, на свой счетъ, по слѣдующимъ значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

1) **ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА.** 1-й томъ „Нигилисты“ (въ продажѣ 2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 2-й томъ. „Деньги“ (2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 3-й томъ. „Въ царствѣ Венеры (тоже)—1 р. 20 к.

2) **ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ.** Большой романъ, въ четырехъ книгахъ, изъ Петербургскаго большаго свѣта, Губернскаго міра и изъ быта духовенства, съ указаніемъ опасностей отъ нынѣшнихъ пропагандистовъ (въ продажѣ 5 р. съ перес.)—2 р. 50 к.

3) **ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.** Рядъ разнообразныхъ, но къ сожалѣнію исторически вѣрныхъ эпизодовъ (въ продажѣ 1 р. 70 к. съ перес.)—1 р.

4) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 1-й томъ.

5) **РЪЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 2-й томъ (въ продажѣ по 2 р. 20 к. томъ)—1 р. 20 к.

6) **ПРАВДА О СЕРБІИ** (въ продажѣ 2 р. 30 к.)—1 р. 20 к.

Независимо отъ этого, тѣ священники или учителя, которые желали бы у себя устроить маленькіе склады нѣсколькихъ экземпляровъ моихъ книгъ, съ тѣмъ чтобы ихъ распродавать въ теченіе года, съ обязательствомъ не разомъ платить, а по истеченіи года, благоволилъ прислать въ точности *свой адресъ*, обозначеніе *заказѣй* книгъ, количества экземпляровъ, *срука уплати и деньги за одинъ экземпляръ* *выписываемаго сочиненія*.

Князь Владиміръ Мещерскій.

4-го ЮЛЯ вышла и разослана подписчикамъ VII-я, ЮЛЬСКАЯ,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Новѣсты цесаревича Павла Петровича, 1768—1776 гг.—II. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, 1779—1831 гг., историко-біографич. очеркъ.—III. Посольство Ермолова въ Персію.—IV. Воспоминаніе М. И. Богдановича о баронѣ Н. В. Медемъ.—V. Воспоминанія Т. П. Пассенъ.—VI. Разказы А. А. Панаева о кн. Меншиковѣ и Севастополѣ. Приложеніе: Портретъ Ивана Алексѣевича Яковлева, гравировалъ Академикъ Л. А. Стрѣловъ.

12 книгъ «Русской Старины» 1877 г. съ портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

 Гг. иногородные подписчики высылаютъ свои требованія въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская ул., д. № 42.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургъ, на Невскій пр., магазинъ Мамонтова, д. № 46,—въ Москвѣ, въ книжные магазины: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

**Употребленіе паратаксиса въ Теренціевыхъ
комедіяхъ.**

К. Тресса.

Архитъ Тарентскій, его жизнь и сочиненія. М. Смоленскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

**Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе).**

Е. Шмид.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-я. юля)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей. съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей нятьдесять копѣекъ. съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ нять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятьдесятъ копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маріинскихъ мостами. д. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета
Г. министра народнаго просвѣщенія
за 1875 годъ.

Правительственныя распоряженія.

О запискѣ Готскаго топарха П. Бутачкова.

Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ на-
писанія Ю. Анненкова.

Новый взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“. А. Веселовскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе П. Стрем-
лера . . . И. Бодуэнъ-де-Куртене.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнзя Помпея полко-
водцемъ. Объяснилъ Августъ Гофманъ . И. Помяловскаго.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румяндел-
скаго музеевъ за 1873—1875 года

Стереометрическая таблица Боллерже .

Наша педагогическая литература .

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) среднія учебныя заведенія,
в) низшія училища .

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1876 году

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСН.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Катерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1875 ГОДЪ.

І. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1) Высшія учебныя заведенія.

А. Университеты.

Въ 8-ми университетахъ Имперіи, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ, Св. Владиміра, Новороссійскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ, къ 1 января 1876 года состояло всего преподавателей—600: *штатныхъ*—523 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—262, экстраординарныхъ—73, доцентовъ съ прозекторами—134, преподавателей—6, помощниковъ—13, лекторовъ—30), и *сверхштатныхъ*—77 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—4, преподавателей—17, помощниковъ прозектора—1, приватъ-доцентовъ—47).

Сравнительно съ предшествовавшими годами число университетскихъ преподавателей постоянно увеличивается (такъ, напримѣръ, въ 1873 году было ихъ 569, а въ 1874 — 586) Этотъ удовлетворительный результатъ объясняется тѣми усиленными мѣрами, которыя съ Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества были принимаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія для замѣщенія университетскихъ каедръ, а именно оставленіемъ при университетахъ лучшихъ кандидатовъ для того, чтобы они готовились къ профессорскому званію, зачетомъ имъ въ дѣйствительную службу известнаго числа лѣтъ, проведеннаго ими при университетахъ по окончаніи курса, и распоряженіемъ, чтобы означенные молодые люди, которымъ выдавались стипендіи изъ суммъ министерства, обязательно вслуживали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двухлѣтній срокъ за часть сѣси, отд. 1.

каждый годъ полученія стипендіи. Тою же заботливостію объ увеличенія научныхъ силъ нашихъ университетовъ вызвана была одна мѣра, состоявшаяся въ отчетномъ году: Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, послѣдовавшимъ 25 октября 1875 года, предоставлено мнѣ право учреждать во всѣхъ университетахъ, по мѣрѣ надобности, должности сверхштатныхъ ассистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, какія предоставлены штатнымъ должностямъ, а ассистентамъ — правъ, присвоенныхъ лаборантамъ.

Благодаря тѣмъ средствамъ, которыя изъ различныхъ источниковъ расходуются на стипендіи молодымъ людямъ, оставляемымъ при университетахъ для подготовленія къ магистерскому экзамену и къ занятію кафедръ, университеты могли до сего времени въ достаточныхъ размѣрахъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ. Въ истекшемъ году число подобныхъ стипендіатовъ простиралось до 91: изъ этого числа 12 находились за границею, а именно: отъ С.-Петербургскаго университета 3, отъ Московскаго—7, отъ Казанскаго—1 и отъ Дерптскаго—1. По спеціальности изучаемыхъ всѣми этими стипендіатами предметовъ было: филологовъ—27, юристовъ—31, физико-математиковъ—22, медиковъ—8 и восточныхъ филологовъ—3. Стипендіаты, подготовляющіеся такимъ образомъ къ ученой дѣятельности, по окончаніи назначеннаго имъ срока, увеличиваютъ собою число приватъ-доцентовъ, которое въ истекшемъ году возросло до 47, то-есть, на 7 человекъ болѣе сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Необходимо упомянуть при этомъ, что въ теченіе 1875 года 58 молодыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ многіе изъ приватъ-доцентовъ и лицъ, приготовляющихся къ профессорскимъ должностямъ, удостоены были высшихъ ученыхъ степеней: доктора по медицинскому факультету—21, по прочимъ факультетамъ — 15 и магистра — 22 по всѣмъ факультетамъ, кромя медицинскаго.

Важнѣйшія перемѣны относительно преподаванія разныхъ предметовъ состояли въ слѣдующемъ: въ Харьковскомъ университетѣ введено преподаваніе психологіи въ общіе курсы, а исторія философіи сдѣлана обязательною для всѣхъ трехъ спеціальныхъ разрядовъ въ томъ же факультетѣ; въ физико-математическомъ факультетѣ, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ, присоединены къ числу предметовъ въ этомъ отдѣленіи ботаника и зоологія, какъ предметы дополнительные. Въ университетѣ Св. Владиміра, въ физико-математиче-

скомъ факультетѣ, найдено было возможнымъ отдѣлить теоретическую физику отъ общей кафедры физики и поручить изложеніе ея особому преподавателю. Въ университетѣ Новороссійскомъ, на историко-филологическомъ факультетѣ его, порядокъ преподаванія по кафедрахъ теоріи и исторіи искусствъ измѣненъ, съ моего разрѣшенія, въ томъ смыслѣ, что предметы, входящіе въ составъ этого курса, раздѣлены на общіе и спеціальныя,—общіе для студентовъ I-го и спеціальныя для студентовъ III-го и IV-го курсовъ какъ классическаго, такъ и историческаго отдѣленій. Въ университетѣ Варшавскомъ опытная физика и физика математическая въ прежнее время излагаемы были студентамъ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, что представляло значительныя неудобства; ибо предметы эти представляютъ двѣ совершенно самостоятельныя спеціальности, по каждой изъ нихъ имѣются особые руководства и для каждой существуетъ особая литература; кромѣ того преподаваніе математической физики требуетъ занятій чисто теоретическихъ, кабинетныхъ, а опытной—требуетъ искусства въ демонстраціяхъ, практическихъ занятій съ инструментами въ лабораторіи. Означенныя неудобства устранены тѣмъ, что въ 1875 году изложеніе опытной физики поручено было вновь приглашенному Варшавскимъ университетомъ особому преподавателю. Другихъ значительныхъ измѣненій относительно раздѣленія факультетовъ на отдѣленія, а также соединенія и раздѣленія кафедръ или замѣны ихъ не произошло.

Ученая дѣятельность профессоровъ въ истекшемъ году выражалась въ чтеніи университетскихъ лекцій и другихъ разнообразныхъ занятіяхъ по исполненію ихъ обязанностей, въ ученыхъ трудахъ, которые они выпускали въ свѣтъ отдѣльными книгами или печатали въ періодическихъ изданіяхъ, въ публичныхъ лекціяхъ, прочитанныхъ нѣкоторыми изъ нихъ и т. п. Командировокъ за границу и внутри Россіи было 43. Нѣкоторые изъ профессоровъ состояли членами учрежденной при Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ комисіи для устройства Парижской географической выставки и участвовали на происходившемъ въ Парижѣ международномъ географическомъ конгрессѣ. Возвратившійся изъ двухлѣтней командировки экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета г. Минаевъ достигъ во время этой поѣздки весьма полезныхъ результатовъ. Онъ началъ свое путешествіе съ острова Цейлона и въ продолженіе семи мѣсяцевъ успѣлъ объѣхать весь этотъ островъ. Главною его задачею былъ осмотръ буддійскихъ монастырскихъ би-

бліотекъ и наглядное знакомство съ архитектурными памятниками, во множествѣ разсѣянными по Цейлону. Встрѣчая въ монастыряхъ радужный пріемъ и содѣйствіе, онъ могъ осмотрѣть важнѣйшія книгохранилища, а также пріобрѣсти списки любопытныхъ и въ Европѣ неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ. Ту же археологическо-литературную цѣль преслѣдовалъ г. Минаевъ и во время путешествія своего по Сѣверной Индіи. Онъ объѣхалъ часть Бенгальскаго президентства, главнымъ образомъ Бихаръ, Непальскую долину, древне-аудское царство, Камаонъ, Гарвалъ, Пенджабъ и Ражпутану. Въ Непалѣ, особенно же въ посѣщенныхъ имъ британскихъ владѣніяхъ, онъ старался сходиться съ народомъ для ознакомленія съ мѣстнымъ говоромъ и устною литературою. Не смотря на крайнюю подозрительность независимаго непальскаго правительства, ему удалось найти въ этой странѣ очень древнюю хронику Непальскаго царства, сдѣлать тамъ собраніе пѣсенъ и другихъ памятниковъ, какъ для изученія языка, такъ и мѣстнаго буддизма. Въ Пенджабѣ и Ражпутанѣ г. Минаевъ, по недостатку времени, обратилъ особенное вниманіе на ознакомленіе съ любопытною сектою жайновъ, владѣющею громадною и очень древнею литературою.

Различныя ученые общества, существующія при университетахъ, продолжали въ истекшемъ году свою полезную дѣятельность. С.-Петербургское общество естествоиспытателей, число членовъ коего возросло до 222, устроило и въ истекшемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣсколько экскурсій: по его порученію г. Гриммъ занимался изслѣдованіемъ фауны Балтійскаго моря, гг. Гоби и Куторга изучали флору нѣкоторыхъ уѣздовъ Новгородской губерніи, а г. Слупскій — геологическое строеніе южнаго берега Онежскаго озера. Обширныя коллекціи, собранныя этими изслѣдователями, поступили въ соотвѣтствующіе кабинеты С.-Петербургскаго университета. Упомянутое общество вознамѣрилось также снарядить дополнительныя экспедиціи для изученія Каспійскаго моря, на каковой предметъ Вашему Императорскому Величеству, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго моего доклада, благоугодно было соизволить на отпускъ ему 3.000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства. Общество испытателей природы, существующее при Харьковскомъ университетѣ, дало необходимыя средства одному изъ своихъ членовъ, профессору Леваковскому для изслѣдованій строенія Донецкаго края. Изслѣдованіемъ этимъ занимались уже многіе ученые и въ томъ числѣ членъ названнаго сейчасъ общества, г. Гелеръ, который, не щадя трудовъ и издержекъ,

произвелъ подробную инструментальную съемку значительной площади и изъ всѣхъ горизонтовъ составилъ замѣчательную коллекцію окаменѣлостей, для добыванія коихъ онъ закладывалъ ломки. Эта коллекція составляетъ драгоцѣнность геологическаго кабинета Харьковскаго университета и нѣтъ сомнѣнія, что она обогатится еще болѣе вслѣдствіе совмѣстныхъ трудовъ гг. Гелера и Леваковского. Остальныя общества, какъ естествоиспытателей, такъ и по другимъ спеціальностямъ, устраивали различныя ученныя экскурсіи, занимались обсужденіемъ трудовъ своихъ членовъ и печатали эти труды вполнѣ или въ извлеченіи.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университетовъ, независимо отъ пополненія ихъ изъ суммъ, назначенныхъ по штатамъ, получили въ теченіе 1875 года слѣдующія, наиболѣе важныя приращенія. Зоологическій и агрономическій кабинеты С.-Петербургскаго университета значительнополнились нѣсколькими любопытными коллекціями, принесенными въ даръ и пріобрѣтенными на его средства. Въ бібліотеку Варшавскаго университета поступило драгоцѣнное собраніе книгъ и рукописей юридическаго содержанія, пріобрѣтенное у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Губе: книги относятся къ исторіи права славянскаго (преимущественно чешскаго), французскаго и германскаго, а рукописи заключаютъ въ себѣ описаніе юридическихъ понятій и обычаевъ сибирскихъ инородцевъ. Эти замѣчательныя сборники были составлены въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія по распоряженію правительства и съ учрежденіемъ II-го отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи поступили къ началу ея, графу М. М. Сперанскому, для того, чтобы, на ряду съ составленіемъ вообще свода мѣстныхъ законовъ Имперіи, изготovitъ также сводъ и для сибирскихъ инородцевъ. Впослѣдствіи означенные сборники затерялись, но состоявшій въ то время при II отдѣленіи г. Губе имѣлъ возможность рассмотреть ихъ и распорядился сдѣлать съ нихъ копіи, которыя, будучи нынѣ единственнымъ экземпляромъ столь любопытныхъ документовъ, поступили въ бібліотеку Варшавскаго университета. Означенная бібліотека получила нынѣ полное свое устройство, ибо занятія по пріему и описи ея книгъ были совершенно окончены въ истекшемъ году.

Между различными улучшеніями, которымъ подверглись учебно-вспомогательныя учрежденія нашихъ университетовъ въ 1875 году, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что дѣятельность астрономической обсерваторіи Московскаго университета была расширена введеніемъ въ

кругъ ея постояннаго фотографированія солнца и постоянныхъ же фотометрическихъ изслѣдованій надъ звѣздами. Для перваго рода работъ былъ установленъ гелиографъ Дальмейера и заведена фотографическая лабораторія. Такимъ образомъ, съ присоединеніемъ фотографическихъ и фотометрическихъ наблюденій къ постоянно продолжающимся въ обсерваторіи спектральнымъ наблюденіямъ, устроилась при астрономической обсерваторіи Московскаго университета довольно полная обсерваторія астрофизическая. Обширная библіотека С.-Петербургскаго университета помѣщалась до сего времени весьма дурно, не имѣла въ достаточномъ количествѣ ни шкафовъ, ни вообще необходимой для нея мебели; на устройство особаго для нея помѣщенія, Высочайше утвержденнымъ 25-го октября истекшаго года мѣстнымъ государственнымъ совѣтомъ ассигновано было 30.000 руб., но работы по сему предмету должны быть произведены уже въ текущемъ году. Послѣ того, какъ физическій кабинетъ и кабинетъ физическо-географіи того же университета получили надлежащее устройство въ зданіи *Jeu de roque*, приступлено было къ отдѣлкѣ кабинетовъ минералогическаго и геологическаго, для чего усилено водоснабженіе, газопроводъ и вообще приведено въ лучшій видъ все устройство и приспособленіе этихъ кабинетовъ; для перваго изъ нихъ, то-есть, для кабинета минералогическаго, приобретена была, между прочимъ, на сумму 2.400 руб., ассигнованную изъ государственнаго казначейства по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, отъ наслѣдниковъ горнаго инженера Романовскаго коллекція, состоящая изъ минераловъ русскихъ мѣсторожденій, преимущественно уральскихъ. Въ университетѣ св. Владиміра также по возможности были разширены нѣкоторые изъ принадлежащихъ ему кабинетовъ, лабораторій и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: окончена была постройка зданія для лабораторій общей патологіи на сумму 3.986 руб.; въ ботаническомъ саду перестроены оранжереи, приступлено было къ новому расположенію ботаническихъ партеровъ и заложенъ образцовый арборетъ; зоологическая и зоотомическая лабораторіи, перенесенныя въ новое зданіе, были окончательно организованы. Въ университетѣ Дерптскомъ начатая въ 1874 году постройка лазаретнаго барака при хирургической клиникѣ была приведена къ концу и поступила въ употребленіе; кромѣ того число научныхъ учрежденій сего университета увеличилось еще однимъ, а именно метеорологическою обсерваторіею, на которую Высочайше утвержденнымъ мѣстнымъ государственнымъ совѣтомъ ассигновано съ

ОТЧЕТЪ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1875 ГОДЪ. 191

1-го января 1875 года 2.000 руб. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что изъ кредита въ 55.000 руб., предоставленнаго въ 1873 году Варшавскому университету для устройства учебно- вспомо гательныхъ его учреждений, была израсходована въ истекшемъ году остальная часть этой суммы въ количествѣ 18.241 руб. и что упомянутыя учрежденія приведены нынѣ, по возможности, въ надлежащій порядокъ какъ по вѣншнему своему виду, такъ и по внутреннему устройству.

Общее число учащихся во всѣхъ 8 университетахъ составляло къ 1-му января 1876 года 5.907 чел., въ томъ числѣ студентовъ 5.596 и постороннихъ слушателей 311. По факультетамъ студенты распре дѣлялись слѣдующимъ образомъ: на медицинскомъ — 2.180, на юри дическомъ — 1.686, на математическомъ — 1.006, на историко-филоло гическомъ — 589, на богословскомъ — 91 и на факультетѣ восточныхъ языковъ — 44. Цифры эти представляются весьма утѣшительными по сравненію ихъ съ цифрами за предшествовавшіе годы: начиная съ 1871 года, въ теченіе четырехъ лѣтъ, общее число студентовъ по степенно уменьшалось въ слѣдующемъ количествѣ:

къ 1-му января 1872 г. было студентовъ	6.778
1873 „	6.115
1874 „	5.689
1875 „	5.368

Причина этого явленія объясняется единственно тѣмъ, что по случаю введенія новой гимназической реформы число оканчивавшихъ полный гимназическій курсъ не могло быть на первыхъ порахъ столь значительно какъ прежде, но уже неоднократно въ предшествовав шихъ всеподданнѣйшихъ моихъ отчетахъ я упоминалъ, что это явле ніе лишь временное и что оно неминуемо должно измѣниться, какъ скоро гимназіи наши будутъ все тверже устанавливаться на новыхъ основаніяхъ. Весьма осязательный переворотъ въ этомъ отношеніи наступилъ въ истекшемъ году. Дѣйствительно, обративъ вниманіе на приведенныя выше цифры за четыре года, легко убѣдиться, что хотя число студентовъ и уменьшалось, но съ каждымъ годомъ все въ ме нѣе значительныхъ размѣрахъ, а именно къ 1-му января 1873 года было ихъ на 664 менѣе противъ 1872 года, къ 1 января 1874 года число это понизилось до 326, а къ 1 января 1875 года до 322. За тѣмъ, въ отчетномъ году это постепенное уменьшеніе не только пре кращается, но сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число студентовъ возрастаетъ на 228. Все это даетъ основаніе утверждать,

что наши гимназіи, послѣ совершившагося въ нихъ преобразованія, окончательно выступили на тотъ путь, слѣдуя по которому онѣ будутъ доставлять обильное количество молодыхъ людей для высшихъ учебныхъ заведеній и что приливъ учащихся къ университетамъ, послѣ кратковременнаго зстоя, долженъ теперь постепенно возрастать съ каждымъ годомъ.

Средствомъ для поощренія студентовъ къ занятіямъ служили репетиціи, испытанія переводныя и выпускныя и особыя практическія упражненія виѣ лекцій, происходившія подъ руководствомъ профессоровъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были мною изложены во всеподданпѣйшихъ отчетахъ моихъ за прежніе годы. Студентовъ, удостоенныхъ медалями за сочиненія, которыя были представлены ими на заданныя въ различныхъ факультетахъ темы, было 43, въ томъ числѣ 27 изъ нихъ получили золотыя медалы, а 16 — серебряныя. Число молодыхъ людей, выбывшихъ изъ всѣхъ 8 университетовъ по окончаніи курса, было 1.216, что составляло 22% общаго числа студентовъ, а выбывшихъ, по различнымъ причинамъ, до окончанія курса 666 или около 12%. Наиболѣе поощрительною мѣрою служило облегченіе матеріальнаго положенія студентовъ освобожденіемъ недостаточныхъ изъ нихъ и заслуживающихъ того по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію отъ платы за слушаніе лекцій и выдача имъ единовременныхъ пособій, а также стипендій. Въ 1875 году вовсе освобождены были отъ платы 1.888 и кромѣ того значительному количеству студентовъ плата была уменьшена; стипендіями пользовались 1.561 человекъ на сумму 342.845 руб., не говоря здѣсь о денежномъ пособіи, которое выдапо было многимъ въ различномъ размѣрѣ.

Значительнѣйшія изъ пожертвованій въ пользу университетовъ были въ истекшемъ году слѣдующія:

Служащіе по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, проникнутые чувствомъ высокаго уваженія и искренней признательности къ бывшему товарищу министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику статсъ-секретарю II. Д. Делянову, принимавшему близкое и благотворное участіе въ дѣлахъ сего вѣдомства, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ 18.876 р. 93 коп., для учрежденія, изъ процентовъ сего капитала, стипендій его имени. По ходатайству г. Делянова, съ Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества, учреждены были три стипендіи, изъ коихъ одна, въ 290 р., для историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

Кромѣ того С.-Петербургскому университету были пожертвованы съ тою же цѣлю учрежденія стипендій: вдовою генераль-маіора баронессою Штейнверъ — 3.600 руб., генераль-адъютантомъ барономъ В. К. Ливеномъ — 4000 р., вдовою статскаго совѣтника Макина, по духовному ея завѣщанію, 6.000 р., генераль-лейтенантомъ Максимовичемъ, по духовному его завѣщанію, 19.707 р. 53 к. и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. Переславскимъ, также по духовному завѣщанію, 13.000 р.

Московскому университету на учрежденіе стипендій: имени кн. Мещерскаго—2.800 р., Хруцова—6.000 р., кн. Долгорукова—10.000 рублей, Щепкина—2.000 руб., Хомякова и Аксакова по 6.000 р., затѣмъ на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ въ память покойнаго А. Н. Никифорова—5.000 р., и не столь значительныхъ пожертвованій съ тою же цѣлю поступило на сумму 5.226 руб.

Въ университетѣ св. Владиміра пожертвовано по духовному завѣщанію Шевича на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала стипендіи его имени 6.000 руб.

Въ Харьковскомъ университетѣ на учрежденіе стипендій: вдовою статскаго совѣтника Быковскаго—100.000 р., гг. Синельниковыми—6.000 руб., дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вернадскимъ—5.000 руб. и купцомъ Болотовымъ—3.000 руб.

Въ Новороссійскомъ университетѣ, съ тою же цѣлью: землевладельцемъ г. Криворотовымъ — 5.000 р. и лицами, служившими при сооруженіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги, собранный ими капиталъ въ количествѣ 6.056 р. 92 к.

Затѣмъ Варшавскому университету, кромѣ различныхъ вещей, принесенныхъ въ даръ его кабинетамъ и изъ коихъ наиболѣе важны поступившія въ зоологическій его кабинетъ на сумму болѣе 3.500 руб., пожертвовано было для учрежденія стипендіи 1.500 р.

Изъ исчисленныхъ здѣсь пожертвованій видно, что сумма ихъ въ истекшемъ году простиралась болѣе чѣмъ на 220.000 р.—явное доказательство того, съ какими надеждами и сочувствіемъ относится общество къ нашимъ университетамъ. Тѣмъ болѣе министерство народнаго просвѣщенія обязано заботиться о томъ, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали своему высокому предназначенію. Если правительство старается различными мѣрами поощрять ихъ дѣятельность, если общество является на помощь матеріальнымъ нуждамъ получающихъ въ нихъ образованіе молодыхъ людей, если вообще создана теперь для нихъ гораздо болѣе благоприятная обстановка чѣмъ въ прежнее

время, то не слѣдуетъ забывать, что существуютъ теперь такія требованія, для удовлетворенія коихъ долженъ быть значительно поднятъ въ нихъ уровень науки и усилены занятія студентовъ. Вопросъ этотъ данно уже занимаетъ министерство народнаго просвѣщенія, а въ послѣднее время по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества назначена была особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Делянова, на которую возложена обязанность подвергнуть пересмотру университетскій уставъ 1863 года, съ цѣлью измѣнить его положенія, обнаружившія въ чемъ-либо свою несостоятельность. Означенная коммисія приступила къ исполненію своей задачи въ истекшемъ году: считая необходимымъ предварительно ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ состояніемъ университетовъ, предсѣдатель ея, въ сопровожденіи пяти членовъ, посѣтилъ минувшею осенью всѣ университеты, внимательно осматривалъ ихъ, вникалъ въ ходъ преподаванія и выслушивалъ мнѣнія самихъ профессоровъ относительно предстоящихъ преобразованій. Такимъ образомъ собранъ былъ обильный и любопытный матеріалъ, которымъ коммисія должна воспользоваться при дальнѣйшихъ своихъ работахъ, но отчетъ о нихъ относится уже къ текущему году.

В. Институты: а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій; б) историко-филологическій князя Безбородко; в) Лазаревскій восточныхъ языковъ (спеціальныя классы) и г) Демидовскій юридическій лицей.

а) *Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ*, имѣя программу, соответствующую университетской программѣ историко-филологическихъ факультетовъ, отличается отъ нихъ тѣмъ, что чтеніе въ немъ лекцій болѣе примѣнено къ будущему спеціальному назначенію студентовъ служить преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; кромѣ приобрѣтенія теоретическихъ знаній по предметамъ историко-филологическимъ студенты знакомятся здѣсь также съ педагогикою и упражняются, подъ руководствомъ наставниковъ гимназій, состоящей при институтѣ, въ учительской практикѣ.

Въ первомъ и второмъ курсахъ студенты слушаютъ вмѣстѣ всѣ обязательныя для нихъ предметы, а съ третьяго начинается раздѣ-

леніе ихъ на спеціальныя отдѣленія. И въ 1875 году, какъ въ предшествовавшемъ, существовали только два отдѣленія—древнихъ языковъ и русскаго языка и словесности, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя были изложены во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ за минувшій годъ. Занятія молодыхъ людей происходили обычнымъ порядкомъ, причѣмъ было обращено вниманіе, чтобы, приобрѣтая основательныя свѣдѣнія въ древней филологіи, русскомъ языкѣ и словесности, они успѣшнѣе чѣмъ прежде познакомились также съ языками новыми, именно: съ французскимъ и нѣмецкимъ: еще въ 1874 году установлены были для достиженія этой цѣли различныя мѣры, а въ 1875 году онѣ были пополнены новыми правилами объ экзаменахъ изъ означенныхъ языковъ.

Тѣ изъ воспитанниковъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ оканчиваютъ въ институтѣ курсъ наукъ, командируются за границу для усовершенствованія своего въ древнихъ языкахъ; они представляютъ подробныя донесенія о своихъ занятіяхъ конференціи института, которая разсматриваетъ ихъ труды и сообщаетъ имъ свои замѣчанія и совѣты. Въ отчетномъ году, по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, конференція ходатайствовала объ отправленіи въ Лейпцигъ, въ находящуюся при тамошнемъ университетѣ филологическую семинарію, студента *Павла Адрианова*.

Опытъ обнаружилъ, что бывшіе студенты, получающіе такую подготовку, приобрѣтаютъ весьма солидныя свѣдѣнія и могутъ съ честью заниматься преподаваніемъ даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чтобы дать имъ возможность доказать вполнѣ свои способности въ этомъ отношеніи, мною утверждено было предположеніе конференціи института о томъ, чтобы, по возвращеніи своемъ изъ заграничной командировки молодые люди, о коихъ идетъ рѣчь, читали пробныя лекціи. Это нововведеніе привело къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ. Въ истекшемъ году одному изъ нихъ г. Колесникову, по прочтеніи имъ пробной лекціи, поручено было преподаваніе римскихъ древностей въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, а другой—г. Никитинъ, выдержавшій въ С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра древней филологіи, былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Нѣжинскомъ институтѣ князя Безбородко.

Практическія занятія студентовъ въ гимназій при институтѣ,—въ которой открыто было въ 1875 году низшее отдѣленіе VII класса,—состояли, какъ и прежде, въ присутствіи на урокахъ, даваемыхъ

наставниками, руководителями, въ личномъ преподаваніи уроковъ подъ наблюдениемъ наставниковъ и въ посѣщеніи вечернихъ бесѣдъ, происходившихъ разъ въ недѣлю. Предметомъ этихъ бесѣдъ было: ознакомленіе студентовъ съ учительскими обязанностями, обсужденіе различныхъ педагогическихъ вопросовъ, разборъ преподаваемыхъ студентами уроковъ, а также разсмотрѣніе новыхъ или уже вошедшихъ въ употребленіе руководствъ относительно примѣнимости ихъ къ учебной практикѣ.

Въ теченіе 1874 года вновь поступило въ институтъ 24, а всѣхъ желавшихъ поступить было 58. Общее число студентовъ простиралось до 118. Изъ окончившихъ курсъ были назначены: 13—учителями древнихъ языковъ; 3—русскаго языка; 4—русскаго и древнихъ языковъ.

Библіотеска института пополнялась въ теченіе года покупкою книгъ по предложеніямъ членовъ конференцій, присылкою казенныхъ изданій и приношеніями нѣкоторыхъ ученыхъ; всего находилось въ ней въ 1875 году, не считая учебниковъ, 6.640 нумеровъ въ 12.940 экземплярахъ; для чтенія было выдано 1.314 сочиненій.

б) *Историко-филологическій институтъ князя Безбородко* преобразованъ изъ существовавшаго въ Нѣжинѣ лицея князя Безбородко, на основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го ноября 1874 года мѣстнаго государственнаго совѣта. Уставъ для него удостоился Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества въ апрѣлѣ мѣсяцѣ истекшаго года, а 14-го сентября того же года происходило торжественное его открытіе. Такимъ образомъ въ настоящемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моему я не могу говорить подробно объ его дѣятельности, ибо дѣятельность эта продолжалась немного болѣе трехъ мѣсяцевъ, и долженъ остановиться преимущественно на тѣхъ мѣраxъ, которыя были приняты съ самаго начала, чтобы поставить озпаченное учебное заведеніе въ наиболѣе благоприятныя для него условія.

Мѣры эти касались одинаково устройства помѣщенія, пріисканія преподавателей, пополненія бібліотеки и т. д. Институтъ помѣщается въ томъ же зданіи, гдѣ находится гимназія, и кромѣ того бывшій лицей еще не совершенно упраздненъ, ибо студентамъ послѣдняго его курса предоставлено право окончить ученіе на основаніи прежняго устава 1840 года: необходимо было, слѣдовательно, приспособить зданіе такимъ образомъ, чтобы всѣ эти учебныя заведенія нисколько не стѣсняли одно другое, при чемъ въ зданіи, давно уже не ремон-

тированномъ основательно по недостатку средствъ, требовались значительныя передѣлки. Все это было исполнено ко дню открытія института въ сентябрѣ истекшаго года. Въ виду того, что въ теченіе дальнѣйшихъ трехъ лѣтъ долженъ образоваться полный комплектъ студентовъ, оказалось необходимымъ расширить помѣщеніе института, а именно предполагается построить въ зданіи новыя, третій этажъ, для чего уже ассигновано изъ государственнаго казначейства 50.590 руб.

Изъ учебныхъ пособій, необходимыхъ для института, особое вниманіе обратила на себя бібліотека. Прежняя лицейская бібліотека состояла болѣе чѣмъ изъ 13.000 томовъ, но по тщательномъ ея рассмотрѣніи оказалось, что многого и существенно важнаго въ ней недостаетъ, а на ряду съ этимъ находятся сочиненія, не имѣющія никакой цѣны, такъ что можно было отобрать только 4,034 сочиненія, болѣе или менѣе полезныя для института. Недостатокъ съ этой стороны былъ устраненъ тѣмъ, что для историко-филологическаго института князя Безбородко приобрѣтена бібліотека покойнаго директора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, Штейнмана, заключающая въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древностямъ и міеологii. Кроме того, по распоряженію моему, обращены были для пополненія той же бібліотеки различныя дублиеты бывшей Варшавской городской, а нынѣ тамошней университетской бібліотеки, относящіяся преимущественно къ отдѣламъ богословскому, историческому и литературному. Наконецъ небольшой по размѣру, но цѣнный по своему достоинству вкладъ въ институтскую бібліотеку сдѣланъ былъ Нѣжинскимъ греческимъ училищемъ, которому предстоитъ преобразование въ женскую гимназію. Хотя бібліотека института и въ настоящее время все еще недостаточно приспособлена къ его цѣлямъ и потребностямъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что она можетъ служить солидною основой для будущихъ приращеній.

Наиболѣе важная задача заключалась въ образованіи состава исполнѣ надежныхъ преподавателей, но и она была выполнена весьма удачно. По главнѣйшимъ предметамъ—русской исторіи, римской и греческой словесности, русской словесности и важнѣйшимъ славянскимъ нарѣчіямъ, всеобщей исторіи, философіи,—приглашены профессора, представляющіе достаточное ручательство, что подъ руко-

водствомъ ихъ занятія студентовъ получать вполне дѣльное направленіе.

Поданныхъ прошеній о поступленіи въ институтъ и подвергавшихся назначеннымъ испытаніямъ изъ русскаго, латинскаго и греческаго языковъ было 42; по внимательномъ разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, было принято изъ этого числа 25; кромѣ того были переведены въ историко-филологическій институтъ князя Безбородко 3 студента С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число студентовъ въ открывшемся первомъ курсѣ простиралось до 28. Студентовъ бывшаго лица, оставленныхъ на послѣднемъ курсѣ для окончанія ученья, было 23.

На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, Нѣжинская гимназія обращена въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и поставлена къ нему въ такіе же отношенія, въ какихъ находится гимназія при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ къ сему послѣднему. Въ этой гимназіи воспитанники старшихъ курсовъ института будутъ упражняться въ практическомъ преподаваніи, по кромѣ того, послѣдствіе Высочайше утвержденнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшаго моего доклада, она получаетъ еще особое назначеніе, а именно, должна служить образцовою гимназіею въ обширномъ значеніи сего слова и выпускать такихъ воспитанниковъ, которые могли бы служить вполне надежнымъ контингентомъ для укомплектованія состава студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко. Съ этою цѣлью учреждено въ четырехъ высшихъ классахъ Нѣжинской гимназіи 120 стипендій, по 30 въ каждомъ классѣ, въ размѣрѣ по 200 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ. Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возложено на обязанность учебнаго начальства предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный гимназическій курсъ и отличающимся прилежаніемъ, способностями и благоправнымъ поведеніемъ, означенныя стипендіи при Нѣжинской гимназіи, — разумѣется, съ согласія ихъ родителей. Несомнѣнно, что подобная мѣра обезпечитъ институту князя Безбородко лучшими учебными силами и дастъ ему возможность готовить

въ своихъ стѣнахъ молодыхъ людей, вполне достойныхъ того назначенія, которое ихъ ожидаетъ въ будущемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что новое высшее учебное заведеніе обладаетъ обильными задатками для успѣшнаго развитія своей дѣятельности, начало которой было положено въ истекшемъ году.

в) *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ* въ Москвѣ существуетъ съ 1815 года, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ на него, сдѣланнымъ братьями Лазаревыми. Пылѣе устроено, по которому институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: низшаго, равняющагося курсу гимназій министерства народнаго просвѣщенія, и высшаго спеціальнаго, заключающаго въ себѣ три курса и соответствующаго университетскому факультету восточныхъ языковъ, даровано ему въ 1871 году. Въ число учебныхъ предметовъ спеціальнаго отдѣленія входятъ: словесности русская, персидская, арабская и армянская; языки турецкій, татарскій, грузинскій и исторія Востока; всѣ эти предметы преподаются въ университетскомъ объемѣ и потому спеціальное отдѣленіе Лазаревскаго института можетъ значительно содѣйствовать находящемуся въ С.-Петербургѣ восточному институту министерства иностранныхъ дѣлъ и университетскому факультету восточныхъ языковъ относительно приготовленія образованныхъ оріенталистовъ, въ которыхъ у насъ оказывается такой недостатокъ для распространенія образованія на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи и вообще для службы на Востокѣ. Спеціальныя классы Лазаревскаго института теперь уже вполне организованы и въ 1875 году происходилъ второй выпускъ окончившихъ въ нихъ курсъ молодыхъ людей, число коихъ простиралось до 6-ти.

2) *Демидовскій юридическій лицей*, преобразованный въ 1870 году изъ школы, находившейся въ самомъ жалкомъ упадкѣ, поставленъ нынѣ на одинаковую степень съ юридическими факультетами университетовъ. По уставу, дарованному ему въ 1874 году, онъ имѣетъ 9 юридическихъ кафедръ, кромѣ того, кафедры богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, политической экономіи и науки финансовъ: всѣ онѣ были замѣнены въ отчетномъ году, и вакантною оставалась лишь кафедра энциклопедіи права, но и по этому предмету лекціи были читаемы безмездно директоромъ лицея. Число студентовъ къ 1-му января 1876 года простиралось до 220; объ успѣшности ихъ занятій свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что не выдержавшихъ переводныхъ испытаній на первомъ курсѣ было только 7, на второмъ 3, а на третьемъ 4. Для побужденія молодыхъ людей

къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ, положено было требовать отъ нихъ, на 2-мъ и 3-мъ курсахъ, сочиненій на темы, задаваемые профессорами, при чемъ профессора давали имъ всѣ нужныя указанія и руководили ихъ работами. Мѣра эта вообще оказалась полезною и совѣтъ лицея постановилъ удержать ее на будущее время.

Общая сумма стипендій казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, существующихъ при лицей, доходила въ истекшемъ году почти до 5.000 р.; стипендіи были распределяемы между бѣднѣйшими студентами, которые при отличномъ поведеніи оказываютъ также успѣхи въ наукахъ, но кромѣ того огромное большинство учащихся, а именно 185 изъ 220, были вовсе освобождены отъ платы за слушаніе лекцій.

Библіотека лицея получила въ прошломъ году болѣе значительное приращеніе чѣмъ въ предшествовавшіе годы, а именно въ каталогъ ея внесено 1.240 новыхъ названій въ 2.134 томахъ и 137 брошюръ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ прежними составилось 7.000 названій въ 13.918 томахъ и сверхъ того 1.337 брошюръ.

В. Ветеринарные институты: Дерптскій, Харьковскій и Казанскій.

Ветеринарные институты Дерптскій и Харьковскій руководствуются однимъ общимъ уставомъ 8-го мая 1873 года, значительно возвысившимъ эти высшія школы въ научномъ отношеніи, расширившимъ учебный ихъ курсъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ профессоровъ и усилившимъ средства ихъ содержанія. Еще съ 1874 года оба института можно считать вполне организованными по новому уставу. Что касается учебной части этихъ институтовъ, то въ Дерптскомъ заняты были всѣ кафедръ, а въ Харьковскомъ считалось 5 вакансій, но двѣ изъ нихъ были замѣщены преподавателями, приглашенными по найму, а по другимъ чтеніе лекцій распределялось между наличными профессорами, такъ что дѣло преподаванія происходило въ 1875 году безъ ущерба для заведенія. Не смотря на то, совѣтъ Харьковского ветеринарнаго института, сознавая неудобства, происходящія отъ недостатка штатныхъ преподавателей, остановился, для отстраненія его, на слѣдующей мѣрѣ: онъ призналъ справедливымъ и необходимымъ обратить вниманіе на собственныхъ своихъ слушателей и спо-

собствовать подготовленію достойнѣйшихъ изъ нихъ къ чтенію лекцій. Въ отчетномъ году изъ среды студентовъ, подвергавшихся испытаніямъ для полученія степени ветеринарнаго врача, выборъ совѣта остановился на одномъ изъ стипендіатовъ института, *Антоніи Ковалевскомъ*. Совѣтъ института предполагаетъ дѣйствовать такимъ образомъ и на будущее время, основательно надѣясь, что, выбирая ежегодно самыхъ даровитыхъ изъ оканчивающихъ курсъ и лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ молодыхъ людей, онъ достигнетъ полезныхъ результатовъ.

Въ теченіе 1875 года окончили курсъ: въ Харьковскомъ институтѣ 17 студентовъ и воспитанниковъ 2-го разряда 36; изъ нихъ званія ветеринарнаго помощника удостоены 17; въ Дерптскомъ институтѣ 6; всѣ съ званіемъ ветеринара.

Вновь поступило въ 1875 году 88 учащихся, а именно въ Дерптскій институтъ 17 и въ Харьковскій 71; къ 1-му января 1876 года состояло всѣхъ учащихся въ обоихъ институтахъ 283, а именно въ Дерптскомъ 45 и въ Харьковскомъ 238.

Прошеній отъ студентовъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, о выдачѣ пособій и принятіи въ число казенныхъ стипендіатовъ поступило въ Харьковскомъ институтѣ 53, вслѣдствіе чего были вовсе освобождены отъ платы 25, отсрочены взносы оной 5-выданы казенныя стипендіи 4 и денежное пособіе 9; въ институтѣ Дерптскомъ допущено было къ слушанію лекцій бесплатно или за уменьшенную плату 9.

Изъ профессоровъ Дерптскаго и Харьковскаго ветеринарныхъ институтовъ въ теченіе 1875 года были командированы: въ Москву, на всероссійскую выставку лошадей, Харьковскій профессоръ Полюта и Дерптскій — А. Унтербергеръ.

Ветеринарный институтъ въ Казани, учрежденный по Высочайшему повелѣнію 31-го мая 1871 года, съ присвоеніемъ ему устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ, вступилъ нынѣ лишь во второй годъ своего существованія. Въ немъ было, вслѣдствіе того, только два курса студентовъ и въ состоящей при немъ школѣ для приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ, — два класса учениковъ. Институтъ этотъ помѣщается въ наемномъ домѣ, на добавочную сумму, получаемую имъ изъ государственнаго казначейства въ количествѣ 5.000 р.; неудобства такого положенія дѣлѣ слишкомъ очевидны и въ 1875 году начальство Казанскаго учебнаго округа изыскивало способъ устранить его постройкою для института частію сего, отд. 1.

собственнаго дома, но мысль эта не могла еще быть произведена въ исполненіе, ибо изъ составленной смѣты оказалось, что для осуществленія означенной цѣли потребовалось бы не менѣе 140.000 руб.

Въ отчетномъ году, по недавности открытія Казанскаго ветеринарнаго института, не всѣ его кафедры могли быть замѣщены штатными преподавателями, а именно всѣхъ преподавательскихъ вакансій, включая сюда и должность ассистента клиники, было 6. Для чтенія нѣкоторыхъ главныхъ предметовъ приглашены были профессора медицинскаго факультета Казанскаго университета; по предметамъ второстепеннымъ студенты слушали лекціи въ самомъ университетѣ; кромѣ того, совѣтъ института, встрѣтивъ затрудненіе въ присканіи преподавателя со степенью магистра по предмету сельскаго хозяйства, ходатайствовалъ о временномъ допущеніи къ исправленію этой должности управляющаго Казанскою учебною фермою г. Свислוצкаго, на что и послѣдовало согласіе съ моей стороны.

Всѣхъ студентовъ въ институтѣ къ 1 января 1875 года было 85, а къ 1-му января 1876 года число это возросло до 111, изъ коихъ 59 находилось на первомъ, а 52 на второмъ курсахъ. Кромѣ 10 стипендіатовъ земства, получали еще стипендіи изъ суммы 3.000 р., назначенной для сего по штату, 5 студентовъ II курса и изъ той же стипендіальной суммы были выданы пособія отличнѣйшимъ по поведенію и успѣхамъ молодымъ людямъ. Прошеній объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій поступило 69; по внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, были вовсе освобождены отъ означенной платы 31; и такому же числу студентовъ (31) была дарована разсрочка.

Въ истекшемъ году командированъ былъ за границу съ ученою цѣлью экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Ланге.

Г. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Институтъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: предметы преподаванія излагаются въ трехъ годичныхъ курсахъ, изъ которыхъ первый — общій для обоихъ отдѣленій, а второй и третій — спеціальные. Въ 1874—1875 учебномъ году окончили въ институтѣ курсъ наукъ 13 человекъ, а именно по отдѣленію сельскаго хозяйства 6 и лѣсоводства 7; удостоены званія агронома 1, лѣсничаго 5 и права на

должность поддѣснаго 1. Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1876 г. состояло 92. Вслѣдствіе прошеній, поданныхъ студентами, 11 были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій, а одинъ студентъ получилъ стипендію въ 120 руб. по записи Лѣсневскаго.

Въ теченіе 1875 года были командированы: доценты Лей за границу для ознакомленія съ устройствомъ эмическихкихъ лабораторій, Армфельдтъ въ разныя губерніи Россіи для изученія состояніемъ тамошняго скотоводства, и Цихоцкій въ Варшаву для изученія устройства термосифоновъ.

Изъ важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій, относящихся до института, слѣдуетъ упомянуть о допущеніи къ приему въ студенты его молодыхъ людей, окончившихъ курсъ шести классовъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію, а также учениковъ классическихкихъ гимназій и постороннихъ лицъ, хотя не выдержавшихъ въ гимназій испытанія зрѣлости, но получившихъ свидѣтельство, установленнаго § 7 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Въ библіотекѣ института къ 1-му января 1876 года находилось 7.056 названій въ 11.061 томахъ на сумму 25.434 руб.; въ учебно-помощительныхъ учрежденій наиболѣе значительныя приращенія получили въ 1875 году: гербарій — на сумму 207 р., собраніе ветеринарныхъ инструментовъ, приборовъ и зоомическихкихъ препаратовъ — на сумму 380 руб.

Гимназіи и прогимназіи.

Въ 1875 г. число гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія увеличилось одною — въ Феллиѣ (Лифляндской губерніи), учрежденною на мѣстныхъ средства съ наименованіемъ земскою и открытою 29-го августа 1875 г. при 81 ученикѣ, изъ коихъ 51 пансіонеръ, а число прогимназій увеличилось четырьмя: по одной въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ (въ Нарвѣ), Московскомъ (въ Рыбинскѣ), Казанскомъ (въ Царицынѣ) и Одесскомъ (въ Павлоградѣ, Екатеринославской губерніи). Всѣ эти прогимназіи — четырехклассныя, и притомъ Рыбинская содержится вполне на средства города, остальные же съ болѣе или менѣе значительнымъ пособіемъ изъ городскихъ и земскихъ суммъ (въ Нарвѣ съ пособіемъ по 2,686 р. отъ города, а въ Царицынѣ съ пособіемъ по 6 т. р. отъ города и по 2 т. р. отъ уѣднаго земства). Такимъ образомъ, къ 1-му января

1876 г. число гимназій простиралось до 125, (а съ коллегіей Павла Галагана въ Кіевѣ до 126), а число прогимназій до 59, въ томъ числѣ 15 шестиклассныхъ, всего до 184 (а съ коллегіей Павла Галагана до 185).

Сверхъ того, въ теченіе 1875 г. было мною испрошено въ установленномъ порядкѣ Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе съ начала 1876—1877 учебнаго года еще одной гимназій въ Омскѣ, одной шестиклассной прогимназій въ Енисейскѣ (обѣ съ содержаніемъ на суммы государственнаго казначейства) и семи четырехъ-классныхъ прогимназій (въ Ростовѣ на Дону, Липѣ, Евпаторіи, Вознесенскѣ, Лебедяни, Алатырѣ и Сергіевскомъ посадѣ), съ пособіемъ изъ городскихъ и земскихъ суммъ въ общей сложности до 31,500 р. въ годъ и съ принятіемъ на полное содержаніе казны лишь Ростовской на Дону прогимназій во вниманіи къ значительнымъ и безъ того пожертвованіямъ этого города на дѣло народнаго образованія. Наконецъ, въ 1875 г. было Высочайше разрѣшено преобразовать съ начала новаго учебнаго года двѣ четырехъ-классныя прогимназій (въ Ооодосіи и Старобѣльскѣ) въ шестиклассныя.

13-го мая 1875 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе нѣкимъ государственнымъ совѣтъ объ измѣненіи § 2-го устава гимназій и прогимназій въ томъ смыслѣ, что въ гимназіяхъ полагается 8 классовъ вмѣсто 7-ми (не считая приготовительнаго класса) съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ, и объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства на содержаніе восьмилѣтнихъ классовъ по 150 т. въ годъ, начиная съ 1879 г., а до того времени съ 1875 г. въ определенныхъ, постепенно возрастающихъ, размѣрахъ.

О совершенной необходимости и важности значенія этой законодательной мѣры было подробно изъяснено мною въ предидущемъ всенароднѣйшемъ моемъ отчетѣ. Озабочиваясь возможно болѣе правильнымъ распредѣленіемъ вышеозначенныхъ суммъ между учебными округами и принимая во вниманіе, что уже 73 гимназій еще до того времени учредили у себя на свои собственные средства, не безъ значительнаго для себя стѣсненія, самостоятельными старшіи отдѣленія VII класса, я нашелъ цѣлесообразнымъ распредѣлить предназначеныя къ отпуску на каждый годъ суммы соразмѣрно съ числомъ гимназій, въ коихъ уже существовали самостоятельныя старшіи отдѣленія VII класса, предоставивъ самимъ окружнымъ начальствамъ распредѣлять по гимназіямъ назначенныя на округъ на содержаніе VIII класса суммы, такъ какъ окружные начальства ближе по-

вѣстныя нужды гимназій вѣреннаго имъ округа, но съ тѣмъ, чтобы:

- 1) пособія на содержаніе VIII класса оказывались лишь тѣмъ гимназіямъ, кои уже учредили этотъ классъ на собственный свой счетъ;
- 2) чтобы пособія эти были соразмѣряемы съ нуждами, средствами и характеромъ хозяйственнаго управленія каждой гимназіи, и притомъ назначались въ размѣрѣ не выше 1,350 р. на цѣлый годъ и не менѣе 256 р. въ 1875 г., 770 р.—въ 1876 г. и 1,284 р. въ 1877 г., безъ уменьшенія размѣра однажды назначеннаго пособія и 3) чтобы съ перваго января 1878 г., когда уже будетъ покрытъ расходъ по содержанію VIII класса въ тѣхъ гимназіяхъ, кои имѣли его къ 13-му мая 1875 г., пособія вновь были назначаемы тѣмъ гимназіямъ, кои откроютъ оный на свой счетъ по меньшей мѣрѣ за одно полугодіе впередъ, причемъ предпочтеніе должно быть отдаваемо тѣмъ гимназіямъ, которыя равнѣе откроютъ VIII классъ на свой счетъ.

Хотя суммы, назначенной къ отпуску въ 1875 г. на содержаніе восьмилѣтнихъ классовъ, было далеко недостаточно для обезпеченія опago и въ тѣхъ 73-хъ гимназіяхъ, въ коихъ онъ былъ уже открытъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе 1875 г. онъ вновь былъ открытъ еще въ 7-ми гимназіяхъ (двухъ С.-Петербургскаго округа, двухъ Московскаго и по одной Кіевскаго, Виленскаго и Варшавскаго), такъ что къ 1-му января 1876 г. отдѣльный VIII классъ существовалъ въ 80-ти гимназіяхъ (11-и С.-Петербургскаго округа, 14-и Московскаго, 8-и Казанскаго, 3-хъ Оренбургскаго, 6-и Харьковскаго, 8-и Одесскаго, 8-и Кіевскаго, 8-и Виленскаго и 14-и Варшавскаго). Не во всѣхъ однако же этихъ гимназіяхъ могло быть введено совершенно отдѣльное преподаваніе всѣхъ предметовъ въ VII и VIII классахъ. Такъ, напри-мѣръ, въ 1-й и 2-й Московскихъ и Смоленской гимназіяхъ новыя иностранныя языки, а въ 6-й Московской и Тульской и въ предмѣтахъ, кромѣ древнихъ языковъ, математики и физики, въ Слуцкой гимназіи законъ Божій, географія и новыя иностранныя языки были еще преподаваемы совмѣстно ученикамъ VII и VIII классовъ. Полное раздѣленіе VII и VIII классовъ и притомъ во всѣхъ гимназіяхъ можетъ состояться не прежде 1879 г., когда назначенная для того сумма будетъ отпускатся полностью.

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи § 2-го устава гимназій и прогимназій было единственною законодательною мѣрою за 1875 г., относившеюся къ внутреннему быту гимназій. За обнародованіемъ въ предшествующіе годы всѣхъ правилъ, положеній и инструкцій отъ министерства народнаго про-

свѣщенія въ развитіе устава 1871 г., въ 1875 г. не понадобилось отъ него никакихъ общихъ мѣръ и распоряженій, которые видоизмѣняли бы внутренній бытъ гимназій и прогимназій. „Минувшій 1875 годъ“, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ помечтитель одного учебнаго округа,—былъ первымъ годомъ, когда эти заведенія, послѣ напряженной дѣятельности, послѣ усиленной работы по своему переустройству, могли спокойно оглянуться на только что совершенное ими дѣло и сознательно ориентироваться въ своемъ новомъ положеніи. Все, что можно было сдѣлать для гимназій путемъ законодательства, было уже сдѣлано... Въ особенныхъ преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ гимназій болѣе не нуждаются. Для нихъ настала нвая пора, имѣющая обратить слова закона въ ежедневный фактъ жизни и, по возможности, уподобить дѣйствительное ихъ существованіе идеаламъ, которые для него начертаны“.

Въ какомъ же видѣ мыѣ представляется дѣйствительное состояніе нашихъ гимназій и прогимназій?

Обращаясь прежде всего къ учебно-воспитательному персоналу этихъ заведеній, нельзя не остановиться на томъ фактѣ, что ихъ директоры и инспекторы изъ простыхъ наблюдателей педагогической дѣятельности другихъ лицъ сами стали дѣятельными педагогами, преподавателями и классными наставниками, и чрезъ то самое несомнѣнно сдѣлали болѣе плодотворною и наблюдательною свою дѣятельность. Изъ 137-ми директоровъ и 154 инспекторовъ гимназій и прогимназій, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, только 4 директора не состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями во вѣренныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. При томъ же значительное большинство директоровъ (именно 89 или 65%) и инспекторовъ (именно 90 или 60%) преподають основной предметъ гимназическаго курса, то-есть, древніе языки или одинъ, или въ соединеніи съ другими предметами, преимущественно съ отечественнымъ языкомъ или логикой. Если же не принимать во вниманіе гимназій Варшавскаго и Дерптскаго округовъ, то окажется, что во всѣхъ прочихъ округахъ изъ 108 директоровъ и 122 инспекторовъ 47 директоровъ (43%) и 42 инспектора (34%) преподають одинъ древній языкъ, 30 директоровъ (28%) и 41 инспекторъ (34%)—древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, 8 директоровъ (7½%) и 19 инспекторовъ (15½%) математику, и наконецъ, 19 директоровъ (17½%) и 20 инспекторовъ (16½%) прочіе предметы. Сравнительно съ 1874 г. относительное число директоровъ, преподающихъ древніе

языки одни или въ соединеніи съ другими предметами, увеличилось слишкомъ на 2%, а относительное число инспекторовъ той же категоріи почти на 9%, причемъ относительное число директоровъ, преподающихъ математику, также увеличилось на $\frac{1}{2}$ %, а инспекторовъ уменьшилось почти на 3%; но главнымъ образомъ уменьшилось число директоровъ и инспекторовъ, преподающихъ прочіе предметы гимназическаго курса (а именно директоровъ на $2\frac{1}{2}$ %, инспекторовъ слишкомъ на 7%). Такимъ образомъ, гимназіи въ этомъ отношеніи продолжаютъ идти неуклонно къ своей цѣли, съ каждымъ годомъ приобрѣтая все большее число директоровъ и инспекторовъ, способныхъ обезпечить усидчивость гимназическаго ученія по основному его предмету безъ всякаго ослабленія его по всѣмъ другимъ, ибо педагогамъ-филологамъ отнюдь не свойственна исключительность по отношенію къ какимъ бы то ни было предметамъ гимназическаго курса.

Другой фактъ также большой важности заключается въ наставнической, воспитательной дѣятельности преподавателей въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ они имѣютъ наибольшее число уроковъ. Такихъ классныхъ наставниковъ къ 1-му января 1876 г. состояло 1071. Институтъ классныхъ наставниковъ осуществился во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, на которыя простирается дѣйствіе устава 1871 г., за исключеніемъ только Нижегородскаго Александровскаго института и Архангельской гимназіи (въ послѣдней вслѣдствіе малаго вообще числа учителей, которые сверхъ того имѣютъ еще уроки въ мѣстной женской гимназіи). Какъ ни велико само по себѣ общее число преподавателей, состоящихъ классными наставниками, тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось возложить обязанности этого званія въ двухъ классахъ, что, впрочемъ, — является довольно рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Такъ, между прочимъ, даже и въ С.-Петербургскомъ округѣ, гдѣ столичныя гимназіи имѣютъ такое значительное число параллельныхъ классовъ и гдѣ столичные преподаватели имѣютъ такъ много постороннихъ занятій, тѣмъ не менѣе изъ 90 классныхъ наставниковъ — преподавателей только 9 имѣли въ своемъ вѣдѣніи, каждый по 2 класса. Къ 1-му января 1876 г. всѣхъ классовъ основныхъ и параллельныхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ (кромя Дерптскаго), въ коихъ введенъ институтъ классныхъ наставниковъ, было 1,312 (не считая пригготовительныхъ классовъ), а директоровъ, инспекторовъ и преподавателей, исполнявшихъ обязанности классныхъ

наставниковъ—1.289, изъ чего явствуетъ, что изъ всего числа этихъ лицъ только 23 или безъ малаго 2% имѣли въ своемъ вѣдѣніи каждый по 2 класса. Результатъ этотъ не можетъ не быть признанъ исполнѣ удовлетворительнымъ.

„Классные наставники,—какъ справедливо замѣчаетъ попечитель Московскаго учебнаго округа,—могутъ исполнѣ удовлетворительно исполнить свое призваніе въ томъ лишь случаѣ, 1) если они имѣютъ достаточное число уроковъ въ своемъ классѣ и 2) если они не мѣняютъ своихъ воспитанниковъ ежегодно, но ведутъ ихъ если не до окончанія ими полнаго курса, то по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду“.

Первое изъ означенныхъ условій мѣстными учебными начальства стараются по возможности выполнить, и такъ какъ преподаватели древнихъ языковъ имѣютъ наибольшее число уроковъ въ своихъ классахъ, то они преимущественно (но не исключительно) и назначаются въ классные наставники. Такъ, изъ 1.071 класснаго наставника 363 или 33,8% преподавали одни древніе языки, 219 или 20,4% древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, такъ что тѣхъ и другихъ вмѣстѣ было 582 или 54,2%, то-есть, большинство, однако же менѣе на 7% противъ 1874 г.,—уменьшеніе, которое объясняется частію открытіемъ новыхъ прогимназій и параллельныхъ классовъ, частію назначеніемъ нѣкотораго числа прежнихъ классныхъ наставниковъ, преподававшихъ древніе языки, директорами и инспекторами. Затѣмъ въ составѣ классныхъ наставниковъ преобладали преподаватели математики (200 или 18,6%); за ними слѣдовали преподаватели русскаго языка и словесности (144 или 13,4%), потомъ преподаватели исторіи и географіи (107 или около 10%) и наконецъ, преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ (38 или 3,5%).

Педагогическія услуги классныхъ наставниковъ, говоритъ попечитель Московскаго учебнаго округа,—сводятся, какъ показывается опытомъ, главнымъ образомъ къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) къ установленію тѣснѣйшей связи между обученіемъ и воспитаніемъ; 2) къ возможности индивидуализировать воспитательныя мѣры и приемы; 3) къ сближенію между собою различныхъ вѣтвей преподаванія, входящихъ въ составъ классныхъ курсовъ, и 4) къ установленію единства или по крайней мѣрѣ нѣкотораго соглашенія между семьей и школой. Учитель, сдѣлавшись класснымъ наставникомъ, столько же интересуется успѣхами своихъ учениковъ въ ученіи, сколько и ихъ пове-

деніемъ, направленіемъ ихъ нравственности и всѣми тѣми условіями, отъ коихъ это направленіе зависитъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, институтъ классныхъ наставниковъ увеличилъ число органовъ воспитательной дѣятельности гимназій, а съ размноженіемъ оныхъ гимназій получили возможность войти въ ближайшія отношенія къ своимъ ученикамъ, лучше узнать ихъ и болѣе приспособить свои воспитательныя дѣйствія къ отдѣльнымъ личностямъ. Но не вездѣ эта сторона дѣятельности классныхъ наставниковъ достигла подлежащаго развитія, и нѣкоторымъ изъ нихъ воспитанники ихъ остаются менѣе извѣстны, чѣмъ начальству гимназій.... Болѣе виднымъ и несомнѣннымъ образомъ проявляются услуги классныхъ наставниковъ по отношенію къ двумъ послѣднимъ изъ вышеозначенныхъ пунктовъ. По ихъ инициативѣ преподаватели болѣе или менѣе часто собирались для обсужденія потребностей и взаимныхъ отношеній различныхъ предметовъ преподаванія или состоянія отдѣльныхъ классовъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ, разъясняли взаимныя недоразумѣнія и вырабатывали общіе принципы для своей дѣятельности. Но особенно важно то, что какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, классные наставники состоятъ въ непрерывномъ общеніи съ семейною средою ихъ воспитанниковъ, то письменно уведомляя родителей о всѣхъ фактахъ изъ школьной жизни ихъ сыновей,—фактахъ, которые могутъ особенно интересовать семью или потребовать ея участія,—то вызывая ихъ въ гимназію для непосредственныхъ личныхъ объясненій, совѣщаясь съ ними о необходимыхъ мѣрахъ для преуспѣванія ихъ дѣтей, дѣлаясь съ ними своими наблюденіями, давая имъ совѣты и сами пользуясь ихъ указаніями. Во многихъ мѣстахъ заведено, чтобы классные наставники въ нужныхъ случаяхъ сами посѣщали квартиры учениковъ и непосредственно знакомились съ домашнею ихъ обстановкой, поскольку она имѣетъ педагогическое значеніе. Нѣкоторые директоры заявляютъ, что теперь замѣчается въ семьяхъ менѣе наивнаго непониманія элементарныхъ педагогическихъ требованій, менѣе апатичнаго равнодушія къ дѣлу школы, менѣе недовѣрія, вражды и наклонности къ антагонизму со школою. Есть и положительные признаки сочувственнаго отношенія къ школѣ семейной среды: семья начинаетъ мириться съ требованіями и порядками школы, а иногда и сочувственно поддерживать ихъ. Въ этомъ отношеніи классные наставники сослужили уже не малую службу“.

Съ этими отзывами дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Мещерскаго о дѣятельности классныхъ наставниковъ согласны болѣе

или менѣе отзывы и всѣхъ другихъ попечителей учебныхъ округовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни дѣятельность классныхъ наставниковъ не получила еще того развитія и благотворнаго вліянія, какъ было бы желательно, ни самъ личный составъ этого института, вмѣщающій слишкомъ много представителей второстепенныхъ предметовъ при весьма маломъ числѣ уроковъ въ своихъ классахъ, далеко не можетъ еще считаться нормальнымъ; но при этомъ нельзя не принять во вниманіе новизны и трудности этого дѣла у насъ въ Россіи. Пройдетъ не мало времени прежде чѣмъ выработается въ Россіи типъ наставника-преподавателя и каждый преподаватель станетъ истиннымъ воспитателемъ ввѣреннаго ему юношества: важно и то, что новымъ уставомъ гимназій и прогимназій даны всѣ необходимыя для того условія, заключающіяся какъ въ привлеченіи директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а преподавателей къ воспитательной, такъ и въ дозволеніи соединять въ однихъ и тѣхъ же рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ. Дѣло министерства народнаго просвѣщенія и еще болѣе ближайшихъ мѣстныхъ начальствъ—пользоваться надлежащимъ образомъ этими условіями и направлять институтъ классныхъ наставниковъ и систему классныхъ преподавателей такъ, чтобы дѣло обученія и воспитанія становилось все болѣе единымъ цѣльнымъ дѣломъ. При этомъ новый уставъ предоставилъ ближайшимъ начальствамъ и возможность отличать преподавателей наиболѣе приближающихся къ типу настоящихъ наставниковъ юношества и удерживать ихъ возможно долѣе на педагогическомъ поприщѣ возведеніемъ ихъ, подъ условіемъ старшинства ихъ педагогической дѣятельности, въ заслуженные преподаватели съ соотвѣтственнымъ улучшеніемъ матеріальнаго ихъ положенія. Средствомъ этимъ мѣстныя начальства пользуются еще пока въ довольно ограниченномъ размѣрѣ отчасти и вслѣдствіе того, что спеціальныя средства гимназій въ значительной мѣрѣ шли и будутъ идти до 1879 г. на содержаніе самостоятельныхъ восьмыхъ классовъ, отчасти, безъ сомнѣнія, и въ тѣхъ видахъ, чтобы сохранить суммы на будущее время для тѣхъ, кто несомнѣнно заявитъ себя достойнѣйшимъ и полезнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣятелемъ своей гимназій или прогимназій. Число заслуженныхъ преподавателей вообще за послѣдніе два—три года увеличилось въ весьма незначительномъ размѣрѣ и къ 1-му января 1876 г. простиралось всего до 78, и изъ нихъ 15 преподавали одни древніе языки,

9—древніе языки въ соединеніи съ другими предметами (вмѣстѣ 24 или 30%), столько же (то-есть, 24 или 30%) математику, 13 (или 16,6%) русскій языкъ и словесность, 11 (или 14%) исторію и географію и 6 (или 7,5%) новыя иностранныя языки. При этихъ первыхъ назначеніяхъ заслуженныхъ преподавателей, очевидно, преобладали соображенія преимущественно старшинства, и такъ какъ преподаваніе древнихъ языковъ еще только недавно возстановлено и преподаватели ихъ принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ къ младшимъ по службѣ, то возведеніе въ заслуженные преподаватели досталось на долю преимущественно преподавателей математики, русскаго языка и исторіи съ географіей, если принять во вниманіе, что въ каждой гимназій при 4-хъ преподавателяхъ древнихъ языковъ полагается по два преподавателя математики и по два же русскаго языка и словесности, и по одному исторіи и географіи.

Подробности относительно распредѣленія директоровъ, инспекторовъ, классныхъ наставниковъ и заслуженныхъ преподавателей по предметамъ ихъ преподаванія могутъ быть усмотрѣны изъ нижеслѣдующей таблицы.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	Къ 1-му января 1876 г. согласно:				ОЗНАЧЕННЫЯ							
					Одн древніе языки.				Древніе языки въ соединеніи съ дру- гими предметами.			
	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ на- ставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ на- ставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ на- ставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.
С.-Петербургскій.	17 (1) ¹⁾	16	90 15	(6) ¹⁾	12	9	47	2	3	3	12	—
Московскій	20 (2) ¹⁾	32	174 4		8	9	65	1	8	13	42	—
Казанскій	8	10	61 6		2	2	24	2	3	5	9	—
Оренбургскій	6	5	34 3	(1) ¹⁾	4	2	7	2	—	2	6	—
Зап. и Вост. Сибирь.	6	4	36 2		2	—	4	1	—	2	9	—
Харьковскій	14	17	116 12	(4) ¹⁾	5	6	33	4	5	5	21	1
Одесскій	13	14	113 7	(2) ¹⁾	4	4	36	—	4	4	24	2
Кіевскій.	14 (1) ¹⁾	13	113 11	(2) ¹⁾	8	7	38	1	1	2	26	2
Віленскій	10	11	93 5	(1) ¹⁾	2	3	29	—	6	5	25	3
Итого	108 (4) ¹⁾	122	830 65	(16) ¹⁾	47	42	283	13	30	41	174	8
Варшавскій	18	25	188 3	(1) ¹⁾		2	66	1	2	1	30	—
Дерптскій	11	7	53 10	(5) ¹⁾	3	2	14	1	2	2	15	1
Всего	137 (4) ¹⁾	154	1071 78	(22) ¹⁾	55	46	363	15	34	44	219	9

¹⁾ Поставленные въ скобкахъ числа въ графѣ директоровъ означаютъ тѣхъ изъ тѣхъ изъ нихъ, которые не состоятъ классными наставниками.

²⁾ Преподаютъ русскій языкъ, исторію и географію.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА ПРЕПОДАЮТЪ.

Математику и физику.				Русскій языкъ и словесность.				Исторію и географію.				Новыя иностранныя языки.			
Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.
—	2	17	6	1 ²⁾	1 ²⁾	9	3	—	—	5	4	—	1	2	—
—	6	32	3	1	4	19	—	1	—	12	—	—	—	4	—
2	1	11	2	1	1 ²⁾	9	—	—	—	5	1	—	1	3	1
2	1	9	1	—	—	8	—	—	—	3	—	—	—	1	—
1	2	9	—	1 ²⁾	—	5	1	1	—	3	—	1	—	6	—
1	3	18	2	2	3	18	2	1	—	17	1	—	—	10	1
1	2	19	2	1 и 1 ²⁾	2	17	1	2	1	14	—	—	1	3	2
1	1	25	4	1	1	13	1	2	2	9	2	—	—	2	—
—	1	17	—	2	2	14	1	—	—	7	1	—	—	1	—
8	19	156	20	11	14	112	9	7	3	73	9	1	3	32	4
2	2	34	1	5	5 и 12 ²⁾	30	1	4	3	25	—	—	—	3	—
—	1	10	2	1 и 1 ²⁾	2	2	3	4	—	9	1	—	—	3	2
10 ²⁾	22	200	24	14 и 4 ²⁾	19 и 14 ²⁾	144	13	15	6	107	11	1	3	38	6

ныхъ, кои вовсе ничего не преподають, а въ графѣ заслуженныхъ преподавателей и

Система классныхъ преподавателей, впервые введенная у насъ новымъ уставомъ гимназій и столь существенно важная для объединенія преподаванія, для устраненія столь легко возникающихъ при системѣ предмѣстныхъ преподавателей розни, излишнихъ повтореній и траты времени и для сообщенія преподавателямъ характера истинныхъ наставниковъ, система эта дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе успѣхи. Такъ, къ 1-му января 1876 г. во всѣхъ учебныхъ округахъ Имперіи было уже 1.115 преподавателей гимназій и прогимназій, которые соединяли въ своихъ рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предмѣтовъ. Изъ нихъ 303 преподавали оба древніе языка, 219 латинскій и русскій языки, 27—греческій и русскій, 70 тотъ или другой изъ древнихъ языковъ и исторію, 81 русскій языкъ и исторію, 57 греческій или латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ иностранныхъ, 37 французскій и нѣмецкій языки вмѣстѣ— всего 794 случая соединенія преподаванія предмѣтовъ, которые прежде обыкновенно бывали разрозненны. Къ нимъ должно присоединять еще 163 случая соединенія исторіи и географіи и 158 математики и физики, что бывало и прежде, и такимъ образомъ составляетъ итогъ 1.115 преподавателей, дававшихъ уроки по нѣсколькимъ предмѣтамъ. Не считая округовъ Варшавскаго и Дерптскаго, по которымъ въ прошлогоднемъ отчетѣ еще не было подобныхъ свѣдѣній, и не считая 126 преподавателей исторіи и географіи и 124 преподавателей математики и физики, въ прочихъ округахъ число преподавателей, преподающихъ по два и болѣе предмѣтовъ, возросло въ отчетномъ году съ 368 до 603 или слишкомъ на 63% (а именно, число преподающихъ вмѣстѣ латинскій и греческій языки съ 147 до 222, преподающихъ латинскій и русскій съ 126 до 209, преподающихъ русскій языкъ и исторію съ 19 до 37, греческій и русскій до 24, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ до 30 и оба новые иностранные языка также до 30). Этими успѣхами классной системы преподаванія можно только радоваться, предполагая, что учебныя начальства, давая дозволеніе преподавать по нѣсколькимъ предмѣтовъ, въ точности слѣдуютъ при этомъ своимъ неоднократнымъ указаніямъ и обращаютъ при этомъ особенное вниманіе на то, 1) чтобы такое лицо было достаточно свѣдуще въ обоихъ предмѣтахъ и 2) чтобы преподаваніе однимъ лицомъ нѣсколькихъ предмѣтовъ сосредоточивалось преимущественно въ одномъ классѣ, то-есть, чтобы такое лицо становилось не преподавателемъ различныхъ предмѣтовъ въ различныхъ классахъ, а, по возможности, класснымъ преподавателемъ.

Отзывы попечителей учебных округовъ объ усердіи и добросовѣстности преподавателей въ исполненіи ихъ важныхъ и многотрудныхъ обязанностей вообще весьма благоприятны, хотя нельзя не замѣтить, что число пропускаемыхъ ими уроковъ все еще довольно значительно. Оно простиралось въ отчетномъ году до 62,273 въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ Имперіи, а такъ какъ всѣхъ классовъ (основныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ) во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ ¹⁾ къ 1-му января 1876 г. было 1596, то значить, на каждый классъ приходится въ теченіе года около 39 пропущенныхъ учителями уроковъ, или ипаче съ небольшимъ по одному пропущенному къмъ - либо изъ учителей уроку на каждый классъ и въ каждую учебную недѣлю, при чемъ не считаются уроки, пропущенные учителями искусствъ (чистописанія, рисованія, пѣнія и гимнастики). Уроки, пропущенные по болѣзни, составляютъ 72% общаго числа, пропущенные по другимъ уважительнымъ причинамъ—26%, и только 314 уроковъ (менѣе $\frac{1}{2}\%$) обозначены какъ пропущенные безъ уважительныхъ причинъ, при чемъ однако же нѣкоторые попечители учебных округовъ справедливо замѣчаютъ, что послѣднее число по весьма понятнымъ причинамъ должно быть значительно ниже дѣйствительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, это число (314) сложилось главнѣйше изъ 143 уроковъ, пропущенныхъ по математикѣ и физикѣ въ Уральской войсковой гимназіи, затѣмъ 50 уроковъ, пропущенныхъ по древнимъ языкамъ въ Сумской гимназіи, и 39 уроковъ по древнимъ языкамъ въ соединеніи съ другими предметами, а равно 12 уроковъ по русскому языку въ Каменецъ - Подольской гимназіи, такъ что на долю трехъ гимназій приходится безъ малаго $\frac{3}{4}$ всего вышеозначеннаго числа уроковъ, пропущенныхъ по неуважительной причинѣ, а затѣмъ всего 82 такихъ пропуска приходится на долю остальныхъ 179 гимназій и прогимназій.

Общее число пропущенныхъ учителями уроковъ распределяется по учебнымъ предметамъ такъ, что на долю закона Вожія приходится такихъ пропусковъ 6.756 или почти 11%, на долю древнихъ языковъ однихъ 13.667 (21%), древнихъ языковъ въ соединеніи съ другими предметами 7696 (12%), математики съ физикой 9631 (15%), русскаго языка и словесности 7372 (слишкомъ 11%), исторіи и географіи 5.787 (9%), новыхъ иностранныхъ языковъ 10.443 (и. 17%).

¹⁾ Въ расчетъ не вошли только Ревельское рыцарское Домское училище и Феллинская земская гимназія, по которымъ свѣдѣній не доставлено.

Болѣ полное понятіе объ этомъ прискорбномъ явленіи по отдѣльнымъ округамъ можно получить изъ нижеслѣдующей таблицы:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Число классовъ (основныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ).	Общее число пропущенныхъ учителями уроковъ.	Сколько пропущенныхъ уроковъ приходится на каждый классъ.	Мѣсто, занимаемое округомъ по отношению меньшему числу пропущенныхъ уроковъ.
С.-Петербургскій .	182	6727	36—37	Четвертое
Московскій .	264	10218	38—39	Пятое
Казанскій .	98	4379	44—45	Седьмое
Оренбургскій .	61	4092	67—68	Девятое и послѣднее
Запад. и Вост. Сибирь.	51	2271	44—45	Седьмое
Харьковскій .	159	5290	33—34	Третье
Одесскій .	146	7151	48—49	Восьмое
Кіевскій .	168	7486	44—45	Седьмое
Вилевскій .	127	4994	39—40	Шестое
Варшавскій .	241	6912	28—29	Второе
Дерптскій .	99	2753	27—28	Первое
Итого	1596	62273	38—39	

Если обратить вниманіе, что первое мѣсто по относительно меньшему числу пропущенныхъ учителями уроковъ принадлежитъ Дерптскому округу, второе Варшавскому, что С.-Петербургскій округъ стоитъ значительно выше Кіевского и Одесскаго, что Казанскій округъ, Западная и Восточная Сибирь стоятъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ Кіевскимъ округомъ и выше Одесскаго, то, на сколько возможно дѣлать заключенія по даннымъ за одинъ лишь годъ, нельзя не замѣтить, что, повидимому, климатическія условія оказываютъ малое вліяніе на пропускъ уроковъ учителями и на главную изъ указываемыхъ причинъ этихъ пропусковъ — заболѣванія, а что въ этомъ случаѣ едва ли не болѣе значеніе имѣютъ утврдив-

шіяся въ школахъ традиціи и вліяніе окружающей ее мѣстной среды. Эти традиціи и это вліяніе оказываются наиболѣе благоприятными для Дерптскаго и Варшавскаго округовъ и наименѣе благоприятными для Оренбургскаго и Одесскаго. На учебныхъ начальствахъ несомнѣнно лежитъ обязанность по возможности устранять эти неблагоприятныя вліянія. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, по примѣру Германіи, должна оказывать благотворное въ этомъ отношеніи вліяніе существующая между преподавателями каждой гимназіи, такъ сказать, круговая порука или утвердившаяся обычаемъ обязанность личныхъ преподавателей замѣнять отсутствующихъ, вслѣдствіе чего каждый озабоченъ тѣмъ, чтобы не возлагать на своего сотоварища излишняго труда. Во многихъ гимназіяхъ Германіи установленъ въ этомъ отношеніи такой порядокъ: отъ каждаго преподавателя настоятельно требуется, чтобы онъ, въ случаѣ невозможности явиться на свой урокъ, давалъ о томъ знать директору гимназіи по крайней мѣрѣ за часъ до начала уроковъ вообще, такъ чтобы директоръ имѣлъ возможность замѣнить отсутствующаго другими преподавателями, которые въ эти часы не имѣютъ уроковъ. Мѣра эта и предотвращаетъ излишнія маневровки, и имѣетъ съ тѣмъ дѣласть ихъ наименѣе вредными для учениковъ. Примѣненію ея у насъ препятствовало бы отчасти только то обстоятельство, что во многихъ мѣстностяхъ учителя гимназій имѣютъ не только частныя уроки, но и обязательныя занятія въ другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе я считаю не излишнимъ подвергнуть обсужденію вопросъ о способахъ уменьшитъ число маневровокъ и сдѣлать ихъ по возможности менѣе вредными для учениковъ.

Попечители учебныхъ округовъ, съ своей стороны, указываютъ въ своихъ отчетахъ, что многіе изъ пропущенныхъ уроковъ были заняты директорами, инспекторами или классными наставниками (преимущественно изъ числа бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ, такъ какъ и въ Австріи господствуетъ обычай замѣны отсутствующаго товарища), въ младшихъ классахъ иногда помощниками классныхъ наставниковъ, или же ученикамъ были предлагаемы письменныя работы по предметамъ отсутствующихъ преподавателей; но нерѣдко ученики остаются и безъ всякаго дѣла или же, если уроки отсутствующихъ падали на послѣдніе учебныя часы, то бывають распускаемы по домамъ. Въ Московскомъ округѣ такихъ случаевъ преждевременнаго распуска учениковъ было въ 1875 г. въ 13 гимназіяхъ (изъ 20-ти) 1.247, безъ малаго по сту на каждую.

Число уроковъ, пропущенныхъ по другимъ уважительнымъ причинамъ ссхп, отд. 1.

чиняетъ, кроми болѣзни, составляетъ, какъ выше показано, 26%, всего числа пропущенныхъ уроковъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ окружныхъ начальствъ, значительная доля этихъ пропусковъ мотивируется призывами преподавателей, а также директоровъ и инспекторовъ, въ суды въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, а преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ и чистописанія — и въ качествѣ экспертовъ. Въ Германіи не только директоры, но и всѣ преподаватели безъ исключенія обыкновенно увольняются отъ обязанности присяжныхъ засѣдателей, какъ рѣшительно несовмѣстимой съ преподавательскою должностію. Ущербъ, который вслѣдствіе того можетъ понести отправление правосудія, рѣшительно не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ ущербомъ, какой терпитъ все общество въ лицѣ молодыхъ своихъ поколѣній отъ того, что директоры, инспекторы и преподаватели на 3 — 4 недѣли сразу отвлекаются отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей. „Зло, — говоритъ, между прочимъ, въ своемъ отчетѣ попечитель Московскаго учебнаго округа, — зло, происходящее для учебныхъ заведеній отъ этой двойной службѣ учителей, увеличивается еще болѣе отъ того безцеремоннаго способа, которымъ различные органы судебныхъ учрежденій эксплуатируютъ силы и услуги учебныхъ заведеній. Они смотрятъ на учебныя заведенія и относятся къ нимъ такъ, какъ бы послѣднія были не болѣе какъ ихъ канцеляріи, обязанныя исполнять всѣ ихъ требованія и предписанія, подъ страхомъ взысканія. Вызывая разомъ по нѣскольку человѣкъ, они нерѣдко заставляютъ ихъ оставаться безъ дѣла по цѣлымъ днямъ и совершенно игнорируютъ, что у вызванныхъ ими лицъ есть свои прямыя служебныя обязанности, исполненіе которыхъ не терпитъ отлагательства, есть также свои частные интересы, которые страдаютъ отъ этого. Иногда продержавъ преподавателей въ продолженіе цѣлаго рабочаго дня, они въ заключеніе объявляютъ, что дѣло, для котораго они вызваны, состояться не можетъ и откладывается до другаго времени“. Особо часто это бываетъ съ преподавателями новыхъ иностранныхъ языковъ, которыхъ призываютъ въ судъ не только для посредничества въ объясненіяхъ суда съ преступниками и со свидѣтелями, незнающими русскаго языка, но и для письменнаго перевода всевозможныхъ документовъ, относящихся къ дѣламъ.

Сравнительно съ 1874 г. число пропущенныхъ учителями въ отчетномъ году уроковъ представляетъ нѣкоторое увеличеніе, а именно въ С.-Петербургскомъ округѣ они составляли въ 1874 г. 3,93% всего числа уроковъ, а въ 1875 г. 4,1%; въ Московскомъ 5,9% и 6,39% (отдѣльно въ гимназіяхъ, а въ прогимназіяхъ 3,64%). Попечитель

Казанскаго учебнаго округа представилъ вѣдомость за послѣдніа 10 лѣтъ о числѣ уроковъ, пропущенныхъ учителями тѣхъ гимназій, которыя входятъ теперь въ составъ этого округа, и изъ вѣдомости этой оказывается, что въ среднемъ выводѣ за первыя шесть лѣтъ (съ 18⁶⁶/₆₆ по 18⁷⁰/₇₁ гг. включительно) на каждый годъ приходилось по 2.885 пропущенныхъ уроковъ, а за послѣдніе 4 учебные года по 3.979 или на 38% болѣе прежняго: явленіе весьма прискорбное, требующее обстоятельнаго разъясненія. Въ 1874—1875 гг. число пропущенныхъ уроковъ (3.651) почти на 10% менѣе этого средняго вывода.

Учебнымъ начальствамъ приходилось и въ 1875 г. бороться съ немалыми затрудненіями при замѣщеніи учительскихъ вакансій вслѣдствіе малаго числа лицъ, посвящающихъ себя этому поприщу. Борьба эта, впрочемъ, увѣнчалась болѣшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Такъ, несмотря на открытіе нѣсколькихъ новыхъ прогимназій и многихъ новыхъ параллельныхъ и основныхъ классовъ, недочетъ въ учителяхъ гимназій и прогимназій противъ 1874 года уменьшился въ отчетномъ году (къ 1-му января 1876 г.) съ 158 до 144, а отдѣльно недочетъ въ учителяхъ древнихъ языковъ съ 67 до 47, въ учителяхъ русскаго языка и словесности съ 37 до 16, въ учителяхъ математики съ 12 до 10. Напротивъ, число учительскихъ вакансій по исторіи и географіи увеличилось съ 13 до 15, а по новымъ иностраннымъ языкамъ съ 21 до 36. Попечитель Казанскаго округа особенно указываетъ на трудность пріисканія въ настоящее время учителей французскаго языка, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходилось замѣщать вакансіи или природными французами, незнающими вовсе русскаго языка, или же природными русскими, которые сильно нуждаются въ усовершенствованіи своего разговора и своего произношенія на французскомъ языкѣ. Въ будущемъ есть основаніе рассчитывать на устраненіе все еще ощущаемаго недостатка въ преподавателяхъ гимназій, такъ какъ число студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ значительно возрастаетъ, и остается только желать, чтобы университеты болѣе прежняго озабочивались выполненіемъ одной изъ существенныхъ задачъ своихъ—приготовленіемъ дѣйствительно свѣдущихъ преподавателей для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, на что доселѣ было ими слишкомъ мало обращено вниманія, такъ что если число вакансій по древнимъ языкамъ нынѣ значительно уменьшилось, то этимъ министерство народнаго просвѣщенія обязано преимущественно дѣятельности С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и института славянскихъ стипендіатовъ министерства.

Устройство учебной части въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ каждымъ годомъ приходитъ все въ большее соотвѣтствіе съ постановленіями устава и съ предложенными мною къ исполненію учебными планами. *Греческій языкъ* въ отчетномъ году не только преподавался уже во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но и преподавался во всѣхъ положенныхъ для того классахъ, за исключеніемъ лишь восьми гимназій изъ числа тѣхъ, кои существуютъ въ полномъ составѣ классовъ. Эти восемь отсталыхъ въ этомъ отношеніи гимназій суть слѣдующія: въ С.-Петербургскомъ округѣ Архангельская (преподаваніе греческаго языка доведено было до VI класса включительно) и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ (до VII включительно); въ Московскомъ Нижегородскій Александровскій институтъ (до VII включительно); въ Харьковскомъ — Новочеркасская и Усть-Медвѣдницкая (въ обѣихъ до VII включительно), и, наконецъ, въ Сибири — Тобольская и Томская (до V включ.) и Красноярская (до VI включительно). Изъ вышеприведенныхъ данныхъ усматривается, что только въ двухъ гимназіяхъ Западной Сибири преподаваніе греческаго языка будетъ доведено до VIII класса въ 1878—1879 учебномъ году, въ Красноярской и Архангельской въ 1877—1878, въ остальныхъ же четырехъ изъ вышепоименованныхъ восьми уже въ наступающемъ 1876—1877 учебномъ году. Такимъ образомъ, введеніе греческаго языка въ составъ гимназическаго курса, какъ краеугольнаго его камня, есть нынѣ уже фактъ совершившійся; и только теперь впервые можетъ быть сказано, что наше гимназическое, приготовительное къ высшимъ наукамъ, образованіе вполне однородно съ тѣмъ, которое дается въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы.

Но хотя во всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ восьми, греческій языкъ былъ уже доведенъ до VIII класса включительно, но и изъ числа этихъ гимназій въ 21-й еще не всѣ ученики этого класса обучались греческому языку. Такихъ учениковъ, отставшихъ отъ своихъ товарищей въ предыдущихъ классахъ и потому не обучавшихся вовсе греческому языку, было въ этихъ 21-й гимназій всего 115 (съ небольшимъ 9% всего числа учениковъ VIII класса безъ Дерптскаго округа); въ 9 изъ этихъ гимназій окажутся таковыя ученики VIII класса еще и въ 1877 г., но уже въ весьма незначительномъ числѣ (приблизительно отъ 29 до 32). Вотъ относящіяся къ этому предмету свѣдѣнія въ видѣ таблицы, какъ представляющей большія удобства для справокъ:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ концѣ въ 1875 г. греческій языкъ не былъ доведенъ до самаго старшаго класса.	Учебный годъ, въ который греческій языкъ въѣхалъ гимназіи, въ которыхъ обучаются дети-предо-взрѣвшіе въ старшій классъ.	Гимназіи, въ концѣ греческій языкъ преподавался и въ старшемъ классѣ, но не всѣхъ учащихся оного.	Какое число учащихся старшаго класса сѣхъ гимназій, еще не обучавшихся греческому языку, приблизительно можетъ оказываться ко времени испытаній зрѣлости въ мѣз и юнѣ.	
				1876 года.	1877 года.
С.-Петербургскій	Архангельскій (VI)	1877/78	Нижегородская Орловская Симбирская Вятская Уфимская Пермская Курская Воронежская Тамбовская Пензенская Кіевская 1-я. Каменецъ-Подольская Немировская Черниговская Полтавская Хонгородъ-Верская Римельская Кашинская Херсонская Екатеринославская Симферопольская	3	—
Московскій	Челов. Общества (VII)	1876/77		6	26
Казанскій ¹⁾	Нижегородская Александров. инст. (VII)	1876/77		1	5
Оренбургскій ¹⁾	—	—		4	—
Харьковскій.	—	—		12	3
Харьковскій.	Новочеркасская (VII) Усть-Медвѣдица (VII)	1876/77	Курская	8	—
Кіевскій.	—	—	Воронежская	8	—
Одесскій	—	—	Тамбовская	3	—
Одесскій	—	—	Пензенская	8	3
Одесскій	—	—	Кіевская 1-я.	4	—
Одесскій	—	—	Каменецъ-Подольская	2	—
Одесскій	—	—	Немировская	4	—
Одесскій	—	—	Черниговская	5	2
Одесскій	—	—	Полтавская	2	—
Одесскій	—	—	Хонгородъ-Верская	4	—
Одесскій	—	—	Римельская	3	2
Одесскій	—	—	Кашинская	15	2-5
Одесскій	—	—	Херсонская	7	—
Одесскій	—	—	Екатеринославская	4	—
Одесскій	—	—	Симферопольская	6	2
Западная Сибирь	Тобольская (V)	1877/78	Тобольская (V) Томская (V) Красноярская (VI)	—	—
Восточная Сибирь	Томская (V)	1877/78		—	—
Итого гимназій .	8	—	21	115	29-32

¹⁾ Сверхъ того въ Астраханской гимназіи учащими изъ Калмыковъ, а въ Оренбургской—2 ученика изъ Киргизовъ уволены отъ изученія греческаго языка.

Имѣя въ виду вышеприведенныя данныя о томъ, что еще въ 21 гимназій имѣется 115 учениковъ, необучавшихся греческому языку и тѣмъ не менѣе еще имѣющихъ право на поступленіе въ университетъ, я нашелъ справедливымъ распространять это право и на лицъ домашняго воспитанія, которыя выдержатъ испытаніе въ 1876 г. изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, за исключеніемъ греческаго языка, разъяснивъ, на точномъ основаніи подлежащихъ статей гимназическаго устава, что тѣ лишь гимназій имѣютъ право удостоивать свидѣтельство зрѣлости лицъ домашняго воспитанія безъ знанія ими греческаго языка, въ коихъ еще имѣются собственные ихъ учепики, не имѣвшіе возможности обучаться въ своихъ классахъ греческому языку. Кругъ такихъ гимназій съ каждымъ годомъ будетъ становиться ограниченнѣе и тѣснѣе: въ 1876 г. такихъ гимназій было еще 29, къ веснѣ 1877 г. ихъ будетъ отъ 9-ти до 17-ти, а къ веснѣ 1878 г. лишь Архангельская гимназія, Тобольская и Томская. Впрочемъ, сколько извѣстно, всѣ лица домашняго воспитанія, коимъ родители имѣютъ въ виду дать университетское образованіе, нынѣ уже изучаютъ греческій языкъ, тѣмъ болѣе, что еще въ августѣ 1873 г. было опубликовано утвержденное мною постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго еще съ весны 1876 г. долженъ былъ бы прекратиться пріемъ въ университетъ лицъ домашняго воспитанія безъ надлежащаго знанія ими греческаго языка, такъ что вышеозначенное распоряженіе мое (отъ 29-го ноября 1875 г.) было неожиданною для упомянутыхъ лицъ льготою, которую было возможно оказать имъ безъ всякаго нарушенія устава гимназій и прогимназій.

По отзывамъ почителей учебныхъ округовъ, основанныхъ на донесеніяхъ директоровъ гимназій, преподаваніе греческаго и вообще древнихъ языковъ уже доведено нынѣ до того уровня, который указанъ учебными планами. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ гимназіяхъ, издавна входившихъ въ составъ Московскаго учебнаго округа, въ отчетномъ году, уже читались въ VIII классѣ рѣчи Демосоеена и трагедіи Софокла, а по латинскому языку философскія сочиненія Цицерона и оды Горация. Исключеніе составляютъ во всѣхъ учебныхъ округахъ лишь тѣ гимназій, въ коихъ преподаваніе греческаго языка было введено съ IV класса: въ нихъ уровень повнаний и занятій учениковъ естественно стоитъ на одну степень ниже. При этомъ нельзя однакоже не замѣтить, что въ качественномъ отношеніи познанія учениковъ высшаго класса въ древнихъ языкахъ будутъ въ уровень

съ требованіями учебныхъ плановъ лишь въ 1878—1879 годахъ, когда высшаго класса достигнуть обучавшіеся по новымъ учебнымъ планамъ уже съ I класса.

Относительно учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ многія гимназіи высказываются въ пользу того, чтобы чтеніе Геродота было отнесено къ VII классу, а чтобы въ VI классѣ читался еще Ксенофонтъ (и именно его „Достопамятности изъ жизни Сократа“), какъ одинъ изъ представителей аттическаго діалекта, синтаксисъ котораго именно проходится въ VI классѣ, такъ что продолжающееся въ этомъ классѣ чтеніе аттическаго писателя послужило бы къ утвержденію учениковъ въ знаніи этимологіи аттическаго діалекта, и къ облегченію для нихъ его синтаксиса и къ лучшему ознакомленію ихъ съ періодическою рѣчью (по Меморабіліямъ Ксенофонта). Замѣчанія эти я нахожу на столько заслуживающими вниманія, что не замедлю подвергнуть ихъ обсужденію въ учебномъ комитетѣ. Нѣкоторыя гимназіи, впрочемъ, пользуясь предоставленною имъ мною свободой относительно подробностей учебныхъ плановъ, уже ввели у себя вышеозначенное измѣненіе еще въ 1875 году.

Относительно преподаванія математики сдѣланное мною и введенное въ исполненіе со второй половины 1875 г. распоряженіе относительно перенесенія одного урока по этому предмету изъ I въ III классъ и относительно задаванія задачъ по ариметикѣ на вакаціонное время признается вообще весьма благотворнымъ, но все еще не вполне устраивающимъ нѣкоторые изъ замѣченныхъ прежде и изложенныхъ мною въ прошлагоднемъ отчетѣ недостатковъ учебнаго плана по этому предмету. Подобнаго же рода указанія встрѣчаются въ отчетахъ нѣкоторыхъ директоровъ учебныхъ округовъ и за 1875 г. Съ наибольшою доказательностью они изложены въ отчетѣ по Московскому учебному округу. „Четырехлѣтній опытъ убѣдилъ меня, — говоритъ дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Менцерскій, — что программа математическаго курса, спеціально назначеннаго для IV класса, невыполнима на практикѣ по многимъ причинамъ: 1) по своей сложности и обширности; 2) по внесенію въ курсъ матеріала, для надлежащаго усвоенія котораго нужны болѣе зрѣлыя и развитыя силы, чѣмъ какія позволительно предполагать въ 13-ти и 14-ти-лѣтнихъ мальчикахъ, обучающихся въ этихъ классахъ; 3) по недостаточности учебнаго времени, котораго въ этомъ классѣ на три недѣли меньше, чѣмъ въ классахъ, не подвергающихся полному испытанію, и 4) по особому положенію этого класса, какъ послѣдней про-

гимназической ступени, и вытекающимъ изъ этого положенія потребностямъ учениковъ, съ которыми, кромѣ прохожденія новаго курса, необходимо еще повторить все существенное содержаніе курсовъ за три предшествовавшіе года". Вслѣдствіе всего этого, въ IV классѣ во многихъ гимназіяхъ остаются не пройденными по алгебрѣ статьи, начиная съ возвышенія одночленовъ въ степени и извлеченія корней изъ одночленовъ, а по геометріи—начиная съ ученія о кругѣ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ хорошо, что статьи эти не проходятся, ибо онѣ были бы не по силамъ для учениковъ IV класса. Затѣмъ, это сокращеніе курса IV класса влечетъ за собою соответственныя отступленія отъ учебнаго плана въ V классѣ и только въ VI классѣ исполнѣ достигаются результаты, указанные въ учебныхъ планахъ и это не смотря на то, что многіе учителя назначаютъ добавочные уроки и даютъ ихъ безвозмездно не рѣдко по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Польза перенесенія одного урока по ариметикѣ изъ I класса въ III всѣми признается, какъ-то: о процентахъ, объ учетѣ векселей, большая часть задачъ, относящихся къ правиламъ тройному, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія,—представляютъ собою, по мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей Московскихъ гимназій, предметы, и практически и умственно далекіе для дѣтей, и эти статьи, по ихъ мнѣнію, было бы полезно вновь проходить въ высшихъ классахъ съ приспособленіемъ преподаванія оныхъ къ болѣе зрѣлому возрасту. Тѣ же почти замѣчанія сдѣланы вкратцѣ и въ отчетѣ по Кіевскому округу, съ присовокупленіемъ, что едва ли не окажется нужнымъ прибавить по одному уроку математики въ IV или V классахъ. Хотя, быть можетъ, вышеуказанныя неудобства происходятъ отчасти отъ употребленія слишкомъ обширныхъ и трудныхъ учебниковъ, такъ какъ въ отчетахъ по большей части другихъ учебныхъ округовъ подобныхъ указаній не встрѣчается, тѣмъ не менѣе я счелъ за должное передать эти замѣчанія на разсмотрѣніе ученаго комитета.

Учебные планы по русскому языку и словесности вызвали доселѣ замѣчанія только со стороны начальства Казанскаго учебнаго округа, которое, по моему предложенію, представило проектъ новаго учебнаго плана по этому предмету, находящійся нынѣ на разсмотрѣніи Ученаго Комитета. Впрочемъ, неудовлетворительные результаты преподаванія русскаго языка въ Казанскомъ учебномъ округѣ, на которые указываетъ начальство этого округа, едва ли состоятъ въ какой-либо связи съ

учебными планами, которые знатоки дѣла признаютъ вполне удовлетворительными. Въ самомъ отчетѣ по Казанскому округу за 1875 г. говорится, что преподаваніе русскаго языка, бывшее въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, нѣсколько улучшилось, вслѣдствіе того, что преподаватели сочли за должное вдуматься въ причины безотрадныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, стали отчетливѣе и въ большей системѣ преподавать грамматику отечественнаго языка, съ большею тщательностью выбирать темы для сочиненій и обращать больше вниманія на стилистическія въ нихъ ошибки. Существеннаго улучшенія преподаванія столь важнаго предмета, какъ отечественный языкъ, слѣдуетъ ожидать не отъ какихъ-либо измѣненій въ учебныхъ планахъ, а отъ назначенія въ преподаватели русскаго языка лицъ, получившихъ не юридическое образованіе, какъ нынѣ нередко случается, а полное филологическое, причемъ существенно важно, чтобъ и историко-филологическіе факультеты университетовъ обратили серьезное вниманіе на строго-научное образованіе своихъ слушателей по русскому языку и словесности, не довольствуясь сообщеніемъ имъ отрывочныхъ свѣдѣній изъ той или другой эпохи русской словесности, а непремѣнно углубляли и расширяли ихъ познанія по русскому языку; въ настоящее же время лишь въ двухъ университетахъ (Московскомъ и Харьковскомъ) исторія русскаго языка составляетъ предметъ особаго преподаванія. Сверхъ того, въ высшей степени важно, чтобы письменныя работы (сочиненія и переводы) по русскому языку задавались ученикамъ сколько можно чаще и исправлялись учителями сколько можно тщательнѣе. Въ этомъ отношеніи остается еще желать чрезвычайно многого. Такъ, между прочимъ, даже въ Виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ на этотъ предметъ понятнымъ образомъ обращается особенное вниманіе, письменныя работы по русскому языку бывають, начиная съ IV класса, по одному разу въ мѣсяцъ домашнія и по одному же разу классныя (для проверки первыхъ), всего, слѣдовательно, около 40 домашнихъ и около 40 классныхъ работъ въ теченіе всего гимназическаго курса, что едва ли можно признать достаточнымъ. Попечитель учебнаго округа предложилъ задавать въ среднихъ классахъ по одному сочиненію въ каждыя 2—3 недѣли, а въ высшихъ классахъ въ каждыя 3—4 недѣли, что также едва ли достаточно. Вопросъ о числѣ домашнихъ и классныхъ письменныхъ работъ по русскому языку въ теченіе cadaго учебнаго года подлежитъ еще об-

сужденію и, кажется, долженъ быть рѣшенъ самимъ министерствомъ для всѣхъ учебныхъ округовъ.

Относительно учебнаго плана по исторіи, попечитель Петербургскаго округа, въ отчетѣ по произведенному имъ осмотру учебныхъ заведеній, находящихся въ г. Псковѣ, замѣчаетъ, что программа этого предмета имѣетъ нѣсколько отрывочный характеръ, и что, быть можетъ, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что ученики VII класса Псковской гимназіи, отвѣчая при повтореніи средней исторіи вообще удовлетворительно, тѣмъ не менѣе обнаруживали какъ бы нѣкоторую неполноту и отрывочность своихъ познаній какъ по всеобщей, такъ и по русской исторіи, и было бы весьма желательно, — прибавлять тайный совѣтникъ князь Ливень, — не расширля курса исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, сообщить ему нѣкоторую цѣлость и законченность, чтобы выпускать молодыхъ людей на поприще жизни съ болѣе твердыми и болѣе полными свѣдѣніями въ столь важной и столь существенной для образованія наукѣ. Сверхъ того, мѣстами со стороны преподавателей древнихъ языковъ заявляется желаніе, чтобы полный систематическій курсъ древней исторіи, назначенный учебными планами на одинъ изъ годовъ курса VII класса, былъ перевесенъ въ V классъ вслѣдъ за элементарнымъ курсомъ по всеобщей и отечественной исторіи и приспособленъ къ потребностямъ учениковъ этого класса, дабы преподаватели древнихъ языковъ при чтеніи греческихъ и римскихъ авторовъ не имѣли надобности слишкомъ долго останавливаться на историческихъ разъясненіяхъ.

Дорожа въ высшей степени всѣми подобными, хотя бы и чисто случайными и частными, еще недостаточно провѣренными указаніями на недостатки утвержденныхъ мною учебныхъ плановъ, я считаю за должное заносить ихъ въ мои годовичные всеподданнѣйшіе отчеты, такъ какъ, и при самомъ утвержденіи этихъ учебныхъ плановъ, предлагая ихъ къ руководству гимназіямъ и прогимназіямъ, я приглашалъ педагогическое ихъ сословіе съ полною откровенностью указывать на замѣчаемые на практикѣ недостатки опытныхъ, дабы такимъ образомъ достигнуть постепенно ихъ улучшенія путемъ опыта и при содѣйствіи всѣхъ имѣющихся въ странѣ педагогическихъ силъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при составленіи этихъ учебныхъ плановъ, которые въ цѣломъ вполнѣ оправдались на опытѣ, не маловажное вліяніе оказывало то обстоятельство, что въ VII классѣ былъ установленъ двухгодичный курсъ, который долженъ былъ изъ года

въ годъ мѣняться, такъ, однако же, чтобы ученики и старшаго и младшаго отдѣленія этого класса могли безъ большихъ неудобствъ начинать съ того или другаго изъ этихъ двухъ курсовъ. Нынѣ оба эти отдѣленія составили въ большей уже части гимназій два самостоятельныхъ класса VII и VIII, и теперь настало, по моему мнѣнію, удобное время для пересмотра учебныхъ плановъ, причемъ всѣ вышеприведенныя замѣчанія должны быть приняты въ серьезное вниманіе.

Въ отчетномъ году впервые было введено преподаваніе логики въ старшемъ классѣ всѣхъ гимназій. Директоры этихъ учебныхъ заведеній въ представленныхъ ими попечителямъ учебныхъ округовъ отчетахъ свидѣтельствуютъ, что молодые люди съ большимъ интересомъ относятся ко вновь введенной наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ выражаютъ желаніе, чтобы курсу этого предмета было дано болѣе значительное развитіе присоединеніемъ къ элементарной логикѣ преподаванія элементарной психологій.

„Изученіе формъ и законовъ мышленія и познанія“, — замѣчаетъ съ своей стороны одинъ изъ попечителей, — „принесетъ большую пользу юношеству, страдавшему отъ отсутствія знакомства съ элементарными логическими приемами и правилами и оттого уживавшемуся съ яркими противорѣчіями въ своихъ воззрѣніяхъ, даже и не доходившими до его сознанія.

Только курсъ краткаго естествовѣдѣнія не былъ еще введенъ въ прошломъ году и не можетъ быть введенъ, какъ я прежде предполагалъ, и въ 1876 году, частію за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ программъ этого курса учебниковъ, а частію и по той причинѣ, что предварительно долженъ быть рѣшенъ вопросъ о курсѣ математики для IV и V классовъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ (какъ, напримѣръ, въ Минской и Ковенской) курсъ этотъ былъ, впрочемъ, преподаваемъ и въ 1875 г., но при этомъ ощущался большой недостатокъ въ соотвѣтственномъ учебникѣ. Съ своей стороны, я предполагаю воспользоваться Петровскими преміями, дабы вызвать появленіе учебниковъ по этой части.

Въ относительныхъ числахъ учениковъ, обучавшихся обоимъ *новымъ иностраннымъ языкамъ* или одному изъ нихъ, никакихъ существенныхъ переизмѣнъ не произошло противъ 1874 г. Изъ 31.798 учениковъ, бывшихъ къ 1-му январю 1876 года въ тѣхъ классахъ, въ коихъ преподаютъ новые иностранные языки, 13.906 или 43,7% обучались одному нѣмецкому языку (въ 1874 году около 46%),

9.445 или 29,7% одному французскому языку (въ 1874 г. — 29,5%) и 8.407 или 26% обоимъ этимъ языкамъ (въ 1874 г. — 29,3%). Даже послѣдовательность другъ за другомъ учебныхъ округовъ по числу обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ нисколько не измѣнилась. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи по прежнему принадлежитъ С.-Петербургскому учебному округу, гдѣ число обучающихся обоимъ новымъ языкамъ возвысилось съ 59 до 64% (тогда какъ обучающихся тому или другому изъ нихъ въ отдѣльности было по 18%), за тѣмъ слѣдуетъ Дерптскій округъ, гдѣ однако же процентъ обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ понизился съ 57 до 44; за тѣмъ Восточная и Западная Сибирь (пониженіе съ 49 до 32%), Варшавскій округъ (31%, въ 1874 г. 32,6%), Одесскій (24%), Московскій и Оренбургскій по 23% (въ 1874 г. въ Московскомъ 20,8%), Виленскій 13% (въ 1874 г. 14%), Кіевскій 8% и наконецъ, Казанскій (5%). Изъ обучающихся какому-либо одному изъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ значительное большинство вездѣ предпочитаетъ обучаться нѣмецкому языку, за исключеніемъ лишь одного округа Одесскаго, гдѣ французскому языку обучается 40, а нѣмецкому 36%.

Число обучающихся *чртенію и рисованію* возросло и въ 1875 г., по не въ столь значительномъ размѣрѣ, какъ въ 1874 году, а именно, всего на 0,6% (съ 22,6%, до 23,2%). Наиболѣе значительное увеличеніе числа обучающихся этимъ искусствамъ замѣчается въ С.-Петербургскомъ округѣ (съ 30 до 34%) и въ Виленскомъ (съ 24 до 26%).

Число обучающихся *танцю* вообще значительное предыдущаго числа. Оно составляло въ 1 января 1876 года 37% всего числа учениковъ гимназій, не исключая и приготовительнаго класса. Наконецъ, *гимнастикѣ* обучается и еще почти вдвое большее число, а именно 70% всего числа учениковъ, отдѣльно же въ С.-Петербургскомъ округѣ 85%, а въ Московскомъ 80%.

Успѣхи учениковъ гимназій и прогимназій по всѣмъ предметамъ гимназическаго ученія, судя и по точнымъ статистическимъ даннымъ и по свидѣтельствамъ учебныхъ начальствъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Въ отчетномъ году министерство народнаго просвѣщенія впервые располагаетъ точными данными по этому предмету для всѣхъ учебныхъ округовъ безъ исключенія и для каждой въ нихъ гимназій и прогимназій въ отдѣльности. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что ко времени испытаній въ маѣ 1875 года

всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій (вмѣстѣ съ приготовительными при нихъ классами) было 43,681; изъ нихъ имѣли за истекшій учебный годъ удовлетворительныя (не меньше 3-хъ по каждому предмету) отмітки 28.528 или 65,3%, а по произведеннымъ испытаніямъ (только письменнымъ по главнымъ предметамъ во всѣхъ классахъ, кромѣ IV, VI и VIII, гдѣ производятся и письменныя и устные испытанія по всѣмъ вообще предметамъ) удостоились перевода въ ближайшіе высшіе классы или аттестата зрѣлости 28.500 или 65,2%, изъ чего, между прочимъ, усматривается, что лишь относительно 0,1% годовичныя отмітки не подтвердились результатами испытаній. Въ классахъ, въ коихъ производится полное испытаніе, разность эта хотя нѣсколько и больше вышеприведенной, но все-таки не очень значительна, а именно въ IV классѣ всѣхъ гимназій и прогимназій 60,9% всѣхъ учениковъ имѣли удовлетворительныя годовичныя отмітки, удостоились же дѣйствительно перевода 59,8%, на 1,1% менѣе, а въ VI классѣ имѣвшихъ удовлетворительныя годовичныя отмітки было 71%, а дѣйствительно были переведены въ VII классъ 68,9%, на 2,1% менѣе. На оборотъ, въ низшихъ трехъ классахъ (I, II и III), и только въ нихъ однихъ, переведено въ слѣдующіе классы на 404 ученика (или на 2,8%) болѣе чѣмъ сколько ихъ имѣло удовлетворительныя годовичныя отмітки,—снисхождение, которое едва ли не слѣдуетъ считать педагогическою ошибкой, такъ какъ именно во всѣхъ классахъ слѣдуетъ придавать наибольшее значеніе годовичнымъ отміткамъ, въ низшихъ же классахъ совершенно необходимо съ особенною настойчивостью требовать надлежащаго усвоенія учениками преподаваемыхъ имъ по всѣмъ предметамъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ знанія коихъ невозможны рѣшительно никакіе дальнѣйшіе успѣхи. Не бѣда, если малоспособный или малоразвившійся или нерадивый ученикъ пробудетъ въ томъ или другомъ изъ низшихъ трехъ классовъ и по два года, ему еще весьма легко поправиться и вступить въ разрядъ исправныхъ учениковъ, а въ крайнемъ случаѣ избрать другое учебное заведеніе съ болѣе легкими и посылными для него курсомъ. Но излишнее снисхожденіе, оказывавшееся при переводѣ учениковъ низшихъ классовъ, можетъ считаться для нихъ совершенно пагубнымъ: результатомъ такого снисхожденія бывало въ прѣжнее время, но къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ и теперь, болѣе или менѣе значительное число запущенныхъ учениковъ въ среднихъ и высшихъ классахъ, то-есть, учениковъ, которые, позволю себѣ употребить общепринятое школьное выраженіе, не знаютъ за-

довъ и съ которыми имъ учителя, ни сами они не знаютъ что дѣлать; такіе-то ученики бывають наиболѣе въ тягость и школѣ, и родителямъ, и самимъ себѣ; они почти всегда оказываются потерянными для науки, а нерѣдко и для общества. На обязанности начальниковъ и педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій лежитъ сколь можно осмотрительнѣе поступать при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой, особенно же въ низшихъ классахъ, дабы излишнимъ снисхожденіемъ не погубить кого-либо изъ вѣранныхъ имъ учениковъ и чтобы такимъ образомъ снисхожденіе это не оказалось вполнѣдствіи только жестокостію. Имѣющіеся за 1875 годъ данныя, за исключеніемъ вышеприведеннаго, едва ли не излишняго снисхожденія, отчасти свидѣлствуютъ, что учебныя начальства и педагогическіе совѣты вполнѣ понимаютъ, какъ важно не спѣшить переводомъ учениковъ низшихъ классовъ и дать имъ время вполнѣ усвоить себѣ всѣ элементы преподаваемыхъ имъ наукъ. Изъ данныхъ этихъ оказывается, что чѣмъ вообще ниже классъ, тѣмъ меньшій процентъ учениковъ его удостоивается перевода въ ближайшій вышій классъ. Правильность въ этомъ отношеніи нарушается только данными, относящимися къ III и IV-му классамъ, но это до нѣкоторой степени объясняется тѣмъ, что въ III классѣ ученикамъ приходится разомъ приниматься за три новыя для нихъ предмета: алгебру, греческій языкъ и исторію, а въ IV-мъ классѣ, хотя входятъ лишь два новыя предмета: геометрія и церковно-славянская грамматика, но за то приходится держать экзаменъ изъ всего пройденнаго въ низшихъ четырехъ классахъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ наименьшій процентъ переведенныхъ оказывается въ IV классѣ (59,8%) и въ III (61%), въ I же и II классахъ по 64%, въ каждомъ, а въ V—68%, въ VI (не смотря на полное письменное и устное испытаніе изъ всего пройденнаго въ V и IV классахъ)—68,9%, въ VII—75%, а въ VIII—83.

Обращаясь къ тѣмъ же общимъ для всѣхъ учебныхъ округовъ даннымъ относительно успѣховъ учениковъ всѣхъ классовъ по главнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, нельзя не усмотрѣть въ нихъ подтвержденія того, что было высказано попечителемъ Казанскаго учебнаго округа въ прошлогоднемъ годичномъ отчетѣ его по округу, а именно: что „вообще древніе языки усваиваются не съ такимъ затрудненіемъ, какъ сначала предполагалось, и общество, предвзято пугавшееся ихъ, какъ непреоборимыхъ преповъ при прохожденіи гимназическаго курса, должно въ настоящее время придти къ

заключенію, что при переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ задержки для учащихъ ставятся не древними языками, но чаще всего языкомъ отечественнымъ и математикой". И дѣйствительно, въ 1875 г., къ началу испытаній, успѣвающихъ по математикѣ оказалось на основаніи годовыхъ отбѣтокъ 64%, а удостоилось переводныхъ отбѣтокъ на испытаніи и того менѣе на $3\frac{1}{2}\%$ (61,5%); по русскому языку успѣвающихъ всего по годовымъ отбѣткамъ 66,3%, а по экзамену 61,1%, разность на 5,2%; по латинскому же языку 73,2% по годовымъ отбѣткамъ и 68,9% по экзамену (разность между числомъ удовлетворительныхъ годовыхъ и экзаменаціонныхъ отбѣтокъ на 4,3%), а по греческому языку (изъ 19,157 обучавшихся этому предмету) успѣвавшихъ было по годовымъ отбѣткамъ 74,6%, а по экзамену 71% (разность между числами тѣхъ и другихъ удовлетворительныхъ отбѣтокъ 3,6%). При этомъ вышеприведенныя разности между числами удовлетворительныхъ отбѣтокъ годовыхъ и экзаменаціонныхъ показываютъ, что единичная оцѣнка ученическихъ успѣховъ своими преподавателями оказалась выше противъ коллегіальной оцѣнки оныхъ экзаменаціонными комиссіями болѣе всего по русскому языку (на 5,2%), потомъ по латинскому языку (на 4,3%), а менѣе всего по греческому и по математикѣ (на 3,6% и на 3,5%).

Обыкновенно результаты ученія за первое полугодіе каждаго учебнаго года бываютъ менѣе благоприятны для учениковъ, чѣмъ за весь учебный годъ и даже чѣмъ оказывается на годовыхъ испытаніяхъ. Это объясняется болѣею частію нерадивостью самихъ учениковъ и менѣею равномерностью ихъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ курса въ 1-е полугодіе, когда они только что переведены въ соответственные высшіе классы и не успѣли освоиться съ новыми для нихъ предметами этихъ классовъ, а иной разъ и съ новыми для нихъ преподавателями этихъ классовъ, а отчасти и болѣею осмотрительностью и строгостью самихъ преподавателей при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ въ первое полугодіе. И дѣйствительно, изъ 47.639 учениковъ гимназій и прогимназій, бывшихъ къ 1-му января 1876 г., имѣли удовлетворительныя отбѣтки за полугодіе по всѣмъ предметамъ 28,932 или 60,7% на 4,6% менѣе, чѣмъ за весь предыдущій учебный годъ; но выѣтъ съ тѣмъ, процентъ успѣвавшихъ въ отдельности въ каждомъ изъ главныхъ предметовъ значительно возросъ противъ того, какой оказался за весь предыдущій годъ и на испытаніяхъ въ маѣ и іюлѣ 1875 г., а именно: по русскому языку съ 66,3 и 61,1% почти до 77%, по математикѣ съ 64 и 61,5% до

75⁰/о; по греческому языку съ 74,6 и 71⁰/о до 75⁰/о (изъ 21,923 обучавшихся этому предмету) и только по латинскому языку понизился противъ годичной оцѣнки за 1874—1875 учебный годъ на 2,2⁰/о и возвысился противъ результатовъ испытаній 1875 г. на 2,1⁰/о, достигнувъ 71⁰/о. Такое возвышеніе процента успѣшности за второе полугодіе 1875 г. по всѣмъ главнымъ предметамъ, повидимому, предвѣщаетъ значительное возвышеніе⁰/о успѣшности за весь 1875—1876 учебный годъ.

Въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ были приведены данныя по отдѣльнымъ округамъ относительно того, насколько возросла успѣшность ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ сравнительно съ 1873 г. То же отрадное явленіе представляется и въ 1876 г. сравнительно съ 1874 г. Такъ, по С.-Петербургскому округу въ 1873 г. было переведено и выпущено съ аттестатомъ зрѣлости 60,8⁰/о, въ 1874 г. 64,5⁰/о, а въ 1875 г. 65,6⁰/о; успѣвавшихъ по всѣмъ предметамъ въ концѣ отчетныхъ годовъ было: 1872 г. 46⁰/о, 1873 г. 48⁰/о, 1874 г. 54⁰/о, 1875 г. 56⁰/о; по древнимъ языкамъ въ соответственные годы 60⁰/о, 68⁰/о, 68,7⁰/о и 77⁰/о и, наконецъ, по математикѣ 67⁰/о, 75⁰/о, 74,3⁰/о и 76⁰/о. Въ Московскомъ учебномъ округѣ число удостоенныхъ перевода въ ближайшій высшій классъ составляло въ 1873 г. 55,4⁰/о, въ 1874 г. 59⁰/о, а въ 1875 г. 68⁰/о, то-есть, увеличилось противъ предыдущаго года на 9⁰/о. Въ прочихъ учебныхъ округахъ число переведенныхъ въ ближайшій высшій классъ составляло въ 1876 г. въ Киевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ по 65⁰/о въ каждомъ; въ Оренбургскомъ 68⁰/о, въ Одесскомъ 70⁰/о, въ Западной и Восточной Сибири вмѣстѣ 72⁰/о; въ Харьковскомъ округѣ оно возросло съ 71,8⁰/о до 73,3⁰/о, а въ Казанскомъ даже до 75⁰/о. Различіе, замѣчаемое въ этомъ отношеніи между отдѣльными округами, какъ было уже изъяснено мною въ прошлогоднемъ моемъ отчетѣ, проистекаетъ столько же отъ степени дѣйствительной успѣшности учащихся, сколько и отъ мѣры требовательности преподавателей-экзаменаторовъ и педагогическихъ совѣтовъ. Вѣрность этого объясненія вполне подтверждается вышеприведенными данными, и значительно болѣе благоприятныя данныя по учебнымъ округамъ Казанскому, Харьковскому, Сибири и т. д. сравнительно съ учебными округами С.-Петербургскимъ и Московскимъ едва-ли не должны быть объяснены значительно меньшею мѣрою требовательности въ первыхъ изъ сихъ округовъ.

О случаяхъ перевода въ ближайшій высшій классъ учениковъ,

отмѣтки конхъ не вполне соответствовали установленнымъ требованіямъ, но конхъ педагогическіе совѣты признавали вполне способными учиться въ ближайшихъ высшихъ классахъ, сообщены данныя лишь по Казанскому и Варшавскому округамъ и по Западной Сибири. Такое снисхожденіе было оказано въ Казанскомъ округѣ 6-ти ученикамъ (3-мъ по математикѣ, 2-мъ по древнимъ языкамъ и 1-му по географіи); въ Западной Сибири 22-мъ, изъ конхъ 10 оставались уже по два года въ одномъ и томъ же классѣ, и 139 (или 3,1% всего числа переведенныхъ) въ Варшавскомъ округѣ. Я не могу при этомъ не выразить желанія, чтобы педагогическіе совѣты и окружныя начальства пользовались этимъ своимъ правомъ сколь можно осмотрительнѣе и умѣреннѣе.

Испытанія зрѣлости, въ свою очередь, даютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе удовлетворительные результаты, по мѣрѣ того, какъ учебная реформа 1871 года все болѣе и болѣе осуществляется и упрочивается. Такъ, въ 1873 г. подвергались испытанію зрѣлости 1,039 человекъ (въ томъ числѣ 770 гимназистовъ), въ 1874 г. 1,305 (990 гимназистовъ), а въ 1875 г. 1,628 (1,328 гимназистовъ) и изъ нихъ выдержали испытаніе въ 1873 г. 685 или 65,9%, въ 1874 г. 918 или 70,3%, а въ 1875 г. 1,298 или 79,7%, что представляетъ увеличеніе противъ предыдущаго года на 9,4%. Соответственныя процентныя отношенія выдержавшихъ испытаніе зрѣлости въ отдѣльности для гимназистовъ старшаго отдѣленія будутъ: 74,6, 78,8 и 84,9, для гимназистовъ младшаго отдѣленія VII класса (которые въ 1875 г. въ послѣдній разъ были допущены къ испытанію зрѣлости въ числѣ 30-ти чел.) 86%, 94,3% и 83,3%; для стороннихъ лицъ 32%, 32,9% и 52,2% и, наконецъ, для учениковъ частныхъ гимназій и церковныхъ училищъ 49,4%, 77,3% и 79,3%. Такимъ образомъ, испытанія зрѣлости въ отчетномъ году оказались значительно болѣе благопріятными противъ предыдущихъ лѣтъ не только для учениковъ правительственныхъ гимназій (кромѣ, однако же, учениковъ младшаго отдѣленія VII класса), но и для всѣхъ прочихъ категорій подвергавшихся испытанію зрѣлости, въ особенности для лицъ стороннихъ, конхъ явилось на испытаніе 247 (въ 1874 г. 240, а въ 1873 г. 178) и изъ конхъ 129 выдержали испытаніе въ 19,3% болѣе противъ прежнихъ лѣтъ.

Во вниманіи къ заявленію нѣкоторыхъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ учебныхъ округовъ (особенно же Московскаго) о томъ, что стороннія лица поставлены при испытаніяхъ зрѣлости въ менѣе бла-
часть схсп, отд. 1.

госпріятныя условія тѣмъ ученики гимназій, такъ какъ она вовсе не-извѣстны экзаменаторамъ и многіе изъ нихъ сами впервые подвергаются публичному испытанію, и желая предоставить родителямъ, воспитывающимъ своихъ сыновей дома, способы давать имъ сколь можно болѣе правильное гимназическое образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а также желая поставить получающихъ такое домашнее образованіе въ условія сколь можно болѣе равныя съ учениками гимназій при испытаніяхъ зрѣлости, я сдѣлалъ распоряженіе (отъ 29-го ноября 1875 г.) по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ, чтобы лица домашняго воспитанія, буде пожелаютъ того ихъ родители, были допускаемы, по достиженіи соотвѣтственнаго возраста, къ испытанію какъ изъ курса четырехъ низшихъ классовъ гимназій, такъ и къ послѣдующему изъ курса V и VI классовъ, наравнѣ и въ одно время съ учениками соотвѣтственныхъ классовъ гимназій съ тѣмъ, чтобы выдержавшіе такое испытаніе пользовались и всѣми соотвѣтственными правами и подвергались испытаніямъ зрѣлости также наравнѣ съ учениками гимназій. Мѣра эта, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, была встрѣчена заинтересованными въ ней семействами весьма благопріятно и послужить, какъ я надѣюсь, къ улучшенію домашняго обученія.

Съ другой стороны, весной 1876 г. наступалъ срокъ приведенія въ исполненіе утвержденнаго мною постановленія совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1873 г. относительно того, чтобы воспитанники духовныхъ семинарій поступали въ университетъ не иначе какъ по выдержаніи по всѣмъ главнымъ предметамъ гимназическаго курса испытанія зрѣлости въ самихъ гимназіяхъ одновременно и наравнѣ съ учениками сихъ послѣднихъ. Въ концѣ ноября 1875 г. я счелъ за должное отсрочить еще на нѣкоторое время осуществленіе этой весьма важной мѣры не столько потому, чтобы я возмѣдилъ какія-либо сомнѣнія въ совершенной ея необходимости, сколько изъ желанія дать духовнымъ семинаріямъ болѣе времени поставить ихъ курсъ по главнымъ предметамъ въ уровень съ гимназіями.

На возвышеніе успѣшности учащихся весьма значительное вліяніе имѣли, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, нынѣ дѣйствующія правила о переводѣ учениковъ изъ классовъ въ классъ не столько на основаніи удачныхъ отиѣтовъ ихъ на экзаменѣ, сколько на основаніи постояннаго ихъ прилежанія и достигнутыхъ ими въ теченіе всего года результатовъ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ

отчетахъ указываеяся и польза, принесенная въ этомъ отношеніи установленными почти въ то же время работами, задаваемыми ученикамъ на лѣтнее вакаціонное время. Вакаціонныя работы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ, вошли уже въ разрядъ установившихся обычаевъ школы. Большинство учениковъ выполнять требованія гимназій усердно и добросовѣстно, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ лучшіе ученики, не довольствуясь назначенными работами, добровольно избираютъ сверхъ ихъ еще другія занятія, обыкновенно относящіеся къ чтенію классическихъ писателей древности (что несомнѣнно указываетъ на водвореніе несравненно лучшаго духа и лучшаго направленія между учениками гимназій). Несомнѣнная польза вакаціонныхъ работъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что теперь съ первымъ рабочимъ днемъ въ новомъ учебномъ году начинаются вполне правильныя классныя занятія, и ученики, не отвѣкая въ продолженіе вакаціи отъ умственного труда, не приносятъ съ собою на первые уроки, какъ бывало прежде, какой-то растерянности, но отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы съ такою же находчивостію, какъ и во всякое другое время.

Относительно исправности, съ какою ученики посѣщали уроки въ отчетномъ году, нынѣ имѣются болѣе точныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ прежде. Среднимъ числомъ въ 1875 г. обучалось въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 46,168 ч. и ими было пропущено въ теченіе года вообще 2.042,493 урока, что даетъ отъ 44 до 45 пропущенныхъ уроковъ на каждого. На приготовительный и низшіе четыре класса приходится изъ общаго числа пропущенныхъ уроковъ 74⁰/₀, а такъ какъ ученики этихъ классовъ составляютъ 80⁰/₀, то очевидно, что пропускъ уроковъ въ высшихъ четырехъ классахъ на 6⁰/₀ относительно выше, чѣмъ въ низшихъ. Еще значительнѣе разность между процентными отношеніями числа учениковъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ и числа уроковъ, пропущенныхъ ими по неуважительнымъ причинамъ. Послѣднихъ значится по имѣющимся въ министерствѣ даннымъ, 68.836 въ теченіе 1875 г. или 3,3⁰/₀ всего числа пропущенныхъ уроковъ, такъ что на каждого ученика въ среднемъ выводѣ приходится по 1,4⁰/₀ урока пропущенныхъ по неуважительной причинѣ; но изъ общаго числа пропущенныхъ уроковъ этой категоріи на приготовительный и низшіе 4 класса падаетъ не 80⁰/₀, что соответствовало бы относительному числу учениковъ этихъ классовъ, а 70⁰/₀ и, слѣдовательно, на высшіе классы не 20⁰/₀, какъ слѣдовало бы по относительному числу учениковъ этихъ классовъ, а 30⁰/₀ или

на 10% болѣе. Очевидно, что по отношенію къ ученикамъ старшихъ классовъ домашній надзоръ и домашняя дисциплина значительно ослабѣваютъ, что же касается до гимназій и прогимназій, то изъ имѣющихся данныхъ оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ вовсе и не показываютъ въ своихъ вѣдомостяхъ числа уроковъ, пропущенныхъ по неуважительнымъ причинамъ. Изъ 125 гимназій такъ поступили 20 (4 въ С.-Петербургскомъ округѣ, 3 въ Дерптскомъ, 1 въ Виленскомъ и по 2 въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ, за исключеніемъ Оренбургскаго, Восточной и Западной Сибири) и изъ 59 прогимназій 14 (5 въ Московскомъ, 4 въ Харьковскомъ, 3 въ Одесскомъ, 2 въ Киевскомъ и по 1-му въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ, за исключеніемъ также вышеупомянутыхъ). Такимъ образомъ, оказывается, что вышеприведенныя свѣдѣнія далеко не полны и, сверхъ того, что нѣкоторыя гимназіи признаютъ, что онѣ или не обязаны или не вправѣ или не въ состояніи отвѣчать на вопросъ о числѣ уроковъ, пропущенныхъ учениками по неуважительнымъ причинамъ. Дѣйствительно, невозможно отрицать крайней трудности для учебнаго заведенія опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, пропущенъ ли урокъ по уважительной или неуважительной причинѣ. Трудность эта, согласно съ указаніями, которыя заключаются въ отчетахъ нѣкоторыхъ преподавателей, проистекаетъ отъ того, что родители въ подобныхъ случаяхъ, допустивъ уклоненіе своихъ сыновей отъ одной изъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей, стараются ватѣмъ всячески прикрыть ихъ вину и вмѣстѣ свою и выгородить ихъ отъ отвѣтственности, сами же учебныя заведенія не располагаютъ достаточными средствами даже и въ случаѣ основательныхъ съ своей стороны сомнѣній удостовѣряться, по уважительной или по неуважительной причинѣ пропущены тѣ или другіе уроки. Въ этомъ случаѣ вся отвѣтственность падаетъ, конечно, на семью, а не на школу; но тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, я никакъ не могу спать и съ подлѣдныхъ мнѣ учебныхъ заведеній обязанности по возможности удостовѣряться, по какимъ причинамъ пропускаются уроки учениками, и случая, въ коихъ они удостовѣрились, что пропускъ уроковъ произошелъ по неуважительной причинѣ, заносить въ соответственные вѣдомости свои. Хотя бы та или другая семья относилась равнодушно и небрежно къ исполненію падающимъ на ней учениками одной изъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей, школа, особенно у насъ, не должна дозволить себѣ подобнаго равнодушія и небрежности. Поэтому я не могу не отнести съ особенною похвалою къ тому, что въ Московскомъ учебномъ округѣ при-

лагаются особая заботы удостовѣряться возможно чаще о причинахъ пропуска уроковъ учениками. Случаевъ командировки должностныхъ лицъ гимназій и прогимназій Московскаго округа на квартиры учениковъ для такого удостовѣренія было въ отчетномъ году 1.134, и при этомъ въ 159 случаяхъ (14%) отсутствующіе изъ учебнаго заведенія ученики или не оказывались дома или же были находимы совершенно здоровыми. Наиболѣе такихъ командировокъ было въ Смоленской гимназій (207, при чемъ въ 44 случаяхъ (21%) оказывалось, что ученики просто-за-просто уклонились отъ своихъ обязанностей), затѣмъ въ Шуйской прогимназій (124, но ученики оказались отсутствующими по уважительной причинѣ), въ Вяземской гимназій (99 командировокъ и 17% уклоненій и, наконецъ, въ Рязанской гимназій (86 командировокъ и 9% уклоненій).

Такъ или иначе, но изъ всѣхъ данныхъ очевидно, что въ числѣ пропущенныхъ учениками уроковъ, хотя бы они и значились какъ пропущенные по болѣзни или по уважительной причинѣ, есть не мало такихъ, которые пропущены по неуважительной причинѣ. Такъ, между прочимъ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ столичныхъ гимназіяхъ приходится на cadaго ученика по 57 пропущенныхъ уроковъ, въ столичныхъ прогимназіяхъ по 52, а въ губернскихъ гимназіяхъ только по 36. Едва-ли такую значительную разность можно объяснить только болѣе неблагоприятными климатическими вліяніями Петербурга и это тѣмъ болѣе, что на одного ученика изъ пансіонеровъ пропущенныхъ по болѣзни уроковъ приходится всего 32.

Пропускъ отъ 44 до 45 уроковъ въ годъ въ среднемъ выводитъ на cadaго изъ учениковъ гимназій и прогимназій равносильнѣ сокращенію учебнаго года на 10 дней. Наибольшее относительное число пропущенныхъ учениками уроковъ (отъ 54 до 55 на cadaго) приходится на долю С.-Петербургскаго и Дерптскаго учебныхъ округовъ, а наименьшее (отъ 34 до 35) на долю Харьковскаго округа; затѣмъ, эти числа по остальнымъ учебнымъ округамъ довольно близко подходятъ къ среднему выводу для цѣлой Имперіи, при чемъ не достигаютъ его Варшавскій округъ (40—41 пропущенный урокъ на cadaго), Московскій и Кіевскій (отъ 41 до 42 въ каждомъ) и Виленскій (отъ 43 до 44) и превышаютъ всѣ остальные (отъ 45 до 46 въ учебныхъ округахъ: Одесскомъ, Оренбургскомъ, а также въ Восточной и Западной Сибири и отъ 46 до 47 въ Казанскомъ округѣ).

Хотя, какъ выше было сказано, на общее число пропущенныхъ учениками уроковъ не малое влияние должны имѣть нравственные причины, но еще большее, конечно, оказывается санитарнымъ состояніемъ гимназій и прогимназій. И дѣйствительно, относительное число смертныхъ случаевъ по большей части, но далеко не всегда, соотвѣтствуетъ и относительному числу пропущенныхъ уроковъ. Изъ общаго числа учениковъ гимназій и прогимназій было въ отчетномъ году умершихъ 206 или 0,44% (44 изъ каждыхъ 10.000 или 1 изъ 227). Значительно бѣльшую смертность представляетъ С.-Петербургскій округъ, отдѣльно взятый (37 ч. или 0,74% всего числа учащихся и при томъ 0,86% въ столичныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и 0,26% въ губернскихъ), а затѣмъ Дерптскій (18 ч. или 0,54%) и этому соотвѣтствуетъ и наибольшее число уроковъ пропущенныхъ учениками именно въ этихъ двухъ округахъ. Но въ Московскомъ округѣ относительная смертность учениковъ была та же, что и въ Дерптскомъ, (именно 0,54% или 39 ч.), — и однакоже по меньшему числу пропущенныхъ учениками уроковъ — Московскій округъ стоитъ много выше Дерптскаго и на одномъ уровнѣ съ Киевскимъ, который по относительно малой смертности занимаетъ однако же первое мѣсто (0,18% или 10 ч.) Остальные учебные округа слѣдуютъ въ этомъ отношеніи другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Оренбургскій (0,32% или 5 ч.), Харьковскій (0,34% или 17 чел.), Восточная и Западная Сибирь (0,36% или 4 ч.), Одесскій округъ (0,37% или 16 ч.), Варшавскій (0,39% или 27 ч.), и наконецъ, Западный, въ которомъ относительная смертность въ точности совпадаетъ съ среднимъ выводомъ для гимназій и прогимназій цѣлой Имперіи (0,44% или 13 ч.).

Отзывы попечителей учебныхъ округовъ о нравственномъ состояніи учениковъ гимназій и прогимназій вообще весьма благоприятны. Проступки учениковъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не выходили изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей или юношескихъ выходокъ. Попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ замѣчаютъ, что гимназическое юношество стоитъ вообще на хорошей дорогѣ, поведение его въ истекшемъ году было вполне удовлетворительно и сообразно съ достоинствомъ гимназій.... Съ водвореніемъ классической системы образованія и вообще серьезнаго ученія въ гимназіяхъ, школьная молодѣжь какъ бы отрезвилась, помолодѣла, стала сама собою и обратилась къ интересамъ и заботамъ, свойственнымъ ея возрасту.

Отзывы эти подтверждаются и статистическими данными. Изъ всего числа учениковъ гимназій и прогимназій, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, имѣли за поведеніе отмітку 2 за первое полугодіе 1875 г. всего 227 или 0,51%, а за второе полугодіе 198 или 0,41%; отмітку же 3 за первое полугодіе 2.819 или 6,2%, а за второе 2.772 или 5,8%; имѣвшихъ же 2 или 3 вмѣстѣ было 6,71% въ первое полугодіе и 6,61% во второе. Всѣ остальные имѣли за поведеніе 5 или 4 и притомъ имѣвшіе 5 составляли въ 1-е полугодіе около 62% всего числа учащихся, а во второе 65% (или около $\frac{2}{3}$). Отдѣльные учебные округа представляютъ въ этомъ отношеніи вообще не очень значительныя различія, которыми, какъ кажется, болѣе всего зависятъ отъ различной оцѣнки ученическаго поведенія. Наибольшее относительное число не совсѣмъ удовлетворительныхъ отмітокъ за поведеніе (2 и 3) представляютъ учебные округа: Дерптскій (15% и 13%), гдѣ даже имѣвшіе 2 за поведеніе составляютъ 3% общаго числа учениковъ, затѣмъ Варшавскій (15% въ первое и 6% во второе полугодіе, причѣмъ имѣвшіе 2 составляли 0,8% и 0,35%) и наконецъ, Казанскій (10% и 9%) и Восточная и Западная Сибирь (8 и 9); С.-Петербургскій и Московскій округа ближе всего подходятъ къ среднему выводу для всей Имперіи, именно первый представляетъ 6,3 и 5,4% отмітокъ 3 и 2 (послѣднихъ отдѣльно 0,3 и 0,4%), а второй 5,05 и 4,02% (отдѣльно имѣвшихъ 2 было 0,05% и 0,02%), Харьковскій и Одесскій 3%, Виленскій 2 и 3%, а Кіевскій даже не болѣе 1,6%.

Что касается до болѣе важныхъ изысканій, свидѣнія о коихъ съ 1875 г. за цѣлый годъ сообщаются по каждой гимназій и прогимназій министерству народнаго просвѣщенія, то общее число ихъ въ 1875 г. простиралось до 93.314, что даетъ 202 изысканія на каждаго 100 человекъ. Изъ числа этихъ изысканій наибольшее число 62% направлены противъ лѣности и нерадѣнія въ ученіи и приготовленіи уроковъ и письменныхъ работъ, а именно было 44.718 случаевъ оставленія въ гимназій или прогимназій на 1 часъ по окончаніи уроковъ для приготовленія неприготовленнаго;—6.381 случай назначенія особыхъ занятій на домъ въ праздники и воскресные дни для пополненія упущеній и 6.846 случаевъ задержанія въ гимназій не болѣе какъ на три часа въ воскресные и праздничные дни также для приготовленія уроковъ; всего 57.945 изысканій этого рода (по 125 на каждаго сто учениковъ). Случаевъ заключенія въ карцеръ было на время отъ 1 до 4 часовъ 6.843; на время отъ 4 до 8

часовъ 639, на время свыше 8 часовъ и не болѣе какъ на сутки всего 7.667, что даетъ по 16 взысканій этого рода въ годъ на каждыхъ 100 чел. Выговоры отъ имени педагогическаго совѣта было 848 или 18 на каждую тысячу учащихся и, наконецъ, случаевъ удаленія изъ гимназій или прогимназій всего 280 или 6 изъ 1.000 человекъ, въ томъ числѣ удаленій съ правомъ поступленія въ учебныя заведенія того же города 252, удаленій безъ этого права 23 и, наконецъ, удаленій съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ учебныхъ заведеній 5. Остальные изъ вышеупомянутыхъ взысканій заключались въ одиночномъ сидѣніи въ классѣ (за подсказыванье, неуживчивость или пачистоплотность) 7.840 случаевъ и въ отдѣленіи отъ общества торішей безъ лишенія свободы въ рекреаціонное время 3.164 (вмѣстѣ 11.004 случая или 23 взысканія на каждыхъ 100 человекъ) и въ выговорахъ передъ цѣлымъ классомъ класснаго наставника (9.288), инспектора (4.764) и директора (1.518),—всего 15.570 (по 33 взысканія на каждыхъ 100 человекъ).

Взысканія вездѣ наиболѣе падали на низшіе классы. Такъ, напримеръ, въ С.-Петербургскомъ округѣ изъ 51 удаленнаго вдвое болѣе относительно процентъ приходится на долю низшихъ классовъ и точно также, тогда какъ имѣвшіе 2 или 3 за поведеніе въ I классѣ составляли 10%, во II 7,8%, въ III 6,1%, въ IV уже 2,9%, а въ V 2,2%, въ VI 1,2%, въ VII 1,8%, въ VIII 1,6%. Образовательное и воспитательное дѣйствіе гимназій такимъ образомъ мало по малу все болѣе облагораживаетъ и улучшаетъ нравственность учащихся.

Дисциплинарная дѣятельность по отдѣльнымъ округамъ и, быть можетъ, еще болѣе по отдѣльнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ однихъ и тѣхъ же округовъ представляетъ чрезвычайныя различія. Такъ, напримеръ, случаевъ оставленія въ гимназіи на 1 часъ для приготовленія уроковъ въ 3-й С.-Петербургской гимназіи было 1.355, а во второй С.-Петербургской, имѣющей еще нѣсколько большее число учениковъ, всего 69; въ 3-й Московской 1.534, а во 2-й, болѣе многочисленной, 234; въ Костромской же всего 13; напротивъ, во Владимірской 1.426, хотя въ Костромской гимназіи учениковъ нѣсколько болѣе, чѣмъ во Владимірской. Подобныя различія повторяются и въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ. Особенно разительны они относительно числа взысканій, направленныхъ противъ лѣности и нерадѣнія учениковъ въ ученіи. Нечего и говорить о томъ, что вышеприведенныя данныя отнюдь не означаютъ, чтобы, напримеръ, во

Владимірской гимназіи ученики были слишкомъ во 100 разъ нерадивѣе въ ученіи, чѣмъ въ Костромской, а то, что Владимірская гимназія значительно строже относится къ упущеніямъ этого рода, чѣмъ Костромская, хотя и нельзя отрицать, что, быть можетъ, она имѣетъ и болѣе поводовъ къ этой строгости, а также и то, что, быть можетъ, она имѣетъ менѣе основанія полагаться на родителей относительно взысканій за упущенія и проступки дѣтей.

Такъ или иначе, но дисциплинарная дѣятельность гимназій и прогимназій проявилась въ отдѣльных учебныхъ округахъ въ теченіе отчетнаго года въ нижеслѣдующемъ видѣ: на 100 учащихся вообще приходилось вышеозначенныхъ взысканій всего въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 358, въ Кіевскомъ 287, въ Варшавскомъ 262, въ Московскомъ 207, въ Виленскомъ 161, въ Харьковскомъ 154, въ Одесскомъ 134, въ Казанскомъ 124, въ Восточной и Западной Сибири 110, въ Оренбургскомъ 95 и въ Дерптскомъ 82. Такимъ образомъ, отдаленнѣйшіе востокъ и западъ Россіи наиболѣе сходятся въ этомъ отношеніи между собою, но чѣмъ опредѣлилось это сходство въ маломъ проявленіи дисциплинарной власти гимназій, тѣмъ ли, что и тамъ и здѣсь было менѣе, чѣмъ гдѣ либо, ученическихъ проступковъ и упущеній, тѣмъ ли, что и тамъ и здѣсь педагоги менѣе строги и менѣе заботливо относились къ этимъ проступкамъ и упущеніямъ, чѣмъ гдѣ либо, и, наконецъ, поступали-ли они въ этомъ случаѣ въ той увѣренности, что эти проступки и упущенія не останутся безъ надлежащихъ взысканій со стороны родителей, или же по инымъ побужденіямъ и расчетамъ,—въ точности этого опредѣлить невозможно.

Неравномѣрность какъ оцѣнки познаній и поведеніи учениковъ, такъ равно и взысканій за ихъ проступки и упущенія, есть, безъ сомнѣнія, весьма важный и существенный недостатокъ, но совершенное устраненіе его въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ какъ одного и того же округа, такъ и въ особенности различныхъ округовъ, представляетъ едва ли преодолимыя трудности. Тѣмъ не менѣе, я считаю не излишнимъ предложить на обсужденіе окружающимъ начальствамъ вопросъ о томъ, какими мѣрами могла бы быть по крайней мѣрѣ уменьшена та разительная неравномѣрность въ разнаго рода взысканіяхъ, какая замѣчается нынѣ при сравненіи въ этомъ отношеніи между собою отдѣльных гимназій и прогимназій.

Почти двѣ трети всѣхъ взысканій, какъ было приведено выше, прямо направлены противъ лѣности и нерадѣнія въ ученіи. Еще

болѣе могущественнымъ орудіемъ для борьбы противъ этого зла, столь свойственнаго вообще учащемуся юношеству, служить оставленіе неисправныхъ учениковъ на другой годъ въ томъ же самомъ классѣ. Число всѣхъ оставляемыхъ на другой годъ въ томъ же классѣ въ среднемъ выводѣ для всѣхъ округовъ составляетъ съ небольшимъ одну треть всего числа учащихся (34,8% въ 1875 г.). Но затѣмъ число тѣхъ, которые и на второй годъ ученія въ томъ же классѣ оказываются неисправными и по § 34 устава увольняются за безуспѣшность изъ своего учебнаго заведенія, слишкомъ въ 15 разъ меньше предыдущаго числа: по крайней мѣрѣ въ 1875 году число всѣхъ уволенныхъ изъ гимназій и прогимназій по § 34 за безуспѣшность въ ученіи простиралось до 1103, или 2,3% всего числа учащихся. Такимъ образомъ, борьба противъ лѣности и нерадѣнія ведется гимназіями и прогимназіями съ несомнѣннымъ успѣхомъ, и притомъ успѣхъ этотъ, судя по имѣющимся даннымъ, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣшительнымъ. Такъ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ предшествующіе три года (1872, 1873 и 1875) было увольняемо за безуспѣшность отъ 4,1 до 4,4%, а въ 1874 году всего 2,7% (122 ч.) и изъ этого числа почти три пятыхъ (58%) приходится на долю I и II классовъ. Въ Московскомъ округѣ процентъ уволенныхъ за безуспѣшность уменьшился противъ 1874 г. съ 3,5 до 2,5 (188 ч.) и 42% всего числа уволенныхъ приходится на I и II классы. Въ Одесскомъ округѣ замѣтно еще болѣе значительное уменьшеніе съ 4,6% до 2,4 (104 ч.) и изъ этого числа около 56% уволены изъ I и II классовъ; въ Виленскомъ округѣ уменьшеніе процента уволенныхъ менѣе значительно, а именно съ 4,4 до 3 (115 ч. и также на I и II классы приходится почти 50%); въ Варшавскомъ округѣ процентъ уволенныхъ за безуспѣшность уменьшился слишкомъ вдвое (съ 7,2 до 3 или 207 ч.), причѣмъ на I и II классы приходится 41% всего числа уволенныхъ. Дальнѣйшее сравненіе съ предыдущимъ годомъ невозможно за отсутствіемъ данныхъ за тотъ годъ; а въ 1875 г. уволенныхъ за безуспѣшность было: въ Казанскомъ округѣ 1,7% всего числа учащихся (52 ч., изъ коихъ въ I и II классахъ 57%), Оренбургскомъ 1,1% (18 ч., изъ коихъ 77% въ I и II кл.), въ Западной и Восточной Сибири 1,7% (19 ч., изъ коихъ болѣе половины въ I и II кл.), въ Харьковскомъ 1,3% (56 ч., изъ нихъ почти 70% въ I и II кл.), въ Кіевскомъ 3,2% (178 ч., изъ нихъ 42% въ I и II кл.) и, наконецъ, въ Дерптскомъ 1,4% (48 ч., изъ нихъ 43% въ I и II кл.). Вообще учебные округа

по возрастанію относительнаго числа уволенныхъ за безуспѣшность слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Оренбургскій (1,1%), Харьковскій (1,3%), Дерптскій (1,4%), Казанскій и Западная и Восточная Сибирь (1,7%), Одесскій (2,4%), Московскій (2,5%), С.-Петербургскій (2,7%) Виленскій и Варшавскій (по 3%) и, наконецъ, Кіевскій (3,2%). Во всѣхъ учебныхъ округахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изъ общаго числа уволенныхъ за безуспѣшность, на долю I и II классовъ приходится 48%, а на долю низшихъ четырехъ классовъ и приготовительнаго 89%, и, слѣдовательно, на долю высшихъ четырехъ классовъ всего 11%, тогда какъ учащіеся изъ высшихъ классовъ составляютъ около 20%. Изъ общаго числа уволенныхъ за безуспѣшность не оказали успѣха въ латинскомъ языкѣ 67%, въ математикѣ 53%, въ русскомъ языкѣ 51%, въ исторіи и географіи 22% и столько же въ новыхъ иностранныхъ языкахъ, въ греческомъ языкѣ 20%, въ законѣ Божіемъ 9%, и въ физикѣ и естествовѣдѣніи около 2%. Изъ этого видно, что одна половина уволенныхъ по безуспѣшности не успѣвала въ двухъ, а другая половина въ трехъ предметахъ, или иначе, что 250 случаевъ безуспѣшности по различнымъ предметамъ приходится на каждыя сто человѣкъ уволенныхъ, причемъ 36% не успѣвали въ какомъ-либо одномъ изъ главныхъ предметовъ, 40% въ двухъ, а 22% даже въ трехъ изъ сихъ предметовъ, и затѣмъ съ небольшимъ 1% придется на долю уволенныхъ за безуспѣшность только во второстепенныхъ предметахъ.

Число уволенныхъ по какой-либо причинѣ изъ гимназій и прогимназій показано въ 2,328 человѣкъ, а такъ какъ уволенныхъ за недобрительное поведеніе было всего 280, а за безуспѣшность 1,103, вмѣстѣ 1,383, то, слѣдовательно, 945 учениковъ были уволены за невзность платы за ученіе, если только не предположить, что нѣкоторыя учебныя начальства подъ именемъ уволенныхъ по какой-либо причинѣ обозначали и уволенныхъ по прошелію, или же уволенныхъ за безуспѣшность и уволенныхъ по § 34 считали порознь, чему имѣются примѣры въ отчетахъ по нѣкоторымъ учебнымъ округамъ. Число уволенныхъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ причинамъ составляетъ съ небольшимъ 5% общаго числа выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія въ нихъ полнаго курса.

Обращаясь къ даннымъ вообще о числѣ выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія въ нихъ полнаго курса, нельзя не замѣтить прежде всего, что число это за послѣдніе годы и абсолютно, и относительно все уменьшается. Въ 1873 году оно прости-

ралось до 10,792 (24⁰/о всего числа учившихся), въ 1874 г.—до 9,162 (21,1⁰/о) и въ 1875 г. до 8,146 или 17,6⁰/о; но такъ какъ изъ этого послѣдняго числа 1,926 учениковъ (или п. 24⁰/о) собственно не выбыли, а только перешли изъ однихъ гимназій и прогимназій въ другія, то дѣйствительно выбывшіе составляли въ отчетномъ году съ небольшимъ 13⁰/о. Это уменьшеніе числа преждевременно выбывающихъ изъ гимназій и прогимназій учениковъ слѣдуетъ отнести какъ справедливо замѣчаетъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, къ увеличившейся заботливости объ ученикахъ самихъ ихъ родителей, гимназическаго начальства и преподавателей.

Соотвѣтственно самому распредѣленію учениковъ по классамъ наибольшее число выбывшихъ (80,7⁰/о всего числа) приходится на приготовительный и низшіе четыре класса (въ томъ числѣ на приготовительный и низшіе два класса 50,2⁰/о) и слѣдовательно, 19,3⁰/о на высшіе четыре класса (отдѣльно на VII и VIII классы 471 чел. или 5,8⁰/о всего числа выбывшихъ). По причинамъ или по видамъ, съ коими выбыли эти 8,146 учениковъ, они распредѣляются такъ: выбыли изъ однихъ гимназій и прогимназій для поступленія въ другія гимназій и прогимназій, какъ уже приведено выше, почти 24⁰/о всего числа выбывшихъ, для поступленія въ реальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 9,2⁰/о, для поступленія въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ 12,3⁰/о; слѣдовательно, 45 1/2⁰/о выбывшихъ, не оставили вовсе ученія, а перешли въ другія учебныя заведенія, 12,5⁰/о выбыли для поступленія на государственную или частную службу; 2,5⁰/о умерли, 10,5⁰/о не имѣли при выходѣ изъ гимназій опредѣленныхъ видовъ относительно дальнѣйшаго своего назначенія или, по крайней мѣрѣ, не сообщили о томъ никакихъ свѣдѣній учебнымъ начальствамъ и, наконецъ, 18,6⁰/о всѣхъ выбывшихъ были уволены за безуспѣшность, а 3,4⁰/о за не совсѣмъ одобрительное поведеніе.

Что касается до отдѣльныхъ учебныхъ округовъ, то относительное число выбывшихъ до окончанія курса увеличилось противъ 1874 года только въ Восточной Сибири съ 12,5 до 17⁰/о, въ Киевскомъ округѣ съ 15,6 до 18 и въ Дерптскомъ съ 15 до 16⁰/о, то-есть, вообще въ немногихъ округахъ и въ весьма незначительномъ размѣрѣ. Напротивъ, оно уменьшилось въ Варшавскомъ округѣ съ 31,6⁰/о до 20⁰/о, въ Одесскомъ съ 27,2 до 18,2, въ С.-Петербургскомъ съ 22,3 до 19,4, въ Московскомъ съ 20,9 до 17⁰/о, въ Казанскомъ и Оренбургскомъ съ 15,3 до 14⁰/о, въ Западной Сибири съ 17,1 до 15⁰/о,

въ Харьковскомъ округѣ съ 18,9 до 13,38% и, наконецъ, въ Виленскомъ округѣ съ 21 до 20%. Наибольшее уменьшеніе относительнаго числа выбывающихъ приходится на долю Варнавскаго (11,60%) Одесскаго (9%), Харьковскаго округа (5,6%); по возрастающему же относительному числу выбывшихъ въ отчетномъ году учебные округа слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Харьковскій (13,4%), Казанскій (14%), Западная Сибирь (15%), Оренбургскій и Дерутскій (по 16%), Московскій и Восточная Сибирь (по 17%), Одесскій и Кіевскій (по 18%), С.-Петербургскій (19,4%), Виленскій и Варшавскій (по 20%).

Число вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1874 г. достигло небывалыхъ прежде размѣровъ; въ отчетномъ году оно нѣсколько уменьшилось, но весьма незначительно, съ 11,548 человекъ до 11,066 (на 4%), а именно: подали прошеніе о приѣмѣ 15,274; изъ нихъ не явилось на приемныя испытанія 509 или 3,3%, изъ остальныхъ не выдержали испытанія 3,144 или 21% (въ 1874 году 24,2%), отказано за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ въ классѣ 555 (или 3,7%, какъ и въ 1874 г.) и, наконецъ, приняты въ соответственные классы, какъ сказано, 11,066. Наибольше отказовъ въ приѣмѣ за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ было въ Варшавскомъ округѣ (95), Виленскомъ (91), Кіевскомъ (88), Одесскомъ и Харьковскомъ (65 и 63). То, что число вновь поступающихъ въ гимназіи и прогимназіи поддерживается на такой замѣчательной высотѣ, свидѣтельствуетъ, по замѣчанію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, о сочувствіи общества къ гимназіямъ и о возрастающемъ сознаніи потребности въ гимназическомъ образованіи, а уменьшеніе числа не выдержавшихъ приемнаго испытанія съ 24,2% до 21% или на 3,2% показываетъ все возрастающую заботливость родителей о надлежащей подготовкѣ ихъ дѣтей.

Несмотря на нѣсколько уменьшившійся противъ 1874 г. приѣмъ учениковъ въ гимназіи и прогимназіи и благодаря лишь успѣшенію числа выбывшихъ до окончанія курса, общее число учащихся въ этихъ заведеніяхъ увеличилось въ отчетномъ году значительнѣе чѣмъ въ предыдущемъ, а именно на 2.941 или на 6,8%, тогда какъ въ 1874 г. оно увеличилось на 2.022 чел. или на 4,7%. Увеличеніе это въ различной мѣрѣ послѣдовало рѣшительно по всѣмъ учебнымъ округамъ. Если въ относящейся къ этому предмету вѣдомости значится по Казанскому округу уменьшеніе на 1.386 учениковъ, то это единственно вслѣдствіе отдѣленія отъ него 6-ти гимназій и 1-й про-

гимназій, которыя вошли въ составъ вновь учрежденнаго Оренбургскаго округа. Разсматривая оба эти округа вмѣстѣ, мы увидимъ, что общее число учениковъ ихъ гимназій и прогимназій возросло съ 4.381 до 4.593, то-есть, на 212 чел. или на 4,8% (а въ Казанскомъ, отдѣльно взятъ, на 129 или 4,1%, въ Оренбургскомъ на 83 или на 5,4%). Число учениковъ гимназій и прогимназій увеличилось въ среднемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ округовъ, какъ уже сказано, на 6,8%; наименѣе въ Западной Сибири (на 1,1%), затѣмъ въ Виленскомъ округѣ (на 2%), въ Казанскомъ (4,1%), Кіевскомъ (5%) и Оренбургскомъ (5,4%), болѣе же въ Московскомъ и Одесскомъ (по 6%), еще болѣе въ С.-Петербургскомъ, Дерптскомъ и Восточной Сибири (по 8%) и наиболѣе въ Харьковскомъ и Варшавскомъ (до 10%). Такимъ образомъ, этотъ послѣдній округъ, который доселѣ представлялъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ только уменьшеніе числа учащихся, въ 1875 г. разомъ увеличилъ ихъ число почти на одну десятую долю.

Къ 1-му января 1876 г. число учениковъ гимназій и прогимназій простиралось до 47.639 чел. Изъ этого числа на приготовительный классъ приходилось 14,9% (на 0,8% менѣе чѣмъ въ 1874 г.), на I-й классъ—20,6% (на 0,3% менѣе), на II-й—18,1% (на 0,3% болѣе), на III-й—14,8% (на 1% менѣе), на IV-й—11,7% (такъ же какъ и въ 1874 г.), на V-й—7,6% (на 0,3% болѣе), на VI-й—5,7% (такъ же какъ и въ 1874 г.), на VII-й—3,7% и на VIII-й—2,6%, на оба вмѣстѣ 6,3% (на 0,2% менѣе чѣмъ въ 1874 г.). Такимъ образомъ ученики низшихъ четырехъ классовъ (безъ приготовительнаго) составляли 65,2% (на 1% менѣе противъ 1874 г.), а ученики высшихъ четырехъ классовъ 19,6% (на 0,1% болѣе чѣмъ въ 1874 г.). Число приготовительныхъ классовъ въ отчетномъ году увеличилось съ 168 до 175 или на 7. Тѣмъ не менѣе учениковъ на каждый изъ этихъ классовъ приходилось отъ 40 до 41 (а въ 1874 г. отъ 37 до 38). Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ родители все болѣе пользуются приготовительными классами, имѣя въ виду сколь можно лучше подготовить своихъ дѣтей къ гимназическому курсу.

Въ общемъ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій православныя рѣшительно преобладаютъ, составили 61% всѣхъ учащихся, а за тѣмъ преобладаніе это сохраняется за ними во всѣхъ отдѣльныхъ округахъ, за исключеніемъ Варшавскаго, гдѣ 71% учащихся—римско-католическаго исповѣданія и только около 12% православнаго, и Виленскаго, гдѣ римско-католиковъ 40%, а православныхъ 32%, а

также и Дерптскаго, гдѣ лютеранъ слишкомъ 70%, а православныхъ 13%. Въ общемъ числѣ учащихся за православными слѣдуютъ римско-католики, которые составляютъ 19%, за тѣмъ евреи (слишкомъ 20%) и, наконецъ, лютеране (8%), тогда какъ магометанъ всего 0,2%. Кромѣ Виленскаго и Варшавскаго округовъ, гдѣ на сторонѣ римско-католиковъ относительное или абсолютное большинство, они составляютъ весьма значительную примѣсь только еще въ Киевскомъ округѣ (18%), лютеране же, кромѣ Дерптскаго округа, даже и въ С.-Петербургскомъ, гдѣ ихъ, за тѣмъ, болѣе всего, составляютъ не болѣе 6,5%, причемъ подобно имѣть въ виду, что въ самомъ Петербургѣ они имѣютъ два церковныя училища съ курсомъ и правами гимназій. Ученики изъ числа Евреевъ встрѣчаются въ гимназіяхъ или прогимназіяхъ всѣхъ округовъ, но на Одесскій округъ приходится почти цѣлая треть всего ихъ числа, а въ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій этого округа они составляютъ болѣе $\frac{1}{3}$ (35%); затѣмъ, изъ общаго числа гимназистовъ-евреевъ 18% приходится на Варшавскій округъ, гдѣ они въ общемъ числѣ учениковъ составляютъ слишкомъ 12%; около 17% всѣхъ гимназистовъ-евреевъ приходится на Виленскій округъ, но здѣсь они составляютъ уже болѣе значительную примѣсь къ общей массѣ учащихся, простирающуюся до 21%; около 12% всѣхъ гимназистовъ-евреевъ принадлежатъ Киевскому округу, гдѣ въ общей массѣ они составляютъ съ небольшимъ 10%; между всѣми остальными округами распределены не болѣе 20% общаго числа Евреевъ-гимназистовъ. Магометане во всѣхъ округахъ считаются въ числѣ гимназистовъ только единицами и только въ Оренбургскомъ округѣ ихъ 52, въ Виленскомъ 31 и въ Варшавскомъ 10.

Въ распредѣленіи учениковъ гимназій и прогимназій по сословіямъ отчетный годъ представляетъ лишь незначительныя и быть можетъ, случайныя перемѣны противъ 1874 года. Синовыя дворянъ и чиновниковъ по прежнему составляютъ большинство, именно 52,2%, всего числа учащихся (противъ 1874 г. на 1,6% менѣе); дѣти лицъ духовнаго званія 5,6% (на 0,3% менѣе); дѣти крестьянъ почти 7% (на 0,1% менѣе); дѣти иностранцевъ — тѣ же 1,4%; напротивъ относительное число учениковъ изъ городскихъ сословій возросло на 2,2%, съ 31,5% до 33,7% и нынѣ составляетъ нѣсколько болѣе одной трети всѣхъ учащихся. Изъ всѣхъ учебныхъ округовъ ученики изъ городскихъ сословій преобладаютъ абсолютно только въ Одесскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ почти 52%, и относительно въ

Дерптскомъ, гдѣ они нѣсколько многочисленнѣе чѣмъ сыновья дворянъ и чиновниковъ, хотя и составляютъ въ общей массѣ только 41%; въ Восточной же и Западной Сибири они почти уравниваются число учениковъ изъ дворянскаго и чиновничьяго класса. То же отчасти можетъ быть сказано и объ Оренбургскомъ округѣ. Сыновья крестьянъ, какъ и въ предыдущемъ году, составляли значительную примѣсь (около 19%) только въ округахъ Варшавскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ.

Посчитатели С.-Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ указываютъ, между прочимъ, на то, что горожане составляютъ значительно большій процентъ въ прогимназіяхъ чѣмъ въ гимназіяхъ, такъ что въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа сыновей дворянъ и чиновниковъ 61%, а горожанъ 27%, въ прогимназіяхъ же 50 и 38 а въ Московскомъ округѣ въ гимназіяхъ сыновей дворянъ и чиновниковъ 55,7%, а горожанъ 31,4%; напротивъ, въ прогимназіяхъ — первыхъ 30,5%, а вторыхъ 53,3% и сверхъ того изъ сельскихъ сословій въ гимназіяхъ 3,8%, а въ прогимназіяхъ 11,5%. По поводу такого распредѣленія учащихся изъ различныхъ сословій по гимназіямъ и прогимназіямъ, тайный совѣтникъ князь Ливенъ замѣчаетъ, что вообще „дѣти горожанъ въ большей мѣрѣ чѣмъ дворянъ ограничиваютъ свое образованіе прогимназіей и низшими классами гимназій, а изъ дворянъ болѣе значительный процентъ достигаетъ высшихъ классовъ и оканчиваетъ полный гимназическій курсъ“. Вѣрность этого замѣчанія подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ общемъ числѣ студентовъ 6-ти университетовъ (безъ Дерптскаго и Варшавскаго) въ началѣ 1875—1876 учебнаго года лица изъ городскихъ и сельскихъ сословій составляли только 22¹/₄%, а изъ дворянъ и чиновниковъ 45³/₄%; но за то здѣсь весьма значительную примѣсь (32%) составляли сыновья лицъ духовнаго званія.

Для пансіоновъ при гимназіяхъ и 1875 годъ былъ также неблагоприятенъ, какъ и 1874 годъ, хотя и не въ такой мѣрѣ. Всѣхъ пансіоновъ при гимназіяхъ, не считая коллегій Павла Галагана, было къ 1 января 1876 года 40 и сверхъ того 7 общихъ ученическихъ квартиръ, обезпеченныхъ назначенными на нихъ суммами. Въ этихъ 47 воспитательныхъ заведеніяхъ къ тому же времени состояло 3.146 воспитанниковъ, на 72 чел. болѣе чѣмъ къ 1 января 1875 г. (безъ коллегій Павла Галагана). Такимъ образомъ, число пансіонеровъ возросло только на 2,3%, тогда какъ общее число учениковъ гимназій и прогимназій на 6,8% и такимъ образомъ въ общемъ числѣ учо-

никовъ эти пансіонеры составляли 6,6% (въ 1874 г. съ небольшимъ 7%, а въ 1873 г.—9,6%). Дворянство, въ интересахъ котораго преимущественно учреждены и содержатся пансіоны при гимназіяхъ, по большей части продолжало и въ 1875 году относиться къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать болѣе. Такъ, на дворянствѣ Новгородской губерніи уже къ 1 января 1875 г. числился долгъ гимназическому пансіону въ 28.851 р., а въ теченіе 1875 г. сумма эта увеличилась еще на 7.500 руб., и попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа въ виду такой рѣшительной несостоятельности дворянства этой губерніи удалилъ изъ этого пансіона всѣхъ дворянскихъ пансіонеровъ и замѣстилъ ихъ своекоштными. Дворянство Владимирской губерніи еще въ 1873 г. постановило прекратить выдачу квартирныхъ денегъ 11-ти штатнымъ преподавателямъ гимназіи (880 р.) и суммъ на содержаніе церкви и причта (457 р.), а также на ремонтъ пансіонскаго дома, и постановленіе это уже утверждено въ сентябрѣ 1875 г. Въ пансіонѣ при Орловской гимназіи 12 дворянскихъ пансіонеровъ, и дворянствомъ недоплачено въ 1875 г. 4.034 р., а вся недоимка за дворянствомъ простирается до 8.196 р. 46 коп. Желавшихъ поступить въ этотъ пансіонъ очень много, но по тѣснотѣ помѣщенія въ немъ не можетъ быть болѣе 42 пансіонеровъ. Дворянство Костромской губерніи постановило: закрыть содержимый на его счетъ гимназическій пансіонъ и выдавать родителямъ на руки стипендіи по 300 руб., въ какихъ бы заведеніяхъ ихъ дѣти ни воспитывались; губернаторъ протестовалъ противъ этого постановленія, и теперь это дѣло разсматривается въ высшей инстанціи. Директоръ Костромской гимназіи замѣчаетъ по этому поводу: „Вопросъ этотъ не столько важенъ для самой гимназіи, которая съ закрытіемъ пансіона ничего не теряетъ, напротивъ, даже выигрываетъ лишнее помѣщеніе, сколько для молодыхъ дворянъ Костромской губерніи, которые могутъ существенно потерять отъ такого оборота дѣла“. И дѣйствительно, гдѣ гарантія, что эти 300 р. выдаваемые на руки родителямъ, будутъ употреблены на воспитаніе ихъ дѣтей и особенно на воспитаніе въ такой мѣрѣ заботливое и солидное, какое они могли получить въ гимназическомъ пансіонѣ?

Въ среднемъ выводѣ на каждый изъ 40 пансіоновъ приходится отъ 68 до 69 воспитанниковъ. Въ трехъ пансіонахъ (1 въ С.-Петербургскомъ и 2 въ Харьковскомъ округѣ) число воспитанниковъ совпадаетъ съ этимъ уровнемъ, въ 10 (не считая Лазаревскаго института) оно болѣе или менѣе значительно стоитъ выше этого уровня (по три части с.х.п., отд. 1.

въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ округахъ, 2 въ Казанскомъ и по 1 въ Восточной Сибири и Кіевѣ), а въ 27 ниже этого уровня, ниспадаая даже до 23 (въ пансіонѣ при Херсонской гимназій), и эти 27 пансіоновъ въ хозяйственномъ отношеніи находятся болѣе или менѣе въ затруднительномъ положеніи, и это положеніе не можетъ не отражаться и на ихъ воспитательной дѣятельности, ибо, не имѣя средствъ для возвышенія штатнаго содержанія воспитателей, они принуждены довольствоваться надзирателями. Правда, пансіоны приглашаютъ нерѣдко репетиторовъ для занятій съ менѣе успѣвающими пансіонерами, выбирая ихъ частію изъ гимназическихъ преподавателей, частію изъ другихъ благонадежныхъ лицъ, но эти репетиторы появляются въ пансіонахъ лишь на короткое время и никакъ не могутъ замѣнить собою настоящихъ воспитателей.

По отзыву директора Калужской гимназій, три причины подрываютъ въ настоящее время существованіе пансіоновъ: 1) бѣдность однихъ родителей, для коихъ даже такая плата, какъ въ Калужскомъ пансіонѣ (по 160 рублей въ годъ), кажется чрезмерно обременительною; 2) непониманіе другими выгодъ и преимуществъ пансіонскаго быта для ихъ дѣтей, и 3) недовольство воспитанниковъ старшаго возраста дисциплинарными порядками пансіоновъ, — недовольство, которое естественно питается въ нихъ непрерывнымъ общеніемъ въ классахъ съ приходящими учениками и которому родители весьма часто уступаютъ.

Изъ общихъ ученическихъ квартиръ, обезпеченныхъ особо назначенными для того средствами, въ одной (при Виленской гимназій) въ отчетномъ году послѣдовало весьма значительное улучшеніе, благодаря средствамъ, отпущеннымъ таможеннымъ вѣдомствомъ для устройства при ней общей квартиры для учениковъ этого вѣдомства: большая часть здавія квартиры была передѣлана и будетъ снабжена надлежащей вентиляціей, ватерклозетами, хорошими учебными комнатами и спальнями, гардеробомъ и больницей; по пища воспитанниковъ осталась по прежнему малопитательна и слишкомъ однообразна, ибо на этотъ предметъ отпускается всего по 10 коп. въ день на каждого воспитанника. Устраиваемая при этой квартирѣ общая квартира для учениковъ таможенного вѣдомства рассчитывается на 110 человѣкъ.

Число частныхъ ученическихъ квартиръ, подлежащихъ въ воспитательномъ отношеніи вѣдѣнію гимназическихъ начальствъ, умень-

шлося противъ 1874 года на 4 (съ 924 до 920), а число проживавшихъ въ нихъ учениковъ на 91 (съ 4.820 до 4.729). Такимъ образомъ, число учениковъ всѣхъ пансіоновъ, общихъ и частныхъ учебныхъ квартиръ простиралось къ 1-му января 1876 г. до 7.885 или 16% общаго числа учениковъ.

Въ прошлагодномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ были сообщены обстоятельныя свѣдѣнія о помѣщеніяхъ, занимаемыхъ гимназіями и прогимназіями. Въ отчетномъ году произошли въ этомъ отношеніи слѣдующія перемѣны къ лучшему. Въ Московскомъ округѣ Елецкая гимназія помѣщается нынѣ въ новомъ, совершенно удобномъ, отстроенномъ для нея домѣ. Неудобства, коими страдало помѣщеніе Смоленской гимназій, устранены выводомъ уѣзднаго училища изъ одного съ нею зданія. Въ Казанскомъ округѣ для 3-й Казанской гимназіи нанятъ на 10 лѣтъ за 3.600 р. въ годъ новый болѣе удобный домъ съ 1-го іюля 1876 г. Въ Западной Сибири, къ сожалѣнію, рушилась надежда на постройку собственнаго зданія для Томской гимназій, ибо министръ финансовъ не счелъ возможнымъ согласиться на отпускъ необходимыхъ для сего суммъ, а мѣстныхъ средствъ для этого никакихъ не имѣется и не предвидится, и такимъ образомъ Томская гимназія остается разбросанною въ трехъ зданіяхъ, изъ коихъ одно принадлежитъ мѣстному уѣздному училищу, а другіе два наемныя, а вслѣдствіе этой разбросанности крайне затрудняется надзоръ за воспитанниками и за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла. Въ Харьковскомъ округѣ Новочеркасская гимназія (основные классы оной) вскорѣ уже перейдетъ въ особое зданіе, специально для нея построенное на войсковыя средства. Для Вѣлгородской гимназій уѣздное земство и городское общество уже приступили къ постройкѣ особаго зданія. Для постройки помѣщенія Старобѣльской прогимназій уже утверждены планъ и сметы. Наконецъ, Рижская Александровская гимназія уже переведена въ январѣ 1876 г., въ собственный весьма удобный домъ.

Обозрѣвая, въ заключеніе всеподданнѣйшаго моего отчета за 1875 годъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, весь ходъ учебнаго дѣла, я не могу не признать вмѣстѣ съ попечителями учебныхъ округовъ, что дѣло гимназическаго образованія представляется нынѣ вполне упроченнымъ, что оно идетъ впередъ твердою поступью и что съ каждымъ годомъ достигаются въ этомъ отношеніи все лучшіе результаты. Число гимназій увеличилось въ отчетномъ году на 5-ть, число учащихся въ нихъ на 2.941, число

выбывшихъ преждевременно уменьшилось слишкомъ на тысячу, число поступившихъ вновь удержалось почти на прежней высотѣ, а число окончившихъ полный курсъ увеличилось почти на 400. Дальнѣйшихъ улучшеній слѣдуетъ ожидать отъ времени, отъ неуклоннаго слѣдованія установленнымъ нынѣ правиламъ и отъ доставленія университетами достойныхъ преподавателей по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса въ большемъ противъ прежняго числѣ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (10-го мая 1877 года). *О преобразованіи 5-й С.-Петербургской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи 5-й С.-Петербургской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную, *мнѣніемъ положи:*

1) Четырехклассную 5-ю С.-Петербургскую прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1877 года, въ шестиклассную, съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства, съ 1-го января 1878 года, въ добавокъ къ отпускаемымъ нынѣ на ся содержанію 14.550 руб., еще по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти рублей*, а всего по *двадцати тысячъ дѣсяти восьмидесяти пяти рублей* въ годъ, согласно питателю шестиклассныхъ прогимназій, съ тѣмъ, чтобы въ 1878 году требующаяся на содержаніе 5-го класса сумма ассигнована была на цѣлый годъ, а на содержаніе 6-го класса только на полгода, и чтобы содержаніе 5-го класса въ текущемъ году было отнесено на спеціальныя средства прогимназій.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія вносить на будущее время испрашиваемую сумму въ свѣту министерства народнаго просвѣщенія на общемъ основаніи.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

10. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго Тверскою городскою думою капитала въ пятьсотъ рублей и на учрежденіе, на проценты съ оного, при Тверскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендією купца В. В. Свѣтлогорова“.

11. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго Чистопольскими уѣзднымъ земствомъ капитала въ 1.100 р. и на учрежденіе на проценты съ оного, при Казанскомъ реальномъ училищѣ, стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы и Чистопольскаго училищнаго совѣта Владиміра Ивановича Якубовича.

12. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Киевской 2-й гимназій.*

Общее собраніе членовъ Киевскаго городского общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами его, статскому совѣтнику Густаву Эйсмону, за плодотворный безвозмездный трудъ въ этой должности въ теченіе 6-ти лѣтъ, пожертвовало на учрежденіе при Киевской 2-й гимназій стипендіи его имени капиталъ въ 4.000 руб., переведенный въ Киевскую контору государственнаго банка для обращенія изъ 4¹/₂% по сроку до 10-ти лѣтъ.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Киевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ оного при Киевской 2-й гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендією статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана“.

13. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ министру народнаго про-

свѣщенія, что Тверская городская дума внесла въ мѣстное казначейство *пять тысячъ рублей* на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, имени потомственного почетнаго гражданина Аваева, въ изъясненіе благодарности за пожертвованіе имъ 110 тысячъ рублей на открытіе и содержаніе въ гор. Твери бесплатной больницы для бѣдныхъ и другихъ благотворительныхъ заведеній.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ упомянутой стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендію потомственного почетнаго гражданина Василя Петровича Аваева“.

14. (16-го мая 1877). *Объ учрежденіи стипендій при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что душеприказчикъ по завѣщанію вдовы генералъ-маіора Поляковой, урожденной Дурасовой, представилъ въ Московскій университетъ *восемьнадцать тысячъ рублей*, заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала, согласно волѣ завѣщательницы, трехъ стипендій при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета имени Поляковой.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій при Московскомъ университетѣ, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіями Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой“.

15. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при Тетюшскомъ уѣздномъ училищѣ.*

Въ январѣ и февралѣ текущаго года дано было въ гор. Тетюшахъ любителями два спектакля, сборъ съ которыхъ, въ количествѣ ста рублей, представленъ въ почетному смотрителю Тетюшкаго уѣзднаго училища, мѣстному уѣздному предводителю дворянства, губернскому секретарю Сверчкову, съ цѣлію учредить, на проценты съ оныхъ, при уѣздномъ училищѣ стипендіи его имени. Сверчковъ, принимая во вниманіе, что учащіеся Тетюшкаго уѣзднаго училища нерѣдко увольнялись изъ него за невзность платы за ученіе, хотя та-

ковая взимается лишь въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп. въ годъ съ каждаго ученика, присоединилъ къ доставленной суммѣ еще своихъ 100 руб.. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были учреждены при училищѣ, согласно письменно заявленному желанію жертвователей, шесть стипендій его имени, съ предоставленіемъ выбора стипендіатовъ ему, а впослѣдствіи, въ случаѣ нежеланія Сверчкова выбирать таковыхъ, отсутствія его, или другой причины, педагогическому совѣту училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

16. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Симферопольской женской гимназіи.*

По случаю исполнившагося 13-го сентября 1876 года пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кашкадамова, состоящаго въ званіи попечителя страннопріимнаго дома Таранова-Бѣлозерова, его сослуживцы, товарищи по профессіи (врачи) и многіе изъ гражданъ гор. Симферополя пожелали почтить память столь продолжительной дѣятельности Кашкадамова устройствомъ, чрезъ добровольную подписку, стипендіи его имени въ Симферопольской женской гимназіи.

Совѣтъ попечителей названнаго дома, донося главноуправляющему IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что на собранія по подпискѣ 435 руб. пріобрѣтено закладныхъ листовъ Херсонскаго земельного банка по номинальной стоимости на 500 руб.,—ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить предполагаемую стипендію, съ тѣмъ, чтобы выборъ стипендіатовъ предоставленъ былъ самому Кашкадамову и изъ процентовъ съ означеннаго капитала, въ количествѣ 27 руб. 50 коп. въ годъ, 25 рублей употреблялись въ уплату за ученіе стипендіатки, а 2 руб. 50 коп. на учебныя для нея пособія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

17. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ денежныхъ премій Ю. Θ. Самарина.*

Нѣсколько друзей покойнаго Ю. Θ. Самарина, высоко цѣнившихъ его личныя свойства и ученую и общественную его дѣятельность,

возымѣли мысль учредить въ его память, на счетъ процентовъ съ собраннаго ими капитала въ *десять тысячъ рублей*, денежныя преміи за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи, которому покойный Самаринъ посвящалъ главнѣйше свою дѣятельность.

По порученію учредителей означенныхъ премій, статсъ-секретарь Гротъ, препровождая къ министру народнаго просвѣщенія составленное учредителями положеніе по сему предмету и программу для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій, просилъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на учрежденіе поминутыхъ премій въ память Самарина при Московскомъ университетѣ, на изложенныхъ въ положеніи основаніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ денежныхъ премій имени Юрія Ѳедоровича Самарина, такъ и на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе о преміяхъ и программу для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Самарина.

18. (21-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицей.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, высочайше соизволилъ на учрежденіе при Демидовскомъ юридическомъ лицей, въ Ярославлѣ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.000 руб., пожертвованнаго дочерью гвардіи ротмистра Елизаветою Петровною Милуковою, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной стипендіею преосвященнаго Леониды, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

19. (24-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Александровскомъ ремесленномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Александровскомъ ремесленномъ училищѣ въ гор. Киевѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго товариществомъ Кальникскаго свеклосахарнаго завода капитала въ 4.000 руб., стипендіи имени директора этого товарищества, швейцарскаго подданнаго Фридриха Енни.

20. (24-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при Рязанской гимназій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованныхъ тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Малининымъ четырехъ тысячъ рублей 5% билетами государственнаго банка и на учрежденіе на проценты съ этого капитала при Рязанской гимназій одной или двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи тайнаго совѣтника Николая Ѳедоровича Малинина“.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (7-го апрѣля 1877 г.). *Положеніе о стипендіяхъ имени Высокопреосвященнѣйшаго Филофея, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при Тверскихъ: губернской гимназій, реальномъ училищѣ и Маріинской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ представителями тверскихъ губернскихъ правительственныхъ учреждений и гражданами города Твери капитала, 1,600 рублей, учреждаются, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го апрѣля 1877 г. три стипендіи: а) при губернской гимназій, съ 500 р., б) при реальномъ училищѣ, съ 500 р., и в) при Маріинской женской гимназій, съ 600 р.; для чего означенный капиталъ, по обращеніи въ 5% билеты государственнаго банка, внесенъ въ Тверское губернское казначейство на имя сихъ заведеній.

2) Стипендіи эти именуются „стипендіями Высокопреосвященнѣйшаго Филофея, митрополита Кіевскаго и Галицкаго“.

3) Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ, пожизненно, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Филофею; затѣмъ, право назначенія стипендіатовъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, причемъ стипендіатами могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

4) Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіатовъ, а весь могущій произойти отъ этой уплаты остатокъ хранится въ губернскомъ казначействѣ и выдается въ пособіе стипендіатамъ по окончаніи ими полнаго курса ученія.

5) Стипендіаты, оказавшіе недостаточные успѣхи въ наукахъ или замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются, согласно опредѣленію педагогическихъ совѣтовъ гимназій и реального училища, права пользованія стипендіею. Остатокъ отъ сихъ стипендій (4 п.), а равно отъ стипендій лицъ, оставившихъ заведенія до окончанія полного курса, обращается на учебныя пособія вновь избраннымъ степендіатамъ.

6) Настоящія стипендіи не налагаютъ никакихъ обязательствъ на пользующихся ими учениковъ и ученицъ.

12. (18-го мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи статскаго советника Густава Ивановича Эйсмана во 2-й Кіевской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія Густава Ивановича Эйсмана учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го мая 1877 г., на проценты съ пожертвованнаго кіевскимъ обществомъ взаимнаго кредита капитала 4000 р., обращающагося въ государственномъ кредитномъ учрежденіи.

2) Стипендія сія назначается, по выбору педагогическаго совѣта, одному изъ несостоятельныхъ воспитанниковъ гимназій, оказывающему успѣхи въ наукахъ и отличному по поведенію.

3) Избранный въ стипендіаты помѣщается въ состоящей при гимназій общей квартирѣ, въ суммъ которой и поступаютъ на содержаніе его причитающіеся проценты съ пожертвованнаго капитала.

4) Но если родители стипендіата будутъ имѣть жительство въ Кіевѣ, въ такомъ случаѣ, стипендіатъ можетъ, не поступая въ общую квартиру, жить при своихъ родителяхъ, которымъ будутъ выдаваемы проценты съ капитала по полугодно въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ теперь и впослѣдствіи будутъ установлены.

5) Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ заведенія по какимъ-либо причинамъ, выдача стипендій немедленно прекращается, и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

13. (18-го мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи бывшаго предстателя Чистопольской уѣздной земской управы Владиміра Ивановича Якубовича.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ внесеннаго Чистопольской уѣздной земской управой капитала въ 1,100 руб. учреждается съ Высочайшаго соиз-

воленія, послѣдовавшаго 16-го мая 1877 г., при Казанскомъ реальномъ училищѣ „стипендія имени бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы и Чистопольскаго училищнаго совѣта Владиміра Ивановича Якубовича“.

2) Изъ процентовъ этихъ вносится ежегодно плата за право ученія за одного изъ мальчиковъ Чистопольскаго уѣзда, преимущественно изъ крестьянскаго сословія.

3) Если проценты съ капитала будутъ превышать сумму, слѣдующую въ училище за право ученія съ одного мальчика, то остатокъ употребляется на вспомошествованіе мальчику въ приобретеніи нѣтъ учебныхъ пособій и, наконецъ, на самыя средства къ жизни, по усмотрѣнію и распоряженію педагогическаго совѣта училища.

4) Право назначенія стипендіата на означенную стипендію пожизненно принадлежитъ г. Якубовичу, и въ томъ случаѣ, когда онъ почему либо откажется отъ этого права, остается таковое за Чистопольской уѣздной земской управой. Послѣ смерти г. Якубовича, право назначать стипендіата переходитъ окончательно къ Чистопольской уѣздной земской управѣ.

5) Какъ только сдѣлается пакантной означенная стипендія, педагогическій совѣтъ составляетъ списокъ бѣдныхъ учениковъ Чистопольскаго уѣзда, съ обозначеніемъ ихъ сословія, заслуживающихъ по своимъ успѣхамъ быть кандидатами на означенную стипендію, и посылаетъ его въ Чистопольскую земскую управу, которая, по соглашенію съ г. Якубовичемъ, или сама избираетъ изъ этого списка стипендіата, о чемъ своевременно и уведомляетъ директора училища.

6) Назначенный такимъ образомъ стипендіатъ пользуется стипендіей до тѣхъ поръ, пока будетъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ; въ случаѣ, если стипендіатъ останется въ классѣ на второй годъ, по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то это не лишаетъ его права на стипендію; но если, однако же, это случится во второй разъ въ теченіе учебнаго курса, то на стипендію выбирается, означеннымъ выше порядкомъ, ученикъ, болѣе того заслуживающій; равнымъ образомъ лишается права на стипендію и тотъ ученикъ, который, по лѣности и нерадѣнію, остается въ томъ же классѣ на второй годъ, о чемъ своевременно училищное начальство и сообщаетъ Чистопольской земской управѣ.

7) Если, по какому либо случаю, кандидатъ на стипендію нѣкоторое время не будетъ помѣщенъ, то проценты съ капитала, какъ

не израсходованные, должны причисляться къ капиталу, для увеличенія оного.

14. (28 мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія при Вятской губернской гимназій учреждена изъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ сослуживцами бывшаго Вятскаго Вице-Губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, въ ознаменованіе 25-лѣтняго служенія его въ сей должности, на каковой капиталъ будетъ приобрѣтено 7 банковыхъ 5% билетовъ (по номинальной цѣнѣ) на 700 руб., приносящихъ процентовъ по 35 рублей въ годъ.

2) Капиталъ этотъ долженъ находиться въ заведѣваніи педагогическаго совѣта гимназій. Если какимъ либо изъ вышесказанныхъ билетовъ кончится срокъ или выйдутъ въ тиражъ, то совѣтъ гимназій долженъ замѣнить ихъ новыми билетами. Всѣ распоряженія этимъ капиталомъ дѣлаются совѣтомъ, съ участіемъ г. Вятскаго Вице-Губернатора.

3) Помянутая стипендія назначается для уплаты за обученіе въ семь заведеній одного воспитанника изъ дѣтей чиновниковъ, служившихъ или служащихъ въ Вятской губерніи по министерству внутреннихъ дѣлъ.

4) Воспитанникъ гимназій, содержимый на счетъ означенной стипендіи, именуется, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 марта 1873 г., стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.

5) Кандидаты на стипендію избираются педагогическимъ совѣтомъ и утверждаются губернскимъ правленіемъ. Утвержденный въ стипендіи кандидатъ пользуется стипендіею до окончанія полнаго курса гимназій, если только оказываетъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и имѣетъ хорошее поведеніе, въ противномъ же случаѣ онъ лишается стипендіи, которая за симъ уже переходитъ къ воспитанику, заступившему мѣсто выбывшаго.

6) О принятіи cadaго воспитанника въ число стипендіатовъ должно быть составляемо особое постановленіе совѣтомъ гимназій и въ этомъ постановленіи, кромѣ занесенія представленныхъ о принимаемомъ воспитанникѣ документовъ, непременно должно быть объяснено: съ какого именно времени и на сколько лѣтъ воспитанникъ

зачисляется стипендіатомъ и какая сумма имѣть быть ежегодно за него уплачиваема. Журналъ этотъ своевременно публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а копія съ него передается къ дѣламъ губернскаго правленія.

15. (28 мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи Рижскаго купца Ермолая Савича Попова, при Рижской Александровской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Анеиromъ Поповымъ и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ въ 700 руб. изъ 6⁰/₁₀ въ годъ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита, за № 18, учреждается при Рижской Александровской гимназій, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4 апрѣля 1877 г. „стипендія Рижскаго купца Ермолая Савича Попова“.

2) Означенная стипендія, въ размѣрѣ 42 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназій, происходящему изъ русскаго купеческаго сословія прибалтійскихъ губерній и отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно ему, жертвователю, и женѣ его Маріи Пареевнѣ, урожденной Большаковой; послѣ же смерти ихъ обоихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназій.

4) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Ермолая Савича Попова, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

5) Означенный капиталъ въ 700 руб., въ билетѣ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита, составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназій, хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназій въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

16. (1-го іюля 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго советника Чарыкова при Вятской губернской гимназій.*

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра).

1) Стипендія имени тайнаго совѣтника Чарыкова учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го августа 1876 года

при Витской губернской гимназiи, на капиталъ 1050 р., собранный для этой цѣли должностными лицами и гражданами Витской губерніи.

2) Стипендіатомъ имени тайнаго совѣтника Чарыкова могутъ быть назначаемы только дѣти бѣдныхъ жителей Витской губерніи, по выбору начальника губерніи. О приемѣ ихъ и объ окончаніи ими курса наукъ объявляется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщается, для свѣдѣнія, тайному совѣтнику Чарыкову.

3) На собранный капиталъ пріобрѣтается 1 билетъ внутренняго займа и 8 пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго банка, итого 9 билетовъ по нарицательной цѣнѣ, на сумму 900 р., которые ежегодно будутъ приносить процентовъ 45 р. въ годъ. А какъ въ гимназiи плата за обученіе полагается 35 р. то излишніе, за уплатою стипендіи, проценты могутъ храниться въ отдѣленіи государственнаго банка на текущемъ счету или въ сберегательной его кассѣ, для приращенія изъ процентовъ.

4) Въ случаѣ если на 5% билетъ внутренняго съ выигрышами займа, входящій въ составъ капитала стипендіи, послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него одна половина отчислится въ пользу стипендіата (о чемъ и публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ) и выдается по окончаніи имъ курса наукъ, или по выходѣ изъ гимназiи ему самому, а въ случаѣ несовершеннолѣтія — родителямъ его или опекунамъ, а до того времени эта часть выигрыша должна быть обращена въ процентныя бумаги и преимущественно въ билеты съ выигрышами; въ случаѣ же смерти стипендіата, половина его части выигрыша поступаетъ родственникамъ умершаго, не далѣе 5-го колѣна, а другая половина его части раздается по ровну всѣмъ его соученикамъ но если у умершаго стипендіата родственниковъ не окажется, то и слѣдовавшая имъ доля также поступаетъ въ пользу означенныхъ соучениковъ.

5) Другая же половина общей суммы выигрыша обращается въ процентныя бумаги, преимущественно билеты 1-го и 2-го займовъ съ выигрышами, и на проценты съ нихъ открываются новыя стипендіи, съ наименованіемъ ихъ стипендіями тайнаго совѣтника Чарыкова. Когда эта половина выигрыша будетъ болѣе 5 т. руб., то остальная часть этой половины выигрыша, за отчисленіемъ отъ нея 5 т. руб. подлежащихъ обращенію на стипендію, употребляется въ пользу гимназiи, бывшихъ стипендіатовъ тайнаго совѣтника Чарыкова и ближайшаго начальства заведенія.

6) Съ дальнѣйшими выигрышами на сказанные билеты, во все

время содержанія на нихъ. стипендіата поступаетъ вышеобъяснен-
нымъ порядкомъ.

7) Въ случаѣ же выхода билетовъ въ тиражъ погашенія, началь-
ство гимназій должно замѣнить ихъ новыми билетами такого же до-
стоинства; если же полученной за нихъ суммы на покупку новыхъ
билетовъ окажется недостаточно, то хранить ее въ одномъ изъ кре-
дитныхъ учрежденій, пока чрезъ приращенія оной процентами полу-
чится сумма, потребная на покупку новаго билета. Билеты внутрен-
няго займа съ выигрышами будутъ застрахованы на счетъ процен-
товъ, накопившихся на текущемъ счету или въ сберегательной кассѣ.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го апрѣля 1877 года. (№ 5). *Утверждаются:* мировой посред-
никъ 2-го участка Стерлитамакского уѣзда, отставной штабсъ-капи-
танъ *Бухвостовъ*—почетнымъ попечителемъ Стерлитамакской прогим-
назій, на три года, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Исправляющій должность помощника бухгалтера департамента
народнаго просвѣщенія титулярный совѣтникъ *Федоровъ*—въ сей долж-
ности, съ 15-го апрѣля 1877 года.

Назначаются: помощникъ экзекутора департамента народнаго
просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Воронинъ* — экзекуторомъ сего
департамента, съ 22-го апрѣля 1877 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣ-
щенія, титулярный совѣтникъ *Никитинъ* — помощникомъ экзекутора
сего департамента, съ 27-го апрѣля 1877 года.

Опредѣляется: Елисаветградскій уѣздный предводитель дворян-
ства, титулярный совѣтникъ *Де-Каррьеръ*—почетнымъ попечителемъ
Херсонской учительской семинаріи, съ 6-го апрѣля 1877 года.

Оставляются на службу: на три года: директоръ Кіевской
третьей гимназій, статскій совѣтникъ *Александровичъ*, съ 12-го
марта 1877 года.

На пять лѣтъ: директоръ Пензенской учительской семинаріи
статскій совѣтникъ *Хохряковъ*, съ 25 января 1877 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Москов-
скаго университета, тайный совѣтникъ *Щуровскій*, съ 1877 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи на лѣтнее вакаціонное время
1877 года: директоръ Екатеринославской гимназій, коллежскій совѣт-

никъ *Кустовскій* — въ *Пятигорскъ*, директоръ *Варшавской VI мужской гимназіи*, титулярный совѣтникъ *Стефановичъ* — въ *С.-Петербургъ* и *Гродненскую губернію* и исправляющій должность директора *Мозырской прогимназіи*, статскій совѣтникъ *Носовичъ* — въ разныя губерніи; изъ нихъ *Кустовскій* по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ народныхъ училищъ *Олонецкой губерніи*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ* — въ разныя губерніи, по болѣзни.

За границу: на 28 дней: ординарный профессоръ *Императорскаго Новороссійскаго университета Верно* и исправляющій должность почетнаго смотрителя *Рогачевского уѣзднаго училища Верманъ*.

Съ 15-го іюня по 10-е августа 1877 года: инспекторъ *Витебской гимназіи*, статскій совѣтникъ *Андрущенко*.

На два мѣсяца: начальникъ *Кѣлесской учебной дирекціи*, статскій совѣтникъ *Котыловъ*, учитель *Ростовскаго Петровскаго (на Дону) реальнаго училища Штамъ* и дѣлопроизводитель инспекціи училищъ гор. *Варшавы*, коллежскій асессоръ *Каменскій*; всѣ трое по болѣзни.

Съ 5-го іюня по 7-е августа 1877 года: учитель *Митавской гимназіи Данненбергъ*.

Со времени окончанія экзаменовъ по 1-е августа 1877 года: учитель *Харьковской второй гимназіи Говицскій*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарный профессоръ *Императорскаго Варшавскаго университета*, коллежскій совѣтникъ *Котелевскій*, исправляющіе должность доцентовъ сего университета: *Ламанскій* и протоіерей *Дымчанъ*, помощникъ проректора *Императорскаго Московскаго университета Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, сверхштатный доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ *Новой Александріи Хлюдзимскій*, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: *Варшавскихъ*: III — *Троицкій*, V-й — *Костецкій* и *Кашишской*, статскій совѣтникъ *Фукъ*, заслуженный преподаватель *С.-Петербургской второй гимназіи*, статскій совѣтникъ *Тирондъ*, учителя гимназій: *С.-Петербургскихъ*: первой, статскій совѣтникъ *Гюмне*, *Ларинской*, коллежскій совѣтникъ *Коссовичъ*, шестой, коллежскій совѣтникъ *Клеманъ*, *Псковской*, надворный совѣтникъ *Прохазка* и состоящій въ VIII классѣ *Рыдья*, *Вологодской*: коллежскій совѣтникъ *Прохницкій* и состоящій въ VIII классѣ *Вудовичъ*, *Московскихъ*: второй, коллежскій совѣтникъ *Зарицкій* и четвертой, надворный совѣтникъ *Вислюцкій*, *Тульской*, *Петрученко*, *Ярославской Деляви*, *Шифальдъ* и *Горель*, *Харьковской* первой, *Шерцаль*, *Курской*, *Брезоваръ*, *Тамбов-часть ссхл*, отд. 1.

ской, *Пелоній*, Новочеркасской, *Пинкава*, Витебской, состоящій въ VIII классѣ *Антоненко*, Новгородской, *Такелаа*, Одесской второй, надворные совѣтники: *Городскій* и *Человскій*, Керченской Александровской, коллежскій ассесоръ *Застырецъ*, Варшавскихъ мужскихъ: II: *Складовскій*, *Рудзинскій*, *Лапинскій*, *Баранецкій*, *Крымскій*, *Дуйсбургъ*, *Пленкевичъ* и *Околовъ*, III: *Карчевскій*, *Краевскій*, *Шумовскій*, *Мирковскій*, *Пухевичъ*, *Бондзкевичъ*, *Хойко*, *Жловодзскій*, *Глембоцкій*: VI: *Гольдбергъ*, *Красносельскій*, *Дикштейнъ*, *Войке*, *Гомелевскій* и *Веттихеръ*, Люблинскій мужской, *Гесевскій*, Калишской мужской, титулярный совѣтникъ *Бальчевскій*, *Реутъ*, *Росицкій*, *Милюковскій*, *Смолержевскій* и *Гиллеръ*, старшій учитель Ревельской губернской гимназіи *Кирхгоферъ*, исправляющій должность учителя Гродненской гимназіи *Будзисловичъ*, воспитатели при пансіонахъ С.-Петербургскихъ гимназій: второй: надворный совѣтникъ *Росмаръ-де-ла-Дроатьеръ* и третій, статскій совѣтникъ *Фрейтагъ*, врачъ Варшавской VI мужской гимназіи *Шнабъ*, учителя Варшавскихъ женскихъ гимназій: III: *Фровейнъ*, *Цильке* и *Асписъ*, IV, коллежскій ассесоръ *Циммерманъ*, воспитательница Варшавской III женской гимназіи *Бенни*, надзирательница Варшавской IV женской гимназіи *Филипеусъ*, классная дама женскихъ гимназій: Варшавской IV, *Машковская*, Люблинской, *Бородина* и Радомской, *Федорова*, учителя реальныхъ училищъ Вологодскаго, *Рошеръ*, Сызранскаго, состоящій въ VIII классѣ *Синяевскій*, Сумскаго, *Труиртъ*, Ростовскаго Петропскаго (на Дону): *Лякидъ* и *Матъе* и Ловичскаго: *Сикорскій*, и *Грабовскій*, учителя прогимназій: Острогской, *Станко*, Херсонской: *Тибитамиль* и *Браиловскій*, Варшавскихъ мужскихъ: I: *Стефановичъ*, графъ *Грабовскій* и *Горбалъ*, II—*Лозинскій*, Пултуской мужской, *Гволдецкій*, начальница Херсонской Маринско-Александровской женской прогимназіи *Шипова*, исправляющій должность учителя приготовительнаго класса Александровской Серпуховской прогимназіи *Соколовъ*, директоръ училища при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ *Шульце*, инспекторъ сего училища *Тидеманъ*, учителя того же училища: *Лозіеръ*, *Гартманъ*, *Гаге* и *Петрихъ*, учителя училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ: коллежскіе совѣтники: *Диттманъ* и *Кенишъ*, надворный совѣтникъ *Фогтъ*, коллежскій ассесоръ *Гржеме*, *Фаберъ* и *Гиллертъ*, законоучитель Холмскаго Маринскаго женскаго училища священникъ *Добрянскій*, законоучитель лютеранскаго въроисповѣданія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, пасторъ *Домъ*, учитель Варшавской учительской семинаріи *Клемке*, учитель Рижскаго

городскаго реальнаго для гражданъ училища *Напровскій*, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса *Герсонъ*, учитель Гевельскаго уѣзднаго училища *Кельмеръ*, учитель Рижскаго Александровскаго начальнаго мужскаго училища *Бернардтъ*, младшій учитель Лодзинскаго двухкласснаго городскаго начальнаго мужскаго училища *Швабе* и учитель Радивскаго мужскаго начальнаго училища, Сѣдлецкой учебной дирекціи, *Горошевичъ*: изъ нихъ по болѣзни: Ламанскій, Дьячантъ, Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Троицкій, Костецкій, Фуктъ, Копсовичъ, Прохницкій, Зарицкій, Вислоцскій, Застырецъ, Карчевскій, Краевскій, Шумовскій, Марковскій, Пухевичъ, Бондзкевичъ, Хойко, Желоводскій, Глембоцкій, Красносельскій, Дикштейнъ, Войке, Гомолевскій, Бальчевскій, Реутъ, Росицкій, Милковскій, Смогоржевскій, Гиллеръ, Циммерманъ, Филипеусъ, Машковская, Оедорова, Синяевскій, Лозинскій, Гвоздецкій, Соколовъ, Даль, Герсонъ, Бернгардтъ и Горошевичъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать дней: директоръ Люблинской мужской гимназіи *Семалевичъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Левитскій*, экстраординарный профессоръ сего университета *Андреевскій*, исправляющая должность учительницы Пепзенской женской гимназіи *Подпозова* и смотритель Валъскаго уѣзднаго училища *Даббартъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: воспитатель пансіона С.-Петербургской первой гимназіи *Бойс*, по болѣзни.

Съ 20 мая по 20-е августа 1877 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ*, по болѣзни.

Уволивается, согласно прошенію, отъ службы: экзекуторъ департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Киртъ*, съ 22-го апрѣля 1877 года, съ дозволеніемъ поситъ въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Исключается изъ списковъ умертій: окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Савиновъ*.

21-го мая 1877 года (№ 6). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ древне-классической филологіи *Гершельманъ*—ординарнымъ профессоромъ

сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы, съ 13-го апрѣля 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Кондаковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 10-го марта 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ славянской словесности *Кочубинскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ славянской филологіи, съ 7-го апрѣля 1877 года.

Учитель Красноуфимскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Лейманъ*—директоромъ сего училища.

Коломенскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ *Левинъ* — почетнымъ попечителемъ Коломенской мужской прогимназіи, на три года.

Статскій совѣтникъ *Красинскій*, коллежскій совѣтникъ *Мыиковскій*, надворный совѣтникъ *Ильксвицъ*, коллежскіе ассесоры: *Ивановъ* и *Эрдели*, капитанъ *Деменистру*, титулярный совѣтникъ *Журавскій*, штабсъ-ротмистръ *Калагеровъ-Алкалаевъ* и дворянинъ *Нестровъ* — членами попечительства Херсонскаго реальнаго училища, на три года.

Остаются на службѣ: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Коленко*—по 1-е іюля 1878 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Матвѣевъ*—на пять лѣтъ, со 2-го мая 1877 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ *Шелашниковъ*, съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ оставшихъ: статскій совѣтникъ *Ефремовъ*, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Опредѣляется на службу: оставшійся за штатомъ по канцеляріи комитета правленія Императорской академіи наукъ, коллежскій регистраторъ *Зябловъ* — помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го апрѣля 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлю: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Оселянниковъ* — въ Сибирскъ и Самару, на одинъ мѣсяць и десять дней.

Консерваторъ геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Докучаевъ*—въ червоземныя губерніи Россіи, на четыре мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: съ 15-ю іюня по 1-е августа 1877 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*—въ Харьковскую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ Одесской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Порунновъ*—въ разныя губерніи, директоръ Уфимской гимназіи, палатный совѣтникъ *Любарскій*—въ С.-Петербургъ и Варшаву, директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища *Радкевичъ*—въ Крымъ, въ Полтавскую, Кіевскую и Черниговскую губерніи, директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Снитко*—въ разныя губерніи и Дерптскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Гескъ*—въ С.-Петербургскую и Эстляндскую губерніи; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ Вѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Рончевскій*, по болѣзни, въ разныя губерніи.

Въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи *Исаинъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и одинъ мѣсяцъ: директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Голубиновъ*, по болѣзни.

За границу: на двадцать одинъ день: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шведовъ* и письмоводитель и смотритель зданія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Петруцинскій*; послѣдній по болѣзни.

Съ 29-ю іюня по 16-е августа 1877 года: учитель Ровенскаго реальнаго училища *Василевскій*.

На два мѣсяца: директоръ Костромской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мосленниковъ* и учитель Каменецъ-Подольской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Воциминъ*; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета: *Шериль*, *Лесбедевъ*, *Дриновъ*, *Оболенскій*, *Лашкевичъ*, *Гиттенбергеръ* и *Владиміровъ*, экстраординарные профессора сего университета: *Зальскій* и *Гирилинъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Лезбера*, исправляющіе должность доцентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсо-

водства въ Новой Александрін: коллежскій совѣтникъ *Красускій* и *Бердау*, инспекторъ Виленской гимназіи *Шокольскій*, учителя гимназій: С.-Петербургской шестой, коллежскій совѣтникъ *Бастенъ*, Николаевской Царскосельской, надворный совѣтникъ *Дюкро*, Нижегородской, *Омельянский*, Виленской, коллежскій совѣтникъ *Лисикевичъ*, Шавельской: *Сперанскій* и *Семонъ*, Казанской третьей, коллежскій ассесоръ *Беръ*, Каменецъ-Подольской: *Жукъ* и *Чезакъ*, Ковенской: коллежскіе ассесоры: *Макаровъ* и *Фальхонъ*, *Зембергъ* и *Гроссетъ*, Симферопольской мужской, *Зозъ*, Одесской второй, *Андріевскій*, Рижской городской, *Биртъ*, Люблинской мужской: *Козьминскій* и *Прюсъ*, Кѣлецкой мужской: *Шперль*, *Чарнецкій*, *Стравинскій* и *Грубецкій*, Плоцкой мужской: статскій совѣтникъ *Масловскій*, *Лучицкій* и *Миллеръ* и Радомской мужской: *Конткевичъ* и *Вадовскій*, учитель Симферопольской женской гимназіи *Бимикевичъ*, учителя реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Лизчакъ*, Одесскаго, *Пльмъ*, Варшавскаго: коллежскій ассесоръ *Налепинскій*, *Демакюа*, *Бяскъ* и сверштатный *Врублевскій*, и Влоцлавскаго: *Коссовскій* и *Каль*, врачъ сего училища *Новакъ*, учителя прогимназій: Вольской, *Цааръ*, Воронежской, *Волекскій* и Варшавской 1-й мужской, коллежскій ассесоръ *Коперницкій*, исправляющій должность учителя Московской первой прогимназіи *Фонде*, помощникъ директора Варшавскаго института глухонемыхъ и слѣпыхъ, священникъ *Ягодзинскій*, учителя сего института: *Михальскій*, *Новицкій*, *Круликовскій* и *Барановскій*, старшая надзирательница сего же института *Полубинская*, учительница того же института *Доманская*, учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: *Шмидтъ* и *Малсъ*, учитель однокласснаго гимназическаго Люборжицкаго начальнаго общаго училища, Мѣховскаго уѣзда, *Либура*, учительница 5-го однокласснаго Варшавскаго городского начальнаго женскаго училища *Хржановскія* и учительница однокласснаго посадскаго Андреевскаго начальнаго женскаго училища, Андреевскаго уѣзда, *Станчикевичъ*; изъ нихъ по болѣзни: Бердау, Бергъ, Масловскій, Лучицкій, Квяткевичъ, Вадовскій, Налепинскій, Бяскъ, Врублевскій, Коссовскій, Каль, Новакъ, Коперницкій, Ягодзинскій, Михальскій, Новицкій, Круликовскій, Барановскій, Полубинская, Доманская, Либура и Хржановская.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать дней: взвонъ учитель римско-католическаго исповѣданія въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ *Петкевичъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней:

ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лямбль*, экстраординарный профессоръ сего университета *Косинскій*, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ *Бекмундъ* и учитель Рижскаго городского реальнаго для гражданъ училища *Пельхау*; изъ нихъ Лямбль, Косинскій и Пельхау по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буличъ*, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бутлеровъ* и учитель Сызранскаго реальнаго училища *Хорошавинъ*; изъ нихъ Буличъ и Хорошавинъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1877 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ *Вейсманъ*, по болѣзни.

Объявляется призначеніемъ министерства народнаго просвѣщенія: мировому посреднику 2-го участка Рѣжницкаго уѣзда *Сизонову* — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

28-го мая 1877 г. (№ 7). *Утверждаются:* докторъ *Ленинъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ государственнаго и народнаго правъ, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Доценты Императорскаго университета св. Владимира, доктора: всеобщей исторіи, *Фортинскій* и *Лущицкій*, и зоологій, *Гобрицкій* — экстраординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: первый и второй — всеобщей исторіи, и послѣдній — зоологій, всѣ трое съ 8-го апрѣля 1877 года.

Назначается: учитель С.-Петербургской второй прогимназіи, статскій совѣтникъ *Покровский* — директоромъ училищъ Енисейской губерніи, съ 7-го мая 1877.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гафнеръ*, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Дерптскаго учебнаго округа, съ 14-го мая 1877 года.

Переводится: счетный чиновникъ контрольнаго департамента морскихъ отчетовъ, коллежскій секретарь *Самойловъ* — на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 24-го мая 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлю: ординарные профессора Импе-

раторскаго Варшавскаго университета: *Миржинскій*, *Макушевъ* и *Палинскій* и экстраординарные профессора сего университета: *Никитскій* и *Колосовъ*—на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій сѣздъ.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сухомлиновъ*—въ Московскую губернію, на мѣсяцъ и десять дней.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Бычковъ*—на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій сѣздъ, на полтора мѣсяца.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Гротъ*—въ Тамбовъ, на лѣтнее вакаціонное время 1877 года.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Срезневскій*—на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій сѣздъ и въ сѣверовосточныя губерніи, на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ваимеръ*—на Бѣлое море, на три мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Рейеръ*—на Кавказъ, на три мѣсяца и десять дней.

Уволяются въ отпускъ: въ Россіи: на десять дней: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Новиковъ—въ Москву.

На три недѣли: директоръ Бердянской гимназій Вороной—въ Полтавскую губернію.

На двадцать девять дней: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Новиковъ—въ разныя губерніи, директоръ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Силуевъ—въ Полтавскую губернію и директоръ Молодечнянской учительской семинаріи статскій совѣтникъ Ставровицъ—въ Виленскую, Гродненскую и Мнѣвскую губерніи.

На мѣсяцъ и двенадцать дней: предсѣдатель Виленской комисіи для разбора древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій—въ Московскую губернію и въ гор. Казань.

На два мѣсяца: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Кулнцовъ—въ С.-Петербургскую губернію, по болѣзни.

На мѣнѣе вакаціонное время 1877 года: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекстовъ*—въ Московскую губернію, директоры мужскихъ гимназій: Варшавской III, статскій совѣтникъ *Солнцевъ*—въ разныя губерніи, Холмской, статскій совѣтникъ *Гогоцкій*—въ Подольскую и Бессарабскую губерніи, Радомской, статскій совѣтникъ *Маркіановичъ*—въ гор. С.-Петербургъ и Кіевъ, Сувалеской, *Михайловскій*—въ гор. С.-Петербургъ, Варшаву и Нѣжинъ, Маріампольской, *Абрамовичъ*—въ разныя губерніи, и Анапьевской, *Блюхинъ*—въ Кіевскую и Московскую губерніи, начальница Одесской Маріинской женской гимназій *Патлаевская*—во внутреннія губерніи, директоры прогимназій: Глуховской, коллежскій совѣтникъ *Лазаренко*—въ гор. Кіевъ и Черниговъ, Херсонской, *Суриуненко*—во внутреннія губерніи, и Θεодосійской, *Виноуриндовъ*—на Кавказъ, директоръ Одесскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гескъ*—въ Орловскую губернію, директоръ Херсонской учительской семинаріи *Леонтовичъ*—въ Кіевскую и Черниговскую губерніи, и директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи *Чеховичъ*—въ гор. С.-Петербургъ, Варшаву и въ Виленскую и Ковенскую губерніи; изъ нихъ Лазаренко и Чеховичъ по болѣзни.

На мѣнѣе вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ Ковенской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Θеоктистовъ*—въ С.-Петербургъ и во внутреннія губерніи по болѣзни.

На три мѣсяца: директоръ Кіевской второй гимназій, статскій совѣтникъ *Кустовъ*—въ разныя губерніи, по болѣзни.

Со дня окончанія экзаменовъ по 1-е октябрю 1877 года: директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Хохряковъ*—въ разныя губерніи, по болѣзни.

Въ Россіи и за границу: на мѣнѣе вакаціонное время 1877 года и двадцать десять дней: директоръ Новинской учительской семинаріи *Дейлидовичъ*, по болѣзни.

За границу: на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Волковъ*, доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Кессельъ* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа *Потуржельскій*.

На шесть недѣль: начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебединцевъ*, по болѣзни.

На мѣнѣе вакаціонное время 1877 года: ordinарные профессора

Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мейеръ*, Варшавскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Струве* и *Александровичъ*, статскій совѣтникъ *Будзинскій*, надворный совѣтникъ *Тырховскій*, *Вислоцкій*, *Гойеръ* и *Павинскій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, надворный совѣтникъ *Кондаковъ* и Варшавскаго: *Яковлевъ*, *Барановскій* и *Лучкевичъ*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Положовъ*, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета *Блокъ*, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Беръ*, лаборанты сего университета: *Дзевульскій* и *Крамштинъ*, ординаторъ клиники того же университета *Бельке*, учителя гимназій: С.-Петербургской пятой, коллежскій совѣтникъ *Гошюронъ-де-Лафогсъ*, Оренбургской: *Малина* и *Ваера*, Варшавскихъ мужскихъ: II — *Герцъ*, IV: *Копончинскій*, *Радлинскій*, *Коттневскій*, *Дминовскій* и *Поплонскій*, и V: *Машневскій*, *Ханецкій* и *Скимборовичъ*, Петровской мужской, *Канскій*, Ломжинской мужской: *Бартошевичъ*, *Пржибыловскій* и сверхштатный *Донхинъ*, старшій учитель Митавской гимназій, коллежскій ассесоръ *Дидерихсъ*, врачъ Ломжинской мужской гимназій *Пепловскій*, завѣдывающій Люблинскою женскою гимназіею *Листовъ*, учитель Одесской Маріинской общественной женской гимназій *Маркевичъ*, надзирательница Радомской женской гимназій *Павлакевичъ*, классная дама Калишской женской гимназій *Опицъ*, учителя прогимназій: Киевской коллежскій ассесоръ *Дуссанъ*, Херсонской, *Перре*, Сандомирской мужской, *Вильховскій*, и Ченстоховской мужской: коллежскій ассесоръ *Крживицкій* и *Грабовскій*, учитель Одесскаго коммерческаго училища, коллежскій ассесоръ *Шачю*, учитель Андреевской учительской семинаріи *Данецкій*, дѣлопроизводитель канцеляріи Калишской учебной дирекціи *Мировскій*, учитель Пржедборжскаго двухкласснаго начальнаго училища, Конскаго уѣзда, Радомской губерніи, *Кучъ*, и учитель однокласнаго начальнаго общаго училища въ посадѣ Вислицѣ, Пипчевскаго уѣзда *Глинскій*; изъ пикъ по болѣзни: *Струве*, *Будзинскій*, *Тырховскій*, *Вислоцкій*, *Гойеръ*, *Павинскій*, *Барановскій*, *Лучкевичъ*, *Герцъ*, *Копончинскій*, *Радлинскій*, *Коттневскій*, *Дминовскій*, *Машневскій*, *Ханецкій*, *Скимборовичъ*, *Канскій*, *Бартошевичъ*, *Пржибыловскій*, *Донхинъ*, *Пепловскій*, *Павликевичъ*, *Опицъ*, *Вильховскій*, *Данецкій*, *Мировскій*, *Кручъ* и *Глинскій*.

На два съ половиною мѣсяца: почетный попечитель Гатчинской учительской семинаріи *Бурда*.

На тѣхъ же вакаціонное время 1877 года и дѣтъ недѣли: наставникъ

Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Шмидъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и пятнадцать дней: инспекторъ С.-Петербургской второй гимназій *Гельке*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: начальница Вольской женской прогимназій *Эде*, по болѣзни.

На три мѣсяца: начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щебальскій*, почетный смотритель Сорокскаго уѣзднаго училища *Бибери* и надзирательница Бердичевскаго двухкласснаго городского женскаго училища *Блюмъ*; всѣ трое по болѣзни.

На два мѣсяца и лѣтнее вакаціонное время 1877 года: учитель Вольмарскаго уѣзднаго училища *Гейне*, по болѣзни.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: директоръ училищъ Енисейской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Аристовскій*, съ 7-го мая 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ: 2-го участка Брестскаго уѣзда, генералъ-маіору *Минкелидею* и 2-го участка Волковыскаго уѣзда, титулярному совѣтнику *Кисилевскому* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

10-го іюня 1877 года (№ 8). *Утверждается:* исправляющій должность директора Корочанской прогимназій, статскій совѣтникъ *Николаевъ* — въ сей должности.

Назначается: лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Титулярный совѣтникъ *Видертъ* — членовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 26-го апрѣля 1877 года.

Перемѣщается: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ государственнаго права *Хальниковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ въ Императорскій университетъ св. Владиміра на кафедрѣ энциклопедіи права, съ 4-го марта 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлію: сверхштатный бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, коллежскій ассесоръ *Гаркави* — на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій сѣздъ, съ 20-го іюля по 20-го августа 1877 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Бестужевъ-Рюминъ* и доцентъ сего университета *Смирновъ* — на тотъ же сѣздъ, съ 1-го іюля по 15-е сентября 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Корсаковъ* — въ С.-Петербургъ, Москву и Астрахань, съ 1-го сентября 1877 года, на одинъ годъ,

Продолжается срокъ отпуска за границу: исправляющему должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета *Ламанскому* — на двадцать восемь дней.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: съ 1-ю іюля по 15-е августа 1877 года: директоръ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Демьяновичъ* — въ м. Друскеники, Гродненской губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директора гимназій: Нижегородской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Садковъ* — въ Нижегородскій уѣздъ, Херсонской, статскій совѣтникъ *Алаевъ* — на Кавказъ, Новгородсѣверской, коллежскій совѣтникъ *Порскаловъ* — въ Кіевъ и С.-Петербургъ, Кишиневской, *Колловичъ* — во внутреннія губерніи, директоръ Московскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Де-Витте* — на Кавказъ и начальница Ростовской Екатерипинской женской гимназіи *Симеоновская* — во внутреннія губерніи; изъ нихъ: *Алаевъ*, *Порскаловъ* и *Де-Витте* по болѣзни.

На шесть недѣль: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Гвайта* — въ разныя губерніи, по болѣзни.

На семь недѣль: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Грузовъ* — на Кавказъ по болѣзни.

Съ 15- іюня по 10-е августа 1877 года: директоръ Симбирской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вишневскій* — въ Старую Руссу, по болѣзни.

На два мѣсяца: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ князь *Кантакузинъ* графъ *Сперанскій* — въ Полтавскую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и три недѣли: директоръ Казанской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Островскій* — во внутреннія губерніи, по болѣзни.

• На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ С.-Петербургской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Чистяковъ* — въ Ярославскую губернію.

Въ Россіи и за границу: на два съ половиною мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, надворный совѣтникъ *Соловьевъ*, по болѣзни.

За границу на мѣтнее вакаціонное время 1877 года: старшій учитель лицея Цесаревича Николая *Лавровскій*, старшій тѣторскій помощникъ лицея *Кулаковскій* и учителя реальныхъ училищъ: Кіевскаго, коллежскій ассесоръ *Хоминъ* и Орловскаго Александровскаго, *Штаркъ*, учитель Александровской Старобѣльской прогимназіи *Брзобогатый*, помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской второй прогимназіи *Жемчужный* и классная дама Радомской женской гимназіи *Будинская*; изъ нихъ: *Штаркъ* и *Будинская* по болѣзни.

На мѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, тайшій совѣтникъ *Бунге*.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: директоръ Нижегородскаго Александровскаго института, статскій совѣтникъ *Розинъ*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: инспектору народныхъ училищъ Московской губерніи *Искрацову* — за ревностное исполненіе служебныхъ обязанностей.

Почетному блюстителю приходскихъ классовъ при Новоладожскомъ, С.-Петербургской губерніи, уѣздномъ училищѣ, личному почетному гражданину Михаилу *Старикову*, почетному блюстителю Сѣвскаго женскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Николаю *Корчакину*, почетному блюстителю Веглужскаго приходскаго училища, Веглужскому 2 й гильдіи купцу Андрею *Дурневу*, почетному смотрителю Вяземскаго городского училища, Вяземскому городскому головѣ, почетному мировому судѣ Вяземскаго судебного округа, Вяземскому 2-й гильдіи купцу Ивану *Ерохову*, почетному блюстителю Калитвенскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Ивану *Абросову* и почетному блюстителю Бесергеновскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Прокофію *Азовцеву* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу подъ заглавіемъ: *„Книга упражненій въ Латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца“*, составленная согласно съ учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія 1872 г. *Ю. Ходобаевъ* и

П. Виноградовымъ, преподавателями 3-й Московской гимназіи. Часть I. Изд. 4-ое, исправ. и дополн. Москва. 1876 г. Цѣна 1 р.—одобрить какъ пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ общимъ заглавіемъ: „*Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей*“:

I. *Письма Плинія*, въ изложеніи А. Черча и У. Бродриппа. СПб. 1876.

II. *Аристотель*, въ изложеніи Лукаса Коллинза. Переводъ съ англійскаго П. Вейнберга, подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Любецкаго. СПб. 1876 г.

III. *Дукіанъ*, въ изложеніи Лукаса Коллинза. СПб. 1876 г.

IV. *Тицитъ*, въ изложеніи В. Б. Донна. Переводъ С. К. Брюлловой, урожденной Кавелиной, СПб. 1876 г.—одобрить означенныя четыре книги сборника для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Katechizm rzymsko-katolicki ułożony przez Księdza Piotra Stojakowskiego nauczyciela przy szkole Realnej w Warszawie*. Warszawa. 1877 г.“—одобрить въ видѣ руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, въ которыхъ Законъ Божій преподается на польскомъ языкѣ.

— Книгу: „*Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій Людовика Эккардта*. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Перевели и составили приложение Н. Максимовъ и В. Островскій. Изд. 2-ое, измѣненное. СПб. 1877 г. Цѣна 1 р.—одобрить, какъ руководство, при чтеніи поэтическихъ образцовъ и при письменныхъ работахъ въ старшихъ классахъ гимназій, мужскихъ и женскихъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями*. Сост. А. Семеновъ, примѣнительно къ учебному плану. Выпускъ первый. Начальный систематическій курсъ русской грамматики. Составъ рѣчи. СПб. 1877 г. Цѣна 20 к.—одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи грамматики.

— Книгу: „*Краткая латинская синонимика*“ Пособіе по латинскому языку для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По Шульцу и Менге изложилъ К. Я. Бѣлицкій. Одесса. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к.—допустить въ видѣ пособія по латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій, по съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи исправлены бы были замѣченныя ученымъ комитетомъ погрѣшности.

— Книгу: *Пресращенія Публія Овідія Назона*. Книги I—VIII. Переводъ съ латинскаго. Москва. 1874 г. Книги IX—XV. Переводъ съ латинскаго *Θ. Матѣева*. Москва 1876 г.—одобрить для основныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и прогимназій, а также и для основныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу: *„Неутомимый труженникъ. Жизнь шотландскаго натуралиста Томаса Эдварди*. Соч. Сам. Смэйлса. Переводъ съ англійскаго *Е. Сысоевой*. СПб. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 к.“ — допустить для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Составленную И. П. Рождественскимъ книгу: *„Обученіе письму-чтенію. Способъ соединеннаго письма-чтенія. Албука съ прописями и картинками съ текстомъ*. Кіевъ, 1877. Цѣна 40 коп.“ — допустить какъ руководство въ начальныя школы.

— Брошюры: Изъ Ясной поляны (графа Толстаго) рассказы для крестьянскихъ ребятъ, одобрить слѣдующіе рассказы: 1) Робинзонъ, 2) про Христофора Колумба и 3) капитанъ Головинъ въ плѣну у Японцевъ и допустить слѣдующіе рассказы: 1) Душашка и 40 разбойниковъ, 2) Матвѣй, 3) Неправедный судъ и 4) Рассказы о Ермакѣ.

— Составленную В. Водозовымъ книгу подъ заглавіемъ *„Книга для первоначальнаго чтенія съ народныхъ школахъ*. Часть I, изд. 10. СПб., 1877 г. Цѣна 45 коп.“, согласно данному на предшествовавшее изданіе одобренію, одобрить для чтенія въ народныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16 (28) день минувшаго іюня, Высочайше

соизволилъ на принятіе Кундышево-Володинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ д. Пилонѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя, Великаго Князя Сергія Александровича.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЕ АДРЕСЫ:

А. Новороссійскаго университета.

Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Здѣсь, на берегу Чернаго моря, явственно слышимъ съ равнинъ Дуная вопли и стоны нашихъ братій по вѣрѣ и крови. Ихъ слышала и Европа, но осталась спокойной и безучастной. . . .

Одла Россіи, направляемая мудрою мыслию и могучей волей своего Богомъ хранимаго Царя-Освободителя, не остановилась предъ священной задачей — положить предѣлы изувѣрству и варварству, уврачевать вѣковую скорбь и свѣжія раны страдальцевъ, успокоить ихъ боли.

Великій смыслъ и глубокое значеніе этой задачи живо чувствуются на окраинѣ Новороссіи, вблизи мѣстъ, гдѣ столько уже пролито русской крови за правое дѣло, безкорыстно дорогое русскому народу.

По волѣ Екатерины второй возникла Одесса; по волѣ Вашего Величества въ Одессѣ возникъ Новороссійскій университетъ, призванный служить интересамъ науки, цивилизаціи и человѣчности на глазахъ родственныхъ племенъ, отданныхъ въ жертву невѣжества, деспотизма и тираній.

Соблаговолите же, Августѣйшій, дорогой Монархъ, принять къ стопамъ Вашего Величества наши вѣрноподданинческія чувства, одушевляющія теперь всѣхъ русскихъ, и милостиво выслушать выраженіе нашихъ живѣйшихъ падеждъ и пожеланій, чтобы святое дѣло освобожденія славянъ, начатое Петромъ I-мъ, было совершенно Александромъ II-мъ.

Слѣдуютъ подписи ректора и профессоровъ Новороссійскаго университета.

**В. Историко-филологическаго института князя Безбородко
въ Нѣжинѣ.**

Всемилоствѣйшій Государь! Велико и торжественно переживаемое нами время; совершающіяся нынѣ событія неизгладимо будутъ начертаны на скрижаляхъ исторіи. Не было брани, столь священной и побужденій, столь возвышенныхъ. Милліоны христіанъ, неразрывно связанныхъ съ нами единствомъ вѣры и происхожденія, извѣстныя подъ тяжкимъ многовѣковымъ гномъ невольныхъ, съ воплемъ отчаянія, въ виду конечнаго истребленія, простираютъ руки къ единокровной Россіи. Всенародное воодушевленіе царственнымъ Твоимъ призывомъ на брань за вѣру и братьевъ — выраженіе правды и залогъ успѣха подвѣлемаго Тобою подвига; едиными устами и единымъ сердцемъ многомилліоннаго народа движетъ провидѣніе.

Величіе и торжественность минуты даютъ смѣлость намъ, державною Твоею волею призваннымъ къ святому дѣлу образованія наставниковъ русскаго юношества, повергнуть предъ Тобой, Великій Государь, глубочайшія вѣрнопопданническія чувства безпредѣльной преданности и пламенныя пожеланія, да водрузитъ напутствованное Тобою побѣдоносное русское воинство знамя свободы и порядка въ страпѣ, пылѣ обогрѣнной кровью и шѣкогда просвѣтившей насъ христіанствомъ. Вашего Императорскаго Величества вѣрнопопданіе:

Слѣдуютъ подписи Директора и преподавателей историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

— Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищъ министра предложеніемъ отъ 21 минушаго іюля за № 3616 разрѣшилъ попечителю Казанскаго учебнаго округа п. 7 утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 15 апрѣля 1872 г. Положенія о стипендіи учрежденной Пермскимъ благороднымъ собраніемъ для высшаго образованія одного изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Пермской гимназіи, дополнить слѣдующимъ: „а деньги, остающіяся свободными отъ назначенія стипендіи, предоставлять Пермскому благородному собранію употреблять по его усмотрѣнію, въ пособіе слѣдующимъ стипендіатамъ или для приращенія капитала стипендіи“.

— Въслѣдствіе представленія г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ б С.-Петербургской прогимназіи, съ начала будущаго 1871/2 учебнаго года, размырѣ часть схси, отд. 1.

платы за ученіе: въ приготовительномъ классѣ по *тридцати рубл.* и въ нормальныхъ классахъ по *сорока пяти р.*, въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, образованный на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 28 день декабря 1876 года мѣстіи государственнаго совѣта, въ С.-Петербургѣ ученый совѣтъ подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго городского головы, открылъ свои дѣйствія 7 іюня въ два часа дня и въ составъ означеннаго совѣта вошли слѣдующія лица по его назначенію: инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи 1-го района коллежскій ассесоръ Семенко и члены: отъ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя, учитель — инспекторъ С.-Петербургскаго Сампсоньевскаго городского училища, состоящій въ VIII классѣ Иванъ Петровъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію г. С.-Петербургскаго градоначальника, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Ужумецкій — Грицевичъ, отъ епархіальскаго вѣдомства законоучитель гимназіи императорскаго человеколюбиваго общества протоіерей Іоаннъ Полисадовъ и отъ города, по избранію думы, гласные: Баронъ Павелъ Леопольдовичъ Корфъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Федоровичъ Эвальдъ и кандидаты къ сему послѣднимъ, для замѣщенія ихъ въ совѣтъ во время болѣзни или отсутствія изъ города: статскій совѣтникъ Андрей Александровичъ Краевскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Семеновскій.

— Царскосельскимъ купцомъ Алексѣемъ Тарасовымъ пожертвовано 500 р. въ распоряженіе Вышневолоцкой городской думы для назначенія преміи за составленіе этнографическаго, статистическаго и историческаго сборника матеріаловъ, отъ для открытія г. Вышняго Волочка до его столѣтняго юбилея съ тѣмъ, чтобы за лучшій сборникъ назначена была премія отъ 300 до 500 руб.

— 8 мѣсяца іюня г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждены новыя учебныя платы предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; желающіе могутъ получить ихъ, съ печатью департамента, по 20 коп. за экземпляръ, у комисіонера министерства С.-Петербургскаго книгопродавца Глазунова.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа, 11 мѣсяца мая послѣдовало открытіе Московскаго городского училищнаго совѣта, начавшаго свою дѣятельность относительно начальныхъ училищъ г. Москвы.

Открытіе училищъ.

— Открыты слѣдующія народныя училища, *двухклассныя*: 10 апрѣля въ м. Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ.; 29 мая въ с. Каменкахъ, Ружскаго уѣзда, Московской губ., при 45 ученикахъ; 20 іюня въ с. Спасъ-Тверделицахъ Смоленскаго уѣзда; *одноклассныя*: 19 іюня въ с. Ратчинѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губ., 17 апрѣля въ м. Пилавѣ, 18 апрѣля съ с. Паулинцахъ и 19 апрѣля въ с. Торчинѣ,—Литинскаго уѣзда, Подольской губ., 11 апрѣля въ м. Тарнорудѣ, Проскуровскаго уѣзда той-же губерніи и 10 апрѣля въ с. Юринцахъ, того же уѣзда.

О ЗАПИСКѢ ГОТСКАГО ТОПАРХА.

Въ настоящее время этнографія Понтійскаго побережья представляетъ такую массу произвольныхъ взглядовъ, что разборъ ихъ является неотложною задачею науки, но она недоступна единоличнымъ усиліямъ. Почтенный академикъ А. А. Куникъ, въ изслѣдованіи своемъ о Запискѣ Готскаго Топарха, называя ее важнымъ источникомъ, выразить мнѣніе, что она заслуживаетъ того, чтобы было приступлено *viribus unitis* къ подробному изслѣдованію и разъясненію ея ¹⁾.

Обращеніе почтеннаго академика къ постороннему содѣйствію мы готовы были бы принять за шутку, если бы не имѣли въ виду, что надъ разъясненіемъ отрывковъ топарха трудились уже Газе, баронъ Кене, Муральтъ, Рамбо, Гедеоновъ, Ламбинъ, Иловайскій, Погдинъ и Врунь. Отсюда слѣдуетъ заключить, что несогласіе въ пониманіи загадочныхъ фрагментовъ происходило не столько отъ недостатка, сколько отъ излишества соображеній, страдающихъ отсутствіемъ одинаково для всѣхъ убѣдительной истины ²⁾. Съ этой точки зрѣнія споръ, возникшій о значеніи записки, будетъ оставаться открытымъ до той поры, пока ученые не прійдутъ къ соглашенію во взглядахъ своихъ вообще на природу края, гдѣ совершались событія, описанныя топархомъ. Разъясненіе записки, сдѣланное всѣми уважаемымъ А. А. Куникомъ, не удовлетворило профессора В. Г. Васильевского, вѣроятно—по той же самой причинѣ, какая привела глубокаго знатока исторіи г. Куника къ несогласію съ своими предшественниками.

¹⁾ Зап. Готск. Топарха, 62.

²⁾ Ср. *ibid.*, стр. 65.

Не мудрено, что въ прошломъ столѣтіи ученые, посвящавшіе труды своя географіи Южно-Понтійскаго побережья, дѣлали промахи: имъ недоставало тогда ни картъ, ни научнаго описанія края, занятаго Татарами; по примѣру ихъ долженъ быть поучителенъ для насъ въ томъ отношеніи, что одинъ подборъ ссылокъ на древнихъ авторовъ недостаточенъ при рѣшеніи вопросовъ этнографическихъ, въ особенности тамъ, гдѣ безъ нихъ немыслима истинная исторія ¹⁾. Къ сожалѣнію, не многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей поняли предстоящую имъ задачу, и вмѣсто того, чтобы повѣрить въ натурѣ написанное предшественниками, принялись за импровизацію физически невозможныхъ путей, накопили множество баласта въ области географіи,—науки положительной, и окончательно затемнили ее относительно Новороссійскаго края. Недавно намъ случилось встрѣтить въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій по русской исторіи показаніе, что „въ древности лѣса начинались отъ Днѣпровскихъ пороговъ и обнимали собою всѣ близъ лежащіе заливы, озера и Перекопскія болота“. Интересно было бы знать: откуда почерпнулъ свое любопытное свидѣніе почтенный историкъ?

Мы жалуемся на древнихъ авторовъ за то, что они много знали и мало писали; сами же не колеблемся писать о томъ, чего не знаемъ. Постараемся, съ своей стороны, избѣгнуть этого многими заслуженнаго упрека и позволимъ себѣ надѣяться, что наше слово если не разъяснитъ тьмы, то по крайней мѣрѣ не отниметъ свѣта у будущаго лучшаго изслѣдователя. Наблюденія наши надъ природою страны мы повѣряли на мѣстѣ, и если у насъ найдутся ошибки, то онѣ произошли не отъ того, что мы не видѣли предмета, а потому, что не сужѣли посмотрѣть на него съ надлежащей точки зрѣнія. Сказанія древнихъ писателей о территоріи Новороссійскаго края растажины до безконечности, и кажется, что нѣтъ положенія, котораго нельзя было бы доказать ссылками на отрывочные источники. Съ этой стороны, настоящій трудъ нашъ открытъ для нападокъ; что же касается до предположеній, основанныхъ на свидѣтельствѣ природы, то мы не опасаемся повѣрки ихъ на мѣстѣ.

Имѣя на этотъ разъ въ виду Записку Готскаго Топарха, укажемъ для примѣра на вопросъ, касающійся народности варваровъ, нападавшихъ на страву, гдѣ жилъ топархъ. Одни изслѣдователи

¹⁾ Ср. Jagić въ *Arch. f. Slav. Philol.* 1876, В. I, Heft 2, стр. 311, 320, 330, 331; Кн. Вяземскій, Слово о Пол. Иорр. 9, 463.

видать ясно, что въ запискѣ говорится о Варяго-Руссахъ, другіе подозрѣваютъ въ нихъ Печенѣговъ или Гунновъ, третьи—Кабаровъ или Черныхъ Угровъ, и наконецъ, Хазаръ; но всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что событія, описанныя у топарха, могли случиться только въ періодъ времени между 940—988 годами, слѣдовательно, тогда, когда Константинъ Порфирородный составилъ описаніе о всѣхъ народахъ, обитавшихъ въ странахъ припонтійскихъ, и показалъ приблизительно мѣста ихъ осѣлости. Положимъ, что сочиненія Константина содержатъ въ себѣ неясности и неточности ¹⁾, но это не даетъ намъ права передѣлывать ихъ по своему, ради предвзятой идеи. Одинъ разъ мы ссылаемся на Константина, какъ на единственный источникъ для познанія тогдашняго положенія края, а въ другой—обвиняемъ въ неумѣніи сказать то, что онъ желалъ ²⁾.

По географическому положенію своему Крымскій полуостровъ представляетъ страну въ особенности благоприятную для повѣрокъ этнографическаго показанія. Крымъ — почти островъ, и достигнуть его сухопутно можно только тремя путями: а) со стороны Арабатской стрѣлки или Геническа, б) чрезъ Чонгарскій переѣздъ и в) чрезъ Перекопскій перешеекъ. Переправы, существующія у Геническа чрезъ узкій проливъ и у Чонгаръ, были удобопроходимы во всякое время года. Четвертая дорога — чрезъ Керченскій проливъ, волюю, возможна была только для народа судоходнаго. Положимъ, что при помощи этого простаго указанія намъ представляется рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) на какой дорогѣ Аланы, около 950 года, могли препятствовать Хазарамъ нападать на Херсонъ и проѣзжать въ Климаты? и 2) на какой дорогѣ Руссы могли не пропускать Черныхъ Болгаръ для нападенія на Корсунскія владѣнія?

При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по общему убѣжденію, владѣнія Херсона ограничивались Крымомъ, а Хазары и Черные Болгары находились будто бы, въ эпоху X столѣтія, на Таманскомъ полуостровѣ ³⁾. Если властодержецъ Аланій могъ преграждать Хазарамъ пути, нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ въ Саркель, въ Климаты или въ Херсонъ, то значить, онъ жилъ съ народомъ своимъ на берегахъ Керченскаго пролива. Что касается до на-

¹⁾ Ср. *Иловайскій*, Ист. Россіи. Москва, 1876, ч. I, 292, пр. 10; его же, *Разысканія о началѣ Руси*, стр. 124, 200.

²⁾ *Иловайскій*, *Разысканія*, стр. 207, 208.

³⁾ *Дуника*, Зап. Готск. Топарха, стр. 84; ср. *Литковъ*, Обор. Русск. Лятов., стр. 85, 86, 267.

родности Алановъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что они были Готы ¹⁾. Вопросъ объ отличіи Таманскихъ Алановъ отъ Закавказскихъ, о которыхъ упоминается у Константина особо, въ гл. 42-й, давно уже бросался въ глаза изслѣдователямъ и даже подалъ поводъ признавать въ нихъ Руссовъ ²⁾. Но воспоминанія о Готахъ Приазовскихъ въ Словѣ о полку Игоревомъ ³⁾ и въ лѣтописяхъ о Тавоготской странѣ даютъ болѣе основанія видѣть въ нихъ Готовъ Константинова времени, нежели Черныхъ Болгаръ. Можно ли допустить предположеніе, чтобъ архіепископы и епископы, бывшіе въ Крыму, назывались Готскими и Аланскими, еслибы Крымъ или Таманскій полуостровъ были населены Болгарами. Переходимъ ко второму вопросу—относительно того, откуда Руссы могли не пускать Черныхъ Болгаръ для нападенія на Крымъ. Если у Керченскаго пролива были Аланы, то само собою разумѣется, что Руссы жили не тамъ, а на пути въ Крымъ со стороны Дѣвпра. Такимъ образомъ опредѣляется и мѣсто жительства Черныхъ Болгаръ вблизи Узовъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Руссовъ, на лѣвой сторонѣ Дѣвпра, слѣдовательно, на пути въ Крымъ. Константинъ говоритъ опредѣлительно, что Руссы ѣздили въ Черную Болгарію по Дѣвпру, а такъ какъ на пути слѣдованія къ Таманскому полуострову Чернымъ моремъ находились Херсонъ и Босфоръ, то Константинъ навѣрное упомянулъ бы объ нихъ, если бы Руссы проѣзжали въ Черную Болгарію моремъ. Въ этой же 42-й главѣ упоминается и о Сиріи, изъ которой мы сдѣлали Ширванъ

¹⁾ Procopii, De bello vandalico, l. 3, p. 319; ср. *Newman*. Die Völk. d. Südlich. Russland, 40, 41. Сопоставляя извѣстія различныхъ писателей объ Аланахъ, Шафарикъ упрекалъ нѣмецкихъ ученыхъ въ отождествленіи Алановъ съ Готами (Слав. Древ., т. 1, кн. 3, стр. 134); но знаменитый славистъ не принялъ изъ соображеніе, что, кромѣ Готовъ, другой народъ не могъ сохранить своей самостоятельности въ Крыму и на Дону до позднѣйшаго времени; доказательствомъ тому служатъ Хазары. Поэтому, вопросъ о единоплеменности будто бы Крымскихъ Алановъ — As съ Оссами Кавказскими нельзя считать рѣшеннымъ. *Müller*, Ethnographie 352; *Stein*, Ethnograph. des peupl. Bruxelles. 1872, t. 2, p. 32—36; *Diefenbach*, Orig. Europ., 41. 87; ср. *D'Osson* Des peupl. du Caucase, pp. 179—185.

²⁾ *Ламбинъ*, Тмурокъ. Русь, стр. 68; ср. *Vivien de S. Martin*, Sur les Alains, pp. 177, 183—185; ср. *Изе*. Им. Археол. Общ., т. III, стр. 482, т. VII, стр. 193, 194; *Макарій*, Ист. Христ.; 1866, стр. 87, 88, 89, 90.

³⁾ *Куникъ*, Зап. Готск. Топарха, стр. 141; ср. *Mélang. Russ.*, t. 1, p. 394—396.

или Зихію ¹⁾), тогда какъ и здѣсь рѣчь идетъ о Сиріи Приднѣпровской, которую мы находимъ въ губерніи Еваторинославской, при томъ же Днѣпрѣ, въ области Сурскаго порога и р. Суры, пропущенныхъ Константиномъ при описаніи пороговъ. Напрасно г. Юргевичъ предполагаетъ, что у Константина Сурскій порогъ скрывается въ Улворси ²⁾. Сурскій порогъ получилъ названіе свое отъ рѣки Суры, но вопросъ о происхожденіи слова Сура невозможно разрѣшить безъ соображеній этнографическихъ. Можно предположить, что названіе рѣки Сурою произошло отъ греческ. *Σαῦρα*, встрѣчаемаго въ имени придонской страны *Saugis* и народа Саваровъ, которыхъ Шафарикъ отождествлялъ съ Сѣверянами Нестора ³⁾. У Славянъ Придунайскихъ слово это сохранилось въ преданіи о Сурѣ-Ламин ⁴⁾; въ нашихъ пѣсняхъ слово суръ означаетъ молодца. Пикте находятъ его въ языкѣ санскритскомъ: *Sira*—рѣка и *Surā*—вода ⁵⁾. Но въ странѣ Чувашей протекаетъ также рѣка, называемая Сура ⁶⁾. Предоставляя разрѣшеніе вопроса объ источникѣ происхожденія имени рѣки этимологамъ, мы считаемъ достаточнымъ замѣтить здѣсь, что Константина Сирія должна была находиться въ сосѣдствѣ съ Черною Болгаріей, такъ какъ для проѣзда въ нихъ показана одна и та же дорога.

Помѣстивъ Черныхъ Болгаръ въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ, изслѣдователи наши отождествили Киевскихъ Руссовъ съ Руссами восточныхъ писателей, и на основаніи показанія ихъ, создали для Киевскихъ Руссовъ небывалую систему водянаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море при посредствѣ рѣкъ Самары, Волчьей, Міуса Кальміуса, Молочной и Верды; послѣднюю г. Щегловъ соединяетъ

¹⁾ *Нловайскій*, Розысканія, 115; ср. *Щегловъ*, Перв. Стр. Русс. Ист., стр. 253, 254; *Бутковъ*, Оборона, стр. 268.

²⁾ *Зам. Од. Общ.*, т. VI, стр. 59, ср. 66, 67.

³⁾ *Слав. Древ.*, т. I, кн. 1, стр. 351; ср. *Дриновъ*, Засел. Балк. полуостр., стр. 152, 153.

⁴⁾ *Кн. Ваземскій*, Сл. о Полк. Игор., стр. 115, 118.

⁵⁾ *Lea Origin. Indo-Europ. Paris. 1859*, I, p. 139; ср. *Diefenbach. Orig. Europ.*, 89.

⁶⁾ *Mél. Rus. 1857*, p. 268. Встрѣчая однозвучные корни въ названіяхъ шведскихъ урочищъ на мѣстѣ совместной осѣлости Угро-Алтайскихъ и Индо-Европейскихъ народовъ, трудно рѣшить, какому изъ языковъ принадлежать онѣ. Ср. *Harkavy, Briefwechs. z. Cordova u. Astrach. im 960*, стр. 93. Слова однозвучныя съ р. Сура мы встрѣчаемъ въ названіяхъ Сиринудней и рѣкъ Сююрій и Хирім (Сирин?); ср. *Савельевъ*, Топогр. Клад., стр. CVIII, пр. 198; *Бутковъ*, Оборона Лѣтон., стр. 310—321.

уже съ Конкою ¹⁾ и такимъ образомъ, открываетъ прямой путь изъ Днѣпра въ Каспійское море. Но можно ли предположить, чтобы Константины или летописцы не сохранили извѣстій о плаваніи Русовъ изъ Днѣпра къ Азовскому морю, „идѣ же не ходили ни дѣди наши?“ Намъ кажется, что проектъ соединенія Днѣпра съ Азовскимъ моремъ давно уже пора изъять изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и передать для повѣрки въ министерство путей сообщенія.

На приглашеніе г. Куника о разъясненіи отрывковъ готскаго топарха отозвался г. Васильевскій, помѣстившій въ *Ж. М. Н. Пр.* разсужденіе свое подъ названіемъ: „Записки Греческаго Топарха“ ²⁾, тогда какъ у г. Куника названа она Запискою Готскаго Топарха. Такимъ образомъ, г. Васильевскій сразу разошелся во взглядахъ съ почтеннымъ А. А. Куникомъ. Мы не беремъ на себя смѣлости быть судьей между соперниками болѣе насъ компетентными, но позволяемъ себѣ посмотреть на Записку Топарха съ иной точки зрѣнія.

Сущность предположеній г. Куника заключалась въ нижеслѣдующемъ: Топарху было поручено народнымъ собраніемъ (какъ видно изъ третьяго отрывка) отправиться изъ Климатовъ къ великому князю. Поэтому онъ позднѣю осенью выѣхалъ изъ южной или юго-западной части Крыма моремъ къ устью Днѣпра. Оттуда направился сухимъ путемъ и верхомъ прямо на Кіевъ и потомъ обратно къ Днѣпровскому устью. Тутъ застала его зима, и онъ, чтобы укрыться отъ степныхъ непріятелей, старался достигнуть какаго-либо мѣста или града на берегу Чернаго моря. Отсутствие названія непріятелей г. Куникъ объясняетъ напыщенностью Византийцевъ, у которыхъ варвары не заслуживали чести родового отличія по имени. Послѣ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о мѣстонахожденіи Климатовъ, г. Куникъ, называя ихъ Готскими, приходитъ къ заключенію, что выраженіе, находящееся въ договорахъ первыхъ нашихъ князей съ Греками:... „слико же есть городовъ... на той части“ соответствуетъ греческому Константинова времени τὰ καὶστρα τῶν χιλιάρχων. При этомъ, почтенный академикъ, вопреки всегдашней своей всесторонней осмтрительности, высказываетъ предположеніе, что въ договорѣ 944 года

¹⁾ Перв. Стр. Русск. Ист., стр. 254, стр. 6. Предположеніе о существованіи водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море основано было г. Вруномъ на показаніи Боплана, но мы имѣемъ другой почти современный источникъ, лишающій насъ возможности довѣрять словамъ Боплана; см. *Лѣтоп. Археограф. Комисіи* 1861 г., стр. 63; ср. *Изв. Имп. Геогр. Общ.*, т. XI, стр. 20 и 22.

²⁾ *Ж. М. Н. Просо.* 1876, ч. CLXXXV, отд. 2.

есть намекъ на существованіе въ то время владѣній Русскихъ на Киммерійскомъ Босфорѣ, такъ какъ оттуда только могъ великій князь Русскій воспрепятствовать Чернымъ Волгарямъ дѣлать набѣги на Крымъ. Отвергая предположеніе своихъ предшественниковъ о народности варваровъ, нападавшихъ на область топарха въ Крыму, г. Куникъ не желаетъ видѣть въ нихъ Славянскую Русь, Норманскихъ Родсовъ или Черныхъ Волгарь (стр. 82), но полагаетъ, что представленная топархомъ характеристика непріятелей можетъ относиться только къ Хазарамъ, хотя и сомнѣвается, чтобы господство Хазарь надъ крымскими городами и народами удержалось до XI в.¹⁾, то-есть, до времени совершенія событій, описанныхъ у топарха. Указавъ на существованіе русскихъ владѣній у Киммерійскаго пролива и принимая въ соображеніе слова изъ договора 911 года, г. Куникъ не отвергаетъ, что столь же древни могли быть поселенія русскихъ и при Азовскомъ морѣ (стр. 88). Начало протектората Русскихъ князей надъ областью Крымскихъ Готовъ г. Куникъ относитъ къ 940 г. и предполагаетъ, что покровительство это продолжилось до смерти Святослава весною 973 г. Г. Куникъ остался при убѣжденіи, согласно съ прежними изслѣдователями, что Климаты, упомянутые въ отрывкахъ, слѣдуетъ искать въ Крыму, и доказательства свои основывалъ на указаніи Константина Багрянороднаго о нахожденіи ихъ на Крымскомъ полуостровѣ. Что же касается до пункта переправы чрезъ Днѣпръ у Воріона или Воріона, то сей послѣдній, по мнѣнію г. Куника, находился не далеко отъ Днѣпровскаго устья; Маврокастронъ же г. Куникъ помѣщалъ сначала въ соседствѣ съ Перекопомъ, а потомъ оставилъ на Карасубазарѣ, согласно съ г. Вруномъ, который, въ свою очередь, искалъ его на Бельбекѣ въ Крыму. Такимъ образомъ, всѣ изслѣдователи до г. Васильевскаго приходили къ заключенію, что театромъ совершавшихся событій, описанныхъ у топарха, былъ

¹⁾ О Зап. Готск. Топар., стр. 83, 86. Мы тогда признаемъ достоверность отвѣтнаго письма хакана Юсефа, когда будетъ доказано, что Крымско-Таманскіе и Придонскіе Хазары не были собственными хаканами, и что показаніе лѣтописей о войнѣ Святослава съ Хаканомъ въ 965 г. при взятіи Ізлабъ-Вежи относится къ хакану Астраханскому. Интересно было бы знать, по какому пути турецкій воевода Лебедій ѣхалъ на халиндіи изъ страны Печеняговъ къ хакану Астраханскому? (см. у Константина, гл. 38; ср. X, XI и XI.11). Тотъ же самый вопросъ представляется намъ въ легендахъ о путешествіи Константина на кораблѣ къ хакану Хазарскому чрезъ Меотійское озеро; см. *Вильбасовъ*, *Карилъ* и *Мессидій*, ч. II, стр. 327, 378; ср. у *Serra*, IV, 58, о путешествіи Луки Тарго съ Дона на Волгу въ 1374 году.

Крымскій полуостровъ, а мѣстопробываніе царствовавшаго было на сѣверъ отъ Дуная.

Г. Васильевскій, въ изслѣдованіи своемъ, приходитъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ. Маврокастронъ и Климаты дѣлають для него единственно возможнымъ предположить, что „событія, описанныя у топарха во 2-мъ и 3-мъ отрывкахъ, совершались на Дунаѣ и всего скорѣе въ Булгаріи“ (стр. 115). Позволяю себѣ думать, что не столько Климаты, сколько Боріонъ (Воріонъ) можетъ имѣть въ данномъ случаѣ значеніе; но относительно мѣстонахожденія его г. Васильевскій отзывается незнаніемъ. Такимъ образомъ ясно становится, что при неизвѣстности, гдѣ именно переправлялся топаркъ чрезъ Днѣпръ, всѣ предположенія г. Васильевского о направленіи пути топарха къ Дунаю или въ Крымъ падаютъ сами собою. Главная ошибка изслѣдователей заключалась въ томъ, что они придавали слишкомъ много значенія отдѣльнымъ выраженіямъ и смотрѣли на первый отрывокъ какъ на заключительный, тогда какъ, по смыслу событій, первый отрывокъ не есть самостоятельный, а только дополнительный ко второму. Но и при этомъ размѣщеніи, одинъ первый отрывокъ, въ которомъ описана переправа чрезъ Днѣпръ, даетъ возможность опредѣлить несомнѣнно мѣсто происходившихъ событій. Поэтому, прежде подробнаго разсмотрѣнія порознь каждого отрывка, мы считаемъ необходимымъ представить соображенія о причинѣ, подавшей намъ поводъ поставить первый отрывокъ вслѣдъ за вторымъ.

Изъ втораго отрывка явствуется, что топаркъ жилъ въ какой-то области, которой угрожало нападеніе варваровъ, опустошившихъ предварительно сосѣдственную страну. Опасаясь, чтобы варвары, приблизясь къ его области, не уничтожили жителей, топаркъ предпринималъ всякія мѣры предосторожности; это было въ глубокую осень когда наступленіе зимы было близко. Находясь въ городѣ совершенно разрушенномъ, топаркъ не надѣялся, чтобы въ немъ можно было защищаться; когда же непріатели сдѣлали нападеніе, и топаркъ отразилъ ихъ, тогда пришло ему на мысль остаться на прежнемъ мѣстѣ (Климатѣ) и для большаго обезпеченія себя отъ непріателей выстроить тамъ крѣпость. Поѣздка топарха за Днѣпръ въ Воріонъ могла соединять въ себѣ двѣ цѣли: временное отступленіе и переговоры съ сосѣдами. Мудрыя распоряженія, сопряженные съ опасностью для жизни, о которыхъ упоминаетъ топаркъ, должны относиться не столько къ переправѣ чрезъ рѣку — во время ледохода, сколько къ неувѣренности въ дружескомъ приѣмѣ со стороны жите-

лей Воріона. Хотя послѣ отраженія перваго нападенія непріятелей на Климату топархъ нашъ и рѣшился снова поселиться въ ней, но ему все-таки предстояла необходимость заручиться союзниками, и вотъ онъ, окруженный войскомъ, отправился въ Воріонъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы рѣшить тамъ вопросъ или объ уходѣ навсегда по направленію къ Маврокастроу, или о возвращеніи во свояси. Еслибы топархъ въ первомъ отрывкѣ не объяснилъ, что время переправы было въ началѣ зимы, тогда можно было бы предположить, что первый отрывокъ есть какъ бы введеніе, заключающее въ себѣ описаніе отступленія до нападенія варваровъ, но топархъ показываетъ, что онъ отразилъ варваровъ осенью, слѣдовательно, первый отрывокъ не можетъ предшествовать второму.

Хвастливый Грекъ, чтобы придать болѣе цѣны своимъ подвигамъ, представляетъ всѣ событія въ преувеличенномъ видѣ и нашествіе варваровъ уподобляетъ потоку. Но какимъ образомъ онъ могъ устоять противъ него въ разрушенномъ городкѣ и переправиться черезъ Диѣпру? Положимъ, что на правой сторонѣ, послѣ отраженія непріятеля, путь къ Диѣпру былъ свободенъ, но топархъ говоритъ, что и на лѣвомъ берегу, по направленію къ Маврокастроу, находилась непріятельская земля; слѣдовательно, мѣстомъ осѣдлости варваровъ былъ лѣвый берегъ. Какая же нелегкая могла бы понести нашего топарха отъ Диѣпра въ Крымскіи Климаты за Карасубазаръ, среди зимы, при отсутствіи водопоевъ и подножнаго корма и въ виду своихъ непріятелей? Что топархъ не имѣлъ дѣйствительно намѣренія идти по направленію къ Маврокастроу, тому служатъ доказательствомъ сборы по прибытіи въ Воріонъ и ожиданіи до полуночи, когда подулъ тяжкій сѣверный вѣтеръ. Оставшіеся достаточное количество дней въ Воріонѣ, топархъ узналъ истинное расположеніе къ нему туземцевъ и возвратился, вѣроятно, уже по другой дорогѣ во свояси въ Климату, которая между тѣмъ отстраивалась.

Въ третьемъ заключительномъ фрагментѣ описываются происшествія, послѣдовавшія по водвореніи топарха на прежнемъ мѣстѣ, и поѣздка по совѣту сосѣдей, для сохраненія своихъ владѣній, къ царствующему на сѣверѣ отъ Истра. При этомъ оказывается, что съ владѣніями послѣдняго граничили, какъ область сосѣдей топарха, такъ и Климата съ округомъ, и земля, съ коей подарены были доходы.

Обращаясь къ доказательствамъ относительно нашихъ предположеній и начнемъ съ перваго отрывка: „...Неболшія суда не на-

ходили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія, ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами... Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ судовъ разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи... Спустя немного дней,... вода вездѣ стала и превратилась въ твердую поверхность... Днѣпръ вздымался гнѣвный и бурный, наводя страхъ на всякаго, кто глядѣлъ на него... Уже не въ видѣ текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но пѣ видѣ суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ“...

Достаточно одного знанія мѣстности, чтобы прійти къ заключенію о томъ, что картина, изображенная топархомъ, относится къ порожистой части Днѣпра, гдѣ онъ, вслѣдствіе высоты паденія, достигаетъ наибольшей быстроты теченія. Описывая пороги, Константинъ говоритъ, что вода, ударяясь о крутыя скалы, поднимающіяся изъ средины рѣки, волнуется, и потомъ низвергаясь, наводитъ ужасъ; то же самое ощущеніе испытывалъ и топархъ. Только здѣсь Днѣпръ замерзаетъ такъ, какъ описано у топарха; что же касается до низовьевъ Днѣпра, то тамъ, при извѣстной точкѣ пониженія температуры, поверхность воды покрывается одновременно сплошнымъ и ровнымъ льдомъ. Тѣ суровыя и окаменѣлыя горы, о которыхъ говорятъ топархъ, бываютъ видимы только въ порогахъ, гдѣ быстрота теченія, увлекаетъ образующійся на поверхности ледъ дробить его о камни и нагромождаетъ изъ него цѣлыя горы, по берегамъ. Въ порожистой части Днѣпра переправа по льду устанавливается гораздо позже и тогда только, когда впереди несомый отъ пороговъ ледъ не находитъ уже свободнаго пространства двигаться далѣе ¹⁾). Ниже пороговъ, при замерзаніи Днѣпра, никогда неслучается, чтобы льдины, которыя въ состояніи выдерживать людей, плавали бы свободно на его поверхности, какъ описано у топарха; но эта особенность замерзанія Днѣпра есть обыкновенное въ порогахъ явленіе. Такимъ образомъ, достаточно было простаго прочтенія записки топарха знакомому съ мѣстностью, чтобы опредѣлить пунктъ его переправы чрезъ Днѣпръ. Остановившись на мѣстѣ пороговъ, нахождение Боріона или Воріона опредѣляется само собою. Г. Васильевскій желалъ найти подходящее

¹⁾ О замерзаніи Днѣпра см. *Шмидтъ*, Херс. губ., стр. 172—175; ср. *Матер. для статист. рѣчн. судоход.* С.-Пб. 1872, стр. 64—67.

пазваніе изъ позднѣйшей русской номенклатурѣ поселеній по всему теченію Днѣпра, начиная отъ Кіева до лимана и остановился на Бургунѣ вблизи Херсона, тогда какъ изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что имя Воріона или Воріона должно имѣть связь съ однимъ изъ пороговъ. По гречески Ворѳъ значитъ прожорливый, ненасытимый,—отсюда и произошло названіе селенія Воріѳъ—отъ Ненасытецкаго порога. Отголосокъ греческаго названія сохранился и о сѣ пору въ слѣдующей за Ненасытецкимъ порогомъ Вороновоѣ заборѣ и р. Вороной¹⁾. Сомнѣваясь въ справедливости показанія Константина объ источникѣ происхожденія славянскаго названія Ненасытецкаго порога отъ птицы неясить, изслѣдователи не пришли къ соглашенію²⁾. То же самое можетъ повториться и относительно Воріона и Вороновой заборы. Почтенный авторъ „Исторіи Русской Жизни“ И. Е. Забѣлинъ предполагаетъ, что имя Воріона имѣетъ связь съ пародомъ Ворапами³⁾. По мнѣнію Черткова, названіе Вороновой заборы можно было бы производить отъ врана, воропа⁴⁾. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса мнѣ позволяемъ себѣ указать этимологамъ на церковно-славянское слово вора, означающее преграду: „а броды всѣ бяху заворены ворами“. Такимъ образомъ, названіе Вороновой заборы указывало бы на древность своего происхожденія и на связь съ древне-угорскимъ Woga⁵⁾.

Зная мѣсто находженія Воріона, мы считаемъ необходимымъ остановиться на Маврокастрѣ. У топарха сказано: „Прибывъ съ селеніе Воріонъ..... и проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастроу“. Г. Васильевскій отвергаетъ всякую мысль о тождественности Маврокастроу съ Карасубазаромъ и переноситъ его въ Аккерманъ, на Днѣстръ, для доказательства, что топархъ ѣхалъ изъ Крыма въ Бугарію и переправлялся съ лѣвой стороны Днѣпра на правую вблизи лимана (стр. 416). Всѣ доводы въ пользу своего пред-

¹⁾ Круиз-Дерберъ, стр. 273; Спасскій, Кн. Больш. Чертежъ, стр. 98, 100, ср. 256.

²⁾ Круиз, ib., стр. 302, 303; ср. Громи, Физіол. разсѣк. С.-ИГ. 1873 г., стр. 448—451; Юрєвичъ въ Зап. Одесск. Общ., VI, стр. 62, 63.

³⁾ Истор. русск. жизни. Москва, 1876 г., стр. 310.

⁴⁾ Описаніе войны Святослава, стр. 140.

⁵⁾ Zeitschrift für Ethnologie, 1876. Heft IV u V, стр. 140. Въ землѣ Тарковъ показанъ городъ Вронъ. Не имѣетъ ли онъ связь съ Воріономъ?

положенія г. Васильевскій основалъ на средневѣковыхъ картахъ, но упустилъ изъ виду, что онѣ не идутъ къ событіямъ, совершившимся, по его же мнѣнію, во времена Святослава. Ни одинъ изъ писателей этого времени не упоминаетъ о существованіи Черной крѣпости въ устьяхъ Днѣстра, а напротивъ того, Константинъ Порфирородный ясно свидѣтельствуетъ, что одна изъ шести разоренныхъ крѣпостей, находившихся у Днѣстра, называлась Вѣлою. Названіе это находится въ связи съ природою мѣстности, такъ какъ вода въ Днѣстровскомъ лиманѣ (Вѣлой рѣкѣ Константина) представляется бѣлою. Поэтому и въ русскія лѣтописи днѣстровскій городъ занесенъ подъ именемъ Бѣлгорода ¹⁾ и всегда отличается былъ отъ позднѣйшаго города Чернь. Молдаване называли его Четате-Алба, а Татары-Аккерманъ. Первые сношенія Генуэзцевъ съ Молдавіей начались въ 1316 году, и въ это время Бѣлгородъ назывался у Италіанцевъ Mancastro ²⁾ но на картѣ 1318 года онъ показанъ подъ именемъ Mauroskastro. Еслибы между Маврокастрономъ и городомъ Чернь на Днѣстрѣ была дѣйствительно связь, тогда имя города оставалось бы неизмѣннымъ; но на позднѣйшихъ италіанскихъ картахъ онъ названъ у Пичигани въ 1367 году опять Mancastro, а у другихъ—Maucastro и Moncastro, слѣдовательно, нельзя предположить, чтобы италіанское Maurocastro отвѣчало русскому городу Чернь ³⁾. Тѣмъ менѣе мы находимъ основанія къ отождествленію топархова Маврокастроа съ Аккерманомъ потому только, что у Висконти показанъ, неизвѣстно почему, Mauro-castro. По всей вѣроятности, Италіанцы перевели монгольское Mankermen, что значитъ Хвалимая крѣпость, и сдѣлали изъ нея Maurocastro, подобно тому, какъ изъ Константинова Νεχρο-πόλις они сдѣлали Nigropoli и подали поводъ почтенному академику Кункину искать здѣсь Маврокастроу ⁴⁾.

Въ спискѣ „градоу русскимъ“, городовъ съ именемъ Чернь по-

¹⁾ Лейбеницъ, Св. Лѣтоп., С.-Пб. 1876, стр. 281. У Константина сказано, что Печенѣги называли его Вѣлымъ по цвѣту камней.

²⁾ Heyd, Colon. ital. in Oriente, Venezia, 1868. Vol. 2, pp. 92, 97. У Абуль-ебды Вѣлгородъ показанъ въ 1323 году подъ названіемъ Asdja-Kerman; см. Géogr., p. 317; а у Герберштейна сказано: «Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Турки заняли Альбу, которая иначе называлась Монкастро, лежащую при устьѣ Днѣстра». Лазаровъ предполагалъ, что Манкоу и Манскотруу одно и то же (Списки. Ист., т. II, стр. 7). Неужели мы, слѣдуя этому примѣру, станемъ утверждать, что Маврокастроу и Монкастро тождественны?

³⁾ Васильевскій, стр. 416, 417; ср. Atti della Societ. ligure, vol. II, p. 247.

⁴⁾ Ср. Кеннея, Крымск. Сбор., стр. 352, 353; ср. стр. 162.

казано нѣсколько; на какомъ же основаніи Маврокастронъ топарха долженъ совпадать только съ однимъ приднѣстровскимъ, а не съ польскимъ или кіевскимъ, при явной ошибкѣ со стороны Итальянцевъ?

Существованіе на Днѣстрѣ города Чернь въ позднѣйшее время не можетъ опровергнуть свидѣтельства Константина о существованіи въ устьяхъ Днѣстра Бѣлаго, а не Чернаго города¹⁾. Что же касается до нахождения древностей въ селеніи Коротномъ, на лѣвой сторонѣ Днѣстра, принадлежащихъ ко временамъ С. Севера и Каракаллы, то онѣ не могутъ служить доказательствомъ существованіи здѣсь города въ эпоху близкую къ Запискѣ Топарха. Напротивъ того, въ Карасубазарѣ о сю пору сохранились слѣды древнихъ построекъ, находятся византийскія монеты, въ особенности херсонскія, и вскрывая нѣсколько кургановъ въ с. Александровѣ, въ окрестностяхъ Карасубазара, я встрѣчалъ въ нихъ много вещей греческой работы.

Г. Васильевскій говоритъ, что искать другого Маврокастроны, помимо того, который стоялъ на Днѣстрѣ, оказывается напраснымъ (стр. 418). Чтобы доказать противное, мы не станемъ ссылаться на Тунманна, хотя онъ описывалъ Крымъ въ эпоху переселенія Грековъ и отъ нихъ могъ узнать прежнее имя Карасубазара. Въ Крыму есть много мѣстъ, имѣвшихъ по два названія²⁾. Древніе географы и средневѣковыя путешественники сохранили для насъ извѣстін только относительно городовъ прибрежныхъ, другіе же, находившіеся внутри страны, оставляли безъ вниманія, такъ что въ настоящее время для отысканія ихъ необходимо, или производить раскопки, или обращаться къ соображеніямъ о путяхъ, соединявшихъ между собою извѣстныя мѣстности, которыя не могли существовать безъ посредствующей связи. Карасубазаръ находится на дорогѣ изъ Херсониса въ Судакъ, Θεοδοσίῳ и Керчь, а если ѣхать отъ Днѣпра въ Херсонисъ, чрезъ Арабатскую стрѣлку или Чонгары, то путь чрезъ Карасубазаръ ока-

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Росс., т. 6, стр. 27, 70; ср. *Григоровичъ*, В. И., Записка объ археолог. наслѣд. Днѣстровск. побереж., стр. 11, прим. I, карта. По всей вѣроятности, названіе рѣкъ, мѣстъ и поселеній, находившихся въ Молдавіи-Валахіи, получили имена Черныхъ, Чернятинъ, Чернятинокъ, Чернеловка, Чернь и пр. не ранѣе XIII ст. отъ Μαυρόβλαχος. См. *Diefenbach*, Die Völkst. Europ. Türk. Frankfurt. 1877, стр. 55; ср. *Дашкевичъ*, Волоховск. Земля. Кіевъ, 1876 г., стр. 13.

²⁾ *Лептевъ*, стр. 4; Путеш. Импер. Екатор. II, въ Полуд. Край Росс. С.-Пб. 1786, стр. 77, 78; Симеонъ насел. мѣстъ Таур. губерніи, стр. XXVIII, XXIX.

зывается не только короче, но и представляет гораздо болѣе удобствъ относительно водопоя и подножнаго корма, нежели путь на Перекопъ. Древняя дорога на южный берегъ Крыма проходила чрезъ Карасубазаръ, и слѣды существованія ея видны о сѣ пору ¹⁾. Поэтому и показаніе Сурожской легенды о томъ, что „Анна же царица отъ Корсуна въ Керчь идущи разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на Черной водѣ, призвала на помощь св. Стефана Сурожскаго“, должно относиться къ р. Карасу, хотя г. Врунь и предполагаетъ, что событіе, постигшее царицу, случилось на Бельбекѣ ²⁾, слѣдовательно, въ 25 верстахъ отъ Херсониса; но соотвѣтственно думать, что оно произошло у Карасубазара въ сосѣдствѣ съ Судакомъ, когда царица, находясь за сто верстъ отъ своего города, не имѣла уже возможности возвратиться.

Впрочемъ, если мы знаемъ мѣсто переправы топарха чрезъ Днѣпръ, то дальнѣйшее соображеніе, относящееся къ отысканію Маврокастрова, теряетъ ту важность, которую придаетъ ему г. Васильевскій. Одною, взгляда на карту достаточно для того, чтобы отвергнуть всякую мысль о необходимости переѣзжать Днѣпръ въ сосѣдствѣ съ порогами, идучи къ Днѣстру изъ Херсониса или возвращаясь изъ Кіева въ Крымъ. Мы не находимъ основанія утверждать, что топархъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе идти къ Маврокастроу, и съ этой точкой зрѣнія связь, установленная между мѣстомъ, названнымъ своимъ, и Маврокастрономъ, падаетъ сама собою.

Г. Васильевскій принимаетъ нашего топарха за официальное лицо при византійскомъ дворѣ и при этомъ высказываетъ три предположенія: а) топархъ могъ быть спутникомъ Келокира, б) могъ быть посланникомъ къ Святославу въ Кіевѣ и в) могъ возвращаться отъ Печенѣговъ (стр. 433). Чтобы доказать возможность послѣдняго предположенія, г. Васильевскій ссылается на VIII-ю главу Константина, въ которой говорится о посылаемыхъ изъ Царьграда царскихъ чиновни-

¹⁾ Кеннезъ, стр. 61, 140, 142. Г. Врунь предполагаетъ, что упомянутый у Ваддингга подъ 1311 годомъ *Marumcastrum* есть Аккерманъ (*Труды I-ю Археол. Съезда*, стр. 378), но при этомъ упускаетъ изъ виду, что о существованіи въ устьяхъ Днѣстра города *Marumcastrum* извѣстія не сохранилось; ср. его же, Черноморскіе Готы, стр. 31; *Жулики*, О Зап. Гот. Топарха, стр. 127.

²⁾ Черноморскіе Готы, стр. 31. Ф. К. Врунь принялъ теперешнее названіе протекающей вблизи Севастополя рѣчки Черной за переводное съ татарскаго; между тѣмъ у Татаръ она называлась не Кара-Узень, а Базылым-Узень (Запруженная рѣка) и даже Алеу (Алая вода); ср. Кеннезъ, Крымск. Сборн., стр. 3, 231, 243, 245, и *Зап. Одесск. Общ.*, т. 6, стр. 519, 522.

кахъ на хеладіяхъ по рѣкамъ Дунаю, Днѣпру и Днѣстру. Но какъ эта, такъ и предыдущая VII-я глава книги объ управленіи имперіей, въ которой говорится о царскихъ чиновникахъ, посылаемыхъ изъ Херсона въ Падинакію, лишаютъ насъ возможности видѣть въ топархѣ царьградскаго посланника. Если онъ пріѣзжалъ на хеладіяхъ изъ Царьграда, то ему не нужно было войска или проводниковъ, такъ какъ онъ не долженъ былъ оставлять хеландій; а если посланный ѣздилъ изъ Херсона, то на основаніи инструкціи онъ долженъ былъ имѣть заложниковъ и не могъ встрѣтить у Днѣпра непріятелей, заставившихъ его думать о возвращеніи во свояси. Изъ Записки Топарха явствуется, что по пріѣздѣ въ Воріонъ его встрѣчали и провожали какъ своего, накормили и снабдили проводниками. Откуда же могли явиться у иноземца друзья на берегахъ Днѣпра? Мы въ особенности указываемъ на проводы топарха, такъ какъ мысль о возвращеніи во свояси, то-есть, въ то мѣсто, откуда онъ пришелъ, родилась въ умѣ топарха только въ Воріонѣ, послѣ свиданія съ друзьями туземцами. Если изъ перваго разсматриваемаго нами отрывка и не видно, откуда приходилъ топархъ въ Воріонъ, то логическая связь между этимъ и остальными отрывками приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что область топарха находилась при Днѣпрѣ въ 45 верстахъ отъ Крайрйскаго перелаза, гдѣ переправлялись Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, и Печенѣги, ѣздившіе въ Херсонъ ¹⁾. Во второмъ отрывкѣ топархъ говоритъ о себѣ какъ владѣльцѣ области въ сосѣдствѣ съ варварами; на какомъ же основаніи у проѣзжаго человека могла быть область въ чужой землѣ? Прежде переправы по льду, топархъ пытался переѣхать чрезъ Днѣпръ на лодкахъ; откуда жъ онъ могъ достать ихъ? Выше мы имѣли уже случай указать на самохвальство и очевидную несообразность, встрѣчаемую въ Запискѣ Топарха. Во второмъ отрывкѣ онъ говоритъ: „Вся сосѣдственная и близкая къ варварамъ область лежала въ развалинахъ“. Но какимъ же чудомъ Воріонъ, находившійся въ непріятельской землѣ, остался не тронутымъ? Отсюда и слѣдуетъ заключить, что первый отрывокъ есть дополненіе къ отрывку второму. Нападеніе на область топарха случилось осенью, а поѣздка за Днѣпръ произошла при началѣ зимы; слѣдовательно, топархъ переѣзжалъ Днѣпръ между первымъ внезапнымъ нападеніемъ на его область и началомъ войны, описанной въ третьемъ отрывкѣ. Еслибы мысль:

¹⁾ Константинъ, гл. IX.

„снова поселиться въ Климатѣ" пришла топарху до поѣздки въ Воріонъ, тогда дѣйствительно можно было бы думать, что онъ хотѣлъ бросить навсегда мѣсто своего жительства и уйти за Маврокастронъ чрезъ непріятельскую землю. Но выходитъ, что на рѣшимость топарха возвратиться „во свояси" повліяло свиданіе съ Воріонцами, которые устроили для него по этому случаю торжественные проводы и рукоплескали одобрительно ¹⁾. Они же являются снова въ третьемъ отрывкѣ въ лицѣ тѣхъ туземцевъ, державшихся топарха, которые, стремясь къ независимости и чуждаясь эллинскихъ обычаевъ, совѣтовали топарху заключить миръ съ царствовавшимъ на сѣверѣ отъ Истра.

Въ виду того, что впереди находилась непріятельская земля, предположеніе о поѣздкѣ топарха изъ Крыма въ Кіевъ, при чемъ онъ долженъ былъ бы дважды переѣзжать непріятельскую землю при слѣдованіи туда и обратно, падаетъ само собою, точно также, какъ и предположеніе о сухопутной поѣздкѣ топарха къ устьямъ Днѣпра съ цѣлью найти тамъ корабль для слѣдованія въ Болгарію. Интересно было бы знать, откуда г. Васильевскій почерпнулъ свѣдѣніе о томъ, что Греки, жившіе въ Крыму, не имѣли собственныхъ судовъ и должны были нанимать ихъ за 300 верстъ отъ Херсониса въ устьяхъ Днѣпра? ²⁾.

Въ настоящее время, изслѣдователи нашей старины не сомнѣваются уже въ томъ, что Греки имѣли поселенія свои при Днѣпрѣ ³⁾. Для окончательнаго въ этомъ убѣжденія археологія не доставила еще положительныхъ данныхъ, и остается пока на точкѣ предположенія, что вещи греческой работы, находимыя по берегамъ Днѣпра, могли попасть туда путемъ торговли. Но сквозь туманъ, окружающій исторію Херсониса Таврическаго, мы ясно усматриваемъ, что существованіе его не могло продолжаться такъ долго, еслибъ онъ не имѣлъ передовыхъ станцій, при посредствѣ которыхъ улаживались дѣла его съ варварами, наводившими попеременно Крымъ и сопредѣльные страны. Что со стороны природы не представлялось пре-

¹⁾ Желаніе доказать предвзятую мысль привело г. Васильевского къ убѣжденію, что, кромѣ Грековъ, другой народъ не могъ выражать своихъ чувствъ удареніемъ въ ладоши (стр. 381, 382), тогда какъ Фотій, описывая нашествіе Руссовъ, упоминаетъ, что они ударили въ ладоши (ἀνεχροτήσαν). *Порфирий*, Четыре Бесѣды, стр. 17.

²⁾ Ср. de administr., стр. 52.

³⁾ *Иловайскій*, Рязанская, стр. 457.

патствій къ вторженію на Крымскій полуостровъ, доказательствомъ тому служатъ находженіе въ немъ Печенѣговъ, Хазаръ и другихъ народовъ, за которыми осталась слава грабителей. Но Херсонисъ держался, не смотря на то, что иѣкогда процвѣтавшіе вокругъ его Пантикапея, Ольвія и Танаисъ, одинаково дорогіе для Византійской имперіи, лежали въ развалинахъ. Съ этой точки зрѣнія любопытная исторія Херсона, мнимый протекторатъ надъ нимъ Руссовъ, потомъ взытіе Владимиромъ и снова возвращеніе Грекамъ ждутъ своего изслѣдователя ¹⁾.

У Константина въ гл. 42-й показано: „Отъ р. Диѣпра до Херсона триста миль, посреди же находятся озера и гавани, гдѣ Херсонцы добываютъ соль“. Слѣдовательно, владѣнія Херсонитовъ не ограничивались территоріей города или южнымъ берегомъ Крыма. Въ гл. 9-й Константинъ говоритъ, что Херсонцы, „возвращаясь изъ Россіи, переправлялись чрезъ Диѣпръ“. О Гречинахъ Кіевскихъ упоминается на первыхъ страницахъ русской исторіи ²⁾. Поэтому и на основаніи показанія Константина мы должны прійти къ заключенію: 1) что Греки, для торговли съ Россіей и наблюденія за дѣйствіями кочевниковъ, могли имѣть поселенія какъ при Диѣпрѣ, такъ и за Диѣпромъ; 2) что Хазары, Турки и потомъ Печенѣги не препятствовали Грекамъ ѣздить въ Россію и возвращаться оттуда, такъ какъ взаимныя отношенія ихъ между собою были регламентированы, и 3) что, какъ выше было сказано, Греки для торговли съ Руссами должны были ѣздить къ Диѣпру и переправляться чрезъ него, а слѣдовательно, до 948—950 годовъ русскихъ владѣній не находилось въ Крыму или на Таманскомъ полуостровѣ ³⁾.

Слова изъ договора 912 г.: „отъ многихъ лѣтъ межи хрестяныи и Русью бывшую любовь“, и о лодяхъ греческихъ: „да проводимъ ю

¹⁾ Ср. *Васильескій*, Русско-визант. отрывки, II, стр. 124, 157.

²⁾ Ср. *Кумизъ*, Зап. Готск. Топарха, стр. 124.

³⁾ Въ письмѣ папана Іосифа говорится, что Тмутороканъ и Сирмелъ находились въ зависимости отъ Хазаръ, а далѣе сказано, что Іосифъ охранялъ Каспійское море отъ вторженія въ него Руссовъ, приходившихъ на корабляхъ по Волгѣ; см. *Гаркави*, *op. cit.*, стр. 87, 88. Интересно было бы знать, какимъ путемъ Руссы попадали на корабляхъ изъ Тамани на Волгу, минуя Саркель? Ср. *Reclus*, *La Méditer.* *Casp.* въ *Rev. d. deux Mondes*, t. 34, p. 615 — 621, и ст. *Озерскаго въ Морск. Сборн.* 1857 г., еввр., стр. 282—286. Отъ устья Дона до переклоки у Калача считается по Дону около 500 верстъ; изслѣдователи же вопроса о торговлѣ Руссовъ съ Востокомъ предположили, что Волга сближается съ Дономъ въ устьяхъ его.

о могилѣ Святослава и о варяжскомъ островѣ Хортицѣ, названномъ такъ въ сказаніи Евсафія, напоминтъ вамъ о Руссахъ и Грекахъ, а огромные пни одичавшаго винограда и названіе селенія Виноградовой и острова вблизи Ненасытца—Виноградинъ укажутъ мѣстонахожденіе Климаты (τὸ κλίμα, κτος) если между ними дѣйствительно можетъ быть связь по примѣру крымскихъ южно-бережскихъ Климатовъ ¹⁾. Многочисленные курганы, находящіеся здѣсь въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, не скоро, какъ кажется, дождутся пытливости археологовъ. Впрочемъ, исторія только съ недавняго времени удостоила археологію своимъ вниманіемъ.

На основаніи историческихъ и географическихъ соображеній г. Васильевскій пришелъ къ заключенію, что время совершенія событій, описанныхъ топархомъ, должно относиться къ первому походу Святослава въ Болгарію, слѣдовательно, къ 967 году.

Что касается до соображеній географическихъ, то послѣ вышесказаннаго, онѣ не могутъ считаться убѣдительными, и остается обратиться къ соображеніямъ историко-этнографическимъ.

Изъ сочиненія „Объ управленіи имперіей“ мы видимъ, что главная цѣль Константина заключалась въ томъ, чтобъ указать сыну своему на средства—сохранить неприкосновенность византійскихъ владѣній со стороны сѣверныхъ варваровъ. Константинъ не заботился о сообщеніи вѣрныхъ географическихъ свѣдѣній, но обращалъ вниманіе на описаніе отношеній, дѣйствительно существовавшихъ у иноземныхъ народовъ между собою. Племя Печенѣговъ поставлено у него на первомъ мѣстѣ, и Константинъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на защитниковъ Византійской имперіи отъ нападенія Руссовъ. Но Печенѣги представлены у него какъ народъ бродячій, переходившій съ одной стороны Днѣпра на другую; городовъ они не имѣли и земледѣліемъ не занимались. Такими они являются у всѣхъ писателей восточныхъ и западныхъ. О преемникахъ ихъ, Куманахъ, въ лѣтописяхъ нашихъ сказано: „бѣша бо ходяще яко и Угры“. Въ этомъ заключается причина, что у Константина встрѣчаются противорѣчія относительно предѣловъ земли, занятой Печенѣгами. Однѣ разъ онъ говоритъ, что Пачинакія паходится не далеко отъ Херсона, но отъ Востфора она еще ближе, а далѣе показываетъ, что Пачинакія занимаетъ всю землю

¹⁾ Брунъ, Черном. Готы, стр. 49. Мы указываемъ здѣсь на связь между Климатомъ и виноградомъ, какъ на случайность, не придавая ей особеннаго значенія.

до Руссін и до Босфора и до Херсона, Сарата, Вурата и до тридцати другихъ мѣстъ. Противорѣчія становятся еще разительнѣе въ главѣ 42-й, гдѣ сказано, что земля Печенѣговъ начинается отъ низовьевъ Дуная и простирается до Саркела, казарской крѣпости, тогда какъ въ гл. 37-й показано, что Падинакія находится въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ Хазарін. Мы касаемся здѣсь вопроса о границахъ Падинакін только по отношенію опредѣленія мѣстожитель-ства другихъ народовъ, и въ особенности Славянскихъ, такъ какъ Печенѣги не могли занимать одни всего пространства земли отъ Дона до Дуная. Поэтому показаніе Константина о нападеніи Печенѣговъ на Руссовъ въ днѣпровскихъ порогахъ мы не должны принимать въ томъ смыслѣ, что мѣста вблизи пороговъ были населены исключительно Печенѣгами. Упомянувъ о порогахъ, Константинъ говорить, что Печенѣги только приходятъ сюда для нападенія на Руссовъ.

Понятно, что Константинъ, сосредоточивъ вниманіе на Руссахъ, прославившихъ себя въ Константинополѣ, упустилъ изъ виду опредѣлять мѣстоительство другихъ племенъ, входившихъ въ составъ Руси. Онъ слышалъ о Кривичанахъ, Лутичанахъ, Вербіанахъ, Друговичахъ, Сербгахъ, Ультинахъ, Древлянахъ и Волинцахъ, но не знаетъ Полянъ, сидѣвшихъ по Днѣпру на пути въ Грецію. Противорѣчіе, встрѣчаемое у Константина съ нашими лѣтописцами, относительно племенъ, платившихъ дань Руссамъ, подрываетъ окончательно довѣріе къ этнографическому показанію его о племенномъ составѣ Руси. Упомянувъ подробно о земляхъ между Дунаемъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, Константинъ не знаетъ Угличей и Тиверцевъ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что Угличи нашихъ лѣтописей скрываются у Константина въ Ультинахъ ¹⁾, но они показаны у него въ ряду Волинцевъ и Древлянъ, слѣдовательно, не тамъ, гдѣ должны были бы находиться по словамъ лѣтописей ²⁾. Поэтому соотвѣтственнѣе предположить, что въ Ультинахъ Константина скрываются Ультинзурь Агаоія и Unlici Баварскаго землеописателя, подвинувшіеся на западъ, а не Угличи, позднѣе другихъ славянскихъ племенъ

¹⁾ *Бунки*, Зап. Готск. Топ., стр. 89; *Иловайскій*, *оп. с.*, стр. 119.

²⁾ *Ламбинъ*, *Источ. лѣтоп. сказ. о происхожд. Руси*, стр. 230, 231, 238, 243. Слова лугъ и поле почти однозначущи, и Днѣпръ протекалъ какъ въ землѣ Полянъ, такъ и Лутичанъ, слѣдовательно, не только въ географическомъ, но и въ этимологическомъ отношеніи вѣрно, какъ кажется, производить названіе Угличей, Улучей отъ луга, нежели отъ угла, находившагося на правой сторонѣ Дуная.

признавшіе власть Руссовъ. Между Ультинами Константина и Онглономъ, находившимся на правой сторонѣ Днѣпра, дѣйствительно могла быть связь лингвистическая, но она не можетъ быть находима съ Угличами. Если Константину и было извѣстно объ Угличахъ, то ихъ слѣдуетъ видѣть не въ Ультинахъ, а въ Лутичанахъ, сидѣвшихъ по Днѣпру.

Покойный Надеждинъ, увлекаясь этимологическими соображеніями, перенесъ жилище Угличей и Тиверцевъ на границу Молдавіи, и встрѣтивши въ молдавской грамотѣ 1396 года наименованіе одного мѣста „отъ истока до устья“ Пересѣчной, отождествилъ его съ городомъ Пересѣченомъ, находившимся въ землѣ Угличей; но въ грамотѣ говорится о рѣкѣ, а не объ городѣ. Въ лѣтописи Ипатьевской подъ 1154 годомъ сказано, что Пересѣчина находилась при Днѣпрѣ, и въ спискѣ городовъ Пересѣченъ показанъ въ области Кіевской, слѣдовательно, слово это, прежде нежели перешло на западъ, употреблялось на югѣ Россіи и о сѣ пору означаетъ суженное мѣсто рѣки. Сопоставленіе, встрѣченное у Надеждина, привело нашихъ изслѣдователей къ тому, что и названіе Тиверцевъ они стали производить отъ города Тираса ¹⁾, не принявъ во вниманіе, что память о Тирасѣ исчезла до мнимаго появленія здѣсь Тиверцевъ, и на мѣстѣ его стоялъ уже городъ съ другимъ, иноземнымъ названіемъ — Бѣлаго.

Въ лѣтописяхъ нашихъ сказано, что въ землѣ Угличей и Тиверцевъ, сидѣвшихъ по Днѣстру и „присѣдавшихъ Дунаевъ“, были города, существовавшіе до дней лѣтописцевъ ²⁾, а Константинъ въ 37-й главѣ сочиненія „Объ управленіи имперіи“ называетъ приднѣстровскіе города запустѣлыми и разоренными еще до 950 г. и показываетъ, что до пришествія сюда Печенѣговъ они были населены Ромеями. Противорѣчіе, встрѣчаемое между преданіемъ, занесеннымъ въ наши лѣтописи, и описаніемъ Константина, заставляетъ насъ принять за вѣрнѣйшее показаніе Ипатьевской лѣтописи о мѣстожительствѣ Угличей и Тиверцевъ при Днѣпрѣ ³⁾. Произведя названіе Угличей отъ Онклося, изслѣдователи нашей первоначальной исторіи отождествили его съ Угломъ нашихъ лѣтописей, не принявъ во вниманіе, что Онклось былъ на правой, а Уголь на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вблизи Самары. Чтобы выйти

¹⁾ Бутковъ, Обор. Р. Лѣтоп., стр. 259.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Р., I, стр. 55; ср. Бутковъ, Обор. Лѣтоп., стр. 258; Дашкевичъ, Волоховская земля, стр. 79.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., I, стр. 46, ср. примѣч. 45, т. II, стр. 119.

изъ этого противорѣчія, изслѣдователи вопроса объ Угличахъ повторили исторію подобную съ Пересѣченомъ и начали переносить Оноклосъ къ Ингуламъ, упуская изъ виду, что названія рѣкъ однозвучныхъ съ Ингулами, находились не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, слѣдовательно, тамъ, гдѣ дѣйствительно былъ Уголь нашихъ лѣтописей. Показанную у Константина р. Хингулъ, протекавшую въ странѣ Савартосфаловъ, въ сосѣдствѣ съ Хазарами, мы отождествляемъ съ нынѣшнимъ Чингуломъ, впадающимъ въ Молочную, а въ Янчулъ и Гайчулъ, притокахъ Волчьей ¹⁾, видимъ тѣ же окончанія, передѣланныя Малороссами изъ гуль въ чуль. Хотя имена рѣкъ на югѣ Россіи и переимѣнились временно, но воспоминанія старинныхъ названій у единоплеменныхъ народовъ сохранились до позднѣйшаго времени; такъ напримѣръ, Калець, притокъ Кальміуса, на картѣ Пейссонелля 1765 года, показанъ подъ именемъ Jounghouly. Мы не беремся рѣшать вопроса о томъ, что есть общаго между русскимъ словомъ Уголь и угорскими окончаніями на гуль ²⁾, хотя въ странѣ, занятой Угорскими племенами на сѣверѣ Россіи, встрѣчаемъ также рѣку съ именемъ Угла ³⁾. Нашъ Уголь мы должны считать русскимъ потому, что въ лѣтописяхъ прямо сказано: „на мѣстѣ нарицаемемъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголь“. Ерелей было много, слово это сохранилось до настоящаго времени въ ерикахъ, жегерликахъ, Егорлыкахъ и т. п. ⁴⁾; оно есть монгольское, и при немъ во многихъ мѣстахъ удержалось болгарское куть, какъ, напримѣръ, Егорлицкій куть ⁵⁾. Слѣдовательно, нѣтъ основанія отождествлять

¹⁾ *Зап. Одесс. Общ.*, т. 8, стр. 303. Названіе рѣки Калець является въ 1224 году. Въ *Вѣстѣ Божьей*. Черт. на мѣстѣ ея показаны двѣ рѣки подъ именемъ Калъ (*Спаскій*, стр. 26). Калъ есть слово древне-славянское, означающее грязь, но оно могло быть передѣлано изъ Кулъ? Слѣдующая за Каломъ рѣка называлась Каратушь; слѣдовательно, здѣсь представляется болѣе вѣроятности искать Хоракуль, нежели на Таманскомъ полуостровѣ.

²⁾ *Юревичъ* въ *Зап. Одесс. Общ.*, т. 6, стр. 59. *Иловайскій*, стр. 119, 121, 209, стр. 254. *Yinghil*, *Yungil* въ Ногайскомъ нарѣчій значить тонкій; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Ингулы получили свое названіе отъ Монголовъ. Однѣ изъ проходовъ Балканскихъ назывался Ченгель еще до прихода Татаръ. *Шафарикъ*, Слав. Древ., II, книга 1, стр. 265.

³⁾ *Европеусъ*, Карта Бяловер. Край; ср. *Барсовъ*, Геогр. Слов., стр. 204.

⁴⁾ *Спаскій*, *Вѣст.* Божьей. Черт., стр. 55; ср. *Шимкевичъ*, Корн. Русс. яз., стр. 80 и 81.

⁵⁾ *Бутковъ*, Общ. Лѣтоп., стр. 259; ср. *Europecus* въ *Zeitschr. f. Ethnol.*, 1876, Heft 4 и 5, стр. 139; *Иловайскій*, стр. 243, 244; *Harkany*, op. c., стр. 95. Въ

Ерель съ р. Орелью, не имѣющею ничего общаго съ русскимъ жрѣло, жерло, встрѣчаемыхъ при описаніи впаденія Двѣпра. Слово Орель, происходитъ ли оно отъ Орѣ (жеребецъ) или Орѣль (орель), писалось всегда чрезъ букву о ¹⁾. Что Орель происходитъ отъ Орѣ, доказательствомъ тому служитъ нахожденіе на лѣвой сторонѣ Двѣпра рѣкъ съ именемъ Жеребца ²⁾. Исслѣдователи нашей старины не пришли еще къ соглашенію относительно этимологич. названія Угличей. Почтенный Д. И. Иловайскій, называя неудачнымъ мнѣніе Надеждина о происхожденіи имени Угличей отъ Угла, предполагаетъ, однакоже, что оно писалось черезъ юсь. Иричекъ, напротивъ того, усматривая связь между Углоу и onglos, указываетъ также на присутствіе юса въ имени Угличей ³⁾. Издатели же Лаврентьевской лѣтописи, приводя варианты названія Угличей, склоняются болѣе къ тому, чтобы читать Улучи. Поэтому, до разъясненія вопроса объ источникѣ происхожденія имени Улучей, мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе: не произошло ли оно отъ луга (луга) или однозначущаго лука по примѣру города Прилуки? Если придиѣпровскіе Поляне заимствовали ими свое отъ сидѣнья въ поляхъ, то мы не понимаемъ, почему Улучи не могли бы получить названія своего отъ луки или луга? Положимъ, что лѣтописцы произвольно указывали на связь въ названіяхъ Славянскихъ племенъ съ мѣстностями. Но какіе же другіе источники имѣются въ виду при рѣшеніи вопроса объ этомъ, какъ не тѣ же догадки, раздѣленные еще болѣшими пространствомъ времени отъ начала своего происхожденія ⁴⁾? Пространство земли по направленію отъ Двѣпра къ Перекоцу представляетъ полуостровъ, заключенный между Чернымъ моремъ, Сивашомъ и р. Днѣпромъ. Онъ назывался Черною Лукою, Лукоморьемъ, и память о немъ сохранилась въ названіи Лукоморскихъ Половцевъ и въ показаніи лѣтописномъ: „идемъ въ луки морскія идѣже не ходиша отци

договорѣ Молдавскаго воеводы Александра съ королемъ Владиславомъ въ 1411 году упоминается о странѣ Покутье, въ которой слышится названіе Вукоты, но не „угла“.

¹⁾ *Шимкевичъ* Корнес., II, стр. 6; *Miklosich.*, Lex., *Palaeoslav.*, стр. 514.

²⁾ Въ названіи соседней съ Орелью рѣки Самары слышится болгарское слово самаръ (вьючное сѣдло) или сочетаніе словъ сам и орѣ. Въ губерніи Саритовской при р. Самарѣ упоминается р. Дюнгилъ, и въ ней отзывается Хингулъ. *Спаскій*, *Больш. Черт.*, стр. 150, 151.

³⁾ *Gesch. d. Bulg.*, стр. 129.

⁴⁾ Ср. *Костомаровъ въ Русс. Стар.* 1877, январь, стр. 183; *Ламбинъ*, *Источники лѣтописн. сваз. о происхожд. Руси*, стр. 248 и 250.

наши⁴, то-есть, Новгородцы. Объ этомъ лугѣ, лукѣ, упоминается также въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ Архангелогородской лѣтописи, гдѣ говорится, что Святославъ, возвращаясь изъ Болгаріи, сталъ зимовать въ лузѣ моря.

Въ сосѣдствѣ съ лукою преимущественно встрѣчаются окончанія на гуль и куль въ названіи рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море. Рѣки эти протекаютъ въ мѣстахъ осѣдлости Кутригуровъ, слѣдовательно—имъ, а не позднѣйшему народу должно приписать происхождение названій тождественныхъ съ послѣднимъ слогомъ въ имени народа Вогуль. Д. И. Иловайскій убѣдительно доказалъ, что Кутригуры были праотцы Болгаръ; поэтому, здѣсь, а не на лѣвой сторонѣ Дона, мы должны искать современную Константину Черную Болгарію. Припято думать, что окончанія на гуль и куль имѣютъ соотношеніе къ позднѣйшимъ монгольскимъ *chél* и *кула*, *кале*, встрѣчаемымъ въ Аджигіюль, Делигіюль и пр.¹⁾, но существованіе гуль и куль до 950 года и отсутствіе въ Крыму въ названіи рѣкъ на мѣстѣ главной осѣдлости Татаръ убѣждаютъ въ противномъ, тѣмъ болѣе, что гіюль (озеро), Куль (колодезь) и *кале* (крѣпость) не примѣнимы къ названію рѣкъ. У Вогуль же слово куль значить рыба, и оно встрѣчается въ имени рѣки Хоракуль, гдѣ также могла ловиться болгарская рыба. Имя Кутригуровъ происходитъ отъ Koutsî или Kutr (собака), и въ сосѣдствѣ съ Лукоморьемъ существовало урочище Песы Кости²⁾. Чтобы доказать истину своего предположенія о нахожденіи Черной Болгаріи на Таманскомъ полуостровѣ, почтенный историкъ отождествляетъ р. Хоракуль съ Протокой и усваиваетъ ей названіе Черной въ память о Черной Болгаріи³⁾, но при этомъ упускаетъ изъ виду, что Протока называется Черною только потому, что она составляетъ одинъ изъ рукавовъ Кубани, носившій позднѣйшее названіе Чернаго (Карá), тогда какъ между греческимъ *Χωρά* и татарскимъ *карá* нѣтъ ничего общаго. *Χωρά* значить мѣсто а *хоул*, какъ выше сказано, — рыба; поэтому названіе Хоракуль могло отвѣчать всякой рѣкѣ и мѣсту, гдѣ ловилась кистось. Болгарская рыба не могла водиться

¹⁾ Въ области прохожденія Урала встрѣчается озеро Карагуль, которое въ Книгѣ Больш. Чертежа переведено словомъ: «по нашему Чернымъ озеру». Славскій, стр. 71. Ср. *Ujfalvy* въ *Rev. de Philolog.* 1877, № 1, р. 87. Геллавалъ также пишетъ *куль* при названіи озеръ, предполагая, что *Гіюль*, *chél* и *Куль* одно и то же. *Centralasien*, стр. 74 и 361.

²⁾ *Былеозъ*, Уст. Сторож. Службы, въ примѣч. на стр. 31.

³⁾ *Иловайскій*, Розысканія стр. 124.

исключительно въ одной Черной Протоцѣ, но водилась, конечно, и въ другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Азовское море, которое, въ свою очередь, называлось Карабаликъ ¹⁾. Если желать непременно найти память о болгарской рыбѣ, то скорѣе всего можно видѣть ее въ имени одной изъ породъ кефали, назвавшей своимъ сингилъ напоминающей рѣку Хингуль, подобно тому какъ верантликъ указываетъ на Верялиу ²⁾.

На основаніи сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что мѣсто жительства Улучей около 950 г. было не при Днѣстрѣ, а при Днѣпрѣ, на лѣвой сторонѣ его, гдѣ находились лѣтописные Уголь и лука. Еслибъ Улучи получили свое названіе отъ южнаго положенія полуденья (оуг'а) въ противоположность Сѣверянамъ, то мы навѣрное встрѣтили бы указаніе объ этомъ въ лѣтописяхъ, гдѣ говорится, что „Славяне прозвашася имени свои где кто сѣдше на которомъ мѣстѣ“ ³⁾.

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ источникѣ происхожденія имени Тиверцевъ. Появленіе ихъ неразрѣнно при Угличахъ на первыхъ страницахъ русской исторіи и скорое исчезновеніе само по себѣ лишаетъ возможности предполагать, чтобы они жили на правой сторонѣ Днѣпра между Днѣстромъ и Дунаемъ, слѣдовательно, тамъ, гдѣ, по словамъ Константина, находились Печенѣги,

¹⁾ Ср. *Koehler*, *Tarichos*, p. 358; *Брунзъ въ Зап. От. Общ.* т. IV, стр. 258, 259; ср. *Тр. I-ю арх. съезда*, стр. 367.

²⁾ См. 6-й Отчет. Высоч. учрежд. Ком. для изслѣд. рыболов., стр. 6. Θεοφανῆς, упоминая о болгарской рыбѣ, говоритъ, что древняя Болгарія находилась между Меотійскимъ озеромъ и р. Куѣсомъ, впадающею въ Пантіійское море у Некропилъ. Здѣсь Некропилъ показанъ у Θεοφάνη въ близости Керченскаго пролива (ed. Bonn., p. 345). Но далѣе при описаніи пути слѣдованія Юстиніана изъ Херсона къ Дунаю (ib., p. 572) Θεοφάνῆς говоритъ, что Некропилъ находились между Херсономъ и Дунаемъ. Поэтому мы не находимъ основанія помѣщать Великую Болгарію на Таманскомъ полуостровѣ и отождествлять Куѣсъ съ Кубанью или Черною Протокою. Ср. *Ковалевскій*, *Очерк. Этногр. Кавк.*, стр. 15, 16.

³⁾ Фонетика древне-славянскаго языка намъ не известна; поэтому предположеніе о происхожденіи названія Улучей отъ Угла не имѣетъ научнаго основанія. Въ памятникахъ X и XI в. русскаго языка большой юсъ замѣненъ буквами оу, и въ XII в. Оугъль, оугольникъ написаны безъ юса (см. *Буслаевъ*, *Ист. Христ.* 1861; стр. 37. *Калайдовичъ*, *Іоан. Эпск. Болг.*, стр. 143, стр. 71). Если юсъ отвѣчалъ звукомъ онъ или омъ, какъ принято думать, тогда слѣды существованія ихъ мы навѣрное встрѣтили бы при имени Улучей въ сводахъ Лаврентьевскомъ или Ипатьевскомъ. Спрашивается: куда же дѣвалась буква г, существовавшая въ болгарскомъ подлинникѣ при словѣ дгд? Ср. *Буслаевъ*, *Ист. Грам.*, стр. 41 и 42.

опасныя для Руссовъ. Ультины Константина платили дань Россамъ, тогда какъ Тиверцы названы толковинами, помощниками ихъ, еще въ 907 году. Между тѣмъ въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстіе подъ 967 годомъ, что „Болгары, Казары, Косоги и Ясы, въ великой силѣ сошедшися у Днѣстра, не хотѣли перепустить Святослава, но онъ соляся ихъ обошелъ вверхъ по Днѣстру, гдѣ ему помощь отъ Венгровъ прислѣла“. Какаѣ же представляется возможность согласить противорѣчіе лѣтописцевъ съ показаніемъ Константина, если предполагать по прежнему, что Улучи, сильное племя, жило съ Тиверцами на берегахъ Днѣстра? Если же припять за вѣрнѣйшее показаніе лѣтописи Ипатьевской о жительствѣ Улучей при Днѣпрѣ, а въ Ультинахъ Константина не признавать Улучей, тогда уясняется и вопросъ о Тиверцахъ. По всей вѣроятности, они были тоже Улучи и жили въ сосѣдствѣ съ Угро-Алтайскими народами тамъ, гдѣ безпрерывно совершались передвиженія, чѣмъ и объясняется исчезновеніе Улучей. Преданіе, занесенное въ лѣтописи, о томъ, что Аскольдъ и Диръ бѣжа ратни съ Угличи (Югрецы Арх. Лѣт.) и княжили надъ родами, нарицаемыми Русь яже и Кумани жившіе въ Ексинопонтѣ, — не могло быть взято съ воздуха ¹⁾. Почтенный историкъ Д. И. Иловайскій замѣтилъ уже множество общихъ словъ, находящихся въ языкахъ славянскомъ и венгерскомъ, и объясняетъ явленіе это жительствомъ Угровъ посреди Славянъ ²⁾. Такимъ образомъ корень слова Тиверцы, Тыричи, можно находить въ языкахъ угро-алтайскихъ и индо-европейскихъ. Въ запискѣ о первыхъ Болгарскихъ князьяхъ слово тиръ объясняется изъ языка зырянскаго, слѣдовательно, по мѣсту жительства въ сосѣдствѣ съ Черными Болгарами, оно могло быть

¹⁾ Ср. *Ламбинъ*, op. c., 248—250, ср. ib., 57—60.

²⁾ *Розыскан.*, стр. 213, 314. У Никифора сказано, что мѣсто, занитое Аспарухомъ, называлось у туземцевъ Оглоуъ (у другихъ: Олгосъ, Онгосъ и Онлгосъ), а такъ какъ здѣсь предположительно жили Славяне, то и принято придавать греческимъ словамъ Онгосъ и Онлгосъ одинаковое значеніе съ славянскимъ уголъ и влагать ихъ въ уста Болгаръ, тогда какъ Болгары для означенія угла употребляли слова: кѣтъ, кѣтъ (*Miklosich*, L. *Paleoslav.*, 1863, стр. 329; ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1852. Окт., стр. 34). Что Кутъ находился въ Бессарабіи, доказательствомъ тому служатъ существованіе Покутья, Бакоты и Буджака; но они не имѣютъ соотношенія съ угломъ 679 года, такъ какъ мѣсто осѣдлости Болгаръ былъ правый берегъ Дуная, а Покутье, Бакота и Буджакъ находились въ области Днѣстра на лѣвой сторонѣ Дуная. Ср. *Зап. Од. Общ.* т. I, стр. 252, 253; *Буткова*, *Ист. для Истѳр. Кавказа*, III, стр. 435, I, стр. 333, прим. 2; *Григориничъ*, *Зап. лативара*, стр. 30.

перенесено на Славянское племя и остаться при Торкахъ. Въ самомъ имени Дира нельзя не видѣть корня слова Тыричей, если они такъ назывались. Еще съ большею вѣроятностію можно производить имя Тиверцевъ, Тиревцовъ, отъ греческаго *τιρῆς* (*τιρῆτης*), берець, охранять, такъ какъ часть Улучей, подъ именемъ Тиривцевъ, могла находиться на службѣ у Херсонскихъ Грековъ, торговавшихъ съ Русью. Но есть еще другое слово, указывающее на связь съ Тиверцами: *τιρῆς*, *τιῆρα*, и если оно можетъ быть допущено, то имя Тиверцевъ, переведенное на русскій языкъ, сказывается въ Черныхъ Клобукахъ.

Предположивъ, что Улучи жили на лѣвой сторонѣ Днѣпра, мы считаемъ необходимымъ обратиться опять къ показанію Константина для опредѣленія названія народовъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Константинъ говоритъ, что Черные Болгары могли воевать Хазарь, слѣдовательно, съ Хазарами граничили не Печенѣги, а Черные Болгары, такъ какъ Пачинакія находилась въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ Хазаріи Придонской. Здѣсь же жили и остатки Турокъ, побѣжденныхъ Печенѣгами. Что же касается Узовъ, то, по словамъ Константина, они располагались на лѣвой сторонѣ Дона и были сопредѣльны съ Аланами. При такомъ распредѣленіи народовъ, обитавшихъ около 950 г. между Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, Сивашомъ и по берегу Азовскаго моря, само собою разумѣется, что города, находившіеся въ землѣ Улучей, должны быть отождествлены съ греческими эмпоріями, расположенными по направлению къ Днѣпру отъ Геническихъ и Перекопскихъ соляныхъ озеръ, а не съ 318 городами, находившимися въ землѣ Унличей Баварскаго лѣтописца. Время переселенія Улучей на Днѣстръ началось послѣ 914 года, а показаніе Баварскаго географа относится къ 890 году; какое же основаніе есть къ отождествленію Унличей съ Ултинами Константина или съ Улучами нашихъ лѣтописей? Занимаясь рыбною ловлею, Угорскія племена приазовской мѣстности и Руссы, ловившіе рыбу въ устьяхъ Днѣпра, не могли обойтись безъ соли ¹⁾. О Руссахъ встрѣчается позднѣйшее извѣстіе у Рюнсбрѣда, относящееся къ 1253 году. А такъ какъ Улучи заслоняли собою дорогу въ Крымъ въ періодъ времени до 950 года и находились подъ влияніемъ Грековъ, то поэтому только о нихъ можно было сказать какъ о народѣ, отличавшемся справедливостію и законностію, вслѣдствіе чего, по словамъ топарха, и приступали къ нимъ добровольно города и народы ²⁾

¹⁾ Ср. *Zeuss*, стр. 747.

²⁾ Ср. *Порфирія Успенскаго*, Четыре б-свды Фотія, стр. 53, ср. 56.

Еслибы глава 42-я сочиненія Константина „Объ управленіи имперій“ не представляла слабѣйшей части въ его географическихъ показаніяхъ, тогда мы навѣрное нашли бы въ ней подтвержденіе о жительствѣ Славянскихъ племенъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но у Константина пропущено все пространство земли въ теперешнихъ уѣздахъ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ, губерніи Таврической и въ уѣздахъ Ростовскомъ, Мариупольскомъ и Александровскомъ, губерніи Екатеринославской. Упущенія Константина относительно этнографіи этой страны можно объяснить какъ сбивчивыми понятіями о мѣстѣ осѣлости кочевниковъ, такъ и нежеланіемъ Константина относительно Славянъ, по цѣли своего сочиненія, упоминать о народахъ, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Херсонитами. Жившія внѣ Россіи, въ его смыслѣ, Славянскія племена являются у Константина покоренными Руссами, но въ лѣтописяхъ упоминается о нихъ отдѣльно по темному преданію ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, договоры съ Руссами до 971 года, показанія Византійцевъ о Тавро-Скиахъ и Дромитахъ и обязательство относительно Корсунъ и Черныхъ Болгаръ не оставляютъ малѣйшаго сомнѣнія о мѣстѣ нахождения волостей Херсонскихъ до взятія ихъ Владимиромъ. Въ лѣтописяхъ, при описаніи похода Владимира на Корсунь, сказано: „и ста Володимиръ объ онъ полъ града въ лименѣ“. Изъ этого смутнаго показанія о лименѣ сложилось убѣжденіе, что Владимиръ приходилъ въ Крымъ водою, тогда какъ Владимиру не было надобности дѣлать объѣздъ водою, еслибы нападеніе на Корсунь было предпринято со стороны Таманскаго полуострова. Нужна ли была Владимиру помощь со стороны Анастаса, еслибы Руссы Кіевскіе были давними жителями Крыма или осѣдлаго съ нимъ Таманскаго полуострова. Поэтому правдоподобнѣе предполагать, что Владимиръ явился въ Крымъ сухопутнымъ отъ Днѣпра. Въ виду этихъ соображеній, мы позволили бы себѣ обратить вниманіе на связь, усматриваемую нами между именемъ Олега и городомъ или страню Олешье, мѣстопребываніемъ гречниковъ до позднѣйшаго времени ²⁾. По нашему мнѣнію, городъ этотъ находился въ странѣ Улучей на перепутьи въ Крымъ ³⁾.

¹⁾ Срезневскій въ *Изв. Имп. Акад. Наукъ* 1854 г., стр. 52.

²⁾ *Изв. Импер. Геогр. Общ.* 185 г., т. XI, стр. 17.

³⁾ Историкъ наши упорно отвергаютъ существованіе приднѣпровской Руси, тогда какъ безъ нея мы не можемъ объяснить показанія лѣтописцевъ о томъ,

II.

Въ началѣ втораго отрывка находится фраза: „Именно ради этого и сѣверные берега Истра“... Основываясь на этихъ словахъ, г. Васильевскій утверждаетъ, что мѣстомъ происшествій, описанныхъ топархомъ, была Булгарія. Мы думаемъ напротивъ, такъ какъ, по тогдашнему понятію, указаніе о сѣверныхъ берегахъ Истра имѣетъ значеніе относительное, а не безусловное.

Письма топарха съ береговъ Днѣпра предназначались, по всей вѣроятности, для Византійца, жившаго позади Истра, и топархъ, чтобы сдѣлать понятнымъ показаніе свое, употребилъ относительно положенія описываемой страны тогдашній географическій терминъ. У Константина, Хазары, Турки и Руссы названы народами сѣверными, жившими на сѣверѣ отъ Истра; поэтому для ясности онъ и оставляетъ, во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, при Дунаѣ его прежнее названіе, какъ болѣе извѣстное. Константинъ говоритъ, что земля Печенѣговъ начинается отъ устья Дуная противу Дистры, слѣдовательно, разоренныя крѣпости Бѣлая, Тунгакате, Крапакате и прочія находились также на сѣверѣ отъ Истра ¹⁾. Въ вышеприведенной фразѣ топарха мы усматриваемъ только сравненіе, къ которому онъ хотѣлъ прибѣгнуть относительно сходства въ событіяхъ, но увидѣвъ, что оно не идетъ къ дѣлу, топархъ самъ уничтожилъ его. Трудно допустить, чтобы топархъ, не упомянулъ о Болгаріи, еслибы онъ имѣлъ ее въ виду, и прибѣгнулъ къ метафорическому уподобленію, замѣнивъ названіе страны или народа словами: сѣверные берега Истра. Топархъ называетъ варварами не пришельцевъ, а коренныхъ жителей соседственной съ нимъ области. Еслибы топархъ описывалъ происшествія давнія, а не современныя ему, тогда, пожалуй, можно было бы предположить, что онъ называлъ варварами Болгаръ, но во времена топарха Болгары были христіане. Какимъ же образомъ согласить показаніе топарха о разореніи варварами болѣе де-

какими образомъ Хазары, отраженные угро-алтайскими народами отъ Славянъ, могли вѣнчать дань на Полянѣхъ, обитавшихъ въ области Кіевской.

¹⁾ Дриновъ, Засел. Балканск. полуостр. Славянами, стр. 90—93. Истромъ назывался не весь Дунай, но только низовья его (*Forbirger*, III, 325), слѣдовательно, сообщенія г. Васильевскаго (стр. 427, 428) не имѣютъ прочнаго основанія для отождествленія Клѣрабисъ, находившейся вблизи Оршова на лѣвомъ берегу Дуная, съ Климатію топарха, такъ какъ поле дѣйствій Святослава ограничивалось правымъ берегомъ Истра.

сяти городовъ и пятисотъ селеній въ собственной землѣ, если предположить, что описанныя опустошенія произошли въ Болгаріи?

Положеніе страны, описанной топархомъ, напоминаетъ намъ состояніе, въ которомъ находились сѣверо-восточные берега Чернаго моря до времени окончательнаго покоренія Кавказа. Форты наши расположены были въ странѣ непріятельской, но посреди непріятелей были такъ называвшіеся мирные Черкесы, находившіеся между двумя крайностями. Мирные были не прочь пользоваться выгодами покойной жизни, но другимъ воинственнымъ племенамъ, охотникамъ до легкой поживы, не правила опека въ лицѣ нашихъ отрядовъ. Дѣйствуя по пословицѣ: „свой своему по неволѣ другъ“, мирные Черкесы увлекались подстрекательствомъ непріязненныхъ намъ племенъ и вмѣстѣ съ ними бросались на русскіе форты и разоряли ихъ до основанія. Случалось, что и наши посылали мирныхъ воевать въ землю ихъ единокровныхъ. Приводимое сравненіе не примѣнимо къ Болгаріи въ періодъ времени между 967 — 971 годомъ, но оно окажется вѣрнымъ относительно положенія Грековъ тогдашняго времени въ области Днѣпра. Еще въ 968 году, Святославъ сдѣлался врагомъ не только Болгаръ, но и Грековъ, старавшихся вытѣснить его изъ Болгаріи. Можно ли предположить, чтобы Колокирь, имѣвшій претензію на византійскій престолъ, согласился сдѣлаться наместникомъ небольшой области въ Болгаріи, имѣвшей своихъ царей и влстителей? У топарха нашего говорится не объ одномъ, а о двухъ нападеніяхъ, побѣдоносно имъ отраженныхъ. Далѣе топархъ показываетъ, что со-сѣдственная съ нимъ „область еще ранѣе была разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушили до основанія стѣны“. Последнее обстоятельство лишаетъ насъ всякой возможности переносить въ Болгарію мѣсто происшествій, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что Болгары, а не пришлый народъ, разорали города, упоминаемые топархомъ. Поэтому и предположеніе о Венграхъ или Печенѣгахъ (стр. 383), въ которыхъ указываетъ г. Васильевскій, не можетъ быть принято. Святославъ, оставляя Болгарію, дѣйствительно предоставилъ Печенѣгамъ право производить въ ней опустошенія, но Болгарія не была фактически занята Венграми или Печенѣгами. Святославъ, по пришествіи въ Болгарію, нашелъ города ея въ цвѣтущемъ состояніи, а не разоренными. Кромѣ этого, мы указываемъ на то мѣсто изъ втораго отрывка, гдѣ сказано, что „варварамъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ“. Какіе же близкіе

или вѣрные союзники могли быть въ Болгаріи у Руссовъ, Печенѣговъ или Венгерцевъ? Показаніе топарха о нахожденіи подданныхъ въ странѣ, принадлежавшей варварамъ, также не идетъ къ Болгаріи, тогда какъ съ словами договора 912 года о челяди оно находится въ ближайшемъ отношеніи ¹⁾. Трудно допустить предположеніе, чтобы обязательство о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ Руссамъ распространялось на Византію; мы думаемъ, что и здѣсь подразумѣвались Херсонскія владѣнія. Самое число разоренныхъ варварами городовъ оказывается невѣрнымъ, если относить его къ Болгаріи. Укрѣпленія, возобновленія Юстиніаномъ, о которыхъ говоритъ г. Васильевскій (стр. 426), не существовали во времена Святослава ²⁾. Высадившись на правомъ берегу Дуная, Святославъ двинулся къ Смистріи и не имѣлъ времени разорять города на сѣверныхъ берегахъ Истра ³⁾. Поэтому, словамъ топарха о сѣверныхъ берегахъ Истра нельзя придать то значеніе, какое желаетъ видѣть въ нихъ г. Васильевскій. Мы не знаемъ городовъ болгарскихъ на сѣверныхъ берегахъ Дуная во времена, близкія къ войнѣ Святослава ⁴⁾. У географа Баварскаго сказано: *Vulgarii Vedio est immensa et populos multos habens civitates V. eo quod multitudo magno ex eis et non sit eis opus civitates habere* ⁵⁾. Указаніе это относится именно: *ad septentrionalem plagam Danubii*. Какимъ же образомъ согласить показаніе топарха о разореніи варварами болѣе десяти городовъ и пятисотъ селеній, если предположить, что оно произошло въ Болгаріи на сѣверныхъ берегахъ Дуная. Показаніе нашихъ лѣтописей о взятіи Святославомъ 80 городовъ по Дунаю не ограничиваетъ мѣстоахожденія ихъ на сѣверѣ Болгаріи ⁶⁾. Прибывъ въ Болгарію въ августѣ мѣсяцѣ 967 года, Святославъ оставался тамъ до весны 968 года, слѣдовательно, предположеніе о побѣдѣ топарха зимою въ Кіевѣ къ Святославу дѣлается немыслимымъ, и связь между отрывками падаетъ сама со-

¹⁾ Срезневскій, въ *Изв. 2-ю Отд. Акад. Наукъ*, т. III, стр. 268, 269.

²⁾ *Гильфердинъ*, т. I, стр. 86—89; ср. *Канітц*, стр. 7, 8.

³⁾ *Гильфердинъ*, стр. 142; ср. *Дриновъ*, Юж. Слав. и Визант. въ X в., стр. 95—97, ср. 108, 109.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 37, 38, 75; ср. *Канітц*, стр. 39. 40; *Seck*, *Not. dignit. Berolini*. 1876, p. 86—93.

⁵⁾ *Lelewel*, *Géogr.*, т. 2, p. 32; *Шафарикъ*, *Слав. др.*, т. 2, кн. 3, стр. 73; *Forbirger*, т. III, тр. 1097—1101; стр. *Constantini*, de *Themat. «parchia Musiac»*; *Raven. cosmogr.*, p. 188.

⁶⁾ *Дриновъ*, Южн. Слав. и Визант., стр. 96; *Jirček*, *G. d. Bulhar.*, стр. 129, 130, 131, 167, 186.

бою. Тѣмъ менѣе мы находимъ основаніе относить поѣздку топарха ко второму возвращенію Святослава изъ Болгаріи. Святославъ могъ распорядиться въ Болгаріи только во время бытности тамъ, и поѣздка къ нему въ Россію топарха, для испрошенія утвержденія въ правахъ владѣнія, оказывается невѣроятною. Область топарха, какъ видно изъ третьяго отрывка, находилась въ сосѣдствѣ съ владѣніями царствовавшего на сѣверѣ отъ Дуная, и если предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о Святославѣ, то область, гдѣ жилъ топархъ, находилась не въ Болгаріи, а на сѣверѣ отъ нея. Такимъ образомъ, по ходу событій, относящихся къ Святославу и Болгаріи, мы не находимъ возможности видѣть въ топархѣ нашемъ посланника или спутника Колокира, посаженнаго Святославомъ въ Болгаріи. Водворяя топарха въ Болгаріи, мы отнимаемъ всякую фактическую возможность предполагать, чтобы Святославъ могъ подарить ему въ своей землѣ, то-есть, вблизи Кіева, достаточные ежегодные доходы. Г. Васильевскій не придаетъ значенія упоминанію топарха о Мизявахъ и видятъ въ этомъ обычную пословицу, но мы не можемъ не обратить на нее вниманія и скажемъ объ этомъ впослѣдствіи.

Предположивъ на основаніи соображеній топографическихъ, что область топарха находилась вблизи пороговъ, мы, чтобы опредѣлить, кто были варвары, нападавшіе на область эту, обращаемся къ указаніямъ этнографическимъ.

Изъ свода лѣтописныхъ сказаній объ Улучахъ оказывается, что они жили при Днѣпрѣ, на лѣвой сторонѣ, слѣдовательно—тамъ, гдѣ Византійцы помѣщали Тавро-Скиѳовъ и Дромитовъ ¹⁾. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ перешло на эти народы названіе Руссовъ, и кто кому сообщилъ имя 'Ρῶς, отвлекъ бы насъ далеко отъ нашего главнаго предмета. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ замѣтить, что описаніе варварскаго народа у топарха напоминаетъ намъ ту изъ бесѣдъ патріарха Фотія, въ которой онъ изображаетъ нравы Руссовъ.

¹⁾ Въ настоящее время многіе историки начали утверждать, что подъ Скиѳіей слѣдуетъ разумѣть уголь земли, заключенный между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, такъ какъ она показана здѣсь на рисункахъ картахъ. Такое предположеніе оказывается несогласнымъ не только съ показаніемъ Константина (гл. 13 и 43), но съ нашими лѣтописями, упоминающими о Великой Скиѳіи. Что же касается вопроса о Дромитахъ, то мы привыкли судить о Тевдѣ и Диарыгачѣ по отзыву Келлера, не принимая во вниманіе перенѣвъ, происшедшихъ на нихъ со времени жительства Руссовъ. Если они не были обитавшими, то откуда явились на нихъ кладбища съ битой посудой не греческаго происхожденія?

У Фотія читаемъ: „Откуда упалъ на насъ этотъ дальностѣверный и страшный перунъ?.. Народъ жестокий и дерзкій разоряетъ и губить все... онъ какъ тифонъ, наводненіе.... и не знаю, что славать: явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея... откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море? „Византійцы буквально занимствовали одинъ у другаго описаніе Гиперборейскихъ Скеевъ. Сопоставимъ здѣсь для примѣра показаніе Григоры:.....“ Ими управляетъ природная правдивость и безукоризненная законность. Тѣ, которые называютъ ихъ греческимъ именемъ, называютъ ихъ каждый по своему, смотря потому, какія мѣста занимаютъ тѣ или другіе.... ихъ движеніе походило на то, какъ еслибы часть великаго моря хлынула съ крутизны.... прежде чѣмъ успѣтъ разнестись молва, они занимаютъ уже одну страну за другой.... ихъ нападеніе въ битвахъ напоминаетъ характеръ лютыхъ звѣрей“ и проч.

Присутствіе Печенѣговъ, разводившихъ съ 900 года кочевье свое по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не мѣшало жительству народовъ осѣдлыхъ, не имѣвшихъ у себя, по словамъ Константина, ни быковъ, ни овецъ, ни лошадей ¹⁾. Такимъ образомъ, страна Улучей ограничивалась, съ одной стороны, Чернымъ моремъ до Перекопа, съ другою—Днѣпромъ до пороговъ, и съ третьей—Сивашомъ и Азовскимъ моремъ; здѣсь Улучи соприкасались съ Черными Болгарами и другими остатками народовъ Угро-Алтайской расы. Объ Улучахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ по смутному преданію въ 865 году, при чемъ лѣтописецъ показываетъ, что „Аскольдъ и Диръ бѣша ратни.... и со Углича“. Далѣе, въ 885 году, встрѣчается извѣстіе, что Олегъ... „нигѣше рать съ Углича“. Игорь, въ 914 году, возложилъ на нихъ дань и вдалѣ Свѣятеду, но не могъ взять города Пересѣчена. Уже послѣ этого, слѣдовательно—около 917 года, лѣтописецъ показываетъ о переселеніи Улучей, въ продолженіе войны, къ Днѣпру, будто бы выѣстъ съ Тиверцами ²⁾, по послѣдніе находились въ войскѣ Олеговомъ, при походѣ на Царьградъ, въ 907 году; Улучи же, какъ видно, не участвовали ни въ одномъ изъ походовъ на Царьградъ и пребывали въ добрыхъ отношеніяхъ съ сосѣдами своими Корсунянами. Выше мы замѣтили, что до 950 года Улучей при Днѣстрѣ не было, слѣдовательно, они оставались на прежнемъ мѣстѣ жительства. Но въ договорѣ 944 года, мы встрѣчаемъ уже обя-

¹⁾ *Кн. Виземскій*, Слово о Полку Игор., стр. 135.

²⁾ *Бутко*, Обор. Лѣт., стр. 258, 259.

зательство о Корсуньстѣй странѣ, о Корсунянахъ, ловящихъ рыбу въ устьяхъ Днѣпра, и о Черныхъ Болгарахъ... Въ этомъ же договорѣ, Греки даютъ Игорю дозволеніе воевать съ непріятелями въ страпахъ Корсуньскихъ и обѣщаютъ помощь войскомъ съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы Игорь не покорялъ себѣ страны. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Улучи, не задолго до этого времени, нарушили прежнія отношенія свои къ Корсунянамъ и въ союзѣ съ Черными Болгарами начали тревожить Корсуньскія волости и города, находившіеся вѣдъ Крыма по дорогѣ къ Днѣпру ¹⁾. Отсюда и могло произойти обѣщаніе Грековъ давать Игорю войско свое, елико нужно; но само собою разумѣется, что помощь Грековъ, какъ справедливо замѣтилъ покойный М. П. Погодинъ, должна была ограничиваться сосѣдствомъ съ Корсунскою страной ²⁾.

Ъзъ этому времени, между 914 и 944. годами, мы относимъ Записку Топарха, нисколько не стѣсняясь палеографическими соображеніями Газе. Въ договорѣ 971 года мы встрѣчаемъ опять обязательство не помышлять на власть корсунскую и города ея.

Ограничивая владѣнія Корсунскія пространствомъ города, изслѣдователи нашей первоначальной исторіи предположили, что Русси Кіевскіе были протекторами Херсона, слѣдовательно, жили въ Крыму до войны Святослава съ Хазарами, тогда какъ Константинъ, нѣтъ въ Херсонѣ намѣстника своего, не могъ не знать о томъ, что тамъ происходило ³⁾. Между тѣмъ Константинъ опредѣлительно говоритъ, въ главахъ 1-й и 2-й, что ближайшіе сосѣди Херсона были Печенѣги, которые, враждуя съ Руссами, преграждали имъ пути для нападенія на греческія владѣнія. Въ концѣ 2-й главы Константинъ называетъ даже мѣсто, гдѣ Печенѣги останавливали Руссовъ при Днѣпрѣ у пороговъ. Такимъ образомъ со стороны исторіи не представляется основанія допустить предположеніе о возвратѣ Руси въ домы свои чрезъ Босфоръ Киммерійскій. Святославу, послѣ похода на Хаваръ, путь этотъ могъ быть извѣстенъ болѣе, нежели отцу его Игорю; отчего же Святославъ не воспользовался имъ при возвращеніи изъ Болгаріи и сталъ зимовать въ устьяхъ Днѣпра, испытывая голодъ? По наступленіи весны, Святославъ снова пошелъ въ пороги

¹⁾ Ср. Барсова, Геогр. Начал. Лятов., стр. 81—84 и 95; Забелинъ, Ист. Русс. Жизни, I, стр. 419.

²⁾ Русск. Исторія, стр. 24; ср. Ламбинъ, о Тмутар. Руси, стр. 61.

³⁾ Ср. Ламбинъ, о Тмутар. Руси, стр. 61; ср. Бильбасова, Киркель и Меоодій, ч. III, стр. 22.

и поплатился головою своею, не смотря на предупрежденіе со стороны Свѣнелда объ опасности со стороны Печенѣговъ. Какая же причина могла заставить Святослава идти на вѣрную смерть, еслибы для него была открыта другая дорога чрезъ Босфоръ Киммерійскій на Таманскій полуостровъ? Помимо показанія Льва Діакона, историкѣ наши желаютъ находить оправданіе для допущеннаго ими предположенія о нахожденіи Руссовъ въ Крыму въ текстѣ договоровъ съ Греками; но тамъ прямо сказано, что Руссы на зиму должны были идти въ дома свои, которые, по словамъ Константина, находились за порогами. Отношенія Руссовъ къ Херсону подробно описаны Константиномъ въ главахъ 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 9-й, 37-й и 42-й сочиненія „Объ Управленіи Имперіей“, но ни въ одной изъ нихъ не видно, чтобы Руссы были въ Крыму до 988 года. Чтобы доказать противное, остается ссылаться на Сурожскую легенду, но вопросъ о времени ея составленія считается не рѣшеннымъ ¹⁾.

Въ числѣ другихъ косвенныхъ источниковъ, на которыхъ изслѣдователи основываютъ свое предположеніе о существованіи Таманской Руси, находится сказаніе о русскихъ письменахъ, видѣнныхъ въ Корсунѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ въ 860—862 гг. Почтенный академикъ Куникъ не считаетъ легендарныхъ сказаній за вѣрное свидѣтельство, хотя и не отвергаетъ факта бытности въ Херсонѣ Солунскихъ братьевъ ²⁾. Другой ученый, В. И. Григоровичъ, не утверждаетъ также, чтобы грамота, найденная Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Херсонѣ, была русская, и называетъ ее пазиграфіей, приспособленною къ звукамъ славянскаго языка ³⁾.

Такимъ образомъ, уже не Руссы, а какіе-то Славяне являются въ Корсунѣ въ общеніи съ Хазарами, Аланами, Готами и другими народами, населявшими Крымъ во времена бытности тамъ Солунскихъ братьевъ. Мы и въ этомъ случаѣ, нимало не колеблясь, останавливаемся на Улучахъ, какъ на единственномъ изъ Славянскихъ племенъ, которое могло быть въ Крыму до появленія въ немъ Кіевскихъ Руссовъ. Путь Солунскихъ братьевъ, изъ Хазаринъ въ Херсонъ шель по берегамъ Азовскаго моря и потомъ по безводнымъ мѣстамъ ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Куникъ, Зап. Готск. Топар., стр. 104—106; Фирковичъ и Топтамышъ, стр. 23, 24.

²⁾ Зап. Гот. Топ., стр. 139, 140; Касній, стр. 632, 633.

³⁾ Зап. о Солунѣ и Корсунѣ. Одесса. 1872, стр. 8, 9, 14 и 15.

⁴⁾ *Вимбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. 2, стр. 23, 242, 243; ср. *Иловайскій*, стр. 137.

Еслибы Кириллъ и Меѳодій ѣхали въ Херсонъ на кораблѣ или черезъ Таманскій полуостровъ, тогда мы не встрѣтили бы указанія о колодахъ съ соленою водою, видѣнныхъ ими на пути слѣдованія. Но на пути отъ Кавказскихъ горъ въ Крымъ берегомъ Азовскаго моря дѣйствительно встрѣчаются безводныя мѣста, въ которыхъ жители и до нынѣ употребляютъ соленую воду ¹⁾. Не можетъ быть, чтобы Солунскіе братья предприняли сухопутное путешествіе безъ особенной цѣли, тогда какъ они могли возвратиться въ Херсонъ на кораблѣ, отвезшемъ ихъ къ Хазарамъ. Проходя черезъ землю Улучей, они могли посѣять среди нихъ зачатки христіанства и связать этотъ народъ еще тѣснѣе съ Херсонцами. Не мудрено послѣ этого, что мы встрѣчаемъ слѣды существованія христіанства между Славянами Приднѣпровскими въ періодъ, предшествовавшій крещенію Киевской Руси.

О Черной Болгаріи упоминается у Константина въ гл. 12 и 42-й, а въ договорѣ Игоря съ Греками, въ 944 году, является уже народъ, названный Черными Болгарами. Здѣсь мы не касаемся вопроса о причинѣ, подавшей поводъ называть Черною страну, гдѣ оставалась часть Болгаръ, но впослѣдствіи, на мѣстѣ ея, мы встрѣчаемъ Черную Куманію ²⁾. Выше мы имѣли уже случай замѣтить, что Черная Болгарія Константина находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра между Дономъ, Азовскимъ моремъ и страной Улучей. Въ главѣ 12-й Константинъ говоритъ, что Черная Болгарія можетъ воевать Хазаръ, а въ главѣ 42-й сказано: „На сѣверъ отъ Меотійскаго озера находится рѣка Днѣпръ, черезъ которую Руссы переходятъ (перезѣжаютъ) въ Черную Болгарію и Сирію“. При объясненіи этого мѣста изслѣдователи предположили, что глаголѣ δι-έρχονται значитъ—выѣзжать ³⁾,

¹⁾ Стаскій, Кн. Больш. Черт., стр. 26, 27; ср. Спис. населен. мѣст. губ. Таврич., стр. IV.

²⁾ Ср. Бруни въ *Зап. Одесск. Общ.*, т. V, стр. 973, 972.

³⁾ Зап. Гот. Топарха, стр. 125; *Иловайскій*, стр. 116, 123, 169, 170. Если сопоставить показаніе Θεοφана о р. Куеисѣ съ описаніемъ Константина, то ясно будетъ, что Куеисъ Θεοφана, составлявшій границу Болгаріи, не можетъ быть отождествляемъ съ Кубанью, такъ какъ у Константина сказано, что р. Куеисъ находилась между Дунаемъ и крѣпостію Саркеломъ (De administr., с. 42). Поэтому вѣрнѣе предполагать, что на Таманскомъ полуостровѣ жила часть Хазаръ, названная у Θεοφана Евреями, а не Болгары. Ср. *Забѣлинь*, *ор.-с.*, 398, 399. Что же касается Кубани, то она у Константина названа Укрухомъ и потому не можетъ быть отождествляема съ Хоракуломъ, въ которомъ во времена Константина добывали веретникъ, а при Θεοφанѣ известность Ср. *Klaproth*, *Voyage au Caucase*, t. I, p. 56.

тогда какъ Константинъ употребляетъ его въ значеніи слова—переходить. Въ этомъ смыслѣ поставлено оно въ гл. 9-й при описаніи перехода Руссовъ чрезъ пороги, въ гл. 42-й—при упоминаніи о рѣкѣ, чрезъ который Печенѣги переходили отъ Днѣпра въ Херсонъ, и еще яснѣе становится значеніе его въ гл. 8-й, гдѣ въ заключеніи говорится, что весною Печенѣги переходятъ на ту сторону Днѣпра ¹⁾. Что же касается до того мѣста въ гл. 42-й, гдѣ упоминается о плаваніи Руссовъ и Днѣпра въ Ромеиѣ, то тамъ у Константина поставлено слово ἀπο-πλέω. Такимъ образомъ, оказывается, что Черная Болгарія находилась въ низовьяхъ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ по теченію его ²⁾; а такъ какъ Сирія поставлена у Константина рядомъ съ Черною Болгаріею, то должно предполагать, что она граничила съ нею. Въ названіи Сиріи, находившейся по направленію отъ Днѣпра къ Азовскому морю, мы видимъ греческое слово Σιρία, означающее болотную страну и отвѣчающее какъ нельзя болѣе болотистымъ берегамъ Сиваша, носившаго у Римлянъ, въ свою очередь, названіе болота (Palus).

Воспоминаніе о Болгарахъ Приднѣпровскихъ сохранилось въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 985 годомъ: „Иде Володимѣръ на Болгары Низовскіе... въ лодяхъ, а Торьки берегомъ приведе на конихъ и побѣди Болгары“. Поэтому, упоминаніе топарха о намѣреніи варваровъ сдѣлать изъ ихъ земли добычу Мисанъ пріобрѣтаетъ значеніе историческое. Болгары Низовскіе было племя свирѣпое, они говорили Владиміру: „толи не будетъ межю намѣмира оли камень начнетъ плавать“. Что здѣсь говорится о Болгарахъ Приднѣпровскихъ, доказательствомъ тому служить показаніе мниха Іакова о хожденіи Владиміра къ порогамъ Днѣпровскимъ ³⁾. Выходитъ, что было время, когда Улучи жили съ Херсонскими Греками въ добромъ согласіи, оказывая, по словамъ топарха, уваженіе къ справедливости и законности, и удерживали соудей своихъ, Черныхъ Болгаръ, отъ нападенія на Корсунскія об-

¹⁾ Ed. Bonn., p. 74.

²⁾ Ср. Ламбинъ, о Тмутар. Руси, стр. 62; Иловайскій, Разысканія стр. 116, 124.

³⁾ Г. Барсовъ въ Очеркахъ Русск. Ист. Геогр. предполагаетъ, что подъ именемъ Болгаръ Низовскихъ слѣдуетъ подразумѣвать Болгаръ Дунайскихъ, стр. LV, прим. 172; ср. Соловьевъ, Ист. Росс. т. I, стр. 166. У Константина упоминается объ архонтѣ Мокиѣ, находившемся на берегахъ Азійскаго моря (De segemoniâ, p. 688). Мы имѣемъ основаніе подозрѣвать, что часть народа, ему подвластнаго, состояла изъ Черныхъ Болгаръ. Иначе не представляется возможности согласить число владѣтелей съ числомъ народовъ, описанныхъ въ сочиненіи объ управленіи имперіей; ср. Rambaud, L'Empire Grec, p. 526.

ласти ¹⁾. Но около 944 года, часть Улучей, соединившись съ Болгарами, напала на греческія эмпоріи, начала разрушать до основанія стѣны греческихъ укрѣпленій и коснулась области топарха. Другая же часть туземцевъ, понимавшая языкъ греческій, держалась, по прежнему, нашего топарха и его соотечественниковъ, какъ видно изъ третьяго отрывка. По словамъ топарха, Климата его была разрушена еще прежде; указаніе это даетъ намъ поводъ считать Руссовъ виновниками перваго ея разоренія въ одну изъ войнъ съ Улучами. Такимъ образомъ становится понятною причина, подавшая поводъ Византійцамъ включить въ договоръ 944 года обязательство для Руссовъ—не вимоватъ въ устьяхъ Днѣпра, Бѣльбережи, а уходить въ дома свои въ Русь, то-есть, за пороги.

Разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ нахождения города Пересѣчена невозможно безъ производства раскопокъ, но есть полное основаніе предполагать, что имя этого города указываетъ на Кичкасъ, гдѣ Днѣпръ представляется пересѣченнымъ, имѣя въ ширину только 75 сажень. Пересѣченовъ было нѣсколько; но они упоминаются въ числѣ городовъ, находившихся въ области Кіевской. Понятно, что приднѣпровскій городъ, стоявшій на пути плаванія въ Царьградъ и на дорогѣ въ Крымъ, могъ возбудить въ Олегѣ желаніе овладѣть имъ; но походъ Олега въ 885 году за Днѣстръ, для взятія Пересѣчена бессарабскаго, представляется невѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что по мѣстоположенію Опклосо, въ сосѣдствѣ съ Дунаемъ, Олегу пришлось бы воевать съ Болгарами, а о войнѣ Олега съ Болгарами въ лѣтописяхъ не упоминается. Мѣсто, гдѣ могъ находиться Пересѣчень, названо у Константина Крарійскимъ перелазомъ, но во времена Константина городъ Пересѣчень уже не существовалъ. Вопросъ о пѣшемъ и конномъ войскѣ, находившемся въ составѣ нападавшихъ, разрѣшается самъ собою, и напрасно г. Васильевскій придаетъ ему особенное значеніе. Славянскихъ племенъ было много, и если объ

¹⁾ Принимая въ соображеніе показаніе топарха о безщадномъ разрушеніи городовъ и стѣнъ до основанія со стороны непріятелей, мы невольно должны придти къ заключенію, что подобный образъ дѣйствій не могъ быть свойственъ народу осѣдлому, но бродячему, какими были Угры. Въ легендахъ о Кириллѣ и Меодіи говорится, что на пути слѣдованія Философа къ Хазарамъ по Азовскому морю напали на него по выходѣ на сушу воины угорскіе (*Билъбасовъ*, *Бир.* и *Меод.*, II, стр. 171, 242, 378), а далѣе (на стр. 372, 373), въ житіи Климента Болгары названы Мисами. Такимъ образомъ, связь между Мисіями топарха и Нивонскими Болгарами, свѣтлымъ племенемъ, становится очевидною.

одномъ изъ нихъ сказано, что оно не умѣло ѣздить верхомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и остальные не могли заимствовать отъ сосѣдей полезнаго обыкновенія ¹⁾. Нужда есть лучший учитель челоуѣка. Странно было бѣ утверждать, что топархъ и спутники его были Славяне, на основаніи того, что они имѣли щиты, замѣнявшіе имъ кровать и покровъ. Извѣстно, что Левъ Діаконъ, описывая Тавро-Скиевъ, говоритъ, что щиты у нихъ были длинныя до самихъ ногъ; Греки же подобныя щитовъ не имѣли. Что отрывочныя показанія, встрѣчающіяся у древнихъ авторовъ, даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, доказательствомъ тому служить мнѣніе г. Васильевскаго о происхожденіи названія Волгаръ Мирмидонами. Мы имѣли уже случай высказать въ другомъ изслѣдованіи, что по географическимъ и этнографическимъ соображеніямъ, соотвѣтственнѣе производить названіе это отъ рѣки Мермодасъ, нежели отъ города Мирмикіона потому только, что въ немъ родился Ахиллесъ ²⁾. Если перенесеніе г. Васильевскимъ названія Мирмидоновъ на Русскихъ найдетъ оправданіе, то мы увидѣли бы въ немъ подтвержденіе нашего предположенія о сосѣдствѣ Улучей съ Угро-Алтайскими народами, подавашаго поводъ считать Русскихъ Куманами.

Вопросъ о неумѣнн Славянъ ѣздить верхомъ (тогда какъ, по словамъ Константина, они покупали у Печенѣговъ лошадей) напомнилъ намъ другое мнѣніе, касающееся неспособности Славянъ къ мореходству. Если подъ этимъ словомъ разумѣть военныя или торговыя флоты, то само собою разумѣется, что мы не найдемъ историческаго свидѣтельства о существованіи ихъ у Славянъ Приднѣпровскихъ. Но Улучи, обитавшіе въ приморскихъ мѣстахъ, могли освоиться съ моремъ, промысливъ рыбною ловлей, и имѣть у себя суда по примѣру ближайшихъ сосѣдей своихъ, Херсонитовъ. Теперешніе жители приморской части губерніи Таврической подтверждаютъ это естественное предположеніе.

Мы не первые высказываемъ мысль о мѣстожительствѣ Улучей и Черныхъ Волгаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Ф. К. Брунъ указалъ на это въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ ³⁾. Къ сожалѣнію, въ послѣдовавшихъ трудахъ своихъ, почтенный авторъ давно уже отка-

¹⁾ Ср. *Русск. Арх.* 1876 г., № 11.

²⁾ *Византия и Печенѣги*, стр. 140, 141; ср. *Иловайскій, Разысканія*, стр. 120, 121; *Ирчицкѣ*, стр. 121.

³⁾ *Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ.*, т. V, стр. 114—119.

заяся отъ прежняго своего мѣстѣ и даже самую народность Улучей промѣнялъ на Готскую, а жилище Черныхъ Болгаръ отведъ Хазарамъ или Бѣлымъ Уграмъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, основываясь на соображеніи о географическомъ положеніи Херсона, мы вывели заключеніе, что онъ не могъ существовать такъ долго, еслибы входы въ Крымъ со стороны степей не были ограждены передовыми укрѣпленіями. Остается намъ провести ту же самую мысль относительно входа въ Крымъ со стороны Керчи ²⁾. При этомъ, опять, мы не должны упускать изъ виду показаній Константина, такъ какъ другіе источники не представляютъ возможности составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе о томъ, что происходило въ Крыму въ періодъ времени между 834 и 988 годами. Описывая Падинакію, Константинъ говоритъ, что она находилась недалеко отъ Херсона, но отъ Босфора еще ближе. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ показываетъ, что Падинакія занимаетъ всю землю до Руси и до Босфора и до Херсона, Сарата-Вурата и до тридцати другихъ мѣстъ. Еслибы Константинъ не пояснилъ, что Падинакія начинается отъ низовьевъ Дуная и простирается только до Саркела, хазарской крѣпости, тогда можно было бы предположить, что Печенѣги были единственными покровителями Херсона на всѣхъ ведущихъ къ нему путяхъ; но оказывается противное: Печенѣговъ не было ни въ Керчи, ни въ Тамани, и оба эти мѣста принадлежали какому-то владетелю Аланіи. Еслибы Руссы находились на берегахъ Керченскаго пролива, тогда Константинъ навѣрное далъ бы сыну своему наставленіе обращаться къ содѣйствію Печенѣговъ для воспрепятствованія Руссамъ вторгаться въ Крымъ. Но Константинъ ясно указываетъ на владетеля Аланіи, какъ на единственнаго охранителя пути въ Крымъ со стороны Керченскаго пролива, и опасаясь только Хазаръ, говоритъ, что если Аланскій князь преградитъ имъ путь, то

¹⁾ Черном. Готы, стр. 17, 19, 35—37; ср. Зап. Од. Общ., III, стр. 452, 453.

²⁾ Въ гл. X и XI книги «Объ управленіи имперіей» Константинъ называетъ повелителя Алановъ владетелемъ (ἐξουσιохόρτορ) и тотъ же самый титулъ усвоить ему въ сочиненіи о церемоніяхъ византийскаго двора (р. 686); следовательно, въ лицѣ этого владетельца мы должны видѣть того повелителя Алановъ, который, нѣтъ возможности нападать на Хазаръ при прозвѣдѣ въ Херсонъ, долженъ былъ жить въ Босфорѣ, или на Таманскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что о топархѣ Аланіи упоминается особо. Ср. *Reiskii*, Comment., р. 809, 810. Такимъ образомъ оказывается, что Константинъ, при опредѣленіи географическаго положенія Аланіи въ гл. 42, сдѣлалъ ее съ Албаніей.

глубокій миръ водворится въ Херсонѣ и въ Климатахъ ¹⁾). Еслибы всѣ Крымскіе Климаты принадлежали Херсонитамъ, тогда для Константина не представлялось бы надобности упоминать о нихъ трижды, отдѣльно отъ Херсона; но выходить, что въ числѣ ихъ надобно искать и тѣхъ девяти Климатовъ, которыя принадлежали Хазарамъ. О мѣстѣ нахожденія Хазарскихъ Климатовъ было высказано множество различныхъ предположеній ²⁾; разбирать ихъ здѣсь мы не считаемъ умѣстнымъ. Достаточнымъ находимъ сказать, что Константинъ въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ только о Хазарахъ, жившихъ на Таманскомъ полуостровѣ и въ окрестностяхъ Саркела. Желаніе считать Крымскихъ и Волжскихъ Хазаръ за одинъ народъ подобно Аланамъ, обитавшимъ въ Крыму и за Кавказомъ, подавало поводъ къ недоразумѣніямъ ³⁾. Девять Хазарскихъ Климатовъ мы смѣло можемъ называть Крымскими и видѣть ихъ въ числѣ тѣхъ 30 мѣстъ, до которыхъ простиралось кочевье Печенѣговъ. Они могли быть или завоеваны, или добровольно уступлены Хазарамъ съ цѣлью поставить въ зависимость отъ Византіи продовольствіе ихъ. Хазари не имѣли флота, и Херсонцы, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хазаръ, не занимавшихся замедленіемъ, всегда могли воспользоваться выгодами своего торговаго положенія. Крымскіе Хазары не были опасны для Херсона, и какъ видно изъ исторіи, они сами являлись защитниками его въ тяжкія минуты. Что же касается Хазаръ Таманскихъ, опасныхъ для Херсона по своимъ связямъ съ Приволжскими ⁴⁾, то на стражѣ противъ нихъ находились Аланы, въ которыхъ мы не можемъ не признавать Готовъ-христіанъ, называвшихся различ-

¹⁾ Ср. *Хуникъ*, Каспій, стр. 523. У средневѣковыхъ путешественниковъ Аланы раздѣлены на христіанъ и язычниковъ; въ числѣ первыхъ показаны Аз, обитавшіе въ Крыму и по берегамъ Азовскаго моря. Духовенство у нихъ было греческое (Ср. *Hergenröther*, *Phothius*, I, стр. 537—539); следовательно, они легко могли усвоить греческій языкъ и затерять собственный, за исключеніемъ небольшой части изъ нихъ, сообщившей Бузбеку слова роднаго языка. Намъ не должно удивлять отсутствіе въ Крыму памятниковъ готской письменности, такъ какъ имъ, допуская нахожденіе въ Крыму другихъ народовъ, также не встрѣчаемъ слѣдовъ ихъ литературной дѣятельности.

²⁾ См. *Наркауъ*, *Ein Briefwechsel zwischen Kordowa und Astrachân*, стр. 95, пр. 2; ср. *Хуникъ*, стр. 76.

³⁾ *Иловайскій*, стр. 113, 114; ср. 128.

⁴⁾ Ср. *Гаркави*, о Хазарахъ, стр. 138.

ными именами ¹⁾). Рюисбрекъ видѣлъ ихъ въ Судахъ и на берегахъ Азовскаго моря, слѣдовательно, на обонхъ берегахъ Керченскаго пролива; здѣсь же встрѣтилъ ихъ и позднѣйшій путешественникъ Иосафатъ Барбаро и называлъ *Gothalani* ²⁾). Напрасно г. Васильевскій не обратилъ вниманія на это мѣсто въ описаніи Барбаро: онъ навѣрное отказался бѣ отъ своего убѣжденія, что Маврокастропа въ Крыму не было. Русскій переводчикъ, объясняя показаніе Барбаро, затемнилъ его еще болѣе предположеніемъ, что у Барбаро говорится здѣсь не о Крымскомъ берегу ³⁾, тогда какъ подъ именемъ острова здѣсь разумѣется Керченскій полуостровъ, позади котораго по направленію къ Судлу находилась Готія, то-есть, Готаланія—до самаго Монкастра (Маврокастропа).

Аланы у Барбаро названы Асами; они были христіане, слѣдовательно, городъ Манкастро, находившійся въ землѣ ихъ, не могъ быть придѣлстовскій Аккерманъ, но крымскій. Ошибка Барбаро, въ 1436 году произошла, по всей вѣроятности, отъ смѣшенія въ памяти двухъ соименныхъ городовъ въ одинъ ⁴⁾).

Подводя итогъ вышесказанному по отношенію къ Запискѣ Топарха, мы должны прійти къ заключенію, что Вараго-Руссы не были покровителями Херсона и его Климатовъ до 988 года, отъ котораго начинается достовѣрная исторія Россіи. Если мѣсто происшествій,

¹⁾ Ср. *Ламбинъ*, О Тмут. Русн, стр. 67; архим. *Арсеній*, Готск. епарх. въ Крыму, стр. 66; *Луника*, стр. 74, 75, 76, 72; *Иловайскій*, стр. 279.

²⁾ См. Акты Констант. Патр., *Зап. Од. Об. И. и др.*, т. VI, стр. 449, 445, 460 и 468. Цейзеръ первый остановилъ вниманіе на показаніи Барбаро (*Die Deutschen*, стр. 432), но къ сожалѣнію, ограничился только замѣчаніемъ, что Готія и Аланія сосѣдствовали между собою. Поэтому мы позволимъ себѣ высказывать предположеніе: не скрывается ли въ названіи Черноморскихъ Алановъ исковерканное слово Аламанъ, то-есть, Готы, говорившіе нѣмецкимъ языкомъ? Только такіе образцы мы можемъ объяснить молчаніе Константина о Готахъ и упоминаніе о нихъ у писателей позднѣйшихъ. Ср. *Hist. Russ. monumenta*, I, Foscari, p. 158; *Kunstmann*, *Stud. ab Marino Sanudo*, p. 105; ср. *Zeuss*, op. c., стр. 303, 327.

³⁾ Библиотек. Иностран. Писат., стр. 145, прим. 63; ср. стр. 55; *V. de S. Martin*, p. 193; ср. Путешеств. въ Татарамъ Платона Карпинна, стр. 25.

⁴⁾ Въ Крыму вблизи Карасубазара и на Днѣпрѣ были также Манхиретини, Манкастро; (см. *Келленъ*, Крымск. Сборн., стр. 352 — 354), а вблизи Перегона находилось укрѣпленіе, называвшееся *Ferrabkermeten* (*Hammer*, *Geschich. der Chan. d. Krim*, стр. 177), напоминавшее Феріеваръ, то-есть, Аккерманъ—на языкѣ мадьярскомъ. Монкастро показанъ въ странѣ Алановъ, а такъ какъ Аланія до Днѣстра не простиралась, то нельзя предположить, чтобы у Барбаро шла рѣчь объ Аккерманѣ, тогда какъ, по словамъ Барбаро, Аланія, Куманія и Хазарія находилась на берегу Заблвскаго моря; см. стр. 6, 7, 48.

описанныхъ у топарха, есть Крымъ, то нѣтъ основанія видѣть въ варварахъ Варяго-Руссовъ, и значеніе отрывковъ по отношенію къ Россіи уничтожается само собою. Такимъ же является оно и въ Болгаринъ, гдѣ пришлось бы допустить, что не Руссы, а сами Болгары разоряли свою страну. Если же мѣсто жительства топарха перенести въ область Днѣпра, то отрывки дѣйствительно пріобрѣтаютъ значеніе новаго источника для познанія Приднѣпровской Руси.

Мы не думаемъ, чтобы въ извѣстіяхъ восточныхъ писателей или въ припискахъ плохого импровизатора Фирковича можно было найти доказательства въ пользу предположенія о раннемъ существованіи Тмутараканскаго княжества и одновременномъ нахожденіи въ немъ Черныхъ Болгаръ ¹⁾. Остается надѣяться на раскопки и сравнительную археологію для рѣшенія вопроса о русскихъ городѣ и рѣкѣ, упоминаемыхъ у позднѣйшихъ восточныхъ писателей. При этомъ мы не можемъ не заявить сомнѣнія въ правдивости лѣтописнаго показанія о войнѣ Святослава въ 965 г. съ Ясами и Косогами, если подъ Ясами разумѣть жителей прикавказской Аланіи. Изъ словъ Константина слѣдуетъ, что между Аланіей и Таматархою находились Зихія, Папагія, часть Авазгін и Касагія. Въ лѣтописяхъ же сказано, что Святославъ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ вслѣдъ за взятіемъ Бѣловежи (Саркела), а о другихъ народахъ не упоминается. Далѣе, показаніе лѣтописей запутывается еще болѣе нахожденіемъ въ 967 году, очевидно, не кавказскихъ—Болгаръ, Козаръ, Косоговъ и Ясовъ въ великой силѣ у Днѣстра. Поэтому, не будетъ ли правильнѣе предполагать, что лѣтописцы называли Ясами—не Алавъ Прикавказскихъ, а Готовъ Придонскихъ и Крымскихъ, сосѣдей Хазаръ? Что же касается Косоговъ, то они должны быть Узы, а не жители Касагіи Константина. Объ Узахъ въ лѣтописяхъ не упоминается, тогда какъ, по словамъ Константина, они, около 950 года, находились въ сосѣдствѣ съ Алапами и Хазарами ²⁾. Г. Гаркави, основываясь на показаніи Абульфеды, видитъ въ Крымскихъ Аланахъ переселенцевъ изъ Осетіи; но при такомъ взглядѣ пришлось бы допустить, что Аланы, встрѣченные Маркомъ-Поло на границахъ Китая, вышли также изъ Осетіи. Константинъ не знаетъ Готовъ, а лѣтописи наши, упоминая о нихъ,

¹⁾ Ср. ст. Замысловскаго о книгѣ Барсова: Географія начальной лѣтописи въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 177, стр. 476, 477.

²⁾ Ср. Бруни, Островъ св. Евпрія, стр. 398—401; Гаркави, О происхожденіи названій вѣсть на Таврич. полуостр., стр. 6—8, Глигоровичъ, Записка Антиквара, стр. 37.

незнакомы съ Аланами, слѣдовательно, въ Ясахъ соотвѣтственнѣе видѣтъ часть Готовъ, называвшихся Асами, нежели потомковъ настоящихъ Аламовъ, обитавшихъ въ Крыму до пришествія Готовъ ¹⁾.

III.

Въ порядкѣ, принятомъ Газе, второй отрывокъ оканчивается словами: „Изъ находящихся на лицо матеріаловъ я выстроилъ сперва одну крѣпость, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить и весь остальной городъ“. Въ третьемъ отрывкѣ, топархъ продолжаетъ: ...“и она была выстроена съ большою поспѣшностію и ограждена ровомъ... не видя нигдѣ варваровъ, я занялся возведеніемъ старой стѣны“... Такимъ образомъ очевидно, что третій отрывокъ слѣдуетъ непосредственно за вторымъ и содержитъ въ себѣ описаніе событій, совершившихся по возвращеніи топарха изъ Воріона во свояси, то есть, въ Климату, на которую устремлено было нападеніе варваровъ. Изъ сопоставленія сказаннаго во всѣхъ трехъ отрывкахъ мы выводимъ заключеніе, что война, начатая варварами безъ предварительнаго объявленія, была предпринята не противъ топарха, а противъ городовъ и самихъ близкихъ своихъ, явившихся защитниками какаго-то новаго порядка, измѣнившаго обычай предковъ. Топархъ въ особенности указываетъ на разореніе городовъ и на разрушеніе до основанія находившихся, вѣроятно, вокругъ ихъ, стѣнъ. Жители городовъ, не признавая себя виновными въ возведеніи укрѣпленій, жаловались варварамъ на своихъ влстителей. Кто же были эти влстители, которыхъ топархъ называетъ своими, какъ не Греки и не тѣ изъ туземцевъ, отъ которыхъ можно было извлекать желанную пользу? Жителей разоренныхъ городовъ и селеній топархъ называетъ подданными варваровъ; слѣдовательно, онъ не былъ поставленнымъ начальникомъ или настоящимъ владѣльцемъ Климаты по праву, дарованному верховнымъ повелителемъ страны. Разрушеніе городовъ и селеній совершилось еще до поселенія топарха въ странѣ варваровъ; поэтому и пришлось ему отражать первое нападеніе изъ

¹⁾ Ср. Neumann, Völker. S. Russl., стр. 40, 41; Брунъ, Матеріалы для ист. Сугдеи, стр. 16, 17; Pachimer, L. V, c. IV, L. X, c. XVI, L. XIII, c. IV; Бергзе, Кавказъ въ археолог. отнош. Тбилисъ, 1874 г., стр. 37, 38. Ср. Michelson въ Monatsber. preuss. Akad. Januar. 1866, стр. 4, 5, 10, 11; Бутковъ. Оборона лѣт., стр. 283, примѣч. 106; Thunmann's Untersuchung., стр. 17—22.

открытаго селенія. Топархъ испугался и отступилъ за Диѳпръ съ находившеюся при немъ стражею, но встрѣтивъ въ Воріонѣ союзниковъ, рѣшился опять остаться на прежнемъ мѣстѣ, укрѣпивъ его стѣнами. Изъ словъ топарха слѣдуетъ заключить, что на возведеніе стѣны пужна была какъ бы особая рѣшимость, и онъ не думалъ объ этомъ, пока не убѣдился въ безсиліи варваровъ при первомъ нападеніи. Топархъ имѣлъ время ожидать приближенія заразы, обходившей его сосѣдей, и принимать всякія мѣры предосторожности, чтобы не быть захваченнымъ въ располхъ. Во времена пребыванія Святослава въ Болгаріи топархъ не могъ находиться въ подобномъ положеніи, такъ какъ въ лицѣ Святослава нельзя представить себѣ попеременно то врага, то покровителя. По словамъ топарха, разорителями городовъ были туземцы, имѣвшіе подданныхъ. Одного этого яснаго указанія достаточно по нашему мнѣнію, чтобы оставить всякую мысль о Болгаріи, гдѣ не было ни иноземныхъ подданныхъ, ни жителей, разорившихъ собственные города. Печенѣги, опустошавшіе Болгарію по уходѣ Святослава въ Россію, не могли быть приняты топархомъ за туземцевъ ¹⁾.

Мы нарочно сопоставили здѣсь нѣсколько указаній изъ другихъ отрывковъ, такъ какъ объясненіе каждаго отрывка отдѣльно не даетъ яснаго понятія о сущности общаго. Въ третьемъ отрывкѣ топархъ упоминаетъ: 1) о безсиліи варваровъ, когда они пришли и увидѣли, что крѣпость и городъ были ограждены рвомъ; 2) о совѣтѣ, собранномъ для рѣшенія вопроса, какихъ влѣстителей нужно желать для управленія народомъ, находившимся въ подданствѣ у варваровъ. При этомъ случаѣ, топархъ держалъ рѣчь, построенную по всѣмъ правиламъ византійскаго искусства. Слѣдующее далѣе описаніе топарха есть самое интересное, и мы приводимъ его цѣликомъ:

„По или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ ²⁾ и не заботятся болѣе объ эллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому, что они сосѣди ли съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ

¹⁾ Ср. *Васильевскій*, Византія и Печенѣги въ *Ж. М. Н. Просв.*, ч. CLXIV, стр. 300, 301, 303.

²⁾ Седьмая глава Константина, въ которой онъ описываетъ жадность Печенѣговъ къ подаркамъ, даетъ намъ право объяснить жалобу туземцевъ на нерасположеніе къ нимъ Византійскаго правительства завистью и упрямомъ, что они, будучи союзниками Грековъ, по принаду Печенѣговъ не пользовались привошеніями со сторовъ царскихъ чиновниковъ, задившихъ въ Паницкую.

Дуная... и не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ жителей, они рѣшили (на совѣтѣ) заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообщая, всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое". Мы останавливаемся пока на послѣднихъ словахъ и ставимъ вопросъ: возможно ли предположить, чтобы спутникъ Колокира или другое лицо, получившее отъ Святослава область въ Болгаріи, были поставлены въ необходимость ѣхать къ Свитославу въ Кіевъ между первымъ и вторымъ походомъ, для заключенія съ нимъ мира? Изъ того, что Святославъ считалъ Болгарію своею землею, еще не слѣдуетъ, чтобы Болгары признавали его своимъ покровителемъ. Топархъ говоритъ, что область его граничила съ владѣніями царствовавшего на сѣверѣ Дуная, а Русское государство было отдѣлено въ это время отъ Болгаріи Печенѣгами. Подобно тому и южный берегъ Крыма не могъ сосѣднить съ владѣніями Святослава. Такимъ образомъ приходится допустить невольно одну изъ двухъ крайностей: или перенести область топарха къ Днѣпру, или подъ царствовавшимъ на сѣверѣ Дуная разумѣть не Русскаго великаго князя. Допуская послѣднее предположеніе, можно было бы остановиться на Хазарахъ, такъ какъ у нихъ были цари, но Греки называли ихъ каганами ¹⁾. Въ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 965 годомъ, есть также указаніе о томъ, что князь Придонскихъ Хазаръ назывались каганами; подъ этимъ титуломъ показаны они и въ житіяхъ Кирилла и Меѳодія; слѣдовательно, среди нихъ, мы не имѣемъ основанія искать царствовавшего на сѣверѣ Дуная, тѣмъ болѣе, что и владѣнія Хазаръ до Болгаріи Дунайской не простирались ²⁾. При объясненіи втораго отрывка, мы имѣли уже случай указать, какіе народы Византійцы называли сѣверными. У Константина сказано въ гл. XIII: εἴτε χαζαροι, εἴτε Τουρκοι εἴτε Ρῶς ἢ ἑτερόν εἶδος τῶν Βόρειων καὶ Σκοτικῶν... ср. гл. 43: Ἀλλὰ παρὶ μὲν τῶν Βόρειων Σκοτικῶν...

Мы не находимъ основанія предполагать, чтобы топархъ подъ именемъ царствовавшего на сѣверѣ Дуная могъ подразумѣвать кого-

¹⁾ Constantin., De ceremon., p. 690; ср. Гаркави, О Хазарахъ, стр. 139; его же Ein Briefwechsel zw. Cordowa u. Astrach., стр. 69, прим. 1.

²⁾ Ср. Гаркави, ib., стр. 88. Непременное желаніе найти искомое подало поводъ почтенному изслѣдователю предположить, что владѣнія кагана Юсена могли простираться до Венгріи, такъ какъ Nigrier онъ принимаетъ за Венгерцевъ; но подобнаго сближенія, основаннаго на созвучіяхъ, послужили основаніемъ видѣть въ Вессахъ Печенѣговъ, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго, (см. Diefenbach, Die Völkstämme d. Turk., 1877, стр. 32).

либо другого, кромѣ Русскаго князя, такъ какъ въ періодъ времени между 885—973 годами Русскіе князья успѣли сдѣлаться первенствующими среди другихъ сосѣднихъ народовъ. Олегъ сокрушилъ господство Хазаръ надъ Славянскими племенами въ 885 году, и, при походѣ на Царьградъ, увлекъ за собою всѣхъ прежде бывшихъ данниковъ хазарскихъ. Послѣдовавшіе затѣмъ договоры и сношенія между дворами Русскимъ и Византійскимъ не могли не прославить Олега, подъ рукою котораго сидѣли всѣ прочіе свѣтлые князья. Кому же ближе, какъ не Корсунянамъ, могли быть извѣстны успѣхи Русскихъ князей въ борьбѣ съ другими народами? Одни Улучи и пераздѣльно съ ними упоминаемые Тиверцы не подчинялись Олегу, и война съ ними продолжалась до 914 года, пока Игорь не заставилъ ихъ платить дань Свептелду. Хотя Святославъ и остановился на зимовку въ устьяхъ Днѣпра, но весной онъ не могъ уже пробиться чрезъ пороги по причинѣ Печенѣговъ. Слѣдовательно, Улучи не могли успѣть до 973 года переселиться къ Днѣстру и показаніе лѣтописцевъ о пахожденіи ихъ при Днѣстрѣ до этого времени оказывается невѣрнымъ. Еслибы Святославъ не имѣлъ союзниковъ въ устьяхъ Днѣпра, то у кого же войско его могло бы покупать лошадей, по полугривнѣ за голову, чтобъ избавиться отъ голодной смерти? О Печенѣгахъ не можетъ быть здѣсь рѣчи, такъ какъ они сторожили возвращеніе Святослава; слѣдовательно, только одни Улучи, данники Святослава, не успѣвшіе уйдти отъ устьевъ Днѣпра, могли сберечь до весны остатки его войска. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія историческихъ данныхъ съ географіей и этнографіей, мы невольно должны прійти къ заключенію, что топархъ подъ именемъ царствовавшего на сѣверѣ Дуная разумѣлъ Игоря. Византійскій Грекъ, знакомый съ тогдашнею терминологіей, не могъ назвать Игоря царствующимъ та βόρεα τοῦ Ἰστροῦ βασι λεύοντα, и съ этой точки зрѣнія титулъ, данный Русскому князю, указываетъ самъ по себѣ, что топархъ былъ Херсонецъ, степовикъ, жившій на берегахъ Днѣпра. Напрасно г. Васильевскій, проецировавшій астрономическое вычисленіе, остановился на 964—967 годахъ и не вычелъ еще разъ 29 лѣтъ: тогда онъ невольно сосредоточилъ бы вниманіе свое на годахъ, совпадающихъ со временемъ между первымъ и вторымъ договорами Игоря съ Греками, изъ которыхъ въ послѣднемъ, 944 года, упоминается впервые о Корсунской землѣ.

Вопросъ о языкѣ, на которомъ произносилъ топархъ нашъ рѣчь въ собраніи друзей, пришедшихъ къ нему на совѣщаніе въ Климату,

обойденъ молчаніемъ, но онъ заслуживалъ бы вниманія. Изъ того, что топархъ записалъ на родномъ языкѣ впечатлѣнія свои на берегахъ Днѣпра, еще не слѣдуетъ заключить, чтобы все населеніе приднѣпровской мѣстности состояло изъ Грековъ, понимавшихъ рѣчь топарха. Положимъ на основаніи словъ топарха, что на совѣщаніи въ Климатахъ были лучшіе люди, но топархъ и въ Воріонѣ, на берегахъ Днѣпра, не былъ чужой по языку; тамошніе туземцы смотрѣли на него какъ на близкаго и напутствовали наилучшими пожеланіями. Въ этомъ мы видимъ еще одно доказательство, что топархъ нашъ не былъ случайнымъ человѣкомъ въ странѣ приднѣпровской, понималъ языкъ туземцевъ, говорилъ на немъ, и слѣдовательно, долженъ былъ прожить здѣсь довольно долго. Что касается до народности Улучей, то кажется, нѣтъ повода сомнѣваться въ славянствѣ ихъ. Не желая упускать изъ виду ни одного обстоятельства, служащаго къ объясненію загадочныхъ фрагментовъ, мы обращаемся къ словамъ топарха, чтобы опредѣлить, которую сторону Днѣпра онъ считалъ своею. Онъ говоритъ, что въ Воріонѣ, около полуночи, подулъ такой тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая вьюга, что нельзя было думать о продолженіи пути. Изъ этого указанія мы выводимъ заключеніе, что сѣверный вѣтеръ дулъ на встрѣчу по дорогѣ, предстоявшей топарху. Еслибы Климата находилась въ Крыму, то путешественникамъ нашимъ приходилось бы идти на югъ за вѣтромъ, и вьюга не остановила бъ ихъ на нѣсколько дней въ Воріонѣ. Въ такомъ же направленіи они должны были, уклонившись немного къ западу, слѣдовать и къ Днѣстру, параллельно правому, возвышенному берегу Днѣпра. Въ послѣднемъ случаѣ имъ не нужны были проводники, такъ какъ само теченіе Днѣпра указывало бы дорогу. Топархъ говоритъ, что когда они вышли изъ Воріона, лошади ихъ тонули въ снѣгу по самую шею; такого глубокаго снѣга не бываетъ на правомъ обрывистомъ берегу Днѣпра или въ степи на ровномъ мѣстѣ, но только на лѣвомъ низменномъ берегѣ, покрытомъ тростникомъ, задерживающимъ снѣгъ во время мятели ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ заключить, что топархъ переправлялся съ сѣвернаго берега Днѣпра на южный, въ Воріонъ, и возвращался оттуда во свояси не въ Крымъ, на югъ, или въ Болгарію на западъ, а на сѣверъ, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, и чтобы избѣжать встрѣчи съ непріателемъ, дѣлалъ обходы съ помощью проводниковъ по закрытымъ мѣстамъ.

¹⁾ См. *Шмидтъ* Херсон. губ., ч. I, стр. 169, 170; Спис. населен. мѣст. губ. Таврич., стр. XIV.

Сопоставленіе Климаты, упоминаемой топархомъ, съ константиновскими та хастра тѣм хлѣбѣмъ увлекло невольнo изслѣдователей Записки на южный берегъ Крыма, но при этомъ они упустили изъ виду Климаты Хазарскіе. О первыхъ упоминается у Константина въ гл. 1-й, 2-й и 42-й, а о послѣднихъ—въ гл. 10-й и 11-й; слѣдовательно, прежде рѣшенія вопроса о значеніи вообще слова „Климата“, необходимо было опредѣлить мѣстонахожденіе Климатовъ Хазарскихъ, тѣмъ болѣе, что споръ о нихъ продолжается до настоящаго времени и тѣсно связанъ съ вопросомъ о владѣтеляхъ Аланіи. Константинъ говоритъ, что Хазары получали всѣ жизненные потребности изъ десяти Климатовъ, лежавшихъ близъ Аланіи, а такъ какъ послѣдніи, по словамъ Константина, находилась у подножія Кавказа, то изслѣдователи и предположили, что Хазарскіе Климаты расположены были на азіатской сторонѣ Босфора. При такомъ предположеніи историки поставили себя въ противорѣчіе съ показаніемъ Константина не только относительно Климатовъ, но и владѣльца Аланіи; они упустили изъ виду, что Приволжскіе Хазары не могли получать все необходимое для нихъ изъ портовъ черноморскихъ. Изъ самаго названія гл. 10-й: „о Хазарѣ, какъ должно вести съ нею войну“ и гл. XI: „о крѣпостяхъ Херсонѣ и Воспорѣ“ видно, что подъ Аланами Константинъ не могъ подразумѣвать жителей Аланіи Прикавказской. Какая причина могла подать Константину поводъ упоминать о Херсонѣ или Воспорѣ, еслибы Хазарскіе Климаты находились на азіатской сторонѣ Босфора ¹⁾? Развѣ владѣтель Аланіи, жительствовавшій по ту сторону Босфора, могъ залегать Крымскимъ Хазарамъ путь къ Херсону? Положимъ, что Придонскіе Хазары могли дѣйствительно получать необходимые для нихъ припасы съ полуострова Таманскаго, но Крымскіе не могли ѣздить туда за продовольствіемъ. Такимъ

¹⁾ Ср. Лунинъ, О Зап. Готск. Топ., стр. 79—81, стр. 78. Въ письмѣ Юсима не упоминается о Климатахъ Хазарскихъ. Перескакивая безпорядочно отъ одного города къ другому, отъ Саргела къ Балаклава и оттуда къ Керчи, а потомъ опять возвращаясь назадъ, ученый секретарь Хазарскаго хакана показываетъ, что всѣ эти города платили дань Хазарамъ. Такимъ образомъ оказывается, что Хазары вовсе не являлись городовъ или округовъ, принадлежавшихъ имъ въ исключительную собственность, по словамъ Константина. Авторъ письма былъ, какъ видно, большой поклонникъ южнаго берега Крыма, въ особенности Алупки, принадлежавшей впадою Воронцову. Ср. о городахъ Хазарскихъ — Жеолсонъ, Изв. Ибнъ-Даста, стр. 45, 58—69.

образомъ приходится одно изъ двухъ, — или допустить, что Хазаровъ не было въ Крыму, или отвергнуть мысль о нахожденіи Хазарскихъ Климатовъ у преддверія Кавказа. И такъ какъ послѣднее оказывается вѣроятнѣе, то не будетъ ли справедливыѣе предположить, что и Хазарскіе Климаты находились на Крымскомъ полуостровѣ, и что владодержецъ Алавіи былъ керченскій топархъ, не зависѣвшій отъ Византіи во времена Константина. Академикъ А. А. Куникъ указалъ уже на прямое свидѣтельство о существованіи керченскихъ топарховъ около 826 г., по онъ колеблется въ заключеніяхъ своихъ о народности жителей Босфора и Таманскаго полуострова. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь могъ сомнѣваться въ томъ, что Хазарскіе Климаты находились въ приморскихъ мѣстахъ, особенно въ виду прямыхъ указаній, что и Херсонъ получалъ хлѣбные продукты изъ Византіи ¹⁾. Вся тогдашняя торговля Таманскаго полуострова, подобно теперешнему времени, могла сосредоточиваться только въ Тамани, Темрюкѣ, Анапѣ и Новороссійскѣ. Попробуйте же размѣстить въ натурѣ остальные, недостающіе до девяти, Хазарскіе Климаты въ царствѣ грязи у Кубанской дельты или въ Зихіи или Папагіи ²⁾.

Соображенія о путяхъ сообщенія и топографія Херсона лишаютъ насъ возможности видѣть Хазарскіе Климаты не только на Таманскомъ полуостровѣ, но и на южномъ берегу Крыма, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы допустить, что Херсонисъ былъ защищенъ крѣпостями съ одной стороны, а съ фронта и лѣваго фланга открытъ для нападенія. По нашему мнѣнію, „Климата“, не есть имя собственное, какъ предполагаетъ г. Васильевскій; если кастронъ означало крѣпость, то климата, при немъ упоминаемая, должна соответствовать слову округъ ³⁾. Предположеніе это оправдывается отчасти

¹⁾ *Ramnaud, L'Empire Grec*, p. 490, 491.

²⁾ *Иловайскій, Разысканія*, стр. 172—175; ср. *D'Oleson, Reçpt. du Caucase*, p. 27.

³⁾ Еслибъ у Константина шла рѣчь о двухъ или трехъ Климатахъ, тогда, пожалуй, можно было бы подумать, что они означали склоны горъ или страну виноградную, но тамъ, гдѣ, со включеніемъ девяти Хазарскихъ, говорится еще о нѣсколькихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ они были похожи между собою и потому носили одинаковое названіе. У Кодица упоминается: τα δὲ κλιματα, τα κατεσθω, κλιμα ατατολίκων κὶ βορρῶν и еще одиннадцать другихъ мѣстъ, названныхъ Климатами. Здѣсь же показаны и кастроны (*De offic. magis. eccl. Venetis*. 1729, pp. 308, 310, 311, 312).

въ позднѣйшее время актами Константинопольскаго патріархата, въ которыхъ говорится объ округахъ при различныхъ поселеніяхъ. Не смотря на передѣлку Монголами названій греческихъ, слово кастронъ удержалось въ Крыму при поселеніяхъ: Кастро, Кастро-пуло, Паликастръ и Кастронукези, другіе замѣнены наименованіями: Кермень, Кале и Кастель. Что же касается до Климатовъ, то память о нихъ исчезла вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политическаго устройства; слѣдовательно, слово „климата“ не могло означать предмета, относившагося къ природѣ. По другую сторону Босфорскаго пролива мы не встрѣчаемъ воспоминанія не только о Климатахъ, но и о кастронахъ, за исключеніемъ одного Саркела, построеннаго Греками. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ присоединить и прямое указаніе, встрѣчаемое у Константина. Упоминая о Климатахъ Херсонскихъ, онъ ставитъ ихъ при кастронахъ, а говоря о Хазарскихъ, называетъ ихъ просто Климатами. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что Хазарамъ принадлежали только округа, а самыя крѣпости, при нихъ находившіяся, оставались въ рукахъ Грековъ. Такія международныя отношенія, по физическимъ условіямъ края, могутъ отвѣчать только Евпаторійскому уѣзду, но не южному берегу Крыма, отличающемуся недоступностью береговъ для мореходцевъ и неудобствомъ путей сообщенія. Въ уѣздѣ же Евпаторійскомъ, крѣпости, находившіяся на берегахъ, у пристаней, могли быть занимаемы Греками или Готоаланами, а округи—Хазарами ¹⁾. Греки, подвозившіе необходимые для Хазаръ товары, едва ли рѣшились бы отдать себѣ на произволъ варваровъ, не имѣя близкой защиты со стороны соотечественниковъ. Показаніе Ибнъ-Даста объ одной изъ пристаней, называвшейся Кархъ, въ имени которой слышится Карцина ²⁾, находившаяся въ Евпаторій-

¹⁾ Отсутствие кулическихъ монетъ въ Крыму, на Таманскомъ полуостровѣ и въ устьяхъ Дона до Калача само по себѣ приводитъ къ заключенію, что Крымско-Таманскіе Хазары не участвовали въ торговлѣ съ Востокомъ. Обстоятельство это должно быть принято во вниманіе при отыскиваніи въ Прикавказьѣ мѣстъ нахождения Хазарскихъ Климатовъ. Крымско-Таманскіе Хазары могли не оставить запаса кулическихъ монетъ, но отсутствіе ихъ на путяхъ, соединявшихъ нынѣшнюю Кубанскую область съ Астраханью, остается загадкою. Въ статьѣ о Кавказѣ въ археологическомъ отношеніи г. Берге упоминается объ открытіи въ Чечнѣ слѣдовъ пребыванія Хазаръ (стр. 62) но тамъ не могли быть Климаты, обогрѣвавшіе продовольствіемъ Крымскихъ Хазаръ. Ср. ib. стр. 15. 16; *Кубан. Иуд.* 1867, № 46, 1868, № 5, 6; *Reinegg's, Beschrg. Kaukas.*, 1797, Т. 1, стр. 223.

²⁾ *Хоумсонъ*, Изв. Ибнъ-Даста, стр. 27. 121.

скомъ уѣздѣ, не оставляетъ сомнѣній въ правдивости высказываемаго нами предположенія о мѣстѣ нахождения Хазарскихъ Клима-товъ. Здѣсь, въ сосѣдствѣ съ Перекопомъ, Угры и Славяне дѣйстви-тельно могли вести торговлю съ Греками, а Хазары—покупать жиз-ненные потребности. При такомъ размѣщеніи народовъ, являющихся разобщенными между собою, открывается во всемъ блескѣ мудрость византійскаго правительства, обезпечившаго долгое существованіе Херсона. Поставленные въ зависимость отъ Грековъ по продоволь-ствію, Крымскіе Хазары, сильный, хищный народъ, являются по не-волѣ охранителями Херсона. Между ними и Хазарами Таманскими находились Печенѣги, а на стражѣ противъ Таманскихъ стояли Го-талапы. Само собою разумѣется, что упоминаемые нами Алане не могутъ быть единоплеменниками тѣхъ Алановъ, о которыхъ упоми-наютъ писатели до пришествія Готовъ, но часть Готовъ, оставшаяся въ Пропонтидѣ, могла быть названа Аланами по жительству на мѣ-стахъ (та 'Алава бѣръ), занятыхъ прежними сомненными колонистами. Метрическихъ книгъ о происхожденіи Крымско-Таманскихъ Алановъ не сохранилось, но если они были Осы, то справедливѣе, по отно-шенію къ исторіи и хронологіи, признавать въ нихъ остатокъ Го-товъ, нежели другой народъ ¹⁾. Память о Тамоготской странѣ, гот-скихъ дѣвахъ и названію Крыма Готіей и Аланіей не оставляетъ сомнѣній на счетъ того, что Готы находились въ Крыму до позднѣй-шаго времени. Что же касается до Черныхъ Болгаръ, прогнанныхъ Таманскими Готами за Донъ, то память о нихъ исчезла вслѣдъ за походомъ Святослава къ Саркелу, откуда онъ, преслѣдуя Ясовъ и Косоговъ, легко могъ попасть на Таманскій полуостровъ, не дости-гнувъ однако же Хазарскихъ Клима-товъ. Что хрістіане Готы или Греки жили въ уѣздѣ Евпаторійскомъ, доказательствомъ тому слу-жить нахождение тамъ греческихъ церквей и мѣстъ съ названіемъ Кале, Кермень и Кастель ²⁾. Упомянувъ въ гл. 42-й о тридцати мѣ-

¹⁾ Изъ сопоставленія нѣвѣстій Константина слѣдуетъ заключить, что ко-чевье Печенѣговъ не простиралось далѣе Саркела, слѣдовательно, не переходило за Донъ. Какимъ же образомъ согласить показаніе Константина въ гл. 37-й о на-хожденіи Печенѣговъ вблизи Аланіи, если предположить, что Аланы были жи-тели прикавказской Аланіи? Ср. *Гаркави*, О Хазарахъ, стр. 53, пр. 1, стр. 77, пр. 1.

²⁾ *Кеппенъ*, Крымск. Сборн., стр. 348—349; ср. *Neumann*, Hellen. in Sky-thenlande, стр. 375—379, 444; *Зан. Одесс. Общ. Ист. и Др.*, т. IX, стр. 122, 126.

стахъ, до которыхъ простиралось кочевье Печенѣговъ, Константинъ называетъ Сарать Вурать и показываетъ, что отсюда начинались тридцать мѣстъ, очевидно, тожественныхъ съ Кастропами и Климатами. Имя Сарать Вурать напоминаетъ намъ теперешнюю соленую пристань Сарыбулатъ, находящуюся въ Евнаторійскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ Перекопомъ. Если Готы или Греки и могли жить въ гористой неприступной мѣстности съ цѣлью имѣть возможность укрываться отъ непріятелей, то Хазарамъ, народу подвижному, по преимуществу конникамъ, не было надобности забираться за горы въ сторону лѣсистую, на южный берегъ Крыма ¹⁾.

Въ уѣздѣ Теодосійскомъ, представляющемъ приморскую равнину между Теодосіей и Керчью, можно было бы также отыскивать Климаты Хазарскіе; но отсутствіе здѣсь удобныхъ гаваней и показаніе Константина о владѣтеляхъ Аланіи, залегавшемъ пути къ Херсону, лишаютъ насъ возможности подозрѣвать здѣсь нахожденіе Хазарскихъ округовъ тѣмъ болѣе, что мѣстопробываніемъ Хазарскаго хагана въ 703 году былъ Дорось, въ сосѣдствѣ съ Херсономъ. Въ актахъ Константинопольскаго патріархата сохранились названія двадцати старинныхъ готско-греческихъ поселеній въ Крыму; по всѣмъ онѣ расположены въ нагорной части Крыма, такъ что недостающее число до тридцати у Константина или до сорока у Гюисбрека, нѣсколько приходится искать въ уѣздѣ Евнаторійскомъ, начиная отъ Сарыбулата. Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что Сарать Вурать относится къ рѣкамъ Серету и Пруту, тогда какъ о нихъ сказано у Константина особо въ гл. 42-й: первую онъ называетъ Ζέρητος, а вторую Βρόντος ²⁾.

Попытка, сдѣланная нами объяснить темныя событія исторіи на

¹⁾ Крымскіе Печенѣги, народъ кочевой, не могли занимать гористую часть Крыма. Константинъ говоритъ, что они находились не далеко отъ Херсона, но отъ Восоора еще ближе, следовательно, Керченскій полуостровъ былъ занятъ Печенѣгами, и Хазаръ здѣсь не было. Хотя Константинъ и говоритъ, что Кастры и Климаты греческіе находились между Херсономъ и Восооромъ, но сомнительно, чтобы они простирались далѣе Каемъ. Что же касается до упоминанія Константина о нахожденіи Печенѣговъ вблизи Уаи, Аланіи, Хазаріи, Херсона и Климатовъ, то здѣсь, очевидно, подразумевались всѣ Печенѣги вообще, такъ какъ въ Крыму Уаи не было.

²⁾ Въ гл. 37-й Константинъ показываетъ, что въ числѣ четырехъ печенѣжскихъ козлий, кочевившихъ въ Крыму, находились: Сирукулней и Вультъ-Зоспонъ. Отбросивъ Кулей и Зоспонъ, остаются Сиру и Вультъ. Не отсюда ли произошло названіе Сары-Булатъ, заимствованное Татарами отъ Кумановъ?

основаніи соображеній топографическихъ, конечно, не имѣть еще положительной достовѣрности. Но опроверженіе высказанныхъ нами предположеній вызвать, быть можетъ, полемику, которая послужитъ во всякомъ случаѣ къ лучшему уразумѣнію загадочныхъ фрагментовъ, тѣсно связанныхъ съ началомъ русской исторіи.

Вотъ единственная цѣль, подавшая намъ поводъ не согласиться со взглядомъ почтенныхъ предшественниковъ, пользующихся въ наукѣ высокимъ авторитетомъ.

Ил. Вурачковъ.

ЧЕШСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ГУСА И ВРЕМЯ ИХЪ НАПИСАНІЯ.

(Библиографическія разсужденія).

Чешскія сочиненія Гуса составляютъ драгоценный памятникъ той духовной зрѣлости, до какой достигло чешское общество начала XV столѣтія въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Эта зрѣлость обнаружилась въ уваженіи къ національнымъ интересамъ и въ критическомъ отношеніи къ стариннымъ вѣрованіямъ и порядкамъ. Еще до Гуса раздавались протесты противъ разныхъ недостатковъ общественныхъ, особенно противъ безнравственности духовенства; подвергалось критикѣ ученіе католической церкви: Гусъ, въ этомъ отношеніи, былъ только продолжателемъ, а не начинателемъ; но такой сознательной ревности въ защитѣ національныхъ интересовъ, какую обнаруживаетъ Гусъ въ своей дѣятельности проповѣднической и литературной, не замѣчается—можно сказать положительно—ни у одного изъ его предшественниковъ въ дѣлѣ преобразованія чешскаго общества. Въ этомъ заключается его заслуга, этимъ же обстоятельствомъ нужно объяснять неотразимое вліяніе, которое производилъ онъ на современниковъ и послѣдователей, и ту ненависть, какую питало къ нему католическое духовенство, всенный врагъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ національныхъ стремленій.

Сочиненія свои на чешскомъ языкѣ Гусъ писалъ для народа, для того, говорилъ онъ,—чтобы протереть ему глаза, то-есть, указать ему на значеніе, которое онъ долженъ имѣть въ странѣ, какъ ея естественный хозяинъ. Чтобы довести народъ до такого самосознанія, необходимо было выяснитъ ему недостатки современнаго строя общества—безнравственность, непомерное властолюбіе и корыстолюбіе духовенства, неправильныя отношенія между церковью и свѣтскою властью, между народностью чешскою и нѣмецкою. Но этого мало. Народъ подъ вѣковымъ гнетомъ своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вла-

дыкъ огрубѣлъ и жилъ чисто животною жизнью. Чтобы сдѣлать его способнымъ для борьбы за свою нравственную и матеріальную самостоятельность, нужно было воспитать его духовно. И вотъ Гусъ разъясняетъ народу Священное Писаніе, излагаетъ правила христіанской нравственности, оберегаетъ народъ отъ подчиненія нѣмецкому вліянію въ обычаяхъ и въ языкѣ. Таковы элементы, входящіе въ составъ чешскихъ сочиненій Гуса. Значеніе ихъ, какъ историческаго памятника, несомнѣнно. Безъ нихъ нельзя вполне понимать не только эпоху Гуса, но и послѣдующія революціонныя движенія, названныя по его имени гусситскими. Направленіе, которое приняли событія по смерти Гуса, если не всецѣло, то во многомъ зависѣло отъ тѣхъ мыслей, которыя проводилъ онъ въ проповѣдяхъ и чешскихъ сочиненіяхъ. Чтобы не ограничиваться только словами, приведемъ примѣръ. Самъ народъ, говоритъ Гусъ въ трактатѣ о святокупствѣ, — не въ силахъ бороться за себя: на то есть защитники, поставленные Богомъ: короли, князья, паны и рыцари. „Пробудитесь“, взываетъ къ нимъ Гусъ, „отъ летаргическаго сна, которымъ усыпило васъ духовенство, и изгоните изъ своихъ владѣній ересь святокупства, ибо въ противномъ случаѣ безъ всякаго сомнѣнія будетъ буря и не будетъ на землѣ мира и благоволенія въ человѣчѣхъ. Вспомните, что вамъ вѣрено управленіе народомъ отъ Бога по Его законамъ: возбраняйте поэтому совершать святокупство и иные грѣхи, не давайте дьявольскою хитростію губить народъ, не давайте изъ своихъ владѣній себѣ во вредъ унести деньги за предѣлы страны. О, если у васъ хватаетъ смѣлости возставать на тѣхъ, кто крадетъ у васъ коровъ, то возстаньте же противъ тѣхъ, кто, тайкомъ выманивая денежки у бѣдныхъ людей, губитъ свою душу и ихъ!“ Слова эти и при жизни Гуса, а особенно послѣ него сплошь и рядомъ переходили въ дѣло.

Но не только историческую цѣну имѣютъ чешскія сочиненія Гуса: они замѣчательны, какъ произведенія литературныя—по способу изложенія мыслей и по составу языка, на которомъ они написаны. Происходя изъ простаго сословія, зная въ совершенствѣ народный языкъ, развитіе народа, его хорошія и слабыя стороны, Гусъ умѣлъ говорить съ народомъ и писать для него такимъ языкомъ, который затрогивалъ простолюдина за живое. Этимъ объясняется необыкновенное довѣріе простаго народа къ Гусу: одного мановенія руки его бывало достаточно для того, чтобы усмирить волненіе въ толпѣ.

Истолковывая простолюдинамъ Священное Писаніе, Гусъ не вда-

вался въ богословскія тонкости, недоступныя пониманію необразованнаго слушателя или читателя. „Простому челоѣку“, говорилъ онъ, — довольно вѣровать въ Бога и въ Іисуса Христа“. Если и приходилось Гусу заводить рѣчь о непостижимыхъ умомъ челоѣческихъ тайнахъ религіи, то это онъ дѣлалъ лишь для того, чтобы разсѣять въ народѣ суевѣрныя понятія. Такъ онъ рѣшался иногда „вкратцѣ говорить кое-что о Святой Троицѣ, для того, чтобы показать простолюдинамъ, что Святая Троица не есть ни жена, ни дѣвица, ни день воскресный, какъ думаютъ глупцы“. О будущей жизни Гусъ также не любилъ распространяться. „Мало я сказалъ о немъ, то-есть, о вѣчномъ блаженствѣ“, говоритъ онъ, „потому что мало о немъ знаю, ибо ни око мое не видѣло, ни ухо не слышало, и на сердце мое не возшло исполнѣ то, чтѣ Господь Богъ приуготовилъ любящимъ Его“. За то картину Страшнаго Суда, которая всегда дѣйствуетъ на воображеніе народное, рисовалъ онъ со всѣми подробностями. Чтобы дать понятіе народу о вѣчномъ мученіи, Гусъ прибѣгалъ къ такому оригинальному сравненію: „Еслибы песь свѣтъ уснипалъ былъ макомъ или пескомъ отъ земли до неба или какъ можно далѣе, и еслибы послѣ тысячи тысячъ лѣтъ откладывалось по одному зернышку, челоѣкъ все-таки весело ожидалъ бы освобожденія, потому что все-таки когда-нибудь пришелъ бы конецъ; но въ вѣчности, не имѣющей конца, какое можетъ быть утѣшеніе погибшему?!“

Не менѣе способа изложенія мыслей замѣчательнъ и языкъ, на которомъ написаны чешскія сочиненія Гуса. „Чтобы всякій“, говоритъ онъ, — „кто будетъ читать мою чешскую рѣчь, понималъ ее, пусть знаетъ, что я писалъ такъ, какъ обыкновенно говорю“. Но разговорная рѣчь Гуса отличалась отъ общеупотребительной тогда разговорной рѣчи. Усиленіе нѣмецкаго элемента въ Чехіи, особенно съ XII столѣтія, браки между Чехами и Нѣмцами, господство нѣмецкаго языка въ судѣ до Карла IV, все это довело до того, что къ чешскому языку, преимущественно въ высшихъ классахъ общества, относились съ какимъ-то презрѣніемъ, такъ что Тома Пцитный во второй половинѣ XIV вѣка считалъ нужнымъ оправдывать свое смѣлое намѣреніе писать на родномъ языкѣ. Вообще ко времени Гуса въ разговорѣ Чеховъ слышалось очень много нѣмецкихъ словъ. Какъ любителей народности, Гусъ не могъ не обратить вниманія и на это явленіе. „Князья, паны, рыцари, владыки и горожане“, говоритъ онъ, — „должны вступиться за то, чтобы чешская рѣчь не погибла, и если женится Чехъ на Нѣмкѣ, чтобы дѣти тотчасъ учились по чешски и не думали

рѣчи; ибо двоеніе рѣчи ведетъ за собою зависть, раздоръ, раздраженіе и свары. Поэтому блаженной памяти императоръ Карлъ, король Чешскій, приказалъ Пражанамъ учить дѣтей по чешски, и въ думѣ, что по нѣмецки называется Rathhaus, говорить и жалобы подавать на чешскомъ языкѣ. И по истинѣ, какъ Неемія пророкъ, услышавъ, что дѣти евреискія говорятъ полуавотскимъ языкомъ и не умѣютъ говорить по еврейски, бичевалъ ихъ за это и билъ, такъ нынѣ достойны бичеванія Пражане и другіе Чехи, которые разговариваютъ на половину по чешски, на половину по нѣмецки и говорятъ: tobolka вмѣсто toholka, вм. liko, lyko, hantuch, вм. ubrusce, šorc вм. zástěrka, knedlík вм. šiška, renlík вм. trerotka, panciет вм. kruniet, hun škor вм. kónský náhlavek, maršale вм. konnici, marhaus вм. svrchní sieň, trepky вм. chòdy, mantlík вм. plástiek, hauzsknecht вм. domovní racholek, foппаl вм. vozataj". Въ противоположность этому обыкновенію Гусъ безъ нужды не употребляетъ иностранныхъ словъ въ своихъ сочиненіяхъ. Только понятія, принесенныя изъ чужи, выражаются у него словами иностранными, латинскими и нѣмецкими, которыя сохранены, или безъ измѣненія въ звукахъ или передѣланы подъ вліяніемъ чешскаго языка. Но и въ этомъ случаѣ Гусъ весьма нерѣдко предпочитаетъ оригинальныя чешскія слова, хотя бѣ они и не вполне выражали понятіе, обозначенное иностраннымъ словомъ (talentum—bтivna, architriclinus—vladat).

Но если по отношенію къ составу языка Гусъ оказывается пуристомъ, то нельзя того же самого сказать о строѣ его рѣчи. Вліяніе латинскаго и нѣмецкаго синтаксиса замѣтно и въ построеніи цѣлыхъ фразъ, и въ нѣкоторыхъ оборотахъ. Только въ порывѣ одушевленія, какъ бы невольно, слетаютъ съ пера Гуса пословицы, поговорки или выраженія, составленныя въ духѣ народномъ; но такіа выраженія нужно отыскивать среди оборотовъ, не имѣющихъ оригинальной окраски. Въ этомъ отношеніи сочиненія Оомы Щитнаго стоятъ, какъ кажется, выше.

Но какова бы ни была цѣль изученія чешскихъ сочиненій Гуса, историческая или филологическая, необходимо напередъ опредѣлить, всѣ ли сочиненія, приписываемыя Гусу, дѣйствительно принадлежать ему, и въ какое время написано каждое изъ сочиненій. Покойный К. Я. Эрбенъ посвятилъ этому вопросу цѣлую статью въ 3-мъ томѣ своего изданія чешскихъ сочиненій Гуса, но нѣкоторыя изъ критическихъ соображеній и выводовъ почтеннаго ученаго нуждаются еще

въ провѣркѣ. Приведу результаты, къ которымъ пришелъ я при пересмотрѣ статьи Эрбена въ связи съ сочиненіями Гуса.

Всѣ сочиненія Гуса, изданныя Эрбеномъ¹⁾, можно раздѣлить для нашей цѣли на двѣ группы. Къ первой относятся сочиненія несомнѣнно написанныя Гусомъ съ ясными указаніями времени, когда они появились. Таковы: *Vyklad viery, desatera Botieho ptikázanie a modlithy Páně* (окончено передъ 11-мъ ноября 1412 года), *O Svatokurpectví* (оконч. 2-го февраля 1413 г.), *Postilla* (оконч. 28-го октября 1413 г.), письма Гуса: 4-е въ изданіи Эрбена (26-го августа 1414 г.), 6-е (28-го сентября 1414 г.), 7-е (16-го ноября 1414 г.), 10-е (10-го іюня 1415 г.), 11-е (13-го іюня 1415 г.), 12-е (24-го іюня 1415 г.), 13-е (26-го іюня 1415 г.), 14-е (27-го іюня 1415 г.), 15-е (29-го іюня 1415 г.), 16-е (у Эрбена не отмѣчено время написанія этого письма, но въ документахъ, касающихся Гуса, изданныхъ Палацкимъ, запись предыдущаго письма относится также и къ этому).

Ко второй группѣ относятся сочиненія, которыхъ принадлежность Гусу или очевидна, или доказывается сравненіемъ съ другими сочиненіями, или сомнительна. Время написанія этихъ сочиненій не указано и опредѣляется при помощи разныхъ соображеній.

Нашему пересмотру подлежатъ сочиненія второй группы. Будемъ держаться того порядка, въ какомъ они помѣщены въ изданіи Эрбена.

1) *Výklad piesníček Šalomúnových* (III, 1—113). Въ толкованіи Символа Вѣры (I, 25) Гусъ говоритъ: *však cirkve svatá obecná jest zbor všech vyvolených jenž slove chot' Kristova*, *o nieč v piesniech Šalomúnových jest psano písmo...* Мысль эта проходитъ чрезъ все толкованіе пѣсней Соломона (напримѣръ: 4, строки 36—38 или 5, строки 20—23; 57, строка 12 и т. д.). Кромѣ того, нѣсколько другихъ мыслей, напримѣръ, о томъ, что Христосъ есть глава церкви (59, строка 27), о высокомъ значеніи учителей и проповѣдниковъ слова Божія: они сравниваются съ медовыми сотами и виномъ (57, строка 33 и далѣе); дѣленіе состояній человѣка на замужество, вдовство и дѣвство и предпочтеніе послѣдняго, все это можетъ служить доводомъ въ пользу того, что сочиненіе это принадлежитъ Гусу. Но полная объективность (авторъ только разъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ на стр. 13, строка 4), полное отсутствіе нападокъ на духовенство, ко-

¹⁾ *Mistra Jana Husi sebrané spisy české. K vydání upravitl K. J. Erben V Praze. 1865—1868.*

торыя всегда можно найти въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гуса заставляютъ относить это сочиненіе къ тому времени жизни его, когда не начались еще открытая борьба его съ духовенствомъ; вѣроятно, оно относится къ первоначальной его университетской преподавательской дѣятельности, слѣдовательно, къ первымъ годамъ XV или къ послѣднимъ XIV столѣтія. Враговъ церкви Гусъ видитъ не въ духовенствѣ, а въ еретикахъ, діаволахъ и какихъ-то людяхъ, которые хотя и носятъ имя христіанъ, но служатъ свѣту и церкви Божію всегда стараются возмущать непокоемъ и бурями (95, строки 15—18).

2) O poznání cesty pravé k spasení (Dcerka) (ib. 104—130). Въ одномъ изъ списковъ этого сочиненія есть надпись M(istr) J(an) H(us). Данныя въ самомъ содержаніи сочиненія дѣйствительно убѣждаютъ въ томъ, что оно принадлежитъ Гусу. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Стр. 104: высокій взглядъ на дѣвство; 105: подобіе человека тронному Богу объясняется тройственностью элементовъ души человѣческой (разумъ, память и воля); 111: суетность всего мірскаго; 113. воля источникъ грѣховъ, ср. I. 191; 118: три врага у каждого человека: тѣло, свѣтъ (міръ) и діаволъ; 120: опредѣленіе покаянія; 121: слова: „міръ тебѣ дать не могу“, то-есть, не могу опредѣлить, какъ часто слѣдуетъ причащаться; тамъ же: три степени покаянія: želenie, vyznanie i dostiženie; 124: картина страшнаго суда; 125: вѣчное блаженство есть насыщеніе безъ недостатка и слова: Malo sem pověděl o něm, neb málo umiím на стр. 127 и 128; ср. I, 41 (строка 17); 128: обычное у Гуса опредѣленіе Бога: Buoh jest pajleršie dobré. При помощи указателей, составленныхъ самимъ Гусомъ къ толкованіямъ Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней, а также къ трактату о святокупствѣ и къ Постиллѣ, можно убѣдиться въ совершенномъ сходствѣ и даже тождествѣ приведенныхъ данныхъ съ тѣми, что говорится объ этихъ предметахъ въ другихъ сочиненіяхъ Гуса. Встрѣчаются нападки на духовенство (стр. 109, строка 9; также стр. 108, стрк. 25; стр. 113, стрк. 38 и стр. 114). Мысль о суетности всего въ мірѣ, проходящая почти чрезъ все сочиненіе и проявляющаяся въ толкованіи 10 заповѣдей (стр. 281 до конца), заставляетъ выстѣ съ предыдущими данными отнести это сочиненіе къ 1412 году.

3) Zrcadlo člověka hříšného věcí (ib. 131—141). Въ принадлежности этого сочиненія Гусу можно убѣдиться изъ сравненія нѣкоторыхъ мѣстъ этого сочиненія съ сходными мѣстами въ другихъ про-

изведеніяхъ Гуса, именно: ib. 133, стр. 27 съ I, 293, стр. 29 и далѣе; 135, стр. 16 и далѣе съ II, 243, стр. 34 и далѣе; 136, стр. 12 съ ib. 110, стр. 10 и далѣе. Довольно энергическія выходы противъ папы и индульгенцій даютъ основаніе относить это сочиненіе къ 1412 году, когда привезены были въ Прагу буллы объ индульгенціяхъ, и Гусъ возставалъ противъ нихъ на диспутахъ и въ проповѣдяхъ. Самая рукопись, въ которой сохранилось это сочиненіе, относится, по словамъ Эрбена, къ 1412 году.

4) Zrcadlo hříšníka menší (ib. 142—146), можетъ быть, написан тогда, когда явилось уже большое Zrcadlo, подобно тому, какъ по слѣ обширнаго толкованія Молитвы Господней явилось краткое толкованіе ея для простаго народа. Въ содержаніи его слѣдуетъ сравнить мѣсто, гдѣ говорится о рожденіи человѣка на свѣтъ (стр. 142, стр. 17 и далѣе), съ подобнымъ мѣстомъ въ Объясненіи Молитвы Господней, сочиненіи, написанномъ въ 1412 году (I, стр. 293).

5) Devet kusuv zlatých (ib. 147—151). Въ одномъ спискѣ это сочиненіе имѣетъ заглавіе: 'Devět kusuv zlatých mistra Jana Husi, въ другомъ сочиненіе это также приписывается Гусу. Въ первой статьѣ (артикулѣ) есть мысли, которыя проводятся Гусомъ въ его трактатѣ о святокупствѣ (I, стр. 451 въ концѣ и 452). Въ шестой статьѣ о предстательствѣ святыхъ говорится въ сущности то же, чтó въ I, стр. 129, L. Слѣды нерасположенія къ духовенству видны въ словахъ на стр. 147, стр. 19—20. Какъ это мѣсто, такъ и ироническій характеръ всего сочиненія показываютъ, что оно написано въ ту пору, когда Гусъ неравнодушно относился къ окружающимъ явленіямъ, но вѣроятно, до 1412 года.

6) Provázek třípramený (ib. 152—169). О времени написанія этого сочиненія узнаемъ не отъ самого Гуса, а отъ поздѣйшаго издателя этого сочиненія въ 1545 году. Къ полному заглавію сочиненія прибавлено: Složený od poutivého svatě paměti M. Jana z Husince léta 1412. Мы имѣемъ основаніе довѣрять этому свидѣтельству, потому что самъ Гусъ говоритъ объ этомъ сочиненіи въ объясненіи Символа Вѣры, написанномъ въ 1412 году (I, стр. 42, стр. 14).

7) Kázanie na den památky těla božieho (ib. 170—177). Эрбенъ для опредѣленія времени написанія этой проповѣди обращаетъ вниманіе на слова въ толкованіи Молитвы Господней (I, 331, E): „a tuto měl bych něco psati o telu Kristova přijímání, ale dlouho by bylo, protož toho nechám do jiného času“, и такъ какъ толкованія окончены въ ноябрѣ 1412 года, то полагаетъ, что проповѣдь относится къ

22-му іюня 1413 года, когда бываетъ праздникъ Тѣла Христова, введенный въ Римской церкви 8-мою Аквинатомъ. Не имѣемъ никакихъ данныхъ оспаривать или подтверждать это предположеніе. Но не бесполезно замѣтить, что въ Нюрнбергѣ въ 1583 году былъ напечатанъ трактатъ о Тайной вечери, неизвѣстный, но по всей вѣроятности сходный по содержанію (Erb. III, стр. 322). Къ этому же времени относятся латинское сочиненіе Гуса: *De corpore Christi in sacramento altaris, quod non creatur neque incipiat esse* (Historia et Monumenta Johannis Hus, т. II, стр. 340, изданіе 1558 года; см. также *Krummel*, Geschichte der Böhmischen Reformation стр. 396). Такимъ образомъ трудно сказать утвердительно, есть ли эта проповѣдь то сочиненіе, которое обѣщала написать Гусъ, и не написана ли она раньше. Слогъ ея напоминаетъ слогъ Постиллы, а по содержанію она нисколько не противорѣчитъ ученію Гуса о причащеніи (срв. съ сочиненіемъ Гуса „*de Sacramento corporis et sanguinis Domini*“, написаннымъ въ Констанцѣ: *Jedenie tѣla botieho i pitie krve jeho mѡzъ byti troje: Prvé jest duchovnie toliko (spiritualis tantum), druhé posvátie toliko (sacramentalis tantum), tѣtie—duchovnie a posvátie spolu (sacramentalis et spiritualis)*). Странная несообразность: относя это сочиненіе къ 1413 году, Эрбенъ говоритъ, что рукопись, его держащая, относится къ 1412 году (стр. 170).

8) О *sedmi smrtedlnýchъ hříších* (ib. 178—190). Сочиненіе это въ печатномъ изданіи его въ 1563 году приписано Гусу. Все, что говорится о смертныхъ грѣхахъ въ этомъ сочиненіи, вполне согласно съ тѣмъ, что сказано объ этомъ предметѣ въ толкованіи 10 заповѣдей. О духовенствѣ упомянуто только въ одномъ мѣстѣ (стр. 185, строки 25—27). Срв. то, что сказано здѣсь объ *almutna'хъ* съ нѣкоторыми мѣстами въ трактатѣ о святокупствѣ (по указателю). Трудно опредѣлить, когда написано это сочиненіе; по всей вѣроятности, оно относится къ первымъ годамъ XV столѣтія.

9) *Obrání odmrťi* и т. д. (ib. 191—196). Въ припискѣ къ этому сочиненію сказано, что оно принадлежитъ Гусу (ib. 330). Не лишне сопоставить слѣдующія мѣста: стр. 195, строка 30 и даѣе съ I, 149, строка 32, и обратить вниманіе на отзывъ о духовенствѣ на стр. 196: *Ne prohtiechu!* и т. д. и на мысль о наступленіи послѣдняго времени на стр. 192. Въ первый разъ, на сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, Гусъ открыто заговорилъ о послѣднихъ временахъ по поводу буллы Александра V въ 1409 году.

10) О *mantelství* (ib. 197—211). Эрбенъ относитъ это сочиненіе

ко времени не раньше конца 1413 или къ началу 1414 года на томъ основаніи, что въ Постиллѣ, оконченной въ 1413 году, говоря о бракѣ, Гусъ не ссылается ни на какое сочиненіе, написанное объ этомъ предметѣ раньше. Доводъ едва ли основательный. Почему въ такомъ случаѣ не сослаться было Гусу на толкованіе 10 заповѣдей, гдѣ онъ очень подробно, по крайней мѣрѣ подробно, чѣмъ въ Постиллѣ, говоритъ о бракѣ. Изъ сочиненій Гуса видно, что онъ находилъ особенную надобность внушать простому народу христіанскіи понятія о бракѣ: онъ говоритъ объ этомъ и въ концѣ сочиненія о manželství, и въ Постиллѣ въ концѣ своего разсужденія о бракѣ. Сознавая такую важность этого предмета, Гусъ могъ нѣсколько разъ повторять одно и то же, не дѣлая никакихъ ссылокъ на то, что было говорено раньше о томъ же предметѣ. Такъ относился Гусъ и къ вопросу о таинствѣ причащенія. Отъ 1401 года до 1415 онъ посвятилъ этому предмету нѣсколько отдѣльных трактатовъ и статей въ другихъ сочиненіяхъ, всякій разъ въ главныхъ чертахъ повторяя одно и то же и не дѣлая ссылокъ на предшествующія сочиненія. Если все это имѣетъ долю основательности, то отчего не предположить, что сочиненіе о manželství писано раньше, чѣмъ полагалъ Эрбенъ, особенно, если обратить вниманіе на то, что говоря о „смыслѣ“, Гусъ ни слова не говоритъ о распространенности этого грѣха въ духовномъ сословіи, о чемъ онъ не упускалъ случая замѣчать въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ 1412 и 1413 годахъ,

11) O sesti bludích (ib. 212—240). Цѣль этого сочиненія, какъ видно изъ вступленія, объяснить тексты Священнаго Писанія и твореній отцовъ церкви, написанные на стѣнахъ Виллемской часовни. Слова въ концѣ сочиненія (стр. 240): „Tak stojí psáno v Betlemě latině na stěnách“ показываютъ, что изреченія написаны были на латинскомъ, а не на чешскомъ языкѣ (ср. Новикова Гусъ и Лютеръ въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г., стр. 4). Время написанія этого сочиненія можно, кажется, опредѣлить слѣдующимъ путемъ: Въ Постиллѣ мы читаемъ (II: стр. 106): a věděvše dobře (kněšie), že sem byl u Pražě od Vánoc až přēs Velikú noc, slúžili sú; a když sem jedné kásal, tak sú ichned stavili slúžbu ti, kterýmž jest tětko slovo božie slyšeti. Постилла окончена 28-го октября 1413 года въ Козьмѣ городкѣ. Изъ этого мѣста видно, что Гусъ пробылъ въ Прагѣ отъ Рождества 1412 года до Пасхи 1413 года, то-есть, до 23-го апрѣля этого года. Совершенное подобіе этимъ словамъ представляютъ слѣдующія слова въ письмѣ Гуса къ Бродѣ (самое письмо не дошло, но отрывокъ изъ него приводитъ

Брода въ отвѣтномъ письмѣ ¹⁾: Item dicitis, говоритъ Брода, обращаясь къ Гусу;—ecce ego (Hus) manifeste ambulo in civitate et respiciunt me plebani et presbyteri et omnes sciunt, quod sum in Bethleem et tamen non cessant a divinis (*Palacký, Documenta*, стр. 521). Если здѣсь рѣчь идетъ о томъ же фактѣ, о которомъ говорится въ Постиллѣ, то къ этому же времени нужно отнести и другой фактъ, о которомъ упоминаетъ Брода, какъ о событіи современномъ: *Parietes* (то-есть, *Bethleemiticas*) *praeceptis depingitis, quae utinam in cordibus tenueribis*. Значить, расписываніе стѣнъ Вилеємской часовни происходило въ промежутокъ времени отъ конца 1412 года до апрѣля 1413 г. Но есть обстоятельство, показывающее, что въ 1412 году оно происходить не могло. Въ томъ же письмѣ, гдѣ объ этомъ расписываніи говорится какъ о событіи современномъ, упоминается уже о знаменитомъ сочиненіи Гуса „*De ecclesia*“, написанномъ послѣ 6-го февраля 1413 года (то-есть, послѣ собора въ Чешскомъ Бродѣ). Поэтому расписываніе стѣнъ происходило, по всей вѣроятности, въ мартѣ или первой половинѣ апрѣля 1413 года. Въ изданіи латинскихъ сочиненій Гуса 1558 года трактатъ *de sex erroribus* имѣетъ слѣдующее прибавленіе къ заглавію: *Inscriptum parietibus Bethleemiticis An. MCCCCXIII*, что вполне согласно со всѣми предыдущими. Чешское сочиненіе „*o žestí bludích*“ явилось поэтому послѣ и вѣроятно, вскорѣ. Въ записи сказано, что оно кончено въ среду ро *světě Trojici v Betlěme*, то-есть, 14-го іюня 1413 года, какъ мыѣ кажется, а не 6-го іюня 1414 года, какъ полагаетъ Эрбенъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Гусъ, выѣхавъ изъ Праги около Пасхи 1413 года, воротился къ этому времени снова въ свой Вилеємъ. Осенью однако онъ былъ уже въ Козьмѣ городкѣ, гдѣ окончилъ Постиллу.

12) *Knížky proti knězi kuchmistrovi* (ib. 241—254). Сочиненіе начинается словами: *Toto sem psal já, mistr Jan Hus*. Оно написано позже Постиллы, потому что Гуса въ это время не было уже въ Козьмѣ городкѣ: онъ удалился куда-то въ другое мѣсто (стр. 241). Если это мѣсто есть замокъ Краковецъ, куда Гусъ переселился еще въ 1413 году (*Palacký, Dějiny*, III, 147, изд. 1850 года), то сочиненіе могло быть написано не раньше конца 1413 года или уже въ 1414 году.

¹⁾ *Documenta Mag. Joannis Hus vitam etc. illustrantia*. Ed. *F. Palacký*. Pragae, 1869.

13) *Jádro učenie křesťanského*, 14) *Mřavně průpovědi*, 15) *Abeceda* (ib. 255—259 и 261)—сочиненія, дополняющія другъ друга по содержанию и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщенные вмѣстѣ. Послѣ Азбуки и Ядра христіанскаго ученія въ двухъ рукописяхъ есть записи: *Léta božieho 1414 v Ustí, den svatých mučedníkův Jana a Pavla* (то-есть, 26-го іюня). На основаніи этой записи, Эрбенъ въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Гуса (стр. 343) относитъ и Азбуку и Ядро христіанскаго ученія къ 26-го іюня 1414 года. Но означаетъ ли этотъ годъ время составленія Азбуки и Ядра христіанскаго ученія? Относительно послѣдняго это возможно, но Азбука съ диакритическими знаками была изобрѣтена Гусомъ, безъ сомнѣнія, гораздо раньше, никакъ не позже начала 1412 года. Въ приложеніи къ толкованію Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней онъ считаетъ нужнымъ—вѣроятно, въ первый разъ объяснить—особенности правописанія, имъ изобрѣтеннаго. А толкованія окончены передъ 11-мъ ноября 1412 г. (I, стр. 356). Стало быть, 1414 годъ въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ азбуку, означаетъ только время, когда написана самая рукопись. А изъ этого слѣдуетъ, что и Ядро христіанскаго ученія могло быть сочинено раньше 1414 года, можетъ быть—одновременно съ азбукою, къ которой оно служитъ дополненіемъ. Возможно, что и *Mřavně průpovědi* относятся къ тому же времени.

16) *Předmluva z bible Šafhausské* (ib., 260). Послѣднія слова этого предисловія показываютъ, что Гусъ писалъ его въ то время, когда его правописаніе не было еще для всѣхъ знакомо. Такое время было, какъ мы видѣли, въ 1412 году; слѣдовательно, и предисловіе могло быть написано, или въ этомъ году, или, что вѣроятнѣе, въ 1413 г.

17) *Písňe nábožné* (ib., 262—268) приписываются Гусу потому, что въ Кралицкомъ братскомъ капціоналѣ 1576 года онъ напечатанъ съ его именемъ. О первой изъ этихъ пѣсней (*Jezu Kriste, štedrý kněze*) упоминаетъ Гусъ (II, 132), не называя ее своимъ сочиненіемъ. Въ томъ же мѣстѣ приводитъ онъ отрывки двухъ другихъ пѣсней, но и ихъ не называетъ своими. Кромѣ того, о пѣснѣ *Jezu Kriste, štedrý kněze* Гусъ говоритъ, какъ объ одной изъ запрещенныхъ духовенствомъ, а въ 1408 на соборѣ св. Вита запрещены были всѣ пѣсни, кромѣ этой и трехъ другихъ, изъ которыхъ двѣ: *Hospodine pomiluj* и *Svatej náš Václave* относятся къ древнему времени (*Palucky, Documenta*, стр. 333, и *Výbor z literatury české*, стр. 27—28 и 321—322). Та ли это пѣсня, о которой говоритъ Гусъ, или другая, имѣющая одинаковое начало—рѣшить трудно.

18) Modlitba и 19) Письмо Pannám jistého kláštera (ib. 268—270). Трудно сказать что-либо опредѣлительное объ этихъ сочиненіяхъ.

20) Письмо Plzenmým (ib. 270—274). Заблужденія, которыя преслѣдуетъ Гусъ во 2-й части этого письма, вызвали его на сочиненіе полемическаго трактата: *Replica contra praedicatorem Plzensensem* (см. его латинскія сочиненія), относящагося къ 1412 году. Есть основаніе вмѣстѣ съ Палацкимъ (*Documenta*, стр. 24—27) относить это письмо также къ 1412 году, а не къ 1413, какъ полагаетъ Эрбенъ.

21) Письмо Pražanům (ib. 274—275). Письмо начинается словами: *Buoh s vámi, pám milí i mistři Prosim vás, aby najprvé vážili při boží, jemut se ktivda veliká děje; neb' chtie jeho svaté slovo utisknuti, kaplu užitecnú k slovu božímu zbotiti....* О желаніи враговъ разрушить Вилеемскую часовню Гусъ говоритъ въ объясненіи Молитвы Господней, слѣдовательно, въ 1412 г. (I, 329). Выраженія *punie* (стр. 329, строка 18), *chtie* (строка 20), *chtejí* (строка 26) показываютъ, что Гусъ говоритъ о событіи современномъ, или по крайней мѣрѣ, недавно случившемся. Нужно предполагать поэтому, что покушеніе на часовню было до 11-го ноября 1412 года, когда окончены толкованія. Слова въ концѣ письма: *„Toto sem vám napsal, neb nemohu k vám podobně přijíti, aby knězie službu neptekazili vašemu umyslu“* показываютъ, что Гуса въ это время не было въ Прагѣ. Такъ какъ и въ письмѣ, и въ толкованіи на Молитву Господню Гусъ говоритъ о покушеніяхъ на часовню, какъ о чемъ-то недавно совершившемся, то можно полагать, что удаленіе изъ Праги, о которомъ говорится въ письмѣ, относится къ 1412 году. Извѣстно уже (см. выше № 11), что съ Рождества 1412 года Гусъ былъ въ Прагѣ, слѣдовательно, письмо написано до Рождества 1412 года. Вопросъ: въ декабрѣ или ноябрѣ. Кажется, что въ декабрѣ. Вотъ основаніе: *Pani i mistři*, къ которымъ обращается Гусъ въ письмѣ, и которымъ безъ вины приписываются *hanba i ktivda*, суть тѣ самые *magnates* и *magistri*, на которыхъ духовенство подало жалобу въ 1412 году въ декабрѣ (*Documenta*, стр. 457). Причины, по которымъ жалоба относится къ 1412 году, и именно къ декабрю, слѣдующія: На стр. 459 (*Documenta*) говорится: *Hus.... super praemissis fuit per D. Odonem excommunicatus, in quo per annum cum dimidio insorduit, prout etiam insordescit...* Отлученіе Гуса кардиналомъ Оттономъ послѣдовало 15-го марта 1411 года; присчитавъ къ этому году полтора года съ небольшимъ (*insordescit*), напимѣръ, три мѣсяца, придетъ къ декабрю 1412 года.

Другое обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе. Духовенство просить въ этой жалобѣ о томъ, чтобы папа распорядился въ Римѣ сжечь книги Виклефа. Папа утвердилъ эту просьбу и на самой жалобѣ написалъ свое „*fiat per omnia ut petitur*“. Сожженіе книгъ въ Римѣ произошло въ началѣ 1413 года (*Palacký, Dějiny*, III, стр. 147). Кромѣ того, въ началѣ жалобы есть приписка: *propositio facta in curia Romana coram papa contra Viclefistas anno D. MCCCCXIII mense Decembri*: годъ, по нашему предположенію и по предположенію Палацкаго—ошибочный, мѣсяцъ, по мнѣнію Палацкаго—ошибочный, по нашему—вѣрный.

22) *List veřejný, přilepený na dveřích dvoru královského* (ib. 276—277). О немъ упоминаетъ инквизиторъ Николай, епископъ Назаретскій, прокуратору Гуса Яну изъ Ессеницы, 30-го августа 1414 г. У Палацкаго (*Documenta*, стр. 243) читаемъ: *Protestamur denique quomodo praefatus magister Joannes nuper de anno Domini MCCCCXIV die XXVII menses Augusti, in ecclesia cathedrali и т. д. ac in partis et valvis serenissimi principis et Domini D. Venceslai... suas patentes litteras in latino et vulgare idiomate conscriptas annexuit*. Изъ этого видно, что объявленіе это писано было въ одинъ изъ трехъ дней августа 1414 года, то-есть, или 27-го, или 29-го числа. Палацкій почему-то отнесъ его къ 30-му августа, то-есть, къ тому же дню, въ который состоялось заявленіе инквизитора.

23) О *viete* (отрывокъ) ib. 291—299. Сравнивъ то, что говорится на стр. 295 съ I, стр. 27, убѣдимся, что и тутъ, и тамъ выраженія почти тождественны съ тою только разницею, что въ отрывкѣ *ořístec* названъ *předpreklie*; см. III, 295, строки 28—29 и стр. 30. Въ томъ I, стр. 431 *ořístec* также названъ *předpreklie*. Поэтому едва ли Эрбенъ имѣлъ основаніе заподозрѣвать принадлежность этого отрывка Гусу потому будто бы, что Гусъ нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ не называетъ чистилища *předpreklie* (III, 321). Въ подтвержденіе несправедливости этого мнѣнія можно указать на слѣдующія мѣста въ сочиненіяхъ Гуса: I, стр. 45, строка 36, II, стр. 280, строка 10, II, стр. 288, строка 31. Къ какому времени относится этотъ отрывокъ—неизвѣстно.

24) *Dodatek k listům* (ib. 299—300). Эрбенъ относитъ его къ 1413 году, Палацкій—къ 1414 (*Documenta*, стр. 64—65): не знаю, на какомъ основаніи.

25) *Kazani dvoje o Antikristu a šelmě и т. д.* (ib. 301—312) есть переводъ съ несохранившагося латинскаго сочиненія. Многіе слыш-

комъ рѣзкіе отзывы о папѣ и духовенствѣ, какъ напримѣръ, стр. 302, строка 29—30, 803, строка 24, а также на стр. 309 слова, къ которымъ Эрбенъ дѣлаетъ примѣчанія, заставляютъ вмѣстѣ съ нимъ предполагать, что это сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ сохранилось, не принадлежитъ Гусу.

26) *Naromenutí kněžstvu* и т. д. (ib. 312 — 315). Ср. съ латинскимъ трактатомъ *de peccatis traditionum humanarum* (*Historia et monumenta* Joan. Hus, т. I, CCCCXLIII). На страницѣ 314 говорится объ отлученіи, а на стр. 312 о проклятіи тѣхъ, кто не исполняетъ установленій духовенства. Сочиненіе поэтому могло быть написано въ 1413 или 1414 году.

Сводя всѣ показанія и соображенія о времени выхода въ свѣтъ чешскихъ сочиненій Гуса, приходимъ къ заключенію, что наибольшее количество чешскихъ трудовъ его принадлежать 1412 и 1413 годамъ. Къ этому времени относятся два крупныя произведенія: Толкованія Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней и Объясненія на евангельскія чтенія или Постыла. Къ тому же времени относятся работы Гуса по пересмотру Священнаго Писанія. Приблизительно къ 1411 году относится, вѣроятно, изобрѣтеніе азбуки и краткія катехизическія статьи для юношества въ родѣ Ядра христіанскаго ученія и нравственныхъ правилъ. Въ началѣ XV или даже въ концѣ XVI столѣтія написаны статьи безъ всякаго опредѣленнаго колорита, но всей вѣроятности относящіяся ко времени дѣятельности Гуса въ университетѣ; таковы, по нашему мнѣнію: *Výklad piesnítek šalomuných* и статья о *sedmi smrtných hříchůch*. Наконецъ, къ послѣдней порѣ жизни Гуса, то-есть, къ 1414 и 1415 годамъ, относятся преимущественно письма его; они уступаютъ предыдущимъ сочиненіямъ въ важности содержанія, но прекрасно дополняютъ ихъ, рисуя правдивый обликъ Констанцскаго мученика наканунѣ злополучнаго дня 6-го іюля 1415 года.

Ю. Анненковъ.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Взглядъ на слово о Полку Игоревѣ. Соч. Всес. Милл-ра. Москва, 1877.

Я не сомнѣваюсь, что спеціалисты по русской словесности встрѣтятся съ полнымъ сочувствіемъ новый трудъ г. Всеволода Миллера: „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“, предложенный имъ въ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы, поставленные въ программѣ четвертаго археологическаго съѣзда:

52. Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, вѣроятно записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?

53. Есть ли основаніе считать Болна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Болна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?

54. Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ выводить, что авторъ былъ проныквунъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найдти иное объясненіе?

Стараясь отвѣтить на эти вопросы, авторъ въсмысленно высказываетъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отпестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій. Въ этомъ его главная заслуга: и на почвѣ литературныхъ изысканій гражданскаго мужества хватаетъ у насъ меньше, чѣмъ косной стыдливости. Но авторъ не только высказываетъ, но многое и доказываетъ, хотя со многими изъ его объясненій не всѣ, быть можетъ, согласятся. Я говорю о спеціалистахъ, самъ же я подхожу къ вопросу, какъ простой читатель.

Странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ давно поражаало всякаго непредвзятаго начетчика Слова. Въ немъ есть несомнѣнно мотивы русской народной поэзіи; самъ авторъ, признавшій на стр. 112 и 116 поэтическій плачъ Ярославны передѣлкой визан-

тійско-болгарскаго плача, въ концѣ книги отказался отъ этого мнѣнія ¹⁾. И рядомъ съ этимъ народно-поэтическимъ элементомъ такое обиліе книжности и реторики! Другое противорѣчіе еще болѣе вызвало на размышленіе: авторъ Слова — христіанинъ, жилъ въ эпоху, когда церковь гремѣла обвиненіями противъ всего языческаго, что продолжало жить въ народѣ въ видѣ обрядовъ и вѣрованій; въ этой борьбѣ съ язычествомъ онъ долженъ былъ стоять на сторонѣ церкви, Половцы для него „поганые“. И вмѣстѣ съ тѣмъ ему удастся избрать себѣ такое изолированное положеніе, подняться до такого религіознаго объективизма, что онъ называетъ князей внуками Дажьбога, Боана внукомъ Велеса, вѣтры внуками Стрибога и т. п. Если и предположить, что онъ самъ былъ способенъ доработаться до такого религіознаго безразличія, то трудно представить себѣ существованіе въ его время такой среды, которая отнеслась бы сочувственно къ такому пониманію дѣла.

Г. Всеволодъ Миллеръ выводитъ насъ изъ этихъ противорѣчій своимъ взглядомъ на Слово о Полку Игоревѣ. Онъ исходитъ изъ мысли, къ которой потомъ сводится и все его изслѣдованіе, что авторъ Слова „былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ, и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу“ (стр. 11); что онъ „не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, провинченнымъ народными мнѣніями“ (стр. 9), а воспитанъ былъ на книжныхъ произведеніяхъ своего времени. Русская литература его поры „была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ и передѣлокъ византийскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южнославянскую среду“. Отдѣлъ старинныхъ повѣстей, исторій и сказаній, въ родѣ Александрин, исторій о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ — вотъ тѣ образцы, на подражаніи которымъ долженъ былъ создаться стиль автора Слова о Полку Игоревѣ. Чтобы упрочить это положеніе г. Вс. Миллеръ подробно разбираетъ во 2-й главѣ своего изслѣдованія греческую поэму Х вѣка о Дигенисѣ и

¹⁾ Сл. стр. 238. О значеніи Дуная въ Словахъ о Полку Игоревѣ и въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ см. у Вс. Миллера, стр. 109 — 116 и 238. Настоящая точка зрѣнія указана была Ягичемъ въ его *Forschungen auf dem Gebiete der slavischen Volkspoesie*, II: *Dunav-Dunaj in der slavischen Volksepik* (въ *Archiv für slavische Philologie*, I), гдѣ для вопросовъ, возбуждаемыхъ Словами о Полку Игоревѣ, особенно интересны сопоставленія изъ южно-русскихъ пѣсень, стр. 310—324.

русскую повѣсть о Девгеніи, представляющую, какъ извѣстно, пересказъ византійскаго подлинника. Третья глава посвящена указанію аналогій между этимъ произведеніемъ и Словомъ о Полку Игоревѣ. „Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ разказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Оба произведенія написаны съ цѣлю прославить извѣстнаго героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картинами природы, и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, предрекаетъ успѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпическій разказъ прерывается иногда прямою рѣчью, впадаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ; въ обоихъ вѣще сны предсказываютъ будущее“ (стр. 51—52). Далѣе эти аналогіи разсматриваются подробно (стр. 52—61), при чемъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ книжности Слова является обращеніе автора къ читателямъ, напоминающее классическое *exordium* (стр. 61 и сл.), и его стремленіе быть назидательнымъ (стр. 65 и сл.).

Сравненіе поэмы о Дигенисѣ съ „Словомъ“ не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что первая служила образцомъ второму. Авторъ далекъ отъ этой мысли. „Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи“, говоритъ онъ, — „только то, что византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода у него сложилась своя манера повѣствовать, свое понятіе объ изяществѣ, вкусъ къ тому направленію, которое мы не умѣемъ охарактеризовать инымъ названіемъ, кромѣ „романтизма“. Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти; но переработанные душою поэта, эти мысли, образы и выраженія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ подъ пера. Если можно картины и образы поэта называть подражаніями, то эти подражанія были не рабскія, а безсознательныя, явившіяся какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ. Начало „Слова“ не было построено по тому или другому образцу: но обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литературными приѣмами немедленно пришло на помощь: вступленіе вылилось въ формы уже готовые“ (стр. 64—65).

Сведенное къ этимъ разнѣрамъ отношеніе Слова къ поэмѣ должно быть обобщено въ томъ смыслѣ, что авторъ перваго былъ начитавъ въ произведеніяхъ византійской беллетристики (я съ умысломъ выбираю это слишкомъ общее обозначеніе), усвоилъ себѣ ея стиль и приемы, обаячники которыхъ можно усмотрѣть, между прочимъ, и въ поэмѣ о Дигенисѣ, и тѣмъ и другимъ воспользовался при своемъ дѣлѣ, съ большею или меньшею свободой. Съ тою же свободой онъ обращался и съ своимъ народнымъ матеріаломъ, откуда перенесъ къ себѣ мотивы плача Ярославны, съ чертами южно-русской поэзіи (стр. 236), и прибавимъ отъ себя, съ чертами ея сентиментальности. Источникъ „сентиментальности“ Слова г. Всеволодъ Миллеръ видитъ впрочемъ не въ народныхъ симпатіяхъ его автора, а въ византійскихъ поэмахъ въ родѣ Дигениса: онъ-то и подсказали ему „нѣжныя рѣчи русскихъ жепъ, и ласковый эпитетъ *милыхъ ладъ*, которыми онъ называютъ отсутствующихъ мужей. Быть можетъ, мы ошибаемся“, замѣчаетъ г. Миллеръ, — „но намъ эта нѣжность, пропикающая жемские образы „Слова“, представляется отголоскомъ византійской, книжной сентиментальности. Едва ли такое романтическое отношеніе къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русскаго общества XII вѣка“ (стр. 61); оно свидѣтельствуетъ о „мірскомъ и романтическомъ (добытомъ изъ чтенія византійскихъ поэмъ) настроеніи автора, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами“ (стр. 60).

Намъ приходится выбирать между молитвой съ славянскими текстами и романтической сентиментальностью, почерпнутою изъ византійскаго романа; между словами о злыхъ женахъ и узкимъ правдивымъ взглядомъ церковника и—такимъ же книжнымъ, отвлеченнымъ идеаломъ культурной, развившейся въ другомъ направленіи среды. Между тѣмъ и другимъ стояла насущная жизнь, русское общество XII вѣка, котораго правдивый обликъ мы не знаемъ, потому что знаемъ его только изъ тѣхъ же словъ о злыхъ женахъ и т. п. Изъ народной поэзіи того времени не сохранилось ничего; остаются заключенія *a posteriori*. Если образы въ плачѣ Ярославны до сихъ поръ отзываются въ малорусской народной поэзіи, то отчего бы не сблизить оба эти явленія и въ отношеніи „сентиментальнаго чувства“, за которыми автору Слова, быть можетъ, и не приходилось обращаться къ Византіи?

Если изъ суммы вліяній византійскихъ подлинниковъ, типически представленныхъ поэмой о Дигенисѣ, на Слово о Полку Игоревѣ вы-

дѣлать одно существенное, то оно ограничится безсознательнымъ воспроизведеніемъ стиля и общихъ риторическихъ приемовъ:

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ замѣтить, что выборъ Дигениса типомъ тѣхъ литературныхъ произведеній, подъ влияніемъ которыхъ писалъ авторъ Слова, едва ли удаченъ. Дѣло вовсе не въ содержаніи обоихъ памятниковъ, которые г. Вс. Миллеръ и не сравниваетъ (стр. 51), а въ направленіи и въ жанрѣ. Поэма о Дигенисѣ Акритѣ—одно изъ характерныхъ произведеній Византіи (ibid.); ея герой такой же популярный герой для Эллиновъ, какъ для насъ Илья Муромецъ (стр. 16—17). Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ народнымъ, былиннымъ матеріаломъ, которымъ овладѣлъ сознательный поэтъ-художникъ. Другое впечатлѣніе производитъ Слово: его авторъ—книжный челоѣкъ, „представитель и поборникъ политической идеи“ (стр. 9), пишущій съ извѣстной точки зрѣнія о небольшомъ мѣстномъ событіи, значеніе котораго онъ преувеличиваетъ, пуская въ ходъ знакомыя ему общія мѣста книжной реторики. У него несомнѣнный поэтический талантъ; но то, что остается за вычетомъ, то-есть, его внѣшнія средства и стилистическіе приемы, болѣе напоминаетъ декламацию, похвальное слово, чѣмъ поэму о народномъ героѣ. Я не сомнѣваюсь, что параллель, проведенная къ Византіи въ этомъ направленіи, откроетъ больше аналогій, чѣмъ сравненіе съ поэмой о Дигенисѣ.

Но это не къ дѣлу. Послѣдуемъ далѣе за авторомъ „Взгляда“

Византійскій подлинникъ, вдохновившій автора Слова о Полку Игоревѣ, былъ ему знакомъ не непосредственно: такое вліяніе и знакомство шло къ намъ въ ту пору черезъ южно-славянскую, именно—болгарскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву (стр. 69). Такимъ „болгарскія книги“ и „болгарскія басни“ воспринимались русскими книжниками, переписывались. Степень ихъ южно-славянской окраски и теперь еще можно, въ иныхъ случаяхъ, опредѣлить качественно, по слѣдамъ болгаризма въ языкѣ, правописанію, и т. д.—русскихъ списковъ; для того, чтобы уяснить себѣ, на сколько народная окраска затронула ихъ содержаніе, необходимо имѣть передъ глазами ихъ византійскіе оригиналы. По отношенію къ источникамъ, или, лучше сказать византійско-болгарскимъ образцамъ Слова о Полку Игоревѣ, послѣдній вопросъ получаетъ особое значеніе: это вопросъ о самостоятельности автора русскаго Слова. Мы назовемъ его, вмѣстѣ съ г. Всев. Миллеромъ, самостоятельнымъ, если, создавъ планъ и сообразивъ подробности своего труда, онъ ограничилъ свои заимствованія тѣмъ, что

невольнo почерпалъ мысли, образы, выраженія изъ запаса своихъ книжныхъ воспоминаній. Другое дѣло, если заимствованія его имѣли характеръ спеціальный, затрогивая канву чуждаго разказа, перенимали ея клочками въ свое произведеніе и только перелицевывая и прилаживая на русскій ладъ.

Для того, чтобы порѣшить этотъ вопросъ, необходимо составить себѣ точное понятіе о характерѣ того болгарскаго памятника, отъ котораго отправился авторъ Слова. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, какова была его фабула, находилось ли въ немъ, напримѣръ, такое же историческое зерно, какое мы видимъ въ нашемъ памятникѣ (походъ князей на враговъ), принадлежалъ ли онъ къ тому же литературному роду, какъ и наше Слово. За то мы можемъ еще надѣяться опредѣлить себѣ свойства его изложенія, нѣкоторыя детали и типическія выраженія, а вмѣстѣ съ ними, быть можетъ, и клочекъ фабулы. Это достигается путемъ остроумнаго анализа, который представляется намъ наиболѣе существенною частью книги г. Всева Миллера. Подвергая Слово пристальному разбору, онъ открываетъ подъ нимъ первый подпочвенный слой, съ особою народною окраской, которую онъ выдѣляетъ болгарскому прототипу Слова; далѣе, идя тѣмъ же путемъ, мы доходимъ и до византийскаго субстрата, которымъ руководился болгарскій книжникъ, и здѣсь получаемъ результаты, хотя сравнительно и бѣдные содержаніемъ. Слово о Полку Игоревѣ является какъ бы памятникомъ русскаго поэтическаго возрожденія, въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ. Слѣдуетъ познаться съ качествомъ этихъ матеріаловъ, чтобы составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ распорядился ими авторъ Слова.

Г. Всева Миллеръ начинаетъ съ анализа извѣстныхъ мѣстъ Слова, гдѣ говорится о жизни, силахъ „Дажь-божа внука“ (стр. 71 и сл.) „Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажьбога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажьбожа внука и силы Дажьбожа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизнь князей и силы князей*. Если имя божества употребляется какъ *epitheton ornans*, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣрить въ его реальность“ (стр. 72); не могъ же онъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ Свѣтой, а солнечный Дажьбогъ (стр. 74). Съ другой стороны, если нѣтъ

основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, то нѣтъ и прямыхъ указаній, что онъ былъ *популярнымъ русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя, помимо Слова и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской, именно, во вставкѣ изъ болгарскаго перевода (X вѣка) хроники Маламы, подставившаго Дажьбога вмѣсто греч. ἥλιος. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажьбога въ Словѣ? Внукъ Дажьбожъ могло быть болгарскою передачею византійскаго эпитета, придавнаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь мифическому или историческому лицу. Дажьбожъ былъ представленъ на мѣсто Гелиоса или Феба. Въ свою очередь авторъ Слова, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета, и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77).

„Велесовъ внукъ“, подъ которымъ разумѣется Боянъ, представляется такимъ же украшающимъ эпитетомъ (стр. 77). Авторъ Слова, конечно, хорошо зналъ русскую форму Волосъ; если онъ употребилъ форму книжную, болгарскую Велесъ, то потому, что нашелъ ее въ своемъ оригиналѣ (стр. 79—80). Велесъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствовалъ богу-пастырю, солнечному Аполлону, извѣстному музыканту, предводителю хора музъ. Болгарскій книжникъ нашелъ, вѣроятно, въ своемъ византійскомъ подлинникѣ классическій титулъ поэта: внукъ Аполлона, и передалъ послѣдняго Велесомъ: приравненіе, возможное у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношеніямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческою мифологіей (стр. 80—81). Автору Слова и въ этомъ случаѣ оставалось перенести къ себѣ готовую болгарскую формулу „внукъ Велеса“, какъ онъ безотчетно заимствовалъ Дажьбожа внука.

Я не останавливаюсь на томъ, что г. Вс. Миллеръ говоритъ о Хорсѣ (стр. 81—86). Если и его авторъ Слова нашелъ въ своемъ болгарскомъ книжникѣ, то тому свидѣтельствомъ единственно болгарская форма Хръсъ и обрुшающія его слова, отыскающіяся болгарщиной (стр. 83). Во всякомъ случаѣ если то, что говорится о Хорсѣ въ Словѣ, еще отличается замѣтнымъ мифическимъ колоритомъ (стр. 81), то богъ, обгоняемый смертнымъ (то-есть, Всеславомъ), уже пересталъ быть богомъ и упоминается ради поэтическихъ цѣлей, какъ поэтическая гипербола (стр. 82).

„Какъ украшающій знитетъ вѣтровъ употреблено въ Словѣ выражение „Стрибожи внуци“. Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени, и „нѣтъ основанія думать, чтобы авторъ Слова зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы“ (стр. 87). Слѣдую аргументація г. Вс. Миллера можно бы и въ этомъ случаѣ предположить византійскую формулу: внуки Эола, передѣланную болгарскимъ книжникомъ въ внуковъ Стрибога и безотчетно заимствованную у него авторомъ Слова. Поступая такъ безотчетно, онъ дѣйствительно могъ знать о Стрибогѣ не болѣе, чѣмъ мы. Ту же безотчетность мы предположили выше, вѣсть съ изслѣдователемъ, относительно Дажьбога и Велеса. Но какъ быть съ Хорсомъ? Вѣдь онъ, „по видимому, былъ также извѣстенъ у насъ, какъ и Болгарамъ“ (стр. 82). Еслибъ авторъ и перенесъ его изъ болгарскаго памятника, то на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ съ извѣстною ему величиною, которая и на родной почвѣ имѣла свою, заподозрѣнную церковью, цѣнность. Подозрѣніе въ двоевѣрія, устраненное предположеніемъ, что писатель Слова орудовалъ готовыми мѣологическими формулами, которыя стали для него формулами поэтическими, это подозрѣніе снова поднимаетъ русско-болгарскій Хорсъ. Велесъ—другое дѣло: авторъ Слова могъ и не давать себѣ отчета о его связи съ русскимъ Волосомъ. Весь этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ и обще: по догадкѣ г. Вс. Миллера авторъ Слова имѣлъ передъ собою болгарское сказаніе, съ внуками Дажьбога, Велеса и Стрибога. Какъ бы ни поступалъ онъ безотчетно, какъ бы ни велико было его незнакомство съ значеніемъ терминовъ болгарскаго язычества, все же эти внуки и эти „боги“ являлись передъ нимъ въ контекстѣ, и онъ не могъ не давать себѣ отчета, въ какомъ смыслѣ являлось передъ нимъ характерное слово „богъ“, внуками которому приходились и князь, и пѣвецъ. И не могу выйти изъ этого *contradictio in adjecto*: авторъ Слова орудуетъ поэтическими формулами, въ которыхъ не виднѣтъ ничего зазорно языческаго, и вѣсть съ тѣмъ, эти формулы такъ прозрачны, ихъ употребленіе такъ характерно, что становится непонятнымъ, какъ онъ могъ не разглядѣть ихъ кореннаго смысла. Дѣло, впрочемъ, не въ одномъ авторѣ, а и въ тѣхъ, для которыхъ написанъ былъ его трудъ: надо какъ-нибудь выйти изъ дилеммы, понимали ли они Дажьбожа внука, внука Велеса и т. д., или же не понимали? Если понимали, то они либо двоевѣрны, какъ думали донинѣ, либо объективны въ религіозныхъ отношеніяхъ, что едва ли подѣлать въ ХІІ вѣку. Если не понимали, какъ не понималъ ихъ авторъ Слова, то безотчетность послѣдняго

переходить границы, за которыми трудно ее помирить съ его несомѣнною талантливостію.

Вопросъ о двоевѣріи, какъ бы ни порѣшенъ онъ былъ для автора Слова, остается во всей силѣ — для безыменнаго автора того болгарскаго произведенія, откуда попалъ къ намъ поэтический скарбъ Слова. Ему то по крайней мѣрѣ приходилось переводить Аполлона Велесомъ, Эола Стрибогомъ и т. п., и мы въ такомъ же затрудненіи относительно его религіознаго міросозерцанія, въ какос ставилъ насъ, бывало, авторъ русскаго Слова: затрудненіе только переставилось на нѣсколько поколѣній назадъ. Если безыменный болгарскій книжникъ вообще существовалъ, то его пришлось бы поставить въ ту богомильско-языческую среду, противъ которой такъ ратовала болгарская церковь. Въ такой средѣ, быть можетъ, могла сохраниться память о Дажьбогѣ и другихъ его сверстникахъ. „Смѣшеніе чисто народнаго вѣрованія“, говоритъ профессоръ Дриновъ, — „съ вѣрованіями еретиковъ (со стороны церкви) могло произойти единственно вслѣдствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа“ (стр. 132).

Слѣдуя далѣе за разборомъ г. Вс. Миллера, мы встрѣчаемъ Дива и дѣву Обиду (стр. 87 — 98). Не будучи славистомъ и никогда не занимавшимся спеціально Словомъ о Полку Игоревѣ, я слегка коснулся Дива и Обиды въ моей замѣткѣ о русскихъ причитаніяхъ ¹⁾. Моимъ тогдашнимъ наблюденіямъ я придаю исключительное значеніе — бѣглихъ. Дивъ и Обида представились мнѣ родственными выраженіями, двуличными представленіями одного и того же народно-миоическаго образа: то зловѣщая птица, то дѣва, плещущая лебедиными крыльями на синемъ морѣ. Лебединыя крылья не смущали меня, и я понималъ ихъ какъ самостоятельное развитіе русскаго народно-поэтическаго эпитета: дѣвушки-лебеди, въ связи съ сѣверными Валькиріями. Въ риторическомъ изложеніи автора Слова, не чуждаго, какъ мы видѣли, и народныхъ мотивовъ, крылья явились поэтическимъ распространеніемъ при „бѣлой лебеди“, какъ названіе молодца соколомъ повело его къ образамъ „гнѣзда“ ²⁾ и кпижному

¹⁾ Die russischen Todtenklagen, p. 29—30. *Russische Revue* 1873 года, по поводу книги Е. Барсова: Причитанія сѣвернаго края.

²⁾ Что касается пардуса гнѣзда (о немъ у г. Миллера стр. 225), то сравненіе съ нимъ Половецъъ отвѣчаетъ, быть можетъ, не столько ихъ кровожад-

эпиту „шестокрыльцевъ“ (см. прим. на стр. 230—231). Отдѣливъ въ текстѣ слово „обида“ въ значеніи отвлеченнаго понятія, я увидѣлъ въ Дивѣ и въ дѣвѣ Обидѣ неполныя попытки мненческаго овеществленія идей: злой судьбины, прирожденнаго горя-злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщей птицей ворономъ, то въ видѣ Судинушки оловецкаго причитанія, которая, плеща ладонями на берегу озера, сулитъ смертнѣю участь неосторожнымъ пловцамъ:

Знать Судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила,
Въ лави Судинушка плескала,
До суженыхъ головъ да добералась

Ихъ Судинушка головъ да повзыскала.

Обида и Судбина представились мнѣ аналогическими образами народной русской фантазіи, при чемъ я не преминулъ замѣтить мимоходомъ, что дивъ и дѣва могутъ быть связаны и этимологически.

Г. Вс. Миллеръ приподитъ ихъ въ еще болѣе близкую связь: дивъ и дѣва (Обида) находились уже въ болгарскомъ текстѣ, откуда ихъ перенесъ къ себѣ авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Среди Болгаръ и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе въ дивовъ, живущихъ на дивской горѣ и повинующихся дивскому старѣйшинѣ; въ самодивовъ, напоминающихъ нашихъ русалокъ, и т. д. ¹⁾ Они-то и переселились въ Слово о Полку: самодива или морская юда-самовила объявилась Дѣвой (дивой) Обидой, дивъ остался дивомъ, что, разумѣется, исключаетъ его толкованіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ, какъ зловѣщей птицы. Противъ Дивы-Обиды спорить трудно, если разъ допустить ея существованіе въ болгарскомъ подлинникѣ: ея приуроченіе къ Слову о Полку могло быть на этотъ разъ не безотчетное, потому что домашніе аналогическіе образы русской мнелогіи подавали ей руку помощи. Но какъ приурочился и какъ былъ повятъ авторомъ Слова болгарскій Дивъ, не находившій себѣ аналогіи на Русь? Г. Всев. Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что одно изъ двухъ мѣстъ Слова, въ которыхъ онъ является, не согласно съ пониманіемъ его, какъ птицы: „уже врьжеск дивъ на землю“; остается непонат-

ности и быстротѣ набѣговъ, сколько тамъ многихъ метафорич., заимствованныхъ отъ охоты, которыми изобилуетъ Слово.

¹⁾ Дѣва Слова о Полку Игоревѣ сблизилась съ южно-славянскими дивами уже проф. Макушевъ.

нымъ, почему эта птица, хотя бы и зловѣщая, бросилась на землю (стр. 88). Можетъ быть намъ слѣдуетъ и вовсе отказаться отъ Дива въ Словѣ о Полку, тѣмъ болѣе, что одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, испорчено: „Солнце ему (т.-е., Игорю) тѣмю путь заступаше; ношъ, стонуши ему грозою, птичь убуки; свистъ звѣринъ *оъ стазби* дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ и Поморію“ и т. д.

„Слово *стазби* остается совершенно темнымъ¹⁾, не смотря на всѣ гаданія“,—замѣчаетъ г. Вс. Миллеръ.—„Кажется, придется оставить его и предположить искаженіе изъ глагола *оста* и какого-то другаго слова, относившагося, по видимому, къ слѣдующему диву“ (стр. 196). Ясно то, что птицы проснулись, и слышится зловѣщій звѣринный свистъ, о которомъ говорится тотчасъ далѣе: „влѣзци грозу въсрожать по другамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешутъ на чрълениы шиты“; еще далѣе, во въ той же связи: пробудился говоръ галокъ—зловѣщихъ, какъ толкуетъ г. Вс. Миллеръ (стр. 200). Оставляя въ сторонѣ необъяснимое *оъ стазби*, я предложу понять „дивъ“ въ смыслѣ *θαομαστόν*: свистъ звѣринъ... дивъ кличетъ врѣху древа. Сл. прк.-слав. *диавъ*=оле, βαβαί (Вост. Микл.); *диавъ*=*ἀντίπαρος*, *immanuete* (Микл.). Въ другомъ мѣстѣ Слова дивъ встрѣчается въ слѣдующемъ сочетаніи: „Уже снесеси хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеси дивъ на землю“. Г. Вс. Миллеръ переводитъ (стр. 226): „Уже спустился позоръ на славу, уже ударило насиліе на свободу“; далѣе, какъ бы въ параллель къ тому: уже повергся Дивъ на землю. Принимая дивъ въ томъ же смыслѣ, я перевожу: уже ударила нужда на волю и страшно вступила на землю, какъ Обида вступила на землю Трояню. Нужда—такое же олицетвореніе, чтò признаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 211—212) и г. Вс. Миллеръ; (сл. вѣврѣжси на брѣзъ комонь).

Если предположить, что дивъ и дѣва Обида находились уже въ болгарскомъ текстѣ въ видѣ Дива и самодивы, то остается вопросъ: являлись ли они народною перелицевкой какихъ-нибудь соотвѣствующихъ образовъ византійскаго подлинника, или же они были самостоятельнымъ вкладомъ болгарскаго книжника? Это, впрочемъ, вопросъ второстепенный, и у г. Вс. Миллера я не нашелъ соображеній на этотъ счетъ.

¹⁾ О различныхъ исправленіяхъ этого мѣста, предложенныхъ исследователями, см. у Огоновскаго Слово о Пълку Игоревѣ, поэтический памятникъ руской письменности XII вѣку (у Львовѣ 1876), Поясненія, стр. 45—46.

Другое дѣло—Боянъ Слова о Полку Игоревѣ: онъ не только находился въ болгарскомъ подлинникѣ, но и замѣнилъ собою какого-нибудь пѣвца древности, Гомера, о которомъ гласило въ своемъ мѣстѣ византийское произведение (стр. 134).

Одна изъ немалыхъ заслугъ г. В. Миллера состоитъ въ томъ, что передъ его взглядомъ народный русскій пѣвецъ Боянъ общается удалиться изъ древней русской литературы въ мѣста не столь отдаленныя, нѣ византийско-болгарскую книжность. Боянъ (стр. 117—135) оказывается не народнымъ сказателемъ XII вѣка: онъ типъ художественнаго „пѣснотворца“, который „творить пѣсни“; авторъ Слова преклопается передъ его замышленіями, передъ его фразой и риторическими приемами. Такъ я понимаю, то-есть, какъ приступы, какъ фигурныя вступленія Бояна, то что говорится о его замышленіяхъ: когда онъ начиналъ пѣснь „то растѣкашется мыслию по древу, сѣрмы вѣлкомъ по земли, шивымъ орломъ подъ облавы“; или скавалъ, какъ соловей, съ которымъ Боянъ и сравнивается ¹⁾, по мыслиму древу, леталъ умомъ подъ облака. Выраженія: (растекаться) *мыслию по древу* и (скакать) *по мыслиму древу*, очевидно, не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга (сл. стр. 193), и потому едва ли представляется необходимость замѣнить въ первой фразѣ мысль—мыслю, то-есть мышью, для того, чтобы возстановить воображаемый параллелизмъ: мыши (собственно: полетуша, летяга, летучая бѣлка), волка и орла. Собственно параллелизма тутъ нѣтъ, выраженіе: *растекаться мыслию по древу* (разумѣется, опять же мысленному) — общее, которое далѣе разработывается въ отдѣльных, конкретныхъ образахъ. Мысленное древо—такое же фигурное выраженіе, какъ и слѣдующее далѣе: о десяти соколахъ, напускаемыхъ на стадо лебедей. Древо даю сюжетъ для фигурныхъ толкованій, которымъ воспользовалась и народная загадка и мистико-поэтическія толкованія, отправлявшіяся отъ библейскаго древа познаній: такъ говорили о древѣ любви, arbor metoііае и т. п. Мысленное древо—это arbor cogitationis; разработанный по приемамъ шитики, этотъ образъ вызоветъ представленіе поэта соловьемъ, который порхаетъ по мистическимъ вѣтвямъ, прообразующимъ различныя способности человѣческой души, находящейся въ актѣ творчества; затѣмъ образъ мѣняется: Боянъ носится орломъ подъ облаками,

¹⁾ Съ образами парящаго орла и соловья слѣдуетъ сравнить восторженные эпиграфы, которыми величаетъ Іоанна Златоустаго Константиинъ пресвитеръ въ одномъ изъ своихъ словъ: высоколетающій орелъ, ластовица благошеботная, горяща доброгогорькая.

волкомъ по землѣ; ему знакомо все находящееся въ поднебесной и во времени: онъ свиваетъ „оба помы“ его, знаетъ и о древнихъ уособицахъ, рыщетъ „въ тропу Трояню“, но поетъ и о новомъ поколѣніи князей, и еслибъ ему пришлось пѣть о полку Игоревѣ, онъ началъ бы такъ: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“.

Боянъ представляется мудрымъ, многознающимъ, искуснымъ. Такъ понимаю я его эпитетъ въ словѣ: *вѣщій*; вѣщіе персты, которые онъ воскладываетъ на живыя струны, — искусные персты; вѣщая душа Всеслава — мудрая душа: хотя у него была и мудрая душа въ храбромъ тѣлѣ (я принимаю остроумную поправку г. Всев. Миллера: въ дрзѣ тѣлѣ вм. друзѣ, см. стр. 234—235), онъ часто бывалъ въ бѣдѣ. Г. Всев. Миллеръ снялъ съ Всеслава его волкодлачью натуру (стр. 103), не разъ объясняетъ рысканье волкомъ въ Словѣ простою поэтическою метафорою, какъ и рысканья Бояна „въ тропу Трояню“ полетомъ воображенія (стр. 107—108), и не смотря на это, оставляетъ за эпитетомъ вѣщій значеніе чародѣйнаго. По его мнѣнію, Боянъ представлялся автору Слова мудрымъ чародѣемъ (стр. 119) „внукомъ Велеса, то-есть, внукомъ солнечнаго бога-пастыря“. „Внукъ Велеса“ не можетъ быть серьезною помѣхой: мы вѣдь знаемъ, что это чисто поэтическій эпитетъ, безотчетно заимствованный авторомъ Слова изъ своего болгарско-византійскаго оригинала. Что касается чародѣйности, то на мой взглядъ ни одна черта въ образѣ Бояна, какъ онъ представляется въ Словѣ, не даетъ повода къ такому спеціальному пониманію эпитета „вѣщій“. Если вполнѣ законны сомнѣнія, что этотъ Боянъ могъ быть древне-рускимъ пѣвцомъ, то они основаны не на его чародѣйствѣ и прозваніи „внукомъ Велеса“, дѣйствительно странномъ при имени историческаго дѣятеля, жившаго съ небольшимъ два поколѣнія до автора Слова (стр. 119). Главный аргументъ противъ русскаго Бояна — это типъ искусственнаго, школьнаго пѣснотворца, съ какимъ онъ намъ является; къ этому слѣдуетъ присоединить и историческія соображенія, которыя мы передадимъ словами г. Всев. Миллера: русскій пѣвецъ, „возбуждающій такія чувства въ несомнѣнно талантливомъ авторѣ Слова, служащій ему музою вдохновенія, долженъ былъ быть дѣйствительно гениаленъ и широко извѣстенъ. Слава Бояна, воспѣваемаго рядъ князей, вѣроятно, донеслась бы и до насъ, если не въ видѣ какого-нибудь произведенія, то въ видѣ хоть краткой замѣтки, оброченной какимъ-нибудь лѣтописцемъ. Вѣдь знаемъ же мы о словутномъ Митусѣ, знаемъ о нѣкоемъ книж-
часть схсп, отд. 2.

никъ Тимофѣй, сказавшемъ ѣдкое слово о мучителѣ Венедиктѣ, знаемъ изъ Галицко-Волинской лѣтописи о какомъ-то гудцѣ Орѣ, пѣвшемъ пѣсни половецкія; — *о Боянѣ нидѣ нить и помину*" (стр. 122). Его — полагаетъ г. Вс. Миллеръ — слѣдуетъ искать въ томъ болгарскомъ произведеніи, откуда извлечъ его авторъ Слова. Если о болгарскомъ пѣвцѣ Боянѣ также нѣтъ помину, какъ и о русскомъ, это не представляетъ особаго затрудненія: въ данномъ случаѣ дѣло не въ существованіи того или другаго историческаго лица, а въ возможности того или другаго историческаго типа. Боянъ — типъ, создавшійся по византійской модели, въ болгарскомъ книжничествѣ, и тамъ возможный. Я уже сказалъ, какъ представляетъ себя г. Всев. Миллеръ начало того творческаго процесса, послѣдній актъ котораго связанъ съ появленіемъ нашего Слова: болгарскій книжникъ находитъ въ своемъ византійскомъ оригиналѣ воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности; Гомеру; и подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій; воспоминаетъ легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 134). Какія это легенды? Г. Вс. Миллеръ, вынесшій изъ чтенія Слова впечатлѣніе о чародѣйствѣ Бояна; принимаетъ гипотезу Венелина (стр. 130); отождествившаго вѣщаго пѣснотворца съ сыномъ болгарскаго царя Симеона (+927 г.), историческаго Бояномъ, котораго считали такимъ же вѣщимъ, колдуномъ. Лиутпрандъ сообщаетъ о немъ народное (?) преданіе; будто онъ такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого звѣря (стр. 131). Г. Всев. Миллеръ (стр. 131 — 138) сумѣлъ съ большимъ искусствомъ поставить это преданіе на культурную почву, освѣтивъ его историческими отношеніями Болгаріи первой половины X вѣка: это — время внутренней ожесточенной борьбы между церковью, съ одной стороны, богомольствомъ и язычествомъ — съ другой. Передъ нами два сына Симеона Петръ и Боянъ. Царевичъ; сидящій на престолѣ, благочестивый Петръ, вѣрный сынъ церкви, избѣгаетъ *мірскія доуки* въ бесѣдахъ съ иноками и путешествіяхъ по обителямъ Болгаріи. Церковь причислила Петра къ лику святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ преподобнаго отца. Родной братъ святаго Петра, царевичъ Боянъ, занимается кудесничествомъ, какъ представитель народныхъ суевѣрій, и приобретаетъ таинственную силу обертываться волкомъ. Если уже въ Константинополѣ, изъ устъ Византійцевъ, Лиутпрандъ узнаетъ о кудесахъ Бояновыхъ, *какъ же должно было зрѣть въ немъ имя въ Болгаріи въ устахъ народа, глубоко пропитаннаго языческими суевѣріями? Прежде чѣмъ проникнуть въ*

Константинополь, до какихъ необычайныхъ размѣровъ должна была стоустая молва довести вѣщую мудрость царевича? Его репутація, какъ чародѣя, была, конечно, приобрѣтена рядомъ вѣщихъ дѣлъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не довела до насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція“ (стр. 132—133).

Мы значительно приблизились къ вѣщему пѣснотворцу Бояну: недостаетъ болгарскому чародѣю и оборотню только репутаціи вѣщаго поэта. Если народное преданіе говорило и объ этомъ его качествѣ, то кажется страннымъ, почему о вѣщемъ *поэтѣ* Боянѣ ничего не сохранилось въ Болгаріи, какъ „ничего о Боянѣ неизвѣстно намъ отъ древней Руси“ (стр. 133). Между тѣмъ качество поэта кажется мнѣ въ данномъ вопросѣ существеннымъ: чтó же иное могло дать поводъ болгарскому книжнику подставить Бояна на мѣсто Гомера или какого-нибудь другаго пѣвца, стоявшаго въ его византійскомъ оригиналѣ? Затрудненіе не устраняется и въ томъ случаѣ, если предположить, что возведеніе историческаго Бояна въ типъ вѣщаго пѣвца принадлежитъ исключительно болгарскому книжнику: вѣдь онъ же начитанъ былъ въ произведеніяхъ византійской литературы, находилъ въ нихъ типъ пѣвца, внука Аполлона, бряцающаго по живымъ струнамъ, растекающагося мыслью по землѣ и въ подпесбеси, и этотъ же книжникъ подставляетъ на его мѣсто болгарскій суррогатъ, заимствованный изъ типа кудесника и оборотня! Трудно представить себѣ, чтобъ именно въ головѣ книжника могла возникнуть мысль о подобномъ приравненіи, — развѣ предположить, что о греческомъ поэтѣ, напримѣръ, о Гомерѣ, котораго мѣсто занялъ чародѣй Боянъ, ходили такія же волшебныя легенды, какія окружали въ средніе вѣка, напримѣръ, имя Виргилія. Весь вопросъ, по моему мнѣнію, разрѣшается очень просто, если мы попытаемся отдѣлаться отъ традиціоннаго представленія Бояна Слова о Полку Игоревѣ какимъ-то чародѣемъ. Онъ вѣщій, то-есть, мудрый, хитроумный пѣвецъ-художникъ; ему нѣтъ мѣста въ русской литературѣ до появленія Слова; онъ принадлежитъ болгарской книжности, которая произвела въ немъ образъ такого же мудраго, хитроумнаго пѣснотворца Греціи. Почему она назвала его Бояномъ—мы не знаемъ, да вопросъ, какъ я замѣтилъ по другому поводу, не въ имени, а въ возможности, въ культурной мыслимости типа. Между этимъ пѣснотворцемъ Бояномъ, котораго перенесъ намъ авторъ Слова, и историческимъ Бояномъ-кудесникомъ—общаго ничего, кромѣ имени, и того еще, что, оба они принадлежатъ Болгаріи: одинъ—ея народному

суевѣрію, обставившему имя историческаго дѣателя, другой — ея книжности, почерпавшей свои идеи, образы и эпитеты изъ традиціи византійской.

Такая постановка вопроса проще разрѣшаетъ дѣло и не ведетъ къ противорѣчіямъ. Говоря о Всеславѣ (стр. 103), г. Всев. Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что выраженіе „въломъ рыскаше“, не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что Всеславъ былъ оборотень. „Волкъ употребляется въ Словѣ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга: Всеславъ не перекидывался волкомъ, какъ не перекидывались волкомъ Гзакъ, Игорь, Влуръ и Куряне“. Я полагаю, что метафорой слѣдуетъ объяснять и растеканіе Бояна сѣрымъ волкомъ и сизымъ орломъ. Но вотъ является не встати параллель съ историческимъ Бояномъ, обращавшимся въ волка; на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ оборотнемъ, и г. Всев. Миллеръ забываетъ свое прежнее толкованіе и спрашиваетъ себя: „Не напоминаетъ ли кудесникъ-царевичъ Боянъ, обращавшійся по произволу въ волка, нашего вѣщаго Бояна, рыскавшаго волкомъ по землѣ?“ (стр. 131) Миѣ представляется возможнымъ лишь отвѣтъ отрицательный, и аналогія съ Бояномъ-кудесникомъ отводящая отъ вѣрнаго пониманія Бояна-пѣснотворца — не волшебника, а художественнаго поэта, передъ искусствомъ котораго преклоняется авторъ Слова.

Что говорилося объ этомъ Боянѣ въ томъ болгарскомъ произведеніи, гдѣ открылъ его нашъ русскій писатель? Предоставлена ли была ему въ этомъ произведеніи какая-нибудь выдающаяся роль? Какіе размѣры даны были его „замышленіямъ“, обратившіе на себя особенное вниманіе автора Слова? Отвѣтить на это трудно, по вопросу представляется миѣ далеко не лишнимъ. Миѣ кажется, что г. Всев. Миллеръ, понявъ роль Бояна въ болгарскомъ памятникѣ, какъ чисто эпизодическую: онъ говоритъ, что болгарскій книжникъ нашелъ въ своемъ византійскомъ оригиналѣ „воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру“ и подставилъ вмѣсто него „личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ“. И это-то эпизодическое упоминаніе вдохновило автора Слова такъ сильно, что мы до сихъ поръ любимъ его характеристикой вѣщаго пѣвца и стараемся выяснитъ себѣ значеніе его образа! Если уже допустить существованіе болгарскаго подлинника, то роль Бояна должна была быть поставлена въ пемъ шире. Взглянемъ на текстъ съ точки зрѣнія автора „Взгляда“. Боянъ рыщетъ „въ тропу Трояню“. Г. Вс.

Миллеръ вспоминаетъ сербскую легенду о ночныхъ поѣздахъ Трояна и толкуетъ рысканье Бояна такимъ образомъ: „Съ тою же быстрою какъ Троянъ.... рыцетъ и воображеніе Бояна черезъ поля на горы. Поэтому авторъ легко могъ сказать, что Боянъ рыцетъ по слѣдамъ Трояновымъ“ (стр. 107—108). Выѣстъ съ тѣмъ г. Всев. Миллеръ допускаетъ, что въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ авторъ Слова, находилось какое-нибудь преданіе о Троянѣ, похожее на то, которое донесла до насъ мѣстная сербская легенда. Ею воспользовался авторъ Слова, перенесъ легенду о Трояновой поѣздкѣ на своего вѣщаго Всеслава (стр. 104). Мы принимаемъ пока толкованіе г. Всев. Миллера и спрашиваемъ: въ какомъ видѣ являлся этотъ бѣгъ Трояна въ болгарскомъ подлинникѣ? Рысканье Бояна „во слѣдъ Трояна“ не слѣдуетъ ли истолковать спеціальнѣе въ томъ смыслѣ, что онъ уносился воображеніемъ во слѣдъ Трояна, то-есть, изображалъ его ночную поѣздку, и разказъ шѣлъ отъ его имени. Если такъ, то въ данномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою отрывокъ фабулы затерявагоса для насъ болгарскаго произведенія, прототипа Слова.

Если Боянъ рыскалъ „въ тропу Трояну“, то онъ же свивалъ „оба полы сего времени“, пѣлъ и о событіяхъ болѣе близкихъ, какъ о событіяхъ отдаленныхъ, выраженныхъ въ словѣ двойною формулой: „помяшеть бо.....първыхъ временъ усобицѣ“ и „рица въ тропу Трояну“. Чтò противопологалъ Боянъ этимъ старымъ памятямъ, чтò воспѣвалъ онъ по другую полу времени? Авторъ Слова сводитъ насъ здѣсь съ пути: рысканью „въ тропу Трояну“ онъ противопоставляетъ фразу: какъ-бы воспѣлъ Боянъ о Полку Игоревѣ, еслибы дожилъ до его времени. Тотъ же параллелизмъ и тотъ же замыселъ слѣдуетъ, быть можетъ, усмотрѣть и въ другомъ мѣстѣ: память объ усобицахъ первыхъ временъ противопоставляется пѣсни старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Святославичу, которыхъ *воспѣли бы* струны-лебеди. Я знаю, что мое толкованіе отнесутъ къ замышленіямъ Бояновымъ, такъ какъ оно не поддерживается буквой текста. Я полагаю возможнымъ во всякомъ случаѣ, что реторическое украшеніе фразы образомъ соколовъ - пальцевъ и струнъ-лебедей разшатало ея логическую конструкцію, и что слова „пѣснь пояше“ неволью увлекли автора къ дальнѣйшему, хотя смѣлому развитію фигуры: пѣснь пояше старому Ярославу и т. д. Г. Вс. Миллеръ толкуетъ это мѣсто Слова, исходя изъ его буквальнаго пониманія, и приходитъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто ме-

ханическою, неловкою спайкой, обличающею не совсѣмъ-то самостоятельныя, свободныя приемы автора Слова (сл. стр. 64). „Человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго (?) не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну (которое онъ нашелъ у болгарскаго книжника) и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать неизвѣстному пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли адѣсь намѣренная травестія, или наивное смѣшеніе чужаго съ своимъ — рѣшить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщеніи авторъ не былъ послѣдователенъ, и устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напримѣръ, пѣвцомъ Русскихъ князей, онъ заставляеть его рысать въ тропу Троюню“ (стр. 134—135).

Нѣсколько словъ о неизвѣстномъ пѣвцѣ Ярослава, Мстислава и другихъ князей, о которомъ толкуеть своимъ читателямъ, въ котораго захочеть заставить насъ повѣрить авторъ Слова! Я приведу въ параллель другую аргументацію г. Вс. Миллера, которая окажется не лишнею и въ данномъ случаѣ: „Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, неужели люди книжныя, современники автора Слова, могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи“ (стр. 119—120), то-есть, вѣрить, что онъ былъ внукомъ солнечнаго бога пастыря Велеса? Если о Боянѣ, *тѣмъ Русскихъ князей*, никто не зналъ на Руси до увѣреній автора Слова, неужели онъ могъ рассчитывать, что люди книжныя, современники, повѣрятъ ему?

Какъ бы то ни было, но существованіе Бояна, русскаго пѣвца Ярослава, Мстислава и др., становится послѣ всего сказаннаго немислимымъ. Выѣстъ съ тѣмъ должно пастъ и предположеніе, выводимое изъ текста Слова, что Боянъ былъ современникомъ Всеслава Полоцкаго. Я имѣю въ виду остроумное толкованіе, данное г. Вс. Миллеромъ слѣдующему мѣсту слова: тому (то-есть, Всеславу) вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути. „Авторъ разказалъ припѣры *ловкости и хитрости* (вотъ до чего спустилось пониманіе слова *вѣщій*!) Всеслава и затѣмъ выводитъ мораль. Какъ ни хитеръ былъ князь, однако онъ бѣды страдалъ, и въ нему *прилоасима* припѣвка, нѣкогда сказанная вѣщнымъ Бояномъ: ни хитру и т. д. Слова: *тому рече* еще не значать необходимо, что Боянъ сказалъ припѣвку лично князю. Привода пословицу, мы часто говоримъ: для такого-то лица сказана пословица, вовсе не думая при этомъ, что пословица

была сочинена кѣмъ нибудь именно для этого лица. Что такъ понималъ это и авторъ Слова—видно изъ прибавленнаго имъ слова пѣрвое (Прѣтовъ), то-есть, древле, нѣкогда: еслибъ изреченіе Бояна не было старѣе Всеслава, это пѣрвое было бы неумѣстно" (стр. 120—121). Къ этому изреченію, сказанному когда-то давно и такъ мѣтко, что оно пришлось по плечу лицу, жившему много лѣтъ спустя, представляетъ удачную параллель другой афоризмъ Бояна, который какъ бы нарочно вылился для автора Слова: „Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы“. Ему оставалось лишь прибавить отъ себя: русской земли безъ Игоря (стр. 126), чтобы приурочить афоризмъ къ мѣстнымъ и историческимъ отношеніямъ своего слова. Я долженъ сознаться, во всякомъ случаѣ, что это мѣсто слова остается для меня по прежнему темнымъ, а поправка приписанная г. Вс. Миллеромъ: исходы (вм. иходы) = *ἵστος* — нѣсколько искусственною: фраза выходитъ вычурная; авторъ, говорившій все время отъ себя, вдругъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ, называя себя пѣснотворцемъ стараго времени Ярославля. Впрочемъ г. Вс. Миллеръ (стр. 126, прим.) и не особенно стоитъ за свое объясненіе.

Тропа Трояня, по которой рыщетъ Боянъ, приводитъ меня къ одному изъ наиболѣе интересныхъ подробностей Слова. Эпитетъ Троянъ встрѣчается въ четырехъ мѣстахъ: тропу Трояню мы уже знаемъ; кромѣ того, говорится о землѣ Троянѣ и дважды о вѣкѣ или вѣкахъ Троянскихъ; были вѣчи Трояни, на седьмомъ вѣцѣ Трояни. Едва ли можно сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ эпитетъ долженъ быть объясняемъ одинаково и имѣть одно и тоже значеніе.

Съ общими приемами болгарскаго книжника мы уже познакомились: изъ византійскаго оригинала онъ перенимаетъ внуковъ Аполлона, Эола и т. п. и только даетъ этимъ формуламъ болгарскую одежду; можно предположить, что его дѣла Обида — такой же народно-болгарскій, на этотъ разъ болѣе удачный, переводъ какого-то греческаго образа. Также ностушаетъ онъ и съ типомъ вѣщаго пѣвца: онъ сохранилъ его черты, но далъ ему народное имя Бояна. Книжникъ находился всецѣло подъ впечатлѣніемъ своего византійскаго образца и мы не встрѣтились пока ни съ однимъ эпизодомъ, который можно бы назвать его личнымъ, народно-поэтическимъ вкладомъ. Что Боянъ Слова не имѣетъ ничего общаго съ болгарскимъ царевичемъ — это я постарался выяснитъ выше. Естественно является вопросъ: эпитетъ Троянъ и связанный съ нимъ въ Словѣ подробности должны ли измѣнить нашу точку зрѣнія на литературные приемы и византій-

скую зависимость болгарскаго книжника? Толкуя загадочное Троянъ, г. Вс. Миллеръ (стр. 99 и сл.) принимаетъ въ основныхъ чертахъ мнѣніе, высказанное профессоромъ Дриновымъ, и только тѣснѣе направляетъ его къ показаніямъ Слова. Славяне пребывали въ Дакіи и во время господства въ ней Римлянъ; въ народныхъ преданіяхъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, и именно тѣхъ, которыхъ предки обитали въ Дакіи и по близости къ ней, мы находимъ очень явственныя намеки на то, что нѣкоторые славянскія вѣтви состояли, болѣе или менѣе продолжительное время, подъ властью Римлянъ, имѣли столкновение съ ними именно въ этой странѣ и въ пору покоренія ея императоромъ Трояномъ. Это столкновение, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ, напримѣръ, въ знаменитомъ Трояновомъ валѣ; имя императора Трояна, имѣвшаго большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, окружилось въ народной памяти мионическимъ ореоломъ, при чемъ, какъ это часто бываесть, къ исторической личности и имени приурочилась мионическія черты, облекавшія прежде другія личности. Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное славянское населеніе Дакіи и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооруженіями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ Славяне должны были одно время воздавать почести статуѣ Трояна; можетъ быть, Римляне увѣрили ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культъ истукана намекаетъ болгарская пѣсня о царѣ Троянѣ, обладателѣ огромныхъ богатствъ: въ 70 водоемахъ течетъ у него золото и серебро, но нѣтъ въ его городѣ воды, потому что змѣй залегалъ источники. Св. Георгій, являясь на конѣ, спасаетъ отъ этого змѣя дочь Трояна и повелѣваетъ ему расплавить серебрянаго бога, которому христіане должны были кланяться въ его городѣ ¹⁾. Такимъ образомъ историческій императоръ Троянъ былъ возведенъ воображеніемъ Дакійскихъ Славянъ въ значеніе какого-то мионическаго существа, бога. Отсюда ему легко было переселиться въ вѣрованія другихъ Придунайскихъ Славянъ: такъ, въ двухъ *болгарскихъ* памятникахъ ²⁾ онъ станетъ въ ряду языческихъ боговъ, кото-

¹⁾ Сл. *Буслаева* Очерки, I, 387: дѣло идетъ собственно о городѣ Троянѣ или Троемѣ и его царѣ.

²⁾ *Дриновъ*, Заселеніе Славянами Балканскаго полуострова, 76.

рымъ христіанину не слѣдовало кланяться. Въ Хожденіи Богородицы по муканъ, извѣстномъ по рукописи XII вѣка, говорится о людяхъ, забывшихъ Бога и обоготворявшихъ тварь: „то они все боги прозваша, сѣнце и мѣсяцъ, землю и воду, звѣри и гады, то естъѣ и члѣчьска (і)мена та оутрия (?) Трояна, Хърса, Велеса, Пероуна на боги «братиша»¹⁾. Въ Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ²⁾ опять говорится о людяхъ неувѣрнихъ, выдающихъ въ великую прелесть: „мнѣше боги мнози, Пероуна и Хорса, Дыа и Троаѣна, и ипш мнози, ибо яко то члѣци были сѣтъ старѣйшины: Пероунъ въ Элинѣхъ, а Хорстъ въ Кипрѣ, Троаѣнъ бѣше црѣ въ Римѣ, а друзіе друугде“. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ мѣстномъ приуроченіи боговъ нѣтъ Дыа, можетъ быть, потому, что его слѣдуетъ ближе связать съ Хорсомъ. Сл. въ древне-славянскомъ переводѣ VII слова Григорія Богослова: *Zeusъ и диевъ ꙗрѣбъ*³⁾; Хорсъ Дыа, какъ бы Διὸς Ἀπόλλων?—Сличая оба вышеприведенные отрывка, мы видимъ въ нихъ одно общее обвиненіе противъ боготворенія твари, и въ частности, людей, когда-то жившихъ. Извѣстно, что эвгемеровская гипотеза была принята любовно христіанскими богословами: языческіе боги были въ дѣйствительности смертныя люди, лишь внослѣдствіи возведенныя на Олимпъ: такъ, Перунъ былъ старѣйшиной у Эллиновъ, Хорсъ въ Кипрѣ, Троянъ—царемъ въ Римѣ⁴⁾. Мы едва ли имѣемъ право придавать послѣднему извѣстію больше значенія, чѣмъ первымъ, то-есть, что въ царѣ Троянѣ Откровенія сохранилась дѣйствительная память о томъ, что славянскій богъ Троянъ развился изъ историческаго императора. Почему бы царю Трояну давать большій смыслъ, чѣмъ старѣйшинѣ Перуну? Я, разумѣется, не отрицаю, что случайное воспоминаніе объ императорѣ Троянѣ могло повліять на наименованіе Трояна Откровенія царемъ, а не старѣйшиной.

Но оставляю пока славянскаго бога Трояна, „враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами“ (стр. 101), или же бога свѣтлаго, миѣическій образъ трехсвѣтнаго солн-

¹⁾ См. *Орнзневскаго* Древн. памятники русскаго письма и языка, стр. 205. Иначе въ текстѣ у *Тихонравова*, Пам. Огр. русск. лит., II, 23: то естъѣ и члѣчь омаоната оутрия.

²⁾ Напеч. по рукоп. XVI вѣка, пр. *Тихонравовымъ* въ *Литоп. русск. литер. и древн.*, кн. V, матеріалы, стр. 5—6.

³⁾ *Будиловичъ*, XIII Словъ Григорія Богослова, стр. 214, столб. 3.

⁴⁾ Сл. въ болгарской повѣсти о Троянскихъ дѣяніяхъ названіе Юпитера: „Иантеръ пророкъ“; „волахъ, его же и пророковъ нарицаюу“.

ца, которому молится Ярославна ¹⁾, и спрашиваю: есть ли въ эпитафияхъ Троянъ и т. д., находящихся въ Словѣ, что-либо отъмывающееся миеомъ о богѣ Троянѣ? Мнѣніе, господствующее теперь въ русской наукѣ и поддерживаемое г. Вс. Миллеромъ, отвѣчаетъ утвердительно. Оно основывается на одномъ остроумномъ сближеніи, предложенномъ впервые Ѳ. И. Буслаевымъ: онъ первый привелъ изъ словаря Вука Караджича сербскую сказку, или вѣрнѣе, легенду, приуроченную къ развалинамъ Трояна, выше Дворишта, на горѣ Церѣ, разделяющей Зворникъ и Шабацъ. Эту легенду онъ поставилъ въ соотношеніе съ загадочными эпитетами Слова. Содержаніе мѣстнаго сказанія слѣдующее: Въ городѣ Троянѣ правилъ король Троянъ, который каждую ночь ѣздилъ въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ѣздилъ же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У любовницы Троянъ оставался до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдятъ кормъ, и пока не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ или братъ его любовницы вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ конямъ Трояновымъ песку вмѣсто овса. Не слыша пѣнія пѣтуховъ, Троянъ замѣшкался долѣе обыкновеннаго и на возвратномъ пути былъ застигнутъ солнечнымъ восходомъ. Опасаясь быть растопленнымъ, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна; но подошли коровы, растрепали стогъ, и солнце растопило Трояна (стр. 102—103) ²⁾.

Г. Вс. Миллеръ находитъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ двойное указаніе на этотъ ночной бѣгъ Трояна. Мы видѣли, что рысканье Бояна „въ тропу Трояну“ объясняется метафорой, предполагающею въ ея авторѣ знакомство съ Трояновою легендой: съ тою же быстротою, какъ Троянъ... рыщетъ и воображеніе пѣснотворца Бояна (стр. 107—108). Болѣе того: самая легенда перешла нѣкоторыми чертами въ текстъ Слова, только приуроченная къ другому имени—къ имени Всеслава. Чтобы понять остроумную аргументацію г. Вс. Миллера, необ-

¹⁾ Сл. О. Олюмовскій, Слово о Полку Игоревѣ. Львовъ. 1876, поясн., стр. 39.

²⁾ Ту же легенду слышалъ въ Бессарабіи Гакстгаузенъ (*Haxthausen*, Studien über die inneren Zustände Ruslands, II, 460, прим.). Мѣстнаго приуроченія нѣтъ: по ту сторону Дуная жилъ царь Троянъ, по сю—царица Belaja kajina (бѣлая княгиня). Троянъ любилъ ее и каждый вечеръ отправлялся къ ней, а домой возвращался до восхода солнца. Захотѣлось царицѣ увидать его днемъ; его конь всегда ржалъ до восхода солнца, подавая знакъ, что пора въ путь; царица распорядилась всыпать ему овса на разсвѣтъ, и конь не заржалъ. Когда взошло солнце, и конь и всадникъ исчезли ни въстѣ куда. Гакстгаузенъ видитъ въ этой легендѣ варіантъ къ извѣстной сказкѣ объ Амурѣ и Пенхѣхъ.

ходимо привести цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто Слова (сл. текстъ, стр. 174—175). „Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославѣ и вси внуце Всеслави! уже попизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию, которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи. [На седьмомъ вѣцѣ Трояни] врѣже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣй ключами подирѣся о кони и скочи въ граду Къеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютимъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися снѣгъ мѣглѣ; утрѣ же воззани стривусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣкомъ до Нѣмиги съ Дудутокъ (описаніе битвы на Нѣмигѣ)... Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣкомъ рыскаше: изъ Кіева дорискаше, до куръ, Тмутароканя; великому Хрѣсови вѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣхъ позвонивша заутреню рано у святыя Софѣи въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша“.

Слова, поставленныя мною въ скобки, толкуются изслѣдователями въ различной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ развитіемъ фразы. Гг. Тихонравовъ (читающій: на седьмомъ вѣцѣ Бояни) и Дриновъ (Заселеніе, 78) соединяютъ ихъ съ предыдущимъ: которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трояни. Г. Огоновскій замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ разказъ о Всеславѣ начнется какимъ-то страннымъ ех аргуро: Врѣже Всеславъ жребій и т. д. Съ этимъ нельзя не согласиться; но мнѣ кажется еще болѣе страннымъ, что такой, въ сущности, невидный разказъ начинается такимъ торжественнымъ, по своей притязательности, вступленіемъ, какъ воспоминаніе о седьмомъ вѣкѣ Трояна—въ какомъ бы, впрочемъ, специальномъ смыслѣ мы его ни истолковали. Г. В. Миллеръ обходитъ это затрудненіе, предполагая и здѣсь такой же спай, какой онъ выше допустилъ, говоря о троѣхъ Троянѣхъ. Но если когда-либо талантливый авторъ Слова напоминалъ собою бездарныхъ составителей centoповъ, то именно въ томъ, что ему приписывается по поводу загадочнаго седьмаго вѣка. Если мы вѣрно поняли толкованіе г. В. Миллера (стр. 104), то эпитетъ *Трояни* стоялъ въ болгарскомъ подлинникѣ; остается неяснымъ, пахотило ли при немъ слово *вънѣ* или *седьмой вѣкъ*, или это псевдо-хронологическое приуроченіе принадлежитъ автору Слова. Что слѣдовало далѣе при этомъ эпитетѣ? Не разказъ ли о ночной поѣздкѣ Трояна? Вотъ слова г. В. Миллера: „Авторъ (Слова) восполь-

зовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава, и слѣды подобной спайки, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣкѣ Трояни врьже Всеславъ жребій и дѣвицу себѣ любу“ (стр. 104). Въ связи съ этимъ разказъ о Всеславѣ представляется какъ травестія ночнаго Троянова бѣга: тотъ и другой имѣютъ свою любу: Троянъ мчится къ ней ночью въ Срѣмъ, Всеславъ врьже жребій о дѣвицу себѣ любу и сжавъ коня шенкелями „скочи къ граду“. Троянъ избѣгаетъ солнца (Хорса) и спѣшитъ домой въ городъ Троянъ съ пѣніемъ пѣтуховъ. Всеславъ допытывается до вуръ до Тмоторавани и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу. Сходство между разказами о Всеславѣ и Троянѣ, какъ видно, не исчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнія подъ вліяніемъ его лучей; нѣтъ ничего мненческаго, тѣмъ болѣе, что г. Вс. Миллеръ снялъ съ Всеслава и его волкодлачью натуру, къ которой можно бы привязать мненческое толкованіе; перерыскиванье Хорса, какъ и рысканье волкомъ,—вѣдь поэтическія метафоры. Затѣмъ остается сходнымъ одно: что Всеславъ и Троянъ ѣздить ночью. Что касается любви того и другого, то представляется страннымъ, что метаніе жребія о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посѣщенію любовницы какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора Слова. Контекстъ не даетъ повода связывать мстанія жребія съ „скочи ко граду“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Троянъ посѣщаетъ свою милую въ Срѣмѣ: Всеславъ бросилъ жребій о любимой дѣвицѣ, и припнорязъ коня, подскочилъ къ городу Кіеву „и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго“. Цѣль этого „скочи“ была, стало быть, другая. Г. Огоновскій (поясн., 107) дѣлаетъ попытку соединить эту цѣль съ метаніемъ жребія о дѣвицѣ: дѣвица Всеслава для него—Кіевъ; въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ городъ, добытый богатыремъ, сравнивается не разъ съ дѣвицею:

Ой якъ бы, та й бы на Царівъ город;
Царь ся дивує, хто то воює,
И міщане ходять, все раду радять
Що тому (панаті) за дари дати.
Вывели же йому панну в короні!).

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсн. Малор. народа, I, 15.

Представленіе города женщиною въ средневѣковой поэзіи не рѣдкость, — только малорусская пѣсня не идетъ къ примѣру. Прочитаемъ ее далѣе:

Він панну узав, тай подзінкував,
Подзінкував, й шапочку зняв,
Шапочку зняв, ще й поклонився,
І поклонився і покорився.

или „спасибі сказав“¹⁾). Виѣстъ съ панной ему предлагаютъ мису червонныхъ, коня и саблю. „Нельзя не признать“, замѣчаютъ издатели, — „весьма близкаго сродства текста (этихъ) колядокъ съ разказомъ лѣтописи о походѣ Грековъ князя Святослава Игоревича и о посылкѣ ему различныхъ подарковъ греческимъ царемъ и его боярами“²⁾).

Какъ бы ни истолковали мы загадочное „връже... жребій“, все остальное въ разказѣ о Всеславѣ такъ близко отвѣчаетъ фактамъ его исторической біографіи, что сближеніе его съ легендой о Троянѣ является дѣломъ совершенно ненужнымъ. Проф. Тихонравовъ такъ комментируетъ слова: Всеславъ дотчеся... до Немизи: „Событія жизни Всеслава упомянуты здѣсь не въ хронологической послѣдовательности. Внукъ Изяслава Полоцкаго, Всеславъ ненавидѣлъ внуковъ Ярослава. Въ 1067 году Всеславъ пришелъ въ волости Ярославовыхъ дѣтей и взялъ *Новгородъ* „съ жепами и съ дѣтьми, и колокола сѣма у святни Софін. О велика баше бѣда въ часъ тни! (воскликаетъ новгородскій лѣтописецъ) и попекадила сѣма“. Потомъ, отворивши врата Новгорода, Всеславъ, по выраженію Слова о Полку Игоревѣ, расшибъ славу Ярослава. Но торжество Полоцкаго князя было непродолжительно. Ярославичи (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ) пошли на Всеслава. „И совокупишася обои на Немизѣ (Нѣманъ по объясненію Соловьева и Тихонравова; Немиза, одинъ изъ притоковъ Свислочи у *Оюновскаго*, Полян., 109; въ Минской губерніи, по *Кумику*) и бише снѣгъ великъ, помдоша протину собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и ололѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа“. Ярославичи обманомъ заманили къ себѣ Всеслава и заперли его въ кievской темницѣ. Въ 1068 году Ярославичи были разбиты Половцами; Изяславъ, прибѣжавшій въ Кіевъ, отказался вновь вести Кіевлянъ противъ Полов-

¹⁾ Тамъ же, стр. 17.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

цевъ; тогда народъ освободилъ Всеслава изъ темницы и посадилъ его на столъ кіевскомъ („дотчеся строужіемъ злата стола киевскаго“ (Сл. зам. *Оюновскаю*, Поясн., стр. 108). Но Изяславъ вскорѣ возвратился съ помощью изъ Польши. Всеславъ вышелъ ему на встрѣчу къ *Бѣмороду*; но онъ видѣлъ, что ему нельзя было одолѣть противниковъ и „бывшей ночи, утанся Кіянъ и бѣжа изъ Бѣлагорода къ Полоцку“. Всѣ эти подробности повторяются, въ иномъ порядкѣ, и въ поэтической біографіи Всеслава. Если вѣрно мнѣніе Карамзина (*Оюновск.*, Поясн., стр. 109), что Дудutki — мѣстечко близъ Новгорода, гдѣ и теперь стоитъ монастырь „на Дудуткахъ“, то поэтической безпорядокъ Слова, въ сравненіи съ исторіей, представится еще рельефнѣе: Всеславъ сначала въ Кіевѣ, потомъ бѣжитъ ночью въ Бѣлградъ; потомъ онъ въ Новгородѣ; съ Дудутокъ, близъ Новгорода, онъ является въ Немизѣ. Можетъ быть, авторъ Слова пользовался біографіей Всеслава, какъ матеріалами для характеристики дѣятельнаго, безпкойнаго князя, умнаго, но не удачливаго; до исторической послѣдовательности ему было мало дѣла. Я не говорю о другой возможности, что въ рукописи легко было невнимательному писцу перескочить глазомъ съ одной строки на другую и затѣмъ вспомнить пропускъ позднѣе, хотя и не у мѣста. Я просто попытался допустить эту возможность для себя, восстанавливая послѣдовательность исторіи выраженіями автора Слова. Я вообразилъ себѣ такой, напримѣръ, текстъ:

„Врѣже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу: тѣя князими подпрѣся о кони [и скочи къ Новуграду?], отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ“. Слѣдуетъ поэтической эпизодъ о битвѣ, прерывающей связь разказа (до: костыми русскихъ сыновъ). И скочи ко граду Киеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлграда, обѣсися синѣмъ глѣ (то-есть, скрылся во тмѣ ночи), утрѣ же возни стрікусы (то-есть, снова былъ на конѣ? О стрікусахъ см. *В. Миллера*, стр. 233—234). Всеславъ овладѣлъ городомъ, столомъ Кіевскимъ, темною ночью скрылся съ быстротой волка изъ Бѣлграда. Авторъ въ связи съ этимъ объясняетъ частный случай общимъ замѣчаніемъ: „Всеславъ князь людемъ судаше, княземъ *градмъ рядяше*, а самъ въ ночь *влѣкомъ рыскаше*“. Его быстрота изумительна: онъ „изъ Кіева дорыскаше до куръ Тмуророкава, великому Хорсови путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позволиша заутреню рапо у святги Софси въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ званъ

слыша", то-есть, онъ пускался въ путь, когда звонили въ Полоцкѣ къ заутрени, и еще продолжали звонить, когда онъ былъ уже въ Кіевѣ. Послѣднія двѣ фразы ничто иное, какъ поэтическая метафора.

Можно представить себѣ дѣло такимъ образомъ: переписчикъ дойдя до словъ „подпрѣся о кони“ перескочилъ къ словамъ: „и скочи ко граду Києву“; конь и „сѣочи“ такъ гармонировали, что онъ продолжалъ писать, не замѣчая пропуска. Дойдя до словъ „возни стрикусы“, загадочныхъ и для насъ, попорченныхъ, быть можетъ, уже въ древнемъ текстѣ, онъ перечитываетъ переписанное, и замѣтивъ пропускъ, вписываетъ его (отвори—сыновъ) послѣ слова „стрикусы“, быть можетъ, возстановляя себѣ связь между этимъ словомъ и слѣдующими „вратами Повгорода“, какъ и теперь еще „возни стрикусы“ толкуютъ: ударилъ, загремѣлъ таранами, то-есть, въ стѣны (*Отомоскою*, Поясн., стр. 108); либо *вонзилъ* ихъ, если, принявъ одно изъ исправленій г. Вс. Миллера (стр. 233: *вонзи*), остаться при прежнемъ толкованіи стрикуса—тараномъ.

Но я перейду къ буквѣ Слова, чтобы не удариться, въ свою очередь, въ область предположеній, и поставлю вопросъ: въ разказѣ о Всеславѣ онъ рыщетъ дважды: изъ Вѣлгорода ночью лютымъ звѣремъ (въ Полоцкѣ); изъ Кіева до пѣтуховъ къ Тмуторокани. Какая изъ этихъ поѣздокъ воспроизводитъ Троянову?

На мой взглядъ, къ подобному сопоставленію ничто не ведетъ и ничто его не вызываетъ. Съ одной стороны, являются поѣздки Всеслава, либо историческія, либо обобщенныя метафорическими оборотами, напоминающими міеологию Трояна, но не тождественными съ нею; съ другой — мы въ правѣ были ожидать, что *упоминаніе* Трояновой тропы, если принять толкованіе ея г. Вс. Миллеромъ, вызоветъ и русскую *перелицовку* южно-славянской легенды; а между тѣмъ то и другое далеко раздѣлено въ Словѣ, и единственное обстоятельство, напоминающее въ разказѣ о Всеславѣ имя Трояна, это—загадочное сосѣдство „седьмаго вѣка Трояна“.

Что такое этотъ седьмой вѣкъ Трояна? Г. Вс. Миллеръ (стр. 105) отказывается найти въ этомъ выраженіи какой-бы то ни было смыслъ. „Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки, и можно положительно сказать, что авторъ Слова зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, *не понимая* его, и быть можетъ, даже искаживъ. Эпическое число *семь* показываетъ, что мы не придемъ ни къ какому результату, дѣлая математическія выкладки, отъ какого времени слѣ-

дуетъ считать этотъ седьмой вѣкъ¹⁾. Едва ли можно сомнѣваться, что значеніе числа *семи* въ данномъ случаѣ чисто эпическое; но что же такое Трояновъ вѣкъ и упоминаемые въ другомъ мѣстѣ „вѣчи Трояни“? Этими словами начинается поэтическая вставка въ разказъ о битвѣ съ Половцами: „Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци Олговы“. Олегъ мечомъ крамолу ковалъ, народъ гибнулъ въ княжихъ усобицахъ. „То было въ ты рати и въ ты плѣки — а сицеи рати не слышано“ — и разказъ о битвѣ, прерванный этимъ общимъ мѣстомъ, продолжается. Реторическая связь этого эпизода съ изложеніемъ битвы на Каялѣ состоитъ въ противоположеніи старыхъ ратей — новой; быть можетъ, и невѣрное (въ историческомъ смыслѣ) упоминаніе Каялы, откуда Святополкъ „повелѣ яти“¹⁾ дѣло отца своего, назначено освѣжить въ насъ память о настоящемъ сюжетѣ Слова, отъ котораго оно отвлеклось въ сторону. Если согласиться, что главная идея разбираемаго эпизода есть реторическое противопоставленіе старыхъ и новыхъ, болѣе ужасныхъ ратей, то вступленіе о вѣкахъ Трояновыхъ и лѣтахъ Ярославлихъ представится намъ какъ чисто поэтическое, въ которомъ не слѣдуетъ искать особаго смысла. Можно допустить, что авторъ играетъ противопоставленіями и къ существенному, указанному выше, присоединяетъ новое: старымъ и новымъ ратамъ противопоставляетъ мирные вѣка и годы Трояна и Ярослава. Если возможно такое толкованіе, то нельзя не согласиться, что оно вноситъ въ контекстъ Слова излишнее искусственный оборотъ: въ разказѣ о битвѣ какъ-то странно начинать эпизодическую вставку воспоминаніемъ о мирѣ, когда самая суть эпизода состоитъ въ разказѣ о браняхъ. Я понимаю это мѣсто такъ: Были невзгоды и въ вѣкахъ Троянихъ, и въ лѣта Ярославля и Олега Святославича, по такой, какъ теперь, рати не бывало. По толкованію г. Огоновскаго, (Поясн., 60 и 107) вѣка Трояна именно счастливые; правда, онъ понимаетъ подъ Трояномъ солнечнаго бога, поражающаго демоновъ тьмы. Для г. Вс. Миллера опъ — существо темное, выработанное суевѣріемъ славянской Дакіи изъ историческаго императора. Надо полагать, что упоминаніе о Трояновыхъ вѣкахъ относится болѣе къ историческому дѣятелю, чѣмъ къ мрачному всаднику славянскаго преданія; иначе дѣло не мыслимо. Теперь спрашивается: былъ ли вѣкъ Трояна счастливымъ вѣкомъ для Славянъ? Или, устранивъ

¹⁾ Такъ исправляетъ текстъ г. Вс. Миллеръ, стр. 207; сл. *Огоновскаго*, Поясн., 65.

толкованіе г. Огоновскаго, можно ли представить себѣ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на Дакійскихъ Славянъ столкновіемъ ихъ съ Трояномъ, дало такой осадокъ въ ихъ памяти, что они стали говорить о „Трояновомъ вѣкѣ“ или даже вѣкахъ? Наконецъ, какъ уяснить себѣ міросозерцаніе болгарскаго книжника, говорящаго и о Троянскихъ вѣкахъ—что понятно лишь при трезвомъ историческомъ ихъ исчисленіи, — и о рысканіи по легендарной „Трояновой тропѣ“? Я говорю о болгарскомъ книжникѣ, потому что на этотъ разъ придется допустить, что принадлежать ему указаніи на Трояна и что онъ не нашелъ ихъ въ оригиналѣ своего Византіица, не имѣвшаго особаго повода коминать Трояна. Что касается автора Слова, то гипотеза г. Миллера указала ему его роль въ переходѣ Трояновыхъ вѣковъ изъ болгарской книги въ русскую: онъ плохо понималъ, что такое эти вѣка; онъ помѣстилъ ихъ въ свой текстъ, какъ бы для того чтобы руководить насъ въ отысканіи тѣхъ спавъ, гдѣ скрываютъ слѣды его литературнаго плагиата. „Вѣчи Трояни“—такой же слѣдъ спавъ, какъ и седьмой вѣкъ Трояновъ, о которомъ была рѣчь.

Мнѣ остается сказать еще объ одномъ спавѣ—въ описаніи той же битвы на Камѣ: Половцы побѣдили, Игорь съ братомъ попадаютъ въ плѣнъ. Вся природа сочувствуетъ бѣдствию; авторъ говоритъ отъ себя: „Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обидѣ въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояну, всплескала лебедьними крылы на синѣхъ морѣхъ у Дону плещучи“. Битва происходитъ на Камѣ, впадающей въ Донъ (имѣѣ Кагальникъ); Обида плещется у Дона на синехъ морѣхъ, то-есть, на Азовскомъ или Сурожскомъ; здѣсь и земля Трояни. Какая это земли Трояни на Дону? Ес, разумѣется, никогда не было; мы дошли до спавъ: авторъ нашелъ ее, какъ и многое другое, въ своемъ источникѣ: „Если онъ въ поясненіе земли Трояновой прибавилъ отъ себя „у Дону“, то поступилъ въ этомъ случаѣ также, какъ въ другихъ подобныхъ, и мы, конечно, не станемъ искать этой сказочной земли около устья Дона въ Азовское море“ (стр. 98). Надо сознаться, что, перенося въ свое Слово подробности болгарскаго памятника, авторъ особенно заинтересовался Трояномъ и всякій разъ не-счастливио: упомянувъ Троянову трону, онъ воспользовался соотвѣствующею легендой въ другомъ мѣстѣ, заставилъ насъ, да вѣроятно—и современниковъ, спрашивать себя, почему седьмой вѣкъ Трояна важенъ для біографіи Всеслава? Въ другой разъ Трояновы вѣка поставлены о бою съ Ярославовымъ; наконецъ, Троянова земля попала

на Донъ. Все это изъ какой-то платонической привязанности къ этому „Троянъ“. Талантливому автору Слова какъ-то не къ лицу обвиненіе въ столь безталанннхъ снахъ. Если гипотеза о зависимости Слова отъ одного какого-нибудь болгарскаго оригинала имѣетъ вообще возбудить сомнѣніе, то исторія зингета *Троянъ* должна возбудить ихъ наиболѣе.

То, что я выставилъ противъ Трояновской гипотезы, было сказано мною въ немногихъ словахъ во вступительной рѣчи къ моему докторскому диспуту. Обставить эту гипотезу болѣе вѣскими доказательствами я не могу, но въ вопросахъ, поднимаемыхъ Словами, многое еще остается во мракѣ, и предположенія должны очистить путь къ свѣту.

Прилагательное притяжательное Троянъ предполагаетъ сущ. Троянъ, то-есть, какъ думаютъ обыкновенно, Траяну; царство Трояно = regnum Trojani въ Прологѣ 1400 г. (Палеограф. Снѣжки ец. *Савоси*, № 34). Отъ „Троя“ возможны лишь формы: Тройскъ, Троянскій; Троянинъ ии. Трояне. Аналогін: крѣстьянъ, христѣанъ, christianus, поганъ, раданъ, вѣдутъ меня къ предположенію формы Троянъ = trojanus, припятый въ значеніи эпонимическомъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ какъ роста, heros, liber trajanus и т. п., и затѣмъ обобщенномъ въ собственное имя ¹⁾, отъ котораго уже можно вывести прилаг. троянъ. Вѣки Трояни были бы вѣками „Трояна“, Троянскихъ дѣній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на византийско-славянскомъ югѣ, и на западѣ; пѣснотворецъ Троянъ, если предположить такое сочетаніе, былъ бы поетомъ троянской славы, троянскихъ дѣтелей. Источникомъ разказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у такъ называемыхъ Дяктиса и Дарета. Текстъ перваго сохранился лишь въ латинскомъ пересказѣ, но существованіе его греческаго оригинала несомнѣнно; его цитуютъ Сиріанъ, Симда, Евдокія и анонимъ Аллаци; ихъ пользовались Малала и Кедринъ, Исаакъ Порфирородный и Теццесъ; въ Византіи онъ долженъ былъ быть популярнымъ: онъ называетъ себя Грекомъ съ острова Крита, сопровождавшимъ подъ стѣны

¹⁾ Въ одной юридической компиляціи XII вѣка, въ главѣ, заглавленной *Origo Francorum*, сообщается генеалогическая записка: *Frīgus... quidam cognatum Priami regis asserpit, unde fuit Trojmus qui genuit Cassandram, Cassandra Ascanium, Ascanius Ilium, Ilius Frīgum, Frīgus Francum et Basum, unde et Franci appellati sunt.* См. *G. Paris, Historia Daretis Frigii de origine Francorum ex Romanis*, X, 136. Я склоненъ видѣть въ непонятномъ Trojmus описку изъ Trojanus.

Трои Идоменел; онъ возвеличиваетъ греческихъ героевъ передъ варварами Троянцами, которые ругаются надъ трупами враговъ, тогда какъ, напримѣръ, Греки обходятся почтительно съ женами побѣжденныхъ. Другое дѣло—Даретъ: онъ—Троянецъ родомъ, сражавшійся противъ Грековъ и оставшійся въ Троѣ послѣ взятія города, вмѣстѣ съ партіей Антенора; освѣщеніе эпического разказа выходитъ у него противоположное Диктису. Опъ, въ извѣстномъ смыслѣ, пѣснотворецъ Троянъ. Не касаясь вопроса, въ какомъ отношеніи стоитъ единственно извѣстный нынѣ латинскій текстъ его повѣсти къ греческому его подлиннику, о которомъ говорятъ ея авторъ, замѣчу только, что какъ Диктисъ долженъ былъ прійдись по сердцу Византійцамъ, такъ Даретъ Троянецъ сталъ главнымъ источникомъ западныхъ троянскихъ повѣстей. Особныя причины поддерживали его популярность. Извѣстно, что литературная басня о троянскомъ происхожденіи ново-европейскихъ народностей имѣла въ средніе вѣка довольно широкое распространеніе. Поддерживалась она самолюбивымъ желаніемъ пристроиться къ культурнымъ преданіямъ Рима, восходившимъ къ Энею и Троѣ; воспиталась, быть можетъ, и сознаніемъ противоположности Византійцевъ и Романцевъ, встрѣчавшихся когда-то враждебно, какъ Греки и Трояне. Византійцы, съ своей стороны, могли разрабатывать то же литературно-историческое преданіе, усматривая въ народахъ варварахъ, съ которыми имъ приходилось вести борьбу, отъ которыхъ имъ грозила опасность, потомковъ варваровъ Троянцевъ ¹⁾. Я полагаю, что извѣстіе о троянскомъ происхожденіи Франковъ, въ родѣ Фредегарова, покоится на византійскихъ представленіяхъ и, можетъ быть, на византійскомъ источникѣ: Франки, городъ Сикамбрія въ Панноніи, поселеніе на Рейнѣ и т. п. обличаютъ руку западнаго пересказчика; но зачѣмъ было ему придумывать (Царике, Лютгенъ) долгія блужданія Троянцевъ въ Македонію и на Дунай? Вѣрнѣе предположить, что все это находилось уже въ какой-нибудь византійской исторической сказкѣ, которую какой-то интерполаторъ внесъ въ латинскій переводъ хроники Евсевія, сдѣланный Иеронимомъ. Оттуда она пошла и въ извлеченія изъ хроники, приписанныя такъ называемому Фредегару Схоластику (послѣ 658 г.), который воспользовался

¹⁾ Въ этомъ отношеніи интересна надпись надъ миниатюрой на л. 63 ватиканской рукописи, содержащей въ себѣ болгарскую повѣсть о троянскихъ дѣяніяхъ; надъ конными воинами надпись: *сарацине рать Троя града (Востоковъ, Оп. русск. и слав. рип. Рум. муз., стр. 388).*

ею и въ другой разъ, внеся ее въ существенно тѣхъ же чертахъ, но въ болѣе краткой и обработанной формѣ, въ свои экскерпты изъ лѣтописи Григорія Турскаго. Въ слѣдующей передачѣ я соединилъ обѣ редакціи.

Первымъ королемъ Франковъ былъ Пріамъ; при немъ, по взятіи Трои, Троянскій народъ выселился изъ города. При королѣ Фригѣ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву Македонскаго короля, котораго тѣснили сосѣди. Въ благодарность за оказанныя услуги они получили осядлость въ Македоніи, и еще подвиги Филиппа и Александра Великаго продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ Троянъ, смѣшавшихся съ Македонянами. Между тѣмъ главная часть Троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, Фригійцами, потянулась по Азіи и сѣла, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ короля Франсіо въ страну между Рейномъ и Океаномъ и назвалась Франками; другая осталась на берегахъ Дуная между Фракіей и Океаномъ и получила, отъ имени короля Turchoth или Torquoth, названіе Turci или Torqui ¹⁾.

Замѣтимъ во второмъ пересказѣ Фредегара, внесенномъ въ извлеченіе изъ Григорія Турскаго, новую подробность: Франки, прибывшіе на Рейнъ, принялись строить, не далеко отъ рѣки, „*civitatem ad instar Trojae nominis*“. Это, очевидно, книжный домыселъ Фредегара: *colonia Trajana* на Рейнѣ истолкована троянскою колоніей въ связи съ троянскимъ происхожденіемъ Франковъ.

Нѣсколько иначе передаетъ ту же легенду анонимный составитель „*Gesta regum Francorum*“, около 725 года: Въ Троѣ царствовалъ Эней; по взятіи города Греками, онъ бѣжалъ въ Италію; въ то же время Пріамъ и Ахеноръ съ 12 тысячами человекъ, оставшихся въ живыхъ отъ пораженія, способныхъ носить оружіе, на корабляхъ отправились къ берегамъ Дона и по Азовскому морю прибыли въ сосѣднюю Паннонію, гдѣ ими построенъ городъ Сякамбрія. Когда Алапе возстали противъ императора Валентиніана, и перешедши Дунай, искали спасенія у Азовскаго моря, императоръ общалъ освободить отъ податей тѣхъ, кто выслѣдитъ ихъ и побѣдитъ. Трояне

¹⁾ Tertiam ex eadem origine gentem Torcorum fuisse fama confirmat: ut eum Franci Asiam pervagantes pluribus praeliis transissent, ingredientes Europam, super litore Danuvii fluminis inter Oceanum et Thraciam una ex eis ibidem pags regebat. Electum a se utique regem, nomen Torquoto, per quod gens Turcorum nomen accepit.

побѣждаютъ враговъ, отчего и названы Франками, *feros*, за ихъ храбрость. Когда въ послѣдствіи явился къ нимъ, не смотря на дарованную льготу, сборщикъ податей, Франки обращаютъ въ бѣгство императорскаго полководца, теряютъ въ битвѣ короля своего Пріама ¹⁾, и не вида возможности противостоять Римлянамъ, выселяются изъ своихъ осѣдлостей въ области Рейна ²⁾.

Дальнѣйшее развитіе франко-троянскаго повѣрья въ Европѣ завело бы меня слишкомъ далеко. Остановлюсь на одномъ эпизодѣ. Въ X вѣкѣ одинъ изъ выдающихся героевъ народной германской саги, Hagen, названъ троянороднымъ: *Haiano veniens de germine Troie*; онъ—служилый человекъ паннонскаго Аттилы, прежде чѣмъ перейти въ легенду о Нибелунгахъ. Въ XI вѣкѣ встрѣчаются для Santen'a, города на нижнемъ Рейнѣ, названія: *Troia Francorum*, *Sancta Troia*, *Troia quod et Santum dicitur*; его приурочиваютъ къ мѣсту легендарнаго троянскаго сооруженія. Позднѣ названія Hagen von Troien, von Troy чередуются съ другими: Hagen von Tronje, Tronsge; тѣ и другія несомнѣнно тождественны. Гасетъ въ шмидц-

¹⁾ Съ этимъ воинственнымъ Пріамомъ сл. выраженіе Дарета: *ex utraque parte multi ductores occiduntur, sed plures a Priamo*. Въ полномъ, нынѣ утраченномъ, текстѣ Дарета, эта воинственный (не гомеровскан) роль Пріама могла быть поставлена рельефнѣе.

²⁾ *Est autem in Asia oppidum Trojanorum, ubi est civitas quae Ilium dicitur, ubi regnavit Aeneas.... Surrexerunt autem reges Graecorum adversus Aeneam cum multo exercitu, pugnaveruntque contra eum caedo magna, obruiturque illic multus populus Trojanorum. Fugit itaque Aeneas et reclusit se in civitate Ilium, pugnaveruntque adversus hanc civitatem annis decem. Ipsa enim civitate subacta, fugit Aeneas tyrannus in Italia locare gentes ad pugnandum. Alii quoque ex principibus, Priamus videlicet et Auteuor, cum reliquo exercitu Trojanorum, duodecim millia intrantes in navibus, abscesserunt et venerunt usque ripas Tanais fluminis. Ingressi Maeotidas paludes, navigantes pervenerunt intra terminos Pannoniarum juxta Maeotidas paludes et coeperunt aedificare civitatem ob memoriale eorum, appellaveruntque eam Sicambriam. Habitaveruntque illic annis multis, creveruntque in gentem magnam.—Eo itidem tempore gens Alauorum prava ac pessima rebellaverunt contra Valentinianum imperatorem Romanorum ac gentium. Tunc ille exercitum movit, hostem magnum de Roma contra eos perrexit, pugnam iniit superavitque eos atque devicit. Illi itaque caesi super Danubium fluvium fugerunt et intraverunt in Maeotidas paludes. Dixit autem imperator: Quicumque potuerit introire in paludes istas et gentem illam pravam egerit, concedam eis tributa douaria annis decem. Tunc congregati Troiani fecerunt insidias sicut erant edocti ac cogniti: et ingressi in Maeotidas paludes cum alio populo Romanorum egerunt inde Alanos percusseruntque eos ore gladii. Tunc appellavit eos Valentinianus imperator Fraucos, Attica lingua, hoc est feros, a duricia vel audacia cordis eorum и т. д.*

кихъ поэмѣхъ—злѣбный демоническій герой; Тридрекъ-сага, почерпавшая изъ тѣхъ же нѣмецкихъ источниковъ, даетъ ему въ отцы темнаго эльфа; онъ и самъ пугается своего зловѣщаго вида. Я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ этому типу Гагена наименованіе его: изъ Троя. Замѣчу во всякомъ случаѣ средневѣковое повѣрье о Троѣ, какъ городѣ запустѣломъ, оставленномъ Богомъ, жилищъ гадовъ и демоновъ: „Таможъ было превелико Троянское царство; зломеракогожъ ради волхвованія разворися попущеніемъ божіа чюдодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдъ тамо нѣсть жилища чловѣкомъ, но дивіе явѣріе и зміевѣ тамо помирають“¹⁾

Кто пожелалъ бы вернуться отъ этого Гагена-Трояна къ Трояну болгарскихъ сказаній, тотъ нашелъ бы въ послѣднемъ натуру почернаго эльфа. Г. Буслаевъ недаромъ сравниваетъ съ легендой о его побѣдѣ то, что пѣсня древней Эдды разказываетъ объ карликахъ Alvis: то же блужданіе ночью и такое же мертвящее дѣйствіе солнца (Очерки, I, 387). Какъ нѣмецкіе эльфы, Троянъ обладаетъ несмѣтными сокровищами; такъ, въ болгарской пѣснѣ о жителяхъ города Трояна или Троема, о которомъ была рѣчь выше: они не вѣрують въ Іисуса Христа, а вѣрують въ золото и серебро. Богъ наказалъ ихъ за это: вѣсто воды въ ихъ водоемахъ протекло жженое золото и чистое серебро; и всякую утварь подѣлали себѣ жители изъ золота и серебра и па себѣ, и па копахъ; всѣ парядились въ золото и серебро; только не было у нихъ воды, нечего было имъ пить,²⁾. Тутъ-то является спаситель св. Георгій.

Сходство этой пѣсни съ разказомъ о Мидасѣ, все обращавшемъ въ золото, къ чему онъ ни прикасался, тѣмъ интереснѣе, что сербская сказка о Троянѣ и его козыхъ ушахъ является параллельно къ такому же преданію объ ослиныхъ ушахъ Фригійскаго царя, на что указалъ и профессоръ Буслаевъ (ib., 386). Замѣчу, что болгарская пѣсня записана въ Македоніи, гдѣ издревле приуроченъ былъ разказъ о розовомъ цвѣтникѣ у Бермія, въ которомъ Мидасъ опонялъ Сидена (Herod., VIII, 138)—разказъ, извѣстный и на родинѣ

¹⁾ *Тизонравоевъ въ Лѣт. русск. лит. и дрес.*, т. I: Луццаріусъ, вставка въ позднѣеи списокъ за слѣдующими словами древниго: Тамоме близъ прилежитъ Фригія нѣже стоитъ великій градъ Троянъ. См. стр. 50 и 40, прим. 2. См. характеристику Трояна города и Троянскаго царства въ болгарскихъ пѣсняхъ.

²⁾ Очерки I 389 и Миллидиновъ, Булг. народ. пѣсни: Свети Георги, стр. 28—32, и стр. 38—41.

Мидаса, во Фригіи (Пауз., I, 4, 5), и вѣроятно, переселившійся отсюда вмѣстѣ съ Фригійскимъ населеніемъ въ Македонію ¹⁾.

Но я оставляю Трояна-Мидаса, равно какъ и вопросъ объ источникахъ Фредегарова повѣствованія, также говорящаго о переселеніи Троянъ-Фригійцевъ въ Македонію. Легендарный Троянъ какъ-то не укладывается въ мое пониманіе Слова о Полку Игоревѣ; Фригійцы-Трояне въ Македоніи мнѣ не важны въ данномъ случаѣ.

Обращусь къ другимъ подробностямъ Фредегара и анонимаго писателя *Gesta Francorum*: первый находятъ Троянцевъ-Торковъ или Турковъ на берегахъ Дуная; послѣдній заставлятъ нѣкъ пребы-вать нѣкоторое время у устьевъ Дона. Торки-Турки перваго свидѣ-тельства названы такъ по имени своего короля *Turchot* или *Turquot*—который является такимъ же эпонимомъ, какъ предположенный, нами Троянъ ²⁾. О Туркахъ Византійцы услышали не раньше 562 года; въ 576 Туркскій хаганъ Турксантъ осаждалъ Керчь и Херсонъ. Подъ донскими и дунайскими Торками-Троянами раз-умѣются азовскіе Тюрки, родственные дунайскимъ Хагано-Болгарамъ; разбросаннымъ остаткомъ этой нѣкогда значительной Тюркской орды, по видимому, были также Торки или Торцы, которые подъ этимъ на-званіемъ часто являются въ русскихъ лѣтописяхъ со времени Вла-диміра Великаго и въ походахъ великихъ князей перѣдко составляли ихъ конницу ³⁾. Въ Словѣ они являются въ формѣ *тлъковины*: „Сы-пахуть ми тыщами тулы поганыхъ Тлъковинъ“, то-есть, Торковъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 907 г. они находятся въ войскѣ Олега: „Пою же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поланы, и Сѣверы, и Вятичи, и Хар-ваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть Толковины: си [вси] заваху си отъ Грекъ Великая Скуѣ“ ⁴⁾.

¹⁾ См. между прочимъ мой отчетъ о книгѣ *Роде* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., № 12.

²⁾ *Turci*, *Torci* (и *Turquot*) несомнѣнно сближены были съ *Turchi*, какъ *Frigit* съ *Phryges* Виргилія; та и другіе являются у него въ значеніи Троянцевъ.

³⁾ См. замѣтку ак. Куника, въ *Каспій ак. Дорна*, стр. 386, прим.

⁴⁾ О Тиверцахъ Повѣсть временныхъ лѣтъ говоритъ четыре раза: Тиверци и Лутичи (Улутчи) «сѣдяху по Днѣстру и по Буу, присѣдаху къ Дунаеву; бя множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру оны до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся заваху отъ Грекъ Великая Скуѣ».—Въ 885 г. Олегъ «имаше рать» съ ними; въ 907 г. они поминуются въ войскѣ Олега, въ 914 г. въ войскѣ Игоря. Послѣ этого года они исчезаютъ изъ исторіи. Вѣроятно, напавъ кочевниковъ заставилъ ихъ отодвинуться *вверхъ по Днѣстру и северными Дунайскими при-токами* (*Барсовъ*, Географія начальной лѣтописи, стр. 87); появленіе Половцевъ

Авторъ Слова, знавшій объ Азовскихъ Готахъ („готскія красныя дѣвы“), зналъ и объ Азовскихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая сказка въ родѣ той, которую приурочили къ своимъ Франкамъ Фредегаръ и *Gesta Francorum*; тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ Тюрхота на Дону являлась у него землей Троянскою. Память о Троянской землѣ на Дону—если понимать еѣ въ моемъ смыслѣ—трудно представить себѣ у болгарскаго книжника. Если такъ, то и за упоминаніемъ вѣковъ и неопредѣленнаго эпическаго седьмаго вѣка Трояна не зачѣмъ было автору Слова обращаться къ тому же источнику. Если Троянова земля могла у него явиться вслѣдствіе самостоятельнаго знакомства съ какимъ-нибудь средневѣковымъ троянскимъ сказаніемъ, то оттуда же вытекло общее мѣсто о трояповыхъ вѣкахъ, понимать-ли его въ болѣе широкомъ смыслѣ троянскихъ событій, или въ болѣе специальномъ и мѣстномъ, приурочившемъ Троянъ-Тюрковъ на Дону.

Предположимъ по прежнему, что типъ вѣщаго пѣвца Бояна встрѣченъ авторомъ въ томъ же самомъ болгарскомъ памятникѣ. Онъ увлекся образомъ пѣвца-художника, брицающаго на струнахъ, чуткаго къ славѣ прошлаго и настоящаго; и здѣсь легко представить себѣ по аналогіи, что „тропа Трояна“ подсказана Бояну авторомъ Слова. Онъ говоритъ ему: какъ бы ты воспѣлъ подвиги Игоря, свивая славы (вм. славю) оба поля сего времени, „рища въ тропу Трояну черезъ поля на горы?“ Ты воспѣлъ бы такую пѣснь: „Погреви, того внуку: Не боура соколы“ и т. д. Противопологаются обѣ поля сего времени, которыя надо свить: поэтъ соединилъ бы воображеніемъ „рища въ тропу Трояну“, древніе подвиги съ разказомъ о

на западѣ отъ Днѣстра въ XI в. нанесло сильный ударъ нхъ кочевымъ предшественникамъ, Тюркамъ, Венедѣямъ, Коулямъ, часть которыхъ предпочла вѣдать Русскихъ князей подчиненію Половцамъ. Занимая все Поросье и вершины *Лобужы*, они мало по малу привыкли къ осѣлости и къ городской жизни, и въ нхъ городахъ, замыкавшихъ Киевское княжество съ юга, русское населеніе получило твердый оплотъ со стороны степей (I. с., стр. 117—118). Такимъ образомъ Турки оказываются въ XI в. сидящими на старыхъ осѣлостяхъ Тиверцевъ; это можетъ отчасти объяснить названіе нхъ, заднимъ числомъ, *толковниками* (толковникъ, торховникъ=Турки; сл. Жидовникъ). Эпитетъ поганыхъ тѣлковникъ въ Слогѣ о Полку Игоревѣ отглаголетъ такому же названію Торковъ въ лѣтописи: поганые (1060 г.), Торки проклятыя (1125 г.) Если Тиверцы=Тавры, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, то отождествленіе нхъ съ толковниками можетъ имѣть и нѣсколько иное значеніе. Пров. Васильевскій сообщалъ мнѣ лично свое особое мнѣніе о лѣтописныхъ Тиверцахъ, которое онъ, вѣроятно, посвѣтитъ изложити въ печати.

новыхъ: память о Троянѣ на Дону съ разказомъ объ Игорѣ, которому любо „испити шелокомъ Дону“. Игорь зовется „внукомъ“ этого Трояна въ томъ же смыслѣ, въ какомъ въ троянско-франкскихъ генеалогіяхъ Фарамундъ является внукомъ Пріама; если выѣсть съ тѣмъ толковины-Торки названы у него погаными, то въ этомъ кажущемся противорѣчіи отразилось не примиренное разногласіе источниковъ Слова — книжнаго преданія о Торхотѣ-Троянѣ, внукомъ, нслѣдникомъ котораго являлся Русскій князь, и современной дѣйствительности, знавшей только о поганныхъ Толковинахъ. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ дѣло съ псевдоисторическою, а не съ мнѣической родословною, какъ думаетъ г. Вс. Миллеръ, ставя внука Трояна въ параллель съ внукомъ Дажбога и того и другаго вывода изъ болгарскаго источника (стр. 108—109).

Гипотеза о существованіи подобнаго источника основывается главнымъ образомъ на Троянѣ или на тѣхъ пазахъ и слѣдахъ спайки, которые авторъ Слова оставилъ въ своемъ произведеніи: вспомнимъ, какъ объясняетъ г. Вс. Миллеръ появленіе трояновыхъ вѣковъ—при Всеславѣ и Трояновой земли—на Дону. Если принять мое пониманіе всего троянскаго, что только упоминается въ Словѣ, то предположенія о различныхъ спайкахъ падутъ сами собою, и мнѣологическій элементъ въ Словѣ поуменичится. Затѣмъ все остальное, что можно сказать о стилистическихъ болгаризмахъ Слова, нисколько не ведетъ къ предположенію одного какого-нибудь болгарскаго источника, а говоритъ вообще о болгарско-византійской начитанности автора Слова. Въ доступной ему свѣтской литературѣ онъ могъ познакомиться съ терминами Дажбожа внука, Стрибожа внука и внука Велеса; они сложились въ его памяти, какъ поэтическія формулы; принимаясь за свое Слово, онъ пускаетъ ихъ въ ходъ какъ украшенія; изъ общаго чтенія онъ вынесъ о нихъ понятіе, какъ объ эпитетахъ украшающихъ, поднимающихъ рѣчь на извѣстную риторическую высоту. Гораздо труднѣе предположить, что всѣхъ этихъ Дажебожыхъ и Велесовыхъ внуковъ онъ нашелъ вкупѣ въ одномъ какомъ-нибудь болгарскомъ оригиналѣ, изъ котораго заимствовалъ готовую риторическую рамку, чтобы вставить въ нее мѣстное, русское содержаніе. Мы ожидали-бы въ такомъ случаѣ болѣшихъ признаковъ спайки; но ихъ нѣтъ,—а о спайкахъ „троянскихъ“ мы уже говорили. Вообще допущеніе такого рода литературнаго приѣма не укладывается въ пониманіе автора Слова, человека высоко-талантливаго, по признанію г. Вс. Миллера. Надо выбрать одно изъ двухъ: или авторъ Слова спаивалъ отрывки

болгарской книги съ своимъ собственнымъ замышленіемъ, или же, работая надъ нимъ, онъ „невольно черпаетъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасъ его памяти“, и ставшіе для него своими и родными (стр. 64). Изъ двухъ положеній я выбираю послѣднее, но оно ведетъ не къ одному болгарскому оригиналу, а къ памяти о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ.

То же широкое мірское чтеніе, знакомство съ византійскими и славянскими повѣстями опредѣлило нѣсколько кудреватый, вымысленный слогъ, который заставилъ К. Аксакова предположить въ авторѣ Слова иностранца, быть можетъ, Грека, знавшаго еще прежде церковно-славянскій языкъ и въ Россіи научившагося русскому. Если г. Вс. Миллеръ ставитъ въ параллель Слову поэму о Дигенисѣ¹⁾, находя между ними связь стили и выраженій, то г. Е. Барсовъ¹⁾ дѣлаетъ не менѣе интересныя сближенія Слова съ славянскимъ переводомъ повѣсти Іосифа Флавія „о полоненіи Іерусалима“ и съ отрывками Ефрема Сирина. Сравненія переходятъ такимъ образомъ за границу свѣтской литературы — въ духовную. Въ той и другой авторъ Слова могъ найти подходящій матеріалъ, составить себѣ понятіе о риторическихъ красотахъ *схордиум*'а и замислить свой собственный. Г. Вс. Миллеръ указываетъ, вслѣдъ за г. Бицинымъ, на интересный параллель — въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго: „Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописцы и пѣснотворци прикладываютъ своя слухы въ бывшая межю цари рати и вѣгълченія да украсятъ словесы и т. д. . . колыма паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити“ и т. д. (стр. 62, прим.). Нельзя не пожелать, чтобы будущіе изслѣдователи стили Слова о Полку Игоревѣ обратили богатство своихъ сравненій на болѣе существенную его сторону: на выраженіе отвлеченныхъ понятій и ихъ переходъ къ аллегорическому образу: замышленіе, мысль—и мысленное древо; обида—и ея олицетвореніе; бѣда, нужда, которыя въ церковно-славянскомъ переводѣ Словъ Григорія Богослова переводятся тѣми же словами: *βία* и *ἀνάγκη*; силы, жизнь Дажьбожа внука, жизнь Всеслава, отвѣчающія плеонастическому употребленію греч. *ἰς, βίη, θένος* *Γ'δομενῆος*.

То же разнообразное чтеніе могло, наконецъ, познакомить автора Слова съ образомъ поэта художника, и онъ создалъ своего Бояна,

¹⁾ Е. Барсовъ, Критич. Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г., октябрь, стр. 109—113. См. также мнѣніе Каченовскаго у А. Смирнова, О Словѣ о Полку Игоревѣ — въ Филологич. Записк. 1876 г., I, стр. 51—52.

бряцающаго на живыхъ струнахъ, какъ въ Словѣ о пророцѣхъ Давидъ накладываетъ „многосочитая персты на живыя струны“¹⁾. Боянъ можетъ быть на столько же личнымъ созданиемъ автора Слова, на сколько приуроченіемъ поэтическаго (не кудеснаго) типа, найденнаго въ болгарской книгѣ. Есть и русское имя Боянъ (стр. 129, прим. 2); затрудненія, представляемыя текстомъ Слова, въ которомъ этому Бояну приписываются пѣсни Русскимъ князьямъ, останутся тѣ же: болгарскому Бояну воспѣвать ихъ было также трудно, какъ и Бояну, созданному воображеніемъ художника.

Мы видѣли, что автору Слова были знакомы тропскія сказанія, и что онъ счумѣлъ приурочить ихъ къ своему сюжету, къ своей землѣ, какъ, наоборотъ, пользовался народными мотивами, какъ средствами стилистическаго украшенія. Эти народные мотивы слышатся не въ одномъ плачѣ Ярославни; они чувствуются во всемъ Словѣ; народный образъ шелъ на встрѣчу риторическому олицетворенію, и обѣ струи соединились въ образахъ Обиды, Нужды, Пустыни.

Г. Вс. Миллеръ, предлагающій нѣсколько остроумныхъ исправленій въ текстѣ Слова (сл. напр. объясненія: влѣци грозу *въсрожатъ* 197—198; заря свѣтъ запала, стр. 198—199; жля=жели, стр. 211—112: поправка сдѣланная Эрбеномъ; сл. *ib.*, стр. 213, другую поправку проф. Тихонравова: жлу вм. лжу убуди; клюками, стр. 231—233: эмендація, предложенная уже Вельтманомъ; друзѣ тѣлѣ, стр. 235) ищетъ въ его языкѣ слѣдовъ болгарщины [Хръсъ, стр. 83; одѣвахте, стр. 216; потрепати, стр. 212—213; самъ авторъ ставитъ вопросительный знакъ при этомъ предполагаемомъ „болгарскомъ выраженіи“, которое сопоставляетъ съ сербскимъ трпати; стр. 230: утрпѣ (солнцу свѣтъ) связывается съ сербск. утр(п)нути=гасить и ставится вопросъ: не употреблялся ли и въдревне-болгарскомъ глаголъ оутрѣ(п)пати и съ тѣмъ же значеніемъ?] Еслибы эти слѣды оказались, они, разумѣется, столько же бы говорили въ пользу одного болгарскаго оригинала, какъ и въ пользу многихъ такихъ же оригиналовъ, т. е., въ пользу общаго характера чтеній автора Слова. Но болгаризмовъ нашлось такъ мало, что о нихъ не стоило бы и говорить. Между тѣмъ языкъ памятника, сохранившагося, по показанію г. Малиновскаго и мнѣнію гг. Тихонравова, Вуслаева, Е. Барсова и Вс. Миллера, въ рукописи XVI вѣка,—архаичный, такъ что трудно допустить, что между копией и оригиналомъ существовало много другихъ посредствующихъ копій, которыя,

¹⁾ Тихонравовъ, въ изд. Слова о Полку Игоревѣ, стр. 26—27.

стеревъ признаки болгарщины, оставили языкъ существенно не тронутымъ. Можно предположить, по характеру сохранившагося текста Слова, что переписчикъ XVI вѣка работалъ непосредственно надъ псалма древнею рукописью, которую плохо разбиралъ и потому искажалъ. Отсутствие тѣсной связи между Словомъ и современною ему и послѣдующею литературой, показываетъ, что оно было не популярно—стало быть, мало и переписывалось. Слово не опредѣлило школы, направления; характеръ подражаній Слову, на примѣръ, въ Задонщинѣ, показываетъ на грубые, вѣдшіе приемы заимствованія: шелома, обратившееся въ царя Содомона, харалужные берега, замѣнившіе каменныя горы, и ковыль трава, замѣнившая „канину“, не свидѣтельствуютъ о пониманіи ¹⁾. Авторъ Слова такъ своеобразно соединилъ въ себѣ книжную мудрость и вкусъ къ риторически-пѣвистому стилю съ мотивами пародной поэзіи, такъ своеобразно приложилъ этотъ аппаратъ къ прославленію незначительнаго историческаго факта, что и особенностью своего таланта, и выборомъ темы осудилъ себя на одиночество. Онъ долженъ былъ и въ свое время стоять также особо отъ другихъ, какъ представляется намъ теперь, и его будутъ изучать не столько въ связи съ его временемъ, сколько въ немъ самомъ, какъ оригинально сложившуюся поэтическую личность.

Народу только пожелать, чтобы чаще являлись на него такіе счастливые взгляды, какъ „Взглядъ“ г. Вс. Миллера. Я поклонникъ всякой свѣтлой гипотезы: если иногда она отводитъ въ сторону, то для того лишь, чтобы вывести на торный путь: пути ей вѣдомы.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ Что касается пазѣстной приписки къ пергаменному Апостолу 1307 г., воспроизводящей нѣкоторые выраженія Слова, то ничто не ведетъ необходимо къ заключенію, что она облаичаетъ знакомство съ этимъ памятникомъ: и авторъ Слова, и авторъ приписки могли заимствовать это мѣсто изъ третьихъ рукъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе П. Стремлера. Воронежъ, 1874 г.

Разсужденіе автора основано не на самостоятельныхъ, непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ живою рѣчью Кашубовъ (Кашебовъ), а только на данныхъ, сообщенныхъ въ сочиненіяхъ его предшественниковъ по тому же вопросу, какъ-то—Прейса, Цейновы и Гильфердинга. Такимъ образомъ достоверность матеріала, которымъ онъ пользовался, вполне зависитъ отъ мѣткости и точности наблюденій названныхъ ученыхъ и писателей.

Въ упорядоченіи матеріала и въ способѣ изложенія подробностей г. Стремлеръ придерживается Миклошича, принимая при этомъ исходною точкой вообще звуки самаго кашебскаго языка, а не звуки языка старо-славянскаго, но тѣмъ не менѣе вводя особый отдѣлъ о „гласной *e* (ѣ)“, о „глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*“ и т. п. Выѣстъ съ системой изложенія авторъ перенималъ у Миклошича и весь его формализмъ и разсматриваніе явленій языка съ чисто выѣшней точки зрѣнія. Разсматривая взаимныя соотвѣтствія звуковъ въ разныхъ языкахъ, авторъ не принимаетъ вовсе въ соображеніе, въ какихъ именно случаяхъ, въ какихъ сочетаніяхъ данное соотвѣтствие имѣетъ мѣсто. Между прочимъ, онъ не отдѣляетъ соотвѣтствій и измѣненій звуковъ въ положеніи, независимомъ отъ вліянія другихъ звуковъ, отъ соотвѣтствій и измѣненій тѣхъ же звуковъ, подвергшихся вліянію звуковъ или предшествующихъ, или же слѣдующихъ за ними. Еслибъ это весьма важное различіе было принято въ соображеніе, въ такомъ случаѣ авторъ не говорилъ бы, напримѣръ, о соотвѣтствіи кашебскаго *ś* польскому *k* (стр. 52), но только объ измѣненіи въ кашебскомъ языкѣ, точно также какъ въ польскомъ и русскомъ, согласнаго *k*, въ сочетаніи съ слѣдующимъ *i*,

въ согласный *ch* (напримѣръ, *chto*, *nicht* и т. п. изъ *cto*, *nikt* и т. д., старо-сл. кѣто и т. д.). Кромѣ того, авторъ не обратилъ вниманія ни на болѣе древнее состояніе языковъ, которые сравниваются, ни на рефлексы данныхъ звуковъ въ другихъ не упоминаемыхъ родственныхъ языкахъ. Все это объяснило бы весьма многое и въ значительной степени уменьшило бы случаи безпричинныхъ, произвольныхъ явленій.

До какой степени доходитъ формализмъ автора, можно видѣть изъ того, что онъ одинъ и тотъ же гласный одного и того же слова считаетъ происшедшимъ „изъ усиленія“ двухъ различныхъ гласныхъ. Такъ напримѣръ, гласный и (у) слова *duch* (духъ) происходитъ въ одно и то же время „изъ усиленія“ и „гласной ѣ“ въ *dzich*-и-ѣ-ти и „гласной ѣ“ *dzich*-ати, и т. п. (стр. 28—29).

Узкія рамки Миклошичевой системы не позволили г. Стремлеру заняться ни удареніемъ кашебскаго языка, ни кашебскими соотвѣтствіями русскому полногласію, между тѣмъ какъ они являются очень важными фонетическими моментами во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Нѣтъ также особой главы о согласномъ *s* (ц). Несостоятельность же подобнаго метода представленія фактовъ языка доказана между прочимъ, главой о „носовыхъ звукахъ *a*, *e*, *an*“ (стр. 30—34). Хаотически собранные отдѣльные факты не позволяютъ придти почти ни къ какому (положительному) выводу. Жаль, что автору были неизвѣстны остроумныя соображенія г. Лукіана Малиновскаго о соотвѣтствіи носовыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ польскихъ народныхъ говорахъ носовымъ гласнымъ языка старо-славянскаго (ср. Beiträge zur Slavischen Dialectologie von *Lucian Malinowski*. I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien etc. Leipzig, 1873, §§. 48—60). Точно также, для полноты библиографической, не мѣшало бы обратить вниманіе на то, что сказано о кашебскихъ носовыхъ гласныхъ въ диссертациі Адама-Антоня Крынскаго „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“, Варшава, 1870, стр. 93 — 102, хотя, впрочемъ, и здѣсь мы напрасно стали бы искать какихъ бы то ни было положительныхъ результатовъ.

Какъ вѣрный ученикъ Миклошича, авторъ смотритъ на звуки языка съ точки зрѣнія правописанія, и вслѣдствіе сего, въ польскомъ *i* (напримѣръ, въ словахъ *iés*, *idti*, *innu*, другой, и т. п.) онъ видитъ чистый и гласный *i* (стр. 18—19) а не слогъ *ji*, какъ бы слѣдовало. Точно также особая глава о „гласной *y*“ въ кашебскомъ (стр. 29—30) обязана своимъ происхожденіемъ этому смѣшенію буквъ и

звукѣвъ и т. д. Если „въ концѣ словъ мягкое *p* въ произношеніи не отличается отъ твердаго“ (стр. 37), то стало быть, нѣтъ въ концѣ словъ мягкаго *p*, и авторъ напрасно смотритъ на физиологическую природу звукѣвъ съ этимологической точки зрѣнія. Сюда отпослится также выраженіе: „знакъ *w*, въ произношеніи не отличающійся отъ *v*, употребляется преимущественно въ началѣ словъ какъ *придыханіе*“ (стр. 38), и т. д.

Физиологическій анализъ происхожденія и природы звукѣвъ не позволяетъ ни раздѣлять гласныя на „твердыя“ и „мягкія“ (стр. 35, 36, 37 и т. д.), ни смѣшивать долготу гласныхъ съ долготою слоговъ (долгота *per positionem*) (стр. 11), и т. д.

Ни вліяніе народнаго словопроизводства (*Volksethymologie*), ни вліяніе аналогіи не приняты здѣсь вовсе въ соображеніе, а между тѣмъ развитію словъ каш. *wansewnica* (гусеница) (стр. 39), польскаго *niedzwiedz* (медвѣдь) (стр. 39) и т. п. несомнѣнно содѣйствовало народное словопроизводство, упроченію же въ польскомъ языкѣ предлога *od* (отъ) вм. *ot* (стр. 41), а въ кашебскомъ родительнаго надежа един. числа мужск. и средн. рода прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій на *—ewo* вм. *—ego* и т. п. (стр. 38—39), дательнаго пад. един. числа муж. рода существительныхъ на *—owi*, *—om* (стр. 28), творительнаго множ. *wowstni* (овцами) (стр. 5) и т. п. должна была способствовать сила аналогіи, и исключительно фонетическое объясненіе этихъ явленій далеко не удовлетворительно. Ср., между прочимъ, статью Л. Малиновскаго „Ueber die Endung des Genetiv sing. masc. — neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Declination im russischen und Kaschubischen“ (*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung* etc. VIII, 356 — 362) Авторъ, конечно, нарушилъ бы вѣрность Миклошичу, обративъ вниманіе на эти факторы (народное словопроизводство и аналогію); но за то его сочиненіе гораздо болѣе соответствовало бы теперешнимъ требованіямъ науки.

У нашего автора кашебскіе звуки происходятъ изъ другихъ кашебскихъ же звукѣвъ, кашебскіе звуки усиливаются въ другіе кашебскіе же звуки. Между тѣмъ подобный взглядъ на происхожденіе звукѣвъ совершенно противорѣчитъ исторіи языка. По настоящему, слѣдовало бы процессъ развитія однихъ звукѣвъ изъ другихъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, отнести къ первобытному періоду образованія аріевропейскихъ языкѣвъ, и затѣмъ, опредѣливъ съ точностью, на примѣръ, въ области подъема, первично-славянскія отношенія, пока-

зять только, какіе кашебскіе звуки развились изъ отдѣльныхъ звуковъ основно-славянскихъ. Если же авторъ не хотѣлъ брать на себя этой трудной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже неисполнимой задачи, то онъ долженъ былъ ограничиться нынѣшнимъ состояніемъ кашебскаго языка, и въ такомъ случаѣ, говорить не о происхожденіи однихъ звуковъ изъ другихъ, а только о взаимномъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ звуковъ въ живомъ механизмѣ языка. Только съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на подъемъ звуковъ (*Lautsteigerung*), тогда какъ авторъ, въ подражаніе Миклошичу и ксеидзу Фр. Ксав. Малиновскому, понимаетъ его совсѣмъ невѣрно, и напримѣръ, *pálic* (жечь), *máscas* (мочить), совершенно произвольно выводитъ отъ корней *plo*, *plo* въ *płome* (пламень) и т. д. и *mok* въ *mokri* (мокрый) и т. д. чрезъ посредство ничѣмъ не доказанныхъ созвучій (комплексовъ звуковъ) *paolic* = *paalic* и *maoscias* = *maascias* и т. д. (стр. 10). Равнымъ образомъ выводъ созвучія *áv* въ *zabávic* (задержать), а *ov*, *óv* въ *słowo* (слово) и т. п. изъ *e* въ *bes* (быть), *słech* (слухъ) и т. д. (стр. 10, 17), гласнаго *a* въ *marznac* (мерзнуть) изъ *o* въ *mora* (морозъ) (стр. 5), принятіе „превращенія“ гласнаго *e* (*ћ*) въ *a*, *á* и увѣреніе, что „этотъ переходъ въ *a* иногда не совершается“ (стр. 35) и т. д., всѣ эти и тому подобныя тонкости являются слѣдствіемъ перенесенія звуковыхъ процессовъ на хронологически несвойственную, чуждую имъ почву. При этомъ авторъ не замѣтилъ, что не *a* въ *marznac* (мерзнуть) есть „усиленіе гласной *o*“ въ *mora* (морозъ) (стр. 5), но наоборотъ, эту гласную *o* въ *mora* слѣдовало бы, съ точки зрѣнія самого же автора, считать усиленіемъ гласной *a* въ *marznac*. Точно также считать созвучіе *pal* въ *pálic* (жечь) происшедшимъ изъ перестановки созвучія *plo*, *plo* въ *płome* (пламень) (стр. 10) противорѣчить всѣмъ даннымъ, почерпаемымъ изъ исторіи развитія звуковъ славяно-литовскихъ и вообще аріевропейскихъ. Наконецъ, исторія развитія славянскихъ звуковъ не позволяетъ повторять за Гатталомъ, что „*d* передъ *t* выпало, можетъ быть, въ глаголѣ *jic* изъ *jiddi*, идти“ (стр. 44), или же считать родительный пад. множ. числа *glów* (головъ), происшедшимъ изъ *glóvov* (стр. 25), а кашебское *i* въ словахъ *vím* (знаю), *míko* (молоко) и т. п. „первобытнымъ“ въ сравненія съ *ћ* старо-славянскаго языка (стр. 35, 20) и т. д. Выводъ гласнаго *e* въ *vrzescenó* (веретено) и т. п. изъ *z* въ старо-слав. *vrzětni* (вертѣть) и т. д. (стр. 17) грѣшитъ, въпервыхъ, противъ географіи и хронологіи, отождествляя древнее состояніе языка старо-славянскаго съ теперешнимъ состояніемъ кашебскаго, и вторыхъ, основанъ на совер-

шенно ложной и только въ воображеніи Миклошича существующей, въ старо-славянскомъ же языкѣ никогда не существовавшей формѣ кратѣти.

Въ кашебскомъ словѣ *oltarz* или *woltarz* (алтарь) не „первобытное а переходить въ началѣ кашебскихъ словъ въ другую гласную“ (стр. 4), а, по общему закону усвоенія всѣми славянскими языками чужихъ, иностранныхъ словъ, краткое латинское а слова *altare* отразилось въ гласномъ о. Кашебское слово *muha* (комаръ) нельзя считать кашебскимъ видоизмѣненіемъ польскаго *muchu* (муха) (стр. 50), такъ какъ оно (слово *muha*) есть кашебская передѣлка нѣмецкаго *mücke* (комаръ). Въ кашебскихъ *szuflada* (выдвижной ящикъ) и *gafla* (вилка) нельзя видѣть прямого соотвѣтствія кашебскаго ф нѣмецкому *b* (стр. 40), ибо эти слова перешли въ кашебскій языкъ не изъ верхне-нѣмецкаго, но изъ ниже-нѣмецкаго.

Говоря о разнообразіи въ произношеніи кашебскихъ словъ и о томъ, какъ одни звуки „смѣшиваются“ съ другими (стр. 5—6), авторъ оставляетъ насъ въ недоумѣніи, свойственно ли это разнообразіе всѣмъ діалектическимъ видоизмѣненіямъ кашебскаго языка, или только нѣкоторымъ изъ нихъ, или же, можетъ быть, оно совпадаетъ именно съ этими географически-діалектологическими видоизмѣненіями, такъ что одна изъ приводимыхъ авторомъ формъ извѣстнаго слова живетъ въ однихъ мѣстностяхъ, другая въ другихъ и т. д.

Иногда г. Стремлеръ считаетъ различія въ своемъ составѣ и различно образовавшіяся формы одного и того же или же двухъ и даже болѣе языковъ вполне тождественными, то-есть, вполне отражающими (рефлектирующими) другъ друга въ фонетическомъ и этимологическомъ отношеніяхъ, и вслѣдствіе того, выдумываетъ разныя невозможныя соотвѣтствія и перемѣны звуковъ. Такъ, между прочимъ, онъ считаетъ кашебское *ty* (тѣ) тождественнымъ съ новопольскимъ *te* (тѣ) (стр. 30), кашебское *kol* вм. *kole* (около) тождественнымъ въ своемъ составѣ съ польскимъ *kolo* (стр. 17), видитъ въ кашебскомъ *ptach* и польскомъ *ptak* (птица) обыкновенныя фонетическія видоизмѣненія одной и той же первоначальной формы (стр. 52), считаетъ кашебскіе родительные пад. ед. муж. и средн. р. прилагательныхъ мѣстоименій и т. п. *tego* (того), *jednego* (одного), *złego* (злаго) и т. п. развившимися, путемъ простаго фонетическаго процесса, изъ *tego*, *jednego*, *złego* и т. д., рядомъ съ *teho*, *jedneho*, *złeho* и т. д. (стр. 23, 38—39, 52—53) и т. д. Кашебское *porvacec*, на сколько это есть въ самомъ дѣлѣ форма кашебская, отражается не въ польскомъ *rw-* часть схсн, отд. 2.

wrócić (возвратиться) (стр. 5), а только въ польскомъ *powracać* (возвращаться). Въ старо-польскомъ языкѣ существовалъ глаголѣ *chwatać*, какъ и въ кашебскомъ, *chwutać* же развилось только послѣ, не путемъ чисто фонетическаго процесса, но вѣроятнѣе, подѣ влияніемъ аналогіи и вслѣдствіе смѣшенія въ одно разныхъ подъемныхъ видоизмѣненій одного и того же корня (*chyt* и *chwat*); стало быть, здѣсь не можетъ быть рѣчи о соотвѣтствіи кашебскаго *a* польскому *u* (стр. 5). Чисто фонетическое соотвѣтствіе кашебскаго *a* въ *lachi* польскому *i* въ *lichy* (плохой) (стр. 4) болѣе чѣмъ сомнительно.

Выводъ слова *oczi* (глаза) изъ предполагаемаго *ocsesi* (*ok-esi*) (стр. 46) не выдерживаетъ критики. Кашебское и польское *jak*, *jako* и старо-славянское *aki* происходятъ отъ различныхъ мѣстоименныхъ корней, и потому въ кашебско-польскихъ формахъ нельзя считать согласнаго *j* простымъ „придыханіемъ (prothesis, Vorschlag)“ (стр. 4). Въ именительномъ пад. *ksodź* (князь, священникъ) кашебское *o* соотвѣтствуетъ польскому гласному *a*, а не *e* (стр. 24). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать *nastarszi* (самый древній) происшедшимъ изъ *najstarszi*, *nadstarszi* и видѣть въ долготѣ гласнаго *á* слѣдствіе замѣнительнаго растяженія (стр. 10—11). Основною формою для слова *volá* (воля) слѣдуетъ принять не *volija* (стр. 8), а только *vol-ja*, старо-сл. воля. Точно также едва ли можно *znám* (знаю) выводить изъ *zna-ja-ti* и т. п. (стр. 8—9) (ср. *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung* etc., VIII, 207 — 209), *lęss* (лжешь) изъ *lg-j-ess* (стр. 51), и т. д. Только недостаткомъ чутья для вліянія аналогіи въ исторіи формъ языка можно объяснить то, что авторъ въ словахъ, какъ каш. *jicmie*, польск. *jęczmień* (ячмень), каш. *płome* (и *płomęj*), польск. *płomień* (пламень) и т. д., видитъ отраженіе первобытнаго суффикса *man-ja* (стр. 56).

Союзъ *le* произошелъ не изъ *ale* черезъ отпаденіе начальнаго *a* (стр. 4), но наоборотъ, *ale* составлено изъ двухъ союзовъ *a+le*. Равнымъ образомъ, *et* (и *jet*), что, не есть перестановка изъ *ie* (стр. 12; ср. стр. 10), но есть видоизмѣненіе болѣе древней формы *ii*, свойственной и теперь польскому языку и составленной изъ двухъ частицъ, *i+ie*.

Соотвѣтствіе кашебскаго *b* въ *bucha* (гордость) польскому *p* въ *pycha* (стр. 38) весьма сомнительно.

Въ великопольскомъ областномъ просторѣчій „долгое *á* (а *rochylone*, *sciesnione*)“ не звучитъ „какъ *o*“ (стр. 6), но имѣетъ свой особый звукъ, средній между *o* и *a*. Сogласный („знакъ“) *u* въ ка-

шебскомъ языкѣ, по мнѣнію автора, не отличается отъ *o* (стр. 38), тогда какъ это не совсѣмъ правда, потому что *o* есть чисто губной, *o* же — зубно-губной согласный. Терминъ „смѣшивается“, на примѣръ, въ выраженіи „а смѣшивается съ *á*“ и т. д. (стр. 5, 29 и т. д.) есть далеко не точный; гораздо умѣстнѣе *чередуются*, *замѣняется* или т. п. Говоря о носовыхъ гласныхъ, г. Стремлеръ называетъ ихъ не *носовыми гласными*, а „носовыми звуками“ (стр. 30 и слѣд.); а вѣдь это есть маленькая неточность.

Строки 3 и 4 на стр. 50, „b) польскому *ch*“, и т. д., попали сюда только по недосмотру, и должны стоять на стр. 46, въ строкахъ 15 и 16, такъ какъ вѣдь въ словѣ *тыка* (комаръ) имѣется согласный *k*, а не *g*. Встрѣчающіяся тамъ и сямъ сравненія съ санскритомъ внесены въ разбираемую книгу тоже развѣ только по ошибкѣ, потому что они ничего не объясняютъ, и слѣдовательно, являются совершенно лишними.

За приложенное въ концѣ подлежащаго сочиненія „Собраніе кашебскихъ словъ, не употребляющихся въ польскомъ языкѣ“ (стр. 59—72) можно быть только очень благодарнымъ нашему автору; но тѣмъ не менѣе нельзя одобрить порядка, въ которомъ исчислены помѣщенными здѣсь слова. Авторъ обратилъ вниманіе на начальные буквы словъ и упорядочилъ ихъ по обычаю латинскаго алфавита *a, b, c, d, e* и т. д.; но затѣмъ, слова, начинающіяся съ извѣстной буквы, сопоставлены совершенно хаотически.

Встрѣчающіяся въ громадномъ количествѣ опечатки вовсе не оговорены и предоставлены догадливости читателя.

Какъ бы то ни было, г. Стремлеръ обогатилъ лингвистическую литературу трудомъ весьма полезнымъ, и если не вносящимъ въ нее ничего особенно новаго, то все-таки дающимъ самостоятельную обработку и сопоставленіе всего, что было до сихъ поръ обнаружено по части фонетики кашебскаго языка.

И. Подушнъ-де-Куртень.

Речь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ. Объяснилъ Августъ Гофманъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1877 г.

При разборѣ втораго изданія книги г. Гофмана задача рецензента, сравнительно, легка. Это происходитъ отъ того, что первое изданіе вызвало обширную и обстоятельную рецензію г. Фохта (*Журн. Мин.*

8*

Нар. Просв., ч. CXIV, стр. 31—50), въ которой указаны были какъ отличительныя качества самой рѣчи Цицерона, комментированной г. Гофманомъ, такъ и достоинство самого комментарія. Не останавливаясь посему на первыхъ, мы повторимъ относительно послѣднихъ сказанное г. Фохтомъ, заявляющимъ, что комментарий г. Гофмана представляетъ богатое и прекрасное собраніе грамматическихъ, стилистическихъ, лексическихъ и синонимическихъ примѣчаній. Не можемъ не прибавить къ этому, что разбираемый комментарий есть плодъ долгаго и тщательнаго занятія издателя, какъ рѣчью Цицерона *pro lege Manilia*, такъ и другими рѣчами римскаго оратора, занятія не только теоретическаго, но и практическаго, и какъ таковой, заслуживаетъ особаго уваженія и признательности. Дѣло въ томъ, что по приписамъ, весьма попятнымъ, наша учебная литература по древнимъ языкамъ въ послѣдніе годы разрослась до довольно значительныхъ размѣровъ, но въ числѣ большаго количества изданій древнихъ классиковъ съ русскими примѣчаніями, назначающимися для учениковъ русскихъ гимназій, рѣдко можно встрѣтить изданіе дѣйствительно приспособленное для потребностей русскихъ гимназистовъ. Такъ, большинство за послѣднее время появившихся у насъ изданій рѣчей Цицерона представляетъ не что иное, какъ механическую, нерѣдко неумѣлую, чтобы не сказать невѣжественную, передѣлку превосходнаго комментарія К. Гальма (*Cicero's ausgewählte Reden. Berlin, Weidmann'sche Buchhandlung*). Этотъ комментарий, назначенный для учениковъ высшихъ классовъ нѣмецкихъ гимназій, учениковъ, прошедшихъ солидную школу и читающихъ рѣчи Цицерона въ большинствѣ случаевъ cursorно, оказывается не вполне соответствующимъ познаніямъ нашихъ учащихся, приступающихъ къ чтенію сказанныхъ памятниковъ римскаго краснорѣчія. Еще отличіе: ученикъ нѣмецкой гимназіи, пользующійся изданіемъ Гальма, имѣетъ, кромѣ него, богатую литературу учебниковъ: грамматикъ, стилистикъ, синонимикъ, при существованіи и доступности которыхъ многое, хотя и необходимое, по справедливости не включается въ комментарий. Совершенно иное положеніе русскаго гимназиста: если и есть у него грамматики и стилистики (изъ которыхъ многія не самостоятельны и мало пригодны, другія недоступны), то у него нѣтъ ни одной синонимики, нѣтъ словаря къ такъ называемымъ реаліямъ, нѣтъ учебника римскихъ древностей и литературы. Естественно посему, что русскій комментаторъ не долженъ опускать изъ виду это обстоятельство и обязанъ внести въ свои примѣчанія все, чего ученикъ не можетъ найти въ доступ-

ныхъ для него книгахъ, и что могло и даже должно бы быть опущено, еслибы у него имѣлись подъ руками болѣе разнообразныя пособія. Въ особенную заслугу ставимъ мы г. Гофману то, что онъ сознательно и добросовѣстно отнесся къ этой сторонѣ своей задачи.

Переходя къ обзору разсматриваемаго изданія въ частности, мы считаемъ нужнымъ замѣтить прежде всего, что оно, сравнительно съ первымъ, представляетъ значительныя измѣненія, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, измѣненія къ лучшему.

Издатель добросовѣстно воспользовался обильными замѣчаніями, сдѣланными г. Фохтомъ въ вышеупомянутой рецензіи, а также и личными наблюденіями, при неоднократномъ чтеніи рѣчи Цицерона съ учениками. Посему многое, оказавшееся не существенно необходимымъ, опущено, многое видоизмѣнено, немало прибавлено. Вообще, при этихъ измѣненіяхъ, чувствуется рука опытнаго педагога, опредѣленно сознающаго нужды и потребности читателей. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, во второмъ изданіи устранены германизмы, которыхъ было довольно много въ первомъ.

Послѣ небольшого предисловія, въ которомъ г. Гофманъ объясняетъ сдѣлавшія имъ противъ 1-го изданія измѣненія и высказываетъ тѣ общія начала, на основаніи которыхъ составленъ имъ комментарий, слѣдуетъ перечисленіе пособій, которыми авторъ воспользовался при его составленіи. Въ этомъ перечисленіи, очевидно, назначаемся для учащихся, а не для учащихся, мы видимъ рядъ лучшихъ сочиненій, преимущественно нѣмецкихъ, изученіе которыхъ въ высшей степени желательно для всякаго преподавателя, приступающаго къ чтенію и объясненію Цицерона. Нельзя не одобрить того, что въ этотъ списокъ, изъ почти необозримой литературы, г. Гофманомъ съ большимъ тактомъ внесено лишь то, что имѣетъ дѣйствительное значеніе, что можетъ образовательно дѣйствовать на молодого преподавателя-филолога. Въ этотъ списокъ вошли капитальнѣйшія пособія какъ по стилистикѣ, синонимикѣ, грамматикѣ и лексикографіи, такъ и по такъ называемымъ реалиямъ. Правда, можно бы пожелать, чтобы г. Гофманъ воспользовался еще нѣкоторыми, весьма важными трудами, или по крайней мѣрѣ, указалъ на нихъ; къ таковымъ мы причислили бы: *Ernesti, Clavis Ciceroniana*, — *Merguet, Untersuchungen zur lateinischen Formenlehre*, — *ero же: Vollständiges Wörterbuch zu den Reden d. Cicero*, — *Nizolius, Thesaurus Ciceronianus*, — *Volckmann, die Rhetorik der Griechen und Römer* и нѣкоторыя другія. Но тѣмъ не менѣе всякой похвалы достойно то тщаніе, съ которымъ г. Гофманъ,

собрали лучшія пособія, вплоть до самыхъ новыхъ (напримѣръ, книга Корссена *Beiträge zur Italischen Sprachkunde*, вышедшая въ концѣ 1876 г.) и тотъ разумный выборъ, по которому онъ привелъ лишь дѣйствительно лучшія. Такъ какъ уже зашла рѣчь о пособіяхъ, то мы не можемъ умолчать здѣсь объ одной, для насъ не вполне понятной особенностях, которая замѣчается въ цитатахъ г. Гофмана на эти пособія: цитаты эти чрезвычайно разнообразны, и читатель не удивляется, почему въ одномъ случаѣ авторъ указываетъ на одну книгу, а черезъ нѣсколько страницъ, оставаясь въ той же области языка или реалій, на другую. Пояснимъ примѣромъ: на стр. 5-ой, указывая на избраніе *magistratus maiores* въ комиціяхъ, г. Гофманъ цитуетъ Ланге: *Röm. Alterth.*, I, 506 и Адама: *Римскія древности*, I, 150, и на той же страницѣ, объясняя слово *honores* въ смыслѣ государственныхъ должностей, онъ цитуетъ лишь одного Ланге, а на стран. 22, говоря о государственныхъ доходахъ, приводитъ уже Моммсена: *Röm. Staatsr.*, II, 411 и Гессе: *Handlexicon zu den Quellen des röm. Rechts*, стр. 626. Сопоставляя эти три указанія, читатель въ правѣ заключить, что или не во всѣхъ приведенныхъ учебникахъ по римскимъ древностямъ: Ланге, Адама и Моммсена говорится и объ избраніи магистратовъ, и объ *honores*, и о государственныхъ доходахъ, или же объ каждомъ изъ этихъ вопросовъ лучше и обстоятельнѣе всего излагается въ томъ сочиненіи, на которое въ данномъ случаѣ указываетъ г. Гофманъ. Но, какъ намъ представляется, нельзя, не говоря уже о первомъ, сдѣлать и послѣдній выводъ, и потому мы желали бы большей послѣдовательности и единообразія указаній на одно и то же пособіе — само собою разумѣется, гдѣ только это возможно; такое единообразіе имѣло бы и свою практическую выгоду по той простой причинѣ, что въ одной книгѣ справиться и легче и возможнѣе, чѣмъ въ нѣсколькихъ; оно сберегло бы много времени, которое одинаково дорого, какъ для наставника, такъ и для ученика.

Вслѣдъ за указаніемъ пособій идетъ введеніе, въ которомъ нложены въ краткихъ, но существенныхъ чертахъ всѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ рѣчи Цицерона: *de imperio Cnei Pompei*. Это введеніе въ существенныхъ чертахъ осталось не измѣненнымъ противъ перваго изданія.

За симъ слѣдуетъ, подъ заглавіемъ: „Реторическое построеніе рѣчи“, схематизація рѣчи Цицерона, сдѣланная сообразно съ требованіями древней риторикки. Этой схематизаціи не было въ первомъ изданіи, и мы не можемъ не одобрить ея помѣщенія, на нашъ взглядъ

существенно необходимаго. Дѣло въ томъ, что рѣчи Цицерона, не отличаясь тѣми непосредственными достоинствами содержанія, которыми мы удивляемся въ рѣчахъ Демосфена, тѣмъ не менѣе представляютъ такую законченность, такое совершенство формы, что изученіе ея оказывается неизбѣжнымъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ ни одного учебника риторики, на основаніи котораго ученикъ могъ бы разобрать построеніе рѣчи, и потому это построеніе должно быть разъяснено комментаторомъ.

Наконецъ, издатель приступаетъ къ самому тексту рѣчи, сопровождая его объяснительными примѣчаніями. Текстъ, по заявленію г. Гофмана, взятъ имъ, за немногими исключеніями, изъ изданія Рейнгольда Клоца (*M. Tullii Ciceronis Orationes selectae XIX, recognovit R. Klotz, Pars I, 1868*), изданія, отличающагося, сравнительно, консервативнымъ направленіемъ критики, и потому такой выборъ заслуживаетъ одобренія, хотя, можетъ быть, и найдутся ученые, которые пожелали бы, и не безъ основаній, чтобы тексту Клоца былъ предпочтенъ текстъ Байтера (срав. напр. § 33 *in praedonum fuisse potestatem*). Перепечатывая текстъ Клоца, г. Гофманъ удерживалъ и принятую въ немъ орѳографію, которая почти что игнорируетъ тѣ результаты, коимъ достигли въ этой области труды Ричли, Флекейзена, Брамбаха. Спѣшимъ оговориться, что въ только что высказанномъ мы отнюдь не имѣли въ виду выразить желаніе, чтобы въ учебное изданіе были введены всѣ орѳографическія реформы, предлагаемыя теперь въ значительномъ количествѣ многими учеными. По нашему убѣжденію, въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно соблюдать большую осторожность. Только то, что основано на твердыхъ данныхъ, до чего достигнуто путемъ строгой методики, можетъ и должно вноситься въ учебныя книги,—иначе мы рискуемъ ознакомить юпошество не съ положительными фактами языка, а съ предположеніями, слишкомъ преждевременно изведенными на степень научныхъ результатовъ. Къ сожалѣнію, отъ этого не свободны нѣкоторые нѣмецкіе учебники и учебныя книги, именно въ вопросѣ объ латинской орѳографіи. Принимая весьма многія соображенія исследователей въ этой области за конечные результаты, многіе издатели римскихъ классиковъ держатся такой орѳографіи, которая можетъ сбить съ толку даже наставника, не говоря уже про ученика. Но, не одобряя излишней ревности, мы не можемъ одобрить и излишней робости при замѣнѣ стараго новымъ; при множествѣ еще недостаточно окрѣп-

шихъ и обоснованныхъ соображеній, новѣйшіе изслѣдователи латинской орфографии пришли и къ такимъ результатамъ, которые можно и даже должно вносить въ учебныя книги. Къ такимъ относимъ мы напримѣръ, замѣну *j* черезъ *i*, *quint* черезъ *cum*, *negligere* черезъ *neglegere* и нѣкоторые другіе.

Переходимъ къ примѣчаніямъ, которыми г. Гофманъ въ обилии снабдилъ свое изданіе. Что касается ихъ количества, то пожалуй, нѣкоторые могутъ найти его слишкомъ значительнымъ, въ виду того, что оно можетъ мѣшать ученику сосредоточиться на текстѣ и стараться самому понять писателя. Дѣйствительно, и въ комментаріѣ, какъ и во всемъ другомъ, слѣдуетъ соблюдать необходимую мѣру, ибо ничего не можетъ быть бесполезнѣе, какъ если подавленный массою примѣчаній учащійся или позабудетъ изъ-за нихъ объ объясняемомъ ими текстѣ, или же вовсе не будетъ обращаться къ нимъ. Но въ разсматриваемомъ нами изданіи значительное число примѣчаній можетъ, по нашему мнѣнію, найти себѣ оправданіе въ томъ, что книга г. Гофмана назначается не только для учащихъся, но и для учащихся. Посему многое, дѣйствительно излишнее для первыхъ, оказывается весьма полезнымъ для послѣднихъ, ибо даетъ имъ точно формулированный матеріалъ для разъясненія ученикамъ того или другаго мѣста, того или другаго вопроса. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ г. Гофманъ даетъ готовые отвѣты, выводы, тогда какъ былъ бы желателенъ процессъ, которымъ они достигаются, предоставить ученику, только направивъ его соображеніе на вѣрный путь посредствомъ понятнаго для него намека или указанія. Относительно качества примѣчаній мы считаемъ возможнымъ отослать читателя къ упомянутой выше рецензіи г. Фохта, въ которой можно найти подробную и вѣрную характеристику достоинствъ комментарія г. Гофмана. Здѣсь же мы находимъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ и высказать или свои желанія или недоумѣнія по поводу того или другаго отдѣльнаго замѣчанія или выраженія.

Стр. 2. пр. 3. *locus ad dicendum ornatissimus*— „самымъ славнымъ называется ораторское мѣсто“ и т. д. Здѣсь *ornatissimus* значитъ скорѣе „самый почетный“; такъ понимаетъ и Georges въ своемъ словарѣ s. v. Сравн. *Seyffert*, *Cicero*, *Laelius*, p. 484.

Стр. 3. Не излишне было бы обратить вниманіе учащихся на выраженія: *perfectum ingenio*, *elaboratum industria*. Разъясненіе могло бы быть заимствовано у Гальма.

Стр. 4. Точно также слѣдовало бы указать на искусную аллитерацию въ соединеніи *praetor primus centuriis cunctis*.

Стр. 4. пр. 5. Врядъ ли вѣрно замѣчаніе о томъ, что диктаторы избирались въ *comitia centuriata*. Ср. *Mommsen, Röm. Staatsr., II, 1, p. 133.*

Стр. 7. пр. 9. „Всадники римскіе, образовавъ откупныя общества, взяли отъ цензоровъ на откупъ государственныя подати на пять лѣтъ. Они выбирали начальниковъ... и т. д.“. Очевидно, здѣсь вмѣсто „взяли“, слѣдуетъ сказать „брали“.

Стр. 11. Было бы не излишне сказать нѣсколько словъ объ *anastrophe* предлога въ *tota in Asia*.

Ibid. Точно также слѣдовало бы обратить вниманіе учащихъ на соединенія: *regnat et ita regnat* и далѣе: *triumphavit... sed ita triumpharunt*. Кромѣ того, это *perfectum* не есть *perfectum logicum*, и потому *regnaret* не значить: „еще царствуетъ“, а просто: „продолжалъ царствовать“.

Стр. 12. *in Asiae luce* — „во много посѣщаемыхъ мѣстностяхъ Азіа“. Такъ какъ это выраженіе непосредственно относится къ предыдущему: *emergete ex patrio regno*, то намъ кажется, что *in Asiae luce* удобнѣе было бы передать русскимъ: „на виду“.

Стр. 13. пр. 5. О соединеніи *postquam* съ *Coni. plusq̄perf.* не излишне было бы выразиться не столь категорически, ибо многими учеными оно не допускается. См. *Gossrau, Lat. Sprachlehre, § 464 Anm. 7.*

Ibid. пр. 8. *usque in Hispaniam* лучше было бы передать не черезъ: „въ самую Испанію“, а „вплоть до Испаніи“.

Стр. 16. пр. 3 Врядъ ли вѣрно, что *lumen* стоятъ *вмѣсто* *lucmen*; скорѣе слѣдовало бы сказать, что оно произошло изъ *lucmen*.

Ibid. Не излишне было бы обратить вниманіе учащагося на выраженіе: *extinctum esse voluerunt* и *omni supplicio ex cruciatum*, а также указать на техническое значеніе гл. *imminere*.

Ibid. *periculum ac discrimen* г. Гофманъ объясняетъ черезъ *hendiadys* — *periculi discrimen*. Такое объясненіе врядъ ли вѣрно; намъ кажется, что оба слова — и *periculum* и *discrimen* имѣютъ здѣсь одинаковую значимость: *periculum* есть опасность вообще, а *discrimen* — такое опасное положеніе, при которомъ является вопросъ о бытіи или небытіи какой либо вещи. Вообще замѣтимъ, что при фигурѣ *hendiadys* слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ и не находить ея тамъ, гдѣ ея дѣйствительно не существуетъ.

Стр. 23. пр. 4. выраженіе: „составъ домашнихъ жителей“ не ловко по русски.

Стр. 29. пр. 2. *quam.... liberavit—sed eam liberavit*“. Опредѣлительныя относительныя предложенія иногда заключаютъ въ себѣ смыслъ, противоположный прежнему“. Такое объясненіе не вполне понятно.

Стр. 33. пр. 5. „Она первоначально значить крайность, граница, предѣлъ, въ отличіе отъ внутреннихъ частей“. По русски такое понятіе хорошо выражается словомъ: окраина.

Стр. 36. Слѣдовало бы обратить вниманіе учащагося на выраженіе: *partem militum, qui iam stipendiis confecti erant*.

Стр. 42. Точно также слѣдовало бы указать на фигуру олицетворенія въ выраженіяхъ: *testis est Italia.... testis est Sicilia* и т. д., равно какъ и на анафору.

Стр. 45, *omnibus annis* „въ какое угодно продолжительное время“. Врядъ ли такое толкованіе справедливо; вѣрнѣе объясняетъ Гальмъ: *omnibus annis, neml. seiner Lebenszeit*.

Стр. 46, прим. 1, *tecta* „кровы, то-есть, имущество“. Эта прибавка излишняя и невѣрна.

Ibid. прим. 6. „За каждымъ преторомъ въ провинціяхъ слѣдовало, какъ принадлежность власти, шесть ликторовъ....“. Выраженіе не совсемъ точное, ибо ликторы обыкновенно не слѣдовали за магистратомъ, но предшествовали ему.

Стр. 47, прим. 2, „*vitam ducere* въ смыслѣ „жить“, иначе не говорится“. Фраза неловкая и могущая дать поводъ къ невѣрному пониманію.

Ibid. прим. 5, вмѣсто „на границѣ Лациа“ слѣдовало бы сказать: на границѣ Лациума.

Стр. 48, прим. 4, выраженіе: „*labes* въ переносномъ смыслѣ пачто, приносящее съ собою гибель“ неудачно и не ясно.

Стр. 54 слѣдовало бы обратить вниманіе на *hibernis*, при чемъ объясненіе могло бы быть заимствовано у Гальма.

Стр. 55, прим. 4, *non modo... sed ne... quidem*. Примѣчаніе, въ которомъ объясняется употребленіе *non modo—sed ne—quidem* вмѣсто *non modo non... sed ne... quidem* не идетъ къ данному мѣсту, ибо въ немъ при *non modo* есть отрицаніе: *non modo—nemini vis adfertur*, но это примѣчаніе относится къ фразѣ того же параграфа, стоящей не много выше: *ut non modo manus tanti exercitus, sed ne vestigium quidem....* Кроме того, параграфъ изъ грамматики Мадвига

(§ 461) показанъ ошибочно, вмѣсто § 471. Впрочемъ, та же ошибка находится и у Гальма.

Стр. 57, прим. 3, „memoriae proditum“ говорится объ историкѣ, передающемъ историческія событія“. Это объясненіе врядъ ли подходитъ къ данному мѣсту.

Ibid. прим. 8, *dicendi gravitate et copia* — „выразительностью и плодovitостью рѣчи“. *Gravitas* есть скорѣе „вѣсковость“, а „*copia*“ то обиліе, которымъ отличается рѣчь хорошаго оратора.

Стр. 66, прим. 1, *quod ut* „и что это“. Здѣсь *ut* зависитъ отъ *velle et optare debetis*, и потому значить не что, а чтобы.

Стр. 69, прим. 1. Въ соединеніи *ipsa re* (лат.) *ac ratione*—*ratio* не столько „разумное изслѣдованіе“, сколько „разумный взглядъ“.

Ibid. прим. 7. *Nam tu idem, Q. Hortensi—* „и ты также“ Такой переводъ въ данномъ мѣстѣ не совсѣмъ удобенъ; лучше было бы передать: вѣдь и ты, Кв. Гортензій, точно также.

Стр. 73, прим. 5. *Appia iam via carebamus* „должны были от-речься“. Мы передали бы это *carebamus* скорѣе черезъ: „должны были избѣгать, не смѣли показываться“.

Стр. 78, прим. 2, *etiam atque etiam* — „долго“; но русски очень часто это *etiam atque etiam* можетъ быть передано словами: „хорошенько“, какъ здѣсь, такъ и въ приведенномъ г. Гофманомъ примѣрѣ изъ Саллюстія: *etiam atque etiam reputate*.

Ibid. прим. 10, *si quid eo factum esset*. Не излитіе было бы обратить вниманіе учащагося на это *eo*.

Стр. 81, *huic imperio* неудачно передано: „нашей имперіи“.

Стр. 82, прим. 2, *Gravitas* здѣсь не „строгая нравственность“, а просто „строгость“, что ясно изъ примѣчанія Гальма *ad l.*

Стр. 83, прим. 5. *Non nemo* соответствуетъ скорѣе русскому „кто-то“, а не „нѣкто“

Стр. 84, прим. 2, *ex senatus consulto legibus solutus*. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Гофманъ говоритъ о томъ, что сенатъ присвоилъ себѣ право отмигать законы. Но рѣчь идетъ не объ отмигнѣ закона, а только о непримѣненіи его.

Стр. 86, прим. 1, *vel* соответствуетъ скорѣе русскому „хоть“, а не „даже“.

Стр. 88, прим. 4, *hostium simulatione* лучше: „пользуясь непріятелями, какъ предлогомъ“, а не „подъ предлогомъ непріятелей“.

Здѣсь мы остановимся. Цѣль нашихъ замѣтокъ, число которыхъ могло бы быть увеличено, состоитъ въ желаніи видѣть книгу г. Гоф-

мана въ слѣдующемъ изданіи еще лучше и безукоризненнѣе. Въ этихъ же видахъ обратимъ вниманіе почтеннаго издателя на нѣкоторыя, болѣе крупныя опечатки: стр. 25, 8, поп вм. пос; стр. 41, 2, ad вм. ab; стр. 80, 3, nos вм. nos.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ рекомендовать изданіе г. Гофмана всѣмъ, приступающимъ къ чтенію Цицерона, какъ прекрасное, вполне полезное пособіе. Надѣмся, что почтенный издатель не ограничится одною рѣчью, а подаритъ намъ и изданія нѣкоторыхъ другихъ произведеній римскаго оратора.

И. Помяловскій

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1873—1875 года, представленный Директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1877.

Московскій публичный и Румянцевскій музеи состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ, 2) библиотека, 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей, 4) отдѣленія древностей доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ, 5) Дашковскій этнографическій музей, 6) отдѣленіе иностранной этнографіи и 7) минералогическій кабинетъ. Не смотря на свое недавнее существованіе (съ 1862 г.), музеи, при просвѣщенномъ поначеніи правительства и живомъ сочувствіи общества, успѣли уже обогатиться весьма драгоценными предметами и коллекціями и заняли почетное мѣсто въ ряду европейскихъ учрежденій такого рода. Расширеніе ихъ идетъ безостановочно, требуя постоянныхъ и неуспынныхъ заботъ со стороны начальства и служащихъ по внутреннему устройству ихъ и каталогизаціи хранимыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ пользованіе музеями успѣло уже оказать несомнѣнное и замѣтное вліяніе на движеніе русской науки и образованности. Поэтому и отчеты музеевъ, заключающіе въ себѣ подробную лѣтопись ихъ внутренней жизни, всегда представляютъ живой интересъ. Таковъ и тотъ отчетъ, который вновь обнародованъ нынѣ начальствомъ музеевъ за періодъ съ 1873 по 1875 годъ. Считаемъ поэтому не лишнимъ извлечь изъ него наиболѣе выдающіеся факты о состояніи музеевъ въ теченіе означенныхъ лѣтъ.

1) *Отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ.* Самымъ капиталнымъ событіемъ отчетнаго трехлѣтія по этому отдѣлу было окончательное поступленіе въ его составъ собранія, принадлежавшаго знаменитому нашему путешественнику по Востоку и собирателю древностей,

покойному П. И. Севастьянову. Оно, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ, столь извѣстнымъ въ ученomъ мѣрѣ, собраніемъ христіанскихъ древностей, съ самаго основанія Московскаго публичнаго музея было выставлено въ его залахъ на правахъ временнаго пользованія. Затѣмъ владѣлецъ его, собственноручнымъ завѣщаніемъ отъ 5-го іюля 1865 г., предназначилъ его безмездной передачѣ въ полную собственность музея, но упомянутому завѣщанію не успѣлъ дать официальной формы, а потому послѣ кончины его въ январѣ 1867 г., исполненіе его воли относительно собранныхъ имъ сокровищъ встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. Они были устранены окончателью только въ октябрѣ 1874 г., по уступкѣ наслѣдниками П. И. Севастьянова, частію безмездно, частію за денежное вознагражденіе, ихъ правъ на владѣніе собраніемъ, при чемъ наслѣдники передали въ музей, кромѣ древностей, еще: а) большую коллекцію фотографическихъ позитивовъ и негативовъ съ рукописей и другихъ предметовъ древности, и б) относящіеся къ собранію бумаги и реестры. По рукописному и старопечатному отдѣленію музеевъ въ составъ Севастьяновскаго собранія входятъ: коллекція 77 греческихъ рукописей съ IX по XVII вѣкъ и 8 портфелей съ отрывками изъ 80 пергаменныхъ и 40 бумажныхъ манускриптовъ; б) 10 рукописей на латинскомъ и восточныхъ языкахъ XIV—XVII вв.; в) коллекція 52 славянскихъ рукописей, преимущественно сербскаго и болгарскаго письма, въ томъ числѣ 10 пергаменныхъ, XIII—XV в., 38 бумажныхъ, преимущественно XV в., и 4 портфеля съ отрывками изъ семи рукописей пергаменныхъ и 30 бумажныхъ (многія рукописи важны въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ); г) небольшая коллекція автографовъ русскихъ и иностранныхъ; д) небольшая, но очень замѣчательная коллекція славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ 25 номеровъ, преимущественно печатанныхъ въ Цетинѣ, Венеціи, Бѣлградѣ, Скадарѣ, Львовѣ и проч.; е) составленная собирателемъ въ 1857—1861 гг. коллекція фотографическихъ снимковъ съ греческихъ, славянскихъ и русскихъ рукописей и актовъ, хранящихся въ разныхъ монастыряхъ Аѳонской горы; П. И. Севастьяновъ избиралъ для фотографированія, такія рукописи, которыя, помимо своей древности и палеографическаго значенія, представляли сравнительно болѣе интересъ или по находящимся въ нихъ миниатюрамъ и орнаментамъ, или по важности содержанія, или по другимъ особенностямъ своего состава (напримѣръ, нотныя рукописи); при этомъ памятники особенно важные или же меньшаго объема, каковы, напримѣръ, акты, были сняты вполнѣ, изъ остальныхъ

же рукописей сняты отрывки, отъ 5 до 100 страницъ изъ каждой; всѣхъ рукописей сфотографировано болѣе 100, а актовъ до 200; общее же число снимковъ, судя по реестрамъ самого Севастьянова, должно восходить до 5000, но въ наличности ихъ менѣе, такъ какъ самъ собиратель раздавалъ отдѣльные листки и цѣлыя тетради снимковъ разнымъ лицамъ для пользованія, и лица эти удерживаютъ ихъ у себя еще донинѣ. Впрочемъ, такъ какъ въ коллекціи, кромѣ позитивовъ, имѣются также фотографическіе негативы (на бумагѣ) въ полномъ составѣ, то недостающіе снимки могутъ быть воспроизведены снова. Въ настоящемъ своемъ составѣ коллекція содержитъ въ себѣ между прочимъ: 1) полный снимокъ съ Ватопедскаго греческаго кодекса библейскихъ книгъ, писаннаго на пергаментѣ въ XI—XII вв. въ листъ, на 461 лл., и украшеннаго 180 миниатюрами; 2) снимокъ съ Ватопедской же пергаменной греческой рукописи, XII—XIII в., содержащей въ себѣ географическія сочиненія Птолемея и Страбона, съ раскрашенными географическими картами, въ листъ, на 296 лл.; 3) полный списокъ съ славянскаго Зографскаго Евангелія (подлинникъ нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ), писаннаго на пергаментѣ частію глаголицей, частію кириллицей, въ XII—XIII вв., въ 4-ку, на 304 лл., и проч.

Второе существенное приращеніе музеевъ, составляетъ собраніе рукописей и актовъ, приобретенное послѣ проф. И. Д. Бѣляева. Всѣхъ рукописей и картоновъ съ актами и другими бумагами въ этомъ собраніи 173. Изъ нихъ около 100 нумеровъ историческаго и литературнаго содержанія, а остальные — историко-юридическаго. Въ первомъ отдѣлѣ между прочимъ заключаются до 20 лѣтописей и другихъ памятниковъ лѣтописнаго характера, 4 картона съ частными письмами разныхъ лицъ XVII и частію XVIII вв., до 20 официальныхъ записныхъ книгъ (разрядныхъ, посольскихъ, таможенныхъ и проч.), 15 рукописей съ матеріалами по исторіи русской церкви и духовной письменности, 20 рукописей по старинной литературѣ свѣтскаго содержанія — научнаго и литературнаго, наконецъ 10 сборниковъ смѣшаннаго состава; нѣкоторые изъ рукописей этого отдѣла представляютъ памятники, донинѣ вовсе неизвѣстные, какъ напримѣръ, сочиненіе Софронія Лихуда противъ раскольниковъ: „Коллурій о лютей страсти очечолѣнія капитонскаго“, житіе патріарха Іоакима, малороссійская редакція повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, сатирическое сочиненіе „Кабацкій прайдникъ“ и т. д. Въ составъ второго отдѣла Бѣляевскаго собранія входятъ памятники русскаго

законодательства, записныя книги и сборники грамотъ и другихъ актовъ, дѣла разныхъ приказовъ въ столбцахъ, книгахъ и тетрадяхъ, и большая коллекція, также въ столбцахъ и тетрадяхъ, разнообразныхъ формъ старинной русской администраціи и судопроизводства; нѣкоторые подлинные документы восходятъ къ XIV вѣку и доходятъ до XVIII столѣтія.

Третье пріобрѣтеніе составляетъ коллекцію славянскихъ старопечатныхъ книгъ, съ 1519 по 1700 г., въ количествѣ 48 номеровъ, полученная изъ дублетовъ Императорской публичной библіотеки въ обмѣнъ на дублеты музеевъ. Въ числѣ ихъ упомянемъ въ особенности одну „Тріодь постную“, въ листъ, на 396 и 19 лл., безъ выхода. О ней въ отчетѣ сказано: „Судя по шрифту, орнаментамъ, составу, редакціи и правописанію, эта Тріодь несомнѣнно принадлежитъ къ изданіямъ типографіи московской, а судя по находящейся на экземплярѣ названнаго изданія, принадлежащемъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю, вкладной подписи „митрополита (Московскаго митрополита Макарія) ключника, старца Севастьяна“, 7070 (1561 — 1562) г., она вышла въ свѣтъ, несомнѣнно, прежде 1563 г., а можетъ быть, и прежде 1562 г., слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, прежде Московскаго такъ называемаго „первопечатнаго Апостола“ (стр. 26—27). Изъ числа 48 книгъ этой коллекціи, 30 номеровъ прежде вовсе не имѣлись въ музеяхъ, а остальные находились, но въ неполномъ или поврежденномъ видѣ.

Подобный же обмѣнъ сдѣланъ музеями съ С.-Петербургскою духовною академіей, откуда получена также коллекція памятникъ славянской старопечати, преимущественно Московской и Виленской типографій, въ особенности замѣчательныхъ по сохранности и свѣжести экземпляровъ, изъ коихъ нѣкоторые, по видимому, вовсе не были въ употребленіи, и за исключеніемъ переплета, сохранились въ томъ видѣ, какъ вышли изъ типографій. Всѣхъ номеровъ въ этой коллекціи 126, въ томъ числѣ 8—XVI в., 94—XVII в. и 24—XVIII в. Изъ нихъ особенно замѣчательны двѣ слѣдующія книги: 1) Евангеліе, безъ выхода, не имѣющее помѣты ни по листамъ, ни по тетрадямъ, въ листъ, на 397 лл. „Судя по шрифту, орнаментамъ, редакціи текста и другимъ признакамъ“, сказано въ отчетѣ, — „изданіе несомнѣнно московское, и всего лѣтисятіе, принадлежащее къ древнѣйшей въ Москвѣ эпохѣ книгопечатанія, предшествующей Апостолу Ивана Федорова, 1564 г.“ (стр. 30). 2) Псалтырь безъ выхода, въ листъ, съ помѣтой внизу по тетрадямъ, коихъ 34, и сверху по ли-

стамъ, въ два счета, изъ коихъ второй начинается послѣ 124-го листа (съ 77-го псалма). Орнаменты этого изданія, за исключеніемъ немногихъ, совершенно оригинальнаго характера, какихъ не встрѣчается ни въ русскихъ изданіяхъ, ни въ южно- и западно-славянскихъ; шрифтъ изданія совершенно сходенъ съ однимъ Евангеліемъ XVI в., безъ выхода, извѣстнымъ въ весьма немногихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ находится въ музеяхъ. Судя по совокупности признаковъ, между прочимъ и по бумажнымъ знакамъ, одинаковымъ съ находящимся въ Московскомъ Апостолѣ 1564 г., эта псалтырь, подобно сходному съ нимъ Евангелію, печатана въ Вильнѣ, и притомъ, вѣроятно, прежде извѣстнаго Вилейскаго Евангелія 1575 г., а можетъ быть, прежде и переселенія московскаго книгопечатанія въ Литву. Изъ экземпляровъ этой коллекціи 90 номеровъ составили совершенно новый запасъ книгъ для музеевъ.

Третій обмѣнъ славянскихъ старопечатныхъ изданій сдѣланъ музеями съ Московскою епархіальною бібліотекою и доставилъ музеямъ 258 номеровъ, изъ коихъ 216 не имѣлись до тѣхъ поръ въ музейномъ собраніи. Главный интересъ этой коллекціи состоитъ въ массѣ изданій раскольниковъ, конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, напечатанныхъ, по показанію выходныхъ листовъ, въ Клиндахъ, Вильнѣ, Гроднѣ, Почаевѣ и Супраслѣ или выпущенныхъ въ свѣтъ безъ обозначенія года, либо мѣста печатанія, или вовсе безъ выхода. Общее число этихъ изданій, со включеніемъ дублетовъ и изданій старообрядческой единовѣрческой типографіи, восходитъ въ коллекціи до 190 номеровъ; большая часть ихъ составляютъ буквальную перепечатку, страница въ страницу и строка въ строку, соответственныхъ имъ, столь уважаемыхъ нашими раскольниками, изданій московской типографіи, вышедшихъ въ патріаршество Іосифа, а затѣмъ предыдущихъ раскольниковъ же изданій, и отличаются одно отъ другаго лишь мелкими, часто едва замѣтными, типографскими особенностями, какъ-то: мелочными разностями въ наборѣ, типографскими опечатками, орнаментами и т. п.

Остальные пріобрѣтенія музеевъ цѣлыми коллекціями по разна- триваемому отдѣлу суть: 1) Собраніе изъ 258 рукописей на китайскомъ и манчжурскомъ языкахъ, составленное извѣстнымъ нашимъ синалогомъ К. А. Скачковымъ и пожертвованное потомств. поч. гражданиномъ А. Л. Родіоновымъ. Собраніе это содержитъ въ себѣ рукописи по всѣмъ областямъ вѣдѣнія, и между прочимъ, въ историческомъ отдѣлѣ—нѣсколько сочиненій, касающихся отношеній между

Китаю и Россіей. 2) Коллекція изъ 18 славянскихъ и русскихъ рукописей, напечатанныхъ у П. Е. Брауненбурга, въ которой особеннаго вниманія заслуживаетъ рядъ записныхъ книгъ XVII в. объ устройствѣ вѣжъ и башенъ въ Московскомъ Кремлѣ, въ Муромѣ, Серпуховѣ, Юонскѣ, Суздальѣ, Волховѣ, Ржевѣ-Володимировѣ, Касимовѣ, Зарайскѣ, Калугѣ и Брянскѣ. 3) Небольшая коллекція славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, переданная изъ общества древне-русскаго искусства, которому принесена въ даръ членомъ-корреспондентомъ А. Т. Вахрушинымъ. 4) Бумаги П. А. Дубровскаго, переданныя въ музеи имъ самимъ не задолго до своей смерти, въ томъ числѣ его дневникъ и путевыя замѣтки о разныхъ мѣстностяхъ Россіи, не изданныя. 5) Собраніе автографовъ Петра Великаго и другихъ лицъ Императорскаго дома, приобретенное покупкой. 6) Собраніе автографовъ государственныхъ людей, писателей, художниковъ и другихъ лицъ, Русскихъ и иностранцевъ, въ количествѣ 154 писемъ, изъ коихъ русскихъ автографовъ, принадлежащихъ 60 лицамъ,—127, а иностранныхъ—27. Коллекція эта принесена въ даръ музеямъ почетнымъ корреспондентомъ ихъ Н. Е. Вецкимъ.

Накопецъ, розничныя приобретенія отдѣльныя рукописей и старопечатныхъ книгъ составляютъ до 60 номеровъ, считая подъ отдѣльный номеръ цѣлыя маленькія собранія, какъ напримѣръ, собраніе сочиненій Гр. Сковороды, фамильныя бумаги графа А. К. Гудовича и пр. Въ ряду этихъ приобретеній особенно замѣчательна рукопись второй части Мертвыхъ Душъ Гоголя; она есть автографъ автора, писана на 144 страницахъ почтового формата и всѣ мѣстности поправками и дополненіями автора, сдѣланными въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время, разными чернилами и отчасти карандашомъ. „Какъ извѣстно“, говорится въ отчетѣ,—,по этимъ поправкамъ, то-есть, въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ представить свое произведеніе публикѣ самъ авторъ, оно было воспроизведено профессоромъ С. П. Шевыревымъ, и потомъ въ первый разъ издано въ 1855 году П. Трушковскимъ, которымъ, въ предисловіи къ изданію, разсматриваемый автографъ Гоголя и подробно описанъ. Потомъ, въ 1857 году, въ извѣстномъ изданіи Сочиненій и писемъ Гоголя, П. А. Кулина (т. IV), кромѣ исправленнаго текста, была напечатана и первоначальная ея редакція. Въ этомъ послѣднемъ изданіи всѣ поправки автора исключены, и воспроизведенъ текстъ исправленныхъ мѣстъ въ томъ видѣ, какой они имѣли прежде передѣлки, и какъ они были переписаны самимъ авторомъ на-бѣло, прежде чѣмъ были

часть СХСII, отд. 2. 9

зачеркнуты. Но естественно, что съ одной стороны, по неразборчивости поправокъ, особенно писанныхъ карандашомъ и часто только набросанныхъ, съ другой—вслѣдствіе трудности разобрать зачеркнутыя мѣста, на что совершенно справедливо указываетъ первый издатель разсматриваемаго памятника, упомянутыя изданія строгимъ требованіемъ критики удовлетворить не могутъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изданіи, многое прочитано, даже дополнено по догадкамъ, съ которыми можно согласиться и не согласиться, иное же, по крайней неразборчивости, опущено совсѣмъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, прибавить, что въ изданіи Трушковскаго поправки и дополненія автора, сдѣланныя въ нѣсколько приемовъ, очевидно, спустя долгій промежутокъ времени, далеко не всѣ и не съ подлежащею точностью отличены одні отъ другихъ. По всему этому вновь поступившій въ составъ рукописнаго отдѣленія музеевъ памятникъ для будущихъ издателей сочиненій Гоголя долженъ со временемъ представить необходимый документъ и вмѣстѣ матеріалъ, который исчерпанъ далеко не весь" (стр. 55—56).

Что касается внутренняго устройства и каталогизаціи отдѣленія, то въ теченіе отчетнаго періода помѣщеніе его значительно расширено и снабжено новыми шкафами, а всѣ поступившія, многочисленные—какъ мы видѣли—приобрѣтенія обстоятельно описаны.

При такихъ условіяхъ успѣшнаго развитія отдѣленія не удивительно, что хранящіеся въ немъ сокровища постоянно привлекаютъ къ себѣ многихъ изслѣдователей, и должно сказать, что со стороны музеевъ они встрѣчаютъ полное содѣйствіе и готовность служить интересамъ науки. Поэтому можно сказать положительно, что безъ пособія матеріаловъ, предлагаемыхъ музеями, не обошелся ни одинъ серьезный ученый трудъ по части русской исторіи, политической и литературной, изъ числа появившихся въ послѣднее десятилѣтіе.

2) *Библиотечка* музеевъ, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ сто слишкомъ тысячъ разныхъ изданій въ числѣ, приблизительно, 250,000 томовъ и брошюръ, составляетъ, къ сожалѣнію, хотя и разнообразное, но недостаточно систематическое книжное собраніе. Рядомъ съ большими рѣдкостями по книжной части, въ ней недостаетъ еще многихъ необходимыхъ пособій современной науки, а потому на управленіе музеевъ падаетъ чрезвычайно трудная обязанность не только приобретать важнѣйшія новости иностранной ученой литературы, но и пополнять пробѣлы прежняго времени. Тѣмъ труднѣе эта обязанность при ограниченности средствъ, которыми обладаютъ

музеи, и потому еще, что пожертвованія и подарки лишь въ малой степени могутъ содѣйствовать систематическому пополненію книгохранилища. Важнѣйшій вкладъ библіотеки составляютъ, разумѣется, изданія, выходящія въ предѣлахъ Имперіи; музеи, въ силу закона, получаютъ ихъ по одному экземпляру чрезъ посредство цензурнаго вѣдомства и отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, и въ теченіе отчетнаго періода такихъ приобрѣтеній поступило 15,040 томовъ (кромя журналовъ и газетъ) и 153 экземпляра атласовъ, картъ и пластовъ. Прочія же приобрѣтенія библіотеки, за означенный періодъ времени, составляютъ до 5,000 томовъ и поступили въ нее частію отъ разныхъ частныхъ жертвователей и иностранныхъ ученыхъ учреждений, частію путемъ покупки, которая, какъ сказано выше, доступна музеямъ, при ограниченности ихъ средствъ, лишь въ самыхъ малыхъ размѣрахъ; тѣмъ не менѣе и она, въ теченіе трехъ отчетныхъ лѣтъ представляетъ замѣтное возрастаніе; такъ, въ 1873 г. было на иностранныхъ языкахъ куплено всего 23 изданія въ 159 томахъ, въ 1874—уже 373 изданія, а въ 1875 г.—390 изданій.

Важнѣйшею изъ работъ по внутреннему устройству библіотеки должно считать исключеніе изъ нея дублетовъ русскихъ и иностранныхъ и ихъ каталогизацію.

3) *Отдѣльныя издѣлія искусства и классическія древности* сдѣлало въ отчетный періодъ слѣдующія приобрѣтенія:

По *картинной галлерей*—пять картинъ масляными красками современныхъ русскихъ художниковъ К. Маковского, Виллевальде, Сорокина, Риццони, Гуна и Реймерса и одна акварель Н. Соколова, принесенная въ даръ почетнымъ членомъ музеевъ В. Л. Нарышкинымъ, и 9 портретовъ русскихъ историческихъ дѣятелей, изъ коихъ 8 писаны Ленинымъ и Боровиковскимъ.

По *отдѣлу гравюръ*—нѣсколько весьма цѣнныхъ коллекцій оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ, гравюръ и фотографій, въ общей сложности до 3,800 нумеровъ.

По *нумизматическому* кабинету — также нѣсколько коллекцій и много отдѣльныхъ экземпляровъ; между поступившими коллекціями особенно замѣчательно собраніе покойнаго нумизмата Д. Н. Сонцова, состоящее изъ 177 золотыхъ, 3,276 серебряныхъ и 1,599 мѣдныхъ монетъ (въ томъ числѣ: босфорскія, римскія, византійскія, древнегреческія, западно-европейскія, русскія, польскія, чешскія, венгерскія и трансильванскія) и 153 медалей изъ разнаго металла; русскій от-

дѣлѣ этого собранія содержать въ себѣ много экземпляровъ рѣдкихъ и трудно находимыхъ.

Отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, подобно отдѣленію рукописей и старопечатныхъ книгъ, составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей музеевъ, не смотря на то, что они сформированы только въ предпоследнее тридцатіе, а окончательное устройство получили лишь въ отчетный періодъ. Дѣло въ томъ, что въ устройствѣ этихъ отдѣленій выразилась дѣйствительная потребность современной науки, но время угаданнымъ начальствомъ музеевъ; поэтому и рѣшимость начальства музеевъ образовать эти отдѣленія, не смотря на крайнюю скудость средствъ, была вознаграждена какъ обильными пожертвованіями въ этотъ отдѣлъ хранилища, такъ и постояннымъ вниманіемъ публики къ рѣдкостямъ, въ немъ находящимся. Въ настоящемъ своемъ видѣ означенныя отдѣленія, безъ сомнѣнія, далеки отъ полноты, и конечно, требуютъ еще новыхъ заботъ о ихъ развитіи; но и то, что уже въ нихъ находится, представляетъ большой научный интересъ.

За отчетный періодъ отдѣленія сдѣлали слѣдующія важныя пріобрѣтенія:

По *доисторическимъ древностямъ*: 1) собранная въ Давии коллекція въ 90 предметовъ, принадлежащихъ къ каменному вѣку и къ періоду такъ называемыхъ *жѣлѣзныхъ остатковъ* (кухонныхъ остатковъ), въ которую входятъ рога дикаго быка и сѣвернаго оленя, клыки кабана, раковины различныхъ моллюсковъ и устрицъ, фрагменты горшковъ дурно обожженной глины, кремневые топоры, тесалые осколки, топоры шлифованные, кремневые ножи, скребки, сверла, кремневые кинжалы, наконечники стрѣлъ и копій, камешные шлифованные топоры, молоты и тѣлѣй челнокъ; коллекція эта, подлинность которой засвидѣтельствована извѣстнымъ датскимъ археологомъ г. Ворсо, подарена г. Томасомъ Петерсеномъ; 2) коллекція изъ 22-хъ предметовъ, найденная близъ р. Осетра, въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи и относящаяся къ жѣлѣзному вѣку, къ такъ называемой смѣшанной, частію финской, частію славянской культурѣ; 3) 150 предметовъ костяной культуры доисторическаго періода, добытыхъ изъ городища, раскопаннаго на средства музеевъ близъ с. Дьякова, въ восьми верстахъ отъ Москвы, за с. Коломенскимъ. Сверхъ этихъ коллекцій, въ отдѣленіе поступило нѣсколько единичныхъ предметовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

По *христіанскимъ и русскимъ древностямъ* важнѣйшимъ пріобрѣ-

теміемъ были обширныя собранія П. И. Севостьянова, подобно рукописамъ, только въ 1874 г. окончательно закрѣпленныя за музеями. Описаніе этихъ обширныхъ коллекцій требуетъ много мѣста, а потому здѣсь возможно ограничиться только перечнемъ ихъ составныхъ рубрикъ. И такъ, отдѣлъ древне-христіанскій заключаетъ въ себѣ частію въ подлинникахъ цѣльными вещами или фрагментами, частію въ копіяхъ и снимкахъ: памятники христіанской архитектуры и связанной съ нею орнаментаціи церквей мозаикой, фресками, скульптурой и пр.; памятники древне-христіанской скульптуры, какъ монументальной, такъ и мелкой; памятники христіанской живописи и въ тѣсномъ смыслѣ иконографіи; произведенія живописи миниатюрной; церковную утварь въ стеклянныхъ, глиняныхъ, металлическихъ и эмалевыхъ издѣліяхъ и церковныя одежды; отдѣлъ древне-русскій Севостьяновской коллекціи заключаетъ въ себѣ: а) въ подлинникахъ—14 рѣзныхъ божественныхъ иконъ и крестовъ русской работы съ XIV по XVIII вѣкъ, 16 рѣзныхъ деревянныхъ иконъ и крестовъ XVI—XVIII вѣковъ, 1 крестъ и 1 икона рѣзная на камнѣ XII и XVII вѣка, 153 серебряныхъ, и эмалевыхъ креста XVI—XVII вѣка, 32 креста мѣдныхъ съ финифтью и безъ оной XVII вѣка, 12 цѣпей серебряныхъ для крестовъ, 11 серебряныхъ вѣнчиковъ съ окладовъ XVI и XVII вѣка, 1 шитая икона, 1 шитый вѣнчикъ, 5 иконъ на деревѣ и хоругвей, 10 миниатюръ на бумагѣ, 6 оловянныхъ священныхъ сосудовъ, 29 пуговицъ серебряныхъ и 11 финифтяныхъ; б) въ копіяхъ: 6 слѣпковъ съ наружныхъ украшеній Дмитровскаго собора во Владимірѣ и 8 фотографій съ русскихъ древностей, хранящихся въ Ватиканѣ и музеѣ Императорской академіи художествъ. Прочіи пріобрѣтенія музеевъ по древне-христіанскимъ и русскимъ древностямъ состояли изъ болѣе мелкихъ коллекцій, и еще болѣе, изъ отдѣльныхъ предметовъ, между которыми есть однако весьма замѣчательные.

б) *Дашковскій этнографическій музей*, составляющій также одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, обогатился въ отчетный періодъ весьма замѣчательною коллекціей буддійскихъ музыкальныхъ инструментовъ и другихъ предметовъ религіознаго культа, употребляемыхъ при богослуженіи Бурятъ въ дацанахъ, коллекціей предметовъ домашнего быта Изорцевъ Пестербургской губерніи, коллекціей деревянныхъ издѣлій изъ Вологодской губерніи, нѣсколькими предметами, собранными во время Хивинской экспедиціи 1873 г., и кромѣ того, разными мелкими пожертвованіями. Каталогизація этихъ предметовъ и удобное раз-

мѣщеніе ихъ составляли предметъ особаго попеченія въ этомъ отдѣлѣ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему устройству, представляя собою уже теперь довольно полную картину нашего отечества въ этнографическомъ отношеніи.

Что касается отдѣленія 7) *иностранной этнографіи*, то музеи не имѣютъ ни средствъ, ни способовъ придать ему достаточную полноту. Тѣмъ не менѣе, отчетный періодъ принесть въ это отдѣленіе нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ, относящихся къ быту жителей острововъ Суматры, Явы, Новой Гвинеи, Новой Каледоніи, также Японіи, Китая и Буеносъ-Айреса; общее число предметовъ въ этомъ отдѣленіи простиралось до 2,700.

Наконецъ, 8) по *минералогическому кабинету* слѣдуетъ упомянуть о коллекціи въ 2,000 экземпляровъ, пожертвованной И. Д. Фонъ-Визинимъ.

СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА БЕЛЛЕРЖЕ ¹⁾.

Appréciations du tableau stéréométrique Baillaigé. Nouveau système de toiser tous les corps-segments, troncs et onglets de ces corps par une seule et même règle, par Charles Baillaigé. Quebec. 1875.

Г. Беллерже, архитекторъ въ Квебекѣ въ Канадѣ, — извѣстный математикъ. Онъ придумалъ нѣкоторыя измѣненія въ курсѣ стереометріи, съ цѣлью сократить ея преподаваніе. Въ брошюрѣ, заглавіе которой выписано выше, содержится краткое изложеніе его системы и оцѣнка ея. Кромѣ этой брошюры, авторъ написалъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: „Nouveau système de géometrie“, содержащее въ себѣ руководство къ геометріи и тригонометріи, и 2) „Clef du système et Toisé complet des surfaces et des volumes“. Но, къ сожалѣнію, книгъ этихъ не имѣется ни въ библіотекахъ Императорской публичной, Академіи наукъ и при С.-Петербургскомъ университетѣ, ни въ книжныхъ магазинахъ Петербурга; поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ для доказательства касательно вывода общей стереометрической формулы, предлагаемой г. Беллерже. По отзывамъ англійскихъ математиковъ, автору удалось, при помощи строго обдуманной системы и соответственнаго расположенія теоремъ, — на одну четвертую или пятую долю сократить курсъ стереометріи, не уменьшая его научнаго значенія.

Система Беллерже, дѣйствительно, можетъ нѣсколько сократить курсъ стереометріи, такъ какъ для вычисленія объемовъ геометрическихъ тѣлъ она предлагаетъ одну общую формулу, окончательный

¹⁾ Извлеченіе изъ отзыва о трудѣ г. Беллерже, доставленнаго въ учебный комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

результатъ которой напечатанъ имъ на одномъ изъ листовъ (подъ лит. А.), приложенныхъ къ его брошюрѣ. Вотъ эта формула:

„Обозначивъ черезъ В и В' площади параллельныхъ основаній или черезъ О, О' параллельныя сѣченія черезъ оконечности даннаго тѣла; М—площадь сѣченія параллельнаго основаніямъ, проведеннаго на равномъ разстояніи отъ каждаго изъ нихъ; Н—высоту или Д—діаметръ, перпендикулярные къ В, В' и М, получимъ общую формулу:

$$\text{Vol} = (B + B' + 4M) \frac{1}{6} H, \dots (1),$$

помощію которой опредѣляются объемы тѣлъ: призмъ, призмонада, цилиндра, цилиндрида, шара, сфероида, съ отрѣзками ихъ; объемы: пирамиды, конуса, коноида, а также и отрѣзковъ пирамиды, конуса, коноида и т. под.“ Для опредѣленія объемовъ тѣлъ неправильныхъ, ихъ разсѣкаютъ на слои такъ, чтобы кривыя линіи и поверхности подходили приблизительно къ прямымъ линіямъ и поверхностямъ, или къ опредѣленнымъ уже формамъ тѣлъ съ кривыми поверхностями; затѣмъ вычисляютъ объемъ каждаго слоя или каждой части и, по сложеніи этихъ составныхъ частей, получаютъ полный объемъ даннаго тѣла. Большая часть тѣлъ, разсматриваемыхъ въ курсахъ элементарной геометріи, при помощи этой формулы вычисляется совершенно точно; для нѣкоторыхъ изъ тѣлъ, въ особенности же для тѣхъ, которые относятся къ геометріи высшей, получаются результаты приблизительно, весьма близкіе къ истиннымъ. Для практическаго приложенія формулы къ вычисленію объемовъ тѣлъ г. Беллерже изготовлена „стереометрическая таблица“ (Tableau stéréométrique), состоящая изъ ящика, или шкафа, въ 6 футовъ длины и 4 фута ширины, въ которомъ помѣщены 200 моделей разнаго вида тѣлъ, которыя могутъ быть вычислены помощію упомянутой формулы. Модели эти сдѣланы изъ полированнаго дерева; каждая изъ нихъ посажена на металлическій штифтъ, съ котораго легко снимается и можетъ быть выдаваема учащимся въ руки, для ближайшаго съ этими тѣлами ознакомленія; по просмотру же, модели могутъ быть опять насаживаемы на соотвѣтствующіе штифты. Коллекція этихъ тѣлъ такъ разнообразна, что каждое изъ болѣе сложныхъ по виду тѣлъ можетъ быть разложено на составныя части, подходящія къ означеннымъ моделямъ. Къ письму своему авторъ приложилъ фотографическій снимокъ съ этой таблицы.

Формула $V = (B + B' + 4M) \frac{H}{6}$, на которой Беллерже основываетъ

вычисленіе объемовъ тѣлъ, въ высшей математикѣ называется *Симпсоновою* (Formule de Simpson).

Бертранъ, членъ французскаго института, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „Traité du calcul différentiel et du calcul intégral“ (Paris, 1870) резюмируетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Si une surface réglée est telle, que deux plans parallèles le coupent suivant deux courbes fermées de surfaces B et B' et que la section faite à égale distance de chacune d'elles ait pour surface M, le volume compris entre la surface et les deux bases B et B', dont la distance est H, a pour expression $V = \frac{H}{6} (B + 4M + B')$ “ (V. II pag. 331 — 337).

Эту формулу находимъ и въ сочиненіяхъ: 1) „Des ingénieurs Taschenbuch, herausgegeben von dem Verein „die Hütte“ (Berlin, 1860) и 2) въ „Rudimentary treatise on mensuration, arranged for the use of schools and practical men, Baker, c. e. (London, MDCCCL).

Для многихъ изъ тѣлъ элементарной геометріи формула эта можетъ быть строго доказана. Несомнѣнная заслуга автора передъ наукою состоитъ въ томъ, что онъ обобщилъ правило, которое до его открытія примѣнялось только къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, и помощію составленной имъ таблицы стереометрическихъ моделей облегчилъ ея примѣненіе на практикѣ. Польза отъ примѣненія усовершенствованной системы Веллерже состоитъ въ слѣдующемъ: она расширяетъ кругъ элементарной геометріи, ибо даетъ практическіе способы вычислить объемы такихъ тѣлъ, свойства которыхъ разсматриваются въ геометріи высшей; сокращаетъ время для прохожденія курса стереометріи, давая возможность пройти въ нѣсколько недѣль то, на что, по прежней системѣ, нужны были мѣсяцы; формула эта примѣнима на практикѣ къ вычисленію объемовъ тѣлъ даже и для ученика съ малоразвитыми математическими способностями, вслѣдствіе чего, при извѣстнаго рода дапныхъ, можетъ быть употребляема не только въ среднихъ, но даже въ пизшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. Для большинства тѣлъ, входящихъ въ область элементарной геометріи, при надлежащемъ выборѣ среднихъ сѣченій, она даетъ результаты вполне точные.

Какъ въ Америкѣ, такъ и въ Западной Европѣ, стереометрическая таблица г. Веллерже удостоена была одобрительныхъ отзывовъ извѣстныхъ математиковъ и ученыхъ обществъ; авторъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ воспитательныхъ и техническихъ учреж-

деній; въ Америкѣ и въ Европѣ ему присуждены семь поощрительныхъ медалей ¹⁾ за полезное открытіе.

Стереометрическая таблица (Tableau stéréométrique) г. Беллерже со всѣми къ ней дополненіями и съ курсомъ геометріи (Nouveau système de Géométrie etc.) того же автора можетъ быть рекомендована какъ весьма полезное учебное пособие для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Наибольшую пользу таблица эта могла бы принести реальнымъ училищамъ, въ учебномъ курсѣ которыхъ, преимущественно же въ архитектурѣ, строительномъ искусствѣ при построеніи машинъ и опредѣленіи прочности частей ихъ, въ задачахъ, относящихся къ нивелировкѣ и т. под., безпрестанно встрѣчается потребность вычислять объемы тѣлъ. Вычисленіе вмѣстимости разнаго вида бочекъ, резервуаровъ и сосудовъ могло бы найти себѣ примѣненіе и въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ.

¹⁾ Въ томъ числѣ и медаль отъ последней Филадельфійской выставки.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новый упрощенный словарь къ пѣснямъ Гомера по порядку стиховъ. Съ предварительными свѣдѣніями о жизни, пѣсняхъ и діалектѣ Гомера и объяснительными примѣчаніями къ тексту. Составилъ г. Веркгауптъ. I. Одиссея. Часть первая. Пѣснь I—III. Москва, 1876.

Мы имѣемъ предъ собою первый выпускъ труда, долженствующаго объять всѣ эпическія сочиненія Гомера. Въ выпускѣ этомъ содержатся кромѣ предисловія: 1) введенье: I) о жизни и пѣсняхъ Гомера (1—10 стр.); II) содержаніе и чертаніе Одиссеи (10—14 стр.); III) о гомеровскомъ діалектѣ (15—36 стр.). 2) Словарь, въ которомъ слова группируются по порядку стиховъ и ихъ содержанія. 3) Примѣчанія, помѣщенные подъ текстомъ словаря и относящіеся къ стихамъ, слова коихъ разбираются на страницѣ.

Г. Веркгауптъ, для большаго успѣха въ изученіи древне-классическихъ языковъ, отвергаетъ (см. предисл., стр. 1.) даже спеціальныя словари, какъ, напримѣръ, „Vollständiges Griechisch-Deutsches Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden von Dr. E. E. Seiler“, какъ пособія, дѣлающія „приготовительный трудъ ученика—механическимъ“, и считаетъ методомъ болѣе цѣлесообразнымъ тотъ, по которому ученикамъ сообщается прямо каждое слово, встрѣчающееся въ текстѣ, съ освобожденіемъ ихъ отъ употребленія полнаго алфавитнаго словаря греческаго языка. Почему Зейлеръ, — который въ алфавитномъ порядкѣ разбираетъ каждое слово и, точно обозначивъ основное его значеніе, переходитъ ко всѣмъ производнымъ его значеніямъ, — этимъ общепринятымъ способомъ болѣе способствуетъ механическому изученію предмета, чѣмъ г. Веркгауптъ, — это тайна составителя, укрывающаяся отъ взоровъ обыкновенныхъ педагоговъ; точно также трудно понять, какаѣ доля самостоятельности заключается въ томъ умственномъ трудѣ, который предлагаетъ г.

Веркгауптъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что словарь Зейлера, явившійся въ 1863 г. уже шестымъ изданіемъ, всѣмъ признанъ за весьма почтенный трудъ, чего, вѣроятно, не случилось бы, еслибы онъ содѣйствовалъ только механическому изученію греческаго языка; словарь же г. Веркгаупта, какъ видно уже изъ вышеприведеннаго перечня содержанія перваго выпуска, безспорно освобождаетъ учащагося отъ всякаго соображенія. Если, стихъ за стихомъ, слово за словомъ, ведутъ ученика старшихъ классовъ на помочахъ,—если объясняютъ ему каждую грамматическую форму, потомъ подходящее значеніе каждаго слова и, наконецъ, указываютъ на самую мысль, выраженную словами: то неужели это возбуждаетъ его мыслительныя способности? Никто изъ педагоговъ, не придерживающихся выдумки Фрейнда, не согласится ввести словарь, предлагаемый г. Веркгауптомъ, въ училищахъ, гдѣ предполагается изучать древніе языки путемъ филологическихкихъ соображеній.

Статьи № 1 и № 3, помѣщенныя въ первомъ выпускѣ, конечно, не бесполезны, хотя относительно древне-іоническаго діалекта уже существуютъ учебныя пособія, вполне соотвѣтствующія своему назначенію, напримѣръ, Бѣлицкаго, Кюнера-Коссовича и др.; точно также и примѣчанія, предлагаемая составителемъ, не лишены достоинствъ. Еслибы эти примѣчанія приложены были къ вѣрному тексту Гомера то они могли бы служить весьма пригоднымъ учебнымъ пособіемъ, но въ соединеніи съ разбираемымъ словаремъ они вовсе не соотвѣтствуютъ идеямъ, изложеннымъ въ учебныхъ планахъ по преподаванію въ нашихъ гимназіяхъ классическихкихъ языковъ. Затѣмъ, словарь, отвергающій алфавитный порядокъ, не представляетъ никакой возможности, въ данномъ случаѣ, наводить справки по какому либо слову, а потому, пользуясь имъ, все-таки нельзя обойтись безъ полнаго словаря для занятій Гомеромъ, не говоря ужъ о другихъ греческихъ авторахъ.

Locutionum latinarum thesaurus или латинская фразеологія. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій при составленіи латинскихъ письменныхъ работъ. Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Одесса. 1876.

Г. Бѣлицкій сдѣлалъ доброе дѣло, составивъ для учениковъ высшихъ классовъ нашихъ гимназій вышеозначенный трудъ, восполняющій ощутительный пробѣлъ въ русской учебной литературѣ. Удивительно только, что г. Бѣлицкій утаиваетъ источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ цѣликомъ свою книгу. Въ предисловіи онъ гово-

рять: „при составленіи книги я пользовался лучшими нѣмецкими руководствами, предназначенными для той-же цѣли“, давая этимъ понять, будто предлагаемая имъ книга—самостоятельный трудъ, лишь основывающійся на изученіи лучшихъ нѣмецкихъ учебниковъ подобнаго рода. На самомъ же дѣлѣ г. Бѣлицкій ограничился дословнымъ переводомъ нѣмецкаго руководства: *Locutionum latinarum thesaurus oder Lateinische Phrasologie zum Gebrauch bei den lateinischen Stilübungen in den oberen Gymnasial-Klassen. Zusammengestellt von Dr. Hermann Probst, Director des Königlichen Gymnasiums zu Essen. 1874.* Мы не упрекаемъ г. Бѣлицкаго за то, что онъ прибѣгнулъ къ переводу иностраннаго сочиненія: хорошій переводъ хорошей книги—всегда заслуга; зачѣмъ же онъ не указалъ прямо на единственный свой источникъ?

Въ книгѣ Пробста, выдержавшей уже четыре изданія, обильный и отборный матеріалъ очень удачно подведенъ подъ категоріи, которыя обнимаютъ фразы, относящіяся къ одному общему понятію, какъ, напримѣръ, *Gott, Religion, Cultus.—Geburt, Leben, Tod.—Arbeit und Vergnügen.—Thätigkeit und Ruhe.—Entschluss und Vorsatz* и т. д. По этимъ категоріямъ съ ихъ подраздѣленіями ученикъ легко отыщетъ нужный ему оборотъ. Переводъ вообще вѣренъ и точенъ. „Указатель главнѣйшихъ словъ“ составляетъ самостоятельный трудъ г. Бѣлицкаго, ибо указателя, основывающагося на алфавитѣ каждаго языка, уже нельзя перевести дословно.

К. Ф. Зюноле. Статьи для перевода на латинскій языкъ. Руководство, переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *К. Павлюковскимъ* и *В. Исаенковымъ*, преподавателями древнихъ языковъ при Московской 3-й гимназіи. Часть I. Курсъ высшихъ и среднихъ классовъ. Съ 16-го нѣмецкаго изданія. Москва. 1876.

Книга эта представляетъ переводъ нѣмецкаго учебника, известнаго подъ заглавіемъ: „Aufgaben zu Lateinischen Stilübungen. Mit besonderer Berücksichtigung von *Krebs* Anleitung zum Lateinschreiben und *Zumpt's*, *Schulz's* und *Feldbausch's* lateinischen Grammatiken und mit Anmerkungen versehen von *Karl Friedrich Süpfle*. Erster Theil. Aufgaben für untere und mittlere Klassen“. Предлагаемый переводчиками трудъ, безъ сомнѣнія, принесетъ немаловажную пользу, ибо ученики нашихъ гимназій найдутъ въ немъ почти новый и свѣжій матеріалъ для перевода съ русскаго языка на латинскій, сравнительно съ „Руководствомъ“ Якова Смирнова и съ „Темами Тишера“ въ переводѣ Ва-

сова. Переводъ сдѣланъ вообще вѣрно, и русскій текстъ на столько приноровленъ къ литературному языку, на сколько это возможно при сохраненіи той конструкціи, которая приблизительно требуется въ латинской рѣчи. Разсматриваемая книга въ дидактическомъ отношеніи имѣетъ немаловажное преимущество передъ подлинникомъ: слова и примѣчанія, относящіеся къ отдѣльнымъ §§, напечатаны въ нѣмецкомъ изданіи на той же страницѣ, какъ и соответствующій текстъ; въ русскомъ же они помѣщены въ концѣ книги, въ видѣ приложеній.

Древніе классики для русскихъ читателей. Переведенные съ англійской серіи классиковъ В. Коллинза. Изданіе В. Ковалевскаго. С.-Пб. 1876 — 1877. 1) Гомеръ: Иліада.—2) Гомеръ: Одиссея.—3) Юлій Цезарь. Пер. Брюловой-Кавелиной. — 4) Ксенофонтъ. Подъ редакціей М. Прахова. — 5) Платонъ. Пер. Ф. Резенера. — 6) Виргилій. Подъ редакціей Н. Полюбоускаго.

Цѣль изданія объяснена въ предисловіи къ первому тому, заключающему въ себѣ Иліаду. Оно имѣетъ въ виду лицъ, не получившихъ классическаго образованія, но желающихъ познакомиться, хотя въ краткомъ, популярномъ изложеніи, съ содержаніемъ произведеній великихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣтъ сомнѣнія, что англійское изданіе вполне удовлетворяетъ существующей потребности; извѣстно, что въ англійской публикѣ оно пользуется успѣхомъ. Пріятно видѣть, что такая же потребность проявляется, или по крайней мѣрѣ, предполагается и въ нашей образованной публикѣ. Что касается предлагаемаго средства къ ея удовлетворенію, то конечно, было бы гораздо лучше, еслибъ издатель могъ предложить оригинальную русскую обработку, а не переводъ съ англійскаго, въ которомъ удержаны всѣ спеціальныя приноровленія къ англійской публикѣ (сравненія съ Шекспиромъ, Теннисономъ и т. д.); но вѣроятно, это оказалось не легко исполнимымъ. Во всемъ, что касается классическаго образованія и знакомства съ классическою литературою, мы не имѣемъ права быть слишкомъ притязательными и должны довольствоваться тѣмъ, что намъ даютъ. На этомъ основаніи мы воздерживаемся и отъ замѣчаній, къ которымъ подаетъ поводъ содержаніе и тонъ нѣкоторыхъ мѣстъ комментарія къ Иліадѣ и Одиссеей. Касательно Юлія Цезаря сожалѣемъ только о замѣчаніяхъ, безъ нужды прибавленныхъ переводчикомъ подъ текстомъ, и о неправильной транскрипціи нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напримѣръ, Жерговей—вмѣсто Герговія. Вообще же переводъ книжки о Цезарѣ удовлетворителенъ. Томикъ, посвященный Ксенофону, долженъ быть при-

знанъ наиболѣе удачнымъ и по содержанію, и по его изложенію въ русскомъ переводѣ; въ послѣднемъ отношеніи онъ даже вполне безукоризненъ.

На томикѣ, посвященномъ Платону, особенно ясно видны невыгоды того, что книжка эта написана не для русскихъ читателей, а для англійскихъ. Въ исторіи философіи русскіе читатели привыкли ко взглядамъ и приемамъ германскихъ мыслителей, и потому имъ можетъ показаться недостаточнымъ изложеніе англійскаго автора, исключительно державшагося сочиненій о Платонѣ своихъ соотечественниковъ — Джовита и Грота. Чтобы видѣть, какъ велико можетъ быть здѣсь разногласіе взглядовъ, достаточно привести одно мѣсто изъ разбираемой книги. Изложеніе Платонова ученія о нравственности оканчивается у нашего автора слѣдующими словами: „Въ одномъ смыслѣ Платонъ не отрицаетъ *полезности* добродѣтели: онъ совѣтуетъ держаться знаменитаго изреченія, встрѣчающагося въ Платоновой *Республикѣ* и принятаго Гротомъ за эпиграфъ къ своимъ тремъ томамъ о Платонѣ: „Наиболѣе прекрасная вещь, которая уже сказана, или можетъ быть когда-либо сказана, состоитъ въ томъ, что выгодное достопочтенно, а вредное подло“ (стр. 231). Придавать такое особое значеніе этому изреченію, въ которомъ польза (разумѣется не личная) причисляется къ достохвальнымъ дѣламъ, можно только при расположеніи къ утилитаризму, желающему доказать, что польза вообще есть единственное достохвальное дѣло, единственный принципъ нравственности. Впрочемъ, авторъ не думаетъ выставить Платона утилитаристомъ и приводитъ многія его мнѣнія, отличающіяся тѣмъ возвышеннымъ идеализмомъ, который мы привыкли приписывать Платону. Но во всемъ очеркѣ взглядовъ Платона мы не находимъ ничего дѣльнаго. Определеннаго взгляда на Платона нѣтъ въ этой книгѣ, и авторъ, очевидно, даже не задавался мыслью изложить смыслъ Платоновой философіи и сколько-нибудь указать ея мѣсто въ исторіи. Излагая содержаніе различныхъ разговоровъ, авторъ очень мало останавливается на ихъ философской мысли, или даже презрительно отъмывается о ней (напримѣръ, стр. 37), но за то подробно говоритъ о дѣйствующихъ лицахъ и обстановкахъ, пересказываетъ многи и цитаты изъ поэтовъ и т. п. Такимъ образомъ, изъ разбираемой книги можно узнать не ученіе Платона, а только литературную форму его сочиненій и тѣ предметы, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Конечно, и это полезно и можетъ располагать къ изученію Платона; но изъ

литературы объ этомъ древнемъ философѣ, можетъ быть, можно бы сдѣлать лучшій выборъ для русскихъ читателей.

Что касается до перевода, то хотя онъ грамматически правиленъ и свободенъ отъ безсмыслицы, однакоже не вполне ясенъ и точенъ. Такъ, въ приведенномъ нами мѣстѣ вмѣсто „*смиренное* достоинственно“ очевидно нужно бы поставить: „*полезное* достойно похвалы“; вмѣсто „вредное *подло*“—„достойно осужденія“, или тому подобное.

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ.

„Самые недостатки діалоговъ, отсутствіе метода и общая разсудительность должны были правиться“ (стр. 18). Вмѣсто *отсутствіе метода*, очевидно, должно стоять: отсутствіе порядка, системы. Но что значить *общая разсудительность*?

„Гдѣ доводъ принимаетъ, тамъ его и прилагать“ говорить онъ (Платонъ) въ сносѣ „*Республикѣ*“ (стр. 18). Слово *принимаетъ* слишкомъ неумѣство, и все правило выражено неудобопонятно.

„Греческая философія порождена стихотворствомъ“ (стр. 24). Не стихотворствомъ, а конечно, *поэзіею*—хотѣлъ сказать авторъ.

„Анаксимандръ думалъ, что вселенная была первоначально *пламенной вайной*“ (стр. 26). Очевидно—дурной переводъ.

„Платонъ выбылъ изъ него (изъ ученія элеатовъ) *духъ навеселѣ*“ (стр. 37). Непонятно, что именно сдѣлалъ Платонъ. Это мѣсто принадлежитъ сверху того къ числу презрительныхъ отзывовъ, которые у нашего автора дѣлаются чаще всего о философахъ предшествовавшихъ Платону, но иногда и о самомъ Платонѣ (см. стр. 17).

„Сократъ подвергалъ обсужденію и критикѣ, а часто и *разрушалъ правотычныя общія мнѣта* нравственности“ (стр. 80). Понять эту фразу можно; но, очевидно, слова *разрушать*, *правотычный*, *общее мнѣсто* здѣсь употреблены неправильно и должны бы быть замѣнены другими синонимическими.

Подобныхъ неточностей въ языкѣ—множество.

Переводчикъ прибавилъ къ переводу свои пояснительныя примѣчанія, копейно, не безполезныя, но слишкомъ неравномѣрныя и иногда неудачныя. Напримѣръ, слово *дихотомія* объясняется такъ: „По производству слова: распредѣленіе поровну“ (стр. 35). Не распредѣленіе, а просто *раздѣленіе*, и не поровну, а просто *надвое*.

„Филонъ іудейскій, греческій философъ третьяго столѣтія до Р. Х.“ (стр. 238). Тутъ переимѣшаны три лица и три столѣтія. Да сверхъ того, противорѣчіе тексту, въ которомъ на стр. 239 сказано: „Филонъ жилъ какъ разъ передъ христіанскою эрой“ (стр. 239).

Книжка, посвященная въ изданіи г. Ковалевскаго *Виргилію*, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ въ этой серіи; она содержитъ въ себѣ не простой переразказъ содержанія *Виргиліевыхъ* твореній (*Буколикъ*, *Георгикъ* и *Энеиды*), но и характеристику поэзіи *Виргилія*. Изложеніе автора даетъ ясное понятіе и о поэтическомъ значеніи сочиненій, и объ ихъ отношеніяхъ какъ къ личности поэта и современной ему дѣйствительности, такъ и къ предшествовавшимъ образцамъ. Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ мѣстахъ, обставляя ихъ примѣчаніями или приводя, для лучшаго ознакомленія съ сочиненіемъ, нѣкоторые изъ него отрывки. Послѣ краткаго очерка личности поэта, онъ начинается съ *Буколикъ*, какъ первыхъ стихотвореній *Виргилія*. Сказавъ нѣсколько словъ о сущности пастушеской поэзіи, онъ указываетъ прежде всего на тѣ эклоги (I, VIII и XI), въ которыхъ *Виргилій*, подъ видомъ пастушковъ, выводитъ на сцену себя самого и своихъ друзей; потомъ на VI-ю, гдѣ *Силень* воспѣваетъ силы природы, и наконецъ, на IV-ю, самую знаменитую, которую толковали какъ поэтическое пророчество о пришествіи Мессіи. При сужденіи о *Георгикахъ* также указаны образцы, которыми подражалъ авторъ, а за тѣмъ излагается содержаніе каждой книги, съ интересными замѣтками о предметѣ каждой, при чемъ авторъ дозволяетъ себѣ иногда сравненіе сельско-хозяйственныхъ представленій *Виргилія* съ современными намъ, или вѣрнѣе, съ англійскими, а въ заключеніи выражается взглядъ на всю поэму какъ на такое твореніе, въ которомъ всего яснѣе являются личность поэта, его привычки и религіозныя убѣжденія. Изложенію *Энеиды* посвящено 14 главъ. Здѣсь тоже на первомъ мѣстѣ отношеніе *Энеиды* къ поэмамъ *Гомеровымъ*. Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что *Энеида* — поэма тенденціозная, имѣющая цѣлю заквѣпить за великимъ домомъ *Юліевъ* законное владычество надъ *Римомъ* и прославить доблести этого дома въ лицѣ *Августа*, но что, кромѣ этой тенденціи, въ поэмѣ обнаруживается и чувство *Виргилія* — его отвращеніе отъ войны, какъ зла, чѣмъ онъ и отстунаетъ отъ *Гомера*, называющаго войну состязаніемъ, веселящимъ мужей (стр. 55). Изложеніе событій, изображаемыхъ въ *Энеидѣ*, также прерывается по мѣстамъ интересными объясненіями и замѣтками; авторъ говоритъ, напримѣръ, о взглядѣ *Наполеона I* на разказъ о деревянномъ конѣ, какъ на вымыселъ неправдоподобный (стр. 66); при разказѣ о гонкахъ судовъ упомянуто о современныхъ состязаніяхъ подобнаго рода (стр. 106); при разказѣ о *Хароновой* лодкѣ приведено старинное преданіе въ сѣверной *Франціи* (стр. 132—

133). Последняя глава содержитъ заключительныя замѣтки касательно двухъ обстоятельствъ, препятствующихъ популярности Энеиды, какъ эпической поэмы, и касательно вліянія этой поэмы на новую поэзію.

Переводъ книжки о Виргиліи вообще удовлетворителенъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, напримѣръ: *брыкнсть* (стр. 4), *миловидность* діалога (стр. 17), *пытатель* природы (стр. 30), *инуския* сорпыя травы (стр. 33), *изловить королеву* (стр. 42), вмѣсто *матокъ*, *царицъ*; предлагаютъ всевозможныя *приспособленія* (стр. 60), почъ становится *всею чернью* (стр. 67), приходятъ *съ близка* и *изъ далеко* (стр. 101), *удрать*, *удираетъ* (стр. 212), *классицистическо* (стр. 219).

Замѣтимъ также, что, переводя популярное изложеніе англійскаго автора, переводчикъ говоритъ иногда отъ себя, напримѣръ, на стр 102 („а у насъ въ Россіи отъ варяжскихъ пришельцевъ“).

Grammaire en action par Jean Fleury. 4-e édition. Petersbourg. 1876.

Грамматика г. Флери является уже четвертымъ изданіемъ, по словамъ автора, значительно упрощеннымъ и снабженнымъ русскими переводомъ. Изданіе это отстываетъ отъ перваго какъ по расположенію учебнаго матеріала, такъ и потому, что отдѣлъ практическихъ упражненій, состоявшій изъ большаго числа отрывковъ, совершенно выпущенъ. Въ новомъ изданіи мы встрѣчаемъ также теорію образованія словъ съ нѣкоторыми простѣйшими правилами орфографіи, которыя отсюда вытекаютъ; главу о гомонимахъ и упрощенія относительно спряженій глагола. Статья о предложеніи изложена совершенно аналогически съ ученіемъ о предложеніи, которое встрѣчаемъ въ грамматикахъ русскаго и нѣмецкаго языковъ; разницу въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ грамматическія особенности, которыя свойственны исключительно французскому языку. Напримѣръ, *la proposition infinitive: je vois venir mon frère*. Употребленіе временъ, наклоненій, между прочимъ сослагательнаго, изложены просто и ясно. Правила касательно употребленія причастій и члена также доведены г. Флери до значительной простоты. Многія изъ этихъ правилъ новы: по словамъ автора, они составлены имъ, на основаніи долгаго опыта, который имѣлъ онъ, какъ преподаватель французскаго языка въ Россіи, и на основаніи филологическихкихъ изысканій о романскихъ языкахъ, которыя онъ издалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ за границею.

Petit cours de littérature française suivi de morceaux choisis des principaux chefs-d'œuvre de la langue française par Dominique Karatschoune. (Малый курсъ французской литературы, съ образцами лучшихъ произведений. Составилъ Д. Карачунъ). Харьковъ, 1875.

Это сочиненіе содержитъ въ себѣ: 1) краткій обзоръ исторіи французской литературы отъ ея начала до настоящаго времени, 2) избранныя мѣста въ стихахъ и прозѣ, 3) краткій словарь.

Первая часть, заключающая въ себѣ 78 страницъ, представляетъ перечень главнѣйшихъ писателей и ихъ сочиненій. Понятно, что авторъ въ такомъ сжатомъ объемѣ не могъ дать надлежащаго понятія о сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые вошли въ его курсъ французской литературы; онъ ограничивается только именами и заглавіями сочиненій, сопровождая ихъ краткими объясненіями и слишкомъ поверхностными сужденіями. Подобный краткій обзоръ французской литературы приложенъ къ извѣстной хрестоматіи Вине (Vinet); но надобно признаться, что тамъ онъ такъ обработанъ, что могъ бы послужить прекраснымъ образцомъ для г. Карачунъ. Что касается до разсужденій, критики и мнѣній автора, то тутъ встрѣчаешь много неосновательнаго и ошибочнаго. Укажемъ примѣры: на стр. 17 авторъ говоритъ: „произведенія Мольера могутъ быть распределены на три класса: 1) Комедіи образцовыя. 2) Комедіи отдѣльныя. 3) Фарсы. Какаѣ же разница между комедіями образцовыми и комедіями отдѣльными? Въ курсѣ на этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта. На стр. 15 нѣсколько строкъ, посвященныхъ Циннѣ, даютъ такое неполное и ложное понятіе объ этой трагедіи Корнеля, что лучше было бы въ этомъ случаѣ упомянуть одно заглавіе. Вотъ это мѣсто: Le sujet de la tragédie de Cinna est *pris* dans l'histoire de l'empire romain (est tiré de l'histoire romaine было бы лучше). Cinna conspire contre l'empereur Auguste qu'il veut tuer pour donner aux Romains un gouvernement libre (?). Mais il est trahi. Auguste, prévenu à temps, fait venir Cinna et les autres conjurés, leur parle avec douceur (онъ говоритъ только съ Цинной) et les pardonne. Какое достоинство могутъ имѣть сужденія въ родѣ слѣдующихъ? „Les tragédies de Racine ont un caractère aristocratique“. „On voit dans l'avocat Pathelin le caractère d'un fripon artificieux“, стр. 24 и стр. 6.

Эта часть книги не только не представляетъ особеннаго достоинства, но заставляетъ предполагать, что авторъ не обладаетъ и совершеннымъ знаніемъ французскаго языка. Такъ, напримѣръ, на 1-й страницѣ у него встрѣчается слово *trouver*, которое пишется

trouvères; онъ даже въ единственномъ числѣ пишетъ *trouvers*. Авторъ безупречно употребляетъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: la tragédie *nommée* le Cid (13 стр.), la comédie célèbre *nommée* Les Précieuses ridicules, quatre comédies *nommées* L'Avare etc. Les fables *nommées*: Le chêne et le Roseau etc. Il a écrit des tragédies qui sont toutes des chefs-d'oeuvre: la première *en* est *nommée* Andromaque — une comédie qui *S'appelle* les Plaideurs. Разбирая драму Esther, авторъ употребилъ слово *défenderesse* какъ форму женскаго рода отъ *defenseur*, между тѣмъ какъ *défenseur* не имѣетъ особенной формы для женскаго рода, а слова *défendeur* *defenderesse* значать отвѣтчикъ, отвѣтчица. Авторъ пишетъ: *Iphigenie* devait être sacrifiée *par* (вмѣсто à cause) le vœu de son père. Racine ne composa rien quoi-qu'il n'avait (ви. eût) que trente huit ans. Изъ этихъ фразъ видно, что авторъ дѣлаетъ ошибки противъ правильнаго употребленія предлоговъ и наклоненій. Превосходная степень иногда также ставится не на мѣстѣ: la plus remarquable oeuvre satirique du siècle de Louis, c'est...

Отрывки въ прозѣ и стихахъ выбраны вообще очень странно; за ними должны бы слѣдовать объясненія и замѣчанія, безъ которыхъ они иногда непонятны. Въ этомъ отдѣлѣ также попадаются стихи, неудобные для чтенія въ классѣ. Такъ, напримѣръ, стр. 58.

Hélas! c'est un enfant tout nouveau né, madame;
Son sort assurément a lieu de vous toucher;
Et c'est dans votre cour que j'en viens d'accoucher.

Словарь съ перваго взгляда представляетъ также много недостатковъ: не указанъ родъ именъ существительныхъ. Найдешь слово *promis*, а нѣтъ *promettre*; помѣщены слова *rougvoeur*, *rougvi*, *rouguique* а нѣтъ *rougvoir*; встрѣтишь *plaisant*, но напрасно будешь искать *plaire*. Находится слово *promptété* вмѣсто *promptitude*:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1876 ГОДУ.

Со времени реформы гимназій, въ Журналѣ Мипистерства Народнаго Просвѣщенія ежегодно печатались отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости.

Отчеты эти выражали въ паглядной формѣ, въ статистическихъ данныхъ, успѣхъ классическаго приготовительнаго образованія въ Россіи, какой достигнуть со времени преобразованія гимназій, и съ тѣмъ вмѣстѣ указывали нѣкоторые недостатки преподаванія, въ различныхъ учебныхъ округахъ, происходящіе отъ разнообразныхъ причинъ. Къ цифрамъ статистики прилагалось извлеченіе изъ отзывовъ попечительскихъ совѣтовъ, въ которыхъ гг. профессора мѣстнаго университета или другіе спеціалисты, назначенные попечителемъ, обсуждали письменныя работы экзаменующихся и другіе вопросы текущаго учебнаго года, повѣряя отчеты гимназій и разъясняя своими замѣчаніями то, что не могло быть выражено цифрами съ достаточною подробностью.

Случалось, что отзывы попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій представляли дѣло преподаванія въ другомъ свѣтѣ, нежели численные выводы статистики. Такъ, въ иномъ округѣ гимназисты блистательно выдерживали экзаменъ, судя по отсутствію неудовлетворительныхъ отмѣтокъ; между тѣмъ, при разсмотрѣніи въ попечительскихъ совѣтахъ работъ учениковъ, оказывалось, что уровень преподаванія въ томъ округѣ не стоитъ на высокой степени, и познаніями молодые люди отстаютъ отъ воспитанниковъ другихъ учебныхъ округовъ.

Въ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости были указываемы и мѣры, принятыя въ нѣкоторыхъ округахъ, къ исправленію усмотрѣнныхъ частей схем, отд. 4.

недостатковъ преподаванія, и съ тѣмъ вмѣстѣ примѣры замѣчательнаго успѣха отъ принятыхъ мѣръ. Конечно, было бы желательно, чтобы распоряженія, оказавшіяся на практикѣ полезными въ одномъ округѣ, были распространены на другіе и чтобы оцѣнка знанія экзаменуемыхъ производилась въ различныхъ округахъ равномернѣе. Поэтому сравнительное изученіе результатовъ окончательнаго испытанія въ гимназіяхъ, безспорно, весьма полезно, и можетъ во многомъ послужить учебнымъ начальствамъ указаніемъ, какъ ввести болѣе усовершенствованное преподаваніе и достигнуть, чтобы гимназіи различныхъ мѣстностей были поставлены по возможности на одинъ и тотъ же высокій уровень.

Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости постоянно появлялись въ печати довольно поздно, когда наступалъ новый срокъ испытанія и новые экзамены уже были окончены. Данныя, заключающіяся въ отчетахъ, не представляютъ такимъ образомъ вполне современнаго интереса и свѣдѣнія, столь полезныя для соображенія лицъ, руководящихъ преподаваніемъ и ходомъ испытаній, лишь по прошествіи цѣлаго года могутъ пригодиться для практики. Нельзя не пожалѣть о такомъ замедленіи; но болѣе своевременное появленіе этихъ свѣдѣній въ печати зависитъ отъ содѣйствія мѣстныхъ учебныхъ управленій, которыя могли бы, намъ кажется, доставлять безъ затрудненія въ министерство свои отчеты не позже декабря или января каждаго года. Даже и въ то позднее время, когда эта статья поступаетъ въ печать, еще не получено отчетовъ о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа, и такимъ образомъ нѣтъ возможности подвести всѣ итоги по испытаніямъ зрѣлости за 1876 годъ.

Здѣсь пока изложены статистическіе выводы объ испытаніяхъ зрѣлости 1876 года; вслѣдъ за симъ будутъ публикованы извлеченія изъ отзывовъ попечительскихъ совѣтовъ, поясняющія уровень преподаванія, мѣры принятія къ его усовершенствованію и правильность произведенныхъ испытаній.

Общее число пожелавшихъ подвергнуться испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ было въ 1873 году—1.178 человекъ, въ 1874 г.—1.383, въ 1875 г.—1.684, въ 1876 г.—1.605.

Ихъ разпредѣленіе по учебнымъ округамъ выражается въ слѣдующей таблицѣ:

	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.
Въ С.-Петербургскомъ	188	205	194	194
„ Московскомъ	245	212	252	288
„ Казанскомъ	249	231	123	122
„ Оренбургскомъ	—	—	45	60
„ Харьковскомъ .	157	130	171	138
„ Одесскомъ	76	107	167	146
„ Киевскомъ	177	167	221	166
„ Виленскомъ	66	78	105	94
„ Варшавскомъ	—	—	150	168
„ Дерптскомъ	—	216	199	202
„ Западной Сибири.	14	24	30	19
„ Восточной Сибири	6	13	27	8
Всего	1.178	1.373	1.684	1.605

Въ разъясненіе приведенной таблицы слѣдуетъ напомнить, что въ 1874 году образованъ новый учебный округъ, Оренбургскій, въ составъ котораго вошли четыре гимназіи, отдѣленные отъ Казанскаго округа; отъ того же округа и въ томъ же году отчислены Нижегородская гимназія и Нижегородскій Александровскій институтъ, присоединенные къ Московскому округу. Пензенская гимназія, принадлежавшая къ Казанскому округу, причислена къ Харьковскому, и въ замѣнъ того Орловская, изъ вѣдѣнія Харьковскаго, поступила въ вѣдѣніе Московскаго. Дерптскій учебный округъ только въ 1874 г. вошелъ въ составъ общей отчетности, а Варшавскій—съ 1875 г. Вслѣдствіе такихъ измѣненій въ составѣ учебныхъ округовъ, число учащихся и подвергающихся испытанію въ Казанскомъ округѣ уменьшилось почти на половину. Въ прочихъ округахъ уменьшеніе являющихся къ испытанію замѣчается въ 1876 г., въ сравненіи съ предыдущими тремя годами, только въ одномъ Киевскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ въ 1875 г. былъ особенно значительный приливъ экзаменующихся; въ 1876 г. ихъ число уменьшилось на 55 человекъ противъ 1875 г., и на 11 человекъ или 6% противъ 1873 г. Въ округахъ Одесскомъ, Виленскомъ и въ Западной Сибири, хотя въ 1876 г. явилось менѣе къ экзамену, нежели въ 1875 г., но болѣе чѣмъ въ предшествующіе два года. Такимъ образомъ, число желающихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости вообще увеличилось, въ Одесскомъ округѣ въ сравненіи съ 1873 годомъ почти вдвое—на 92%, въ Виленскомъ — на 42%, въ Московскомъ на 17%, въ С.-Петербур-

бургскомъ на 3%, въ Западной Сибири на 35%, въ Восточной на 33%, въ Оренбургскомъ округѣ на 33% и въ Варшавскомъ округѣ на 12% въ сравненіи съ 1875 годомъ; въ Дерптскомъ округѣ приращеніе незначительно, и наконецъ, въ Харьковскомъ округѣ число экзаменующихся колеблется за всѣ четыре года довольно неправильно около числа 150 человѣкъ. Въ общемъ итогѣ число явившихся въ 1876 г. къ испытаніямъ зрѣлости нѣсколько уменьшилось, въ сравненіи съ предыдущимъ 1875 годомъ, именно на 4%; по сравнительно съ 1873 г. оно увеличилось на 36%; а за исключеніемъ Варшавскаго и Дерптскаго округовъ, не входившихъ въ составъ отчетности 1873 г., общее число являющихся къ испытанію зрѣлости въ другихъ учебныхъ округахъ увеличилось съ того времени въ общей сложности на 5%. Среднимъ числомъ окончившихъ гимназическій курсъ приходилось въ 1876 году на каждый учебный округъ по 158 человѣкъ, если не считать Восточной и Западной Сибири, гдѣ число учащихся весьма ограничено.

Раздѣляя общую массу экзаменующихся на разряды по мѣсту воспитанія, мы получимъ слѣдующіе выводы: при 109 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 1876 г. явилось къ испытанію зрѣлости молодыхъ людей 1.555. Большинство, 1.324 человѣка обучались въ самихъ же правительственныхъ гимназіяхъ, и выпущены изъ VIII класса. Только въ Дерптскомъ округѣ 9 человѣкъ допущены къ экзамену изъ учениковъ младшаго отдѣленія старшаго класса гимназій. Число постороннихъ лицъ, пожелавшихъ получить свидѣтельство зрѣлости, ограничивалось цифрою 222 человѣка, что составляетъ около 14% общаго числа подвергавшихся испытанію; въ 1873 г. ихъ было 17%, въ 1874 г.—19%, въ 1875 г.—15% общей массы, слѣдовательно, число лицъ этой категоріи за послѣдніе три года уменьшается. Число воспитанниковъ, явившихся къ экзамену при трехъ церковныхъ училищахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и четырехъ частныхъ гимназій въ обѣихъ столицахъ составляло всѣхъ мѣстъ 50 человѣкъ, то-есть, 3% въ общей массѣ. Въ среднемъ выводѣ приходится на каждую правительственную гимназію экзаменующихся по 12 воспитанниковъ гимназій и по 2 постороннихъ лица; на каждое церковное училище около 10 человѣкъ, и на каждую частную гимназію около 4.

Наиболѣе значительнымъ округомъ, по числу воспитанниковъ правительственныхъ гимназій, является въ 1876 г. Московскій учебный округъ, въ которомъ пожелали подвергнуться испытанію 250 гимна-

зистовъ въ 20 гимназіяхъ округа. За нимъ слѣдуетъ Варшавскій, въ которомъ заявили желаніе экзаменоваться 162 гимназиста въ 18 гимназіяхъ округа, Кіевскій 159 гимназистовъ въ 10 гимназіяхъ, Дерптскій 135 въ 8 гимназіяхъ, Харьковскій 122 въ 9 гимназіяхъ, Петербургскій 119 въ 13 гимназіяхъ, Одесскій 109 въ 8 гимназіяхъ, Казанскій 104 въ 7 гимназіяхъ. Виленскій 92 въ 8 гимназіяхъ, Оренбургскій 56 въ 4 гимназіяхъ, и, наконецъ, въ Западной Сибири подвергались испытанію 17 человекъ, при 2 правительственныхъ гимназіяхъ и въ Восточной Сибири 8 при 1 Красноярской.

Наиболѣе гимназистовъ приходится на каждую гимназію въ Дерптскомъ учебномъ округѣ—по 17, въ Кіевскомъ по 16, въ Казанскомъ по 15, въ Московскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ по 12 или 13, въ Петербургскомъ, Оренбургскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ по 9, 10 или 11, въ Западной и Восточной Сибири по 8 человекъ.

Изъ вѣдомости № 1, приложенной къ концу этой статьи, видно, что minimum оканчивающихъ гимназическій курсъ оказывается въ Петербургскомъ учебномъ округѣ (кроме Сибири) и составляетъ 9 учениковъ на гимназію, а maximum, въ Дерптскомъ округѣ, составляетъ число почти вдвое большее—17 человекъ.

Сличая приведенныя цифры съ результатами предыдущихъ годовъ, усматриваемъ, что въ 1873 году въ Московскомъ учебномъ округѣ явилось къ испытанію зрѣлости 209 воспитанниковъ, въ 14 правительственныхъ гимназіяхъ, и приходилось по 15 человекъ на гимназію; въ 1874 г. это число уменьшилось до 167, въ 1875 снова увеличилось до 223, и нынѣ болѣе противъ 1873 г. на 20%; вмѣстѣ съ тѣмъ и число гимназій округа увеличилось до 20. Подобное же колебаніе, въ числѣ выпускныхъ учениковъ, замѣчается и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Для нагляднаго обозрѣнія числа учениковъ правительственныхъ гимназій, явившихся къ испытанію зрѣлости въ различныхъ округахъ и въ различные годы, со времени введенія реформы, прилагается слѣдующая таблица, въ которой послѣдовательность округовъ расположена по численности гимназистовъ, окончившихъ курсъ ученія въ 1873 году.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	ИСПИСАНИЕ ПІДНАЗІСТОВЪ, АВІВШИХСЯ КЪ ИСПИТАНІЮ ЗРѢЛОСТИ.									
	Въ 1873 году.			Въ 1874 г. число учениковъ.	Въ 1875 г. число учениковъ.	Въ 1876 году.			Въ 1876 году, въ сравненіи съ 1873 годоу, было уче- никовъ.	Въ 1876 году, въ сравненіи съ 1873 годоу, было уче- никовъ.
	Число гипназій.	Число учени- ковъ.	Приво- дятся въ каждую гипназію.			Число гипназій.	Число учени- ковъ.	Приво- дятся въ каждую гипназію.		
Московский.	14	209	15	167	223	20	250	12	19,6°	—
Казанскій	14	199	14	188	102	7	104	15	—	47,7°
Кіевскій	8	151	19	160	207	10	159	16	5,3°	—
Харьковский	9	105	12	111	152	9	122	13	16,2°	—
Петербургскій	12	84	7	111	111	13	119	9	41,6°	—
Віленскій	9	63	7	74	100	8	92	11	46°	—
Одесскій	8	47	6	72	130	8	109	13	139°	—
Дерптскій	—	—	—	123	112	8	135	17	9,7°	съ 1874 года
Варшавскій.	—	—	—	—	143	18	162	9	13,3°	съ 1875 года
Оренбургскій	—	—	—	—	40	5	56	11	40°	съ 1873 года
Западная Сибирь	2	14	7	24	—	—	17	8	21,5°	—
Восточная Сибирь	1	6	6	12	27	1	8	8	33,3°	—
Всего.	77	878	11	1042	1374	109	1333	12	51,8°	—

Изъ этой таблицы видно, что число училищъ умножилось съ 1873 г. открытіемъ вновь 6 гимназій, кромѣ вошедшихъ въ общую отчетность 8 гимназій Дерптскаго округа и 18 гимназій Варшавскаго; число же гимназистовъ, явившихся къ испытанію, увеличилось повсемѣстно, во всѣхъ учебныхъ округахъ, кромѣ Казанскаго, изъ котораго выдѣлены 7 гимназій и присоединены къ сосѣднимъ округамъ. Наименѣе увеличилось это число въ округахъ Кіевскомъ, всего только на 5%, и Дерптскомъ на 10%; наиболѣе увеличилось въ Петербургскомъ на 41, 6%, Виленскомъ на 46% и въ Одесскомъ, болѣе чѣмъ вдвое, на 139%. Число желающихъ получить аттестатъ зрѣлости, изъ гимназистовъ, увеличилось повсемѣстно, не только въ общемъ итогѣ по каждому округу, но также въ частномъ распредѣленіи, по скольку ихъ приходится на каждую гимназію округа; исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ: Кіевскій учебный округъ, въ которомъ за 1873 г. приходилось по 19, а за 1876 г. приходится по 16 человѣкъ на гимназію; тѣмъ не менѣе Кіевскій округъ занимаетъ второе мѣсто, послѣ Дерптскаго, по численности выпускныхъ учениковъ, и Московскій округъ, въ которомъ число гимназистовъ, оканчивающихъ курсъ, понизилось съ 15 до 12 человѣкъ на гимназію, но Московскій округъ превосходить общими числами своихъ учениковъ прочіе округа.

Затѣмъ, отношеніе числа постороннихъ лицъ, воспитанниковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, въ различныхъ учебныхъ округахъ, къ общей массѣ экзаменуемыхъ въ томъ же округѣ, за четыре года, со времени реформы гимназій, выражено въ слѣдующей таблицѣ:

Въ округахъ:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
С.-Петербургскомъ, постороннихъ	26 (13,8%)	41 (20%)	50 (25,7%)	38 (19,6%)
учениковъ церковныхъ училищъ	26 (13,8%)	30 (14,6%)	21 (10,8%)	32 (16,5%)
учениковъ частныхъ гимназій	52 (27,6%)	23 (11,2%)	12 (6,2%)	5 (2,6%)
Московскомъ, постороннихъ	31 (12,6%)	39 (18,4%)	29 (11,5%)	25 (8,7%)
учениковъ частн. гимназій.	5 (2%)	6 (2,8%)	—	13 (4,5%)
Казанскомъ, постороннихъ	50 (20%)	43 (18,6%)	21 (17%)	18 (14,8%)
Оренбургскомъ	—	—	5 (11,1%)	4 (6,6%)
Харьковскомъ	52 (33,1%)	19 (14,6%)	19 (11,1%)	16 (11,6%)
Одесскомъ, постороннихъ.	16 (21%)	17 (15,9%)	17 (10,1%)	37 (25,4%)
учениковъ частн. гимназій.	13 (17,1%)	18 (16,8%)	20 (12%)	—

Въ округахъ:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Кіевскомъ, постороннихъ .	26 (14,6%)	7 (4,2%)	14 (6,8%)	7 (4,2%)
Виленскомъ >	3 (4,5%)	4 (5,1%)	5 (4,7%)	2 (2,1%)
Варшавскомъ >	—	—	7 (4,6%)	6 (3,5%)
Дерптскомъ >	—	93 (43%)	87 (43,7%)	67 (33,2%)
Запад. Сибиря >	—	—	3 (10%)	2 (10,5%)
Восточ. Сибиря >	—	1 (7,6%)	—	—
Всего постороннихъ .	204 (17,2%)	264 (19%)	257 (15,8%)	222 (13,8%)
Учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гим- назій	96 (8,1%)	77 (5,6%)	53 (3%)	50 (3,1%)

Число постороннихъ лицъ, какъ видно изъ этой таблицы, увеличилось въ 1876 г., только въ одномъ Одесскомъ учебномъ округѣ, болѣе чѣмъ вдвое противъ предыдущаго года, и равняется числу постороннихъ лицъ и воспитанниковъ частныхъ гимназій того же округа, вмѣстѣ взятымъ за предыдущій годъ. Во всѣхъ прочихъ округахъ число постороннихъ лицъ уменьшается. Напротивъ, число учениковъ церковныхъ училищъ прибываетъ. Число воспитанниковъ частныхъ гимназій крайне ничтожно и неравномерно: въ 1875 г. частныя гимназіи Москвы не представили ни одного изъ своихъ учениковъ къ экзамену; въ 1876 г. Одесскія частныя гимназіи точно также. Число постороннихъ лицъ, являющихся въ гимназіи къ испытанію зрѣлости, было въ 1876 г. наиболѣе значительно въ Дерптскомъ учебномъ округѣ (67), Петербургскомъ (38) и Одесскомъ (37); наименѣе значительно въ Виленскомъ (2), Варшавскомъ (6), Кіевскомъ (7), Орелбургскомъ (4), и составляло, въ общей суммѣ лицъ, заявившихъ желаніе экзаменоваться въ гимназіяхъ соотвѣстственнаго округа: въ Дерптскомъ округѣ около 33%, въ Одесскомъ 25%, въ Петербургскомъ 20%, Казанскомъ 15%, Харьковскомъ 11%, Московскомъ 8%, Оренбургскомъ 6%, Кіевскомъ 4%, Варшавскомъ 3%, Виленскомъ 2%, а въ Западной Сибири 10%. Въ Восточной Сибири не было желающихъ экзаменоваться изъ постороннихъ лицъ. Число учениковъ церковныхъ училищъ Петербургскаго округа составляетъ 16% въ сравненіи съ общимъ числомъ подвергавшихся испытанію въ этомъ округѣ въ 1876 г.; число воспитанниковъ частныхъ гимназій только 2%; и, наконецъ, число учениковъ частныхъ гимназій въ Московскомъ округѣ около 5%.

Повторимъ выше сказанное: въ общемъ итогѣ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ 1876 году подлежали испытанію 1605 человекъ;

въ томъ числѣ гимназистовъ 1333 или 83% общаго числа, постороннихъ лицъ 222 или 13,8% общей массы; въ церковныхъ училищахъ подвергались испытанію 32 или 2% общей массы, и въ частныхъ гимназіяхъ 18 человекъ или 1,1%. Изъ каждаго ста лицъ, состоявшихъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, нѣсколько менѣе 14 было постороннихъ, и нѣсколько болѣе 86 — учениковъ гимназій правительственныхъ и частныхъ.

По правиламъ объ испытаніяхъ зрѣлости, исключаются изъ общаго списка желающихъ подвергнуться испытанію тѣ ученики, которые, судя по ихъ успѣхамъ въ отдѣльныхъ предметахъ и поведенію, въ теченіе послѣдняго года, признаются не достигшими зрѣлости умственной или нравственной; изъ постороннихъ же лицъ — тѣ, которые въ представленныхъ ими написанныхъ документахъ, какъ, на примѣръ, въ прошеніи и жизнеописаніи обнаружили очевидный недостатокъ зрѣлости, или обучались ранѣе въ какой либо гимназіи, но по расчисленію времени, со дня выхода изъ нея, не могли окончить гимназическаго курса къ наступающему сроку экзамена.

Въ 1876 г. устранены такимъ образомъ отъ испытанія, по малоуспѣшности въ ученіи, 38 гимназистовъ (2,7%) и 5 по нравственной незрѣлости (0,3%). Наиболѣе незрѣлыхъ оказалось въ Казанскомъ учебномъ округѣ, 9 человекъ изъ 122, явившихся къ испытанію или 7,4%; наименѣе — въ Харьковскомъ округѣ, 1,4%; въ Петербургскомъ, Кіевскомъ и Виленскомъ учебныхъ округахъ исключено около 2% въ каждомъ; въ округахъ Московскомъ, Оренбургскомъ и Варшавскомъ нѣсколько болѣе этого числа; въ округахъ Одесскомъ, Дерптскомъ и въ Сибири никто не былъ отстраненъ отъ испытанія изъ учениковъ гимназій. Въ Казанскомъ округѣ 5 устранены по слабости познаній, обнаруженныхъ ими въ теченіе учебнаго года, и 4 за неодобрительное ихъ поведеніе; въ Оренбургскомъ округѣ, 1 по слабости познаній и 1 за неодобрительное поведеніе. Изъ постороннихъ же лицъ, 4 человека въ Одесскомъ округѣ не удостоились допущенія къ испытанію, по п. а § 44 правилъ объ экзаменахъ, то-есть, какъ бывшіе воспитанники гимназій, не докончившіе курса, и явившіеся къ испытанію зрѣлости ранѣе дозволеннаго срока. Затѣмъ, испытаніе отсрочено на годъ, по болѣзни, 6 ученикамъ правительственныхъ гимназій, 1 ученику Московской частной гимназіи и 10 постороннимъ. Что же касается до неуваженія къ порядку, установленному при испытаніяхъ (п. і § 55 правилъ), то за подобную вину, никто не былъ наказанъ въ минувшемъ году отстраненіемъ отъ экзамена.

Общій итогъ не допущенныхъ или устраненныхъ отъ испытаній не превышаетъ 47 лицъ, или 2,9%, всего числа явившихся къ испытанію.

Слѣдующая таблица прилагается для сравненія тѣхъ же выводовъ съ предшествующими годами:

Не были допущены къ испытанію:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Гимназисты, по малой успѣшности.	90(10,2%)	40(3,8%)	33(2,4%)	38(2,7%)
По нравственной незрѣлости .	20(2,3%)	7(0,7%)	3(0,2%)	5(0,3%)
Постороннія лица:				
по п. а. § 44 . .	2	14	4	4
по п. б. того-же §.	2} 3,9%	—} 6,4%	—} 2,3%	—} 1,8%
по п. в. того-же §. . .	4	3	2	—
Отсрочено испытаніе по болѣзни гимназистамъ	4	11	4	7
постороннимъ	5} 0,7%	4} 1%	4} 0,5%	10} 1%
На основаніи п. і. § 56 правилъ отложено испытаніе на годъ гимназистамъ .	3	4	6	—
постороннимъ. . .	2} 0,4	—} 0,3	—} 0,3	—

Всего устранено отъ испытанія. .	132(11,1%)	83(6%)	56(3,3%)	64(3,9%)

Число устраненныхъ отъ испытанія, какъ видно изъ этой таблицы, значительно уменьшилось съ 1873 года. Хотя 1876 годъ былъ въ этомъ отношеніи не столь благоприятенъ, какъ предыдущій 1875 г., тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что число устраненныхъ по безуспѣшности и за дурное поведеніе и въ этомъ году незначительно: приходится на каждый округъ менѣе 4-хъ человѣкъ, и менѣе 1 на каждыя два или три училища.

За устраненіемъ или за болѣзнію показанныхъ здѣсь 64 человѣкъ, дѣйствительно подверглись испытанію зрѣлости всего 1541; именно: учениковъ правительственныхъ гимназій 1286, — или 83,4% общаго числа подвергавшихся испытанію; постороннихъ лицъ 208 — или 13,5%, воспитанниковъ церковныхъ училищъ 30 или 2% и частныхъ гимназій 17 или 1,1%.

Соотвѣтствующія цифры предшествовавшихъ годовъ указаны въ слѣдующей таблицѣ:

Подвергались исп- пыт. зрѣлости:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Учениковъ пра- вит. гимназій.	770(74,1%)	990(75,9%)	1928(81,6%)	1286(83,4%)
Учениковъ церк. училищъ и част. гимназій	91(8,7%)	75(5,7%)	53(3,2%)	47(3,1%)
Посторонн. лицъ.	178(17,1%)	240(18,4%)	247(15,2%)	208(13,5%)
Всего.	1039	1305	1628	1541

Результаты этой таблицы совпадаютъ съ выводами, приведенными выше, о числѣ явившихся къ экзамену: общее число подвергавшихся испытанію зрѣлости въ минувшемъ году нѣсколько уменьшилось, противъ предыдущаго года, но всего на 5,3%.

Не смотря на нѣкоторое уменьшеніе въ 1876 г., какъ явившихся къ экзамену, такъ и числа подвергавшихся испытанію зрѣлости, число благополучно его выдержавшихъ нѣсколько значительное, въ сравненіи съ предыдущимъ 1875 годомъ, а именно на 1%.

Самый благопріятный исходъ для экзаменующихся имѣли испытанія въ округѣ Казанскомъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, и въ округѣ Петербургскомъ въ церковныхъ училищахъ: ученики этихъ заведеній удостоились всѣ безъ исключенія аттестата зрѣлости. Признаніе достойными аттестата всѣхъ гимназистовъ цѣлаго округа безъ исключенія (Казанскаго) — примѣръ до сего времени единственный. За тѣмъ лучшіе успѣхи въ наукахъ обнаружили на испытаніяхъ зрѣлости гимназисты Одесскаго учебнаго округа: изъ 109 человекъ, только 1 не выдержалъ экзамена. Въ правительственныхъ гимназіяхъ Петербургскаго округа около 96% признаны зрѣлыми, въ Дерптскомъ округѣ болѣе 93%, въ Киевскомъ 91%, въ Харьковскомъ 90,8%, въ Варшавскомъ 90,4%, въ Виленскомъ 90%, въ Московскомъ 85,6%, въ Оренбургскомъ 72%, въ Западной Сибири 75% и въ Восточной Сибири 50%. Такой результатъ можно считать весьма удовлетворительнымъ; только въ Оренбургскомъ округѣ и въ Сибири, въ обѣихъ ея полосахъ, Восточной и Западной, оказалось значительное число дурно подготовленныхъ.

Постороннія лица, какъ и въ прежніе три года, оказались на испытаніяхъ гораздо хуже. Въ Московскомъ округѣ, изъ 25 явив-

шихся къ испытанію, только 4 или 17,4% выдержали экзаменъ, въ Оренбургскомъ 1 изъ 4 или 25%, въ Варшавскомъ 33,3%, въ Киевскомъ 42,8%, въ Петербургскомъ, Дерптскомъ, Одесскомъ, Виленскомъ и Харьковскомъ около половины, отъ 50% до 51,6%. Въ Казанскомъ округѣ, испытанія этого разряда молодыхъ людей дали болѣе благопріятные результаты: 14 изъ 18 или 78% изъ числа явившихся выдержали экзаменъ. Въ Западной Сибири два посторонніе явившіеся къ экзамену его не выдержали.

Въ частныхъ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа 91,7% оказались удовлетворительными; въ Петербургскихъ частныхъ гимназіяхъ, въ которыхъ испытанія минувшаго 1875 года были весьма удачны, въ текущемъ 1876 году только 5 человекъ явились, къ экзамену и выдержали его только 3, или 60%.

Общій выводъ оказывается такой, что изъ числа 1541, подвергавшихся испытанію, 1310 или 85% удостоились аттестата зрѣлости. Для сравненія съ предыдущими годами прилагается таблица, указывающая успѣхи, достигнутые различными разрядами экзаменующихся:

Подвергалось испытанію ¹⁾ :	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
учениковъ правит. гимназій	770 (74,1%)	990 (75,9%)	1328 (81,6%)	1286 (83,4%)
» церковн. училищъ	25 (2,4%)	28 (2,1%)	21 (1,3%)	30 (2%)
частныхъ гимназій.	66 (6,4%)	47 (3,6%)	32 (2%)	17 (1,1%)
постороннихъ лицъ	178 (17,1%)	240 (18,4%)	247 (15,2%)	208 (13,5%)

Всего	1039	1305	1628	1541

Удостоились аттестата или
свидѣтельства зрѣлости ²⁾:

учениковъ правит. гимназій	684 (75,8%)	781 (78,8%)	1127 (84,8%)	1166 (90,7%)
» церковн. училищъ	23 (92%)	28 (100%)	20 (95,2%)	30 (100%)
» частныхъ гимназій	21 (31,8%)	30 (63,8%)	22 (68,7%)	14 (82,4%)
постороннихъ лицъ. . . .	57 (32%)	79 (32,9%)	129 (52,2%)	100 (48,1%)

Всего	685 (65,9%)	918 (70,3%)	1298 (79,7%)	1310 (85%)

Не выдержали испытанія ³⁾:

учениковъ правит. гимназій	186 (24,1%)	209 (21,1%)	201 (15,2%)	120 (9,3%)
» церковн. училищъ	2 (8%)	—	1 (4,8%)	—
» частныхъ гимназ.	45 (68,2%)	17 (36,1%)	10 (31,2%)	3 (17,6%)
постороннихъ лицъ. . . .	121 (68%)	161 (67,1%)	118 (47,8%)	108 (51,9%)

Всего.	354 (34,1%)	387 (29,7%)	330 (20,2%)	231 (15%)

¹⁾ Въ скобкахъ показано процентное отношеніе численности каждаго разряда къ общему числу всѣхъ экзаменовавшихся.

²⁾ Въ скобкахъ показаны % выдержавшихъ и не выдержавшихъ.

Изъ этой таблицы видно, что число выдерживающихъ экзаменъ годъ отъ году умножается. Въ особенности бросается въ глаза удачный исходъ экзаменовъ за всѣ четыре отчетные года для учениковъ церковныхъ училищъ въ Петербургѣ. Частныя гимназіи представляютъ результатъ не вполне удовлетворительный, и наименѣе удовлетворительны результаты испытанія постороннихъ лицъ. Въ 1876 году число воспитанниковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ экзамена, не достигало 10⁰/₀; учениковъ частныхъ гимназій не выдержало около 18⁰/₀; изъ постороннихъ лицъ только половина получили отмітки удовлетворительныя.

Въ минувшихъ годахъ, однимъ изъ попечительскихъ совѣтовъ было высказано мнѣніе, что часто тяжелая обстановка многихъ лицъ, воспитывающихся въ гимназіяхъ, имѣетъ вліяніе на слабость ихъ познаній, а на оцѣнку ихъ вліяетъ незнакомство съ ними преподавателя гимназій, ихъ экзаменующаго. Общественное положеніе отбѣчающаго и его благосостояніе, конечно, не должны имѣть, ни въ какомъ случаѣ, вліянія на оцѣнку познаній испытуемаго; что же касается до втораго указанія, то едва-ли можно предполагать, чтобы постороннимъ лицамъ не оказывалась та же снисходительность какъ и ученикамъ гимназій; во всякомъ же случаѣ, для полного разъясненія этого обстоятельства было бы желательно, чтобы попечительскіе совѣты, при разсмотрѣніи письменныхъ работъ, обращали особенное вниманіе на труды послѣдняго указаннаго здѣсь разряда молодыхъ людей, съ цѣлью опредѣлить по возможности уровень ихъ познаній, сравнительно съ учениками правительственныхъ гимназій.

Въ общемъ итогѣ въ 1876 году, изъ числа лицъ, подвергавшихся испытанію, не удовлетворили опредѣленнымъ требованіямъ — одна шестая часть, и даже менѣе, всего 231 человекъ или 15⁰/₀. Въ 1873 году число неисправныхъ достигало *одной трети* всего числа допущенныхъ къ испытанію, въ 1874 *одной четверти*, въ 1875 году *одной пятой*. Улучшеніе очевидное, предполагая, конечно, что лучшіе результаты получаютъ отнюдь не вслѣдствіе послабленій, которыя не должны быть допускаемы, а вслѣдствіе возвышенія уровня познаній учащихся.

Причины неуспѣха на испытаніяхъ весьма трудно опредѣлить по однимъ статистическимъ даннымъ. Въ 1876 г. наиболѣ затрудняли дурно приготовленныхъ, какъ и въ прежніе годы, четыре основныя предмета гимназическаго преподаванія: математика, латинскій языкъ, русскій языкъ и греческій. Неудовлетворительныя отмітки относятся

наиболѣе къ численнымъ испытаніямъ по этимъ предметамъ, какъ убѣждаютъ слѣдующія цифры:

Въ 1876 г. не выдержали испытаній: письменнаго, устнаго, рительныхъ оти́токъ.	всего неудовлетво-		
	токъ.		
по математикѣ.	113 (48,9°/о)	23 (10°/о)	136 (58,9°/о)
изъ русской словесности	94 (40,7°/о)	17 (7,4°/о)	111 (48,1°/о)
латинскаго языка.	111 (48,1°/о)	28 (10°/о)	134 (58°/о)
„ греческаго „	56 (24,2°/о)	18 (7,8°/о)	74 (32°/о)

Для сравненія съ предыдущими годами, прилагается здѣсь другая таблица, показывающая число невыдержавшихъ испытанія по каждому предмету отдѣльно, за всѣ четыре года, и процентное ихъ отношеніе къ общему числу невыдержавшихъ; для болѣе удобнаго обозрѣнія, сопоставлены всѣ предметы гимназическаго курса безъ исключенія:

Не выдержали экзамена:	въ 1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
изъ закона Божія	2 (0,5°/о)	10 (2,5°/о)	7 (2,1°/о)	6 (2,6°/о)
> математики	172 (48,4°/о)	242 (62,4°/о)	186 (56°/о)	136 (58,9°/о)
> русскаго языка	161 (45,2°/о)	172 (44,4°/о)	171 (51,8°/о)	111 (48,1°/о)
> латинскаго языка	199 (56,2°/о)	244 (63°/о)	168 (50,9°/о)	134 (58°/о)
> греческаго языка	—	114 (28,6°/о)	82 (24,8°/о)	74 (32°/о)
> исторіи	10 (2,8°/о)	27 (7°/о)	21 (6,3°/о)	20 (8,7°/о)
> географіи	3 (0,8°/о)	5 (1,2°/о)	5 (1,5°/о)	—
> физики и математической географіи	3 (0,8°/о)	3 (0,7°/о)	10 (3°/о)	2 (0,9°/о)
новыхъ иностранныхъ языковъ.	—	11 (2,8°/о)	12 (3,6°/о)	11 (4,5°/о)

Математика, русская словесность и латинскій языкъ оказываются одинаково затруднительными для дурно приготовленныхъ: болѣе *малыми* ихъ неудовлетворительно отвѣчаютъ по каждому изъ этихъ трехъ основныхъ предметовъ. Неудспѣхъ въ греческомъ языкѣ является только *третья часть* неисправныхъ; остальные предметы не затрудняютъ и *десятой* ихъ части. Дурныя оти́тки по закону Божию падаются случайно единицами; только въ Дерптскомъ округѣ неудовлетворительно отвѣчающіе по этому предмету встрѣчаются постоянно. Вѣроятно требованія на экзаменѣ предъявляются здѣсь болѣе строгія; но и въ Дерптскомъ округѣ число незнающихъ уменьшается годъ отъ году: въ 1874 не выдержали экзамена изъ закона Божія 8 учениковъ, въ 1875 г.—7, въ 1876 г.—4.

Если для повѣрки тѣ же цифры неудовлетворительныхъ оти́токъ, которыя довольно согласны между собой за всѣ четыре года, мы сравнимъ, въ послѣднемъ 1876 году, съ общимъ числомъ под-

вергавшихся испытанію вообще, то получимъ слѣдующіе выводы: изъ общаго числа экзаменуемыхъ, не выдержали испытанія по математикѣ 8,8%, по русской словесности 7,2%, изъ латинскаго языка 8,7%, изъ греческаго языка 4,8%, изъ исторіи 1,3%, изъ физики и математической географіи 0,1%, изъ новыхъ языковъ 0,7% и закона Божія 0,4; то-есть, изъ первыхъ трехъ главныхъ предметовъ приходится на каждые 100 человѣкъ по 7 или 8 незнающихъ, во всѣхъ гимназіяхъ Имперіи, изъ греческаго языка 5 человѣкъ, или 1 незнающій на 20 человѣкъ, изъ исторіи одинъ на 100; изъ прочихъ наукъ незнаніе является случайностью, не всегда оказывается одинъ на 100, и почти такой же однообразный выводъ составляетъ, какъ сказано, результатъ исчисленій за всѣ четыре года.

За тѣмъ, любопытно сравнить, за послѣдній же 1876 годъ, число неудовлетворительныхъ аттестацій, данныхъ объ ученикахъ правительственныхъ гимназій, съ числомъ дурныхъ отгѣтокъ, поставленныхъ постороннимиъ лицамъ.

Съ этою цѣлью составлена слѣдующая таблица:

	Учениковъ правител. гимназій.	Постороннихъ лицъ.
Общее число подвергавшихся испытанію въ 1876 г. ¹⁾	1286	208
Число неудовлетворительныхъ отгѣтокъ:		
По математикѣ	59 (4,6%)	76 (36,5%)
Изъ русской словесности	42 (3,3%)	69 (33,2%)
" латинскаго языка	66 (5,1%)	67 (32,2%)
" греческаго языка	32 (2,5%)	42 (20,2%)
" исторіи.	7 (0,5%)	13 (6,3%)
" физики и математической географіи.	—	1 (0,5%)
" новыхъ языковъ	—	11 (5,3%)
" закона Божія	1 (0,1%)	5 (2,4%)
Общее число неудовлетворительныхъ отгѣтокъ	207 (16,1%)	284 (136,5%)
Общее число не выдержавшихъ испытаніе	120 (9,3%)	108 (51,9%)

¹⁾ Въ скобкахъ показано процентное отношеніе числа неудовлетворительныхъ отгѣтокъ къ числу подвергавшихся испытанію.

Изъ этой таблицы видно, что трудность той или другой науки, для двухъ указанныхъ нами разрядовъ экзаменующихся, совершенно одинакова; разница заключается только въ томъ, что между молодыми людьми, воспитанными въ гимназіяхъ, встрѣчается въ пять разъ болѣе людей неспособныхъ или дурно приготовленныхъ. На латинскомъ экзаменѣ постороннія лица дали въ 6 разъ болѣе неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, чѣмъ ученики гимназіяхъ, по математикѣ въ 8 разъ болѣе, по русской словесности, греческой и другимъ предметамъ въ 10 разъ болѣе. Съ другой стороны, отдѣльное изслѣдованіе о знаніи молодыхъ людей, воспитанныхъ въ гимназіяхъ, даетъ по этой таблицѣ результаты болѣе удовлетворительные, нежели общая таблица, помѣщенная на стр. 17: по главнымъ предметамъ, изъ 100 гимназистовъ встрѣчается не болѣе 5 дурно приготовленныхъ, по греческому языку не болѣе 2 или 3, по прочимъ предметамъ не всегда находятся 1 незнающій изъ 100 человекъ.

Сличеніе общаго числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по разнымъ предметамъ съ числомъ лицъ, не выдержавшихъ испытанія вообще, убѣждаетъ, что не случайная неудача была виною неуспѣха сихъ послѣднихъ, а въ выдачѣ аттестата или свидѣтельства зрѣлости отказано такимъ молодымъ людямъ, которые вообще дурно учились. Такъ, въ 1873 г., на каждые 100 человекъ, не выдержавшихъ испытанія, приходилось по 156 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, въ 1873 г.—214, въ 1875 г.—200, въ 1876 г.—214; слѣдовательно, каждый не выдержавшій испытанія *провалился*, по школьному выраженію, по крайней мѣрѣ въ двухъ различныхъ предметахъ. Въ частности тѣ же исчисленія даютъ въ 1876 г. для учениковъ частныхъ гимназій 100%, учениковъ правительственныхъ гимназій—172% и постороннихъ лицъ—263%; иными словами: изъ 3 воспитанниковъ частныхъ гимназій, каждый не выдержалъ экзамена по одному предмету; изъ учениковъ правительственныхъ гимназій—по одному или двумъ предметамъ; изъ постороннихъ же лицъ, каждый давалъ вовсе неудовлетворительные отвѣты по крайней мѣрѣ по двумъ или тремъ предметамъ.

Обратимся, затѣмъ, къ изученію хода испытаній по каждому отдѣльному предмету преподаванія. Изъ главныхъ предметовъ въ гимназіяхъ, греческій языкъ считается особенно важнымъ; знающему этотъ древній языкъ открывается доступъ въ тотъ классическій міръ, откуда ведетъ свое начало современная образованность, и который установилъ образцы по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Эллинофобы утверждаютъ, между прочимъ, будто бы изученіе греческаго

языка дѣлается излишнимъ, за существованіемъ переводовъ всѣхъ писателей древняго міра. Знающіе греческій языкъ хорошо понимаютъ, какое великое различіе существуетъ между оригиналомъ классическаго писателя и его лучшими переводами; но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ на русскомъ языкѣ, за немногими исключеніями, не только лучшихъ, но и посредственныхъ переводовъ классическихъ писателей, и тѣ немногіе переводы, которые были изданы, нынѣ устарѣли по слогу, или рѣдко попадаютъ въ продажѣ, составляя библіографическую рѣдкость. Другой древній народъ, на произведеніяхъ котораго и нынѣ воспитывается юношество во всѣхъ историческихъ странахъ міра, Римляне, сами считали необходимымъ условіемъ высшаго образованія—знаніе греческаго языка. Тѣмъ болѣе удивительно, что Русскіе, которымъ греческій языкъ легче изучать, чѣмъ какой-либо другой, по сходству оборотовъ рѣчи, грамматическихъ формъ и даже многихъ корней словъ съ языкомъ отечественнымъ и церковно-славянскимъ, до сего времени какъ-бы пренебрегали изученіемъ древней литературы и быта народа, имъ родственнаго, по историческимъ воспоминаніямъ и вѣроисповѣданію, отъ котораго они заимствовали отчасти свое государственное устройство и всѣ церковныя книги. Къ сожалѣнію, пробѣлъ, оставленный, въ этомъ отношеніи, въ воспитаніи русскихъ молодыхъ людей, въ прежніе годы, еще не могъ быть вполне пополненъ, и преподаваніе греческаго языка не введено еще во всѣхъ положенныхъ для того классахъ всѣхъ гимназій.

Слѣдующая таблица показываетъ общее число гимназистовъ, обучавшихся греческому языку, выпуска 1876 года, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытанію въ томъ же году и по тому же предмету, съ раздѣленіемъ ихъ по каждому учебному округу; для сравненія приведены цифры 1873, 1874 и 1875 годовъ, и показано въ концѣ таблицы, сколько остается гимназистовъ, не обучавшихся греческому языку въ VII классѣ гимназій, такихъ, которые въ слѣдующемъ 1877 г. окончатъ гимназическій курсъ ученія, безъ знанія этого важнаго предмета.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	Подверг. испыт. въ 1876 г. вообще		Въ томъ числѣ изъ греческаго языка.	Процентъ отнош. по- слѣднихъ къ перв.	Тоже за 1875 годъ.	Тоже за 1874 годъ.	Тоже за 1873 годъ.	Въ какихъ гим- назіяхъ не было введено въ 1876 году преподава- ніе греческаго языка въ VII классъ, и сколь- ко гимназистовъ ему не обучались.
С.-Петербургск.	188	123 ¹⁾	65,4		188(100%)	92(47,1%)	47(27,5%)	Архангельская.
Московский	271	244 ¹⁾	90		241(100%)	191(100%)	145(66,8%)	2 (Орловск.)
Казанскій ²⁾	113	97	85,8		54(45%)	43(20,4%)	44(19,8%)	5 (Симбирск.)
Оренбургскій ³⁾	54	38	70,4		—	—	—	6(Уфим. и Перм.)
Харьковский	134	76	56,7		16(9,5%)	10(8,2%)	6(4,6%)	3 (Пензенск.)
Одесскій	140	72	51,4		61(37,4%)	26(26,2%)	16(27,1%)	6 (Римск., Киник. и Синферопольск.)
Кіевскій	163	141	86,5		77(36,5%)	53(32,%)	45(28,1%)	2 (Черниговск.)
Виленьскій	92	92	100		101(100%)	77(100%)	42(70%)	—
Варшавскій	162	162	100		140(100%)	—	—	—
Дерптскій	198	198	100		198(100%)	215(100%)	—	—
Запад. Сибирь	18	—	—		—	—	—	Тобол. и Томск.
Восточ. Сибирь	8	—	—		—	—	—	Красноярская.
Всего	1541	1243	80,6		1076(66,1%)	707(64,1%)	345(33,2%)	Въ 4 гимназіяхъ и сверхъ того 24 человека въ другихъ гимна- зіяхъ.
Въ томъ числѣ гимназистовъ	1333	1114	83,6		892(64,6%)	562(52,7%)	—	
Постороннихъ	208	129	62%		184(74,5%)	145(60,4%)	—	

¹⁾ По свидѣніямъ, доставленнымъ г. управляющимъ Петербургскаго округа, никто изъ постороннихъ лицъ (37) не подвергался испытанію изъ греческаго языка въ 1876 г.; не подвергались также испытанію ученики гимназіи Человѣколюбиваго Общества 17 человекъ, 9 учениковъ гимназій Псковской, Вологодской и Петроза-водской, 1 и 2 Петербургскихъ и 2 ученика частной гимназіи Г. Мал.

²⁾ По свидѣніямъ доставленнымъ г. управляющимъ Московскаго округа всѣ гимназисты и постороннія лица подвергались испытанію изъ греческаго языка; но по свидѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не подвергались испытанію: ученики Нижегородскаго Александровскаго института 18 человекъ и 9 учениковъ Нижегородской и Орловской гимназій.

³⁾ Освобождены отъ изученія греческаго языка: въ Астраханской губерніи ученики изъ Калмыковъ и въ Оренбургской изъ Киргизовъ.

Примечаніе 1-е. Свидѣнія за 1873, 1874 и 1875 гг. извлечены изъ отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости за тѣ годы, напечатанные въ Ж. М. Н. II.

Примечаніе 2-е. Округи Оренбургскій, Харьковскій, Виленьскій, Варшавскій, Дерптскій и Восточная Сибирь не доставили точныхъ свидѣній о числѣ державныхъ испытаніе изъ греческаго языка въ 1876 году.

Къ этой таблицѣ прилагается другая, въ которой показано число невыдержавшихъ испытанія изъ греческаго языка, устнаго и письменнаго, и процентное ихъ отношеніе къ числу державшихъ экзаменъ по тому же предмету, за всѣ четыре года, съ раздѣленіемъ гимназистовъ и постороннихъ лицъ, по каждому округу:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Г И М Н А З И С Т О В Ъ.			
	1873.	1874.	1875.	1876.
С.-Петербургскій:				
правител. гимназій .	—	—	—	—
церковныхъ училищъ .	—	—	1(4,7°/о)	—
частныхъ гимназій .	—	—	—	—
Московскій:				
правител. гимназій .	1(0,7°/о)	24(15,3°/о)	16(7,5°/о)	9(4°/о)
частныхъ гимназій .	—	—	—	—
Казанскій .	—	2(5,8°/о)	1(2°/о)	—
Оренбургскій	—	—	—	—
Харьковскій .	—	—	—	6(9,6°/о)
Одесскій:				
правител. гимназій .	—	1(3,8°/о)	—	1(1,4°/о)
частныхъ гимназій .	—	—	—	—
Кіевскій	—	7(14,5°/о)	6(8,5°/о)	3(2,2°/о)
Віленскій .	—	7(9,5°/о)	3(3,1°/о)	4(4,4°/о)
Варшавскій	—	—	6(4,5°/о)	6(3,8°/о)
Дерптскій .	—	13(10,6°/о)	6(5,2°/о)	3(2,2°/о)
Всего .	1(0,3°/о)	54(9,6°/о)	39(4,3°/о)	32(2,8°/о)

Объ таблицы, здѣсь приложенныя, составлены по различнымъ источникамъ, потому что не всѣ управленія округовъ помѣстили въ свои годовые отчеты вѣрныя и точныя свѣдѣнія о числѣ обучавшихся греческому языку. Желательно было бы, чтобы окружныя управленія исправили прилагаемыя двѣ таблицы, если въ нихъ вкрались какія-либо ошибки, и замѣчанія свои по этому предмету сообщили въ редакцію Ж. М. Н. Пр. Во всякомъ случаѣ, разница

ПОСТОРОННИХЪ ЛИЦЪ.				В С Е Г О.			
1873.	1874.	1875.	1876.	1873.	1874.	1875.	1876.
—	1(100%)	—	—	}	1(1,1%)	1(0,5%)	—
—	—	—	—				
—	—	—	—				
—	13(38,2%)	—	6(26%)	}	37(19,3%)	18(6,6%)	15(6,1%)
—	—	—	—				
—	3(33,3%)	1(4,7%)	1(12,5%)				
—	—	—	—	—	5(11,6%)	2(3,6%)	1(1%)
—	—	1(100%)	2(14,2%)	—	—	1(6,2%)	8(10,5%)
—	—	2(40%)	—	}	1(3,8%)	2(3,2%)	1(1,3%)
—	—	—	—				
—	2(40%)	1(14,2%)	—				
—	—	2(40%)	1(50%)	—	7(9%)	5(4,9%)	5(5,4%)
—	—	1(16,6%)	1(16,6%)	—	—	7(5%)	7(4,3%)
—	41(44,5%)	35(40,7%)	31(48,4%)	—	54(25,1%)	41(20,7%)	34(17,1%)
—	60(41,3%)	43(23,8%)	42(32,5%)	1(0,3%)	114(16,1%)	82(7,6%)	74(5,9%)

между показаніями таблицъ и дѣйствительно вѣрными цифрами не должна быть велика. Изъ обзорѣнія таблицъ можно убѣдиться, что преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Въ 1873 г. только 345 человѣкъ подвергались испытанію по этому предмету, въ 1874 году число эллинистовъ удвоилось, въ 1875 утроилось, въ 1876 г. достигаетъ цифры 1243 человѣкъ. Въ 1875 году въ трехъ округахъ не производилось испытаній изъ греческаго языка,

и въ четырехъ другихъ менѣе половины экзаменующихся знали этотъ предметъ. Въ 1876 г. только въ Западной и Восточной Сибири греческій языкъ не входилъ въ программу испытаній, и только два округа Одесскій, и Харьковскій, насчитывали около половины экзаменующихся, обладающихъ знаніемъ этого языка. Въ Оренбургскомъ округѣ ихъ насчитывали до 70%, въ прочихъ округахъ число незнающихъ не достигало 15%. Что же касается до Петербургскаго учебнаго округа, то цифра, показывающая въ таблицѣ процентное отношеніе эллинистовъ къ числу всѣхъ экзаменующихся вообще, не вполне точно его передаетъ. Ошибка происходитъ отъ того, что въ годовомъ отчетѣ Петербургскаго округа, объ испытаніяхъ зрѣлости, показаны 38 постороннихъ лицъ, которые экзамену изъ древнихъ языковъ вообще не подвергались, но которыхъ въ настоящее время невозможно исключить изъ всѣхъ отчетныхъ таблицъ. Въ Петербургскомъ учебномъ округѣ подвергались испытанію изъ греческаго языка 123 человѣка, и дали отвѣты вполне удовлетворительные, всѣ безъ исключенія. Это отрадное явленіе убѣждаетъ, съ одной стороны, что изученіе языка, по преимуществу классическаго, весьма не затруднительно; съ другой—что въ молодыхъ людяхъ уже зрѣетъ сознаніе его пользы. Безъ этого сознанія и безъ охоты къ изученію, врядъ-ли былъ бы возможенъ столь блестящій результатъ.

Обращаясь къ результатамъ экзамена по тому же предмету въ другихъ учебныхъ округахъ, усматриваемъ изъ второй таблицы, что въ Дерптскомъ округѣ греческій языкъ представляетъ болѣе труда для изученія мѣстной молодежи, нежели въ другихъ областяхъ Россіи. Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ Дерптскомъ округѣ оказывается около 17%, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ около 10%, въ Московскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ около 5%, въ Казанскомъ, Одесскомъ и Кіевскомъ по 1 или 2%, въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ какъ и Петербургскомъ, незнающихъ между явившимися къ экзамену греческаго языка вовсе не оказалось.

Такіе результаты весьма благопріятны; къ сожалѣнію, преподаваніе греческаго языка не доведено до старшаго класса еще въ 4-хъ гимназіяхъ и въ 9-ти другихъ остались гимназисты, не обучавшіеся этому языку. Незнающихъ остается однако весьма немного; изъ числа приготавливающихся къ испытанію зрѣлости въ 1877 году ихъ насчитываютъ 24 человѣка, кромѣ гимназій Архангельской и Красноярской, гдѣ преподаваніе этого предмета будетъ доведено до VIII класса

въ 1878 году, и Тобольской и Томской, въ которыхъ оно достигнетъ старшаго класса только въ 1879 г.

И такъ, не ранѣе 1879 г. будетъ окончательно введена повсемѣстно программа преподаванія, предначертанная для гимназій; въ настоящее время число молодыхъ людей, оканчивающихъ по ней гимназическій курсъ, уже достигаетъ 1,200 человекъ, слѣдовательно, въ теченіе будущаго десятилѣтія получимъ отъ 12,000 до 15,000 молодыхъ людей, классически приготовленныхъ для перехода въ университетъ и вообще въ высшія училища.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета за 1876 годъ: личный составъ преподавателей, наслѣдственныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; учебные труды преподавателей; удостоеніе учеными степенями и званіями; командировки съ ученою цілію; свидѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1877 года состояло на лицѣ, сверхъ профессора православнаго исповѣданія, штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ—4 (одинъ исправляющій должность), доцентовъ—5 (одинъ исправляющій должность), лекторовъ—3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—12, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—4, астрономъ-наблюдатель—1, лаборантовъ—5 (одинъ исправляющій должность); по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—7, доцентовъ—2. Всего наличныхъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и профессоръ православнаго исповѣданія—24, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—11, астрономъ-наблюдатель—1, лекторовъ—3, лаборантовъ—5. Сверхъ того состоялъ одинъ сторонній преподаватель по всеобщей исторіи съ окладомъ содержанія экстраординарнаго профессора. Приватъ-доцентовъ не имѣлось. Незамѣщенными оставались слѣдующія кафедры: въ историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ 12-го октября 1874 года, и исторіи всеобщей литературы съ 1-го мая 1865 года; въ физико-математическомъ—физической географіи съ 1-го мая 1865 года; въ юридическомъ—энциклопедія законовѣднія съ 14-го октября

1872 года, государственного права съ 19-го іюня 1875 года, церковнаго законовѣдѣнія съ 20-го іюня 1875 года, и международнаго права со дня открытія университета, то-есть, съ 1-го мая 1866 года. Общее число преподавательскихъ вакансій было: относительно временнаго штата университета: ординарнаго профессора—3, экстраординарнаго—7, лектора—1, всего—11; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ: ординарнаго профессора—5, экстраординарнаго—10, доцента — 5, лектора — 1, всего — 21. По нѣкоторымъ изъ сихъ кафедръ преподаваніе поручено было преподавателямъ по другимъ кафедрамъ. Такъ исторія всеобщей литературы поручена была профессору русскаго языка и литературы Некрасову; по кафедрѣ физической географіи: физической части — астроному-наблюдателю Блоку; геологической части—ординарному профессору минералогіи Головкинскому, государственнаго права—профессору полицейскаго права Шпилевскому, энциклопедіи права — профессору Патнаевскому, каноническаго права—профессору православнаго богословія священнику Кудрявцеву. Засимъ вовсе не читались: на историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ въ продолженіе всего года и исторія всеобщей литературы—во второмъ полугодіи; на физико-математическомъ — физиологія животныхъ во второмъ полугодіи, и на юридическомъ — исторія славянскихъ законодательствъ.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—19, въ томъ числѣ 2 публичныхъ, физико-математическій—18, и юридическій—21. Для успѣха учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ, вмѣсто прежнихъ контрольных испытаній устныхъ на стипендіи въ средипѣ учебнаго года, факультетъ требовалъ письменныхъ работъ на темы, заданныя въ началѣ учебнаго года: на первыхъ двухъ курсахъ — по три сочиненія, а на остальныхъ — по одному, относящемуся къ избранной спеціальности. Съ тою же цѣлію, профессор по кафедрѣ римской словесности Юргевичъ велъ со студентами, одинъ часъ въ недѣлю, практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій—доцентъ теоріи и исторіи искусствъ Кондаковъ посвящалъ одинъ часъ въ недѣлю на демонстраціями зпиптіи въ музеѣ изящныхъ искусствъ; доцентъ славянской филологіи Кочубинскій—руководилъ одинъ часъ въ недѣлю упражненіями студентовъ въ толкованіи памятниковъ (Славянской семинаріи: Толкованіе лужицкаго перевода Новаго Завѣта 1548 года). юриди-

ческій факультетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, задавалъ студентамъ письменныя домашнія работы. Кромѣ того профессора русскаго права—Леонтовичъ, гражданскаго права—Цитовичъ и доцентъ гражданскаго судоустройства и судопроизводства Малининъ вели практическія занятія со студентами. На физико-математическомъ факультетѣ болѣе и болѣе развивался стремленіе къ самостоятельнымъ работамъ студентовъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, подъ руководствомъ преподавателей.

За представленныя на заданныя темы сочиненія награждены золотыми медалями студенты IV курса: историко-филологическаго факультета — Гаврилъ Басоловъ за сочиненіе „Константинъ Великій и его отношеніе къ христіанской церкви“, и физико-математическаго — Ханнъ Гохманъ за сочиненіе „Кинематическая теорія зацѣпленій“.

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства Новороссійскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: ординарные профессора: Леонтовичъ — напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ званій разборъ сочиненія Самокурасова „О чередѣхъ“; Григоровичъ — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета: „Отчетъ о поѣздѣ въ С.-Петербургъ съ 25-го іюня по 8-е октября 1875 года, „Записку о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба“ и „Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ“; Юревичъ — занимался изданіемъ X тома Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, въ которомъ напечаталъ объясненіе нѣкоторыхъ греческихъ надписей и переводъ VII главы Страбона; Войтковскій — напечаталъ въ Христіанскомъ Читаніи — „Переписку между барономъ Гакстгаузеномъ и А. Н. Муравьевымъ о соединеніи церквей и въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ — рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ; Головкинскій — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты“; Шведовъ — напечаталъ въ Журналѣ С.-Петербургскаго физическаго общества статьи: „Отраженіе электрическихъ лучей отъ выпуклой дуги круга“ и „Нѣсколько словъ по поводу „Опыта физическаго объясненія вѣдущихъ дѣйствій тока“ Фанъ-деръ-Флита“; Ковалевскій — помѣстилъ въ журналѣ Archiv für mikroskopische Anatomie статью „Weitere Beiträge zur Entwicklung des Amphioxos als ein Beitrag zur Morphologie des Nervensystems“; Вальцъ — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью: „О развитіи-

женіи растений частями сѣмянъ" и, вмѣстѣ съ ученымъ садовникомъ Рудольфомъ, „Index seminum quae hortus botanicus Universitatis Novae Rossiae mutuo commutando offert“; Синцовъ — напечаталъ статьи: въ Запискахъ Одесскаго общества естествоиспытателей — „Предварительное сообщеніе о новыхъ и малоизслѣдованныхъ формахъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Нѣсколько словъ о Belemnites Zitteli n. sp.“ и въ Sitzungsberichte der k. Academie der Wissenschaften — Ueber das Auftreten des Foraminiferen — Genus Nubecularia im sarmatischen Sande von Kischinew“; Кудрявцевъ — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета публичную лекцію подъ заглавіемъ „Мухамеданская религія, разсматриваемая въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской“; Карастелевъ — помѣстилъ въ тѣхъ же Запискахъ двѣ статьи: „Приложеніе теоріи функцій мнимаго переменнаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія и пертурбаціонной функціи“ и „Простѣйшій способъ вычисленія измѣненій элементовъ планетъ“; экстраординарные профессора: Бруцъ — помѣстилъ статьи: въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда — „О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время“ и „О резиденціи хановъ Золотой Орды до премьени Джанибека I“ и въ Zeitschrift für Erdkunde — „Die Verwandlungen des Preshyters Johannes“; Лигишъ напечаталъ: въ Repertorium für reine und angewandte Mathematik — „Sur les systèmes de tiges articulées“, въ Nouvelles Annales de Mathématiques — „Note sur l'origine de l'idée de la Cinématique“ и въ Nouvelle correspondance mathématique. „Доказательство одной теоремы Лезано“ и „Доказательство одной теоремы Нейманна“; Волковъ — напечаталъ въ Verhandlungen des Naturhistorisch-medicinischen Vereins in Heidelberg статью „Die Lichtabsorption in der Chlorophyllnügen“; доценты: Клименко — напечаталъ: въ Journal für praktische Chemie — „Ueber die Einwirkung von Brom auf Milchsäure“, въ Журналѣ русскаго химическаго общества — „О дѣйстви брома на молочную кислоту“ и въ Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft zu Berlin — „Ueber die Bildung des Lactid-Bromals“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — „Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ“; Кондаковъ — помѣстилъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества — „Исторію грузинской архитектуры“, въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей — „Мраморный рельефъ Пантикопей“, въ Трудахъ 2-го съѣзда археологовъ — „Предметы древностей изъ Аккермана“, въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда —

„Древности Кубанской-Терской области“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — Отчеты о занятіяхъ въ заграничной командировкѣ; Кочубинскій напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета — отчеты о занятіяхъ славянскими нарѣчіями изъ-за границы съ 1-го августа 1874 по 1-е февраля 1876 года; Воеводскій — помѣстилъ въ томъ же изданіи статью „О такъ называемыхъ Гомеровскихъ поэткахъ“; приватъ-доцентъ Спиро — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью подъ заглавіемъ „О кожно-мышечныхъ рефлекскахъ“; консерваторъ: Ршави — напечаталъ въ *Landwirthschaftliche Versuchstationen* статью „*Einige Versuche über die Athmung der Pflanzen*“; Сталевичъ — произвелъ вычисленіе метеорологическихъ наблюденій за 1876 годъ, которыя будутъ напечатаны въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ; лаборантъ Пономаревъ — помѣстилъ въ Журналъ русскаго химическаго общества статью „О производныхъ персульфатона“; состоящій при минералогическомъ кабинетѣ магистрантъ Прендель — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статьи: „Геологическій очеркъ мѣловой формаціи Крыма и слоевъ, переходныхъ отъ этой формаціи къ эоценовымъ отложеніямъ“; кандидатъ Шельдингъ — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „О вліяніи теплоты на растенія“. Публичныя лекціи читали: профессоры: Головкинскій — по минералогіи, Мечниковъ — по зоологіи, Вальцъ — по ботаникѣ, Веригъ — по химіи, Ярошенко — по математикѣ, Умовъ — по физикѣ, доцентъ Бернштейнъ — по анатоміи человѣка, и профессорскій стипендіатъ Слешинскій — по математикѣ.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 21 засѣданіе. Изъ окончившихъ университетскій курсъ удостоено: степени кандидата — 16. въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету — 2, по физико-математическому — 6 и по юридическому — 8; званія дѣйствительнаго студента — 48, именно: по историко-филологическому факультету — 5, по физико-математическому — 6, по юридическому — 37; изъ удостоенныхъ степени кандидата 17-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертацию на эту степень. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ кандидаты Волинцевъ и Бершадскій и отправлены на два года за границу лаборантъ зоотомической лабораторіи, магистръ зоологіи Спиро.

Командированы были съ ученою цѣлію: а) за границу: ординар-

ный профессор Верига — для осмотра вновь устроенных химических лабораторий, экстраординарные профессора Умовъ и Волковъ и астрономъ-наблюдатель Блокъ — на Лондонскую выставку астрономическихъ, механическихъ, физическихъ и вообще научныхъ инструментовъ по всѣмъ отраслямъ физико-математическихъ наукъ, и доцентъ Успенскій; б) внутри Россіи: профессоръ Мечниковъ — на Кавказъ, для продолженія начатаго имъ въ 1875 году изслѣдованія естественной исторіи эфемеридъ и антропологическаго изученія нѣкоторыхъ народовъ Кавказа; профессоръ Беркевичъ и хранитель ботаническаго кабинета Ришави — въ Варшаву, для принятія участія въ V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо — 340; въ теченіе 1876 года поступило — 134, въ томъ числѣ: изъ гимназій — 50, изъ духовныхъ семинарій — 64, изъ другихъ университетовъ — 15, изъ Демидовскаго юридическаго лица — 4, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института — 1; въ теченіе года выбыло — 130, изъ нихъ до окончанія курса — 66, по окончаніи курса — 64; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на лицо — 344, которые распределены были между факультетами слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ — 91, на юридическомъ — 124, на физико-математическомъ — 129 (по разряду математическихъ наукъ — 32, по разряду естественныхъ наукъ — 97). Постороннихъ слушателей состояло: къ 1-му января 1876 года — 15, къ 1-му января 1877 года — 28. Изъ числа бывшихъ въ 1876 году студентовъ освобождено отъ взиманія платы — 229, что составляетъ 48% общаго числа. Въ числѣ 229 освобождено отъ платы: по прошеніямъ — 110 и стипендіатовъ — 119; изъ числа послѣднихъ стипендіатовъ университета — 96, Кавказскихъ — 10, пансіонеровъ Государя Императора — 2, Славянскихъ — 4 и Кубанскихъ — 7. Стипендіями пользовались 144 студента, всего на сумму 26.558 руб. 34 коп.; размѣръ стипендій — отъ 120 до 300 руб. включительно.

Финансовыя средства Новороссійскаго университета въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатной суммы: оставалось отъ трехъ предыдущихъ лѣтъ — 9.710 руб. 46 к.; ассигновано изъ государственнаго казначейства по финансовой смѣтѣ: на содержаніе личнаго состава — 134.601 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы — 49.400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ — 18.000 руб., въ пособіе состоящему при университетѣ обществу естествоиспытателей — 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей

къ профессорскому званію и на ученых командировки — 2.155 руб. 97 коп., на біологическую станцію въ Севастополь — 1,500 руб., всего дохода — 217.867 руб.; изъ этой суммы израсходовано — 203.192 руб. 18 коп.; за тѣмъ къ 1-му января 1877 года въ остаткѣ состояло — 14.575 руб. 25 коп.; б) сбора платы за слушаніе лекцій и сбора платы со студентовъ: оставалось отъ 1875 года — 876 руб. 67 коп., въ 1876 году поступило — 5,597 руб., въ теченіе года израсходовано — 5,006 руб. 79 коп., за тѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось — 1,466 руб. 87¹/₂ коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ съ процентами: оставалось отъ 1875 года — 110.598 руб. 55³/₄ коп., въ теченіе 1876 года поступило — 21.152 руб. 39¹/₂ коп., въ то же время израсходовано — 11.183 руб. 51 коп., за тѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось — 120.567 руб. 44¹/₄ коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ русскихъ и иностранныхъ — 36,512 сочиненій 62,367 томовъ, періодическихъ изданій — 703 названія 13,450 томовъ, рукописей — 115 названій, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей — 584 названія 592 тома, всего въ библіотекѣ на сумму 155.219 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ — 3,296 названій 6,673 тома, періодическихъ изданій — 89 названій 1,264 тома, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ — 34 листа, всего въ студентской библіотекѣ на сумму 4,278 руб. Въ астрономической обсерваторіи: инструментовъ, моделей, подвижной утвари — 248 номеровъ, 269 экземпляровъ на сумму 14,156 руб., книгъ и журналовъ — 1 сочиненіе, 21 томъ на 320 руб. Въ кабинетѣ практической механики: моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 249 номеровъ на 10,079 руб., книгъ — 3 сочиненія на 12 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: инструментовъ, приборовъ, химическихъ препаратовъ, разнаго рода посуды и мебели — 586 номеровъ, 710 экземпляровъ на сумму 15,829 руб. 72 коп., книгъ и атласовъ — 47 сочиненій, 59 томовъ на 244 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей — 1,435 номеровъ 1,497 экземпляровъ на 22,592 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, геологическихъ и географическихъ картъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 739 номеровъ на 11,537 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ — 56 номеровъ, 72 экземпляра на 930 руб.,

инструментовъ — 35 номеровъ, 40 экземпляровъ на 1,971 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: инструментовъ и снарядовъ — 38 номеровъ, 52 экземпляра на сумму 1,485 руб. 79 коп., книгъ, атласовъ и моделей — 8 номеровъ на 36 руб. Въ кабинетъ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій—на сумму 1,149 руб., гипсовыхъ моделей, коллекцій разныхъ окаменѣлостей послѣтретичныхъ позвоночныхъ животныхъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—на 4,936 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ подвижной утвари, посуды и проч.— 49,350 номеровъ, 49,300 экземпляровъ на 6,660 руб., книгъ—73 названія, 82 тома на 619 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—1,941 номеръ на 388 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—210 сочиненій, 586 томовъ, чучелъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—3,807 номеровъ на 18,548 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—73 сочиненія, 77 томовъ, скелетовъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—677 номеровъ 174 экземпляра, всего на сумму 6,527 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ: приборовъ, лабораторной мебели, реактивовъ и препаратовъ—159 номеровъ на 2,978 руб. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: техническихъ изданій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды—274 номера 4,601 экземпляръ, на 7,919 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—26 сочиненій, точныхъ измѣрительныхъ приборовъ, платиновой и серебряной посуды, инструментовъ, фарфоровой и прочей посуды, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—593 номера 1,452 экземпляра, всего на сумму 10,383 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ—178 номеровъ на 4,445 руб., гипсовыхъ слѣпковъ: статуй, бюстовъ, барельефовъ, обелисковъ и утвари—100 номеровъ на 2,366 руб., коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости—125 номеровъ на 160 руб., иконъ, картинъ и фотографій—668 номеровъ на 833 руб., хромофотографій, литографій и гравюръ—104 листа на 37 руб., амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами — 169 номеровъ, древнегреческихъ живописныхъ вазъ—10 номеровъ на 659 руб., оригинальныхъ скульптуръ—77 номеровъ,

дактилютека Линперта—2,000 номеровъ на 112 руб., утвари—32 номера на 833 руб., мелкихъ древностей—184 номера. Въ милицъ-кабинетѣ: монетъ и медалей—3,857 номеровъ на 1,650 руб.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О состояніи мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа на 1876 годъ.

Къ 1-му января 1877 года состояло въ Кавказскомъ учебномъ округѣ: а) гимназій: съ двумя древними языками—3 (въ Тифлисѣ, Кутаисѣ и Екатеринодарѣ), съ двумя древними языками и реальнымъ отдѣленіемъ—1 (въ Ставрополѣ); пансіоновъ при гимназіяхъ—4 (при Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской и Екатеринодарской); приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ—6 (по два при Тифлисской и Ставропольской и по одному при Кутаисской и Екатеринодарской); параллельныхъ отдѣленій—17 (при Тифлисской—6, при Ставропольской—5, при Кутаисской—4, при Екатеринодарской—2); 5) прогимназій—6 (по одной въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Елисаветполѣ, Эривани и въ областяхъ Терской и Дагестанской, всѣ съ двумя древними языками); при нихъ пансіоновъ и конвиктовъ—3 (по одному въ Кутаисѣ, Эривани и въ Дагестанской области); приготовительныхъ классовъ—6 (по одному въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Елисаветполѣ, Эривани и въ областяхъ Терской и Дагестанской); б) реальныхъ училищъ—3 (въ Тифлисѣ, Баку и въ Терской области); при нихъ состоятъ пансіоновъ—2 (въ Баку и Терской области), приготовительныхъ классовъ—2 (тамъ же), параллельныхъ отдѣленій и 6 (по два въ Тифлисѣ, Баку и въ Терской области). Въ поименованныхъ заведеніяхъ состояло служащихъ: почетныхъ попечителей—1, директоровъ—7, инспекторовъ 13, законоучителей—25, учителей наукъ и языковъ—110, учителей рисованія—14, воспитателей и ихъ помощниковъ—23, помощниковъ классныхъ наставниковъ—26, учителей приготовительныхъ классовъ—14, прочихъ служащихъ—41. — Вакантныхъ должностей было: почетныхъ попечителей—11, учителей наукъ и языковъ—14, учителей рисованія—1, законоучителей—1, прочихъ служащихъ—8. — Число учащихся въ названныхъ заведеніяхъ къ 1-му января 1877 года было слѣдующее: а) въ четырехъ гимназіяхъ—1.898, въ томъ числѣ: по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—1.247, духовнаго званія—110, городскихъ сословій—353,

сельскихъ сословій—40, солдатскихъ дѣтей—23, дѣтей казаковъ—9, иностранцевъ—9, князей—107; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—2.448, армяно-грегоріанскаго—233, римско-католическаго—74, евангелическо-лютеранскаго—25, магометанскаго—85, іудейскаго—31, раскольниковъ—2; по народностямъ: русскихъ—4025, грузинъ—119, армянъ—225, имеретинъ—238, гурійцевъ—28, мивгрельцевъ—46, абхазцевъ—3, сванетовъ—4, горцевъ—71, грековъ—6, французовъ—2, нѣмцевъ—23, итальянцевъ—3, поляковъ—36, евреевъ—31, татаръ—18; выбыло изъ гимназій въ 1876 году: до окончанія курса—288, по окончаніи курса—49; б) въ шести прогимназіяхъ—1,159, въ томъ числѣ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—425, духовнаго званія—97, городскихъ сословій—399, сельскихъ сословій—118, солдатскихъ дѣтей—63, дѣтей казаковъ—6, иностранцевъ—5, князей—46; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—485, армяно-грегоріанскаго—496, римско-католическаго—26, евангелическо-лютеранскаго—11, магометанскаго—120, іудейскаго—17, раскольниковъ—4; по народностямъ: русскихъ—344, грузинъ—36, армянъ—503, имеретинъ—84, гурійцевъ—8, мивгрельцевъ—12, горцевъ—53, грековъ—2, нѣмцевъ—11, поляковъ—19, евреевъ—17, татаръ—70; выбыло въ 1876 году: до окончанія курса—213, по окончаніи курса—33; в) въ трехъ реальныхъ училищахъ—1,089, изъ нихъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—611, духовнаго званія—49, городскихъ сословій—321, сельскихъ сословій—37, солдатскихъ дѣтей—29, дѣтей казаковъ—42; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—599, армяно-грегоріанскаго—283, римско-католическаго—41, евангелическо-лютеранскаго—38, магометанскаго—91, іудейскаго—22, раскольниковъ—15; по народностямъ: русскихъ—548, грузинъ—56, армянъ—293, горцевъ—63, французовъ—4, нѣмцевъ—33, итальянцевъ—3, поляковъ—17, евреевъ—22, киргизъ—1, татаръ—49; выбыло въ 1876 году: до окончанія курса—109, по окончаніи курса—41.

Въ пансіонахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ къ 1-му января 1877 года состояло воспитанниковъ: а) въ четырехъ пансіонахъ гимназій (Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской и Кубанской войсковой)—553, изъ коихъ: дворянъ и чиновниковъ—465, духовнаго званія—25, городскихъ сословій—22, сельскихъ сословій—12, казачьихъ дѣтей—2, князей—27; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—437, армяно-грегоріанскаго—27, римско-католическаго—6, евангелическо-лютеранскаго—4, магометанскаго—78, раскольниковъ—1; по національностямъ: русскихъ—332, грузинъ—35, армянъ—27, имеретинъ—44, часть схизм., отд. 4.

рійцевъ и мингрельцевъ по 8-ми, абхазцевъ — 2, сванетовъ — 3, горцевъ — 69, поляковъ — 4, нѣмцевъ — 2, французовъ и итальянцевъ — по одному, грековъ — 4, татаръ — 53; въ теченіе 1876 года выбыло: до окончанія курса — 104, по окончаніи курса — 9; б) въ двухъ пансіонахъ прогимназій (Эриванской и Темиръ-Ханъ-Шуринской) — 99, по происхожденію — всѣ изъ дѣтей чиновниковъ и дворянъ; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 38, армяно-грегоріанскаго — 4, римско-католическаго — 1, магометанскаго — 55, раскольниковъ — 1; по народностямъ: русскихъ — 36, грузинъ — 2, армянъ — 4, горцевъ — 49, поляковъ — 1, татаръ — 7; въ теченіе 1876 года выбыло: до окончанія курса — 2, по окончаніи курса — 11; в) въ двухъ пансіонахъ реальныхъ училищъ (Бакинскаго и Владикавказскаго) — 214, въ томъ числѣ по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 174, духовнаго званія — 7, городскихъ сословій — 10, сельскихъ сословій — 23; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 138, армяно-грегоріанскаго — 5, римско-католическаго — 2, евангелическо-лютеранскаго — 1, магометанскаго — 68; по народностямъ: русскихъ — 113, грузинъ — 3, армянъ — 5, горцевъ — 62, поляковъ — 2, нѣмцевъ — 1, татаръ — 28; выбыло въ теченіе 1876 года — 23, всѣ до окончанія курса.

Средства содержанія гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) гимназій: Тифлисской — 86.082 руб., въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края — 64.851 руб., изъ сбора за ученіе — 9.500 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ — 10.081, платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго — 1.500 руб., на проценты съ капиталовъ — 150 руб.; Кутаисской — 84.728 руб., въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края — 69.556 руб., изъ сбора за ученіе — 4.290 руб., изъ платы за своекоштныхъ воспитанниковъ — 10.182, платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго — 700 руб.; Ставропольской — 137.443 руб., именпо: изъ государственнаго казначейства — 80.573 руб., изъ суммъ войска Кубанскаго — 6.040 руб., изъ суммъ Терскаго казачьяго войска — 3.070 руб., изъ сбора за ученіе — 5.811 руб., платы своекоштныхъ воспитанниковъ — 41.089 руб., процентовъ съ капиталовъ — 860 руб.; Кубанской войсковой — 58.288 руб., въ томъ числѣ: изъ государственнаго казначейства — 6.813 руб., изъ суммъ войска Кубанскаго — 41.103 руб., изъ городскихъ суммъ — 3.270 руб., сбора платы за ученіе — 1.030 руб., платы съ своекоштныхъ воспитанниковъ — 5.335 руб., процентовъ съ капиталовъ — 737; б) прогимназій: Тифлисской — 20.474 руб., именно: изъ доходовъ Закавказ-

скаго края—18.994 руб., сбора за ученіе—1.480 руб.; Кутаисской—20.024 руб.; изъ доходовъ Закавказскаго края—18.754 руб., сбора за ученіе—1.270 руб.; Эриванской—25,082 руб.: изъ доходовъ Закавказскаго края—22.822 руб., сбора за ученіе—1.310 руб., платы съ своекоштныхъ воспитанниковъ—950 руб.; Елисаветпольской—18.694 руб.: изъ доходовъ Закавказскаго края—16.594 руб., сбора за ученіе—1.400 руб., взносовъ почетныхъ попечителей и другихъ лицъ или обществъ—700 руб.; Пятигорской—17.531 руб.: изъ государственнаго казначейства—16.231 руб., изъ земскихъ сборовъ и изъ сборовъ съ горскихъ племенъ—400 руб., сбора за ученіе—900 руб.; Темиръ-Ханъ-Шуриной—34.802 руб., именно: изъ доходовъ Закавказскаго края—31.380 руб., сбора за ученіе—1.142 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—560 руб., платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—1.400 руб., процентовъ съ капиталовъ—32⁰ руб.; в) реальныхъ училищъ: Тифлискаго—38.175 руб. въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края—33.660 руб., сбора за ученіе—4.515 руб.; Бакинскаго—54.447 руб., именно: изъ доходовъ Забайкальскаго края—45.579 руб., сбора за ученіе—3.150 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—5.018 руб., платы за воспитанниковъ изъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—7.000 руб.; Владикавказскаго—59.946 руб.: изъ государственнаго казначейства—48.356 руб., изъ суммъ Терскаго казачьяго войска—7.070 руб., сбора за ученіе—2.380 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—1.020 руб., платы за воспитанниковъ изъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—1.120 руб.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Въ теченіе минувшаго 1876 года г. инспекторомъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи А. Раевскимъ осмотрѣно было, въ дѣлѣ поѣздки, 63 училища; если исключить изъ этого числа одно училище двухклассное въ с. Павловѣ, Горбатовскаго уѣзда, 4 городскихъ училища въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ и 1 вновь открытое (17-го февраля 1876 года) женское училище, тамъ же, по коимъ свѣдѣніямъ имѣютъ быть доставлены г. инспекторомъ особю, то въ отчетахъ его находимъ данныя о 57 училищахъ, въ уѣздахъ Нижегородскомъ—33, и 2 частныхъ городскихъ начальныхъ школахъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, Балахнинскомъ—4, и Горбатовскомъ—21, въ томъ числѣ 2 городскихъ, приходскомъ мужскомъ и начальномъ женскомъ.

Почти во всѣхъ названныхъ школахъ обученіе дѣтей кончается къ 11—13-лѣтнему возрасту, такъ какъ въ эти годы мальчики становятся серьезными и необходимыми помощниками своихъ родителей въ ихъ домашнихъ работахъ, и особенно по торговлѣ и извозу на Волгѣ; есть села, гдѣ въ 12, 13 лѣтъ сыновья-подростки сопровождаютъ родителей въ Казань, Астрахань и другіе города, какъ, напримѣръ, село Дуденевское, Горбатовскаго уѣзда; въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ богатомъ и большомъ, въ 1000 душъ, селѣ Безводномъ, гдѣ жители занимаются, кромѣ земледѣлія, фабрикаціей желѣзной и мѣдной проволоки для ситъ и рѣшетъ, а также удъ для крупной и мелкой рыбы, дѣти бѣдныхъ родителей помогаютъ имъ съ 8-ми, 9-ти лѣтъ; въ селѣ Толмачевскомъ (главное занятіе земледѣліе), дѣти съ марта мѣсяца помогаютъ возить дрова; въ селѣ Бѣлозерскомъ (земледѣліе и каменные работы) съ конца апрѣля въ школу ходятъ дѣти только младшаго отдѣленія, ученики же двухъ старшихъ отдѣленій всѣ заняты полевыми работами. Правда, есть и такіе примѣры, гдѣ дѣти при достаточныхъ родителяхъ въ зимнее время свободно посѣщаютъ школы до 14—15-ти лѣтъ, какъ, напримѣръ, въ селлахъ Шелокшѣ, Берсеменовкѣ, Слободскомъ и Ключицахъ, въ которомъ крестьяне такъ дорожатъ образованіемъ своихъ дѣтей, что сами выстроили школьный домъ и позволяютъ дѣтямъ учиться до 15-ти и даже до 16-ти лѣтъ; но это лишь исключенія, при томъ весьма рѣдко встрѣчающіяся въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ нѣкоторыя школы въ учебномъ отношеніи очень хороши, другія же посредственны или даже неудовлетворительны. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: 1) *Ликсаяская*, гдѣ познанія дѣтей по всѣмъ предметамъ слабы; Закону Божію обучаетъ плохой законоучитель Смѣловскій, русскому языку и ариметикѣ — учитель Елефтерскій, который вслѣдствіе неспособности вести учебное дѣло и грубаго обращенія съ дѣтьми долженъ оставить свою должность. 2) *Березниковская*, въ которой одинъ только ученикъ порядочно знаетъ все пройденное по Закону Божію и по русскому языку, но пишетъ безграмотно; священникъ этой школы о. Преображенскій успѣлъ очень мало пройти, посѣщая школу непостоянно и притомъ занимаясь неудовлетворительно, почему дѣтскія знанія весьма ограничены и плохи; преподаваніе ариметики идетъ здѣсь успѣшнѣе русскаго языка. 3) *Бильская*, въ которой также только одинъ ученикъ хорошо учится, остальные же во всѣхъ предметахъ идутъ весьма плохо; такое печальное состояніе школы зависитъ отъ того,

что тамошній учитель Покровскій, какъ и большая часть кончившихъ курсъ духовной семинаріи, плохой и притомъ невнимательный преподаватель; вообще кончившіе семинарскій курсъ всѣ охотно занимаютъ учительскія должности, трехлѣтняя служба въ которыхъ избавляетъ ихъ отъ 10-ти-лѣтней службы въ псаломщикахъ и доставляетъ возможность поступать прямо въ священники, по занимаютъ они вообще небрежно, между тѣмъ какъ многіе изъ учителей, не кончившихъ курса въ семинаріи, преподаютъ гораздо основательнѣе, и обрекли себя на постоянный учительскій трудъ, вырабатываются въ очень почтенныхъ и хорошихъ преподавателяхъ. 4) *Мухомонская*, гдѣ ученики оказали успѣхи по всѣмъ предметамъ крайне слабые, особенно по Закону Божию, изъ котораго почти ничего не знаютъ; мѣстный законоучитель священникъ Я. Крыловъ рѣдко бываетъ въ школѣ, и главное, не способенъ быть преподавателемъ по образу своей жизни; чтобы поднять ученіе въ этой школѣ, кромѣ законоучителя, слѣдуетъ постараться найти и болѣе опытнаго учителя, чѣмъ нынѣшній, у коего ученики даже старшаго отдѣленія читаютъ и пишутъ весьма плохо, изъ ариметики работаютъ всего въ предѣлахъ 30 (младшее въ предѣлахъ 10) и ничего болѣе не знаютъ. 5) Крайне необходимая школа *Ельнинская женская*, обязанная своимъ существованіемъ и поддержкой единственному своему учителю и законоучителю о. Спасскому, который и помѣщаетъ ее въ своемъ домѣ, идетъ также посредственно; дѣвочекъ обучается 11, и ихъ знанія очень невелики, (пишутъ красиво, но безграмотно и ошибочно, и въ особенностяхъ по ариметикѣ мало успѣли, только двѣ дѣвочки умѣютъ считать до 100, при чемъ не въ силахъ рѣшить самой простой задачи); но нельзя не благодарить священника Спасскаго и за то малое, что онъ даетъ этимъ дѣтямъ, и главное, за умѣніе убѣдить родителей отдавать своихъ дѣтей въ школу.

Посредственно идутъ въ уѣздѣ школы: 1) *Ельнинскія мужская*, гдѣ ученики по Закону Божию идутъ хорошо, по законоучителю В. Архангельскому предложено было на будущее время непременно пройти краткій катехизисъ, такъ какъ ученикамъ, при прохожденіи 10-го члена символа вѣры, законоучителемъ не дано было необходимаго понятія о таинствахъ крещенія, покаянія и причащенія, оттого только, что въ программѣ, приложенной къ правиламъ объ испытаніи учениковъ для полученія льготы по воинской повинности, не сказано о прохожденіи катехизиса; законоучитель не принялъ во вниманіе даже и того, что по уставу православной церкви дѣти уже съ 8

лѣтъ приобщаются къ исповѣданію и потому должны знать таинства; русскій языкъ и ариметика могли бѣ идти успѣшнѣе, еслибѣ учитель Кемарскій, при несомнѣнныхъ своихъ способностяхъ, велъ учебное дѣло менѣе небрежно. 2) *Чернузинская*, гдѣ вообще ученіе идетъ вяло по неспособности ея учителя Кесаріева, совершенно незнакомаго съ новѣйшими способами преподаванія, что особенно выказалось при данномъ имъ урокѣ по объяснительному чтенію; ученики пишутъ крайне ошибочно и безграмотно, въ ариметикѣ плохи; законоучителя Кордатовъ г. инспекторъ просилъ на будущее время заставлять учить молитвы не иначе, какъ въ переводѣ ихъ на русскій языкъ. 3) *Палецкая*, гдѣ дѣти, за исключеніемъ 3-хъ учениковъ, знаютъ по Закону Божію пройденное только наизусть, и то не твердо, безъ всякаго пониманія; г. инспекторъ при посѣщеніи школы показавъ здѣшнему законоучителю о. Дмитревскому, какъ обучать безъ книги, и для примѣра подробно разказавъ исторію воскресенія Лазаря, при чемъ просилъ законоучителя впредь знакомить дѣтей со Свѣдѣніемъ Исторіей и истинами вѣри посредствомъ живаго слова, устной бесѣды, и избѣгать одного механическаго заучиванія; учитель Сахаровъ, состоящій въ школѣ съ открытія ея въ 1868 году, до сихъ поръ еще не сдалъ экзамена; у него занятія по русскому языку идутъ успѣшнѣе, чѣмъ по ариметикѣ. 4) *Нодинская*, гдѣ преподавателями состоятъ отецъ и сынъ Добротинны, оба весьма усердные, но не особенно искусные въ дѣлѣ преподаванія, что болѣе всего замѣтно по малымъ познаніямъ учениковъ изъ ариметики. 5) *Шелокшанская*, гдѣ впрочемъ Законъ Божій преподастъ молодой и весьма способный священникъ Крыловъ; успѣхи учениковъ по этому предмету въ сравненіи съ прошлымъ годомъ стали гораздо большіе; другими предметами занимается преподаватель Ласточкинъ, весьма усердный, но столь малознающій, что для лучшихъ успѣховъ школѣ нужно желать другаго наставника. 6) *Моргушская*, гдѣ всѣ предметы идутъ порядочно, но самъ учитель, Архангельскій, мало еще знакомъ съ новыми приемами преподаванія; онъ очень неудовлетворительно велъ уроки по объяснительному чтенію и ариметикѣ. 7) *Слободская*, гдѣ Закону Божію обучаетъ священникъ Покровский, преподающій свой предметъ усердно, но безъ подобающаго уваженія, отчего и дѣлаетъ иногда непростительные промахи; прочимъ предметамъ учить г-жа Бажанова; данныя ею въ присутствіи г. инспектора уроки по объяснительному чтенію и ариметикѣ были найдены нѣтъ неудовлетворительными. 8) *Варматевская*, гдѣ Закону Божію обучаетъ священникъ Помринъ-

ской школы о. Виноградовъ и остальнымъ предметамъ г. Скородумовъ—довольно способный, но малосвѣдущій учитель. 9) *Бьлозерская*, гдѣ преподавателемъ состоитъ одинъ учитель Никольскій, который занимается съ примѣрнымъ усердіемъ, но недостаточно опытенъ въ дѣлѣ обученія, что доказалъ его весьма неудовлетворительный урокъ по объяснительному чтенію. 10) *Борисовское* одноклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ учебную часть нельзя признать идущею хорошо по неспособности обоихъ преподавателей—священника Каменецкаго и учителя Покровскаго; законоучитель хотя и прилагаетъ стараніе, но по преклонности лѣтъ и незнакомству съ новыми приемами ученія никакой пользы принести не можетъ; въ настоящее время однако трудно замѣнить о. Каменецкаго другимъ наставникомъ, хотя въ селѣ два священника; второй священникъ, недавно сюда перемѣщенный, молодой человѣкъ, не успѣлъ еще освоиться съ новымъ приходомъ и пріобрѣсти довѣріе народа, состоящаго почти сплошь изъ раскольниковъ; онъ принялъ на себя званіе члена братства Св. Креста, основаннаго въ Нижнемъ для обращенія раскольниковъ въ православіе, и тѣмъ съ перваго разу вооружилъ противъ себя прихожанъ; поэтому назначеніе его могло бы повести школу къ еще большому разстройству, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе неумѣія учителя Покровскаго привязать дѣтей къ себѣ, она и безъ того уменьшилась въ числѣ учениковъ: прежде обучалось 50, осталось 31.

Отъ семи слѣдующихъ школъ, въ которыхъ до сихъ поръ ученіе шло посредственно, слѣдуетъ въ будущемъ ожидать большихъ успѣховъ, благодаря усердію ихъ преподавателей: 1) въ *Пезводинской*, гдѣ обучаетъ г. Орнатскій; 2) въ *Карабатовской*, гдѣ учителемъ Чернолѣвскій; закону Божію въ обѣихъ этихъ школахъ обучаетъ одинъ священникъ Тумановскій, который имѣетъ навыкъ въ преподаваніи, но относится къ дѣлу безъ должнаго усердія; 3) въ *Ключиценой*, гдѣ обучаетъ г. Голубевъ; онъ въ присутствіи г. инспектора провелъ уроки объяснительнаго чтенія и ариметики очень порядочно, и кромѣ того, онъ помогаетъ въ занятіяхъ престарѣлому законоучителю о. Гроздову; одно только рекомендовано было г. Голубеву—болѣе обращать вниманія на устное рѣшеніе задачъ, такъ какъ ученики рѣшаютъ ихъ не иначе, какъ на доскѣ, въ умѣ же далеко не бойко; 4) въ *Крутойской*, гдѣ обучаетъ еще не утвержденный въ званіи учителя очень способный г. Акаевскій; данныя имъ уроки по объяснительному чтенію и ариметикѣ были очень удовлетворитель-

ны; 5) въ *Таложниковской*, гдѣ обучаютъ хорошо и священникъ о. Обрѣтенскій и учитель Невскій; 6) Въ *Кетовской*, гдѣ обучаютъ съ успѣхомъ священникъ Миловиловъ и учитель Бенедиктовъ; въ *Вишневской*, гдѣ, за отказомъ законоучителя по склонности дѣтъ, преподаваніе Закона Божія принялъ на себя временно учитель Преображенскій и ведетъ этотъ предметъ весьма успѣшно; равно хорошо занимается русскимъ языкомъ, но въ преподаваніи ариметики обнаруживаетъ незнакомство съ правильными приемами преподаванія этого предмета.

Еще нѣсколько школъ также не могутъ быть названы вполне удовлетворительными въ учебномъ отношеніи; но нѣкоторые отдѣльные предметы изъ курса преподаются въ нихъ успѣшно; такъ въ школахъ *Берсемеиновской* (учительница г-жа Райковская) и въ *Помринской* (учитель Соколовскій) хорошо идутъ русскій языкъ и ариметика; въ *Клименско-Павловской* школѣ, благодаря прежнему законоучителю Музовскому, нынѣ переведенному въ другой приходъ, знанія учащихся изъ закона Божія очень хороши, и лучше, чѣмъ изъ русскаго и ариметики, хотя преподаватель этихъ послѣднихъ предметовъ Пальмонскій—человѣкъ очень способный; его уроки по объяснительному чтенію и ариметикѣ вполне доказали его знаніе и опытность; въ *Доскинской* у священника Серебровскаго, старательнаго и довольно опытнаго преподавателя, дѣти усвоили хорошо и осмыслили все пройденное, а учительница г-жа Красовская занимается весьма усердно и ведетъ дѣло обученія съ толкомъ; только учащіеся при отличномъ чтеніи пишутъ большею частью безграмотно. Къ хорошимъ школамъ должно отнести и *Толмачевскую* (учитель Лещицкій и законоучитель Пѣвницкій) по ея успѣхамъ во всѣхъ предметахъ.

Отлично во всѣхъ отношеніяхъ идутъ слѣдующія школы: 1) *Вердеевская*, гдѣ очень свѣдущій и дѣльный учитель Феликсовъ, ведетъ одинъ ученіе по всѣмъ предметамъ, имѣетъ въ школѣ 31 человѣка (въ томъ числѣ одна дѣвочка), и всѣ учащіеся оказываютъ весьма удовлетворительные успѣхи; уроки по объяснительному чтенію даны были г. Феликсовымъ особенно хорошо. 2) *Татарская*, гдѣ преподавателемъ ревностный и знающій свое дѣло учитель—Лавровскій, одинъ управляетъ съ 54 учениками, и школа, не смотря на свое недавнее существованіе (съ сентября 1875 года), сдѣлала уже хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ; между прочимъ, по закону Божию ученики двухъ старшихъ отдѣленій знаютъ все пройденное весьма толково; дѣти же младшаго отдѣленія, выучивъ 8 главныхъ молитвъ, не ясно

еще понимают ихъ содержаніе оттого только, что не въ состояніи перевести ихъ на русскій языкъ. Оба учителя этихъ школъ, окончили курсъ въ Нижегородской духовной семинаріи. Не менѣе успѣшно въ учебномъ отношеніи по всѣмъ предметамъ ведутся школы: 1) *Выѣздновская*, въ которой законоучителемъ состоитъ престарѣлый и вполне преданный своему долгу священникъ Никольскій, а учителемъ—столь же усердный, много читающій и дѣльный Добронравовъ, только мало обращающій вниманія на порядки вообще, и 2) *Подальсовская*, гдѣ преподаетъ священникъ Вознесенскій, который самъ открылъ ее въ 1864 году и съ тѣхъ поръ руководить ею; первые три года о. Вознесенскій обучалъ бесплатно, а съ 1867 года состоитъ на жалованьи; учебная часть ведется имъ толково и успѣшно, но къ сожалѣнію, классная дисциплина не соответствуетъ ходу ученія: дѣти сидятъ слишкомъ вольно и отвѣчаютъ уроки, сидя.

При всѣхъ исчисленныхъ школахъ имѣются небольшія библіотеки; изъ нихъ самою достаточною по числу и стоимости книгъ можно считать библіотеку Безводнинской школы: въ ней насчитывается 70 названій въ 350 томовъ на сумму 125 р.; затѣмъ въ Палецкой книгъ на 93 р., въ Вердѣвской книгъ на 86 р., въ Помринской на 73 р., въ Борисовской на 71 р. и т. д.; въ самихъ бѣдныхъ библіотекахъ книгъ не менѣе, чѣмъ на 20 р. Впрочемъ нѣкоторыя школы требуютъ пополненія своихъ библіотекъ, на что и предполагается употребить часть назначенной на содержаніе школъ земской суммы.

Содержаніе школъ слагается вообще изъ суммъ земства и сельскихъ обществъ; первое отпускаетъ на 5 школъ (Безводнинскую, Шелоджанскую, Чернухипскую, Выѣздновскую и Таможниковскую) по 250 р., и на остальные по 155 р.; вторія доставляютъ отонленіе и прислугу, а въ нѣкоторыхъ школахъ—и освѣщеніе. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ школахъ есть попечители, которые, съ своей стороны, помогаютъ имъ, и надо замѣтить, что какъ хорошее, такъ и дурное состояніе училищъ много зависитъ отъ этихъ лицъ; нѣкоторые попечители оказываются бесполезными и равнодушными къ дѣлу образованія; по за то въ другихъ училищахъ попечители много содѣйствуютъ процвѣтанію ихъ: такъ, въ Безводнинской—крестьянинъ Посовъ снабжаетъ школу книгами, бумагой, перьями, панимаетъ подвоза и памѣренъ строить домъ для женской школы; въ Ключищенской—крестьянинъ Прохоровъ по умѣнію настоять на удовлетвореніи насущныхъ нуждъ школы и по влиянію на общество служить необходимою связью между нимъ и училищемъ; въ Слободской—крестьянинъ

Кузнецовъ ежедневно и строго наблюдаетъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ школы учащимися; въ Березниковской—крестьянинъ Даниловъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ школѣ, часто посѣщаетъ ее, покупаетъ бумагу и пр., блюдетъ за сбереженіемъ школьныхъ денегъ; помѣщикъ Козловъ даетъ домъ подъ Таможниковскую школу; помѣщикъ Андреевъ оказалъ пособіе при постройкѣ дома для Вердѣвской школы; крестьянинъ Тихановъ даетъ помѣщеніе у себя въ домѣ учителю Татарской школы, а съ лѣта 1876 года при его помощи выстроенъ особый домъ для школы; наконецъ самый дѣятельный, исполнѣй преданный дѣлу народнаго образованія — попечитель пяти школъ: Берсеменовской, Помринской, Вармалѣвской, Крутовской и Таможниковской, волостной старшина Гришаковъ, который за усердную и полезную службу представленъ Нижегородскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ къ награждѣ серебряною медалью на Станиславской лентѣ.

Большая часть школъ Нижегородскаго уѣзда имѣетъ свои собственные дома; помѣщеніе 18 школъ можетъ быть названо хорошимъ: оно по большей части просторно, свѣтло и тепло. За то помѣщеніе остальныхъ школъ неудовлетворительно: тѣсно, холодно и грязно; въ особенности дурно содержится двѣ школы — Новская, занимающая подъ школу тѣсную, темную церковную караулку на краю села, такъ какъ церковь стоитъ въ полѣ, и Моргушская, для которой мѣстные крестьяне, раскольники, отвели старую, по грязи, мрачности, тѣснотѣ и холоду никуда негодную кельенку; при ней есть сторожъ, но чтобы содержаніе его не обходилось дорого, взять слабый 70-ти-лѣтній старикъ. Изъ всѣхъ школьныхъ домовъ только домъ Борисовскаго училища застрахованъ въ 1200 р.

Кромѣ исчисленныхъ сельскихъ школъ, г. инспекторъ осмотрѣлъ въ октябрѣ 1876 г. еще двѣ частныя школы въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ: одна изъ нихъ содержится г-жею Гиляровскою, дочерью причетника Похвалинской церкви, а другая—г. Смирновымъ, бывшимъ учителемъ Благонѣщенскаго училища въ Нижнемъ, потомъ Софійскаго въ Арзамасѣ и Балахнинскаго приходскаго. Г-жа Гиляровская выдержала въ 1875 году испытаніе на званіе частной начальной учительницы и открыла въ 1876 году свою школу, въ которой обучается 4 мальчика и 4 дѣвочки, раздѣленные по успѣхамъ на 2 группы: въ старшей—3 мальчика и 1 дѣвочка, въ младшей—3 дѣвочки и 1 мальчикъ. Нравственнымъ своимъ вліяніемъ и ласковымъ обращеніемъ съ дѣтьми г-жа Гиляровская заслуживаетъ уваженія, но учебное дѣло

идеть въ школъ слабо. Кромѣ нея, для закона Божія приглашенъ священникъ Стекловъ, довольно способный преподаватель, но посѣщающій школу весьма неисправно, отчего по этому предмету пройдено немного и неудовлетворительно. По чтенію и письму только 3 дѣвочки оказали хорошіе успѣхи; по ариѳметикѣ всѣ обучающіеся слабы, чему причиною—незнакомство учительницы съ раціональными приѣмами преподаванія этого предмета. Библіотеки при школахъ не имѣется, дѣти учатся по своимъ книгамъ. Школа помѣщается въ собственномъ ветхомъ и тѣсномъ домикѣ г-жи Гилирской. Крайняя бѣдность заставила ее заняться обученіемъ дѣтей, которыя платятъ ей за круглый годъ ученія по 1 р. съ ученика, и она выполняетъ свой долгъ съ большимъ усердіемъ.—Школа г. Смирнова также не представляется въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь всѣхъ учащихся 8 человекъ, между ними есть и дѣвочки; всѣ они занимаются вмѣстѣ, и притомъ разными предметами въ одно и то же время. Священникъ Прилежаевъ, приглашенный въ законоучители, приходитъ на свои уроки неисправно и въ неопредѣленное время; у него только 2 ученика и 1 ученикъ знаютъ выученныя молитвы и пройденное изъ священной исторіи твердо, но разсказываютъ безъ всякаго смысла; знанія прочихъ ограничиваются тремя механически выученными молитвами. Тѣ же 2 ученика и ученица порядочно читаютъ и пишутъ, хотя содержаніе прочитаннаго передаютъ туго, да учитель и не требуетъ передачи прочитаннаго; остальные едва начинаютъ читать, кто придерживаясь методу азъ, буки, кто—а, бе, ве; звуковой способъ преподаванія неизвѣстенъ г. Смирнову. По ариѳметикѣ все тѣ же 2 ученика идутъ хорошо, и, благодаря не школьному обученію, а только своей даровитости и бойкости, знаютъ таблицу умноженія, порядочно рѣшаютъ несложныя задачи и дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе на счетахъ, тогда какъ другіе только пишутъ цифры. О класной дисциплинѣ дѣти не имѣютъ никакого понятія: отвѣчаютъ, сидя и во время занятій нерѣдко разговариваютъ между собою. Библіотеки не существуетъ: всякій приходитъ со своею книжкой.

Въ *Балахнинскомъ уездѣ*, изъ четырехъ осматрѣнныхъ г. инспекторомъ школъ лучше слѣдуетъ признать Гвизлицкую, оказавшую весьма хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ. Обучается въ ней 77 человекъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія. Отличный законоучитель священникъ Худашевскій и знающій свое дѣло, примѣрнаго поведенія и усердія учитель Кремневъ ведутъ школьное ученіе прекрасно. Ученики старшихъ двухъ отдѣленій по закону Божию прошли вполне

сознательно всѣ необходимыя молитвы, весь ветхій завѣтъ и половину новаго завѣта; младшаго—4 молитвы; со славянскаго языка, въ особности 3 ученика, переводятъ Евангеліе и молитвы очень порядочно. Чтеніе учениковъ старшаго отдѣленія бѣглое, правильное, сознательное; пишутъ они также хорошо, особенно 5 мальчиковъ, и всѣ довольно правильно; среднее отдѣленіе читаетъ довольно бѣгло, съ толкомъ и пониманіемъ, пишетъ очень порядочно; въ младшемъ перешли уже къ чтенію Роднаго Слова и пишутъ, судя по времени ихъ ученія, порядочно. Изъ ариѳметики старшіе ученики основательно ознакомились съ составомъ и отношеніемъ чиселъ въ предѣлахъ 50 и имѣютъ понятіе о начальныхъ дробяхъ; ученики средняго отдѣленія занимаются въ предѣлахъ 20, младшее въ предѣлахъ 8.—Затѣмъ по успѣхамъ слѣдуетъ Мысовская школа, въ которой учится 59 мальчиковъ, составляющихъ три отдѣленія. Ученіе бываетъ здѣсь до обѣда и послѣ обѣда; въ дурную погоду, морозы и сильныя вьюги дѣти изъ окрестныхъ деревень ночуютъ въ селѣ у родственниковъ и знакомыхъ. Прекрасный наставникъ закона Вожія св. Ачдентовъ, предавъ своему дѣлу, все пройденное учениками усвоено ими очень хорошо и осмысленно; кромѣ главныхъ молитвъ, законоучитель считаетъ необходимымъ, чтобы дѣти знали молитвы ко Кресту Господню, которыми, въ сожалѣнію, въ большинствѣ школъ не учатъ: это важно тѣмъ болѣе, что кпижники изъ раскольниковъ часто экзаменуютъ дѣтей, и большой упрекъ падаетъ на ту школу, гдѣ ихъ дѣтей не учатъ этими молитвами, а населеніе села Мысовскаго сильно заражено расколомъ, и изъ числа 59 мальчиковъ, только 10 мальчиковъ сельскихъ жителей, остальные изъ прилежащихъ православныхъ деревень; изъ самыхъ же двухъ близкихъ деревень, окружающихъ село, Передильной и Локтевой, чисто раскольниковъ, ни одного мальчика не пускаютъ родители въ школу. Церковно-славянскій текстъ Евангелія и молитвъ старшіе ученики понимаютъ хорошо. Прочимъ предметамъ обучаетъ очень старательный учитель Смирновъ, но онъ мало знакомъ съ новѣйшими руководствами по преподаванію отечественнаго языка; его урокъ объяснительнаго чтенія былъ на столько неудовлетворителенъ, что г. инспекторъ употребилъ цѣлый вечеръ на бесѣду съ учителемъ о цѣляхъ, приѣмахъ и веденіи объяснительнаго чтенія, а также указавъ, какимъ образомъ знакомить дѣтей съ правилами правописанія. Чтеніе двухъ старшихъ отдѣленій хотя порядочное, но крикливо и отрывочно, отчего теряется слѣзъ мыслей; пишутъ они красиво, но опіобочно; младшія читаютъ Родное Слово и пишутъ прописи. Ариѳ-

метика идетъ очень не дурно, и успѣхи учениковъ по этому предмету большіе.—Третья школа находится въ деревнѣ *Бабинь* Чернорѣцкой волости и открыта 1-го сентября 1876 г. стараніемъ крестьянина этой волости Королькова, и въ ней обучается 57 дѣтей, въ томъ числѣ 14 дѣвочекъ. Законъ Божій преподаетъ приходскій діаконъ Архангельскій, плохой учитель, вялый и неопытный; но лучшаго законоучителя нельзя было найти, такъ какъ священникъ села Чернорѣцкаго состоитъ преподавателемъ школы своего села, и кромѣ того, обремененъ большимъ приходомъ; познаніи дѣтей изъ этого предмета весьма не велики. И по другимъ предметамъ учителя Орфановымъ не много сдѣлано: ученики старшаго отдѣленія читаютъ чисто механически и очень ошибочно; пишутъ безграмотно; ознакомленіе съ тѣмъ и другимъ было приобретено ими дома; младшее отдѣленіе начало обучаться въ школѣ, и уже въ состояніи написать любое слово. По арифметикѣ старшіе знаютъ нумерацію до 1000 и занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 20, младшіе въ предѣлахъ 8.—Послѣднія изъ четырехъ школъ—*Чернорѣцкая* имѣетъ 53 ученика. Успѣхи по закону Божию нельзя назвать удовлетворительными, такъ какъ ученики старшаго отдѣленія уже забыли все пройденное въ прошлую зиму; въ среднемъ занимаются повтореніемъ молитвъ, а въ младшемъ дѣти знаютъ только начальные молитвы. Такая малоуспѣшность происходитъ оттого, что о. Фалинскій, при способности быть хорошимъ законоучителемъ, слишкомъ часто пропускаетъ уроки. По славянски ученики въ старшемъ отдѣленіи читаютъ и переводятъ тексты Евангелія порядочно; русское чтеніе и изложеніе содержанія прочитаннаго дѣлается ими отчетливо, правильно и въ надлежащей послѣдовательности, только пишутъ ошибочно. Со среднимъ отдѣленіемъ слѣдуетъ больше заниматься, оно читаетъ крайне ошибочно, но учитель Репьевъ, прихвѣрнаго впрочемъ поведенія и усердія, не принявъ въ соображеніе, что развитіе объяснительнаго чтенія должно находиться въ связи и даже въ зависимости отъ усовершенствованія чтенія, что и было видно изъ его урока по объяснительному чтенію, который велся имъ не особенно ловко и удачно; пишутъ ученики красиво, но безграмотно; учителю рекомендовано обратить особенное вниманіе на правописаніе и показаны приемы диктовки. Усиѣшнѣе идутъ записки по арифметикѣ, причѣмъ особенно хороши успѣхи старшаго отдѣленія.

Библіотеки этихъ школъ содержатся въ порядкѣ; самая достаточная при *Бабинской* школѣ, гдѣ книгъ имѣется на 120 р.; эта школа имѣетъ и отличную классную обстановку. Помѣщеніе школъ очень

удобное и теплое, для трехъ школъ — наемное, а Бабинская помѣщается въ собственномъ отличномъ, на каменномъ фундаментѣ домѣ, выстроенномъ купцомъ Марковымъ, бывшимъ крестьяниномъ Черноорѣцкой волости; нѣтъ же заведены вся мебель и школьныя пособия; кромѣ того, купецъ Марковъ обѣщаетъ вскорѣ построить домъ для двухкласснаго женскаго училища въ деревнѣ Жолнинѣ. Попечители Черноорѣцкой и Мысовской школъ никакой пользы нѣтъ не приносятъ, и ихъ замѣняютъ другія лица. Всѣ оклады учителямъ идутъ отъ земства: законоучители получаютъ 50 р., учителя—200 р. Недостатки въ книгахъ въ Черноорѣцкой школѣ и классной мебели въ Мысовской, пополнены изъ 300 р., назначенныхъ Балахнинскимъ земствомъ собственно на эти предметы.

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, кромѣ 16 сельскихъ училищъ, г. инспекторомъ осмотрѣны были 4 городскія училища — 2 въ самомъ Горбатовѣ и 2 въ подгородномъ селѣ Избылицѣ.

Городскія начальныя училища, мужское и женское, въ учебномъ отношеніи рѣзко отличаются одно отъ другаго. Мужское, образованное изъ приготовительнаго класса при Горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ, имѣетъ 68 учениковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 19, въ среднемъ — 27 и въ младшемъ — 22. Ученіе идетъ здѣсь мало-успѣшно; то же слѣдуетъ замѣтить и о дисциплинѣ учащихся. Въ послѣднемъ нельзя винить учителя Свамницкаго, довольно хорошаго преподавателя, но до того слабого здоровьемъ, что, при всемъ его желаніи слѣдить какъ должно за ученищемъ, онъ не въ силахъ справиться съ такимъ значительнымъ числомъ учениковъ, что и побудило начальство назначить ему помощника; выборъ былъ сдѣланъ очень удачно, г. Критскій хорошій преподаватель, и можно надѣяться, что это училище въ непродолжительномъ времени придетъ въ надлежащее состояніе; къ тому же и весьма плохой преподаватель закона Божія, у котораго ученики по всѣмъ отдѣленіямъ оказали успѣхи болѣе чѣмъ слабыя, замѣненъ нынѣ другимъ лицомъ, соборнымъ протоіереемъ. До сихъ поръ изъ закона Божія ученики, кромѣ дурно заученныхъ молитвъ, почти ничего не прошли. Съ славянскаго языка только три ученика переводятъ порядочно; пишутъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ очень красиво, но крайне безграмотно. Арифметика преподается еще слабѣе: старшіе занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 50, средніе — въ предѣлахъ 19 и младшіе—въ предѣлахъ 10; рѣшенія задачъ въ предѣлахъ сказанныхъ чиселъ дѣлаются плохо. Письменная часть училища въ порядкѣ.

Библиотека состоитъ изъ 158 названій въ 638 томовъ, на сумму 111 р., но большая часть учениковъ имѣетъ свои книги, покупая ихъ въ Нижнемъ и Горбатовѣ. Школьная обстановка стара и бѣдна, многихъ пособій не имѣется совсѣмъ. Училище помѣщается довольно удобно въ зданіи городской думы. Содержанія священникъ получаетъ 60 р., старшій преподаватель — 320, младшій — 84 р.; но городское управленіе обѣщало вскорѣ возвысить окладъ послѣдняго.

Женское начальное училище, основанное въ 1864 году, находится въ весьма удовлетворительномъ положеніи, и еслибы въ немъ былъ еще хорошій законоучитель, то оно могло бы назваться вполне образцовымъ. Къ крайнему сожалѣнію, нынѣшняго законоучителя нѣтъ возможности замѣнить другимъ преподавателемъ. Въ школѣ 49 ученицъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 11, въ среднемъ—16 и въ младшемъ—22; она обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ учительницѣ, г-жѣ Е. Тавровской, окончившей курсъ въ Нижегородскомъ Маріинскомъ институтѣ и знающей прекрасно свое дѣло, а также г-жѣ Болеславской, окончившей воспитаніе въ Нижегородскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; послѣдняя служитъ въ школѣ съ 1866 года, и хотя не обладаетъ въ такой степени опытностью, какъ г-жа Тавровская, но общая служба и занятія съ нею, конечно, выработаютъ изъ г-жи Болеславской хорошую преподавательницу. Если по закону Божию ученицы усвоили твердо и довольно подробно пройденное ими изъ священной исторіи, то обязаны болѣе книгѣ и своему прилежанію, чѣмъ законоучителю; выученныя молитвы всѣми отдѣленіями понимаются плохо. Оба старшія отдѣленія читаютъ по русски и по славянски отлично, также старшія весьма порядочно переводятъ со славянскаго Евангеліе; пишутъ старшія красиво и правильно, среднія не менѣе красиво и безъ грубыхъ ошибокъ; маленькія читаютъ Родное Слово и пишутъ прописи. Тетради у всѣхъ въ отличномъ порядкѣ. Равно хороши усѣбки дѣвицъ по ариметикѣ: старшія занимаются счисленіемъ и легко рѣшаютъ довольно сложныя задачи въ предѣлахъ 90, имѣютъ ясное понятіе о начальныхъ дробяхъ, знаютъ таблицу умноженія, очень порядочно умѣютъ считать на счетахъ; среднія занимаются въ предѣлахъ 34, младшія — 10. Г-жѣ Болеславской порученъ еще классъ руководѣліи, которому обучаются дѣвочки старшаго отдѣленія. Письменная часть училища ведется исправно. Въ библиотекѣ книгъ на сумму 175 р.; изъ мебели недостаетъ ученическихъ столовъ. Училище помѣщается въ верхнемъ этажѣ городской управы. Жалованья свя-

щеннику полагается 60 р., старшей учительницѣ—250, при готовой квартирѣ, и младшей—180 р.

Въ Избылецкомъ начальномъ мужскомъ училищѣ, открытомъ съ 1857 года, обучается 28 мальчиковъ; причина столь малаго числа учащихъ—сильно распространенный въ мѣстномъ населеніи расколъ, коимъ впрочемъ сильно заражены и жители Горбатова. Ученики по всѣмъ предметамъ оказали слабые успѣхи. Опытный въ дѣлѣ преподаванія священникъ Рославлевъ сталъ однако небрежно заниматься школой и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ весь свой интересъ на женскомъ начальномъ училищѣ, открытомъ съ мая мѣсяца его дочерью; поэтому о. Рославлеву предложено оставить мѣсто. Отъ вновь приглашеннаго законоучителя слѣдуетъ ожидать, что онъ съ бѣльшимъ стараніемъ займется учащимися, познанія которыхъ по закону Божию весьма шатки: за исключеніемъ 3 учениковъ, всѣ другіе пройденное въ текущемъ году знаютъ не твердо, а чтѣ проходили въ прошломъ—забыли; по славянскому языку одинъ только мальчикъ порядочно читаетъ и переводитъ. Не лучше занимается и другой учитель Прудентовъ, хотя и выдержавшій испытаніе на званіе учителя начального городского училища, но на дѣлѣ плохой преподаватель, чтѣ, помимо малоуспѣшности учениковъ его, доказывается крайне неудовлетворительно даваемыя имъ уроками по объяснительному чтенію и арифметикѣ. Изъ бойкаго, но не разумнаго чтенія, безъ остановокъ на знакахъ препинанія, ученики старшаго отдѣленія видимо никакой пользы не выносятъ, мало понимая читаемое; въ среднемъ отдѣленіи всѣ читаютъ на распѣвъ и еще меньше старшаго понимаютъ содержаніе прочитаннаго; оба отдѣленія пишутъ безграмотно. Дѣти, поступая въ младшее отдѣленіе, всѣ знали азбуку, но такъ, что учителю пришлось вновь переучивать ихъ. Изъ арифметики ученіе идетъ туго, старшіе, зная 4 правила, очень затрудняются въ рѣшеніи простѣйшихъ задачъ, о начальныхъ дробяхъ не имѣютъ никакого понятія, на счетахъ вовсе не умѣютъ считать; средняго отдѣленія ученики занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 20, младшіе—въ предѣлахъ 10. Какъ тетради, такъ и вся документальная часть школы ведется неисправно. Въ библиотекѣ книгъ на сумму 170 р. Священникъ Рославлевъ выслужилъ пенсію и жалованья не получалъ; учитель состоитъ на окладѣ въ 230 р. Помѣщается училище удобно, особенно если принять въ расчетъ небольшое число въ немъ учащихся.

О женскомъ начальномъ училищѣ приходится сказать немногое

по причинѣ недавняго его существованія. Учительницею состоитъ выдержавшая испытаніе на знаніе сельской учительницы дочь священника Рославлева, который обучаетъ здѣсь закону Божію. Всѣхъ дѣвочекъ обучается 15, онѣ раздѣлены на двѣ группы, въ старшей—4 и въ младшей 11. По закону Божію старшія знаютъ механически 4 молитвы, младшія—одну—Богородице Дѣво; двѣ дѣвочки, спрошенныя г. инспекторомъ, отвѣчали ему эту молитву, какъ читается, она у раскольниковъ: „Богородице Дѣво, радуйся, обрадованная Марія, Господь съ Тобою и т. д. Изъ русскаго старшія начали читать Родное Слово, маленькія еще учатъ буквы. Изъ ариметики старшія занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 10, младшія—5, по способу Евтушевскаго, съ которымъ, впрочемъ, сама учительница мало знакома; г. инспекторъ объяснилъ ей особенности приемовъ его и рекомендовалъ приобрести ариметику того же автора для начальныхъ учителей и учительницъ. Вступительной вѣдомости и класснаго журнала еще не заведено; классной мебели мало; книгъ же для занятій достаточно. Школа помѣщена удобно въ домѣ священника Рославлева и поддерживается въ настоящее время помѣщицею села Избыльца, попечительницею школы, г-жею Турчаниновой, которая даетъ на отопленіе классной комнаты и на учебныя пособія по 50 р. въ годъ. Другихъ средствъ школа не имѣетъ, такъ какъ ни законоучитель, ни учительница жалованья не получаютъ.

Въ число 16 осматрѣнныхъ сельскихъ школъ вошли 4 начальныхъ училища — Панинское, съ женскимъ при немъ отдѣленіемъ, и Александровское Богородское мужское, оба министерства народнаго просвѣщенія, и 2 женскихъ, Богородское имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны (открытое сперва въ видѣ церковно-приходской начальной школы) и Павловское; затѣмъ 2 церковно-приходскія школы—Дудневская и Богородская и 1 частная школа г-жи Ризумовой въ селѣ Богородскомъ.

Горбатовскій уѣздъ отличается большими селами, какъ напримѣръ, Ворсма, Панино, Павлово, Богородское, въ которыхъ число мужскаго населенія простирается отъ 1000 до 1500 душъ; число учащихся, въ сравненіи съ населеніемъ, умеренное; такъ въ Ворсмѣ и Панинѣ по 1 школѣ, въ Павловѣ 2, и только въ селѣ Богородскомъ потребность образованія такъ велика, что, кромѣ 2-хъ начальныхъ училищъ, въ немъ открыто еще 2 частныя школы, и потому необходимо здѣсь открыть третье училище, такъ какъ 2 послѣднія школы далеко не соответствуютъ своему назначенію. Не смотря на давность

существованія нѣкоторыхъ школъ, учебное дѣло идетъ въ нихъ весьма неуспѣшно, и именно въ старѣйшихъ изъ нихъ — Ярымовской (существующей съ 40-хъ годовъ) по всѣмъ предметамъ, Панинской (съ 1847 года) по Закону Божію, и Ворсменской (съ 1858 года) также по всѣмъ предметамъ; нельзя не пожелать этимъ школамъ, въ богатыхъ и населенныхъ селахъ, лучшихъ наставниковъ, которые сумѣли бы вызвать народное сочувствіе къ дѣлу образованія молодаго поколѣнія въ этихъ на половину раскольниковскихъ мѣстностяхъ, какъ то и дѣлаетъ почтенный преподаватель Ворсменской школы учитель Гайдуковъ, у котораго, благодаря его энергіи, школа идетъ лучше другихъ двухъ названныхъ; учитель пользуется особеннымъ расположеніемъ къ нему общества; ради него оно дѣлаетъ много уступокъ и пособій. 1'. Гайдуковъ заслуживаетъ полнаго уваженія: окончивъ курсъ 20 лѣтъ тому назадъ, онъ старается примѣняться къ новѣйшимъ приемамъ преподаванія, и хотя еще нѣкоторыхъ изъ нихъ не успѣлъ себѣ надлежащимъ образомъ, но успѣхи учениковъ его очевидны: чтеніемъ старшее отдѣленіе овладѣло вполне, оно у нихъ было и правильно; пишутъ прекрасно и безъ грубыхъ ошибокъ; успѣхи по ариметикѣ хорошіе. Есть въ уѣздѣ школы, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется по старому способу обученія, и всѣ онѣ въ учебномъ отношеніи стоятъ весьма слабо. Таковы именно: 1) *Богородская* церковно-приходская, содержится дьякономъ Орловымъ, который одинъ всѣмъ занимается, получая съ каждаго ученика отъ 1 до 3-хъ рублей; ученіе, кромѣ большихъ праздниковъ, не прекращается цѣлый годъ; дѣти учатся всѣ вмѣстѣ, и мальчики, и дѣвочки; тѣ изъ учащихся, кто второй годъ посѣщаетъ школу, знаютъ изъ закона Божія главные молитвы, не понимая ихъ, читаютъ по славянски и по русски хотя и довольно бѣгло, но безтолково, пишутъ въ высшей степени безграмотно; изъ ариметики, ознакомилъ съ сложеніемъ, вычитаніемъ и умноженіемъ, не въ силахъ рѣшить самой простой задачи въ предѣлахъ двухъ первыхъ десятковъ; учащіеся первый годъ знаютъ начальныя молитвы, нѣкоторые читаютъ по складамъ, другіе, и большая часть, заучиваютъ склады, и тѣмъ не менѣе эта школа насчитываетъ у себя 38 учениковъ—25 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ. 2) *Богородская* школа—частная г-жи Разумовой, гдѣ учатся 15 человекъ—8 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, съ платой отъ 2 до 5 р.; за смертью законоучителя, г-жа Разумова сама подаетъ всѣ три предмета; приемъ обученія и знаніе дѣтей такіе же, какъ и въ вышеописанной школѣ; чтобъ имѣть

право на дальнейшее содержаніе школы, учительницѣ предложено немедленно сдать экзаменъ для полученія званія сельской учительницы. 3) *Дуденевская* церковно-приходская женская школа, открытая завоуучителемъ Дуденевской мужской школы о. Цѣтковымъ въ 1875 году; здѣсь обучается 18 дѣвочекъ: 6 въ старшемъ и 12 въ младшемъ отдѣленіи; труды завоуучителя по занятіямъ съ ученицами раздѣлилъ супруга его, получившая домашнее воспитаніе. По закону Божію старшія ученицы знаютъ несмысленно главные молитвы, Символъ Вѣры читаютъ на расцѣвъ; читаютъ и понимаютъ чтеніе только 3 дѣвочки, пишутъ всѣ безграмотно; ариметикой совсѣмъ не занимались; младшія ученицы знаютъ только молитву Богородице Дѣво, учатъ церковно-славянскій букварь, письмомъ же, какъ и въ школѣ г-жи Разумовой, не занимались по принятому въ старыхъ школахъ правилу начинать писать только тогда, когда дѣти начнутъ бѣгло читать. 4) *Пустынская* (иначе Пустыня) въ селѣ Засорезѣ, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ Нижегородской губерніи, въ дикой лѣсистой сторонѣ Горбатовскаго уѣзда, гдѣ живутъ почти все раскольники и народъ занимается земледѣліемъ, рубкой лѣса и гонкой смолы; къ крайнему сожалѣнію, такая отдаленность мѣстности и скудное содержаніе (120 р.) не позволяютъ замѣнить учителя этой школы г. Прудентова другимъ, болѣе свѣдущимъ, который былъ бы преданъ своему дѣлу и умѣлъ бы увеличить число учащихся; при настоящемъ учителѣ, немаловажно бывающемъ въ школѣ и обучающемъ чтенію и ариметикѣ по старому способу (самъ учитель окончилъ курсъ въ 1844 году), врядъ ли число учениковъ увеличится; школу посѣщаютъ 11 мальчиковъ. Отрадное можно сказать только о недавнихъ успѣхахъ учащихся по закону Божію, которымъ занимается почтенный о. Альбицкій, переведенный сюда съ 1875 года по собственному желанію, послѣ семилѣтней учительской службы въ селѣ Гладковѣ того же уѣзда; все преподаваемое имъ дѣти усвоили твердо и вполне сознательно. Кромѣ названныхъ школъ, еще одна должна быть причислена къ слабымъ; это — школа *Сосновскимъ*, въ которой впрочемъ ученіе ведется не по самому старинному способу; она открыта священникомъ Илевскимъ только въ 1876 г., но учредитель и единственный въ ней преподаватель относится къ ней безъ должнаго усердія, часто прекращая ученіе на недѣлю и болѣе. Изъ 14 мальчиковъ одинъ только ученикъ по всѣмъ предметамъ знаетъ довольно многое и притомъ хорошо, но съ нимъ преподаватель занимается отдѣльно, всѣ же другіе ученики изъ закона Божія про-

шли молитвы безъ всякаго пониманія, читаютъ очень дурно, пишутъ совсѣмъ безграмотно; изъ ариметики знаютъ сложеніе и вычитаніе. Сосновская школа находится во всѣхъ отношеніяхъ въ столь плохомъ состояніи, что едва ли не напрасно земство теряетъ на нее по 50 р. въ годъ.

Значительное число школъ въ уѣздѣ идутъ въ учебномъ отношеніи не совсѣмъ плохо, но посредственно—вслѣдствіе совершеннаго незнакомства ихъ преподавателей съ новѣйшими раціональными приемами обученія, что особенно замѣтно на обученіи закону Божію, гдѣ даже весьма способные законоучители, какъ о. Авдентовъ въ Терневской школѣ, или о. Орловъ въ Павловской женской, одной изъ лучшихъ въ уѣздѣ, сдѣлали сравнительно мало. Къ числу такихъ посредственныхъ школъ принадлежатъ слѣдующія: 1) *Терлевская*, гдѣ законоучителемъ о. Авдентовъ и учителемъ г. Дроздовъ; судя по способностямъ и усердію послѣдняго, слѣдуетъ ожидать, что онъ сумѣетъ хорошо поставить свою школу, основанную только въ 1876 году и представившую уже нѣкоторыя трудности: мальчиковъ обучается 46, въ старшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 16 и въ младшемъ 20; при поступленіи своемъ всѣ ученики 2-хъ старшихъ отдѣленій умѣли читать бѣгло, но не правильно и плохо передавая прочитанное, чего учитель при всемъ стараніи не могъ и до сихъ поръ исправить, равно какъ и безграмотнаго ихъ писанія; ученики младшаго отдѣленія выучились въ школѣ уже на столько, что читаютъ Родное Слово и пишутъ съ прописей; преподаваніе ариметики идетъ правильно и хорошо. 2) *Шапкинское*, гдѣ законъ Божій преподаетъ священникъ Святицкій, а другіе предметы—сынъ его. 3) *Дудяевская* мужская школа, основанная священникомъ Цвѣтковымъ, который однако, равно какъ и учитель Архангельскій, довольно плохіе преподаватели, послѣдній—по особенностямъ по ариметикѣ, по которой ученики оказали слабые успѣхи. 4) *Арановская*, гдѣ законъ Божій преподаетъ преклонныхъ лѣтъ священникъ Любимцевъ, при чемъ все, что ученики прошли, они знаютъ не твердо и безъ всякаго пониманія; другимъ предметамъ обучаетъ учитель Виноградовъ, у котораго преподаваніе ариметики идетъ успѣшнѣе, чѣмъ русскаго языка, но можно ожидать, что учитель, весьма усердный и знающій дѣло обученія очень порядочно, сумѣетъ повести и этотъ предметъ также хорошо, какъ ариметику, что уже видно по тому, что всѣ ученики средняго отдѣленія, выучившіеся читать у него въ школѣ, читаютъ несравненно лучше старшаго, которое обучалось чтенію еще дома; младшее отдѣленіе изучило

всѣ звуки и буквы родной рѣчи и умѣть написать слова съ какимъ угодно паронесіемъ согласныхъ.

Отличными школами въ уѣздѣ можно признать слѣдующія: 1) *Павловскую* женскую, гдѣ обучается 85 дѣвочекъ и преподають о. Орловъ и двѣ учительницы, изъ коихъ въ особенноти г-жа Веселовская отличается преданностію и знаніемъ дѣла; ея два урока по объяснительному чтенію и ариметикѣ были исполнѣны удачны; другая — г-жа Цедрицкая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не умѣетъ привязать къ себѣ дѣтей, но подобно первой, отличается опытностію въ преподаваніи. 2) *Алешковскую*, въ которой учится 23 человѣка, въ томъ числѣ 2 дѣвочки; законъ Божій преподаетъ о. Лебедевъ, и усилки по этому предмету хорошіе, а г. Муравьевъ, — весьма усердный и способный учитель, и если онъ обогатитъ свои знанія болѣе чтеніемъ, то со временемъ обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ сельскихъ учителей. Наконецъ, оба начальныя училища села Богородскаго: 3) въ *Александровскомъ мужскомъ* обучается 113 мальчиковъ: въ старшемъ 17, въ среднемъ 20 и въ младшемъ 66; послѣднее по многочисленности учениковъ дѣлится на 2 группы: въ старшей — 20 и въ младшей — 46 учениковъ. Къ сожалѣнію, законъ Божій преподается здѣсь не такъ удовлетворительно, какъ другіе предметы; законоучителю Кудрявцеву особенно было замѣчено о неудачномъ его приѣмѣ — давать учащимся заучивать переводъ молитвъ отдѣльно отъ славянскаго текста. Учителями состоятъ гг. Штерновъ и Ратниковъ, оба — образцовые преподаватели въ научномъ и нравственномъ отношеніи: записываются съ примѣрнымъ усердіемъ, хорошо и основательно знакомы съ современными способами и приѣмами преподаванія. 4) Въ *жепскомъ* имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны училищѣ обучается 111 дѣвочекъ; въ старшемъ отдѣленіи — 20, въ среднемъ — 41 и въ младшемъ — 50. Обучають о. Тихомировъ, состоявшій въ этой должности съ открытія школы въ 1867 году и прекрасно ведущій свой предметъ, и 2 учительницы, изъ которыхъ г-жа Владимірская весьма хороша преподавательница. Учительница эта дала въ присутствіи г. инспектора два урока по объяснительному чтенію и ариметикѣ весьма удовлетворительно. Другая учительница, г-жа Розапова, далеко уступаетъ ей въ знаніяхъ и опытности, но для младшаго отдѣленія она довольно хороша; кромѣ предметнаго обученія, она учитъ дѣтей рукодѣлю, и обѣ преподавательницы занимаются своими обязанностями съ рѣдкимъ усердіемъ. Въ этихъ двухъ школахъ чтеніе стар-

нихъ отдѣленій по славянски и по русски превосходное: они читають бѣгло, правильно, сознательно; прочитанное передають со смысломъ, послѣдовательно, правильнымъ языкомъ; въ женской школѣ переподать очень порядочно тексты Евангелія и молитвы; среднія отдѣленія читають хорошо и также толково передають читаемое; младшія перепили кт. чтенію Родного Слова, и первая группа мужской школы этого отдѣленія читаетъ уже довольно не дурно. Старшія отдѣленія пишутъ очень красиво и достаточно правильно, особенно 4 изъ мальчиковъ; среднія порядочно и безъ грубыхъ ошибокъ, младшія—проняси. По арифметикѣ старшіе рѣшаютъ довольно сложныя задачи на 4 дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ, имѣють ясное понятіе о начальныхъ дробяхъ и отлично считаютъ на счетахъ; ученицы этого отдѣленія занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 80, имѣють понятіе о начальныхъ дробяхъ, знаютъ мѣры составныхъ именованныхъ чиселъ, и хотя не бойко, но умѣють считать на счетахъ; въ среднихъ отдѣленіяхъ мальчики работаютъ въ предѣлахъ 50, дѣвочки — 30, въ младшихъ мальчики въ предѣлахъ 15, дѣвочки—6. У всѣхъ учащихся тетради въ отличномъ порядкѣ.

Изъ всѣхъ школъ только въ двухъ дѣти обучаются пѣнію: въ Палинской обучаетъ дьяконъ Никольскій бесплатно, и въ Дуденевской священникъ Цѣтковъ. Библіотекъ поше не имѣется въ школахъ Дуденевской женской, церковно-приходской и частной Богородскихъ и Сосновской, и дѣти учатся по своимъ книгамъ. Одною изъ лучшихъ библіотекъ начальныхъ школъ Нижегородской губерніи, безъ сомнѣнія, можетъ считаться библіотека Александровскаго Богородскаго училища; въ ней 283 названія въ 799 томахъ, на сумму 820 р. Въ Богородской женской книгъ имѣется на 152 р., въ Палинской, Дуденевской мужской и Яримовской въ каждой на 100 р., въ остальныхъ школахъ на сумму отъ 60 до 20 р. Нѣсколько школъ имѣють нужду въ пополненіи, какъ учительской, такъ и ученической библіотекъ.

Нѣкоторыя школы имѣють отличную классную обстановку, благодаря своимъ попечителямъ; особенно роскошно снабжены школьными пособиями Александровское Богородское и Дуденевское мужское. Въ Богородской женской главное украшеніе классной комнаты составляютъ прекрасной работы въ богатыхъ золотыхъ рамахъ портреты Государыни Императрицы, Государя Цесаревича, Государыни Цесаревны и телеграмма Ея Императорскаго Высочества, отдѣланная въ рамку. Теряевская школа, кромѣ необходимаго, приобрѣла еще въ Нижегородскомъ музеѣ за 70 р., съ разсрочкою уплаты денегъ въ

два срока — большую икону, портретъ Государя Императора, карту Россіи и счеты. Самую бѣдную обстановку имѣють дѣтскія школы — Шапкинская почти вовсе безъ мебели.

При многихъ школахъ состоятъ попечителями крестьяне или бывшіе крестьяне, нынѣ купцы; особаго вниманія удостоился почетный блюститель Александровскаго Богородскаго училища 2-й гильдіи Горбатовскій купецъ В. А. Александровъ, въ 1875 году представленный уже къ награждѣ золотой медалью для ношенія на Станиславской лентѣ, чего онъ вполне заслуживаетъ за рядъ крупныхъ пожертвованій; кромѣ ежегоднаго взноса въ 100 р., зная, что отпускаемой земствомъ суммы въ 206 р. и обществомъ въ 425 р. недостаетъ на содержаніе школы, онъ истратилъ въ послѣдніе три года изъ собственныхъ средствъ 1000 р.; имъ же устроены рядомъ со школою двѣ удобныя квартиры съ особою кухней для учителей. Также щедро помогаетъ попечитель женскаго Богородскаго училища, 1-й гильдіи Горбатовскій купецъ И. А. Александровъ: къ земскимъ 160 р. и общественнымъ 420 р. вноситъ онъ ежегодно 100 и болѣе рублей, и покрылъ за послѣдніе 4 года всѣ расходы по школѣ, что составило болѣе 1000 р. Много дѣлаетъ попечитель Дуденевской школы, астраханскій купецъ Власовъ, дуденевскій уроженецъ, вноситъ ежегодно 100 р. и выстроилъ школьный въ 1,500 р. домъ, съ удобною меблированной квартирой для учителя, при которой кухня также снабжена всѣмъ необходимымъ. Попечитель Панинской школы даетъ ей 50 р.; Пустынской—25 р. на книги, благодаря чему школа снабжена достаточнымъ количествомъ книгъ, не смотря на свои скудные средства, состоящіе всего изъ 156 р., отпускаемыхъ земствомъ на жалованье учителямъ; Теряевской — 20 р.; Ворсменской (фабрикантъ стальныхъ издѣлій Завьяловъ) — платитъ за квартиру и покупаетъ книги; Алешковской — покупаетъ перья, черпила, бумагу; попечитель этотъ, крестьянинъ Чалковъ, имѣетъ большое вліяніе на крестьянъ своей деревни, и къ нему обращался г. инспекторъ съ просьбой о постройкѣ особаго дома для школы, которая помѣщается въ настоящее время въ небольшой тѣсной и холодной избѣ, съ платою за нее 20 р. и съ отопленіемъ отъ хозяина. Также дурно помѣщены слѣдующія школы: Сосновская, Шапкинская (холодная и тѣсная), частная г-жи Разумовой; Павловское женское — въ домѣ Павловскаго двухкласснаго училища — тѣсно, сыро, холодно; Ворсменская — въ двухъ комнатахъ, что весьма неудобно для наблюденія за учениками; Араповская — въ волостиномъ правленіи, гдѣ подѣ клас-

свою комнатою помѣщается арестантская, о чемъ заявлено старшинѣ, чтобъ перевести или школу, или арестантскую; Ярымовская — въ просторномъ, но нестерпимо холодномъ и старомъ домѣ, принадлежащемъ вѣдомству государственныхъ имуществъ; Пустынская — въ собственномъ домѣ, пожертвованномъ графомъ Шереметевымъ — была бы хороша, еслибъ домъ устроить, но для того нѣтъ средствъ: кромѣ того, главное неудобство помѣщенія состоитъ въ томъ, что внизу дома помѣщается арестантская, переведенная сюда старшиною-раскольникомъ, едва ли не по недоброжелательству къ школѣ, о чемъ уже сообщено Горбатовскому совѣту и уѣздному исправнику. Прекрасно и удобно помѣщены школы: Панинская въ собственномъ домѣ, Териевская въ наемномъ за 75 руб., Александровская Богородская и женская Богородская, обѣ въ общественномъ домѣ, при особыхъ для каждой подѣздахъ; только женская школа, вслѣдствіе большаго наплыва учащихся, становится тѣсна; наконецъ, обѣ Дуденевскія, мужская въ собственномъ домѣ, женская — въ домѣ священника Цвѣткова.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАРАТАКСИСА ВЪ ТЕРЕНЦЕВЫХЪ КОМЕДІЯХЪ ¹⁾.

Novi.

Andr. 440 (II, 6, 9) Nil hercle, aut si adeo, biduist aut tridui
Haec sollicitudo, *nosti*, deinde desinet.

Бептлн и съ нимъ Флекейзентъ, Умппенбахъ и Мейсснеръ ставятъ послѣ *nosti* вопросительный знакъ, но я здѣсь не вижу никакого вопроса. Въ ст. 438 sq. баринъ спрашиваетъ своего раба: Num illi (то-есть, filio meo) molestae quidpiam haec sunt nuptiae Consuetudinem propter huiusce hospitae? На это рабъ отвѣчаетъ: Nil hercle etc., то-есть, отнюдь не, или если даже (sc. haec nuptiae ei molestae sunt), то ты долженъ знать, что такая грусть продолжается всего два-три дня, а потомъ перестанетъ. Поэтому интерпункцію Кюца и Шпенгеля, ставящихъ запятую, я считаю вѣрною.

Audio.

Heaut. 243 (II, 3, 2) — Mulier tibi adest; *audin*, Clinia?

Andr. 228 (I, 4, 1) *Audivi* Archilis iam dudum, Lesbiam adduci
iubes.

Ad. 160 (II, 1, 6) Aeschine, *audi*, ne te ignarum fuisse dicas meorum morum,

Leno ego sum.

Andr. 590 (III, 4, 11) Hoc *audi*; ut hinc te intro ire iussi, opportune hic *fit* mi obviam.

Andr. 660 (IV, 1, 36) — hoc *audi*: numquam destitit
Instare ut dicerem esse ducturum patri.

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв., текущаго года,

Video.

Eun. 713 (IV, 4, 45) — — Non potest

Sine malo fateri, *video*.

Нес. 770 (V, 2, 4) Noster socer, *video*, venit; puero nutricem adducit.

Одинъ разъ сначала безъ глагола:

Phorm. 104 (I, 2, 54) *Videmus*: virgo pulchra et, quo magis diceret,

Nil aderat adiumenti ad pulchritudinem.

Кромѣ того, употребляется такъ imperativus *vide* и одинъ разъ *specta*, въ смыслѣ *considera*, *сообрази*, *обдумай*:

Heaut. 315 (II, 3, 74) Hoc *vide*: in mea vita tu tibi laudem is
quaesitum, scelus!

Нес. 420 (III, 4, 6) Nam alias ut mittam miserias, unam hanc *vide*:

Dies triginta aut plus eo in navi fui,

Quom interea semper mortem expectabam
miser.

Phorm. 711 (IV, 4, 30) — — Fient me *vide*, то-есть, повѣрь мнѣ, что случится (то, о чемъ я тебѣ говорилъ).

Heaut. 991 (V, 2, 38) — Nunc aliud *specta*: matres omnes filijs
In peccato adiutrices, auxilio in paterna
iniuria

Solent esse; id non fit (то-есть, et id tecum
non fieri или quod tecum non fit).

Gaudeo.

Eun. 1041 (V, 8, 11) Jam hoc aliud est quod *gaudeamus*: miles
pelletur foras.

Sino.

Наконецъ, примѣръ, который всѣ новѣйшіе издатели, поставивъ между кавычками, несправедливо причисляютъ къ цитатамъ:

Phorm. 293 (II, 1, 63) — — — Mitto omnia:

Do istuc, imprudens timuit adolescens; *sino*

Tu servo's,

хотя, нужно признаться, опъ и сюда не совсѣмъ относится, представляетъ какое-то краткословіе (брахилогію), потому что смыслъ будетъ слѣдующій: „Я все оставляю въ сторонѣ (это говорить отецъ, разсерженный женитьбою сына въ его отсутствіе). Соглашаюсь на то,

что (какъ вы говорите), мой сынъ боялся; допускаю и то, что ты, будучи работъ, не могъ защищать его передъ судомъ⁴.

Приступая къ изложенію предложеній, находящихся въ обстоя-
тельственномъ отношеніи, мы сперва должны сказать пару словъ о
томъ, какъ примемся за дѣло. Самые интересные случаи паратаксиса
мы увидимъ въ условныхъ, уступительныхъ и послѣдственныхъ пред-
ложеніяхъ. Остальные не представляютъ такого интереса, потому что
относительно ихъ писатель гораздо больше имѣетъ свободы въ дан-
номъ случаѣ выразить мысль посредствомъ или сочиненія, или под-
чиненія. Поэтому мы и не будемъ касаться примѣровъ, въ которыхъ
встрѣчаются сочинительные союзы, а обратимъ вниманіе только на
такіе, въ которыхъ или союзъ пропущенъ, или на отношеніе мыслей
между собою указано разными нарѣчіями. Такъ, напримѣръ, если
причина какого-нибудь дѣйствія приведена посредствомъ нарѣчій *ita*,
tam, *talis* и др., а вмѣсто слѣдствія съ союзомъ *ut* слѣдуетъ главное
предложеніе, то такое явленіе мы должны считать паратаксисомъ.
При этомъ мы постараемся цитировать, по возможности, всѣ при-
мѣры такого рода, исключая болѣе длинныхъ, встрѣчающихся въ
разказахъ и выражающихъ болѣею частію временное отношеніе.
Помѣщаемъ одинъ примѣръ, Andr. 127 sqq:

Funus interim

Procedit. sequimur, ad sepulcrum venimus.

In ignem inpositast, fletur. interea haec soror

Quam dixi ad flammam accessit imprudentius,

Satis cum periculo. ibi tum exanimatus Pamphilus

Bene dissimulatum amorem et celatum indicat.

Adcurrit, mediam mulierem complectitur:

„Mea Glycerium“ inquit „quid agis? quor te is perditum?“

Tum illa, ut consuetum facile amorem cernerces,

Reiecit se in eum flens quam familiariter!

Считаемъ достаточнымъ указать лишь на то, что въ разказахъ
и монологахъ Теренцій часто прибѣгаетъ къ подобной простотѣ изло-
женія мыслей, напримѣръ, Andr. 923 sqq., Eun. 130 sqq., Ad. 855
sqq., Eun. 507 sqq. и т. д.

Предложенія, означающія время.

- 1) Недостаетъ *postquam* и *sic*:

- а) безъ опредѣлительнаго нарѣчія въ главномъ по смыслу предложеніи:

Ad. 866 (V, 4, 12) Ego ille agrestis, saevos, tristis, parvus, truculentus, tenax

Duxi uxorem: quam ibi miseriam vidit nati filii,

Alia cura (то-есть, postquam duxi — и postquam nati sunt filii).

Andr. 297 (I, 5, 62) Hanc mi in manum *dat*: mors continuo ipsam occupat.

Andr. 89 (I, 1, 62) — — item alio die

Quaerebam: comperiebam nil ad Pamphilum Quicquam attinere.

- б) съ нарѣчіями *post, deinde*:

Ad. 757 (IV, 7, 39) Ego hoc convenio: *post* huc redeo.

Eun. 702 (IV, 4, 34) Meam (sc. vestem) ipse induit: *post* una ambo abierunt foras.

Eun. 922 (V, 3, 13) Ibo intro, de cognitione ut certum sciam:

Post exhibeo atque hunc perterrebo sacrilegum.

Heaut. 273 (II, 3, 32) Mane; hoc quod coepi *primum* enarrem, Clitipho:

Post istuc veniam.

Eun. 492 (III, 2, 39) — Hos *prius* intro ducam et quae volo Simul imperabo: *post* huc continuo exeo.

Нес. 699 sq. Puerum accipias.....: *post* de matre video не относится сюда, потому что въ первой части высказано повелѣніе, и потому: *Postquam* puerum acciperis, de matre video не передаетъ точно той же самой мысли.

Eun. 593 (III, 5, 45) Iit, lavit, rediit: *deinde* eam in lecto collocarunt.

Затѣмъ, нужно помѣстить здѣсь слѣдующій примѣръ:

Phorm. 823 (V, 4, 4) Hic *simul* argentum repperit, cura sese expedit.

Neue, Formenl. d. lat. Sprache, II², говоритъ, что здѣсь и въ приведенныхъ имъ мѣстахъ изъ Цицерона, Цезаря, Горация и Ливія *simul* поставлено вмѣсто *simulatque*. Что это не такъ, и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящимъ паратаксисомъ, это видно, напримѣръ, изъ одного мѣста Саллюстія, гдѣ второе предложение начинается съ *et*: Sall. Jug. 97, 4 igitur *simul* consul ex multis de hostium adventu cog-

novit et ipsi hostes aderant. Попробуйте-ка здѣсь simul замѣнить simulatque!

2) Паратаксисъ замѣняетъ *cum inversum*.

Eun. 599 (III, 5, 51) Vix elocutast hoc, foras simul omnes pro-
ruunt se.

Нес. 297 (III, 1, 17) Vix me illum abstraxi atque impeditum in ea
expedi vi animum meum

Vixque huc contuleram: *em* nova res ortast,
porro ab hac quae me abstrahat.

Причинныя предложенія

почти всѣ такого рода, что причина предшествуетъ слѣдствію. Правда, ихъ можно выразить также сочинительно, подразумѣвая передъ вторымъ предложеніемъ „*поэтому, следовательно*“, даже соединяя нѣкоторыя изъ нихъ къ первому предложенію посредствомъ *ut consecutivum*. Но не смотря на то, я все-таки причисляю ихъ къ паратаксическимъ сочетаніемъ, ибо такая ихъ связь какъ-то бросается въ глаза.

Heaut. 77 (I, 1, 25) Homo sum: humani nil a me alienum puto.

Нес. 597 (IV, 2, 21) Hic video me esse invisam inmerito; tempus
est concedere.

Ad. 535 (IV, 1, 19) Laudarier te audit libenter: facio te apud il-
lum deum.

Eun. 121 (I, 2, 41) Utrumque hoc falsumst: effluet.

Ad. 863 (V, 4, 9) Ille suam semper egit vitam in otio, in conviviis,
Clemens, placidus, nulli laedere is, adridere om-
nibus;

Sibi vixit, sibi sumptum fecit: omnes bene di-
cunt, amanti.

Andr. 732 (IV, 3, 17) — — Sponsae pater intervenit.

Repudio quod consilium primum intenderam.

Andr. 534 (III, 3, 2) Aliquot me adierunt, ex te auditum qui ai-
bant hodie filiam

Meam nubere tuo gnato. id viso tun au illi
insaniant.

Andr. 446 (II, 6, 15) Nunc uxore opus est, animum ad uxorem
appulit.

Andr. 363 (II, 2, 26) — — — *interea intro ire neminem*
Video, exire neminem, matronam nullam in
aedibus,
Nil ornati, nil tumulti. accessi, intro aspexi.

Ad. 138 (I, 2, 58) *Unum ((sc. filium) vis curem, curo.*

Andr. 211 (I, 3, 6) — — — *primum iam de amore hoc com-*
perit.
Me infensus servat, ne quam faciam nuptiis fal-
laciām.

Andr. 670 (IV, 1, 46) *Haec non successit, alia adgrediemur via.*

Ad. 114 (I, 2, 34) *Tuom filium dedisti adoptandum mihi:*
Is meus est factus.

Phorm. 869 (V, 6, 29) — — — *Hic pulcherrimum*
Facinus audiui: itaque paene hercle exclamavi gaudio.

Ad. 152 (I, 2, 72) *Sperabam iam defervisse adolescentiam:*
Gaudebam.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ во второмъ предложеніи помѣщается повелительное наклоненіе:

Andr. 901 (V, 3, 30) *Aequom postulat. da veniam.*

Andr. 152 (I, 1, 125) *Prope adest, quom alieno more vivendumst*
mihi.
Sine uunc meo me vivere interea modo.

Ad. 267 (II, 4, 3) *In tutost omnis res: omitte vero tristitiām tuam.*

Andr. 821 (V, 1, 2) *Satis pericli incepti adire. orandi iam finem face.*

Phorm. 520 (III, 2, 35) *Ego te compluris advorsum ingenium meum*
menses tuli,
Pollicitantem et nil ferentem, flentem; nunc
contra omnia haec
Repperi qui det neque lacrumet: da locum me-
lioribus.

Наконецъ, примѣръ, во второй части котораго находится вопросительное предложеніе:

Andr. 110 (I, 1, 83) *(Sic cogitabam) „hic parvae consuetudinis*
Causa huius mortem tam fert familiariter.
Quid si ipse amasset? mihi quid hic faciet
patri?“

Примѣровъ, гдѣ слѣдствіе предшествуетъ причинѣ, гораздо меньше. Приведу только одинъ:

Phorm. 194 (I, 4, 17) — — Domum ire pergam: ibi plurimumst.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ грамматиковъ на только что изложенное явленіе обращалъ вниманіе одинъ Дрезеръ въ Syntax u. Stil des Tacitus², § 237, 3, приводящій два примѣра изъ Тацита: „Der erste Satz hat causale Bedeutung: h. I, 40. Othoni tamen armari plebem nuntiabatur; ire praecipites et occupare pericula iubet. IV, 22 sed parum provisum ut copiae in castra conveherentur; rapi permisere“.

Предложенія *итм.*

Здѣсь я почти исключительно буду говорить о разныхъ конструкціяхъ послѣ глаголовъ движенія. Послѣ нихъ ставится слѣдующее предложеніе или безъ связки, или съ связкою (et, atque, ac), или *ut*, супинъ, неопредѣленное наклоненіе и причастіе. Относительно Плавта этотъ вопросъ изложенъ Балласомъ, Grammatica Plautina, specimen I, p. 14 sqq.

I—безъ связки.

а) Случая, гдѣ актеръ заявляетъ, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ въ другой части сцены:

Heaut. 608 (III, 3, 47) — ad Menedemum *ibo*, dicam hanc esse captam ex Caria.

Ad. 719 (IV, 7, 1) *Ibo*, illis dicam nullam esse in nobis moram.

Heaut. 340 (II, 3, 99) *Ibo* obviam hinc, dicam ut revertantur domum.

Andr. 594 (III, 4, 15) Domum modo *ibo*, ut apparentur dicam.

Heaut. 426 (III, 1, 17) — — — *ibo*, adloquar.

adibo atq; alloquar D; adibo atq; alloquor G

Heaut. 170 (I, 1, 118) — — — *ibo*, visam si domist.

ibo ut visam D, corr. D², *ibo* ut visam FP

Heaut. 500 (III, 1, 91) — — — *ibo* [ac] dicam.

Здѣсь всѣ рукописи единогласно передаютъ *ac*, которое новѣйшіе издатели считаютъ глоссею, потому что и у Плавта, и у Теренція въ такой формулѣ союзъ не ставится; cf. Wagner, Heaut. 170.

Andr. 527 (III, 2, 47) — — — — nunc Chremem

Conveniam, orabo gnato uxorem.

Phorm. 891 (V, 7, 8) Sed hinc *concedam* in angiportum hoc pro-
ximum,

Inde hisce ostendam me.

б) послѣ *i*, *abi* слѣдуетъ imperativus:

Нес. 787 (V, 2, 21) — — — *I*, exple animum eis, coge ut credant.

Phorm. 445 (II, 4, 5) *Abi*, vise redieritne iam an nondum domum.

Heaut. 804 (IV, 5, 56) — — *abi*, efer argentum.

Heaut. 871 (IV, 8, 30) — — *abi* intro, vide quid postulet.

Phorm. 309 (II, 1, 79) *Abi*, Phaedria, eum require atque huc adduc.

Phorm. 777 (V, 2, 12) — — — *abi* prae, nuntia hanc venturam.

Ad. 703 (IV, 5, 69) — — — *Abi*, pater,

Tu potius deos comprecare.

в) въ другомъ соединеніи:

Ad. 703 (IV, 5, 69) Periiit, *abiit*, navem ascendit.

Такъ я пишу съ А и Умфенбахомъ; остальные издатели слѣду-
ють рукъ. ВСЕФР, переставляющимъ первыя два слова (*Abiit, periit*).

II—съ связкою.

а) futurum (или coniunctivus) глагола движенія:

Andr. 699 (III, 4, 20) *Ibo* ad eum atque eadem haec, tibi quae dixi,
dicam itidem illi.

Eun. 216 (II, 1, 10) — — — Ego rus *ibo* atque ibi manebo.

Phorm. 312 (II, 1, 82) — — inde *ibo* ad forum atque aliquot mihi
Amicos advocabo.

Нес. 565 (IV, 1, 50) *Ibo* intro atque edicam.

Phorm. 782 (V, 2, 17) — — nunc hinc domum *ibo* ac Phanium
edocebo.

Ad. 510 (III, 4, 65) *Ibo* ac requiram fratrem.

Ad. 590 (IV, 2, 51) Nam iam *adibo* atque unum quicquid — — —
Carpat.

Eun. 461 (III, 2, 8) *Adibo* atque adsimulabo quasi nunc exeam.

Eun. 557 (III, 5, 9) *Adibo* atque ab eo gratiam hanc, quam video
velle, inibo.

Ad. 786 (V, 2, 11) Aliquo *abcam* atque edormiscam hoc villi.

Andr. 639 (IV, 1, 16) — — *adcamne* ad eum et cum eo iniuriam
hanc expostulem?

Eun. 206 (I, 2, 126) *Concedam* hinc: intro atque expectabo, dum venit.

б) повелительное наклонение:

Heaut. 618 (IV, 1, 5) *Abi* nunciam intro, atque illa si iam laveri, mihi nuntia.

Ad. 351 (III, 2, 53) *Abi* atque — — — enarrato.

Hec. 754 (V, 1, 28) *Eis* ad mulieres huc intro atque — — — Polliceari illis.

Hec. 314 (III, 1, 34) *Abi*, Parmeno, intro ac me venisse nuntia.

Ad. 167 (II, 1, 13) *Abi* prae strenue ac fores aperi.

Ad. 699 (IV, 5, 65) *Abi* domum ac deos comprecare.

Phorm. 563 (III, 3, 30) — — — verum *abi* domum

Et illam miseram, quam ego nunc intus scio esse examinatum metu.

Cosolare.

Hec. 611 (IV, 3, 5) — — *I* ergo intro et compone quae tecum simul

Ferantur.

Ad. 854 (V, 3, 68) *I* ergo intro et quae rei est, ei rei hunc sumamus diem.

Ad. 917 (V, 7, 19) Tu illas *abi* et traduce.

Затѣмъ приведу примѣръ, гдѣ мы ожидаемъ *ut finale* вмѣсто главнаго предложенія:

Andr. 536 (III, 3, 4) Ausculta paucis: et quid te ego velim et tu quod quaeris scies,

(=ut — — — scias).

Наконецъ, относительно другихъ конструкцій глаголовъ движенія я только отмѣчу соотвѣтственные мѣста. Послѣ нихъ слѣдуетъ: 1) *ut*: Eun. 807; Ad. 706; Eun. 921; Heaut. 211; Ad. 277; 632; 636; Phorm. 592; Andr. 226 (гдѣ управляющій глаголъ пропущенъ); 2) *супинъ*: Andr. 134; Eun. 589; 600; 752; 860; 892; Heaut. 117; 315; 587; Phorm. 360; 388; 462; 837; 906; 973; Hec. prol. II, 31 sq. (datum *iri*); 76; 224; 589; Ad. 70 (rescitum *iri*); 694 (*iri* deductum); 3) *infinitivus*: Phorm. 102; Hec. 189; 345; 4) *participium*: Andr. 319.

Предложенія слѣдствія.

Нужно отличать два случая:

1) Сначала ставится главное предложеніе съ нарѣчіями *adeo*, *huc*,

ita или съ указательнымъ мѣстоименіемъ, а потомъ слѣдствіе присоединяется въ видѣ главнаго предложенія,—оборотъ, который, какъ нельзя лучше, служитъ стремленію разговорнаго языка какъ можно живѣе и энергичнѣе выражать мысль. Нѣкоторые примѣры изъ Плавта, которые я ниже приведу, помѣщены у Брикса, Мен. 95 и Сарт. 501. *Доремъ* же, Pl. Most. I, 2, 66 (139), не приписываетъ никакого другаго примѣра, говоря только, что подобное случается съ ожидаемымъ послѣ *tantum abest ut* предложеніемъ слѣдствія, при чемъ онъ ссылается на грамматику *Мадена*, § 440, прим. 1 (см. *Дрейеръ*, Hist. Synt. etc. III, § 372). Такъ какъ у Теренція *tantum abest* не встрѣчается, то печего и разсуждать объ этомъ. *Ганда*, Turs. I p. 138, приводя примѣръ изъ Ter. Heaut. I, 1, 61 *postremo adeo res rediit: adulescentulus Saepe cadem et graviter audiendo victus est*, прибавляетъ только: „mutatur orationis forma, adiuncta sententia recta“. Другіе грамматики объ этомъ явленіи не упоминають.

2) Вторая форма состоитъ въ томъ, что высказывается какая-нибудь мысль, приводится фактъ, дается совѣтъ, обнаруживается дѣйствующимъ лицомъ страхъ или радость и т. п., а затѣмъ въ энергичномъ тонѣ, при посредствѣ нарѣчій *ita* (но не *adeo*), *tantus*, *tot* и указательныхъ мѣстоименій, дѣлается общій выводъ, или приводится причина предыдущаго, или, какъ выражается *Ганда*, Turs. I p. 152 „illud enim, quod narratur, refertur ad universam rei cognitionem et causam“. Этотъ оборотъ рѣчи часто употребляется также Цицерономъ, преимущественно въ его философскихъ сочиненіяхъ; имъ не пренебрегаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей, дорожащихъ краснорѣчивымъ слоюзомъ. Въ риторическихъ учебникахъ онъ называется *epiphonema*, слово, которое Квинтиліанъ VIII, 5, 11 объясняетъ такъ: „Est enim epiphonema rei narratae vel probatae summa acclamatio“. Вотъ одинъ изъ двухъ приведенныхъ имъ примѣровъ: *Tantae molis erat Romanam condere gentem* (Verg. Aen. I, 33). См. о всемъ этомъ вопросъ *Зефферта*, Scholae Latinae II p. 134 sqq. и *Ганда* въ вышеупомянутомъ мѣстѣ. Изъ другихъ грамматиковъ говорить объ этомъ явленіи одинъ *Нааске* въ своей, и въ другихъ отношеніяхъ, весьма дѣльной стилистикѣ (1875 г.), на стр. 255 (§ 95 init.).

I. Главное предложеніе предшествуетъ.

Phorm. 55 (I, 2, 5)——— *adeo res reddit:*

Siquis quid reddit, magna habendast gratia.

Heaut. 113 (I, 1, 61) Postremo *adeo* res rediit: adolescentulus
 Saepe eadem et graviter audiendo victus est;
 Putavit me et aetate et benevolentia
 Plus scire et providere quam se ipsum sibi;
 An Asiam ad regem militatum abiit, Chremes.

Я выписалъ не какъ Гандъ только два первыхъ стиха, но все мѣсто, потому что и *abiit* въ послѣднемъ стихѣ относится къ *adeo res rediit*. По моему мнѣнію, конструкція будетъ такая: *adeo res rediit, ut adolescentulus — — victus, cum putaret — —, — — militatum abiret*.

Heaut. 245 (II, 3, 4) — — *adeo* impeditae sunt: ancillarum gregem
 Ducunt secum.

Eun. 97 (I, 2, 17) — — *ita* erat res, faciundum fuit.

Phorm. 172 (I, 3, 20) *Ita* plerique sumus ingenio, nostri nosmet
 paenitet.

Eun. 971 (V, 5, 1) Ex meo propinquo rure *hoc* capio commodi:
 Neque agri neque urbis odium me unquam
 percipit.

Ad. 346 (III, 2, 48) — — — — *hoc* relicuomst:
 Si infitias ibit, testis mecum est anulus quem
 amiserat.

Ad. 632 (IV, 4, 24) Nunc *hoc* primumst: ad illas ibo, ut pur-
 gem me.

Ad. 833 (V, 3, 47) Solum unum *hoc* vitium adfert senectus homi-
 nibus:

Adtentiores sumus ad rem omnes, quam sat est.

Eun. 158 (I, 2, 78) Nempe omnia haec nunc verba *huc* redeunt
 denique:

Ego excludor, ille recipitur.

Eun. 237 (II, 2, 6) — — quoniam miser quod habui perdidi, em
Quo redactus sum: omnes noti me atque ami-
 ci deserunt.

Вотъ Плавтови примѣры:

Capt. 499 (III, 2, 4) *Ita* me miserum restitendo, retinendo
 Lassum reddiderunt:

Vix ex gratulando miser iam eminebam.

Most. I, 2, 66 — — *ita* tigna umide haec putent: non videor mihi
 Sarcire posse aedis meas.

- Poen. II, 51 *ita* res divina mihi fuit: res serias
 Omnis extollo ex hoc die in alium diem.
 Mil. IV, 2, 56 — *ita* me occursant multae: meminisse haud possum.
 Men. I, 1, 18 (95) *Ita* istaec nimis lenta vincula sunt escaria:
 Quam magis extendas, tanto adstringunt artius.
 Men. 101 (I, 1, 25) — — *ita* mensas extruit (sc. adolescens),
Tantas struices concinnat patinarias:
 Standumst in lecto, si quid de summo petas.

II. Epiphonema.

- Ad. 310 (III, 2, 12) Me miserum, vix sum compos animi, *ita* ardeo
 iracundia;
 = *ita* ardeo iracundia, ut vix sim compos
 animi.
 Eun. 1052 (V, 8, 21) — — nil est Thalde hac, frater, tua
 Dignius quod ametur: *ita* nostras
 omni est fautrix familiae.
 Phorm. 730 (V, 1, 3) vereor, era ne ob meum suusum indigna
 iniuria adficiatur:
Ita patrem adolescentis facta haec tolerare
 audio violenter.
 Heaut. 308 (II, 3, 67) Prae gaudio, *ita* me di ament, ubi sim nescio:
Ita timui.
 Hec. 443 (III, 4, 29) Maneto; curre. Par. Non queo: *ita* defes-
 sus sum.
 Andr. 937 (V, 4, 34) — — Vix sum apud me: *ita* animus commo-
 tust metu.
 Hec. 277 (II, 3, 4) Sed non facilest expurgatu: *ita* animum indu-
 xerunt, socrus.
 Omnis esse iniquas.
 Hec. 302 (III, 1, 22) Tum uxori obnoxius sum: *ita* olim suo me
 ingenio pertulit.
 Eun. 187 (I, 2, 107) Rus ibo, ibo hoc macerabo biduom:
Ita facere certumst.
 Heaut. 752 (IV, 4, 4) — scio, hosce aliquot dies non sentiet:
Ita magno desiderio fuit ei filius.
 Eun. 508 (III, 3, 2) — dabit haec Thals mihi magnum malum:
Ita me video ab ea astute labefacturier.

Heaut. 668 (IV, 2, 1) Nisi me animus fallit multum, haud multum
a me aberit infortunium:

Ita hac re in angustum oppido nunc meae
coguntur copiae.

Hec. prol. II, 21 Hecyram ad vos refero, quam mihi per silentium
Numquam agere licitumst: ita eam oppressit cala-
mitas.

Hec. 421 (III, 4, 7) Dies triginta aut plus eo in navi fui,
Quom interea semper mortem expectabam
miser:

Ita usque adversa tempestate usi sumus.

Hec. 517 (IV, 1, 2) — audivisse vocem pueri visus est vagientis:

Ita corripuit derepente tacitus sese ad filiam.

Hec. 814 (V, 3, 16) Sed cessas? Pa. Minume equidem; nam hodie
mihi potestas haud datast:

Ita cursando atque ambulando totum hunc
contrivi diem.

Phorm. 283 (II, 1, 53) — non potuit cogitata proloqui:

Ita eum tum timidum illic obstupefecit
pudor.

Hec. prol. I, 1 — haec (sc. Hecyra) quom datast

Nova, novom intervenit vitium et calamitas,

Ut neque spectari neque cognosci potuerit:

Ita populus studio stupidus in funambulo
Animum occuparat.

Andr. 761 (IV, 4, 22) Di te eradicent: ita me miseram territas.

Eun. 672 (IV, 4, 5) — paulum si cessassem, Pythias,

Domi non offendissem: ita iam adornarat
fugam.

Heaut. 978 (V, 2, 25) Sy. Abiit? vah, rogasse vellem. Cl. Quid?

Sy.—unde mihi peterem cibum:

Ita nos alienavit.

Heaut. 679 (IV, 3, 1) Nulla mihi res posthac potest iam interve-
nire tanta,

Quae mihi aegritudinem adferat: tanta haec
lactitia obortast.

Phorm. 179 (I, 4, 1) Nullus es, Geta, nisi iam aliquod tibi consi-
lium celere reperis:

*Ita nunc inparatum subito tanta te inpendent
mala.*

Нес. 701 (IV, 4, 79) Omnibus modis miser sum nec quid agam
scio:

Tot me nunc rebus miserum concludit pater.
Неаут. 632 (IV, 1, 19) — Id equidem ego, si tu neges, certo scio,
Te inscientem atque imprudentem dicere ac
facere omnia:

Tot peccata in hac re ostendis.
Phorm. 628 (IV, 3, 23) — — — sudabis satis,
Si cum illo inceptas homine: ea eloquen-
tiast.

Eun. 220 (II, 1, 14) Ph. Opus faciam, ut defetiger usque, ingra-
tiis ut dormiam.

Pa. Vigilabis lassus: hoc plus facies.

Такъ какъ никѣмъ не приведены подобные примѣры изъ Плавта, то мы помѣстимъ здѣсь собранные нами изъ его комедіи *Rudens*:

v. 255. Hau longe abesse oportet homines hinc: *ita* hic lepidus
locus.

824. Non hercle quo hinc nunc gentium aufugiam scio:

Ita nunc mi utrumque saevit, et terra et mare.

902. In digitis hodie percoquam quod ceperit:

Ita fluctrare video vehementer mare.

1225. Hercules istum infelicet cum sua licentia:

Ita meas replevit auris.

1284. — lenones ex gaudio credo esse procreatos:

Ita omnes mortales, siquid est mali lenoni, gaudent.

1300. — hoc quidem (sc. verum) pol e robigine, non est e ferro
factum:

Ita quanto magis extergeo, rutilum atque tenuius fit.

Наконецъ, причисляю къ паратаксическимъ соединеніямъ тѣ случаи, гдѣ послѣ предложенія (въ indicativus, coniunctivus или imperativus) слѣдуетъ *quam* съ однимъ сослагат. наклоненіемъ, безъ *ut*. Это всегда бываетъ такъ у Теренція съ *potius quam*. Возьмемъ, напр., Ad. 498. Animam relinquam potius quam illas deseram, то-есть, какъ я могъ бы ихъ оставить, скорѣе я умру; слѣдовательно, сослаг. наклоненіе при *quam* я считаю coniunctivus potentialis или dubitativus. При этомъ такой coniunctivus можетъ слѣдовать за главнымъ пред-

ложениемъ или предшествовать ему. Вотъ остальные примѣры изъ Теренція:

Andr. 396 (II, 3, 22) — inveniet inopem *potius quam* te corrumpi
sinat.

Heaut. 928 (V, 1, 55) Immo abeat *potius* malo quovis gentium,
Quam hic per flagitium ad inopiam redi-
gat patrem.

Heo. 424 (III 4, 10) — — denique hercle aufugerim
Potius quam redeam.

Ad. 107 (I, 2, 27) — et tu illum tuom, stesses homo,
Sineres nunc facere, dum per aetatem licet,
Potius quam, ubi te expectatum eiecisset foras,
Alienore aetate post faceret tamen.

Andr. 797 (IV, 5, 2) Quae sese inhoneste optavit parere hic ditias
Potius quam in patria honeste pauper viveret.
v. 3. vivere DFG, Prisc. I p. 152, Prob. Cathol. p. 16
и Donat. in lemm.

Eun. 174 (I, 2, 94) *Potius quam* te inimicum habeam, faciam ut
iusseris.

Phorm. 408 (II, 3, 61) *Potius quam* lites secter aut *quam* te
audiam,
Itidem ut cognata si sit, id quod lex
iubet
Dotis dare, abduc hanc, minas quinque
accipe.

Ad. 247 (II, 2, 39) — — Immo hercle hoc quaeso, Syre,
Utut haec sunt acta, *potius quam* lites sequar,
Meum mihi reddatur.

Ad. 240 (II, 2, 32) *Potius quam* venias in periculum, Sannio,
Servesne an perdas tuom, dividiuom face.

Hea 443 (III, 1, 34) Primum olim *potius quam* paterere filium
Commere ad mulierculam, quae paululo
Tum erat contenta, quoique erant grata
omnia,
ProtERRUISTI hinc.

Нес. 582 (IV. 1, 17) *Aetion pervicaci esse animo, ut puerum praecoptares perire*

— — — — —

19. *Potius quam adversum animi tui libidinem esset cum illo nupta.*

К. Трессъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКИ КЪ РЕЦЕНЗИИ НА „ПОЛНЫЙ РУССКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ“ Г. ОРЛОВА.

(помѣщенной въ отдѣлѣ классич. етимологій *Ж. М. Н. Пр.* за январь 1877 г.).

Въ рецензій *„Русско-латинскаго словаря“* г. Орлова, автору словаря ставится въ вину, что онъ, переведя: сапогъ—*calceus, caliga, calcearium*, будто бы, нашелъ, что нашъ сапогъ есть то же, что *calceus, caliga, calcearium*, хотя навѣрное онъ знаетъ, что у Римлянъ не было того, что мы называемъ сапогами, и что новѣйшіе латинисты переводятъ это слово цѣлою фразой, именно: *calceamentum, quod pedes suris tenus tegit, quod crura tegit*. Очевидно, г. рецензентъ полагаетъ, что вещи, существующія у насъ не въ томъ же видѣ, какъ у Римлянъ, нельзя называть латинскими названіями. Но у Римлянъ и дома, и мечи рѣзко отличались отъ нашихъ домовъ и мечей, слѣдовательно, и эти слова не слѣдуетъ переводить *domus* и *gladius*? Но если допустимъ, что подобный переводъ возможенъ, то придется признать неосновательность и упомянутого возраженія, если только существенныя примѣты сапога найдутся въ *calceus* и *caliga*. Что же составляетъ отличительную примѣту сапога? Сапогъ прежде всего—обувь, и потому *calceamentum* или *calciamentum*, какъ родовое понятіе, вполне подходитъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по-русски хотя выражено понятіе видовое, но дѣло не въ *differentia speciei*, а въ родовомъ понятіи. Извѣстно, что родъ вмѣсто вида часто употребляется при переводѣ отвлеченныхъ понятій, что, напримѣръ, вкусъ переводится *iudicium* или *intelligentia*, фантазія—*cogitatio* (ср. Лат. *Стилистина Пелельбаха* въ переводѣ *Страхова*, § 8): почему же не примѣнить этого и къ предметнымъ понятіямъ? Но какъ поступать,

если сапогъ противопоставляется другимъ родамъ обуви? Все тутъ зависитъ, по нашему мнѣнiю, отъ того, въ какомъ отношенiи сапогъ имъ противопоставляется. Если сапогъ разсматривается какъ приличная обувь, въ которой слѣдуетъ являться въ публикѣ, то *calceus* на мѣстѣ. Ср. Cic. Phil. II, 30, 76. Cum calceis et toga nullis nec gallicis nec lacerna; Plin. ep. VII, 3. Quin ergo aliquando in urbem redis? quousque calcei nusquam, toga feriata, liber totus dies? Если имѣется въ виду болѣе высокая обувь, въ противоположность низкой, то опять представляется *calceus*, въ противоположность сандалиямъ (*solea*, *crepida*) и туфлямъ (*soccus*), (Ср. Gell. 13, 22 (21), 5. Omnia enim ferme id genus, quibus plantarum calces tantum infimae teguntur, cetera prope nuda et teretibus habenis vincta sunt, soleas dixerunt, nonnunquam voce Graeca crepidulas), или *caliga*, обувь, которая хоть и бывала разныхъ родовъ и преимущественно носилась солдатами, однако была въ употребленiи и въ обществѣ (Ed. Diocl. IX, 5, 6, 10. Caligae mulionicas sive rusticae, militares, muliebres); она встрѣчалась даже въ формѣ очень похожей на испанскiй сапогъ среднихъ вѣковъ, какъ видно изъ рельефнаго изображенiя двухъ преторiанцевъ въ Луврѣ (Clarac, Musée pl. 216. Guhl und Koneer, das Leben der Griechen und Römer Fig. 515, стр. 596). Если, наконецъ, необходимо слово для обозначенiя обуви, покрывающей икру и голень, то мы имѣемъ *cothurnus*. Ср. Verg. Aen. I, 337. Purpureoque alte suras vincire cothurno; Nemes. Cyn. 90. Candida puniceis aptentur crura cothurnis; Liv. или Laev. у Terent. Maur. de metr. 1935. Jam nunc purpureo suras include cothurno; также у Гула и Конера картинку (стр. 200. Fig. 227, 8), представляющую ногу Діаны, которой, какъ охотницѣ, придаются именно *cothurni*. И такъ, изъ приведенныхъ въ Словарѣ словъ соотвѣтствуютъ сапогу, *calceus* и *caliga* а сверхъ того соотвѣтствуетъ и *cothurnus* для тѣхъ случаевъ, гдѣ говорится объ охотничьихъ сапогахъ, ботфортахъ и т. п., но для выраженiя самаго общаго понятiя служить *calciamentum*. Фраза, предложенная въ рецензiи, *calceamentum quod pedes suris tenus tegit, quod crura tegit*, во первыхъ, — не названiе, но опредѣленiе сапога, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ способное замѣнить прямое названiе. Можно ли, напримѣръ, слова „сапогъ жметъ ногу“ передать помощiю подобной фразы? Что касается новѣйшихъ латинистовъ, авторитетомъ которыхъ г. рецензентъ подтверждаетъ упомянутую фразу, то нужно замѣтить, что Georges въ старыхъ изданiяхъ своего Словаря, дѣйствительно, послѣ приведеннаго описанiя, говорить, будто у древнихъ не было сапоговъ, а въ позднѣйшемъ изданiи

выпустилъ это мѣсто; онъ же въ своемъ латинско-нѣмецкомъ словарѣ подъ *calceus* приводитъ „полусапогъ“ а подъ *caliga* „солдатскій“, подъ *cothurnus* „охотничій сапогъ“. Гораздо сирavedливѣе было бы нападать на приведенное въ Словарѣ г. Орлова слово *calciarium*. Это, дѣйствительно, не сапогъ, но деньга на сапогъ. Сл. *Ulp. Dig. Diarii relictis neque vestiarium neque calcearium deberi palam est*. Если же въ рецензії далѣе сказано, что *calceos mutare* не значитъ надѣвать другіе сапоги, то-есть, *calceos*, а снимать *calceos* и надѣвать *solcas*, и въ доказательство того сдѣлана ссылка на *Becker, Gallus, III, 132*, то Бекеръ, въ 3-мъ изданіи, III, стр. 167, только говоритъ, что дома носились сандалии и что тамъ снимали *calcei*, при чемъ сдѣлана ссылка на *Cic. Mil. 20. domum venit: calceos et vestimenta mutat*, а рецензентъ оставилъ безъ вниманія такіе мѣста, какъ *Cic. Phil. 13, 13. mutavit calceos, pater conscriptus repente factus est*, гдѣ рѣчь идетъ о человѣкѣ, который обыкновенный *calceus*, сдѣлавшись сенаторомъ, замѣнилъ *calceo senatorio*, слѣдовательно, надѣлъ другіе *calcei*.

На стр. 24, авторъ Словаря порицается за то, что онъ *agere bellum* перевелъ: распоряжаться войною. Если, однако, распоряжаться=управлять, принимать мѣры (по толкованію Дали), а *agere bellum* (по словамъ рецензента) значитъ: принимать мѣры къ приготовленію всего того, что необходимо для войны, то очевидно, что нельзя нападать на переводъ г. Орлова, хотя *administrare bellum* и имѣетъ за себя, въ этомъ смыслѣ, лучшіе авторитеты. Сослаться въ пользу *agere bellum*, на *Corp. Nep. Hann. 8*. мы не рѣшились бы, потому что, не смотря на замѣчаніе рецензента, что „тутъ было бы не у мѣста *in gerendo bello*“, въ нынѣшнихъ изданіяхъ Корн. Неп. читается *gerendo*, равно какъ и *Caes. b. c. 8, 28, 1*.

На стр. 20 сказано: „Еслибы г. Орловъ правильно понялъ значеніе словъ, которыми обставилъ обманъ, то не внесъ бы сюда ни *furtum* ни *dolus*“. На замѣчаніе, что озпаченія слова, въ собственномъ смыслѣ, не означаютъ того, что мы называемъ „обманомъ“, можно отвѣчать рецензенту его же словами, а именно когда по поводу слова „война“ онъ порицаетъ г. Орлова, зачѣмъ къ собственнымъ значеніямъ войны „не присоединены тѣ, которыми римскіе писатели выражали тоже войну, употребляя ихъ въ переносномъ (лучше бы: иносказательномъ) смыслѣ“. Если требуются для войны иносказательныя выраженія, то послѣдовательно не только допускать,

но и требовать такихъ же выраженій для обмана, и, дѣйствительно, странно бы былъ бы словарь, который избѣгалъ бы всѣхъ иносказательныхъ выраженій. Нужды нѣтъ, что „furtum первоначально въ римскомъ юридическомъ языкѣ означало всякое незаконное присвоение чужой собственности, а въ позднѣйшія времена — присвоение чужой собственности черезъ кражу“, какъ приведено изъ *Rein, Criminalrecht der Römer*. А что furtum, т.-е. собственно *contractatio fraudulenta lucri faciendi gratia* (§ 1. Inst. IV, l. de obligationibus quae ex delicto nascuntur), расширяетъ свое понятіе и примѣняется ко всякимъ *fraudulentis* дѣйствіямъ, видно изъ такихъ мѣстъ, какъ *Cic. ad fam. XVI, 26, 2. Etiam si quid scribas non habebis, scribito tamen, ne furtum cessationis quaesivisse videaris; Curt. IV 13. furto, non proelio opus esse. Verg. Aen. IV, 337. Neque ego hanc abscondere furto Speravi—fugam*, слова, къ которымъ Форбингеръ примѣчаетъ: *Furtum est omne, quod clam fit, imprimis ad alium decipiendum*. А обманъ (по Далю) — всякое ложное, облыжное дѣйствіе или дѣло, ложь, выдаваемая за истину. Изъ того, что „furtum далеко не то, что *fraus*, и *furtum facere* не можетъ значить: причинять обманъ“, ровно ничего не слѣдуетъ, пока не доказано, что обманъ и *fraus* совершенно тождественны не только по понятію, но и по объему употребленія. Равнымъ образомъ и изъ того ничего не слѣдуетъ, что *fraus* и *dolus* не вполне тождественны. Что, однако, слову „обманъ“, въ упомянутомъ опредѣленіи, отвѣчаетъ и *dolus*, это явствуетъ прежде всего изъ тѣхъ опредѣленій этого понятія, которыя дошли до насъ изъ древности: *Cic. Off. III, 14, 60. In quibus ipsis (Aquilius), cum ex eo quaereretur, quid esset dolus malus, respondebat, cum esset aliud simulatum, aliud actum. Topic. 8, 40. Si dolus malus est cum aliud agitur, aliud simulatur. Ulp. Dig. 4, 3, 1. Labeo sic definit: Dolum malum esse omnem calliditatem, fallaciam, machinationem ad circumveniendum, fallendum, decipiendum alterum adhibitam*. Что означенное понятіе не обуславливается прибавленнымъ словомъ *malus*, но свойственно одному *dolus*, свидѣтельствуетъ Фестъ, стр. 53. *Doli vocabulum nunc tantum in malis utimur, apud antiquos etiam in bonis utebatur. Unde adhuc dicimus: sine dolo malo, nimirum quia solebat dici et bonus*. Въ доказательство же, что практическое употребленіе этого слова согласно съ упомянутыми опредѣленіями и соответствовало бы нашему обману, достаточно сослаться на *Cic. Off. III, 14, 60. Писей увѣрилъ Канія, что у него въ саду водятся всякія рыбы, съ цѣлію побудить его къ*

покупкѣ этого сада, и тотъ купилъ садъ. Можно ли назвать это дѣйствіе Пинія иначе, какъ обманомъ. А именно къ этому дѣйствию относится слова: *Stomachari Canius. Sed quid faceret? Nondum enim Aquillius—protulerat de dolo malo formulas.* Если же юристы говорятъ объ *exceptio doli*, то чтó это иное, какъ не возраженіе истцу на основаніи обмана? Нѣтъ сомнѣнія, что *dolus* употребляется и въ субъективномъ смыслѣ и, какъ говорить рецензенты, значить *calliditatem, fallaciam* etc., но это субъективное значеніе не мѣшаетъ другому объективному; вполне справедливо тотъ же самый Рейнъ (*Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer*, стр. 614, примѣч. 2), изъ котораго рецензентъ приводитъ вышеупомянутое опредѣленіе Лабейона, говорить объ этомъ слѣдующее: „*Dolus* (δόλος) первоначально значить обманъ (*Täuschung*), какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ. *Paul. Diae. v. doli* p. 69. *M. Ulp. Dig. IV, 3, 1, 1. § 3.* Въ юридическомъ болѣе обширномъ смыслѣ это слово обнимаетъ все, чтó противъ bona fides, слѣдовательно всякую неправду, всякое нарушение права“. Ниже, по поводу опредѣленія Лабейона, мы читаемъ слѣдующее: „Это опредѣленіе менѣе узко, чѣмъ вышеприведенное (Аквилія Галла), однако все-таки ограничивается преимущественно противозаконнымъ обманомъ“.

На стр. 38 сказано, что „*videri* само по себѣ поставленное самостоятелно, никогда не значить видѣть во снѣ; что оно дѣйствительно употребляется, когда говорится о сновидѣніяхъ, призракахъ и явленіяхъ во снѣ, какъ и греческій глаголъ *δοκέω*, но всегда въ *perfectum*, притомъ сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи и словомъ *in somnis*, причемъ *visum est* вмѣстѣ съ дополненіемъ можно переводить: приснилось, показалось во снѣ“. Чтó тутъ рецензентъ разумѣетъ подъ дополненіемъ, видно изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какъ-то: *Pector visus adesse mihi.* — Это сказуемое и подлежащее. Но это мимоходомъ: рассмотримъ отдѣльными положенія этого мѣста. И такъ, *videri*, когда оно употребляется о сновидѣніяхъ, постоянно имѣетъ при себѣ слова *in somnis*. Насколько это вѣрно, видно изъ такихъ мѣстъ, какъ *Cic. de div. I, 20, 40: Nam me visus homo pulcher per amoena salicta Et ripas raptare; ib. 20, 45: Exin compellare pater me voce videtur; ib. 23, 46: Mercurium sanguinem visum esse fundere, qui cum terram attigisset refervescere videretur; ib. 24, 50: Hamilcarem visum esse audire vocem; ib. 27, 66: Qui moneri visus est; 29, 60: Ut corpus cum matre miscere videatur.*

Сверхъ того во многихъ мѣстахъ in somnis замѣняется другими фразами: ib. I, 3, 43: quae si secundum quietem visa sunt; ib. 24, 48: Ei secundum quietem Junonem visam esse praedicere; ib. II, 53, 120: Videri possunt permulta somniantibus falsa pro veris; ib. I, 23, 46: Cum dormienti ei sol ad pedes visus esset. Далѣе рецензентъ говоритъ, что въ означенномъ случаѣ *videri* всегда сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Между тѣмъ Цицеронъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не прибавилъ неопредѣленного наклоненія I, 21, 43. 21, 46. II, 58, 12. Есть и такія мѣста, въ которыхъ не встрѣчается ни того, ни другаго прибавленія, какъ Cic. de div. I, 26, 55: Iterum esse idem visum; II, 67, 137: Quem Marium vinum a me putas. Наконецъ, что касается мнимой исключительности *perfecti* при *videri*, то мы опять указываемъ на Cic. de div. I, 20, 41. 23, 46. II, 56, 120. Точно такъ же встрѣчается не только *perfectum*, но и другія времена въ соответствующей фразѣ съ *videre*, какъ Cic. de div. II, 60, 119: Quo in somnis certiora videamus; 71, 147: Qui ea (i. e. somnia) videat. Если дѣйствительно чаще всего встрѣчается *perfectum*, то это вполне естественнымъ образомъ происходитъ отъ того, что о сновидѣніяхъ чаще всего разсказываютъ, послѣ того какъ они произошли, и въ разказѣ, конечно, употребляется *perfectum*.

Если, на стр. 39, изъ того, что подъ словомъ „насмѣшникъ“ приведено восемь словъ, выводится, что, по мнѣнію автора Словаря, всѣ эти слова означаютъ одно и то же, то считаемъ не излишнимъ напомнить объ общеизвѣстной истинѣ, что и соответствующія одно другому слова латинскія и русскія большею частью не относятся одно къ другому, какъ тождественные треугольники, но тому же русскому слову весьма часто соответствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одно латинское, а въ другихъ другое. Привести эти слова—это дѣло лексикографа. Чѣмъ они отличаются между собою, когда именно каждое изъ нихъ замѣняетъ объясняемое русское слово, объ этомъ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ можетъ идти рѣчь и въ русско-латинскомъ словарѣ, но болѣе точныя свѣдѣнія по этой части надо почерпнуть изъ латинско-русскаго словаря, содержаніе котораго не можетъ всецѣло войти въ словарь русско-латинскій. Что касается слова *cavillator*, которое, по толкованію рецензента, значить не „насмѣшникъ“, а „забавникъ, шутникъ, острякъ“, то мы замѣтимъ слѣдующее. Насмѣшникомъ называется тотъ, кто насмѣхается надъ кѣмъ-либо или чѣмъ-

либо; именно этимъ онъ и отличается отъ шутника и забавника, шутки котораго имѣютъ цѣлю не столько представить кого-либо или что-либо смѣшнымъ, сколько возбудить смѣхъ у слушающихъ. Cavillator—тотъ, которому приписывается cavillatio, который cavillatur. A cavillatio, по Фесту (р. 34), est iocosa calumniatio, и cavillari употребляется о Ганнибалѣ относительно Антиоха (Gell. V, 5. Atque ibi rex, contemplatione tanti ac tam ornati exercitus gloriabundus, Hannibalem aspicit et: Putasne, inquit, conferri posse ac satis esse Romanis haec omnia? Tum Poenus, eludens ignaviam imbelliamque militum eius pretiose armatorum; Satis, plane satis esse credo Romanis haec omnia, etiamsi avarissimi sunt); о Діонисіи, снявшемъ съ изображенія Юпитера золотой плащъ (Cic. de nat. deor. III, 34, 83: Atque in eo etiam cavillatus est, aestate grave esse aureum amiculum, hieme frigidum), о Цидеронѣ, по отношенію къ коммагенскому царю (ad Quint. fr. II, 12, 2. Togam sum eius praetextam quam erat adeptus Caesare consule magno hominum risu cavillatus), объ Анніи касательно трибуновъ (Liv. II, 60, fin. tribunos plebis cavillans et Velerones vocare), объ извѣстныхъ людяхъ относительно граматикъ (Quintil. I, 4, 5: Qui hanc artem ut tenuem atque ieiunam cavillauntur). Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ солдаты Антиоха, золотой плащъ Юпитера, praetexta царя, трибуны и граматика поднимаются на смѣхъ. А что слово cavillator выражаетъ именно понятіе словъ cavillari и cavillatio, а не другое, подобно тому, какъ orator сохранило устарѣлое значеніе глагола orare и не приняло обыкновеннаго понятія его, это видно изъ Геллія IV, 20, 3, называющаго cavillator того, который, на вопросъ цензора: Ut tu ex animi tui sententia uxorem habes? отвѣтилъ: Habeo equidem uxorem, sed non hercle ex animi mei sententia; за то, что такимъ образомъ насмѣхался онъ надъ цензоромъ, былъ онъ причисленъ къ aerarii. Слѣдовательно, cavillatio дѣйствительно можетъ выражать то же, что насмѣшникъ. Противъ этого ничего не доказываютъ приведенныя рецензентомъ мѣста. Facetus (Plaut. Mil. Glor. III, 1, 46) можно называть и насмѣшника, равно какъ и probus (Plaut. Trucul. III, 2, 25) и morosus (Cic. ad Att. I, 13, 9), если онъ болѣе желчно, чѣмъ остро старается по поводу кого-либо возбудить смѣхъ. Что же касается Cic. de orat. II, 54, 218: Cum duo genera sint facetiarum, alterum aequabiliter in omni sermone fusum, alterum peracutum et breve, illa a veteribus superior cavillatio, haec altera dicacitas nominata est—то, насмѣшникъ не тотъ, кому случилось однажды посмѣяться

надъ кѣмъ нибудь, а кто вообще любитъ насмѣхаться; во вторыхъ означенное опредѣленіе, ограничивая понятіе *savillatio* примѣтою безпрерывности, не уничтожаетъ остальнаго его содержанія, ибо насмѣшками можетъ быть наполнена цѣлая рѣчь. Въ заключеніе упомянемъ, что и Дедерлейвъ (Синонимика, V, стр. 217), хотя не приводитъ доказательствъ, но говоритъ: *Savillatio* — насмѣшливая острота (*spottender Witz*), при которой главную цѣль составляетъ оскорбленіе другаго, а шутка—только средство и несущественная форма.

Р. Фохтъ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ. Объяснилъ Августъ Гофманъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1877 г.

Рѣчь за Маниліевъ законъ принадлежитъ по справедливости къ наиболее читаемымъ въ нашихъ гимназіяхъ рѣчамъ Цицерона, и потому нельзя не благодарить г. Гофмана за то, что онъ, выпустивъ второе исправленное изданіе своей книги, снискавшей по заслугамъ достаточную извѣстность, еще болѣе облегчилъ учащимся чтеніе названной рѣчи. Дѣйствительно, при сравненіи перваго изданія труда г. Гофмана со вторымъ, оказывается, что значительное число примѣчаній отчасти получило лучшую, болѣе понятную редакцію, а отчасти освободилось отъ погрѣшностей, тамъ и самъ попадавшихъ въ первое изданіе; кромѣ того, мѣстами прибавлены во второмъ изданіи совершенно новыя объясненія. Обработывая новое изданіе, г. Гофманъ воспользовался болѣею частью замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу перваго изданія г. Фохтомъ и помѣщенныхъ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за 1869 г., № 7, да кромѣ того, принявъ къ свѣдѣнію „письменные и устные совѣты опытныхъ педагоговъ и свѣдущихъ филологовъ“ (см. стр. V предисловія).

Такъ какъ г. Фохтъ въ своей рецензіи уже указалъ на хорошія стороны изданія г. Гофмана, то мы, съ своей стороны, предлагая новый подробный разборъ того же труда, не считаемъ нужнымъ касаться этого предмета, тѣмъ болѣе, что мы вполне согласны съ общимъ одобрительнымъ отзывомъ почтеннаго рецензента. Нашъ разборъ представитъ только рядъ замѣчаній на изданіе г. Гофмана относительно такихъ мѣстъ, которыя, по нашему мнѣнію, требуютъ еще исправленія. Прибавимъ къ этому, что число такихъ мѣстъ, сравнительно съ большимъ числомъ примѣчаній, предложенныхъ въ

книгѣ г. Гофмана, вовсе не такъ велико, какъ оно кажется на первый взглядъ; этимъ и объясняется, почему наше мнѣніе о разбираемой книгѣ въ сущности сходно съ сужденіемъ г. Фохта. Приступая затѣмъ къ самому дѣлу, считаемъ нужнымъ заявить еще, что не смотря на разнообразіе нашихъ замѣчаній, порядокъ ихъ будетъ только внѣшній, то-есть, мы послѣдуемъ за авторомъ комментарія шагъ за шагомъ.

И такъ, мы начнемъ съ заглавія. Г. Гофманъ озаглавилъ книгу свою такъ: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ“. Спрашивается: на какомъ основаніи Помпей называется здѣсь и въ другихъ мѣстахъ книги г. Гофмана (ср. между прочимъ стр. XIX, 72) Кнеемъ, равно какъ и въ иныхъ мѣстахъ (напр. стр. XIX, 91) извѣстное латинское имя имѣетъ форму Кай. Римляне дѣйствительно писали въ сокращеніяхъ: С и Си даже въ позднѣйшее время, потому что въ сокращеніяхъ они вообще удерживали древнее правописание тѣхъ временъ, когда у нихъ буквы G еще не было; однако какъ во время Цицерона, такъ и позднѣе, не сокращая, они писали (и произносили) Gneius (Gneus) и Gaius; слѣдовательно и въ русскомъ слѣдуетъ сказать „Гней“ и „Гай“ ср. *Corssen, Ausspr.* I p. 8 и 79.

Во введеніи стр. XV и XVI встрѣчается непоследовательность въ транскрипціи греческихъ именъ: „Винінія“ и „Беотія“.

Стр. XXI говорится: въ обыкновенномъ народномъ собраніи (*contio*) происходило объясненіе закона Маниліева“. Во-первыхъ, поражаетъ странное объясненіе слова *contio* = обыкновенное народное собраніе, какъ будто *comitia*, *concilium* и т. п. обозначаютъ необыкновенныя народныя собранія. Чтò такое *contio*, явствуетъ изъ *Gell. Noct. Att.* 13, 16: *contionem habere est verba facere sine ulla rogatione*. Затѣмъ не понятно въ приведенномъ мѣстѣ слово „объясненіе“. Что г. Гофманъ не подразумѣваетъ подъ этимъ *promulgationem legis*, доказываетъ его примѣчаніе къ другому мѣсту; остается только предполагать, что авторъ хотѣлъ сказать, что, прежде чѣмъ приступали къ голосованію, защитники и противники предложенія говорили сперва за и противъ (*suaserunt et dissuaserunt legem* cf. *Quint.* II, 4, 33); но въ такомъ случаѣ выраженіе „объясненіе“ неумѣстно.

Вслѣдъ затѣмъ г. Гофманъ сообщаетъ, что Гортензій и Катулъ говорили противъ предложенія, тогда какъ Цицеронъ подымалъ голосъ въ защиту его. Между тѣмъ, въ объясненіи къ § 66 г. Гофманъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Гортензій и Катулъ отсутствовали

во время произнесения речи Цицерономъ; поэтому во введеніи слѣдовало упомянуть о томъ, чтобы это кажущееся противорѣчіе не вызвало въ ученикахъ недоумѣнія.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ объясненій комментарія, скажемъ еще объ одной общей особенностях послѣдняго, тѣмъ болѣе, что г. Фохтъ не упомянулъ о ней. Дѣло въ томъ, что г. Гофманъ въ концѣ своихъ объясненій ссылается каждый разъ на учебники грамматики, стилистики, синонимики и т. д. (большею частью нѣмецкіе, рѣже русскіе) и притомъ не ограничивается ссылкой на одинъ изъ этихъ учебниковъ, но очень часто указываетъ на два, три и даже четыре; кромѣ того, онъ ссылается по поводу грамматическихъ, стилистическихъ и т. д. явленій не всегда на одинъ и тотъ же учебникъ грамматики, стилистики и т. д., а первый разъ на одинъ, второй разъ на другой, далѣе опять на третій и т. д. На стр. X—XIV г. Гофманъ помѣстилъ перечень сочиненій, на который онъ ссылается въ примѣчаніяхъ, и этотъ перечень обнимаетъ собою 11 (русскихъ) + 56 (нѣмецкихъ) нумеровъ; но и этотъ перечень еще не полный: такъ, напримѣръ, стр. 65 есть ссылка на М. Мюллера, *Vorlesungen über d. Wissenschaft d. Sprache*, между тѣмъ, какъ въ перечнѣ этого сочиненія нѣтъ. Самъ авторъ высказывается на стр. VIII слѣдующимъ образомъ объ этихъ ссылкахъ: „Цитаты, приведенныя мною въ довольно большомъ количествѣ, я не рѣшился выпустить, хотя нѣкоторымъ они кажутся лишними въ изданіи, предназначенномъ служить преимущественно потребностямъ учащихся. По моему убѣжденію, каждое учебное изданіе не должно упускать изъ виду интереса и учащихся, тѣмъ болѣе, когда черезъ это вовсе не уменьшается польза, которую комментарий долженъ принести въ особенности учащимся. На цитаты подобнаго рода, указывающія важные источники филологической литературы, охотно, кажется, обратить вниманіе преподаватель, еще не имѣвшій случая познакомиться съ цитируемыми сочиненіями, а иной, быть можетъ, въ этихъ ссылкахъ найдетъ поощреніе къ подробному занятію указанными книгами. Что касается учащихся, то цитаты, правда, имъ не нужны,—по крайней мѣрѣ не имѣютъ для нихъ особеннаго значенія, но и вреда не принесутъ имъ никакого, нисколько не мѣшая имъ ни при домашнемъ приготовленіи, ни при чтеніи автора въ классѣ“.

Какъ видно изъ этихъ словъ, г. Гофманъ удержалъ эти цитаты перваго изданія, не смотря на *слова другихъ педагоговъ выпустить ихъ*, и сдѣлалъ онъ это въ виду интереса „учащихъ“. Сколько намъ

извѣстно, въ иностранной литературѣ существуетъ только одно изданіе, имѣющее нѣкоторое сходство съ книгою г. Гофмана, именно „Избранныя рѣчи Исократѣ“, изданныя О. Шнейдеромъ. Послѣдній также цитируетъ иногда „въ виду интереса молодыхъ неопытныхъ преподавателей“ (см. его предисловіе, стр. VI) кое-какія, не очень распространенныя сочиненія, содержащія въ себѣ подробныя изслѣдованія объ иныхъ, не часто встрѣчающихся явленіяхъ греческаго языка; но онъ однако поступаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ г. Гофманъ: уже не говоря о количествѣ цитатъ въ книгѣ послѣдняго, намъ не удалось замѣтить въ ссылкахъ этихъ какую бы то ни было систему; вѣдь, нигдѣ не видно, почему одинъ разъ указывается на синониму Дедеклейна ¹⁾, другой разъ—на синониму Шмальфельда, третій разъ—на синониму Менге или Габихта, или Шульца или Рамсгорна; еще менѣе видно, почему авторъ ссылается одинъ разъ именно на одну, другой разъ на другую изъ 15 (приблизительно) цитируемыхъ латинскихъ грамматикъ, между тѣмъ какъ объясняемое явленіе языка поясняется одинаково хорошо или въ каждой, или по крайней мѣрѣ въ большей части изъ этихъ грамматикъ; то же самое можно сказать и объ цитируемыхъ учебникахъ стилистики, древностей и т. д. По нашему мнѣнію, если непремѣнно уже должны быть ссылки, то необходимо въ этомъ отношеніи ограниченіе, то-есть, авторъ долженъ довольствоваться ссылкой на капитальныя сочиненія филологической литературы, болѣе или менѣе необходимыя каждому филологу, а всякія цитаты на элементарныя или устарѣлыя ²⁾ учебники, каковыя попадаются у него сплошь и рядомъ, пропустить не задумываясь; въ противномъ случаѣ неопытный преподаватель, незнакомый еще со всѣми этими сочиненіями, или смутится въ виду этого *embarras de richesses*, или сдѣлаетъ выборъ неудачный. Г. Гофманъ возразить, можетъ быть, что нерѣдко въ приведенныхъ имъ менѣе важныхъ учебникахъ—то или другое явленіе объясняется лучше или правильнѣе; но что же въ такомъ случаѣ мѣшаетъ ему помѣстить такое объясненіе въ самомъ комментаріи и привести, сверхъ того, нѣсколько параллельныхъ мѣстъ? Кажется, ничто. Въ концѣ

¹⁾ Надо замѣтить, что авторъ цитуетъ вездѣ только маленькое, сокращенное изданіе этой синонимии, изъ чего видно, что выраженіе «важные источники филологической литературы» къ нему не принималось.

²⁾ Какъ, напримѣръ, Римскія древности Адама, изданныя въ русскомъ переводѣ въ 1824 г.

концов достоинство цитатъ разбираемой книги умалится еще тѣмъ, что авторъ ссылагся не всегда на послѣднія изданія ¹⁾, такъ что неопытный преподаватель, купившій новѣйшее изданіе какой-нибудь книги, пожалуй, вовсе не найдетъ того, на что указываетъ г. Гофманъ.

Въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ въ пользу своихъ цитатъ, что онѣ *учащимся* вреда не принесутъ никакого". Объ этомъ можно поспорить. Прежде всего онѣ наносятъ имъ вредъ матеріальный: цитаты занимаютъ на каждой страницѣ среднимъ числомъ около 4 или 5 строчекъ, то-есть, по крайней мѣрѣ девятую часть страницы, а вслѣдствіе того—и книги; при объемѣ ея въ 91 стр. (текста съ комментариемъ) авторъ, вышустивъ эти цитаты, а равно и 5 страницъ перечня, сократилъ бы свою книгу болѣе, чѣмъ на одну восьмую, а вслѣдствіе того, могъ бы и понизить ея нынѣшнюю высокую цѣну (80 коп.) ²⁾, и стало бытъ, расширить ея распространеніе среди недостаточныхъ учениковъ. Впрочемъ, дѣло имѣетъ еще и другую сторону, и эта послѣдняя, по нашему убѣжденію, еще важнѣе, чѣмъ соображеніе о цѣнѣ книги. Дѣло въ томъ, что вмѣсто цитатъ на учебники, въ которыхъ какой-нибудь фактъ сообщается подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ написанномъ г. Гофманомъ комментарий, нерѣдко желательно было бы найти въ самомъ комментарий болѣе подробное объясненіе, или нѣсколькихъ параллельныхъ мѣстъ, или, наконецъ, при упоминаемомъ фактѣ изъ исторіи или древностей, то главное мѣсто изъ древнихъ писателей въ подлинной формѣ (на латинскомъ или греческомъ языкѣ), въ которомъ этотъ фактъ именно и сообщается, если подобная цитата не будетъ слишкомъ обширна. Распространяться здѣсь объ этомъ подробнѣе—не зачѣмъ, тѣмъ болѣе, что это дѣлается въ комментаріяхъ, изданныхъ за границей, и, кромѣ того, мы будемъ ниже имѣть случай указывать на такіе мѣста, гдѣ вмѣсто ссылки на учебникъ мы желали бы встрѣтить въ комментарий одно изъ вышеназванныхъ примѣчаній.

Перейдемъ, однако, къ разбору самаго комментарія.

Какъ заглавіе во главѣ рѣчи помѣщены слова: *M. Tullii Ciceronis*

¹⁾ Для примѣра приведемъ: *Krebs*, *Antibarbarus*; *Niese*, *Formenlehre d. lat. Sprache*; *Luebker*, *Reallexikon*; *Teuffel*, *Gesch. d. roem. Lit.*; *Ходобай* *Лат. грамматика*; *Lange*, *Roem. Alterth.*

²⁾ Та же самая рѣчь съ комментариемъ Гальма или Рихтера продается въ Петербургѣ за 30 коп.

de imperio Сп. Pompei etc. По поводу формы *Pompei* говорится совершенно вѣрно, что до конца республики въ родительномъ падежѣ существительныхъ 2-го склоненія на *ius* писалось одно *i*; спрашивается поэтому, по какой причинѣ сказано тогда *Tullii* вм. *Tulli*.

§ 1. *jucundissimus* напечатано въ текстѣ.

Надо замѣтить, что относительно согласной *j* г. Гофманъ поступаетъ непоследовательно. Какъ извѣстно, буква *j* для отличія отъ гласной *i*, изобрѣтена только въ 15-мъ или 16-мъ столѣтїи и было бы самое лучшее совершенно искоренить ее изъ нашихъ латинскихъ текстовъ, какъ не свойственную самимъ Римлянамъ; но если уже допустить ее, то нужно употреблять знакъ этотъ вездѣ, гдѣ *i* произносится какъ согласная. Между тѣмъ, мы читаемъ въ латинскомъ текстѣ разбираемой книги: § 19 *conjunctae*, § 26 *coniungant*, § 22 *a maioribus*, § 23 *injectus*, § 24 *iam*, § 45 *Pompeium*, *a: hujus*, § 46 *Pompeius* три раза, а въ томъ же § *judicare* и *judiciis*, § 50 *Pompejus*, § 58 *ius* и *Pompejo*, какъ и § 59, 67 два раза.

ad agendum. По поводу этого выраженія говорится въ примѣчаніи слѣдующее: „*Agere* (то-есть, *sum populo*) преимущественно (?) употребляется о высшихъ государственныхъ ¹⁾ лицахъ (*magistratus majores*), которые въ народныхъ собраніяхъ (*comitia*) съ народомъ разсуждали о государственныхъ дѣлахъ и ему дѣлали предложенія для рѣшенія по голосамъ, иногда же *agere* употребляется о государственныхъ (?) лицахъ, которые въ народныхъ собраніяхъ (*contiones*), не внося предложеній, говорили съ народомъ, съ цѣлью склонить его къ принатію или къ отиѣнѣ ²⁾ законовъ и выборовъ. Въ такомъ собраніи Цицеронъ произносилъ эту рѣчь. См. *Ламе*: *Röm. Alt.* I, 415, 502 и 506; II 418. *Моммсен*: *Röm. Staatsr.* I 187“. Уже не говоря о томъ, что приведенныя цитаты невѣрны ³⁾, сказанное въ этомъ примѣчаніи отчасти неточно, отчасти неясно. Чѣмъ отличались *contiones* отъ *comitia*, недостаточно выяснено и слѣдовало бы указать на то, что въ *comitia* не „разсуждали“ болѣе, а только подвергали

¹⁾ Вмѣсто этого слѣдовало бы сказать «должностными», потому что государственными людьми могли быть и частные люди, не занимающіе никакой должности, какъ, напримеръ, сенаторы, которые были «*magistratus*».

²⁾ Вмѣсто этого лучше было бы: «къ отклоненію», потому что авторъ хотѣлъ выразить нѣм. *Verwerfung* у *Галла*.

³⁾ Главнымъ образомъ нужно было бы сослаться на *Ламе*, I, 287 (432—2-го изданія), II, 394, 418 и 602 сл. *Моммсенъ* говоритъ объ упомянутомъ въ примѣчаніи не на 187 страницѣ, а на стр. 142—147.

какоенибудь предложеніе голосованію; подъ выраженіемъ *agere cum populo* подразумѣвали только предложенный народу предсѣдательствующимъ магистратомъ вопросъ (*rogatio*), на который народъ *tributim* посредствомъ голосованія какъ бы давалъ отвѣтъ. Комиціантъ предшествовали *conciiones*, также подъ руководствомъ высшаго магистрата, въ которыхъ говорили за или противъ какого-нибудь предложенія ср. Gell. 13, 15: *cum populo est rogare quid populum, quod suffragiis suis aut iubeat aut vetet, contionem autem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione*. Такъ какъ Цицеронъ произносить рѣчь, то народное собраніе, въ которомъ онъ говорилъ, было *concio*. Что выраженіе *agere cum populo* примѣнялось и къ *conciiones*, какъ утверждаетъ это г. Гофманъ по примѣру Галля (въ примѣчаніи къ этому мѣсту), нужно еще доказать: это мѣсто во всякомъ случаѣ ничего не доказываетъ въ пользу такого предположенія, равно какъ и тѣ мѣста, гдѣ *agere cum aliquo* вообще примѣнено къ частной жизни какъ Cic. Lael. § 4.

ad descendit. Прим.: „Съ ораторской каведры могли говорить къ народу кромѣ государственныхъ лицъ, также и тѣ частные люди, которымъ это было разрѣшено должностными лицами“. Эти слова не даютъ яснаго понятія о томъ, что происходило въ тѣхъ *contiones*, которыя предшествовали комиціямъ. Дѣло въ томъ, что создавшій собраніе и предсѣдательствовалъ и отъ него зависѣло предоставить слово желающимъ говорить въ немъ, такъ что даже, напримѣръ, консулы, когда предсѣдателемъ былъ народный трибунъ, должны были просить объ разрѣшеніи говорить (см. Liv. III 71; XLV, 36); стало быть и Цицеронъ, хотя онъ былъ тогда преторомъ, могъ произнести свою рѣчь только съ дозволенія этого предсѣдателя; ср. Ламе, Roem. Alt. II, 418—420. Изъ всего этого видно, что выраженія этого примѣчанія „государственные лица“ (см. выше наше примѣчаніе), „частные люди“, „должностныя лица“ могутъ вызвать лишь ложныя представленія у читателей.

Quirites. Объ этомъ словѣ говорится, что Римляне назывались такъ „потому, что они были раздѣлены на курии (*curia*, *χουρία ἐκκλησίαι*)“; это — мнѣніе Потта (Etym. Forsch. II 588), но только онъ *curia* производитъ отъ *conviria*. Потомъ г. Гофманъ продолжаетъ: „Коррессенъ... производитъ *Quirites* отъ *Cures*“; здѣсь упущено мнѣніе, что такъ уже думали древніе ср. Varr. l. l. VI 68, и Liv. I, 13; кромѣ того не мѣшало бы упомянуть о производствѣ этого слова по мнѣнію древнихъ отъ *curis* или *quiris* = копье, ср. Dionys. II, 48 p. 112, 42

κώρας οἱ Σαρῖνοι τὰς αἰχμὰς καλοῦσιν — и *Schwegler*, Roem. Gesch., I, 494. Наконецъ г. Гофманъ приводитъ невѣрную цитату: см. Becker Roem. Alt. III, 19 нужно было написать II 1, 21 сл.

Semper... est visus. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ при словѣ *secula* ставится только несовершенный видъ, то нужно бы было указать на то, что въ латинскомъ языкѣ при *semper* ставится часто Perf. Ср. статью Э. Чернаго въ *Журналъ Мин. Н. Пр.* 1877.

vitalis meae rationes переводится невѣрно: „отношенія (къ друзьямъ)“. „Лучше Гальмъ (ссылался на Cat. II, 13 *ratio belli* „планъ войны“, р. Arch. § 1 *ratio studiorum*): „планъ жизни“; такъ переводить и Рихтеръ.

ab ineunte aetate. Прим.: „съ совершеннолѣтія, то-есть, съ наступленія 15-го года жизни, когда Римлянинъ вступалъ въ гражданскую жизнь и получалъ право участія въ частныхъ тяжбныхъ дѣлахъ“. Умѣстно ли наше выраженіе „совершеннолѣтіе“ относительно Римлянина, находившагося въ продолженіе всей жизни отца *in patria potestate* и лишь послѣ его смерти дѣлавшагося *sui iuris*, пусть рѣшатъ другіе; опредѣленіе возраста (15-й годъ), тѣмъ болѣе, что Цицеронъ говоритъ здѣсь о себѣ, во всякомъ случаѣ не вѣрно. Такъ какъ молодые люди *together virili sumptu* приобрѣтали извѣстныя права, то юристы какъ самый ранній возрастъ опредѣляли окончанный 14-й годъ жизни ¹⁾, но это относится только къ временамъ императоровъ. Во времена республики законнымъ срокомъ считался 17-й годъ (*plena pubertas*), ранѣе котораго и въ позднѣйшее время въ практикѣ не начиналась правоспособность, какъ доказываетъ *Digest. III 1, 1 § 3. Initium autem fecit Praetor ab his, qui, in totum prohibentur postulare. In quo edicto aut pueritiam aut casum excusavit. Pueritiam, dum minorem annis decem et septem qui eos non in totum explevit prohibet postulare* ²⁾; только въ знатныхъ семействахъ отецъ позволялъ сыновьямъ своимъ надѣть мужскую тогу по истеченіи 16-го года жизни, чтобы дать имъ возможность до наступленія срока военной повинности (17-го года) сдѣлать въ продолженіе одного года *tirocinium militiae* или *fori*, то-есть, приготовиться или въ свитѣ (*cohors*) полководца къ мѣсту офицера или въ обществѣ опытнаго государственнаго мужа къ дѣятельности судебной и политической. Какъ бы то ни было, самъ Цицеронъ, родившійся 3-го января 106 г., надѣлъ

¹⁾ Ср. цитаты у *Marquardt*, Roem. Privatalt. I, p. 131.

²⁾ Ср. *Marquardt* *ibid.* p. 137.

мужскую тогу въ 90-мъ году до Р. Х., вѣроятно, какъ это дѣлалось обыкновенно, Liberalibus, то-есть, 17-го марта; ср. Cic. Brut. 88, 89.

tempus-temporibus: не лишнимъ было бы сказать, что такая фигура рѣчи (cum continenter unum verbum non eadem sententia ponitur Cic. Or. 135) называется *плотъ*—*traductio*.

§ 2 *causam*. Такъ какъ *causa* и *res* въ этой рѣчи встрѣчаются нѣсколько разъ (ср. между прочимъ § 2 въ концѣ) и оба слова нерѣдко ставятся даже рядомъ (рг. *Caecina* 4, 11; *ad fam.* II 6, 5 и II 7, 3), то вмѣсто безполезной ссылки на Корсена было бы лучше опредѣленіе разницы обоихъ словъ.

Centuriis. Прим.: „народъ подавалъ голоса по центуріямъ... *шести классовъ*“. Сами Римляне знаютъ только *пять классовъ* (Liv. III, 30. Gell. X 28. Serv. ad Aen. VII, 716, ср. *Becker*, Roem. Alt. II p. 208) и поэтому въ нашихъ учебникахъ исторіи совершенно вѣрно упоминается только *пять классовъ*. Одинъ Діонисій считаетъ ихъ *шестъ*, потому что *capite censu* составляютъ у него особый классъ. Далѣе въ примѣчаніи говорится: „въ этихъ собраніяхъ (центуріатскихъ комиціяхъ) избирались: консулы, *диктаторы*, преторы, цензоры,... *децемвиры*“ съ ссылкой на *Ланге*, Roem. Alt. I, 506. У Ланге ничего не говорится, будто *диктаторы* выбирались въ народныхъ собраніяхъ, да и нельзя было ничего подобнаго сказать, ибо диктатора назначалъ по рѣшенію сената одинъ изъ *консуловъ*¹⁾; только одинъ разъ, послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, *народомъ* былъ назначенъ *предиктаторъ*: Liv. XXII, 8: et quia et consul aberat, a quo uno posse dici videbatur, nec per occupatam armis Punicis Italiam facile erat aut nuntium aut litteras mitti, nec dictatorem populus creare poterat, quod nunquam ante eam diem factum erat, predictatorem populus creavit. Что касается до *децемвировъ* (legibus scribundis), то, во-первыхъ, незачѣмъ было называть ихъ, потому что они были magistratus extra ordinem creati; во-вторыхъ, вовсе неизвѣстно, какимъ образомъ они были избраны см. *Ланге*, I, 458.

Quid consequi. Прим.: „Недостатокъ въ латинскихъ отвлеченныхъ существительныхъ *замыняется*“ и т. д. Нелогично сказать: *недостатокъ замыняется* вмѣсто „недостающія слова замыняются“. Впрочемъ, не „недостатокъ“ въ отвлеченныхъ существительныхъ побуждаетъ Римлянъ къ такому способу выраженія, а стремленіе къ краткости.

¹⁾ Ср. *Becker*, Roem. Alt., II, 2, стр. 155; *Lange*, I, стр. 543; *Mommsen*, Staatsrecht, II, стр. 130.

Слова какъ: *мыслие, сужденіе, фактъ, слово, истина* и др. (ср. Seyffert, Palaestr. Cic., стр. 126) существуютъ и въ латинскомъ языкѣ; часто только Римлянинъ не употребляетъ ихъ тамъ, гдѣ мы пользуемся ими.—Непремѣнная обязанность комментатора при объясненіи какого-нибудь явленія языка—указывать на подобные же примѣры въ комментируемомъ сочиненіи. Г. Гофманъ иногда этого не дѣлаетъ: въ этомъ мѣстѣ, напримѣръ, слѣдовало бы указать на § 18.

§ 3. *Illud laetandum esse*. Acc. при *laetari* нуждается въ объясненіи. *in hac insolita mihi ex hoc loco ratione dicendi*. Въ виду того, что слово *ratio* затрудняетъ ученика при переводѣ, нужно было бы объяснить его (*ratio* служитъ часто для описанія простыхъ русскихъ выраженій см. *Нечелобакъ*, Лат. Стил. § 27), указать на § 1 и, наконецъ, упомянуть, что *dicendi* зависитъ отъ *ratio*.

§ 4. *Atque ut inde oratio mea proficiscatur*. По поводу частицы *atque* нужно бы было сказать, что Цицеронъ пользуется ею при переходѣ къ темъ послѣ *propositio*, или къ *paatio* (какъ здѣсь, *paatio* § 4 и 5) или вообще къ какой-нибудь новой части рѣчи; въ русскомъ *atque*, пожалуй, = и такъ. Ср. *Seyffert*, Schol. lat., I, стр. 11, 18. Потомъ г. Гофманъ не указываетъ на то, что Цицеронъ, за рѣдкими исключеніями (какъ, напримѣръ, § 20), послѣ такихъ предложеній не прибавляетъ: *dico* (примѣры см. у *Seyffert*, Schol. lat., I, стр. 14 и 82), вслѣдствіе чего такое *ut* нельзя перевести по русски черезъ *чтобы*. Здѣсь, напримѣръ, слѣдуетъ перевести: „И такъ я начну съ того“ и т. д.

res: недостаетъ ссылки на § 19.

§ 6. *Causa quae sit, videtis* etc. Не лишнимъ кажется упомянуть, что подобная формула называется *Transitio*; ср. *Seyffert*, Schol. lat., I, § 32.

quint-tum. Прим.: „Слова, прибавленные къ *quint* ¹⁾, выражаютъ нѣчто общее, а“ и т. д. Что это не всегда такъ, доказываетъ Cic. Brut. § 183 *cum meo iudicio, tum omnium*; ср. *Seyffert*, Lael., стр. 144.

quibus est a vobis consulendum. Нѣтъ ссылки на § 34 а *me praetereunda non sunt*, гдѣ сказано а *me* вмѣсто *mihi*, хотя въ этомъ мѣстѣ и нѣтъ дательнаго падежа, и на § 64: *sibi auctoritati esse praegendum*. Замѣтимъ, впрочемъ, мимоходомъ, что предлогъ а с. abl. при герундивѣ вовсе не такъ рѣдко употребляется, какъ это обык-

¹⁾ Лучше бы было написать *sunt*, потому что Римляне не писали *quint* даже въ позднѣйшія времена им. *quint* или *sunt*, ср. *quog* и *sug*.

новенно представляется въ грамматикахъ; ср. кромѣ § 34 этой рѣчи, lic. pro Sulla 8, 23: sed tamen te a me pro magnis causis nostrae necessitudinis monendum esse etiam atque etiam puto; ad fam. XIII, 16, 2: eose se observandos et colendos putabat; ib. XV, 4, 11: admonendum potius te a me quam rogandum puto.

§ 7. *Et quoniam*; иначе § 43; Цицеронъ не говоритъ ac (atque) quoniam Seyffert. Schol. lat., I, стр. 20.

et ita = и притомъ такъ; только въ этомъ смыслѣ ставитъ Цицеронъ et передъ ita, ср. § 10; въ прочихъ случаяхъ онъ употребляетъ atque, какъ, напримѣръ, § 21.

§ 8. *ita* (contenderunt) = лишь на столько.

insignia victoriae. Прим. „знаки отличія для (?) побѣды“; нужно было бы сказать: за побѣду!

regnaret переводится въ примѣчаніи: „еще царствуетъ“; лучше: *царствовала*, то-есть, *продолжала царствовать*. Въ предложеніи слѣдствія правило о conspec. temp. не соблюдается; поэтому Цицеронъ сказалъ бы regnet, еслибы его слова должны были относиться къ тому времени, когда онъ произносилъ рѣчь.

§ 9. *Vosphoranis* переводится „Восфорійца“, между тѣмъ какъ во введеніи стр. XV сказано: „Воспорское царство“.

§ 10. *Hispaniense*; форма прилагательнаго не объяснена ни здѣсь, ни въ § 28, ни въ § 60, что было тѣмъ необходимо, что bellum Hispaniense обозначаетъ обыкновенно войну между Римлянами въ Испаніи, а § 60 между Римлянами и Испанцами. Ср. Haacke, Stil., стр. 75, Schulz, Syn., № 509.

§ 11. *lumen*: нѣтъ указки на § 8 lux, кромѣ того нѣтъ связи между объясненіями о словѣ lux, представленными здѣсь и въ § 8.

extinctum esse voleteis: не мѣшало бы сказать, что esse большею частью пропускается.

negligetis: невѣрное правописаніе вм. neglegetis; то же самое и въ § 21.

verbo. Въмѣсто ссылки на стилистику Негельсбаха ¹⁾, было бы полезнѣе для учениковъ привести нѣсколько латинскихъ примѣровъ, въ которыхъ русскія слова *только, еще, также* не выражены. Можно бы было привести, напримѣръ, § 14 tanta = лишь столь велики.

¹⁾ Совершенно непонятно, почему г. Гоожамъ приводитъ извѣстные сочиненія не подъ именемъ автора, а подъ именемъ переводчика, какъ, напримѣръ: «См. Стиг. Стратона» вмѣсто Негельсбаха, или: «см. Стиг. Ходобал» вм. Бергера; только съ Мадвигомъ авторъ поступаетъ милостивѣе.

§ 12. Quid? quod—vocatur. Очень похожее мѣсто Cic. Cat. I, § 16. *socius—amicus*: не мѣшало бы указать на примѣры, какъ-то на Аріовиста.

certum. Прим. „всѣмъ точно извѣстнаго“. Такъ какъ ученики постоянно смѣшиваютъ *certus* и *notus*, то нужно было бы выразиться иначе.

§ 13. *in quo summa sint omnia*. Правило о словахъ *omnia*, *cetera* и т. п. выражено крайне непонятно.

propter: нѣтъ ссылки на § 16, гдѣ *propter* также употреблено какъ нарѣчіе.

quod ceteros eiusmodi homines mittimus: г. Гофманъ говоритъ, что *ceteros* нужно выразить нарѣчіемъ, при чемъ опъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду нѣмецкое *sonst*, не имѣющее соответствующаго слова въ русскомъ языкѣ. Здѣсь можно бы было сказать: *въ друиыхъ случаяхъ*, что не есть однако „нарѣчіе“.

mansuetudine. Прим. „*Mansuetudo*.... „кротость“, качество человѣка, лишеннаго характера дикости, или природной, или неукрощенной вслѣдствіе благоразумія и такта“. Это объясненіе кротости нелогично: такъ какъ одно не исключаетъ другое, то нельзя сказать или—или. Г. Гофманъ перевелъ, впрочемъ, только нелогичное объясненіе Шмальфельда, ссылка на синониміку котораго кромѣ того не точна: вѣсто стр. 491 слѣдуетъ указать на стр. 402.

§ 14. *opima—fertilis*. Объясняется въ примѣчаніи синонимическое различіе между этими двумя прилагательными; но почему ничего не говорится объ *uber*, не смотря на то, что *ubertas* встрѣчается въ томъ же предложеніи?

fructuum. Въ прим. сообщается извѣстная разница между *fructus* и *fruges* (то-есть, первое—древесные, второе—полевые плоды) и прибавляется, что первое относится ко второму какъ *genus* къ *species*. Есть, однако, мѣста, не согласующіяся съ этимъ объясненіемъ, какъ Scriv. ad Verg. Georg. I, 55: *fruges arboreae*; Hor. Ep. I, 16, 9:

si quercus et illex

Multa fruge pecus, multa dominum iuvat umbra;
Cic. Divin. I, 9, 15: *lentiscus*.... ¹⁾ *ter fruges fundens tria tempora monstrat*; Tib. I, 1, 6—10 *fruges*=*poma*.

§ 15 *deserere*. Прим. „покидать по дурнымъ побудительнымъ поводамъ или вслѣдствіе необходимости и неблагоприятныхъ обстоя-

¹⁾ Масляное дерево.

тѣлѣтъ". Последняя подчеркнутая часть объясненія врядъ-ли вѣрна уже потому, что она примѣнима и къ *relinquere*. Лучше было бы сказать, что *relinquere* обозначаетъ только высшее разлученіе, а *deserere* расторженіе связей долга или природы.

§ 16. *Quo animo esse existimatis eos*. По поводу этого предложенія нужно было бы указать на одну особенность латинскаго языка. Дѣло въ томъ, что когда необходимость умозаключенія хотятъ предоставить субъективному сужденію другаго, въ латинскомъ употребляютъ вопросительныя (какъ прямыя, такъ и косвенныя) предложенія съ глаголами *sensere*, *putare*, *existimare*, между тѣмъ какъ въ русскомъ уже прямо выражаютъ эту необходимость. Мы говоримъ, напримѣръ: какъ велика должна была быть его мудрость, сколь велико должно быть его богатство, если и т. д., что по латыни можно выразить только такъ: *quantam putatis* или *putas*, *fuisse eius sapientiam*, *quam divitem eum esse existimatis*, *qui* etc. И такъ, разбираемое мѣсто нужно перевести: „Какое должно быть настроеніе (безпокойство) тѣхъ“.... Ср. Cic. de fin. V, 19, 56: *Quem enim ardorem studii censetis fuisse in Archimede*; а въ косвенномъ вопросѣ: Cic. pr. Rosc. Am. 53, 153: *videte, quem in locum rempublicam venturam putetis* = смотрите, въ какое положеніе должно прійти государство. Такое объясненіе слѣдуетъ примѣнить и къ такимъ предложеніямъ, гдѣ по обыкновенной теоріи глаголы *putandi* послѣ „подобозначащихъ“ ¹⁾ глаголовъ поставлены „плеонастически“ (*Zumpt*, Lat. Gr., § 750, *Gossrau*, § 499), какъ, напримѣръ, § 11 этой рѣчи: *videte, quem vobis animum suscipiendum putetis*, гдѣ глаголъ *putare* придаетъ предложенію вышеназванный оттѣнокъ. Ср. Seyffert ad Cic. Lael. p. 161, *Palaestra Ciceron*. III, 4, 20 и § 32 этой рѣчи.

aut—aut = „какъ—такъ и“.

persuadent: слѣдовало бы объяснить, почему этотъ глаголъ принялъ значеніе „платить“ (прежде, когда еще не было монетъ, вѣшали металлъ).

exercenti: нѣтъ указки на § 17.

formidine. Объ этомъ словѣ говорится въ комментаріи такъ: „*Formido* „тревога“ выражаетъ такое состояніе души, которое происходитъ отъ представленія какой нибудь ужасной и близкой опасности“

¹⁾ Такъ выражается и г. Гоemannъ въ началѣ § 11-го, хотя и существуетъ значительная разница между глаголами: *statuere* (=рѣшать, напримѣръ, § 32 этой рѣчи), *considerare*, *deliberare* (§ 27), *constituere* (§ 46), *videre* (§ 41), *providere* съ одной, и глаголами, выражающими знаніе—съ другой стороны,

Мы не знаемъ, откуда авторъ заимствовалъ это объясненіе: во всякомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ выписаннымъ нами опредѣленіемъ, которое, кромѣ того, не соответствуетъ значенію русскаго „тревога“. Цицеронъ (Tusc. IV, 8) говоритъ, что *formido* = *metus peremptorius*; однако не безъ основанія возразили, что это опредѣленіе не согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ употребляетъ названное слово. Судя по различнымъ мѣстамъ (Tusc., V, 30, напримѣръ, *reformidare* сопоставлено съ *horreare*) *formido* выражаетъ высшую степень страха, ужаса, и *formidare* = ужасаться. Почему же г. Гофманъ, объясняя *formido* и *metus*, не объясняетъ также и *timor* (ср. § 18 въ концѣ)?

Э. Вертъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

не годится къ преподаванію подъ руководствомъ учителя“ Въ 1808 году въ Харьковскомъ учебномъ округѣ сдѣлано, въ видѣ опыта, распоряженіе, чтобы всѣ кандидаты на учительскія должности въ теченіе 3—4 недѣль посѣщали гимназію или уѣздное училище губернскаго города „дабы приобрѣсти знаніе способа преподаванія“ ¹⁾).

Интереснымъ документомъ служатъ планъ преподаванія закона Божія, составленный въ 1824 г. для С.-Петербургской гимназіи профессоромъ протоіереемъ Павскимъ ²⁾). Тутъ между прочимъ указывалось на то, что „законоучитель долженъ довести учениковъ до того чтобы они чувствовали достоинство Библии и умѣли приваравливать къ жизни ея спасительное ученіе, также чтобы они знали цѣну церковныхъ учрежденій и обрядовъ и какъ можно болѣе уважали ихъ“ Для достиженія этой цѣли, профессоръ требовалъ непосредственнаго и посредственнаго знанія Библии, изъ коихъ первое, то-есть непосредственное знаніе, должно было достигаться чтеніемъ слова Божія. „Первая книга“, говорится въ планѣ, „которая подается въ руки начинающему учиться грамотѣ, должна быть Библия. Дѣти, учащіеся читать, пусть читаютъ выбранныя мѣста изъ Священнаго Писанія просто, безъ толкованій. Толкованіе предоставляется высшему возрасту. Не можетъ быть, чтобы отъ сего чтенія слова Божія не зарони-лась въ сердца дѣтей искра, которая носѣ дастъ свѣтъ и теплоту. Имъ же слѣдуетъ выучивать по одному изреченію въ день. Заимствовать сіи изреченія учитель можетъ изъ ветхаго и новаго завіта; назначать же для выучиванія самыя краткія изреченія, наприкладъ, „Богъ есть свѣтъ“. Вотъ что требовалось въ двухъ низшихъ классахъ. Отъ поступающихъ въ приготовительный классъ требовали только знанія 10 заповѣдей, символа вѣры и главнѣйшихъ молитвъ. Посредственное знакомство съ Библіею о. Павскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „чтобы законоучитель въ часы урока требовалъ отчета у учениковъ, какой апостолъ и какое Евангеліе читаны были въ воскресенье или въ праздникъ. Сіе требованіе будетъ сопряжено тою пользою, что ученики со вниманіемъ будутъ слушать чтеніе Евангелія въ церкви и предохраняться отъ разбѣжности... Чего не доскажетъ ученикъ, то дополнитъ учитель. Если которому ученику не было возможности въ церкви слышать Св. Писаніе, тотъ пусть прочтетъ дома и дастъ отчетъ законоучителю, который, смотря по возрасту ученика и способностямъ его, можетъ войти въ подробное изъясненіе и, гдѣ нужно, выразитъ причину, почему церковь назначила въ извѣстный праздникъ чтеніе извѣстнаго Евангелія и апостола“. Въ IV гимназическомъ классѣ предписано было читать ветхій и новій за-

¹⁾ *Дамилевскій*, 310.

²⁾ *Аничкова*, 81.

нѣтъ, принимаясь къ хронологическому порядку событій и заучивая только важнѣйшее, какъ-то: нагорную проповѣдь, притчи и проч., при чемъ оговорено: „выучивать наизусть нѣтъ надобности, а только ученикъ долженъ умѣть разказывать происшествія въ связи и ясно, съ означеніемъ времени, когда что случилось“. Въ III классѣ законоучитель прочитывалъ псалтирь и требовалъ знанія нѣсколькихъ псалмовъ, напримѣръ, I, VII, X, XVIII, XXII, XXVI, CIII. Въ этомъ же классѣ были объясняемы церковные обряды. Во II классѣ законоучитель давалъ понятіе о книгахъ ветхаго завета вообще, читалъ первую часть катехизиса и приступалъ къ исторіи церкви ветхозавѣтной. Въ I классѣ ученики получали понятіе о книгахъ новаго завета вообще, прочитывали 2 и 3 части катехизиса и оканчивали исторію церкви ветхозавѣтной.

Въ одномъ изъ петербургскихъ заведеній была также введена метода Ланкастера, которую 4 воспитанника Педагогическаго института изучили въ Лондонѣ. Однако метода эта, какъ кажется, не принесла у насъ пользы. Въ 1827 г. ректоръ университета писалъ по поводу ея слѣдующее: „молодые мальчики не могутъ нѣтъ надъ воспитанниками власти взрослого человѣка съ хорошими познаніями, который законнымъ образомъ поставленъ ихъ начальникомъ. Мальчики снѣ, оказывая особенное покровительство нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ, ввели злоупотребленія, которыя слѣдуетъ искоренить. Они заставляютъ ихъ приносить себѣ лакомства, и погрѣшности тѣхъ, которые оказываютъ имъ такое великодушіе, исчезаютъ въ глазахъ сихъ педагоговъ новаго рода. Дурному они учатъ и дурные подаютъ примѣры, публика негодуетъ, родители жалуются“¹⁾.

Объ учебныхъ книгахъ, бывшихъ въ употребленіи въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ, лучше всего даетъ понятіе отзывъ о нихъ училищнаго комитета, состоявшаго при Петербургскомъ университетѣ, въ отвѣтъ на предписаніе, съ которымъ министръ 23 сентября 1825 г. обратился ко всѣмъ университетамъ²⁾. Были въ употребленіи въ уѣздныхъ училищахъ: 1) Пространный катехизисъ. 2) Изъясненіе воскресныхъ евангелій. 3) Россійская грамматика, изданная Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Примѣч. комитета: требуетъ большей простоты въ изложеніи, перемѣны въ системѣ спряженія глаголовъ и въ правилахъ словосочиненія; можно бы съ пользою присоединить склоненія и спряженія славянскія, а по окончаніи синтаксиса русскаго преподавать нѣкоторыя весьма краткія правила объ особенностяхъ славянскаго словосочиненія). 4) Краткое всеобщее землеопи-саніе, изданное для уѣздныхъ училищъ. (Прим.: полезно было бы,

¹⁾ Аничковъ, стр. 86.

²⁾ Изъ дѣлъ Департ. Нар. Просв. № 49.924, стр. 437.

кажется, нѣсколько сократить сію книгу для уѣздныхъ училищъ). 5) Краткое землеописаніе Россійской Имперіи, царства Польскаго и княжества Финляндскаго, изданное департаментомъ нар. проsv. (Прим.: предыдущее замѣчаніе относится и къ сей книгѣ). 6) Всемирная исторія, изданная въ 3-хъ частяхъ для народныхъ училищъ. (Прим.: изъ трехъ частей читается первая только часть сей книги въ уѣздныхъ училищахъ, но полезно было бы, кажется, еслибы каждая наука, преподаваемая въ нихъ хотя кратко, вся оканчивалась и составляла нѣчто цѣлое, ибо многіе ученики оканчиваютъ свое воспитаніе курсомъ уѣздныхъ училищъ; для сей цѣли можетъ быть съ пользою употреблена краткая исторія Кайданова, съ какими нибудь историческими таблицами, какъ напримѣръ, рѣка временъ и т. п.) 7) Краткая руссiйская исторія для народныхъ училищъ. (Прим.: преподаваніе сей книги можетъ быть дополнено съ пользою изъ сочиненій М. Н. Муравьева, статьями: эпоха Россійской имперіи, краткое начертаніе руссiйской исторіи, соединеніе удѣльныхъ княженій въ единое государство). 8) Ариметика въ двухъ частяхъ, изданная Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: сія книга, особенно во второй ея части, требуетъ значительнаго исправленія; въ ней изложены правила безъ надлежащихъ объясненій и доказательствъ, что много препятствуетъ развитію способностей учениковъ и ихъ успѣхамъ). 9) Краткое руководство къ геометріи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: какъ ни мало неоснованное на доказательствахъ, требуетъ совершенной перемѣны). 10) Краткое руководство къ физикѣ, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: съ того времени, какъ написана сія книга, столько сдѣлано усовершенствованій по физикѣ, что необходимо составить новое краткое руководство къ сей наукѣ). Въ гимназіяхъ были въ употребленіи: 1) Пространный катихизисъ. 2) Чтеніе изъ книгъ ветхаго и новаго заветъа, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. 3) Логика. (Прим.: въ иныхъ гимназіяхъ употребляется логика Снеля, въ другихъ логика Лоді; первая не имѣетъ строгаго систематическаго порядка, послѣдняя слишкомъ пространна для гимназій; сими двумъ книгамъ можно предпочесть логику Баумейстера по строгому классическому порядку и по умѣренной величинѣ). 4) Риторика Никольскаго, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Опытъ риторики Рижскаго. (Прим.: первая не можетъ быть употребляема въ гимназіяхъ по многимъ недостаткамъ; послѣдняя не имѣетъ надлежащаго систематическаго расположенія и точности въ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ. До изданія въ свѣтъ основательной риторики лучше употреблять риторику Ломоносова). 5) Славянская грамматика Пенинскаго. (Прим.: требуетъ значительнаго сокращенія). 6) Греческая грамматика, изд. для благороднаго пансіона Московскаго университета. (Прим.: нужно издать грамматикъ, основанную на новѣйшей методѣ,

весьма много облегчившей учение сему языку). 7) Греческая хрестоматия Каченовскаго. (Прим.: вмѣсто сей книги лучше употреблять хрестоматию или выписки изъ древнихъ писателей, собранныя Ф. Яковсомъ, изд. Кочеповскимъ). 8) Латинская грамматика Лебедева, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ грамматика Кошанскаго. (Прим.: вмѣсто первой полезнѣе ввести въ употребленіе послѣднюю). 9) *Epitome historiae saeculae*. 10) *Cornelius Nepos*. 11) *Phaedri fabulae*. (Прим.: къ сему дѣлгамъ, изданнымъ Главнымъ Правленіемъ училищъ, можно присоединить *Leçons latines de littérature et de morale, par Noël et de la Place*; или по удобности, относительно къ цѣли и объему, съ пользою можетъ быть употребляема латинская хрестоматія при благородномъ университетскомъ пансіонѣ). 13) Нѣмецкая грамматика Шумахера, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Ульриха. (Прим.: первая предпочтительнѣе второй для употребленія). 13) Нѣмецкая хрестоматія Гедике, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Аллера. 14) *Livre pour apprendre à bien lire français*. 15) Французская грамматика Ломонда, безъ перевода и съ переводомъ, разныхъ издателей. 15) Французская хрестоматія Гедике. (Прим.: полезно было бы, для преподаванія языковъ, составить по каждому языку одну книгу, заключающую въ себѣ руководство къ чтенію, этимологію и синтаксисъ, краткую хрестоматию, систематически расположенную, и словарь реченій, встрѣчающихся въ хрестоматіи. О краткой грамматикѣ Ломонда Харьковскій училищный комитетъ отзывался, что она хороша для Французовъ, но не для Русскихъ). 17) Руководство къ математической географіи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: вмѣсто сего руководства лучше ввести преподаваніе общихъ астрономическихъ познаній, въ курсѣ физики по руководству Reynaud, 1824, съ нѣкоторыми измѣненіями; или по руководству Баумгартнера: *Die Naturlehre*, 1826). 18) Всеобщее землеописаніе, въ двухъ частяхъ, изд. департаментомъ народнаго просвѣщенія. 19) Всеобщая исторія, въ трехъ частяхъ, для народныхъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ исторія Кайданова и исторія Шрека. (Прим.: изъ означенныхъ трехъ сочиненій исторія Кайданова имѣетъ преимущество по чистотѣ слога, но синхроническое изложеніе происшествій среднихъ и новѣйшихъ временъ слишкомъ раздроблено и отъ того дѣлается темнымъ. Желательно, чтобы авторъ исправилъ сей недостатокъ). 20) Алгебра, геометрія и тригонометрія Фуса, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ, а въ Петербургской гимназіи курсъ чистой математики Белавеня. (Прим.: вмѣсто алгебры, въ которой расположеніе предметовъ крайне затруднительно для учащихся, геометрія, которая недостаточна со стороны строгости въ доказательствахъ и примѣненія къ практикѣ, тригонометрія, хотя достаточной со стороны примѣровъ и рѣшенія практическихъ задачъ, но недостаточной въ разсужденіи описанія самопу-

живѣйшихъ геометрическихъ орудій—съ большею пользою можно употреблять первыя двѣ части курса чистой математики, составленнаго извѣстными профессорами: Аллезомъ, Брюли, Пюиссаномъ и Будро, переведеннаго на русскій языкъ Книдеревымъ и Кушакевичемъ для руководства въ Артиллерійскомъ училищѣ. Въ семъ курсѣ всѣ вышепомянутые недостатки устранены, и если нѣкоторые изъ предметовъ, помѣщенныхъ въ концѣ первой части подъ заглавіемъ прибавленій, могутъ быть излишни для учениковъ гимназій, то они, какъ отдѣльные, легко могутъ быть выпущены при преподаваніи; то же должно замѣтить въ разсужденіи краткой сферической тригонометріи, перемѣны координатъ и краткаго обзорѣнія поверхностей 2-го порядка, помѣщенныхъ въ концѣ второй части). 21) Статика Мопжа. (Прим.: эта книга, какъ образцовое сочиненіе, должна быть удержана, но не иначе, какъ употребляя послѣдній переводъ, сдѣланный при Гланномъ Инженерномъ училищѣ съ 5-го изданія, ибо въ первомъ переводѣ текстъ былъ совершенно искаженъ. Излишне было бы прибавить къ сей книгѣ о сопротивленіяхъ въ машинахъ). 22) Руководство къ механикѣ, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: это руководство, какъ поверхностно изложенное, лучше совсѣмъ отмѣнить). 23) Архитектура Виньоли. (Прим.: сія книга не нужна для гимназій). 24) Физика Шрадера, въ Петербургской гимназій физика г. Щеглова, а въ нѣкоторыхъ другихъ Двигубскаго. (Прим.: физика Шрадера не соответствуетъ настоящему состоянію науки, а физика Щеглова не окончена; посему нужно составить особый краткій курсъ; руководствомъ къ оному можетъ служить фпзика Баумгартнера, изданная въ 1826). 25) Естественная исторія Блаументаха, въ 3-хъ частяхъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ начальныя основанія естественной исторіи Двигубскаго, минералогія Севергина и зоогнозія Фишера. 26) Начальныя основанія ботанической философіи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. 27) Изображеніе частей растений. (Прим.: всѣ книги, употребляемыя на этой части, съ несравненно большею пользою могутъ быть замѣнены преносходнымъ сочиненіемъ: *Elémens des sciences naturelles*, par Duméril, 1825. Желательно только имѣть хорошій русскій переводъ сей книги. Если же заблагоразсудится составить для гимназій болѣе пространное руководство къ минералогіи, то съ пользою можетъ быть употреблено сочиненіе: *Die Naturgeschichte des Mineralreiches*, von Leonhard, 1827). 28) Технологія. (Прим.: технологію преподавать въ гимназіяхъ невозможно; употребляемая же нынѣ и изданная вѣкогда Главнымъ Правленіемъ училищъ крайне недостаточна и несообразна съ цѣлію). 29) Сельское хозяйство Кукольника. (Прим.: книга весьма полезная; желательно, чтобы она была пересмотрѣна, гдѣ нужно исправлена и вновь издана съ присовокупленіемъ описанія земледѣльческихъ ору-

дій и наставленія касательно сельскаго строительнаго искусства, съ подлежащими и полнымъ числомъ рисунковъ).

Главнѣйшее неудобство заключалось, какъ уже выше сказано, въ томъ, что во многихъ мѣстахъ предоставляло учебныхъ книгъ; поэтому ученики должны были переписывать ихъ, или же извлекать, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Вологодской гимназiи, нужнѣйшія правила и примѣры изъ риторики Ржевскаго и поэзiи Батѣ, которыхъ въ гимназической библиотекѣ находилось по одному экземпляру; иногда учителя заимствовали матеріалъ изъ печатныхъ книгъ или изъ записанныхъ лекцій профессора, диктуя его ученикамъ. Правда, начальство создавало происходящій отъ диктовки вредъ, но часто не было въ состояніи устроить его, въ виду полнѣйшаго недостатка учебныхъ книгъ и не могло сослаться прямо на такое постановленіе, коимъ диктованіе воспрещалось бы въ гимназіяхъ: Харьковскій училищный комитетъ въ 1814 г. запретилъ прибѣгать въ классахъ къ этому средству на томъ основаніи, что оно находилось въ противорѣчiи съ § 57 правилъ Педагогическаго Института. Равнымъ образомъ, препятствіемъ успѣшному преподаванію служила бѣдность училищныхъ библиотекъ и недостатокъ въ книгахъ, при помощи коихъ старательные учителя могли бы приготовляться къ урокамъ ¹⁾).

Что касается лицъ, стоявшихъ во главѣ училищъ, то вслѣдствіе своей прежней службы они нисколько не считали себя принадлежащими къ учебному сословію, а за чиновниковъ; такъ, впрочемъ, на нихъ смотрѣло и министерство: въ статистическихъ таблицахъ 1824 г. (о которыхъ скажемъ ниже) они значатся подъ отдѣльною графю „чиновниковъ“. Этимъ объясняется, почему они лишь „изрѣдка заглядывали въ учебныя заведенія“. Сравнительно чаще, какъ кажется, смотрителями уѣздныхъ училищъ были назначаемы уѣздные учителя, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ округахъ. Впрочемъ, и они не рѣдко поступали въ эту должность изъ военной службы, и между ними встрѣчаемъ мы не мало весьма оригинальныхъ личностей, какъ, напримѣръ, одного маіора, который своимъ подчиненнымъ объявилъ, что онъ ихъ „командиръ“ и для порядка по праздникамъ будетъ дѣлать имъ „смотръ“; другой, старый воинъ, служившій нѣкогда капраломъ подъ начальствомъ Суворова и бывшій впоследствии судьей, смотрѣлъ на сундукъ съ деньгами, какъ на свою собственность ²⁾. Если же упомянутую должность занималъ прежній учитель, то не рѣдко бывшіе его товарищи отказывали ему въ повиновеніи. Въ 1819 г. преподаватели одного училища жаловались, что оно приходитъ въ упадокъ и причиною того „во первыхъ, неизвѣстность пользы, отъ

¹⁾ *Отто*, Новг. Дир., 15, 29; Вологодск. Дир. 51, 103, 130, 145. *Ворожцовъ*, Уч. къ Суммахъ, 16, 19. *Данилевскій*, 321.

²⁾ *Отто*, Волог. Дир., 27. 141. 149.

ученія проистекающей для жителей здѣшняго края, изъ коихъ большая часть погружена, какъ кажется, въ глубочайшій сонъ невѣдѣнія и заматерѣлыхъ предразсудковъ; во вторыхъ, еще большею причиною бываетъ—со стороны штатнаго смотрителя недѣятельность... Таковая недѣятельность его происходитъ большею частію оттого, что ему никогда не былъ извѣстенъ училищный порядокъ, а способъ преподаванія ученія и того меньше; наиболѣе препятствуютъ ему въ отпращиваніи должности тупія чувства, упрямство, закоренѣлость и самонадѣяніе. У насъ никогда не было и не можетъ быть педагогическихъ совѣщаній, какъ средствъ необходимо нужныхъ для удобѣйшаго и легчайшаго руководствованія младыхъ умовъ. Сіе считается какъ бы пониженіемъ для чести: учителя ничего не значать и не имѣютъ никакихъ чиновъ, а и—коллежскій ассессоръ, и для меня низко съ ними совѣщаніе имѣть“ Оправдываясь во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, смотритель взваливалъ вину на учителей: „они обходятся съ учениками сурово, и хотя я неоднократно напоминалъ, чтобы они поступали по данному имъ руководству, но одинъ учитель выговорилъ мнѣ сіи слова: что мнѣ руководство! у меня въ головѣ руководство“ ¹⁾.

И смотрители часто не посѣщали училищъ ²⁾. Андріименъ ³⁾, упоминая о цѣломъ рядѣ учителей, пріобрѣвшихъ „отрицательную извѣстность“, приводитъ только три счастливыя исключенія.

Учителя выходили большею частію изъ духовныхъ семинарій и „своимъ витійствомъ лучше всего доказывали, въ чемъ заключалось образованіе, выносимое изъ нихъ. Результатомъ многолѣтняго семинарскаго ученія была способность выражаться такимъ языкомъ, который, отличаясь необыкновенною искусственностію, становился темнѣе и непонятнѣе для прочихъ смертныхъ“ ⁴⁾. Андріименъ ⁵⁾ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: одну—мирную, работавшую спокойно и безвѣстно, другую бурную и беспокойную, ратовавшую за свои личные интересы. „Въ многосложной перепискѣ“, говоритъ онъ, „является на свѣтъ Божій худшая половина“. Вредъ, причиненный учебною дѣлу дурнымъ примѣромъ этихъ учителей и упущеніями ихъ по должности, гораздо значительнѣе той пользы, которую приписала первая группа. И въ этомъ отношеніи въ гимназіяхъ дѣло шло гораздо лучше: впрочемъ и тутъ сохранились свѣдѣнія о возмутительныхъ случаяхъ грубаго обращенія и пьянства ⁶⁾. Между уѣздными

¹⁾ *Сухомилиновъ*, Черниг. уѣ., 20 слѣд.

²⁾ *Воронцовъ*, 16.

³⁾ Стр. 30, 85.

⁴⁾ *Отто*, Вол. Дир., 177.

⁵⁾ Стр. 25.

⁶⁾ *Отто*, Вол. 27 сл., 114; *Владиміровъ*, II, 101.

же училищами не было, кажется, ни одного, лѣтописи коего за описываемый періодъ не заключали бы разказовъ о различныхъ порокахъ, ссорахъ и насиліяхъ ¹⁾. Весьма характеристично замѣчено объ одномъ уѣздномъ училищѣ что въ немъ, „по случайному стеченію обстоятельствъ“, почти всѣ учителя были люди достойные и всѣ предметы были преподаваемы по хорошимъ руководствамъ ²⁾. Къ грубости въ обхожденіи, къ пьянству („этой главной и пагубнѣйшей болѣзни нашего народа“ какъ сказано въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1871 г.) и къ карточной игрѣ ³⁾, весьма часто присоединялась величайшая неаккуратность и распущенность. Учителя постоянно пропускали уроки. Циркуларомъ министра отъ 6 іюня 1812 г. подтверждалось имѣть за симъ строжайшій надзоръ, такъ какъ „извѣстно, что многіе изъ учащихся пропускаютъ учениковъ изъ классовъ прежде времени и приходятъ въ классы позже, нежели какъ должно, а иногда и вовсе не бываютъ въ классахъ“. Въ періодъ времени 1812—1817 г. число пропущенныхъ уроковъ въ Сумскомъ уѣздномъ училищѣ обыкновенно простиралось до $\frac{1}{3}$ всего назначеннаго числа. Въ 1819 г. учитель математики пропустилъ 90 уроковъ; изъ нихъ 26 по болѣзни и 24—по законной причинѣ; учитель исторіи—118 уроковъ, изъ коихъ только 17 по болѣзни и 6 по законной причинѣ ⁴⁾.

Употреблявшіяся прежде, недостойныя учительскаго сословія, наказанія за дурное поведеніе, какъ, напримѣръ, арестъ учителей на хлѣбъ и на воду, отдача въ военную службу ⁵⁾, исчезли благодаря новому духу времени, но недостойныя этого сословія пороки сохранились, а также и прежнее невѣжество, доходившее до того, что зачастую учителя не умѣли правильно писать ⁶⁾.

Но съ другой стороны, Воронцовъ ⁷⁾ справедливо замѣчаетъ, что педагогическое образованіе нѣкоторыхъ учителей не было слишкомъ низко, какъ свидѣлствуютъ о томъ яден, которыя они проповѣдывали съ кафедръ, во время торжественныхъ актовъ. Слѣдуетъ од-

¹⁾ Воронцовъ, 17, прим. Въ спискѣ дѣлъ харьковскаго училищнаго комитета за 1805—1838 (Данилевскій, 312—317, 321, 828) находится много свидѣній по этому предмету. Магницкій неоднократно перемѣщалъ уѣздныхъ учителей, «за оказанные ими законопротивные поступки», воспитанниками Казанской гимназіи, «для утвержденія ихъ въ правилахъ лучшей нравственности». Въ 1820 г. одинъ изъ слушателей университета, за дерзкіе поступки противъ помощника инспектора, перемѣщенный былъ въ гимназію, откуда черезъ два мѣсяца, по совершенномъ исправленіи, выпущенъ (Владиміровъ II, 101, 102).

²⁾ Біографич. Словарь II, 377.

³⁾ Отто, Вол., 140.

⁴⁾ Воронцовъ, 16. Ср. Отто, Вол., 59.

⁵⁾ Вессель, Руководство 199, 2.

⁶⁾ Отто, Новг. 91.

⁷⁾ Стр. 14.

нако замѣтить, что приведенные Воронцовымъ примѣры не совсѣмъ удачны: „наставникъ долженъ быть съ добрымъ сердцемъ и примѣрнымъ поведеніемъ“; „*demidium fecit qui bene coepit*“ (sic!). Андрияшевъ ¹⁾ думаетъ, что тогдашнія рѣчи мало отличались своимъ содержаніемъ. Разсмотрѣвъ нѣсколько десятковъ ихъ, онъ нашелъ, что ораторы по большей части не углублялись въ сущность предмета, а скользили по его поверхности; поворотъ къ лучшему наступилъ только въ двадцатыхъ годахъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что сословіе учителей не вездѣ пользовалось желаемымъ уваженіемъ; притомъ должно сказать, что средства для устраненія этого недостатка не всегда были удачны. Такъ, въ 1816 г. директоръ Черниговскихъ училищъ выражалъ ректору университета „свое сожалѣніе о томъ, что общество трактуетъ учителей не наравнѣ съ другими чиновниками“, и говорилъ; „въ чиновныхъ людяхъ иначе нельзя снискать благосклонности, какъ частыми по праздникамъ визитами и поздравленіями. Но учителямъ трудно располагаться на такое исканіе съ ихъ пѣшеходствомъ, когда всякій чиновникъ то на той, то на другой улицѣ, разлегшись въ какомъ либо экипажѣ, обгоняетъ учителей, шагающихъ по грязи въ мундирахъ со шпагами... Это обстоятельство было объяснено визитатору, общавшему, что учителямъ дадутъ средства дѣлать кому слѣдуетъ визиты“. Ректоръ представилъ министру письмо директора, присовокупивъ, что одними визитами нельзя пріобрѣсти уваженія и почта. Другое средство для возвышенія учителей въ глазахъ общества было однажды предложено Пензенскимъ директоромъ. Замѣтивъ, что „учителя женатые болѣе уважаютъ свое званіе и дорожатъ имъ, болѣе имѣютъ основательности и постоянства какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ своихъ, болѣе прилично и наставительно обходятся съ дѣтьми, нежели учителя холостые, а притомъ еще и молодые, увлекающіеся забавами.... что общество имѣетъ болѣе уваженія и довѣренности къ женатымъ“,—онъ предлагалъ „не благоугодно ли будетъ высшему правительству, для побужденія учителей вступать въ брачное состояніе, назначать женатымъ учителямъ жалованье одною третью болѣе, нежели холостымъ, при изданіи новыхъ штатовъ“. Университетскій совѣтъ опредѣлилъ: „такъ какъ не предвидится перемѣны штатовъ, то и не представлять высшему начальству предложенія директора, но какъ онъ не одобряетъ поведенія холостыхъ учителей, то рекомендовать ему обращать на нихъ особенное вниманіе ²⁾“.

Характеристично также мнѣніе директора училищъ Саратовской губерніи о качествахъ, необходимыхъ учителю словесности, называ-

¹⁾ Стр. 86.

²⁾ *Сухомлиновъ*, Мат. I, 132.

емому въ уставѣ „учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи“. Директоръ въ представленіи совѣту университета говоритъ, что учитель словесности „больше всего обращаетъ на себя вниманіе публики. Ему надобно знать французскій языкъ, не только по книжному, но и умѣть на немъ свободно изъясняться, а на русскомъ не только могъ бы лекціи преподавать съ живостью, но имѣлъ бы даръ сочинять и произносить публичныя рѣчи; говорилъ бы языкомъ не провинціальнымъ какимъ либо, но чистымъ русскимъ, употребляемымъ въ лучшихъ обществахъ. Притомъ необходима ловкость, пріятная наружность и чистый голосъ; впрочемъ, не требуются глубокія, профессорамъ приличныя свѣдѣнія“ ¹⁾.

Статья 52 устава 1804 г. гласила: „предполагается учителямъ гимназій, подъ вѣдѣніемъ директора, вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ оныя свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при земледѣльствѣ орудіяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства. Сей трудъ относится къ числу постороннихъ обязанностей учителей, за который они имѣютъ ожидать особой награды, если оный достоинъ будетъ уваженія. Университетъ даетъ подробныя по сему предмету наставленія учителямъ чрезъ директора, который, по мѣрѣ того, какъ таковыя записки будутъ изготовляемы, представляетъ оныя высшему начальству“ „Люди пылкаго воображенія, говоритъ Гречъ ²⁾, полагаютъ, что тщательнымъ исполненіемъ этой статьи устава землеописание Россіи обогатится, что чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ области неизмѣримою имперіи Россійской будутъ описаны самымъ подробнымъ и вѣрнымъ образомъ и географія Россіи доведена будетъ до возможнаго совершенства“. Разсылка наставленій послѣдовала только въ 1812 г., за исключеніемъ Виленскаго округа, для котораго инструкция касательно метеорологическихъ наблюденій была утверждена еще въ октябрѣ 1803 г., инструкция же о физическихъ наблюденіяхъ, предначатавшаяся и для другихъ округовъ, но, кажется, оставшаяся въ канцеляріяхъ,—въ іюнѣ 1805 г. Въ 1821 г. было повторено приглашеніе доставить наблюденія ³⁾ (нѣкоторые трудолюбивые люди взялись, конечно, за дѣло раньше), съ тѣмъ, чтобы учителя *занимались немедленно* и по мѣрѣ возможности веденіемъ записокъ. Недоставало однако необходимыхъ инструментовъ, безъ которыхъ хотя можно было „записывать направленіе вѣтровъ, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ, появленіе насѣкомыхъ, прилетъ птицъ, цвѣтеніе деревъ, порядокъ сельскихъ работъ“, но нельзя было опредѣлять состояніе температуры;

¹⁾ *Синюгановъ*, тамъ же.

²⁾ III, 308.

³⁾ *Отто*, Новг. Дир. 12, прим., стр. 13.

тамъ, гдѣ не было ни термометра, ни барометра, приходилось дѣйствовать, такъ сказать, ощупью. Наконецъ, кажется, только небольшая часть особенно дѣльных записокъ появлялась въ печати; остальные же хранились при дѣлахъ. Изъ трехъ лицъ Вологодской дирекціи, исполнившихъ требованіе устава, одинъ замѣчательный труженикъ посвятилъ 20 лѣтъ на изученіе своего уѣзда; только метеорологическія его наблюденія были обнародованы, записки же по части сельскаго домоводства, зоологій и ботаники остались не напечатанными, не взирая на то, что изъ училищнаго комитета Московскаго университета составителю этихъ записокъ, Алексѣю Фортунатову, было выражено особенное благоволеніе начальства и присуждено выдать ему въ пособіе для поѣздокъ по Вологодской губерніи 200 руб., и сверхъ того поручено гимназіи паидти средства для доставленія Фортунатову пужинныхъ инструментовъ ¹⁾. Въ *Журналъ министерства* помѣщено было очень немного подобныхъ работъ, вслѣдствіе ли того, что вообще мало было доставляемо ихъ, или по ихъ непригодности, — вопросъ, котораго мы не беремся рѣшить.

Другіе труды учителей, напримѣръ, С.-Петербургскаго учебнаго округа, перечисленные Вороновымъ ²⁾, составляютъ большую частію переводы и извлеченія, да и тѣ были доставлены лишь изъ трехъ губерній. Однако Вороновъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „труды эти стоили гораздо выше трудовъ прежнихъ преподавателей и по своему содержанію, и по изложенію, и по объему“. Въ этомъ обнаружился несомнѣнный успѣхъ. Важнѣйшія произведенія принадлежали, какъ и слѣдовало ожидать, профессорамъ Педагогическаго института и университета; обнаруживалось стремленіе къ ученымъ занятіямъ и въ учителяхъ С.-Петербургской гимназіи и отчасти гимназій Псковской и Вологодской; если же ничего замѣчательнаго не было произведено преподавателями гимназій въ другихъ губерніяхъ округа, то нужно приписать это скорѣе недостатку средствъ къ подобнаго рода занятіямъ, еще до сихъ поръ (1849) ощутительному въ провинціяхъ, чѣмъ лѣности и неспособности. Нельзя было также ожидать ученыхъ трудовъ отъ преподавателей уѣздныхъ училищъ, особенно если вспомнить, какъ трудно было отыскивать способныхъ людей для этой должности и какъ часто начальство по необходимости вынуждаемо было довольствоваться учителями посредственными и даже терпѣть иногда не совсѣмъ надежныхъ.

Если учителя не всегда аккуратно посѣщали классы, то еще гораздо чаще это случалось съ учениками. Число пропущенныхъ ими уроковъ, по имѣющимся даннымъ, было весьма значительно. Въ Черни-

¹⁾ Остро, Волог. Дир., 60—64.

²⁾ I, 186 слѣд.

говѣ, напримѣръ, въ теченіе весьма удачнаго въ этомъ отношеніи 1820 года, на каждаго изъ 89 учениковъ гимназій, на 56 учебныхъ дней приходилось 12 пропущенныхъ уроковъ; въ одноѣмъ уѣздномъ училищѣ изъ 180 дней каждыиъ ученикомъ пропущено было 17, въ другомъ—изъ 118 пропущено 41, въ третьемъ — изъ 109 дней пропущено 36 и т. д. ¹⁾. Вопросъ о посѣщеніи классовъ часто сводился къ мнѣнію вышеупомянутой нами посадской вдовы: „сына моего болѣе обучать не желаю, сочтя себя преподаанными ему науками довольною“ ²⁾. Съ цѣлью заставить учениковъ правильно посѣщать классы, были употреблены всевозможныя мѣры; напримѣръ, въ Сумахъ предписано было внушать родителямъ, чтобы они своевременно доставляли дѣтей въ училище послѣ каникулъ и праздниковъ и не брали ихъ рано домой, безъ вѣдома смотрителя. Но такъ какъ требованіе это осталось безуспѣшнымъ, то было поручено смотрителю: „учениковъ, безъ уважительной причины не посѣщавшихъ училище въ теченіе мѣсяца и болѣе, объявлять, при открытомъ испытаніи, какъ нерадивыхъ“. П эта мѣра не повела ни къ чему; тогда директоръ предписалъ: обращать таковыхъ учениковъ въ низшій классъ. Время доказало, что и это не помогло, а потому постановлено было (1810) исключать нерадивыхъ; съ 1808—1810 г. исключенныхъ изъ училища собственно за пропуски уроковъ было 45, послѣ 1810 г. въ отчетахъ подобныхъ свѣдѣній не находится. Послѣдняя изъ упомянутыхъ мѣръ оказалась дѣйствительною, главнымъ образомъ, потому, что попечитель предписалъ объявлять родителямъ, „что ученики, исключенные изъ училища за пропуски уроковъ, никогда не будутъ приняты ни въ какое высшее учебное заведеніе и найдутъ великое затрудненіе, чтобы вступить въ какой-либо родъ государственной службы“ ³⁾.

Если приходилось вести постоянную борьбу съ неисправнымъ посѣщеніемъ классовъ — одною изъ главныхъ причинъ слабыхъ успѣховъ — то это не было единственною заботою училищнаго начальства. Кромѣ обыкновенныхъ ученическихъ шалостей ⁴⁾, Роммель обращаетъ вниманіе еще на одну особенную: „я получилъ“, говоритъ онъ, „какъ членъ училищнаго комитета, порученіе визитировать гимназій, вслѣдствіе чего познакомился съ двумя главными ихъ недостатками: во первыхъ, съ большою нравственною порчею воспитанниковъ, въ заговорѣ между собой противъ своихъ учителей, и во вторыхъ, съ почти безграничнымъ владѣтельствомъ директоровъ гимназій, болѣею частію вслужавшихъ свои сроки невѣжественныхъ чи-

¹⁾ Андрияшев, 387.

²⁾ Сухомлиновъ Яр. уч., 126; также Отто, Новг. Воронцовъ, 17.

³⁾ Воронцовъ, 19, 20; Андрияшев, 386; Отто Новг., 96, 97.

⁴⁾ Сухомлиновъ, Черниг. уч., 22.

новниковъ гражданскаго, военнаго и морскаго вѣдомствъ“¹⁾. Такъ, напримѣръ, въ 1819 г. въ новгородскихъ училищахъ предписано было старшимъ учителямъ еженедѣльно поочередно наблюдать за учениками, причеъ: 1) внушать имъ за необходимѣйшее—исполненіе христіанскихъ обязанностей къ Богу; направлять ихъ склонности въ добрую сторону, употребить всевозможные способы къ воспрепятствованію худыхъ нравовъ, внушать имъ сердечное уваженіе и повиновеніе къ высшимъ, внимательность къ равнымъ; вселить любовь къ порядку и вѣжливости; взыскивать съ проступающихъ порядокъ и отличать благонаравныхъ; уволнить изъ класса по просьбамъ за дѣйствительными нуждами, и требовать, чтобы отлучившіеся безъ позволенія, но по волѣ родителей, приносили отъ нихъ записки о несамовольной ихъ отлучкѣ; наконецъ, въ особой книгѣ замѣчать, изслѣдовать хожденіе учащихся въ классы, равно причины ихъ отсутствія и позднаго прихода; 2) стараться не пропускать безъ вниманія ни одного дурнаго поступка ученика и не подавать ему повода почесть оный хорошимъ, или подумать, что онъ можетъ дѣлать рѣзвости и остаться безъ взысканія; завести въ классахъ тетради, въ которыхъ самыя шалости учащихся, неблагопристойности и соразимѣны за оными взысканія должны быть отмѣнены учителемъ; въ случаѣ же значительной шалости доводить до свѣдѣнія директора; 3) смотрѣть, чтобы ученики до начатія ученія и въ междуклассное время не заводили между собою игръ, неприличныхъ и шумныхъ разговоровъ и т. п., а послѣ ученія, выходили изъ классовъ тихо и въ порядкѣ, притомъ строго подтверждая, чтобы и дорогою не рѣзвились; 4) наблюдать, чтобы ученики не приносили въ классъ никакихъ ненужныхъ вещей и чтобы въ классѣ не было ни купли, ни продажи. Дежурный долженъ приходить въ училищный домъ до звонка. Во всѣхъ классахъ, для наблюденія, слѣдуетъ избирать по очереди старшихъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ для дежурства, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приходить въ классъ прежде дежурнаго учителя, отмѣчать въ тетради не бывшихъ, опаздывающихъ, неопратныхъ и т. п. и представлять ее надзирающему, который, по истеченіи недѣли, извѣщаетъ директора о всемъ случившемся по части поведенія учениковъ и т. п.²⁾.

Что касается наказаній учениковъ, то, напримѣръ, въ 1808 и 1809 гг. училищнымъ комитетомъ Харьковскаго университета была обозначена слѣдующая постепенность между ними: 1) выговоръ учителя; 2) стояніе у порога нѣсколько минутъ или во весь классъ; 3) лишеніе мѣста въ порядкѣ старшинства и сажаніе на заднюю

¹⁾ Стр. 523.

²⁾ *Отто*, Новг. Дир., 45 слѣд.

скамью на день; 4) сажаніе на заднюю скамью на недѣлю; 5) выговоръ директора; 6) сажаніе на заднюю скамью до выслуги; 7) извѣщеніе родителей о неисправности ученика; 8) вторичное оповѣщеніе родителей; 9) оглашеніе имени виновнаго во всѣхъ классахъ; 10) переводъ ученика въ низшій классъ съ оповѣщеніемъ по всѣмъ классамъ; 11) исключеніе и оглашеніе какъ по всѣмъ классамъ, такъ и на торжественномъ актѣ. О послѣднихъ четырехъ наказаніяхъ требовалось доносить училищному комитету, съ прописаніемъ вины наказаннаго ¹⁾. Наконецъ, употребляемы были и тѣлесныя наказанія различныхъ видовъ, несмотря на неоднократныя запрещенія министра прибрѣгать въ училищахъ къ розгамъ. Мы видимъ, однако, что подъ конецъ описываемаго періода и воспитатели и большинство родителей были въ пользу розогъ ²⁾. Хотя директора стояли на сторонѣ закона, но и между ними обнаруживалось колебаніе, какъ видно изъ слѣдующаго случая: одинъ діаконъ жаловался директору, что учитель наказалъ его сына розгою; директоръ не только не одобрилъ подобной жалобы, но сталъ еще укорять діакона, что онъ, будучи самъ изъ духовнаго званія, „долженъ знать Священное Писаніе, въ которомъ твердится, чтобы не жалѣть жезла надъ дѣтми своими“ ³⁾.

Награды были раздаваемы въ довольно значительномъ количествѣ, рѣже медали, по недостатку денежныхъ на то средствъ, за исключеніемъ случаевъ, когда для этого былъ пожертвованъ капиталъ, напримѣръ, въ 1804 г. при Екатеринославской гимназій въ количествѣ 3.000 руб., съ процентовъ коего, впрочемъ, только въ 1822 г. стали награждать медалями; онѣ имѣли слѣдующую надпись: *Auspiciis Alexandri I, studio et moribus Gynnasium Ecatherinoslaviense* (приписка имени учредителя „*ab amico humanae juventutis Carolo Gerno*“ Харьковскимъ училищнымъ комитетомъ не одобрена). Упомянется также о награжденіи медалями воспитанниковъ въ Крошахъ (Виленскаго учебнаго округа) и въ Харьковѣ.

Болѣе обычнымъ способомъ награжденія было записываніе отличныхъ учениковъ золотыми буквами на доскѣ ⁴⁾. Чаше же всего раздавались похвальные листы, большіе и малые, а также книги; напримѣръ, въ 1815 г. похвальныхъ листовъ роздано было въ С.-Петербургской гимназій 225 ученикамъ изъ 380; въ другой годъ 303 воспитанникамъ дано въ награду 536 книгъ и эстамповъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го марта 1813 года введено сверхъ того *размѣщеніе учащихся въ классахъ по степени ихъ успѣховъ въ наукахъ и поведенію.*

¹⁾ *Андріашевъ*, 399.

²⁾ *Воронцовъ*, 23.

³⁾ *Андріашевъ*, 400.

⁴⁾ *Періодич. соч.*, XL, 154.

„Соревнованіе“, сказано въ циркулярѣ, „къ успѣхамъ въ наукахъ и благопріятію ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ личными поощреніями, которыя въ молодыхъ людяхъ питають честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло весьма полезныя слѣдствія: ибо посредствомъ сего размѣщенія учениковъ прилежаніе самаго посредственнаго изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую цѣль, кося и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть“.

Раздача наградъ происходила во время открытыхъ испытаній, производившихся, по старинному обычаю, для утѣхи публики. „Ходъ преподаванія и весь курсъ не заботилъ такъ дирекцію, какъ выполненіе программы открытаго испытанія. Тутъ надо было пріятнымъ образомъ поразить посѣтителей, которые явились въ гимназію какъ на какое-нибудь театральное представленіе. Педагоги и директоръ старались придумать для такого случая что-нибудь новое и занимательное. Одинъ брался написать оду, другой предлагалъ показать физическіе опыты, третій—употребленіе шара (то-есть, глобуса). Директоръ объяснялъ необходимость произнесенія рѣчей на разныхъ языкахъ и поручалъ учителю приготовить даже краткое привѣтствіе на латинскомъ языкѣ къ публикѣ“ ¹⁾. Приготовленія къ торжеству открытыхъ испытаній обыкновенно отнимали много учебнаго времени: учителя выпускали учениковъ изъ классовъ раньше срока, являлись поздно, а иногда и совсѣмъ пропускали уроки ²⁾. Иногда весь май мѣсяцъ проходилъ въ приготовленіяхъ къ открытому испытанію ³⁾. Рѣчи, на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, татарскомъ, латинскомъ или греческомъ языкѣ ⁴⁾, выучивались наизусть лучшими учениками, которые торжественно выступали на видное мѣсто и обращались къ посѣтителѣмъ, называя ихъ меценатами, любителями музъ, жрецами Аполлона и т. п. Темами для рѣчей большею частію были слѣдующія: „польза образованія и наукъ“, „о превосходствѣ наукъ передъ невежествомъ“, о храмѣ наукъ, о громѣ противъ враговъ отечества „при чемъ непремѣнно упоминалось о дикихъ Неграхъ и Готтентотахъ“ ⁵⁾. Затѣмъ, слѣдовалъ экзаменъ. Любопытно предисловіе Харьковскаго училищнаго комитета, чтобы на экзаменѣ вопросы ученикамъ слѣдовали по порядку, „ибо въ противномъ случаѣ и лучшій ученикъ можетъ смѣшаться; хотя при этомъ ученики будутъ имѣть ту выгоду, что могутъ прочесть то, о чемъ слѣдуетъ ихъ спросить,

¹⁾ Отто, Вол. Дир., 56.

²⁾ Тамъ же, стр. 59.

³⁾ См. Воронцова, 27.

⁴⁾ Журн. Дес. 1822, VI. 208, 214. Пер. Соч., XIX, 215.

⁵⁾ Отто, Вол., 177.

однако выгода эта можетъ быть имъ предоставлена, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые не радѣли объ ученіи въ теченіе цѣлаго года, и, прочитавъ, не въ состояніи будутъ дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ" ¹⁾. Установленное въ 1810 году Новгородскою дирекціею правило, чтобы экзаменовали не учителя, а свидѣющія въ наукахъ постороннія лица, за неимѣніемъ же таковыхъ—учителя другихъ предметовъ, было приимѣяемо и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ современникъ (1805 г.) говорить, что „актъ происходилъ, какъ должно быть, то-есть, какъ это было 20 лѣтъ тому назадъ и будетъ столько же лѣтъ спустя: извѣстные вопросы, наизусть выученные отвѣты". Публичный актъ, на которомъ читались рѣчи и разсужденія на заданнымъ темы, показывались физическіе опыты и т. п., часто оканчивался угощеніемъ публики, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ городахъ, если возможно на училищныя средства, или же насчетъ почетнаго зрителя. Нерѣдко также гости открывали подписку, собирали довольно значительныя суммы ²⁾. Образцы программъ открытыхъ испытаній помѣщены у Отто ³⁾; онъ же сообщаетъ текстъ двухъ привѣтственныхъ рѣчей, которыя мы воспроизводимъ здѣсь для оцѣнки степени познаній преподавателей. „Можно себѣ представить", говорить Отто, „пріятное изумленіе посѣтителей, когда мальчикъ лепеталъ предъ ними такую тираду на языкѣ, который присутствовавшимъ былъ столь же понятенъ, какъ китайскій: *Quid animos nostros magis vehementiusque excitare potest ad diligenter accurateque litteras ediscendas, ac inflammare ad ingenuarum disciplinarum et artium amorem, ad acquirendum quoque bonos et honestos mores impellere, nisi praesentia et aspectus virorum, qui nunquam studia abjiciunt, nunquam non in artibus optimis se ipsos exercent atque alios, imprimisque adolescentes literis deditos, in eisdem semper versari volunt ac desiderant. Idcirco, viri omnium literarum et artium amantissimi, intentis nunc oculis adspicimus tantos sicientiarum amicos carissimos musarumque familiares pernecessarios et tam acerrimo ad accuratissimam in studiis diligentiam ardore accendi videmur, quanto maximam ex adventu et visitatione vestra expectatissima voluptatem percipimus. Sitis solummodo, quaerimus, erga nos benevolentissimi, si vobis, magna prudentia, magno usu atque experientia praeditis viris, non quae debemus, sed qualia ex puerili aetate afferre possumus, munera progressum in studiis nostrorum attulerimus. Другая рѣчь гласитъ: *Reverendissimi Contemplatores! confluentes intueri fruges nostrae illustrationis triumphanda a nobis die, die decreta a Suprema Majestate ab**

¹⁾ *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., 42.

²⁾ См. *Отто*, Новг. Дир., 121; *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., 31.

³⁾ Новг. Дир., 120, и Вол. Дир., 173.

revelationem incitationemque nostrarum docilitatum, ut converteretis vestram benignam annotationem ad nostras occupationes, et, si miremur aliquid, celebraretis Augustissimum Alexandrum effundantem intra nos, velut futuros cives, illa pretiosa bona, illa praestantissima munera quae per totam diuturnam vitam non desinunt, nec relinquunt, nec tenebrantur amoliunturque, sed delectant, recreant et in omni contraria fortuna multum adjuvant nobis ¹⁾. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ занимать публику, а именно о бесѣдахъ. Выходили, напримѣръ, 3, 4 и даже 5 учениковъ и вступали между собой въ споръ о преимуществахъ исторiи, географiи, грамматики, математики, причемъ одинъ изъ нихъ представлялъ собою посредника, или же происходилъ разговоръ между двумя учениками, изъ коихъ одинъ представлялъ лѣниваго, другой — прилежнаго; послѣдній старается направить перваго на путь истины. Прилежный говоритъ: „учителя отличаютъ меня предъ другими и на каждомъ публичномъ экзаменѣ дарятъ то похвальными листами, то книжками, а я, пришедъ домой, не нахожу мѣры въ похвалахъ къ себѣ отъ моихъ родителей. А когда бывають гости у тятеньки, то меня называютъ милымъ мальчикомъ, и я уже часто занимаю ихъ разговорами о какомъ-либо предметѣ. Однажды, даже удалось мнѣ поправить ошибку одного возмужалаго мужчины. Знашь ли, какое я чувствовалъ тогда восхищенiе?“ — Лѣнивый: „а какое?“ — Прилежный: „какъ меня за это похвалили, то я отъ радости заплакалъ и подбѣжалъ предъ образъ Спасителя, упалъ предъ нимъ со слезами и такъ утомленъ былъ благодарностiю къ Нему, что меня взяли оттуда уже соннымъ“. — Лѣнивый: „Признаюсь, ты такъ убѣдительно сказалъ это, что я въ сіе время забылъ свипчатку и змѣекъ“.... Сцена кончается тѣмъ, что лѣнивый проситъ прилежнаго взять его въ свои товарищи ²⁾. Въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ передъ открытымъ испытанiемъ производилось частное, дѣлаемое визитаторами. Въ Сумахъ было даже три экзамена: первый производился учителями (6—7 дней), второй — зрителемъ вмѣстѣ съ учителями (8—10 дней), за тѣмъ уже открытое испытанiе ³⁾.

Этотъ способъ экзаменовать учениковъ строго осуждалъ Магницкій въ запискѣ своей, о которой разсуждало Главное Правленiе училищъ въ 1827 г. (ст. VI). Магницкій говоритъ: „Истинная цѣль экзаменовъ давно упущена изъ виду. Она состояла въ томъ, чтобъ безъ всякаго подлога и пристрастія начально учебныя заведенiя могло само удостовѣриться въ успѣхахъ учащихся. На самомъ дѣлѣ почти повсемѣстно происходить слѣдующее: 1) за довольно долгое

¹⁾ Волг. Дир., 57, 19.

²⁾ *Отто* Вол., 175 слѣд.; *Владиміровъ* II, 100.

³⁾ *Ворожцовъ*, 26.

время начинается приготовленіе къ экзамену, то-есть вмѣсто всегдашняго повторенія и домашнихъ ежемѣсячныхъ удостовѣреній въ успѣхахъ учащихся, спокойнѣе для начальства довести курсъ годоваго ученія къ концу за два мѣсяца до экзаменовъ, отсѣчь ихъ отъ года, употребивъ на скорую и непрочную выучку всего пройденнаго, и такимъ способомъ закрыть всегдашнюю свою небрежность блестящими затверженными отвѣтами, похитивъ у учениковъ изъ 6-ти лѣтъ цѣлый годъ времени, а у казны и родителей—годъ платы. Сверхъ неправоственности сего поступка имѣетъ онъ слѣдующія еще неудобства: а) на экзаменѣ вмѣсто различія ученика лѣниваго отъ прилежнаго, они всѣ смѣшиваются; б) открывается возможность ко всѣмъ пристрастнымъ награжденіямъ, къ прояскамъ и просьбамъ родителей; в) происходитъ, что учитель и публично спрашивая учениковъ въ извѣстномъ ему порядкѣ, выставляетъ кого ему нужно и ставитъ всѣхъ учениковъ въ безопасность отъ посторонняго вопроса, а въ случаѣ его предложенія вмѣсто ученика самъ разрѣшаетъ и, пришедъ для испытанія учениковъ предъ публику, преподаетъ ей самую скучную по ея продолженію и подлогу лекцію. Никто не обмануть симъ обманомъ и всѣ на него собираются для обмана же нѣкоторымъ видомъ довѣренности. Обстоятельство сіе столь извѣстно, что вошло почти въ пословицу и между тѣмъ терпится, какъ бы нѣкое почтенное преданіе. Сія пагубная язва заражаетъ иногда и законоучителей, которые также каждому ученику раздаютъ его экзаменный участокъ изъ вѣроученія¹⁾.

Осмотры училищъ директорами и визитаторами происходили далеко не такъ часто, какъ того требовалъ законъ. По С.-Петербургской дирекціи были они произведены въ столицѣ лишь въ 1815, 1820, 1826 и 1827 гг.; по Архангельской и Олонецкой дирекціямъ—въ 1811 г. (оба осмотра, по случаю открытія губернскихъ гимназій, слѣдовательно, это не были осмотры въ настоящемъ ихъ значеніи). Въ Вологодской дирекціи не было ревизій съ 1809 до 1822 г., въ Новгородской—съ 1805 до 1825 (затѣмъ губернія ревизовалась четыре года сряду). Псковская дирекція была обревизована въ 1810 (по случаю распріи между учителями гимназій), въ 1815 и 1816 гг., затѣмъ въ 1826 и 1827 гг.²⁾ Изъ уѣздныхъ училищъ Новгородскій директоръ обревизовалъ до 1827 г. только три ближайшія³⁾, оправдываясь неимѣніемъ опредѣленной для разѣздовъ сумми. Осмотры училищъ попечителемъ не всегда, быть можетъ, имѣли въ виду самое важное—учебную часть и преподаваніе. Такъ, въ одномъ донесеніи о состояніи Московскаго учебнаго округа Главному Правленію

¹⁾ Вороновъ, I, 227 слѣд.

²⁾ Отт., Новг., 123.

училищъ ¹⁾ отъ 1827 г. попечитель говоритъ, что онъ „сію гимназію (Московскую) поставилъ пятою, единственно потому, что, имѣя противъ прочихъ болѣе средствъ и возможностей къ доведенію гимназіи до желаемого совершенства, въ оной во многомъ упущено, особенно по наружному устройству и порядку. Хотя въ оной обученіе происходитъ вообще успѣшнѣе, нежели въ другихъ, но за то 1) учебныя пособія не въ такомъ количествѣ, какъ бы могли быть; 2) замѣтна небрежность въ одеждѣ гимназистовъ; 3) несоотвѣтственно распредѣленіе классныхъ комнатъ и спаленъ, словомъ, не видно того строгаго надзора за обучающимися, каковой бы слѣдовало имѣть“.

Свѣдѣнія о тогдашнихъ училищныхъ зданіяхъ болѣею частію весьма не утѣшительны: неоднократно, въ теченіе многихъ лѣтъ училищное начальство доносило о безобразіи зданій, представлявшихъ по ветхости своей даже опасность для жизни. Въ 1827 г. Новгородскій губернаторъ пашелъ почти всѣ училищныя дома тѣсными и неудобными ²⁾.

Частныя школы въ теченіе всего описываемаго періода значительно соперничали съ казенными заведеніями, особливо съ уѣздными училищами, и причинили не мало заботъ учебному началству. Лишь немногіе директоры училищ ограничивались требованіемъ статистическихъ данныхъ о числѣ частныхъ школъ, или же довольствовались донесеніями штатныхъ смотрителей, состоявшими изъ обычной фразы: „честь имѣю донести, что въ N городѣ и его уѣздѣ домашнихъ учителей, школъ и пансіоновъ не имѣется“. Напротивъ того, большая ихъ часть строго слѣдила за этимъ дѣломъ, какъ показываетъ, между прочимъ, примѣръ Воронежскаго даректора ³⁾. Онъ предписалъ штатнымъ смотрителямъ принуждать, при посредствѣ полиціи, частныхъ учителей закрыть свои школы и дать письменныя обязательства и на будущее время не заводить таковыхъ безъ дозволенія дирекціи. Но хотя эта мѣра и была приводима въ исполненіе, она не дала однако желаемыхъ результатовъ. Тогда директоръ обратился къ губернатору, прося его содѣйствія; „частныя школы“, писалъ онъ, „суть зло и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть добрымъ, потому что открыты безъ позволенія училищнаго начальства; онѣ вредны для общества и противозаконны, а потому должны быть навсегда уничтожены“. По списку частныхъ народныхъ школъ оказалось 50 съ 480 учащимися. Губернаторъ предписалъ градской и земской полиціи немедленно приступить къ закрытію ихъ (въ другихъ мѣстахъ

¹⁾ Журн. Главн. Правл. уч. 25-го февраля 1828 г.

²⁾ *Отно.*, Новг., 56 слал., 96, 123.

³⁾ См. ст. Васеловскаго въ *Русск. Вѣстн.* 1864, 7, 248—271.

мѣстное губернское начальство не оказывало подобнаго содѣйствія ¹⁾ и въ то же время строжайше требовалъ, чтобы полиція и на будущее время дѣйствовала такимъ же образомъ; въ самомъ непродолжительномъ времени представлена была ею масса подписокъ отъ учителей о прекращеніи ими своихъ учительскихъ занятій. Случалось, что ученики бѣжали изъ уѣздныхъ училищъ въ частныя. Вслѣдствіе сего, Воронежскій директоръ предписалъ всѣмъ штатнымъ смотрителямъ, въ случаѣ надобности, требовать полицейскаго чиновника и закрывать школы, отбирая книги и тетради; но содержатели частныхъ школъ, съ своей стороны, дабы предупредить внезапныя нападенія, варяжали изъ своихъ учениковъ дежурныхъ мальчиковъ, и каждый разъ, когда приближалась полиція, ученики спасались чрезъ потаенную дверь. Подобныя нападенія только увеличивали значеніе частныхъ учителей. Такъ, напримѣръ, одинъ штатный смотритель доносилъ, что „уѣздное училище отъ Агѣева и Путилина совершенно погибаетъ“. Въ 1829 г. Воронежскій директоръ писалъ губернатору, что „несмотря на всѣ мѣры, имъ предпринятыя, частныя школы, не прерывая своего дѣйствія, какъ и прежде, не только въ числѣ не уменьшились, но болѣе еще умножились“. Причиною такого со стороны родителей предпочтенія частныхъ учебныхъ заведеній, требовавшихъ платы, казеннымъ, гдѣ прежде дѣти обучались даромъ, было слѣдующее: для однихъ отдаленность жительства ихъ отъ уѣзднаго или приходскаго училищъ; для другихъ затрудненіе одѣвать дѣтей въ предписанную форменную одежду; для большинства же—то, что дѣти ихъ, оставались почти всегда обѣдать, а иногда, за грязью, и на ночь въ тѣхъ заведеніяхъ, не шатаются по улицамъ и, будучи въ меньшемъ числѣ нежели въ казенномъ училищѣ, состоятъ подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ. Кромѣ того, родители высказывались въ пользу частныхъ школъ какъ въ слѣдствіе распространеннаго между уѣздными учителями порока пьянства, такъ и по тому великому довѣрію, коимъ пользовались духовныя лица (болѣею частью дьячки и пономари), содержавшія озпаченныя школы. къ этому присоединилась еще возможность для родителей безпрепятственно занимать дѣтей, обучавшихся въ частныхъ школахъ домашними работами. Въ Новгородской губерніи частнымъ или такъ называемымъ „партикулярнымъ“ школамъ также отдавалось предпочтеніе: „родители показали, что они дѣтей своихъ не отдаютъ въ Череповецкое уѣздное училище, потому что въ ономъ видятъ весьма медленное и долгоевременное ученіе, по замѣчанію ихъ, оттого, что учитель часто находится въ нетрезвомъ состояніи; а въ такомъ видѣ малолѣтнихъ дѣтей безъ првчины бьютъ и наказываютъ безвинно“ ²⁾.

¹⁾ *Отто, Новгородъ*, 84.

²⁾ *Отто, Новгородъ*, 85.

На ряду съ упадкомъ уѣздныхъ училищъ развивается все болѣе и болѣе учрежденіе, начало коему положено было уже въ прошломъ столѣтіи, а именно *благородные пансіоны*. Первоначальною цѣлю этихъ пансіоновъ было дать дѣтямъ высшаго сословія, требованіямъ коего не удовлетворяли тогдашнія школы, не только воспитаніе, но и пригодное для нихъ образованіе (благородный пансіонъ въ Москвѣ былъ учрежденъ въ 1814 г., въ Казани, С.-Петербургѣ, Орлѣ — въ 1818 г.). Одновременно возникаютъ пансіоны, какъ благотворительныя учрежденія для лицъ несостоятельныхъ (напримѣръ въ Харьковѣ въ 1806 г., во Владимірѣ—1809 г., въ Екатеринославѣ—1818 г.). Такъ, въ Харьковскій благородный пансіонъ могли поступать только дѣти тѣхъ изъ живущихъ въ предѣлахъ учебнаго округа дворянъ, которые не имѣли достаточныхъ доходовъ, чтобы отдавать сыновей своихъ въ частныя школы, о чемъ требовалось удостовѣреніе отъ губернскаго и уѣзднаго предводителей ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ учрежденіе пансіоновъ вызвано было патриотизмомъ, стремившимся осуществить благое намѣреніе Монарха — повсюду распространить образованіе (напримѣръ въ Олонцѣ ²⁾). Истѣе высказана была въ предположеніи Новгородскаго дворянства (1818 г.) исключительная цѣль устройства отдѣльнаго при гимназій благороднаго воспитательнаго заведенія ³⁾: оно должно было находиться подъ управленіемъ особаго комитета, который, въ свою очередь, подчинялся бы губернатору. Попечитель захѣтилъ, что такое заведеніе, предназначенное только для одного сословія, не принесетъ пользы гимназій, открытой для всѣхъ сословій,—и предположеніе дворянства не было одобрено Главнымъ Правленіемъ училищъ (29-го марта 1818 г.). Какъ кажется, и директоръ Новгородской гимназій былъ согласенъ съ мнѣніемъ дворянства, ибо въ одномъ изъ донесеній своихъ попечителю онъ говорилъ: „дѣти, поступающія въ училище, будучи различныхъ свойствъ и состояній, большею частію низкаго, приносятъ въ училище съ собою нѣвыки и склонности, болѣе или менѣе извинительныя, которыя часто соображаются и дѣтямъ съ наилучшими качествами. Таковыя обстоятельства, во многихъ родителяхъ образованнѣйшихъ состояній возбуждая опасеніе дурныхъ для дѣтей примѣровъ, отъ сообщества съ вольноприходящими учениками низкаго состоянія, удерживаютъ ихъ отдавать дѣтей въ общественныя училища. Для устраненія, по возможности, сихъ невыгодъ хотя и учреждено при учебныхъ заведеніяхъ въ Новгородѣ дежурство изъ учителей гимназій, для надзора за учащимися въ междуклассное время, однако мѣра сія какъ для учите-

¹⁾ *Період. Соч.* XVII, 55—61.

²⁾ *Петрова*, I, 35.

³⁾ *Отто*, Новг., 60.

лей обременительна, такъ и цѣли своей, въ желаемой степени, не достигаетъ" ¹⁾).

Обнаружившуюся потребность въ заведеніяхъ такого рода („давайте намъ пансіоны при каждомъ училищѣ, начиная съ уѣздныхъ и кончая университетомъ“, говоритъ Карзининъ въ одномъ изъ писемъ своихъ отъ 1810 г.) ²⁾ нѣкоторые директоры старались удовлетворить учрежденіемъ таковыхъ съ преподаваніемъ въ нихъ наукъ (въ Орлѣ и Саратовѣ въ 1818, въ Пензѣ—1822 г.); но Главное Правленіе училищъ, какъ выше упомянуто, не покровительствовало упомянутымъ заведеніямъ и продолжало держаться выраженнаго имъ взгляда (засѣданіе 30 января 1819 г.), что „пансіоны при гимназіяхъ и университетахъ должны быть разсматриваемы какъ учрежденіе, гдѣ воспитанники только содержатся; преподаваніе же происходитъ только въ самыхъ гимназіяхъ и университетахъ“.

Кромѣ того и другія мѣстныя потребности искали себѣ удовлетворенія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, требуя отъ нихъ выполненія разнородныхъ задачъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что въ 1806 г. въ Вологодской гимназіи открытъ былъ классъ экстраординарной юриспруденціи для старшихъ учениковъ „ко умноженію познаній, служащихъ къ образованію юношества“ ³⁾, въ Пензѣ — классъ русскаго законодѣнія (въ 1808 г., а въ 1823 г., кромѣ того, классъ архитектуры), устроенный для привлеченія большаго числа воспитанниковъ, въ виду указа 1809 г.; при семъ учителя должны были за преподаваніе этого предмета получать вознагражденіе изъ добровольныхъ взносовъ учениковъ; наконецъ, предполагалось даже прибавить восьмой классъ для курса правъ при С.-Петербургской губернской гимназіи (въ 1817 г.). При Смоленской гимназіи въ 1804 г. учрежденъ былъ классъ коммерческихъ наукъ на пожертвованныя средства, оказавшіяся недостаточными для открытія отдѣльнаго коммерческаго училища. Въ классѣ этомъ преподавались: коммерческая географія, гражданская архитектура, купеческія выкладки и бухгалтерія на рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сочиненіе купеческихъ писемъ и коммерческія свѣдѣнія съ раздѣленіемъ дѣлъ на банкирскія, собственныя и комиссіонерныя, также англійскій языкъ. При Херсонской губернской гимназіи въ 1814 г. устроенъ былъ классъ для преподаванія „мореходныхъ наукъ“ „столь нужный въ тамошнемъ краѣ“; при Астраханской гимназіи (въ 1811 г.) классъ персидскаго языка въ виду большой надобности въ персидскихъ толмачахъ; въ Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ (въ 1818 г.)

¹⁾ *Отто*, Новг., 47.

²⁾ *Р. Стар.* 1875, 4, 756.

³⁾ *Отто*, Вол., 27.

классъ татарскаго языка. Учрежденный въ 1791 г. при Иркутскомъ главномъ народномъ училищѣ классъ японскаго языка влчилъ свое существованіе до 1816 г., когда былъ упраздненъ „за излишествомъ“. Въ 1812 г. повелѣно было часть процентовъ, съ пожертвованнаго въ пользу Екатеринославской гимназіи капитала обратить на жалованье учителямъ артиллеріи, фортификаціи и военной экзерциціи (предметы эти преподавались въ гимназіи еще до 1804 г.). При Тульской гимназіи директоръ учредилъ на свой счетъ классъ церковнаго пѣнія, тогда какъ „классъ вокальной музыки“ при Харьковской гимназіи еще въ 1806 г. былъ уничтоженъ. Наконецъ, при Волынской гимназіи въ 1807 г., въ видѣ опыта, была учреждена школа землемѣровъ, въ которой должны были преподаваться геометрія и тригонометрія, алгебра, землемѣріе на практикѣ, рисованіе, русскій и польскій языки; школа эта была вызвана недостаткомъ въ землемѣрахъ, оказавшимся наиболѣе ощутительнымъ при размежеваніи земель въ Брнму, Лифляндіи и губерніяхъ, управлявшихся Литовскимъ Статутомъ. Сколько извѣстно, для поступленія въ эту школу, впервые стали требовать свидѣтельство о прививкѣ оспы.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ мы встрѣчаемъ даже „курсы прививанія предохранительной оспы“, напримѣръ, 1811 г. въ Вологдѣ, но воспитанники относились далеко не сочувственно; изъ донесенія директора отъ 1819 г. видно, что, не смотря на многократные съ его стороны вызовы учениковъ IV класса, никто изъ нихъ не изъявилъ желанія учиться искусству прививанія оспы ¹⁾.

Въ двадцатыхъ же годахъ на гимназіи возложена была еще одна обязанность. Вслѣдствіе—какъ гласило отношеніе дежурнаго генерала главнаго штаба къ министру народнаго просвѣщенія—крайняго недостатка по „военно-сиротскимъ отдѣленіямъ“ въ учителяхъ, преимущественно чистописанія, грамматики, ариметики, геометріи, географіи, рисованія и черченія“, постановлено было (17 ноября 1820 г.), чтобы въ каждой губернской гимназіи обучалось по 12, а въ Московской 24 кантонистовъ изъ мѣстныхъ военно-сиротскихъ отдѣленій, для приготовленія ихъ къ занятію впоследствии учительскихъ должностей по вышеозначеннымъ заведеніямъ. Въ Новгородѣ эти кантонисты, по недостаточнымъ ихъ познаніямъ, были сперва помѣщены во II классъ уѣзднаго училища. Однако и поступившіе изъ нихъ въ гимназію оказывали слабые успѣхи, потому, между прочимъ, что военное начальство плохо снабжало ихъ учебными пособиями: учителя постоянно жаловались, что у кантонистовъ нѣтъ ни перьевъ, ни карандашей, ни бумаги, ни книгъ. Слабые успѣхи кантонистовъ дирек-

¹⁾ Ошмо, Вол., 49, 122.

торъ гимназій объяснилъ еще я тѣмъ, что они каждый годъ, съ мая по октябрь, уходятъ въ лагерь, гдѣ, занимаясь исключительно военными эзерциціями, совершенно забываютъ пройденный ими курсъ. Въ 1828 г. пріемъ кантонистовъ въ гимназіи и уѣздныя училища прекратился, исключая тѣхъ заведеній, гдѣ обучали восточнымъ языкамъ ¹⁾. Въ этихъ послѣднихъ число обучающихся кантонистовъ доходило иногда до значительной цифры (напримѣръ, въ 1828 г. въ Казанской гимназіи ихъ было 51); окончательно же прекратилось посѣщеніе кантонистами гимназій въ 1857 г., когда упразднены были самыя баталіоны кантонистовъ.

Число гимназій и уѣздныхъ училищъ, а равно и учениковъ, въ 1824 г. видно изъ слѣдующей таблицы ²⁾:

Учебные округа.	Гимназій.	Учащихся въ нихъ.	Уѣздн. учил.	Учащихся въ нихъ.
С.-Петербургскій.	10	791	62	3300
Московскій	11	787	76	5257
Віленскій .	5	2075	47	8807
Харьковскій	12	1153	86	8020
Казанскій .	10	685	66	4095

Слѣдовательно, всѣхъ гимназій было 48 (включая 2 главные вародныя училища) съ 5491 учениками, а уѣздныхъ училищъ 337 съ 29,479 учен. Къ этому слѣдуетъ прибавить учебныя заведенія, занимавшія средину между университетами и гимназіями, а именно:

Въ С.-Петербургскомъ округѣ	Высшее училище	съ 395 учен.
„ Московскомъ	„ Ярославскій лицей	„ 82 „
„ Віленскомъ	„ Лицей Кременецкій	„ 617 „
„ Харьковскомъ	„ Нѣжинское высш. уч.	„ 74 „
„ „	„ Коммер. уч. въ Таганр.	„ 30 „
„ „	„ Одесскій лицей	„ 110 „

Итого 6 высшихъ училищъ съ 1808 учен.

Прибыль учениковъ гимназій за 16 лѣтъ, включая 12 главныхъ вародныхъ школъ, въ 1808 г. простиралась до 842; вмѣстѣ съ названными высшими училищами по всѣмъ округамъ число это увеличилось на 1187. Если же за два года исключить Віленскій учебный округъ, то получатся для гимназій цифры 3844 и 3416, такъ что прибыль учениковъ составляетъ только 72, тогда какъ по Віленскому округу она достигаетъ 770.—Среднимъ числомъ гимназіи Віленскаго округа были наиболѣе многолюдны: среднее число воспитанниковъ

¹⁾ *Отто*, Новг., 53—56.

²⁾ *Владиміровъ*, II, 70—76.

³⁾ Записки Деп. Н. Пр. 1825, I, 331—387.

этого округа простиралось до 415; затѣмъ слѣдовали: Харьковскій округъ съ 96,6; С.-Петербургскій съ 79,1; Московскій съ 71,5; Казанскій съ 68,5 учен. Исключивъ университетскіе города, мы получимъ слѣдующія среднія числа: для Харьковскаго округа только 74, для С.-Петербургскаго 49,1, Казанскаго 44. Изъ составленной Вороновымъ ¹⁾ таблицы по С.-Петербургскому округу съ 1802 по 1829 г. видно, что, за исключеніемъ столичной гимназіи, число учениковъ вообще въ этомъ округѣ было незначительно и даже нѣсколько уменьшилось. Напротивъ, число уѣздныхъ училищъ и обучавшихся въ нихъ болѣе чѣмъ удвоилось.

Періодъ второй. Царствованіе Императора Николая I (1825 — 1855).
Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 г.

„Послѣднее время жизни императора Александра было омрачено горестными для его сердца открытіями... Горсть молодыхъ безумцевъ, незнакомыхъ ни съ потребностями Имперіи, ни съ духомъ и истинными нуждами народа, дерзостно мечтала о преобразованіи государственнаго устройства; есть поводъ думать, что часть этихъ намѣреній сдѣлалась извѣстною Александру еще въ 1818 году... Онъ, уже во время своего пребыванія въ Таганрогѣ, велѣлъ захватить тѣхъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, о которыхъ тогда имѣли свѣдѣніе“ ²⁾. 14 декабря 1825 г. Императоръ Николай Павловичъ, подавивъ мятежъ при вступленіи на прародительскій престолъ, произнесъ знаменательныя слова. „А что до меня, если буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ“. Въ убѣжденіи, что средства къ истребленію постигшей Россію отъ возмущенія „заразы, извнѣ къ намъ нанесенной“ (слова манифеста 19 декабря 1825), останутся неэффективными, если не поразятъ самый корень зла, правительство сознало настоятельную необходимость преобразовать народное воспитаніе на началахъ народности.

Для этой цѣли императоръ назначилъ комитетъ *устройства учебныхъ заведеній*, высочайшимъ рескриптомъ на имя министра народного просвѣщенія отъ 14 мая 1826 г., слѣдующаго содержанія. „Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ русскіе юношество образуется на службу государству, и съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и не-

¹⁾ I, 162 слѣд.

²⁾ Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го. Составлено, по Высочайшему повелѣнію, Статсъ-Секр. Баронъ Корень. 3 изд. С.-Пetersb. 1857. Стр. 100 и 138.

обходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Предметъ сей столь быстрое можеть имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Онѣй лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣеть право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не поощривъ для нихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ. Съ симъ намѣреніемъ назначаю подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ: изъ генералъ-лейтенанта графа Ливена, тайныхъ совѣтниковъ: Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генералъ-лейтенанта графа Сиверса, дѣйств. ст. сов. Шторха, испр. долж. попечителя Харьковскаго университета ст. сов. Перовскаго и флигель-адъютантовъ Моихъ, полковниковъ Перовскаго и графа Строганова, я предписываю ему въ обязанность: 1) сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ; 2) рассмотреть и сличить курсы учений, въ нихъ преподаваемые, приведа для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оныя преподаются; 3) за симъ уразнеть совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерптскаго и Виленскаго; 4) опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы учений, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впродъ быть преподаваемы; 5) при семъ случаѣ, рѣшивъ которые изъ существующихъ хороши, вѣсть съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того, по вашему одобренію, надлежащихъ профессоровъ и академиковъ, съ утвержденія моего, дабы уже, за совершеніемъ сего, воспретить всякія произвольныя преподаванія учений, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ.—По мѣрѣ успѣховъ занятій и трудовъ сего комитета, приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить въ моему усмотрѣнію. Поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность не медля приступить и исполнить во всей точности симъ на васъ возлагаемое порученіе, и пріемлю ваше ревностное усердіе къ пользамъ государства залогомъ скораго и полнаго въ немъ успѣха".

Во исполненіи изложеннаго въ 5 п. рескрипта требованія, министръ образованія „комитетъ для рассмотрѣнія учебныхъ пособій"; 29 іюня государь утверждалъ выборъ приглашенныхъ въ этотъ комитетъ членовъ (см. ниже).

То же глубокое убѣжденіе въ необходимости преобразованія выражено было въ манифестѣ 13 іюля 1826, въ коемъ русскому народу былъ возвыщенъ приговоръ надъ декабристами. „Горестныя

происшествія“, сказано въ манифестѣ, „смутившіи покой Россіи, миновались, и, какъ мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благо. Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полу-познаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ. Дворянство, ограда престола и чести народной, да станетъ и на семь поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенствованію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія, мы примемъ съ признательностію и удовольствіемъ... Не отъ дерзновенныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свынне усовершенствуются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ разширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отвергнуты, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ; ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степеніи счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной“. Въ манифестѣ 22 августа 1826 г., о совершеніи священнаго коронованія, государь высказываетъ то же самое желаніе: „паче же всего да будетъ страхъ Божій и твердое отечественное воспитаніе юношества основою всѣхъ надеждъ къ лучшему, первую потребностію всѣхъ состояній“.

Но заявивъ столь опредѣленнымъ образомъ свой принципъ, Государь не имѣлъ намѣренія отказаться отъ дѣятельности людей, которые въ предшествовавшее царствованіе трудились на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Въ то время какъ Шишкову хотѣлось доказать тождество декабристовъ съ членами библейскихъ обществъ, Государь далъ Голицыну, бывшему въ глазахъ враждебной партіи олицетвореніемъ всѣхъ злостныхъ плановъ, довѣренное порученіе разобрать останшіяся отъ покойнаго императора бумаги и назначилъ его членомъ коммисіи о злоумышленныхъ обществахъ; архіепископъ Филаретъ, тоже въ высшей степени подозрѣваемый Шишковскою партією, въ томъ же году „за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе“ былъ сдѣланъ митрополитомъ московскимъ; графъ Ливенъ, участіе коего въ

библейскомъ обществѣ проявлялось очень замѣтно, былъ отличенъ не только назначеніемъ его въ члены комитета устройства учебныхъ заведеній, но и возведеніемъ въ княжеское достоинство. До какой степени измѣнились обстоятельства, лучше всего показываетъ мнѣніе, выраженное Уваровымъ въ Главномъ Правленіи училищъ, по поводу преподаванія философскихъ наукъ: „Дѣло о преподаваніи философіи, возникшее по запискѣ Магницкаго, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя по измѣнившимся обстоятельствамъ не требуютъ разрѣшенія: духъ и цѣль этой записки, равно и средства, сочинителемъ употребленныя, нынѣ столь обнаружены, что не представляютъ болѣе никакой опасности, никакого вреда ни для высшихъ учебныхъ заведеній, ни для лицъ, до коихъ могли коснуться заключенія сочинителя сказанной записки“ (въ засѣданіи 10 ноября 1826 г.).

Государь поручилъ генералу Желтухину проиявести ревизію Казанскаго университета; она началась 8 февраля 1826 г. и кончилась всеподданнѣйшимъ докладомъ министра отъ 1 мая того же года, въ которомъ, между прочимъ, было указано на предосудительное мѣсто въ инструкціи Магницкаго директору Казанскаго университета, что „священная власть монарховъ въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны, исходить отъ Бога“. Магницкій былъ отставленъ отъ должности и надѣнимъ произведено слѣдствіе. Когда же послѣ того онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для устройства своей судьбы, то Государь, узнавъ объ этомъ, послалъ къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу Голенщцеву-Кутузову слѣдующія двѣ записки: „Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда пріѣхалъ; я считаю *весьма нужнымъ* велѣть за нимъ близко присматривать; за нимъ должно что нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго“; и: „Прошу васъ, любезный Павелъ Васильевичъ, приказать Магницкому явиться въ генералу Бенкендорфу; пусть ему *вретъ*, что хочетъ, а мнѣ самому нѣтъ времени съ нимъ говорить... Если бъ сегодня онъ не успѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить подъ надзоромъ.“¹⁾ 17 іюня поступило до-

¹⁾ *Русская Стар.* 1874, XI, 274. По разказу Панаева, принимавшаго дѣтельное участіе въ паденіи Магницкаго, это паденіе послѣдовало по поводу доноса противъ Дерптскаго университета («и тамъ господствуютъ вредныя идеи»), въ неосновательности котораго Шишковъ убѣдился при личной ревизіи, произведенной имъ вмѣстѣ съ попечителемъ Лявеномъ въ 1825 г. Эфимъ Панаевъ, служившій тогда въ мин. нар. пр., и воспользовался. Въ то время уже шла молва, что конечною причиною паденія Магницкаго была поданная имъ Государю записка, въ которой онъ жаловался на опредѣленіе членами царской оакидіи проессорами лицъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ (напримѣръ, Аргснскена). По всей вѣроятности, развилась записка Магницкаго, напечатанная нынѣ въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ

несеніе, что Магницкій вернулся въ Казань. Даже Стурдза, выставившій Магницкаго въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, не могъ, однако, смыть съ него пятна, что онъ участвовалъ въ козняхъ противъ своего благодѣтеля Голицына ¹⁾. Единственною полезною мыслию Магницкаго, которая не была осуществлена не по его винѣ, мы можемъ назвать подробный проектъ учрежденія заведенія для приготовленія народныхъ учителей, представленный имъ въ 1820 г. съ цѣлю улучшенія и распространенія народныхъ школъ.

Руничъ, по указу 25 іюня 1826 г., былъ также отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду за непростительные поступки по управленію учебнымъ округомъ, особенно по строительной части. Опъ былъ, очевидно, по натурѣ человекъ, гораздо ниже стоявшій Магницкаго. Ни его оправдательная записка къ проф. Арсеньеву (у Пекарскаго, стр. 61—69), ни изданное имъ въ 1837 г. сочиненіе религіознаго содержанія (*Histoire chronologique du nouveau testament etc.*), не могутъ смягчить приговоръ о немъ. — Оба они, Магницкій и Руничъ, были гонителями не вслѣдствіе убѣжденій, а изъ эгоистическихъ и честолюбивыхъ расчетовъ.

Какъ живо занималъ государя вопросъ о народномъ воспитаніи видно изъ того, что онъ поручилъ также и Пушкину изложить о немъ свое мнѣніе. Вызванный въ Москву, гдѣ находился дворъ, изъ своего помѣстья, знаменитый поэтъ былъ припятъ императоромъ, 8 сентября 1826 г., весьма милостиво и расположилъ его къ себѣ еще болѣе откровеннымъ тономъ своей рѣчи. 30 сентября ему поручено изложить на письмѣ все сказанное на словахъ государю, и 15 ноября 1826 г. Пушкинъ представилъ записку о народномъ воспитаніи ²⁾. Вотъ что, между прочимъ, говорилось въ ней „послѣднія происшествія обнаружали много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и правды вовлекъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія.... Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностію или шалостями. Литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонилось отъ первоначальныхъ начертаній: 10 лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимую вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своею правною цензурою) превратившуюся въ рукописныя пасквили на правительство и въ возмутительныя писни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы

архива I Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (С.-Пет. 1876 г., II, стр. 374), изъ которой видно, что Магницкій указывалъ на Шторка.

¹⁾ Русск. Арх. 1868, 926—938; ср. прим. стр. 932.

²⁾ Она напечатана въ Деятінадцатомъ вѣкѣ 1872 г., 209—215.

божѣ или менѣ кровавые и безумные... Явно, что пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи должно приписать сіе. вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ. Должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе... Не одно вліяніе чужеземнаго идеологізма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла". Затѣмъ, указывая на высочайшій манифестъ 13 іюля 1826 г., Пупкинъ продолжаетъ: „одно просвѣщеніе въ состояніи удержатъ новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія. Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ копчась курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить, какъ можно ранѣе, въ службу, ибо ему необходимо въ 30 лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новизна имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится смѣлымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который хочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе. Конечно, уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды, но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные... Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины дѣлю и достояніемъ просвѣщенія. Должно увлечь все юношество въ общественныя занятія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удерживать, дать ему время перекинуть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понатій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многими лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться, *во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное.* Надлежитъ уничтожить экзамены (по указу 1809 г.). И такъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена... Что касается

до воспитанія заграничнаго, то запрещать его пѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ Геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго. Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военного образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Кадетскіе корпуса требуютъ большаго присмотра. Для сего нужна полиція (строгія наказанія за проступки, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ, наказывать юпошу или изрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо). Семинаріи находятся въ совершенномъ упадкѣ... Въ гимназіяхъ, лицейхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ *прдѣлти по крайней мѣрѣ 3 годами кругъ обыкновенный ученія*, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ. Предметы ученія, въ первые года, не требуютъ значительной перемѣны; кажется однако же, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-ти лѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? *Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тажъ, идѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?*—Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограниченность идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя... Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показывать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря; но представить Врута защитникомъ и истителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмущи-

телемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны... Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству“.

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ вѣрно угадалъ намѣренія новаго правительства относительно нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ, напримѣръ, относительно чиновъ, частнаго воспитанія, расширенія гимназическаго курса, но нравственной основѣ образованія онъ не придавъ подобающаго значенія. „Изъявляя Пушкину признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, правительство поставило ему на видъ, что правило, принятое имъ, будто просвѣщеніе и гении служатъ исключительно основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества, и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно прадпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному“¹⁾. Нельзя отрицать, что замѣчанія эти были весьма мѣткі: всѣми признано, что одно знаніе безъ нравственнаго образованія не приноситъ пользы.

Между тѣмъ занятія комитета 14-го мая 1826 г.²⁾ прервавшіяся на нѣкоторое время, такъ какъ нѣкоторымъ изъ членовъ пришлось уѣхать въ Москву на коронацію, подвинулись въ началѣ 1827 г. на столько, что съ прекращеніемъ еженедѣльныхъ собраній правителю дѣлъ комитета, кн. П. А. Ширинскому-Шихматову было поручено заняться редакціею проекта. 28-го марта онъ препроводилъ выработанный имъ проектъ, для просмотра статей, касавшихся хозяйственной и канцелярской части, правителю дѣлъ Главнаго Правленія училищъ Языкову, который возвратилъ проектъ, съ своими замѣчаніями, 10-го апрѣля; въ концѣ того же мѣсяца проектъ былъ отправленъ къ Шторху съ просьбою предварительно 'разсмотрѣть его и сообщить свои замѣчанія до представленія его собранію. Въ XVIII засѣданіи (19-го мая) комитету было сообщено, что проектъ въ главныхъ статьяхъ изготовленъ. Затѣмъ была назначена коммисія, для разсмотрѣнія его изъ гр. Сиверса, А. Шторха и гр. Строгопова (вмѣсто перваго изъ нихъ, похищеннаго смертью, былъ назначенъ контръ-адмиралъ И. О. Крузенштернъ (XIX и XX зас.), а впоследствии къ нимъ присоединились товарищъ министра нар. просв. Д. Н. Блудовъ и С. С. Уваровъ). Уже въ ноябрѣ означенная коммисія, вслѣдствіе замѣчанія Государя: „я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе“ (XXVI зас.), представила свои соображенія (XXIX), и затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ

¹⁾ Восп. Панаева.

²⁾ Все послѣдующее изложено по журналамъ комитета устройства учебныхъ заведеній въ 5 томахъ (in-fol.), изъ дѣлъ Деп. н. пр. № 87812, карт. 2829.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 годъ	СТРАМ. 185

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

1. 14-го февраля 1877 года. О золотой медали въ память двухкратнаго посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ юбилея Академіи Наукъ въ 1826 и 1876 г. —
2. 29-го апреля 1877 года. О продленіи порядка выдачи Ея Императорскому Высочеству дозволенныхъ свидѣтельствъ на званіе мецената. —
3. 2-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при С.-Петербургскомъ университетѣ. 4
4. 2-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Харьковской Маріинской женской гимназіи —
5. 2-го мая 1877 года. Объ опредѣленіи класса и разряда должностей вице-президента и непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ
6. 22-го апреля 1877 года. Объ устройствѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія комисіи по международному об-

мѣну изданій по части наукъ и художествъ и о расходѣ по выполненію сею комиссіею возлагаемыхъ на нее обязанностей.	5
7. 6-го мая 1877 года. Объ учрежденіи Общества любителей древней письменности.	—
8. 26-го апрѣля 1877 года. Объ учрежденіи въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, реальнаго училища.	6
9. 10-го мая 1877 года. О преобразованіи 5-й С.-Петербург- ской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную.	253
10. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Тверскомъ реальномъ училищѣ.	254
11. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Ка- занскомъ реальномъ училищѣ.	—
12. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской 2-й гимназіи.	—
13. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при ме- дицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.	—
14. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при ме- дицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.	255
15. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Тстюшскомъ уѣздномъ училищѣ.	—
16. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Сим- феропольской женской гимназіи.	256
17. 16-го мая 1877 года. Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ денежныхъ премій Ю. Ѳ. Самарина.	—
18. 21-го іюня 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Де- мидовскомъ юридическомъ лицѣ.	257
19. 24-го іюня 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Александровскомъ ремесленномъ училищѣ.	—
20. 24-го іюня 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Рязанской гимназіи.	258

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

2-го мая 1877 года (№ 4)	7

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 4-го мая 1877 года. Правила для стипендіи дѣйстви- тельнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.	8

2. 7-ю мая 1877 года. Правила о стипендіи имени студента Александра Евреина при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ .

3. 19-ю мая 1877 года. Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Василия Петровича Лавина при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета

10

4. 18-ю мая 1877 года. Уставъ общества любителей древней письменности .

11

5. 19-ю мая 1877 года. Правила о стипендіяхъ имени Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ

17

6. 19-ю мая 1877 года. Положеніе о преміи Юрія Оседоровича Самарина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

18

7. 19-ю мая 1877 года. Программа для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Юрія Оседоровича Самарина

20

8. 20-ю мая 1877 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о требованіи отъ лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика и помощника, знанія только одного латинскаго языка

23

9. 8-ю июня 1877 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ введенія пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія

25

10. 8-ю июня 1877 года. Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія

36

11. 7-ю апрѣля 1877 года. Положеніе о стипендіяхъ имени Высокопреосвященнѣйшаго Филофея, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при Тверскихъ: губернской гимназіи, реальномъ училищѣ и Маріинской женской гимназіи

258

12. 18-ю мая 1877 года. Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана во 2-й Кіевской гимназіи.

259

13. 18-ю мая 1877 года. Положеніе о стипендіи бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы Владимира Ивановича Якубовича .

—

14. 28-ю мая 1877 года. Положеніе о стипендіи дѣйстви- тельнаго статскаго совѣтника Батурина.

261

15. 28-го мая 1877 года. Положеніе о стипендіи Рижскаго купца Ермолая Савича Попова, при Рижской Александровской гимназіи 262

16. 1-ю іюля 1877 года. Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Чарыкова при Вятской губернской гимназіи. —

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го апрѣля 1877 года. (№ 4).	173
16-го мая 1877 года (№ 5).	177
30-го апрѣля 1877 года (№ 5).	264
21-го мая 1877 года (№ 6).	267
10-го іюня 1877 года (№ 8)	275

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМПЕТКА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Учебное руководство по предмету священнаго писанія для I и II классовъ духовныхъ семинарій“ 178

О книгѣ: „Учебникъ минералогіи“. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Сост. К. Ѳ. *Ярошевскій*. —

Объ изданіи: „Природа, популярный естественно-историческій сборникъ“ —

О книгѣ: „Систематическій курсъ ботаники“. Составленный *И. Расовскимъ*. 179

О книгѣ: „Краткій учебникъ географіи“ Сост. *И. Янчинъ* —

О книгѣ: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ“. Сост. *А. Маминъ* и *К. Бурсинъ*

О книгѣ: „Латинская грамматика“, д-ра *Фердинанда Шульца*. Обработ. *Юріемъ Ходобасемъ*.

О книгѣ: „Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности“. Сост. *А. Галаховъ* —

О книгѣ: „Книга упражненій въ Латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца“. Сост. *Ю. Ходобасемъ* и *П. Виноградовымъ* 277

О книгахъ: „Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей“: 1) „Письма Плинія“, въ изложеніи *А. Черча* и *У. Бродерипа*. 2) „Аристофанъ“ и 3) „Лукіанъ“, въ изложеніи *Джюса Коллинса*. 4) „Тацитъ“, въ изложеніи *В. В. Донни*. Перев. *С. К. Брюловой* 278

О книгѣ: „Katechizyn rzymsko-katolicki ułożony przez Księdza Piotra Stojakowskiego“. —

О книгѣ: „Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій Людвигъ Эккардта“ Сост. *И. Максимовъ* и *В. Островскій* —

О книгѣ: „Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями“. Сост. *А. Семеновъ* —

О книгѣ: „Краткая латинская синонимика“, излож. *К. Л. Бѣлицкій* —

О книгѣ: „Превращенія Публия Овидіа Назона“. Перев. *Θ. Маттѣева* 279

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Публичные педагогическія лекціи о преподаваніи въ школахъ для солдатъ“. 2) „Солдатская школа“. Сост. *Платонъ Заринскій* 180

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Разказъ изъ естественной исторіи обезьяны.“

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Неутомимый труженикъ. Жизнь шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда“. Пер. *Е. Сысоевой*. 279

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Обученіе письму-чтенію. Способъ соединеннаго письма-чтенія. Азбука съ прописями и картинками въ текстѣ“. Сост. *И. П. Рождественскій*

О брошюрахъ подъ заглавіемъ: 1) „Робинзонъ“ 2) „Христофоръ Колумбъ“. 3) „Капитанъ Головинъ въ плѣну у Японцевъ“. 4) „Дунышка и 40 разбойниковъ“. 5) „Матвѣй“. 6. „Неправедный судъ“. 7) „Разказы о Ермакѣ“ —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“. Сост. *В. Водохозный*

Официальныя извѣщенія 180 и 279

Вспомогательныя адреса университетовъ 181 и 280

Объявленіе отъ департамента народнаго просвѣщенія. 183

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	СТРАН.
Равенна и ея древности. <i>О. С.</i>	1
Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне. <i>І. Первоульфи</i>	37
По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирко- вичемъ въ Крыму. <i>А. Гаркави.</i>	98
Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іосафъ. <i>Александра Ве- селовскаго</i>	122
О древней культурѣ Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка.	155
О запискѣ Готскаго Топарха. <i>Пл. Буричкова</i>	199
Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. <i>Ю. Ам- немкова</i>	253
Новый взглядъ на слово о полку Игоревѣ. <i>Александра Ве- селовскаго</i>	267

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе <i>П. Стреммера.</i> <i>Н. Бодуэнъ-де-Куртиса</i>	307
Рѣчь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ. Объяснилъ <i>Алустъ Гюфманъ. И. Помяловскаго</i>	313
Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1873—1875 года	322

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература	1
Стереометрическая таблица Беллерже	25
Наша педагогическая литература.	39

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за-
веденій: а) университеты, б) среднія учебныя заведенія, в) низ-
шія училища.

1 и 60

Вопросъ о преподаваніи статистики на Пештскомъ статисти- ческомъ конгрессѣ 1876 года. <i>С. Матюева</i> .	23
Объ испытаніихъ зрѣлости въ 1876 году	31

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Употребленіе паратаксиста въ Теренціевыхъ комедіяхъ. <i>К. Тресса</i> .	1 и 57
Архитъ Тарентскій, его жизнь и сочиненія. <i>М. Смоленскаго</i> .	36
Замѣтки къ рецензій „Полный русско-латинскій словарь“ г. Орлова. <i>Р. Фохта</i>	73
Рѣчь Цицерона о назначеніи Клея полководцемъ. Объясн. <i>Алустъ Гофманъ. Э. Верти</i>	81

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжномъ складѣ Попова (С.-Петербургъ, Поварской пер., д. № 2) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ находятся
въ продажѣ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЛОВАРИ

для среднихъ учебныхъ заведеній,
составленные по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія

Н. МАКАРОВЫМЪ.

Части: Французско - русская, Нѣмецко-русская, Русско - Французская и
Русско-нѣмецкая.

Одобрены Учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія Собственной Его
Величества Канцеляріи и Ученымъ Комитетомъ Министерства На-
роднаго Просвѣщенія.

Цѣна каждой части 2 р.

ПОЛНЫЕ СЛОВАРИ,

составленные имъ же.

Нѣмецко - русскій, Французско - русскій и Русско - французскій.

Одобрены: Императорскою Академіею Наукъ, Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равно другими Учебными Комитетами и приняты въ учебныя заведенія.

Цѣна каждаго словаря 5 р.

Советъ одного священника—сбавить цѣны на мои сочиненія, съ цѣлью способствовать ихъ распространенію и сдѣлать ихъ общедоступнѣе,—побуждаетъ меня на это рѣшиться весьма охотно.

Для *всѣхъ священно и церковно-служителей*, и также для *всѣхъ учителей и учительницъ народныхъ и сельскихъ училищъ*, и также для *всѣхъ учителей и учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи*, исключительно и непосредственно *обращающихся ко мнѣ* (С.-Петербургъ, Надеждинская 39. Кн. В. П. Мещерскій), — я готовъ посылать мои сочиненія, на свой счетъ, по слѣдующимъ значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

1) **ТАЙНЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕТЕРБУРГА.** 1-й томъ „*Нигилисты*“ (въ продажѣ 2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 2-й томъ „*Деньги*“ (2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 3-й томъ „*Въ царствѣ Венеры*“ (тоже)—1 р. 20 к.

2) **ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ.** Большой романъ, въ четырехъ книгахъ, изъ Петербургскаго большаго свѣта, Губернскаго міра и изъ быта духовенства, съ указаніемъ опасностей отъ нынѣшнихъ пропагандистовъ (въ продажѣ 5 р. съ перес.)—2 р. 50 к.

3) **ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.** Рядъ невообразимыхъ, но къ сожалѣнію исторически вѣрныхъ эпизодовъ (въ продажѣ 1 р. 70 к. съ перес.)—1 р.

4) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 1-й томъ.

5) **РЪЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 2-й томъ (въ продажѣ по 2 р. 20 к. томъ)—1 р. 20 к.

6) **ПРАВДА О СЕРБІИ** (въ продажѣ 2 р. 30 к.)—1 р. 20 к.

Независимо отъ этого, тѣ священники или учителя, которые желали бы у себя устроить маленькіе склады нѣсколькихъ экземпляровъ моихъ книгъ, съ тѣмъ чтобы ихъ распродавать въ теченіе года, съ обязательствомъ не разомъ платить, а по истеченіи года, благоволятъ прислать въ точности *свой адресъ, обозначеніе заглавій книгъ, количества экземпляровъ, срока уплаты и деньги за одинъ экземпляръ выписываемого сочиненія.*

Князь Владиміръ Мещерскій.

1-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ VIII-а, АВГУСТОВСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Сельскій священникъ во второй половинѣ XVII-го вѣка. В. М. Сомовскаго.—II. Указы Петра III-го и Екатерины II объ пѣвчихъ графини Елисаветы Романовны Воронцовой—1762 г., сообщ. Г. М. Рѣшискій.—III. Замѣтка о О. Е. Секретаревѣ. Д. Д. Рибнина.—IV. Записки П. А. Каратыгина 1794—1816 гг.—V. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, главы XI—XIII, 1806—1816 гг. Е. П. Карновича.—VI. Штурмъ, блокада и взятіе Карса въ 1855 году М. М. Ореуса.—VII. Князь А. С. Меншиковъ 1855—1869 гг., главы XXIII—XXVI А. А. Панаева.—VIII. Замѣтки, поправки, опечатки.—IX. Перечень русскихъ истор. книгъ. Приложенія: I. Портретъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, гравированъ на деревѣ Академикомъ Л. А. Стрѣловымъ. II. Алфавитный указатель литыхъ ямелъ въ XIX-мъ томѣ «Русской Старины».

12 книгъ «Русской Старины» 1877 г. съ портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

 Гг. многогородные подписчики высылають свои требованія въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій пр., магазинъ **Мамонтова**, д. № 46,—въ Москвѣ, въ книжные магазины: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Употребленіе паратаксиста въ Теренціевыхъ
комедіяхъ. (Продолженіе). К. ТРЕССА.

Запѣтки къ рецензій на „Полный русско-
латинскій словарь“ г. Орлова Р. ФОХТА.

Библиографія:

Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полко-
водцемъ. Объяснилъ Августъ Гофманъ Э. ВЕРТА.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе). Е. ШИМДА.

Редакторъ Е. Феофистовъ.

(Вышла 1-го августа)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтлонисъ учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прѣжніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.
